

161.1(075.8) Рус=923

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ПРОГРАММА КНИГОИЗДАНИЯ РОССИИ

Постановлением Совета Московского
ордена Ленина государственного
университета от 7 мая 1945 года
работа удостоена первой премии
имени Ломоносова 1945 года

В 1947 году книга была утверждена
Министерством высшего образования СССР
в качестве учебного пособия для высших учебных заведений

Виноградов В. В.

Русский язык (Грамматическое учение о слове)/ Под. ред. Г. А. Золотовой.
— 4-е изд. — М.: Рус. яз., 2001. — 720 с.

ISBN 5-200-03017-X

Книга выдающегося ученого академика В. В. Виноградова представляет собой классический труд по русской филологии. В нем решены важнейшие проблемы грамматической теории. Дано описание морфологии русского языка. Содержится анализ не только форм слов, но и их значений. Изложены идеи, позволяющие составить представление об основных положениях синтаксического учения автора.

В настоящее издание в качестве приложения включен первый раздел 1-го выпуска исследования «Современный русский язык» (М., 1938), отражающий взгляды русских лингвистов конца XIX и первой половины XX столетия.

УДК 811.161.1(075.») ББК81.2Рус=923

Ю-03017-X

О В. В. Виноградов, текст, 1947.

О В. М. Мальцева, текст, 2001. О Издательство «Русский язык», **оформление**, 2001.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

У творчества академика Виктора Владимировича Виноградова (1896—1969) счастливая судьба: оно живет, оно востребовано и через десятилетия после смерти выдающегося ученого. Представление 4-го издания его книги «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» требует напомнить, что она сохраняется во всех списках обязательной литературы для студентов и аспирантов филологических специальностей, используется исследователями самых разных направлений и интересов и как теоретический труд, и как непревзойденное собрание фактов русского языка, служит предметом изучения как классическое произведение отечественного языкознания XX века.

В прекрасном предисловии ко 2-му изданию книги ныне, к сожалению, покойных профессоров В. А. Белошапковой и Н. Н. Прокоповича, учеников, соратников и преданных друзей Виктора Владимировича Виноградова, четко обрисовано место грамматики в его концепции русского языка. Исходя из мысли о теснейшей взаимной связи и обусловленности всех сторон языка, он описывал морфологию с учетом ее синтаксического функционирования, постоянно также обращаясь к словообразованию и семантике, к лексике и фразеологии — так сказать, к «лексикологическому учению о слове». Поэтому анализ форм слов сочленен с их значениями и использованием в речи:

«Учение о формах слова здесь обращено к содержательной стороне грамматики; оно строится так, что в центре его стоят вопросы грамматической семантики. В связи с этим в книге содержится много синтаксических идей, так что она позволяет составить представление об основных положениях синтаксического учения... «Русский язык» — не только собственно грамматическое исследование: в нем дан полный перечень аффиксального именного и глагольного словообразования. Кроме того, содержание книги далеко выходит за рамки синхронного описания современного русского языка... «Русский язык» связан и с работами В. В. Виноградова, посвященными другим, как будто бы далеким от грамматики вопросам... Грамматика для В. В. Виноградова неразрывно связана также со стилистикой... грамматическое учение о слове В. В. Виноградова направлено на изучение языковой действительности во всей ее многогранности и сложности, ему глубоко чужды какие бы то ни было способы упрощения лингвистического объекта».

Жаль, что задуманные В. В. Виноградовым учение о синтаксисе словосочетаний и предложений и «лексикологическое учение о слове» не получили столь монументального изложения, хотя им посвящены десятки и десятки отдельных статей. Впрочем, уместно упомянуть посмертно изданное громадное собрание исследованных им слов и выражений «История слов» (М., 1994). Ясен, однако, урок, преподанный книгой «Русский язык» и всем творчеством В. В. Виноградова: формальное, системное и структурное, описание русской (да, видимо, и любого другого) языка ущербно без принципиально-последовательного обращения к функционированию и, выражаясь современным термином, «человеческому измерению» — т. е. антропологии, исто-Рии, психологии, культурологии, в которой на переднем плане стоит великая русская художественная литература, творчество А. С. Пушкина и других ее вершинных гениев.

Представление обо всем творчестве выдающегося ученого можно получить из шести томов его «Избранных трудов», изданных Комиссией по наследию в 1975—1990 гг. Круг идей, пронизывающих большинство его работ, во многом определен именно в книге «Русский язык», непреходящее значение которой удачно изложила в четырех тезисах профессор Г. А. Золотова — автор краткого и емкого предисловия к 3-му, исправленному изданию книги:

«отражает глубокое понимание задач и перспектив лингвистической науки, чем особенно поучительна для филологов молодого поколения;

представляет опыт осмысления языкового строя не в отвлеченных схемах, а во всем богатстве и многообразии русской речи, в живой динамике ее исторического движения;

аккумулирует знания о русском языке, накопленные русской и мировой лингвистической мыслью, с диалектических позиций оценивает их, учит соотносить факты языка с научными концепциями;

неустанно привлекает внимание читателя к нерешенным вопросам, недостаточно изученным фактам и аспектам русского языка, сохраняя тем самым не только объяснительную, но и побудительную действенность, оставаясь для многочисленных последователей В. В. Виноградова как бы его научным завещанием.»

История представляемой книги, знавшая и неумно-злые нападки, и высшие премии, восходит к двум выпускам исследования «Современный русский язык» (М., 1938). Сравнительно небольшой по объему первый выпуск можно охарактеризовать как историографический; его материал вошел кусочками в главы и параграфы окончательного текста, но в результате этого разброса утратилась его самостоятельность как раздела «Из истории вопроса». Поскольку изложение В. В. Виноградовым взглядов крупнейших русских языковедов ценно само по себе, публикаторы настоящего издания сочли полезным переиздать эти этюды в качестве приложения.

Книга «Русский язык» учит не только русскому языку, но и умению его исследовать. Из нее думающий читатель легко почерпнет приемы формального и содержательного анализа, и — главное — очень бережного, внимательного, любовного отношения к каждому факту, отдельному примеру. Интерпретации могут быть разными, но сами факты только истинными.

В. Г. Костомаров

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

«Русский язык» - один из главных трудов академика В. В. Виноградова, крупнейшего филолога нашего времени, - стал необходимой книгой не одного поколения русистов, языковедов, филологов. Издание 1947 года - теперь библиографическая редкость, второе издание — 1972 года — не полностью удовлетворило потребность в ней, а с тех пор подросло и новое поколение ее читателей.

Время не ослабляет, напротив, подтверждает силу и значительность комплекса научных идей, заложенных в этой книге. Весь ход развития грамматической науки последних десятилетий как бы высветил аксиоматичность одной из ведущих виноградовских идей, пронизывающих «Русский язык», - о взаимодействии лексики и грамматики. Пережитые лингвистами за эти годы дискуссии о надобности семантики для грамматики, поиски некоторыми научными направлениями чисто формальных способов описания, не достигшие научной значимости, привели абсолютное большинство лингвистов к необходимости исследования взаимодействия лексики и грамматики, к осознанию магистральности этого пути.

Не только утверждением самой идеи, но реализацией ее в блестящих анализах смысловой сущности грамматических явлений, при неизменном подчеркивании неразрывной связи языка и общественного сознания, В. В. Виноградов как бы опередил на несколько десятилетий свое время. Эта методология определила убедительность решения В. В. Виноградовым ряда важнейших дискуссионных проблем грамматической теории: принципов классификации частей речи, определения основных грамматических понятий, смысловой структуры слова, типологии фразеологических значений, системы глагольных категорий, словообразовательных моделей, соотношения слова и предложения. В «Русском языке» В. В. Виноградовым изложены и основы его концепции синтаксического строя русского языка.

Непреодолимое значение этой книги в том, что она

отражает глубокое понимание задач и перспектив лингвистической науки, чем особенно поучительна для филологов молодого поколения;

представляет опыт осмысления языкового строя не в отвлеченных схемах, а во всем богатстве и многообразии русской речи, в живой динамике ее исторического движения;

аккумулирует знания о русском языке, накопленные русской и мировой лингвистической мыслью, с диалектических позиций оценивает их, учит соотносить факты языка с научными концепциями;

неустанно привлекает внимание читателя к нерешенным вопросам, недостаточно изученным фактам и аспектам русского языка, сохраняя тем самым не только объяснительную, но и побудительную действенность, оставаясь для многочисленных последователей В. В. Виноградова как бы его научным завещанием.

Таким образом, обращенная к будущему книга учит любви к языку и к науке о языке, в ее научной силе — сила и глубокого педагогического воздействия.

При подготовке настоящего издания проведена работа по уточнению ссылок и цитат, упорядочению библиографических комментариев.

Г. А. Золотова

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Академик Виктор Владимирович Виноградов — выдающийся представитель советской филологической науки, ученый блестящего дарования и исключительного трудолюбия, славист с мировой известностью и огромным авторитетом. Развитие и успехи отечественного языкознания в советскую эпоху неразрывно связаны с его именем.

Научное наследие академика Виноградова огромно. По предварительным подсчетам объем его равен собранию в 30 томов по 30 печатных листов каждый (т. е. всего около 1000 печатных листов)¹.

Труды В. В. Виноградова представляют собой особый этап в развитии науки о русском языке. Подытоживая более чем полутораветковой ее путь, они закладывали прочные основы современных научных представлений во всех областях науки о русском языке, открывали новые перспективы и выдвигали новые методы и приемы исследования и описания русского языка.

Принципиальный и последовательный противник схематизма в изучении и классификации языковых фактов и явлений, В. В. Виноградов отлично видел системный характер языка, понимал необходимость тщательного изучения его структуры в неразрывной связи с ее функциями. Его труды опираются на богатейший фактический материал, изучаемый и описываемый во всей сложности, а нередко и противоречивости. Изучаемые языковые явления рассматриваются в тесной связи и взаимодействии друг с другом, в широком историческом аспекте. Они не только описываются, но и объясняются.

В трудах В. В. Виноградова тончайший анализ отдельных частных фактов и явлений языковой действительности сочетается с рассмотрением их с точки зрения общей теории языка, за ними раскрываются широкие перспективы, они служат материалом для больших теоретических обобщений, выдвигают новые задачи и аспекты исследования.

Научный метод, который характерен для трудов В. В. Виноградова, требует от исследователя знаний не только в области языка, но и в широкой области культуры, литературы, философии, общей истории народа — носителя языка. Такой энциклопедизм в большой степени был присущ академику Виноградову. Он был филологом в широком смысле слова. В его лице счастливо сочетались выдающийся лингвист и видный литературовед. Это благотворно сказалось на его как собственно лингвистических, так и литературоведческих трудах и размышлениях. Он не только прокламировал, но и убедительно доказывал своими работами необходимость и возможность взаимодействия двух сторон научного анализа. Вместе с тем им были намечены принципиальные линии, дан ключ к пониманию и установлению специфических особенностей каждой из них.

Исключительно разнообразны были научные интересы В. В. Виноградова, и всегда актуальна тематика его трудов. Уже в 20-е годы он увлеченно работает в области теории и истории языка, художественной литературы и истории литературного языка.

¹ [Комиссией по наследию В. В. Виноградова; изданы при ЛИ СССР следующие его труды: «Исследования по русской грамматике» (1975), «Полиция русской литературы» (1976), «Лексикологии и лексикологии языка» (1977), «История русского литературного языка» (1978), «О языке художественной прозы» (1980).]

В 1934 г. вышли в свет его «Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX вв.» (2-е издание — 1938 г.)¹. Этот первый в славистике систематический курс истории литературного языка послужил основой для новой отрасли науки о русском языке и новой учебной дисциплины в филологических вузах.

Проблемы истории литературы, поэтики, стилистики, русская художественная речь, язык крупнейших русских писателей от Пушкина, Гоголя и Лермонтова до Горького, А. Н. Толстого, Федина подверглись глубокому и всестороннему изучению. Только в последние годы жизни В. В. Виноградова вышли в свет четыре его монографии, тесно связанные друг с другом, как бы дополняющие друг друга: «О языке художественной литературы» (М., 1959), «Проблемы авторства и теория стилей» (М., 1961), «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (М., 1963) и «Сюжет и стиль» (М., 1963). Интенсивную исследовательскую работу в этой области он не оставляет буквально до последних дней своей жизни, его последняя монография «О теории художественной речи» (12 п. л.) была опубликована в 1971 г., уже после его смерти. Значение этих книг трудно переоценить. Они могут служить основой для отдельной научной дисциплины, занимающей промежуточное положение между языкознанием и литературоведением,— науки о языке художественной литературы.

Внимание В. В. Виноградова неизменно привлекала текстология (атрибуция текста). Опираясь на свои теоретические положения, он установил авторство целого ряда текстов и тем самым вернул читателям сотни страниц Карамзина, Пушкина, Достоевского и других авторов.

Много и плодотворно трудился В. В. Виноградов и в области лексикологии, фразеологии и лексикографии. Он является основоположником отечественной фразеологии как науки. Богатейшие фразеологические средства русского языка хотя и привлекали внимание ученых, но до работ академика Виноградова не подвергались теоретическому осмыслению, систематическому изучению и классификации (см. с. 27-33 этой книги). Поистине огромную работу провел он на протяжении всей своей жизни по изучению истории отдельных слов и выражений²; он является одним из создателей «Толкового словаря русского языка», вышедшего в 4-х томах под редакцией Д. Н. Ушакова; им проведен ряд исследований и опубликован ряд статей по лексикологии и лексикографии. Из этих работ нужно выделить такие основополагающие, как «Основные типы лексических значений слова» (Вопросы языкознания, 1953, № 5), «О некоторых вопросах русской исторической лексикологии» (Известия АН СССР, ОЛЯ, 1953, т. 12, в. 3)³. С этим кругом исследований тесно связаны работы по словообразованию.

Исключительно велика роль трудов В. В. Виноградова в области грамматики. Выдвинутые и разработанные в них принципы построения и описания грамматической системы оказали решающее влияние на развитие грамматической мысли советских языковедов.

Уже в конце 20-х годов В. В. Виноградова привлекла к себе проблема частей речи. Развивая идеи А. А. Шахматова и Л. В. Щербы, он создал стройную и оригинальную концепцию частей речи, отразившуюся в позднейших его трудах по грамматике. В 1938 г. двумя выпусками выходит в свет его книга «Современный русский язык». Затем, продолжая работу в области русской грамматики, он публикует ряд исключительно важных в теоретическом отношении статей.

Подготовленный названными исследованиями, в 1947 г. выходит в свет его труд «Русский язык» (Грамматическое учение о слове). Этот труд, еще в рукописи Московский университет удостоил Ломоносовской премии, позднее, в 1951 г., он был отмечен присуждением Государственной премии.

Книга «Русский язык» занимает особое место в творческом наследии В. В. Виноградова. «Русский язык» В. В. Виноградова гораздо больше, чем описание морфологии современного русского языка. Эта книга содержит анализ не только форм слов, но и их значений. Учение о формах слова здесь обращено к содержательной стороне грамматики; оно строится так, что в центре его стоят

¹ [3-е издание книги осуществлено в 1982 г.]

² [Эта часть научного наследия В. В. Виноградова еще не опубликована. Институт русского языка АН СССР готовит ее к публикации в виде отдельного издания объемом около 60 п. л.]

■ [Указанные статьи вошли в книгу: *Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология лексикография. М., 1977.*]

вопросы грамматической семантики. В связи с этим в книге содержится много синтаксических идей, так что она позволяет составить представление об основных положениях синтаксического учения автора¹.

Но «Русский язык» - не только собственно грамматическое исследование: в нем дан полный перечень аффиксального именного и глагольного словообразования. Кроме того, содержание книги далеко выходит за рамки синхронного описания современного русского языка.

Книга писалась в 30-40-е годы, когда научные занятия В. В. Виноградова уже приобрели ту беспримерную широту, разносторонность и интенсивность, которые поражают при изучении его научного наследия.

Ближайшим образом «Русский язык» связан с другими работами В. В. Виноградова по грамматике, которые подготавливали или развивали определенные положения его грамматической концепции. Среди этих работ наиболее интересны и значительны статьи «О грамматической омонимии в современном русском языке» (Русский язык в школе, 1940, № 1); «О формах слова» (Известия АН СССР, ОЛЯ, т. 3, в. 1, 1944); «О категории модальности и модальных словах в русском языке» (Труды института русского языка АН СССР, т. 2, 1950); «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии» (сб.: Вопросы теории и истории языка, АН СССР, 1952)².

Особенно тесная связь существует между книгой «Русский язык» и уже упомянутой книгой «Современный русский язык», в которой грамматическая концепция В. В. Виноградова впервые была систематично изложена, что отмечается в авторском предисловии к «Русскому языку». В книге же «Русский язык» эта концепция получает более глубокое обоснование и более полное и развернутое изложение.

«Русский язык» связан и с работами В. В. Виноградова, посвященными другим, как будто бы далеким от грамматики вопросам. В своем предисловии В. В. Виноградов пишет, что параллельно с работой над «Русским языком» он работал над «Исторической лексикологией русского языка» - и эта работа «не могла не отразиться и на изложении грамматического учения о слове». И действительно. «Русский язык» содержит многочисленные сведения из истории русской лексики и словообразования. Так, описание словообразовательных классов разных частей речи в «Русском языке» постоянно сопровождается историко-стилистическими комментариями, показывающими развитие лексики в рамках тех или иных словообразовательных классов и ее движение в стилистической системе языка; ср., например, замечания о протекающей с середины XIX века «канонизации сцепления суффикса *-ист-* с чисто русскими основами» (с. 94), о сохранении видовых оттенков в отглагольных существительных на *-ние*, *-тие* в официально-канцелярской речи конца XVIII - начала XIX века (с. 106), о расширении с середины XIX века сферы употребления суффикса *-щин* (*a*) (с. 122) и под. в главе «Имя существительное».

Очевидна связь «Русского языка» и с работами по стилистике художественной речи: по всей книге рассеяны многочисленные комментарии употребления грамматических форм мастерами слова, раскрывающие экспрессивно-стилистические функции грамматических форм (см., например, замечания о выражении формами

¹ В. В. Виноградов писал в своем предисловии к «Русскому языку», что следующей его книгой будет «Синтаксис русского языка». Этот замысел в полном объеме не осуществился:

В. В. Виноградов успел написать лишь программное Введение к синтаксическому тому Грамматики русского языка (АН СССР, 1954), который написан другими авторами и не может рассматриваться как реализация синтаксической концепции В. В. Виноградова; статьи «Вопросы изучения словосочетаний» (Вопросы языкознания, 1954, № 3), «Основные вопросы синтаксиса предложения» (сб.: Вопросы грамматического строя, АН СССР, 1955), развивающие основные идеи Введения [эти работы вошли в книгу: Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975], и историографическую книгу «Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Фортунатова)» (1958).

² [Эти статьи включены в книгу: Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по

русской грамматике. М., 1975]

¹ Книга не была написана, хотя работать над ней В. В. Виноградов не переставал до конца своих дней. [Наиболее значительные статьи по вопросам исторической лексикологии включены в книгу: *Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография*. М., 1977.1

субъективной оценки «разнообразных оттенков экспрессии» у существительных (с. 101), об экспрессивных функциях форм лица, в частности о разных степенях и видах устранения лая геля в формах 3-го лица глагола (с. 380 — 383), об «описательности» форм прошедшего несовершенного и «повествовательности» форм прошедшего совершенного (с. 454 — 459).

Все по разнообразное содержание объединяется авторским замыслом книги как «грамматического учения о слове», вытекающим из свойственного В. В. Виноградову понимания грамматики, ее места в системе языка и вообще языкового факта как предмета лингвистики.

Для В. В. Виноградова слово «представляет собою внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений» и вместе с тем «фокус соединения и взаимодействия грамматических категорий языка» (с. 22), и поэтому оно - основная единица языка, а грамматика — центр языковой системы, т.к. «семантические контуры слова, внутренняя связь его значений, его смысловый объем определяется грамматическим строем языка» (с. 23). Отсюда закономерно вытекает провозглашение взаимодействия между грамматикой и лексикой, необходимости изучать их в тесной связи. «Изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны, без учета взаимодействия лексических и грамматических значений невозможно», — полемически заостренно пишет об этом В. В. Виноградов (с. 16). В книге «Русский язык» эта основополагающая мысль получила конкретное воплощение. Она лежит в основе анализа всех грамматических категорий и форм.

С нею связан и выдвигаемый В. В. Виноградовым взгляд на словообразование как особый участок языковой системы, взаимодействующий, с одной стороны, с грамматикой в узком понимании, с другой — с лексикой. Включение словообразования в грамматическое учение о слове обосновывается тем, что словообразовательная структура слова определяется его грамматическими свойствами: принадлежностью к определенной части речи и к определенному морфологическому (выделяемому по формообразовательным признакам) типу внутри части речи. В соответствии с этим типы именного словообразования распределены по морфологическим классам слов, образуемых на их основе.

Грамматика для В. В. Виноградова неразрывно связана также со стилистикой. Глубоко типично для него заявление: «Грамматика русского глагола органически сплетается с ею стилистикой» (с. 382). «Органическое сплетение» грамматики со стилистикой вытекает из убеждения В. В. Виноградова в том, что «каждый из объектов грамматики должен изучаться одновременно со стороны форм и функций» (с. 17). И «Русский язык», осуществляя этот принцип, показывает функционирование грамматических форм в разных речевых стилях и жанрах, реализацию их речевых возможностей в языке художественной литературы.

Таким образом, грамматическое учение о слове В. В. Виноградова направлено на изучение языковой действительности во всей ее многогранности и сложности, ему глубоко чужды какие бы то ни было способы упрощения лингвистического объекта. Это выдвигает В. В. Виноградова на совершенно особое место в русской и мировой науке XX века.

Неотъемлемой чертой творческого метода В. В. Виноградова является историзм. Принцип историзма определяет его понимание современного русского языка как предмета исследования. В. В. Виноградову, исследователю русской письменности и русской литературы, создателю новой отрасли науки о русском языке — истории русского литературного языка, современный русский литературный язык представлялся не только языком современности. Его границы рисовались значительно шире: от Пушкина, роль которого как родоначальника современного русского литературного языка в полной мере показал именно В. В. Виноградов, до наших дней. В этих границах современный русский язык и описывается в книге «Русский язык». В языковой действительности этого периода В. В. Виноградов видел единую сложную систему норм, наличие которой отличало ее от гораздо более пестрой языковой действительности предшествующих периодов.

И вместе с тем русский литературный язык на протяжении XIX — XX вв. не предстает в книге неизменным. В. В. Виноградов постоянно фиксирует замеченные им или другими исследователями изменения в грамматических формах, их значениях и функциях, в лексическом наполнении формообразовательных и словообразовательных типов.

Следуя принципу историзма, В. В. Виноградов последовательно различает в русском литературном языке своего времени живое и мертвое, продуктивное и непродуктивное. В абсолютном большинстве эти характеристики точны и для нашего времени. Лишь в отдельных случаях оценки формообразовательных и словообразовательных норм, данные в книге, уже не соответствуют современной языковой практике, но и тогда они интересны и ценны, так как фиксируют нормы 20-30-х годов, иногда в их локальных (в том числе и социально-диалектных) вариантах.

В. В. Виноградову в высшей степени было свойственно понимание того, что наука невозможна без преемственности идей; он был озабочен тем, что «многие светлые идеи, открытые прежней грамматикой или вновь выдвигаемые общим языкознанием, не находят применения в современных грамматических учениях» («Русский язык», с. 13), и боролся за то, чтобы плодотворные мысли и точные наблюдения, содержащиеся в работах русских лингвистов XIX в., не ушли из поля зрения современных исследователей. Книга «Русский язык» ярко отражает эту особенность научного мышления автора. В ней заключено богатейшее историко-лингвистическое содержание. По каждому из рассматриваемых в книге вопросов дается обширная справка о том, как к нему подходили грамматисты XIX в. и какие участки и стороны языковой системы открывал тот или иной подход.

«Русский язык» В. В. Виноградова показал богатство грамматических идей и наблюдений над закономерностями грамматической системы русского языка в русской науке, воскресил и вернул современникам и потомкам многие забытые или полузабытые мысли ученых, вклад которых в науку до появления «Русского языка» в должной мере не осознавался.

Творческая мысль В. В. Виноградова была обращена не только в прошлое науки, но и в ее будущее: обобщая сделанное, он ставил перед новыми исследователями очередные задачи. Многие из них актуальны до сих пор.

«Русский язык» В. В. Виноградова внес существенный вклад в развитие науки о русском языке и советского языкознания.

К этой книге восходят многие популярные в современной науке идеи. «Русский язык» способствовал углубленному изучению грамматических категорий современного русского языка — именных и глагольных: числа, рода, падежа, вида, времени, залога; послужил импульсом для ряда исследований, направленных на выяснение фактов между формообразованием и словообразованием в глаголе и имени; стимулировал интенсивное изучение словообразовательной системы русского языка и разработку теории словообразования. Синтаксические идеи, впервые высказанные в «Русском языке», стали отправными для нескольких концепций, получивших развернутое выражение в ряде фундаментальных работ. Созданное В. В. Виноградовым деление слов на «основные структурно-семантические типы»: 1) части речи (знаменательные слова), 2) частицы речи (служебные слова), 3) модальные слова и частицы, 4) междометия — и особенно его обоснование выделения модальных слов, а также выделение «категории состояния» как части речи содействовало обсуждению общих принципов выделения частей речи в разных языках.

«Русский язык» В. В. Виноградова имеет большое образовательное и воспитательное значение для высшей школы.

Эта книга вызывает интерес и любовь к русскому слову; сообщает массу ценных сведений, организованных и объединенных оригинальной концепцией большого ученого; учит вдумчивости и вниманию к языковой действительности; воспитывает научную скромность, сознание необходимости тщательно изучать и использовать все достижения научной мысли в прошлом и настоящем.

Этот замечательный труд блестяще выдержал проверку временем. Вот уже четверть века он служит основной, настольной книгой и исследователя грамматической строя русского языка и других славянских языков, и составителя учебником для разных звеньев советской школы, и профессора, идущего на лекцию к студентам, и самих студентов, когда они готовят свой самостоятельный доклад для специальной семинара или пишут курсовую или дипломную работу. «Русский язык» академика В. В. Виноградова получил широкое признание и за пределами нашей родины, оказал несомненное влияние на развитие грамматической мысли за рубежом, в первую очередь в славянских странах.

Комиссия по научному наследию В. В. Виноградова при Академии наук СССР приняла решение о необходимости переиздания книги.

В данном издании текст книги воспроизведен без изменений, опущено лишь несколько примеров из общественно-политических изданий. Так как некоторые труды, на которые ссылался В. В. Виноградов, после 1947 г. переиздавались и современный читатель пользуется преимущественно этими более поздними изданиями, редакторы сочли полезным добавить к авторским ссылкам новые, в которых указываются соответствующие страницы по изданиям, список которых приводится в конце книги. В отдельных случаях авторские ссылки уточнены. Все добавления редакторов выделяются из авторского текста квадратными скобками.

Н. Н. Прокопович В. А. Белошапкова

СПИСОК ИЗДАНИЙ, ПО КОТОРЫМ ДОПОЛНИТЕЛЬНО УКАЗАНЫ СТРАНИЦЫ ССЫЛОК*

Бодум де Куртснэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2-х т. М., 1963.

Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. В 2-х т. Киев, 1952 — 1953.

Булаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1965.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений, т. 7. Труды по филологии. М. —Л., 1952.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7. М., 1965.

Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 1—2. М., 1958. Т. 3. М., 1968.

Сепир Э. Язык. М.-Л., 1934.

Чернышев В. И. Избранные труды. В 2-х т. М., 1970.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958.

* Подготовлен редакторами второго издания книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В основе книги «Русский язык» (Грамматическое учение о слове) лежат два выпуска моего предшествующего исследования «Современный русский язык» (1938, вып. I и II). Но многие главы (не менее $\frac{1}{3}$) написаны заново, другие подверглись коренной переработке. Новые точки зрения и новый материал должны подкрепить и углубить ту грамматическую систему, которая в общих чертах уже наметилась в «Современном русском языке». Почти параллельно с книгой «Русский язык» я работал над «Исторической лексикологией русского языка». Эта работа не могла не отразиться и на изложении грамматического учения о слове.

Книга «Русский язык», содержащая грамматическое учение о слове, не является учебником, но она может быть пособием для учащихся филологических вузов, особенно для студентов, испытывающих тяготение к наблюдениям и размышлениям над живыми фактами русского языка, а также для аспирантов и преподавателей. Я поставил себе задачей — не только изложить свою систему грамматического учения, но и показать те пути, по которым двигалась лингвистическая мысль в поисках решения основных вопросов русской грамматики. Следующей книгой будет «Синтаксис русского языка». Те, кого не удовлетворит мое освещение разных грамматических вопросов, в своих разысканиях могут опереться на лингвистический опыт прошлого, нашедший достаточное отражение в моей книге.

В области грамматики современного русского языка особенно ощущается недостаток монографического исследования отдельных вопросов. К сожалению, в последнее время нередко появляются общие рассуждения на грамматические темы вместо тщательного подбора материала и его обдуманной грамматической характеристики. Я был бы счастлив, если бы моя книга побудила наших молодых лингвистов к углубленным разысканиям и исследованиям в области грамматики русского языка.

В. Виноградов

ВВЕДЕНИЕ В ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

О СЛОВЕ

§ (Основные причины разногласий в области современной грамматики)

Акад. А. И. Соболевский часто цитировал слова Готфрида Германна: «*Duae res longe sunt difficillimae — lexicon scribere et grammaticam*» («Два дела особенно трудны — это писать словарь и грамматику»). И действительно, составление грамматики любого языка сопряжено с величайшими трудностями - теоретическими и практическими. Объем и задачи грамматики не очерчены с достаточной ясностью. Приемы грамматического исследования у разных лингвистов очень разнородны. Так, в грамматике современного русского языка разногласий и противоречий больше, чем во всякой другой науке. Почему так? Можно указать две общие причины. Одна — чисто практическая. Грамматический строй русского языка плохо изучен. Освещение многих грамматических вопросов основывается на случайном материале. Важнейшие стороны грамматической системы русского языка, например относительное употребление глагольных времен, виды русского глагола, категория залога, значения предлогов, функции союзов, типы синтагм, способы их сочетания и распространения, модальные типы предложений, приемы сцепления предложений, проблемы сочинения и подчинения в строе предложений, остаются недостаточно обследованными. Фактический языковой материал, на который опираются русские грамматики самых различных направлений, беден и однообразен. Многие светлые идеи, открытые прежней грамматикой или вновь выдвигаемые общим языкознанием, не находят применения в современных грамматических учениях. Поэтому необходимо при построении грамматической системы современного русского языка глубже использовать лингвистическое наследство и шире привлекать свежие факты живого языка. Другая причина блужданий современной грамматики — в отсутствии прочных теоретических основ, в отсутствии определения или точного описания основных грамматических понятий, особенно понятий слова и предложения. Сила учения Потебни в значительной степени зависела от того, что Потебня в своих грамматических построениях опирался на глубокое понимание основных грамматических категорий — категорий слова и предложения. Если эти центральные понятия сбивчивы, грамматика превращается в каталог внешних форм речи или в отвлеченное описание элементарных логических категорий, обнаруживаемых в языке. Акад. А. А. Шахматов, приступив к работе над синтаксисом русского языка, прежде всего подверг лингвистическому анализу само понятие предложения*.

Таким образом, исследователь грамматики современного русского языка обязан раскрыть содержание тех грамматических понятий, которые он кладет в основу своего построения.

—* Ср. то же тяготение к пересмотру и более дифференцированному определению основных грамматических категорий в работе акад. И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи»³.

§ 2. Грамматика, ее объем и ее задачи

Термин *г р а м м а т и к а* — даже в лингвистической литературе — употребляется в двух значениях: и как учение о строе языка, и как синоним выражения «строй языка».

Под грамматикой обычно понимают систему языковых норм и категорий, определяющих приемы и типы строения слов, словосочетаний, синтагм и предложений, и самый отдел лингвистики, исследующий эту систему. В грамматике как учении о строе языка чаще всего намечают три части: 1) учение о слове и его формах, о способах образования слов и их форм; 2) учение о словосочетании, о его формах и его типах; 3) учение о предложении и его типах, о компонентах (составных частях) предложений, о приемах сцепления предложений, о сложном синтаксическом целом (фразе). Учение о грамматической структуре слов, о формах слов, об образовании слов и форм слов обычно называется *м о р ф о л о г и е й* и отделяется от *с и н т а к с и с а* как учения о словосочетании и предложении.

«...Морфология представляет, так сказать, инвентарь отдельных категорий слов и их форм, а синтаксис показывает все эти слова и формы в их движении и жизни — в предложении речи», — так формулировал эту точку зрения проф. В. А. Богородицкий³. Против такого деления грамматики есть серьезные возражения, так как границы между морфологией и синтаксисом очень неустойчивы и неопределенны. Часть грамматических явлений, относимых к морфологии, легко находит себе место в синтаксисе и лексикологии. Синтаксис не может обойтись без учения о слове как о составной части предложения. «...Всякое изменение слова по заданию предложения понятно лишь на его общем фоне и не может рассматриваться отдельно от него»⁴.

Другая часть морфологии, исследующая и излагающая методы образования слов, может войти в лексикологию, т. е. в учение о словаре, о закономерностях изменений лексической системы языка. Таким образом, положение морфологии как науки о строении и образовании слов и форм слов оказывается непрочным. Ф. де Соссюр писал: «Отделяя морфологию от синтаксиса, ссылаются на то, что объектом этого последнего являются присущие языковым единицам функции, тогда как морфология рассматривает только их форму... Но это различие — обманчиво... формы и функции образуют целое, и затруднительно, чтобы не сказать невозможно, их разъединить. С лингвистической точки зрения у морфологии нет своего реального и самостоятельного объекта изучения; она не может составить отличной от синтаксиса дисциплины»⁵. Мысль о том, что морфологию следует свести к синтаксису, стала общим местом некоторых направлений лингвистики. Так, например, С. Д. Кацнельсон заявляет: «Иллюзия независимости и автономности формы слова привела к отрыву морфологии от синтаксиса; поддаваясь иллюзии, наука долго рассматривала отдельное слово как исходный пункт грамматического анализа. Между тем, форма слова есть лишь частный случай формы словосочетания, проявляющейся здесь лишь в более сложном и искаженном виде. Форма слова подлежит поэтому сведению к формам словосочетания так же, как морфология в целом подлежит сведению к синтаксису»⁶.

На этой же почве возникает противопоставление синтаксиса лексикологии. С этой точки зрения происходит пересмотр отношений между синтаксисом и лексикологией. Некоторые лингвисты склонны и синтаксис, и лексикологию считать частями грамматики. Акад. И. И. Мещанинов пишет: «...учение о слове, выделяемое в особый отдел (лексикология), не может быть изъято из грамматического очерка. Нельзя учение о формальной стороне слова с его значимыми частями (морфемами) отделять от учения о значимости самого слова... <...> Изъятие лексикологии из грамматического очерка вредно

отражается также и на историческом понимании языковых категорий»⁷. Поэтому И. И. Мещанинов предлагает делить грамматику (за вычетом фонетики) на лексику (учение о слове в отдельности и о словосочетаниях лексического порядка) и синтаксис (учение о слове в предложении и о предложении в целом). Сама по себе мысль о тесной связи грамматики и словаря не нова.

Акад. Л. В. Щерба так проводил пограничную черту между описательной грамматикой и словарем: «В описательной «грамматике» должны изучаться лишь более или менее живые способы образования форм, слов и их сочетаний; остальное — дело словаря, который должен содержать, между прочим, и список морфем»⁸. Однако эта схема слишком прямолинейна. Она не затрагивает общего вопроса о скрещении и взаимодействии грамматики и лексики, а только очерчивает автономные области той и другой.

Шире эта проблема освещена в «Курсе общей лингвистики» де Соссюра. Де Соссюр указывал на взаимопроникновение грамматических и лексических форм и значений в живой системе языка. «...Логично ли исключать лексикологию из грамматики? На первый взгляд может показаться, что слова, как они даны в словаре, как будто бы не поддаются грамматическому изучению, какое обычно сосредоточивают на отношениях между отдельными единицами. Но... множество этих отношений может быть выражено с таким же успехом словами, как и грамматическими средствами»⁹.

С точки зрения функции лексический факт может сливаться с фактом грамматическим. Так, различие видов (совершенного и несовершенного) в русском языке выражено грамматически в случае *спросить* — *спрашивать* и лексикологически в случае *сказать* — *говорить* (ср.: *брать* — *взять*; *ловить* — *поймать*). «Множество отношений, в одних языках переводимых падежами или предлогами (или производными прилагательными), в других языках выражается сложными словами, приближающимися к собственно словам (фр. *royaume des cieux*, ц.-слав. *царство небесное*, нем. *Himmelreich*), или производными (фр. *moulin a vent*, русск. *ветряная мельница*, польск. *wiatrak*), или, наконец, простыми словами (фр. *bois de chauffage* и русск. *дрова*, фр. *bois de construction* и русск. *лес*).

...Всякое слово, не являющееся простой и неразложимой единицей, ничем существенным не отличается от члена фразы, т. е. факта синтаксического: распорядок составляющих его единиц низшего порядка подчиняется тем же основным принципам, как и образование словосочетаний. ...Взаимопроникновение морфологии, синтаксиса и лексикологии объясняется по существу тождественным характером всех синхронических фактов»¹⁰. Однако лексика не покрывается целиком грамматикой.

Лексика и грамматика «как бы два полюса, между которыми развивается вся система, два встречных течения, по которым направляется движение языка: с одной стороны, склонность к употреблению лексикологического инструмента — немотивированного знака, с другой стороны, предпочтение, оказываемое грамматическому инструменту — правилу конструкции»¹¹.

Еще решительнее зависимость грамматики от словаря утверждали Г. Шу-хардт и Н. Я. Марр. Акад. Марр писал: «Морфология... включает в себя не только так называемые грамматические категории, но также и словарь...» «Законы семантики затрагивают ближе всего сущность морфологии, потому что было бы недостаточно сказать, что в морфологии лишь отражается состояние общественной организации, — само состояние образования этой организации и ее общественных идей отлагается в морфологии»¹². Г. Шухардт высказывался в том же духе, заявляя, что суть грамматики состоит в учении о значениях и что словарь является лишь алфавитным индексом к грамматике¹⁻¹.

И все же безраздельное включение лексикологии в грамматику представляется недостаточно мотивированным. У лексикологии как учения о составе

и системе словаря, о закономерностях исторических изменений систем лексики и их внутренних взаимоотношениях с условиями быта, производства, с формами материальной культуры и социальных мировоззрений остается свой материал, свой метод и свой объект исследования. «Словарь овеществляет данную в языке и мышлении тенденцию к сознательному охвату отдельных вещей, свойств, явлений, процессов; грамматика же вырастает на основе тех общих связей, которые объединяют предметы, явления и т. д. <...> Вот почему такие конкретные значения, как *дом* или *дерево* и т. п., не могут по самой своей природе быть представлены в грамматике, а, с другой стороны, общие категории вроде «бытия» или «сущности» находят отражение в словаре исторически позже, чем в грамматике, на ступени, когда научная мысль открывает эти категории как отдельные конкретные моменты универсальной связи вещей и явлений в природе»¹⁴. Однако в реальной истории языка грамматические и лексические формы и значения органически связаны, постоянно влияют друг на друга. Поэтому изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны, без учета взаимодействия лексических и грамматических значений невозможно.

Если признать права лексикологии на самостоятельность — за пределами грамматики, то область грамматики становится областью почти безраздельного господства синтаксиса. Но и в самом синтаксисе центральная его часть — учение об основных синтаксических категориях, об основных синтаксических единицах (о словосочетании, о предложении, о сложном синтаксическом целом, о синтагме как компоненте этого сложного целого), об основных синтаксических отношениях (об отношениях модальности, об отношениях между членами предложения и об отношениях между предложениями) — будет окружена со всех сторон побочными, вводными темами, задачами и проблемами, которые не связаны непосредственно с изучением словосочетания и предложения. Эти вопросы группируются вокруг своих центров — учения о слове и его формах, учения о морфологических элементах и категориях, управляющих их связью, и т. п. Понятно, что и тут нередко вскрывается синтаксическая сущность морфологических категорий, но здесь выступают и другие формы и отношения, в которых сказывается синкретическая природа языка и которые лишь с большой натяжкой могут быть удержаны в системе синтаксиса.

В связи с этим само понятие синтаксиса становится расплывчатым, неопределенным.

Представляется более целесообразным при изложении грамматики современного русского языка исследовать и группировать грамматические факты исходя из грамматического изучения основных понятий и категорий языка, определяющих связи элементов и их функции в строе языка. А такими центральными понятиями являются понятия слова и предложения. Они соответствуют «основным единицам языка»¹⁵. Эти единицы исторически изменчивы и во всякой живой языковой системе соотносительны и дифференциальны. Словосочетание как единица языка обладает меньшей самостоятельностью и определенностью, чем слово и предложение. Кроме того, понятие словосочетания не соотносительно с понятием предложения. Целые разряды словосочетаний, ставших устойчивыми фразеологическими единицами, структурно сближаются с словами (ср.: *вверх дном*, *спустя рукава*, *бить баклуши* и т. п.). Напротив, в свободных фразах основным конструктивным элементом оказывается то же слово с его разнообразными грамматическими формами и лексическими значениями. Словосочетание — это сложное именование. Оно несет ту же номинативную функцию, что и слово. Оно так же, как и слово, может иметь целую систему форм. В области лексики этому понятию соответствует понятие о фразеологической единице языка.

Ф. де Соссюр заметил: «На первый взгляд кажется подходящим унодо-

бить огромное разнообразие фраз не меньшему разнообразию особей, составляющих какой-либо зоологический вид; но что иллюзия: у животных одного вида общие свойства гораздо существеннее, нежели разъединяющие их различия; напротив того, в фразах преобладает различие, и если поискать, что же их связывает на фоне всего этого разнообразия, то натолкнешься, не желая этого, опять же на слово с его грамматическими свойствами...»¹⁷ Однако что не значит, что теория словосочетания не может быть особым разделом грамматики. Типы словосочетаний, формы и правила их построения — необходимая часть грамматического учения. Но эта часть ближе к грамматическому учению о слове, чем к учению о предложении. Таким образом, наиболее рациональным делением грамматики (если не включать в нее фонетику) было бы деление ее на: 1) грамматическое учение о слове, 2) учение о словосочетании, 3) учение о предложении, 4) учение о сложном синтаксическом целом и о синтагмах как его составных частях.

Впрочем, третий и четвертый разделы грамматики большинством лингвистов объединяются, хотя такое объединение чаще всего приводит к двусмысленности или неопределенности таких понятий, как «предложение», «фраза», «синтагма».

Понятно, что каждый из этих основных объектов грамматики должен изучаться одновременно со стороны форм и функций. «Материальная единица существует лишь в меру своего смысла, в меру той функции, которою она облечена...»¹⁸

§ 3. Смысловая структура слова

Проблема слова в языкознании еще не может считаться всесторонне освещенной. Не подлежит сомнению, что понимание категории слова и содержание категории слова исторически менялись. Структура слова неоднородна в языках разных систем и на разных стадиях развития языка. Но если даже отвлечься от сложных вопросов истории слова как языковой категории, соотносительной с категорией предложения, в самом описании смысловой структуры слова еще останется много неясного. «...До сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными», — заявлял Ф. де Соссюр, касаясь вопроса о слове¹⁹. Лингвисты избегают давать определение слова или исчерпывающее описание его структуры, охотно ограничивая свою задачу указанием лишь некоторых внешних (преимущественно фонетических) или внутренних (грамматических или лексико-семантических) признаков слова. При одностороннем подходе к слову сразу же выступает противоречивая сложность его структуры и общее понятие слова дробится на множество эмпирических разновидностей слов. Являются «слова фонетические», «слова грамматические», «слова лексические».

Фонетические границы слова, отмечаемые в разных языках особыми фонологическими сигналами (например, в русском языке силовым ударением и связанными с ним явлениями произношения, оглушением конечных звонких согласных и отсутствием регрессивной ассимиляции по мягкости на конце), бывают в некоторых языках (например, в немецком) не так резко очерчены, как границы между морфемами (т. е. значимыми частями слов — корневыми или грамматическими элементами речи)²⁰. С другой стороны, фонетическая грань между словом и фразой, т. е. тесной группой слов, во многих случаях также представляется неустойчивой, подвижной. Например, во французском языке «слова фонетически ничем не выделяются», а в звуковом потоке обособляются «группы слов, выражающие в процессе речи единое смысловое целое», так называемые «динамические, или ритмические, группы»¹.

Если рассматривать структуру слова с грамматической точки зрения, то

целостность и единство слова также оказываются в значительной степени иллюзорными.

А. Noreen определял слово так: это «независимая морфема (un morpheme independant), которую наше языковое чутье воспринимает как целое по звуку и значению, так что она или ощущается неразложимой на более мелкие морфемы (например, *здесь, почти, там*), или — в случае, если это можно сделать,—она воспринимается независимо от значения этих более мелких, составляющих ее морфем»²². В этом последнем случае, при понимании и употреблении слова, по мнению Норейна, не думают или не хотят думать о значении его составных частей. Но и это определение чересчур шатко. В высказывании *надо было приоткрыть сундук, а не открывать его совсем* приставка *при-* очень заметно выступает как значимая единица речи. Кроме того, под определение Норейна решительно не подходят служебные слова, но легко подводятся целые словосочетания. Проще всего в грамматической плоскости рассматривать слово как предельный минимум предложения (Sweet, Sapir, Щерба). «...Слово есть один из мельчайших вполне самодовлеющих кусочков изолированного «смысла», к которому сводится предложение»,—формулирует Сепир — Однако не все типы слов с одинаковым удобством укладываются в эту формулу. Ведь «есть очень много слов, которые являются только морфемами, и морфем, которые иногда еще являются словами»²⁴. Слово может выражать и единичное понятие, конкретное, абстрактное, и общую идею отношения (как, например, предлоги *от* или *од* или союз *и*), и законченную мысль (например, афоризм Козьмы Пруткова: «Бди!»). Правда, глубокая разница между словами и морфемами как будто обнаруживается в том, что только слово способно более или менее свободно перемещаться в пределах предложения, а морфемы, входящие в состав слова, обычно неподвижны²⁵ (однако ср., например: *лизоблюд* и *блюдолиз*, *скалозуб* и *зубоскал* или *любомудр* и *мудролюб*; но *щелкопер* и *перощелк* — величины разнородные). Способность слова передвигаться и менять места внутри предложения различна в разных языках. Следовательно, и этот критерий самостоятельности и обособленности слова зыбок, текуч. В таких языках, как русский, отличие слова от морфемы поддерживается невозможностью вклинить другие слова или словосочетания внутрь одного и того же слова. Но все эти признаки имеют разную ценность в применении к разным категориям слов. Например, *никто*, но *ни к кому*; *некому*, но *не у кого*; *потому что*, но *я потому не писал, что твои адрес потерял* и т. п. (ср.: *есть где*, но *негде*, *нездоровится*, но *не очень здоро-вйтс.ч* при отсутствии слова *здоровится* и т. п.).

Такие модальные («вводные») слова и частицы, как *знать* («Аи, Моська! *татья* она сильна, что лает на Слона!»), *дескать*, *мол* и т. п., вовсе не способны быть потенциальным минимумом предложения и лишены самостоятельного значения. В этом отношении даже союзы и предлоги счастливей. Например, у Тургенева в повести «Бретер»:

— Лучков неловок и груб,—с трудом выговорил Кистер: — но...

— Что *но*? Как вам не стыдно говорить *not* Он ируб, *и* неловок, *и* зол, *и* самолю бив... Слышите: *и*, а не *но*.

Или у того же Тургенева в «Фаусте»:

— Вы и оворнте, — сказала она наконец,—читать поэтические произведения *и* по лезно *и* приятно... Я думаю, надо заранее выбрать в жизни: *или* полезное, *или* приятное, и как уже решиться, раз навсегда. И я когда-то хотела соединить *и* то и другое... Это невозможно и ведет к гибели или к пошлости.

Таким образом, и с грамматической (а также лексико-семантической) точки зрения обнаруживается разнообразие типов слов и отсутствие общих

устойчивых признаков в них. Не все слова способны быть названиями, не все являются членами предложения*.

Даже формы соотношений и отношений между категориями слова и предложения в данной языковой системе очень разнообразны. Они зависят от присущих языку методов образования слов и методов связывания слов в более крупные единства. «Чем синтетичнее язык, иначе говоря, чем явственнее роль каждого слова в предложении указывается его собственными ресурсами, тем меньше надобности обращаться, минуя слово, к предложению в целом»²⁷. Но, с другой стороны, в структуре самого слова смысловые элементы соотносятся, сочетаются друг с другом по строго определенным законам и примыкают друг к другу в строго определенной последовательности. А это значит, что слово, состоящее не из одного корневого элемента, а из нескольких морфем, «есть кристаллизация предложения или какого-то отрывка предложения».

На фоне этих противоречий возникает мысль, что в системе языка слово есть только форма отношений между морфемами и предложениями, которые являются основными функциональными единицами речи. Оно есть «нечто определенным образом оформленное, берущее то побольше, то поменьше из концептуального материала всей мысли в целом в зависимости от «духа» данного языка»²⁸. Удобство этой формулы состоит в том, что она широка и расплывчата. Под нее подойдут самые далекие грамматические и семантические типы слов: и слова-названия, и формальные, связочные слова, и междометия, и модальные слова. Ей не противоречит и употребление морфем в качестве слов. Например, у Белинского: «Между русскими есть много галломанов, англоманов, германоманов и разных других «манов». В русском переводе (Н. А. Шишмаревой) романа Ч. Диккенса «Наш общий друг»: «Насколько ему известно, он вовсе не расположен к централизации да и вообще к какой бы то ни было изации».

Однако формула Сепира удобна, но малосодержательна. Она не уясняет ни предметно-смыслового содержания слова, ни способов выражения и кристаллизации этого содержания в слове. Она лишь направляет и обязывает к уяснению всех элементов смысловой структуры слова. Очевидно, что при всем многообразии грамматико-семантических типов слов в их конструктивных элементах много общего. Различны лишь сложность и соотношение разных смысловых оболочек в структуре слов, а также функциональное содержание и связанное с ним грамматическое оформление разных видов слов. Недаром Ф. де Соссюр писал: «...слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка...»²⁹

Не надо лишь придавать преувеличенное значение формальным противоречиям и переходным типам, а следует глубже вникнуть во все элементы смысловой структуры слова. Именно по этому пути шли такие замечательные лингвисты, как В. Гумбольдт, А. А. Потебня, Н. Я. Марр, Л. В. Щерба.

—* *Emile Sclaf* в статье «Le mol» также указывает на то, что удовлетворительного определения слова пег. Пожалуй, большая часть таких определений исходит из ложного убеждения, будто слово — это языковое выражение отдельного понятия (*l'expression linguistique d'une notion parlée*). Но в этих определениях смешиваются языковые и логические категории. Ведь с этой точки зрения словом будет не только «треугольник»), но и «фигура, ограниченная тремя взаимно пересекающимися прямыми, образующими три внутренних угла». Сказать же, что «слово — звук или звуковой комплекс, выражающий значение», было бы слишком мало. Точно так же бесплодны и малосодержательны все фонетические определения слова как «группы фонем, объединенных вокруг одного главного ударения». По мнению Э. Сеттга. ближе к реальной природе объяснения слова как морфологического единства, как самой маленькой независимой части (*les plus petites parties indépendantes du langage*), как предельного минимума предложения, хотя ним сказано еще очень мало⁻¹¹.

При описании смысловой структуры слова рельефнее выступают различия между основными семантическими типами слов и шире уясняется роль грамматических факторов в разных категориях слов. Пониманию строя слова нередко мешает многозначность термина «значение». Опасности, связанные с недифференцированным употреблением этого понятия, дают себя знать в таком поверхностном и ошибочном, но идущем исстари и очень распространенном определении слова: «Словами являются звуки речи в их значениях...» (иначе: «Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово»)³⁰. Если бы структура слова была только двусторонней, состояла лишь из звука и значения, то в языке для всякого нового понятия и представления, для всякого нового оттенка в мыслях и чувствах должны были бы существовать или возникать особые, отдельные слова.

В действительности же дело обстоит не так. «...Великим заблуждением,— говорит! Ф. де Соссюр, — является взгляд на языковой элемент просто как на соединение некоего звука с неким понятием. Определить его так, значило бы изолировать его от системы, в состав которой он входит; это повело бы к ложной мысли, будто возможно начинать с языковых элементов и из их суммы строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до заключенных в нем элементов»³¹. Но в языковой системе и звуки речи значимы, осмысленны. На это указывал еще В. Гумбольдт. Правда, «лишь в редких случаях,—говорил В. Гумбольдт,— можно распознать определенную связь звуков языка с его духом. Однако даже в наречиях (того же языка) незначительные изменения гласных, мало изменяющие язык в общем, по праву могут быть относимы к состоянию духа народа (*Gemüthsbeschaffenheit*)»³². По мнению В. Гумбольдта, связь звуковой формы с внутренними языковыми законами достигает высшего предела в проникновении их друг другом³³.

Однако только в относительно редких случаях звукоподражаний, звуковых метафор и своеобразных звуковых жестов естественная связь звука и значения очевидна непосредственно³⁴. Но опосредствованная внутренними отношениями языка как системы разнообразных смысловых элементов, она может быть открыта по разным направлениям. Само понятие фонемы и фонологической системы языка основано на признании громадной роли звуковой стороны в смысловой структуре языка вообще и слова в частности. В этом отношении даже эксперименты футуристов не лишены принципиального значения. Ведь В. Хлебников искал «способ изучать замену значения слов, вытекающую из замены одного звука другим»³⁻¹.

И гак, уже звуковая форма слова оказывается источником разнообразных смысловых оттенков.

Еще сложнее и разнообразнее те воплощенные в звуковой комплекс слова элементы мысли или мышления, которые прикрываются общим именем «значения».

Общеизвестно, что прежде всего слово исполняет номинативную, или дефинитивную, функцию, т. е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно - простой знак, или средством логического определения, тогда оно - научный термин.

Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности, служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения слова, в сущности, еще лишены соотносительных языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически. С точки зрения вещественных отношений связь между *стол* и *столовая*, между *гость*, *гости*-

ней и *угостить*, между *дуб* и *дубина*, между *жила* в прямом номинативном значении и глаголами *зажилить*, *ужилить* и т. д. оказывается немотивированной и случайной.

Значение слова далеко не совпадает с содержащимся в нем указанием на предмет, с его функцией названия, с его предметной отнесенностью (*gegen-standliche Beziehung*)³⁶.

В той мере, в какой слово содержит в себе указание на предмет, необходимо для понимания языка знать обозначаемые словами предметы, необходимо знать весь круг соответствующей материальной культуры. Одни и те же названия в разные эпохи обозначают разные предметы и разные понятия. С другой стороны, каждая социальная среда характеризуется своеобразием своих обозначений. Одни и те же предметы по-разному осмысляются людьми разного образования, разного мировоззрения, разных профессиональных навыков. Поэтому одно и то же русское слово как указание на предмет включает в себя разное содержание в речи разных социальных или культурных групп.

Необходимость считается при изучении истории слов с историей обозначаемых ими вещей общепризнана ■".

Как название, как указание на предмет слово является вещью культурно-исторической. «Там, где есть общность культуры и техники, слово указывает на один и тот же предмет; там, где она нарушается, дробится и значение слова»³⁸.

Функциональные и социально-бытовые связи вещей отражаются на исторической судьбе названий.

«Имя свидетельствует, что общественный разум уже пытался назначить этому предмету определенное место в единстве более общего целого», — сказал Лотце.

Однако легко заметить, что далеко не все типы слов выполняют номинативную, или дефинитивную, функцию. Ее лишены все служебные слова, в смысловой структуре которых преобладают чисто грамматические значения и отношения. Номинативная функция чужда также междометиям и так называемым «вводным» словам. Кроме того, местоименные слова, хотя и могут быть названиями, но чаще всего являются эквивалентами названий. Таким образом, уже при анализе вещественных отношений слова резко выступают различия между различными структурно-семантическими типами слов.

Переход от номинативной функции словесного знака к семантическим формам самого слова обычно связывается с коммуникативной функцией речи.

В процессе речевой коммуникации вещественное отношение и значение слова могут расходиться. Особенно ощутительно это расхождение тогда, когда слово не называет предмета или явления, а образно его характеризует (например: *живые мощи*, *колтак* — в применении к человеку, *баба* — по отношению к мужчине, *шляпа* — в переносном значении и т. п.).

В этом плане слово выступает как система форм и значений, соотносительная с другими смысловыми единицами языка.

Слово, рассматриваемое в контексте языка, т. е. взятое во всей совокупности своих форм и значений, часто называется л е к с е м о й ³⁹.

Вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в с&-знании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность. Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его значений, столько и его лексических форм; при этом, однако, слово не перестает быть единым, оно обычно не распадается на отдельные слова-омонимы. Семантической границей слова является омоним. Слово как единая си-

стема внутренне связанных значений понимается лишь в контексте всей системы данного языка. Внутреннее единство слова обеспечивается не только единством его фонетического и грамматического состава, но и семантическим единством системы его значений, которое, в свою очередь, определяется общими закономерностями семантической системы языка в целом.

Язык обогащается вместе с развитием идей, и одна и та же внешняя оболочка слова обрастает побегами новых значений и смыслов. Когда затронут один член цепи, откликается и звучит целое. Возникающее понятие оказывается созвучным со всем тем, что связано с отдельными членами цепи до крайних пределов этой связи.

Способы объединения и разъединения значений в структуре слова обусловлены семантической системой языка в целом или отдельных его стилей. Изучение изменений в принципах сочетания словесных значений в «пучки» не может привести к широким обобщениям, к открытию семантических законов — вне связи с общей проблемой истории общественных мировоззрений, с проблемой языка и мышления. При иной точке зрения, «само значение слова продолжало бы оставаться темным и непонятным без восприятия его самого в общем комплексе всего миропонимания изучаемой эпохи»⁴⁰.

Русскому (как и другому) национальному языку свойственна своеобразная система образования и связи понятий, их группировки, их расслоения и их объединения в «пучки», в комплексные единства. Объем и содержание обозначаемых словами понятий, их классификация и дифференциация, постепенно проявляясь и оформляясь, существенно и многократно видоизменяются по мере развития языка. Они различны на разных этапах его истории.

Характерной особенностью русского языка является тенденция к группировке слов большими пучками вокруг основных центров значений.

Слово как система форм и значений является фокусом соединения и взаимодействия грамматических категорий языка.

«Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество понятий по тем или другим рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей»⁴¹. Поэтому самый характер объединения лексических и грамматических значений в строе разных типов слов неоднороден. Например, в формальных, связочных словах (как предлоги и союзы) грамматические значения составляют сущность их лексической природы. Структура разных категорий слов отражает разные виды отношений между грамматикой и лексикой данного языка.

В языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку неприложимо. В. Гумбольдт писал: «Грамматические отношения могут быть присоединены мысленно (*Вип-zugedacht*), если даже они не всегда имеют в языке знаки, и строй языка может быть такого рода, что неясность и недоразумения избегаются при этом, по крайней мере, до известной степени. Поскольку, однако, грамматические отношения имеют определенное выражение, в употреблении такого языка существует грамматика собственно без грамматических форм»⁴². Тому же учил Потебня. Итак, понятие о слове как о системе реальных значений неразрывно связано с понятием грамматических форм и значений слова.

Лексические значения слова подводятся под грамматические категории. Слово представляет собою внутреннее, конструктивное единство лексических и грамматических значений. Определение лексических значений слова уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова. Грамма-

тические формы и значения слова то сталкиваются, то сливаются с его лексическими значениями. Эту тесную связь, это глубокое взаимодействие лексических и грамматических форм и значений подчеркивали в последнее время все крупнейшие лингвисты, особенно настойчиво Шухардт⁴⁴ Н. Я. Марр⁴⁴, Л. В. Щерба⁴⁵ и А. Белич⁴⁶.

Семантические контуры слова, внутренняя связь его значений, его смысловый объем определяются грамматическим строем языка.

Эд. Сепир тонко заметил: «В аналитическом языке первенствующее значение выпадает предложению, слово же представляет меньший интерес. В синтетическом языке... понятия плотнее между собою группируются, слова обставлены богаче, но вместе с тем обнаруживается общая тенденция ограничивать более узкими рамками диапазон конкретного значения отдельного слова»⁴⁷. Понятно, что и семантический объем слова, и способы объединения значений различны в словах разных грамматических категорий. Так, смысловая структура глагола шире, чем имени существительного, и круг его значений подвижнее. Еще более эластичны значения качественных прилагательных и наречий. Ширина фразовых связей слова также зависит от его грамматической структуры.

Различия в синтаксических свойствах слова, в особенностях его фразового употребления находятся в живой связи с различиями значений слова. Например, в современном языке слово *черт* не имеет качественных значений. Но в простом разговорном стиле русского литературного языка конца XVIII — первой половины XIX в. слово *черт* с особым предложным управлением обозначало: мастер, знаток, мастак на что-нибудь, в чем-нибудь. Например, у Державина: «[Я] горяч и в правде *чёрт*» («К самому себе»). В водевиле А. Шаховского «Два учителя или *asinus asinum fricat*»:

Т у р у с и н а . Я уверена, что вы исправите его нравственность. Жак. О, мадам, я *чорт* на нравственность⁴⁸.

В водевиле Д. Ленского «Стряпчий под столом»:

Я сам *чорт* по дарованью, Страшен в прозе и в стихах...⁴⁹

Ср. у П. А. Вяземского в «Старой записной книжке» анекдот о моряке и императрице Екатерине:

По рассеянию случилось, что, проходя мимо его, императрица три раза сказала ему: «Кажется, сегодня холодно». — «Нет, матушка, ваше величество, сегодня довольно тепло», — отвечал он каждый раз, — «Уж воля ее величества», — сказал он соседу своему, — а я на правду⁰.

Само собою разумеется, что семантическое развитие языка находится в зависимости от лексического и морфологического инвентаря его, инвентаря основной, словообразовательных элементов и грамматических категорий.

Пути семантической эволюции слов нередко определяются законами развития морфологических категорий.

Акад. М. М. Покровский еще в ранней своей диссертации «Семасиологические исследования в области древних языков»⁵¹ выставил такой тезис: «...всевозможные морфологические типы *nominum actionis* (т. е. обозначений действий), по мере своей продуктивности в языке, получают в конце концов все те значения, которые этому классу имен свойственны, т. е. обозначения процесса, результата, орудия и места действия»⁵².

Известно, что слово, принадлежащее к кругу частей речи с богатым арсеналом словоизменения, представляет собою сложную систему грамматиче

ских форм, выполняющих различные синтаксические функции. Отдельные формы могут отпадать от структуры того или иного слова и превращаться в самостоятельные слова (например, формы существительного становятся наречиями).

Грамматическими законами определяются приемы и принципы связи и соотношения морфем в системе языка, способы их конструктивного объединения в слова. Сдвиг в формах словообразования изменяет всю систему лексики.

Грамматические формы и отношения между элементами языковой системы определяют грань, отделяющую слова, которые представляются произвольными, не мотивированными языковыми знаками, от слов, значения которых более или менее мотивированы. Мотивированность значений слов связана с пониманием их строя, с живым сознанием семантических отношений между элементами языковой системы.

«Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но нелегко себе представить, и такой язык, где мотивировано было бы все. Между двумя крайними точками — наименьшей организованностью и наименьшей произвольностью — обретаются всевозможные разновидности»⁵⁴

Различия между мотивированными и немотивированными словами обусловлены не только грамматическими, но и лексико-семантическими связями слов. Тут открывающаяся область новых смысловых отношений в структуре слова, область так называемых «внутренних форм» слова.

«Внутренней формой» слова многие лингвисты, вслед за В. Гумбольдтом и Штейнталем, называют способ представления значения в слове, «способ соединения мысли со звуком».

Слово как творческий акт речи и мысли, — учит Потебня, — включает в себя, кроме звуков и значения, еще представление (или внутреннюю форму), иначе «знак значения». Например, в слове *арбузик*, которым ребенок назвал абакур, признак шаровидности, извлеченный из значения слова *арбуз*, и образует его внутреннюю форму, или представление⁵⁴.

Представление — «непременная стихия возникающего слова». Слово с живым представлением — образное, поэтическое слово. Представление есть «необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия...»⁵⁵.

По определению А. Марти, внутренняя форма слова есть «сопредставление», или «созначение», которое образует посредствующее звено между звуками и значениями. Это — образный способ выражения того или иного значения, обусловленный психологическими или культурно-историческими особенностями общественной среды и эпохи⁵⁶. Внутренняя форма слова ни в какой мере не совпадает со значением слова (ср. внутреннюю форму и значение слова *тупой* в выражении *тупое упорство*), хотя она и помогает уяснить идеологию и мифологию языка или стиля, связи и соотношения идей, образов и представлений в языке.

Ведь «язык состоит, наряду с уже оформленными элементами, главным образом из методов продолжения работы духа, для которой язык предначертывает путь и форму»⁵⁷.

Во «внутренних формах» слова отражается «толкование действительности, ее переработка для новых, более сложных, высших целей жизни»⁵⁸. С этим кругом смысловых элементов слова связаны и сложные словесные композиции поэтического творчества. «Элементарная поэтичность языка, т. е. образность отдельных слов и постоянных сочетаний... ничтожна сравнительно со способностью языков создавать образы из сочетания слов, все равно, образных или безобразных»⁵⁹.

«Внутренние формы» слов исторически изменчивы. Они обусловлены

ответственным языку той или иной эпохи, стилю той или иной среды, способом воззрения на действительность и характером отношений между элементами семантической системы.

«Внутренняя форма» слова, образ, лежащий в основе значения или употребления слова, могут уясниться лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов.

Выбор той или иной «внутренней формы» слова всегда обусловлен идеологически и, следовательно, культурно-исторически и социально.

«В зависимости от обстоятельств совершенно различные типы выражений (т. е. внутренние формы) могут образовать соединяющую связь между звуком и тем же значением», — писал А. Марти⁶⁰. «Внутренние формы» потому и называются внутренними, что они не имеют постоянных чувственных индексов, они — подвижные и изменчивые формы смысла, как он передается или изображается.

Легко заметить, что «внутренние формы» в разных категориях слов проявляются по-разному. На такие типы слов, как слова служебные, слова модальные, до сих пор понятие внутренней формы, в сущности, и не распространялось, хотя и в их образовании и употреблении сказывается громадная роль внутренних форм.

Во внутренних формах слова выражается не только «толкование действительности», но и ее оценка.

Слово не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но оно в то же время выражает оценку субъекта — коллективного или индивидуального. Само предметное значение слова до некоторой степени формируется этой оценкой, и оценке принадлежит творческая роль в изменениях значений.

Экспрессивная оценка нередко определяет выбор и размещение всех основных смысловых элементов высказывания. «Языком человек не только выражает что-либо, он им выражает также и самого себя», — говорил Георг фон Габеленц.

Слово переливает экспрессивными красками социальной среды. Отражая личность (индивидуальную или коллективную) субъекта речи, характеризуя его оценку действительности, оно квалифицирует его как представителя той или иной общественной группы. Этот круг оттенков, выражаемых словом, называется *экспрессией* слова, его экспрессивными формами. Экспрессия всегда субъективна, характерна и лична — от самого мимолетного до самого устойчивого, от взволнованности мгновения до постоянства не только лица, ближайшей его среды, класса, но и эпохи, народа, культуры.

Предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, колеблющейся в зависимости от контекста. Выразительная сила присуща звукам слова и их различным сочетаниям, морфемам и их комбинациям, лексическим значениям. Слова находятся в непрерывной связи со всей нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью.

Слово является одновременно и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения.

Экспрессивные краски облачают значение слова, они могут сгущаться под влиянием эмоциональных суффиксов. Экспрессивные оттенки присущи грамматическим категориям и формам. Они резко выступают и в звуковом облике слов, и в интонации речи.

Легко привести примеры экспрессивного напряжения слова при посредстве осложненных суффиксальных образований. У Вельмана: «Слуги жили *свинтусами*, ходили *замарантусами*» («Приключения, почерпнутые из моря

житейского»); у Д. И. Писарева в статье «Генрих Гейне»: «На развалинах старого феодализма утвердилась новая плутократия, и бароны финансового мира, банкиры, негоцианты, коммерсанты, фабриканты и всякие *надуванты* вовсе не были расположены делиться с народом выгодами своего положения»⁶¹

Экспрессивная насыщенность выражения зависит от его значения, от внушительности его внутренней формы, от степени его смысловой активности в общей духовной атмосфере данной среды и данного времени⁶².

Ch. Bally, описывая борьбу двух тенденций в языке — интеллектуальной и экспрессивной, так разграничивает сферы и направление их действия: «Тенденция экспрессивная обогащает язык конкретными элементами, продуктами аффектов и субъективизма говорящего; она создает новые слова и выражения; тенденция интеллектуальная, аналитическая устраняет эмоциональные элементы, создает из части их формальные принадлежности»⁶¹.

Но в самих грамматических, особенно синтаксических, категориях также заложены яркие средства экспрессивного выражения. Достаточно напомнить о тех тонких экспрессивных красках и нюансах, которые создаются употреблением — прямым и переносным — глагольных категорий времени, наклонения, лица или таких общих грамматических категорий, как род и число. «...Аффективность проникает в грамматический язык, вынимает из него логическое содержание и его разрушает. ...Логический идеал всякой грамматики — это иметь одно выражение для каждой отдельной функции и только одну функцию для каждого выражения. Если бы этот идеал был осуществлен, язык имел бы такие же точные очертания, как алгебра... Но фразы не алгебраические формулы. Аффективный элемент обволакивает и окрашивает логическое выражение мысли»⁶⁴. Этот аффективный элемент, почти свободный от интеллектуальных примесей, больше всего дает себя знать в междометиях.

Все многообразие значений, функций и смысловых нюансов слова сосредоточивается и объединяется в его стилистической характеристике. В стилистической оценке выступает новая сфера смысловых оттенков слов, связанных с их индивидуальным «паспортом». Стилистическая сущность слова определяется его индивидуальным положением в семантической системе языка, в кругу ее функциональных и жанровых разновидностей (письменный язык, устный язык, их типы, язык художественной литературы и т. п.). Дело в том, что развитый язык представляет собою динамическую систему семантических закономерностей, которыми определяются соотношения и связи словесных форм и значений в разных стилях этого языка. И в этой системе смысловых соотношений функции и возможности разных категорий слов более или менее очерчены и индивидуализированы.

Индивидуальная характеристика слова зависит от предшествующей речевой традиции и от современного соотношения смысловых элементов в языковой системе и в ее стилевых разновидностях.

В этом плане слова и их формы получают новые квалификации, подвергаются новой группировке, новой дифференциации, распадаясь на будничные, торжественные, поэтические, прозаические, архаические и т. п. Эта стилистическая квалификация слов обусловлена не только индивидуальным положением слова или соответствующего ряда слов в семантической системе литературного языка в целом, но и функциями слова в структуре активных и живых разновидностей, типов этого языка. Развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотнесенных друг с другом.

Кроме того, необходимо помнить, что «периоды развития языка не сменялись поочередно, как один караульный другим, но каждый период создал что-нибудь новое, что при незаметном переходе в следующий составляет подкладку для дальнейшего развития. Такие результаты работы различных пе-

риодов, заметные в данном состоянии известного объекта, в естественных науках называются слоями; применяя это название к языку, можно говорить о слоях языка, выделение которых составляет одну из главных задач языковедения»⁶⁵. Эти различные лексические и грамматические слои в каждой системе языка также подвергаются переоценке и приспособляются к живой структуре литературных стилей. Понятно, что стилистическую переквалификацию проходят и лежащие за пределами литературного языка разные диалектные пласты речи. Конечно, указанием всех этих функций и оттенков смысловая структура слова не исчерпывается. Так, не приняты в расчет «приращения смысла», которые возникают у слова в композиции сложного целого (монолога, литературного произведения, бытового диалога) или в индивидуальном применении, в зависимости от ситуации. Широкая область употребления слова, разные оттенки эмоционального и волевого воздействия, жанрово-стилистические различия лексики — все это сознательно оставлено в стороне. Все разнообразие присущих слову возможностей фразеологического распространения также не было предметом настоящего рассмотрения. За норму взято слово, свободно перемещаемое из одного словесного окружения в другое, в совокупности его основных форм и значений. От значений слова необходимо отличать его употребление. Значения устойчивы и общи всем, кто владеет системой языка. Употребление — это лишь возможное применение одного из значений слова, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное. Употребление не равноценно со значением, и в нем скрыто много смысловых возможностей слова.

Однако для грамматического учения о слове этот общий очерк смысловой структуры слова достаточен. Необходимо лишь дополнить его описанием типов устойчивых словосочетаний, которые располагаются рядом со словом как семантические единицы более сложного порядка, эквивалентные слову.

§ 4. Основные типы фразеологических единиц в русском языке

Акад. А. А. Шахматов в своем «Синтаксисе русского языка» настойчиво подчеркивал чрезвычайную важность вопроса о неразложимых сочетаниях слов не только для лексикологии (фразеологии), но и для грамматики. «Под разложением словосочетания,— писал А. А. Шахматов, — разумеется определение взаимных отношений входящих в его состав элементов, определение господствующего и зависимых от него элементов. Между тем, подобное разложение для некоторых словосочетаний оказывается невозможным. Так, например, сочетание *два мальчика* с точки зрения современных синтаксических отношений оказывается неразложимым...»^{W1} В неразложимых словосочетаниях связь компонентов может быть объяснена с исторической точки зрения, но она непонятна, не мотивирована с точки зрения живой системы современных языковых отношений. Неразложимые словосочетания представляют собою пережиток предшествующих стадий языкового развития. А. А. Шахматову было ясно тесное взаимодействие лексических и грамматических форм и значений в процессе образования неразрывных и неразложимых словосочетаний. Так, А. А. Шахматов отмечал, что «сочетание определяемого слова с определением во многих случаях стремится составить одно речение: но большею частью оба члена сочетания, благодаря, конечно, их ассоциации с соответствующими словами вне данных сочетаний, сохраняют свою самостоятельность...»⁶⁷. Например, в словосочетании *почтовая бумага* оба слова сохраняют свою самостоятельность вследствие тесной связи с употреблением их в сочетаниях типа *почтовый ящик*, *почтовое отделение*, с одной стороны, и *писча.ч бумага*, *белая бумага* и т. п.-с другой. «Но часто такая раздельность нарушается, и наступает еще более тесное сближение обоих сочетавшихся слов» (ср. *ни синь пороха* вмесю *ни синя пороха*). Указав на то, что от речений типа *железная дорога*, *Красная Армия* образуются целостные прилагательные *железнодорожный*, *красноармейский*, ИС *железно-*, *красно-* оказываются неизменяемой частью сложных слов, А. А. Шахматов ставит вопрос о том, «можно ли считать *железная* в *железная дорога* определением. Не

надлежит ли признать *железная дорога* и тому подобные сочетания неразложимыми по своему значению, хотя и разложимыми грамматически словосочетаниями?»⁶⁸ Таким образом, А. А. Шахматов предполагает, что семантическая неразложимость словесной группы ведет к ослаблению и даже утрате ею грамматической расчлененности. В связи с семантическим переосмыслением неразложимой словесной группы находятся и ее грамматические преобразования. Например, выражение *спустя рукава*, ставши идиоматическим целым, превратилось из деепричастного оборота в наречие. «...Но переход деепричастия в наречие... имеет следствием невозможность определить *рукава* в данном сочетании как винительный падеж прямого дополнения»⁶⁹. Следовательно, «исконные объективные отношения могли стереться и видоизмениться, не отражаясь на самом употреблении падежа»⁷⁰. Вместо живого значения остается немотивированное употребление.

Изменение грамматической природы неразложимого словосочетания можно наблюдать и в выражении *от нечего делать*⁷¹.

Вопрос о разных типах фразеологических единиц, сближающихся со словом, у А. А. Шахматова остается неразрешенным. Тесная связь этих проблем фразеологии с вопросами грамматики бросалась в глаза русским грамматистам и до акад. А. А. Шахматова.

Проф. Н. К. Кульман высказывался за необходимость разграничения «грамматического и фразеологического материала», так как в устойчивых, застывших фразеологических оборотах способы выражения синтаксической связи нередко бывают архаичными, оторванными от живых категорий современного языка. Так, например, можно было бы найти формы сослагательного наклонения в выражениях: *Я сказал, чтобы ты пришел: Не бывать бы счастью, да несчастье помогло; Приди мы, этого не случилось бы* и т. п. Но «правильнее в таких случаях становиться на точку зрения чистой фразеологии и не переносить в грамматику данного языка тех категорий, которые связаны в других языках с известными формами, а в данном языке только выражаются теми или другими фразеологическими оборотами»⁷².

Необходимо пристальнее взглянуть в структуру фразеологических групп, более четко разграничить их основные типы и определить их семантические основы, их отношение к слову.

Несомненно, что легче и естественнее всего выделяется тип словосочетаний абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака.

Фразеологические единицы этого рода могут быть названы фразеологическими сращениями. Они не мотивированы и произвольны. В их значении нет никакой связи, даже потенциальной, со значением их компонентов. Если их составные элементы однозвучны с какими-нибудь самостоятельными, отдельными словами языка, то это их соотношение — чисто омонимическое.

Примером фразеологического сращения является разговорное выражение *собаку съел* (в чем-нибудь). *Он собаку съел на это* или *на этом, в этом*, т. е., занимаясь таким-то делом, он мастер на это, или он искусился, приобрел опытность, искусство. В южновеликорусских или украинских местностях, где *собака* мужского рода, прибавляют: *сучкой закусил* (с комическим оттенком). А. А. Потебня считал это выражение по происхождению народным, крестьянским, связанным с земледельческой работой. Только «тот, кто искусился в этом труде, знает, что такое земледельческая работа: устанешь, с голоду и собаку бы съел»⁷³. Этимология Потебни несколько не уясняет современную значения этой идиомы и очень похожа на так называемую «народную этимологию». неделимость выражения *съел собаку* (в чем-нибудь), его лексическая непроизводность ярко отражается в его значении и употреблении, в его синтаксических связях. Например, у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо» читаем:

Заводские начальники

По всей Сибири славятся -

Сооаку съет дришь.

Здесь инфинитив *драть* выступает в роли объектного пояснения к целостной идиоме *собаку съели* в значении: мастера (что-нибудь делать). Такое резкое изменение грамматической структуры фразеологическою сращения обычно связано с утратой смысловой делимости. Так, выражение *как ни в чем не бывало* в современном языке имеет значение наречия.

Между тем еще в русском литературном языке первой трети XIX в. в этом словосочетании выделялись составные элементы и было живо сознание необходимости глагольного согласования формы *бывал* с субъектом действия.

Например, у Лермонтова в повести «Бэла»: «За мою тележку четверка быков тащила другую, *как ни в чем не бывала*, несмотря на то, что она была доверху накладена»; у Д. Н. Бегичева в «Семействе Холмских»: «Князь Фольгин, *как будто ни в чем не бывал*, также шутил».

Кажется само собою понятным, почему неделимы те фразеологические сращения, в состав которых входят лексические компоненты, не совпадающие с живыми словами русского языка (например: *во всю Ивановскую; вверх тормашками; бить баклуши; точить лясы; точить балясы* и т. п.). Но одной ссылки на отсутствие подходящего слова в лексической системе современного русского языка недостаточно для признания идиоматической неделимости выражения. Вопрос решается факторами семантического порядка.

Чисто внешний, формальный, хотя бы и лексикологический подход к фразеологическим сращениям не достигает цели. Изолированное, единичное слово, известное только в составе идиомы и потому лишенное номинативной функции, не всегда является признаком полной смысловой неразложимости выражения. Например: *дело не терпит отлагательства; совесть зазрела; мозолить глаза; мертвецки пьян* и т. п.

Точно так же грамматический архаизм может быть легко осмыслен при наличии соответствующей категории или соотносительных форм в современном языке; например: *полозка руку на сердце; сидеть сложа руки; середь бела дня; на босу ногу* и т. п.

Грамматические архаизмы чаще всего лишь поддерживают идиоматичность выражения, но не создают его. Ср. (*пуститься*) *во все тяжкие* и т. п.

Основным признаком сращения является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значений целого из компонентов. Фразеологическое сращение представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно — химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей.

При этом семантической неразложимости целого иногда сопутствует сохранение внешних грамматических границ между частями фразеологического сращения. Это своеобразный след былой лексической расчлененности словосочетания.

Семантическое единство фразеологического сращения часто поддерживается синтаксической нерасчлененностью или немотивированностью словосочетания, отсутствием живой синтаксической связи между его морфологическими компонентами. Например: *так себе; куда ни шло; была не была; то и дело: хоть куда; трусу праздновать; диву дать; выжить из ума; чем свет; как пить дать* (ср. у Чехова в рассказе «Бабы»: «Дело было ясное, *как пить дать*»); *мало ли какой; из рук вон (плохо); так и быть; шутка сказать; себе на уме* (у Чехова в «Скучной истории»: «Умышленность, осторожность, *себе на уме*, но нет ни свободы, ни мужества писать как хочется, а стало быть, нет и творчества»).

Таким образом, фразеологические сращения являются только эквивалентами слов, они образуют своеобразные синтаксически составные слова, выступающие в роли либо частей предложения, либо целых предложений. Поэтому они подводятся под грамматические категории как целостные семантические единицы. Но полного параллелизма между грамматическими и лексическими изменениями их состава нет. Однако сохранение грамматических отношений между членами фразеологического сращения — лишь уступка языковой традиции, лишь пережиток прошлого. В фразеологических сращениях кристаллизуется новый тип составных лексических и синтаксических единств.

Если в тесной фразеологической группе сохранились хотя бы слабые признаки семантической раздельности компонентов, если есть хотя бы глухой намек на мотивировку общего значения, то о сращении говорить уже трудно. Например, в таких разговорно-фамильярных выражениях, как *держат камень за пазухой, выносить сор из избы*, (у кого-нибудь) *семь пятниц на неделе, стреляный воробей, мелко плавает, кровь с молоком, последняя спица в колеснице, плясать под чужую дудку, без ножа зарезать, язык чесать* или *языком чесать, из пальца высосать, первый блин комом* — или в таких литературно-книжных и интеллигентски-разговорных фразах, как *плыть по течению, плыть против течения, всплыть на поверхность* и т. п. — значение целого связано

с пониманием внутреннего образного стержня фразы, потенциального смысла слов, образующих эти фразеологические единства. Таким образом, многие крепко спаянные фразеологические группы легко расшифровываются как образные выражения. Они обладают свойством потенциальной образности. Образный смысл, приписываемый им в современном языке, иногда вовсе не соответствует их фактической этимологии. По большей части, это — выражения, состоящие из слов конкретного значения, имеющие заметную экспрессивную окраску. Например, *положить, класть зубы на полку* — в значении: голодать, ограничить до минимума самые необходимые потребности. Ср. у Тургенева в «Нови»: «Я еду на кондиции, — подхватил Нежданов, — чтобы *зубов не положить на полку*». Ср. выражение *уйти в свою скорлупу* и у Чехова — обнажение его образа: «Людей, одиноких по натуре, которые, как рак-отшельник или улитка, стараются *уйти в свою скорлупу*, на этом свете не мало» («Человек в футляре»).

Понимание производноеTM, мотивированности значения такого фразеологического единства связано с сознанием его лексического состава, с сознанием отношения значения целого к значениям составных частей.

Однако в этих сложных единствах возможны и такие элементы, которые являются упаковочным материалом. Они заменимы, тем более что фразеологические единства не всегда образуют застывшую массу неотделимых элементов. Иногда части фразеологического единства отделяются друг от друга вставкой иных слов.

Таким образом, от фразеологических сращений отличается другой тип устойчивых, тесных фразеологических групп, которые тоже семантически неделимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но в которых это целостное значение мотивировано, являясь производением, возникающим из слияния значений лексических компонентов.

В таком фразеологическом единстве слова подчинены единству общего образа, единству реального значения. Подстановка синонима или замена слов, являющихся семантической основой фразы, невозможна без полного разрушения образного или экспрессивного смысла фразеологического единства. Значение целого здесь абсолютно неразложимо на отдельные лексические значения компонентов. Оно как бы разлито в них и вместе с тем оно как бы вырастает из их семантического слияния.

Фразеологические единства являются потенциальными эквивалентами слов, и в этом отношении они несколько сближаются с фразеологическими сращениями, отличаясь от них семантической сложностью своей структуры, потенциальной выводимостью своего общего значения из семантической связи компонентов. Фразеологические единства по внешней, звуковой форме могут совпадать с свободными сочетаниями слов. Ср. устно-фамильярные выражения: *вымыть голову, намылить голову* (кому-нибудь) в значении: сильно побранить, пожуришь, сделать строгий выговор — и омонимические словосочетания в их прямом значении: *вымыть голову, намылить голову*. Ср.: *биться из-за куска хлеба и биться* (с кем-нибудь) *из-за куска хлеба; бить ключом* (жизнь бьет ключом) и *бить ключом* (ударять по чему-нибудь); *взять за бока* (кого-нибудь) в значении: заставить принять участие в деле — и то же словосочетание в прямом значении; *брать в свои руки* в значении: приступить к руководству, управлению чем-нибудь и *брать в руки* (что-нибудь) и другие подобные.

Фразеологическое единство часто создается не столько образным значением словесного ряда, сколько синтаксической специализацией фразы, употреблением ее в строго фиксированной грамматической форме.

Например, шутливо-фамильярное, носящее отпечаток школьного жаргона выражение *ноль внимания* обычно употребляется в функции сказуемого. Ср. у Чехова в рассказе «Красавица»: «Медик пьян как сапожник. На сцену - *ноль внимания*. Знай себе дремлет да носом клюет».

Нередко внутренняя замкнутость фразеологического единства создается специализацией экспрессивного значения.

К числу фразеологических единств, обособлению и замкнутости которых содействуют экспрессивные оттенки значения, относятся, например, такие разговорно-фамильярные выражения: *ему и горюшка мало!*; *плакали наши денежки!*; *держи карман или держи карман шире!*; *что ему делается?*; *чего изволите?*; *час от часу не легче!*; *хорошенького понемножку* (ирон.); *туда ему и дорога!* Ср.: *жирно будет!* («Нет, жирно будет вас таким вином поить. Атанде-с!» — Островский, «Утро молодого человека»); *чем черт не шутит?*; *и пошел и пошел!*; *наша взяла!*; *ума не приложу!*; *над на-*

ми не каплет!; и дешево и сердито!- (первоначально — о водке). Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Помпадурах»: «Над дверьми нахально красуется вывеска: *«И дешево и сердито»*».

Отдельно должны быть рассмотрены целостные словесные группы, являющиеся терминами, т. е. выступающие в функции названия. Прямое логически оправданное отношение термина к обозначаемому им предмету или понятию создает неразрывность фразовой структуры, делает соответствующую словесную группу эквивалентом слова. С познавательной точки зрения между составными терминами — научным или техническим — и таким же номенклатурным ярлыком, например названием какого-нибудь явления, предмета,—большая разница, но в бытовом языке эта разница часто стирается. Естественно, что многие из такого рода составных названий, переходя по закону функциональной семантики на другие предметы, процессы и явления, однородные с прежними по функции, становятся не только неразрывными, но и вовсе немотивированными единствами. Многие составные термины превращаются в фразеологические сращения (ср.: *железная дорога; грудная жаба* и т. п.).

В фразеологических единствах грамматические отношения между компонентами легко различимы. Они могут быть сведены к живым современным синтаксическим связям. Это естественно. Потенциальная лексическая делимость как основной признак фразеологического единства естественно предполагает и синтаксическую разложимость словосочетания. Таким образом, и здесь грамматические формы и отношения держатся устойчивее, чем лексико-семантические. Здесь сохраняется, так сказать, морфология застывших синтаксических конструкций, но их функциональное значение резко изменяется. В той мере, в какой фразеологические группы этого типа являются семантически неделимыми единицами, приходится считать их и синтаксически несвободными, хотя и разложимыми, слитными словосочетаниями.

Это положение получит особую ясность и выразительность, если применить его к тем группам фразеологических единств, которые представляют собою союзные или предложные речения.

Таковы, например, союзные речения, чаще всего образующиеся из непроизводного союза, предложной формы имени существительного со значениями времени, места или причины и указательного местоимения или из союза и указательного местоимения с подходящим по значению предлогом: *до тех пор пока, с тех пор как, в то время как, с того времени как, ввиду того что, по мере того как, между тем как, после того как, потому что, до того что, несмотря на то что, вместо того чтобы* и т. п. Сюда же примыкают союзы, включающие в себя наречия образа действия, сравнения или сравнительной степени: *подобно тому как, прежде чем, так что, так чтобы, даром что* и другие подобные. Наконец, можно отметить составные союзы из модальных частиц: *едва только, лишь только, чуть лишь*. Ср.: *не то чтобы, добро бы, как будто бы* и т. п.

Все эти служебные слова семантически неразрывны, функционально неделимы, хотя с этимологической точки зрения производны. Эта аналогия бросает свет на синтаксическую природу фразеологических единств (ср. фразеологическое сращение *так как*).

Рядом с фразеологическими единствами выступают и другие, более аналитические типы устойчивых сочетаний слов. Фразеологические единства как бы поглощают индивидуальность слова, хотя и не лишают его смысла: например, в выражениях разговорной речи *глаз не казать, носу не казать* потенциальный смысл глагола *казать*, не встречающегося в других контекстах, еще ощутим в структуре целого.

Но бывают устойчивые фразеологические группы, в которых значения слов-компонентов обособляются гораздо более четко и резко, однако остаются несвободными. Например: *щекотливый вопрос, щекотливое положение, щекотливое обстоятельство* и т. п. (при невозможности сказать *щекотливая мысль, щекотливое намерение* и т. п.); *обдать презрением, злобой, взглядом; обдать взглядом ласкающего сочувствия* и т. п. (при семантической недопустимости выражений: *обдать восхищением, обдать завистью* и т. п.).

В самом деле, большая часть слов и значений слов ограничена «своих связях» внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы. Эти лексические значения могут проявляться лишь в связи с строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений. При этом для такого ограничения как будто нет оснований в логической или вещной природе самих обозначаемых предметов, действий

и явлений. Эти ограничения создаются присущими данному языку законами связи словесных значений. Например, слово *брать* в значении: овладевать, подвергать своему влиянию; и в применении к чувствам, настроениям не сочетается свободно со всеми обозначениями эмоций, настроений. Говорится: *страх берет, тоска берет, досада берет, злость берет, ужас берет, зависть берет, смех берет, раздумье берет, охота берет* и некоторые другие. Но нельзя сказать: *радость берет, удовольствие берет, наслаждение берет* и т. п.

Таким образом, круг употребления глагола *брать* в связи с обозначениями чувств и настроений фразеологически замкнут.

Фразеологически связанное значение трудно определимо. В нем общее логическое ядро не выступает так рельефно, как в свободном значении. Фразеологически связанное значение, особенно при узости и тесноте соответствующих контекстов, дробится на индивидуальные оттенки, свойственные отдельным фразам. Поэтому чаще всего такое значение не столько определяется, сколько характеризуется, освещается путем подбора синонимов, которые могут его выразить и заменить в соответствующем сочетании.

Едва ли нужно еще раз добавлять, что многие слова вообще не имеют свободных значений. Они лишены прямой номинативной функции и существуют в языке лишь только в составе фразеологических групп — их лексическая отдельность поддерживается лишь наличием словообразовательных родичей и слов-синонимов. Можно сказать, что лексическое значение таких слов определяется местом их в лексической системе данного языка, их отношением к синонимическим рядам слов и словесных групп, их положением в родственном лексическом или грамматическом гнезде слов и форм. Таково, например, в современном языке слово *потупить*. Оно выделяется из устойчивых словесных групп: *потупить взор, взгляд, глаза; потупить голову*. Оно утверждается наличием слова *потупиться*, которое обозначает то же, что *потупить глаза, голову*. Оно, наконец, воспринимается на фоне синонимических фраз: *опустить глаза, опустить голову*.

Различия в онтологическом содержании свободных и связанных значений настолько велики и существенны, что их неразличение приводит к искажению всей смысловой структуры слова. Можно думать, что степень свободы и широты фразеологических связей слова до некоторой степени зависит и от его грамматической структуры. Наиболее мпообразно и свободно комбинируются номинативные значения существительных, особенно конкретного, вещественного характера. Затем идут! переходные глаголы, вслед за ними непереходные. Необходимо отметить, что в русском литературном языке со второй половины XVIII в. все более широко распространяются сочетания глаголов с отвлеченными именами существительными в качестве субъектов действия. Почти на одном уровне с глаголами находятся свободные связи имен прилагательных в основных номинативных значениях. В категории наречия только наречия качества и степени, отчасти времени и места, располагают более или менее широкими возможностями словосочетания; остальные разряды наречий очень связаны фразеологически. Фразеологические группы, образуемые реализацией несвободных, связанных значений слов, составляют самый многочисленный и семантически веский разряд устойчивых сочетаний слов в русском языке. Тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов, целесообразнее всего назвать фразеологическими сочетаниями. Фразеологические сочетания не являются безусловными семантическими единствами. Они аналитичны. В них слова с несвободным значением допускают синонимическую подстановку и замену, и де н т и ф и к а ц и ю . Аналитичность, свойственная словосочетанию, может сохраняться и при ограничении контекста употребления несвободного слова лишь в одной-двух фразах.

Например, разговорное слово *беспросыпный* употребляется лишь в сочетании со словом *пьянство*; также возможно словосочетание *беспросыпно пьянствовать*. Синоним этого слова *беспробудный*, нося отпечаток книжного стиля, имеет более широкие фразовые связи: *стать беспробудным сном; беспробудное пьянство*. В этих примерах прозрачность морфологического состава слов *беспросыпный* и *беспробудный*, связь их с многочисленными морфологическими гнездами поддерживает их лексические значения, их некоторую самостоятельность.

Отличие синтетической группы или фразеологического единства от фразеологического сочетания состоит в следующем. В фразеологическом сочетании значения сочетающихся слов в известной степени равноправны и рядоположны. Даже несвободное

значение одного из слов, входящих в состав фразеологического сочетания, может быть описано, определено или выражено синонимом. Во фразеологическом сочетании обычно лишь значение одного из слов воспринимается как значение несвободное, связанное. Для фразеологического сочетания характерно наличие синонимического, параллельного оборота, связанного с тем же опорным словом, характерно сознание отделимости и заменимости фразеологически несвободного слова. Например: *затронуть чувство чести, затронуть чьи-нибудь интересы, затронуть гордость* и т. п. (ср.: *задеть чувство чести; задеть гордость* и т. п.).

Среди тесных фразеологических групп, образуемых реализацией так называемых «несвободных» значений слов, выделяются два типа фраз: аналитический, расчлененный, допускающий подстановку синонимов под отдельные члены выражения, и более синтетический, близкий к фразеологическому единству.

Фразеологические группы или фразеологические сочетания почти лишены омонимов. Они входят лишь в синонимические ряды слов и выражений. Для того чтобы у фразеологической группы нашлось омонимическое словосочетание, необходимо наличие слов-омонимов для каждого члена группы. Однако сами фразеологические сочетания могут быть омонимами фразеологических единств, или идиом (сращений). Например: *отвести глаза* (от кого-нибудь) — фразеологическое сочетание; *отвести глаза* (кому-нибудь) — фразеологическое единство. Ср.: *Я с усилием отвел глаза от этого прекрасного лица*; «Александр долго не мог отвести глаз от нее» (Гончаров, «Обыкновенная история»). Но: «Г-н Спасович решительно хочет отвести нам глаза» (Достоевский, «Дневник писателя», 1876, февраль); «Обходительность и ласковость были не более как средство отвести покупателям глаза, заговорить зубы и всучить тем временем гнилое, линючее» (Гл. Успенский, «Книжка чеков»).

В фразеологических сочетаниях синтаксические связи слов вполне соответствуют живым нормам современного словосочетания. Однако эти связи в них воспроизводятся по традиции. Самый факт устойчивости и семантической ограниченности фразеологических сочетаний говорит о том, что в живом употреблении они используются как готовые фразеологические единицы, воспроизводимые, а не вновь организуемые в процессе речи. Следовательно, грамматическое расчленение ведет к познанию лишь этимологической природы этих словосочетаний, а не их синтаксических форм и функций в современном языке.

Таким образом, с учением о слове органически связаны наблюдения над сращениями слов, над фразеологическими единствами и фразеологическими сочетаниями. Эти наблюдения приводят к выводу, что в русском языке широко распространяются синтаксически составные слова («речения», фразеологические сращения) и разнообразные типы устойчивых фразеологических единиц, которые обособляются от свободных словосочетаний и примыкают к лексическим единицам⁷⁴.

§ 5. Основные структурно-семантические типы слов

Уже из предложенного описания слова видно, что структурно-семантические типы слов неоднородны и что эта неоднородность строя слов больше всего зависит от характера сочетания и взаимодействия лексических и грамматических значений. Семантические типы слов не размещаются в одной плоскости. Укрепившееся в русской грамматике с XVIII в. деление слов на знаменательные и служебные интересно как симптом сознания структурной разнородности разных типов слов.

Отмечались семь отличительных признаков служебных слов: 1) неспособность к отдельному номинативному употреблению; 2) неспособность к самостоятельному распространению синтагмы, или словосочетания (например, союз *и*, относительное слово *который*, предлоги *на*, *при* и т. п. неспособны сами по себе, независимо от других слов, ни конструировать, ни распространять словосочетание, или синтагму); 3) невозможность паузы после этих слов в составе речи (без специального экспрессивного оправдания); 4) морфологическая нерасчлененность или семантическая неразложимость большинства из них (ср., например, *у*, *при*, *ведь*, *вот* и т. п., с одной стороны, и *потому что*,

чтобы, затем что, хотя и т. п.— с другой); 5) неспособность носить на себе фразовые ударения (за исключением случаев противопоставления по контрасту); 6) отсутствие самостоятельного ударения на большей части первообразных слов этого типа; 7) своеобразие грамматических значений, которые растворяют в себе лексическое содержание служебных слов. Это деление слов на знаменательные и служебные под разными именами — лексических и формальных слов (Потебня), полных и частичных (Фортунатов) — было принято во всех работах по русской грамматике. Наряду с этими двумя общими категориями слов русского языка издавна намечалась исследователями и третья категория — междометия.

Традиционным решением вопроса об основных семантико-грамматических классах слов являются разные учения о частях речи. Но в этих учениях — при всей их пестроте — не учитываются общие структурные различия между основными типами слов. Все части речи размещаются в одной плоскости. Об этом еще В. А. Богородицкий писал: «...необходимо обратить внимание на соподчинение одних частей речи другим, что в школьных грамматиках обычно игнорируется, причем все части речи ставятся на одну линию»⁷⁵.

Выделению частей речи должно предшествовать определение основных структурно-семантических типов слов.

Классификация слов должна быть конструктивной. Она не может игнорировать ни одной стороны в структуре слова. Но, конечно, критерии лексические и грамматические (в том числе и фонологические) должны играть решающую роль. В грамматической структуре слов морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическое единство. Морфологические формы — это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике. История морфологических элементов и категорий — это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические. Это смещение непрерывно. Морфологические категории неразрывно связаны с синтаксическими. В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса. Синтаксис — организационный центр грамматики. Грамматика, имманентная живому языку, всегда конструктивна и не терпит механических делений и рассечений, так как грамматические формы и значения слов находятся в тесном взаимодействии с лексическими значениями.

Анализ смысловой структуры слова приводит к выделению четырех основных грамматико-семантических категорий слов.

1. Прежде всего выделяется категория *с л о в - н а з в а н и й*, по традиционному определению. Всем этим словам присуща номинативная функция. Они отражают и воплощают в своей структуре предметы, процессы, качества, признаки, числовые связи и отношения, обстоятельственные и качественно-обстоятельственные определения и отношения вещей, признаков и процессов действительности и применяются к ним, указывают на них, их обозначают. К словам-названиям примыкают и слова, являющиеся эквивалентами, а иногда и заместителями названий. Такие слова называются местоимениями. Все эти разряды слов образуют главный лексический и грамматический фонд речи. Слова этого типа ложатся в основу синтаксических единиц и единств (словосочетаний и предложений) и фразеологических серий. Они служат основными членами предложения. Они могут — каждое в отдельности — составлять целое высказыванье. Слова, относящиеся к большей части этих разрядов, представляют собою грамматические и объединенные комплексы, или системы форм. С разными формами или видоизменениями одного и того же слова связаны разные функции слова в строе речи или высказывания.

I "34

!■
%

„ — .- 2 -,-
*эй*ПЮнив :д

Поэтому в применении к этим классам слов особенно уместен термин «части речи». Они образуют предметно-смысловую, лексическую и грамматическую фундамент речи. Это — «лексические слова», по терминологии Потебни, и «полные слова», по квалификации Фортунатова.

2. Частям речи противостоят частицы речи, связочные, служебные слова. Этот структурно-семантический тип слов лишен номинативной функции. Ему не свойственна «предметная отнесенность». Эти слова относятся к миру действительности только через посредство и при посредстве слов-названий. Они принадлежат к той сфере языковой семантики, которая отражает наиболее общие, абстрактные категории бытийных отношений — причинных, временных, пространственных, целевых и т. п. Они ближайшим образом связаны с техникой языка, ее усложняя и развивая. Связочные слова не «материальны», а формальны. В них «вещественное» содержание и грамматические функции совпадают. Их лексические значения тождественны с грамматическими. Эти слова лежат на грани словаря и грамматики и вместе с тем на грани слов и морфем. Вот почему Потебня называл их «формальными словами», а Фортунатов — «частичными».

3. Заметно отличается от двух предшествующих структурных типов третий тип слов. Это модальные слова. Они также лишены номинативной функции, как и связочные слова. Однако многие из них не принадлежат в той степени, как связочные, служебные слова, к области формально-языковых средств. Они более «лексичны», чем связочные слова. Они не выражают связей и отношений между членами предложения. Модальные слова как бы вклиниваются или включаются в предложение или же прислоняются к нему. Они выражают модальность сообщения о действительности или являются субъектно-стилистическим ключом речи. В них находит свое выражение сфера оценок и точек зрения субъекта на действительность и на приемы ее словесного выражения. Модальные слова отмечают наклон речи к действительности, обусловленный точкой зрения субъекта, и в этом смысле отчасти сближаются с формальным значением глагольных наклонений. Как бы введенные в предложение или присоединенные к нему, модальные слова оказываются за пределами и частей речи, и частиц речи, хотя по внешности могут походить и на те, и на другие.

4. Четвертая категория слов уводит в сферу чисто субъективных — эмоционально-волевых изъяснений. К этому четвертому структурному типу слов принадлежат междометия, если придать этому термину несколько более широкое значение. Интонационные, мелодические своеобразия их формы, отсутствие в них познавательной ценности, их синтаксическая неорганизованность, неспособность образовывать сочетания с другими словами, их морфологическая неделимость, их аффективная окраска, непосредственная связь их с мимикой и выразительным жестом резко отделяют их от остальных слов. Они выражают эмоции, настроения и волевые изъяснения субъекта, но не обозначают, не называют их. Они ближе к экспрессивным жестам, чем к словам-названиям. Вопрос о том, образуют ли междометия предложения, остается спорным⁷⁶. Однако трудно отрицать за междометными выражениями значение и обозначение «эквивалентов предложения».

Итак, намечаются четыре основные структурно-семантические категории слов в современном русском языке: 1) слова-названия, или части речи, 2) связочные слова, или частицы речи, 3) модальные слова и частицы и 4) междометия.

По-видимому, в разных стилях книжной и разговорной речи, а также в разных стилях и жанрах художественной литературы частота употребления разных типов слов различна. Но, к сожалению, этот вопрос пока находится лишь в подготовительной стадии обследования материала.

§ 6. Слово и его грамматические формы

Различия между основными типами слов сказываются и в их грамматических функциях, в их грамматической природе, в их формах. Многозначность термина форма породила ряд научных недоразумений, губительно отразившихся на развитии русской грамматической науки⁷⁷. Понятие формы слова отождествлялось с формальным признаком грамматического значения. Иногда же форма слова просто смешивалась с окончанием. Чаще под формой слова понималось внешнее морфологическое выражение грамматического значения в строе отдельного слова. Форма слова, по Фортунатову, — это формальная примета грамматической функции в строении отдельного слова. Она заключается во флексии (внешней или внутренней), в ее отсутствии (отрицательная форма), если это отсутствие служит признаком грамматического значения слова, или в словообразовательном аффиксе. «Присутствие в слове делимости на основу и аффикс дает слову то, что мы называем его формой», — писал акад. Ф. Ф. Фортунатов⁷⁸. Согласно такому пониманию формы, одни слова имеют форму (например, *вод-а*), другие бесформенны, лишены формы (например, несклоняемое существительное *пальто*, наречия *здесь*, *тут*, *дома*, *завтра* и т. п.). Слова, имеющие форму, являются грамматическими. Они-то и рассматриваются в морфологии как учении «о формах отдельных слов по отношению к отдельным словам». Все остальные слова, не имеющие форм, считаются неграмматическими. Они остаются за пределами морфологии, хотя и могут снова выплыть в синтаксисе — в связи с изучением форм словосочетания. Такое понимание формы слова отражается и на содержании терминов: формы с л о в о и з м е н е н и я и формы словоо б р а з о в а н и я .

Формы словоизменения — это флексии падежей и спряжения, под которым понимается изменение глагола по лицам (а следовательно, и числам), временам и наклонениям, иначе говоря, это формы слов как частей предложения. Формы словообразования — это чередования звуков основы, суффиксы, приставки, посредством которых образуются новые слова или лексически видоизменяются уже существующие слова, иначе говоря: это формы слов как отдельных знаков предметов мысли, другие формы отдельных знаменательных слов, не формы словоизменения (например: *вод-а*, *вдд-ы*, *вод-ица*, *род-ичка*, *вод-ка* и т. п.). По различию форм слова устанавливаются и грамматические классы слов. С точки зрения Фортунатова, приходится признавать наличие языков, вовсе не имеющих форм, языков бесформенных. Но такое понимание формы слова как отдельного морфологического элемента в составе отдельного слова очень узко. Оно уже отвергнуто большинством лингвистов. С ним боролись еще В. Гумбольдт и Потебня. Его формализм и односторонность в современной лингвистике общепризнаны. Так, проф. Ж. Ванд-рИес, пользуясь термином морфема для обозначения формы, в которой выражена грамматическая категория, относит к морфемам решительно все языковые элементы, выражающие грамматические отношения (аффиксы, их порядок в слове или во фразе, чередование гласных, внутреннюю флексию, ударение, тон, нулевые морфемы, служебные слова, порядок слов)⁷⁹.

Таким образом, здесь под понятие грамматической формы подводятся все средства выражения грамматических отношений в языке. Близкие к этому взгляды на грамматическую форму разделял и акад. А. А. Шахматов. Для Шахматова в содержание грамматической формы входили не только формы словоизменения и словообразования, не только порядок слов, ударение, интонация, связь с другими словами, но и служебные слова и даже корни слов в той мере, в какой они выражают не вещественные, реальные, а сопутствующие грамматические представления⁸⁰. Быть может, целесообразнее вместо

употребления термина форма в этом значении пользоваться термином формальный признак, или внешний выразитель грамматической категории. Так и поступает проф. Л. В. Щерба. В статье «О частях речи в русском языке» он пишет: «Внешние выразители категорий могут быть самые разнообразные: „изменяемость“ слов разных типов, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, интонация, порядок слов, особые вспомогательные слова, синтаксическая связь и т. д. <...> Признаки, выразители категорий, могут быть положительными и отрицательными: так, „неизменяемость“ слова, как противоположение „изменяемости“, также может быть выразителем категории, например, наречия. Противопологая форму, знак - содержанию, значению, я позволю себе называть все эти внешние выразители категорий формальными признаками и этих последних... Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и во всех ее формальных признаков»⁸¹.

В связи с этими лингвистическими теориями развивается понимание форм слова как дополнительных формальных значений слова, сопровождающих основное (лексическое) его значение. С этой точки зрения уже нельзя говорить не только о языках, не имеющих формы, но в применении к языкам такого строя, как русский, и о словах, не имеющих формы, или бесформенных. Всякое слово оформлено уже тем, что оно несет известные грамматические функции, занимает определенное место в грамматической системе языка, подводится под ту или иную грамматическую категорию. Во многих философских теориях языка под формой разумеется заложенное в смысловой структуре слова представление его вещественного содержания в свете той или иной грамматической категории и в ее семантических пределах.

А. А. Потебня так формулировал эту мысль: «... слово заключает в себе указание на известное содержание, свойственное только ему одному, и вместе с тем указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями...»⁸² «Грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением»⁸³. Это грамматическое значение осознается на фоне системы языка в целом. «...Нет формы, присутствие и функция коей узнавались бы иначе, как по смыслу, т. е. по связи с другими словами и формами в речи и языке»⁸⁴.

В русском языке нет бесформенных слов, так как лексическое значение всякого слова подводится под ту или иную грамматическую категорию, так как грамматическое значение органически входит в смысловую структуру каждого слова, находя выражение в его речевом употреблении. К этому кругу явлений применимы слова Гегеля (в «Науке логики»): «Содержание не бесформенно, а форма одновременно содержится в самом содержании и не представляет собою нечто внешнее ему». В связи с этим необходимо вспомнить и запись В. И. Ленина в «Конспекте книги Гегеля «Наука логики»: «Форма существенна. Сущность формирована. Так или иначе в зависимости и от сущности...»⁸⁵ Этот принцип лежит в основе всего грамматического учения о слове.

Однако способы выражения грамматических значений и самый характер этих значений неоднородны у разных семантических типов слов. Так, междометия почти не связываются с другими словами. Они лишены флексий, суффиксов и префиксов. Они по большей части морфологически неразложимы. Являясь эквивалентами предложений, они обычно замыкаются в отдельное высказывание, осознаются как своеобразный аффективный и логически не расчлененный тип эмоционального высказывания. Грамматическая природа модальных слов определяется отношением их лексического значения к модальности того предложения, в которое они «вводятся». Чем уже круг синтаксических связей слова, чем ограниченнее его грамматические видоизменения, чем

неразложимее его морфологический состав, тем синкретичнее его природа, тем неразрывнее в нем связь лексических и грамматических значений.

Связочные слова характеризуются явным преобладанием грамматических значений над лексическими. В этом отношении они однородны с морфемами. Многообразие выражаемых ими грамматических отношений между понятиями (ср., например, значения предлога *в* или союза *что*) расширяет их семантический объем так, что по своей многозначности они превосходят все другие типы слов. Однако их значения особого рода. В них грамматические значения тождественны с лексическими. Внутренняя дифференциация частиц речи обусловлена различиями их синтаксических функций в составе простого предложения или сложного синтаксического целого.

Картина грамматических и лексических соотношений и взаимодействий резко меняется при переходе к частям речи. Легко заметить, что в некоторых частях речи как бы нарушен параллелизм в развитии грамматических и лексических значений и оттенков. В них лексические значения являются центром смысловой структуры слова и сохраняют свое внутреннее единство, несмотря на разнообразные грамматические видоизменения слова (например: *добрый, доброго, добрым, о добром* и т. п.). Прежде всего это наблюдение можно применить к тем частям речи, которые склоняются или спрягаются. Так, спрягаемое слово или глагол представляют собою сложную систему многочисленных грамматических видоизменений одного и того же слова (*пишу, пишешь, ты писал, я писал бы, пиши, писать, ты написал бы, напишу* и т. п.). Склоняемое слово, обозначающее предмет, обладает системой форм склонения (*сад, сада, саду, о саде, сады, садов* и т. п.). Следовательно, многие слова представляют собою систему форм, являющихся как бы видоизменениями одного и того же слова. Грамматическими формами слова называются те видоизменения одного и того же слова, которые, выражая одно и то же понятие, одно и то же лексическое содержание, либо различаются дополнительными смысловыми оттенками, либо выражают разные отношения одного и того же предмета мысли к другим предметам того же предложения. А. А. Шахматов в своем «Курсе истории русского языка» очерчивал круг форм слова более узко: «Грамматическими формами называются те видоизменения, которые получает слово в зависимости от формальной (не реальной) связи его с другими словами». По другому определению того же А. А. Шахматова, «разные виды слова, отличающиеся между собой своим формальным значением (познаваемым только из связи с другими словами), называются его грамматическими формами»⁸⁶. Понятие форм слова было положено в основу грамматического учения о слове акад. Л. В. Щербой⁸⁷. Л. В. Щерба, между прочим, указывал на то, что формами слова могут быть не только простые синтетические видоизменения слова, но и сочетания слов, сложные (аналитические) формы. Л. В. Щерба писал: «Надо отличать образования обозначений новых понятий и образование обозначений оттенков одного и того же понятия или связанных с ним побочных представлений... В каждой группе обозначений оттенков одного и того же понятия имеется слово (или форма), которое сознается основным»⁸⁸. (Так, им. п. ед. ч. существительного, например *город, учитель*, является такой же формой, как и остальные падежные формы того же слова. Но в силу своей назывной функции он воспринимается как представитель всей группы падежных форм, составляющей одно слово.) «Формами следует, между прочим, почитать такие сочетания слов, которые, выражая оттенок одного основного понятия, являются несвободными, т. е. в которых неперемнная часть сочетания, выражающая оттенок, употреблена не в собственном значении. Здесь, как и везде в языке (в фонетике, в «грамматике» и в словаре), надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих — оказываются колеблющи-

мися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста, так как здесь именно подготавливаются те факты, которые потом фигурируют в исторических грамматиках, иначе говоря, так как здесь мы присутствуем при эволюции языка»⁸⁹. О слове как системе или комплексе сосуществующих, функционально объединенных и соотносительных форм еще раньше учил проф. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Он настаивал на том, что даже те формы слова, которым традиционно присваивается роль представителей всех других форм слова (им. п. существительных и прилагательных, глагольный инфинитив), не могут существовать вне связи и соотношения с другими формами. «Нельзя говорить, — писал И. А. Бодуэн де Куртенэ, — что известная форма данного слова служит первоисточником для всех остальных и в них «переходит». Разные формы известного слова не образуются вовсе одна от другой, а просто сосуществуют (разрядка наша.—В. В.). Конечно, между ними устанавливается взаимная психическая связь, и они друг друга обуславливают и путем ассоциации одна другую вызывают. Но с одинаковым правом мы можем говорить, что форма *вода* «переходит» в форму *воду*, как и наоборот, форма *воду* в форму *вода*»⁹⁰. Таким образом, в кругу частей речи отдельные категории (или классы) слов представляют собою замкнутые, построенные по строгим правилам грамматики системы форм, чаще всего вращающихся в пределах парадигмы (склонения, спряжения, степеней сравнения). Формы слов в русском языке образуются, в основном, теми же способами, что и слова: 1) посредством сложения слов или форм слов (например: *буду читать* — сложная, аналитическая форма будущего времени глагола *читать*; *самый красивый* — сложная аналитическая форма превосходной степени прилагательного *красивый* и т. п.); 2) посредством окончаний и суффиксов (например: *стена* — *стенка*; *выиграть* — *выигрывать*; *рука* — *руки* — *руке* и т. п.); 3) посредством префиксации (*делать* — *сделать*; *бледнеть* — *побледнеть*; *скверный* — *прескверный* и т. п.); 4) посредством комбинированного применения суффиксации и префиксации (например, в выражении *предобрейшей души человек* форма *пре-добрейшей* принадлежит к системе форм слова *добрый*); 5) посредством звуковых чередований, чаще всего в связи с суффиксацией (включая сюда ударение, например: *год* — *года* — *года*): *села* — *сёла*; *заподозрить* — *заподозривать*; 6) посредством изменений ударения (*избы* — *избы*; *руки* — *руки* и т. п.). Понятно, что формами одного слова могут стать и бывшие прежде совсем обособленными разные слова. Это седьмой способ образования форм слов. Например: *человек* — *люди*; *брать* — *взять*; *укладывать* — *уложить*; *садиться* — *сесть* и т. п. (подробнее см. в моей статье «О формах слова»)⁹¹. Суффиксы, образующие формы слов (например: *вода* — *водица* — *водичка*; *убить* — *убивать* и т. п.), можно называть формообразующими в отличие от суффиксов, образующих новые слова (например: *учитель* — *учительский*, *учительство* и т. п.), т. е. от суффиксов словообразующих. Аффиксы, с помощью которых активно производятся новые слова и формы, являются живыми, продуктивными; аффиксы, выделяемые в словах и формах, но не образующие новых форм и слов, считаются непродуктивными и иногда даже мертвыми — в зависимости от степени и характера своей выделяемостиTM.

Не только к средствам словообразования, но и к средствам словоизменения или формообразования (к окончаниям, формообразующим суффиксам и префиксам) следует прилагать критерий продуктивности и непродуктивности.

Представителями женеvской лингвистической школы очень остроумно было замечено, что в грамматике понятие «мертвого», непродуктивного почти отождествляется с понятием «считаемого», обнимаемого числом. То, что

может быть сочтено, непродуктивно. Например, группа глаголов *бороть, колоть, полоть, пороть* исчерпана приведенными примерами. Это — глагольная «пыль» (по выражению де Соссюра). Новые глагольные типы не возникают по этому образцу. Напротив, то, что живо, — продуктивно, не подлежит числовому обозначению и выражению в грамматике.

Н. В. Крушевский различие между непродуктивными и продуктивными категориями словообразования и формообразования сводил к процессам «воспроизводства» и «производства». «Мы не можем сказать, что слово *волчий* имеет такую форму только потому, что оно постоянно воспроизводит-ся; оно производится, но производится по образцу своих структурных, а не материальных родичей... что же касается до форм, которые воспроизводятся как члены рядов, то они мало-помалу эмансипируются от своих систем, теряя все более и более признаки сходства наружного и внутреннего со своими прежними родичами, и приобретают самостоятельность»⁹² (например, *замуж, поделом*).

С этой точки зрения целые большие серии синтетических форм в современном русском языке придется признать непродуктивными.

В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому, и как в лексике слова перерастают в идиомы и фразы, так и в грамматике слово может обрастать сложными, аналитическими формами, своего рода грамматическими идиоматизмами.

Вопрос об аналитических элементах в русском литературном языке был поставлен И. А. Бодуэном де Куртенэ на строго научную почву еще в семидесятых годах прошлого столетия⁹³. Эта же проблема попутно затрагивалась неоднократно В. А. Богородицким, который очень остроумно связывал факты грамматического «анализма» с развитием идиоматических сращений, с «переходом целого выражения как бы в одно слово определенной формы, где смысл отдельных частей уже ступшевывается (род опрощения)»⁹⁴. В качестве иллюстрации проф. Богородицкий указывал на описательную форму превосходной степени прилагательных *самый высокий*. Точно так же проф. Богородицкий — вслед за Бодуэном де Куртенэ — отмечал распад системы склонения имен существительных в русском языке (ср. рост и расширение употребления предлогов в соединении с падежными формами).

Очень наглядно очертил положение русского языка в системе аналитических и синтетических языков Н. В. Крушевский. В аналитических языках оттенки понятий выражаются преимущественно с помощью префиксов.

В русском языке, по мнению Н. В. Крушевского, есть признаки смешанной, переходной стадии от синтетического строя к аналитическому. «На такие формы, как *о волке, наилучший, самый лучший*, где оттенок идеи выражается и префиксом, и суффиксом, следует смотреть как на формы переходные от настоящих „синтетических“ (ср. старинное *КиевЪ*) к „аналитическим“ (ср. болг. *добр, по-добр, най-добр*; фр. *grand, plus grand, le plus grand* и проч.)»⁹⁵.

К сожалению, в последующей грамматической традиции вопрос о соотношении, смешении и взаимодействии аналитических и синтетических форм слов, об усилении и росте анализма в грамматической системе русского языка заглох. Между тем распространение аналитических форм в русском языке связано с усложнением системы формообразования, с изменением грамматических границ слова и его объема, с ростом фразеологических единств и сращений. Из грамматического слова вырастают грамматические идиоматизмы и аналитические словосочетания. Флексии замещаются лексическими элементами, которые образуют новые грамматические формы⁹⁶. Все это не может не отражаться и на структуре словаря. Аналитические формы слова, лексикализуясь, становятся самостоятельными словами или идиомами

(ср., например, наречия *на лету, наяву* и т. п.; ср. предлоги *по части, по линии, в отношении* и т. п.).

Итак, система грамматических форм неоднородна у разных типов слов.

Понятно, что слова, представляющие собою системы грамматических форм, резко отличаются от слов, в которых с морфологической точки зрения признаки слова и формы слова совпадают (таковы, например, наречия *верхом, сегодня, завтра, всегда* и т. п.).

Различия в грамматической структуре разных частей речи обусловлены различиями их синтаксических функций. А эти различия, в свою очередь, органически связаны с системой основных грамматических категорий, которые определяют строй предложения и его эволюцию. В зависимости от строя предложения находится и состав частей речи. Еще А. А. Потебня заметил: «Существенный признак предложения в наших языках состоит в том, что в предложение входят части речи; если их нет, то нет и нашего предложения»⁹⁷. Различия в образовании, употреблении и значении слов и форм слов отражают дифференциацию частей речи.

Все это взаимосвязано и находится в постоянном движении, отражая эволюцию языка и мышления. И. А. Бодуэн де Куртенэ писал об этом: «Жизнь слов и предложений языка можно бы сравнить с *regretuum mobile*, состоящим из весов, беспрестанно осциллирующих (колеблющихся), но вместе с тем подвигающихся беспрестанно в известном направлении... Нет неподвижности в языке... Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики»⁹⁸.

Грамматическое учение о слове прежде всего должно выделить те общие категории, которые намечаются или обозначаются в системе основных типов слов современного русского языка, особенно в системе частей и частиц речи как существеннейших конструктивных элементов предложения.

§ 7. Система частей речи и частиц речи в русском языке

Из общих структурно-семантических типов слов русского языка наиболее резко и определенно выступают грамматические различия между разными категориями слов в системе частей речи. Деление частей речи на основные грамматические категории обусловлено: 1) различиями тех синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в связной речи, в структуре предложения; 2) различиями морфологического строя слов и форм слов; 3) различиями вещественных (лексических) значений слов; 4) различиями в способе отражения действительности*; 5) различиями в природе тех соотноси-

— • Некоторые лингвисты, например О. Jespersen, И. И. Мещанинов, предлагают различать при изучении строя языка «понятийные категории» (в отличие от общих логических и психологических категорий) и «грамматические категории».

«Понятийными категориями,— пишет акад. И. И. Мещанинов,— передаются в самом языке понятия, существующие в данной общественной среде. Эти понятия не описываются при помощи языка, а выявляются в нем самом, в его лексике и грамматическом строе. Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся... грамматическими понятиями. <..*) Понятийные категории могут выступать в лексике, синтаксисе и морфологии и, лишь выявляясь в формальной стороне синтаксиса и морфологии, они становятся грамматическими понятиями»". Мысль о необходимости различать общие семантические категории, лежащие в основе всей системы языка, и категории грамматические («грамматически выраженные понятийные категории») очень плодотворна. И все же до тех пор, пока с этой точки зрения не будут исчерпывающим образом исследованы и описаны системы разных языков, остается еще очень много неясного в определении существа «понятийной категории» и ее соотношения с грамматической категорией, в методах исследования системы понятийных категорий, влияющей на строй языка. Самый термин «понятийная категория» не безупречен с логической точки зрения.

тельных и соподчиненных грамматических категорий, которые связаны с той или иной частью речи. Не надо думать, что части речи одинаковы по количеству и качеству во всех языках мира. В системе частей речи отражается стадия развития данного языка, его грамматический строй. При выделении основных частей речи необходимо помнить завет И. А. Бодуэна де Куртенэ:

«Крайне неуместно измерять строй языка в известное время категориями какого-нибудь предшествующего или последующего времени. <...> Видеть в известном языке без всяких дальнейших околичностей категории другого языка не научно; наука не должна навязывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обуславливая его строй и состав»¹⁰⁰. «Следует брать предмет исследования таким, каким он есть, не навязывая ему чуждых ему категорий».

В традиционной русской грамматике, отражающей влияние античных и западноевропейских грамматик, сначала насчитывалось восемь, затем девять, теперь же — со включением частиц — обычно выделяется десять частей речи:

1) имя существительное; 2) имя прилагательное; 3) имя числительное; 4) местоимение; 5) глагол; 6) наречие; 7) предлог; 8) союз; 9) частицы и 10) междометия.

Кроме того, причастия и деепричастия то рассматриваются в составе форм глагола, то относятся к смешанным, переходным частям речи*, то считаются особыми частями речи (в таком случае число частей речи возрастает до двенадцати).

Количество частей речи в учениях некоторых лингвистов еще более возрастает. Так, акад. А. А. Шахматов вводил в круг частей речи префикс (например, *пре-*, *пau-* и т. п.) и связку. У него получалось четырнадцать частей речи. Если этот перечень дополнить разными другими претендентами на роль частей речи, выдвигавшимися в последнее время, (например, категорией состояния, распознаваемой в словах *можно*, *нельзя*, *надо*, *жаль* и т. п., вопросительными словами и частицами¹⁰¹, частицами уединяющими, вроде *и — и*, *ни — ни*, *или — или*, относительными словами и т. п.), то число частей речи в русском языке перешагнет за двадцать.

Но с той же легкостью, с какой растет число частей речи в грамматических теориях одних лингвистов, оно убывает в концепциях других.

Многие грамматисты (например, Потенбя, Фортунатов, Пешковский) отрицали у числительных и местоимений наличие грамматических признаков особых частей речи, указывая на то, что числительные и местоимения по своим синтаксическим особенностям близки к таким грамматическим категориям, как имена существительные, прилагательные и наречия. При этой точке зрения количество основных, самостоятельных частей речи уже уменьшается на две и сводится к восьми.

Однако и среди этих восьми частей речи также оказываются сомнительные, неполноправные. Легче всего оспорить право называться частью речи у междометий. «Как бы ни было велико значение междометия в речи, в нем есть что-то, что его обособляет от других частей речи, оно — явление другого порядка. ...Оно не имеет ничего общего с морфологией. Оно представляет собой специальную форму речи — речь аффективную, эмоциональную или иногда речь активную, действительную; во всяком случае оно остается за пределами структуры интеллектуальной речи»¹⁰².

Кроме междометий, из группы частей речи легко выпадают служебные слова. «Многие из «частей речи» наших грамматик не что иное, как морфемы

—* Отмечается, что причастие совмещает в своей структуре грамматические свойства глагола и имени прилагательного, а деепричастие — грамматические свойства глагола и наречия.

(т.е. выразители чисто грамматических отношений), — пишет Ж. Вандриес. — Таковы частицы, называемые предлогами и союзами»¹⁰³.

Исследователи (например, проф. Кудрявский), придерживавшиеся взгляда Потетни на полный семантический параллелизм частей речи и членов предложения, всегда отказывали в звании частей речи служебным, связочным словам, т. е. предлогу, союзу и частице. У таких исследователей количество частей речи ограничивается четырьмя основными: существительным, прилагательным, глаголом и наречием. Если лингвистический скептицизм простирается дальше, то подвергается сомнению право наречий на звание самостоятельной части речи. Ведь одни разряды наречий находятся в тесной связи с прилагательными (ср. включение качественных наречий на *-о* в систему имен прилагательных у проф. Куриловича), другие — с существительными, третьи не имеют ярко выраженных морфологических признаков особой категории. В основе некогда принятого последователями акад. Фортунатова грамматического деления слов по различиям словоизменения на: 1) падежные (*веселье*); 2) родовые (*веселый, -ая, -ое, весел, -а, -о, служил, -а, -о*) и 3) личные (*веселюсь, веселишься* и т. п.) лежало именно такое недоверчивое отношение к «грамматичное™» наречия. Таким образом, уцелеют лишь три части речи: имя существительное, имя прилагательное и глагол. Но еще в античной грамматической традиции существительные и прилагательные подводились под одну категорию имени. И в современных языках они часто меняются ролями. «Между ними нет четкой грамматической границы; их можно соединить в одну категорию — категорию имени, — заявляет Ж. Вандриес и заключает: - Продолжая этот отбор, мы приходим к тому, что существуют только две части речи: глагол и имя. К ним сводятся все остальные части речи»¹⁰⁴.

«Имена и глаголы — это живые элементы языка в противоположность его грамматическим орудиям»¹⁰⁵ (вроде предлогов, союзов и т. п.).

Из русских грамматистов никто еще не дошел до такого ограничения частей речи, но в фортунатовской школе высказывалось мнение, что глагол не соотносителен с именами существительными и прилагательными и что в морфологии можно управиться и без категории глагола. Проф. М. Н. Петерсон в своих ранних работах по русской грамматике в изложении словоизменения так и обходился без учения о глаголе как особом грамматическом классе¹⁰⁶. Лишь в своих новых «Лекциях по современному русскому литературному языку» (1941) он вынужден был признать глагол как категорию, «обозначающую признак, протяженный во времени».

Таковы колебания в учении о частях речи. Между разными взглядами лингвистов по этому вопросу — «дистанция огромного размера». Поэтому многим авторам грамматик старое учение о частях речи кажется совершенно скомпрометированным. А между тем к какой-то системе классификации слов приходится прибегать при изложении грамматики любого языка. Поэтому в грамматиках не редкость заявления вроде следующего: «Учение о частях речи принадлежит к числу наименее разработанных частей грамматики. Традиционная трактовка частей речи считается в современной лингвистике неудовлетворительной. Однако отсутствие сколько-нибудь установленных научно обоснованных новых точек зрения на этот вопрос заставляет нас в этом отношении держаться в рамках традиции»¹⁰⁷.

Выделение основных структурно-семантических типов слов помогает внести некоторую ясность в учение о частях речи. К частям речи не принадлежат ни модальные слова, ни междометия, ни связочные слова или частицы речи. Круг частей речи ограничивается пределами слов, способных выполнять номинативную функцию или быть указательными эквивалентами названий.

Среди этих слов «человек узнает одно слово как прилагательное, другое - как глагол, не справляясь с определениями частей речи, а тем же, в сущ-

ности, способом, каким он узнает в том или другом животном корову или кошку»^{1°8}.

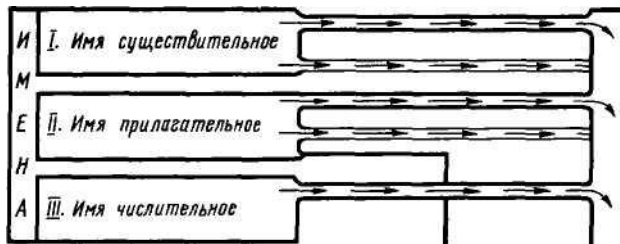
Части речи прежде всего распадаются на две большие серии слов, отличающихся одна от другой степенью номинативной самостоятельности, системами грамматических форм и характером синтаксического употребления.

В одной серии оказываются категории имен, категория местоимений и категория глагола, в другой — категория наречия. В современном русском языке наречия соотносительны с основными разрядами имен и глаголов. Но связь наречий с именами теснее, чем с формами глагольных слов. В современном русском языке происходит непрерывное передвижение именных форм в систему наречий.

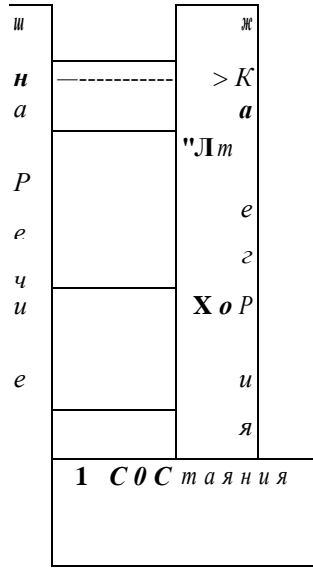
Изменения в строе русского языка, связанные с историей связки (так называемого «вспомогательного» глагола), привели к образованию особой части речи — категории состояния. Эта часть речи возникла на основе грамматического преобразования целого ряда форм, которые стали употребляться исключительно или преимущественно в роли присвязочного предиката. Под эту категорию состояния стали подводиться «предикативные наречия» (типа *можно, совестно, стыдно* и другие подобные), оторвавшиеся от категории прилагательных краткие формы (вроде *рад, горазд*), некоторые формы существительных, подвергшиеся переосмыслению (например: *нельзя, пора* и т. п.).

Так как связка пережиточно сохраняла некоторые формальные свойства глагольного слова, то на развитии категории состояния заметно сказалось влияние категории глагола.

Что касается категории имен, то в русском языке ясно обозначаются различия между именами существительными и прилагательными. От этих категорий в истории русского языка (особенно с XII — XIII вв.) обособилась категория количественных слов — категория имени числительного. Напротив, древний богатый класс указательных слов, местоимений в истории русского языка подвергся распаду, разложению. Большая часть местоименных слов слилась с категориями имен прилагательных и наречий или превратилась

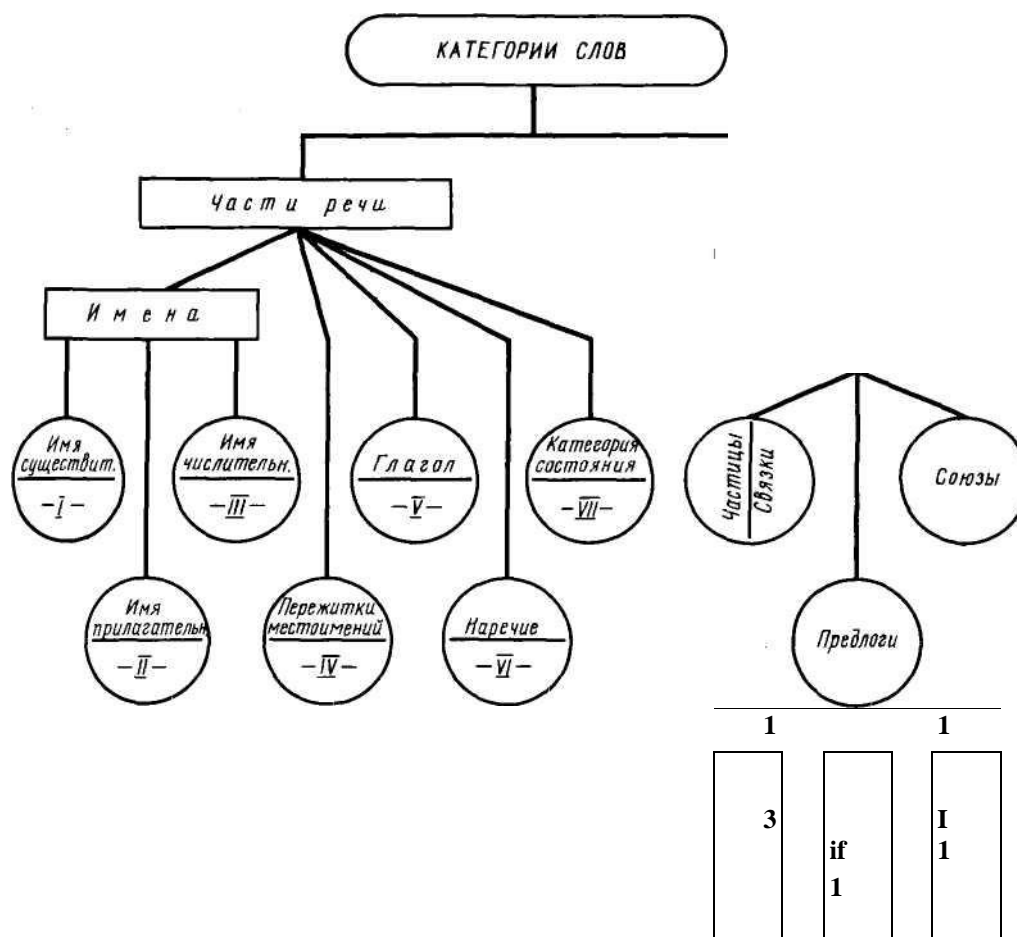

Ж Пережитки местоимений
(Предметно-личные
местоимения)
V. ГЛАГОЛ

ее причастие

и

в частицы речи, в грамматические средства языка. В системе современного языка сохранились лишь реликты местоимений как особой части речи (предметно-личные местоимения). Таким образом, система семи основных частей речи, свойственных современному русскому языку, может быть представлена в такой схеме (см. чертеж на с. 44):

I. Имена: 1) существительное, 2) прилагательное и 3) числительное.

II. 4) Местоимение (в состоянии разложения).

III. 5) Глагол.

IV. 6) Наречие.

V. 7) Категория состояния.

Система частей речи в структуре предложения сочетается с системой частиц речи (см. чертеж на с. 45):

1) Частицы в собственном смысле.

2) Частицы-связки.

3) Предлоги.

4) Союзы.

К частицам речи примыкают одной стороной модальные слова, образующие особый структурно-семантический тип слов.

Проф. А. Белич¹⁰⁹ думает, что модальные слова следовало бы объединить с частицами, предлогами, союзами в категории реляционных (т. е. выражающих отношения) слов-частиц. Действительно, среди модальных слов наблюдается большая группа частиц с разнообразными модальными значениями. Однако эти модальные частицы не исчерпывают и не определяют грамматическую природу всех вообще модальных слов. Модальные слова находятся во взаимодействии как с частицами речи; так и с разными категориями частей речи. Но синтаксические функции и семантическая структура большинства модальных слов иного рода, чем частей речи и частиц речи. В живом языке, как правильно заметил и проф. А. Белич, нет идеальной системы

с однообразными, резкими и глубокими гранями между разными типами слов. Грамматические факты двигаются и переходят из одной категории в другую, нередко разными сторонами своими примыкая к разным категориям. Такие же сложные семантические взаимодействия наблюдаются и в кругу модальных слов.

Грамматико-семантическая дифференциация внутри междометий также довольно разнообразна, как покажет дальнейшее изложение.

Задача последующего изложения — уяснить грамматическую природу основных типов слов в современном русском языке, описать систему частей речи с присущими каждой из них грамматическими формами и категориями, раскрыть функции частиц речи, наметить главные семантические разряды внутри категорий модальных слов и междометий.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «ВВЕДЕНИЕ»

1. Критический разбор труда А. Дювернуа. — Материалы для словаря древне русского языка. Спб., 1896, с. 8.
2. См.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.
3. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, с. 207.
4. Мещанинов И. И. Общее языкознание. К проблеме стадильности в развитии слова и предложения. Л., 1940, с. 35.
5. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 130.
6. Кацнельсон С. Д. Краткий очерк языкознания. Л., 1941, с. 34.
7. Мещанинов И. И. Общее языкознание, с. 37.
8. Щерба Л. В. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений. — В его кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958, т. 1, с. 35.
9. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики, с. 130.
10. Там же, с. 130-131.
11. Там же, с. 129.
12. Марр Н. Я. Избранные работы. Л., 1933, т. 1, с. 189-190.
13. Schuchardt-Brevier H. Ein Vademecum der allgemeinen Sprachwissenschaft. Halle, 1928, S. 135.
14. Кацнельсон С. Д. Краткий очерк языкознания, с. 23—24.
15. См.: Калинович Л. Поняття окремого слова.—Мовознавство, 1935, № 6.
16. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики, с. 108.
17. См.: Bloomfield L. Language. N.-Y., 1933, p. 177-178.
18. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики, с. 133.
19. Там же, с. 111.
20. См.: Trubetzkoy N. S. Grundziige der Phonologie. Prague, 1939, S. 34, 241-242.
21. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Л.— М., 1937, с. 81, 77.
22. Noreen A. О словах и классах слов.— Nordisk Tidskrift, 1879, p. 23. Ср. его же: Vart sprak. Nysvensk grammatik i utfortigt fram stallning, 7. Lund, p. 36.
23. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.—Л., 1934, с. 28. Ср.: Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие, с. 75.
24. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937, с. 178.
25. См.: Mathesius W. О potencialnosti jewu jazykovych. Praha, 1911. Ср.: Noreen A. Einfuhrung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache. Halle, 1923, S. 433-438.
26. См.: Journal de Societe finno-ougrienne, 1932, vol. 43, p. 21-22.
27. Сепир Э. Язык, с. 85-86.
28. Там же, с. 26.
29. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики, с. 111.
30. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. Лекции 1899/1900 гг. М 1900, с. 186, 187 [т. 1, с. 132].
31. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики, с. 113.
32. Von Humboldt W. Uber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss aus die geistige Entwicklung des Menschengeschichtes. Berlin, 1836, S. 272.
33. Ср.: Аскольдов С. А. Концепт и слово.— В кн.: Русская речь/Под ред Л В Щербы. Л., 1928, вып. 2, с. 41.

34. См.: *Сазноу Л.* La science du mot. Louvain, 1927, p. 21—22.
35. *Хлебников В.* Неизданные произведения. М., 1940, с. 329.
36. См.: *Шор Р. О.* Кризис современной лингвистики.—В кн.: Яфетический сборник. Л., 1927, т. 5, с. 67.
37. См.: *Schuchardt-Brevier H.* Ein Vademecum der allgemeinen Sprachwissenschaft, S. 117.
38. *Шор Р. О.* Язык и общество. М., 1926, с. 76.
39. См.: *Виноградов В. В.* Современный русский язык. М., 1938, вып. 1, с. 110-111.
40. *Мещанинов И. И.* Новое учение о языке. М., 1936, с. 261.
41. *Сенур Э.* Язык, с. 65.
42. См. статью В. Гумбольдта: *Über das Endstehen der grammatischen Formen und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung.*- *Gesammelte Schriften*, Bd. IV, 1820-1822. Ср.: *Pott A. F.* Wilhelm von Humboldt und die Sprachwissenschaft. Berlin, 1876, S. 297.
43. См.: *Schuchardt-Brevier H.* Ein Vademecum der allgemeinen Sprachwissenschaft, S. 135.
44. См.: *Март Н. Я.* Избранные работы, т. 1, с. 189-190.
45. См.: *Щерба Л. В.* Очередные проблемы языковедения.— *Изв. АН СССР, отд. литературы и языка*, 1945, т. 4, вып. 5; *его же:* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958, т. 1.
46. См.: *Ее.тућ А.* О јеЗН4кој природи и Језичком развјетку. Београд, 1941.
47. *Сенур Э.* Язык, с. 100.
48. Старый русский водевиль 1819-1849. М., 1937, с. 73.
49. Там же, с. 320.
50. *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. М., 1929, с. 93.
51. См.: *Покровский М. М.* Семасиологические исследования в области древних языков. М., 1895.
52. Ср.: *Покровский М. М.* Несколько вопросов из области семасиологии.—*Филологическое обозрение*, 1897, т. 12, кн. 1, с. 64.
53. *Де Сосаор Ф.* Курс общей лингвистики, с. 128.
54. См.: *Потебин А. А.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888, вып. 1-2, с. 6-7 [17].
55. Там же, с. 7 [18].
56. См.: *Marty A.* Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie. Halle_, 1908.
57. *Von Humholdt W.* Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechtes, S. 75.
58. *Потебия А. А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, с. 17 — 28.
59. Там же, с. 104.
60. *Marty A.* Über subjectlose Satze und das Verhältniss der Grammatik zu Logik und Psychologic. - *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*, Bd. 8, 1884, S. 161-192.
61. *Писарев Д. И.* Поли. собр. соч. В 6-ти т. Спб., 1901, т. 2, с. 282.
62. См.: *Sperber H.* Über den Affekt als Ursache der Sprachveränderung. Halle, 1914. Ср. также: *Bachmann Arm.* Zur psychologischen Theorie des sprachlichen Bedeutungswandels, 1935.
63. *Vally Ch.* Le langage et la vie. Geneve, 1913, p. 7, 24.
64. *Vandriues Ж.* Язык, с. 149-150.
65. *Бодуун де Куртет И. А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке. Спб., 1871 [Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, т. 1, с. 67].
66. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1925, вып. 1, с. 271 [278].
67. Там же, с. 303 [308].
68. Там же, с. 303 [309].
69. Там же, с. 307 [313].
70. Там же, с. 307.
71. См.. там же, с. 399.
72. *Кульмам Н. К.* [Рец. на кн.:] *Коиутућ Р.* Граматика руског јеЗНКа, Београд, 1914, т. 2.— *Изв. Отд. рус. языка и словесности АН*, 1915, т. 20, кн. 2, с. 329.
73. *Потебия А. А.* К истории звуков русского языка. Варшава, 1883, вып. 4, с. 83.

74. Подробнее см.: *Виноградов В. В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины.— В кн.: Труды Юбилейной научн. сессии ЛГУ. Л., 1946 [или в ст.: Об основных типах фразеологических единиц в русском языке.— В кн.: А. А. Шахматов. 1864- 1920/Под ред. С. П. Обнорского. М., 1947].
75. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики, с. 104.
76. См.: *Ries J.* Was ist ein Satz? Beitrage zur Grundlegung der Syntax. Hft. 3. Prag, 1931, S. 114-115.
77. См.: *Виноградов В. В.* Современный русский язык, вып. 1; *Галкина-Федорук Е. М.* Понятие формы слова.—Труды ИФЛИ, 1941, т. 9.
78. *Фортуатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение. Лекции 1899/1900 гг. [т. 1, с. 73].
79. См.: *Вандриес Ж.* Язык, с. 76-92.
80. См.: *Бернштейн С. И.* Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова.— Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1922, т. 25, с. 208 — 233; Грамматическая система А. А. Шахматова.— Русский язык в школе, 1940, № 4.
81. *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке. — Русская речь/Под ред. Л. В. Щербы. Л., 1928, вып. 2, с. 6-7 [Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 64-65].
82. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 35.
83. Там же, с. 39.
84. Там же, с. 45.
85. *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 29, с. 129.
86. *Шахматов А. Л.*—Курс истории русского языка. Лекции 1910/11 гг. Спб., 1911. Ч. 3: Учение о формах, с. 4 —5.
87. См.: *Щерба Л. В.* Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений, с. 35 — 39 [см. эту статью в кн.: Избранные работы по языкознанию. Л., 1958, т. 1]; *его же:* О частях речи в русском языке. [Избранные работы по русскому языку.]
88. *Щерба Л. В.* Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений, с. 35.
89. Там же, с. 35-36.
90. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* [Рец. на кн.:] *Чернышев В. И.* Законы и правила русского произношения. Звуки. Формы. Ударение. Опыт руководства для учителей, чтецов и артистов. Варшава, 1906.— Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1907, т. 12, кн. 2, с. 495 [т. 2, с. 143].
91. *Виноградов В. В.* О формах слова.— Изв. Отд. литературы и языка АН СССР, 1944, т. 3, вып. 1.
92. *Крушевский Н. В.* Очерк науки о языке. Казань, 1883, с. 116, 123.
93. См.: *Бодуэи де Куртенэ И. А.* Глоттологические (лингвистические) заметки. Воронеж, 1877, вып. 1, с. 31.
94. *Богородицкий В. А.* Очерки по языковедению и русскому языку. Казань, 1910, с. 16.
95. *Крушевский Н. В.* Очерк науки о языке, с. 114.
96. Ср.: *Жирмунский В. М.* Развитие строя немецкого языка. — Изв. Отд. обществ. наук АН СССР, 1935, № 4 (отдельно: Л., 1935); *его же:* От флективного строя к аналитическому.— В кн.: Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении. М.-Л., 1935.
97. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 64 [71].
98. *Венгеров С. А.* Критико-библиографический словарь. Спб., 1897, т. 5. Ср.: *Щерба Л. В.* Некролог И. А. Бодуэна де Куртенэ.— Изв. Отд. рус. языка и словесности АН СССР, 1930, т. 3, кн. 1, с. 325-326.
99. *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи, с. 196.
100. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке, с. 26 [т. 1, с. 68].
101. *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке.— В сб.: Русская речь, с. 18 [Избранные работы по русскому языку, с. 74].
102. *Вандриес Ж.* Язык, с. 114.
103. Там же.
104. Там же, с. 116.
105. Там же, с. 130.

106. *Петерсон М. Н.* Русский язык. М., 1935; *его же*: Современный русский язык. М., 1929.
107. *Зиндер Л. Р., Строева-Сокольская Т. В.* Современный немецкий язык. Л., 1941, с. 65.
108. *Jespersen O.* The Philosophy of Grammar. N.-Y., 1924, p. 62 [*Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958].
109. *Белик А.* [Рец. на кн.:] *Виноградов В. В.* Современный русский язык. Л., 1938, вып. 1 — 2. Гужнословенски филолог. Београд, 1938—1939, кн. 17, с. 259. Ср. также статьи: *Курилович Е.* Derivation lexicale et derivation syntaxique. Contribution a la theorie des parties de discours. — Bulletin de la societe de linguistique de Paris, 1936, t. 37 [см. в его кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 57 — 70]; *Сергиевский М. В.* Современные грамматические теории в Западной Европе и античная грамматика. Вопросы грамматики. — Уч. зап. I МГПИИЯ, 1940, т. 2.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

Части речи

I. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

1. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ И ГЛАГОЛ

§ 1. Предметно-смысловая основа категории имен существительных

Грамматическим стержнем имен¹ является категория имен существительных. Под эту категорию подводятся слова, выражающие предметность и представляющие ее в формах рода, числа и падежа. Относимое к категории имени существительного слово обычно представляет собою систему падежных форм единственного и множественного числа, воспроизводящую определенный родовой тип склонения (ту или иную парадигму)¹. Значение предметности служит тем семантическим средством, с помощью которого из названия единичной вещи возникает обобщенное обозначение целого класса однородных вещей или выражение отвлеченного понятия (ср. семантическую историю таких слов, как *ампер, памфлет, бойкот, мансарда, альфонс, галифе, альмавива, макинтош, вольт, геркулес, гильотина, браунинг, зоил, дон-жуан, жокей, каин, камелия, крез, лазарет, олух, ловелас, лукулл, меценат, кольт, маузер, рентген, сэндвич, фефела, фиакр, фофан, хам, доберман, винчестер* и т. д., в основе которых лежало собственное имя лица)².

«Форма имени существительного предназначена для сбережения духовного материала при помощи языка»³. Категория имени существительного обеспечивает возможность мыслить предметно, в форме названия, даже отвлеченные понятия о качествах и действиях.

§ 2. Взаимодействие между категорией имени существительного и категориями прилагательных, числительных и наречий

Выражая предметность, являясь средством опредмечивания разнообразных понятий и представлений, имя существительное находится в сложном взаимодействии со всеми другими классами слов*. Ярче и выразительнее всего контраст между именами существительными и глаголами.

К. С. Станиславский в своей замечательной книге «Работа актера над собой» учил артиста определять стоящую перед ним сценическую задачу глагольным словом, а не именем существительным. Ведь «имя существительное говорит о представлении, об известном состоянии, об образе, о явлении. Говоря о них, имя существительное только образно или формально определяет эти представления, не пытаясь намекать на активность, на действия»⁵.

Еще ярче противопоставлял семантические свойства имени существительного глаголу Герцен: «Названия — страшная вещь. Жан Поль Рихтер говорит с чрезвычай-

_____ * Характерен тот факт, что половина корневых элементов русского литературного языка воспринимается как основы имен существительных⁴.

ной верностью: если дитя солжет, испугайте его дурным действием, скажите, что *солгал*, но не говорите, что он — *лгун*. <...> «Это — убийца», — говорят нам, и нам тотчас кажется спрятанный кинжал, зверское выражение, черные замыслы, точно будто убивать — постоянное занятие, ремесло человека, которому случилось раз в жизни кого-нибудь убить»⁶.

Ближе и теснее всего связи имен существительных с категориями имен прилагательных и наречий. Имя существительное нередко выполняет те же синтаксические функции, что и наречие, и прилагательное. Между существительными и прилагательными, между существительными и наречиями намечаются переходные ступени. Взаимодействие имени существительного и наречия очень разнообразно. Но особенно ярко обнаруживается оно в тех случаях, когда имя существительное в форме косвенного падежа (чаще с предлогом) несколько ослабляет свое предметное значение и начинает употребляться в роли несогласуемого определения или обстоятельства. Таково, например, выражение *в миниатюре*. Оно переступает за черту форм и значений слова *миниатюра*.

Слово *миниатюра* имеет три значения.

1. Небольшая картина, отделка которой отличается особенной тщательностью, тонкостью и изяществом (*миниатюры Эрмитажа*), а в собирательном смысле — такие картины как род, жанр живописи (*искусство миниатюры*).

2. Переносно: произведение искусства небольших размеров, малой формы (*театр миниатюр*).

3. Разрисованная красками прописная буква или вообще небольшой рисунок в красках в старинной рукописи.

В стороне от этих значений стоит выражение *в миниатюре* (разг.) — в малом виде, в небольших размерах. Например: *Это — своеобразный университет в миниатюре*. (Ср. значения прилагательного *миниатюрный*: 1) относящийся к миниатюре, связанный по значению с миниатюрой: *миниатюрная живопись*; 2) переносно: маленький и изящный; вообще небольшой, очень маленький: *миниатюрный домик*, *миниатюрное личико*.)

Выражение *в миниатюре* занимает промежуточное положение между прилагательным *миниатюрный* и еще не определившимся наречием *в миниатюре*. Например: *Макет представлял в миниатюре внутренность старинного замка*. При сочетании с определительными словами это выражение может стать полноценным именем существительным. Ср. у Лескова в «Блуждающих огоньках»: «Ребенок есть тот же человек в *миниатюре*, которая все увеличивается».

Пути перехода форм имени существительного в наречия настолько разнообразны, что до сих пор еще никому не удалось всестороннее описание их.

Большая часть групп качественно-обстоятельственных и обстоятельственных наречий развивается за счет имен существительных (например: *волосы в скобку*, *прическа ежином*, *езда шагом*, *впопыхах*, *на днях*, *временами*, *со временем*, *ощупью*, *на ощупь*, *вроголодь* и т. п.). Многие имена существительные, еще не вполне сбросив с себя предметность, получают заметные оттенки адвербиальных значений (например: *до дна*, *грудь колесом*, *ноги колесом*, *на худой коней*, *без конца*, *на дармовщинку*, *до востребования*, *со всячинкой*, *до неузнаваемости*, *до невозможности*, *на ногах* и т. п.). Между тем наречию иногда предоставляется право выступить в роли существительного (ср.: «Из моего чудного, прекрасного *далека* тебя вижу» — Гоголь; «Из премудрого *далека*» — Тютчев и т. д.; ср. промежуточную форму. «Не из очень *далека*» — Достоевский, «Идиот».) Наречие, само образовавшееся из формы имени существительного, нередко дает жизнь новому существительному, от которого в свою очередь опять производятся наречия. (Ср. существительное *нахрап* из наречия *нахрап*, которое в свою очередь образовалось в воровском жаргоне из сочетания *на храп*, *на храпок**, а от *нахрап*

* Ср. в «Словаре жаргона преступников» С. М. Потапова (М., 1927): *на храпок* — схватить за горло (ср. *нахрапом* — насильно, усиленно) (с. 102); *храп*, *храпок* — горло (с. 180). Ср. в «Блатной музыке» В. Ф. Трахтенберга (Спб., 1908) статью под словом *храп* (с. 64). Ср. в холмогорском говоре *храпом* брать — насильно брать, с великим усердием добиваться (Грандилевский, Родина М. В. Ломоносова. — Сб. Отд. рус. языка и словесности АН, т. 83, № 5, с. 294). Ср. у Асеева: «В Москве уже твердо закреплен облик академического нищего без *нахрапа*» (Асеев Н. Проза поэта). Ср. в письме Г. Успенского к Гольцеву (от 12 октября 1889 г.): «В нем развивается *нахрап* завладевать местами, дающими жалованье» (Архив Гольцева, т. 1, с. 73).

вновь возникает наречие *нахрапом*; *заграница* — из наречий *заграницу*, *заграницей** и т. п.).

По иным направлениям развиваются связи имен существительных с именами прилагательными. От имен существительных зависит состав и пополнение таких грамматических разрядов, как имена прилагательные притяжательные, относительные и качественно-относительные, например: *крокодиловы слезы*, *полевой цветок*, *кожаная куртка*, *черепаший шаг* и т. д.

Многие из этих прилагательных замещаются предложными или беспредложными формами имени существительного как синонимами (*жизнь человека* — *человеческая жизнь*, *переплет из сафьяна* — *сафьяновый переплет* и т. п.).

С другой стороны, категория имен существительных непрестанно вовлекает в свою систему бывшие формы имен прилагательных (ср.: *портной*, *посыльный*, *верховой*, *вестовой*, *рядовой*, *рулевой*, *столовая*, *глухонемой*, *дежурный*, *часовой*, *уборная*, *жаркое*, *заливное*, *пирожное*, *второе*, *млекопитающее*, *беспозвоночные*, *рвотное*, *слабительное* и т. п.). Тем самым распространяется синтаксическое употребление имени прилагательного в роли заместителя существительного (ср.: *встречный*, *третий решающий*, *посевная*, *уборочная*, *первая конная*, *непокупное*, *зажитое*, *старое* и т. п.)**.

Многообразие синтаксических функций, выполняемых именами существительными, иногда ведет к осложнению и расширению значения предметности. Нередко в строе имени существительного предметность является лишь фундаментом, опорным пунктом, на котором воздвигаются близкие к имени прилагательному значения качественных признаков или состояний. Например, из прямого номинативного значения *мощи* выросло переносное употребление (в смысле: очень худой, исхудавший человек). В этом случае слово «*мощи*» не является названием. Оно служит лишь характеристикой состояния и обычно употребляется как сказуемое. Именно таково употребление фразеологического сочетания *живые мощи*. (Ср. следующий шаг на пути к отрешению от предметности в словах *не чета*, *не промах*; ср. у Тургенева в «Фаусте»: «Г. Шиммель, в свое время, был *малый не промах*».)

Так намечается иная сфера соприкосновения имен существительных с прилагательными. Имя существительное само тянется к именам прилагательным, приобретая качественные значения. (Ср. различия в предметном и качественном значении слова *отец* в выражении *отец* — *всегда отец*.) Поэтому-то иногда вместо постановки качественно определяющих прилагательных перед существительным (а способность иметь при себе определяющее прилагательное — одно из основных синтаксических свойств имени существительного) возможно употребление при нем количественных наречий. Например: «*Почти портреты*» (заглавие сборника шаржей Кукрыниксов); «*очень не дрянь*» (слова Чичикова в «Мертвых душах») и т. п.

Взаимодействие категорий имени существительного и местоимения настолько очевидно, что многие лингвисты не различают имен существительных и предметно-личных местоимений. Местоименные слова и основы глубоко проникают в круг именного словопроизводства и синтаксического употребления (например: *итог*, *себялюбие*, *отсебятина*, *тождество*, *ничтожество*, *всячина*, *лирическое «я»*, *самость*, *самец*, *самка* и т. п.). Не менее ясны те пути и направления, где скрещивается грамматическое движение имен существительных и имен числительных. Не удержав в своей системе группы имен числительных от *пяти* до *тысячи* (бывшие собирательные существительные), имя существительное, однако, не уступает категории числительных обозначения больших чисел (*миллион*, *миллиард*, *биллион* и т. п.), заимствованные из западноевропейских языков, и возмещает свои старые утраты производством разнообразных количественно-предметных слов от основ числительных (*пятерка*, *пятерня*, *пяток*, *тройка*, *тройня*, *троица*, *троечка*, *сотня*, *прост*, *сотняга*, *сотняжка* и т. п.).

Таким образом, центральное положение имени существительного в системе основных частей речи (кроме глагола) вырисовывается очень ясно. Но и за этими пределами существительные широко распространяют свои продукты, изменяя свои грамматические значения и пополняя инвентарь разных служебных категорий. Отчасти через область наречий, а отчасти и непосредственно имена существи-

* Ср. у Достоевского в «Бесах»: «Эти «за кулисы» были довольно узкое пространство, отгороженное от публики наглухо занавесью».

** Семантическое соотношение категорий имен прилагательных и существительных изображено А. А. Потебней⁷.

тельные переходят в предлоги (например: *вследствие, в силу, в течение, по части, вокруг, кругом* и т. п.). А отсюда один шаг и до союзов, главным образом причинных, временных и условных (например: *с тех пор как, вследствие того что*; ср. прост, *добро бы, благо* и т. п.). Кроме того, имена существительные оказывают большое влияние на формирование разрядов модальных, так называемых «вводных» слов (ср.: *кстати, словом, наверняка* и др.). Наконец, классы междометий в современном русском языке расширяют свой состав преимущественно за счет имен существительных, глаголов (императивные формы) и наречий (ср.: *тьфу, пропасть!; бабушки!; черт!; черта с два!; глупости!; красота!; эка важность!; дело — табак!* и т. п.).

Так в общих чертах определяется роль имен существительных в системе всех категорий, кроме глагола. (Ср. взгляд проф. А. Белича на слова со значением предметности как на единственный класс самостоятельных слов в человеческом языке вообще.)

§ 3. Имя и глагол

Грамматические отношения между именем существительным и глаголом лучше всего определяются общей формулой А. А. Потебни: «В русском языке, как и в других родных, по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола»⁸. Эта формула сохраняет (впрочем, с очень существенными ограничениями) свою остроту и силу для современного русского языка. Правда, формула Потебни имеет в виду все категории имен. Но среди них наиболее продуктивны и многочисленны имена существительные и прилагательные. Имена числительные (а также местоимения), как покажет дальнейшее изложение, теперь находятся в состоянии грамматического распада. Понятно, что ярче всего антитеза глаголу выражена в именах существительных*. Следует наметить общий абрис соотношений имени и глагола, прежде чем детально изображать характеристические свойства имени существительного.

Грамматический и семантический объем имени (особенно имени существительного) уже, теснее, чем у глагола. Характерно, например, что фонетические варианты форм одного слова (используемые для различения форм фонетические чередования) в современном русском языке очень ограничены в грамматической системе имен (исключая, конечно, личные местоимения). В формах имен существительных распространены лишь чередования твердых и мягких согласных (например, *рыбы — рыбе*); переходы ударений (ср. дифференциацию форм: 1) род. ед. *глаза* — им. мн. *глаза*; *сукна* — *сукна*; *воды* — *воды* и т. п.; 2) дат. и предл.: *дыму* — *в дыму*; *пыли* — *в пыли* и т. п.); связанные с ударением замещения (субституции) ударных и неударных гласных (*года* — *года* и т. п.); беглые *о* и *е*, употребление которых строго упорядочено. Чередования согласных вроде *к — ч*; *г — ж* и т. п. наблюдаются у немногих имен существительных и притом только для различения основ единственного и множественного числа (*сук — суки — сучья*). Но категория числа имен существительных находится в особом положении сравнительно с категорией падежа. Она все более и более лексикализуется, т. е. используется как средство разграничения лексических значений и оттенков слова (ср.: *крюк — крюки и крючья; корень — корни и коренья*).

Формы множественного числа имени существительного иногда отрываются от форм единственного числа и превращаются в особое слово. Например: *бык* и *быки* — устой моста; *час* и *часы* — прибор для измерения и определения времени в пределах суток. Точно так же в формах имени прилагательного чередования согласных: *д — ж*; *т — ч*; *ст — щ*; *к — ч*; *г — ж*; *х — ш*; *з — ж*; *с — ш* свойственны лишь сравнительной степени на *-е*, а *к — ч*, *х — ш*, *г — ж*, *з — ж* — также и превосходной на *-айший*, например: *молодой* — *моложе*; *густо* — *гуще*; *высокий* — *выше* — *высочайший*; *низкий* — *ниже* — *нижайший* и т. п. Но формы степеней-сравнения тоже склонны к лексическому обособлению от соответствующих имен прилагательных, тем более что наречия располагают такими же, омонимными образованиями сравнительной степени (ср.: *он ро- стом выше меня* и *подняться еще выше по склону горы*)**.

—* Ср.: «Все существующее в пространстве — предмет, все существующее во времени — действие»⁹.

** Ср. замечание акад. А. И. Соболевского: «Место степеней сравнения не в синтаксисе и не в морфологии, а в словаре»¹⁰.

Совершенно иная картина фонетических соотношений открывается в системе форм глагольного слова. Здесь фонетические вариации форм очень широки (ср.: *еду* — *ехать*, *жать* — *жму*, *лечь* — *лягу* и т. п.). Основа одного и того же глагола иногда настолько изменяется в разных его формах, что становится фонетически неузнаваемой. Все это нисколько не нарушает семантического единства глагольного слова. Например: *лечь* — *лягу* — *лег*; *сесть* — *сяду* — *сел*; *взять* — *возьму*; *слать* — *шлю*; *жесть* — *жесту* — *жег*; *молоть* — *мелю*; *понять* — *пойму*; *учесть* — *учту* — *учел*; *мять* — *мну*; *жать* — *мену*; *прочесть* — *прочла*; *есть* — *ем* — *едим* и т. п. Среди глаголов оказывается даже такое слово, в котором вовсе нет этимологического «корня»: *вынуть* (нефонетически из более старого *вынять*, до сих пор широко употребляемого в диалектах; ср. форму несовершенного вида *вынимать*).

В современном русском языке парные видовые формы глагола относятся к системе форм одного слова, несмотря даже на то, что они иногда образуются от разных основ (например: *брать* — *взять*; *укладывать* ~ *уложить*; *говорить* — *сказать*; *ловить* — *поймать*; *класть* — *положить*; впрочем, в последних трех парах семантическое соответствие лишь частичное).

Таким образом, фонетическая структура форм различна у имени и глагола. Так, у глаголов в отличие от имен зубные чередования конечных согласных основы \d — ж; т — ч; ск — ст — ц; с — ш; з — ж) являются очень живыми даже в формах одного слова. Например: *заплатить* — *заплачу*, *заплаченный*; *разбудить* — *разбужу*, *разбужен*; *спросить* — *спрошу*, *спрошен*; *нагрузить* — *нагружу*, *нагружен*; *хохотать* — *хохочу*; *глядеть* — *гляжу*; *вязать* — *вяжу*; *писать* — *пишу*; *хотеть* — *хочу* и т. п.; в видовых формах: *заметить* — *замечать*; *зарядить* — *заряжать*; *пригласить* — *приглашать*; *нагрузить* — *нагружать*; *угостить* — *угощать*; *поворотить* — *поворачивать*; *спросить* — *спрашивать*; *омолодить* — *омолаживать* и т. п. Напротив, у имен неотглагольного происхождения чередования зубных звуков ограничены не только в формах словоизменения, но даже и в формах словообразования, т. е. в разных словах, произведенных от одной и той же основы. Они встречаются лишь: 1) в непродуктивных формах (приблизительно от 32 основ) степеней сравнения: *худо* — *хуже*; *молодой* — *моложе*; *жидкий* — *жиже*; *короткий* — *короче*; *высокий* — *выше*; *близкий* — *ближе*; *чистый* — *чище*; *частый* — *чаще*; *поздно* — *позже* и т. п.; 2) в немногих родственных существительных и прилагательных: *высь* — *вышина*; ср. устар. *вышний*; *толстяк* — *толщина*; *жижа* — *жидкость*; *низина* — *нижний*; *ближний* — *близкий*, *близость*; 3) в притяжательно-относительных прилагательных на *-ий*, *-ья*, *-ье*: *медвежий*, *говяжий*, *стерляжий* и т. п., в примыкающих к ним прилагательных на *-ячий*, соотносительных с названиями детенышей на *-ята*: *телячий*, *поросячий* и т. п.; 4) в рассеянных сериях слов: *господин* — *госпожа*; *город* — *горожанин*; *стыд* — *бесстыжий*; *француз* — *французенка*; *весна* — *вешний* и немногие другие.

Точно так же в отличие от именных основ в глагольных основах продуктивны чередования и —ил, б — бл, ф — фл, м — мл в системе форм одного слова. Например, в неологизмах: *оформить* — *оформлю*, *оформлен*; *разграфить* — *разграфлю*, *разграфленный*; жарг.: *угробить* — *угроблю*, *угроблен*; и т. д. Ср.: *сыпать* — *сыплю*; *спать* — *сплю*; *дремать* — *дремлю*; *щипать* — *щиплю*; *ушибить* — *ушиблен*; *затопить* (печь) — *затапливать*; *ослабить* — *ослаблять*; *обрамить* — *обрамлять* и т. п. (ср. отглагольные существительные: *капля*, *грабли*, *гребля* и т. д.; ср. единичные примеры этого чередования в чисто именных основах: *дешевый* — *дешевле*; *чернозем* — *земля*).

Показательны и другие резкие различия чередований согласных в формах именного и глагольного словообразования. Так, чередование *ц* — *ч* очень продуктивно в именном словообразовании {*лицо* — *личико* — *личный* — *личной*; *отец* — *отеческий* — *отечество* — *отчизна*; *овца* — *овечий* — *овчар* — *овчарка* — *овчарня* и т. п.}, но глагольным основам оно не свойственно.

Конечно, в смешанных отглагольно-именных и отыменно-глагольных образованиях картина чередований сильно изменяется. Но и здесь чередования зубных или губных согласных продуктивны лишь в том случае, если процесс словообразования исходит из глагольных основ; напротив, чередования *к* — *ч*, *г-ж*, *х* — *ш*, а также *ц* — *ч* преобладают в отыменных образованиях. Вот примеры зубных и губных чередований в отглагольных именах существительных:

1) В существительных на *-ение* (от глаголов на *-ить*): *брожение*, *извещение*, *правление*, *постановление* и т. д.;

2) *пряжа* (ср. *пряду*); *стужа* (*студить*); *ноша* (*носить*); *купля, ловля, гребля* и т. д.

Вместе с тем в глагольных формах наблюдаются чередования гласных, совершенно чуждые именным основам. Таковы, например, чередования *а — ё* (*лечь — лягу, сесть — сяду, объять — объемлю*; ср. *лезть — лазить*); *о — а* (*оформить — офармливать, заколет — закалывать* и т. п.). Только глагольным основам свойственны своеобразные беглые *и — ы* в образованиях несовершенного вида: *собрать — собирать; содрать — сдирать; созвать — сзывать; прислать — присылать; проспать — просыпать; оторвать — отрывать; подорвать — подрывать; подождать — поджидать; замкнуть — замыкать; проткнуть — протыкать* и т. п. (ср. также: *прочесть — прочту — прочитать; умереть — умру — умерать* и т. п.; *нажать — нажму — нажимать; зажечь — зажгу — зажигаю; начать — начну — начинать* и т. п.). Но ср. в отглагольных именах, производных от тех же основ, отсутствие форм без гласного (в нулевой степени): *задира, горлодер; зов — призыв; обжог; отрыв* и т. п. (ср. также: *замкнуть — замыкать — замок; послать — посылать — посол*).

Приемы выражения и функции некоторых чередований гласных очень различны в формах имени и глагола. Например, наличие, появление и исчезновение так называемых «беглых» гласных *е* и *о* в именах подчинено лишь принципу равносложности слова и не создает грамматического противопоставления форм (например: *рот — рта; рожь — ржи*; но ср. также: *рожьё; камень — камня; хитер — хитра* и т. п.; *письмо — писем; ведра — ведер; спальня — спален; сосна — сосен* и т. п.). В формах глагола появление беглых *о* (не перед *у**) связано с дифференциацией: 1) основ инфинитива и настоящего времени (*драть — деру; брать — беру; стлать — стелю; гнать — гоню, звать — зову*); 2) основ настоящего-будущего времени и инфинитива прошедшего времени в глаголах *н&. -ереть* (*умру — умереть, умер; тру — тереть, тер; запру — запереть, запер; простру — простереть, простер*), а также в некоторых других типах: *прочту — прочесть, прочел; жгу — жечь, жег* (ср. такую же функцию *а* в *мну — мять, мял*; ср.: *жать, распять, начать* и т. п.); ср. также: *толочь, толок* при *толку, толчешь*.

Таким образом, в системе глагола чередование *о* или *ы — и* с фонетическим нулем (с. исчезнувшим гласным) служит средством различения форм, т. е. оно морфологизовано, между тем как у имен чередование беглых *о* и *е* с нулем звука обусловлено лишь нормами благозвучия.

Между именами и глаголами наблюдаются и более общие различия в корневых элементах: чисто русские именные корни или непроизводные основы всегда оканчиваются на согласный (исключение — личное местоимение *я*, которое вообще не имеет для современного языкового сознания в им. п. ни окончания, ни корня; ср.: *ты, мы, вы*), между тем как глагольные корни нередко оканчиваются на гласный звук: *зна-(ть), гни-(ть), ду-(ть)* и т. д. Конечно, эти различия несколько осложнены заимствованиями (вроде *боа, радио, адажио* и т. п.) и сокращенными названиями (типа *врио, ОНО, МГУ* и т. п.).

Противопоставление имени существительного и глагола сказывается и в характере окончаний. В окончаниях имен существительных (кроме нулевого окончания) сменяются по большей части гласные (*у, о, а, е, и, ы*), далее губные согласные (*м, ми, в — ф*) и *х*; в глаголах гласные (*у, е, и, а*) в конечном открытом слоге сравнительно редки, чаще на конце форм — согласные *ш, с*, губной *м* и зубные *т, т'* (а также *л*).

Контраст имени и глагола поддерживается и морфологическими отличиями в приемах словообразования. В продуктивных классах имен существительных и прилагательных преобладает суффиксальное словообразование. Очень редко применяется комбинированный прием образования слов посредством суффиксации и префиксации (например: *междуречье*). Творчество новых суффиксов за счет основ — господствующая тенденция развития именного строя¹¹. Этот закон, открытый еще И. А. Бодуэном де Куртенэ и Н. В. Крушевским¹², сохраняет свою силу и для современного русского языка. Так, суффикс лица *-ей*, разрастаясь, дает жизнь потенциальному суффиксу *-енеи* (ср.: *беженец*¹, заимствованное из чешского или болгарского языка;

* По законам современного русского языка слова не оканчиваются на согласный *ј* без предшествующего гласного, в связи с чем и воспринимается наличие беглого *е* перед *ј* в некоторых формах; ср.: *свинья — свиней; ружье — ружей; пью — пей; вью — вей; лей — лей* и т. д.

невозвращенец, перерожденец и т. п.), который к старому значению лица, подвергшемуся какому-нибудь действию (*переселенец, выведенец* и т. п.), присоединяет новое значение — лица, причастного к какой-нибудь деятельности, действию или даже к учреждению (например, *примиренец, просвещенец, невозвращенец* и другие подобные). Ср. ответвления от суффикса *-ик*: *-щик, -овщик, -ировщик, -ник, -овник* и другие подобные; от *-ский*: *-веский, -ческий, -енческий, -инский, -ический* и т. д.

Между тем в системе глагола продуктивные суффиксы единичны: *-ыва-, -ива-, -ова-, -ирова-, -изирова-, -изова-, -нича-, -ствова-, -а-, -ка-, -и-, -е-* (ср.: *военизировать, советизировать* и другие подобные).

В самых значениях суффиксов именных и глагольных наблюдается резкое различие. Глагольные суффиксы лишены многозначности, не создают разнородных семантических классов внутри категории глагола. Лишь суффиксы *-и(ть)* и *-е(ть)*, с помощью которых производятся глаголы от имен прилагательных, выражают грамматическое противопоставление двух разрядов: *дел а т ь к а к и м (темнить)* и *д е л а т ь с я к а к и м (темнет)*. Ср. в «Идиоте» Ф. Достоевского: «И позвольте вас спросить, почему вы давеча *остолбенели* на месте: что во мне такого *остолбняющего*!» Остальные глагольные суффиксы определяют лишь общее направление и способ словопроизводства (глаголы на *-ничать, -ствовать, -евать* — отыменные образования; *-кать* — отмеждоментные и т. п.). Между тем значение именных суффиксов «классифицирующее»: предметы при их посредстве распределяются по категориям лица, орудия, места, отвлеченности, собирательности, единичности и т. д. Именные суффиксы обозначают принадлежность предмета к тому или другому «классу представлений»¹⁴.

В кругу имен приемы префиксального формообразования и словообразования мало распространены. Формы чистой префиксации здесь связаны главным образом со значениями степени, например: *сверхчеловек, раскрасавица, обер-бандит, ультраправый, архиплут, прескверный, наилучший* и т. п. Реже значение префиксов отрицательное или противительное, выражающее враждебность, отсутствие, отрицание, исключение, фиктивность, мнимость. Например: *анти-, не-, экс-, квази-*; в именах прилагательных *без-* (например: *экс-граф, квазипатриот, антисемит, недруг, беззаконный* и т. п.).

Только в случаях комбинированного, префиксально-суффиксального словообразования ярко выступают и другие значения префиксов (*заречье, побережье, по-смертный, зарубежный* и т. п.).

Напротив, в глаголах префиксы живут разнообразной и напряженной жизнью (*пить — запить, выпить, отпить, попить, допить* и т. п.)*. Те дополнительные значения, которые вносятся ими, изменяют лексическое содержание глагола и влияют на его грамматические функции. Господство префиксов придает системе русского глагола отпечаток агглютинативного строя. В глаголах непрерывно усложняются и видоизменяются приемы префиксального формообразования и словообразования. Между тем новых глагольных суффиксов не возникает (варианты *-овать, -ировать, -изовать, -изировать* явились единственным плодом западноевропейского влияния на русские глагольные суффиксы; укрепление и распространение *-овать* в заимствованных словах, отчасти связанное с влиянием польского языка, относится к концу XVII — началу XVIII в.).

Круг применения старых суффиксов глагола сокращается. Например, в незаимствованных словах суффиксы *-евать, -овать (зимовать, горевать, вековать, торговать, толковать)* и *-овать (требовать, сетовать, пользоваться, расходовать* и т. п.) стали в общем непродуктивны. Более жизненны в книжной речи лишь производный вариант *-ствовать*. Напротив, продолжают возникать и распространяться новые сложные приставки глаголов. Таковы *обез-* (*обезлошадеть, обезпамятеть* и т. д.), *недо-* (*недоучесть, недосмотреть* и т. д.) и т. п.

В отличие от глагола у имен существительных приставки, если они не подчеркиваются соотносительными с ними суффиксами (как, например, в словах *заречье, по-*

* Грамматический контраст суффиксов и префиксов был очень ясно охарактеризован Н. В. Крушевским: «...они противоположны не потому только, что их объем и содержание находятся в обратном отношении: все существенные их черты противоположны. <...> ...Суффиксы отливаются гораздо большей способностью сочетаться друг с другом, чем префиксы; суффиксу свойственна преимущественно вариация морфологическая, префиксу — фонетическая»¹⁵.

речь, приморье, безлошадье), тяготеют к полному слиянию с основой (например: *огород, прибыль, убыток* и т. п.).

Обычно в отглагольном имени существительном, не имеющем суффиксов действия вроде *-ывани(е), -ани(е), -ени(е)* или даже *-к(а)*, приставка ассимилируется предметным значением корня и теряет свою морфологическую индивидуальность. Например: *замок* (но ср.: *замкнуть — замыкать; сомкнуть — смыкать — смычка; отомкнуть — отмыкать — отмычка* и т. п.). У многих глаголов под влиянием родственных имен существительных приставки сливаются с корнем. Ср., например, с одной стороны, глаголы *зарядить* (ружье) и *заложить* (вещи в ломбард) и, с другой — их омонимы *зарядить* (зачастить), *заложить* (за ухо) и т. п., где роль глагольных приставок жива и выразительна. Ср.: *взглянуть* (взгляд), *вкусить* (вкус) и т. д.

Морфологическое противопоставление имени и глагола выражается и в методах словосложения. Принципы словосложения, отчасти развившиеся в самом русском языке, отчасти унаследованные от греческого и церковнославянского языков и поддержанные, особенно в научно-философских, технических и публицистических стилях, влиянием языка немецкого, утвердились преимущественно в продуктивных именных категориях (существительных и прилагательных). Если оставить в стороне калькированные по греческому образцу славянизмы (типа *благодарить, благоговеть, благоволить* и т. п.), то сложные глаголы в большей своей части являются отыменными образованиями (например: *великодушничать, злорадствовать, славянофильствовать* и т. д.). При широком развитии составных новообразований в современном книжном языке (*хлебозаготовки, хлеботорговля, нефтелавка, вагонооборот, железобетон* и т. п.) сложных глаголов таким путем не возникает. Процесс производства сложных слов с основой существительного или прилагательного-наречия в первой части останавливается на границе глагола в сфере причастий (например: *товаропроводящий, хлеботорговец, жаропонижающий* и т. п., но ср. отсутствие глаголов *товаропроводить, хлеботорговать* и т. п.; ср. *душераздирающий* (крик), ср.: *душеспасительный, сердцещипательный* и т. п.).

Наконец, можно отметить еще один контраст между строем глаголов и имен существительных. В категории современных существительных любая бессуффиксная тема, получая функцию названия, становится формой именительного падежа (*снег, зав, зам* и т. п.). В области же глагола чистая основа может быть только или междометной формой глагола, выражающей звучание или стремительное движение (например: *бац, трах* и т. п.), или же формой императива (т. е. опять-таки формой, близкой к междометию). Формы прошедшего времени мужского рода, совпадающие с глагольной основой (*греб, тек* и т. п.), свойственны лишь непродуктивным группам глагола (*течь, грести* и т. п.), и количество образований этого типа сосчитано.

Еще глубже и разнообразнее различия между синтаксическими функциями имени существительного и глагола. Эти различия сказываются как в построении именных и глагольных словосочетаний, так и в структуре разных типов предложений.

Глубоким грамматическим различиям имени существительного и глагола соответствует и резкая лексико-семантическая разница между глагольными и предметными словами. Глагол семантически более емок. В смысловой структуре глагола нередко объединяются значения таких предметных основ, между которыми в современном языке разорвана даже этимологическая связь. Например, в значениях глагола *вытравить* сочетаются отголоски значений трех разных и в современном языке очень далеких существительных: 1) *отрава* (ср.: *вытравить всех мышей* здесь *вытравить* — значит извести отравой; из того же значения *отравы* выводятся два профессиональных значения слова *вытравить*: а) уничтожить путем химического разложения: *вытравить пятна*; б) сделать изображение на каком-нибудь металле при помощи едкого вещества: *вытравить офорт*; 2) *потрава* и, может быть, даже *травя* (ср. значение глагола *вытравить* — произвести потраву чего-нибудь: *вытравить луг* и 3) *травля* (ср. значение — выгнать травлей: *вытравить зверя из лесу*). Ср. также объединение значений слов *звон* и *звонок* в глаголе *звонить* (произвести звон и приводить в действие звонок).

Впрочем, для современного русского языка характерно увеличение смыслового объема также имени существительного и прилагательного. Так как литературный язык все шире захватывает и все сильнее притягивает к себе сферы разных профессионально-технических диалектов, все теснее смыкается с языком науки и техники, а также с разными профессиональными говорами и бытовыми жаргонами, то, естественно, значения многих имен обогащаются, усложняются. Смысловая емкость имен суще-

ствительных возрастает (ср., например, рост значений у слов: *база, квалификация, линия, лицо* и т. п.).

§ 4. Об основных грамматических категориях внутри категорий имен существительных

Семантический строй категории имени существительного глубоко отпечатлевается и в основных грамматических формах имени существительного—в формах рода, числа и падежа. Теми же формами располагает и имя прилагательное. Но там смысл их отличен, почти диаметрально противоположен. В именах прилагательных эти формы целиком синтаксичны. В именах прилагательных — это формы грамматического отношения имени прилагательного к определяемому слову, формы согласования с ним. В имени существительном синтаксические функции этих форм осложнены оттенками лексических значений. Даже падежи имени существительного являются в большинстве случаев не формами простого отношения, а формами соотношения. Зависимость падежа от глагола или другого имени мотивирована двусторонне — не только формой и значением управляющего слова, но и формой и значением самого падежа.

У имен существительных система склонения органически связана с категориями рода и числа. Взгляд на существительные только как на слова склоняемые механистичен. В этом случае формы и значения падежных изменений отвлекаются от системы связанных с ними значений числа и рода. Между тем выражение рода имени существительного спаяно с типом склонения единственного числа у всех слов, кроме некоторых обозначений лиц мужского пола (на *-а*) и кроме слов среднего рода (в косвенных падежах). Например, окончание *-у* в родительном падеже единственного числа является знаком мужского рода (*квасу, табаку, взгляду, виду* и т. п.). Формы числа независимо от падежных форм вообще не имеют никаких добавочных средств выражения. Ведь даже суффикс *-ин*, обозначающий единичное лицо, связан не только с единственным числом, но и с определенным склонением одушевленных имен существительных мужского рода (ср.: *крестьянин, -а* и т. д., мн. ч.: *крестьяне, крестьян* и т. д.). Эта структурная спаянность грамматических элементов ярко отражается не только в формах склонения, но и в формах словообразования существительных. Большая часть суффиксов имен существительных потенциально включает в себя указания и на тип склонения, и на категорию рода, и даже на категорию числа. Например, суффикс *-ин(ы)*, употребляющийся для обозначения событий рождения, наречения имени и связанных с ними бытовых обрядов и действий, влечет за собой сопутствующие указания на тип склонения (род. п. мн. ч. с нулевым окончанием) и на формы множественного числа. Суффикс *-иц(а)* образует существительное женского рода, изменяющееся по типу женского склонения на *-а*.

Таким образом, так называемые «формы словоизменения» вплетены или вклинены в систему словообразовательных категорий имени существительного, как бы химически слиты с ними*. В этом отношении снова намечается резкая грань между именами существительными и именами прилагательными. В именах прилагательных функции рода, падежа и числа тоже слиты в одном окончании. Но суффиксы имен прилагательных, кроме притяжательных *-ов, -ин* и отчасти *-ий, -ья, -ье*, не влияют на формы их склонения, хотя до некоторой степени предрешают вопрос о возможности или невозможности краткой формы; например, *-ин'-, -ск'-(домашний, сельский* и т. п.) не допускают образования кратких форм.

—* Вот почему при анализе форм словообразования имен существительных целесообразно сочетать с суффиксами и окончания.

2. РОДОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 5. Категория рода имен существительных и ее предметно-смысловое содержание

Категорию грамматического рода некоторые ученые не без основания считали и считают «наиболее характерным морфологическим признаком»¹⁶ имен существительных. Ведь в некоторых группах имен существительных могут отсутствовать внешние признаки других категорий: падежа и числа (ср.: *какаду, губоно, пари* и т. п.). Между тем отнесение к одному из трех соотносительных классов — мужского, женского или среднего (т. е. ни того, ни другого — ни мужского, ни женского) рода — обязательно для каждого имени существительного в единственном числе.

Все существительные, за исключением тех, которые употребляются только в формах множественного числа (*pluralia tantum*), распадаются на три формальных класса, известных под именем грамматических родов: мужской, женский, средний. Эти классы имеют обозначение и выражение в форме номинатива (им. п.), в некотором количестве особых падежных окончаний для каждого из них и в формах суффиксального словообразования.

У подавляющего большинства имен существительных, у тех, которые не обозначают лиц и животных, форма рода нам представляется немотивированной, бессодержательной. Она кажется пережитком давних эпох, остатком иного языкового строя, когда в делении имен на грамматические классы отражалась свойственная той стадии мышления классификация вещей, лиц и явлений действительности. Теперь же форма рода у большей части существительных относится к области языковой техники. По крайней мере, таково наше непосредственное языковое восприятие. В современном русском языке род больше всего определяется по окончаниям. Так, существительные с основой на твердый согласный (кроме *ж, ш*) и с нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа (вроде *совет, транспорт, самолет* и т. п.) относятся к классу слов мужского рода. Существительные с окончанием *-а (-я)* и его фонетическими безударными эквивалентами (например: *страна, селянка, работница, земля* и т. п.) воспринимаются, за исключением небольшого круга слов, относящихся к лицам мужского пола, как слова женского рода. Существительные на *-о, -е* (за исключением единичных слов и разрядов слов, относящихся к лицам и животным, например *Резниченко, Гнедко* и т. п.) образуют класс слов среднего рода. Наконец, род существительных на мягкий согласный и также на *-и, -ж* с нулевым окончанием именительного падежа единственного числа (*зверь, кость, нож, рожь, шалаш, чушь* и т. д.) определяется (исключая обозначения лиц, в которых родовые различия соответствуют половым различиям) только системой склонения единственного числа: слова с окончаниями, свойственными склонению *стол, -а* и т. д., входят в класс слов мужского рода, а те слова, которым присущи формы трех косвенных падежей на *-и* и творительного на *-ью*, присоединяются к классу слов женского рода*. Родовые различия в именах существительных, по морфологическому облику похожих на прилагательные (*портной, служащий, столовая* и т. п.), узнаются по тем же приметам, что и в прилагательных. В современ-

—•Список старых бессуффиксных имен существительных мужского рода мягкого склонения см. в «Русской грамматике» А. Х. Востокова¹⁷, а перечень таких же слов и мужского и женского рода - в «Практической русской грамматике» Н. И. Греча¹⁸. Г. Павский намечал такие семантические группы слов женского рода на мягкий согласный с нулевой флексией именительного падежа: 1) собирательные слова и отвлеченные, обозначающие качество, состояние и действие — женского рода. Поэтому сюда относятся отглагольные (а также отпричастные) слова на *-ль, -нь, -ть*, а также на *-знь, -ынь, -ость, -есть, -ель, -овь, -вь, -ядь, -адь*; 2) названия лиц женского пола и самок; 3) имена многих рек и областей¹⁹.

ном языке производство форм женского рода на мягкий согласный с нулем флексии в именительном падеже ограничено строго определенными грамматическими типами (*явный* — *явь*; *широкий* — *ширь*, *нечисть*, *посещаемость* и т. п.). Новые же бессуффиксные слова, оканчивающиеся на *-ж*, *-ш*, почти автоматически присоединяются к классу слов мужского рода (*сельмаш* и т. п.). Исключения единичны даже среди сокращенных обозначений.

Роль этих внешних примет особенно ярко выступает в распределении сокращенных или заимствованных слов по родовым группам. Так, греческие слова среднего рода на *-ма* (*система*, *схема*, *тема*, *догма* и т. п.) русским языком (в отдельных случаях — через посредство латинского языка) воспринимаются как формы женского рода. Латинские слова среднего рода на *-ум* в русском языке становятся словами мужского рода (например: *аквариум*). Но и здесь — при освоении заимствований — большое значение имеют смысловые аналогии и предметные связи (ср. род чужих названий городов, рек, газет и т. п.). Заимствованные слова могут включаться в родовой класс по смысловым связям с теми или иными русскими словами. Например, *криг* — с *война*; ср. «пресловутая *блицкриг*»; *рифма* — с *стопа*, *строка* (греч. ризцоа; ср. *ритм*); *виолончель* (итал. *violoncello*, фр. *la violoncelle*) — с *скрипка*; *кети* — с *шапка* (фр. *le keri*; ср. *кепка*); *паустет* (*die Pastete*) — по аналогии с *пирог* и т.п. Кроме того, родовая квалификация заимствованных слов может зависеть от того родового класса, к которому принадлежит в русском языке слово со значением соответствующего общего понятия (*genus*). Например, названия иностранных газет — женского рода (по роду *газета*); названия городов, если эти названия не соответствуют морфологическим нормам современного русского языка, зачисляются в класс мужского рода: *Туансе*, *Баку*, *Токио* и т. п.; названия рек — женского рода и т. п.

Категория рода имен существительных, представляя собой во многих отношениях палеонтологическое отложение отживших языковых идеологий*, однако, не является в современном русском языке только техническим шаблоном «оформления» существительных. Она еще знаменательна²⁰. Правда, на основе современного языка и современного мышления нельзя непосредственно уяснить, почему слова *потолок*, *сор*, *мор*, *сыр*, *жир*, *гроб*, *город*, *год* и т. п. — мужского рода; *стена*, *весна*, *плесень*, *плешь* — женского рода, а *поле*, *море*, *солнце*, *время*, *небо*, *лето* — среднего рода. Самые мотивы распределения слов одного вещного круга (например: *море*, *озеро*, *река*, *ручей*, *звезда*, *луна*, *солнце*, *месяц*) по разным родам представляются непонятными. Так же неясно, почему *живот* мужского рода, а *пузо* или *брюхо* — среднего. Никто из говорящих на современном русском языке не осознает причины, почему из названий деревьев *вяз*, *клен*, *ясень*, *дуб* — мужского рода, а *липа*, *осина*, *береза*, *сосна*, *ива*, *ветла*, *черемуха* и др. — женского; или почему, например, кроме слова *дерево* (и *растение*), нет других русских обозначений деревьев среднего рода.

Один остряк в 20-х годах XIX в. считал непоправимым и непонятным противоречием русского языка то обстоятельство, что в нем слова *доброта*, *надежда* и *снисходительность* относятся к женскому роду, а *гнев*, *сумасшествие* и *каприз* — к мужскому и среднему^{21**}.

* Изложение разных теорий о происхождении категории грамматического рода см.: *Jesper-sen O.* Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. Heidelberg, 1925, Kap. 19, S. 378-381; *The Philosophy of Grammar.* N.-Y., 1924, p. 166, 266. Ср. также: *Trombetli A.* Elementi di glottologia. Bologna, 1923, p. 256-258; *Cassirer E.* Die Begriffsform im mythischen Denken. Leipzig, 1922, S. 9. Ср. также замечания о категории рода в работах акад. Н. Я. Марра. Ср. гипотезы по вопросу о древнейших классификациях имен, легших затем в основу типов именного склонения, у Сипу (*Cuny A.* Etudes pregrammaticales sur le domaine des langues indoeuropeennes et chami-to-seraitiques. P., 1924).

** Можно думать, что эти остроумные замечания принадлежат юному Лермонтову.

Таким образом, внешние, чисто технические критерии родовой классификации как будто играют основную роль в системе имен существительных, не относящихся к лицам и живым существам. Ср.: *браслет* — *браслетка*, *жилет* — *жилетка*; *зал* — *зала* (**в редких случаях** — *зало*); *мотоциклет* — *мотоциклетка*; *санаторий* — *санатория*; *соусник* — *соусница* и т. п.

Правда, и в современном русском языке можно заметить некоторую последовательность в распределении отдельных групп имен существительных по родовым классам в зависимости от их значения. Так, к категории мужского рода относятся названия месяцев (*январь*, *февраль* и т. д.), металлических монет (названия бумажных денег — женского рода: *трехрублевка*, *пятерка*, *сотня* и т. п.), кустарников, ветров и др. К классу слов женского рода — названия сортов яблок, видов огнестрельного оружия (*двустволка*, *берданка* и т. п.). Но и тут мотивы родовой классификации могут быть вскрыты лишь историей языка. Во всяком случае, понятия мужской, женский не вяжутся с соответствующими разрядами слов, принадлежащих к категории «неодушевленности».

Но рядом с грамматическими представлениями о роде в нас живет и сознание реальных родовых представлений, зависимых от наших представлений о естественном поле живых существ. «Эти реальные представления влияют на грамматические представления, подчиняя их себе»²².

В современном литературном языке категория рода имен существительных выражается ярче всего в грамматическом противопоставлении названий лиц мужского и женского пола. Выстраивается такая вереница семантически соотносительных пар, коррелятивных слов, в которых женский род обозначается или одним окончанием, выполняющим функцию родовой форманты, или производящим суффиксом и окончанием: *кум* — *кума*; *раб* — *раба*; *чудак* — *чудачка*; *супруг* — *супруга*; *гость* — *гостья*; *сват* — *сватья* — *сваха*; *игумен* — *игуменья*; *болтун* — *болтунья*; *колдун* — *колдунья*; *мастер* — *мастерица*; *граф* — *графиня*; *господин* — *госпожа*; *плут* — *плутовка*; *черт* — *чертовка*; *герой* — *героиня*, *комсомолец* — *комсомолка*; *ударник* — *ударница*; *конторицик* — *конторицица*; *свекор* — *свекровь*; *старик* — *старуха*; *старикашка* — *старушонка*; *внук* — *внучка* (устар. *внука*); *кассир* — *кассирица*; *милиционер* — *милиционерша*; *опекун* — *опекунья*; *великан* — *великаница*; *студент* — *студентка*; *курсант* — *курсантка*; *коммунист* — *коммунистка*; *крестьянин* — *крестьянка*; *учитель* — *учительница*; *купец* — *купчиха*; *ткач* — *ткачиха*; *портной* — *портниха* и т. п. Ср. *поп* — *попадья* (с греч.). Ср. у Чернышевского в романе «Что делать?»: «...больше говорил с дочерью, чем с *управляющим* и *управляющей*». Менее последовательно соответствие категории рода полу живого существа выступает в обозначениях животных: *волк* — *волчица*; *осел* — *ослица*; *тигр* — *тигрица*; *лев* — *львица*; *медведь* — *медведица*; *орел* — *орлица*; *заяц* — *зайчиха*; *павлин* — *пава*; *кот* — *кошка*; *голубь* — *голубка*; *гусь* — *гусыня*; *индюк* — *индюшка* и т. п. Но ср.: *крыса*, *мышь*, *собака*, *лошадь*, *жук*, *муха*, *щука*, *окунь*, *карась* и т. п. Любопытно, что при родополовой дифференциации имена лиц женского пола и самок животных являются производными от соотносительных существительных мужского рода.

Было бы односторонне и ошибочно находить в современной категории рода лишь отражение реальных половых различий живых существ. Показательны грамматические приемы распределения по родам заимствованных несклоняемых существительных, имеющих нарицательное значение. Все несклоняемые существительные, обозначающие неодушевленные предметы, относятся к среднему роду (*кабаре*, *манто*, *кино*, *коммунике*, *рагу*, *ампула*, *жюри*, *бра* и т. п.), кроме слова *кофе*, которое употребляется в мужском роде (пью *крепкий кофе*). Существительные, обозначающие лиц женского пола, относятся к женскому роду (*леди*, *мистрис*, *мисс*, *мадам* и т. п.); заимствованные нескло-

няемые названия животных употребляются в женском роде лишь в том случае, если они подчеркнута указывают на самок, например: *шимпанзе кормила детеныша*. Вообще же все несклоняемые существительные, обозначающие живых существ, относятся к мужскому роду независимо от пола (например: *какаду, шимпанзе, гну* и т. п.).

Легко заметить, что и в чисто русских словах, являющихся названиями лиц, т. е. людей, формой мужского рода подчеркивается не столько идея п о -л а, сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека. Например, для общего логического обозначения понятия о людях, принадлежащих к классу крестьян, мы воспользуемся словом мужского рода *крестьянин*, отнюдь не подразумевая при этом мужчин, а имея в виду лиц обоюбого пола. Этот смысл очень ощутителен в таких выражениях, как *Дом крестьянина, газета «Вузовец», работники просвещения* и т. п. Идея пола остро выдвигается лишь в тех обозначениях лиц мужского пола, в которых половой признак подчеркнут дополнительно лексическим значением основы, например: *евнух, усач, двоеженец, родитель* и т. п.; ср.: *роженица, кормилица* и другие подобные. Однако в обозначениях лиц, в названиях человека (а не в характеристиках его) невозможны формы женского рода применительно к мужчинам в отличие от названий животных (*куница, белка, лисица, лягушка, змея* и т. п.). Все это говорит о том, что в категории мужского рода ярче выражена идея лица, чем идея пола (ср. *человек* и отсутствие формы *человечица*). В именах существительных, являющихся именами женщин, идея пола ощущается резче и определеннее. Но за пределами категории лица с родовыми классами сочетаются другие оттенки значений, не имеющие ничего общего или имеющие мало общего с идеей пола.

Таким образом, грамматическая форма рода может быть источником тонких семантических эффектов.

Даже в словах, обозначающих не живые существа, а вещи и отвлеченные понятия, с родовыми различиями связаны потенциальные смысловые оттенки. Речь идет не о семантических различиях между словами разного рода, имеющих общую основу (вроде *метод* и *метода, манер* и *манера, карьер* и *карьера* и т. д.). Суть в том, что категория рода и теперь оказывает влияние на семантическую судьбу слова. Прежде всего при отнесении или применении слова к лицу, при персонализации имени остро сказывается несоответствие рода и пола. Например, при наречении имени ребенку официальное (т. е. не фамильно-домашнее) женское имя или выбирается среди слов женского рода, или строится по их образцу. Женщина, нормально, не бывает ни *Миром Сидо-ровичем*, ни *Маем Дунаевичем* (ср. новые мужские имена: *Владилен, Коммунар, Краснослов, Любомир, Пурпур* и т. п.; женские: *Октябрина, Декрета, Заря, Искра, Коммунара, Нинель, Эра, Лада* и т. п.)²³.

Но, понятно, при экспрессивном преобразовании слова, при превращении его в ласкательное имя «детеныша» половые представления нейтрализуются. Тут возможны и употребительны уменьшительно-ласкательные формы мужского рода и в отношении лиц женского пола: *Верунчик, Дуст* и т. п.

Проф. А. В. Миртов правильно заметил: «Если грамматический род не отождествлять с полом, то придется признать, что и в названиях неодушевленных предметов грамматический род — не просто формальный пережиток, а в основном явление живое и семантически не погасшее. Сила семантических моментов значительно сказывается в многочисленных случаях возникновения колебаний в роде (возникновение родовых дубликатов слов) и в способах грамматикализации слов, заимствуемых из других языков» (Тезисы к диссертации «Категория грамматического рода в русском языке»).

В связи с этим следует вспомнить слова А. А. Потебни: «О том, имеет ли род смысл, можно судить лишь по тем случаям, где мысли дана возможность на нем сосредоточиться, т. е. по произведениям поэтическим»²⁴.

Смысловые оттенки, потенциально заложенные в формах грамматического рода, ярко выступают при образном употреблении слова. Тут, конечно, играет особенно большую роль принцип олицетворения, метафорической персонализации. Так, в известном стихотворении Гейне «Die Lotosblume» месяц — *der Mond* — изображается любовником, который пробуждает возлюбленную — *die Lotosblume* — своим лучом*. Лотос — *die Blunte* — стыдливая, кроткая девушка, дрожащая, краснеющая, льющая слезы. Понятно, что при буквальном переводе на русский язык этот строй образов не может сохраниться, так как слова *цветок* и *лотос* мужского рода и, следовательно, не могут символизировать женственное начало.

Sie blüht und gluht und leuchtet, Und starret stumm in die Hoh', Sie duftet und weinet und zittert Vor Liebe und Liebesweh.

Поэтому М. Михайлов в своем переводе этого стихотворения изменяет весь строй образов, рисуя любовное томление лотоса по луне:

И лишь только выплывает	На листьях душистых блещет
В небо кроткая луна,	Чистых слез его роса,
Он головку подымает	И любовно он трепещет,
Пробуждаясь от сна.	Грустно глядя в небеса.

Ср.: Der Mond, er ist ihr Buhle.

Er neckt sie mit seinem Licht Und ihm entschleiert sie freundlich Ihr frommes Blumengesicht.

Для сохранения ситуации и общей семантической атмосферы стихотворения А. Майков вместо *лотоса* изображает *лилию*.

	Лилия
От солнца лилия пугливо	И — всем дыханьем, полным цветом
Головкой прячется своей.	К нему запросится она...
Все ночи ждет, все ждет тоскливо —	Глядит, горит, томится, блещет,
Взошел бы месяц поскорей.	И, все раскрывши лепестки,
Ах, этот месяц тихим светом	Благоухает и трепещет
Ее пробудит ото сна,	От упоенья и тоски ²⁵ .

Еще более показательны смысловые вариации, обусловленные родовыми различиями тех слов, которыми передавалось немецкое *ein Fichtenbaum* в разных переводах стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam» («Lyrisches Intermezzo», XXXIII). У

Ф. И. Тютчева говорится о *кедре*:
На севере мрачном, на дикой скале,
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле.
И сон его буря лелеет.
Про юную пальму снится ему,
Что в краю отдаленном Востока

Под мирной лазурью, на светлом холму
Стоит и растет одиноко²⁶.

Пример заимствован из лекций проф. С. К. Булича по синтаксису русского языка.

У Лермонтова — под влиянием женского рода слова *сосна* — решительно меняется вся семантика стихотворения:

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой —

В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Л. В. Щерба замечает по этому поводу: «Мужской род (*Fichtenbaum*, а не *Fich-te*) — не случаен, и в своем противоположении женскому роду — *Palme* — он создает образ мужской неудовлетворенной любви к далекой, а потому недоступной женщине. Лермонтов женским родом «сосны» отнял у образа всю его любовную устремленность и превратил сильную мужскую любовь в прекраснотушние мечты. В связи с этим стоят и почти все прочие отступления русского перевода»*.

Известно, каким превращениям подверглась лафонтеновская басня «*Le sigal et la fourmi*» в переводе И. А. Крылова «Стрекоза и Муравей», оттого что в русском языке у действующих лиц изменился и род, и пол. Ведь слово *муравей* в русском языке мужского рода (фр. *la fourmi*), а в связи с этим *кузнечик* должен был превратиться в *попрыгунью стрекозу***.

Заложенные в форме рода потенциальные смысловые оттенки нередко реализуются и определяют путь метафорического употребления слова. Так, Н. В. Гоголь в «Петербургских записках 1836 г.» писал: «Москва женского рода, Петербург мужского. В Москве все невесты, в Петербурге все женихи...»; «...Москва — старая домоседка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается на свете; Петербург — разбитной малый, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европой, раскланивается с заморским людом».

Д. Н. Свербеев иронически отмечал несоответствие в форме рода между словом *Киев* и его прозвищем «*мать городов русских*»: «*Мать городов русских*, как называют часто Киев, неизвестно почему переделывая его в женщину»^{27а}.

Ср. в сказке Салтыкова-Щедрина «Добродетели и пороки»: «Произошло между ними в ту пору существо среднего рода, ни рак, ни рыба, ни курица, ни птица, ни дама, ни кавалер, а всего помаленьку. Произошло, выровнялось и расцвело. И было этому межеумку имя тоже среднего рода: «Лицемерие».

А. С. Шишков приводил любопытный пример толкования категории рода царской цензурой начала XIX в.: «Цензоры во все времена были у нас большею частию худы, то есть не довольно сведущи в словесности. Я помню, давно уже, что один из них не хотел пропустить выражения *нагая истина*, сказывая, что *истина* женского рода, и потому непристойно ей выходить в свет нагой»²⁸.

——* Ср. статью Л. В. Щербы в сборнике «Советское языкознание», вып. 2: «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом»²⁶.

** Для характеристики тех семантических оттенков, которые связаны в русском языке с категорией рода, интересны и обратные примеры перевода с русского на иностранные языки. Так, стихи Пушкина из «Пророка»: Отверзлись вещие зеницы, Как у испуганной орлицы — не могли быть буквально переданы на итальянском языке: итальянское *aquila* (орел) обозначает как самца, так и самку.

Граф Риччи перевел пушкинские стихи об испуганной орлице так:

Spalancaronsi gli occhi, uguali a quei D'aquila che sul nido si spaventì

(т. е. как у «орла, испуганного в своем гнезде»). Он писал Пушкину, что отсутствие в слове *aquila* (орел) родовых различий побудило его «поставить орла в положение, которое указывало бы на его пол и на причину, по которой он испытывает страх — чувство, вообще говоря, не свойственное гордой и смелой породе этого благородного животного»²⁷.

Таким образом, в кругу обозначений лиц, а также при образном олицетворении категория грамматического рода в современном русском языке имеет своей реальной базой представления об естественном поле живых существ, однако и тут с очень существенными ограничениями. В живой языковой системе эти представления своеобразно перерабатываются в соответствии с грамматической традицией и с семантическими особенностями слов.

Так, хотя в названиях лиц различение грамматического рода чаще всего основано на различиях в поле (т. е. на реальной отнесенности форм слова к свойствам существа), однако здесь наблюдаются своеобразные оттенки родовых различий, отражающие грамматический строй и социальное мировоззрение предшествующих эпох. Целый ряд слов, которыми обозначаются лица по званию, должности, занятию, профессии, сохраняет форму мужского рода и в тех случаях, когда соответствующие обозначения применяются к женщинам. Таковы, например, слова *доктор* (ученое звание), *доцент*, *профессор*, *инженер*, *архитектор*, *техник*, *математик*, *зоолог*, *философ*, *монтер*, *врач* (ср. *зубной врач Горохова*), *директор*, *агент*, *фининспектор*, *нотариус*, *бригадир*, *педагог*, *секретарь*, *вице-президент* и т. п.; ср.: *член общества, организации; председатель колхоза*: ср. сокращенные слова в применении к женщинам: *зав. зам, парторг, профорг, управдел* и т. п. Ср. у М. Горького в статье «Литературные забавы»: «Я была батрачкой, горничной, домашним животным моего мужа,— я стала *профессором философии, агрономом, партторгом...*» («Литературная газета», 1935, № 4). Ср. у Достоевского: «Старшая была музыкантша, средняя была *замечательный живописец*» («Идиот»).

Вот еще несколько литературных примеров: «*Молодец, женщина!* Вот что называется ребром поставить вопрос!» (Л. Толстой, «Война и мир»); «А невесте скажи, что *она подлец*» (Гоголь, «Женитьба»); «*Это была женщина-классик*» (Достоевский, «Бесы»). Ср. отсутствие параллельных форм женского рода в словах *удалец, храбрец, мудрец, товарищ* и т. п.

Точно так же в форме мужского рода остается большая часть сложных слов, означающих действующее лицо и в тех случаях, когда они применяются к женщинам, например: *водовоз, пивовар, винокур, скороход* (ср. у Островского в «Последней жертве»: «Я, было, крикнула,— не оглядывается, не бежать же мне за ней, я не *скороход*»), *дровосек, блюдолиз, буквоед, групповод, кружковод, садовод* и т. п. Но при пренебрежительной окраске характеризующего слова иногда образуются и формы женского рода с помощью суффикса *-к-*, например: *бузотерка, дармоедка, ротозейка* и другие подобные.

Отсутствие соотносительных слов женского рода во многих обозначениях лиц по профессии, должности, званию и — вследствие этого — применение слов мужского рода и к женщинам обусловлены разными причинами. Сюда относится: 1) преобладание мужского труда в кругу соответствующих должностей и профессий, особенно в дореволюционную эпоху (например: *доцент, профессор, инженер, поп, дьякон, кантор, шаман* и т. п.); 2) консерватизм, противодействие самой языковой системы, например: суффикс *-ша*, обязательный для большей части названий женщин по профессии и должности (особенно соотносительно с именами на *-ор, -ер*), обозначает женщину не только в сфере ее труда, но и в ее семейной роли, как жену кого-нибудь (ср.: *профессорша, инженерша* и т. п.); возможность двусмысленного понимания препятствует широкому распространению профессиональных обозначений с суффиксом *-ша*; 3) гораздо больший интеллектуальный вес и семантический объем, а также объективность, свобода от экспрессивных примесей и обобщенный характер официальных должностных обозначений мужского рода, сравнительно с экспрессивно окрашенными парными словами женского рода, имеющими суффиксы *-ша, -иха* (ср. *врачиха*) и *-к- (-ичка, -чка)*; ср., например, *техничка*,

меди́чка, исторична и т. п. для обозначения студенток соответствующих специальностей; 4) отсутствие живых, продуктивных образований женского рода от многих бессуффиксных слов, относящихся к категории лица и имеющих общее родовое значение, например от слов *человек, друг, враг, товарищ*; ср. *пловец* и отсутствие *пловица* в общем, непрофессиональном употреблении*. Ср. соотношение *борец* — *борчиха* в профессиональной терминологии, но в переносном, отвлеченном смысле употребляется слово *борец*: *женщина — борец за свободу*.

Дело в том, что слова мужского рода, относящиеся к категории лица, прежде всего выражают общее понятие о человеке — его социальную, профессиональную или иную квалификацию — независимо от пола. Формой мужского рода характеризуется имя человека вообще. Поэтому названия лиц в форме мужского рода могут относиться и к женщинам, если нет упора на половую дифференциацию особей. В категории мужского рода очень заметно значение социально активного лица.

Поэтому в современном русском языке те суффиксы лица женского пола, которые обозначают женщин по их профессионально-общественному положению, по происхождению, кругу занятий и т. п. (например: *-ка, -ица, -чица, -ница* п др.), ограничены в своем применении некоторыми семантическими условиями и грамматическими нормами. Они соотносительны с строго определенными типами обозначений лиц мужского рода (ср.: *знахарь — знахарка, свинарка, доярка; кулак — кулачка; конторщик — конторщица* и т. п., но невозможно — *врачка* или *врачица; рвачка* или *рвачица; человечица* к *человек; профессорка* или *щюфессорица; инженерка* и т. п.; ср. употребительное в начале XIX в. — до 40—50-х годов — *литератори* к *литератор*).

Следовательно, в категории рода социальная действительность отражается лишь в перспективе прошлого**.

_____ * Курьезны осмеянные Н. А. Добролюбовым в «Свистке» рассуждения автора грамматик В. А. Половцева о необходимости расширения и пополнения класса слов женского рода образованиями, параллельными официальным обозначениям мужчин. В эпоху буржуазной моды на эмансипацию женщин это казалось естественным (письмо «О женщинах» в «Журнале землевладельцев», 1858. № 8): «Журнал ваш (т. е. «Журнал землевладельцев». — В. В.) как будто не благоволит к прекрасному полу. Положим, что общее название «землевладельцев» относится к девицам, замужним и вдовам из помещиц, точно так же как и к сыновьям их и внукам, супругам и братьям, отцам и праотцам; тем паче под названием «крестьян», об улучшении быта которых теперь заботятся, надобно разуметь и крестьянок. Но вот в списках «дворян-помещиков разных губерний, подавших отзывы с изъявлением готовности упрочить быт своих крестьян», неужто ни одна губерния не упомянет и «дворян-помещиц»¹»

«Нельзя ли было напечатать списки хоть особой книжкою... Ошую могли бы быть мужчины, а одесную с пробелами — женщины и девицы. А уж если разделять да распределять, так можно было бы расписать имена и по классам супругов и отцов: *юнкерша* и *канцеляриетша* точно так же заняли бы свое место, как и *действительные тайные советницы, графини* и *светлейшие княгини*. Не знаю, почему у нас нет слова *другиня*, т. е. друг женского пола... Это совсем не *подруга, подружка, подруженьки*, которые веют на нас молодостью, и *друг* — не то. это мужчина. *Другиня*... могло бы быть самым почетным из всех званий женщины и даже девицы... У нас есть женские названия: *княгиня, героиня, богиня* от мужских *князь, герой* и (*юг* (языческий)). Почему же не быть *другине* от слова *другЪ*

Слово *другиня* употреблялось Тредиаковским. Ср. у Пушкина в «Тени Фонвизина» ироническое применение этого же слова:

Твоя невинная *другиня*,
Уже поблекший цвет певиц,
Вралих Петрополя богиня,
Пред ним со страха пала ниц.

Ср. у Чехова в повести «Бабье царство» (в речи Жужелицы): «Есть у меня знакомая девушка такая, *врагиня* моя лютая». *Врагиня* встречается и в стихотворном языке Бальмонта. ** См. замечание проф. М. Я. Немировского: «...прежнее угнетенное положение женщины, ее бесправие, отразилось и в языке отсутствием целого ряда терминов для обозначения женщины-специалистки, женщины, занимающей тот или иной "административно-государственный" или общественный пост, и т. п. А когда раскрепощение женщины стало совершившимся фактом,

Однако ряд слов, служащих обозначениями лица по должности или по профессии, в современном языке оброс суффиксами женского рода, преодолевая сопротивление старых грамматических моделей и их изменяя. Возникли многие парные названия для лиц мужского и женского рода, с тех пор как в общественном быту соответствующие места, должности или занятия вошли в сферу женского труда. Например: *бухгалтер* — *бухгалтериша*; *кассир* — *кассириша*; *кондуктор* — *кондукториша*; *летчик* — *летчица* и многие другие подобные. Ср. *чемпион* — *чемпионесса* (из газет) зо.

Несколько иного характера социальные мотивы отражаются в неразличении рода у некоторых названий животных. В большей части названий животных родополовая дифференциация находит грамматическое выражение. При наличии производных названий для самки общее название вида обычно выражается существительным мужского рода. Наиболее распространенные домашние животные (хозяйственно эксплуатируемые) имеют различные названия для самца и самки: *козел* — *коза*; *бык* — *корова* (ср. *теленки*) ; *баран* — *овца* (ср. *ягненок*); *боров* — *свинья* (ср. *поросенок*); *селезень* — *утка* ("ср. *утенок*) ; *петух* — *курица* (ср. *цыпленок*); *индюк* — *индюшка*. Для других случаев рядом с общим названием для самца и самки также существуют — при несколько более специальном или профессиональном уклоне речи — отдельные обозначения самца и самки: *собака* и рядом: *кобель* — *сука*; *лошадь* — при *жеребец* — *кобыла* (ср. *жеребенок*) ; *гусь* и рядом *гусак* — *гусыня*. Если же в общественно-хозяйственном обиходе половые различия животных не имеют практического значения, общее слово нередко обозначает и самца, и самку, сохраняя одну грамматическую форму рода — мужского или женского. Например: *мышь*, *крыса*, *лисица*, *куница*, *белка*, *сорока*, *обезьяна*, *кукушка*, *лягушка*, *змея*, *ящерица*, *акула* (все женского рода); *крот*, *горностай*, *соболь*, *носорог*, *бегемот*, *тюлень*, *ястреб*, *сокол*, *коршун*, *журавль*, *тетерев*, *глухарь* и т. п. (мужского рода)*. Ср. *кролик* — *крольчиха* в связи с хозяйственным интересом к кролиководству.

Названия животных отличаются от названий человека тем, что среди них есть слова, обозначающие породу животного без родополовой дифференциации. При этом такими общими названиями породы животного могут служить имена в форме не только мужского, но и женского рода (*мышь*, *крыса*, *муха* и т. п.). В заимствованных именованных животных, если эти имена по своему внешнему строению не соответствуют морфологическим моделям русского языка, возможно колебание в роде, например, в зависимости от семантических аналогий или от необходимости подчеркнуть половой признак. Например, *шимпанзе* — мужского и женского рода; ср.: *колибри*, *какаду*.

«Пол как признак, общий всем видам и породам животного мира, не является... существенным в наименованиях отдельных видов и пород, а потому в языке и не выражается, пока не окажется необходимым подчеркнуть, что речь идет об экземпляре определенного пола — мужского или женского»³¹.

В языке не хватило средств для создания новых терминов, необходимых для обозначения женщины в новых выпавших на ее долю ролях в общественной жизни, в производстве, в технике, науке и т. д.

Пришлось приспособлять старые, созданные для обозначения мужчин названия различных должностей, профессий, специальностей к новым функциям в качестве обозначений лиц женского пола, и это дело нередко наталкивалось на серьезные затруднения из-за отсутствия соответствующих языковых средств. Язык отстал от общественного развития, и в старые формы он пытается вместить новое содержание»²⁹.

* Рассуждения К. Brugmann (*Das Nominalgeschlecht in der indogermanischen Sprachen.* — *Internationale Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft*, Bd. 4, H. 1, S. 100 — 109) по поводу случаев этого типа очень формальны: «Здесь нет чутя грамматического рода, ибо если бы оно было, то при *der Hase* нужно думать только о самце, при *die Maus* — только о самке, и в *der weibliche Hase, die männliche Maus* нужно бы чувствовать внутреннее противоречие». Между тем родовое безразличие в названиях животных социологически оправдано.

В этом кругу семантических отношений наиболее неопределенным и фиктивным кажется содержание формы среднего рода. Однако не лишен значения тот факт, что как слова *дерево, растение* (ср.: *насекомое, ископаемое*), так и слово *животное*, а по нему все общие обозначения зоологических видов, подвидов и родов (*пресмыкающееся, беспозвоночное, кишечнополостное* и т. п.) относятся к категории среднего рода ('ср. также: *живое существо*).

Все эти наблюдения говорят о том, что категория грамматического рода в классе имен существительных пока еще обнаруживает явные признаки жизни. Утверждения некоторых грамматистов (например, М. Н. Петерсона), будто родовая классификация имен существительных в современном литературном языке разрушается, основаны на недоразумении, на поспешном обобщении диалектальных данных, относящихся к русским крестьянским говорам и свидетельствующих только о поглощении форм среднего рода формами женского рода в части южновеликорусских акающих говоров и формами мужского рода в других говорах³². Можно лишь утверждать, что удельный вес и продуктивная сила всех трех родов неодинаковы в современном литературном языке. Категория среднего рода, по мнению Потевни, «идет на убыль». Однако с каждым из трех родовых классов имен существительных связан свой круг значений. Так, в классе слов среднего рода, производящем впечатление менее продуктивного, в современном русском языке наблюдается очень заметный рост абстрактных имен (особенно в области отглагольно-именного словообразования).

§ 6. Взаимоотношение классов мужского и женского рода и грамматическая выразительность категории женского рода

Значения мужского и женского рода реальнее, чем среднего рода. В названиях живых существ они связаны с представлением о естественном поле. Вместе с тем они крепче спаяны грамматически параллелизмом и соотносительностью форм словообразования. В общем употреблении формы мужского и женского рода активнее, чем формы среднего рода. Не подлежит сомнению, что грамматической базой, отправным пунктом родовых различий имен является в современном русском языке мужской род. Это выражается в том, что всякая тема или корневая морфема, оканчивающаяся на твердый согласный и указывающая на лицо, вещь, учреждение, словом, на предмет, может стать без суффикса именем существительным почти исключительно мужского рода (ср., например, сокращенные слова: *ширпотреб, домком, исполком, комвуз, пролеткульт* и т. д.). Она непосредственно зачисляется в класс слов мужского рода, в то время как слова женского рода обычно нуждаются в дополнительных формальных средствах выражения рода. Новых бессуффиксных слов женского рода (кроме отвлеченных и собирательных существительных на мягкий согласный от именных основ вроде *заумь, бездарь* и т. п.) в современном русском языке не образуется. Так, вовсе нет бессуф-фиксных слов женского рода среди общеупотребительных сокращенных новообразований, вышедших за пределы условно-официальной номенклатуры. Женский род — сильный, подчеркнутый, наиболее четко оформленный из родовых классов. Это заметил еще К. С. Аксаков. Он считал форму женского рода на *-а* более «выразительной», «определенной и действительной» в отличие от мужского рода — «неопределенного»³³. «Именем мужского рода, неопределенным по своему значению, обозначается самый род *вообще (порода)* (*genus*, т. е. общее логическое значение лица.— В. В.), все *общее* значение имени... самый пол не выступает ярко, не определяется в имени мужском. Вся определенность, ограниченность, положительность, а вместе и пол, выступает в имени женском...» — писал К. С. Аксаков³⁴.

Для сравнительной оценки выразительности разных родовых классов показательно, что в современном русском языке названия детенышей (выражение незрелости), а также обозначения социально неполноценного человека относятся к мужскому роду. Слова мужского рода: *цыпленок, ягненок, жеребенок, теленок, волчонок, щенок* и т. п. (ср.: *ребенок, октябренок, негритенок, китайчонок* и др.) обозначают детенышей вообще, независимо от пола (а отсюда переносно может возникнуть и обозначение социальной неполноценности, ср.: *малыш, глупыш и оборвыш, последний* и т. п.). Между тем слова женского рода, служащие для обозначения незрелости, могут обозначать только детенышей-самок, например: *тёлка* (ср. *телок*).

Известно также, что слова с формальными признаками мужского рода не бывают словами общего рода, хотя свободно применяются к существам женского пола (например: она — *гений, талант*; она — *образцовый педагог* и т. п.; ср. у Достоевского в «Бесах»: «Давеча этот *иезуит предводительша* закинула тоже несколько саркастических намеков о вчерашнем»). Напротив, некоторым именам с формальными признаками женского рода свойственны значения лица мужского пола (например: *повеса, портняга* и т. п.). Многие разряды слов на *-а* относятся к лицам и мужского и женского рода: *мымра, жила, растрепанная, пустомеля, сквалыга* и т. п. Ср. также разговорные конструкции типа: *он — такая пьяница и этот пьяница; какая неряха и невообразимый неряха; страшная каналья* и т. п. Ср. у Тургенева в рассказе «Муму» жалобы башмачника Капитона: «*Горемыка я, горемыка неисходная!*»

§ 7. Приемы выражения и изображения категории лица посредством грамматических признаков женского рода

Из системы родовых соотношений имен существительных несколько выделяется довольно многочисленная, разнообразная и очень экспрессивная группа слов общего (вернее: и того и другого, и мужского и женского) рода, оканчивающихся в именительном падеже на *-а(-я)* и означающих лица не только женского, но и мужского пола.

Некоторые, правда очень немногие из существительных, имеющих грамматические признаки женского рода, прямо указывают на лиц мужского пола (например: *вельможа, воевода, владыка, старейшина, вития, староста* и некоторые другие). Но разряд таких слов на *-а*, принадлежащих только к мужскому роду, архаичен и непродуктивен. Подавляющее большинство подобных слов — общего рода. Современная научная грамматика вслед за А. Х. Востоковым и А. А. Шахматовым видит в словах мужского рода на *-а* один из существеннейших грамматических признаков категории лица, выделившейся из общего значения предметности (быть может, под влиянием местоимений). Категория лица противопоставляется категории *не-лица*.

Вопрос о словах мужского рода на *-а* не исчерпывается простым указанием на принадлежность их к категории лица. Из русских лингвистов последнего времени это понял проф. А. М. Пешковский. «Существительные типа *воевода, судья*, — писал он, — мы считаем особой синкретической родовой категорией... считаем, что сочетание женских окончаний с обозначением лиц мужского пола в основе и с мужским согласованием прилагательного есть особый факт речевого сознания, различающего эти противоречивые элементы и известным образом синтезирующего их, а в некоторых случаях даже намеренно, в порядке новообразования, сочетающего их. Другими словами, мы видим здесь нечто вроде „маскулинизированного женского рода" или, вернее, „феминизированного мужского" (от *masculus* — «мужской» и *femininus* — «женский») с особым сочетанием значений...»³⁵

Но проф. А. М. Пешковский не успел изложить свою точку зрения. Он даже упустил из виду, что эта «синкретическая родовая категория» давно привлекала внимание грамматистов³⁶. Были попытки с разных сторон подойти к ней и осветить ее значение в русском литературном языке, а также ее генезис. Уже Востоков указал, что слова общего рода на *-а* «означают качества людей»³⁷.

Павский в своих «Филологических наблюдениях»³⁸ не только связал слова общего рода на *-а* с категорией лица, но и отметил их яркую экспрессивную окраску: «Почти все они изображают лица мужского и женского рода с низкими качествами и если возвышают и увеличивают их, то увеличивают до безобразия»³⁹. Павскому бросилось в глаза и то, что «один вид с унижительными приняли имена властителей и лиц почтенных, как-то: *воевода, владыка, староста, старейшина, вельможа, судья, вития, предтеча...* и др.»⁴⁰.

Вслед за Павским пошел К. С. Аксаков в своем «Опыте русской грамматики». Он старался осветить вопрос о семантических основах категории общего (мужско-женского) рода с другой стороны: «Взятые сами по себе, имена эти — рода женского; в них выразилось понимание дела в женской форме слова. После, понимание это (так как в таких именах выражается: или более или менее отвлеченное понимание, а не название предмета, или же предмет, в з я т ы й в метафорическом смысле) [разрядка наша. — В. В.] перенесено было в действительности на лица мужского пола, — в иных словах употребляясь и в женском смысле вместе, для лиц женского пола, — а в иных — уже только в мужском (*судья*)»^{41*}.

Таким образом, К. С. Аксаков обратил внимание на два обстоятельства:

1) преобладающее большинство слов общего рода на *-а* представляет собою результат метафорического или вообще переносного применения отвлеченных или конкретных слов женского рода к лицам. Первоначально это слова женского рода;

2) они являются собственно не названиями лиц, а их характеристиками, их прозвищами (за немногими исключениями).

Ф. И. Буслаев⁴³ и особенно А. А. Потебня⁴⁴ глубже вникли в причины перехода конкретных, абстрактных и собирательных понятий (вроде *слуга, служба, простота, старина, мужчина* и т. п.) в категорию лица. Они приоткрыли завесу над историей развития слов общего рода на *-а*. Ими же были выявлены приемы и принципы метонимического и метафорического применения слов женского рода к лицам мужского пола, например: *голова, сирота, юла* и т. п. Ср.: «Он — баба. Жалкая, впрочем, баба; его совсем не стоило бы любить женщине» (Достоевский, «Бесы»); «А ведь все кончится тем, что эта старая баба Петр Николаевич и его сестра попросят у него извинения» (Чехов, «Чайка»).

В специальном труде Э. А. Вольтера «Разыскания по вопросу о грамматическом роде» было собрано из русского литературного языка и областных диалектов большое количество слов общего рода на *-а* и сопоставлено с соответствующими явлениями других языков; здесь же рассмотрены предшествующие западноевропейские работы по этому вопросу. Выводы Вольтера таковы: «Имена мужского рода с женской формой возникли вследствие перенесения женских кличек, атрибутов, прозвищ, качеств и абстракций на мужчин... Мужской род в целом ряде слов мог бы произойти от перемены внутренней формы и перехода значения отвлеченности в конкретность»⁴⁵. «Наши слова больше всего употребляются в оборотах ласкательных или руга-
_____ * Ср. также замечание: «И так все подобные слова, оканчивающиеся на *-а* или *-л*, суть име-«а рода женского, и только могут *употребляться* в мужском роде. Это несколько не изменяет их основной природы, и они принадлежат к именам женского рода»⁴².

тельных. Они изображают людей с низкими качествами»⁴⁶. Сюда же примыкает замечание Потебни об этих словах: «Первоначально они выражают субъективное, одностороннее воззрение на животное, воззрение, по которому другой род, кроме грамматического, игнорируется»⁴⁷. Однако Потебня очень убедительно продемонстрировал односторонность и ошибочность попытки Вольтера объяснить почти все слова общего рода на *-a* как результат перехода отвлеченных значений в конкретные.

Исследованиями акад. А. И. Соболевского было показано*, что категория общего рода вобрала в себя ряд глагольных, например причастных, и отглагольных образований: *разиня, пустомеля, рева, зева, зуда*, старинное *пройда (пройдоха), непосед/и* и т. д.⁴⁸ Некоторые собственные имена и фамилии (*иуда, фефела* и т. п.), некоторые заимствованные слова (*коллега, каналья* и т. п.), а также формы субъективной оценки дополняют разряд слов общего рода на *-a* (ср. также слитные слова типа *держиморда*).

Совмещение мужского и женского рода в общей части обозначений лиц на *-a* оправдывается их резкой экспрессивностью. В категории общего рода преобладают эмоционально окрашенные слова, проникшие в литературный язык из живой устной речи и иногда носящие резкий отпечаток фамильярного и даже вульгарного стиля. Количество славянизмов среди личных слов на *-a* незначительно. Большая часть архаизмов и славянизмов — мужского рода [*воевода, вельможа, судья, вития, старейшина, владыка, предтеча, юноша*]. К категории общего рода принадлежит несколько живых типов словообразования.

Выделяются следующие разряды слов внутри категории общего рода.

1. Малопродуктивен тип отглагольных образований с живым суффиксом разговорной речи *-ак(a), -як(a)*. Слова этого типа имеют яркую окраску фамильярной иронии или пренебрежения (ср. у Маяковского индивидуальное образование: *читака*). Они характеризуют лицо по действию и производятся от глагольных основ с конкретно-бытовым значением. Например: *гуляка, ти сака, зевака, кусака, рубака, резака, ломака, кривляка, служака* и т. п. (*забияка* заимствовано из польского языка). Миклошич был склонен связывать с суффиксом *-ак(a)* лишь значение энергичного проявления, усиления действия, по которому обозначается лицо⁴⁹. Но уже Э. А. Вольтер отметил уничтожительное значение этого суффикса⁵⁰.

2. Более продуктивен тип отглагольных образований с живыми суффиксами разговорной речи *-(a)л(a), -(u)л(a)*. Слова этого типа очень экспрессивны и обозначают лицо по его постоянной деятельности: *вышибала, подметала, объедала, подлипала, запедала, меняла, зубрила, кутила, громила, воротила, заправила, форсила* и т. п. В них развивается увеличительный оттенок. Ср. у А. Чехова: *здоровила* («Хамелеон»). Это один из самых производительных в диалектах и жаргонах устной речи разрядов слов общего рода.

3. Неодинаковы по степени продуктивности образования с уничижительным суффиксом разговорной речи *-шк(a)*. Суффикс *-шк(a)* с этимологической точки зрения составной. Он включает в себя уменьшительно-ласкательный суффикс *-к-*, но облакает его оттенками фамильярного пренебрежения. Например: «Вошел старичок низенький и толстенный, из породы людей, называемых *коротышками* или карандашами» (Тургенев, «Затишье»). В суффиксе *-шк(a)*, кроме суффикса *-к-*, этимологически различаются разные экспрессивные суффиксы, содержащие звук *ш* и восходящие к суффиксам *-их-, -ух-, -ах-*. Среди слов общего рода, оканчивающихся на *-шк(a)*, кроме *-шшк(a)*, выделяются еще два непродуктивных типа:

— * Ср. мнение Альфреда Людвига о глагольности слов на *-a*, обозначающих лицо по какому-нибудь характерному действию.

1) слова с суффиксом *-ушк(а)*: *болтушка, вертушка* и т. п.; этот суффикс соотносится с суффиксами лица *-ун, -унья* (ср. также слова на *-уха*) и присоединяется к глагольным основам; 2) слова с суффиксом *-ашк(а)*: *замарашка, побирашка, старикашка* и т. д. (суффикс *-ашк(а)* частью соотносителен с суффиксом *-ах(а)*, частью с *-ан*). Ср. у Л. Толстого в «Крейцеровой сонате»: «Про себя я думал, что я *милашка*, что я вполне нравственный человек».

4. Все теснее сливаются с категорией личных слов на *-а* презрительно-уничижительные формы с суффиксами *-ишк(а)* и *-онк(а)*: *мальчишка, актеришка, фанфаронишка, хвастунишка, старичишка, мужичонка*⁵¹.

Ср.: «И вот только что показался этот скверный *князишка*, этот дрянной *идиотишка*, и все опять взбаламутилось» (Достоевский, «Идиот»).

Образования с этими суффиксами свойственны преимущественно разговорной речи. В формах мужского рода продуктивен суффикс *-ишк(а)*, в формах женского рода *-онк(а)*.

Любопытно, что целый ряд суффиксов, связанных с категорией общего рода, принадлежит к уничижительно-ласкательным. Проф. И. Мандельштам, изучая уменьшительные суффиксы в русском языке, заметил: «С категорией имен уменьшительных, выражающих уничижение лиц, стоит в связи категория названий, характеризующих человека с отрицательной стороны»⁵². Присоединением уменьшительного суффикса придается оттенок презрения: *пьянчужка* и т. п.

5. В кругу категории лица непродуктивен тип слов с увеличительным суффиксом *-ин(а)*: *купчина, дурачина, детина, молодчина, мужичина* и т. д. (ср. в обозначениях неодушевленных предметов: *домица, голосина, носина* и т. п.).

6. Малопродуктивен тип разговорно-фамильярных слов общего рода с экспрессивным суффиксом *-яг(а)*: *бедняга* (ласк, *бедняжка*), прост, *миляга, добряга, плутяга, портняга, здоровяга*, прост, *симпатьяга, скупяга, бродяга, рабтяга, хитряга*; ср. *скряга*. Высказывалось мнение, что «суффикс *-яг(а)* вносит уничижительный оттенок значения»^{53*}. Но слова вроде *бедняга, добряга* указывают на возможность и ласкательной, одобрительной окраски суффикса, ср. *молодчага* (ср. также: *сердяга* у Чехова в рассказе «Шведская спичка»).

7. Непродуктивен, но очень выразителен тип просторечных слов с презрительно-увеличительным или усилительным суффиксом *-уг(а)*, *-юг(а)*: *парнюга, подлюга, хануга, ворюга, жад(н)юга, хитрюга, пьянчуга*; провинц. *делюга*; ср. *зверюга* (совсем отдельно от этой группы стоят единичные образования женского рода с мертвым суффиксом *-уг(а)*, *-юг(а)*: *вьюга, дерюга, белуга* и др.).

8. Непродуктивен тип разговорных слов с суффиксом *-к(а)* и с глагольными и отглагольными основами: *выскачка, лакомка, самоучка, сластоежка, тараторка, попрошайка, зазнайка, немогузнайка* и др. Ср. также: *невидимка*. Ср. области, *битка* (бойкий человек); слово *битка* в этом значении в 40-е годы XIX в. временно соприкоснулось с литературным языком (ср., на пример, употребление ею в «Петербургских вершинах» Я. Буткова). Но ср. также образования на *-ка* с именной основой: *белоручка, кривошейка, неженка* и т. п.

• Ср. еще у А. А. Куника определение *-яга* как «суффикса, означающего личность и придающего основной форме значение бранного слова или клички» (Уч. зап. АН. т. 26, приложения, с. 410). О происхождении и истории русского суффикса *-яга* — *-jaga* см.: Vaillant A. Le suffixe russe *-jaga*. — Revue des études slaves, 1938. t. 18, fasc. 1—2, p. 77 — 79. А. Vaillant почему-то считает суффикс *-яга* в русском языке продуктивным.

По-видимому, на суффикс *-к(а)* оказывает влияние уменьшительно-ласкательный суффикс *-к(а)* (ср. *служба*). Ср. слова с пренебрежительно-ласкательным суффиксом *-енк(а)*.

9. Единичны разговорно-фамильярные слова с непродуктивным презрительно-усилительным суффиксом *-ук(а)*, *-юк(а)*: *злюка*, *гадюка*, *подлюка* (ср. *холодют* в письме О. Л. Книппер к А. П. Чехову).

10. Непродуктивен тип отглагольных слов с пренебрежительным суффиксом *-х(а)*, например: *замараха*, *растеряха*; ср. *неряха*. Эти слова носят отпечаток просторечия. Ср. у Л. Сейфуллиной: «Ткнутся куда *неумехами*, осрамятся и скапустятся» («Преступление»).

11. Узок и тесен ряд слов с непродуктивным презрительным суффиксом *-ох(а)*, присоединенным к глагольным основам: *запивоха*, *обироха*, области. *побироха*, *пройдоха*, области, *завироха* (ср. в применении только к женщинам: *дуреха*, *тетеха* и т. п.). Все эти слова, кроме разговорного бранного *пройдоха*, относятся к вульгарному просторечию.

12. Единичны просторечно-презрительные слова с мертвым суффиксом *-ыг(а)*: *забулдыга*, *процельга*, *торопыга*, *сквалыга*; ср. области, *шарамыга*, *фуфлыга*; ср. также: *Топтыгин* от областного *топтыга*. Ср. у Тургенева: «Мои предки были все страшные *мотыги*» («Три портрета»),

13. Малочисленная группа слов общего рода в разговорной речи с мертвым суффиксом *-с(а)*, обозначающим человека, склонного к неприятному крику, плачу: *крикса*, *плакса*, *хныкса*, ср. области, *кукса*. Ср. *грымза*.

14. Непродуктивен тип слов с суффиксом *-иц(а)*, *-йц(а)*, обозначающих лица по какому-нибудь действию (при глагольной основе): *убийца*, *самоубийца*, *пропойца*, устар. *винопейца* или по какому-нибудь свойству, по склонности к чему-нибудь (при основе прилагательного) — с суффиксами *-иц(а)*, *-ниц(а)*: *пьяница*, *тупица*, *умница*, устар. *негодница* (см. о Митрофанушке в «Недоросле» Фонвизина). Слово *возница* несомненно заимствовано из польского языка (польск. *woznica*). По-видимому, суффикс *-иц(а)*, первоначально не окрашенный эмоционально, приобретает при переносе на лица мужского пола (а затем, следовательно, и вообще в словах общего рода) яркий экспрессивный колорит (ср. в русском литературном языке XVIII в. *ветреница* — в применении к мужчине) отчасти под влиянием значений основ, отчасти под воздействием общей эмоциональной атмосферы, окружающей категорию общего рода⁵⁴. В группе слов с суффиксом *-иц(а)* сталкиваются церковно-книжные отглагольные образования {*убийца*, *сыноубийца*, *матерубийца* и т. п.) с разговорными словами, произведенными от основ имен прилагательных (*тупица*, *умница* и т. п.; ср., впрочем, *пропойца*).

15. Непродуктивны презрительные клички, возникшие вследствие персонификации слов с живым отвлеченным и собирательным суффиксом *-ицин(а)* • *деревеницина*, *военицина* и др. Ср. *мужчина*.

16. Единичны просторечные слова с отвлеченным суффиксом *-ин(а)*, подвергшиеся переосмыслению и получившие значение лица, например *старина*: «Эх, ты, *старина*, *старина*, до седых волос дожил, а ума не нажил» (Н. Некрасов, «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»).

17. Единичны слова с мертвым фамильярно-ироническим суффиксом *-ен(а)*: *гулена*, *сластена*.

18. Известны отдельные разговорные слова с мертвым ласкательно-шутливым суффиксом *-он(я)*: *тихоня*, ср. области, *брюхоня*. В категорию общего рода входят и отдельные слова с ласкательно-фамильярными суффиксами *-ул(я)*, *-уш(а)* (*милуша*, *капризуля* и т. п.).

19. Немногочисленны (этимологически еще осмысливаемые) метонимические обозначения лиц по отвлеченным качествам и действиям с суффиксами *-н(я)*, *-от(а)*: *родня* (ср. *он мне родня*); *суета* (в значении: *суетливый чело-*

век) ('ср. *сирота*)*. Ср. у Лескова в рассказе «Бесстыдник»: «А Евграф Иванович — милоша бесценная — еще больше сконфузился и шепчет».

20. Единично просторечное *святоша* (ср. ц.-кн. по происхождению слово мужского рода *юноша*). Ср. также устар. *чинуша* с суффиксом *-уш(а)*.

21. Изолированно стоит: *левша* (ср. области, *правша*).

22. Отдельные просторечные слова на *-д(а)*: *балда*, *дылда*.

23. Одинок бранное: *стерв-оз-а* (из жаргона бурсаков или медиков; ср. *нервозный субъект*).

24. Очень разнообразна, но в литературном языке непродуктивна группа слов с глагольной основой и суффиксом-окончанием *-а*, *-я*: *брюзга*, *горемыка*, *выжига*, *егоза*, *задира*, *заика*, *зуда*, *мехоноша*, *книгоноша* (отглагольный суффикс *-ноша*), *невежа*, *невежда*, *недотрога*, *недотепа*, *недотыка*, *непоседа*, *нуда*, *зануда*, *обжора*, *оглода*, *подлиза*, *пролаза*, *проньера*, *пустомеля*, *повеса*, *разиня*, *раскоряка*, *расстрига*, *растрепя*, *растяпа*, *рева*, *соня*, *сутяга*, *таранта* и другие подобные. Ср.: *калека*, *рохля* и т. п.

25. Сюда же присоединяются отдельные бранные слова, презрительные клички, иронически-пренебрежительные характеристики: *дока*, *шельма*, *ханжа*, *фефела*, *простофиля*, *бука* и др. Ср. собирательные и лично-характеристические: *шантрапа*, *шушера*, *шпана*, *шатия* и некоторые другие.

К границам этой категории общего рода приближаются бранные обозначения мужчин, пренебрежительные или иронические клички, экспрессивные характеристики, вообще красочная вереница слов женского рода, метафорически или метонимически применяемых к человеку независимо от пола. Например: *шляпа*, *стерва*, *башка* (арго), *голова* (умная голова), ср. устар. *городской голова*; *коломенская верста*, *душка* (буржуазно-институтск.), *змея* («не человек — змея»), *крошка*, *глухая тетеря*, *лиса*, *свинья*, *пила* и т. п. Ср.: *бестия*, *каналья*.

В этом кругу обращает на себя внимание процесс индивидуализации бранных слов женского рода, имеющих собирательное значение, но свободно применяемых к единичным лицам обоего пола, например: *шантрапа*, *шпана*, *гольтепа* и т. п.**

Однако необходимо решительно отделять слова общего рода, в которых значение лица мужского пола выражается в формах мужского согласования (*несчастный горемыка*), от таких слов женского рода, применение которых к лицам мужского пола не вызывает изменений в их роде (*тупая пила* — в применении к человеку). На опасность смешения этих категорий указывал акад. А. И. Соболевский. Он предостерегал от попыток связать с категорией общего рода такие выражения: «Ах ты баба, мокрая курица!» «Всякое слово на *-а* женского рода, — писал Соболевский в рецензии на книгу Э. А. Вольтера о грамматическом роде, — может быть прозвищем, фамилией: *этот Земляника*, *этот Яичница*, но нет никакого основания слова *земляника*, *яичница* ставить на одну доску со словами *воевода*, *гуляка*»⁵⁵.

Вся эта разнообразная гамма экспрессивно-смысловых оттенков развилась на основе слов женского склонения на *-а*.

* Ср. грамматические и семантические замечания по этому вопросу в кн.: Collon C. *Le développement de sens du suffix -ata*. Lund, 1918, cap. 3—4. Ср. также у А. А. Потебни (Из записок по русской грамматике, т. 3, с. 621—622) [396 — 397]. А. А. Потебня неопровержимо доказал, что вовсе не обязательно было значение отвлеченности для перехода слов женского рода в категорию общего рода, даже по отношению к отдаленным эпохам (между прочим, и в словах на *-ота*).

** Ср. статью W. Christian] «Lexikalische Lesekorner» о бранных словах в «Archiv für slavi-sche Philologie», Hft. 3-4, 1913, Bd. 34, S. 348. Характерно, что и в современном русском языке значение собирательности в применении к живым существам часто сопровождается яркой экспрессивной окраской слов и суффиксов. См.: Braun M. *Das Kollektivum und das Plurale tantum im Russischen*. Leipzig, 1930, S. 98.

В современном литературном языке категория общего рода в общем малопродуктивна. Слова женского рода на мягкий согласный с нулевым окончанием именительного падежа (вроде *мразь, дрянь, рвань, голь, нечисть* и т. п.) не переходят в категорию общего рода (ср. вульг.-бранн. *сволочь*; ср. употребление возникших в 20—30-х годах XIX в. слов *бездарность, посредственность, знаменитость, невинность* и некоторые другие; ср. *ничтожество*). В категории общего рода господствуют слова на *-а* с яркой экспрессивной окраской. Большая часть их принадлежит разговорному языку или фамильярному просторечию. В этом окружении отслоения старой церковно-книжной, высокой лексики подвергаются презрительно-иронической переоценке (ср. слова мужского рода на *-а*: *зазнавшийся вельможа*; ср. возможность лишь иронического применения к современным явлениям таких слов, как *воевода, винопийца, вития* и т. п.). Или же славянизмы сохраняются как официальные термины (например: *судья, убийца, матереубийца* и т. п.). Яркая экспрессивная окраска, свойственная почти всем словам общего рода, подчеркивается несоответствием их строения и значения. Вся эта сложная гамма смысловых оттенков воздвигается на основе класса слов женского рода. Применение слов женского рода к мужчинам и порождает своеобразную экспрессивную окраску этих слов. В этом явлении пережиточно отражается социальное положение женщины, отношение к женскому полу*. Перенос слов с формальным признаком женского рода (с морфемой *-а*) на лица мужского пола стал красочным средством языковой изобразительности. Но это, конечно, не значит, что все слова общего рода на *-а* проходят непременно через класс женского рода. Таким образом, категория рода имеет в русской языковой системе не только прямые, но и переносные, экспрессивные значения (ср. закрепление некоторых слов на *-а* только за мужским родом, например *молочага, повеса* и другие подобные; ср. *мужчина*). Все эти языковые факты доказывают больший грамматический вес женского рода сравнительно и соотносительно с мужским (ср. *праздношатайка* у Гоголя в «Мертвых душах», образованное из *праздношатай*; ср. *попрошайка*). В этих фактах заключается также наглядное доказательство живого содержания категории рода. Категория рода имен существительных (как и категория числа и падежа) по своему значению резко отличается от категории рода имен прилагательных и даже прошедшего времени глагола (форма на *-л*), несмотря «на известную долю самостоятельности в роде глагола»**. Она является не только грамматической, но и лексической опорой значения предметности.

§ 8. Приемы образования ласкательно-личных имен мужчин и женщин

Анализ категории общего рода останется незаконченным и неполным, если не коснуться приемов образования ласкательных форм от собственных имен мужчин и женщин. Словообразовательные средства здесь одни и те же для мужских и женских имен. И те и другие формы одинаково относятся к категории слов на *-я*. Некоторые формы ласкательных имен являются общими для мужчин и женщин, например: *Саша*, _____* А. А. Потебня справедливо видит в этом грамматическом процессе пережиток старых воззрений на женщину. Причина перенесения имен *agentis* и других женских на мужские лица в «унизительности»: «...умысля тот Андрей подал на меня... явку... будто я, холоп твой, пришед к нему ко двору, и ею, государь, будтось я, холоп твой, бесчестил и лаял, и называл будто я жопкою... и ко двору, государь, к нему, Андрею, я, холоп твой, не прихаживал и его не бесчестивал и жопкою не называл. То на меня все он, Андрей, тебе, государю, являет ложно», 1617, Акты юрид., 86⁵¹.

** Ср. замечания А. М. Пешковского в «Русском синтаксисе...»: « *добрая товарищ*», русский человек ни в каком случае не может сказать, а *товарищ вышла*, хотя и с некоторым стеснением, но может»- (ср. *управдел сказала* и т. п.). *эж ян/л ,;f;w;it л*

Шура (от *Александр* и от *Александра*); *Паня* и *Пашиа* (от *Прасковья* и *Павел*); *Тоня* (от *Антон* и *Антонина*); ср.: *Лёня* (от *Алексей* и *Леонид*); *Леля* (от *Елена* и *Ольга*) и т. п. В собственных именах людей ласкательные формы образуются от первого слога имени с помощью суффиксов *-ш(а)* и *-н(я)* (если первый слог открытый): *Мария* — *Машиа*; *Яков* — *Яша*; *Тихон* — *Тиша*; *Дарья* — *Дашиа*; *Глафира* — *Глаша*; *Григорий* — *Гриша*; *Софья* — *Соня*; *Татьяна* — *Таня*; *Мария* — *Маня*. В двусложных ласкательных именах ударение всегда на начальном слоге (хореический размер): *Катя*, *Лица*, *Таня* и т. п. Выбор суффикса определяется эвфоническими причинами. Избегаются омонимы и устраняются комические ассоциации с другими словами (например, не образуется *Троня* от *Трофим*, *Нашиа* от *Надежда* или *Настасья*, *Вашиа* от *Василий* и т. п.). От имен с первым закрытым слогом, а также от имен, в которых выделение первого слога (без согласного следующего слога) повело бы к образованию двусмысленного названия, ласкательные формы производятся путем смягчения согласного, закрывающего первый слог, и присоединения женского окончания (*Надя* от *Надежда*). Но губные (например, *м*, *в*, *ф*) и заднеязычные *к*, *х*, *г* не подвергаются смягчению (например, *Рома* от *Роман*). Ср.: *Петр* — *Петя*; *Лев* — *Лева*; *Анна* — *Аня*; *Варвара* — *Варя*; *Василий* — *Вася*; *Виктор* — *Вика* и *Витя* и т. п. В собственных именах, начинающихся с безударных гласных, особенно если эти имена многосложны, выделяется не первый слог (недостаточно определительный и к тому же иногда существующий только в искусственно-официальном, а не в разговорно-бытовом произношении этих имен), а следующий слог или слог, находящийся под ударением: *Екатерина* — *Катя*; *Елизавета* — *Лица*; *Анатолий* — *Толя* и т. д. Сюда же примыкают *Иван* — *Ваня*; *Николай* (ср. *Никола*) — *Коля* (народное *Миколай*, от которого ласкательное образование *Миша* было невозможно из-за совпадения с ласкательным *Миша* от *Михаил*). Группа *-ст-* из полного имени переходит и в ласкательную форму: *Анастасия* — *Настя*; *Константин* — *Костя*.

Прием образования ласкательной формы от ударяемого слога полного имени применяется и в том случае, если выделение первого слога создает имя неблагозвучное или двусмысленное. Иногда же таким способом возникают двойные, параллельные формы: *Анастасия* — *Настя* и *Тася*; *Антонина* — *Тоня* и *Нина* и т. д.

Любопытно чередование *г* — *ж* в ласкательной форме *Женя* (от *Евгений* и *Евгения*); ср. *Геня* (от *Геннадий* и *Евгений*) едва ли не под влиянием французского языка (*Eugenie*). Ласкательные формы от мужских и женских имен одного корня обычно различаются или основами, или суффиксами. Например: *Степан* — *Степа*, *Степанида* — *Штешиа*; *Федор* — *Федя*, *Федосья* — *Феня*.

Необходимость различения ласкательных форм от *Александр* (*Александра*) и *Алексей*, которые в старину иногда совпадали в одной форме *Леша* или *Алеша*, привела к образованиям *Саша*, *Саня*, *Шура* (или *Сатура*) от *Александр* — *Александра* при сохранении *Леша*, *Леня* от *Алексей*.

В некоторых немногочисленных случаях конечный согласный ласкательной основы не смягчается и, таким образом, ласкательное имя получается как бы посредством отсечения конечных слогов или слога у полного имени: *Наталья* — *Ната*; *Зинаида* — *Зина*.

Некоторые двусложные женские имена не образуют особых ласкательных слов (конечно, если они не обрастают производными ласкательными суффиксами вроде *-уша*): *Вера*, *Нина*, *Зоя* и др. В приемах образования ласкательных форм наблюдаются отголоски социально-общественной и культурной дифференциации. Ср.: *Дмитрий* — *Дима* и *Митя* (ср. народн. *Митрий*).

Давно отмечено, что в трех ласкательных именах сохранилась омонимность с названиями плодов и деревьев. Это *Грушиа* от *Аграфена*, *Дуня* (в областных говорах *дуня* то же, что *дуля*) от *Авдотья* (*Евдокия*). Сюда же отчасти примыкает и *Лица* от *Олимпиада*^{5X}.

Установившиеся в системе христианской номенклатуры приемы образования ласкательных форм переносятся и на новые собственные имена, которые, впрочем, в большом количестве еще не распространились (ср. от *Рур* уменьшительно-ласкательное *Рушиа*). К некоторым простонародным именам как бы прирастают суффиксы презрительно-уничижительной окраски, например: *Терека*, *Матреха* (ср. нарицательное *матрешка*).

Таким образом, категория слов общего рода вбирает в себя и ласкательные формы человеческих имен, как женских, так и мужских. К этой же категории примы-

кают и дальнейшие экспрессивные видоизменения этих имен (например: *Ванька, Ванюшка, Ванюша; Сашура, Санька* и т. п.).

Выводы о значении форм мужского и женского рода. Мужской и женский род имен существительных в категориях лица и живого существа ярко обнаруживает свою знаменательность. Материальной базой родовых различий в словах этих категорий являются отчасти представления о половых различиях живых существ, отчасти значения социально активного лица или человека вообще. Категория одушевленности грамматически доминирует над категорией неодушевленности*. В категории неодушевленности родовая классификация слов определяется иной, этимологически производной, вторичной системой значений. Значения этих родовых групп полнее и разнообразнее выступают при изучении форм словообразования, которые в русском языке органически связаны с различиями типов склонения, отчасти обусловленными в свою очередь родовой классификацией имен существительных. Но уже непосредственно очевидно по связи с категорией лица, что в классе слов мужского рода сосредоточены названия орудий — заместителей человека. Кроме того, класс слов мужского рода, вообще говоря, менее экспрессивен, чем класс слов женского. Так как в категории мужского рода представление о поле выражено менее определенно, чем в обозначениях лиц женского рода, то, естественно, слова, служащие для выражения незрелости, названия детенышей входят в мужской родовой класс. К этой группе слов примыкают и экспрессивно окрашенные названия социально неполноценного человека. Наконец, вследствие меньшей экспрессивности класса слов мужского рода общее нейтральное значение конкретной предметности в нем ощущается особенно устойчиво.

В классе слов женского рода, кроме обозначений лиц женского пола и самок животных, выделяются имена абстрактных понятий и имена собирательные. Кроме того, в кругу слов женского рода наиболее яркие, красочны и разнообразны экспрессивные оттенки значений.

Гораздо менее резко очерчена сфера значений слов среднего рода. Правда, общее, отвлеченное значение вещной предметности кажется наиболее близким к категории среднего рода. Точно так же обозначения абстрактных понятий, между прочим, действий и продуктов деятельности — и притом особенно в стилях книжной речи — также заметно тяготеют к категории среднего рода. Но сама эта категория представляется «формальной», как бы фиктивной. Самое имя среднего рода намекает на негативный характер этой категории: она объединяет слова ни того, ни другого рода, не-мужского и не-женского.

§ 9. Расплывчатость категории среднего рода: в современном русском языке

Положение среднего рода в современном русском языке очень своеобразно. Средства выражения среднего рода относительно бедны. Состав класса слов среднего рода постепенно сужался и продолжает сужаться. Например,

* Известно, что, по учению некоторых лингвистов, в языках индоевропейской системы первоначально обозначались лишь различия между классами личным и неличным, или классами неодушевленных вещей и одушевленных, живых существ. Позднее класс лиц (или шире — одушевленных существ) в зависимости от пола распался на две группы имен — мужского и женского рода. Обозначения неодушевленных вещей образовали средний (предметный) род. См. статьи: *Meillet A.* Essai de chronologie des langues indoeuropeennes. La theorie du feminin.— Bulletin de la societe de linguistique de Paris. 1932, t. 32, p. I—52; *Les formes nominales en slave.*— Revue des etudes slaves, 1923, t. 3. Ср. также: *Durnovo N.* La categorie du genre en russe moderne.— Revue des etudes slaves, 1924, t. 4, p. 208 — 221. Ср. также: *Mene A.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Л., 1938, с. 205 — 207.

уменьшительные, ласкательные и уничижительные слова и формы на *-ко* (типа *Демидко* и т.п.), *-л* (вроде *Ваня, теля* и т.п.), на *-ло* (типа *объедало*) и другие слова, относящиеся к людям и животным, перешли в класс слов мужского или общего (мужско-женского) рода. Категория лица не сочетается с средним родом. С средним родом сочетается самое отвлеченное представление о категории не-лица (ср.: *существо, божество*). Имена существительные среднего рода только метафорически или в функции сказуемого, или в качестве самой общей характеристики (*чудовище, чудище, страшилище*) могут быть применены к живым существам мужского или женского пола (ср., в вульгарном просторечии о врале и вралихе: *такое трепло* и т. д.). Ср. у Чернышевского в романе «Что делать?»: «Должно быть, тоже, нализался, как наше-то *золото*, по рассуждению Матрены. А *золото* уже храпело». Ср. *ничтожество**. Неустойчивое, промежуточное положение среднего рода сказывается и в системе склонения существительных. В единственном числе слова среднего рода, кроме именительно-винительного падежа, изменяются как формы мужского рода. Совпадение именительного и винительного падежей в одной форме также подчеркивает близость категорий среднего рода к группе неодушевленных имен существительных мужского рода. Средний род выступает как отвлеченная форма обезличенной предметности.

Во множественном числе формы слова среднего рода колеблются между разными типами склонения, совсем утратив свою грамматическую индивидуальность (ср.: *ушки — ушков; делишки — делишек; поля — полей и моря — морей, зеркала — зеркал; окна* (обычно произносится *окны*) — *окон* и т. п.). За исключением формы именительно-винительного падежа с ударением на окончании *-а*, они в основной массе ближе к женскому склонению.

Употребление среднего рода существительных в русском языке отчасти соответствует меткому замечанию Сепира о «категориях языка, образующих систему пережившей себя догмы, догмы бессознательного». «Они весьма часто лишь наполовину реальны как понятия: их жизненность все более и более тускнеет, превращаясь в форму ради формы»⁵⁹.

Своеобразная безличность, отвлеченная или фиктивная предметность формы среднего рода проявляется прежде всего в том, что другие части речи, употребленные в значении имени существительного, относятся к классу слов среднего рода. Например: *громкое «ура» огласило зал*; «Далече *грянуло «ура»* (Пушкин); *большое спасибо; отдать последнее прости* и т. п. Ср. у Жуковского: «Минутная сладость *веселого «вместе»*, помедли, постой»; «Он рехнулся» — *мелькнуло у меня в голове*» (Тургенев, «Несчастливая»). Впрочем, ср. у Пушкина: «Понадеялся он на *русский авось*».

Форма среднего рода имени прилагательного, употребленная в значении существительного, приобретает широкое обобщенно-абстрактное значение. «Здесь средний род создается не наряду с мужским и женским как их отрицание, а как бы в не самой идеи пола: *старое*, например (в примере *Старое старится, молодое растет*), не обозначает ни „старика“, ни „старухи“, а обозначает и стариков, и старух, и всю природу — все, что может вообще стариться, независимо от пола»⁶⁰.

Своеобразными особенностями отличаются формы среднего рода и в заимствованных именах существительных. Продуктивных суффиксов среднего рода, которые обозначали бы предмет вообще без всякого специального оттенка, в современном русском языке нет. Окончания *-о, -е* как примета среднего рода непосредственно к основе не присоединяются. Группа бессуффиксных слов среднего рода с окончанием *-о, -е* пополняется только заимствованиями из других языков. Между тем эти заимствованные слова на *-о, -е* (типа *бюро*,

* Характерно, что слово *подмастерье* перешло в класс слов мужского рода.

пальто, кофе и т. п.) с этимологической точки зрения имеют лишь наружное сходство со словами среднего рода. Ведь в них конечные *-о, -е* обычно относятся к основе, а не являются окончаниями. Еще Я. К. Грот отметил затруднение в употреблении иностранных слов, «которые по окончаниям своим не прививаются к языку... Сюда относятся особенно имена среднего рода на *-о* и *-е*, как-то: *депо, бюро, пальто, трюмо, кофе, алоэ, канане, портмоне, пресс-папье*... Мы чувствуем, что в подобных иноземных словах *-о, -е* имеет совсем другое значение и не составляет приметы рода и склонения»⁶¹. Средний род становится складом для заимствованных слов, которые по своему звуковому или морфологическому облику не соответствуют типическим формам русских существительных. Например: «*свое кашне*» (Чехов), *интервью, коммюнике, рагу, ампула, фойе, великолепное антре, глясе, клише* и т. п. Подавляющее большинство иностранных заимствований, не подходящих к русской системе словоизменения существительных, зачисляется в средний род, если только эти слова не обозначают живых существ. Это правило вытеснило старый прием распределения заимствованных слов по грамматическому роду их западноевропейских оригиналов. Ср., например, у Пушкина: «*боа пушистый*», «*но ты, бордо, подобен другу*» и др.; у Тургенева: «*мой какао*», «*серый пальто*», «*пре-лестный пианино*» и т. п.

Впрочем, заимствованные собственные имена не всегда укладываются в рамки господствующей грамматической системы. Будучи только названиями, они не нуждаются в твердой грамматической опоре. Иногда они как бы заменяют обозначаемые ими лица или вещи, как бы представляют за них. Поэтому род заимствованных географических имен, не подходящих по своему морфологическому облику под систему русских склонений и не склоняющихся, определяется родовой принадлежностью того общего нарицательного понятия, под которое они подводятся, например: *Тбилиси* — город (следовательно, м. р.), *Колорадо* (река, ж. р.) и т. п. Для заимствований этого типа, а также для названий живых существ делается исключение: они не относятся к среднему роду.

Естественно, что форма, включающая в себя отступления от живой системы и покрывающая случайности употребления, не может быть особенно продуктивной (за исключением некоторых лексико-семантических разрядов).

Акад. С. П. Обнорский, изучавший эволюцию форм именного склонения в русском языке, пришел к выводу, что в русском литературном языке с его южновеликорусским по происхождению вокализмом категория среднего рода находится в начальном процессе разрушения и «должна быть признана наименее жизненной и жизнеспособной»⁶².

В основном этот вывод правильно отражает тенденцию общего языка. Но по отношению к стилям книжного языка в него необходимо внести существенные ограничения (ср. рост образований на *-ние, -ство* и с некоторыми другими суффиксами среднего рода).

Угасание среднего рода в категории имен существительных находится в соответствии с общим процессом семантического обезличения и опустошения форм среднего рода в современном русском языке. Из содержательной категории средний род в отдельных типах слов и форм низводится на роль упаковочного средства. Это выражается:

1) в том, что безличные формы глаголов в прошедшем времени совпадают с формой среднего рода. Например: «В животе у него *перекатывало*, под сердцем *веяло* холодом» (Чехов, «Случай с классиком»); «Его *знобило* и *ломало*» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Говорите, не бойтесь, у меня все одно что *умерло*» (Островский, «Гроза»); «От сердца *отлегло*» (Островский, «Бедность не порок»); «В это самое время меня сильно *кольнуло* в грудь пони-

же плеча» (Пушкин, «Капитанская дочка»); «Мой друг, мне уши *заложило*» (Грибоедов, «Горе от ума»); «Но бурею корабль *разбило*» (Крылов, «Старик и трое молодых»). Ср.: «Лаврецкому *стало* жаль старика»; «Но тут *стало* невмочь Лаврецкому» (Тургенев, «Дворянское гнездо») и т. п.;

2) в том, что безличные формы категории состояния (возникшие из причастий страдательного залога и из имен прилагательных и наречий) совпадают с соответствующими формами среднего рода: «Ей *душно, скучно, досадно*... так *досадно*, что даже плакать хочется, а отчего — опять *неизвестно*» (Чехов, «Аптекарь»); «*Стыдно, и горько, и больно* было ей» (Тургенев, «Дворянское гнездо») и другие подобные;

3) в том, что при безличных словах могут стоять местоименные частицы среднего рода *это, оно (что)* *. Ср.: «Ни о каких подробностях ее не спрашивал, и так *оно* и *вышло*, что не надо было беспокоиться» (Лесков, «Соборы не»);

4) не лишено значения и то обстоятельство, что один из наиболее продуктивных разрядов наречий в русском языке оканчивается на *-о, -е*, т. е. на морфемы, обозначающие в классах имен существительных и прилагательных форму среднего рода, хотя, как известно, наречию совершенно чужда категория рода (так же как падежа и числа).

§ 10. Процесс перехода слов с экспрессивными суффиксами среднего рода *-ишко, -енко* в парадигму женского склонения

Уменьшительно-ласкательные и уничижительные формы слов мужского рода на *-ишко, -енко* (ср. увеличительный суффикс *-ище*) все теснее объединяются с женским склонением на *-а*. Тут наметился вызванный отчасти фонетическими причинами явный сдвиг по направлению к категории общего рода, к категории эмоционально окрашенных слов мужского рода на *-а* (ср. формы женского рода: *старушонка, клячонка* и т. п.).

В употреблении этих презрительно-уничижительных форм сказалось различие между категорией одушевленности и неодушевленности. Имена существительные мужского рода с суффиксами *-енк-* (*-енко*), *-ишк-* (*-ишка*), *-ко*, относящиеся к категории одушевленности, обычно целиком склоняются по женскому склонению (*хвастунишка*, вин. *хвастунишку* и т. п., ср. склонение фамилий мужчин на *-ко*: *Шевченко, Шевченки* и т. п.). Напротив, в тех же формах слов, принадлежащих к категории неодушевленности, винительный падеж совпадает с именительным (*увидел ветхий домишко*), хотя формы других падежей образуются по женскому склонению (*домишки, домишке* и т. д.). Правда, в этой черте могут отражаться и диалектные влияния на литературный язык. Так, у уроженцев южнорусской территории есть склонность к переводу всех этих форм, даже из категории неодушевленности, в женское склонение (например, у Чехова в «Вишневом саде»: «*на вальсишку*»; в «Бабах»: «сунул ей в узел *рублишку*»; у Глеба Успенского: «кое-где видна крыша потопленного рыбацкого *домишки*» («В Казани»); у Маяковского: «с *умишкой* хилым» («Хорошо!»).

Напротив, у северян эти формы, даже из категории одушевленности, колеблются между средним и женским склонением. И все же общая тенденция к переходу экспрессивных форм на *-енко, -ишко* в женское склонение и к различению категории одушевленности и неодушевленности по форме винительного падежа выражена в современном языке очень ярко. Например, у Ф. М. Достоевского: «Приезжаю лет семь назад в один *городишко*; были там

_____ * Ф. И. Буслав писал: «Отвлеченное и неясно представляемое язык отмечает большею частью средним родом»⁶³.

делишки, а я кой с какими купчишками завязал было *компаньишку*» («Братья Карамазовы»).

Лишь в суффиксе *-ищ(е)* крепко держится его чистый морфологический тип. Возможно, что здесь, с одной стороны, играет роль наличие омонимов *-ищ(е)* (например, со значением места: *кладбище, пожарище* и т.п. или со значением рукоятки, к которой прикреплено какое-нибудь орудие: *кнутовище, топорище* и другие подобные), а с другой стороны, отталкивание мужско-среднего суффикса *-ищ(е)* от женского *-ищ(а)* (*ручища* и т. д.).

Увеличительный суффикс *-ищ-* (*-ище*) еще продуктивен*. Этот суффикс имеет на себе ударение (*-ище*) в формах, произведенных от слов с подвижным ударением или с ударением на окончании (например: *возище* от *воз*; ср. *возы*; *носище* от *нос*; ср.: *носы, носов*; *утюжйще* от *утюг, утюга*; *сапожище* от *сапог, сапога* и т. п.). Увеличительные формы от слов с постоянным ударением на основе сохраняют ударение производящего слова (*стулище* от *стул, стула*; *стаканище* от *стакан, стакан*; *комддище* от *комод* и т. п.).

§ 11. Односторонность формально-синтаксической точки зрения на категорию рода

Формально-синтаксическое определение рода существительных как их «способности сочетаться с известными формами согласуемых слов (прилагательных и согласуемых в роде форм глагола)** очень односторонне. Согласно этому старинному взгляду, еще бытующему в русских грамматиках, род имен существительных определяется только формами прилагательных и прошедшего времени глагола, которые с ними согласуются. Но, как видно из предыдущего изложения, грамматические и лексико-семантические основы родовых различий имен существительных еще крепки в их строе, особенно в формах единственного числа. Во множественном числе родовые различия до предела ослаблены как в именах существительных, так и в именах прилага-

3. КАТЕГОРИИ ЛИЦА, ОДУШЕВЛЕННОСТИ И НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 12. Категория лица

При анализе категории рода обнаруживаются грамматические категории лица мужского рода, одушевленности и неодушевленности.

Категория лица тесно связана с категорией одушевленности, которая широко развилась, поглотивши, вернее, вобравши в себя категорию лица.

* Попытку объяснить смысл распространения форм среднего рода на круг слов с увеличительным суффиксом *-ище* сделал К. С. Аксаков в «Опыте русской грамматики». По его мнению, в увеличительном суффиксе *-ище* «высказывается неопределенная странность, что-то чудное, необыкновенное, причем предмет принимает какой-то неестественный образ. Эта неопределенность вызывает окончание среднего рода»⁴⁴.

** Эта идея, как и большая часть идей так называемой «формальной» школы, не нова. В 20-х годах XIX в. И. Ф. Калайдович так определял функции грамматического рода имен существительных в русском литературном языке: «Грамматические роды служат только различению трех способов согласовать прилагательное с существительным, принимая первое слово в обширном его значении (т. е. включая в понятие прилагательного все так называемые «родовые» слова)»⁶⁵. Ср. то же учение в грамматиках XVII в.⁶⁶

*** Акад. А. И. Соболевский писал: «Известно, что индоевропейские языки постепенно сокращают число грамматических родов. Романские языки, литовский, праkrit уже давно утратили средний род. Сверх того, формы множественного числа в индоевропейских языках становятся все более и более безразличными по отношению к роду... Русский язык идет по тому самому пу-

«История языка показывает, — пишет акад. А. А. Шахматов, — что первоначально категория одушевленности развивалась только в словах единственного числа мужского рода, распространяясь при этом от названий лиц на названия животных»⁶⁸. В современном русском литературном языке категория лица мужского рода обнаруживается как в форме именительного падежа единственного числа (на *-а* у слов мужского рода: *судья, вельможа, староста, старшина, воевода* и т. п.), так и в формах именительного падежа множественного числа:

1) в окончании *-е*, присущем только названиям лиц — с суффиксом *-ин* в единственном числе: *мещане, граждане, дворяне, крестьяне, англичане, лютеране* и т. п.;

2) в непродуктивных окончаниях *-ья* и *-овья*, преимущественно в обозначениях лиц по родству и свойству: *сыновья, кумовья, сватья, зятья, шурья* и т. п. (также: *князья* и *друзья*);

3) в архаических формах именительного падежа множественного числа на *-и* у двух слов с основой единственного числа на твердый согласный: *черти, соседи* (форме им. пад. мн. ч. соответствуют и все другие формы мн. ч. этих двух слов: *чертей, соседей, чертям* и т. п.).

Категория лица выражается также в субстантивации имен прилагательных мужского рода. Субстантивированные прилагательные мужского рода за немногими исключениями (вроде устарелых названий монет: *целковый* и *золотой*) обозначают преимущественно лиц мужского пола: *рулевой, дежурный, служащий, рабочий, глухонемой* и т. п. (но ср. также: *звеньевая*).

Впрочем, в газетно-публицистических и официально-деловых стилях книжной речи широко развивается заместительное употребление имен прилагательных мужского, так же как и женского, рода, входящих в состав какого-нибудь обозначения (*встречный промфинплан, тракторный завод* и т. п.), в значении целого термина (например: *встречный, тракторный* и т. п.). Таким образом, применение субстантивированных форм прилагательных мужского рода здесь выходит за пределы категории лица. Кроме того, категория лица находит яркое выражение в формах словообразования. Личные суффиксы имен существительных особенно продуктивны и многочисленны. Только в кругу обозначений лиц наблюдается ярко выраженный активный тип соотносительных (коррелятивных) слов мужского и женского рода, например: *ударник — ударница, стахановец — стахановка* и т. п. ти, который нам известен из истории родственных с ним языков. Часть его говоров (великорусские сильно акающие говоры) на наших глазах теряют средний род: все те их существительные среднего рода, которые имеют ударение не на конечном *о*, переходят в женский род: *моя дерево* и т. п. Впрочем, еще в начале XVII в. Ксения Годунова писала: *у нас моровая поветря* {Буслаев, Историческая хрестоматия, с. 987). Весь русский язык утратил признаки рода для значительной части форм множественного числа. Формы множественного числа прилагательных уже давно одни и те же для всех трех родов... То же можно сказать о некоторых существительных: *гости, кости, гостей, костей* и т. д. Большая часть форм того же числа прочих существительных также уже давно имеет одни и те же окончания; единственная форма, которая еще сохраняет два разных окончания: одно — для мужского, другое — для женского и среднего родов, форма родительного падежа, — не только в говорах, но даже в литературном языке начинает терять свой признак рода; мы слышим постоянно: *очков*, часто: *местов, де-лов, правое*; изредка *баранков* (от *баранка*), *коробочков*. При этом надо иметь в виду, что окончание форм род. пад. существительных женского и среднего родов лишено достаточной яркости, так как оно принадлежит также к архаическим формам род. пад. существительных мужского рода: *сапог, чулок* и т. п.»⁶⁹.

* В. Unbegaun в своем исследовании «La langue russe au XVI-e siecle» (Р., 1935) доказывает, что в XVI в. названия лиц женского пола и названия животных еще не включались в синтаксическую категорию одушевленности (с. 228 и след.).

§ 13. Соотносительные категории одушевленности-неодушевленности

Категория лица включается в более широкую категорию одушевленности, противопоставленную категории неодушевленности. Не приходится смущаться «мифологичностью» терминов «одушевленный» предмет и «неодушевленный» предмет — «категория одушевленности и неодушевленности». Языковая техника, отражая предшествующие стадии мышления, не всегда отвечает требованиям современной научной идеологии. Например, различие органической, живой и неорганической природы не находит отражения в грамматике современного языка (*растение, дуб, клен, липа, тростник* и т. п. оказываются для языка «предметами неодушевленными»). В английском языке даже названия животных не включаются в категорию одушевленности, суживающуюся, таким образом, до границ категории лица. В самом русском литературном языке категория одушевленности в ее нынешнем виде сложилась не раньше XVI—XVII вв.

Категория одушевленности отличается от категории лица тем, что согласование в роде с словами, относящимися к категории одушевленности, всецело обусловлено формой этих слов, между тем как в категории лица есть тенденция к согласованию по смыслу, по полу лица, ярко проявляющаяся в формах прошедшего времени на -л (*управдел заявила; профорг выступила с предложением* и т. п.).

Наиболее ярким и постоянным признаком категории одушевленности в русском языке является совпадение винительного падежа с родительным в единственном (кроме слов на -а) и множественном числе у существительных мужского рода (*встретить знакомого, слушать знаменитого тенора* и т. п.) и только во множественном числе у существительных женского рода (в среднем роде только у слов *лицо, чудовище* — *лиц, чудовищ*; ср. также: *животных, насекомых*). Имена существительные женского рода, обозначающие лиц и животных, в единственном числе сохраняют форму винительного падежа (*жена-жену; мышь, рысь*) и остаются, таким образом, на положении прямого объекта действия, не отличаясь в этом отношении от категории неодушевленности.

Любопытны колебания и противоречия в выражении категории одушевленности, отчасти зависящие от понимания ее границ и состава. Например, слова *микроб, бактерия* (ср. формы вин. п. мн. ч. *бактерии* и *бактерий*) колеблются между категориями одушевленности и неодушевленности. Названия рыб и амфибий, употребленные во множественном числе для собирательного обозначения какого-нибудь кушанья из них, образуют винительный падеж множественного числа одинаково с именительным падежом, т. е. относятся к категории неодушевленности; например, у Грибоедова: «К Прасковье Федоровне в дом во вторник зван я на *форели*»; «есть *устрицы*» (Тургенев); «Левин ел и *устрицы*» (Л. Толстой); «Искусство, не обдирая рта, есть артишоки и *глотать устрицы*, не проглатывая в то же время раковины» (Салтыков-Щедрин, «Признаки времени») и т. п.

Имена светил, лишённые своей мифологической одушевленности, рассматриваются как названия неодушевленных предметов. Например, *смотреть на Марс; видеть Сатурн, Юпитер* и т. п. (впрочем, возможны и формы винительного падежа). Но нарицательные обозначения бывших богов, перенесенные на людей, «одушевляются». Например: *поискать другого такого болвана; смотреть на своего кумира* (но ср.: *сделать из кого-нибудь себе кумир*); *этого идола ничем не проймешь* и другие подобные.

Своеобразные особенности наблюдаются и в употреблении слов, обозначающих то неодушевленные, то переносно-одушевленные предметы. Например, к категории одушевленности примыкают карточные обозначения — *туз*

и козырь; снять туза, покрыть козыря и т. п. (по ср.: *играть в свои козыри, играть в короли*). «Для обозначения некоторых карт, а именно так называемых «фигур», взяты были слова, обозначающие предметы одушевленные, что соответствовало самому смыслу слова «фигура»; поэтому и склонение названий карточных фигур сбилось на склонение названий предметов одушевленных; а затем по этому образцу стали склоняться и такие названия карт и иные карточные термины, которые вовсе не обозначают предметов одушевленных»*. (Например, то же представление перенесено было и на название карты *туз*. Ср.: *я сбросил туза; козырная двойка туза бьет*; ср. у Пушкина в «Пиковой даме»: «Игроки *понтуют на тройку, семерку и туза*».)¹⁰

Для понимания тех смысловых преобразований, которым подвергаются неодушевленные предметы в игрецком языке, характерно олицетворение слова *шар* в жаргоне бильярдных игроков. Л. Славин, изображая в романе «Наследник» бильярдистов, пишет: «Такого *шара* промазали», — сказал студент с насмешкой. Подобно всем игрокам, он склонял *шар* в родительном падеже, как живое существо, ибо ни один бильярдист не может заставить себя видеть в шаре неодушевленный предмет, — так много в нем чисто женских капризов, внезапного упрямства и необъяснимого послушания».

Но, по-видимому, прав акад. Л. А. Булаховский, утверждая, что «современный литературный язык решительно склоняется в сторону сохранения за словом с основным значением одушевленности, независимо от его переносного употребления, первоначальных морфологических особенностей»⁷¹ (ср.: *высидивать болтуна*, т. е. *яйцо; плясать трепака* и т. п.). Напротив, слова с основным значением неодушевленности, примененные к конкретным лицам или к живым существам, приобретают в этом употреблении грамматические свойства названий одушевленных предметов, например: «Видел-этого *старого колпака*»; «Не время выкликать *теней*» (Ф. Тютчев) и т. д.** Впрочем, это правило не относится к словам с абстрактным значением, заимствованным из научной терминологии, например к словам: *характер, элемент* и т. п. (*вывести на сцену новый характер; разоблачить антиобщественные элементы* и т. п.).

Таким образом, различие между категориями одушевленности и неодушевленности сохраняет свою силу и в тех случаях, когда для метафорического или метонимического изображения лица применяется слово, обозначающее неодушевленный предмет, или, наоборот, когда слово, относящееся к категории одушевленности, переносится на обозначение предметов неодушевленных. Поэтому значения одушевленности и неодушевленности и формы их выражений нередко соединяются в одном и том же слове. Например: *вывести тип лишнего человека; встретить забавный тип*; но в разговорной речи: *Я давно знаю этого странного типа*. Возможны колебания и в употреблении винительного падежа при одном и том же значении слова. Например, в слове *лицо*: «Кити называла ему те *знакомые и незнакомые лица, которые* они встречали» (Л. Толстой); но едва ли не чаще встречается иное употребление: *Называть знакомых лиц по фамилии* и т. п. Интересна судьба слов с суффиксом *-тель*. Прежде даже от тех терминов на *-тель*, которые не обозначают лиц, иногда в значении винительного падежа употреблялась форма родительного, например в математических выражениях: *умножить числителя; найти общего знаменателя; разделить на множителя; умножить показателя подкоренного выражения* и т. п. Еще Бругманн заметил, что «*nomina agentis*» очень часто

* Ср. исторические данные о широком распространении винительно-родительного падежа у названий животных лишь со второй половины XVI в.⁶⁴

** Ср. в «Российской грамматике» Ломоносова: «Ежели имена бездушных вещей приложатся к животным, в винительном кончатся на *-а*: «посмотри на болвана»... «нашего мешка обманули».

употребляются для обозначения орудия, ввиду того что это последнее рассматривается как одушевленный исполнитель действия»¹².

Но в современном языке — под влиянием широкого распространения суффикса *-тель* в профессиональных диалектах и научно-техническом языке для обозначения механизмов, приборов, сооружений и орудий — слова на *-тель* со значением орудия, механизма, снаряда сохраняют формы винительного падежа, сходного с именительным. Например: «Дедушка раскрыл желтый скоросшиватель» (Л. Славин, «Наследник»); повернуть выключатель; заметить истребитель и т. п. Ср.: приобрести электрический счетчик; сбить вражеский бомбардировщик; потопить тральщик и т.п. (но: напасть на разведчика).

Названия одушевленных предметов по формам своего образования отчасти совпадают с категорией лица (ср., например, общность суффиксов детенышей *-енок* и *-еныш* у обозначений лиц и животных; ср. совмещение значений лица и самца — самки в таких суффиксах, как *-ак*, *-ица*, *-иха*, и некоторых других). Впрочем, в современном литературном языке приемы суффиксального образования слов, обозначающих представителей живого (животного), не человеческого, мира, крайне бедны. Общий язык обогащается лишь терминами зоологии и заимствованиями из народных говоров.

4. ГРАММАТИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПО ТИПАМ СКЛОНЕНИЯ В СВЯЗИ С ФОРМАМИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

§ 14. Основные типы склонения имен существительных, сложившиеся на основе родовой классификации

Категория рода, категория лица, категории одушевленности и неодушевленности тесно связаны с системой склонения существительных. К системе склонения тянутся нити, направляются токи от всех других категорий, определяющих грамматический строй имени существительного. Категория рода отражается в дифференциации основных типов склонения⁷³. На различия типов склонения и даже на степень продуктивности каждого из них влияют и формы суффиксального словообразования. В классе имен существительных формы словоизменения обусловлены в некоторой мере приемами словопроизводства. Например, все имена существительные с суффиксом *-ств(о)* относятся к среднему роду, с суффиксом *-ш(а)* — к женскому и т. п. В современном русском языке в формах единственного числа различаются три основных типа склонения⁷⁴:

1) склонение имен существительных мужского рода с нулевым окончанием именительного падежа (*топор, стол, дом, фонарь, зверь, зять* и т. п.) и примыкающее к нему склонение слов среднего рода на *-о, -е* (*село, зеркало, окно, поле, личико* и т. п.);

2) контрастирующее с первым типом женское склонение с нулевым окончанием именительного падежа (*кость, глубь, рысь, неожиданность* и т. п.);

3) противопоставленное среднему роду мужско-женское (в основе своей женское) склонение существительных на *-а* (*сестра, вода, похвала, неряха, громила* и т. п.)¹⁵.

Существительные среднего рода обычно не выделяются в особый тип, так как их склонение мало чем отличается от мужского склонения (только формой именительного-винительного падежа единственного числа и отчасти имени-тельно-винительного и родительного падежей множественного числа). Кроме того, формы субъективной оценки, образуемые от имен существительных мужского рода с помощью суффиксов *-ушк(о)* (*хлебушко*) и увеличительного *-ищ(е)*, склоняются так же, как слова среднего рода. Таким образом, склонение слов на *-о, -е* в литературном языке можно рассматривать как вариант

мужского склонения, склонения слов с нулевым окончанием в именительном падеже. С некоторыми оговорками типы современного склонения сводятся к трем основным*. Внутри этой системы можно подметить подчеркнутый контраст женского и неженского склонения: слова женского рода на *-а(я)* и на мягкий согласный (а также на *-ж* и *-ш*) противостоят склонению слов мужского рода на твердый и мягкий согласный и склонению слов среднего рода на *-о (е)* (с примыкающими к ним переходными случаями). Недаром Во-стоков в своей «Русской грамматике» различал только эти два общих типа склонения, сводя к ним все разнообразие форм единственного числа. Действительно, как показывают наблюдения над формами словообразования и статистический подсчет продуктивных категорий, особенно сильными и влиятельными типами склонений являются склонение на *-а* (женское по преимуществу) и склонение с нулевой флексией именительного падежа (мужское по преимуществу). Лишено больших жизненных сил женское склонение на мягкий согласный (а также на *-ж* и *-ш*) при нулевой флексии именительного падежа. На поверхности современного литературного языка еще сохраняются окаменелые реликты старых типов склонения (слова на *-мя*: *дитя, мить, дочь, путь* и некоторые другие). Не подлежит сомнению, что грамматической базой всей системы именного склонения является тип имен существительных мужского рода с нулевым окончанием в именительном падеже. Среди приемов бессуффиксного образования имен существительных продуктивны только формы образования сокращенных слов мужского рода на твердый согласный (*военком, исполком, райком, полтрук, технорук, прораб, командарм, спец* и т. п.). Любой словесный знак, указывающий на предмет, становится именем существительным мужского рода, если он имеет в исходе согласный звук.

§ 15. Система словообразования в кругу мягкого мужского склонения

В мужском склонении, которое узнается по именительному падежу без окончания, при форме родительного падежа на *-а (я)* (реже на *-у, -ю*) наиболее продуктивны твердые основы (так же как и в именах женского и среднего рода). В мягком мужском склонении кроме слов непроизводных выделяется только небольшое количество живых словообразовательных разрядов.

1. Имена действующих лиц с очень продуктивным суффиксом *-тель* (и производным от него суффиксом *-итель*, ср.: *спаситель, покровитель* и др.): *создатель, завершитель, соглашатель, замалчиватель, вредитель, распространитель, заместитель, производитель, строитель* (ср. *строить*), *мыслитель* и т. п. Эти слова отглагольного происхождения. Значение активного деятеля у части этих слов, не имеющих дополнительного глагольно-видового суффикса *-ыва-, -ива-* или глагольной приставки, в современном языке несколько ослабевает. Эти слова являются по большей части официальными или книжными обозначениями лиц, принадлежащих к той или иной профессии, занимающихся той или иной деятельностью (*писатель, учитель, следователь, прихлебатель, содержатель* и т. п.). Значение действующего лица гораздо ярче выступает в профессиональных обозначениях лиц по действию с суффиксом *-щик* и *-льщик* (при глагольной основе): *сеяльщик, боронильщик, точильщик,*

* Такие реликтовые формы, как формы склонения слова *путь* в единственном числе ~~или десяти~~ слов среднего рода на *-мя* (*темя, вымя, семя, бремя, имя, пламя, знамя, время, племя, стремя*), отличаясь в единственном числе от слов женского рода *кость, злость* и т. п. только формой творительного падежа на *-ем* (*-ем* в *путь — путём*), не образуют никакого особого грамматического типа. Во множественном числе формы слов *время, семя* и т. п. ничем не отличаются от форм слов на *-о* (*времена, знамена* и т. д., ср.: *небо — небеса; тем — тесца*). Ср.: *дитя — дети*.

гранильщик, тянульщик, сортировщик (ср.: *вышивальщица, вязальщица* и т. п.), *болеульщик*. Ср.: *гранитель мостовых* (у Салтыкова-Щедрина) и *гранильщик мостовых; сеятель* и *сеяльщик; кормильщик, кормитель* и *кормилец*.

В книжном языке от каждой глагольной основы на гласные *-а* или *-и* с переходным значением потенциально образуется название лица по действию, по кругу деятельности или по характеру поступков с помощью суффикса *-тель*.

В образованиях на *-атель* сохраняется ударение глагольной основы: *мореплаватель, подделыватель, завоеватель, вымогатель*; в образованиях на *-итель* (ср. устар. *-етель: владетель*) ударение всегда (кроме *множитель*) переносится на *-и*: *строитель, грабитель, представитель, спаситель, покровитель, нарушитель, утешитель* (ср. ц.-сл. *утешитель*) и т. п.

В научном языке и специальных технических диалектах суффикс *-тель* обозначает не только деятеля, но и орудие действия, например в математике: *числитель, множитель, делитель, знаменатель*; в технике: *выключатель, предохранитель, двигатель* (внутреннего сгорания), *истребитель, измеритель, громкоговоритель, выпрямитель, испаритель, краситель, взрыватель* и т. п. Ср.: *показатель (качественные и количественные показатели)*. Научно-технические слова этого типа широко вливаются в разные стили современного литературного языка. В профессиональных терминах на *-тель*, обозначающих приборы, инструменты, приспособления, предназначенные для какого-нибудь действия, значение активного производителя действия подчеркнuto резче, чем в обозначениях лиц, образованных с помощью того же суффикса. Повидимому, это объясняется тем, что термины орудий действия образуются только от основ переходных глаголов (например: *выбрасыватель, загуститель, предупре-дитель, уравнитель* и т. п.), между тем как названия лиц могут быть произведены и во всяком случае производились раньше и от основ непереходных глаголов (ср.: *странствователь, благотворитель, соревнователь, заседатель, обитатель, мореплаватель, председатель* и т. п.). Слова на *-тель* не образуются от глаголов с суффиксом *-ся* (но ср. *соглашатель*).

2. Имена лиц с малопродуктивным суффиксом *-ич*, образованные от существительных и обозначающие:

а) людей по происхождению из той или иной местности, из того или иного города: *костромич, москвич*; ср.: *вятнич, омич* (житель Омска), *томич* (житель или уроженец Томска), *юхнович* и другие подобные;

б) по отчеству (от имен на *-а*): *Ильич, Саввич, Никитич, Лукич*, ср. также в словах: *родич, соотчич*.

3. Очень близко к словам на *-ич* подходят названия людей по отчеству, образованные от личных имен с помощью продуктивного суффикса *-ович, -евич**. В разговорной речи безударное *-ович* превращается в *-ыч, -евич* — в *-ич* (ср.: *Палыч* из *Павлович; Михалыч* из *Михайлович; Игнатич* из *Игнатьевич*; ср. *Савельич* в «Капитанской дочке» Пушкина и т. п.). Ср. у Грибоедова в «Горе от ума»:

Алексей Степаном,

Зашла беседа ваша за ночь.

4. Обозначения лиц, образованные с помощью малопродуктивного суффикса *-ач* (род. п. *-ача*), не очень многочисленны. Суффикс *-ач* присоединяется как к глагольным (*толк-ач, рв-ач*), так и к именным основам (*сил-ач, бород-ач, ловк-ач*). Слова с суффиксом *-ач* экспрессивны. Они обозначают лицо по преобладающему признаку, по характеристическому действию, по предмету, — с этимологической точки зрения суффикс *-ович* представляет сращение притяжательного суффикса *-ов* и *-ич*.

являющемуся профессиональным отличием или главной приметой: *бородач, носач, трюкач, циркач, скрипач, трубач, кормач, рвач* и т. п.

Некоторые слова с суффиксом *-ач* носят отпечаток фамильярного пренебрежения или неуважительности: *носач, бородач, снохач, рвач*. Эта экспрессивная окраска создается смысловым взаимодействием основы и суффикса. Отдельные слова, образованные с помощью суффикса *-ач*, являются профессиональными обозначениями (ср. *скрипач*) и лишены всякого оттенка неодобрения.

5. Существительные, имеющие в своем составе суффикс *-арь, -арь*. Эти слова образованы частью от глагольных основ (обычно с ударением не на суффиксе: *пахарь, писарь, лекарь, пекарь, знахарь*; но ср. *звонарь*), частью от основ существительных и прилагательных (с ударением на суффиксе *-арь*, например: *дикарь, вратарь*, прост, *почтарь, штукать, золотарь* и др.). Ср.: *глухарь, пекарь* и т. п.; ср. также: *словарь, букварь* и др. Суффикс *-арь* непродуктивен. Ср. у Марлинского в рассказе «Поволжские разбойники»: «любопытный *старинарь*».

К этой группе образований с суффиксом *-арь* примыкают заимствованные слова на *-арь* (ср. латинские слова на *-arius*, французские на *-aire*), например: *секретарь, библиотекарь*.

6. Единичны слова, образованные от глагольных основ с непродуктивным суффиксом *-аль* для обозначения лица по действию: *строгаль, каталь, враль*. Ср. области, *коваль*.

1. Немногочисленны разговорные названия лиц с мертвым суффиксом *-ень*: *баловень, увалень, оборотень, перевертень* (Лесков, «На ножах»); но ср. также: *дурень, прихвостень*; ср.: *ливень, плетень*. Таким образом, большая часть слов на *-ень* образована от глагольных основ.

8. Непродуктивны разговорно-фамильярные образования с суффиксом *-яй* и производные на *-дли, -тяй*, которые обозначают презираемого, вызывающего пренебрежение или отвращение человека: *слюняй, негодяй, кисляй, разгильдяй, скупердяй, лентяй, слюнтяй*; ср. *шалопай*. Слова этого типа были произведены от именных основ, обозначающих отрицательное свойство.

9. Единичны отглагольные образования на *-атай* с мертвым книжно-архаическим суффиксом *-тай*, обозначающие профессионального деятеля или лицо, постоянно занятое чем-нибудь: *глашатай, ходатай, соглядатай* (ср. иронически-просторечное образование первой половины XIX в. *завсегдатай*), устар. *оратай*, или *ратай*; ср. *хожатый* (ср. у Белинского: «*хожатый* по делам»).

Почти незначительны и неотделимы такие мертвые суффиксы слов мягкого мужского склонения, как:

10. Просторечный суффикс *-уй*, обозначающий презираемое лицо: *буржуй*, ср.: *холуй, оболдуй*; ср. областное просторечное *фатюй*.

II. Суффикс *-ей* в просторечных словах *грамотей, богатей*; ср. *дуралей*. Заимствованных суффиксов в системе мягкого мужского склонения тоже немного. Они приобрели некоторую производительность в послереволюционное время. Таковы:

1) *-орий*: а) для обозначения места, где происходит какое-нибудь действие: *крематорий, лепрозорий, санаторий* (ср. изолированное *кафетерий*); б) в медицинском языке также для обозначения средства, орудия: *депиляторий, суспензорий* и т. п.;

2) *-арий*: для обозначения собрания чего-нибудь или места, помещения: *акварий, террарий, гербарий, абортарий, планетарий, солярий, инструментарий*; ср. *сценарий*.

Бросается в глаза явное преобладание категории лица в суффиксальном словообразовании существительных мужского рода мягкого склонения.

§ 16. Словообразовательные типы, промежуточные между твердым и мягким мужским склонением

На границе между мягким и твердым мужским склонением находятся имена существительные мужского рода, которые оканчиваются на лишённые парных мягких фонем *ж, ш* (эти существительные образуют род. п. мн. ч. на *-ем*).

Сюда относятся следующие словообразовательные типы:

1. Слова с непродуктивным суффиксом *-ыш*, который в современном языке связан по преимуществу с тремя значениями:

1) предмета или существа, характеризуемого каким-нибудь качеством и вместе с тем небольшого, маленького или эмоционально представляемого в уменьшительном виде в силу сочувствия, фамильярного покровительства или пренебрежения: *малыш, глупыш, несмышленыш, голыш, крепыш, поганыш, последыш* (ср. у Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в применении к последним крепостникам; ср. у Лескова: «литературные *слепыши*» («Смех и горе»). Это значение свойственно образованиям от именных слов, от основ имен прилагательных (но ср. обособленное, индивидуальное, с точки зрения системы живых морфологических отношений, нерегулярное соотношение основ: *креп-кий — креп-ость — креп-ыш**, *мягкий — мяк-иш; послед-ний — послед-ыш*);

2) предмета или существа, характеризуемого каким-нибудь действием или представляющего собою результат какого-нибудь действия: *приемыш, оборвыш, подкидыш, выкидыш, выкормыш, поскребыш, заморыш*; ср. у Леонова: *недодельш*; ср. *найденыш*. Легко заметить, что большая часть образований этого рода имеет экспрессивную окраску пренебрежения или презрения. Это обозначения социально неполноценных разновидностей человеческого рода;

3) результата или способа действия: *выигрыш, проигрыш*; ср.: *актерский наигрыш; отыгрыш* (муз.).

Изолировано и уже неразложимо *околыш*.

2. Образования с малопродуктивным суффиксом *-ёныш* для обозначения детенышей: *зверёныш, детёныш, змеёныш, тигрёныш*. Но ср. *будён-ыш* (сохранение *-ёныш* в этом слове было невозможно, так как сочетание звуков *-ен-* уже находилось в основе, иначе получилось бы *буденёныш*). Суффиксу *-ёныш* в обозначениях детенышей предпочитается продуктивный суффикс *-ёнок* с его вариантами (*тигрёнок, львёнок, зайчонок, арапчонок* и т. п.).

3. Единичные просторечные слова, образованные от именных основ с непродуктивным фамильярно-ласкательным суффиксом *-яш*: *кругляш, племяш, кудряш* и др. Обособленно по значению и экспрессии *торгаш***.

4. Образования от глагольных основ с малопродуктивным суффиксом действия *-ёж*, носящим отпечаток яркой разговорной экспрессии и подчеркивающим интенсивность действия: *делёж, грабёж, кутёж, платёж, галдёж*: и т. п.

В отдельных словах этого типа уже застыло значение результата действия: *чертёж, рубеж*: и др.

5. Слова с заимствованным суффиксом *-аж*, развивающим в современном литературном языке все большую производительность. Образования с суффиксом *-аж* обозначают действие: *массаж*: (ср. *массировать*), *монтаж*:, *пилотаж*:, *зондаж*, *инструктаж*:, *каптаж*: и т. п. или имеют отвлеченное собирательное значение: * Ср.: *узкий — уз-ость; низкий — низ-ость*.

** В «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Давыдова значение этого суффикса определялось так: «Слоги *аш* и *яш* в словах *торгаш, кудряш* похожи на *ак, ач, ас*, которыми означает большое количество того, что выражается корнем слова»⁷».

тельное, количественное значение: *этикетаж, картонаж, листаж, метраж, резерваж*. Собирающее значение этого суффикса особенно активно в современных технических диалектах, близких к книжно-газетному языку.

Ср. у Максима Горького в статье «О бойкости» (Литературная газета, 1934, № 24): «За годы революции нами созданы и освоены десятки чужих слов: *листаж, типаж, вираж, монтаж, халтураж...*»

У Дм. Лаврухина («По следам героя»): «*подхалимаж, метраж, листаж, типаж, холуаж, литраж, километраж, фигураж, бракераж*». Показателен такой пародический отрывок из фельетона: «Как выражаются высокооплачиваемые специалисты: *тоннаж*, сокращая *тираж* и *листаж*, понижает *стро-каж*... Учитывая ограниченный *листаж* и *строкаж*, следует честно отметить, что и *проблемаж* современной литературы еще весьма низок».

§ 17. Словообразовательная система твердого мужского склонения

Словообразовательные типы слов, принадлежащие к твердому мужскому склонению, по разнообразию и продуктивности превосходят даже словообразовательную систему женского склонения на *-а*. Среди форм словообразования, связанных с твердым мужским склонением, выделяются четыре основные категории суффиксов:

- 1) суффиксы со значением лица;
- 2) суффиксы со значением конкретного предмета, реже со значением орудия действия;
- 3) суффиксы с отвлеченными значениями действия, качества-свойства, состояния и т. п.;
- 4) уменьшительно-ласкательные суффиксы.

1. Суффиксы лица

Наиболее многочисленные и продуктивные разряды слов в системе твердого мужского склонения относятся к категории лица. Можно наметить следующие словообразовательные типы названий, обозначающих лица:

1. Обозначения лиц по какому-нибудь предмету или действию (определяющему характер лица и его профессию, ремесло, занятие, звание), образуемые от основ существительных и глаголов посредством очень продуктивного суффикса *-щик*, а также суффикса *-чик* (после основ на *з, с, д, т, к, ц* и *ч*, причем конечные *к, ц* и *ч* замещаются через *т*)¹¹:

1) а) образования от именных и от глагольно-именных основ с суффиксом *-щик*: *суконщик, угольщик, каменщик, натуращик, барабанищик, конторщик, мотильщик, факельщик, фонарищик, агитпропщик, политотдельщик, подпольщик, котельщик, кессонщик, туннельщик, забойщик, приемщик, наборщик, закройщик* и т. д.; б) образования от глагольных основ с суффиксом *-щик*: *покупщик, застройщик, поставщик, выдумщик, зачинщик, прогульщик, зажимщик* (самокритики), *чеканищик* и т. д.; *бунтовщик, браковщик, лакировщик, танцовщик, дрессировщик, нормировщик, регулировщик, планировщик, полировщик, сортировщик, драпировщик, илифовщик* и т. д.;

2) а) образования от именных и от глагольно-именных основ на *-чик*: *газетчик, подрядчик, извозчик, аппаратчик, волокитчик, политпросветчик, сельсоветчик, докладчик, картотетчик* и т. д.; б) образования от глагольных основ на *-чик*: *переводчик, подписчик, резчик, рассказчик, летчик, возчик, перевозчик, доносчик, разведчик, растратчик, переписчик* и т. д.

2. Образования с суффиксом *-овщик, -евщик* от основ имен существительных также имеют значение лица, профессия которого связана с предметом, обозначаемым основой (ср. относительные прилагательные на *-овый*,

-евып): *гробовщик, весовщик, часовщик, ростовщик, ламповщик, меховщик, гря-зещик, старьевщик* и др.

3. Обозначения лиц по роду деятельности, по занятию, по действию производятся посредством суффикса *-льщик* (*-альщик, -ильщик, -ельщик*) от глагольной основы (первоначально от формы на *-л* с помощью суффикса *-щик*): *гранильщик, боронильщик, сеяльщик, строгальщик, шлифовальщик, рисовальщик, чистильщик, носильщик, точильщик, копировальщик, тянущийщик, паяльщик, купальщик, курильщик, болельщик, мелильщик* и т. п.; ср. *неплательщик* и *молельщик*, проникшие в литературный язык из областных севернорусских говоров.

В современном языке этот тип образования профессиональных обозначений рабочих (на *-льщик*) по роду работы особенно продуктивен.

4. Обозначения лиц по происхождению, по отношению к какому-нибудь месту, по принадлежности к какому-нибудь общественному, идейному течению, к какой-нибудь организации, по какому-нибудь действию, деятельности или по признаку, качеству, определяющему характер лица, при посредстве суффикса *-ей*.

В современном языке продуктивны лишь образования на *-ей* (от основ существительных) со значением лица, характеризуемого отношением к какому-нибудь предмету. Например:

1) *голландец, норвежец, илссельбуржец, ленинградец, кировец, ярославец, рязанец, тамбовец, горец*; ср. образования на *-анец*: *африканец, американец, мексиканец, республиканец*, ср. также образования на *-ианец*: *кантианец, шеллингианец* и т. п.; ср. образования на *-инец*: *ялтинец, бакинец*. Очевидно, основа в этих случаях однородна с основой относительных прилагательных на *-ский* (*американский, ялтинский* и т. п.). Следовательно, с точки зрения активных морфологических связей здесь устанавливается тройственное соотношение: основа существительного — основа прилагательного — образование на *-ец*;

2) *ленинец, комсомолец, партиец, детдомовец, женотделец, второступенец, оборонец, боец* и т. п.;

непродуктивны образования на *-ец* от основ глаголов и имен прилагательных. Таковы, например:

3) *купец, борец, ловец, гребец, певец, чтец, жнец* и т. п.;

4) *храбрец, гордец, наглец, подлец, скупец, ленивец, красавец, знакомец, упрямец* и т. п.

5. В ряду образований с суффиксом *-ец* в современном языке совершенно самостоятельное место занимает продуктивный класс слов с отглагольной основой, близкой к основе отглагольных существительных на *-ние* (ср.: *поражение — пораженец; непротивление — непротивленец; иждивение — иждивенец* и т. п.).

Сюда относятся обозначения лиц по принадлежности к какому-нибудь учреждению, по роду общественной деятельности, по действию, являющемуся лозунгом или характерным признаком. Слова этого рода обычно образуются от отглагольных существительных на *-ение* (но ср. *твердозадан-ец*). Например: *просвещенец, обновленец, назначенец, перерожденец, выдвигенец, невозвращенец, примиренец, лишенец, отпленец* и т. п. Ср. также дореволюционные: *переселенец, выведенец* и т. п.*; ср. заимствованное в эпоху первой мировой войны болг. или чеш. *беженец* и др. Эти образования стали менее продуктивными в самое последнее время.

* До самого конца XIX в. в русском литературном языке в отглагольных именах существительных на *-ение* преобладало значение пассивного лица в силу тесного соотношения их с причастиями страдательными: *выведенец — выведенный* и т. п.

6. Гораздо более многочисленны и продуктивны обозначения лиц по происхождению из какой-либо местности, места, по отношению к какой-нибудь организации, учреждению, к какому-нибудь общественному направлению, течению, к какому-нибудь лицу, к какому-нибудь политическому деятелю посредством суффикса *-овец, -евец*. Слова этого типа образуются от основ имен существительных (или субстантивированных слов) и могут быть подведены под общее значение лица, характеризуемого отношением к какому-нибудь предмету. Они тесно связаны с относительными прилагательными на *-веский, -веский*, например: *орловец, вузовец, кружковец, рабфаковец, напостовец, сме новеховец, толстовец, бундовец, впередовец, петлюровец, махновец, метро строевец, мхатовец, исполкомовец* и т. п. В этом разряде слов *-овец* выступает как вариант суффикса *-ец*.

7. Обозначения лиц по какой-нибудь деятельности, по какому-нибудь действию, состоянию, образованные посредством суффикса *-лец* от глагольной основы (первоначально от формы на *-л* с помощью суффикса *-ец*): *давалец, владелец, кормилец, страдалец, сиделец* и т. п. Эти образования в современном языке непродуктивны.

8. Обозначения лиц по какому-нибудь признаку, определяющему общественную позицию, свойства, обязанности, назначение и специальность лица. Они образуются посредством суффикса *-ик* от относительных прилагательных на *-овый* (или суффикса *-овик, -евик* от основ имен существительных). На пример: *передовик, фронтовик, массовик, кадровик, штурмовик, низовик, строевик, пиццевик, правовик, трестовик, плановик, сетевик* и т. п. Этот тип слово образования в современном языке особенно продуктивен.

Основное значение новообразований этого рода — лицо, характеризующееся отношением к какому-нибудь предмету (от которого производится имя прилагательное на *-овый, -евый*).

Ср. также широкое распространение суффикса *-овик, -евик* в обозначениях предметов по относительным прилагательным на *-овый, -евый* (например, в названиях грибов: *березовик, боровик, дубовик* и т. п.; вообще в названиях разнообразных предметов: *грузовик, боевик* (сезона), *половик, дождевик, пуховик, паровик, дробовик* (ружье) и т. п. (см. с. 97)⁷⁸.

9. Обозначения лиц по какому-нибудь свойству, признаку, связанному с отношением к предмету, занятию, кругу деятельности. Они характеризуются суффиксом *-ик*, сочетающимся с основой имени прилагательного на суффикс *-н(ый)*, или суффиксом *-ник* в сочетании с основой существительного: *отличник, ударник, пожарник, колхозник, единоличник, частник, культурник, физкультурник, водник, транспортник, полярник, сапожник, печник, мясник, чиновник, взяточник, картежник, противник, любовник, озорник, антирелигиозник, беспризорник, выпускник, отпускник, допризывник, дошкольник, вечерник, заочник, курортник, общественник, производственник, сезонник, хозяйственник, шкурник, пирожник, чертежник, неудачник, крепостник, раскольник* и т. п. Ср.: *путник, вестник, дворник, данник, прихотник* и др. См. также предметные обозначения с помощью этого же продуктивного суффикса: *субботник, воскресник, чайник, дневник, песенник, передник* и т. п. (см. ниже)⁷⁹.

Легко заметить, что названия лиц на *-ик* от основ прилагательных, не осложненных суффиксом *-и-*, типа *старик, головастик* в современном языке совершенно непродуктивны. Ср. также образования от прилагательных на *-яный*: *жестяник, нефтяник, дровяник*; *-овный*: *виновник, духовник* и др.; ср. *ученик*. Точно так же больше не образуются имена лиц с помощью суффикса *-ник* от основ глаголов, вроде *наставник, заступник, шутник, истопник, проводник* и т. п. Единичны такие слова с основой прошедшего времени (на *-л*) и суффиксом *-ник*: *молчальник, отшельник*. Непродуктивны среди обозначений лиц образования на *-ник* и от основ имен существительных. Зато очень про-

дуктивен способ образования новых слов посредством суффикса *-ик* от относительных прилагательных на *-ный*. Значение этих новообразований: лицо, характеризующееся отношением к тому предмету (от которого образуется прилагательное *нгь.-ный*) или к тому предмету, в состав обозначения которого входит соответствующее прилагательное: *единоличник, заочник, вечерник, дошкольник, железнодорожник, скоростник* и т. п.

10. Обозначения лиц по привычному действию или по склонности к какому-нибудь действию посредством малопродуктивного разговорного суффикса *-ун*, род. *-уна* (от глагольной или глагольно-именной основы): *летун, бегун, хвастун, говорун, болтун, драчун, крикун, хлопотун, ворчун, потаскун, сопун*, устар. *вещун* и т. п. С этим суффиксом связан по большей части оттенок пренебрежения или иронического снисхождения. Ср. у Ф. Достоевского в «Двойнике»: «прыгун, лизун, хохотун».

Единичны и непродуктивны обозначения лица по какому-нибудь предмету, образованные с помощью того же суффикса *-ун, -уна* от именной основы, например: *горбун, горюн*.

Ср. также суффикс *-ун* в обозначениях орудий действия: *колун* и др.

11. Обозначения лиц посредством суффикса *-як, -ак* (род. *-яка, -ака*):

1) по месту происхождения (преимущественно от основ существительных женского рода, обозначающих город, территорию): *туляк, пензяк, сибиряк, тоболяк, пермяк* (ср. устар. *русак*). Ср.: *земляк, поляк, прусак, остяк*. Этот словообразовательный тип непродуктивен;

2) по какому-нибудь признаку, определяющему социальное положение, родство, характер или внешние качества лица (от основ существительных и прилагательных): *чудак, простак* (ср. *простяк*), *добряк, остряк, холостяк, пошляк, сопляк, мозгляк, толстяк, свояк, чужак, бедняк, середняк, босяк, искряк* и др. Ср. у Тургенева в «Постоялом дворе»: «Какой-нибудь *голяк* в дрянной тележке и с тремя пятаками в мошне за пазухой... понукал свою усталую лошадедку». Эта функция суффикса *-як* (т. е. со смягчением конечного согласного именной основы) в современном языке более или менее активна;

3) по профессии (от названия предметов, с которыми связано занятие лица): *моряк, рыбак*. Это применение суффикса *-ак, -як* непродуктивно.

Единичны обозначения лиц с мертвым суффиксом *-чак*: *весельчак, смельчак*.

Суффикс *-ак, -як* непродуктивен также в обозначениях животных и предметов: *червяк, гусак, светляк, рысак, пустяк, пятак, четвертак, медяк* и т. п.

12. Обозначения лиц по происхождению из какой-нибудь местности, по связи с какой-нибудь территорией или по принадлежности к нации, к какому-нибудь коллективу, организации посредством малопродуктивного книжного суффикса *-анин, -янин*, присоединяемого к основам имен существительных: *южанин, северянин, киевлянин, витеблянин, курянин, римлянин, египтянин, горожанин, англичанин, политкаторжанин, лютеранин* и т. п.; ср. формирование и распространение суффикса *-чанин* в образованиях: *харьковчанин, горьковчанин, ростовчанин, сумчанин* ('житель города Сумы), *серпуховчанин* и т. п.

Ср.: *мещанин, крестьянин, дворянин, гражданин* и пр. Суффикс *-анин* производный. В нем выделяется суффикс единичного лица *-ин*. В современном языке суффикс *-ин* непродуктивен как средство словообразования; ср.: *грузин, татарин, господин, боярин* и т. п. Но, утратив свою словообразовательную продуктивность, он в большинстве слов отчетливо выделяется как признак форм единственного числа (ср.: *крестьянин — крестьяне, крестьянский* и т. п.).

13. Обозначения лиц по предмету, который представляется типическим признаком или свойством, отличительной приметой кого-нибудь с помощью экспрессивного, но непродуктивного суффикса *-ан* от основ существительных,

например: *горлан, брюхан, пузан, губан, лобан*; ср.: *смутьян, буян*; ср. *мужлан* (от устарелого уменьшительно-презрительного *мужло*; ср. *мурло*), *грубиян* (народная этимология под влиянием немецкого *Grobian?*, но ср. *смутьян*); ср.: *интриган, политикан, критикан* и т. п. В слове *великан* пренебрежительное значение суффикса *-ан* парализуется значением основы*. Ср. *старикан*.

Легко заметить, что суффикс *-ан* встречается преимущественно в разговорных словах и связан с экспрессией презрения или осуждения.

14. Обозначения лиц по социальному положению, общественному направлению, по принадлежности к научному, идейному, художественному течению, по какому-нибудь бытовому явлению, по какой-нибудь сфере деятельности или какому-нибудь отвлеченному понятию (нередко выражаемому с помощью суффикса *-изм*) или по отношению к организации, к учреждению, учебному заведению посредством очень продуктивного суффикса *-ист*, присоединяемого преимущественно к основам существительных: *марксист, материалист, идеалист, оптимист, капиталист, империалист, пессимист, активист, оппортунист, связист, планерист, радист, тракторист, пушкинист, очеркист, значкист, хвостист, отзовист, уклонист, чекист, парашютист* и т. д. Ср.: *семинарист, гимназист, гитарист, велосипедист*.

В современном языке окончательно канонизировано сцепление этого заимствованного суффикса с чисто русскими основами. Зародыши этого процесса относятся к половине XIX в.**

15. Обозначения лиц по какому-нибудь действию, процессу, деятельности с помощью суффиксов *-ант* и *-ент* (в заимствованных словах чаще всего соотносительно с глаголами на *-ировать*):

1) *квартирант, курсант, спекулянт, оккупант, капитулянт, диверсант* и т. д.;

2) *интервент, корреспондент, оппонент, референт* и другие подобные. Но ср. также в научно-техническом языке: *коэффициент, ингредиент, компонент* и т. д.

16. Обозначения лиц по отношению к какой-нибудь сфере науки, техники, искусства, к какому-нибудь идейному, общественному течению, по каким-нибудь свойствам, выражаемым прилагательным на *-ический*, по характеру, по физиологическому типу или психическому складу, а также в медицине для обозначения больных по роду их болезни — с помощью суффикса *-ик, -к* (греч. *μορ*, лат. *-icus*) — соотносительно с прилагательными на *-ический*: *академик, историк, электрик, механик, трагик, лирик, меланхолик, неврастеник, психастеник, паралистик, сифилитик, уретритик, дальтоник, маляр* и т. п.

17. Обозначения лиц по роду деятельности (обычно выраженному глаголами на *-ировать, -изировать* и отглагольными словами на *-ация, -изация*) — посредством продуктивного заимствованного суффикса *-атор* fOiaT. *-ator*): *украинизатор, рационализатор, ликвидатор, новатор, кинооператор* и т. п. Этот суффикс в современном языке сочетается не только с заимствованными, но и с русскими основами.

Тот же суффикс обозначает технические орудия и приспособления: *экскаватор, эскалатор, перфоратор* и т. п.

18. Сюда же примыкают обозначения лиц по роду деятельности с выделяющимися, но непродуктивными суффиксами *-тор* (лат. *-tor*; ср. соотноси-
*Ср. определение значения этого суффикса у акад. И. И. Давыдова: «Имена на *-ан (ян)* большею частью изображают людей, имеющих с излишком то, что означает корнем слова»⁸⁰. ** Павский в «Филологических наблюдениях» констатировал, что из русских имен приняло в начале XIX в. суффикс *-ист* одно — *гуслист*⁸¹. Ср. образование слов: *клубист* и *службист* в середине XIX в. (ср. *службист* у П. Боборыкина в повести «Поумнел»). Ср. у Лескова в очерке «Печерские антики»: «*службист, законовед* и разного мастерства художник».

тельные с словами на *-тор* заимствованные слова на *-ция*) и *-ор*, а также с приобретающим производительность суффиксом *-ёр* (лат. *-or*, фр. *-eur*): *директор, репетитор, фининспектор, инструктор, ревизор, прокурор, монтер, дирижер, режиссер, шофер, боксер* и т.п. Ср. вульгаризм *ухажер*; ср. современное новообразование *киоскер**. Ср. у Боборыкина в повести «Обручена» слово *сканер*: «В Москве так говорят. Там есть такой спортсмен... из общества... Давно прожился и ездит за деньги. Его все зовут *Кваиннн-скакер*».

Суффиксы *-тор* и *-ор*, кроме того, наблюдаются в заимствованных словах, обозначающих техническое орудие, приспособление (ср. *-атор*) : *трактор, репродуктор, рефрактор, мотор, компрессор* и т. п.⁸²

19. В той же функции выступают заимствованные слова с суффиксом *-ер* (ср. нем., англ. суффикс *-er*), означающие лица (а также аппараты): *культуртрегер, геллертер, снайпер, стайер, диспетчер* и т. п. Ср.: *контролер, экономайзер* и т. п.

20. Обозначение лиц по профессии, роду деятельности, по отношению к какому-нибудь учреждению, к коллективу (называемым иностранными словами на *-ция*) — с суффиксом *-ионер* или *-онер* (фр. *-ionnaire*) — соотносительно с именами прилагательными на *-ионный*: *милиционер, реакционер, революционер, комиссионер, акционер, селекционер, коллекционер* и т. д.

21. Обозначения лиц по отношению к организации, по профессии — с выделяемым суффиксом *-ир*: *бригадир, бомбардир, командир* и др.

22. Обозначения лиц по профессии, по званию, по предмету, связанному с производством, — с суффиксом *-ар, -яр*: *комиссар, антиквар, столяр, коммунар* и т. п.

23. Обозначения лиц по роду деятельности, по занятиям, по званию — с потенциальными суффиксами *-т, -ет, -ат* (греч. *-τις*, лат. *-atus*): *поэт, апологет, экзогет, лауреат, лицензиат* и т. п.

24. Названия последователей культов, представителей племени, житей - с продуктивными книжными суффиксами *-ит, -ат*: *суннит, семит, хамит, абдерит, униат, азиат* и т. п.

25. Обозначения лиц, образованные с помощью продуктивного суффикса *-лог*, указывающего на специалиста по тому предмету, который выражен первой частью слова: *графолог, психолог, педолог, рефлексолог, биолог, зоолог, антрополог, диалектолог* и т. п.

26. Обозначения лиц, образованные с помощью продуктивного суффикса *-фил*, для указания на сторонника, поклонника, приверженца того, что выражено первой частью слова: *славянофил, англофил, русофил* и т. п.

27. Обозначения лиц, образованные с помощью продуктивного суффикса *-фоб* для указания на врага, противника, ненавистника того, что выражено в первой части слова: *германофоб, юдофоб, женофоб* и т. п.

28. Сложные слова книжно-официального языка, образованные и вновь образуемые посредством суффиксированного словоэлемента *-носец* для обозначения лица, наделенного правом постоянного ношения какого-нибудь предмета или обязанного носить что-нибудь (ср.: *-носец —носитель*; ср. суффикс прилагательных *-ностный*): *оруженосец, орденосец*, ср.: *письмоносец, знаменосец, крестосец*. Ср. устар. *рогоносец*. Ср. у Салтыкова-Щедрина: «... ибо и *белибердоносцы* враждуют и препираются между собою, и они образуют партии, между которыми приходится выбирать». Ср. также применение *-носец* в технической терминологии для обозначения сооружения, приспособленного к ношению чего-нибудь: *миноносец, авианосец, торпедосец, броненосец*.

* Любопытен протест против употребления этого слова в докладе-статье К. Федина «Язык литературы» (Литературная учеба, 1933, № 3—4).

29. Сложные слова, являющиеся профессиональными обозначениями специалистов-работников в какой-нибудь области сельского хозяйства и образованные с помощью словоэлемента *-вод*: *лесовод, садовод, скотовод, пчеловод, кроликовод, свиновод* и т. п. Но в другом разряде сложных слов *-вод* сохраняет свое этимологическое значение лица, руководящего чем-нибудь (ср. значение морфемы *-орг*: *парторг, профорг* и т. п.), например: *экскурсовод, групповод, кружковод, звеньевод** и т. п. Ср. также: *счетовод* (нем. *Rechnungsfuhrer*), *деловод*.

30. Образования от основ имен существительных с помощью продуктивного книжного словоэлемента *-вед* для обозначения лица, занимающегося на учной разработкой какого-нибудь предмета, какой-нибудь отрасли знания. Например: *искусствовед, литературовед, языковед, музыковед, обществовед* и другие подобные.

31. Образования от основ имен существительных с помощью продуктивного книжного суффикса *-ман* для обозначения лица, имеющего какую-нибудь манию, пристрастие, например: *наркоман, балетоман, клеттоман, англоман* и другие подобные. Ср. у В. Белинского: «Между русскими есть много *галломанов, англоманов, германоманов* и разных других «*манов*».

32. Непродуктивные отглагольные образования с суффиксом *-ок* для обозначения лица, характеризуемого каким-нибудь действием или склонностью к действию: *ездок, игрок, ходок, едок, знаток, седок*; ср.: *стрелок, стрелка*.

33. Единичны слова с мертвыми суффиксами *-ух* и *-тух*: *пастух*, вульг. *питух* (ср. *петух*), *конюх* (ср. неразлагаемое *олух*, этимология которого, не смотря на работы акад. Соболевского и Ляпунова, остается неясной); ср. области, *овчух*.

34. Единичны заимствованные слова с суффиксом *-ал*: *индивидуал, провинциал*; ср. *национал*.

К названиям лиц близки названия детенышей; они формируются с помощью суффикса *-ёнок* (во мн. ч. *-ята*), у которого складывается вариант *-чо-нок*: *котёнок, тигрёнок, октябрёнок, цыганёнок, китайчонок, татарчонок, арапчонок* и т. п. (синонимичен непродуктивный суффикс *-ёныш*: *детёныш, зверёныш, змеёныш, найдёныш*).

Продуктивность суффикса *-ёнок* (мн. ч. *-ята* и в нелицитературном просторечии *-ёнки*) может быть продемонстрирована такими стихами:
Их много юных *слесарят*, Веселых *фабзайчонков*.

(Фронт фабзавучника, 1932, № 7)** II. Суффиксы со значением предметности

Гораздо менее многочисленна и разнообразна серия суффиксов твердого мужского склонения, обозначающих предметы. Некоторые из этих суффиксов однородны с суффиксами лица. Таковы:

—* В русском литературном языке предшествующей эпохи не образовалось такого многообразия суффиксальных словоэлементов, как в немецком языке: ср. *-beere* — *-ика Erdbeere* — земляника, *Schwarzbeere* — черника и т. п.; *-macher* — *-ник* и т. п. (ср. нем. суффиксы *-haft, -turn, -lei, -lich* и т. п.). Однако современный книжный язык унаследовал такие форманты: *-носец, -носный* (ср. нем. *-bar*): *золотоносный, плодоносный* и т. п.; *-вод, -водство; -вед, -фил* (ср. суффикс прилагательных *-фильский*); *-фоб* (суффикс прилагательных *-фобский*); *-логин, -лог, -фикатор, -фикация* и т. п. Но ср. нем. *Schweinehirt, Schafhirt* с русск.: *свинарь (свинарка), овчарь* — *овчар* и т. п.; *Schweinestall, Schafstall* — с русск.: *свинушник, овчарня* и т. п.

** Ср. в критическом разборе Б. Шаболина (Литературная молодость): «Вряд ли удачно слово *слесарята*, созданное по аналогии с *фабзайчатами*» (Литературная учеба, 1933, № 5, с. 81).

1. Непродуктивный суффикс *-ец*, посредством которого производились названия предметов по качеству, по материалу, по действию (если предмет представляется орудием или продуктом действия) и т. п.: *корец, шелк-сырец, рубец, резец, гостинец, варенец, трезубец, леденец, холодец* и т. п. Слова этого рода образованы больше от именных, но иногда и от глагольных основ⁸⁴.

2. Непродуктивный суффикс *-ик*, производивший от основ имен прилагательных, не осложненных суффиксом *-н-*, названия предметов и от основ числительных—названия мер: *тупик, рыжик, четверик, восьмерик* и т. п. ⁸⁴

3. Продуктивный суффикс *-овик, -евик*, посредством которого образуются обозначения предметов по свойству-качеству или по отношению к другому предмету (соответственно значению основы относительного прилагательного на *-овый, -евый*): *грузовик, паровик, маховик, черновик, беловик, березовик, дубовик, подосиновик, боровик, половик, дождевик, пуховик* и т. п.

4. Продуктивный суффикс *-ник*, служащий: а) для образования названий предметов, соответственно значениям основ относительных прилагательных на *-ный*: *пыльный, донник, сальник, бальник* и т. п.; и шире: для образования названий предметов вообще по какому-нибудь признаку, выраженному основой имени прилагательного (с суффиксом *-н-*): *утренник, декадник, субботник, воскресник* и т. п.; б) для обозначения места, вместилища, предмета, вмещающего что-нибудь (с ударением на *-ник* и с ударением на основе): *рудник, дойник, цветник, рассадник (от рассада), вопросник, задачник, справочник, сонник, словник* и т. п., *салатник, соусник, чайник, кофейник* и т. п.⁸⁵; в) для обозначения помещения, обслуживающего каких-либо живых существ, животных (на кого указывает основа имени существительного): *коровник, свинушник, свинарник, пчельник* и т. п., ср.: *курятник, гусятник, голубятник* и т. п.; г) *-ник* — в сочетании с основами, обозначающими деревья, кусты, служит для собирательного обозначения роши, группы кустов, деревьев: *березник, осинник, ельник, малинник, крапивник* и т. п.; д) в техническом языке — для обозначения орудий действия (при глагольной и отглагольно-именной основе): *подъемник, окучник, запарник* и другие подобные. По-видимому, от суффикса *-ник* готов был обособиться суффикс *-овник* со значением кустарника и места пребывания живых существ; ср.: *терновник, шиповник, клоповник*. Но в современном языке этот суффикс непродуктивен⁸⁶.

В современном русском языке употребительны приемы комбинированного, суффиксально-префиксального образования слов с помощью *-ник* и приставок: *под-, реже над- и на-*, например: *подзеркальщик, подсвечник, пододеляльник, подстаканник, надглазник, наусник, наушник, нарукавник, набрюшник* и другие подобные; ср.: *ошейник, предбанник*.

5. Суффиксы *-щик* и *-чик*, которые в профессиональных диалектах начинают применяться все чаще для обозначения орудий действия, механизмов, приборов (в сочетании с глагольной основой), например: *бомбардировщик, пищик* (дудочка), *счетчик, передатчик, тральщик, разведчик* и т. п. Это значение суффиксов *-щик* и *-чик* вырастает из значения действующего лица.

6. Непродуктивный суффикс *-ун* для обозначения орудий действия: *колун, бегун* (жернов) и др. Этот суффикс имеет гораздо большее распространение в профессиональных диалектах.

7. Непродуктивный суффикс *-ак, -як* для обозначения предметов по качеству, признаку (от основы имени прилагательного), по числу (от основы порядкового прилагательного) или по материалу (от основы существительного): *пятак, медяк, четвертак, пустяк, косяк* и т. п. Ср. обозначения животных: *черняк, светляк, прусак* (таракан), *рыжак, лошак, рысак* и т. п. Ср. «Между бревнами и по косякам окон не скиталось резвых прусаков, не скрывалось за думчивых тараканов» (Тургенев, «Хорь и Калиныч»). Кроме того, обособляет-

ся небольшая группа слов, которые произведены от глагольной основы и в которых -ак означает орудие действия: *резак, тесак* и др.

8. Омонимические суффиксы -*дк*, -*ок* [род. -*к(а)*, -*к(а)*] с очень разнообразным применением:

1) суффикс -*дк*, -*ок* производил имена существительные от основ прилагательных: *пяток, десяток, белок, желток* и др. С суффиксом -*ок* в этой связи сочетается общее значение предметности. Такой способ образования слов в современном языке непродуктивен;

2) по-видимому, от этого суффикса -*дк*, -*ок* следует отделять как омоним суффикс -*дк* (род. -*ка*) со значением действия, отдельного акта: *хлопок, щелчок, толчок, зевок, швырок, рывок, бросок, пинок* и т. п.*;

3) другие способы образования слов с помощью суффикса -*ок* осложнены обязательной префиксацией. Так, суффикс -*ок* выделяется в именах существительных, имеющих значение результата действия, реже — самого действия и произведенных от глагольных основ с приставками: *осадок, огарок, отрезок, огрызок, отросток, обрубок, проступок, убыток, осколок* и т. п.; ср. pluralia tantum: *выжимки, высевки, объедки, опилки, отжимки* и т.п. Новые слова этого типа в современном языке за пределами профессиональных диалектов почти не образуются. Следовательно, этот способ именного словопроизводства в литературном языке непродуктивен;

4) от этих словопроизводственных типов следует отличать иной тип комбинированного, суффиксально-префиксального словообразования посредством суффикса -*ок* и приставки пространственного значения в сочетании с основами существительных. Образованные этим способом слова обозначают место, на пример: *загрювок, простенок, застенки, перешеек, переулок, перелесок, пригорок, подсумок* и т. п.

9. Интернациональный суффикс -*ит* для обозначения минералов, взрывчатых веществ, а в химии — окислов, в медицине — воспалений: *гранит, антрацит, меланит, метеорит, меланит, иприт, лиддит, бронхит, менингит* и т. д.**

10. Интернациональный суффикс -*ин*, преимущественно для обозначения химических веществ, препаратов, медицинских средств, лекарств: *аспирин, фенацетин, никотин, маргарин, вазелин, глицерин, нитроглицерин, новокаин, пенициллин* и т. п.

Сюда же примыкает ряд интернациональных суффиксов, обозначающих орудия действия и наблюдаемых преимущественно в профессиональных и научно-технических терминах:

11. Непродуктивный суффикс -*ар*, -*яр* в немногих заимствованных словах: *формуляр, циркуляр, окуляр* и т. п.

12. -*ор*, -*тор*: *мотор, трактор, компрессор* и т. п.

13. -*атор*: *рубрикатор, экскаватор, вулканизатор, обтюратор* и т. п.

14. -*ер* (почти исключительно в техническом языке): *экономайзер, контроллер, линтер, лихтер* (морск. голланд. *lichter*) и т. п.

Общи с категорией лица и такие суффиксы предметности, выделяемые в заимствованных словах:

• Ср. замечание А. А. Потебни: «...всяким говорящим по-русски чувствуется, что *мазок* и пр. ... уменьшительны и в силу того однократны, чем они резко отделяются от имени действия на -*ка*: (один) *мазок* кисти и *мазка* (мазанье) хаты»⁸⁷. Между тем F. Miklosich объединяет слова типа *мазок, скачок, зевок* и т. п. с такими, как *отрывок, огарок, сколок, свиток* и т. п.⁸⁸

** Ср. у Фета в «Моих воспоминаниях» рассказ Григоровича о спорах Тургенева и Л. Толстого: «Тургенев пищит, пищит, зажмет рукою горло и с глазами умирающей газели прошепчет: «Не могу больше, у меня *бронхит!*» — и громадными шагами начинает ходить вдоль трех комнат. — «*Бронхит*, — ворчит Толстой вслед, — *бронхит* — воображаемая болезнь. *Бронхит* -это металл».

15. *-ат*: а) со значением продукта действия: *фабрикат, препарат* и др., ср.: *плагиат, диктат, экспонат* и т. д. (ср. обозначения препаратов: *нитрат, опиат* и т. п.); б) со значением какого-нибудь общественного установления, обычая, учреждения, социальной группы, коллектива лиц: *докторат, левират, халифат, пролетариат*.

Продуктивным и вошедшим в строй русского языка может быть признано лишь применение суффикса *-ат* в отвлеченно-собирательном значении: *старостую, нотариат, секретариат*.

16. Специально книжные или научно-технические суффиксы *-ант, -ент* в терминах, обозначающих предмет или событие, действие, а также вообще отвлеченное понятие: *диктант, коэффициент, ингредиент, инцидент, прецедент* и т. п.

На основе некоторых суффиксов, общих категориям лица и предмета, развиваются специфические производные суффиксы для обозначения предметности. В современном языке выделяются:

17. Продуктивный суффикс *-льник* (в двух вариантах: *-альник* и *-ильник*), с помощью которого от основ переходных глаголов образуются названия орудий действия, приборов, механизмов, например: *паяльник, холодильник, утиральник, будильник, светильник, умывальник* и т. п.

Значение действующего лица в суффиксе *-льник* отмирает. Ср.: *целовальник* (истор.); *молчальник* (ц.-слав.); *гасильник* (книжн., ритор.) и другие подобные.

18. Суффикс *-няк*, который, сочетаясь с именными основами, обозначающими деревья, образует названия молодых рощ, группы деревьев, кустов: *сосняк, ивняк, лозняк, дубняк, молодняк* и т. п. (областной синоним этого суффикса *-ник*). Реже *-няк* образует названия минералов: *известняк* (ср. *песчаник*).

Слова со значением предмета, вещи, относящиеся к системе твердого мужского склонения, характеризуются серией интернациональных суффиксов, отличных от суффиксов лица, не похожих на них. Эти суффиксы встречаются в заимствованных словах. Таковы:

19. *-мент*, обозначающий орудие (или продукт) действия: *орнамент, документ, инструмент, аргумент* и т. п.

20. *-инг* (англ. *-ing*) — с разнообразными предметными значениями (орудий действия, места действия, продуктов): *блюминг, крекинг, демпинг, митинг, дансинг* и т. д.

21. *-ив*: *актив, пассив, массив*^{*9}, *паллиатив, реактив, рецидив* и т. п.

22. В общем языке более выделяется суффикс *-ариум* для обозначения вместилища, места: *аквариум, розариум* и т. п. (ср. *-арий*).

III. Суффиксы отвлеченности

Присматриваясь к коллекции суффиксов мужского рода с общим значением предметности, нельзя не обратить внимание на одну их особенность: только немногие из них совмещают со значением конкретного предмета отвлеченные значения действия, состояния или качества. Из чисто русских суффиксов сюда относится суффикс *-ок* (со значением конкретного движения или акта, момента действия: *бросок, щелчок* и т. п.), из интернациональных *-ат* (*докторат, левират* и т. п.) и почти не выделяемый интернациональный суффикс *-т* (*аффект, эффект, контакт* и т. п.).

Большая часть суффиксов, образующих отвлеченные слова, остается за пределами системы твердого мужского склонения. Из русских суффиксов конкретного действия с твердым мужским склонением связан лишь непродуктивный суффикс *-от, -ет* (без ударения). Он встречается в отглагольных суще-

ствительных, обозначающих звучание, шум (иногда и движение, связанное с какими-нибудь звуками): *ропот, топот, хохот, грохот, лепет, трепет* и др. Для всех этих слов характерна гармония гласных⁹⁰.

Среди заимствованных суффиксов более глубокий отпечаток отвлеченности носят три суффикса:

1. Очень продуктивный суффикс *-изм* (непродуктивный вариант *-азм*), образующий обозначения отвлеченных понятий, названия учений, общественных, политических, научных взглядов и направлений, названия действий, состояний, качеств, склонности к чему-нибудь: *ленинизм, большевизм, марксизм, коммунизм, оптимизм, идеализм, макиавеллизм, планеризм, туризм, расизм* и т. п.

Суффикс *-изм* в современном языке широко употребляется в сочетании с русскими основами иногда даже яркой разговорной окраски: *хвостизм, на-плеизм* и т. п. (ср. у В. Белинского в «Литературных мечтаниях»: *глупицизм*).

Более конкретны, но менее свободно выделяются еще два отвлеченных суффикса:

2. *-итет* (нем. *-itat*), обозначающий отвлеченные или собирательные понятия: а) *авторитет, приоритет, нейтралитет*, ср. *пиетет* и др.; б) *генералитет*, ср. *факультет* и т. п.

3. Мало осязательный интернациональный суффикс *-з, -зис*, обозначающий процесс, действие или состояние, продукт действия: *генезис, филогенезис* (ср. *онтогенез*), *тезис, диагноз, анализ* и др.

В медицине суффиксы *-оз, -ез, -азис* употребляются для обозначения различных заболеваний и ненормальностей: *невроз, психоз, фурункулез, элифантиазис* и т. п.

§ 18. Вопрос о «формах субъективной оценки» имен существительных

Перечню уменьшительно-ласкательных суффиксов необходимо предпослать анализ самой категории «субъективной оценки». Уже в первой половине XIX в. русские грамматики учили, что категория «субъективной оценки» имен существительных обычно находит выражение в формах одного и того же слова. Уменьшительные, ласкательные и другие формы субъективной оценки считались не самостоятельными словами, а формами производящего существительного. По мнению К. С. Аксакова, «при уменьшительных предмет является, как он есть, с наружным своим определением, вполне сохраняя себя, весь свой образ...»⁹¹. Мысль, что уменьшительно-ласкательные и другие суффиксы этого рода относятся к средствам формообразования, а не словообразования, находила себе опору в общности грамматического рода у всех форм субъективной оценки, произведенных от одного слова (например: *дом — домишко — домище — домина; дурак — дурачище — дурачок — дурачина* и т. п.).

Кроме того, неоднократно отмечалось, что в формах субъективной оценки экспрессивные оттенки словоупотребления решительно преобладают над колебаниями самого лексического значения. «...Малому свойственно быть милым, — писал Аксаков. — Самая ласка предполагает уменьшительность предмета, и вот почему для выражения милого, для ласки употребляется уменьшительное...» При этом «даже вовсе не берется иногда в расчет самый наружный вид предмета. Например, слова: *братец, сестрица*... Чтобы представить предметы милыми, чтобы высказать ласкающее отношение, на них как бы наводится уменьшительное стекло, и они, уменьшаясь, становятся милыми... Оттенки отношения к предмету уменьшенному многочисленны. Кроме милого, предмет принимает характер жалкого, бедного, робкого, возбуждающего о себе это сознание в говорящем... кроме чувства, что этот пред-МО

мет мне дорог, в говорящем высказывается часто и чувство собственного смирения, для чего и предмет представляет он в смиренном виде»⁹².

На точку зрения К. С. Аксакова стал и акад. А. А. Шахматов. По мнению А. А. Шахматова, уменьшительные, ласкательные, увеличительные или уничижительные образования от какого-нибудь слова должны быть признаны не разными словами, не отдельными словами, а формами того же слова. «...Суффиксальные образования, относящиеся сюда, не видоизменяют реального значения основного слова: *домик, домина, домище, домишко* обозначают то же представление, что *дом*; следовательно, эти суффиксы имеют другое значение, чем другие словообразовательные суффиксы, при помощи которых выражаются представления, совершенно отличные от представления, выраженного соответствующим основным словом, представления, самостоятельные от него»^{93*}.

Итак, уменьшительно-ласкательные суффиксы — суффиксы не словообразующие, а формообразующие. При их посредстве выражаются самые разнообразные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба, пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок. Например, ироническая окраска видна в ласкательных формах поговорок: «Рюмочки доведут до сумочки». В речи следователя Порфирия Петровича из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского уменьшительные формы создают язвительно-насмешливый тон речи под маской «дружественного участия», например: «я знаю, он моя *жертвочка...у>* \ «он у меня психологически не убежит, хе-хе, каково *выраженьице-то...*»; «говорит, а у самого *зубки* во рту один о другой колотятся...»; «*Губка-то*, как и тогда, вздрагивает», — пробормотал как бы даже с участием Порфирий Петрович» и т. п.

А. А. Потебня подчеркнул случаи отраженного распространения экспрессии, связанной с суффиксами субъективной оценки, на все детали высказывания: «Отличая объективную уменьшительность или увеличительность от ласкательности и пр., в коей выражается личное отношение говорящего к вещи, можно думать, что в последнем случае настроение, выразившееся в ласкательной форме имени вещи (относительного субъекта), распространяется в той или другой мере на ее качества, качества ее действий и другие вещи, находящиеся с нею в связи. Это и есть согласование в представлении»⁹⁶.

Таким образом, формы субъективной оценки заразительны: уменьшительно-ласкательная форма существительного нередко ассимилирует себе формы определяющего прилагательного, требует от них эмоционального согласования с собою (например: *маленький домик; седенький старичок* и т. п.).

При посредстве суффиксов субъективной оценки выражаются различия классовых, групповых стилей, своеобразия социальных характеров. Достаточно сослаться на функции уменьшительных форм в речи Молчалина («Горе от ума» Грибоедова), на создаваемое этими формами впечатление заботности и самоуничижения в письмах Макара Девушкина («Бедные люди» Достоевского).

Богатство и разнообразие экспрессивных оттенков, связанных с уменьшительно-ласкательными формами существительного, и их изменчивость были очень ярко охарактеризованы еще Я. Гриммом: «Уменьшительная форма вы-

— • Правда, А. А. Шахматов оговаривается, что «некоторые из относящихся сюда суффиксов могут образовывать и такие слова, которые нельзя не признать особыми от простых словами ввиду их соответствия другим реальным представлениям»⁹⁴, например *котенок*; ср.: *часть — частица; глаз — глазок, знак — значок* и т. п. Акад. А. И. Соболевский считал все имена увеличительные, уменьшительные, ласкательные и т. п. не формами производящего слова, а самостоятельными словами: «Разница между именами простыми и именами увеличительными и т. д. не синтаксическая и уже, конечно, не морфологическая, а лексикальная»⁹⁵.

ражает понятие не только немногого и малого, но и любезного, ласкательного. Поэтому уменьшительную форму придаем мы и великим, возвышенным, священным и даже страшным предметам для того, чтобы доверчиво к ним приблизиться и снискать их благосклонность. Особенно в словах последнего рода первоначальное понятие уменьшения со временем утрачивается и становится нечувствительным: так, французское *soleil*, славянское *солнце* — слова уменьшительные, хотя в теперешнем их употреблении уменьшения и не чувствуется»⁹⁷. Таким образом, уменьшительно-ласкательное значение формы нередко стирается, изнашивается.

Широкая возможность превращения уменьшительно-ласкательной формы в особое самостоятельное слово общеизвестна (ср.: *сеть* и *сетка*; *пузырь* и *пузырек*, *ручка двери*; *мужик* и *муж* и т. п.). Она свидетельствует о том, что формы субъективной оценки имен существительных занимают промежуточное, переходное положение между формами слова и разными словами (ср. совсем разные слова: *черепок* и *черепа*; *вода* и *водка*; *чаша* и *чашка* и т. п.). Ср. *новичок* при утрате основного *нович*.

Процесс присоединения экспрессивных суффиксов к основе существительного происходит по такой схеме (как бы в параллель степеням сравнения прилагательных):

1) слово без суффикса субъективной оценки;

2) основа этого слова + уменьшительно-ласкательный суффикс (1-я степень оценки);

3) основа предшествующей уменьшительной формы + ласкательный суффикс (2-я степень). Значение второй степени не уменьшительное, а ярко эмоциональное — ласкательное или пренебрежительное.

Когда значение уменьшительного суффикса первой степени стирается (например: *ножик*, *носок*, *платок*, *мешок* (от *мех*), *булавка*, *блюдец*, *тетрадка*, *молоток*, *скамейка*, *чашка*, *сумка*, *корка*, *бумажка* и т. п.), тогда соответствующая форма обрастает своими собственными значениями и превращается в самостоятельную лексему. Это слово затем образует новые формы субъективной оценки. А исходное слово, от которого когда-то была произведена уменьшительная форма, иногда по отношению к ней получает как бы увеличительное значение (ср.: значения слова *тетрадь* в соотношении со словом *тетрадка*; *молот* — *молоток*; *скамья* — *скамейка*; *блюдо* — *блюдец* и т. п.). Субъективно-оценочные суффиксы второй степени {-*очек*, -*очка*, -*ечка*, -*ечко* и т. п.) в сочетании с такими словами, утратившими экспрессивные оттенки, приобретают уменьшительное значение, лишь слегка окрашенное ласкательной экспрессией (например: *девочка*, *сумочка* и т. п.). Иногда, впрочем, и у этих суффиксов ласкательное и уменьшительное значения стираются, например *цепочка* (ср. *цепь*).

Особенно часты случаи отпадения или обособления начального звена в этой тройственной схеме у слов мягкого женского склонения с именительным падежом без окончания: {*сеть*} — *сетка* — *сеточка*; (*нить*) — *нитка* -*ниточка*; (*часть*) — *частичка* — *частичка* и т. п.*

Экспрессивное напряжение слова может выразиться в удвоении, утроении суффиксов субъективной оценки (например: *доч-ур-оч-к-а*, *дев-ч-он-оч-к-а*, *мам-аш-ень-к-а*, *баб-ул-ень-к-а* и т. п.). Все последующие за второй степени экспрессивного усиления связаны с выражением эмоционального отношения к предмету и далеки от уменьшительного значения.

* Морфология уменьшительных суффиксов в славянских языках исследована проф. А. Бе-lichem в работе «Zur Entwicklungsgeschichte der slavischen Deminutiv und Amplificativ-suffixe»⁹¹¹.

§ 19. Уменьшительно-ласкательные суффиксы твердого мужского склонения

С твердым мужским склонением связаны следующие уменьшительно-ласкательные суффиксы:

1. *-ок, -ёк, -ек*: *голосок, лесок, домок, котелок, узелок, старичок, петушок, посошок, дружок, снежок, горбунок, конёк, человек, чаёк, медок* и т. п. Вариант этого суффикса — ласкательно-уменьшительный суффикс *-шек, -шок*. Он присоединяется к именам, оканчивающимся на *-н* или *-нь*: *баран — барашек: камень — камешек; ремешок, корешок, кармашек* и т. п. Но ср. *краешек*. Это очень продуктивная группа суффиксов.

2. *-ик* (без ударения): *листик, носик, ротик, лобик, кораблик, домик, столик, соколик, котик, мячик, комарик* и т. п. Присоединяясь к простым основам, суффиксы *-ок* и *-ик* образуют иногда парные формы. Еще К. С. Аксаков заметил, что суффикс *-ик* по сравнению с суффиксом *-ок* более экспрессивен в тех случаях, когда параллельные формы на *-ик* и *-ок* не подвергаются лексической дифференциации и не обозначают разных вещей (ср.: *носок* и *носик; сокол* и *соколик; кусток* и *кустик; мосток* и *мостик; садок* и *садик* и т. п.). «...В именах мужского рода уменьшительные *-ок* и *-ик* совершенно одинаково значены: но там, где встречаются оба окончания, есть оттенок. Тогда окончание на *-ок*, очевидно первоначальное, выражает просто уменьшенный вид предмета, между тем как в окончании на *-ик* слышится уже шутка, и если еще не ласка, то любезность... видно, что уменьшенный, миниатюрный предмет представляется милым»⁹⁹. Ср.: *листок* и *листик; роток* (на чужой роток не накинешь платок) и *ротик; возок* и *возик; глазок* и *глазик; гвоздок* и *гвоздик; разок* и *разик; часок* и *часик*; ср.: *домок* и *домик*; ср.: *зубок* (знать назубок) и *зубик*.

Однако от большей части слов двойные уменьшительно-ласкательные образования невозможны. Например, от всех основ на заднеязычный (*г, к, х*) производятся лишь формы на *-ок*: *звук — звучок; пух — пушок; круг — кружок; бок — бочок; бог — божок* и т. п. От основ на шипящие и *ц* образуются уменьшительно-ласкательные с помощью *-ик*. Например: *дождик, ключик, экипажик* и т. п.*

3. Ответвлением суффикса *-ик* является суффикс *-чик* (особенно часто при соединяемый к основам слов на *-ец* и к словам на *-ан* и *-ун*: *мальчик, любимчик, целкунчик, чемоданчик, балаганчик, карманчик* и т. п.). Ср. *рукавчик, коридорчик, моторчик, нарывчик* и т. п.

Вследствие яркой экспрессивной окрашенности суффиксов *-ик* и *-чик* слова с этими суффиксами не подвергаются дальнейшему обрастанию ласкательными суффиксами.

4. Несколько в стороне от этих суффиксов находится ласкательно-уничижительный продуктивный суффикс *-ец*. В нем еще ярче, чем в суффиксе *-ик*, выступают оттенки ласкательности, сочувствия, смирения, уничижительности, презрения, фамильярного участия. Например: *хлебцец, закатец, морозец, уродец, товарец, народец, счечец, отказец* и т. п. Формы с суффиксом *-ец* также не возводятся во вторую степень субъективной оценки.

Экспрессивные суффиксы второй степени с ласкательным оттенком:

5. *-очек, -ёчек*: *голосочек, чаёчек, сучочек, кулёчек, листочек, старичочек*

* Еще Г. Панский отметил, что свобода переходить в уменьшительные имена посредством *-ж* и *-ик* принадлежит основам, оканчивающимся на все согласные, кроме *г, к, х, ш, ж, ц, ч* и *ц*. Если производящая основа оканчивается на *г, к, х*, то уменьшительные образуются посредством суффикса *-ок, -ек* (с чередованием *к — ч, г — ж, х — ш*): *грешок, человек, рожок* и т. п. Если же производящее слово оканчивается на *ж, жд, ш, ц, ч*, а также *ц*, которое замещается через *ч*, то образующим суффиксом является *-ик*: *мячик, шалашик, пальчик* и т. п.¹⁰⁰

и т. п. Этот суффикс представляет собой сочетание уменьшительных суффиксов *-ок* и *-ек*.

Обратная комбинация — распространение уменьшительно-ласкательного суффикса *-ик* посредством *-ек*, *-ок* — в русском языке невозможна.

б. Непродуктивный *-ышек*: *кольышек*, *воробышек*, *пупырышек* и некоторые другие (ср. наречие *рядышком*).

Обзор уменьшительно-ласкательных суффиксов твердого склонения приводит к выводу, что формы субъективной оценки здесь бедны. Экспрессивные суффиксы связаны главным образом с грамматическими классами среднего и женского рода.

§ 20. Живые типы словообразования в классе слов среднего рода

В формах образования слов среднего рода на *-о*, *-е*, примыкающих к мужскому склонению, обнаруживаются характерные особенности. Прежде всего бросается в глаза немногочисленность словообразовательных суффиксов среднего рода (особенно если оставить в стороне формы субъективной оценки). Кроме того, эти суффиксы поражают своим фонетическим однообразием. Между тем новые слова среднего рода, кроме заимствованных, могут возникнуть в современном языке только по методу суффиксального или префиксально-суффиксального словообразования. Непосредственно к «корню» окончания *-о*, *-е* не присоединяются. Прием комбинированного префиксально-суффиксального словообразования применяется лишь в немногих обозначениях места. Сразу становится ясным, что склонение среднего рода слабое и что средний род богаче представлен в книжном языке, чем в разговорном. Семантические группы слов, относящихся к среднему роду, замыкаются преимущественно в кругу пяти основных грамматических понятий: действия, состояния, места, собирательности и орудия действия.

1. Суффиксы, обозначающие действие

Значение действия выражается продуктивным суффиксом *-нь(е)*, *-ни(е)*, *-ени(е)*. Теоретически почти от каждого глагола, кроме основ совершенного вида с приставками реального значения, можно с помощью этого суффикса образовать отглагольное существительное (ср. у Салтыкова-Щедрина: *под-кузьмение* от *подкузьмить*, *рылокошение* и т. п.). Особенно распространены в современном книжном языке (больше всего — в его научно-технических и га-зетно-публицистических стилях) абстрактные отглагольные существительные на *-анье*, *-енье*, производимые от основ как несовершенного, так и — реже *-совершенного* вида (им соответствуют в общем языке и устных народных, а также профессиональных диалектах существительные, образованные от глагольных основ: а) без суффикса — типа *полет*, *прорыв*, *уклон*; б) с суффиксом *-к(а)*: *выработка*, *проработка*, *кладка*, *поливка* и т. д., тоже обозначающие действие и результат действия, реже — орудие действия, но с меньшим отпечатком глагольности).

Примеры образований на *-анье*, *-енье*: *гулянье*, *выспрашивание*, *преус-пеянье*, *кипенье*, *плавание*, *мышление*, *падение*, *приобретение*, *умножение*, *усвоение*, *уплотнение*, *развертывание*, *распространение*, *просвещение*, *перевыполнение*, *напрашивание*, *разбазаривание*, *сцепление*, *затемнение*, *оборудование*, *приземление* и т. п.

Ср. обозначения эмоций, настроений: *желанье*, *ожиданье*, *покаянье*, *сожаленье*, *раскаянье*, *восхищенье*, *умиление* и т. п.

Со значением действия тесно связаны понятия результата, продукта действия: *произведение, изобретение, воспроизведение, представление, окончание, заграждение, тиснение* и т. п., а иногда и места: *заведение, селение*. В техническом языке слова на *-ние* являются также названиями орудий, механизмов, установок, приборов, посредством которых производится какое-нибудь действие. Например: *сцепление, зажигание* (в автомобиле) и т. п. Отглагольные существительные на *-ание* и *-яние* сохраняют на себе ударение инфинитива (ср.: *усовершенствование, состояние, пребывание, растягивание* и т. п.), а слова на *-ение* по большей части имеют ударение на *-е-* (*просвещение, распространение, удаление, выделение, сокращение* и т. п.). Но ср.: *сосредоточение, упрочение, обеспечение, намерение* и некоторые другие традиционные слова, в которых, впрочем, современное нелитературное просторечие склонно переносить ударение на *-ение* (ср. прост. *обеспечёнье*). Образования на *-ньё* (*спаньё, враньё* и т. п.) принадлежат устной речи и непродуктивны.

В именах существительных с суффиксом *-нь(е)*, производимых от глаголов на *-ся* (которые могут иметь и страдательное значение), понятие действия-процесса сочетается с понятием состояния. Например: *старанье, колебанье* и т. п.; ср. *охорашиванье*. Отглагольные существительные, обозначающие действие, «не имеют ясно выраженной идеи залога». Ср.: *удаление* при *удалять* и *удаляться*; *отравление* при *отравить* — *отравлять* и *отравиться* — *отравляться* и т. д.; ср.: *ссылка* при *ссылать* (кого-нибудь) и *ссылаться* (на кого-нибудь, на что-нибудь)¹⁰¹.

В отглагольных существительных на *-ние*, не осложненных суффиксами *-ива-*, *-ыва-*, *-ва-*, стираются не только залоговые, но и видовые оттенки значения. Такие слова соответствуют в одинаковой мере инфинитиву совершенного и несовершенного вида. Так, *улучшение*: 1) действие по глаголу *улучшить* — *улучшать* (например: «Надо стремиться к *улучшению* качества продуктов пищевой промышленности») и 2) состояние по глаголу *улучшиться* — *улучшаться*. Субстантивация действия, его «опредмечивание» парализуют грамматические свойства глагола. Ср. значения таких слов, как *увеличение* (соотносительно с *увеличить* — *увеличивать* — *увеличиться* — *увеличиваться*), *проведение* (*провести* — *проводить*), *укрепление* (*укрепить* — *укреплять* — *укрепиться* — *укрепляться*), *закрепление, сокращение* и т. п.

Многие думают, что в отглагольных именах существительных на *-ние* еще сохраняются видовые оттенки глагола, хотя и в ослабленном виде (ср.: *формирование* — *сформирование*; *выдвижение* — *выдвигание*; *чтение* — *прочтение*; *взыскание* — *взыскивание*; *наказание* — *наказывание* и т. п.). Это представление обманчиво. Само значение процесса, даже предполагающего ту или иную степень длительности, еще далеко от соотносительных, коррелятивных видовых значений глагола. Правда, суффиксы *-вани-*, *-и(ы)вани-*, *-ани-* обозначают длительное или кратное действие. Морфемы *-ва-*, *-ива-*, *-ыва-* (редко *-а-*) соотносительны с *-е(ни-)* и в системе существительных сохраняют оттенок кратности, длительности. Ср., например: *рассматривание* и *рассмотрение*, *расстреливание* — *расстрел*; ср. также: *приобретение* и *приобретание*; *падение* и *падание*; *приказание* — *приказывание*; *предсказание* — *предсказывание* и т. п.* Ср. у Достоевского в «Идиоте»: «Дело в жизни, в одной жизни,—в *открывании* ее, непрерывном и вечном, а совсем не в *открытии*». Однако большая часть слов на *-и(ы)вание*, *-ание* и на *-ение*, произведенных от одной глагольной основы, семантически не соотносительны (ср.: *растяжение* и *растягивание*; на-

* Известно, что в приказном канцелярском языке почти до конца XVIII — начала XIX в. имена существительные на *-ние*, образованные от переходных глаголов, могли сочетаться с винительным падежом прямого объекта («об убиении купчиху Васильеву»), здшн

стаивание и настояние; настраиванье и настроение', ср.: *проживание и прожитие; укрывание и укрытие* и т. п.). Легко заметить, что в именах на *-ние*, *-не* содержащих в своем составе глагольно-видового суффикса *-и(ы)ва-*, *-ва-* (и даже *-а-* в противопоставлении с *-е-*), значение процесса, представляемого как своего рода «предмет», бывает лишено соотносительных оттенков недлительности — длительности, результативности и неограниченного течения. Можно говорить лишь о семантических осложнениях значения «определенного действия», вносимых в строй имен на *-ние* влиянием глагольно-видовых суффиксов и глагольных приставок (ср.: *течь — течение; стечься — стекаться -стечение; стекать — стекание*; ср.: *течка, утечка* и т. п.). Вся система живых семантико-морфологических соотношений, связанных с этим кругом явлений в современном русском языке, очень мало изучена.

Можно думать, что видовые оттенки в формах отглагольных существительных на *-ние* и *-тие* сильнее выступали в русском литературном языке XVIII и начала XIX в., особенно в его официально-канцелярских стилях¹⁰². А. Х. Востоков в своей «Русской грамматике» учил: «В существительном отглагольном теряется значение времени настоящего и прошедшего, принадлежащее причастиям и деепричастиям, но сохраняется вид глагола, неокончательный, совершенный и многократный, например *чтание, прочтение, чйтывание*»¹⁰³. Впрочем, образования на *-ывание* со значением многократности признаются не очень употребительными¹⁰⁴. Зато существительные с предложными основами совершенного вида рассматриваются как обычное явление (*рбмытие, пропение, сожигие, простертие* и т. п.).

Акад. Я. К. Грот в предисловии к Академическому словарю заметил, что «бесчисленное множество имен могут образоваться от страдательного причастия глаголов совершенного вида, составленных с помощью предлога *вы-*, как, например: *выгнание, выдержание, вырезание, выгнутие, вырытие, выжжете, выдрание*. Так как подобные имена могут считаться скорее только возможными, нежели действительно существующими, и образование их не представляет никакого затруднения, то они, за некоторыми исключениями, в словаре не приводятся. Но имена, таким же способом образованные от глаголов несовершенного или и от глаголов совершенного вида, но соединенных с другими предлогами, например *изгнание, задержание, обрезание, прорытие*, являются весьма употребительными»¹⁰⁵. Таким образом, в образованиях на *-ние* все острее дает себя знать процесс нейтрализации видовых и приставочно-глагольных значений. Он обнаруживается в сокращении возможностей производства имен на *-ние* от разных типов видовых основ.

Если обратиться за параллелями к словам на *-тель*, то и в этой группе приходится констатировать полное отсутствие соотносительных форм на *-итель* и на *-ы(и)ватель —атель* (ср.: *шиватель, истребитель, выключатель* и т. п.).

Одинаковость грамматических значений у образований на *-итель* и *-атель* свидетельствует о том, что в существительных устраняются те видовые оттенки совершенности и несовершенности, которые связаны с суффиксами *-и-*, *-а-* в глаголе (ср.: *спасти — спасать и спаситель; произвести — производить и производитель; распределить — распределять и распределитель; укротить -укрощать и укротитель; просветить — просвещать и просветитель; изобрести — изобретать и изобретатель* и т. п.).

А. А. Потебня констатировал: «В русском литературном языке необычны существительные от глаголов начинательных, как *сохнутие, мокнутие, зеленение*. Существительные от глаголов однократных, как *толкнутие*, хотя и встречаются, но имеют комический оттенок, так как разят деланным приказным или бурсацким языком. При многих глаголах совершенных длительных (неоднократных) вовсе нет этих существительных; так, например, *нельзя* или край-

не неловко сказать... *запершие, почиение платья... приписание...* При других таких же глаголах эти существительные сами по себе безразличны относительно совершенности и несовершенности... Так, *сохранение, сбережение, забвение* может значить и то, что некто забывает, забывал (или забывается, забывалось), и то, что некто забыл, забудет (нечто забылось, забудется), смотря по контексту. *Для предупреждения разлития рек* может одинаково значить как «для предупреждения того, чтобы реки не разлились», так и «чтобы не разливались». *Падение государства* значит, что «государство пало» и что «оно падало»... То, что можно бы считать здесь за различие совершенности и несовершенности, на деле есть только различие степеней длительности... и многократности, например, в «*подавание помощи*» обязательна только мысль о многократности действия, но не определено, состояло ли действие из незаконченных моментов («что помощь подавалась») или законченных («что бывала каждый раз подана»)»¹⁰⁶. Я. К. Грот пришел к такому же выводу о стирании своеобразий видовых значений глагола в существительных на *-ение* путем наблюдений над ударением их¹⁰⁷.

Он установил, что в бесприставочных отглагольных существительных на *-ение* ударение отражает колебания в ударении инфинитива (*варить* — *варенье*; *упрочить* — *упрочение*), а в префиксальных типах их более или менее стабилизуется ударение на суффиксе *-ение* независимо от ударения инфинитива (*увеличение, представление, усвоение, изменение, одобрение* и т. п.). Грот отсюда заключил, «что окончание *-ение* с ударением встречается почти всегда в таких именах, которые происходят от глаголов, могущих принимать окончание *-ать* или *-ять*, например *прославление* от *прославить* — *прославлять*». Таким образом, ударение в отглагольных существительных на *-ение* приспособлено к формам несовершенного вида на *-ать* (*-ять*), хотя эти отглагольные существительные производятся от основ инфинитивов совершенного вида (ср.: *разбавить* — *разбавлять* — *разбавление*; *наставить* — *наставлять* — *наставление* и т. п.).

Различия в оттенках действия у этих существительных зависят от лексических значений основ. «Большую частью большая отвлеченность имен на *-ние, -тие* совпадает с их большей длительностью и меньшей определенностью, законченностью»¹⁰⁸. По степени отвлеченности и по способу выражения действия слова на *-ние, -тие* резко отличаются от бессуффиксных отглагольных существительных мужского рода. *Взгляд* и *глядение, взглядывание; выстрел* (*Schuss*) и *стреляние* (*Schiessen*); *чих* и *чихание; вздох* и *вздыханье; обжиг* («фарфор по первому обжигу расписывается, а там идет во второй обжиг» — Даль) и *обжигание; обхват, отдых, прилет, отлет* и *отлетание* ит. п.; *мигмиганье* — различаются не только оттенком длительности, но и конкретными значениями. Различия в длительности здесь не имеют ничего общего с видовыми значениями глаголов. Они — иного качества. Бессуффиксные отглагольные слова выражают еще большую степень определенности действия. Ср.: *крик* и *кричанье; вой* и *вытье; зажим* и *зажимание; загиб* и *загибание* и т. п.

От глагольных основ, образующих причастия прошедшего времени страдательного залога на *-тый*, имена существительные производятся посредством суффикса *-ти(е), -ть(е), -ть(ё)* с теми же значениями действия, состояния, продукта: *кровапролитие, разлитие, взятие, открытие, понятие, колотье, раскрытие, развитие* и т. п. Ср. в разговорной речи: *бритьё, литьё, шитьё, питьё, мытьё, вытьё, забытьё*. Ср. церковно-книжные слова *бытие, житие*, из которых *бытие* укрепилось в научном языке.

С понятием действия связаны частично и книжные суффиксы *-ств(о)* и устарелый *-стви(е)*, хотя основным значением их является значение состояния и абстрактного явления.

II. Суффиксы, обозначающие состояние

Значение состояния в именах существительных среднего рода ярче всего выражается суффиксом *-ств(о)*, *-еств(о)*. Правда, общее значение состояния в этом суффиксе и производных от него обрастает многими побочными отвлеченными значениями и оттенками (например, значением социального, профессионального, идеологического, психологического явления, характеристического качества и т. п.). Это многообразие значений обусловлено в значительной степени различиями основ, с которыми сцепляется суффикс *-ств-*. Значение состояния или свойства преобладает в образованиях от именных основ — как прилагательных, так и существительных. Например: *вдовство*, *девство*, *детство*, *юношество*, *господство*, *коварство*, *скопидомство*, *упрямство*, *довольство*, *могущество*, *первенство*, *молодечество*, *нахальство*, *удобство*, *одиночество* и т. п.

Вариант *-ствд* служит для обозначения состояния и свойства, по значению соответствующих прилагательным на *-ской*: *удальство* (*удальской*), *щегольство* (*щегольской*), *ханжество* (*ханжеской*) и т. п.

Понятно, что значение состояния в словах на *-ство*, образованных от именных основ, иногда покрывается общим значением отвлеченного понятия, например: *гражданство* (*права гражданства*), *единство*, *мещанство* (в переносном смысле: *внутреннее мещанство* и т. п.), особенно у таких слов с местоименными основами, как *качество*, *количество*, *свойство* и т. д.

Оттенки этого общего отвлеченного значения очень разнообразны. Сюда принадлежат обозначения идейных течений, политических направлений, общественных движений, принципиальных установок, например: *славянофильство*, *вольнодумство*, *вольтерьянство* и т. п.

В словах, производных от названий лиц на *-ник* или от глаголов на *-начать*, суффикс *-ств(о)* и варианты его *-ничеств(о)* и *-ичеств(о)* могут обозначать не только пребывание в каком-нибудь состоянии, но и занятие, дело, ремесло, профессию, характер деятельности, общественное направление: *плотничество*, *огородничество*, *сапожничество*, *мошеничество*, *хищничество* и т. п. Ср.: *закладничество*, *народничество*, *местничество* (в современном, новом употреблении), *областничество*.

Значение состояния в этой группе слов (например, *ударничество*) остается основным. От этого типа слов обособился самостоятельный суффикс *-ниче-ств(о)* (ср. вариант *-ичество*), соотносительный с глагольным суффиксом *-ни-ча(ть)*. Ср.: *бродяжничество*, *местничество*, *лодырничество*.

Суффикс *-ничеств(о)* в современном книжном языке иногда приобретает оттенок пренебрежения (под влиянием *-ничанье*), обозначая какое-нибудь явление с отрицательной или иронической квалификацией: *кустарничество*, *культурничество* (ср. «голос культурничества»), *шалопайничество*, *местничество*, *начетничество* и т. п. Но тут чаще всего отражается влияние лексических значений основы.

В сочетании с морфемой *-вод* (*-водство*) суффикс *-ств(о)* обозначает сельскохозяйственный промысел, отрасль сельского хозяйства, разведение чего-нибудь: *скотоводство*, *садоводство*, *кролиководство*, *животноводство*, *пчеловодство*, *оленоводство* и т. п. Ср. у Салтыкова-Щедрина: «И даже *хреновод-ство*, *горчицеводство*... Видит он, что штука эта идет на рынке бойко, и думает: сем-ка, я удеру штуку, прекращу празднование воскресных дней, а кроме того заведу *клоповодство*».

Можно указать и другие ответвления от суффикса *-ств(о)* в сочетании с именными основами.

1. В советское время становится продуктивным суффикс *-честв(о)* (в соответствии с обозначением лиц на *-енец* и с относительными прилагательными-

ми на *-ческий*) для обозначения состояния, общественного явления, направления: *оборончество, пораженчество, выдвигенчество, иждивенчество, упрощенчество* и т. п.

2. Очень продуктивен также сложный суффикс *-тельств(о)*, соотносительный с названиями действующих лиц на *-тель* и с именами прилагательными на *-тельский*. Суффикс *-тельств(о)* употребляется для образования отвлеченных существительных со значением деятельности, пребывания в каком-нибудь состоянии, продукта каких-нибудь действий, например: *издевательство, домогательство, попустительство, надругательство, стяжательство* и т. д.

По-видимому, чаще всего слова этого типа образуются не сразу от глагольных основ, с помощью суффикса *-тельств(о)* (как *домогательство, невмешательство*), а посредством присоединения суффикса *-ств(о)* к основам существительных на *-тель* (*поручительство*). Именно этим последним способом образуются слова с собирательными значениями типа *учительство, правительство* и т. п. Собирательное значение вообще очень распространено у слов с суффиксами *-ств(о)*, *-еств(о)*, *-ничеств(о)*, *-тельств(о)*, образованных от именных основ со значением сословия, класса, группы, категории людей: *потомство, дворянство, купечество, чиновничество, рыцарство, человечество, юношество, семейство, начальство, студенчество* и т. п.*

Отвлеченные значения суффикса *-ств(о)* в современном литературном языке отчасти синонимичны с значениями суффикса *-изм*.

Образования на *-ство*, произведенные от глагольных или отглагольно-именных основ, выражают также, кроме значения состояния, значения действия, поступка, деятельности: *убийство, бегство, устройство* и т. п.

Сюда же примыкает суффикс *-овств(о)* (ср. прилагательные на *-овский*) со значением действия, склонности к каким-нибудь действиям, характера поведения: *мотовство, шутовство, хвастовство, воровство, сватовство* и т. п.

Непродуктивен архаический церковнославянский суффикс *-стви(е)*, бывший синоним суффикса *-ств(о)* в кругу отвлеченных образований: *действие, противодействие, воздействие, сочувствие, предчувствие, спокойствие* и т. п.

Значение состояния свойственно также словам, образованным от основ существительных с помощью суффикса *-ь(е)* и приставки *без-*: *бездорожье, безверие, бескультурье, бесправие, безлюдье, безлошадье, безрыбье* и т. п. Эти слова выражают состояние отсутствия чего-нибудь. Ср. в письме Н. А. Некрасова к А. В. Дружинину (от 6 августа 1855 г.): «Пугает меня также *безъязычие, бескнижие* и *безлюдие*, предстоящие мне за границей».

Другие приемы употребления суффикса *-ие*, *-ье* малопродуктивны. Выделяются лишь отдельные небольшие ряды слов, например слова с отвлеченным значением на *-ие*, реже на *-ье*, образованные от основ имен и глаголов: *здоровье, веселие, величие, знаменье, условие, удушье, раздумье* и т. п.

III. Суффиксы со значением места

Имена существительные среднего рода, обозначающие место, образуются или посредством суффиксации, или посредством комбинированного использования суффиксов и префиксов.

* Ср. замечание Потебни о переходе отвлеченности в собирательность: «...чтобы качественность могла перейти в собирательность, нужно применение имени качества ко многим однородным особям, которые должны быть действительными, а не мнимыми субстанциями... где это особенно удобно и часто, там значение качественности совсем заслоняется значением собирательности...»¹⁰⁹

1. Именно по методу суффиксально-префиксального производства образуются слова, обозначающие место, чаще местность по берегу, реке, горам и т. п., и производимые от соответствующих основ имен существительных с помощью суффикса *-ь(е)* и приставок *по-, при-, за-, под-, пред-*: *побережье, поморье, поднепровье, Поволжье, полесье, приморье, заволочье, Заволжье, предгорье, преддверие* и т. п.; ср. также: *поднебесье, подножие, предплечье, изголовье* и некоторые другие.

2. Пространственное, местное значение суффикса *-ье* дает себя знать и в небольшой, но характерной группе слов на *-овье, -евье*: *кочевье, зимовье, верховье, низовье, становье* и др.

3. Местное значение доминирует и в непродуктивном суффиксе среднего рода *-ищ(е)*. Суффикс *-ищ(е)* — омоним увеличительного суффикса *-йщ(е)* имеет несколько значений:

1) с его помощью некогда производились названия места от основ существительных, обозначающих предметы и действия: *пастбище* (т. е. место, где пасут скот), *стойбище, гульбище, пожарище, логовище, торжище* и т. д. По-видимому, раньше ударение было чаще на *-йще*: *пепелище, становище, городище* и т. п. Но ср.: *убежище, пристанище*;

2) в форме *-ищ(е), -ойщ(е)* этот суффикс выделяется в названиях части, за которую держат предмет, обозначенный основой, например: *топорище, кнутовище**.

4. В книжном языке является продуктивным суффикс *-ищ(е)*, производящий от глагольных основ существительные со значением места, вместилища, где происходит или производится какое-нибудь действие: *обиталище, жилище, судилище, вместилище, хранилище, училище, чистилище, святилище, зернохранилище* и т. п. Но ср. *зрелище (страшилище — увелич. к страшило)*.

IV. Суффиксы со значением собирательности

Значение собирательности в именах среднего рода, кроме книжного суффикса *-ств(о)*, выражается суффиксом *-ь(ё)*, который вносит в большинстве случаев оттенок разговорности, соединенный нередко с экспрессией презрения: *бабьё, гнильё, старьё* и т. п. Но ср.: *бельё, сырё* и др.

Суффикс *-ь(ё)* встречается в словах, обозначающих собирательную массу веществ, собрание предметов и живых существ.

Ср. широкое употребление и образование собирательных на *-ьё* в языке Маяковского:

Будут мечь ступени лестниц *бородьём* лохматым.

(«Чье рождество?») *Дамьё* от меня ракетой шарахалось...

(«Люблю») *Гостьё* идет по лестнице...

(«Про это») Пусть их скулит *дядьё*!

(«Марш комсомольцев») Наддохлым *лошадьём* вороны

кружатся.

(«Два не совсем обычных случая») *Машиньё* сдыхало, рычажком

подрыгав.

(«Рабочим Курска...»)

Совсем обособлены и лексикализованы: *прозвище, сокровище, устар. рубище, поприще*.

НО

V. Суффикс, обозначающий орудия действия

Суффикс *-л(о)*, обозначающий орудия действия, производит имена существительные среднего рода от глагольных основ. Ср. слова с ударением на *-лд*, образованные от глагольных основ на согласный: *сверло, весло, седло*; также: *помело, крыло*; но: *шило, рыло, мыло, поило, било* и т. п. В современном языке суффикс *-л(о)* является живым и продуктивным лишь в морфологически обусловленном положении (в сочетании с глагольными основами на *-а* и *-и*: *-ало, -ило*): *покрывало, черпало, одеяло, светило, точило, мерило* и т. п. Особенно широк круг употребления таких образований в профессиональных диалектах.

§ 21. Мертвые суффиксы, этимологически выделяемые в словах среднего рода

Суффиксами *-нь(е), -ть(е), -ь(е), -ь(ё), -ств(о), -щ(е), -л(о)* исчерпывается живая словообразовательная система среднего рода. Бросается в глаза, что среди суффиксов среднего рода вовсе нет заимствованных [если не считать заимствованиями церковнославянские, а теперь книжные: *-ние(е), -стви(е)*, а может быть, и *-ств(о), -еств(о)*].

Ряд суффиксов у слов среднего рода на *-о* умер. Слабые признаки жизни подает суффикс *-в(о)* с его вариантами *-ив(о), -ев(о), -ов(о)* со значением объекта и орудия действия, режера продукта действия (то, с чем что-нибудь делают или чем что-нибудь делают): *пиво, жниво, топливо, крошево, месиво, чтиво, варево, курево, логово, хлебово*. Ср.: *зарево, марево, огниво*. Ср. у Н. А. Некрасова в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»: «Купи? Да где *куплево-то*? В одном кармане пусто, в другом ничего нет» (речь подрядчика из крестьян).

Решительно мертвы бывшие суффиксы, обозначавшие продукт и орудие действия и в современном языке вовсе не ощутимые: *-т(о)* — *сито, жито*; *-ьт(о)* — *корыто, копыто*; *-н(о)* — *пшено, сукно* и другие подобные.

§ 22. Формообразующие (уменьшительно-ласкательные) суффиксы в классе слов среднего рода

Из общего числа суффиксов, связанных со склонением слов среднего рода, едва ли не половина падает на суффиксы субъективной оценки. Сюда же примыкают по внешнему облику уменьшительно-ласкательные формы и от слов мужского рода (относящиеся к категории неодушевленности: *домишко, доходишко* и т. п.). В формах субъективной оценки особенно остро обнаруживается противопоставление женского и неженского (мужско-среднего) склонения слов, не имеющих значения лица. Категория субъективной оценки в классе слов среднего рода выражается серией суффиксов. Таковы:

1. *-к(о)* (преимущественно при односложной основе) и *-к(о)* (при много сложной основе) с уменьшительно-ласкательным значением: *ведерко, ушко, дитятко, озерко, облачко, ячико, яблочко* и т. п.* Ср.: *древко, молочко*. Суффикс *-к(о)* утратил продуктивность.

2. Непродуктивный суффикс *-ик(о)* с тем же значением (присоединялся к основам от слов на *-цо, -чо* и *-есо*): *плечико, личико, колесико* и др.

3. Продуктивный суффикс и его варианты *-ц(е), -ц(о), -ец(о)* и *-щ(е)* со значением уменьшительно-ласкательным, но с более ярко выраженными от-

* Уменьшительные формы от имен существительных среднего рода с основой на *-г, -к, -х, -ц* образуются только при посредстве суффикса *-к(о)* [а не *-ц(е)*]: *ушко, ячико, лычко* и т. п.

тенками сочувствия, участия, уничижения или другой эмоции.

Суффикс *-ц(е), -ц(б)* присоединяется к основам, оканчивающимся на один согласный (не заднеязычный и не на *ц*) или допускающим вставку беглого *о* перед твердым конечным согласным. Например: *зеркальце, тельце, рыль-це* (в пушку), *дельце, шильце, оконце; слово, мясо, вино, пиво* и т. п. Ср.: «тонко обделать *дельце*»; «ловкое *коленце* выкинуть». Суффикс *-ец(д)* сочетается с основами слов, имеющих ударение на окончании и содержащих перед окончанием два или более согласных, из которых один мягкий, например: *бельецд, письмецо, пальтецо* и т. п. Суффикс *-иц(е)* сочетается с основами слов, оканчивающихся на *-ье* или на группу согласных перед *о* и имеющих ударение на основе, например: *маслице, креслице, платьице, здоровьице* и т. д.

4. Малопродуктивный суффикс *-ышко(о)* (непродуктивный *-юшко(о)*), выми рающий вариант *-ушко(о)*: *хлебушко*; с еще более резко выраженными экспрессивными оттенками (от слов среднего рода на *-ро, -ло, -ле* или на группу согласных *+о, +е*): *перышко, зернышко, крылышко, ребрышко, солнышко, гнездышко, ведрышко, донышко, пятнышко, полюшко* и т. п.*

Суффиксами *-ышко(о), -юшко(о), -ушко(о)* передается не «размер самого предмета, а личное чувство человека к нему» (К. Аксаков). В сущности, эти суффиксы уже выходят за пределы первой степени уменьшительности-ласкательности. Они связаны с экспрессивными суффиксами второй степени (или ступени), вроде *-ечк(о)*. Кроме суффикса *-ышко(о)* сюда относятся:

5. Презрительно-уничижительный суффикс *-йшко(о), -ишко(о)*: *делйшко, словишко* (замолвить), *письмишко, именишко, помёстьишко, корытишко*.

6. Соотносительный с *-ц(о), -ц(е)* ласкательный суффикс *-ечк(о), -ёчк(о)*: *словечко, местечко* и др. Но ср. также от слов на *-мя*: *времечко, семечко, темечко*.

Присоединяясь к основам слов на *-це*, утратившим значение уменьшительности, этот суффикс образует новые формы этих слов с уменьшительным и ласкательным значением: *крылечко, колечко, блюдечко* и др.

К системе среднего рода, как уже было указано, примыкают слова мужского рода с презрительно-уничижительными суффиксами *-ёнк(о)* и *-ишко(о)* (если они не обозначают лиц) и с увеличительным суффиксом *-ищ(е)*.

§ 23. Способы образования слов женского мягкого склонения с нулевым окончанием именительного падежа

В классе слов женского рода выступают два типа склонения: 1) слабый -на мягкий согласный (а также на *-ж* и *-ш*) с нулевым окончанием именительного падежа и 2) живой и сильный — с окончанием именительного падежа на *-а* (и его безударными вариантами). С первым типом связаны единичные суффиксы. Он беднее словообразовательными формами. В этом морфологическом типе вовсе отсутствуют уменьшительно-ласкательные формы. Он пополняется в современном языке новообразованиями лишь двух разрядов. Оба эти разряда продуктивны преимущественно в стилях книжного языка. Таковы:

1. Образования с продуктивным суффиксом *-ость* и производными от него суффиксами *-ность, -тельность, -мость, -(анн)ость, -(енн)ость*.

Это имена существительные с отвлеченным значением, преимущественно употребляемые в стилях книжной речи и произведенные или производимые главным образом от имен прилагательных качественных и от причастий стра-

* Ср. замечание Г. Павского о формах среднего рода на *-ышко* и *-ишко*: «В подобно-звучных окончаниях *-ышко* и *-ишко* различие ударений так важно, что в случае недостатка гласной перед *-ышко* вносится беглое *о* для составления нового слога, который бы принял ударение»¹⁰⁰.

дательного залога. Например: *веселость, бодрость, упрямость, готовность, неосмотрительность, чувствительность, неприемлемость, уязвимость, растерянность, засоренность, расхлябанность, захлапленность* и т. п. Для современного языка характерен рост отглагольных образований на *-нность* (*-ен-ность, -анность*) и *-мость* (*-е-мость* и *-им-мость*). Слова на *-мость* далеко не всегда соотносительны с соответствующими формами страдательных причастий на *-мый* или с прилагательными на *-мый*, обозначающими способность к какому-нибудь действию или возможность какого-нибудь действия (например: *решимость, успеваемость* и т. п.). Этот тип образований очень распространен в специально-технических диалектах и все больше и больше прививается к современному литературному языку. Слова на *-мость* (*-е-мость, -им-мость*) образуются от основ переходных и непереходных глаголов, от глаголов без *-ся* и от глаголов на *-ся*. Ср. у Достоевского в «Идиоте»: «Эта наглость наивности, эта *несомневаемость* глупого человека в себе и в своем таланте превосходно выставлена Гоголем в удивительном типе поручика Пирогова». В словах на *-мость* развивается цепь отвлеченных значений: возможность, способность производить то действие, которое обозначается основой (например: *видимость, делимость, слышимость* и т. п.; ср.: *терпимость, решимость* и т. п.), степень, в какой осуществляется какое-нибудь действие (*посещаемость, успеваемость, рождаемость, выхождаемость, судимость* и др.), или степень, в какой можно подвергнуться какому-нибудь действию или состоянию (*угрожаемость, нуждаемость* и т. д.).

Еще в начале XIX в. И. Тимковский отмечал «удобство словопроизведения на *-ость* и *-мость*... в изобретении слов по предметам наук, искусств и общего употребления»¹¹¹. Семантика имен на *-ость* во многом зависит от того, употребляются ли они «абсолютно» или в сочетании с родительным падежом существительного, качество и внутреннее свойство которого они выражают (например, *решительность* и *решительность отказа; сухость* и *сухость почвы* и т. п.).

Впрочем, необходимо указать, что несколько слов на *-ость* имеют значение не только отвлеченного качества, но и лица, характеризуемого этим качеством. Это — *посредственность, бездарность, известность, знаменитость, невинность, наивность*. Ср. устар. *полезность* (фр. *utilite*).

В современном русском языке наблюдается также широкое развитие книжно-отвлеченных слов на *-(анн)ость, -(енн)ость*, образуемых от причастий прошедшего времени страдательного залога: *дисциплинированность, организованность, демобилизованность, неразработанность, сплоченность* и т. п. В газетном языке слова этой категории нередко смешиваются с отглагольными словами на *-нье*, вернее, иногда употребляются в значении отглагольных слов на *-нье*.

2. Образования от прилагательных, состоящие из бессуффиксной основы со смягчением или чередованием конечного согласного: *глубь, высь, ширь, удаль, даль, гниль, нечисть, погань, тишь, сушь, ветошь, явь* и т. п. Ср.: *треть, четверть*. Значение этих существительных почти всегда отвлеченное, значение свойства, качества, режесобирательности. Новообразования этого типа связаны с основами качественных прилагательных (*бездарь, ярь* и т. п.). Однородные образования от глагольных основ непроизводительны. Они обозначают действие и результат действия (например: *кладь, опись*). В сущности, этот тип словообразования распространяется лишь в поэтической речи и в языке художественной прозы.

Ср. новообразования в стиховом языке Маяковского:

Но странная из солнца *ясь* струилась...

(«Необычайное приключение...»)

...толиць непроходимых шей!

(«Сволочи») Верить бы в *загробь*...

(«Про это»)

Он к нам пришел, чтоб советскую *нищ* На кабаки разбазаривать.

(«Взяточники»)

Наряду с такими словами, производными от качественных имен прилагательных, в языке Маяковского встречаются неологизмы этого же рода от основ имен существительных, противоречащие словообразовательным нормам общего языка:

Глядит в удивленье небесная *звездь*. («Про это»)

Засадил садик мило, дочка, дачка, *водь* и *гладь*...

(«Во весь голос») ...осуществись такая *бредь*...

(«Сергею Есенину») Крик, вгоняющий в дрожание и в *ёжь*...

(«Рабочим Курска...»)

Слова этого разряда могут оканчиваться в именительном падеже не только на мягкий согласный, но и на *ж, ш*: *блажь, глушь, ветошь, тишь*.

Все остальные суффиксы, связанные с этим типом женского склонения, непродуктивны или мертвы.

Непродуктивен суффикс *-ёж(ь), -еж(ь)* в собирательном значении: *молодёжь*, в просторечии: *ребятёжь*. Ср. устар. *холостёжь*.

Мертвы суффиксы:

1. *-ль* (при глагольной основе; ср. отглагольные прилагательные на *-лый*): *падаль, невидаль, прибыль, убыль, быль* и др. Ср. *отрасль*.

2. *-ель*: *капель, мокрель, гибель, колыбель, качель, метель*. Ср.: *обитель, купель*.

3. *-ын(ь)* (производивший от основ прилагательного имени существительные со значением качественного состояния, достигшего высокой степени): *теплынь*. Ср. *области, жарынь, светлынь*¹¹².

4. *-знь* (церковнославянский суффикс): *казнь, кознь, болезнь, боязнь, жизнь* и соотносительный с ним просторечно-нелитературный суффикс *-сть*: *болесть, жисть*; ср. мертвый суффикс *-снь* в словах: *песнь*, устар. *баснь*.

5. *-ядь, -адь*: *мокрядь, рухлядь*; ср. *площадь* и некоторые другие.

§ 24. Словообразовательные типы в системе мягкого женского склонения на *-а (-я)*

Богата, красочна и разнообразна серия словообразовательных форм, относящихся к системе женского склонения на *-а*. В параллель с ней может стать только мужское склонение с нулевым окончанием в именительном падеже.

Однако мягкое склонение слов женского рода на *-а* бедно суффиксами (так же как мягкое склонение и в мужском роде).

В кругу суффиксов мягкого женского склонения единичны суффиксы лица женского пола *-унь(я), -ын(я)* ср. ласкат. *-ул(я)* более ярко в формах сло-

вообразования здесь выражены значения действия и места действия, а также отвлеченного понятия; менее продуктивно значение собирательности. Выделяются следующие суффиксы мягкого женского склонения:

1. Продуктивный суффикс *-льн(я)*, посредством которого производятся от глагольных основ слова, обозначающие помещение, где происходит какое-нибудь действие: *читальня, спальня, раздевальня; купальня, точильня, хата-родильня, говорильня, красильня, мыльня, парильня* и т. п.

2. Непродуктивный суффикс *-н(я)*, обозначающий помещение для кого-нибудь (в образованиях от основ имен существительных) или место какого-нибудь действия (в образованиях от глагольных или от отглагольных основ). Например: а) *пекарня, свинарня*, устар. *поварня, голубятня, колокольня, подворотня* и т. п.; ср. *деревня*; б) *солеварня, бойня, дойня, пашня, сходня* и другие подобные.

3. Непродуктивный разговорный суффикс *-н(я)*, производивший от глагольной основы существительные со значениями хлопотливого, неприятного, длительного действия, орудия и продукта действия: *стряпня, мазня, суетня, размазня, западня, квашня* и другие подобные.

4. Еще менее производительный, в литературном языке вымирающий омоним *-н(я) [-н(я)]* с собирательным значением. Образования с *-ня* иногда имеют презрительно-просторечный оттенок: *матросня, солдатня*, но ср.: *четверня, шестерня, пятерня*; ср.: *дворня, сотня, родня*. Этот суффикс сочетается с основами имен существительных или собирательных числительных

5. Малопродуктивный суффикс *-отн(я)*, присоединяющийся к глагольно-именной теме со значением шума, звучания и выражающий часто* и энергичное проявление соответствующего действия: *стукотня, трескотня, толкотня, беготня, воркотня, топотня, пискотня, дерготня, пачкотня* и т. п.; ср. суффикс *-от (-ет)* в словах *топот, шопот, хохот* и т. п.

6. Суффикс *-овн(я)* мертв: *болтовня*.

7. В революционную эпоху на короткое время стал продуктивным суффикс *-ия*, служащий преимущественно для обозначения края, местности, области в территориальном и коллективном отношениях или для обозначения коллектива, группы лиц, объединенных принадлежностью к одной организации, к одной профессии. Этот суффикс сочетается с основами имен существительных. Например: *комсомолия, пионерия, рабкория, рабселькория* и т. п.

Этот суффикс был отвлечен от таких обозначений стран и местностей как *Италия, Полинезия, колония, провинция* и т. д. В настоящее время суффию *-ия* не обнаруживает продуктивности.

8. Малопродуктивный разговорный суффикс *-ь(я)* в комплексе *-унь(я)* служащий главным образом для образования названий лиц женского пола соотносительно с именами действующих лиц мужского пола на *-ун*: *хвастьунья, болтунья, попрыгунья, крикунья, хохотунья, бегунья* и т. п.

9. В фамильно-устной речи употребителен ласкательный суффикс *-ул(я) -юл(я)* применительно к лицам: *капризуля, актрисуля* (А. Чехов), *хандрюля* и т. д. Но ср.: *козуля, косуля*.

10. К суффиксу *-ул(я)* примыкает ласкательно-домашний формообразующий суффикс *-ус(я)*: *Маруся, бабуся, мамуся* и т. п.

11. Полумертвый суффикс *-ын(я)*, выделяемый:

1) в названиях живых существ женского пола: *рабыня, гусыня, барыня, сударыня* и др. (вариант *-ин(я)*: *княгиня, графиня, инокиня, монахиня*);

2) в книжных названиях отвлеченных понятий: *милостыня, гордыши, твердыня, благостыня* и некоторые другие.

Все соответствующие отвлеченные слова принадлежат книжному языку; Многие из них являются архаизмами (по происхождению церковнославяни: *мами*).

Кроме того, можно отметить еще ряд заимствованных интернациональных суффиксов мягкого склонения.

12. Продуктивный суффикс *-аци(я)*, *-изаци(я)* для обозначения процесса, действия (соотносительный с суффиксами глаголов *-ировать(ся)*, *-изировать(ся)*, *-овать(ся)* и с суффиксами действующего лица *-атор*, *-изатор*): *рационализация*, *коллективизация*, *машинизация*, *фордизация*, *пролетаризация*, *электризация*, *секуляризация*, *провокация*, *перфорация*, *моторизация*, *материализация*, *индустриализация*, *солидаризация* и т. п.

Для современного языка характерно распространение сферы применения суффикса *-изаци(я)* и на русские основы: *военизация*, *советизация*, *большевизация*, *озимизация*, *аровизация*, *стержневизация*, *товаризация*, *коренизация* и т. п.

Ср. суффиксы *-ци(я)* (*оппозиция*, *реквизиция*, *дирекция*, *проекция* и т. д.) и *-зи(я)* (*ревизия*, *диффузия* и т. п.).

Необходимо отметить распространение в специальных стилях современного книжного языка интернационального суффикса *-фикаци(я)* (ср. глагольный суффикс *-фицировать*) со значением: оборудование чем-нибудь, воздействие чем-нибудь. Например: *электрификация*, *кинофикация*, *газификация*, *часофикация* и другие подобные.

13. Близок к этому суффиксу непродуктивный суффикс *-и(я)*, *-й(я)*, на блюдаемый в заимствованных названиях отвлеченных понятий действия, состояния, а также результата, места действия или собрания деятелей (ср. варианты: *-зия*, *-ция*, *-сил*)¹¹³: *гармония*, *симметрия*, *анемия*, *революция*, *резолуция*, *милиция*, *ревизия*, *рецензия*, *миссия* и т. п. Ср.: *экспедиция*, *дирекция*, *инспекция*, *редакция* и т. п.

14. Суффикс *-тори(я)* выделяется в специальных обозначениях места действия: *аудитория*, *обсерватория*, *лаборатория* и некоторые другие.

15. Суффикс *-ере(я)* (нем. *-erei*, фр. *-erie*, итал. *-eria*) наблюдается, но почти не выделяется в заимствованных названиях места, действия, предметов: *галантерея*, *галерея*, *оранжерея*, *лотерея* и т. д. Вариант *-ери(я)* характерен для терминов, обозначающих роды войск (и реже — производств): *артиллерия*, *кавалерия*, устар. *инфантерия*; но ср.: *парфюмерия*, *костюмерия*.

16. Суффикс *-логи(я)* обозначает научную специальность или какую-нибудь сферу теории и практики: *психология*, *биология*, *космология*, *зоология*, *антропология* и т. п. Ср.: *болтология*, *вздорология*. Ср.: «...Ипполит зевает в своей комнате в ожидании урока какой-нибудь *вздорологии*» (А. Писарев, «Учитель и ученик, или В чужом пиру похмелье», 1824)¹¹⁴. «Лунология — это, если кто любит страдать при луне... Вообще, любовные дела» (Огнев, «Дневник Кости Рябцева»).

17. Суффикс *-анци(я)*, *-енци(я)* служит для обозначения действия, продукта действия: *интервенция*, *корреспонденция*, *аудиенция* и т. п. В буржуазном просторечии — под влиянием семинарского и чиновничьего диалектов — суффикс *-анци(я)*, *-енци(я)* употреблялся в фамильярных обозначениях лиц и действий: *старушенция*, *распеканция* и т. д.

18. Заимствованный суффикс собирательности *-иль(я)* выделяется в единичных военных терминах: *эскадрилья*, *флотилъя*.

19. Суффикс *-али(я)* выделяется в единственном слове, обозначающем действие разнузданное и безмерное: *вакханалия*.

§ 25. Богатство и разнообразие типов словообразования в системе твердого женского склонения на *-а*

В кругу имен существительных женского рода, относящихся к твердому склонению, должны быть признаны живыми и производительными до пятидесяти словообразовательных типов. Суффиксы твердого женского склонения очень разнообразны.

I. Суффиксы, обозначающие лиц женского пола

Группа суффиксов лица женского рода соотносительна с соответствующей группой личных суффиксов мужского склонения. Названия лиц женского пола производятся от соответствующих основ имен лиц мужского пола (например: *знахарь* — *знахарка*; *француз* — *французенка*; *студент* — *студентка*; *хвастун* — *хвастунья*; *кассир* — *кассириша*; *большевик* — *большевичка* и т. п.). В категории лица особенно ярко выступают коррелятивные пары параллельных мужских и женских суффиксов: *-ик* — *-иц(a)*, *-ец* — *-иц(a)* и *-к(a)* и т. п. К категории лица принадлежат женские суффиксы:

1. Суффикс *-иц(a)* в обозначениях женщин по качеству, свойству или действию. Он соотносителен с суффиксами мужского рода *-ец*, *-ик**: *красавица*, *упрямица*, *ленивица*, *жрица*, *помещица* и т. п.

При посредстве суффикса *-иц(a)* образованы также названия лиц женского пола от бессуффиксных обозначений мужчин: *мастерица*, *фельдшерица*, *пророчица* и т. д. Суффикс *-иц(a)* в значении лица женского пола непродуктивен.

Суффикс *-иц(a)* обозначает также самок животных {*волчица*, *тигрица*, *медведица*, *львица*, *ослица*, *орлица* и т. п.}. Кроме того, *-иц(a)* встречается и в неодушевленных именах с конкретно-предметным и отвлеченным значением (например: *петлица*, *пшеница*, *переносица*, *неурядица*, *бессмыслица* и т. п.; см. ниже).

К личному суффиксу *-иц(a)* примыкает длинная цепь производных продуктивных суффиксов, также образующих названия лиц женского пола.

2. *-ниц(a)* (соотносительно с мужским суффиксом лица *-ник*): *физкультурница*, *школьница*, *взятчица*, *картежница*, *клеветница*, *соперница*, *общественница*, *работница*, *начальница*, *покойница*, *вестница*, *спутница* и т. д.

3. *-щиц(a)* и *-чиц(a)* (соотносительно с *-чик* и *-щик*): *натурищица*, *конторщица*, *прогульщица*, *спорщица*, *уборщица*, *доносчица*, *перетисчица*, *угадчица* и т. п.

4. *-льщиц(a)* [*-альщиц(a)*, *-ильщиц(a)*, *-ельщиц(a)*] соотносительно с мужским суффиксом *-льщик* (*-альщик*, *-ильщик*, *-ельщик*): *вязальщица*, *рисовальщица*, *вышивальщица*, *штопальщица*, *подавальщица* и т. п.

5. *-тельниц(a)* (соотносительно с суффиксом *-тель*): *жителиница*, *учителиница*, *распространителиница*, *содержателиница*, *писателиница* и т. п.

Очевидно, в подавляющем большинстве эти слова образованы посредством осложнения основ имен мужского рода на *-тель* суффиксом *-ниц(a)* (ср. *сказителиница*). Но, понятно, возможно и непосредственное производство названий лиц женского пола от глагольной основы с помощью суффикса *-тель-ниц(a)* (*очарователиница*, *отправителиница*).

Любопытно, что в литературном языке XIX в. суффикс *-тельниц(a)* применялся и к предметам, например: *плевателиница* (встречается у Ф. М. Достоевского), *полоскательница*, *зажигателиница* и др. Это значение суффикса *-тельниц(a)* мертво.

6. Малопродуктивны *-овщиц(a)*, *-евщиц(a)* (соотносительно с *-овщик*, *-евщик* при именной основе): *весовщица*, *вестовщица*, *ростовщица* и т. д.

7. Непродуктивен суффикс *-лиц(a)* (соотносительно с *-лец*): *кормилица*, *владельца*, *жилица*, *страдалца* и др.

* Если имена существительные на *-ец* произведены от основы имени прилагательного или глагола, то соответствующее слово, обозначающее женщину, имеет суффикс *-иц(a)*: *красавец* — *красавица*; *ленивец* — *ленивица* и т. п. Если же обозначение лица произведено от основы имени существительного, например: *партиец*, *ленинец*, *комсомолец*, то соотносительное слово женского рода образуется посредством суффикса *-к(a)*: *партийка*, *комсомолка* и т. п.

8. В непосредственной функциональной близости к суффиксу *-иц(а)* на ходится суффикс лица *-к(а)*. Он:

1) употребляется соотносительно с суффиксом *-ец* (в словах с именной основой): *комсомолка, партийка, рязанка, немка* и т. п.;

2) производит названия женщин от основ бессуффиксных или имеющих суффикс *-ин* обозначений лиц мужского пола: *шведка, грузинка, крестьянка, монашка, киевлянка, цыганка, националка* и т. п. Ср.: *пролетарка, пастушка*.

Ср. также образования с суффиксом *-к(а)* от слов на *-фил, -фоб, -ман*: *германофобка, славянофилка, наркоманка* и т. п.;

3) живо ощущается в названиях женщин соотносительно с именами на *-епец*: *иждивенка, лишенка, беженка, выдвигенка* и т. п.

К суффиксу *-к(а)* примыкает цепь производных суффиксов.

9. *-енк(а)* выделяется в женских парных словах, соответствующих бессуффиксным обозначениям лиц мужского пола или (в единичных случаях) словам с суффиксом имен прилагательных *-ий*: *французенка, черкешенка, монашенка, нищенка* и т. п. Такое употребление суффикса *-енк(а)* уже не свойственно новообразованиям.

Можно говорить о морфологически обусловленных вариантах суффикса *-к(а)* в следующих разрядах имен лиц женского пола, в которых происходит сцепление суффикса *-к(а)* с личными суффиксами мужского рода (или с элементами их) и которые имеют в исходе следующие морфологические части:

10. *-анк(а)* (соотносительно с суффиксами *-анин, -анец*): *парижанка, англичанка, лютеранка, республиканка* и т. п. Кроме того, суффикс *-анк(а)* встречается и в изолированных образованиях (например: *персианка, индианка*). Ср. *буржуазное содержанка* (от идиомы *на содержании*).

11. *-истк(а)* (соотносительно с *-ист*): *дантистка, пианистка, артистка, очеркистка, уклонистка, оппортунистка* и т. п.

12. *-арк(а)* (соотносительно с *-арь, -ар*, но и независимо от этого соотношения): *доярка, свинарка, знахарка, дикарка* и др.

13. *-ачк(а), -ячк(а)* (соотносительно с *-ак, -як* и *-ач*): *среднячка, беднячка, нэпачка* (ср. *непачиха*) и т. п. Но ср.: *гордячка*, разг.-жаргон, *нервячка*. Ср.: *техничка, математичка* и т. п. (при *техник, математик* и т. п.).

14. *-овк(а)* соотносительно с *-овец*: *вузовка, рабфаковка, мхатовка* и т. п. Однако суффикс *-овк(а)* со значением лица гораздо менее продуктивен, чем *-овец* (ср. *толстовец*, но *толстовка* — рубашка). По-видимому, суффиксу *-овк(а)* приходится преодолевать сопротивление традиции. В дореволюционном языке выделялась группа слов на *-овк(а)* с пренебрежительным оттенком: *воровка, мотовка, чертовка, хрычовка, плутовка*.

15. *-ентк(а), -антк(а)* ('соотносительно с *-ент, -ант*): *курсантка, студентка, корреспондентка, капитулянтка* и т. п.

16. *-итк(а), -атк(а)* (соотносительно с *-ит, -ат*): *антисемитка, лауреатка* и т. п.

Кроме суффиксов *-иц(а)* и *-к(а)* с производными категорию лица выражают такие суффиксы, не имеющие ответвлений:

17. Очень продуктивный суффикс *-иш(а)*, обозначающий жену представителя какой-нибудь профессии, например: *профессорша, докторша, учительша, директорша, комиссарша* и т. п., или образующий названия лиц женского пола по профессии, по роду деятельности (особенно часто соотносительно с обоими): *шляченктих-iiKh, "зкужстхлъ чалах"нъ. -ипац>, -ггр, -вр, -ир, -арбу. Билетёрша, контролёрша, кассирша, бригадирша, кондукторша, секретарша, музыкантша*; ср. также: *маникюрша, педикюрша* и т. п. Ср. *паникёрша*.

18. Суффиксы *-ич(и)н(а), -иничн(а), -овн(а), -евн(а)* (в соответствии с *-ович* и *-ич*), служащие для обозначения лиц женского пола по отчеству:

Ильинична, Кузьминична, Фоминична, но: *Никитична, Ивановна, Петровна, Артемьевна, Пахомовна* и т. п.

19. Продуктивный суффикс *-их(а)*:

1) в обозначениях женщин, иногда жен, соотносительно с именами лиц мужского пола: *щеголиха, шутиха, трусиха, чудиха, купчиха, портниха, мельничиха, дворничиха, старостиха*, в просторечии — *врачиха, борчиха*; ср. у Чернышевского в романе «Что делать?»: *управляющиха** и т. п.; в фамильярной устной речи, особенно провинциальной, *-их(а)* употребляется также (правда, в очень ограниченном кругу лексико-морфологических образований) в названиях женщин по фамилии или прозвищу мужа [вместо суффикса *-и(а)*]: *Якобсониха* и т. п.;

2) в обозначениях самок животных: *волчиха, слониха, зайчиха* и т. п. Обособлены и единичны в литературном языке образования: *шумиха* и *неразбериха*.

20. Непродуктивный просторечный суффикс *-ух(а)***, имеющий яркую экспрессивную окраску. Он выделяется в нескольких словах, образованных от глагольных основ, например: *стряпуха, шлюха, потаскуха*; ср. *горюха* (ср. слова на *-ун*). Ср. обособленное *голодуха*. Кроме того, суффикс *-ух(а)* с оттенками ласкательно-иронического усилительного значения встречается в словах с основой качественного прилагательного, например: *воструха, резвуха, толстуха*; ср. *старуха*. Ср. в обозначениях болезней: *желтуха, краснуха, золотуха*.

Большинство слов с этими суффиксами утрачены, а сохранились лишь производные от них уменьшительные слова с суффиксом *-ушка(а)*. Ср.: *потаскушка, побирушка, простушка* и т. п.

Разговорный суффикс *-ушка(а)* в современном языке чаще употребляется вне соотношения с суффиксом *-ух(а)* (например: *болтушка, вертушка* и т. п.) и с фамильярно-ласкательным суффиксом *-уш(а)* (*втируша, завируша, милуша*, жаргонно-актерское *дорогуша, роднуша* и т. п.). Впрочем, в образовании ласкательных и уничижительных или пренебрежительно-фамильярных форм от собственных имен устанавливается тесный ряд соотносительных суффиксов: *-уха(-юха) — уша(-юша) — ушка(-юшка)* : *Ванюха* (прост.) — *Ванюшка* — *Ванюша*; ср.: *Веруха — Веруша — Верушка*.

Суффикс *-ушка(а)* также связывается с суффиксом *-ун—унь(я)*, например: *хвастунья — хвастушка*.

Кроме того, выделяются три заимствованных интернациональных суффикса лица женского пола:

21. *-есс(а)* (фр. *-esse*, итал. *-essa*) преимущественно в титулах или в профессиональных обозначениях артистического и спортивного характера: *принцесса, баронесса, догаресса, чемпионесса, поэтесса* и т. п.

22. *-ис(а)* (соотносительно с *-тер* и *-тор*) : *актриса, директриса, инспектриса* и др.; но ср. также: *автомотриса* и т. п.

23. *-ин(а)* (фр. *-ine*, итал. *-ina*): *балерина, синьорина*.

В состав суффиксов категории лица входят и суффиксы, с помощью которых образуются названия самок животных [*-иц(а)* и *-их(а)*]. Кроме того, некоторые из личных суффиксов женского рода употребляются и для обозначения предметов, вещей. —♦— Ср. замечание А. Шемшурина, свидетельствующее о продуктивности суффикса *-их(а)* в этой функции: «Разве образованные чуждаются вставить в свою разговорную речь иногда: «попадыха», «профессориха» и т. п. Разве словообразование по этому примеру обозначает изобретение «новых слов» и забвение «попадьи» и «профессорши?»¹¹⁵

*• Проф. А. Белич почему-то связывал с этим суффиксом уменьшительное значение. А. А. Потемкин находил, что *-ух(а)* «в нынешнем состоянии языка приводится в связь с *nomina agentis* на *-ун*»¹¹⁶.

II. Суффиксы со значением конкретного или отвлеченного предмета-вещи

Категория предмета в словах твердого женского склонения формируется такими суффиксами:

1. *-иц(а), -йц(а) и -ниц(а), -нйц(а)*.

Суффиксы *-иц(а)* и *-ниц(а)*, обозначающие лиц женского пола и самок животных, имеют довольно широкое применение и в словах с чисто предметным содержанием.

В этом кругу основное значение суффикса *-иц(а)* и производного от него суффикса *-ниц(а)* — это указание на предмет и на женский род слова. Слова с суффиксом *-ниц(а)* находят соответствие преимущественно в основах имен прилагательных на *-ный*, слова с суффиксом *-иц(а)* производятся от основ имен существительных и прилагательных. У некоторых основ имеются параллельные образования с суффиксом *-ник*, но с другим значением {чайник — чайница; кофейник — кофейница и т. п.}. Некоторые слова с суффиксами *-иц(а), -ниц(а)* объединяются в небольшие семантически однородные группы. Таковы, например, названия помещений и мест жительства: *светлица, теплица, станица, темница, гробница, больница, гостиница* и некоторых других вместилищ, сосудов: *перечница, чайница, кофейница, сахарница, чернильница, пепельница* и т. п.; заведений: *мельница, кузница* и т. п.; обозначения растений, злаков: *свекловица, чечевица, листовница* и др.; одежды и ее принадлежностей: *исподница, петлица, пуговица* и др. Небольшая группа слов имеет собирательное значение: *конница, вольница*.

Но, вообще говоря, предметное значение суффиксов *-иц(а)* и *-ниц(а)* во многих словах не вполне определено (ср.: *пятница, единица* и т. п.). Оно угасает, выветривается. По словам Я. К. Грота, суффикс *-иц(а)* «некоторым именам не придает никакого нового предметного значения»¹¹⁷. Например, *тряпка — тряпица*. В современном русском языке активным и продуктивным является лишь использование суффикса *-ниц(а)* для образования слов, обозначающих вместилища, сосуды: *пудреница, сахарница, папиросница, пепельница, плевательница* и т. п.

2. Суффикс *-иц(а)* (безударный) обычно в сочетании с приставками отрицательного значения образует от существительных, прилагательных и причастий страдательного залога имена, «означающие какое-нибудь дурное состояние или недостаток, и потому большей частью отрицательные или предложные» (Грот). Например: *распутица, бессонница, безвкусица, безработица, невнятица, нелепица, нескладица, неурядица*; ср.: *околесица, путаница, разноголосица, сумятица* и т. п. (ср. *безделица*).

3. Омонимичный суффикс *-йц(а), -иц(а)* имеет сверх того уменьшительно-ласкательное значение: *землица, кашица, крупица* (ср. *крупа*), *просьбица, частица* и пр.

4. Гораздо более широки и разнообразны предметные значения суффикса *-к(а)*. Развив большую продуктивность во второй половине XIX в., суффикс *-к(а)* образует от основ имен прилагательных слова, являющиеся лексически ми эквивалентами словосочетания из прилагательного и из определяемого этим прилагательным существительного. Например: *открытка, вечерка* (вечерняя газета), *дешевка, ночлежка, агитка* (агитационное произведение), *дежурка* (дежурная комната), *нормалка* (нормальная школа), *чрезвычайка* (чрезвычайная комиссия), *столовка, многотиражка, однодневка* (однодневная газета), *зачетка* (зачетная сессия или книжка), *непрерывка, текучка, обезличка* и т. п. Ср. у Боборыкина в романе «Китай-город»: «Вы бываете в концертах? — В *музыкалке*? — Так их зовут? Я не знала. Да, в *музыкалке*». Этот продуктивный тип словообразования широко развился на основе оты-

менных и отпричастных образований с суффиксом *-к(а)*, вроде *клеенка, вязанка, горячка, колючка*; ср.: *овсянка, жестянка, землянка, ледянка, перчатка* и т. п.; ср.: *болячка, спячка*; ср.: *лежанка, стоянка, области, гулянка* и другие слова этого рода, образованные от основ существительных на *-ание*.

Кроме того, с помощью суффикса *-к(а)* образуются имена существительные от числительных: *двойка, тройка, четверка, пятерка, шестерка, семерка*; ср.: *девятка, десятка*; ср. *пятисотка* и т. п. Ср. разговорное новообразование *авоська* (от *авось*).

5. К суффиксу *-к(а)* примыкает менее продуктивный суффикс *-овк(а)* с тем же значением: *стенновка* (стенная газета), *листовка, буденовка* (шапка кавалериста), *толстовка* (рубашка), *спецовка, курсовка* и т. п.; ср.: *рябиновка, малиновка, сороковка* и т. п.

6. Рядом с *-овк(а)* вырастает просторечный суффикс *-ловк(а)*, присоединяемый к глагольной основе и означающий какое-нибудь бытовое, общественное явление или учреждение, действие, место действия: *потребилровка, заградилровка* (заградительный отряд), *уравниловка* и т. п. Ср. жаргонные: *грабилровка, заводилровка, обираловка*.

7. Продуктивный суффикс *-лк(а)*, с помощью которого производятся от глагольных основ фамильно-разговорные слова, обозначающие место, где происходит какое-нибудь действие: *раздевалка, читалка, умывалка* и т. п. Ср.: *умывальная* (комната), *читальня* или *читальный зал* и т. п.

Тот же суффикс образует от основ переходных глаголов обозначения инструмента, орудия действия. Например: *зажигалка, качалка, вешалка, сеялка, молотилка, веялка, точилка* и т. п. Этот способ словообразования находит особенно широкое применение в профессиональных диалектах.

8. В русском языке, кроме увеличительного суффикса *-ин(а)* (*молодец — молодчина; купец — купчина; дом — домина; ветер — ветрина* и т. п.), есть еще суффиксы-омонимы *-ин(а), -нн(а)*.

Суффикс *-ин(а), -нн(а)* имеет значение единичности. Он производит от основ слов с вещественно-собирающим значением названия единичной вещи, единичного предмета, выделенного из какой-нибудь массы, из совокупности, например: *тесина, горошина, картофелина, штанина, хворостина, жемчужина* и т. п. Ср.: *песчинка, кофейинка, крупинка, соринка, росинка, изюминка, соломинка* и т. п.

9. Другой суффикс *-ин(а), -нн(а)* образует от основ существительных, обозначающих рыб, домашних и диких животных, названия мяса какого-нибудь животного как пищи: *баранина, свинина, солонина, белужина, лососина* и т. п.; ср. *мертвечина*.

10. От этого суффикса ответвляется производный суффикс *-ятин(а)*: *курятина, гусятина, телятина, поросятинина* и т. п.; ср.: прост.-вульг. *стервятинина*.

Суффикс *-ятин(а)* расширяет сферу своего применения, присоединяясь к основам прилагательных, определяющих качество мяса: *тухлятина, дохлятина* и т. п.; ср. области, *свежатина*. В сочетании с основами прилагательных, выражающих отрицательные вкусовые качества, в этом суффиксе развивается переносное отвлеченное значение: нечто такое, что в своем существе целиком характеризуется данным неприятным качеством: *дохлятина, тухлятина, рыхлятина, кислятина, пошлятина*; ср. *отсебятинина*. «Вернешься после полуночи из театра или с бала, уж ты не человек, а дохлятина, хоть брось» (Чехов, «Трагик поневоле»). Ср. у Лескова в романе «На ножах»: «Вы —рыхлятина».

11. Совсем обособленно стоит малопродуктивный суффикс *-ин(а), -нн(а)* в сочетании с основами имен прилагательных и местоимений, служащий для обозначения отвлеченного понятия или обобщенного, собирательного явления

с несколько пренебрежительной экспрессией: *всячина, мешанина, писанина*; ср.: *окраина, убоина*; ср. -овин(а): *штуковина, сердцевина, пустяковина* и т. п. 12. Кроме того, суффикс -ин(а), -йн(а) этимологически выделяется в нескольких небольших семантических сериях слов (например: *рябина, крушина, смородина, малина* и т. п.; ср.: *калина, малина; плотина, долина, равнина* и т. п.; *впадина, рывина, промоина, перекладина* и т. п.). Все эти разряды непродуктивны*.

13. С суффиксом -ин(а) соприкасается суффикс -йн(ы), служащий для образования названий торжественных событий и семейно-бытовых празднеств, выражаемых в формах *pluralia tantum*: *октябрины, звездыны, крестины, именины, родины, смотрины* и т. п.

14. Ряд конкретно-предметных суффиксов женского рода замыкается суффиксом -ик(а) [-овик(а), -евик(а), -яник(а)]. Суффикс -ик(а) преимущественно обозначает ягоды и растения: *земляника, костяника, клубника*; ср.: *черника, голубика, ежевика, брусника, гвоздика* и т. п.

К этим суффиксам следует присоединить один заимствованный суффикс с очень конкретным предметным значением. В современном книжном языке и связанных с ним производственных диалектах распространяется суффиксо-образный элемент -тек-а в значении: хранилище, собрание чего-нибудь, "например: *картотека, игротекa, инструментотекa*; ср. *библиотека*.

III. Суффиксы отвлеченных понятий

Богато представлены в системе твердого женского склонения и суффиксы отвлеченных понятий. Сюда относятся:

1. Малопродуктивный суффикс -ин(а): *тишина, глубина, вышина, ширина, толщина* и т. п. Ср.: *седина — седины*.

2. Очень продуктивный суффикс -щин(а) (ср. -овщина), служащий для образования отвлеченных слов, которыми обозначаются характеристические общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской. Соответствующие слова производятся очень часто от имен лиц, деятельность которых служит характерным признаком эпохи, режима, общественных явлений, идейных направлений или выражает их сущность. По-видимому, суффиксы -щин(а) и -овщин(а) начинают быстро расширять сферу своего употребления около середины XIX в. (ср.: *обломовщина, карамазовщина, арачкеевщина*; ср. у Белинского: *литературищина***),

Но наибольшей экспрессивной силы и продуктивности достигает этот суффикс в начале XX в. Ср.: *патриархальщина, кружковщина, обломовщина, уголовщина, зубатовщина, вкусовщина* и т. п.

После зубных суффикс имеет форму -чин(а): *солдатчина, рекрутчина, складчина* и т. п. Случаи изменения отвлеченного значения в индивидуально-личное и собирательное (*военищина, белогвардейщина, мастеровщина* и т. п.) у слов с суффиксом -щин(а) не очень часты.

Суффикс -щин(а) встречается также в географических названиях украинских областей: *Киевщина, Полтавщина, Черниговщина* и т. д. Ср. также: *Смоленщина*.

—• Характерно недифференцированное описание значений этого суффикса в старых грамматиках: «Много женских имен с окончанием -ина, и значение их разнообразно: они означают единицу вещей дробимых, дерева и кустарники, кожу и мясо животных, качество, действие и явление вещей, совокупность: *градина, малина, говядина, новина, дружина*»^{'''}.

** Очень интересен такой пример: Н. П. Некрасов в своей работе «О значении форм русского глагола» написал: «Наш язык вообще не любит *отвлеченищины*»^{''''}. А. А. Потебня возражал: «Было бы свидетельством нелюбви и неспособности русского народа к умственным усилиям, если бы точно русский язык не любил отвлеченности, к которой Некрасов, по-видимому, питает презрение («отвлеченщина!»)^{''''''}».

3. Непродуктивный суффикс *-от(a)*, *-от(a)* употребляется в нескольких значениях. Степень непродуктивности этого суффикса зависит от различия его функций.

1) В сочетании с непроизводными основами качественных прилагательных суффикс *-от(a)* наблюдается у существительных, имеющих значения качества, свойства, абстрактного признака, состояния: *широта, высота, долготы, доброта, чистота, простота, тошнота, красота, краснота, слепота, немота, хромота, глухота* и т. п. Ср.: *суета, нищета**. Суффикс *-от(a)* в этом значении малопродуктивен, но жив;

2) сюда же примыкает применение суффиксов *-от(a)* — *-от(a)* (часто с окончаниями множественного числа) для указания на обозначенный по качеству предмет: *мокрота* (ср. другое значение у слова *мокрота*), *длиннота, краснота*. Таких слов немного;

3) также непродуктивно и редко употребление суффикса *от(a)*, *-от(a)* в собирательном значении: *беднота, пехота*;

4) преимущественно суффикс *от(a)*, реже *-от(a)* наблюдается в сочетании с глагольными основами в словах, означающих неприятное, болезненное состояние, например: *зевота, икота, рвота, дремота, ломота, перхота*. Ср. также: *хрипота, сипота***. В этой функции суффикс *-от(a)* легко осознается, но уже не производит новых слов.

4. Продуктивный суффикс *-изн(a)* [*-изн(a)*] со значением абстрактного признака в словах, образованных от основы качественного прилагательного: *белизна, желтизна, голубизна, крутизна, новизна, прямизна, кривизна, левизна* и т. п. Ср. также парные образования: *дороговизна, дешевизна*. Обособленно воспринимаются книжно-архаические слова с суффиксом *-изн(a)*: *отчизна, укоризна* и некоторые другие.

5. Мертвый суффикс *-об(a)*: *худоба, злоба, жалоба*; ср. *учёба*. Суффикс *-об(a)* выделяется в немногих словах со значением психического состояния, эмоции, действия и качества.

6. Очень продуктивный суффикс *-к(a)*, производящий от глагольных основ существительные со значением конкретного действия или производственного процесса (результата и орудия действия). Например: *ковка, рубка, побелка, сварка, закалка, вёрстка, промывка, топка* и т. д. Ср.: а) *сечка, терка* и т. п.; б) *краска, обшивка, обмотка* и другие подобные. Ср. у Некрасова: *От частой недосыпки, От пыли, от свинца*

Мы [наборщики] все здоровьем хлипки.

(«Песни о свободном слове»)

Образования с суффиксом *-к(a)* особенно широко распространены в разговорной речи и профессионально-технических диалектах, например: *протравка, изолировка* и др.

7. Уже непродуктивен суффикс действия-состояния *-б(a)*, *-б(a)*. Например: *борьба, косяба, ходьба, молотьба, пальба, стрельба, просьба, мольба, похвальба, служба, дружба* и др.

Суффикс *-б(a)*, так же как суффикс *-об(a)*, изредка встречается в обозначениях отвлеченных понятий (например, *судьба*), образованных из названий действий, а также в обозначениях результатов действия (*резьба*).

* Некоторые слова этой группы имеют параллельные формы с суффиксом *-ин(a)*: *толстота* — *толщина*; *высота* — *вышина*; *широта* — *ширина* и т. п. Значение суффикса *-от(a)* более абстрактно и более качественно.

** Ср. замечание Г. Павского: «Когда *-ото* появляется при глагольных корнях, тогда им означает действие и явление почти всегда болезненное»¹²⁰.

8. Непродуктивный суффикс *-тв(а)*, употребляющийся в сочетании с основами инфинитива на гласные *-и* и *-а*, обозначает действие, реже — результат и орудие действия: *жатва, молитва, битва, клятва* и другие подобные; ср. вульг. *жратва*; ср. в обозначениях орудий действия: *бртва*.

С твердым женским склонением связано также несколько заимствованных интернациональных суффиксов, сочетающих абстрактные значения с конкретными и наблюдаемых в сцеплении исключительно с иноязычными основами. Таковы:

9. Суффикс *-ур(а), -юр(а)* (лат. *-ига*, фр. *-иге*) с самыми разнообразными значениями. Этот суффикс встречается в названиях:

1) областей культуры и искусства: *культура, литература, скульптура, архитектура* и т. п.;

2) предметов: *мензура, брошюра, миниатюра* и др.;

3) действия, способа действия, продукта действия: *процедура, мануфактура* и т. п.;

4) профессии, звания: *адвокатура, профессура, кандидатура* и др.;

5) коллектива лиц какой-нибудь профессии, например: *аспирантура, доцентура, профессура*.

По-видимому, лишь последние два значения этого суффикса отчетливо осознаются в современном русском языке. Ср. в просторечии: *верхотура, пехтурой*.

10. Продуктивный суффикс *-ик(а)*, сочетающийся с заимствованными основами, для обозначения научной дисциплины, отдела науки, искусства, сферы деятельности, круга каких-нибудь явлений, отвлеченного понятия: *грамматика* (ср.: *грамматист, грамматический*), *евгеника, фонетика, оптика, практика, критика, периодика, керамика, мозаика, графика, героика, мистика, архаика* и т. п.

11. К суффиксу *-ик(а)* примыкает производный продуктивный суффикс *-истик(а)* — ср. *-астик(а)*, служащий в книжном языке для обозначения научных дисциплин или областей искусства, литературы: *лингвистика, романистика, германистика, патристика, памфлетистика, юмористика* и др. Ср.: *гимнастика, фантастика* и др. В разговорной речи и в стилях публицистического языка посредством этого суффикса образуются обозначения бытовых явлений с оттенком пренебрежения: *шагистика, глупистика, ерундистика, формалистика, хамелеонистика*. Ср. у П. Боборыкина: «Я враг всякой... *надувастики* и *рутины*» (в речи промышленника); «До аттестата зрелости сидит такой малый над *зубристикой*» («На ущербе»).

12. Малопродуктивный суффикс *-ад(а) [-иад(а)]*, образующий названия длительных действий (*блокада, канонада*), ряда одинаковых предметов (*аркада, балюстрада, колоннада*), музыкальных, театральных, литературных (эпических по преимуществу) произведений (*буффонада, арлекинада, серенада, Россияда*) и т. п.), спортивных состязаний [*-иад(а): олимпиада, альпиниада, спартакиада*], а также иронически употребляемый для обозначения событий и явлений, связанных с жизнью и деятельностью какого-нибудь лица, например: *гапонада, бернштейниада* и др. Ср. *фанфаронада*.

13. Суффикс *-тив(а), -атив(а)*, выделяемый в заимствованных научно-книжных словах, преимущественно с отвлеченными значениями: *прерогатива, инвектива, инициатива* и т. п.

Ср. также интернациональные научно-книжные суффиксы *-м(а)* в терминологических обозначениях отвлеченных понятий (*догма, система, аксиома* и т. п.), *-ом(а)* (в медицинском языке) в названиях болезненных опухолей (*глиома, липома, миома, саркома, фиброма* и т. п.), *-ем(а)* в лингвистике (*фонема, морфема, лексема, семема* или *семантема*), в математике (*теорема*), в медицине (*эмфизема*) и т. п.

IV. Суффиксы субъективной оценки

Так же как в системе мужского и среднего рода, в женском склонении выделяется группа суффиксов субъективной оценки. Экспрессивных формообразующих суффиксов женского рода больше, чем слов мужского и среднего рода.

Формы субъективной оценки здесь также бывают разных степеней (*рука — ручка — рученька; береза — березка — березонька; река — речка — речушка — речушка — реченька — речонка* и т. п.).

Схожие по своему звуковому составу, различные по значению суффиксы дифференцируются ударением. Так, суффикс *-ушк(а), -юшк(а)* имеет оттенок фамильярной уничижительности или иронии, снисходительного пренебрежения: *Марфушка, Ванюшка, болтушка, резвушка, толстушка, вертушка* и т. п. Ср.: *пивнушка*, прост.-вульг. *кинушка* (кино). Безударный суффикс *-ушк(а), -юшк(а)* имеет ярко выраженное ласкательное значение: *коровушка, голубушка, матушка, тетушка, речушка* (но уничижительно: *речушка, ивушка, головушка* и т. п.*

Основное значение суффикса *-ёнк(а), -онк(а)* уничижительно-презрительное: *старушонка, бабёнка, душонка, юбчонка, девчонка, клячонка, шубёнка, деньжонки* и т. п. Впрочем, иногда это значение поглощается уменьшительно-ласкательным: *ручонка, рубашонка* и др.

Безударный суффикс *-енк(а)*, лишенный экспрессивных оттенков, производит имена лиц женского рода: *француженка, черкешенка*, ср. также: *нищенка*.

Необходимо составить каталог основных уменьшительно-ласкательных и уничижительных суффиксов женского твердого склонения:

1. Продуктивный суффикс *-к(а)* с уменьшительно-ласкательным значением: *книжка, ручка, ножка, капелька, спальенка, купаленка* и т. п.**

2. Непродуктивный суффикс *-ц(а), -ц(а)* с уменьшительным значением, присоединяющийся к основам на мягкий согласный типа *пыль, лень* и т. п.: *пыльца, крепостца, рысца, дверца, грязца* и подобные, а также к словам на *-от(а)*: *красотца, с грязнотцой* и др. Но ср. также: *с хитрецей* (от *хитрый*).

3. Малопродуктивный суффикс *-иц(а)* с уменьшительно-ласкательным значением: *водица, земляца, кашаца, вещица, просьбица* и т. п.

4. Продуктивный суффикс *-ечк(а), -очк(а)* с ласкательным значением (вторая степень субъективной оценки): *ямочка, книжечка, иголочка* и т. п.

5. Непродуктивный суффикс *-ичк(а)* [вторая степень от уменьшительных на *-ц(а)*]: *сестричка, водичка, земличка* и т. п.

6. Продуктивный суффикс *-ньк(а), -еньк(а), -оньк(а)* с ласкательным оттенком (вторая степень субъективной оценки): *реченька, тётенька, душенька, зоренька, подруженька, ноченька*; в собственных именах: *Наденька, Катенька*; ср. в собственных именах мужских: *Васенька, Петенька, Николенька* и т. п. После твердых *с, з* и губных основы присоединяется суффикс *-оньк(а)*: *поло сонька, березонька*.

7. Продуктивный суффикс *-ёнк(а), -онк(а)* с экспрессией презрения: *речонка, лошадёнка, коровёнка, девчонка, избёнка, комнатёнка* и т. п.

8. *-шк(а)* с оттенком фамильярной, несколько пренебрежительной ласки (ср.: *ашки, бешки* — бывшее фамильярное обозначение учащих групп А, Б в средней школе).

9. Малопродуктивный суффикс *-ушк(а), -юшк(а)* с ласкательным значением и в нарицательных именах нередко с оттенком народнопоэтической стилизации.
* О дифференциации суффиксов *-ушк(а), -юшк(а)* и *-ушк(а), -юшк(а)* см. у Г. Павского.
121. ** Слова на *-н(я)* образуют уменьшительно-ласкательные формы с помощью суффикса *-к-*; причем *н* обычно отвердевает (кроме *деревенька*): *песенка, спальенка, вишенка, басенка*. Но ср. также: *милостынька* (от слов на *-ыня*).

лизации (почти исключительно в пределах категории одушевленности): *зазнобушка, головушка, нянюшка, Манюшка* и т. п.

10. Продуктивный суффикс *-ушк(a), -юшк(a)* с презрительным и уничижительным (редко с ласкательным) значением: *пивнушка, речушка, комнатуха, деревушка, избушка* и т. п. Но ср.: *дочушка, девчушка* и т. п. Слова на *-ушк(a)* первоначально производились от слов с фамильярно-ласкательным суффиксом *-уш(a)* при посредстве суффикса *-к-*. В настоящее время суффикс *-ушк(a)* за пределами образований от собственных имен очень непродуктивен. Ср. *-ушк(a)* в немногих отглагольных образованиях: *кликуша, крикуша* [ср. суффиксы *-ух(a), -ун, -унь(я)*]. Ср. у Лескова в «Островитянах»: «Тут влево режутся другие русалки — *хохотуши, щекотуши*». В образованиях от именных основ, не относящихся к собственным именам, суффикс *-ушк(a)* также непродуктивен. Ср. акт.-жарг. *дорогуша, роднуша*. Об оттенках экспрессии суффикса *-ушк(a), -юшк(a)* в собственных именах можно судить по такому замечанию Л. Толстого в «Воскресении»: «...полугорничная, полувоспитанница. Ее и звали так средним именем — не Катя и не Катенька, а *Катюша*».

11. Непродуктивный суффикс *-ёшк(a), -ошк(a)* с резко выраженной экспрессией презрения: *головешка, рыбёшка* и т. д.

12. Продуктивный суффикс *-йшк(a), -ишк(a)* с презрительным значением: *работишка, страстишка, картишки, бородишка* и т. д.

13. Продуктивный суффикс *-ёночк(a), -оночк(a)* (третья степень ласкательности) с оттенком фамильярной усиленной ласки: *девчоночка, ручоночка, рубашоночка* и т. п. *

14. Мертвый суффикс *-урк(a)* с ласкательным значением: *дочурка, девчурка, печурка*. Ср. *снегурка*.

Таким образом, в системе форм субъективной оценки опорными суффиксами женского рода являются *-к(a), -шк(a), -чк(a), -н(ь)к(a)*.

26. Общие выводы из обзора основных морфологических типов имен существительных

Из обзора основных морфологических типов имен существительных можно сделать некоторые общие выводы:

1. Классы слов мужского и женского рода обнаруживают параллелизм в приемах образования категории лица и вещи. Для категорий лица особенно характерна коррелятивность слов мужского и женского рода. Большая часть названий женского пола производится от слов, обозначающих лица мужского пола.

2. Класс слов среднего рода резко отличается по формам суффиксального образования от классов слов мужского и женского рода.

3. Класс слов среднего рода беднее всех суффиксами. Наиболее продуктивные суффиксы среднего рода свойственны преимущественно стилям книжной, особенно научно-технической речи. Таковы суффиксы *-ни(e), -ств(o)* с производными. В устно-бытовом просторечии жив собирательный суффикс *-ьё*. Показательно отсутствие вновь заимствованных и недавно составленных суффиксов в системе образования форм среднего рода.

4. С классом слов среднего рода связываются главным образом отвлеченные значения действия и состояния. К отвлеченным значениям отчасти примыкает и собирательное значение. Значение места и орудия действия в суффиксальном (а также префиксально-суффиксальном) образовании слов среднего рода выражены неярко.

* Ср. замечание Г. Павского: «Уменьшительное уничижительное окончание может перейти в неуничижительное, когда прибавлен будет еще новый уменьшительный суффикс»²².

5. Кроме того, категория среднего рода включает в себя абстрактно-собирательные, обобщенные имена на *-ое*, *-ее*, образуемые субстантивацией формы среднего рода имен прилагательных, а также названия общих видов и родов животного и растительного мира.

6. Система форм среднего рода в литературном языке сильно поддерживается влиянием стилей книжной речи (газетно-публицистических и научно-технических), в которых производные слова среднего рода более употребительны, чем в бытовом разговорном языке.

7. В мужском и женском роде типы мягкого склонения (а следовательно, и мягкого суффиксального образования) слабы, бедны и неустойчивы, уступая по грамматическому весу типам твердого склонения.

8. Женское склонение на мягкий согласный типа *кость* не очень продуктивно (ср. в нем омонимичность форм родительного, дательного и предложного падежей). Книжный суффикс *-ость* (с вариантами) является главной опорой новообразований в системе этого склонения.

9. В классе слов мужского рода выразительны лишь категории лица и конкретного предмета. В формы мужского рода облечены также названия де теньшей, малых предметов (категории невзрослости и социальной неполноценности). Разряды суффиксов отвлеченного значения в словах мужского рода пополняются главным образом заимствованиями из западноевропейских языков. Классу слов мужского рода в общем чужда идея морфологически выраженной собирательности.

10. Наиболее богат значениями и оттенками суффиксов класс слов женского рода. Кроме обозначений лиц женского пола, самок животных, кроме общего значения конкретного предмета, здесь сосредоточены значения качества, эмоции, действия и состояния, единичности и собирательности. По богатству отвлеченных значений категория женского рода превосходит средний род*.

11. Категория женского рода является наиболее экспрессивной. В ней сосредоточено больше всего форм субъективной оценки.

12. Перенос форм женского рода в класс слов мужского рода связан с очень разнообразными и очень яркими экспрессивными изменениями смысла.

13. Менее богат экспрессивными суффиксами класс слов среднего рода. Многие старые формы экспрессивных образований, относившиеся к среднему роду, перешли в систему форм мужского и женского рода. Только увеличительные суффиксы остаются в сфере внешних приемов словоизменения, свойственных среднему роду. Категория одушевленности почти целиком выпала из класса слов среднего рода (*мальчишка —мальчишку*). Лишь в категории не одушевленности возникают гибридные типы женско-среднего склонения (*домишко, домишки, домишке* и т. п.).

14. Беднее всего экспрессивными оттенками класс слов мужского рода.

15. Категория рода ярче всего обнаруживается в формах единственного числа. Во множественном числе родовые различия стираются. В образовании форм множественного числа заметно сильное ассимилирующее влияние женского рода**.

* Еще И. Ф. Калайдович заметил, что «имена отвлеченных предметов в русском языке бывают большею частью женского и среднего родов»¹²¹.

** Ср. у К. С. Аксакова: «...язык наш,- не признавая большой разности между предметами мужского, женского и среднего рода, как скоро они находятся во множестве,—принял для всех трех родов одно склонение: склонение имен женского рода как самое определенное и богатое»¹²⁴.

5. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА В СИСТЕМЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 27. Предметно-смысловые основы категории числа имен существительных

При самом зарождении русской исторической грамматики в первой половине XIX в. исследователям бросилось в глаза многообразие значений множественного числа в русском языке. Формы и значения множественного числа представлялись морфологически и семантически обособленными от форм единственного числа, не вполне соотносительными с ними. Функция форм единственного числа имени существительного вообще казалась неоднородной и неопределенной. В формы единственного числа облакались не только имена единичных вещей, но и названия предметов, мыслимых без отношения к счету, к идее числа, например названия отвлеченных и собирательных понятий. Все это нарушало параллелизм и взаимосвязь форм единственного и множественного числа имен существительных. К. С. Аксаков пытался объяснить это явление «склонностью русского человека видеть во множественном... как бы новое имя»¹²⁵, «стремлением к образности, стремлением понять множество как совокупность, и множественное число имени обратить в новое имя (ед. ч.)»¹²⁶.

Наиболее яркими проявлениями процесса «лексикализации» множественного числа, по Аксакову, были: 1) широкое развитие собирательных значений во множественном числе и своеобразии их внешнего выражения (посредством окончаний *-а*, *-ья* в мужском роде, например, *друзья*; ср. другие морфемы множественной совокупности); 2) поглощением значений «личности» и «единицы» в формах множественного числа: «Самое множество отчасти поглощает личность, а с другой стороны, отчасти устраняет родовое значение единственного» (ср. отпадение личностного суффикса единичности *-ин* во множественном числе: *гражданин* — *граждане*); 3) устранение родовых различий во всех формах множественного числа (за исключением некоторых форм родительного и отчасти именительного-винительного падежей).

Категория множественного числа в строе имени существительного выступает как сильная, многозначительная категория. По отношению к ней категория единственного числа является до некоторой степени категорией негативной, иногда даже как бы «нулевой». Мысли К. С. Аксакова о грамматических своеобразиях множественного числа существительных нашли дальнейшее развитие и глубокую самостоятельную разработку в исследовании А. А. Потебни «Значения множественного числа в русском языке» («Филологические записки», 1885—1886 гг. и отдельный оттиск 1886 г.). Акад. А. А. Шахматов в «Очерке современного русского литературного языка» и особенно в «Синтаксисе русского языка» связал разнообразные значения множественного числа, установленные Потебней, с различиями в формах множественного числа. Кроме того, он дополнил и систематизировал намеченные А. А. Потебней значения множественного числа*. Таким образом, выяснилось, что категория числа имен существительных представляет сложный предметно-смысловой узел, в котором сплетаются разнообразные грамматические и лексико-семантические особенности существительных¹²⁷.

* Ценные соображения и замечания, касающиеся истории категории числа в русском языке, можно найти также в работах акад. А. И. Соболевского, особенно в его «Лекциях по истории русского языка». Ср. также его «Русский исторический синтаксис».

§ 28. Виды грамматического соотношения между формами единственного и множественного числа имен существительных

В формах множественного числа имен существительных обнаруживается ряд грамматических явлений, чуждых единственному числу. Во множественном числе стираются родовые различия слов (ср.: *дитя* — *дети*; *телёнок* — *телята*; *конь* — *кони*; *кость* — *кости*; *зеркало* — *зеркала*; *город* — *города* и т. п.). В самом деле, формы дательного, творительного, предложного падежей множественного числа во всех склонениях одинаковы, за единичными исключениями (вроде *полечь костью*) в творительном падеже у слов типа *дверь*, *лошадь*. В именительном падеже множественного числа также у многих разрядов слов родовые различия исчезают (ср. окончания *-а*, *-ья* в мужском и среднем роде, окончания *-ы*, *-и* в мужском и женском роде, а в некоторых разрядах — у слов на *-ко* и *-це* при отсутствии ударения на окончании — и в среднем роде: *плечики*, *веки*, *колечки*; ср. также: *очки*, *ушки*). В родительном падеже множественного числа только окончания *-ов*, *-ев* чаще всего прикреплены к мужскому роду, хотя изредка встречаются и в среднем (при им. п. на *-ья*: *деревьев*, *платьев*; на *-ики*: *плечиков*, *колесиков*, ср. также: *облаков*, *озерков*; у слов с суффиксом *-це*: *зеркальцев*) *. В литературном языке это окончание абсолютно чуждо словам женского рода. Pluralia tantum вообще лишены формы рода. У названий домашних животных, при различных обозначениях самца и самки в единственном числе (*козел* — *коза*, *боров* — *свинья*, *петух* — *курица*) во множественном числе употребляется одна форма — общая (для выражения совокупности): *козы*, *овцы*, *свиньи*, *куры*, *утки*, *гуси*. В существительных", восходящих к формам имен прилагательных, родовые различия во множественном числе не сохраняются уже потому, что они утрачены во множественном числе и самими именами прилагательными.

Вместе с тем грамматическое соотношение форм единственного и множественного числа у имен существительных все более и более осложняется дополнительными реальными значениями. Параллелизм падежных форм единственного и множественного числа разрушен. Для множественного числа характерна гибридизация разных типов склонения ¹²⁹ (ср.: *поля*, *полей*, *полям*; *учителя*, *учителей*, *учителям*; *друзья*, *друзей*, *друзьям* и т. п.). Акад. А. А. Шахматов с свойственной ему лингвистической проницательностью указал на необходимость в словах мужского рода (где особенно велико разнообразие форм множественного числа) решительно отделять классификацию типов склонения во множественном числе от единственного числа. В единственном числе (если не считать слова *путь*) существительные мужского рода с нулевым окончанием в именительном падеже слились в один тип склонения. Во множественном числе А. А. Шахматов предлагал у них различать четыре типа склонения по особенностям формы родительного падежа: 1) множественное число слов с основой на твердый согласный и на *-й* (ʹ) : *снега*, *столы*, *водопады*, *воробьи*; 2) множественное число слов на *-ж*, *-ш* и на мягкий согласный: *ножи*, *родители*, *учителя*; 3) множественное число слов на твердый согласный, у которых именительный множественного оканчивается на *-ья*; 4) множественное число слов, имеющих в единственном числе суффикс единичности *-ин*: *бояре* ¹³⁰.

—• Ср. замечание Н. Н. Дурново о том, что русскому языку свойственна «тенденция к полному устранению во множественном числе родовых различий, не связанных с категориями одушевленности и неодушевленности или лица и не-лица; различие между мужским и немужским (женским или средним) родом во множественном числе сказывается, но не с достаточной последовательностью и не везде лишь в присвоении *genet*, plur. на *-ов* только именам мужского рода» ¹²⁸.

Но эта классификация не безупречна. Она не учитывает различий между продуктивными и непродуктивными типами склонения (сосчитаны формы им. мн. м. р. на *-ья*, род. *-ей*; непродуктивны образования на *-ья*, род. *-ьев*; лексически замкнута группа существительных на *-ин*, в им. мн. *-е*). Кроме того, в схеме Шахматова не всегда приняты в расчет различия форм именительного падежа множественного числа. Так, формы на *-а*, *-я* перемешаны с формами на *-и*, *-ы*. Между тем нет оснований сливать в один тип столь разнообразные формообразования¹³¹. В разряде слов с именительным падежом множественного числа на *-ья* сам А. А. Шахматов отметил две группы: «В первую, обнимающую как исконные собирательные женского рода, так и собирательные среднего рода, входят все те слова, которые оканчиваются на неударяемое *-ья*; в родительном падеже множественного числа они имеют *-ев*: *братья - братьев, сучья — сучьев, каменья — каменьев*; во вторую, обнимающую только ("исконные. — В. В.) собирательные женского рода, входят слова, которые оканчиваются на ударяемое *-ья*; в родительном падеже множественного числа они имеют *-ей*: *мужья — мужей, друзья — друзей, сыновья — сыновей*. Таким образом, первая группа примыкает к словам с основами на твердую согласную, а вторая — к основам на мягкую согласную»¹³². Следовательно, выделение этого разряда в самостоятельный морфологический тип вообще оказывается излишним. Кроме того, система падежных форм множественного числа мужского рода не является вполне обособленной от склонений разных разрядов слов среднего и даже женского рода. Так, нетрудно найти частичные, а иногда и полные совпадения в формах множественного числа между типами мужского и среднего склонения. В системе склонения слов среднего рода выделяются: 1) множественное число слов среднего рода с окончаниями именительного падежа *-а(ы)*, *-а*; *-я(-и)*, *-я*: *зарева, колеса, вина, покрывала, зерна* (ср.: *хозяйева, хитосы, уланы, грузины* и т.п.; *поля, моря*; ср. *учителя*); 2) множественное число слов с непродуктивным окончанием именительного падежа на *-ья*; *перья, деревья* (ср.: *клячья, крющья* и т. п.); 3) множественное число слов с неподвижным ударением на основе, оканчивающихся в именительном падеже на *-ки*, в родительном *-ков* и *-к* (в им. ед. ч. на *-ко*): *плечики, колесики*, но ср. *облака*; ср.: *веки, век* и *войска, войск* и т. п.

Таким образом, формы множественного числа у слов среднего рода не образуют обособленных типов склонения: они совпадают либо с системой женского, либо с системой мужского (твердого) склонения.

Имена существительные женского рода, во множественном числе слившиеся в одной парадигме, в одной системе падежных форм, кроме формы родительного падежа, по форме родительного падежа распадаются на два типа: а) *жена — шалунья* (ср.: *скамья, бадья* и т. п.) и б) *кость — степь* (ср.: *жены, шалуньи, кости, степи*; род. п.: *жен, шалуний; свеч — свечей и костей, степей*). Но эти типы женского склонения совпадают отчасти и с мужским-средним (ср.: *камни — камней; калачи — калачей*; у двух слов ср. р. род. п. тоже на *-ей*: *полей, морей*; ср.: *жилиц, исследований, поветрий* и т. п.). Во множественном числе падежные формы таких разных слов, как *номе* и *пустошь; плетень, ремень* и *западня, тень*, образуются одинаково. Во множественном числе склонения форм: *каменья, уголья* и *перья, крылья* (ср. также: поэтич. *гроздь* и прост.-области, *дырья*) ничем не отличаются одно от другого. Кроме именительного падежа, формы слов *боярин* и *жена* (*бояре — жены*) не имеют во множественном числе никаких различий. Разницы между склонением *кружева* и *хозяйева*, кроме ударения и различий в форме винительного падежа, нет никакой. *Яблоки* и *наволоки, зерна* и *таверны, колечки* и *полочки, плечи* и *свечи* принадлежат во множественном числе к одному типу склонения. Таким образом, во множественном числе нет прямой соотносительности с типами склонения единственного числа. Формы слов, принадлежащих в единственном чис-

ле к системе среднего рода, во множественном числе ближе к женскому склонению, чем к мужскому. Между склонением многих разрядов слов мужского рода и между женской системой падежных изменений во множественном числе нет не только контраста, но нередко и вовсе никаких различий (особенно в мягком склонении; ср.: *родители* и *добродетели*). Дифференциация форм множественного числа исчерпывается различиями именительного-винительного и родительного падежей.

При этом более или менее ощутительно только противопоставление форм именительного-винительного и родительного падежей между твердым мужским (к которому во множественном числе примыкают основы на *-j* (*-й*): *снега* — *снегов*; *водопады* — *водопадов*; *коренья* — *кореньев*; *воробьи* — *воробьев*) и твердым женским типом (*воды* — *вод*; *сестры* — *сестер*). Твердое мужское склонение в именительном падеже множественного числа все больше влияет на мягкое, передавая ему окончание именительного множественного числа *-а* (*-я*)*. К этому типу (*учителя*, *слесаря*) примыкают системы форм двух слов среднего рода с ударением во множественном числе на окончании (*моря*, *поля*). Склонение мягких основ мужского рода с формой именительного падежа множественного на *-и* (*кони*, *звери*, *аптекари*; ср. *пути*) ничем не отличается от склонения во множественном числе слов женского рода (типа *кости*, *страсти*, *ступни*, *степени*). Таким образом, во множественном числе у имен существительных нет чистых и обособленных типов склонения. Родовые перегородки между формами склонения здесь разрушены.

По форме родительного падежа во множественном, числе выделяются три основных типа:

1. *Плоды* — *плодов*; *города* — *городов*; *облака* — *облаков*; *волки* — *волков*; *плечики* — *плечиков*; *очки* — *очков*; *воробьи* — *воробьев*; сюда же примыкает не продуктивный тип на *-ья*, *-ьев*; *коренья* — *кореньев*; *стулья* — *стульев*.

2. *Жены* — *жен*; *шалуньи* — *шалуний*; *свиньи* — *свиней*; *дули* — *дуль*; *жилицы* — *жилиц*; *рассуждения* — *рассуждений*; *ружья* — *ружей*; *зеркала* — *зеркал* и т. п. Сюда же примыкают лексически связанные или морфологически изолированные группы слов мужского рода (с нулевым окончанием в форме род. мн.): *глаза* — *глаз*; *глазки* — *глазок*; *сапожки* — *сапожек*; *башкиры* — *башкир*; *гренадеры* — *гренадер* и т. п.¹³⁴

3. *Кости* — *костей*; *добродетели* — *добродетелей*, *страсти* — *страстей*; *сани* — *саней*; *сопли* — *соплей*; *ноздри* — *ноздрей*; *вожжи* — *вожжей*; *ножи* — *ножей*; *кони* — *коней*; *звери* — *зверей*; *пыжи* — *пыжей* и т. п.; *учителя* — *учителей*; *писаря* — *писарей* и т. п. Сюда же примыкают непродуктивные группы женского и общего рода, а также единичные слова мужского рода на *-а*, *-я*: *ханжи* — *ханжей*; *дяди* — *дядей*; *брони* — *броней*; *каланчи* — *каланчей*; *межи* — *межей* и т. п.

Различия форм именительного падежа множественного числа не совпадают с границами типов склонения, устанавливаемыми по форме родительного падежа. Здесь обнаруживается более пестрое смешение и взаимодействие разных классов имен существительных:

1. Формы на *-ы*, *-и* от существительных мужского и женского рода и (в образованиях на *-ко*, а также в изолированных словах) от имен среднего рода: *плоды*, *сады*, *партийцы*, *марксисты*, *лингвисты*, *чайники*, *жены*, *сестры*, *сарай*, *воробьи*, *трещины*, *высоты*, *учительницы*, *кони*, *звери*, *гуси*, *гвозди*, *воспитатели*, *страсти*, *неожиданности*, *колечки*, *яблоки*.

2. Формы на *-а*, *-я* от имен существительных мужского и среднего рода: *мастера*, *города*, *снега*, *учителя*, *писаря*, *зеркала*, *моря* и т. п.; ср. *господа*.

_____ * Акад. С. П. Обнорский констатирует широкое распространение *-я* со второй половины XIX в. и в мягких основах, особенно у слов на *-рь*, *-я*.¹³⁵

3. Формы на *-а* от имен существительных среднего рода: *окна, жилища* и т. п.; отдельно *хозяева*.

4. Непродуктивные формы на *-ја (-ья)* от имен существительных мужского и среднего рода (*сучья, колья, поленья* и т. п., ср. также: *братья*).

5. Формы на *-ья* (мертвые) от нескольких слов мужского рода со значением лица: *друзья, князья, мужья, зятья, сватья, дядья*; ср.: *сыновья, кумовья*.

6. Формы на *-е* от имен существительных мужского рода с суффиксом *-ин* в единственном числе.

Понятно, что особый тип склонения образуют те существительные, которые произошли от полных форм имен прилагательных и причастий (вроде *ломовой, нищий, прохожий, приезжий, присяжный; горничная, закусовая, набережная, мостовая, пивная, приемная, прачечная; мороженое, подлежащее, сказуемое, приданое* и т. п.).

Таким образом, системы форм множественного числа существительных представляют собою сложное скрещение и пересечение разных морфологических типов, в которых отчасти сохраняется и связь, а иногда и соотношение с родовыми классами единственного числа. Однако параллелизм соотношений здесь резко нарушен.

Обособление форм склонения множественного числа от системы форм единственного числа выражается и в различии основ единственного и множественного числа у многих слов мужского и среднего рода:

1. У группы имен существительных мужского и среднего рода, оканчивающихся в именительном падеже множественного числа на *-ья*, основа множественного числа отличается от основы единственного числа появлением *ј* и смягчением предшествующего согласного (*а* также в отдельных основах чередованием *к — ч, г — з*). Например: *луб — лубья; брат — братья; крюк — крючья* (ср. значение формы *крюки*); *клок — клочья* ^ср. *клоки*); *друг — друзья; брус — брусья; обод — ободья; лоскут — лоскутья* (но ср. также: *лоскуты*); *полоз — полозья, прут — прутья; струп — струпя; колос — колосья; ком — комья; стул — стулья; клин — клинья* и т. п.; *крыло — крылья; дерево — деревья; дно — донья; звено — звенья; полено — поленья* и т. п.; ср.: *князь — князья; муж: — мужья; зять — зятья*; ср. также: *сын — сыновья; кум — кумовья* (в областной речи: *шурин — шурья* и др.)*.

2. У имен существительных на *-ин* основа множественного числа лишена этого суффикса единичности: *гражданин — граждане; крестьянин — крестьяне; англичанин — англичане* и т. п.

У слов *татарин, болгарин* форма именительного падежа множественного числа оканчивается на *-ы*. Но в некоторых словах, преимущественно с односложным корнем: *грузин, русин*, ср. *осетин* и т. п., суффикс *-ин* остается и в формах множественного числа (ср. *воин — воины*; ср. также от *семьянин-семьянины*, а не *семьяне*). Отдельно: *хозяин — хозяйева* (ср. устар. *татарва*, ср. *листва*).

3. У существительных на *-ёнок*, означающих детенышей, в основе множественного числа этот суффикс замещается суффиксом *-ят (а)*: *октябрёнок — октябрюята; телёнок — телюята* и т. п. Ср. в некоторых словах суффикс *-еня-т(а)*: *чертёнок — чертенята; бесёнок — бесенята* (ср. *лисенята*). Ср. также форму *внучата*, которая ближе связывается со словом *внук* и не имеет оттенка ласкательности и уменьшительности, свойственного слову *внучек*; ср. *щенята* — при *щенки* от *щенок*.

* Существительные *черт* и *сосед* имеют все формы множественного числа со смягчением конечного согласного основы: *черти, соседи*.

4. Существительные на *-мя* (*семья, стремя, племя, имя, знамя, время*) образуют формы множественного числа с суффиксом *-ен-* (в отличие от суффикса косвенных падежей ед. ч. *-ен'(-)*): *имена, времена* и т. п.

5. У существительных среднего рода *небо, чудо* формы множественного числа осложнены суффиксом *-ее-*: *небеса, чудеса* ср. арх.-слав. и ирон. *словеса*).

Формы единственного и множественного числа у многих слов отличаются и ударением. Например, в именах неодушевленных предметов мужского рода: *нос, носа — носы; гроб, гроба — гробы; сад, сада — сады; бой, бдя — бой; дар, дара — дары; сыр, сыра — сыры; чин, чина — чины; плуг, плуга — плуги (плугов); слой, слоя — слой; рой, роя — рой; поезд, поезда — поезда; город, города — города; дом, дома — дома; погреб, погребя — погребя* и т. п.; в названиях лиц мужского рода: *пекарь — пекаря; учитель — учителя; доктор — доктора; кондуктор — кондуктора; директор — директора*; в словах женского рода: *жена, жены — жёны; сестра — сестры; волна — волны* и т. п.; *красота — красоты; глубина — глубины; седина — седины; высота — высоты*; ср. *сирота — сироты* и т. п.; ср. *слюна — слюни*; в словах среднего рода: *лето — лета; место — места; озеро — озёра; весло — вёсла; сердце — сердца; право — права; слово — слова; стадо — стада; село — сёла; море — моря; поле — поля; облако — облака; кружево — кружева; колесо — колёса; полотно — полотна, дерево — деревья; перо — перья; крыло — крылья*; ср. в вульгарном просторечии в областных диалектах: *пальто — пдльта; кило — кила*. (Отступления: 1) у слов среднего рода с серединным ударением типа *корыто — корыта; светило — светила* и т. п., ср. неподвижное ударение слов на *-йце, -йло, -ало*; 2) у отглагольных на *-ание, -ение; -тье; кушанье — кушанья; капиталовложение — капиталовложения; изъятие — изъятия* и т. п., ср. также у неглагольных слов на *ье: платье — платья*; 3) у слов церковно-книжного происхождения: *правило, торжество, пириество* и т. п., ср. весь разряд слов на *-ство, -ствие*.)

6. Обособление форм множественного числа еще более резко сказывается в образовании их у некоторых слов от совсем других основ (супплетивные формы): *человек — люди*; ср.: *курица — куры; цветок — цветы; ухо — уши; око — очи; судно — суда* и т. д.

7. У других слов оказываются двойные формы множественного числа, различающиеся значениями, например: *хлеб: хлебы — хлеба; зуб: зубы — зубья; крюк: крюки — крючья; лист: листы — листья; корень: корни — коренья*; *камень: камни — каменья; колено: колени — коленья — колена*; *мех: меха* ср. *мехи*); *образ: образы — образа; цветы — (в единственном числе цветок, но в специальном ботаническом языке употребляется в этом значении цвет) — цвета; муж: мужи (государственные мужи, мужи науки) — мужья; сын: сыны (сыны народа, сыны отечества, сыны родины) — сыновья; кол: колья* ср. устар. *колы* в значении школьной отметки); ср. далекие омонимы: 1) *по вод — поводы*; 2) *повод — повода* и *поводья*.

При овладении формами литературного языка категория числа имен существительных представляет особые трудности. Например, В. А. Добромыслов указывает, что в языке обследованных им рабочих-подростков слова *правило, занятие, развлечение, собрание, звание* часто употребляются вместо множественного числа в единственном (*правило внутреннего распорядка; там было много развлечения* и т. п.), а слова *воображение, времяпровождение, рождение* вместо единственного числа во множественном (*с моих рождений, внешкольные времяпровождения* и т. п.)¹³⁵.

Таким образом, категория числа в русском языке осложнена разнообразными лексико-семантическими значениями и оттенками.

§ 29. Лексико-семантические различия, связанные с формами числа имен существительных

С грамматическими формами числа связаны разные лексические значения. Например, слово *атмосфера* лишено форм множественного числа во всех значениях, кроме одного — специального. Обозначая в физике и технике единицу для измерения давления газообразных тел (равную 1,033 кг, или 1 кг на 1 см²), оно образует формы множественного числа. Слово *красота* в отвлеченно-качественном значении, а также в значении красивой, привлекательной наружности употребляется только в единственном числе. Во множественном числе форма *красоты* получает новое значение: красивые места — то, что производит эстетическое впечатление (ср. *длинноты*). В слове *крайность* некоторые значения, а именно значения: 1) тяжелое, опасное положение, 2) бедность, нужда, — связаны только с формами единственного числа. Напротив, значения крайней степени и крайней противоположности проявляются в формах единственного и множественного числа (ср. *крайности сходятся*). *Устой* в смысле моральных основ — *pluralia tantum*. Напротив, в техническом значении *устой* имеет формы обоих чисел. Ср.: *вес* и *весы*.

Итак, формы числа выступают как способ грамматической дифференциации разных значений слов. Распад слов на два или несколько самостоятельных слов — омонимов — нередко подчеркивается различиями в формах чисел. Например, слово *долг* содержит два значения: 1) обязанность (*исполнить гражданский долг; чувство долга*); 2) взятое займы (*отдать долг*). Смысл таких фраз, как *остаться в долгу перед кем-нибудь; отдать последний долг кому-нибудь*, свидетельствует о былой тесной связи этих двух значений. Близость этих двух значений сказывается и в слове *должник*, которое употребляется не только в прямом, но и в переносном значении. Ср. значения слова *должен* (*должен большую сумму денег и должен завтра уехать*). Но производные слова: *должный* (*не на должной высоте, с должным вниманием* и т. п.), *долженствование, должно, должность* и т. п. направляются по руслу лишь одного из значений слова *долг*, именно; значения — обязанность. Таким образом, намечается некоторая тенденция к превращению двух различных значений слова *долг* в омонимы, в два отдельных слова. Различия между ними углубляются фразеологически. Ср.: *отдать, вернуть долг; расплатиться с долгом; наделать долгов; долг чести* и т. п. и *исполнить долг, считать своим долгом, гражданский долг, чувство долга* и другие подобные.

Грамматические особенности содействуют разграничению двух омонимов. От слова *долг* (в значении: взятое займы) легко образуются формы множественного числа: *долги, долгов* и т. п. Между тем *долг* = обязанность употребляется преимущественно в единственном числе. Если же к этому значению приспособляются формы множественного числа, то ударение в них остается на основе: *долги*. У Островского в пьесе «Красавец-мужчина» Окоемов говорит: «Потом, надо бросить все эти предрассудки, там *долги* разные, приличия и обязанности, которыми вы себя опутываете, как цепями»¹³¹. В церковнославянском языке ударение в этом слове тоже оставалось на основе (*и остави нам долги наши*). В афоризме Козьмы Пруткива: «Платя свои *долги*, ты тем самым их выполняешь» — каламбурно слиты в одном звуковом комплексе два омонима — *до лги* и *долги*. Ср. противопоставление омонимов: *духи* — *духи*.

Напротив, у некоторых слов формы единственного и множественного числа употребляются в одном значении, как синонимы, с некоторыми экспрессивными оттенками.

Например, слово *время* употребляется только в формах единственного числа при всех значениях, кроме двух: 1) грамматического: форма глагола, выражающая отношение действия к настоящему, прошедшему и будущему, например: *учение о временах русского глагола*, 2) книжного: эпоха, период (*во времена Петра Великого*). Но в этом последнем значении форма *времена* иногда обозначает множественность (например, *времена года*), иногда же употребляется просто как синоним формы *время* со своеобраз-
■НБГ1МИ¹нюинсами(Н<пфимеу.тлт-7й/Г7/Г'ло("тл и *веселые времена; с незапамятного времени* или *с незапамятных времен; во время оно* или *во времена оны* и т. п.).

В других словах различие форм единственного и множественного числа создает оттенки значений слова, однако не числового, а количественного или интенсивно-качественного характера. Например: *небо* и *небеса* (*месяц плывет по ночным небесам*);

мозг и мозги (человек с мозгами; с твоими мозгами думать не безопасно и т. д.); излишек и излишки (ср. излишек храбрости; но излишки производства) и т. п.

Таким образом, в смысловой структуре имени существительного с формами числа связаны различия не только грамматические, но и лексико-семантические.

Категория числа в строе имени существительного, так же как и категория рода, является категорией лексико-грамматической (в отличие от форм числа имен прилагательных). При этом категория единственного числа, как категория слабая и до некоторой степени негативная, определяется в своих функциях лишь соотносительно со значениями множественного числа.

§ 30. Группы имен существительных, имеющих формы только единственного числа.

Функции категории единственного числа

Большое количество имен существительных имеет формы словоизменения или только единственного, или только множественного числа. Только формы единственного числа присущи тем словообразовательным разрядам имени существительного, в которых с реальным значением слов не сочетается либо представление о числе вообще, либо представление о множественности вообще, либо представление о множественности, выраженной в числах, в количественном измерении.

Обзор этих разрядов можно начать с переходных типов. Сюда относятся слова, которые имеют формы обоих чисел, но которые во множественном числе употребляются почти исключительно с числительными количественными: *два, три, несколько* и т. п. (ср. также со словами *весь, никакой, многие*) или с предлогами, означающими количество, обладание, лишение, а без предлогов - лишь в функции родительного количественного (кроме, конечно, указательно-номинативного или индикативного употребления со словом *этот*). Это слова с суффиксом *-ин(а)*, означающим отдельный, единичный предмет, обособленный от группы, массы или вещества. Например: *пять картофелин; несколько горошин; двумя хворостинами; не досчитаться многих тесин; все жемчужины оказались на месте* и т. п. Сюда же примыкают и уменьшительно-ласкательные образования с тем же суффиксом в форме *-инк(а)*: *несколько дробинок попали в голову*; ср. употребление слов *песчинка, пылинка, крупинка, соринка, чаинка* и т. п. (но ср.: *ни одной кровинки в лице; с изюминкой* и т. п.; ср. употребление слов на *-инк(а)* с отвлеченным значением, например, у Лескова в «Воительнице»: «Была у нее, как у русского человека, и маленькая лукавинка»).

Сходные же оттенки развиваются в некоторых словах с суффиксом *-ин(а)*, имеющим в современном языке увеличительно-уничижительное значение, например: *бычина, детина*.

Далее следуют разряды слов, изменяющихся только по формам единственного числа, так как они не соединяются с представлением о счете. Это:

1. Слова, обозначающие совокупность лиц, предметов, мыслимых как коллективное или собирательное единство, как одно неделимое целое. Эти слова образуются или образованы с помощью разных суффиксов «собирательности»: разговорного *-ё*, например: *старичьё, бабьё, вороньё, бельё, гнильё* и т. п. (ср. у Блока «С солдатъём гулять ходила»); книжного суффикса *-ств(о)* [*-еств(о), -енств(о), -инств(о)*], например: *большинство, меньшинство, множество, купечество, дворянство, учительство, чиновничество* и т. п.; непроизводительного *-от(а)*: *беднота, мелкота* (*все ушли в поле, дома — одна мелкота*); вымирающего просторечного *-ия*; комсомолия, пионерия и т. п. (но ср.: *кавалерия, гвардия, армия*); презрительно-просторечного *-ня* в единичных словах (*солдатня, матросня*); ср., впрочем, *родня*, а также устар. *дворня*; пре-

зрительного *-щин(а)*: *армейщина, деревенщина, военщина* и т. п. Ср. у К. А. Полевого в повести «Эмма» в речи лакея: «Ведь и с нашим братом, *ла-кепщиной*: как приглянулся кто, так вот голова и одуреет».

Ср. несколько собирательных слов на *-ина*: *складчина, убоина, всячина*. Ср. немногие слова с непродуктивным суффиксом *-в(а)*: *листва, ботва, плотва*, жарг. *братва*; с мертвыми суффиксами *-б(а)*: *гурьба, гольтьба*; *-ор(а), -ур(а)*: *детвора, немчура, мошкара*. Ср. также слова с заимствованными суффиксами собирательности: *-ур(а)*: *адвокатура, прокуратура, профессура, аспирантура* и т. п.; *-ат*: *пролетариат, старостат* и т. п.; ср. единичные: *вольница, конница*.

Категория собирательности находит свое грамматическое выражение* в отсутствии форм множественного числа. Поэтому формы единственного числа имен существительных, обозначающих лицо, животное или предмет, нередко — в синекдохическом употреблении — приобретают значение собирательности. «Единственное число существительного конкретного... является *образом* сплошного множества»¹³⁹. Например: «Всякого *зверя* и в степях и лесах было невероятное количество» (Аксаков, «Семейная хроника»); «*Литератор* — это народ все млекопитающийся» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»); «Не *чумазый* же... дал нам литературу, науку, искусство» (Чехов, «В усадьбе»).

«Это — синекдоха, если под этим словом не разумеешь сознательного выбора единицы из множества. Между *лист (лист сухой валится осенью), листы* и *листья*, во мн. ч. *листья* — разница в *образе*, т. е. в исходной точке и способе, каким получается значение множественности: в одном случае — единица, служащая символом множества, в другом — раздельное множество, в третьем — сплошное множество, понятое как единица или как множество»¹⁴⁰.

Таким образом, категория единственного числа имени существительного служит средством отвлеченного представления «предмета» как выразителя родового понятия или как заместителя целого класса, вида.

Особенно часто употребление форм единственного числа в собирательном значении у слов, которые обозначают маленьких животных: *домашняя птица, рыба, саранча, тля* и т. п.

2. Слова, обозначающие вещество (в том числе и минералы, металлы, химические элементы и соединения) или материал, имеют только формы единственного числа. Например: *тесто, молоко, табак, масло, мясо, медь, золото, серебро, фосфор, фарфор* и т. п.; *матрац из конского волоса; камень уступает место железобетону; ярославское полотно, продажа готового платья; мебель красного дерева; «Орешника, березника и вязу мой Мишка погубил несметное число»* (Крылов) и т. п.

* О «семантическом комплексе собирательности» и эволюции этого понятия см. у А. А. Потебни: «Предполагают ли существительные имена качества значение собирательности?»¹³⁷ По-видимому, в древнерусском языке (до XV — XVI вв.) было более ярко выражено различие между двумя соотносительными категориями: 1) единственного-множественного числа и 2) единичности-собирательности. Значения единичности-собирательности могли уместиться в пределах единственного числа и в этом случае дифференцировались здесь посредством разных суффиксов (*итвин* — *Литва; русин* — *Русь; мордвин* — *Мордва* и т. п.). Понятно отсюда, что слова со значением единичности при наличии соответствующих суффиксов, поддерживающих это значение, не могли развивать сами по себе собирательных значений (ср. старинное *немчин* при *немец*). Ср. замечание К. С. Аксакова: «Имя без *-ин* часто означает и всегда может означать предмет как целый разряд, неопределенный и поэтому имеющий если не собирательный, то ро- довой характер»¹³⁸. Во многих словах собирательные значения были связаны с формами множественного числа, например: *дети, люди, гусята, поросята* и т. п. Поэтому категория собирательности частично растворяется и в категории множественного числа.

Но те же слова со значениями сортов вещества, больших количеств вещества (*жиры, пески*), а иногда изделий из соответствующего материала могут употребляться и во множественном числе (особенно в специальных диалектах, например: *высококачественные стали, лаки* и т. п.). Ср. у Пушкина: «*Картины, мраморные статуи, бронзы...* поразили его» («Египетские ночи»).

3. К кругу слов вещественного значения, располагающих формами только единственного числа, примыкают слова, означающие овощи, злаки, произрастающие растения, ягоды: *репа, морковь, картофель, малина, крыжовник, овес, сено, земля* и т. п.

Но некоторые из тех же слов со значением посевных площадей, сборов, вообще с сельскохозяйственным значением засеянных полей или совокупности сортов употребляются и во множественном числе: *овсы, ячмени*, даже *сена* и т. п.

4. Особенно ярко негативная, лишенная непосредственного отношения к числу, счету функция единственного числа выступает у слов с отвлеченными значениями свойства-качества, действия-состояния, эмоции, чувства, настроения, физического явления или явления природы, идейного направления, течения, вообще у обозначений абстрактных понятий. Таким образом, категория отвлеченности находит свое грамматическое выражение в обладании только формами единственного числа. Например, не имеют форм множественного числа такие слова: *спасенье, бегство, тоска, ненависть, скука, желтизна, белизна, скрытность, угрюмость, борьба**, *социализм, марксизм, коллективизм, военизация* и т. п. Правда, в поэтическом языке от названий многих отвлеченных понятий образуются формы во множественном числе (ср., например, в языке В. Брюсова). Но функция этих форм не прямая, количественная, а экспрессивно-поэтическая.

Вообще, конкретизация и индивидуализация отвлеченных понятий, сопровождающаяся возникновением в соответствующих словах новых значений и оттенков, нередко обогащает эти слова формами множественного числа.

Однако у слов, образованных с помощью отвлеченного суффикса *-цин(а)*, формы множественного числа невозможны.

Точно так же отвлеченные имена существительные, восходящие к формам среднего рода имен прилагательных и оканчивающиеся на *-ое, -ее*, никогда не употребляются во множественном числе. Например: «Во всем близком, понятном он видел одно *ограниченное, мелкое, житейское, бессмысленное*» (Л. Толстой, «Война и мир»).

5. Формы множественного числа не свойственны собственным именам, если те употребляются в основном своем значении индивидуализующего прозвания. Например: *Москва, кино «Ударник»* и т. п.

6. Смешанное употребление единственного и множественного числа и даже — при стилистическом уклоне к общему отвлечению, к родовому обозначению — преобладающее использование форм единственного числа наблюдается в том случае, когда какой-нибудь предмет относится к нескольким лицам или предметам и присущ каждому из них порознь. Например: «Да прикажи в городе купить колокольчиков — моим коровам *на шею*» (Тургенев, «Нахлебник»); «Люди шли обвязавши *носы и рты платком*» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Слуги в черных кафтанах, с гербовыми лентами *на плече* и со свечами в руках» (Пушкин, «Пиковая дама»); «Бунтовщики потупили *голову*» (Пушкин, «История Пугачева»); «Повелено брить им *бороду*» (Пушкин) и т. п.;

* Ср., впрочем, в «Крейцеровой сонате» Л. Толстого: «Я слышал, что мои *борьбы и страдания* утишатся после этого».

Все привстали, важно хмурясь, Низко, низко поклонилися И, подправя ус и бороду,
Сели на скамьи дубовые.

(Пушкин, «Бова»)

§ 31. Разряды имен существительных pluralia tantum и их значения

Некоторые лексические разряды имен существительных не имеют форм единственного числа и употребляются или исключительно, или преимущественно во множественном числе. Многие из этих разрядов продуктивны. Одни продолжают пополняться вновь возникающими pluralia tantum. Другие -застыли, их лексический состав можно сосчитать.

Среди pluralia tantum выделяются следующие группы слов:

1. Слова, которыми обозначаются парные предметы. Значение парности ощущается в таких pluralia tantum, как *штаны, брюки, вожжи, очки, погоны, коньки* и некоторые другие. Ср. устар. *перси*.

А. А. Шахматов считал наиболее ярким выражением категории парности форму множественного числа *рукава*^{141*} вместо ожидаемой *рукавы* (ср. *обилага*). Ведь окончание *-а* во множественном числе невозможно у слов с ударяемым окончанием *-а* в родительном падеже единственного числа (ср. *снега*, но род. п. *снега***). В форме *рукава* (ср. род. ед. *рукава*) окончание *-а* может восходить к двойственному числу.

На сохранение значения парности в словах вроде *глаза, руки, ноги* и т. п. указывает сочетание их с собирательным числительным *двое*, которое в этом случае приобретает значение: две пары чего-нибудь: *В семье работает лишь двое рук* (т. е. два человека).

Таким образом, в некоторых современных формах множественного числа иногда распознается значение парности как след утраченного двойственного числа (ср.: *очи, уши, плечи*). В отдельных случаях это значение сопровождается и морфологическими отличиями. Например, форма множественного числа *колени* (*ь* отличие от формы *коленья* и *колена*) связана с такими значениями слова *колени*, которые относятся к парным предметам. Таково, например, значение: сустав, соединяющий берцовую кость с бедренной (голень с ляжкой), чашечка этого сустава (ср.: *ползать на коленях; стать на колени*). Кроме того, форма *колени* употребляется в значении: нога от этого сустава до таза; ляжка (*сесть к кому-нибудь на колени; набрать чего-нибудь себе полные колени*). Но ср.: *коленья железной трубы; река течет коленами; узор коленами; выделывать колена* и т. п. К форме *колени* примыкает и форма множественного числа слова *ухо*: *уши*, ср. *плечи* от *плечо*; архаические *очи* при *око*.

Однако в современном литературном языке категория парности представляет собою пережиток прошлого. Она невыразительна. Слова, обозначающие парные предметы, примыкают к группе слов, обозначающих сложные, составные предметы. Ср.: *бакенбарды, близнецы, антиподы* и другие подобные.

2. Слова, которыми обозначаются составные предметы (части тела, принадлежности одежды, орудия, приборы и т. п.)***. Например: *легкие, жабры*,

_____ * Ср. также примечание проф. Брандта к переводу «Сравнительной морфологии славянских языков» Ф. Миклошича (М., 1886, вып. 3, с. 412).

** Указание акад. С. П. Обнорского, что в формах единственного числа слова *рукав* ударение первоначально было не на окончании (*рукав-а*), не меняет сути дела по отношению к литературному языку (см.: Именное склонение в современном русском языке, вып. 2).

*** См.: Braun M. Das Kollektivum und das Plurale tantum im Russischen, Leipzig, 1930. М. Braun орудия, приборы, и т. п. отделяет от частей тела в особый разряд. См. рецензию J. F. Lohmann на работу М. Braun в «Zeitschrift für slavischen Philologie» (1931, Bd. 8, S. 490-494).

икры, молоки, кудри, усы, помочи, подтяжки, шаровары (ср.: штаны, брюки), панталоны, рейтузы, подштанники, кальсоны, онучи, боты, коты, подметки, бусы, сани, дрожжи, дровни, розвальни, салазки, пошевни, передки (в повозке), весы, часы, счеты, плоскогубцы, пъяльцы, раструбы, уста, уздцы, стропила, складни, лыжи, ходули, вилы, ножницы, клещи, тиски, щипцы, ясли (ср. первоначальное значение), грабли, гусли, кандалы, оковы, квасцы, узы, вериги, козлы, латы, ножны, шпоры, судки, литавры, четки, нары, палаты, носилки, путы, ширмы, шоры, подмости; ср.: леса (при постройке здания), хоромы, перила, ворота, сени, хоры, двойни, тройни, устар. клавикорды. Ср.: письмена, руны и др.; ср. обозначения мастей карт: пики, трефы, вину, бубны. Этот разряд *pluralia tantum* продуктивен.

3. Слова, обозначающие массу, вещество, материал в его совокупности: сливки, дрожжи, чернила, румяна, слюни (ср. слюна), дрова, харчи (ср. на хлебах), щи, помои, овощи, клецки, сладости, брызги* и т. п.; ср.: потроха, пенки, жмыхи, бели; ср. отвлеченные понятия: дрязги, зады (твердить зады), враки и т. п. Ср. также: лохмотья, отрепья, пожитки, космы, прост.-области. патлы, охлопья и т. п. Этот разряд также пополняется новыми формами или заимствуемыми словами.

4. Сюда же примыкают слова, обозначающие совокупность денежных сумм, сборов, взысканий: деньги, поборы, материальные средства, финансы, прогоны; ср.: подати, доходы, ресурсы, бумаги (ценные бумаги) и т. д.

5. Слова, обозначающие отбросы или остатки какого-нибудь вещества в результате какого-нибудь процесса. Например: высевки, выжимки, выгребки, выморозки, вытопки, вычески; очески, отруби, опилки, объедки, опивки; отбросы, отрезки, отжимки и т. п. Ср.: последки, поскребки, подонки и др. Этот разряд *pluralia tantum* продуктивен.

6. Слова, обозначающие какую-нибудь местность, место (нередко метонимически при посредстве имени, названия находящегося там или соседящего предмета): занятки; ср.: в головах, в головы (ср. у Лескова: «Придвинул к головам постели»); жить на задах, пройти задами и т. п. Этот тип слов, по-видимому, продуктивен лишь в кругу названий сел и деревень (Бронницы, Сельцы, Боровичи и т. п.).

7. Слова, обозначающие какой-нибудь промежуток времени: сумерки, сутки, каникулы, будни и др.

8. Слова, обозначающие сложный процесс, сложное действие, состояние, которое складывается из повторяющихся или вообще многих актов, движений, например: роды, посиделки, перекоры, проводы, хлопоты, побои, шашни, поиски и т. п.; ср.: скачки, бега; ср. заморозки; ср. на заработках; ср. строить куры; ср.: бежать вперегонки, впуски и т. д.

9. Отдельную группу образуют названия игр: прятки, жмурки, горелки, -устар. гулючки, пятнашки, снежки, бирюльки, шашки, шахматы, бабки, городки, кегли и т. п. Ср.: карты, кости и т. п.; ср. также: играть в кошки-мышки, в казаки-разбойники, в свои соседи, в дурачки, в Акулины и т. п.

10. Немногочисленна группа слов, обозначающих события, праздники или — с суффиксом *-ин(ы)* — торжества и обрядовые действия, связанные с рождением, наречением имени и свадьбой: именины, крестины, родины, смо[^]тгуНhi, октябрины. Оj. также поминки, похороны.

\\). Единичны снова, обозначающие состояние", ходить в потемках, ср. *впотьмах*; *быть в силах*; *нелады*; *жить в ладах со всеми*; *быть на побегушках*. Ср. у Салтыкова-Щедрина'. «на расеттях» ЦРазйесел-ае. житьелу Ср.

• Но ср. у Достоевского в «Бесах»: «Один лишний брызг крови, что для вас может значить?»

быть в нетях. Как видно, **все слова** этой группы перешли или переходят в наречия (^кроме *неладь*).

12. Единичны слова, обозначающие эмоции, переживание, настроение, ощущение (в просторечии): *завидки берут; на радостях* и др. Ср. у Сухово-Кобылина в «Свадьбе Кречинского»: «курит так, что *страхи берут*». Это значение сохранилось лишь в немногих устойчивых сочетаниях слов.

Наблюдения над склонением *pluralia tantum* показывают, что процесс устранения родовых различий во множественном числе у этих слов распространяется и на форму родительного падежа. Следовательно, в *pluralia tantum* тенденция к полной унификации форм множественного числа проявляется особенно остро. Ведь формы дательного, творительного и предложного падежей множественного числа уже давно слились во всех типах склонения. Различия в формах именительного и винительного падежей при отсутствии поддержки со стороны родительного падежа теряют родовое значение и указывают лишь на разницу в морфологическом составе слов.

Pluralia tantum, оканчивающиеся на *-и*, тяготеют к форме родительного падежа на *-ей*, употребительной в словах мужского и женского рода (с мягким конечным согласным основы) и свойственной двум словам среднего рода: *полей, морей* (ср.: *кудри — кудрей; дровни — дровней; шапки — шапкой* и т. п.)^{11а}. В других словах наблюдаются характерные колебания именно в форме родительного падежа множественного числа, свидетельствующие об утрате родовых различий. Например: *опилок* и *опилок* (у Леонида Андреева); *между рельс* (Телешов, «Мама»); *поперек рельс* (М. Горький, «Сказка») и *рельсов* у Некрасова, Достоевского, Лейкина, Салтыкова и др. В связи с этим следует подчеркнуть, что в тех *pluralia tantum*, которые употребительны при счете и в обозначениях количества, форма родительного падежа чаще всего имеет нулевое окончание, например: *двое грабель, трое гусель, три пары оглобель*, ср.: *погон, бубен, кур* и т. п.¹⁴²

Таким образом, в *pluralia tantum* живо развивается процесс полного слияния форм множественного числа в один грамматический тип, но с сохранением своеобразий родительного количественного падежа.

§ 32. Функции множественного числа в системе имен существительных

Уже из семантического анализа слов, имеющих формы только одного множественного числа, видно, что в русском языке привились различные переносные значения категории числа¹⁴³. В самом деле, формы множественного числа употребляются для выражения почтительной вежливости к собеседнику, для выражения официальной далекости и корректной обходительности. Оттенок субъективной заинтересованности, также связанный с категорией множественного числа, очень ярко характеризуется Л. Толстым в описании семейного жаргона героев «Юности» (гл. 29): в этом жаргоне множественное число употреблялось для выражения «несправедливого пристрастия к данному предмету». Ср. также выражения разговорного языка: *все печенки отбило; животики подвело, животики надорвал от смеху* и т. д.

Однако экспрессивные значения множественного числа в современном литературном языке не очень развиты. Ср. презрительный суффикс *-ас(ы)* в словах: *выкрутасы, ударить по мордасам*; ср. *области, белендрасы*).

Гораздо ярче выражены те общие лексико-грамматические значения множественного числа, которые еще смутно распознаются в *pluralia tantum*. Уже давно принято различать в русском множественном числе два основных значения — **разделительное** и **собирательное** («множественное собственное, или множественное **р а з д е л и т е л ь н о е** и множественное **с о б и р а т е л ь н о е**,

совокупное»¹⁴⁴. Эти различия значений связывались и с различиями в образовании форм множественного числа. Так, в русском литературном языке середины XIX в., по указанию К. С. Аксакова, окончания именительного множественного *-и, -ы* «показывали множество предметов, удерживая их в раздельности, не сливая их в одно целое, а другие окончания множественного показывали множество предметов как совокупность, собирая их в одно целое»¹⁴⁵ (например: *угли — уголья; ср. уголье; камни — каменя, ср. камень*). «Множественное число, получая значение чего-то, воедино собранного, соединенного или сомкнутого целого, носит на себе оттенок нового имени собирательного, а иногда прямо переходит в новое имя...»¹⁴⁶

В современном русском языке дифференциация разделительных и собирательных значений множественного числа лишь в сравнительно редких случаях выражена морфологически: различием окончаний. Так, оттенок совокупности заметен в некоторых образованиях на *-а, -ья*, особенно при наличии параллельных форм с иным окончанием, например: *волоса* — при *волосы, клочья* — при *клоки* (ср. *шуба в клочьях*); *хлеба* — при *хлебы* и т. п.

Но в преобладающем большинстве случаев окончание *-а* в именительном падеже мужского рода множественного числа не имеет ярко выраженного собирательного значения (ср.: *профессора* и *профессура*, с одной стороны, и *аспиранты* и *аспирантура* — с другой). Формы именительного падежа на *-а* сравнительно с формами на *-ы* чаще всего носят стилистический отпечаток разговорной, фамильярной или — в отдельных словах — профессионально-народной речи. Лексико-грамматическое различие здесь перерождается в стилистическое (ср.: *выборы* и прост, *выбора, договоры* и *договора* и т. п.). В большей степени собирательное значение сохранилось в окончании *-ья* (*коренья* и т. п.).

По мнению акад. С. П. Обнорского, формам на *-ья* «присущ особый оттенок в значении, отсутствующий в формах на *-а*. Это именно представление не множественности, а известной совокупности предметов, мыслимой как неделимое целое» (ср. *гроздья, колосья, лохмотья* и т. п.). Впрочем, С. П. Обнорский тут же заявляет, что «во многих словах это различие оттенков значения успело стереться»¹⁴⁷. Однако в парных формах одного и того же слова на *-ы, -и* и на *-ья* это различие оттенков выступает более или менее рельефно (например: *камни — каменя; корни — коренья* и т. п.). Обычно эти оттенки связаны с различиями в самих лексических значениях слов. Категория собирательности в современном русском языке в сильной степени лексикализована.

Разные оттенки собирательного значения множественного числа являются живой опорой образования новых *pluralia tantum*. С теми же оттенками собирательности тесно связано употребление форм множественного числа для выражения различных лексических значений у таких разрядов существительных, которым в других значениях присущи формы обоих чисел.

1. Собирательное значение непосредственно обнаруживается в таких формах слов, как *дети* (ср. словосочетание *двое детей, но два ребенка*), *люди* (ср. *пятеро людей, но пять человек*), *власти, народные массы* и т. п.

2. На значении собирательности, совокупности основано употребление множественного числа для обозначения массы вещества. Соответствующие разряды слов — с вещественным или конкретно-предметным значением, — рас полагающие и формами единственного числа, употребляются для обозначения сплошной собирательной массы какого-нибудь вещества только во множественном числе, например: *жиры, мозги, кишки, почки* (в мадере) и т. п. Ср.: *минеральные воды, грязи (лечиться грязями)* и т. п. Сюда же примыкают обозначения консервных изделий из мелких рыбок: *кильки, бычки, шпроты, сардины, сельди, омары* и т. п., но ср.: *треска, семга, белуга, сом* и т. п. Особый разряд составляют обозначения посевов, злаков, овощей, сборов

и т. п., занимающих большую площадь, большое пространство: *маки, овсы, жита, кормы, всходы, озими*, южновеликорусское *зеленя**.

3. Из значения собирательности развилось также значение интенсивности, длительности или частой повторяемости при обозначении явлений природы: *холода, морозы, жары, ветры, дожди* и т. п.

4. Формами множественного числа выражаются те значения слова, которые связаны с представлением о сложности состава предмета, о его много-составности, о совокупности частей. Таковы, например, формы множественного числа *записки* от слова *записка*, употребляемые в значениях: 1) дневник, мемуары: «Как жаль, что Грибоедов не оставил *своих записок!*» (Пушкин); 2) тетрадь с заметками, записями; записи; 3) название журнала. Ср. *сплетни*.

5. Формами множественного числа характеризуются обозначения меха, шубы из шкуры какого-нибудь животного (метонимически через посредство названий самого животного во множественном числе): «иззяб в *энтах-то*» (Е. Карпов, «Зарево»); у Гоголя: «шинель на *медведях*»; в *бобрах* и т. п.

6. В формах множественного числа употребляются слова, обозначающие промежутки времени. Например: *времена (в наши времена), рыцарские века, средние века (ср. средневековье), в последних числах месяца; ср. на днях* и др.

7. Формы множественного числа присущи тем обозначениям места, в которых основное значение осложнено оттенком пространственно тянущейся массы или совокупности предметов. Например: *горки, пески, болота, солончаки, присутственные места* и т. п. Такое употребление форм множественного числа живо и продуктивно.

8. Множественное число служит для обозначения состояния: *прост. в сердцах, с сердец, в грустях (ср. в эмпириях)* и т. п. Однако это значение не продуктивно в словах, выражающих психические переживания.

9. С помощью множественного числа образуются словосочетания из форм слов, обозначающих социальное положение, занятие, промысел, ремесло (метонимически через обозначение лиц данной профессии, звания, ремесла), и предлога *в* (с винительным и местным падежами) при глаголах: *слу жить в дворниках, в домработницах* и т. п.; *поступить в студенты; пройти в аспиранты* и т. п.

10. Множественное число служит для обозначения сложного действия: *сборы, затеи, плутни, скачки* и т. п. Ср. значение совокупности событий, определяющих участь и бытие кого-нибудь, или суммы определений, решений судьбы, в книжной форме — *судьбы*:

И всюду страсти роковые. И от *судеб* защиты нет.
(Пушкин)

Ср.: *судьбы государства, судьбы родины* и т. п.

11. Из сочетания собирательного значения с разделительным развивается широко употребительное в профессионально-технических диалектах применение множественного числа для обозначения сортов, видов какого-нибудь вещества: *высокосортные стали, масла, нефти, извести* и т. п.

В формах одних и тех же слов иногда находят выражение разные значения множественного числа. Наряду с количественно-разделительными значениями множественного числа в тех же формах ярко выступают и собирательные оттенки множественности. Ср., например: *болота* (в значении *болотистая местность*) и *все болота края; номера* (в гостинице) и *номера (са-*

_____ * *Зеленя* встречается у Тургенева («Бурмистр», «Смерть»); у Л. Толстого («Анна Каренина», II, гл. 13; «Война и мир», II, ч. 4, гл. 6 и др.); у Бальмонта («Жернова»), у Есенина и других писателей.

ма гостиница); *ноты* (множество нотных знаков) и *ноты* (печатное музыкальное произведение) и т. п.

Слова, которыми обозначаются предметы, обычно рассматриваемые лишь во множестве, в совокупности, также употребляются преимущественно в формах множественного числа, составляя как бы переходную к *pluralia tan-tum* группу. Например: *обломки, спички, стружки, ботинки, штиблеты* и т. п. *

Анализ категории числа еще ярче показывает, что сильной формой числа в современном русском языке является множественное число. С ним, а не с единственным числом связано больше всего переносных значений и оттенков в семантической системе существительных. В разнообразии употребления форм множественного числа выражается смысловое противопоставление разъединенного множества отдельных единиц и коллективной совокупности, или сплошной массы однородных предметов**.

§ 33. О категориях отвлеченности и вещественности

Обнаружившиеся при анализе форм числа категории отвлеченности и вещественности грамматически не очень выразительны.

Так, категория отвлеченности, кроме отсутствия форм множественного числа и кроме ряда суффиксов преимущественно женского рода, выражается у слов мужского рода с основой на твердый согласный только окончанием родительного падежа *-у*¹⁴⁸. Однако и этот признак далеко не всегда обязателен. Наиболее последовательно он обнаруживается: 1) в сочетаниях отвлеченного существительного с предлогами *с, из*, образующих устойчивые единства: *с виду, из виду; со смеху* и т. п.; 2) независимо от сочетаний с предлогами у таких отвлеченных существительных, которые применяются для выражения количества, обозначая меру или степень предмета или количества, например: *шуму, визгу*. Ярче всего категория отвлеченности отражается в словообразовательных элементах языка.

Категория вещественности, кроме отсутствия форм множественного числа, также выражается окончанием родительного количества (меры, веса) на *-у* (как безударное, так и ударяемое) у слов мужского рода (с твердой и мягкой основой): *сахару, чаю, табаку, миндалю***, багажу, балыку, кирпичу, коньяку, мышьяку* и другие подобные.

6. КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА

§ 34. Понятие падежа

Понятие «падеж» (перевод греческого *ptosis*), по-видимому, взято из практики игроков в кости: это — «падение» брошенной кости той или другой стороной вверх^{150****}. Падеж — это форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи. Круг формы склонения, падежных словоизменений, присущих разным типам имен, ограничен. Уже соотносительность системы

* Ср. *конфеты* (но в единственном числе в фамильярно-разговорной речи чаще *конфетка*; впрочем, при счете и при официальном обращении, например к продавщице в буфете, употребительнее слово *конфета*).

** Ср. также работы Бругмана, Ломана, Стенбока, М. Брауна.

*** Согласно гипотезе С. М. Кульбакина, принятой и развитой С. П. Обнорским, окончание *-у* у слов мужского рода первоначально было связано с подвижным (т. е. нисходящим) ударением на корне¹⁴⁹.

**** Предлагались и возможны другие объяснения первоначального термина «*ptosis*» в применении к формам склонения (см. книгу «Античные теории языка и стиля»).

падежей у местоимений, имен существительных, числительных и прилагательных, несмотря на разнородность функций падежа в каждом из этих классов, неизбежно ведет к морфологическому ограничению склонения. Между тем круг значений падежной формы у существительных все расширяется. В падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности. Тут объединяется множество грамматических категорий, выражающих семантические оттенки пространственных, временных, притяжательных, причинных, целевых и других отвлеченных отношений. Формы и функции падежей соотносительны с грамматической системой предлогов, с присущими им значениями. По выражению К. С. Аксакова, «значение предлогов объясняет и подтверждает (оправдывает) значение падежей». «В падеже выражается и осуществляется, определяется предлог»^{150a}. Сочетания с предлогом расширяют и обогащают разнообразными смысловыми оттенками круг значений падежной формы. Кроме того, двойственность употребления (беспредложного и предложного) падежной формы ведет к богатой синонимике падежных конструкций.

В языках переходного аналитико-синтетического строя, как в современном русском, одни и те же отношения могут выражаться формами падежей беспредложно и с предлогами. Например: *видный собой* и *видный из себя* (ср. у Гоголя в «Женитьбе»: «такой *видный из себя*, толстый»; ср. у Чехова «В бане»: «А какой он *из себя!* — Худенький такой» и т. п.). Пушкин в «Пиковой даме» писал: «Он сын бывшего управителя у *старой графини*». Исключение предлога у лишь изменило бы некоторые смысловые оттенки зависимости. С развитием аналитических отношений, расширяющих функции предлогов и усложняющих значения падежей, груз грамматического выражения перекладывается с падежной формы на предлог. В современном русском языке, еще не достигшем аналитизма таких языков, как французский, падежная форма переобременена значениями. Обостряется разрыв между бедностью внешних форм падежной системы и разнообразием включенных в нее грамматических функций. По словам К. С. Аксакова, «падежи имеют свой самостоятельный смысл, обнаруживающийся при всяком случае разными своими сторонами...». Падежи «могут и должны рассматриваться сами в себе, а не только в употреблении; следовательно, должны быть поняты с этой точки зрения, даже и вне синтаксиса, в котором, конечно, как в живой речи, полнее выступает смысл и падежей, и всех грамматических изменений»¹⁵¹.

§ 35. Традиционное учение о значениях падежей

Современная европейская терминология, связанная со склонением, является осколком античной. **И м е н и т е л ь н ы й** (onomastike, nominativus) как «начальный» падеж назывался *orthe* — прямой, в отличие от других, отклонившихся, склонившихся (*klisis, declinatio* — склонение), почему те и считались косыми, косвенными (*plagiai, pto-seis*). **Р о д и т е л ь н ы й** (*genike, genetivus* — родовой) получил свое имя от того, что он иногда обозначал род, принадлежность, происхождение. **Д а т е л ь н ы й** (*dotike, dativus*) своим названием выражал одну из своих функций (ср. употребление дательного падежа при глаголе *дать* — *давать*). Термин греческой грамматики, соответствовавший винительному падежу (*aitiatike*), был очень узко переведен на латинский язык - *accusativus* (буквально: **в и н и т е л ь н ы й**), вернее было бы *causativus*. «У нас бы более подходило название предметный падеж»¹⁵². **Т в о р и т е л ь н ы й** (*instrumentalis* - орудный) падеж введен в русскую грамматику Лаврентием Зизанием («Грамматика словенска», 1596) '-V Мелетий Смотрицкий в своей «Грамматике» (1619) дополнил русскую падежную терминологию еще *сказательным* падежом (ср. *говорить* — *сказать о чем-нибудь*), который потом Ломоносовым был переименован в **п р е д л о ж н ы й**. Русская грамматика в течение XVIII и XIX вв. еще не вполне осмыслила эту схему падежных форм применительно к русскому языку.

Западноевропейской лингвистикой главным образом на почве изучения так называемых индоевропейских языков выработаны общие формулы, схематически очерчивающие значение основных падежей. За родительным падежом признается определительное, «прилагательное» значение в приименном употреблении. В приглагольном употреблении родительный падеж противопоставляется винительному падежу, так как он означает, что понятие, выраженное глаголом, распространяется или относится не ко всему объему имени.

В отличие от родительного, в винительном падеже ставится то имя, которое «ближе всего и полнее всего затрагивается (betroffen wird) глагольным понятием» (Дельбрюк). Еще красочнее определял значение винительного падежа Я. Гримм: «Accusativus означает самое полное, самое бесповоротное овладение предметом со стороны понятия, заключенного в глаголе...»

Дательный падеж служит для обозначения того, что понятие, выраженное глаголом или именем, имеет значение для другого предметного понятия, ему предназначается, к нему склонно (hinneigt), к нему направлено.

Творительному падежу приписывается преимущественно «орудное», инструментальное значение¹⁵⁴.

Акад. А. А. Шахматов, следуя Дельбрюку¹⁵⁵, так определяет функции падежей: «Они распадаются на две главные группы: приименных и приглагольных падежей, ибо падежи приадективные возникли, как кажется, под влиянием приименных и приглагольных падежей. Приименным падежом является родительный падеж; ...им обозначается зависимое состояние субстанции от субстанции господствующей, выраженной в субъекте; различные оттенки в значении родительного падежа обусловлены характером тех отношений, в которых может стоять зависимая субстанция от субстанции господствующей. (...) Приглагольными падежами являются винительный, родительный, дательный, творительный и старый местный падеж, в современном русском языке замененный предложным... Винительный падеж означает, что глагольный признак распространяет свое действие на всю зависимую от него субстанцию. Родительный, а именно собственно родительный, означает, что глагольный признак распространяет свое действие только на часть или на поверхность зависимой субстанции. (...) Дательный падеж означает признак, направляющийся к зависимой субстанции, но не достигший ее. Творительный означает, что признак испытывает на себе действие зависимой субстанции и таким образом влияет отраженно на субъект, производителя признака. Местный падеж означал зависимую субстанцию, в пределах, внутри или на поверхности которой обнаруживается действие признака»¹⁵⁶. По мнению А. А. Шахматова, эти основные значения падежей «обнаруживаются и теперь».

§ 36. Вопрос о многообразии значений разных падежных форм

Абстрактная схема падежных значений, выработанная сравнительно-исторической грамматикой индоевропейских языков, едва ли может покрыть все разнообразие значений современных русских падежей. Мало того, встает неизбежный вопрос: соответствует ли количество действительных падежей числу внешних форм склонения?* Ведь нет ничего невозможного в том, что, например, в форме так называемого «творительного» падежа искусственно, по сходству внешнего облика объединяется несколько падежных омонимов (или омоформ). Так именно и думал А. А. Потебня, когда писал: «Мы привыкли, например, говорить об одном творительном падеже в русском языке, но на

* Акад. А. И. Соболевский писал в своем «Русском историческом синтаксисе»: «Сколько падежей? Ответ на этот вопрос не только труден, но прямо невозможен. Если принять за основание звуковую форму имени... то мы должны будем сказать, что одни имена (например, *кость* — только с 3 разными звуковыми формами единственного числа) имеют меньше падежей, чем другие... и что число падежей неопределенно. Если же принять за основание грамматическое значение... то мы должны будем насчитать большое количество падежей... Тогда, например, форма *хлеба* в разных предложениях (*я взял себе хлеба, мясо лучше-хлеба, мягкость — свойство хлеба*) будет представлять 3 падежа: *partitivus, ablativus* и *possessivus*»¹⁵⁷.

деле этот падеж есть не одна грамматическая категория, а несколько различных, генетически связанных между собою... Собственно у нас несколько падежей, обозначаемых именем творительного... Не зная числа падежей в истинном значении этого слова, конечно, нельзя правильно судить и о том, уменьшается ли их число или нет»¹⁵⁸. Своим замечательным анализом категории творительного падежа А. А. Потебня доказал, по меньшей мере, тот факт, что целый ряд функций творительного падежа выделился из системы других, внутренне связанных между собой значений этого падежа, обособился от них и тяготеет к другим грамматическим категориям; ср., например, адвербиализацию творительного времени: *летом, зимой, вечером*, ср. *рано вечером* и т. п. или творительного образа: *грудь колесом, волосы ежиком, полосы дыбом*; творительного сравнения: *нестишь стрелой* и т. п.

Мысли А. А. Потебни не в одинаковой мере применимы ко всем другим падежам. Так, употребление дательного падежа представляет в современном литературном языке стройную и целостную семантическую систему.

Единство грамматической категории дательного падежа доказываете! внутренней связью значений этого падежа в беспредложном употреблении, а также синтаксической определенностью, замкнутостью и однородностью функций тех предлогов, которые сочетаются с ним (*к, по, благодаря, вопреки, согласно* и некоторых других). По мнению проф. А. М. Пешковского, дательный «падеж гораздо более целостен по своим значениям, чем все остальные. В сущности, он имеет только одно значение, именно то, которое принято называть значением *д а л ь н е й ш е г о* объекта, или *к о с е н н о г о* объекта...»¹⁵⁹ (значение адресата, пункта, куда направлено действие). Поэтому, говорит А.М. Пешковский, «употребление дательного (падежа) может быть разделено не по значениям (значение у него одно, только иной раз оно редуцируется синтаксическими условиями до неуловимости), а по конструкциям, в которые он вступает...»¹⁶⁰. По отношению к категории винительного падежа могут быть сомнения лишь в том, не образуют ли винительные количества, времени и места особую адвербиально-именную категорию (например: *спал ночь и день; прошел версту, тысячу раз твержу себе одно и то же* и т. п.); ср. *будь хоть капельку справедливее*. Однако круг употребления винительного падежа времени, места и количества фразеологически и синтаксически ограничен. В целом ряде случаев формы винительного падежа времени, места и количества синонимически замещаются предложными конструкциями или превращаются в наречные выражения (например: *прошлый раз* и *в прошлый раз; тот год* и *в тот год*; ср.: *сейчас, тотчас* и т. п.). Ср. наречия вроде *капельку, чуточку, крошечку; он был капельку неуверен; чуточку нездоров; «возьмите первого мужика, хотя крошечку смышленного»* (Пушкин); «потешьте меня *каплю*» (Достоевский, «Подросток»).

А. В. Попов в своих замечательных «Синтаксических исследованиях» (Воронеж, 1881) показал многообразие значений винительного падежа, отражающих разные этапы сложной истории этого падежа. Следы так называемого «винительного независимого», употребляющегося для обозначения времени, места и их протяжений, меры вообще, образа, не вполне соответствуют представлению о винительном падеже как падеже прямого объекта.

В современном русском языке тяготение к концентрации всех падежных значений винительного падежа в одной грамматической категории настолько сильно, что обособляющиеся значения и употребления этого падежа, не связанные с основными функциями его, или становятся непродуктивными, фразеологически ограниченными, или сближаются с наречиями. Они образуют переходные от существительного к наречию группы и разряды¹⁶¹.

Точно так же не вызывает больших сомнений внутреннее единство категории именительного падежа. Именительный падеж как форма названия

и форма субъекта действия выделяется очень резко из круга других падежей (ср. основные типы номинативных субстантивных предложений).

Таким образом, синтаксическая сфера употребления и семантические границы трех падежей (именительного, винительного и дательного) очерчиваются более или менее ясно. Конечно, при предложном употреблении винительного и дательного падежей происходят некоторые грамматические сдвиги, которые, однако, не нарушают единства их синтаксической системы. Гораздо сложнее вопросы о содержании тех грамматических категорий, которые традиционная грамматика подводит под термины родительного, предложного и творительного падежей. У современных грамматистов больше всего тревоги возбуждает категория творительного падежа (очевидно, потому, что значения творительного падежа блестяще разработаны А. А. Потебней). А. М. Пешковский, возражая против дробления категории творительного падежа на несколько грамматических категорий (как было предложено А. А. Потебней), писал: «...мы получили бы абсолютно однородные категории (например, *столом — водой — костью — столами — водами — костями* как... категорию сравнения и т. д.). А так как установить число значений одной и той же формы и далее распределить эти значения на оттенки и на самостоятельные значения — дело необычайно трудное и выполняемое обычно различными лингвистами различно, то понятие категории потеряло бы свою объективную значимость (связанную со звуковой стороной его)»¹⁶². Однако А. М. Пешковский — под влиянием А. А. Потебни — должен был признать, что в творительном падеже заключены частью однородные (переходящие друг в друга), частью совершенно разнородные значения¹⁶³. Правда, расширение функций творительного падежа парализуется и ограничивается превращениями многих форм и употреблений творительного падежа в отдельные слова-наречия. Так, форма *стрелой* в выражении *нестьись стрелой* тяготеет к категории наречия.

Вообще формы творительного падежа сравнения, образа и времени, т. е. именно те формы, которые могли бы обособиться в самостоятельные падежи, являются в современном языке гибридными наречно-субстантивными образованиями. Для нас *летом, зимой, залом* (*выпить залом*), *рысью* и т. п. уже не формы творительного падежа соответствующих существительных, а слова-наречия. Эволюция значений творительного падежа приводит не к образованию новых падежей имени существительного, а к возникновению новых, обстоятельственных и качественно-обстоятельственных разрядов наречий (например: *днем, вечером, временами, мигом* и т. д.; *авансом, стрелой, ощупью, бегом, шагом* и т. п., см. главу о наречиях). Из обособляющихся значений творительного падежа вырастают не новые падежные категории имени существительного, а новые типы наречий. Основные же значения творительного падежа удерживаются в рамках одной грамматической категории. Наречия как бы приходят на помощь имени существительному, используя «излишки производства».

Однако разнообразие предложного употребления творительного падежа от этого не убывает, не сокращается. Напротив, ограничение значений у синтетической формы творительного падежа восполняется расширением функций у сочетаний его с предлогом (*с, под, над, перед* и др.). Семантическое обеднение окончаний падежа возмещается богатством предлогов-префиксов. В этом явлении отражается развитие аналитического строя.

Система аналитического, предложного употребления падежей по богатству и разнообразию функций далеко превосходит синтетическое их употребление.

В этом отношении особенно показателен так называемый «предложный» падеж. Большинство русских грамматистов (А. А. Шахматов, В. А. Богоро-дицкий, А. М. Пешковский и др.) различают в том, что школьная грамматика

называет предложным падежом, два падежа: *и з ъ я с н и т е л ь н ы й* (по терминологии проф. Богородицкого): *о доме, о лесе* (ср. *тосковать по лесе*) и местный (с предлогами *в и на*: *в углу, в лесу, на дому* и т. п.; *в грязи*, но ср. *о грязи* и т. п.). Эти формы являются аналитическими. Их употребление обусловлено значениями предлогов. Из этих предлогов *о* и *по* уже почти вполне слились с формой существительного в одно целое, стали падежными префиксами (ср. *тосковать о ком* и *по ком*), но с возможностью раздвижения для вставки имени прилагательного или определяющего местоимения (*тосковать по старом друге; скучать по уехавшем товарище*).

Необходимо подчеркнуть, что формами предложных — местного или изъяснительного — падежей слова *луг* являются префиксированные формы: *в лугу, на лугу, о луге, при луге, по луге* (*тосковать по зеленом луге*). Беспредложный же элемент *луге, лугу* служит лишь частью аналитической, составной формы падежа, совершенно так же как в форме *он ушел бы* — *он ушел* представляет лишь морфологический компонент целого. Таким образом, круг значений изъяснительного (предложного) и местного падежей определяется соответствующими префиксами, «препозиционными флексиями» (по выражению проф. Богородицкого). Вопрос о грамматической структуре так называемого «предложного» падежа неотделим от изучения значений предлогов.

В самом деле, у всех существительных женского рода на *-а*, у всех существительных среднего рода, а также у слов женского рода на мягкий согласный с неподвижным ударением, наконец, у большей части слов мужского рода есть только одно окончание предложного падежа. Оно семантически опустошено. Оно наблюдается при любом предлоге, например: *в воде, на воде, при воде, о воде*. Следовательно, здесь различие падежных значений определяется различием предлогов. Здесь намечается столько же падежных категорий, сколько различается предлогов в составной предложной форме. Однако только полное разрушение флексии дало бы для всех очевидное, неоспоримое право говорить о разных самостоятельных предложных падежах с особыми синтаксическими функциями (ср.: *о пальто, на пальто, в пальто, при пальто* и другие подобные). В современном же языке разные категории предложных падежей еще не вполне выкристаллизовались. Но две из них — 1) с префиксом *о* в изъяснительном употреблении и 2) с *в* и *на* в местном значении (ср. функции *при*) — обозначились более явно. Разграничение функций, определение круга употребления разных форм «предложного» падежа — задача синтаксиса.

Итак, остается нерассмотренной лишь категория так называемого «родительного» падежа.

§ 37. Структура так называемого «родительного» падежа

В том, что традиционная грамматика называет родительным падежом, большинство исследователей различает два падежа — родительный и количественно-разделительный (или иначе «исходно-достигательный», «отложительный») ¹⁶⁴.

Различие падежей до некоторой степени связывается и с теми различиями внешней формы, которые наблюдаются у слов мужского рода, например: *вида* и *виду, чая* и *чаю, сахара* и *сахару* и т. п. По-видимому, во множественном числе к количественному падежу относятся формы так называемого «родительного» падежа с нулевым окончанием (типа *килограмм, глаз, патрон* и т. п.)*.

—• Ср. замечания акад. С. П. Обнорского о том, что большая часть форм родительного падежа множественного числа типа *глаз, патрон* «употребительна только после числительных или

Анализ функций родительного падежа приводит к выводу, что в нем сталкиваются главным образом две грамматические категории. Значения родительного падежа, выступающие из рамок этих категорий, отчасти объясняются влиянием предлогов, отчасти же являются остатками прошлых стадий языкового развития, в настоящее время близкими к наречиям*.

В современном употреблении родительного падежа выделяются четыре основных круга падежных значений.

1. Родительный определительный падеж (родительный принадлежности, родительный субъекта, объекта, родительный обозначения, изъяснения, качественного определения). Например: *деньги сестры; правила игры; воспоминание прошлых дней; книга французского романа; час свободного времени; час обеда; век покорности и страха; человек кроткого нрава; стол красного, дерева; мальчик лет десяти* и т. п.

При этих синтаксических значениях окончание -у в формах мужского рода возможно лишь у очень небольшого круга слов, употребляющихся преимущественно в количественном значении (например: *курение табаку, питье чан* и т. п.); ср. также в цельных словосочетаниях: *высокого росту*¹⁶⁶.

Ср. с предлогом у: *дно у сосуда; борт у сюртука; рука у человека; дно у бочки; достать книги у кого-нибудь; у него была красавица дочь* и т. г.

Переходную ступень от родительного определительного к отложительному или количественному занимает родительный падеж при сравнительной степени прилагательных и наречий (родительный сравнения). По-видимому, с исторической точки зрения родительный падеж после сравнительной степени является разновидностью отложительного падежа¹⁶⁷.

2. Количественно-отделительный падеж (у имен существительных мужского рода окончания -а и -у). Например: а) *пять дней; много работы*; «А что слышалось *птиц*?» (Тургенев, «Фауст»); *фунт табаку; горсть песку; за поношку табаку*; «Только зачем ему было *правды!*» (Достоевский, «Подрасток»); б) *натекло воды; набралось народу; скопилось денег; взять сахару*, «Отец, подай *ватрушечки*... не хочешь ли?» (Горький, «Мещане»); «Поддай* *пару*» (Чехов, «В бане»); в) *начитаться книг; наслышаться хорошего; наговоришь дерзостей; наделать скандалу; натворить бед; накупить книжек; заслушаться музыки*; г) *купить хлеба; выпить воды*; д) «Дай *шаечки*, когда вы моешься» (Помяловский, «Очерки бурсы»); е) *придать важности* (лицу).

Сюда же примыкает употребление количественного падежа после слов, обозначающих обладание, наполненность чем-нибудь: *глаза полные слез*; «Вся душа княжны Марьи была *переполнена этих страшных преступных искушений*» (Л. Толстой, «Война и мир»); ср.: *заслуживать похвалы; стоить многих усилий* и т. п.

С количественно-отделительным падежом связываются отрицательные и отложительные значения формы родительного падежа (у имен существительных мужского рода окончания -а и -у), значения удаления, лишения, исключения (ср. родительный падеж после глаголов *дичиться, чуждаться, ли' шаться, беречься, остерегаться, опасаться, бояться, стыдиться, требовать*; после глаголов с отрицанием и т. п.). Например: а) *избегать опасности; чуждаться дурной компании*; б) *бояться, опасаться, остерегаться заразы*

разделительных местоимений и количественных наречий. «Ряд примеров... относится к словам, означающим денежные единицы, или единицы веса, длины и под. <...> В отношении ряда слов, употребляемых в родительном множественном обычно со значением количества, как, например, в именах существительных *апельсин, бергамот, гранат*... или *погон, аксельбант, патрон*... и под., или *гардемарин, гренадер* и т. д., можно думать об отражении на них в образовании формы родительного множественного без флексии аналогичных форм от... слов типа *пуд, аришин* и под.»¹⁶⁵. * См. об эволюции значений родительного падежа в работе: *De la Grasserie R. De l'antierio-rite du genetif. P., 1901.*

в) *жаль напрасно потраченного времени; пожалел рубля*; г) *лишать, лишаться чего-нибудь; лишить себя жизни; лишен, чу мед честолюбия*; д) *ослушаться приказа* и т. п.; е) *не терять времени; не слышно ни стоны, ни слез; ничего в волнах не видно* и т. п.

Ср.: «Твой отец не даст мне лошадей» (Чехов, «Чайка»); «Не позволял себе малейшей *прихоти*» (Пушкин); «Я не тронул *ни волоса* чужого добра» (Пушкин, «Кирджали») и многие другие.

Эти же значения обнаруживаются в сочетании с предлогом *из*: а) *уехать из Москвы; приезжий из столицы; уйти из дому, из лесу*; б) *выйти из состояния задумчивости*; в) *из мецан, из крестьян* и т. д. (выделение по происхождению); г) *кофта из синего полотна; платье из белого шелку* (выделительная характеристика по материалу).

Таким образом, к отложительным значениям примыкает и выделительное значение «родительного» падежа с предлогом *из*. Ср. также: а) *строить из кирпичей; лепить из глины, из воску; столы из мрамора*; б) *шить из клочков; склеить из кусков* и т. д.; в) *отличнейший из учеников; один из двух* и другие подобные.

Ср. также отделительные значения «родительного» падежа с предлогами: *из-за* {*из-за гор взошло солнце*}, *из-под* (*из-под камня бил родник*) и другие подобные.

На тех же отложительных значениях основаны конструкции с предлогом *от*: а) *от края до края; недалеко от города*; б) *влечение к искусству от колыбели*; «Какая-то глубокая печаль *от самого детства* его терзала» (Лермонтов); в) *письмо от жены*; г) *избавить от хлопот*; д) *идти от знакомых*; е) *бегать от людей*; ж) *далек от подозрений; свободен от постоя*; з) *плащ от дождя*; и) *происходить от бедных, но благородных родителей*; к) *услышать от кого*; л) *цепочка от часов* и т. п.

Ср. конструкции с предлогом *с*: з.) *с того берега*; б) *сверху до низу; с головы до ног; с утра до вечера*; в) *с боку на бок*; г) *с дерева на дерево; с севера на юг*; д) *со дня на день; с утра; с младенческих лет*; е) *с потолка*; ж) *слететь с дерева; подняться с места*; з) *взыскивать с кого-нибудь*; и) *возвратиться с работы*; к) *рисовать с кого-нибудь* и т. д.

Ср. отделительные значения «родительного» падежа в сочетании с предлогами *кроме, мимо, вне* и другие подобные.

Сюда же примыкают как антонимы формы того же падежа с достигательным значением: а) *достигать цели*; «Вот Углича *достиг* я» (Пушкин); *добиваться успеха*; «И скоро слуха Кочубея *коснулась* роковая весть» (Пушкин); *искать места; жажда славы*; ср.: *домогаться, спрашивать чего-нибудь*; б) *ждать случая; просить прощения; требовать ответа*; в) *слушаться совета; придерживаться мнения*; «*Слушайте* вашего сердца» (Тургенев, «Дворянское гнездо») и т. п.

Ср. конструкции в сочетании с предлогом *до*: а) *дойти до города*; б) *до города десять верст*; в) *до обеда; до праздников*; г) *собиралось до 10 тысяч человек*; д) *дети до 12 лет*; е) *есть дело до кого-нибудь*; ж) *охотник до книг* и др.

Ср. значения того же падежа в сочетании с предлогами *прежде, после* и другими.

В связи с употреблением предлогов можно отметить еще оттенок достигательного значения — значение близости, соседства при предлогах *у, около, возле, подле, близ* и некоторых других *.

3. Родительный падеж в причинно-целевом значении или в значении вну-

* В XVIII в. с формой количественно-отделительного падежа грамматисты связывали экспрессивные оттенки: «покажи свою книгу» сказано как бы со властью; «покажи своей книги» — речь учтивее» (Ломоносов. Грамматика. § 503; то же у Барсова¹⁶⁸).

тренного основания с предлогами: *из* (*из милости, из сострадания*); *из-за* (*поссориться из-за пустяков*); *от* (*похудеть от забот; от радости, от страха, от скуки*); *с* (*с радости, с горя, со страху, с отчаяния, со скуки*).

Ср. также условные значения, связанные с оттенком причинности, внутреннего основания: *с согласия, с дозволения, с разрешения начальства* и т. п.

Из этого же значения вытекает и значение способа, средства действия: *с аукциона, с молотка, с публичного торга* и т. п. Ср. значения предлогов *для, ради* с родительным падежом.

Весь этот круг причинно-целевых значений, развившийся на основе отложительно-достижительных значений, чужд самой беспредложной форме родительного падежа. Здесь сказывается результат взаимодействия между функциями падежа: и значениями предлогов.

4. Как пережиток сохраняется родительный даты: *двадцать пятого марта 1935 года* и т. п. Эта форма родительного времени представляет собою синтаксический идиоматизм.

Не подлежит сомнению, что попытка объединить все эти значения в общей формуле обречена на неудачу. Например, едва ли может быть признан[^] убедительной такая характеристика общего значения родительного падежа; предложенная А. А. Шахматовым: «Родительный падеж имени означает, что представление, соответствующее имени, находится в пределах действия, выраженного глаголом, затрагиваясь им лишь отчасти»¹⁶⁹.

Таким образом, в форме так называемого «родительного» падежа полуслиты две грамматические категории — собственно родительного падежа и количественно-отделительного падежа.

§ 38. Рост падежной омонимии в склонении имен существительных

В системе современного склонения имен существительных намечается восемь основных падежей: именительный, родительный, количественно-отделительный, дательный, винительный, творительный, местный и изъяснительный-предложный*. Ярko выраженная омонимия, или омоморфемность, падежных форм (ср. *кости* — род., дат. ед. и им., вин. мн.; ср.: *пути, организации* и т. п.) свидетельствует об ослаблении роли окончаний и о росте значения префиксов-предлогов**. Омоморфемность меньше всего находит опору в формах мужского склонения, особенно твердого. В словах среднего рода и в женском склонении на *-а* родительный и количественно-отделительный флективно не различимы так же, как местный и предложный. Еще дальше по пути омонимии ушли слабые типы склонений (слова женского рода на мягкий согласный и на *-ж, -ш* с нулевым окончанием в именительном падеже; слова *мать* и *дочь*; слова среднего рода на *-мя* и слово *путь*), в них, кроме формы на *-и* для родительного-отделительного, дательного и предложного-местного падежей, в единственном числе сохраняется лишь форма творительного падежа на *-ью* в женском роде и *-ем, -ём* в мужском и среднем.

В полном объеме картина употребления падежей имени существительного раскрывается лишь при синтаксическом описании грамматических отношений, выражаемых предлогами***.

* Характерно, что во второй половине XVIII в., в эпоху расширения аналитически) конструкций в русском языке, Ломоносов вводит термин предложный падеж вместе старого сказательного.

** См. мою статью «О грамматической омонимии в современном русском языке» (Русский язык в школе, 1939, № 1).

*** Ср. замечания о функциях предлогов у Миклошича¹⁷⁰.

7. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ

§ 39. Взаимодействие грамматических и лексических значений в структуре имени существительного

Все конструктивные формы имени существительного — формы рода, числа и падежа — основаны на взаимопроникновении грамматических элементов и лексических значений. В имени существительном грамматика не подчиняет себе лексику целиком, а вступает с ней в тесное взаимодействие, как бы не преодолевая сопротивление материала и не вполне его «формализуя». Поэтому-то и развитие аналитических отношений здесь встречает наиболее сильное и упорное противодействие в старой системе синтетического строя. «Формы словоизменения» у имен существительных впадают в их словообразовательную, лексическую структуру. Обилие суффиксов вполне гармонирует с предметно-смысловым многообразием категории имен существительных. Многие из суффиксов имен существительных носят на себе резкий отпечаток предметности (ср.: *-фил, -фоб, -ман, -вод, -вед, -носец, -изм, -ист*; «ягодный» русск. суффикс *-ик(а)* и т. п.). Все это делает имена существительные не только вещественно-логическим стержнем всех классов слов-названий, но и опорой большей части синтаксических конструкций.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»

1. Ср.: *Setala E. Le mot.- Journal de la societe finno-ougrienne, 1932, N 43, p. 26, 30, 32-34.*
2. Ср.: *Jespersen O. Language, its nature, development and origin. L., 1922.* Ср. так же: *Зеленин Д. К. О личных собственных именах в функции нарицательных в русском народном языке.—В кн.: Филологические записки. Воронеж, 1903; Ляпунов Б. М. О некоторых примерах имен нарицательного значения. — В кн.: Академия наук СССР — Н. Я. Марру. М., 1935; Чернышев В. И. Происхождение некоторых нарицательных имен из собственных.— В кн.: Язык и мышление. Л., 1934, вып. 3 — 4. Ср. так же очень общую статью: *Тропин Г. В. О некоторых особенностях собственных личных имен в русском языке.— Уч. зап. Иркутского гос. пед. ин-та, 1940, вып. 5.**
3. *Pos J. Zur Logik der Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1922, S. 166.*
4. См.: *Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. Спб., 1850, с. 17 и след.*
5. *Станиславский К. С. Работа актера над собой. Работа над собой в творческом процессе переживания. Дневник ученика. М., 1938, с. 255.*
6. *Герцен А. И. Былое и думы,— Поли. собр. соч. и писем/Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1919, т. 12, с. 223-224.*
7. *Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1899, вып. 3, гл. 3-7.*
8. *Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888, вып. 1—2, с. 534 [516]. Ср. также освещение вопроса об отношении имени к глаголу: Meillet A. Linguistique historique et linguistique generate. P., 1926, p. 125; Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937, с. 116; Sapir E. Language. N.Y., 1939, p. 125; Delacroix H. Le langage et la pensee. P., 1924, p. 214. Ср. также: Hjelmslev L. Principes de grammaire generale. Kobenhavn, 1928, p. 298 — 304.*
9. *Аксаков К. С. Опыт русской грамматики.— Поли. собр. соч. М., 1880, т. 3, ч. 2: Сочинения филологические, с. 1 и след.*
10. *Соболевский А. И. Русский исторический синтаксис. Лекции 1892-93 гг., с. 21.*
11. См.: *Бодуэн де Куртенэ И. А. Заметка об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний.—Русский филологический вестник, 1902, т. 3 — 4 [т. 2, с. 19 — 29]. Ср. еще раньше в его же разборе книги: Leskien A. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. — Журнал министерства народного просвещения, 1876, № 11. Ср.: Щерба Л. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ.— Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1930, т. 3, кн. 1.*

12. См.: *Крушевский Н. В.* К вопросу о гуне. Варшава, 1881; *его же*: Очерк науки о языке. Казань, 1883. Ср. также: *Богородицкий В. А.* О морфологической абсорбции.—Русский филологический вестник, 1881, т. 3.
13. Ср.: *Мазон А.* *Lexique de guerre et de revolution en Russie.* P., 1920, p. 44; *Карцевский С.* Язык, война и революция. 1923, с. 17.
14. *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, с. 94.
15. *Крушевский Н. В.* Очерк науки о языке, с. 85.
16. *Лысков И. П.* О частях речи. Опыт характеристики их природы морфологической, синтаксической и семасиологической. М., 1926, с. 23.
17. См.: *Востоков А. Х.* Русская грамматика. Спб., 1831.
18. См.: *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика. Спб., 1834, с. 27 — 31.
19. См.: *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 351—353.
20. Ср.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, гл.: Грамматический род.
21. См.: Цефей. Альманах на 1829 г., с. 150.
22. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1927, вып. 2, с. 30 [449]. Ср. также: *Lohmann S.* Genus und Sexus: Eine morphologische Studie zum Ursprung der indogermanischen nominalen Genus-Unterscheidung. Gottingen, 1932, S. 83 — 85.
23. См.: Новые имена. 1924.
24. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 616 [483].
25. *Майков А. А.* Поли. собр. соч. Спб., 1914, т. 1, с. 237.
26. Текст приводится по изданию Г. И. Чулкова: *Тютчев Ф. И.* Поли. собр. стих. Л., 1933, с. 127, 301-302.
- 26а. См.: *Щерба Л. В.* «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом.—Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 97-109. Ср. также: *Потебня А. А.* Из записок по теории словесности. 1905, с. 69.
27. См.: Неизданные письма к Пушкину. — Литературное наследство, т. 16—18, с. 567-568.
- 27а. *Свербеев Д. Н.* Записки. М., 1899, т. 2, с. 16.
28. *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Berlin, 1870, т. 2, с. 146.
29. *Немировский М. Я.* Способы обозначения пола в языках мира. — В сб.: Памяти академика Н. Я. Марра. М.-Л., 1938, с. 224.
30. Ср.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 192-193 [189-190].
31. *Немировский М. Я.* Способы обозначения пола в языках мира, с. 204.
32. См.: *Петерсон М. Н.* Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941, с. 54.
33. *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики, с. 52.
34. Там же, с. 66.
35. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 111 — 112 [94].
36. См.: *Белий А.* Прилози исторг у словенских je3HKA. — Iужнословенски филолог. Београд, 1924, кн. 4, с. 24 — 28. Ср.: *Vondrak W.* Vergleichende slavische Grammatik. Gottingen, 1908, Bd. 2, S. 64; *Delbruck B.* Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1893, Bd. 1, S. 107-108.
37. *Востоков А. Х.* Русская грамматика, с. 17.
38. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, гл. 6.
39. Там же, с. 188.
40. Там же. Ср. работу Я. Гримма: *Grimm J.* Ueber die Vertretung mannlicher durch weibliche Namesformen. Berlin, 1858.
41. *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики, с. 46.
42. Там же, с. 47.
43. См.: *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858, ч. 1, с. 109 [411-412].
44. См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, гл.: Грамматический род.
45. *Вольтер Э. А.* Разыскания по вопросу о грамматическом роде. Спб., 1882, с. 151.
46. Там же, с. 83.

47. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 614 [481].
48. Ср. рецензию А. И. Соболевского на книгу Э. А. Вольтера. — Журнал министерства народного просвещения, 1882, № 11. Ср. также «Лекции по истории русского языка» А. И. Соболевского.
49. *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1868-1874, Bd. 4.
50. См.: *Вольтер Э. А.* Разыскания по вопросу о грамматическом роде, с. 135.
51. См.: *Мандельштам И.* Об уменьшительных суффиксах в русском языке. — Журнал министерства народного просвещения, 1903, № 7, с. 42.
52. Там же.
53. См.: *Русский филологический вестник*, 1903, № 3 — 4, с. 80.
54. Ср.: *Востоков А. Х.* Русская грамматика, с. 14.
55. *Соболевский А. И.* [Рец. на кн. Э. А. Вольтера.] — Журнал министерства народного просвещения, 1882, № 11.
56. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 638 [498].
57. *Пешиковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 193.
58. См.: *Чернышев В. И.* Les prenomes russes: formation et vitalite. — *Revue des etudes slaves*, 1934, t. 14, fasc. 3 — 4.
59. *Сепир Э.* Язык. М.-Л., 1934, с. 78.
60. *Пешиковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 148 [137].
61. *Грот Я. К.* Филологические разыскания. Спб., 1876, т. 2, с. 353.
62. *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Л., 1927, вып. 1, с. 65.
63. *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858, ч. 2, с. 174 [381].
64. *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики, с. 54.
65. *Калайдович И. Ф.* Замечания о родах грамматических в языке русском. — Труды Общества любителей российской словесности, 1824, ч. 5 (25), с. 171 — 172.
66. См.: *Никольский Н. К.* Послание Агафоника к Кир. Иакову по грамматическим вопросам (XVII в.). — В кн.: Историко-литературный сборник. Посвящается Всеволоду Измаиловичу Срезневскому. Л., 1924.
67. *Соболевский А. И.* Из истории русского языка. — Журнал министерства народного просвещения, 1901, № 10, с. 404-405. См. также: *Коиутин Р.* Грамматика русского языка. Београд, 1914, т. 2, с. 21—22.
68. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 27 [445]. Ср.: *Meillet A.* Recherches sur l'emploi du genetif-accusatif en vieux slave. P., 1897; *Мюленбах К. М.* Об употреблении родительного падежа вместо винительного в славянских языках. — Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1899, т. 4, кн. 4; *Томсон А. И.* Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках. — Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1908, т. 13, кн. 2; ср. там же, кн. 3; т. 14, кн. 1; т. 18, кн. 4. Ср. также: *Berneker E.* Der Genetiv-Accusativ bei belebten Wesen im Slavischen. — *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1904, Bd. 37, S. 364-368.
69. См.: *Unbegaun B.* La langue russe au XVIe siecle. P., 1935.
70. См.: *Маркевич А. И.* Отступления от грамматических правил в карточных играх. — Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1904, т. 9, кн. 1, с. 360-361.
71. *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. Харьков, 1937, с. 165 [199].
72. *Brugmann K., Delbruck B.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, Bd. 2, S. 432.
73. Ср.: *Unbegaun B.* La langue russe au XVIe siecle, p. 36 — 42.
74. См.: *Karcevskij S.* De la structure du substantif russe. — *Charisteria Guilelmo Mathesio, quinquagenario, a discipulis et Circuli linguistici pragensis sodalibus oblata.* Praga, 1932, p. 65 — 73. Ср. также: *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 1, с. 1.
75. Ср.: *Belie A.* Principes du classement des substantifs en serbocroate. — *Revue des etudes slaves*, 1922, t. 2, fasc. 1-2.
76. *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Спб., 1854, с. 140.
77. См.: *Дементьев А. А.* Агентивные суффиксы *-шик*, *-чик* в русском языке. —

Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева, 1938, вып. 2.

78. См.: *Дементьев А. А.* Суффикс *-ик* и его производные в современном русском языке.—Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева, 1942, вып. 5.
79. Ср.: *Doroszewski W.* Monografie słowotwórcze. Formacje z podstawowem-k-czeŝci sufiksálnej.-In: *Prace filologiczne*, 1928, t. 12, s. 1-262.
80. *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка, с. 141.
- 81: *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 108.
82. См.: *Юшманов Н. В.* Грамматика иностранных слов. — В кн.: *Словарь иностранных слов*. М., 1933, с. 1466.
83. См.: *Смирнов К. И.* О взаимном отношении по ударению имен существительных с суффиксом *-ец* и их «производящих» в русском языке. — Уч. зап. Казанского ун-та, 1883.
84. См.: *Александров А.* Ударение имен существительных с суффиксом *-ик* в русском языке.—Русский филологический вестник, 1882.
85. Ср.: *Грот Я. К.* Филологические разыскания. Спб., 1885, т. 1, с. 352.
86. См.: *Дементьев А. А.* Суффикс *-ик* и его производные в современном русском языке.
87. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 599 [469].
88. См.: *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. 2, S. 261.
89. См.: *Юшманов Н. В.* Грамматика иностранных слов, гл.: Словообразование.
90. См.: *van Wijk N.* O rzeczownikach typu trepet. — In: *Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski*. Cracoviae, 1928, vol. 2.
91. *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики, с. 61.
92. Там же, с. 63-64.
93. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 34 [452 — 453].
94. Там же, с. 36 [454].
95. *Соболевский А. И.* Русский исторический синтаксис/с. 20.
96. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 92 [74].
97. *Grimm J.* Deutsche Grammatik. Gottingen, 1848, Bd. 3, S. 664.
98. См.: *Belie A.* Zur Entwicklungsgeschichte der slavischen Deminutiv und Amplificativ-suffixe.- *Archiv für slavische Philologie*, 1901, Bd. 23, S. 134-206.
99. *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики, с. 62.
100. См.: *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 16 — 11.
101. См.: *Покровский М. М.* Материалы по исторической грамматике латинского языка. М., 1898, с. 59-61 [220-222].
102. См.: *Левин В. Д.* Имена действия в русском языке.—Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та, 1941, т. 1, вып. 2.
103. *Востоков А. Х.* Русская грамматика, с. 112.
104. Там же.
105. *Словарь русского языка*, 1895, т. 1, с. VIII —IX.
106. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 351—352 [344].
107. См.: *Грот Я. К.* Филологические разыскания, т. 1.
108. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 120 [95].
109. Там же, с. 36 [32].
110. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 93 — 94.
111. *Тимковский И.* Опытный способ к философическому познанию российского языка. Харьков, 1811, с. 17.
112. См.: *Александров А.* Ударение имен существительных женского рода, оканчивающихся на суффиксы *-инь*, *-ива* и *-ева* в русском языке. — Русский филологический вестник, 1882.
113. См.: *Юшманов Н. В.* Грамматика иностранных слов, с. 1466, 1471.
114. *Старый русский водевиль*. 1819-1849. М., 1937, с. 195.
115. *Шемшурин А.* Футуризм в стихах В. Брюсова. М., 1913, с. 31.
116. *Потебня А. Д.* Из записок по русской грамматике, т. 3, с. 146 [115].

117. *Грот Я. К.* Филологические разыскания, т. 1, с. 359.
118. *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка, с. 142.
- 118 а. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола. Спб., 1865, с. 18.
119. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 355 [347, Примечание].
120. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 112.
121. Там же, с. 89.
122. Там же, с. 91.
123. *Калайдович И. Ф.* Замечания о родах грамматических в языке русском, с. 176.
124. *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики, с. 105.
125. Там же, с. 106-107.
126. Там же, с. ПО.
127. См.: *Stenbock C. M.* Zur Kollektivbildung im Slavischen. Uppsala, 1906; *Braun M.* Das Kollektivum und das Plurale tantum im Russischen. Leipzig, 1930; *Lohmann J. F.* Das Kollektivum im Slavischen. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 1929, Bd. 56, S. 37-77; 1931, Bd 58, S. 37-77; *Unbegaun B.* La langue russe au XVIe siècle.
128. *Дурново Н. Н.* Введение в историю русского языка. Brno, 1927, ч. 1, с. 218.
129. *Unbegaun B.* La langue russe au XVIe siècle, p. 38 — 40.
130. См.: *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1936, с. 86 [124].
131. Ср.: *Durnovo N.* De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne. — Revue des études slaves, 1922, t. 2, fasc. 3-4.
132. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка, с. 113 [150].
133. См.: *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Л., 1931, вып. 2, с. 44; ср.: *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 327.
134. См.: *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1939, с. 100-102 [134-137].
135. См.: *Добромыслов В. А.* К вопросу о языке рабочего-подростка/Под ред. А. М. Пешковского. М., 1932, с. 44, 58-59.
136. *Островский А. Н.* Поли. собр. соч. Спб., 1909, т. 10, с. 344.
137. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, гл. 11. Ср. также: *Unbegaun B.* La langue russe au XVIe siècle, chap. 5: Collectif et singulatif. P., 1935.
138. *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики, с. 112.
139. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 27 [25].
140. Там же, с. 28.
141. Ср.: *Грот Я. К.* Филологические разыскания, т. 2, с. 387.
- 141а. Ср.: *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, с. 204-205. Ср. также: *Обнорский С. П.* [Рец. на кн.:] *Кошутич Р.* Грамматика русского языка. — Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1916, т. 21, кн. 1, с. 328.
142. См.: *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, с. 205.
143. Ср. также: *Delbruck B.* Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1893-1900, Bd. 3.
144. Ср.: *Brugmann K.* Die distributiven und die kollektiven Numeralia der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1907.
145. *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики, с. 106. Ср. также: *Unbegaun B.* La langue russe au XVIe siècle, p. 262 — 264.
146. *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики, с. 106.
147. *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, с. 89.
148. См.: *Чернышев В. И.* Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Спб., 1914, с. 72 [т. 1, с. 493].
149. См.: *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 1. Но ср.: *Unbegaun B.* La langue russe au XVIe siècle, p. 119-122.
150. См.: *Боголюбов А.* О частях речи (К лингвистической методологии). - Сборник статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова. Казань, 1913.

- 150 а. *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики, с. 128, 130.
151. Там же, с. 80.
152. *Поржезинский В. К.* Из истории русской грамматики и грамматической терминологии.— В кн.: Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909; *Добиаш А. В.* Синтаксис Аполлония Дискола. Киев, 1882, с. 72 — 73; *Грунский Н. К.* Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Юрьев, 1911, т. 2, с. 186—187. Ср. также: *Данилов В. В.* Этимология грамматических терминов.—Русский язык в школе, 1937, № 4.
153. Ср.: *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. Спб., 1904, ч. 1, с. 173.
154. Ср. в «Опыте семасиологии частей речи» А. А. Добиаша.
155. *Brugmann K., Delbruck B.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1901. Bd. 3. S. 185, 187, 33.
156. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1925, вып. 1, с. 307 — 308 [314].
157. *Соболевский А. И.* Русский исторический синтаксис, с. 52 — 53.
158. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 56 [64].
159. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 280 [301].
160. Там же, с. 281-282.
161. *Попов А. В.* Синтаксические исследования. Воронеж, 1881, с. 110—123.
162. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 56, 57 [27].
163. См. там же, с. 282 [301].
164. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 1, с. 311 [320].
165. *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, с. 167-168.
166. *Богородицкий В. А.* Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939, гл.: Синтаксис родительного падежа в русском языке.
167. См.: *Ziener H.* Vergleichende Syntax der indogermanischen Comparison, insbesondere der Comparationscasus der indogermanischen Sprachen und sein Ersatz. Berlin, 1884. Ср.: *Корш Ф.* Способы относительного подчинения. М., 1877, с. 4 — 8. Ср. также обзор теорий о функциях родительного падежа: *Тимченко Е. К.* Функции генетива в южнорусской языковой области. Варшава, 1913.
168. См. также: *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка, ч. 2, с. 284 [461].
169. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка, с. 83 [122].
170. См.: *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1879, Bd. 4, S. 5.

II. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. Понятие качества и своеобразия грамматических форм имен прилагательных

В тесной грамматической связи с именами существительными находятся имена прилагательные. Имя прилагательное — это грамматическая категория, формирующая и объединяющая слова, которые означают признак предмета (качественный, относительный или указательно-определятельный) и которые являются определяющими имена существительные и обычно согласуемыми с ними в роде, числе и падеже частями речи. Семантической основой имени прилагательного является понятие качества*. Слово, подводимое под катего-

*— Некоторые грамматисты предлагали заменить термин «имя прилагательное» термином «имя качественное». Ср., например, статью В. Ф. Андреева «Знаменательные и служебные слова в русском языке» (Журнал министерства народного просвещения, 1895, № 10, с. 238 — 279).

рию имени прилагательного, представляет собою комплекс форм, которые все вместе образуют своеобразную парадигму именного склонения, отличную от парадигмы склонений существительных. Эти формы имени прилагательного — синтетические, объединяющие в своей структуре указание на род, число и падеж (так же как у имен существительных). Однако формы рода, числа и падежа имен прилагательных выражают не внутренние оттенки качественных значений, а лишь указывают на синтаксическую связь прилагательных с именами существительными в процессе речи. Эти основные формы имен прилагательных являются формами синтаксических отношений, формами грамматического согласования.

Таким образом, грамматические формы имени прилагательного — в отличие от форм имени существительного — не выражают никаких дополнительных лексических значений, кроме общего значения согласуемого признака. Они вполне синтаксичны и — в силу этого — более абстрактны.

На этом фоне понятна прозрачность и бедность окончаний имен прилагательных. Внешние приемы изменения слов здесь унифицированы. Окончания имен прилагательных свободны от иной семантической нагрузки, кроме обозначения синтаксического согласования признака с определяемым именем существительным.

Эта общая грамматическая функция прилагательных накладывает свой отпечаток и на их морфологическую природу, на самый способ выражения и отражения значения признака в формах имени прилагательного.

Легко заметить, что большая часть прилагательных в русском языке выражает качество или признак не непосредственно, а опосредованно, через отношение к предмету и действию (например: *производственный, организаторский, идейный, непримиримый, угрожающий, знающий, непревзойденный* и т. п.)*. Еще Г. Павский, характеризуя круг качественных понятий, подводимых под категорию имени прилагательного («внешний вид, цвет, внутренние свойства, состояние, происхождение и разные отношения вещей»), писал: «Многие из сих понятий, например понятия о происхождении и разных отношениях вещей, могут быть выражаемы и выражаются посредством падежей, предлогов и взаимного сочетания имен существительных. Поэтому многие прилагательные могли бы и не существовать в языке. Вместо *писчая бумага, деревянный стол, весенний месяц* легко бы можно сказать: *бумага для письма, стол из дерева, месяц весны*. И точно: есть языки, или вовсе не имеющие прилагательных имен, или имеющие их чрезвычайно мало»².

В современном русском языке имена прилагательные — это самая многочисленная после имен существительных армия слов. При этом больше всего имен прилагательных, производных от основ существительных или глаголов. Качественность ищется в формах отн о ш е н и й между лицами, предметами, отвлеченными понятиями. Она выводится из отношения к предмету или действию (ср. у Достоевского в «Идиоте»: «На ногах его были *толстоподошвенные* башмаки»). Не подлежит сомнению, что этот сложный процесс формирования отвлеченных качественных значений имени прилагательного не мог не отразиться и на судьбе тех форм имени существительного и глагола, которые были способны обозначать качество. Именно в связи с этими изменениями языка и мышления находится живой, быстрый рост родительного качества или родительного определительного в системе имен существительных и расширение его семантических функций: «Человек большого ума, большой наблюдательности, он бездну видел, слышал, помнил» (Герцен, «Былое и думы»); «Все теми же шагами, однообразными, равномерными шагами долгих ожиданий ходил я взад и вперед»

—* Слово *качество*, вошедшее в русский литературный язык не позднее XI в., в древней Руси относилось к числу отвлеченно-книжных славянизмов, требующих толкования, к числу «неудобь познаваемых речей». Оно объясняется в русских глоссариях с XV в. (см. Новгородский словарь 1431 г.). В азбуковниках XVI—XVII вв. читаем: «Качество — естество каково есть. Аще речеши: видех человека, вопрошу тя о качестве его, рекше, о каковстве лица и образа, еже есть черн или бел, стар или млад. Сиде качество глаголется и при древех, птицах, зверех, камнях, питий и явствий и прочих вещех. Различно бо лица естество имуть»¹.

(Л. Андреев). В широком употреблении этого родительного качества, который представляет конструкцию, синонимическую имени прилагательному (*высокой цены — высокоценный; большого ума — очень умный* и т. п.), рельефно выступает тенденция «заменить определение указанием на отношение определяемого к тому отвлеченному представлению, с которым связывается представление о тех или иных качествах, свойствах»³. Чаще всего форму родительного определительного принимает целое словосочетание из имени существительного и прилагательного (*люди сороковых годов; специалист высокой квалификации*). С помощью родительного определительного выражаются более сложные, тонкие и разнообразные свойства, характеристические признаки, чем посредством имени прилагательного. Однако и в том и другом случае качество отыскивается в отношении предмета к предмету. Отношение к предмету ложится в основу качественной характеристики.

В самом деле, из громадного числа русских имен прилагательных сравнительно небольшая часть выражает качество или свойство непосредственно лексическим значением своей основы. Таковы, например, прилагательные, обозначающие цвет: *алый, бежевый, бледный, белый, бурый, вороной, гнедой, голубой, желтый, карий, палевый, русый, рыжий, сивый, сизый, синий, седой, серый, черный, смуглый* и т. п.; пространственные и временные качества и отношения: *прямой, правый, левый, малый, тесный, большой, плоский, глубокий, далекий, долгий, короткий, узкий, широкий* и т. д.; вообще воспринимаемые чувствами свойства и качества вещей *: *пряный, кислый, прочный, ровный, мокрый, острый, теплый, горький, жидкий, легкий, мелкий, мягкий, редкий, сладкий, тонкий, тяжелый, густой, частый* и т. д.; внешние или физические, телесные качества людей и животных: *босой, голый, нагой, лысый, сытый, молодой, старый, дюжий, хилый, косой, глухой, слепой, тощий, полный, быстрый, толстый* и т. д.; внутренние качества, качества характера, психологического склада: *хороший, злой, живой, резвый, глупый, грубый, дикий, гордый, косный, бодрый, добрый, мудрый, хитрый, храбрый, щедрый, наглый, подлый, жестокий, кроткий* и т. п.

Количество таких рубрик и примеров, конечно, можно значительно увеличить. И все-таки если собрать все прилагательные, которые выражают качество непосредственно, то окажется, что таких слов немного по сравнению с массой прилагательных, обозначающих качество как признак относительный, т. е. выводимый из отношения к предмету, обстоятельству или действию, например: *железный, жилистый, болотистый, вертлявый, пропавший, закоптелый, здешний, домашний, вчерашний* и т. п.

Быстрое и разностороннее развитие категории качества в русском литературном языке XVII—XVIII вв. было вызвано стремительным процессом национализации русского языка и сближением с западноевропейскими языками. Круг качественных определений — жизненно-бытового, гражданского и общественно-психологического характера — отвлеченных и эмоциональных — в церковнославянском языке был не очень широк. Все усиливающийся приток народных выражений и эпитетов в русскую литературную речь с XVI — XVII вв. значительно расширил в ней область эмоциональных и живописных, красочных определений. Влияние западноевропейских языков и особенно французского языка в XVIII в. лишь осложнило и обогатило сферу выражения качественных оценок внутреннего и внешнего мира и привило русскому языку изощренные приемы отвлеченно-оценочного и пластического изображения свойств и признаков предметов. В течение XVIII — XIX вв. класс имен прилагательных пополняется и расширяется с поразительной быстротой соответственно общему темпу роста великого русского языка. Как лексический материал для творчества качественных определений используются главным образом основы имен существительных и глаголов. Иллюстрацией может служить развитие прилагательных, обозначающих цветовые качества. Из французского языка в XVIII — XIX вв. пришли к нам: *бордовый, палевый, оранжевый, розовый, лиловый, фиолетовый, фреззовый, кремовый, пунцовый* (*ропсеаи* — цвет мака) и т. п. Ср. в XX в. *бежевый* (фр. *beige*).

В предшествовавшем бытовом запасе качественные оттенки цветовых названий определялись главным образом посредством указания на сходство с цветом какого-нибудь предмета. Имена прилагательные этого рода имели очень конкретное значение. Эта большая конкретность значений древнего имени прилагательного и в связи — Известно, что в европейских языках — при богатстве и разнообразии прилагательных, выражающих зрительные, слуховые и отчасти вкусовые ощущения, — очень беден состав прилагательных для выражения обонятельных и осязательных ощущений.

с этим меньший объем его смысловых связей с именами существительными ярко выступают в обозначениях лошадиных, отчасти собачьих мастей. Соответствующие обозначения, в значительной своей части восходящие к тюркским заимствованиям, вследствие исключительности своего применения имеют до сих пор сильный привкус предметности. *Вороной, буланый, гнедой, каурый, мухортый, пегий, саврасый, соловый, чалый, чубарый* — употребляются непосредственно как клички лошадей.

Другие прилагательные тоже были прикреплены к обозначению цветовых оттенков определенного круга предметов, например: волос — *рыжий, русый*; глаз — *карий*. Большая часть прилагательных, обозначавших цвет, выражала сходство с предметом по окраске. Круг тех именных основ, от которых производились прилагательные, менялся в истории языка, и не все из соответствующих имен прилагательных были одинаково способны к широкому обобщению своего качественного значения. Например, характерны такие цветовые обозначения в древнерусском языке: *жаркий* (от *жар* — горящие угли; ср. «чужими руками жар загребать»); *крапивный* (т. е. зеленого отлива; ср. «крапивное семя» в применении к чиновникам с намеком на зеленый цвет мундиров); *маковый* (ср. «словно маков цвет»); *осиновый, сливный, смородинный, червчатый* (красный) и другие подобные⁴. Ср. более поздние образования для обозначения цвета: *кофейный, фисташковый, бутылочный, янтарный, шоколадный, сиреневый, оливковый* и т. д.⁵

Таким образом, и в группе цветовых прилагательных рядом с словами, теперь представляющимися непосредственным обозначением цвета (например: *белый, серый, синий, сизый, желтый, черный* и т. п.), выделяется длинный ряд прилагательных, выражающих понятие цвета через отношение к предмету.

Итак, качественные значения имен прилагательных чаще всего выводятся из отношения к предмету и действию, соответственно значениям тех именных или глагольных основ, от которых они образуются*. Прилагательные в подавляющем большинстве своем имеют основу или существительного, или глагола, осложненную суффиксами (например: *комсомольский, вузовский, обобществленный* и т. п.).

Необходимо глубже вникнуть в процесс развития качественных значений из предметных отношений. Качество, грамматически обозначаемое в форме имени прилагательного системой окончаний *-ый, -ий, -ая* и т. п., отыскивается в свойствах того предмета или действия, которые выражаются основой прилагательного. Качественное значение в производных прилагательных является вторичным. Оно вытекает из качественной оценки предметного отношения или из качественного осмысления действия.

Например, *митинговый* прежде всего обозначает отношение к митингу: *митинговый оратор; митинговая речь*. Но на это значение наслаивается иное, качественно-оценочное: *митинговые выпады; митинговые замашки*.

Таким образом, прилагательные, определяющие соотношение предметов, переходят затем к выраженной качественной оценке.

Эта семантическая связь прилагательных с существительными выражается в том, что нередко прилагательное следует за всеми изменениями лексических значений существительного, их отражая. Например, слово *минор*, кроме обозначения известного музыкального лада, в разговорно-фамильярной речи употребляется в значении: грустное, меланхолическое настроение (*Почему вы сегодня в таком миноре?*). Та же двойственность значений свойственна прилагательному *минорный*. С одной стороны, оно является музыкальным термином: *минорная гамма; минорная тональность; минорный лад*; с другой стороны, оно имеет переносное значение в разговорной речи: грустный, меланхолический, печальный: *минорное настроение; говорить в минорном тоне*.

Не удивительно, что лексические значения множества прилагательных почти всецело обусловлены предметными значениями производящего имени существительного. Например: *березовый, библиологический, бивачный, биржевой, бирюзовый, бисквитный, бобровый, боковой, болевой, бомбовый, брачный, броневой, бронзовый, бронхиальный, бубновый, бузиновый, букетный, булочный, бумажный, бумазейный, бутовый, бухгалтерский, былинный, бязевый*; все производные с приставкой *без-*: *бесприютный, беспроцентный* и т. д.; *вагонный, веревочный, вазелиновый, валерьяновый, валютный*

* «Качество,— пишет К. С. Аксаков,— есть отвлеченная и понятая та общая сторона предмета, которая в нем находит осуществление, но которая не принадлежит ему непременно и как общее может принадлежать всякому явлению»⁶.

и т. д. — вся эта масса производных прилагательных соотносительна с беспредложными конструкциями, включающими в себя родительный падеж соответствующего существительного, или с предложными конструкциями, состоящими из любого косвенного падежа существительного и предлога. Имя прилагательное отличается от этих оборотов лишь общим грамматическим значением относительного признака, из которого могут затем развиться новые качественные значения. Например, в слове *карманный*: 1) по форме и размеру приспособлений для ношения в кармане (*карманные часы*) и 2) обслуживающий повседневные мелкие нужды, мелкий (*карманные расходы*).

Но в целом ряде случаев выражение отношения к объекту не осложняется качественными значениями. А. А. Потебня так писал об этом: «Нынешний язык сохранил выражения, как *часовой мастер, рыбный, винный торговец*, т. е. представляет постоянным свойством субъекта его отношение к объекту; но, во-первых, избегает в этих случаях прилагательных относительных, получивших качественное значение (необычно было бы: *железный кузнец, деревянный мастер*), во-вторых, не вносит в субъект атрибутов объекта, так что в нем было бы невозможно: *часовой стеной мастер, свежий рыбный или винный крымский и заграничный торговец*»⁷.

Однако значение качества в имени прилагательном становится все определительнее, резче и отвлеченнее. К. С. Аксаков отметил: «При этом постепенном освобождении от предмета, при постепенном превращении предмета в качество мысль все еще опирается на предмет; наконец она доходит до понятия общего независимого значения, независимого от предмета, и доходит до понятия качества. Здесь уже нет предмета, здесь является одно чистое качество. Мысль доходит до него, и вместе, в слове, до области *прилагательных*, в полном смысле»⁸. Те же идеи позднее развивал А. А. Потебня: «По мере того как связь прилагательного относительного с его первообразным существительным становится в сознании более и более отдаленною, увеличивается его отвлеченность, безотносительность, качественность, ибо качественность прилагательного есть лишь другое имя его безотносительности. Вместе с тем это прилагательное становится выражением качества постоянного»⁹.

Развитие качественных значений у имен прилагательных находит себе опору в качественных оттенках значений имен существительных. То имя существительное, которое употребительно главным образом в функции приложения или сказуемого, выражает не столько предметность, сколько качественную характеристику или состояние*. Но то, что в производном прилагательном кристаллизуется как отдельное значение, в соответствующем существительном еще брезжит как своеобразный метафорический ореол слова, как намечающееся переносное значение. Например, прилагательное *мраморный* имеет три значения: 1) сделанный из мрамора — *мраморный умывальник, мраморная статуя, мраморный столик*; 2) похожий на мрамор рисунком, узором поверхности, имитирующим его: *мраморная бумага, мраморное мыло*; 3) переносное, выражающее: белый и гладкий, как мрамор (книжн.-поэт.): *мраморное чело*. В существительном *мрамор* намеки на это поэтическое, чисто качественное значение обнаруживаются только в очень ограниченном фразеологическом и синтаксическом контексте. Ср.: *мрамор чела; руки — мрамор* и т. п. Ср. такого же рода соответствие в переносном употреблении слов *железный* и *железо*, например, у А. Н. Островского в комедии «Свои собаки грызутся, чужая не приставай»: «Ты каменная какая-то... *железо*, просто *железо*» (Пионова).

Таким образом, само имя существительное, даже являющееся названием конкретного предмета, может стать (при метафорическом осмыслении или экспрессивной оценке внутренних свойств этого предмета) переносным выражением качественного состояния или отвлеченного свойства. Тут наблюдаются разные семантические явления. Например, слово *мираж*, превращаясь из термина известного оптического явления в метафорическое обозначение обманчивого признака, иллюзии, чего-нибудь, созданного воображением, не соответствующего действительности, теряет абсолютное употребление и требует при себе обязательного определения в форме родительного падежа имени существительного: *мирам: славы, мираж: войны, мираж: любви*. Этот пу-

* Об эволюции имени прилагательного от апозитивного выражения предметности к выражению качественных оттенков можно найти много интересных замечаний; кроме трудов Потебни также в работе: *Sommer F. Zum attributiven Adjectivum. Munich, 1928 (Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie Phil. Klasse, 1928, 7)*. Ср. также работу: *Hartmann H. Studien über die Betonung der Adjectiva im Russischen. Leipzig, 1936.*

тем слово *мираж* приобретает оенок качественного значения: выражение *мираж славы* ведет к признанию миражности славы; слово *мираж* становится качественным определением, эпитетом славы. Ср. также: *гром аплодисментов* — *громовые аплодисменты*; *блеск остроумия* — *блестящее остроумие* и т. п. Развитие качественных значений на основе взаимодействия предметов приводит к углублению семантических связей между именами существительными и прилагательными.

Иначе протекают процессы качественного преобразования глагольных форм причастия*. Превращение причастий в имена прилагательные затрудняется видовыми и залоговыми значениями глагола, противоречащими понятию признака — постоянного, вневременного, отвлеченного. Поэтому причастия с формообразующим залоговым суффиксом *-ся* лишь в очень редких случаях приобретают чисто качественное «безглагольное» значение (ср.: *выдающийся ученый, опустившийся человек* и немногие другие). Напротив, страдательные причастия, в той мере, в какой они обозначают состояние или результативный признак, иногда даже теряют прямую связь с глаголом (ср.: *начитанный, заплаканный, угрожаемый, необитаемый; конченный человек, надтреснутый голос, смотреть влюбленными глазами* и т. п.) и тяготеют к семантическому сближению с именами прилагательными. Процессы «окачества» причастий этого типа представляют необычайный семантический интерес (например: *потерянный вид, рассеянный человек, смущенное лицо, избитая острота, набитый дурак* и т. п.). Этому окачеству содействует то обстоятельство, что значение времени в причастиях страдательного залога почти вовсе стерлось. Значение времени сохраняет свою выразительность лишь в соотносительных бесприставочных формах причастий на *-мый* и *-нный* от основ несовершенного вида: *читаемый* — *читанный; слышимый* — *слышанный* и т. п. Но образования на *-нный* от основ несовершенного вида непродуктивны и немногочисленны. Больше всего склонны к окачеству страдательные причастия с основами совершенного вида. Двойственность значений суффиксов *-енн(ый)* и *-(а)нн(ый)* (ср.: *вдохновенный, желанный, воздержанный, усиленный, сочувственный, неопределенный* и т. п.) ускоряет этот процесс превращения причастия в прилагательное.

Необходимо заметить, что общие различия основ совершенного и несовершенного видов, если они не подчеркнуты суффиксами, выражающими кратность, вроде *-ыва-*, *-ива-* или *-ну-*, не очень мешают переходу причастий в прилагательные (ср.: *искомый* и *изысканный; любимый* и *излюбленный; невесомый* и *взвешенный*: «вещество во взвешенном состоянии» и т. п.).

В действительных причастиях процесс качественного преобразования затруднен тоже главным образом количественными оттенками видовых значений. В самом деле, глагольные причастия с суффиксами, выражающими количественные оттенки видов, например с суффиксами моментальности *-ну-*, *-ну-*, иногда с суффиксами интенсивной повторяемости *-ыва-*, *-ива-* и даже с суффиксами усиливающегося состояния *-ну-* и *-е-* (от глаголов типа *глохнуть, зеленеть*) почти не развивают качественных значений. Но ср.: *угрожающее положение, вызывающий вид, многообещающий мальчик, умоляющий голос, смягчающие обстоятельства, предостерегающий окрик, торжествующая любовь, испытующий взгляд, протестующее лицо, удручающее впечатление, подавляющее большинство* и т. п. Во всяком случае для превращения причастия настоящего времени действительного залога в качественное прилагательное необходимы ослабление видовых значений и устранение переходности. При наличии этих условий возможно развитие качественных значений и у причастий с суффиксами *-ива-*, *-ыва-* (ср.: *заискивающий* от *заискивать*: *заискивающий взгляд, заискивающая улыбка* и т. п., так как глагол совершенного вида *заискать*, встречающийся, например, у Ф. Достоевского, был узкожаргонным, чиновничьим словом; ср. *дать исчерпывающие объяснения*; слово *исчерпывающий* имеет книжно-официальную окраску: *изложить с исчерпывающей полнотой факты, исчерпывающий ответ* и т. п., да и самый глагол *исчерпывать* в соответствующем значении малоупотребителен).

Характерно, что эти ограничения сохраняют свою тормозящую силу и при производстве отглагольных прилагательных на *-лый* (ср.: *облезлый, пухлый, исхудалый, закоптелый, загорелый* и т. п.). Формы на *-лый* вовсе не образуются от переходных глаголов.

Естественно, что причастия на *-ший* и особенно на *-виший*, сохраняющие семанти-

* Вопрос о близости глагола к прилагательному оживленно обсуждался в русских философских грамматиках начала XIX в. ^a

ко-грамматическую соотносительность с деепричастиями на *-в*, *-вши* и *-ши*, в которых формы времени выражены довольно ярко, редко переходят в качественные прилагательные. В отдельных случаях качественные значения образуются лишь у причастий на *-ший* (ср.: *сумасшедший день*; арх. *усопший, падый* и т. п.; см. ниже главу о причастиях).

Таким образом, переход причастий в прилагательные зависит от степени яркости временных, видовых и залоговых значений основы глагола. Чем менее в форме причастия выражены эти чисто глагольные значения, чем свободнее она от связи с объектами, тем легче она сближается с именами прилагательными.

Количество производных качественных основ прилагательных в современном русском языке невелико. И оно мало возрастает. Основы производных прилагательных восходят главным образом к категориям имен существительных и глаголов (реже - наречий).

2. О ФОРМАЛЬНЫХ ПРИМЕТАХ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО И ОБ ОСНОВНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ РАЗРЯДАХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 2. Разряды имен прилагательных

Система склонения у имен прилагательных, так же как и у имен существительных, основана на совмещении признаков рода, числа и падежа в одном окончании. В формах множественного числа имен прилагательных отсутствуют родовые различия. Ведь они здесь стираются и у имен существительных. Но — в отличие от существительных — система склонения имен прилагательных унифицирована. Она не зависит от различий словообразовательных суффиксов, не связана с ними. Прилагательные располагают только одним живым типом склонения в его «твердом» и «мягком» вариантах. Различия наблюдаются лишь в окончаниях именительного единственного числа (*добрый, -ая, -ое; кроткий, -ая, -ое; синий, -яя, -ее; волчий, -ья, -ье*); именительного-винительного множественного числа: *добрые* (= *добрый*); *кроткие* { *кроткий*}; *синие* (= *синий*), *волчи* и отчасти винительного падежа единственного числа (*волчью, волчье*). Склонение большей части местоименных прилагательных также отличается лишь основами, формами именительного падежа обоих чисел и винительного падежа единственного числа (*тот, та, то, ту, те; весь, вся, всё, всю, все* и т. п.; но ср. также творительный падеж единственного числа *всем, тем*). Только так называемые нечленные, или краткие, прилагательные на *-ов, -ин* (*отцов, мамин* и т. п.), обозначающие принадлежность одному определенному существу (лицу или животному), выделяются кроме форм именительного и винительного падежей также формами родительного и дательного падежей единственного числа мужского и среднего рода, совпадающими по окончаниям с системой склонения имен существительных.

Таким образом, устанавливаются три основных типа прилагательных по различиям системы склонения: 1) основной, качественно-относительный; 2) притяжательный и 3) местоименный.

§ 3. Об основном формальном признаке качественных прилагательных

В разряде качественно-относительных имен прилагательных окончания *-ый* (*-ой, -ий*), *-ая(-яя)*, *-ое(-ее)* (в их графическом или фоническом выражении — безразлично) приходится рассматривать и как формальную приметку рода, числа и падежа и как основной аффикс, выражающий общее грамматическое значение качественного признака.

Вся падежная система имени прилагательного, органически связанная

с аффиксом *-ый, -ая, -ое (-ий, -ья, -ее)* и образующая замкнутый круг соотносительных и взаимосвязанных окончаний, служит морфологическим выражением «понятийной категории» качества. Окончания прилагательного, попадая в категорию предметности, там функционально преобразуются. Они становятся окончаниями-суффиксами существительного, переставая быть знаками качества. Ср. в рассказе В. Каверина «Нигрол»: «*Рулевой* открыл глаза. Тогда я увидел, что вовсе не *рулевой* это был, а *рулевая*».

Родовые и числовые функции прилагательного в именительном падеже непосредственно связаны только с морфемами: *-О, -а, -о: глух, -а, -о; отцов, -а, -о; ср.: добр-ый, добра-я, добро-е* и т. п. Те грамматисты, которые видят в аффиксе *-ый, -ой(-ий), -ая(ья), -ое(-ее)* только указания на род и по этому признаку относят имена прилагательные к классу «родовых слов» (наряду с формами прошедшего времени глагола), не замечают в аффиксе *-ый* самого главного, т. е. его собственной, индивидуально грамматической функции, связанного с ним общего значения качества или оттенка качественности. Это категориальное значение качества или качественности лежит в основе всей системы «форм словоизменения» имен прилагательных.

Таким образом, значение аффикса *-ый, -ой(-ий), -ая(ья), -ое(-ее)* во всех его падежных вариантах отнюдь не исчерпывается указанием на падеж, род и число. Система падежных окончаний полных прилагательных — вся в целом — является выражением значения качества как семантической основы категории имени прилагательного. Еще К. С. Аксаков видел в аффиксе *-ый(-ой, -ий), -ая(ья), -ое(-ее)* выражение качества, которое «имеет значение само по себе и может быть понято как нечто отдельное, хотя также проявляющееся на предмете»¹⁰.

Вслед за К. С. Аксаковым это было отмечено А. М. Пешковским, который рассуждал так: «Если в *туманный* простая основа обозначает предмет (*туман-*), а суффикс — отношение к этому предмету (*-и-*), то, очевидно, значение качества может быть заключено только во флексии *-ый*, т. е. в том самом аффиксе, который именно и делает его прилагательным. Таким образом, даже и в относительных прилагательных, поскольку они именно прилагательные, вскрывается оттенок качественности»¹¹.

В самом деле, значение качественности только в редких случаях выражается самим корневым элементом прилагательного. Даже такие морфологически неразложимые качественные основы, как *смел-, рыж-, добр-, быстр-, прост-, храбр-, груб-, худ-, хил-* и т. п., в современном русском языке уже не являются чистыми и прямыми формами имен прилагательных. Ведь краткие формы прилагательных не склоняются и включают в себя категорию времени, а следовательно, тяготеют к выходу за пределы категории прилагательного. В связи с этим возрастают многообразие и семантический вес суффиксов имени прилагательного. В связи с этим приобретают особенную выразительность полные окончания прилагательных во всех падежах. Но само по себе окончание *-ый, -ая, -ее* со всеми его падежными вариантами в современном русском языке уже не является продуктивным средством образования новых прилагательных. Его значение слишком обще и отвлеченно. Оно содержит в себе лишь самое общее указание на качество, относимое к предмету. Оно несет синтаксическую функцию согласования. Поэтому перевод основ имени существительного или глагола в категорию качества нуждается кроме присоединения окончания в дополнительных средствах выражения в виде суффиксов. Одного аффикса *-ый(-ая, -ое)* без поддержки суффикса стало уже недостаточно для образования формы прилагательного от основ имени существительного или глагола. Сам по себе аффикс *-ый(-ий), -ая(ья), -ое(-ее)* выражает значение вневременной качественности только в чисто качественных производных прилагательных — и притом в их полных формах — в отличие

от соотносительных кратких форм, выражающих качественное состояние во времени. Ср.: *жив* (чем люди живы; не одним хлебом жив человек) и *живой* (например, *живой труп*). В относительных же прилагательных, т. е. в прилагательных, обозначающих признак как отношение к предмету, аффикс *-ый* придает этому признаку отвлеченный оттенок качественности. Он служит средством качественного обобщения предметно-относительных значений. При отсутствии соотносительных кратких форм общее качественное значение аффикса *-ый(-ой)* выступает более рельефно и непосредственно в именах прилагательных с непроизводными основами: *любой, голубой, полный* и т. п. Таким образом, сердцевину категории имени прилагательного составляют качественно-относительные прилагательные. На периферии этой категории имен прилагательных различаются притяжательные и местоименно-ука-зательные.

§ 4. Притяжательные имена прилагательные

Притяжательные прилагательные вроде *сестрин, -а, -о; отцов, -а, -о* и т. п. имеют в именительном и винительном падежах всех родов и чисел, а также в родительном и дательном падежах мужского и среднего рода единственного числа только краткие формы. В этих прилагательных отсутствует живой аффикс качественности *-ый*. Формы склонения резко отличают эти прилагательные от несклоняемых кратких форм качественно-относительного разряда: притяжательные прилагательные употребляются в функции определения предмета и в функции предиката. Тип их склонения смешанный, совмещающий окончания имен существительных и прилагательных. Естествен вывод: притяжательные прилагательные лишены оттенка качественности, и сама при-лагательность их условна.

Необходимо глубже проникнуть в грамматическую природу притяжательных прилагательных. Прежде всего бросается в глаза некоторое сходство между ними и такими местоименными прилагательными, как *мой, твой, наш, ваш, тот, этот*. Между обоими разрядами обнаруживается тесная смысловая связь. Оба они не только выделяют предмет, но и индивидуализируют его посредством непосредственного указания на него самого или посредством указания его владельца. Этой особенностью притяжательные и указательно- или притяжательно-местоименные прилагательные резко отличаются от всех других. Они выполняют функцию указания (в широком смысле этого слова), а не качественного определения. Сущность этого индивидуализирующего указания легко понять, сопоставив, например, значение таких слов, как *женин, сестрин, дядин, патин, нянин, Старостин, бедняжкин, курицын* и т. п., со словами вроде *лошадиный, гусиный, комариный, соловьиный, куриный, крысиный, львиный* и т. п., или слова типа *отцов, приятелей, швейцаров* и т. д. с прилагательными на *-овский, -ский* или *-овый, -овой: отцовский, приятельский, кротовый, садовый, полевой, домовый* и т. д.

Формы с членными окончаниями *-овый, -иный* обозначают не притяжа-тельность, а качественное отношение к кому-нибудь, чему-нибудь или свойственность кому-нибудь, чему-нибудь (ср. также значения прилагательных на *-ий, -ья, -ье*, вроде *заячий, телячий*, которые в современном языке также принадлежат к типу членных прилагательных)*.

Уже в грамматиках первой половины XIX в. (например, у Н. И. Греча)

* Достаточно сопоставить значения слов *пастухов* и *пастуший, кошкин* и *кошачий, петухов* и *петуший*, чтобы понять резко выраженную качественность форм на *-ий*. Об этом же говорит широкое развитие в них переносных значений, например: *рыбий темперамент, кошачья живучесть, телячья нежности, петуший* (или *петушиный*) *задор* и т. п. (см. ниже).

притяжательные личные (или частные), происходящие от имени одного определенного существа (*женин, львов* и т. п.), противопоставались родовым, или общим (*львиный, женский* и пр.)¹².

Павский настаивал на необходимости решительно отделять прилагательные усвоительные, т. е. притяжательные, от качественных и относительных прилагательных.

Павский ясно и точно охарактеризовал указательную природу прилагательных на *-ов, -ин*: «Окончание *-ов* (*и -ев, -а, -о*) образует имена прилагательные, означающие принадлежность или усвоение лицом и животным, и притом усвоение ближайшее, относящееся к одному известному лицу и животному... Когда усвоение относится не прямо к лицу или известному животному, а к целому обществу лиц или к породе животных, тогда окончание *-ов* переходит в неопределенную двоичленную форму и принимает вид *-овьш, -ая, -ое* или *-евьш, -ая, -ое...* Собственные имена лиц не могут переходить в эту двоичленную форму, потому что собственное имя не может принадлежать многим, но имена названий и должностей человеческих легко принимают окончание *-овьш...*»¹³ И о суффиксе *-ин* Павский писал: «Это окончание *-ин* во всех отношениях по значению своему похоже на окончание *-ов*, которым означает ближайшее усвоение»¹⁴.

Таким образом, прилагательные притяжательные, подобно указательным местоимениям, несут функцию индивидуализирующего, обособляющего указания на принадлежность одному существу, единичному обладателю. Общности качества, выражаемого прилагательным качественно-относительным, здесь противостоит значение индивидуализирующего выделения предмета.

Анализ значений притяжательных суффиксов *-ов, -ин* может точнее уяснить общее содержание категории притяжательности в современном русском языке.

Суффикс *-ов, -ев*, производящий имена прилагательные от существительных мужского рода на твердый и мягкий согласный и очень редко - в просторечии — от существительных среднего рода и выражающий принадлежность одному определенному (обозначенному основой имен существительных) существу, в книжных стилях литературного языка угасает. Он вытесняется родительным падежом имени существительного, выражающим как единичную, так и коллективную притяжательность. Неудобство притяжательных на *-ое* состоит в том, что они указывают на принадлежность только единичному лицу и не могут обозначать множественного владельца. Между тем в русском языке установился полный параллелизм между посессионной (притяжательной) функцией множественного и единственного числа. Индивидуальная, единичная принадлежность уже не выделяется грамматически как основной признак, как отличительное свойство предмета. Выражение отношений притяжательности между предметом и лицом или коллективом, группой лиц синтаксически закреплено за формой родительного падежа имени существительного и единственного и множественного числа (родительный владельца). В этом отношении нет соответствия между собственно притяжательными и местоименными прилагательными (ср. употребление *мой, твой, свой, наш, ваш* в притяжательном значении и отсутствие значения принадлежности у родительного: *меня, тебя, себя, вас, нас*). Семантический объем притяжательных местоимений гораздо шире. Они имеют целый ряд дополнительных указательных и качественных значений (сверх оттенка прямой притяжательности).

Суффикс *-ов, -ев* все больше специализирует свое значение как суффикс официальных фамильных имен (*Петров, Иванов, Горев, Стеклов, Морев* и т. п.). Угасанию и во всяком случае ограничению притяжательных на *-ое* способствовало семантическое обособление прилагательных на *-овый* (ср..

крокодилов и *крокодиловый*). Впрочем, в языке художественной литературы и в устной речи суффикс *-ов* еще очень живуч^{14а}.

Ср. у М. Горького: «Неужто *отцовы* слова так тяжело слушать?» («Мещане»); у Л. Сейфуллиной: «Старуха... глянула прямо в *сыново* лицо» («Старуха»); у К. Федина: «Черными дырками нор рябила голая, плоская степь, и только с *Евграфовым* чутьем можно было выбрать в этой ряби настоящее *сусликово* жильё» («Братья»); у Л. Леонова: «Он уже оплывал, все глубже уходя в *тестеву* коммерцию» («Скутаревский») и т. п.

Развитие качественности в притяжательных формах связано с устранением в них оттенка личной (или единичной) принадлежности. А это достигается переводом их в разряд членных полных прилагательных (ср.: *отцов* и *отцовский*: *отцовское* отношение; *женихов* и *жениховский*: *жениховский* вид; *братнина* и *братская*: *братнина* поддержка и *братская* помощь и т. п.).

Давно замечено, что для обозначения отношения к целому обществу лиц или к породе животных вместо *-ов* употребляется *-овый*, *-ая*, *-ое* или *-евый*, *-ая*, *-ое*. Например: *писцовый* («писцовые книги»), *китовый*, *тигровый*, *бобровый*, *моржовый*, *осетровый*, *раковый* («раковые шейки») и т. п.

В этих случаях значение принадлежности растворяется в общих оттенках относительной качественности (свойственный кому-нибудь, чему-нибудь, относящийся к кому-нибудь, чему-нибудь, приготовленный, выделанный из кого-нибудь, чего-нибудь и т. п.)¹⁵.

Другой притяжательный суффикс *-ин* образует краткие прилагательные от названий лиц и животных с окончанием на *-а*, *-я* (и реже от слов женского рода на мягкий согласный с нулевым окончанием в именительном падеже): *мамин*, *тетин*, *дядин*, *кошкин*, *курицын*, *свекровин* и т. п. (ср. суффикс *-нин* в трех словах, обозначающих принадлежность лицам из родни: *братнин*, *мужнин*, провинц. *зятнин*, а также устар. *дочернин*)*.

В современном русском языке суффикс *-ин* служит для обозначения индивидуальной принадлежности, преимущественно в фамильно-бытовых и семейно-домашних отношениях. Он стойко держится в словах, производных от обозначений родственников, от ласкательных личных имен, а также от официальных женских и мужских имен на *-а*, *-я*: *тетин*, *теткин*, *мамин*, *мачехин*, *папин*, *дядин*, *нянин*, *женин*, *сестрин*; *Танин*, *Надин*, *Колин*, *Ванин*, *Варварин*, *Надеждин* и т. п. Например: «Только съезди ты, поклонись гробу матери твоей, да и *бабкину* гробу кстати» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «На то есть воля *батюшкина*, чтобы я шла замуж» (Островский, «Бедность не порок»); ср. у Чернышевского: «Из *хозяйкина* кармана было тут тысячи три, не больше» («Что делать?»).

Не подлежит сомнению, что устойчивости этого суффикса способствует ясность его состава: с *-ин* живо связывается значение единичности, индивидуализирующего обособления (ср. суффикс *-ин* в форме ед. ч. существительных типа *гражданин*, *дворянин*, *крестьянин* и т. п. или *-ина* в *хворостина*, *тесина*, *картофелина* и т. д.).

А. А. Потебня так писал об эволюции категории притяжательности в русском языке: «...первоначально всякое притяжательное предполагает существительное в значении особи и есть притяжательное личное. <••> Позднее... особь синекдохически принимается за образец рода, мыслится при производном прилагательном все неопределенное, причем это прилагательное переходит к значению притяжательного родового и относительного, т. е. приближается к безотносительному, качественному. Чем древнее строй языка и чем образнее в этом языке обычное мышление, тем обычнее употребление суф-

* К ним примыкает областное просторечное *сыннин*. Ср. употребление этого суффикса в русском языке XVI—XVII вв.¹⁶

фиксов, присвоенных потом притяжательным личным там, где нынешний литературный язык требует притяжательных родовых и относительных»¹⁷.

Обособление или угасание продуктивности суффикса *-ов* и сужение круга образований на *-ин* свойственны преимущественно книжному языку (ср. замечания Р. Кошутича и А. М. Пешковского)¹⁸.

В языке художественной литературы (особенно в драматической речи, в сказовых и диалогических формах прозы) и в устном просторечии еще употребительны оба типа. Ср. у Ф. Сологуба в повествовательном стиле: «Внезапное *цыганкино* появление испугало его» («Мелкий бес»). Но тенденции расширить их функции, особенно в сторону вещных образований, не привились. Например, у Маяковского: *ребровы дуги, стеганье одеялово, губы вещины, постановление испрлкомово* и т. п. Ср. у него же «скрипкиной речи» * и т. п.

Однако не подлежит сомнению, что употребительность отдельных форм притяжательных неодинакова. Совсем вымирают нечленные формы родительного и дательного падежей мужско-среднего рода у слов с суффиксами *-ов* и *-ин*. По отношению к другим падежам наблюдается разница в употреблении прилагательных на *-ов* и на *-ин*. Притяжательные на *-ов*, по-видимому, применяются преимущественно в формах именительного и винительного падежей единственного и множественного числа, очень редко в формах женского рода единственного числа с окончанием *-ой*, главным образом в предложном падеже (*в отцовоу шубе*), и еще реже в косвенных падежах множественного числа. От притяжательных на *-ин* широко употребительны не только краткие формы именительного и винительного падежей, но и полные, членные формы всех косвенных падежей.

В русском литературном языке XIX в. под влиянием просторечия краткие формы родительного и дательного падежей мужского и среднего рода единственного числа у притяжательных на *-ин* вытесняются членными, полными образованиями, например у Л. Толстого: «Три версты... отделяли церковь от *тетушкиного* дома» («Воскресение»); у Салтыкова-Щедрина: «Порфиша и себя, и семью — все вверил *маменькиному* усмотрению» («Господа Головлевы»); у Ф. Достоевского: «В углу установлен был большой глиняный таз с водою, приготовленный для ночного мытья детского и *мужниного* белья» («Преступление и наказание») и т. п. Ср. также у И. С. Тургенева: «возле *матушкиного* кресла» («Первая любовь») и др. В современном языке у Безыменского: «И вот недавно заехал к маме из нового *ячейкиного* дома» («Партбилет») и т. п.

Как в суффиксе *-ов*, так и в суффиксе *-ин* переход в членную форму (*-иный, -ая, -ое*) связан с устранением притяжательного значения. Слова на *-иный* имеют значение качественно-относительное и образуются только от названий животных: *воробьиный, голубиный, гусиный, журавлиный, звериный, змеиный, куриный, лебединый, лосиный, лошадиный, львиный, муравьиный, орлиный, ослиный, пчелиный, соколиный, утиный, ястребиный* и т. п. Ср. у Тургенева в «Дневнике лишнего человека»: «возбужденный *гусиным* выражением моего лица».

С категорией индивидуальной притяжательности тесно связаны продуктивные фамильные обозначения лиц на *-ов, -ин* (*Иванов, Блохин* и т. п.). Круг их производства шире, чем притяжательных. Они образуются не только от названий живых существ, но и от имен существительных, принадлежащих к категории неодушевленности. В этом случае «имя неодушевленное или имя среднего рода становится прозвищем человека и, таким образом, делается как бы уже названием одушевленного существа», - писал К. С. Аксаков¹⁹.

— * Слова с суффиксом *-ий, -ья, -ье* (вроде *вопли автомобильи* и т. п.), несмотря на своеобразие форм именительного и винительного падежей, являются характерным примером синкретического притяжательно-относительно-качественного употребления имен прилагательных.

Между тем вообще от имен существительных среднего рода (за исключением обозначений фамилий) не образуются притяжательные на *-ов* и *-ин*, так как имена среднего рода, не обозначая лиц, не мирятся с понятием «личного права собственности»²⁰.

Известно, что в древнерусском быту вплоть до эпохи западноевропейского влияния прозвища имели широкое распространение рядом с христианскими именами. Бытовое употребление даваемых церковью имен было ограничено всякого рода религиозными табу. Не подлежит сомнению, что прозвища отразились в фамилиях. Фамилии на *-ов*, *-ев* производятся преимущественно от имен существительных одушевленных и неодушевленных мужского (не на *-а*) и среднего рода, реже — от слов женского рода, еще реже — от основ прилагательных и глаголов, например: *Карпов*, *Виноградов*, *Садовников*, *Терпигорев*, *Мальшев*, *Горохов*, *Горев*, *Солнцев*, *Кирпичов*, *Золотое* и т. п.; ср.: *Акулов*, *Широков*. Фамилии на *-ов* в мужском роде, кроме формы творительного падежа на *-ым* (безударное и поэтому близкое к *-ом*), закрепили за собою окончания склонения существительных. То же явление наблюдается и в фамилиях на *-ин*, образуемых преимущественно от слов женского рода на мягкий согласный и от слов на *-а* (как мужского, так и общего, и женского рода), например: *Воеводин*, *Володин*, *Громилин*, *Костин*, *Анашкин*, *Федин*, *Дурьлин* и т. п. Фамильные имена на *-ин* отличаются от притяжательных и ударением. Притяжательные имеют неподвижное ударение: слова с суффиксом *-ов* имеют ударение или на основе существительного, если в производящем имени существительном ударение неизменно сохраняется на том же слоге (*приятель* — *приятелев*), или на самом суффиксе *-ов*, если производящее существительное переносит ударение на окончания (*отцов*, ср.: *отец* — *отца*; *царёв*, ср. *царь* — *царя*); в притяжательных на *-ин* ударение обыкновенно падает на коренной слог независимо от места ударения в производящем имени существительном (например, *сестрин*, но *сестра*; *женин*, но *жена*). Между тем в фамилиях на *-ин* место ударения обусловлено положением ударения в формах производящего имени существительного (*Блохийн*, *Блохина* от *блоха*; *Свиньин* от *свинья*; *Гаришин* от *Гарша*, т. е. от ласкательной формы имени *Герасим* — *Гарасим* и т. п.). Фамильные имена на *-ов*, за единичными исключениями, отражающими древнее или областное ударение (например, *Иванов* от *Ивана*), имеют то же ударение, что и притяжательные прилагательные. Фамилии мужского рода на *-ин* склоняются так же, как и фамилии на *-ов*.

Но фамилия лиц женского пола теперь гораздо ближе к именам прилагательным. В них родительный, дательный, творительный и предложный падежи имеют окончание *-ой* в соответствии с членным склонением прилагательных. Характерно резкое грамматическое отличие женских фамилий от обозначений отчества, которые как в мужском, так и в женском роде изменяются по системе склонения существительных (*Васильевич*, *-а*, *-у*, *-ем*, *-е*; *Петровна*, *-ы*, *-е*, *-ой*, *-е*). Отличия в склонении фамилий женского рода объясняются не только поздним переходом их в существительные, но и социальными причинами — положением женщины в дореволюционном обществе. Так как фамилия жены определялась фамилией мужа (как фамилия детей фамилией отца), то, по-видимому, женская фамилия долго рассматривалась как форма притяжательного прилагательного, производная от соответствующей мужской фамилии: фамилия *Петрова* собственно значила — принадлежащая Петрову и т. п. Необходимо прибавить, что во множественном числе фамильные имена склоняются так же, как имена прилагательные: *Ивановы*, *Ивановых*, *Ивановым*, *Ивановыми*, *Ивановых*.

Гораздо раньше субстантивировались названия городов и поселений на *-ов*. Правда, в русских грамматиках XVIII и первой четверти XIX в. эти собственные имена относятся к тому же разряду, что и фамилии. В творительном падеже для них указывается окончание *-ым*, *-им* (*под Азовым*). Но уже в «Практической русской грамматике» Н. И. Греча отмечается, что «имена Киев и Псков и кончающиеся (т. е. оканчивающиеся.—Д. В.) на *-ск*, *-цк*, *-ель* (*Тобольск*, *Бежецк*, *Ярославль*) склоняются, как существительные»²¹, т. е. в творительном падеже имеют окончание *-ом(-ем)*. В «Русской грамматике» А. Х. Востокова также говорилось, что «имена городов Киев, Псков (Ростов, Гдов и некоторые другие. — В. В.) склоняются и в творительном падеже, как существительные: *Киевом*, *Псковом* ^вместо *-вым*)»²². В «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева дается общее и определенное указание, что «краткие прилагательные имена относительные, сохранившиеся в названиях городов»³, склоняются как существительные (например, *за Киевом*, *Полоцком* и т. п.). Но тут же находится противоречащее замечание, что все прилагательные на *-ов* и *-ин*, обращенные в имена

собственные лиц и городов и пр., имеют в предложном падеже окончание *-е*, а в творительном *-ым(-им)*. А. А. Шахматов в «Очерке современного русского литературного языка» стремился устранить это противоречие и точнее определить правила образования творительного падежа от названий городов в книжном языке. По наблюдению А. А. Шахматова, имена городов на *-ов*, *-ев* и *-ин* (так же как и все нг *-ск* и на мягкий согласный) целиком переходят в склонение имен существительных, если они утратили связь с притяжательными прилагательными (например: *под Глуховом, под Черниговом, с Киевом, с Ростовом, с Гдовом, под Кашином* и т. п.). В этом случае именное окончание появляется и в творительном падеже. По-видимому, то же правило относится и к названиям городов и селений среднего рода на *-ово* (*Сормово, Колти-но*). Но «названия городов, стоящие в сознании говорящих в прямой связи с тем или другим именем, склоняются так же, как фамилии: *Романов, Борисов, Юрьев, Царицын*, имеют именное окончание во всем склонении (ед. ч.), кроме, однако, творительного падежа: *с Романовым, с Царицыным*»²⁴.

В современном языке, отчасти под влиянием живого произношения, в котором заударные окончания *-ом* и *-ым* совпадают, отчасти под влиянием стремления избежать омонимии (*с М. И. Калининым*, но *с городом Калинин*), наблюдается тенденция закрепить в письменном языке окончание творительного падежа *-ом* за всеми названиями городов с суффиксами *-ов*, *-ин*, *-ово*, именительного *-ино* (если они склоняются, а не консервируются искусственно в форме им. п.).

Таким образом, совершенно очевидна хилость группы нечленных притяжательных на *-ов*, *-ин*. Находясь на периферии класса имен прилагательных, эти притяжательные синтаксически тяготеют к слиянию с качественно-относительными словами (ср. членные формы косвенных падежей женского рода, творительного и предложного мужского и среднего рода, членные формы косвенных падежей множественного числа). Но этому объединению мешает оттенок индивидуализирующей, личностной принадлежности, так ярко окрашивающий притяжательные прилагательные. А. М. Пешковский очень тонко заметил: «В прилагательных типа *братнин, отцов* суффиксы *-ин* и *-ов* обозначают прямую принадлежность (не просто отношение!), а значение это само по себе связано с отвлечением от тех или иных качеств; мы им указываем, что предмет всецело со всеми своими качествами, каковы бы они ни были, принадлежит другому предмету»²⁵ (вернее: указанному основой имени существительного данному единичному лицу).

Притяжательные на *-ов*, *-ин* застывают на стадии указательных слов, обозначающих единичного владельца. Этот узкий круг употребления кладет резкую грань между ними и качественно-относительными прилагательными. Отдаляются от них и местоименно-указательные прилагательные, в которых все более развиваются разнообразные оттенки качественных значений.

Для того чтобы закончить обзор притяжательных прилагательных, следует рассмотреть еще относительные прилагательные с суффиксами *-ий*, *-ья*, *-ье*, которые и по лексическому значению, и по формам (именительного и винительного падежей) частично примыкают к кратким притяжательным (*-ья*, *-ье*; *-ью*, *-ье*); ср. архаические формы в идиоматизмах: «По *щучью* веленью все тебе готово» (А. Кольцов, «Первая песня Лихача Кудрявича»); ср. в дореволюционном официально-школьном выражении *закон божий*: «преподавание *закона божия*»; «получить двойку по *закону божью*»; ср. у Ф. М. Достоевского в «Униженных и оскорбленных»: «Как ангела *божия* ждала вас» и другие подобные*.

Акад. А. А. Шахматов указывал на то, что у прилагательных на *-ий*, *-ья*, *-ье* совпали членные и нечленные формы именительного и винительного падежей всех родов и чисел. Стяжение звуков в членной форме именительного па-

* Ср. у Пушкина: «Веленью *божью*, о муза, будь послушна»; «Прокрасться в ночь ко *вражьей* стану»²⁶.

дежа мужского рода имело следствием совпадение этой формы с формой именительного падежа склонения именного, нечленного (*кози-й* вместо *козиши*). Это уже в древнерусском языке повело к тому, что в именительном и винительном всех родов и чисел вместо форм местоименного, членного склонения стали употребляться формы склонения именного, вместо *кощца, коз/у/у, коз/е-је, козиши* и т. п. стали употребляться формы *коз/а, коз/у, КОЗЕ, КОЗУ*. Ср. совр.: *лисья, лисью, лисье, лисьи* в именительном и винительном падежах при *лисьего, лисьем* и т. д. в других падежах²⁷. Таким образом, все формы прилагательных на *-ий, -ья, -ье* в современном языке А. А. Шахматов, на основании окончаний *-его, -ему* и т. п. в косвенных падежах, возводил не к именному, а к местоименному, членному склонению, а в формах именительного и винительного падежей видел результат «гаплогонии», т. е. упрощения двух тождественных сочетаний: *козья* вместо *козьья, козье* вместо *козьее* и т.д.²⁸

Однако существует и другое, не менее вероятное объяснение системы склонений *козий* и т. п. Согласно этому объяснению, именительный и винительный падежи сохранили свои старые именные, нечленные формы, а другие падежи пошли по пути аналогии с формами склонения членных прилагательных вроде *синий*²⁹. Общим и достоверным в той и другой гипотезе является указание на то, что в системе словоизменения прилагательных *козий* — *лисьий* и т. п. слились два морфологических типа — нечленный и членный. Но это слияние двух систем формообразования не могло не отразиться и на функциях этого разряда прилагательных. В самом деле, прилагательные на *-ий, -ья, -ье* употребляются в притяжательном значении, но в них совершенно отсутствует оттенок конкретно-единичной притяжательности, оттенок принадлежности данному единичному существу. Н. И. Греч относил прилагательные с этим суффиксом к разряду «родовых притяжательных»³⁰. Однако основное значение их — относительное: они обозначают разнообразные отношения к людям и животным (с возможностью качественного переосмысления этих отношений).

В современном языке суффикс *-ий* прежде всего обозначает типичное для кого-нибудь (чаще для какого-нибудь животного) свойство. Он образует относительные имена прилагательные от основ имен существительных, обозначающих живое существо (при этом в основах существительных заменяются конечные *г, к, х, зубные т* и *д* и аффриката *и* чередующимися с ними шипящими согласными): *медвежий* (ср. *медведь*), *верблюжий* ('ср. *верблюд*), *лебяжий* (ср. *лебедь*), *волчий, заячий, птичий, рачий* (*рачьи глаза*), *белужий*; ср.: *бараний, павлиний, коровий, олений, рыбий* и т. п. Но ср.: *лисьий, крысий* (от *крысиний*), ср. архаические формы: *воловий, слонобий*; ср. также: *беличий* (к *белка* от исчезнувшего слова *белица*), *говяжий* (Ът старинного *говядо*, ср. *говядина*).

В том же значении, но исключительно в применении к животным употребляется *-инный*: *соловиный, козлий, орлиный, львиный, лошадиный, свиный, мышинный, крысинный, куриный*; ср. *утиный**. Ср.: *петуший* и *петушинный*.

С суффиксом *-ий(-ья, -ье)* в этом значении генетически связан суффикс *-ячий* (в значении: свойственный каким-нибудь детенышам или каким-нибудь животным). Он некогда был соотносителен с суффиксом имен существительных *-я/и-*, сохранившимся в формах множественного числа на *-ята*: *поросята — поросячий; телята — телячий; ребята — ребячий, крысята — крысячий*

*Ср. у Мажковского:

Невыносим человеческий крик. Но *зверий*

душу верёвкой сворачивал. (Я вам переведу *звериный* рык, если вы не знаете языка *зверьячьего*)...

(«15000000») 171

и т. п. В настоящее время это соотношение у некоторых слов нарушено, ср.: *кошачий* (при *кошечий* от *кошка*); *гагачий*, несмотря на отсутствие форм *ко-шата*, *гагата*, и, например, при форме *орлята* отсутствие слова *орлячий* (ср. также значение слов *индюшачий* при *индюшечий*, *бычачий*, *свинячий* при неупотребительности *свинята* и другие подобные).

Кроме того, образования с суффиксами *-им*, *-ья*, *-ье* имеют значение: приготовленный, выделанный из чего-нибудь (в соответствии с производящим именем существительным): *лисья шуба*, *мерлушечий тулуп*, *рыбий жир*, *собольий воротник* и т. п.

Наконец, с помощью суффиксов *-ий*, *-ья*, *-ье* когда-то производились вообще от имен существительных, обозначающих лица преимущественно по профессии, социальному положению, возрасту, должности, прилагательные со значением: свойственный кому-нибудь, например: *мужичий* (ср. у Шолохова в «Тихом Доне»: «Григорий с щемящим любопытством разглядывал их простые мужичьи Y5\а.ia.v>у помещичий, сапожничий, пастуший, девичий, вдовый, *старушечий*, *вражсий*, *княжсий*, *охотничий*, *человечий* (только в физическом, материальном смысле: *человечий глаз*, *человечья голова*, но ср. *человеческий*: *человеческое отношение*) и т. п.*

Относительные прилагательные с суффиксами *-ий*, *-ья*, *-ье* легко развивают и качественные значения, так как *грань между качественными и относительными прилагательными* очень подвижна и условна. Например: «жизни *мышья беготня*» (Пушкин); *прийти в телячий восторг*; *волчий аппетит*; *медвежья услуга*; *петуший задор оппонента*; *собачий холод* и т. п.

Морфологические и семантические различия между притяжательным разрядом имен прилагательных и качественно-относительным очевидны. Судьба притяжательных лишена перспектив³¹. Притяжательные характеризуются, кроме своеобразной «смешанной» системы склонения (нечленные формы в именительном и винительном падежах обоих чисел, в родительном и дательном единственного числа мужского-среднего рода; членные формы в творительном и предложном единственного числа мужского-среднего рода, в родительном, дательном, творительном, предложном падежах женского рода единственного числа и в косвенных падежах множественного числа), безусловным отсутствием степеней сравнения и невозможностью производства «уменьшительно-ласкательных» форм, вообще форм субъективной оценки. Кроме того, для притяжательных прилагательных характерна несоотнесенность с наречиями: наречные образования от притяжательных форм на *-ов*, *-ин* невозможны. Некоторые из этих признаков как будто роднят притяжательные прилагательные с разрядом местоименных прилагательных.

По-видимому, это сближение имел в виду акад. А. А. Шахматов, отмечая в притяжательных прилагательных «название отношения» и подчеркивая совпадение суффиксов притяжательности с «указательными основами»: *-ов* (ср. старославянское местоимение *овъ*, *овый*), *-ин* (ср.: *иной*, *ин-ок*, суффиксы существительных *-ин*, *-ина*)³².

Однако связь притяжательных прилагательных с местоименными очень внешняя и односторонняя.

§ 5. Местоименно-указательные имена прилагательные

В категории имен прилагательных местоименные слова образуют особую морфологическую группу. Они выделяются не только своим лексическим значением — ***Расширение функций этого суффикса в языке Маяковского и применение его в образованиях от основ неодушевленных имен существительных (например: *штычий блеск*, *флажьи веки*, *домовьи леса* и т. п.) связаны с общей тенденцией стиля Маяковского к олицетворению, к персонификации предметов и понятий.**

чением, но и грамматическим строением. Только среди этой группы наблюдаются корни-основы, состоящие из одного или двух согласных (например: *т-а, т-о, т-ого, т-ому* и т.п.; *ч-ей, чь-его, вс-его, вс-ему* и т.п.; ср. устар. *с-ей, с-его, с-ему* и т. д.). Большая часть основ у местоименных прилагательных односложна (*мой, твой, свой, ваш, наш, эт-ого, так-ой, как-ой, всякий, кажд-ый, сам* и т. п.). В этом отношении они примыкают к тем разрядам имен прилагательных, которые для современного литературного языка являются непроизводными (*белый, хромой, слепой, глухой, левый, правый* и т. п.).

Действительно, часть местоименных прилагательных слилась с непроизводными качественно-относительными. Таковы: *этакый, такой, какой, никакой* (ср. просторечное выражение «поэт он — *никакой*»; ср. у Лескова в «Островитянах»: «А какой ему Роман Прокофьич был друг? — Да *никакой*»; ср. у К. Станиславского в книге «Работа актера над собой»: «Я *никакой* музыкант в некотором смысле и играю дома потихоньку, когда бываю совсем-совсем один». Ср. у того же Лескова в очерках «Смех и горе»: «Требуется наблюдательность, а у меня ее *никакейшей*» и далее: «Наблюдательности у него *никакейшей*»); *какой-нибудь, какой-то, какой-либо* (ср. *любой*); *сякой* (употребляющееся только в просторечно-идиоматическом выражении *такой-сякой*); *каждый, всякий, некоторый*, ср. *одинаковый*; ср. также: *иной, другой, целый*. Конечно, остаются обособленными формальные слова *самый* и *который*. (Ср., например: *самый* в составе сложной, аналитической формы превосходной степени — *самый неприятный*; ср. вообще для обозначения степени: *по самому верху*.) У этих прилагательных во всей системе склонения ударение остается или на основе, или на окончании, так же как у всех других разрядов имен прилагательных, кроме местоименного в собственном смысле ^А.

Остальные местоименные прилагательные отличаются от качественно-относительных прилагательных формами именительного и винительного падежей единственного и множественного числа. Ср.: *тот, та, то, те*; винительный: *ту, этот, эта, это, эти*; винительный: *эту, весь, вся, всё, все*; винительный: *всю, сам, сама, само, сами*; винительный: *самоё* и разг. *саму*; *один, одна, одно, одни; одну; мой, моя, мое, мои; мою* и т. д. Некоторые местоименные прилагательные, сверх того, резко выделяются и особенностями в образовании форм косвенных падежей. Например, у слов *весь* и *тот* характерны: форма творительного единственного — *всем, тем*; формы косвенных падежей множественного числа — *все-х, все-м, все-ми; тем, теми*.

Кроме того, большая часть местоименных прилагательных (кроме *наги, наш, этот, некий*, устар. *кой*) переносит в косвенных падежах ударение на последний слог окончания: *того, тому; моего, моему* (ср. наречие *по-моему*); *«сего, всему* и т. и. Впрочем, эти своеобразия основ и форм склонения — лишь пережитки древних грамматических систем, когда эти местоименные слова еще составляли особый грамматический класс местоимений.

Некоторая обособленность отдельных местоименных форм сказывается и в своеобразиях их синтаксического употребления. Так, местоимение *сам*, сохраняя формы согласования, употребляется в функции выделительно-усилительной частицы или наречия (*сам черт ногу сломит в этом деле; в этом вопросе я рачберусь сам; я сделаю это сам* и т. п.). Точно так же *весь* тяготеет и к субъекту действия, и к самому действию, имея усилительно-обобщительный смысл. На этой почве в формах *весь, вся, всё* развиваются значения согласуемого наречия и категории состояния (например: *сахар вышел весь; сахар у нас весь; класс отличается весь* и т. п.).

Главный морфологический признак современных местоименных прилагательных состоит в том, что, примыкая к разрядам притяжательных и качественно-относительных слов, они в то же время лишены их словообразова-

тельных примет. Лишь единичные местоименные прилагательные, и притом свойственные только просторечию, осложнены суффиксами относительных имен прилагательных. Например, производные качественно-относительные — *свойский, ихний*. Ср. у Л. Андреева: «Давно неотступно шел по *ихнему* пути» («Иуда»); «Покоренная красотой и самоотречением *ихней* жизни, волновалась до краски в лице» («Тьма») и т. п.

Все первоначальные местоименные прилагательные, с точки зрения современного литературного языка, являются непроизводными. Притяжательные: *мой, твой, свой, наш, ваш, чей* в своем прямом притяжательном значении, по своим корневым согласным (*м-, т-, ев-, н-, в-, ч-, (nj-)*; ср.: *наш — нас; ваш — вас*) соотносительны с группой личных и предметных местоимений (*меня, тебя, себя* и т. п.). Но они очень далеки от притяжательных прилагательных на *-ов, -ин* и резко отличаются от них формами косвенных падежей. Местоименные слова с суффиксом *-ов*: *таков, каков* — включают в себя значение времени, относятся к категории состояния и тоже ничего общего не имеют с притяжательными. Кроме того, и лексические значения слов *мой, твой, свой, ваш, наш* далеко выходят за пределы прямой притяжательности *. Например, *ваш* имеет значение: угодный вам, близкий вам. «Я думаю, он просто якобинец, *ваш* Чацкий» (Грибоедов). Да и в притяжательном употреблении *ваш* носит ярко выраженный оттенок качественности. Например: «И вы не смаете всей *вашей* черной кровью поэта праведную кровь» (Лермонтов). Ср. *наш*: «Пусть мы в борьбе сжигаем *наши* дни» (Безыменский); «Тесней, о милые друзья, тесней *наш* верный круг составим» (Пушкин).

Все эти местоименные прилагательные, так же как указательные *тот, этот, арх. сей*, неопределенное *некий*, совокупное *весь*, усилительно-выделительное *сам*, обнаруживают в своем составе непроизводные основы, по своему значению и строению резко отличающиеся от основ качественно-относительных прилагательных.

Показательно также, что в группе местоименных прилагательных полные, членные и краткие, нечленные формы лишены соотносительности и в современном языке образуют, бесспорно, разные слова. Например, *сам* и *самый*; *каков* в сравнении с устарелым книжно-канцелярским *каковой*. Ср. также устарелое субстантивированное *всяк* в соотношении с живым *всякий*, которое развило оценочные, качественные значения: плохой, не заслуживающий уважения и т. п.

Эта замкнутая группа местоименных прилагательных и по своим значениям выделяется из общей массы прилагательных, обозначая свойства и качества, возникающие на основе лично-притяжательных, указательно-пространственных, количественно-обобщающих, эмоционально-оценочных, абстракт-но-типизирующих, неопределенно-отвлеченных или других субъективно-указательных отношений говорящего к лицам, предметам и явлениям.

Группа местоименных прилагательных непродуктивна. Она является морфологическим и лексическим пережитком в строе современного русского языка. Характерно, что развитие местоименно-отвлеченных указательных значений у прилагательных другого типа, например: *определенный, известный, первый, последний, древний* и т. п., не оказывает никакого влияния на грамматическую судьбу местоименных прилагательных.

Подлинно живым и продуктивным является разряд качественно-относительных имен прилагательных, все сильнее и глубже ассимилирующий себе все другие смежные морфологические типы, в том числе и причастия.

* Ср. замечания А. А. Потебни о понимании принадлежности как качества определяемого слова Ч

3. КАЧЕСТВЕННО-ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ПРИЕМЫ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ

§ 6. Прилагательные относительные и качественные, их взаимодействие и текучесть границ между ними

Разряд качественно-относительных прилагательных характеризуется аффиксом *-ый* (*-ой, -ий*), *-ая* (*-яя*), *-ое* (*-ее*) и связанной с ним нормальной системой склонения — с двумя устойчивыми типами неподвижного ударения (на основе или на окончании во всех формах). Этот разряд включает в себя два вида прилагательных: 1) прилагательные качественные и 2) прилагательные относительные. Качественные прилагательные в основной своей массе отличаются от относительных: 1) наличием кратких форм; 2) способностью изменения по степеням сравнения; 3) возможностью производства уменьшительных и усилительных форм, форм «субъективной оценки» и 4) образованием соотносительных наречий на *-о, -е*. Кроме того, некоторые суффиксы имен прилагательных связаны только с качественными значениями (например, суффиксы *-ив, -лив, -чив, -ист-, -аст-* и др.).

Однако грамматическая граница между качественными и относительными прилагательными очень подвижна и условна. Она, по большей части, проходит внутри одного и того же слова, будучи обусловлена дифференциацией его значений. Например, *кустарный* в его прямом терминологическом значении, указывающем на отношении к кустарю, на домашний, не фабричный способ производства (ср.: *кустарная мастерская; кустарная промышленность; кустарные изделия; кустарный магазин* и т. п.), принадлежит к относительным прилагательным. Но в русском языке последних десятилетий возникло новое, чисто качественное значение этого слова, соединенное с оттенком пренебрежения: примитивный, неискusstный, бессистемный (например: *кустарный способ производства; кустарные приемы в работе* и т. п.; ср.: *кустарщина, кустарность, кустарничество*). Ср.: *кустарно работать; дело велось кустарно* и т. п.

В слове *концертный* кроме относительных значений: 1) *концертное отделение, концертная программа*, 2) *концертный рояль, концертный зал* есть и качественное значение, делающее из этого слова антоним прилагательного *камерный*: *концертное исполнение*.

Еще более яркий и сложный узор переплетающихся качественных и относительных значений открывается в прилагательном *золотой*. Относительные значения: 1) относящийся к золоту, содержащий золото: *золотые прииски, золотые россыпи*; 2) сделанный из золота: *золотая монета, золотое кольцо*; 3) исчисляемый на золото, по курсу золота: *золотая валюта, золотой размер, золотой стандарт*. Качественные значения: 1) такого же цвета, как золото: *золотые волосы, золотые кудри*; 2) счастливый, блаженный, блестящий: *золотое время, золотая пора*; 3) прекрасный, драгоценный, замечательный по достоинствам: *золотой человек, золотое сердце, золотые слова*. В кругу фразеологических выражений, связанных с этим словом, замечается такое же расслоение (ср., с одной стороны: *золотых дел мастер, золотое дно, сулить золотые горы* и т. п.; с другой — *золотая осень, золотая середина, золотая молодежь* и т. п.). Однако слово *золотой* в относительных и качественных значениях лишено кратких форм в общелитературном употреблении (но ср. в стихотворном языке: «Весенний день горяч и *золот*» (Игорь Северянин); «Плод осенний *золот*» (В. Брюсов). Оно не имеет и форм сравнительной степени; от него не производится наречие.

Ср. еще примеры: *железная цепь, железная решетка, железная руда*

и т. п. — и *железное здоровье, железная воля, железная дисциплина, железная логика* и т. п.; *душевная тревога, душевные движения, душевные переживания* и т. п. — и *душевный человек, душевное отношение*; *детский дом, детские игрушки, детская литература* — и *детское рассуждение, детская наивность*; *стальные ножницы, стальной шлем* и т. п. — и *стальные мускулы, стальной характер*; *молочный кисель* — и *молочная шея*; *деревянный дом* — и *деревянное лицо*; *вишневое варенье* — и *вишневое платье*; *воздушная почта, воздушный насос* — и *воздушная походка, воздушное платье, воздушный пирог* и другие подобные; *классная доска, классная работа* — и употребление слова *классный* в спортивном оценочно-качественном значении: *классный удар, классный бегун* и т. д.; *поверхностная оболочка* (тонкий слой жидкости у поверхности) — и *поверхностный человек, поверхностное отношение*; *братская могила, братское чувство* — и *братский союз, братское заступничество*; *уличное движение* — и *уличный мальчишка, уличная ругань* и много других.

Таким образом, во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качественности, который часто раскрывается и развивается в серию самостоятельных значений. С другой стороны, в самих качественных прилагательных нередко содержится оттенок значений, мало чем отличающийся от значений относительных прилагательных. Таково, например, применение слова *живой* в значении: образуемый чем-нибудь одушевленным, живым: *живой инвентарь, живая сила* (сила людей или животных, не механическая), *живая изгородь* (заграждение, забор из сплошного ряда часто посаженных кустов, деревьев) и т. п. Таково же употребление слова *звонкий* в качестве фонетического термина со значением: производимый с участием голоса: *звонкий согласный*; ср. *глухой звук*. Таково же в слове *кислый* значение химического термина: содержащий кислоту, обладающий химическими свойствами кислоты или дающий кислоту, получаемый при помощи кислоты (*кислые растворы, кислое брожение*); в слове *бешеный* — основное значение: больной водобоязнь (*бешеная собака*) и т. п.

Понятно, что и морфологические отличия качественных прилагательных от относительных не абсолютны, а условны и изменчивы. Например, качественное прилагательное *круглый* — с смысловым оттенком: полный, совершенный — употребляется применительно к глупости и невежеству в узком кругу фразеологических единств. В таком употреблении оно не может иметь ни кратких форм, ни степеней сравнения. Если сказать *о круглом болване* или *о круглом дураке*, что он *кругл* или *круглее* другого болвана или дурака, то это определение будет относиться только к внешности этих дураков или болванов, к форме их тела, а не к степени глупости. Точно так же от качественного прилагательного *коренной* не производятся ни формы субъективной оценки, ни формы степеней сравнения; кратких форм оно также не имеет. В других случаях могут отсутствовать лишь отдельные морфологические признаки качественных прилагательных. Например, у слова *больной* есть краткие формы, по крайней мере, для основного значения, например: *он психически болен*. (Но ср. отсутствие этих форм у слова *больной* в другом употреблении: *больной вагон, больной вопрос, больное место, больное воображение*.) Степеней же сравнения прилагательное *больной* (в отличие от наречия *больно*) не образует. Естественно, что и уменьшительные и усилительные формы от слова *больной*, даже в разговорной речи, производятся редко и с трудом (ср. *больнёхонек*: «Воротился сам *больнёхонек-о* (Некрасов). Сама соотносительность прилагательного *больной* и наречия *больно* сомнительна (ср. разницу значений и развитие особого слова *больно* с формами времени, с своеобразным синтаксическим управлением и отличиями в лексическом значении: *больно руку, мне было больно за вас* и т. п.). От слова *бешеный* возможны степени сравнения («трудно себе представить что-нибудь *бешеной* его характера»), но у этого

слова в современном языке почти неупотребительны краткие формы * А. М. Пешковский констатировал: «Прилагательные *слепой, хромой, глухой* в их основных значениях лишь с огромным трудом образуют степени сравнения — мы затрудняемся сказать про человека, что он *слепее, хромее, глуше* другого. И это потому, что сами качества-то эти представляются нам абсолютными, не могущими изменяться количественно. Точно так же мы уже ни в коем случае не скажем: «Этот человек *зрячее* того»^(5**).

Соотносительность с наречиями на *-о* и *-е* также не является постоянным и обязательным признаком качественных прилагательных. Наречия обычно не образуются от качественных прилагательных, которые обозначают качество абсолютное, мыслимое без оттенков или степеней (например: *неший, хромой, седой* и т. п.), или качество, приписываемое лишь узкому кругу предметов и представляемое более или менее предметно (например: *карий, буланый, гнедой* и т. п.).

Таким образом, морфологические отличия качественных прилагательных от относительных условны, непостоянны и необязательны. Развитие качественных оттенков у относительных прилагательных также может сопровождаться расширением круга их форм, образованием от них степеней сравнения и наречий. Например, в «Лестнице» В. Брюсова:

Все *камышей* ступени, Все круче, круче всход. Желанье достижений Еще влечет вперед...

У Салтыкова-Щедрина читаем: «О вы, *немазанно-колеснейшие*, о вы. скрипяще-мыслящие прорицатели сороковых годов!»¹⁷

С другой стороны, морфологический облик относительных прилагательных часто не подвергается никаким изменениям, несмотря на употребление их в качественном значении (например: *львиная доля, орлиная зоркость, материнская любовь* и т. п.)^{***}.

Все эти факты убеждают в том, что качественные и относительные прилагательные в современном языке не образуют резко обособленных, самостоятельных грамматических разрядов. Они являются лишь разветвлениями одного более широкого и общего грамматико-семантического типа. Во всяком случае, традиционному делению прилагательных на три группы: 1) каче-

—* Ср., однако, в «Молотове» Помяловского: «Мы никого не наказываем, у нас нет виноватых, а есть больные. Мы не казним больной член, когда отрезаем его; волка бешеного убиваем не за то, что он виноват, а за то, что он *бешен*». Ср. у А. С. Пушкина в письме к П. А. Вяземскому от 10 июля 1826 г.: «Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна; а другие, сколько знаю, глупы и *бешены*...»

** Отсюда ясно, что ошибочны определения и рассуждения А. М. Пешковского в книге «Наш язык»: «...те из признаков, выраженных основами прилагательных, которые могут быть больше или меньше, называются качественными признаками, потому что они по большей части обозначают качество предметов (хотя, например, сами прилагательные «малый», «большой» обозначают не качество, а количество, а признаки эти тоже могут быть больше или меньше). И сами прилагательные этого рода называются *качественными*. А признаки, не могущие быть больше или меньше, называются относительными признаками, потому что весь признак-то состоит тут по большей части только в отношении к какому-нибудь предмету... и сами такие прилагательные называются *относительными*»¹⁶.

*** Широта семантического объема качественных прилагательных и разнообразие их оттенков ведут к широкому развитию синонимов и антонимов в категории прилагательных. Обилие антонимов выделялось старыми грамматиками как отличительная черта именно класса имен прилагательных: *большой* — *малый*; *длинный* — *короткий*; *старый* — *молодой*; *добрый* — *злой*; *толстый* — *жирный* — *худой*; *жесткий* — *мягкий*; *богатый* — *бедный*; *храбрый* — *трусливый*; *холодный* — *жаркий*; *тяжелый* — *легкий*; *сухой* — *мокрый*; *тупой* — *острый* и т. п. «Когда недостает в языке прилагательного противоположного, тогда употребляется отрицание: *благородный* и *неблагородный*, *опасный* и *безопасный* и т. д.» ■'к.

ственные; 2) относительные и 3) притяжательные — следовало бы противопоставить деление всех прилагательных на: 1) притяжательные; 2) местоименные и 3) качественно-относительные, а этого последнего разряда — на: а) качественные; б) относительные и в) действительные (причастные и отпри-частные).

Анализ способов словообразования в системе прилагательных может лишь подтвердить целесообразность такого деления.

В современном русском языке активно действует сложный аппарат суффиксов для прямого производства качественных прилагательных от основ имен существительных и глаголов. Но есть смешанные и переходные зоны: некоторые суффиксальные образования сочетают качественные значения с относительными (например, образования с суффиксами *-н(-ьн-)*, *-ое-*, *-ев-*; ср. *-ск-* и т. п.); другие объединяют (иногда только омонимически) качественные значения с действительными, причастными (например, образования, имеющие суффиксы *-м-*, *-им-*, *-ем-*, *-енн-* и др.). Словом, по всем направлениям видны признаки экспансии качественных значений в смежные области предметно-относительных и действительно-причастных образований. Однако некоторые формы словообразования свойственны лишь относительным прилагательным.

§ 7. Методы суффиксального словообразования качественных имен прилагательных

В современном русском языке численно преобладают суффиксы, при посредстве которых образуются качественные имена прилагательные. По продуктивности они сильно уступают суффиксам предметного отношения. Качественные суффиксы распадаются на две группы. К одной принадлежат словообразовательные суффиксы, посредством которых качественные прилагательные производятся от основ имен существительных и глаголов. К другой относятся формообразующие суффиксы, выражающие субъективно окрашенное видоизменение качества, обозначенного основным прилагательным, суффиксы субъективной оценки. Суффиксы субъективной оценки по большей части служат средством образования экспрессивных форм слов от тех же самых имен прилагательных (например: *здоровый* — *здоровенький ребенок*; *ребенок был здоров* — *ребенок был здоровехонек*). А. А. Потенция очень тонко подметил, что в употреблении суффиксов субъективной оценки наряду с значениями ласки, иронического пренебрежения или уменьшения, изменяющими представление самого качества (ср. в рассказе Н. Ляшко «Крепнущие крылья»: «Советую *пьяненькому* старику-хозяину отремонтировать станок»), гораздо чаще выступает своеобразный принцип экспрессивно-смыслового согласования. В этом случае уменьшительно-ласкательная форма имени прилагательного как бы вызывается уменьшительно-ласкательной формой определяемого существительного. Имя прилагательное согласуется с существительным не только в роде, числе и падеже, но и в экспрессивной окраске (например: *аленький цветочек*, *беленькая кошечка*)³⁹. Тогда суффиксы субъективной оценки «обозначают ласку или уменьшение только по отношению к тому предмету, к которому относится данный признак, а не к самому признаку, почему такие прилагательные и употребляются главным образом с уменьшительными существительными...»⁴⁰. Все это побуждает к выделению образований с суффиксами субъективной оценки в особый морфологический тип.

Суффиксами качественных прилагательных в современном языке являются :

1. Суффикс *-ив-* и производные от него *-лив-* и *-чив-*. Сам суффикс *-ив-* не-продуктивен. Он обнаруживается в основах имен прилагательных, произведенных от существительных и обозначающих постоянное свойство, качество,

склонность к чему-нибудь, обладание каким-нибудь качеством в большой степени. Например: *ленивый, лживый, фальшивый, спесивый, милостивый, вшивый, паршивый, льстивый, плшивый, червивый, честолюбивый, плаксивый, красивый, игривый* и т. п. Ср.: *учтивый, ретивый, юродивый*.

Вторичные, образованные от *-ив-* суффиксы *-лив-* и *-чив-* очень продуктивны. С помощью суффикса *-лив-* чаще всего от глагольных основ, а также и от основ имен существительных, преимущественно отглагольных, отвлеченных, обозначающих состояние, действие и свойство, производятся прилагательные со значением: склонный к какому-нибудь действию или обладающий каким-нибудь качеством, свойством *: *молчаливый, терпеливый, хвастливый, болтливый, говорливый, бодливый, брезгливый, податливый, понятливый, надоедливый, пугливый, трусливый, заботливый, приветливый, чванливый, совестливый, шумливый, торопливый, сварливый, насмешиливый, неряшливый, бережливый, драчливый, изворотливый, увертливый, уродливый, жалостливый, завистливый, талантливый, счастливый, удачливый, сонливый, обжорливый, прожорливый, тоскливый, пискливый, крикливый, прихотливый, похотливый* и т. п. Ср.: *назойливый* (из *назойливый*), *вежливый, справедливый* и другие подобные. Ср. у Тургенева в «Постоялом дворе»: «Женский пол *ломлив* и *прихотлив*».

Посредством суффикса *-чив-* образуются от глагольных основ (первоначально от основ отглагольных существительных с суффиксом *-ка*) качественные прилагательные с тем же значением: способный, склонный что-ни* будь делать, проявлять какое-нибудь свойство. Например: *бранчивый* (ср. также: *бранчливый*), *вспыльчивый, отходчивый, доходчивый, заносчивый, запальчивый, уклончивый, уживчивый, переменчивый, переимчивый, сговорчивый* и т. п. Ср.: *опрометчивый, застенчивый*.

У прилагательных с суффиксами *-лив-* и *-чив-* в одних словах (с двусложной и многосложной основой) ударение падает на корневой элемент, в других (преимущественно с односложной, реже — с двусложной основой) — на суффикс.

2. В параллель с суффиксами *-ив-* и *-лив-* следует поставить суффиксы *-ав-(-яв-)* и *-ляв-*, оба в современном языке непродуктивны. Суффикс *-ав-(-яв-)* обособляется сравнительно легко, но значение его довольно расплывчато: характеризуемый, наделенный довольно большой дозой, большим количеством чего-нибудь (что обозначается производящим именем): *кудрявый* (ср. *курчавый*), *кровавый, гнусавый, дырявый, прыщавый, слюнявый*. Ср.: *худощавый, сухощавый, моложавый*. Ср. также: *величавый*. В некоторых словах суффикс *-ав-(-яв-)* уже вообще неощутим, например: *лукавый, шепелявый*.

Непроизводителен также суффикс *-ляв-*, ответвившийся от суффикса *-яв-(-ав-)* и производивший от основ как имен существительных, так и глаголов прилагательные со значением: характеризуемый особенной склонностью к чему-нибудь, обнаруживающий или производящий много чего-нибудь (с оттен-

• Переход имен прилагательных из отыменных образований в отглагольные и обратно — из отглагольных в отыменные прекрасен освещен акад. М. М. Покровским: «...прилагательные, произведенные от глагольных имен, главным образом от *nomina actionis* (т. е. от названий действия. — *V. B.*), будучи деноминативными (т. е. отыменными. — *V. B.*) в морфологическом отношении, приближаются по своему значению к именам первичным, произведенным от глагольной основы. Они ассоциируются не только с тем глагольным именем, от которого они произведены, но и с глаголом, а это может служить причиной перехода суффикса «деноминативного» в суффикс «девербальный» (отглагольный. — *V. B.*). <...> ...Становятся возможными образования прямо от глагола, без посредства *nomina actionis*. Та же самая ассоциация может привести к обратному явлению, именно к переходу суффикса от девербальных образований к деноминативным. Ход развития здесь первоначально таков: имя образовано от глагола, при котором существует *nomina actionis*; производное отглагольное имя вступает в ассоциацию с *nomina actionis* и может представляться деноминативным; отсюда может развиваться употребление данного суффикса в чисто деноминативных образованиях»⁴¹.

ком порицания или пренебрежения): *костлявый, писклявый, вертлявый, трухлявый, мозглявый* и др.

3. Суффикс *-к-* производит от глагольных основ качественные прилагательные со значением: характеризуемый каким-нибудь действием, такой, что легко, постоянно делает что-нибудь, или такой, с которым легко или часто делается что-нибудь или можно легко делать что-нибудь (в зависимости от значения производящего глагола). Например: *ломкий, броский* (который сразу бросается в глаза), *тряский, топкий* (такой, что топит, такой, что можно утонуть), *вязкий, варкий, плавкий, ходкий, падкий, липкий, ковкий, ноский, шаткий* и т. п. Но в некоторых словах суффикс *-к-* уже несколько утратил свою морфологическую индивидуальность, например: *крепкий, резкий* и т. п.

Семантическое омертвление суффикса *-к-* явственнее определилось в словах с глагольно-именной основой, например: *бойкий* (ср. *бой-баба*), *звонкий* и т. п. Прилагательные с суффиксом *-к-* производятся от беспрефиксных глагольных основ разного типа (*липнуть* — *липкий*; *шататься* — *шаткий*; *ломать* — *ломаться* — *ломкий*; *носить* — *носиться* — *ноский*; *ходить* — *ходкий* и т. п.), причем залоговые различия совершенно нивелируются в формах имени прилагательного (ср.: *цепкий, броский, веский, тряский* и т. п.)*.

4. Продуктивный разговорный суффикс *-аст-*. Он соотноситель с утратившим продуктивность качественно-относительным суффиксом *-ат-*. Суффикс *-ат-* первоначально означал: характеризуемый наличием чего-нибудь, обладающий чем-нибудь (тем, что обозначает производящее имя существительное), например: *крылатый* — с крыльями; *рогатый* — с рогами (*рогатый скот*); *женатый*; *брюхатый* (в просторечном значении — беременный, ср. у Пушкина в письмах к жене); *пузатый, хвостатый, пернатый, усталый, бородатый, веснушчатый, полосатый, лохматый* и т. п. Свойство, которое подчеркивается этим суффиксом, мыслится как выделяющийся, основной и, следовательно, резкий признак. Отсюда развилось в суффиксе *-ат-* чисто качественное значение: обладающий в избытке, с излишком чем-нибудь, наделенный чем-нибудь чрезмерно или чем-нибудь чрезмерным (что обозначается основой производящего существительного). Например: *волосатый, носатый, косматый, брюхатый* (о мужчине) и т. п. Распространению этого значения содействовал смысловой параллелизм с продуктивным суффиксом *-аст-*, свойственным разговорной речи и обозначающим избыток, чрезмерность какого-нибудь признака (в соответствии со значением производящего существительного). Например: *носастый, грудастый, брюхастый, губастый, глазастый, голенастый, «угрястое лицо»* (Л. Сейфуллина), *скуластый, зубастый, клыкастый, зубастый, лобастый, головастый, очкастый, горластый* и т. п. (ср.: *коренастый*). Как видно из примеров, эти прилагательные с суффиксом *-аст-* образуются преимущественно от обозначений членов тела человека или животного или внешних качеств человека, аксессуаров его наружности.

Смешение суффиксов *-атый* и *-астый* было отмечено уже Ф. И. Буслаевым: «Теперь нужно уже объяснять, чем различаются между собою окончания *-тый* и *-стый*, сказав, что первое собственно означает принадлежность, а второе — избыток и превосходство, например: *рогатый* значит с рогами, а *рогастый* — с большими рогами». Ср. у Н. С. Лескова в «Печерских антиках»: «Он был широкорожего великорусского обличья, *мордат* и *губаст*».

5. Близок по значению к суффиксу *-ат-* суффикс *-чат-*, особенно продуктивный в профессиональных и специально-научных диалектах. Например: *узорчатый, решетчатый, сетчатый, клетчатый, сборчатый, створчатый, лап-*

* С суффиксом *-кий* не надо смешивать мертвого суффикса *-окий* (*-екий*) в словах *высокий, широкий, далекий, глубокий*, а также *-к-* — варианта суффикса *-ск-* в фоновоморфологически обусловленном положении: *бедняцкий, кабацкий* и т. п.

чатый, гребенчатый, коленчатый, дымчатый, обрывчатый и др. Ср. также: *дудчатый, крапчатый, брусчатый, бугорчатый* и т. п. По-видимому, в этом суффиксе более рельефно выступают три значения: 1) имеющий в большом количестве или в большой степени что-нибудь (что обозначается производящим именем существительным), состоящий из множества чего-нибудь: *коленчатый, бугорчатый, створчатый, бревенчатый, пузырьчатый, решетчатый* и т. п.; 2) напоминающий каким-нибудь качеством, свойством то, что обозначается производящим существительным, похожий на что-нибудь, выделанный по образу и образцу чего-нибудь: *дудчатый, дымчатый, зубчатый, репчатый, клеенчатый* и т. п.; 3) характеризующийся способностью проявить какое-нибудь действие (которое обозначается основой производящего глагола), склонный к какому-нибудь действию: *рассыпчатый, обрывчатый, переливчатый, «заливчатый смех»* (Достоевский). Ударение у слов с этим суффиксом находится на основе в слоге, непосредственно предшествующем суффиксу.

б. К суффиксу *-ат-* и *-аст-* близки по значению суффиксы *-ит-* и *-ист-* (ср. у Достоевского в «Идиоте»: *«лицо скулистое»*). Но взаимоотношение этих суффиксов сложилось несколько иначе, чем суффиксов *-ат-*, *-аст-*. Суффикс *-ит-*, производивший когда-то качественно-относительные прилагательные от основ существительного, в современном языке является непродуктивным и мертвым. Он может быть выделен этимологически в узком кругу качественных слов, например: *знаменитый, именитый, маститый*; ср. также: *сердитый*. Но если самый суффикс *-ит-* сравнительно легко отделяется от основ, то значение его (обладающий чем-нибудь и иногда даже в большой степени) осознается уже очень смутно. Ответвление этого суффикса — непродуктивный суффикс *-овит(ый)* выступает более отчетливо: *домовитый, сановитый, даровитый, деловитый, плодовитый, толковитый, ядовитый, ледовитый* и др. Здесь и оттенок значительной степени качества выражен резче.

Напротив, живым и очень продуктивным является суффикс *-ист-*, обозначающий обилие чего-нибудь, обладание множеством чего-нибудь (что обозначается основой производящего существительного, реже — глагола) и свободный от того оттенка просторечной фамильярности и, следовательно, некоторого пренебрежения, которым характеризуется суффикс *-аст-*. Например: *каменистый (каменистая почва), росистый (по росистой траве), голосистый (голосистая птица), болотистый, бугристый, ветвистый, глинистый, гористый, душистый, жилистый, землистый (землистый песок — и землистый цвет лица), зернистый, лесистый, льдистый, мозолистый, мясистый, плечистый, пятнистый, речистый, тенистый, ухабистый, мецанистый* и т. п.; ср. у Тургенева в «Дневнике лишнего человека»: *«слезистый оршад»*. При глагольной или отглагольно-именной основе суффикс *-ист-* обозначает: склонный что-нибудь делать или такой, которому присуща в сильной степени склонность, способность к какому-нибудь действию. Например: *разгонистые строчки*; в «Постоялом дворе»: *«табак чрезвычайно забористый»*; в «Нови», в речи Паклина: *«Эти господа размазисты, как тюрюя»*; ср. разг.: *задиристый, обделистый, развалистая походка, развесистое дерево*.

Ударение стоит на суффиксе, если производящее имя существительное имеет подвижное ударение или неподвижное на окончании (*ветвистый, лесистый, тенистый, иглистый, плечистый, струистый, льдистый* и т. п.). Напротив: неподвижное ударение на основе производящего существительного сохраняется в прилагательном (например: *тинистый, жилистый, ухабистый, болотистый*). Это господствующие группы слов с суффиксом *-ист-*. Сюда же примыкают по значению и ударению слова, производные от глагольных или отглагольно-именных основ: *прижимистый, убористый, развесистый, напористый, увесистый, поджаристый* и т. п.

Две другие группы прилагательных с суффиксом *-ист-* немногочисленны

и стабильны. Это: 1) слова, производные от относительных прилагательных (чаще всего на *-ный*, реже на *-ний*). Здесь суффикс *-ист(ый)* сохраняет значение излишнего количества чего-нибудь (что обозначено основой), указывает на наличие большой примеси чего-нибудь: *водянистый, кровянистый, маслянистый, травянистый, сернистый, мучнистый*, ср. *приземистый*; 2) слова, производные от основ существительных и имеющих значение: похожий на что-нибудь, напоминающий своими качествами то вещество, тот предмет, которые обозначены основой: *золотистый, серебристый, пушистый, бархатистый*, ср. *шелковистый*; ср.: *струистый, волнистый (волнистая черта), кряжистый (подобный кряжу)**. Ср. у Л. Леонова: «Сергей Андреич видел, кроме дачи, — выезд, весьма *сараистую* квартиру» («Скутаревский») и другие подобные.

7. С суффиксами *-аст-* и *-ист-* по контрасту связывается продуктивный суффикс *-оват-* (ср.: *мещанистый* и *мещановатый*). Суффикс *-оват-* находится на границе между суффиксами, производящими новые качественные прилагательные от слов других категорий, и между суффиксами, видоизменяющими качественное значение самого имени прилагательного. Вернее, этот суффикс сочетает обе функции.

Так, прежде всего продуктивный суффикс *-оват-*, *-еват-*, присоединяясь к основам самих качественных прилагательных, вносит оттенок смягчения, уменьшения качества. Он соответствует наречию — несколько, слегка: *желтоватый, глуповатый, плоховатый, трудноватый, белесоватый, красноватый, синеватый, широковатый, грубоватый* и т. п. Ср. в «Шинели» Гоголя: «Чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный: низенького роста, несколько *рябоват*, несколько *рыжеват*, несколько даже на вид *подслеповат*».

Но, сверх этого, суффикс *-оват-* производит от основ имен существительных качественные прилагательные со значением: несколько или отчасти, слегка похожий на кого-нибудь какими-нибудь качествами. Например: «*щучко-ватый* полицеймейстер» (Салтыков-Щедрин), *мещановатый* (у М. Горького), *мужиковатый, вороватый, плутоватый, дубиноватый, мешковатый, крючковатый, клочковатый* и т. п. В этом морфологическом типе имен прилагательных ощущается также оттенок ослабленности качества, указание на некоторое приближение к свойствам чего-нибудь: ср. «*войлоковатые* волосы» (Лесков, «Островитяне»). Ср. у Чехова: «На ее краснощеком *весноватом* лице было написано столько тупой важности...» («Последняя могианша»).

Можно думать, что суффиксу *-оват-* свойственно и третье, почти угасающее значение: имеющий в какой-нибудь степени что-нибудь (на что указывает основа имени существительного). Например: *угреватый, ноздреватый, узловатый, угловатый* и т. п. (ср. также: *виноватый*). Ударение у слов с суффиксом *-оват-* последовательно сохраняется на суффиксе. Суффикс *-оват-* не присоединяется к основам качественных прилагательных, уже содержащих другой суффикс (например: *-ив-, -чив-, -лив-, -ав-, -альн-, -енн-*).

8. От суффикса *-н-, -ьн-*, производящего как качественные, так и относительные прилагательные, исторически ответвилась группа суффиксов *-тельн-, -ичн-, -абельн-* с преобладающим качественным значением. В современном языке они представляются уже вполне обособившимися, самостоятельными формантами.

1) В книжном языке резче всего выделяется суффикс *-тельн-*, производящий прилагательные от глагольных основ (ср. существительные на *-тель* и *-тельница*). Например: *успокоительный, пленительный, вопросительный, подготавливательный, предупредительный, слабительный, томительный, непрости-*
* О связи значений «полный чего» и «похожий на что» в именах прилагательных см. у М. М. Покровского⁴¹.

тельный, старательный, наблюдательный, замечательный, очаровательный, удовлетворительный, настоятельный, упоительный, утвердительный, сногшибательный и т. п.

Образования с суффиксом *-тельн-* колеблются в границах трех основных значений:

а) активного, близкого к значению окачественного причастия на *-ици* *:
спасительный (несущий спасение, спасающий), *возмутительный* (возмущающий, способный вызвать возмущение), *бдительный, наблюдательный, живительный, одобрительный, заключительный, прохладительный, презрительный, убедительный, головокружительный, душещипательный* и т. п.;

б) пассивного: достойный чего-нибудь, такой, что обязывает что-нибудь сделать (именно то, что обозначается основой производящего глагола), или такой, что постоянно подвергается какому-нибудь действию, носит на себе отпечаток какого-нибудь действия. Например: *замечательный* (достойный быть замеченным), *уважительный, простибельный, непозволительный, употребительный* и т. п.;

в) относительного, указывающего на определительную связь с действием, обозначенным основой глагола, на отношение к действию, например: *подготовительный период* (период приготовления), *избирательное право, оборонительный союз, испытательный стаж* и т. п. Ср. у Салтыкова-Щедрина: «*подслушивательный* интерес», «*обуздывательный* проект», «*головушибательные* увеселения» и т. п.

Очевидно, это относительное значение суффикса *-тельн-* особенно широко распространено в языке науки и техники. В специальных и профессиональных технических терминах суффикс *-тельн-* в относительном значении является синонимом суффикса *-льн-*. Но, по-видимому, с суффиксом *-тельн-* связан более книжный стилистический оттенок, и на нем лежит более яростный отпечаток активного значения. Понятно, что в отдельных случаях эти отличия могут становиться почти вовсе не ощутимыми. Например: *промывальный* (*промы-вальная машина*) и *промывательный* (*промывательный барабан*); *зажигаль-ный* и *зажигательный* и т. п.⁴³

Конечно, многие прилагательные с суффиксом *-тельн-* в современном языке уже непосредственно выражают качественные значения и не ассоциируются с представлением о глаголе и со значением действия. Например: *исключительный, значительный, последовательный, знаменательный, непритязательный* и т. п.

2) Суффикс *-ичн-* (вариант *-тичн-*) в заимствованных словах соответствует фр. *-ique* (греч. *-ikos*). Он образует качественные прилагательные со значением: проникнутый чем-нибудь, обнаруживающий то свойство, на которое указывает основа (по большей части в соответствии с отвлеченными понятиями на *-изм-*, *-ость*, *-ика*, *-ия* и т. п., но ср. также: *катастрофичный, анекдотичный, героичный* и т. п.): *драматичный, артистичный, догматичный, проблематичный, анемичный, энергичный, аллегоричный* и т. д. Ср.: *синонимичный, омонимичный, метафоричный, синтаксичный* и другие подобные.

Часто суффикс *-ичн-* служит для более наглядного выражения тех качественных значений, которые развиваются в прилагательных на *-ический* (от заимствованных основ; ср.: *критический, героический, драматический, артистический* и т. д.), и для образования от слов с суффиксом *-ическ(ий)* соотносительных кратких форм и степеней сравнения (например: «Положение

• По поводу этого значения прилагательных на *-тельный* А. А. Потебня заметил: «По значению им соответствуют немецкие от причастия настоящего: *schlagend, treffend, reizend, zwingend, auffassend, bedeutend, ansprechend, wohlwollend* и пр.»⁴².

было в высшей степени *трагично*; «Полезьа от этого нововведения довольно *проблематична*» и т. д.).

3) Суффикс *-абельн-* (фр. *-able*, нем. *-abet*) имеет значение: обладающий каким-нибудь свойством, способный к чему-нибудь: *рентабельный, комфортабельный, респектабельный, читабельный* (разговорно-шутливое)*. Круг употребления этого суффикса очень узок, но яркость его осознания несомненна**.

9. Обособляются в самостоятельный словообразовательный разряд качественные прилагательные с суффиксом *-н-*, произведенные от глагольных и от глагольно-именных основ. В этом морфологическом типе смешались и слились имена прилагательные, производные от именных отглагольных основ (например: *скрытный, понятный, занятный* и т. п.), и прямые отглагольные образования (*вырезной, отрывной, неподкупный*) и т. д. В современном литературном языке слова этого типа непосредственно ассоциируются с глагольными основами. Они большей частью понимаются как чистые отглагольные типы качественных прилагательных — с оттенком значения возможности, потенциальности.

В этом разряде наиболее рельефно в современном языке выделяется группа слов, обозначающих невозможность или возможность какого-нибудь действия (соответственно со значением основы): такой, что может или не может что-нибудь сделать, или такое, что можно или нельзя чего-нибудь сделать. Например: *невылазный, непробудный, неумный, неуклонный, необъятный, неутешный, непреклонный, непрístupный, внятный, очевидный, заметный, составной, раздвижной, покупной* и т. п. Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»:

Я знал красавиц *недоступных*, Холодных, чистых, как зима, *Неумолимых, неподкупных, Непостижимых* для ума...

К прилагательным этого типа примыкают очень продуктивные в профессионально-технических диалектах слова с суффиксом *-н-*, производные от отглагольных существительных и имеющие широкое относительное значение: связанный с каким-нибудь действием (которое обозначается основой отглагольного существительного), относящийся к какому-нибудь действию. Например: *мойный, промывной, углерезный, набивной, подъемный* и т. п.

10. В системе современных прилагательных очень укрепились качественные варианты некоторых глагольных суффиксов. Сюда прежде всего относятся качественные прилагательные с суффиксом *-м-* и глагольной основой.

Суффикс *-м-* служит средством образования причастий настоящего времени страдательного залога. Но качественному преобразованию подверглась лишь небольшая часть причастий от непроизводных (с точки зрения современного сознания) глагольных основ. Например: *любимый, видимый* (чаще *невидимый*; но ср. *видимое дело*), *мнимый, уважаемый* и др. Причастия на *-мый* от непроизводных глагольных основ, утратив соотносительность со страдательными причастиями на *-нный*, в XIX в. постепенно вымирают. Их угасанию содействовало и то обстоятельство, что во второй половине XVIII в. стал очень продуктивным способ образования качественных прилагательных от глагольных основ совершенного и несовершенного вида посредством суффикса *-м-* (*-им-*, *-ем-*) со значением: такой, что можно сделать что-нибудь (то, что обозначает производящее слово), пригодный для какого-нибудь действия: *достижимый* (такой, что можно достигнуть), *растяжимый, преодолимый* (та-

* Англ. *-able* только в устарелом *фешенебельный* (*fashionable*).

•• Для полноты коллекции можно отметить еще непродуктивный суффикс с общим качественным значением *-овн(ый), -евн(ый)*: *верховный, виновный, греховный, сановный, чиновный, душевный* и некоторые другие.

кой, что можно преодолеть) и т. п.* Заключенный в этих словах оттенок потенциального значения легче всего сочетался с отрицанием *не* или с наречиями, выражающими степень возможности (*легко, едва* и т. п.): *невознаградимый, недостижимый, неумолимый, неизгладимый, неистоцимый, неистребимый, неизбежный* (ср. *неизбежный*), *нерастворимый, труднорастворимый, неуловимый, незаменимый, неощутимый, неоспоримый, невообразимый, недопустимый, неодолимый, невыразимый, неукротимый, несоизмеримый, нестерпимый, легко исполнимый* и т. п. У некоторых из этих слов в соответствующем контексте можно усилить оттенок глагольности (хотя бы посредством присоединения творительного падежа существительного для обозначения орудия действия). Оттенок глагольности в словах на *-имый* был значительнее, ярче в русском литературном языке первой половины XIX в. Ср., например, у Пушкина в «Каменном госте»: «Как небо тихо; *недвижим* теплый воздух». Гораздо раньше и сильнее качественные оттенки значения проникли в группу отглагольных прилагательных на *-емый* (произведенных, по большей части, от непереходных глаголов): *неподражаемый, неувядаемый, неосязаемый, несгораемый, непромокаемый, непререкаемый, непроницаемый, неописуемый* и т. п.⁴⁴.

11. Более пеструю и смешанную картину соотношения и взаимодействия качественных и глагольных оттенков представляет обширная и производительная группа отглагольных прилагательных на *-лый*. Суффикс *-л-*, родственный глагольному суффиксу *-л-* в форме прошедшего времени, в этих формах обособился от системы глагола (ср. историю слов *пошлый, дошлый, взрослый, рослый, смелый, гнилой, зрелый* и т. п.).

Прилагательные с суффиксом *-л(ый)* некогда отделились, оторвались от причастий на *-л* и получили значение: находящийся в каком-нибудь состоянии (в соответствии с результатом действия, обозначаемого основой того непереходного глагола, от которого образовано прилагательное) или такой, каким стал под влиянием какого-нибудь действия: *беглый, облезлый, пришлый, прошлый, поблеклый, обрюзглый, обвислый, разбухлый, остылый, протухлый, прелый* и т. п.

Среди прилагательных этого типа прежде всего выделяется замкнутая группа слов, образованных от основ непереходных глаголов на конечный согласный (вроде *облезть* и т. п.) или гласный корня — *гнуть, зреть*, без тематической, соединительной морфемы в инфинитиве и от глаголов на *-нуть*, обозначающих состояние, пребывание в каком-нибудь состоянии (*мерзнуть* и т. п.) и теряющих *-ну-* в форме на *-л*.

Так как эти классы глаголов непродуктивны, то и произведенные от них прилагательные составляют окаменевшую группу слов, относящуюся, по крайней мере наполовину, не к грамматике, а к словарю. Суффикс *-л-* в образованиях этого рода является уже непродуктивным, а иногда даже мертвым, и часть произведенных при его посредстве слов уже утратила связь с соответствующими глаголами. Ср.: *смелый, кислый, дряблый, дряхлый, вялый, мерзлый, промозглый, сиплый, тусклый, хрипый, чахлый* и т. п. Но ср. в сочетаниях с глагольной приставкой:

Рысиha смачно тушу [лося] распорола, Вползла в кожух, *облипла* от брызг.
(ранний Сельвинский)

Напротив, живым и продуктивным является суффикс *-л-* в сочетании с основой непереходных глаголов на *-еть, -ать, -ять*. Он производит от гла-

___* См. у Карамзина примечание к слову *достижимый*: «Цель бытия нашего, равно *дости-*

жима.ч для мудрых и слабоумных... то есть, до которой достигнуть можно: я осмелился по ана-

логии употребить это слово» (Смирдинск. изд., т. 2, с. 243). ---

гольных основ этого типа, обычно осложненных приставками и подводимых под категорию совершенного вида, имена прилагательные с тем же значением: такой, каким становятся под влиянием какого-нибудь действия (соответственно производящей основе): *залежалый, поседельый, обледелый, загорелый, оторопелый, осовелый, очумелый, устарелый, отверделый, окаменелый, остервенелый, запустелый, возмужалый, обветшалый, обруселый, полинялый, заплесневелый, исхудалый* и т. п. Ср. также слово *бывалый*.

Все прилагательные этого типа образуются только от непереходных невозвратных глаголов. От основ несовершенного вида переходных глаголов производятся прилагательные только с суффиксом *-льн-* (*родильный, точильный, умывальный* и т. п.). Ср. образования от основ переходных глаголов имен существительных, обозначающих действующие лица (суффиксы *-(и)ла, -(а)ла*) или орудия действия (суффиксы *-ло, -ало, -ило*).

Еще более показательно, что прилагательные на *-лый, -елый, -алый* производились и производятся лишь от тех непереходных глагольных основ, в которых не выражены количественно-видовые различия. Следовательно, они не образуются от глаголов с суффиксом однократности *-ну-*, с суффиксом длительности и итеративности *-ыва-* и *-ва-* (но ср. *бывалый*)⁴⁵.

Тут пролегает глубокая пограничная черта между категорией имени прилагательного и категорией глагола. Категории вида и залога являются основными организационными формами глагольного словообразования.

Кроме того, для характеристики отношений между глаголом и именем прилагательным необходимо отметить, что у прилагательных на *-лый* нечленные формы употребляются лишь в тех случаях, >когда они не омонимичны с формами прошедшего времени глагола или когда эта омонимия не создает неудобств для понимания, не ведет к двусмыслице (например: «Как он молод и *смел*» и «Как он *смел* сделать вам такое предложение!»); «Это яблоко не совсем *зрело*» и «В нем долго *зрело* это решение»; «Лицо было *пухло*» и «Сочинение *пухло*, обрастая множеством ссылок и цитат» и т. п.). В формах женского рода омонимия парализуется акцентологическим противопоставлением форм (*прела* — прилагательное, *прела* — глагол; *кисла* — *тела*; *вяла* — *вяла*; *пухла* — *пухла*; *тускла* — *тускла* и т. п.) *.

В прилагательных на *-лый*, образованных от глагольных корней-основ на согласный, краткие формы единственного числа мужского рода отличаются от соответствующих глагольных форм прошедшего времени и по своему звуковому облику (например: *хрипл*, но *хрип*; *кисл*, *кисел* — *кис*; *пухл*, но *пух* и т. п.). Краткие же формы множественного числа у всех прилагательных на *-лый* отличаются от соответствующих форм прошедшего времени глагола окончанием, а при односложности основы — и ударением (ср. *кислы*, но *кисли*, *пухлы*, но *пухли*; *загорелы*, но *загорели* и т. п.).

12. Не менее ярко выражено качественное значение, носящее полустершийся налет глагольности, в отглагольных прилагательных с суффиксами *-уч-(-юч-)*; *-ач- (-яч-)*. Выбор того или другого суффикса *f-уч-* или *-яч-* зависит прежде всего от того, на какой согласный оканчивается корневой элемент производящего глагола. Если он оканчивается на губной или заднеязычный, то к нему присоединяется только суффикс *-уч-* (*гремучий, шипучий, сытучий, пахучий, жгучий, толкучий*).

В других положениях употребление суффиксов *-уч-* и *-яч-* определяется таким правилом. Суффикс *-яч-* (*-ач-*) сочетается лишь с корневыми элементами (оканчивающимися не на губной и не на заднеязычный) тех глаголов, которые

* Ср. указание А. А. Потемни: «Прилагательные: *дохла, тухла, пухла, бегла, волгла, блекла, тускла, мерзла, хрипла, дрябла, спела, смела, зрела, вяла*, при причастиях в сказуемом *дохла, бегла... смела* и пр.»⁴⁶.

образуют формы 3-го л. мн. ч. на *-ят* (т. е. принадлежат ко второму спряжению), например: *лежачий, бродячий, сидячий, ходячий, стоячий* и т. п. Во всех остальных случаях применяется суффикс *-уч-* (*-юч-*) (например: *падучий, ползучий, вонючий, прост, приставучий* и т. п.).

Суффиксы *-уч-* (*-юч-*), *-ач-* (*-яч-*), исторически восходящие к древнерусским суффиксам причастных форм, обозначают: характеризуемый каким-нибудь действием или состоянием как постоянным и отличительным признаком, склонный к какому-нибудь действию (соответственно значению глагольной основы): *певучий, кипучий, пахучий, текучий, толкучий (толкучий рынок), зыбучий, сыпучий (сыпучий песок), трескучий* («жгуч мороз трескучий»), *линючий, вонючий, лежачий, сидячий, висячий, стоячий, ходячий* и т. д. Но некоторые слова этой группы уже утратили прозрачность своего морфологического состава (ср. *зрячий*); в других уже нет прямой соотносительности с формами глагола, например: *могучий* (ср. *могущественный*), *трескучий* (ср. существительное *треск*), *летучий* (ср. *лет*) и др.

Среди этих отпричастных образований нет производных от переходных глаголов, от глаголов с суффиксом *-ся*, от глагольных основ с ярко выраженными видовыми оттенками, например от основ отыменных глаголов на *-еть, -еют (темнеть)* и *-путь (мерзнуть)*, в которых ощущается видовой оттенок постепенного роста, усиления действия⁴⁷. В отличие от прилагательных на **лый* в прилагательных на *-ячий, -учий* все основы беспрефиксны.

13. В группу качественно-отглагольных форм словообразования входят и непродуктивные суффиксы *-(а)н-, -ен-*. По происхождению это бывшие суффиксы русских причастий страдательного залога. Как известно, русские причастия были вытеснены церковнославянскими образованиями на *-анный, -енный* (нечленные формы на *-ан, -ен*). Прилагательные, в которые превратились бывшие страдательные причастия, имеют в современном языке такое значение: подвергшийся какому-нибудь действию в достаточной степени, таковой, что является результатом какого-нибудь действия: *печеный, жареный, мороженый, соленый, моченый, ученый, драный, рваный, дареный* и т. п.

14. Понятно, что в круг этих качественно-отглагольных прилагательных должны быть включены и те причастные образования на *-ячий, -ючий, -ущий* и особенно страдательные на *-нный* и *-енный*, которые тесно сблизались с прилагательными или даже перешли в них. Но отделять анализ качественных значений причастий от исследования общих приемов и принципов их образования и употребления нецелесообразно (см. главу о причастиях).

15. Именам прилагательным, так же как и существительным, свойственны книжные суффиксы очень конкретного значения. Эти суффиксы состоят из семантем, образующих вторую часть сложных слов. Таковы, например, составные суффиксы качественных прилагательных:

1) *-видн(ый)*: похожий на кого-нибудь, на что-нибудь, имеющий вид кого-нибудь, чего-нибудь, например: *стекловидный, шаровидный, яйцевидный, щитовидный* и т. п. Ср. у Глеба Успенского: «Чародей был маленькая фигурка с птицевидною физиономией» («Растеряевские типы», сцена «Нужда песенки поет»);

2) *-образн(ый)*: порошкообразный, дугообразный, слонообразный, клинообразный, волнообразный, конусообразный и т. п.;

3) *-подобн(ый)*: ангелоподобный, обезьяноподобный, звероподобный, мужеподобный, жгч/мяА'&ны&. v. x.ч.;

4) менее распространен и более связан с лексическим значением основы элемент *-носн(ый)*: орденоносный, победоносный, золотоносный и т. п. Ср. *-творный*: плодотворный, тошнотворный, снотворный, животворный и т. п.

16. Разряд качественных (так же, впрочем, как и относительных) прилагательных значительно пополняется разными типами сложных слов. (Ср. раз-

ные типы словосложения в категории имен прилагательных, в большей своей части зависящие от приемов словосложения имен существительных:

- 1) *водовозный* (*водовозная* кляча), *пылесосный*;
- 2) *ситценабивной*, *самолестроительный*;
- 3) *самодержавный*, *иносказательный*;
- 4) *многоопытный*, *многочисленный*;
- 5) *труднопроходимый*, *скоропортящийся*, *высокообразованный*;
- 6) *железнодорожный*, *древнерусский*;
- 7) *грудобрюшной*, *плодоовощной*, *садовоогородный*;
- 8) *потусторонний*, *повсеместный* и некоторые другие.)

Но подробное описание методов сложения и совмещения нескольких семантем в строе составного слова — задача лексикологии, задача семантики. В общем очерке приемов образования качественных прилагательных целесообразно лишь подчеркнуть разнообразие типов словосложения в этой области и отметить те виды сложных прилагательных, которые не опираются на суффиксы с качественным значением.

Количество несамостоятельных слов-морфем, которые служат для образования сложных имен прилагательных непосредственно с помощью окончания *-ый, -ий (-ая, -ое)*, в современном языке очень ограничено: *-ногий, -кожий, -лицый, -мордый, -палый, -рукый, -носый, -глазый, -пузый, -шдый, -лобый, -зубый, -волосый, -бородый, -бокый, -ротый, -шёрстый, -грудый, -бёдрый, -ухий, -бровый, -голосый* и некоторые другие (ср. у Маяковского: *жирно-животый*).

Как видно, эти морфемы по большей части восходят к обозначениям членов человеческого тела или тела животных.

В первой части таких составных слов могут быть: приставка *без-*, форма родительного падежа числительных или основа имени прилагательного (наречия), а в поэтической речи — и существительного, ср. в индивидуальном поэтическом стиле Маяковского: *«звонконогие гимнасты»*; *«кино америколицеё»*; *«массомясая быкомордая орава»*; *«крикогубый»* и др.; ср. у Всеволода Иванова: *«алогрудое солнце»* («Андрейша») и другие подобные*. Едва ли удачно новообразование Л. Леонова: *«стремглавый человек»* («Скутаревский»).

§ 8. Методы суффиксального словообразования в пределах общего качественно-относительного типа прилагательных

В процессе развития качественных значений из значений притяжательных и относительных, в процессе взаимодействия их у имен прилагательных выработалась серия живых, продуктивных суффиксов общего качественно-относительного типа. При их посредстве производятся от имен существительных как относительные, так и качественные прилагательные.

Очень большое количество слов, образованных с помощью этих суффиксов, совмещают качественные и относительные значения. Но вся эта активная и богатая оттенками система словопроизводства имеет своей семантической основой выражение отношения к предмету. Обозначение отношений к производящему имени существительному не нуждается в многообразии суффиксов. Оно связано главным образом с тремя основными суффиксами (и производными от них): 1) *-//-, -ьи-*; 2) *-ск-* и *-к-* и 3) *-ое-, -ев-*.

Суффиксы *-(ь)и(ый)* и *-ск(ий)* обросли множеством ответвлений. Ни у одного другого суффикса имен прилагательных нет такого богатства и разнообразия производных форм, как у этих двух суффиксов. Именно они больше всего способствуют продуктивности категории имен прилагательных. Суф-

• Ср. у И. Сельнинского в «Рыси»: *«Багровобурый и широкошпый»*.

фикс -н-, -ьн- [образования на -ный, -ной, -(ь)ный, -ьн(ой)] производит от основ имен существительных мужского и женского рода (обычно не относящихся к категории одушевленности), реже — от основ среднего рода (ср.: *зеркальный, жилищный, училищный* и т. п.), имена прилагательные, которыми обозначаются качества и отношения, связанные со значением производящего существительного. Например: *верный, честный, лестный, злостный, злобный, любовный, задорный, ненавистный, отважный, интересный, стройный, грустный, печальный, спорный, очередной, льготный, кляузный, каламбурный, отборный, народный, общинный, халатный, фигурный, потный, просторный, дымный, угарный, конечный, коренной, начальный, глубинный, срединный, желудочный, кишечный, именной, ячменный, яблочный, шоколадный, товарный, оперный, картинный, кухонный, оконный, эстрадный, школьный, уличный, тюремный, клубный, корабельный, якорный, шахматный, штабной, квартирный, чумный, заразный, холерный, ушной, глазной, ножной, зубной, кулачный, мозольный, черепной, головной, железный, чугунный, стальной, медный, цементный, кирпичный, фракционный, жилетный, дынный, арбузный, грибной, моторный, машинный, автомобильный, тракторный, троллейбусный, хозрасчетный, озерный, веретенный, пшеничный, зрелищный, скотный, пехотный, конный (конная армия), картежный, канительный* и т. п.

Вообще говоря, прилагательные на -ный (-ьный) образуются или могут быть образованы (за исключением строго и ясно очерченных категорий) почти от половины основ имен существительных. Например: *комплекс — комплексный; ремонт — ремонтный; транспорт — транспортный; железобетон — железобетонный; камин — каминный; сорт — сортный; пропуск — пропускной; колхоз — колхозный; оборона — оборонный; мандат — мандатный; кислота — кислотный; скорость — скоростный; молодёжь — молодёжный; катер — катерный; зарплата — зарплатный; директива — директивный; сказуемость — сказуемостный; авария — аварийный* и т. п.

В новых словах основное относительное значение легко обрастает побегими качественных значений*.

В современном языке производство имен прилагательных на -ный сопровождается некоторыми фонетическими и морфологическими ограничениями. Кроме основ, по своему значению относящихся к категории одушевленности (ср., однако: *конный, человечный*), с суффиксом -н- не сочетаются основы существительных, имеющие стечение согласных на конце, особенно в простых, несоставных и немногосложных (чаще всего односложных и двусложных) словах (например: *блуминг, митинг, скетч, рубль, залп, бронза, цирк, фонд, домра, ковши, цинга, натр, полк, толк* и т. п.), и основы (по преимуществу заимствованные), в которых чередование конечных согласных могло бы повести к семантическим недоразумениям или к образованию неудобных омоморфем (например: *металлический*, а не *металльный*; ср. *метальный; роза — розовый*, а не *розный; мех — меховой*, а не *мешной; порох — пороховой; бак — баковый, навага — наваговый*, а не *наважный* и т. д.). Кроме того, прилагательные с помощью суффикса -н- не образуются от многих разрядов имен существительных, осложненных суффиксами. Так, в современном языке обычно не производятся прилагательные на -(ь)ный от существительных с суффиксами -ьё (*бельевой*); -няк; -тва, -ва (суффикс -енный); -изм; от уменьшительно-ласкательных слов с суффиксами -ик, -ико, -чик, -ок, -ец и другими подобными. Понятно, что суффиксы имен существительных, оканчивающиеся стечением

* Акад. М. М. Покровский, изучавший значения русских прилагательных на -ный, пришел к выводу, что «основное значение суффикса -ьн- «относящийся к чему», значение же «соединенный с чем, полный чего», которое столь ясно во многих русских прилагательных, — вторичное»^{43:1}.

согласных (например: *-ств-*, *-те-* и т. п.), кроме *-ость* (ср.: *скоростный*, *пло-скостный*, *жалостный*, *радостный* и т. п.), также не сочетаются с суффиксом прилагательных *-н-* (ср. образования на *-енный*). Кроме того, от названий лиц, учреждений, идейных, политических направлений и т. п. прилагательные, обозначающие отношение или качественную связь с соответствующими темами, образуются посредством суффикса *-ск(ий)* и производных от него.

С помощью суффикса *-н-* (и его разновидностей) переводятся в систему прилагательных сочетания имен существительных с разнообразными предлогами: *под*, *над*, *за*, *до*, *без*, *по*; *при*, *между* (ср. *меж*), *внутри*, *вне*, *пред*; например: *подземный*, *подследственный*, *поднадзорный*, *подмосковный* и т. п.; *надпочечный*, *надземный*, *надгробный* и др.; *загробный*, *заречный*, *застольный*, *зарубежный*, *загородный* и т. д.; *досрочный*, *допризывный*, *дошкольный*, *дословный* и т. п.; *беззаботный*, *беспредельный*, *безбрежный*, *безвыездный*, *бессрочный*, *беспризорный*, *беспартийный*, *беспрогульный*, *безоговорочный*, *беспредметный* и т. д.; *поденный*, *помесячный*, *поспектакльный*, *поочередный*, *посменный*, *поголовный*, *пограничный* и т. п.; *междуведомственный*, *межреберный*; *междупланетный*, *международный*, *междуатомный* и др.; *внутрипартийный*, *внутрисоюзный*, *внутрикомнатный*, *внутриатомный* и т. п.; *прибрежный*, *приречный* и т. д.

Таким образом, суффикс *-н-*, *-ьн-* является (кроме суффикса *-ое-*, *-ев-*) единственным суффиксом, который вступает в соотношение с разнообразными префиксами (не считая префиксов отрицания и степени вроде *а-*, *раз-*, *пре-*, *сверх-* и другие подобные) и широко участвует в методах комбинированного, суффиксально-префиксального образования имен прилагательных.

Суффикс *-н-* с его разновидностями, а также суффикс *-ск-* с его вариантами с XVIII в. служили основным морфологическим средством русификации западноевропейских заимствований⁴⁹.

Например: *идеальный*, *деликатный*, *наивный*, *серьезный* (оба эти слова укоренились в начале XIX в.). *курьезный*, *гуманный*, *солидный*, *компетентный*, *либеральный*, *рельефный*, *конкретный*, *абстрактный*, *дефицитный*, *активный*, *атомный*, *лимитный*, *стабильный*, *стандартный*, *алиментный*, *бюджетный*, *генеральный*, *декретный*, *кооперативный*, *лимитрофный*, *массивный*, *буржуазный*, *телефонный* и т. д.

На основе суффикса *-н-* возникла целая серия сложных суффиксов, связанных с элементами интернационального словообразования.

По-видимому, раньше всего определился:

1. Суффикс *-альн-* (в соответствии лат. *-alis*, фр. *-al*, нем. *-at*);

а) образования с суффиксом *-альн-* совмещают качественные и относительные значения, например: *театральный* (ср., с одной стороны: *театральное искусство*, *театральная жизнь*, *театральный зал* и т. п., а с другой — *театральная поза*, *театральный жест*, *театральная сцена* и т. п.), *музыкальный*, *патриархальный* и т. п. Таким образом, суффикс *-альн-* служит для обозначения обладания каким-нибудь свойством, склонности к какому-нибудь качеству: *докторальный*, *маньякальный*, *легальный*, *орнаментальный*, *гениальный*, *субстанциальный*, *персональный*, *потенциальный*, *колоссальный*, *документальный*, *социальный*, *церемониальный* и т. п.;

б) кроме того, он служит для обозначения отношения к предмету или связанности с каким-нибудь предметным значением: *bronхиальный*, *премиальный*, *эмбриональный*, *делювиальный*, *кафедральный*, *суффиксальный*, *спектральный*, *нотариальный*, *горизонтальный* и т. п.

2. Ответвлениями суффикса *-альн-* являются суффиксы: *-ональн-* (фр.-нем. *-onat*), производящий прилагательные от заимствованных слов на *-ия* (фр. *-ion*): *национальный*, *региональный*, *профессиональный* и т. п., и суффикс *-уальн-*: *процессуальный*, *виртуальный*, *эвентуальный*, *сексуальный*, *актуальный* и т. п.

3. Суффикс *-арн*, *-ярн* (в заимствованных словах) — с теми же значениями, что и *-альн*- *so*:

- а) *фрагментарный, дисциплинарный, авторитарный, тоталитарный, регулярный, ординарный, комплиментарный, элементарный, легендарный* и т. п.;
- б) *молекулярный, капиллярный* и т. п.

Как показывают примеры, *-арн*- в большинстве случаев присоединяется к основам, имеющим в своем фонетическом составе звук л.

4. Суффикс *-иен*- (фр. *-if* лат. *-ivus*) также двузачен. Образования с этим суффиксом имеют и качественные, и относительные значения: способный к чему-нибудь, способный произвести, вызвать, обнаружить что-нибудь или относящийся к чему-нибудь. Например: *продуктивный, импульсивный, эффективный, прогрессивный, абортивный* и т. д.

5. Ответвлениями суффикса *-иен*- является суффикс *-тивн*- и его варианты: *-итивн*- (фр. *-tif*, лат. *-tivus*) и *-ативн*- (фр. *-atif*, лат. *-ativus*) с теми же значениями. Например: *сенситивный, аудитивный* и т. п. Особенно широко распространены образования с суффиксом *-(а)тивн*-. Суффикс *-(а)тивн*-:

а) близок по значению к русскому *-тельн*- и нередко находится в соотношении с существительными на *-ацин* или *-атив* (ср. глаголы на *-ировать*): *декларативный, демонстративный, предикативный, административный, агглютинативный* и т. п.;

б) близок по значению с русским суффиксом *-(е)ственн*- (ср.: *царственный, величественный, ответственный* и т. п.) и находится в соответствии с латинским отвлеченным суффиксом качества *-itas* (нем. *-itat*): *квалитативный, факультативный* и т. п.;

в) обозначает отношение к чему-нибудь: *корпоративный, мелиоративный* и т. д.

6. Суффикс *-они*- (*-иона*-, *-ционн*-, *-ационн*-) обозначает отношение к действию, деятельности, к событию или к предмету, которые выражены иностранными словами на *-ия*, *-зия*, *-ция*, *-ация*, или же указывает на качественную связь с ними:

а) *дивизионный, диверсионный, ревизионный, концессионный, комиссионный, дискуссионный* и т. п.;

б) *революционный, эволюционный, традиционный, конституционный, дистанционный, оппозиционный, композиционный, проекционный, редакционный* и т. п.;

в) *агитационный, провокационный, эксплуатационный, демобилизационный, капитуляционный, рекреационный, аттестационный, колонизационный, комбинационный* и т. п.

7. Суффикс *-озн*-, *-ёзн*- (лат. *-osus*, фр. *-eux*, *-euse*) в общелитературной речи употребляется преимущественно с качественным значением: содержащий что-нибудь в изобилии, наделенный чем-нибудь в большой степени или снабженный, обладающий данным свойством. Например: *грандиозный, грациозный, помпезный, скабрёзный, нервозный* и т. п.; ср. *религиозный*; ср. у Боборыкина в повести «Изменник» рассуждение «аристократа и эстетика» Симцова: «Надо вообще воздерживаться от слов, составленных бог знает как... Что такое это прилагательное *шикозный*! Корень тут — слово *шик*, а окончание *-озный*, опять-таки противное духу русского языка».

В медицинском языке суффикс *-озн(ый)* имеет ярко выраженное относительное значение, он указывает на отношение к болезни: *скарлатинозный, тифозный, гангренозный, гриппозный* и т. п.

8. Суффикс *-ильн*-, *-бильн*- обозначает отношение к действию, или способность к чему-нибудь, или возможность чего-нибудь: *мобильный, стабильный, тактильный* и т. д.

9. Суффикс *-орн*- обозначает отношение к какому-нибудь предмету, дей-

ствию и обладание каким-нибудь свойством: *сенсорный, иллюзорный, рефлекторный* и др.

Кроме этой серии производных суффиксов, тесно связанных с интернациональными элементами русского словаря, от суффикса *-н-* ответвилось несколько составных суффиксов, образующих чисто русские слова. Таковы: 10. Суффикс *-енн-*, имеющий те же значения, что и *-н-*, но находящий применение в узком морфологическом кругу. Он образует прилагательные главным образом от тех основ имен существительных, которые оканчиваются стечением двух или нескольких согласных (кроме *ан*). Например: *мысленный, восторженный, буквенный, клюквенный, тыквенный* и т. п. (но ср./ соломенный, обеденный). Понятно, что именно с этим суффиксом *-енн-* образуются имена прилагательные:

а) от книжных существительных с суффиксами *-(е)ств(о), -стви(е)*: *родственный, семейственный, естественный, производственный, торжественный, существенный, бедственный, действенный, бесчувственный, множественный, единственный* и т. д.; ср. *насильственный*;

б) от книжных существительных с мертвым суффиксом *-знь*: *жизненный, безбоязненный, болезненный*;

в) от существительных с суффиксом *-тв(а)*: *молитвенный, жатвенный, бритвенный* и др. Ср.: *письменный*, а также *семенной, теменной, временный, п. именной, именной*.

11. Наиболее продуктивным и живым из всех чисто русских суффиксов, ответвившихся от *-(ь)н-*, является суффикс *-льн-*. Он производит от глагольных основ инфинитива — прошедшего времени прилагательные со значением: служащий, предназначенный для какого-нибудь действия: *танцевальный, прощальный, умывальный, погребальный, брошюровальный, копировальный, носильный, купальный, дубильный, точильный, сушильный, родильный (родильный дом), игральный (игральные карты)* и т. п. Но ср. *бумагопродильный*. Этот суффикс находит очень широкое применение в профессионально-технических диалектах, в технической терминологии. Например: *волоочильный станок, выдувальная трубка, калильная печь* и т. п. По-видимому, в техническом языке образования на *-льный* вполне синонимичны соответствующим образованиям на *-тельный* с относительным значением и производятся главным образом от глагольных основ несовершенного вида с переходным значением.

12. Ответвлением суффикса *-н-* является потенциальный суффикс *-очн-* в прилагательных, произведенных от основ отглагольных имен существительных на *-ка*. Например: *уборочный, закупочный, скупочный, упаковочный, разборочный, смазочный, явочный, разведочный, закусочный, свалочный, недоимочный, красочный, проверочный, промывочный, полировочный, сварочный*.

Можно было бы и не выделять *-очн-* как ответвление суффикса *-к-*. Ведь в большей части прилагательных на *-очный* словообразующим суффиксом является *-н-* (например: *красочн-ый* от *краск-а*, *добавочн-ый* от *добавк-а*, *ориентировочн-ый* от *ориентировк-а* и т. п.). Но наличие таких случаев, как *распивочный* (при отсутствии в современном языке слова *распивка*) и др., заставляет обособить *-очн-* как потенциальный суффикс.

13. Непродуктивный и, по существу, мертвый суффикс *-ебн-* выделяется в нескольких прилагательных, производных от глагольных основ (первоначально — от отглагольных существительных на *-ба*), со значением: связанный с чем-нибудь (что обозначается производящим словом): *судебный, лечебный, хвалебный, учебный, целебный* и др. Ср.: *внеселитебный* (в официальном языке: *внеселитебные городские земли*), *вошебный*. Суффикс *-ебн-* потенциально обособляется при отсутствии в современном языке соотносительных имен существительных на *-ба*. В тех же именах прилагательных на *-ебный*, которые

соотносительны с отглагольными существительными на *-(ь)ба*, выделяется как суффикс прилагательного *-н-*, например: *служебный, свадебный*; ср. *усадебный*.

14. В узком кругу прилагательных, связанных преимущественно с основами порядковых прилагательных, а иногда и с основами существительных, обозначающих срок, обнаруживается непродуктивный суффикс *-ичн-* (не смешивать с омонимом *-ичный* в иностранных словах): *единичный, первичный, вторичный, третичный, четвертичный, десятичный, годичный, двухгодичный*; ср. *будничный* и др.

(Не имеют отношения к суффиксу *-ичн-* прилагательные, образованные с помощью суффикса *-н-* от основ существительных, содержащих суффиксы *-ик, -ица, -ика* и т. п., например: *черепичный, гвоздичный, клубничный, праздничный* и т. д.)

Рядом с суффиксом *-(ь)н-* и производными от него стоит по степени продуктивности в современном языке суффикс *-ск-* (с производными от него). Основное значение этого суффикса и его ответвлений — относительное, иногда с оттенком типической принадлежности кому-нибудь, чему-нибудь. Но при малейшей возможности качественного осмысления основы прилагательные этого типа широко развывают качественные значения (ср.: *нищенский оклад, наплевательское отношение, хвостистские настроения, издательский тон* и т. п.). С суффиксом *-ск-* по преимуществу связывается значение отношения, свойственности кому-нибудь, чему-нибудь (какому-нибудь общественно-политическому, идеологическому и тому подобному течению, разряду людей, организации, какому-нибудь учреждению, какому-нибудь роду поведения, какому-нибудь научному направлению, мировоззрению и т. п.).

Общий суффикс *-ск-*, выражающий разнообразные оттенки предметного отношения и качественной оценки, наиболее употребителен. Он производит прилагательные от основ имен существительных, обозначающих лица, конкретные предметы и отвлеченные понятия. Например: *октябрьский, октя-братский, политотдельский, казахский, комсомольский, пионерский, январский, исполкомский, министерский, университетский, инструкторский* и т. п. Ср.: *женский, мужской, конский, городской, сельский, деревенский, февральский, делегатский, испанский, французский* и т. д.

После конечных *ж, ч, щ* в основе существительного употребляется вариант *-еск-*: *проповеднический, посреднический, ханжеский, вражеский, дружеский, ребяческий, пастушеский, товарищеский* и т. п.

В именах прилагательных, производных от существительных на *-ей*, стабилизировались три морфологических типа:

а) от *-ёц—ёческ(ий)* (при *-ёчество*): *отец — отеческий; купец — купеческий; молодец — молодецкий* и т. д. Но ср.: *творчество — творец — творческий; старчество — старец — старческий* и т. п.;

б) от *-ец—ческ(ий)*: *земледельческий, владельческий, страдальческий* и т. д.;

в) непродуктивно от *-ёц* и *-ец* — *(и)кий*: *немецкий, ловецкий, игрецкий, молодецкий, прост, купецкий*.

Тот же вариант *-(и)к-* наблюдается в прилагательных, производных от существительных на *-ак, -як, -ач*: *казацкий, бедняцкий, батрацкий, середняцкий, бурлацкий, босяцкий, кабацкий, ткацкий* и других подобных; реже в производных от слов на *-ик*: *мужицкий, плотницкий, дворницкий* и т. п. Ср. также: *грецкий (грецкие орехи), турецкий*. Легко заметить, что *-цкий* свойственно главным образом словам разговорным, просторечным и народнопоэтическим.

Суффикс *-ск-, -еск-* чаще всего присоединяется к основам имен существительных строго определенного морфологического строя. Например, он систематически сочетается с именами существительными на *-тель, -ник, -ист*.

Вследствие этого в индивидуальной речи как потенциальные суффиксы иногда осознаются *-тельск-*, *-истек-* и даже *-ническ-* (ср.: *издевательский*, *наплевательский*, *наплевицкий* и т. п.).

1. Суффикс *-тельск-* обнаруживается в прилагательных, содержащих глагольную основу: *издевательский*, *очковтирательский*, *грабительский*, *вредительский*, *попустительский*, *угнетательский* и т. п. Понятно, что в этом разряде слов в преобладающем большинстве случаев выделяется как словообразовательный суффикс не столько *-тельск-*, сколько *-ск-*, который и служит средством образования имен прилагательных от отглагольных существительных на *-тель* и *-тельство* (например: *учительский*, *писательский*, *просветительский*, *предательский* и т. п.). Но ср. также: *наплевательский*. Он обозначает: свойственный какому-нибудь типу, какой-нибудь категории людей. На основе этого общего относительного значения развиваются в словах этого типа разнообразные качественные значения и оттенки.

2. Суффикс *-истек-* обнаруживается у прилагательных от основ существительных на *-ист* и *-изм*: *чекистский*, *марксистский*, *оппортунистский*, *отзовистский*, *центристский*, *хвостистский*, *наплевицкий* (ср. выражение газетного языка: *наплевицкая распущенность*) и т. п.

Большевицкий, *меньшевицкий*, образованные от вышедших из употребления *большевиц*, *меньшевиц*, соотносятся теперь непосредственно со словами *большевик*, *меньшевик*.

3. Меньше возможности и оснований выделять как потенциальный суффикс *-ническ-* (в соответствии с продуктивным суффиксом лица имен существительных *-ник* и суффиксом состояния-качества *-ничеств-*): *захватнический*, *угоднический*, *насильнический*, *отступнический*, *шкурнический*, *подкулачнический*, *пакостнический* и т. п.

От суффикса *-ск-* (*-еск-*) ответвилось несколько производных суффиксов, ставших самостоятельными.

1. Суффикс *-ческ-* образует прилагательные от существительных, обозначающих действие, состояние, отвлеченное понятие и деятеля и оканчивающихся на *-енец*, *-ение*, *-вод*, *-вед*, *-водство*, *-ведение*. Например: *языковедческий*, *литературоведческий*, *групповодческий* и т. п.; *выдвиженческий*, *лишенческий*, *просвещенческий*, *перерожденческий*, *изживенческий*, *пораженческий*, *приспособленческий*, *невозвращенческий*, *упрощенческий* и т. п. Так как слова на *-енец* на ходятся в тесной лексической связи с существительными на *-ение*, то и от этих существительных на *-ение* в современном языке часто производятся имена прилагательные с помощью *-ческ-*: *мировоззренческий*, *учрежденческий*, *направленческий*, *поведенческий* и т. п., ср. газетное: *наслажденческий*.

2. Особенно же продуктивен в современном языке производный суффикс *-овск-* с ярко выраженным относительным значением: *вузовский*, *мопровский*, *месткомовский*, *нарпитовский*, *довъездовский* (*довъездовское паенакопление*), *съездовский*, *рабкоровский* и т. п. Но ср.: *мартовский*, *августовский*, *стариковский*, *отцовский*, *дедовский*, *жениховский*, *воровской*, *плутовской*, *шутовской* и т. п.

3. Суффиксы *-енск-* и *-инск-* непродуктивны в образованиях от нарицательных существительных, но продуктивны в прилагательных, относящихся к собственным именам главным образом со значением места:

а) *-енск-*: *кладбищенский*, *зареченский*, *междуреченский* (от *междуречье*), *нищенский* и некоторые другие. Ср.: *Керченский*, *Пензенский*, *Грозненский*, *Орджоникидзенский*, *Мытищенский* и т. п.;

б) *-инск-*, например, *сестринский*, *прост*, *нашинский*. Ср.: *сочинский*, *гагринский*, *ялтинский*, *бакинский* и т. п. Ср.: *Аннинский*, *Маршинский*, *Александринский*.

В связи с широким употреблением суффикса *-ск-* возникло несколько ва-

риантов его, обслуживающих интернациональную терминологию в составе русского языка. Таковы:

4. Суффикс *-ическ-* (генетически связанный с греч. *-ikos*, с фр. *-ique*):

а) *идеалистический, материалистический, спиритуалистический, артистический, коммунистический*; в сущности, здесь уже обозначается новый производный суффикс *-истическ-* (в соответствии суффиксам существительных *-изм, -ист*); ср.: *классицистический, психологический, логистический* и т. п.;

б) от имен существительных на *-ик*: *трагический, комический, исторический, практический, политический, драматический, скептический, параличический* и т. п.;

в) от существительных на *-ика*: *пропедевтический, лингвистический, евгенический, акустический, фонетический, графический, грамматический* и т. д.;

г) от заимствованных слов на *-ия* и бессуффиксных: *философический, географический, биологический, энергетический, гимназический, идилический, гигиенический, платонический, семитический, сценический* и т. п.

5. От заимствованных слов на *-с, -з (-зис)* имена прилагательные образуются посредством замены конечных звуков основы суффиксом *-тическ-* (прилагательные, производные от слов на *-зм*, имеют суффикс *-стическ-*): *хаос — хаотический, кризис — критический; генезис — генетический; эмфазис или эмфаза — эмфатический*; ср.: *сарказм — саркастический; фантастический* и т. п.

Заимствованные греческие имена на *-а* и *-ма* (при наличии слов от той же основы на *-атик*) образуют прилагательные с суффиксом *-атическ-*: *лимфатический, догматический* и т. п.

Из этого общего обзора функций суффикса *-ск-* и его ответвлений видно, что, в отличие от суффикса *-н-*, суффикс *-ск-* обозначает свойственность, типическую принадлежность. Отсюда уже вырастают разнообразные качественные значения этого суффикса и производных от него.

Гораздо ближе к суффиксу *-н-* по своим функциям суффикс *-ое-, -ев-**. В некоторых случаях можно наблюдать параллельные образования на *-ный* и *-овый* без особенно резкой дифференциации значений. В таких случаях образования на *-ный* нередко имеют заметный оттенок разговорности. Кроме того, они теснее связаны с родительным определительным имени существительного. Например: *керосинный (керосинный запах, керосинная бутылка) и керосиновый (керосиновое освещение, керосиновая лампа, керосиновый двигатель); антрацитный и антрацитовый; апельсиновый (апельсиновые корки) и апельсиновый (апельсиновое варенье и апельсинное варенье); балансный и балансный; пурпурный и пурпуровый; альбуминный и альбуминовый (альбуминный или альбуминовый клей)* и т. п.

Однако значение суффикса *-ое-, -ев-* почти всегда в этих случаях несколько предметнее и раздробленнее, чем суффикса *-(ь)н-*. Оно обнимает круг разнообразных предметных отношений (ср.: *жировой и жирный, снеговой и снежный*). Вообще в суффиксе *-ое-* оттенок предметного отношения или отношения к материалу выступает более внушительно, чем в суффиксе *-н-* (ср.: *круговой и кружный*). По-видимому, в профессиональных диалектах значение: сделанный, изготовленный из чего-нибудь — осознается как характеристическая черта именно суффикса *-ое-* (ср.: *баббитный завод и баббитовые подшипники*).

Употребление суффиксов *-(ь)н-* и *-ое-* чаще всего в современном языке служит средством семантической дифференциации или способом избегания и предупреждения омонимии. Например: *конный, но коновый* (в спортивном

_____ * Некоторые соображения из истории отношений между суффиксами *-ьи-, -и-, -ое-* см. в кн.: *Hartmann H. Studien über die Betonung der Adjectiva im Russischen. Leipzig, 1936, S. 3-10.*

диалекте от *кон*); *массный* и *массовый*; *береговой* от *берег*, но *бережный* от *беречь* (однако ср. в сложных словах *правобережный*, *левобережный* и т. п.); *вековой* и *вечный* *; ср. также: от *вече* — *вечевой*, а не *вечный*; *видовой* от *вид*, но от *видеть* — *видный*; *вкусовой*, но *вкусный*; *родной*, но *родовой*; *классовый* и *классный* (ср. у К. Федина в «Городах и годах»: «Чугун (креста) отошел в предание вместе с *классными* или *классовыми* похоронами»). Ср. также: *верховый* (или *верховой*) и *верхний*; *низовой* и *нижний*.

По-видимому, *-ое-* чаще, чем *-н-*, присоединяется к основам существительных среднего рода, к существительным с суффиксами *-ок*, *-ик*, *-ник* (со значением вещи, предмета), *-няк* и некоторым другим.

Значение суффикса *-ов(ый)*, *-ев(ый)* очень широко. Это самое общее значение относительной прилагательности. Чаще всего этот суффикс производит от имен существительных относительные прилагательные, обозначающие свойственность кому-нибудь (животному), отношение к кому-нибудь — чему-нибудь, выделанность из кого-нибудь — чего-нибудь или же выражающие конкретные отношения и связи между предметами. Например: *березовый*, *осиновый*, *ольховый*, *еловый*, *дубовый*, *домовый* (*домовый трест*), *дворовый* (*дворовые постройки*), *садовый*, *луговой*, *паровой* (*паровой двигатель*), *ключевой* (*ключевая вода*), *гороховый*, *свинцовый*, *духовой*, *буревой*, *деловой*, *лицевой*, *тканевой*, *ситцевый*, *пороховой*, *строевой*, *войсковой*, *баржесевый*, *промысловый*, *бязевый*; ср.: *оранжевый*, *палевый*; ср.: *бежевый*, *пурпуровый*, *розовый*, *багровый* и т. п. Ср.: *коричневый*, *гречневый* и т. п.

Ударение может быть на основе, на суффиксе *-ое-* и на окончании *-ой*, *-ая*, *-де* (*берёзовый*, *буковый*, *гороховый*, *осиновый*, *сосновый*, *гробовой* и т. п.).

Отношение к некоторым предметным сферам, например к деревьям, животным (в тех словах, которые образуются не с помощью суффикса *-иный*), минералам и т. п., преимущественно выражается с помощью этого суффикса *-ое-*, *-ев-*.

§ 9. Методы суффиксального словообразования в кругу относительных имен прилагательных

Суффикс *-ое-*, *-ев-* по большей части, суффиксы *-ск-* и *-н-* частично в современном словотворчестве являются средствами образования относительных прилагательных. Но с этими суффиксами связаны и качественные значения. Круг чисто относительных суффиксов, т. е. таких, в которых значение предметного отношения является основным и господствующим, не очень широк. Некоторые из этих суффиксов уже были названы. Это:

1) суффикс *-ий* (*-ья*, *-ье*). В современном языке как словообразовательный элемент здесь ощущается *j* (ср.: *волч-ь-его*, *лис-ь-я* и т. п.), но форма имени тельного падежа мужского рода совпадает с формами типа *синий*. Значение суффикса: отношение к животному, реже к лицу. Этот суффикс производится в разговорной речи и в стилях художественной литературы. Ср., например, у Сельвинского:

Туша *битюжьего* тяжеловоза,
Не легкий аллюр кавалерийской птицы...
(«Улялаевщина»)

2) суффикс *-ин-*, обозначающий принадлежность и свойственность животному (*гусиный*, *воробьиный*, *лошадиный* и т. п.). Ср.: «худощавый мещанин —• См. попытку наметить генетическое соотношение суффиксов *-ьн-* и *-ое-* в разных морфологических типах прилагательных в книге Н. Hartmann'a «Studien über die Betonung der Adjectiva >m Russischen».

с *ястребиным* носом и *мышинными* глазками» (Тургенев, «Поездка в Полесье»). Остается указать суффиксы: 3) *-ян-, -ан-, -яни-*; 4) *-н'* и 5) *-ин(ий)*.

Отношение к материалу (сделанный, изготовленный из чего-нибудь) специально обозначается суффиксом *-ан-, -ян-*, производящим прилагательные от названия какого-нибудь вещества: *жестяной, лубяной, ржаной, льняной, серебряный, кожаный, воцаной* и т. д. Этот суффикс под ударением иногда принимает форму *-яни-*: *деревянный, оловянный, стеклянный*, но *овсяный, полотняный*. То же значение выделанности из какого-нибудь материала, например из металла, может быть выражено и синонимическим суффиксом *-н-*: *стальной, железный, чугунный* и т. д.

Некоторые слова с суффиксом *-ян-* (*-яндй, -яный*) могут обозначать вообще отношение к производящему имени без указания на соответствующий предмет как на материал. Например: *кровавое давление, платяной (платяной шкаф), дровяной (дровяной сарай)* и т. д.

Суффикс *-н'(ний)* образует прилагательные от имени существительных, обозначающих время и место: *весенний, летний, осенний, зимний, утренний, вечерний* и т. п.; *верхний, нижний, задний, дальний, сторонний*; ср.: *посторонний, передний, средний, крайний* и т. п. Он же производит прилагательные от предметно-обстоятельственных наречий места и времени: *ближний, прежний, ранний, последний, давний* (ср. *област, даве*), *прошлогодний*, арх. *горный* [от церковнославянского наречия *горе* — вверху на высоте; ср. «и *горный* ангелов полет» (Пушкин)] и т. п. Только это значение суффикса *-н'* продуктивно в современном языке. При посредстве этого суффикса закрепляется связь относительных прилагательных с предметно-обстоятельственными наречиями.

Из других случаев употребления суффикса *-н'* следует отметить наличие его в небольшой группе архаических прилагательных, которые образованы от существительных, обозначающих родственные отношения или близкую связь: *сыновний, дочерний* (устар.), *братний* (устар.), *супружний* (устар.), *мужний, соседний*. Притяжательное значение здесь осложнено качественно-относительными значениями (ср. *замужний*).

От суффикса *-н'* в его обстоятельно-временном значении отделился суффикс *-ин'*. Он тоже обозначает отношение к месту и времени, производя прилагательные от предметно-обстоятельственных наречий места и времени: *нынешний, тогдашний, вчерашний, домашний, всегдашний* и т. д. Любопытны самые приемы словопроизводства. Чаще *-ин(ий)* присоединяется к наречию по принципу агглютинации: *сегодня-иний, завтра-иний, ныне-иний*, прост.— *област, утроиний* (ср. *утреиний*). Ср.: *теперешний, тутоиний* (ср. *тамоиний*). Отдельно *давнишний*. Совершенно обособленно стоят образования, давшие начало суффиксу, вроде *здеиний*. Некоторые слова, расширив свои значения, порвали связь с этой группой прилагательных, например *внешний*.

§ 10. Группа порядковых относительных прилагательных

К относительным прилагательным принадлежит также замкнутая группа порядковых прилагательных (*первый, второй* и т. п.), выражающих отношение к числу, определяющих положение предмета в порядке счета. Порядковые прилагательные выстраиваются в один семантический ряд соответственно порядку чисел, цифр. Древние грамматисты и их новые последователи, указывая на тесную лексическую связь между этой группой имен прилагательных и обозначениями чисел, часто связывают порядковые прилагательные с категорией имен числительных. Так поступали, например, акад. Д. Н. Овсянко-Куликовский, акад. А. А. Шахматов, проф. Р. Кошутич и др. Однако отнесение порядковых прилагательных к категории числительных не может быть грамматически обосновано. Оно опирается только на формы лексической свя-

зи. Но считать *третий, четвертый, пятый, шестой* и другие порядковые определения числительными — то же самое, что находить в относительных прилагательных *вчерашний, сегодняшний, завтрашний, послезавтрашний* и т. п. наречия времени или отглагольные прилагательные на *-лый* (типа *полиялый*) называть глаголами прошедшего времени.

На смешение порядковых прилагательных с категорией числительных могла повлиять и однородность их цифрового обозначения (например: *в 1935 году, число — 1935* и т. п.). На этой арифметической почве в специальных диалектах (под воздействием канцелярского языка или условного чтения цифр) даже возникает своеобразное определительно-прилагательное употребление имен числительных (например: *дом № 17 — номер семнадцать*). Однако условные формы арифметического выражения не могут быть использованы как аргументы в пользу отождествления порядковых прилагательных с числительными.

Порядковые слова имеют не только все морфологические приметы имени прилагательного, но и все его основные грамматические значения. В самом деле, *третий (-ья, -ье)* имеет относительный суффикс *-ий (-ья, -ье)*, хотя и остается одиноким, морфологически изолированным словом среди живых типов суффиксального словообразования на *-ий, -ья, -ье*. Слово *сороковой* выделяет относительный суффикс *-ое-*; *тысячный, миллионный, миллиардный* и т. д. образованы при посредстве суффикса *-«-*. Все другие порядковые слова представляются бессуффиксными образованиями с окончанием *-ый*. Отношение их к соответствующим числительным кажется вполне однородным с соотношением: *грудь — грудой (красногрудый снегирь, слабогрудый мальчик и т. п.), бровь — бровый (чернобровый), шерсть — шёрстый (тонкошёрстый и т. п.)* и других подобных. Аффикс *-ый, -ая, -ое* обеспечивает порядковым словам устойчивую и вполне совпадающую со словоизменением прилагательных систему склонения. Бросается в глаза у подавляющего большинства этих слов одинаковость конечного согласного основы *-т-* (от *четвертый* до *девятистой*, за исключением слов *седьмой, восьмой* и *сороковой*). Сюда же отчасти примыкает со смягчением *т'* в *третий* ('ср.: *тре-клятый, тре-волнение, тре-звон* и т. п.). Лишь смежные *седьмой-восьмой* и *первый-второй* выступают из этого морфологического ряда *. Однако, кроме *первый* и *второй* и отчасти *третий, четвертый* (ср.: *треть, четверть*), все остальные порядковые слова находятся к соответствующим числительным (*пятый* к *пять, шестой* к *шесть, восьмой* к *восемь* и т. д.) в таком же отношении, как *синий* к *синь, черный* к *чернь, белый* к *бель, тихий* к *тишь, нечистый* к *нечисть* и т. п.

Г. Павский и К. С. Аксаков совершенно правильно указывали на то, что с порядковыми прилагательными тесно связаны прилагательные от *двое, трое* и т. п.: *двойной, тройной, четверной* и т. д., образованные с помощью качественно-относительного суффикса *-н-* и обозначающие: увеличенный во столько-то раз (сколько обозначено основой собирательного числительного) или состоящий из какого-нибудь количества однородных частей, предметов. Сюда же отчасти примыкают прилагательные *двойственный, тройственный* (суффикс *-ственн-* или *-енн-*) от вышедших из употребления существительных *двойство, тройство*. Неотделимы от этих серий и прилагательные *двоакый, троякий*, обозначающие: существующий в двух, трех разных образах, формах, в двух разных проявлениях или способах. «*Четвероякий* говорится с насилом, и от следующих чисел (5, 6 и т. п. — В. В.) форма эта не образуется вовсе» 5'.

* Ср. сравнительно-исторические замечания об образовании порядковых числительных в индоевропейских языках в статье: Meillet A. Des noms des nombres ordinaux en indoeuropeen-Bulletin de la Societe de linguistique de Paris, 1928, t. 29, fasc. 1, № 86.

Таким образом, в порядковых прилагательных рельефно выступают все типические черты имени прилагательного: его словообразовательные формы, система склонения, синтаксические функции. Мало того, даже способы производства составных порядковых вполне соответствуют особенностям категории прилагательных. Подобно сложным относительным прилагательным (вроде *двухвесельный, четырехрудовый, сорокаведерный, стопроцентный* и т. п.), составные порядковые прилагательные, обозначающие отношение к десяткам ('от *пятидесяти* до *восьмидесяти*) и к сотням ('от *двухсот* до *девятисот*), складываются из родительного падежа числительных ('кроме *сто, девяносто*) и простого порядкового прилагательного (*пятидесятый, семидесятый, трехсотый* и т. п.; ср. также: *пятитысячный, стомиллионный, пятимиллиардный* и т. п.). Неизменяемость всех элементов, кроме последнего, в таких сложных порядковых словах, которые соотносительны с составными числами, содержащими единицы (вроде *сто двадцать пятый, тысяча сто пятьдесят девятый* и т. п.), не может служить основанием для выделения их в особую категорию. Ведь если бы от составного имени существительного было произведено прилагательное, то и оно также сохранило бы в своей основе первые компоненты неизменными.

При отнесении порядковых слов к категории числительных невозможно обойтись без грамматических натяжек и противоречий. Например, для тех, кто считает порядковые прилагательные именами числительными, характерна такая непоследовательность: не признавая *тысячу, миллион, миллиард, биллион, триллион* и т. п. числительными, они, однако, не могут отказать в порядковом значении словам *тысячный, миллионный, миллиардный* и т. п.

Итак, нет никаких грамматических оснований отделять порядковые слова от категории прилагательных. Впрочем, этот вывод не помешал проф. А. М. Пешковскому поставить такой недоуменный вопрос: «Как же, однако, быть с такими прилагательными, как *двадцатый, третий!* Ведь тут уж совершенно невозможно говорить о качестве»⁵². А. М. Пешковский находил выход из этого недоумения в том, что в порядковых прилагательных «основа обозначает нечто прямо противоположное качеству, именно количество»⁵³. Следовательно, в них возникает своеобразный конфликт лексических и грамматических значений.

Но вопрос ясней и лингвистически проще. Понятие качественно-относительного признака, выражаемого категорией имен прилагательных, не ограничено только кругом чисто предметных отношений. Категория предмета без остатка стирается и поглощается в смысловой структуре имени прилагательного. Поэтому-то и возможно образование прилагательных от обстоятельственных наречий. Тем более естественны типы прилагательных со значением числового отношения. К. С. Аксаков, сопоставляя порядковые прилагательные с притяжательными, писал: «Предмет по отношению к числу — *один, два* и т. д., но по отношению числа к нему, но потому что это число становится его отличительностью, он — *первый, второй* и т. д. Таким образом образуется особый род числительных прилагательных, обозначающих то же число, но принадлежащее предмету как его место или степень в порядке счисления»⁵⁴. В той мере, в какой математическая точность расчета, выраженного в цифрах, мирится с качественным пониманием числового определения, по-рядково-относительные прилагательные могут приобретать оттенки качественных значений. Те порядковые слова, которые связаны с круглыми цифрами (например: *десятый, тысячный*), или те, которые соотносительны с самыми первыми единицами счета (*первый, второй, третий*), легче всего развивают качественные значения (например: *первый сорт; первейшего качества; на вторых ролях; на втором плане; второе отечество; третий сорт; это - дело десятое*; ср. у Салтыкова-Щедрина в сказке «Самоотверженный

заяц»: «Бежит — земля дрожит... болото — он с пятой кочки на десятую перепрыгивает»; ср.: «В сотый раз тебе говорю»; «Правдой-то я ее до седьмого пота прошибу» (Салтыков-Щедрин, «Карась-идеалист»); ср. «тридевятое царство» и многие другие подобные. Мало того, *первый, второй, третий* и т. п. могут при классификации, связанной с перечислением, нести часто указательные функции (ср. местоименное употребление слов *первый-второй, первый-последний* и т. п. в книжной речи).

Что же касается степени качественной насыщенности порядковых прилагательных, связанных с точным арифметическим определением чего-нибудь, то она в них не ниже, чем в такого рода относительных словах, как *шестивесельная лодка, стопудовый груз, пятипроцентный заем* и т. п.

Такой сложной и богатой представляется даже в бледном и беглом очерке картина морфологических разветвлений качественно-относительных прилагательных и так пестра и многообразна гамма смысловых оттенков, различимых в этой картине. Но эта картина еще не полна. Она не закончена. В именах прилагательных наблюдаются резкие различия качественной окраски. Имена прилагательные качественные допускают возможность широких экспрессивных колебаний оттенков качества. В них ярко выступают разные виды качества или субъективной оценки степени качества по отношению к мыслимой его норме. С другой стороны, качественным прилагательным свойственны особые формы, выражающие объективное сравнение степени какого-нибудь качества в однородном кругу предметов. В старых грамматиках (например, у А. Х. Востокова, Н. И. Греча, И. И. Давыдова и др.) все эти явления объединялись под именем учения о «степенях сравнения» имени прилагательного.

4. СТЕПЕНИ КАЧЕСТВА И ИХ ВЫРАЖЕНИЕ У ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 11. Формы субъективной оценки качества и формы степеней сравнения прилагательных

Вопрос о степенях качества и о формах их выражения у прилагательных не может считаться вполне уясненным*. В «Российской грамматике» Ломоносова вопрос о степенях сравнения имен прилагательных был решительно отделен от вопроса об умалительных и увеличительных именах прилагательных (*tuna.* 'плоховат, близехонек и т. п.), т. е. от вопроса о категории субъективной оценки. Но в русских грамматиках первой половины XIX в. под влиянием французских грамматических теорий эти вопросы сблизились. В руководствах этого времени нередко устанавливались две категории степеней качества: «неотносительные, в коих нет сравнения между предметами (например: *староватый, старенький, старехонек.* — В. В.), и относительные, или степени сравнения, в коих качество определяется по сравнению предметов между собою»^{55**} (например: *старейший из ученых; один другого старше*). Понятие степеней сравнения иногда распространялось и на все разновидности степеней качеств.

В таком случае обе эти группы форм объединялись под именем безотносительных и относительных степеней сравнения. (При этом безотносительные

* Ср. работу А. С. Никулина «Степени сравнения в современном русском языке» (1937) и разбор этой работы в статье И. А. Фалева «К вопросу о степенях сравнения в современном русском языке» (Язык и мышление, 1940, вып. 9).

** Ср статью И. Ф. Калайдовича «О степенях прилагательных и наречий качественных». Здесь, по-видимому, впервые на русской почве различаются «степени значения» и «степени сравнения» 56

степени сравнения иногда сопоставлялись со «степенями» глагола.) Получались три безотносительных степени сравнения:

1) *начинательная* степень, образуемая от основы имени прилагательного, обозначающего физические качества предметов, с помощью суффикса *-оват-, -еват-*: *желтоватый, красноватый, синеватый* и т. п.;

2) *длительная и учащательная* степень от тех же прилагательных, образуемая с помощью суффикса *-онък-, -еньк-*: *желтенький, красненький, сухонький*. Эту форму имеют не все прилагательные со значением физического качества. Так, она не свойственна прилагательным на *-кип* с предшествующим согласным, которые выражают способность неодушевленного предмета к какому-нибудь действию: *ломкий, звонкий, скользкий, тряский*;

3) *совершенная* степень, употребляемая только в краткой форме и образуемая с помощью суффиксов *-ёхонек, -охонек* и *-ошенек, -ёшенек*: *краснёхонек, белёхонек, здоровёшенек*.

«Совершенной безотносительной степени лишены прилагательные качественные, показывающие принадлежность предмету каких-либо частей или свойств и оканчивающиеся на *-авый, -атый, -астый, -оватый, -ивый, -итый, -истый, -лый, -кий, -моложавый, душистый, плодovitый* и пр. Все эти прилагательные не представляют постепенного развития или напряжения деятельности в предметах...»⁵⁷

Таким образом, все безотносительные степени качества, иначе говоря, формы субъективной оценки качества ставились в один грамматический ряд. Между этими тремя степенями усматривалось прямое соотношение. Казалось, что безотносительное к сравнению предметов различие степеней одного и того же качества ведет к образованию трех форм одного и того же слова⁵⁸. Например: *слабоватый, слабенький* и *слабёхонек* с этой точки зрения должны быть признаны формами слова *слабый*, так же как *слабее* и *слабейший*. Сопоставление с видами глагола является искусственным и внешним. Стремление установить полный параллелизм между тремя степенями субъективной оценки и между тремя степенями сравнения сужало круг грамматико-семантического исследования и вело к искусственным грамматическим построениям. Полому Ф. И. Буслаев в своей «Исторической грамматике» отошел от этого надуманного учения о двух соотносительных типах степеней сравнения, введя вопрос о степенях сравнения в его традиционное русло, в котором он в общем пребывает и до сих пор. Лишь так называемая «формальная» грамматика нашего времени попыталась оторвать форму сравнительной степени от категории имени прилагательного и выделить ее даже в особый грамматический класс. Формы же безотносительных степеней качества обычно помещались в один общий ряд со всеми суффиксальными образованиями имен прилагательных. Еще К. С. Аксаков бегло коснулся вопроса о «разных оттенках качества, которые показывают его свойство, количество и тому подобны[^] отношения в нем самом со стороны внешней». Он указал, что формы этого рода в основном обособлены от категории степеней сравнения, выражающей внутреннее распределение качества в предметах. Уменьшительно-ласкательные и усилительные формы прилагательного, «определяя качество с его наружной стороны, еще не определяют самого качества, а выражают лишь его субъективную оценку». Они «группируются около общего качества и составляют его переливы»⁵⁹.

Таким образом, русская грамматика к середине XIX в. в вопросе о формах субъективной оценки вернулась к правильной точке зрения, намеченной еще Ломоносовым. Стало ясно, что значение степеней сравнения и форм субъективной оценки в отдельных оттенках сближаются. Но на фоне этих семантических связей еще рельефнее выступили различия, расхождения между

двумя категориями. При ближайшем изучении тех образований, которые причислялись к безотносительным степеням качества, открылось, что между ними в живой речи нет ни грамматической соотносительности, ни логической" симметрии.

Суффикс *-оват-* (*-еват-*) обозначает неполноту, недостаток качества «против обыкновенного» (Греч), наличие качества лишь в некоторой слабой степени, далекой от нормы. Образования с этим суффиксом иногда очень сильно отличаются своим значением от производящего прилагательного (ср.: *дубовый* и *дубоватый*; *прыщавый* и *прыщеватый*; *лиственный* и *иловатый*; *глухой* и *глуховатый*, не совпадающие по кругу значений; ср. невозможность сказать: «сытое брюхо к учению *глуховато*» или: «ходила *глуховатая* молва», «испытывать *глуховатое* недовольство» и т. п.; ср. образования типа *плутоватый*, *вороватый*, *мещановатый* и т. п.; ср. также: *одутловатый*).

Последовательность безотносительных «степеней качества» оказывается мнимой. Суффикс *-оват-* лишь в узком кругу слов может рассматриваться в параллель с суффиксом *-еньк-*, *-оньк-*, и то как его неполный морфологический синоним. К. С. Аксаков в разборе «Исторической грамматики» Ф. И. Буслаева останавливался на различиях в значении и экспрессии между *беловатый* — *беловат* и *беленький* — *беленок*, *белёхонек*, *белёшенек*. «Белёхонек, белёшенек и проч. (кругом бел, совершенно бел. — В. В.) выражают личное впечатление говорящего, поэтому сравнительная степень здесь невозможна; ибо здесь является не качество: *бел* само по себе, а особое впечатление, им производимое. Слово *беленок* не имеет значения: *совершенно бел*, а скорее *слегка бел*; но, выражая личное ощущение, не может иметь сравнительной степени. *Беловат*, *белесоват* не выражают личного впечатления, а обозначают само качество и потому могут иметь сравнительную степень»^{60*}.

О том же явлении позднее писал проф. Мандельштам: «Как в обыденной речи, так и в народной поэзии и в литературных произведениях слышится часто в уменьшительных суффиксах нечто, соответствующее суффиксам *-ватый*, *-атый*, т. е. присутствие качества в *некоторой степени*... Хотя над значением ложится отношение говорящего — то симпатии, то антипатии, в зависимости от содержания самого слова (ср.: *пошленький*, *подленький* и *глупенький*, *слабенький*)»¹.

Уменьшительно-ласкательный суффикс *-еньк-*, *-оньк-* присоединяется к основам прилагательных, как осложненным суффиксами, так и бессуффиксным. Однако далеко не все осложненные суффиксами основы качественных имен прилагательных могут соединяться с суффиксами субъективной оценки. Обычно не образуют уменьшительных форм на *-еньк-*, *-оньк-* качественные имена прилагательные, включающие в себя суффиксы *-тельн-*, *-ист-*, *-льн-* и некоторые другие. Кроме того, вообще качественные прилагательные, носящие отпечаток книжности, не имеют форм субъективной оценки. Точно так же прилагательные с живой глагольной основой обычно не принимают уменьшительно-ласкательных суффиксов. Это можно наблюдать даже в прилагательных на *-кий*, если в них жива связь с глаголом (например: *броский*, *хваткий*, *ломкий* и т. п.). При утрате же или ослаблении связи с глаголом эти прилагательные сочетаются с уменьшительными суффиксами. Впрочем, прилагательные с суффиксом *-к-* (но не на *-окий*, *-ёкий*) «отбрасывают» *-к-* перед уменьшительным суффиксом: *гладенький*, *жиденький*, *коротенький*, *легонький*, *мягонький*, *низенький*, *реденький*, *тоненький*, *мельенький*, *узенький* и т. п.; но *вы-*

* Ср. такое же утверждение Ломоносова («Российская грамматика», § 254). Но Востоков, а также Буслаев в 1-м издании «Исторической грамматики» (Опыт исторической грамматики, 1858, I, с. 123) указывали, что от прилагательных на *-оват-* нельзя образовать степеней сравнения.

соконький, глубоконький и т. п. Лишь в тех случаях, когда суффикс *-к-* уже неотделим от основы прилагательного, уменьшительный суффикс *-оньк-* непосредственно примыкает к нему (ср. разг.: *мелконький, жалконький* и др.). Ударение ставится на слоге, непосредственно предшествующем суффиксу *-оньк-, -еньк-*.

Функция суффикса *-еньк-, -оньк-* довольно точно была определена еще грамматиками первой половины XIX в.; это — «смягчение или уменьшение качества». По толкованию Н. И. Греча, качественные прилагательные, сочетаясь с этим суффиксом, принимают вид уменьшительных для смягчения, для приветствия или для согласования с существительным уменьшительнымⁱⁱ. В своем основном, чисто экспрессивном уменьшительно-ласкательном или несколько пренебрежительном значении формы на *-еньк-, -оньк-* принадлежат к системе форм производящего имени прилагательного (*слепой — слепенький; хромой — хроменький* и т. п.). Относясь к имени существительному в уменьшительно-ласкательной форме, прилагательные на *-енький, -онький* выражают своеобразное экспрессивное согласование с ним (ср.: *голубое платье — голубенькое платьице**; *веселый день — веселенький денек* и т. п.). В таком сочетании эти формы лишь обостряют и усиливают эмоциональную окраску определяемого предмета. Например, *маленькая лошадка*. А. А. Потенция и вслед за ним проф. И. Манделштам отметили, что в некоторых случаях формы прилагательных на *-енький* лишены прямого уменьшительно-ласкательного значения и употребляются лишь для общего экспрессивного «освещения речи»⁶³.

Все это подтверждает ту мысль, что *слабенький* является скорее экспрессивным видоизменением слова *слабый*, его формой, чем самостоятельным, новым словом. Но экспрессивные оттенки, присущие этим формам, крайне разнообразны и противоречивы. Эти формы могут выражать меньшую, смягченную степень качества в субъективном освещении (например: *смазливый* и *смазливенький, легкий* и *легонький* и т. п.). Иногда, напротив, им свойствен оттенок субъективного усиления качества (например: *простенький* и *простой; паршивенький* и *паршивый* и т. п.). Это усиление качества особенно ярко выступает в устном употреблении (правда, не частом) кратких форм, вроде *тяжеленок, далеконек* и т. п., или однородных полных с предикативным значением: *путь показался нам долгоньким*. Ср. у Достоевского в «Бесах»: «Варвара Петровна... стала в последние годы излишне, как говорили, расчетлива и даже *скупенька*».

В силу этого многообразия экспрессивной окраски у многих форм на *-енький, -онький* изменяется лексическое содержание. Этот смысловой сдвиг ведет к отрыву их от исходного имени прилагательного (например: *хороший* и *хорошенький, малый* и *маленький* и т. п.). В современном языке есть несомненная тенденция к превращению многих форм с суффиксом *-онький, -енький* в отдельные слова.

А. А. Шахматов указывал, что «уменьшительные образования могут возникать и независимо от определяемых существительных»⁶⁴, и подчеркивал склонность этих форм к обособлению в самостоятельные слова ('ср.: «она очень *мила*» и «она очень *миленькая*»; «*маленький, да удаленький*»).

Крестьянско-фольклорные суффиксы *-ёшеньк-, -ёхоньк-, -охоньк-*, связанные преимущественно с краткой формой прилагательных, выражают уси-

Ср. у С. Кирсанова:

Та в *беленьком* и узком, Почти что в детском *платьице... Беленьком и хорошеньком*.
Светлом, как аллилуйя.

(«Последний современник»)

лительное, увеличительное значение ⁶⁵: *рад-радёшенек, один-одинёшенек, тяжёлёшенек, здоровёшенек* и т. п. По-видимому, в *-ёшенек* преобладает оттенок сочувствия (иногда даже ласкательной окраски), в *-ёхонек* — оттенок предельного усиления. Формы на *-ёшенек (-ёшенький)* явно вымирают. Они расцениваются в устной речи как архаизмы или фольклоризмы. Формы на *-ёхонек*, в устной речи потенциально образуемые от многих качественных прилагательных (например: *тяжелёхонек, глупёхонек* и т. п.), все же мало употребительны в интеллигентско-разговорном языке. На тех и других лежит отпечаток народнопоэтического стиля. Приходится признать их еще не отжившими, но лишь «запасными» формами соответствующих качественных слов.

Итак, в современном языке отчетливо проявляется тенденция к экспрессивному распылению «безотносительных степеней качества». Формы субъективной оценки не только безотносительны к сравнению предметов, но и не соотносительны друг с другом. При этом границы стилистического использования форм на *-енький, -онький*, а особенно форма на *-ёшенек (-ёшенький), -ё(о)хонек (-ёхонький)*, не совпадают с областью употребления производящего имени прилагательного.

Такому стилистическому расслоению форм субъективной оценки содействовала волна экспрессивных образований, первоначально бытовавших в мещанских и просторечных диалектах и начавших широко двигаться в русский литературный язык с 20—40-х годов XIX в. Эти формы находились, а частично и возникали под влиянием книжных причастий⁶⁵. Сюда относятся экспрессивно окрашенные суффиксы:

1. *-уц-, -юц-* с усилительно-увеличительным значением: очень, в высшей степени: *завидующий, загребущий, злющий, жаднющий, толстущий, здоровущий* и т. п., ср. *большущий*. Ср., например, у Маяковского:
Если встретите человека белее мела,
худющего.
худей, чем газетный лист,—
умозаклучайте смело:
или редактор,
или журналист.

(«Газетный день»)

В образованиях этого типа в современном языке явно преобладают производные от основ качественных прилагательных. Ср. в мещанском диалекте образования с суффиксом *-ёюц- (-аюц)*, носящие на себе печать влияния формы сравнительной степени: «*еильнеющая буря*» (Садовников); «самому *стареющему* волку», «*превеличающий* камень» <>⁷, «*первеющее* дело» (Мельников-Печерский, «В лесах»).

2. *-яц-* тоже с усилительным значением: *гуляющий, завалиющий, работающий*; ср. *облает, зрящий* (от наречия *зря*). Образования этого рода отглагольны и непродуктивны.

От этих ударяемых суффиксов *-уц-, -юц-, -яц-*, конечно, необходимо отличать суффиксы причастий и развившихся из них качественных прилагательных.

Быть может, прав был проф. С. К. Булич, предполагая, что формам на *-юций, -яций* «значение превосходной степени легко могло быть придано влиянием такого увеличительного суффикса, как, например, *-ища, -ище: ручища, долище* и т. д.»⁶⁸.

3. *-енн-*, присоединяющийся к основам имен прилагательных, преимущественно обозначающих величину или силу*.

Этот суффикс имеет увеличительное значение. Но ср. у Достоевского в «Идиоте» (в речи чиновника) образование на *-енный* от основы имени существительного: «ужастенная сука».

ное значение и употребляется главным образом в просторечии: *здоровенный, страшенный, тяжеленный, широченный, высоченный* и т. п. Ср., например, у Л. Сейфуллиной: «Крепченной золотой жилой в жизни проляжем» (в речи интеллигента; рассказ «Преступление»); «На сеновале *страшная* темень» (Шолохов, «Поднятая целина»). Ср. *здоровенный* (Пушкин, «История села Горюхина»: «баба *здоровенная*»; в языке Тургенева, Писемского, Л. Толстого и др.).

Такова система суффиксов субъективной оценки и таково их употребление. Термин «степеней качества» приложим к образованиям, полученным с помощью этих суффиксов, лишь в очень условном смысле. В большей части их (кроме *-оват-*) значение степени качества лишь наслаивается на очень разнообразные экспрессивные оттенки субъективного отношения к качеству. Ср.: *тяжелый, тяжёленький, тяжелек, тяжелё'шенек, тяжелё'хопек, тяжелю-щии⁴, тяжеленный*.

От этих форм, обозначающих субъективную оценку качества или меры качества по отношению к норме этого качества, но безотносительно к сравнению предметов, обладающих этим качеством, следует решительно отделять формы степеней сравнения. Формы субъективной оценки, выражающие «смягчение, усиление и уменьшение качества», сами по себе никакого сопоставления предметов по степени качества не обозначают. Их значение состоит не в выражении соотношений между качествами предметов, а в выражении отношения субъекта к качеству предмета. Если признать это разграничение, то придется отнести к категории субъективной оценки и формы прилагательных с приставками *пре-, раз-* и *наи-**, а также: *сверх-, архи-, ультра-*. Ср.: *прехорошенькая девочка*; «погода *прегнуснейшая*» (С. Аксаков); *разлюбозное дело, наиглупейшее положение, общий наибольший делитель, наименьший, наилучший* и т. п.

Любопытно, что прилагательные с приставками *пре-, раз-* (и, естественно, *наи-*) не имеют кратких форм. Некоторые из этих приставок, например *пре-, раз-*, сочетаются не только с основной формой имени прилагательного, но и с формой превосходной степени. Приставка *наи-* присоединяется только к формам на *-ейший-, -айший* и *-иш*. Формы прилагательных, осложненные приставками этого рода, выступают как синонимы форм превосходной степени в безотносительном значении, в значении предельной степени качества ('ср.: *преглупое положение—глупейшее положение*). Анализ этих образований целесообразнее связать с изложением грамматического учения о степенях сравнения.

5. СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 12. Описательные, аналитические формы степеней сравнения

В современном грамматическом учении о степенях сравнения прежде всего представляется не вполне осмысленной сама терминология, особенно название «положительная степень». Старая грамматика разъясняла этот термин в том смысле, что в основной форме на *-ый, -ая, -ое* качество, само по себе взятое,— качество отвлеченное, неопределенное в отношении степени, меры, выражается положительно, вне сравнения предметов по степени этого каче-

• См. у К. С. Аксакова: в приставках *пре-, раз-* и *наи-* «качество определяется таким обра

зом, что уже не допускает сравнения: пожалуй, в этих приставках выражается *степень* качества,

но не *степень сравнения*; эти приставки то же, что и наречия: *очень, совершенно* и т. д. ... Если

же видеть тут степени сравнения, то должно видеть их и в формах: *беловат, беленок,*

белешенек...»^б.

ства. Форма положительной степени непосредственно и безотносительно характеризует предмет. Она «есть как бы первый камень, положенный в основание для прочих степеней»⁷⁰. Между тем в сравнительной степени качество уже получает относительное значение. «Так, например, выражение *этот добрее того* еще не значит, чтобы *этот* был *добр*; *этот* — *добр* только *относительно того*, по сравнению с ним...» само качество как бы теряется, «исчезает в бесконечном сравнении проявлений»⁷¹. В превосходной же степени «является полное осуществление качества, как общего понятия: здесь качество как бы находит себе достойное осуществление вне всякого сравнения»; превосходная степень «выражает превосходство одного предмета в известном качестве над всеми прочими» (Греч).

«Понятно,—добавлял К. С. Аксаков,—что ни местоименные, ни отвлеченные, ни предметные (т. е. притяжательно-относительные.— *В. В.*) прилагательные не имеют степеней...» Относительные прилагательные, «служа оттиском самого предмета, того или другого, а не предмета вообще, нося на себе известный его образ, с ним связаны и не могут двигаться вперед и определяться: они определены уже самым предметом; подчинены ему» и, следовательно, не могут характеризоваться количеством качества⁷². Местоименные, притяжательные и относительные прилагательные обозначают такие признаки, которые не обнаруживают различий в степени. *Каменный* (дом), *сестрин* (рисунок), *наш* (сад) не мыслятся со стороны количественных различий своих свойств.

На основе этих теоретических соображений о степенях качества как средства сравнения предметов был выстроен в грамматике первой половины XIX в. такой ряд форм: 1) форма положительной степени на *-ый (-ой), -ий*; 2) форма сравнительной степени на *-ее (-е, -ше)* или описательная с префиксом *более* *; 3) промежуточное положение между чисто сравнительной степенью и превосходною занимала «сравнительная превосходная» форма с суффиксом *-ейш(ий), -айш(ий)* и 4) форма превосходной степени — описательная с приставкой *самый*.

Различие между формами превосходной степени с приставкой *самый* и с суффиксом *-ейш(ий), -айш(ий)* разъяснялось К. С. Аксаковым таким образом: форма на *-ейший, -айший* в литературном языке XIX в. все более и более теряет значение сравнительной степени и получает значение степени превосходной, которая, однако, «обращена лицом к *сравнению* и высказывает мысль об окончательном сравнительном превосходстве такого-то качества»⁷⁴. В форме же описательной превосходной степени с *самый* выражается внутреннее безотносительное значение высшего качества. Тут «вопрос об отношении и сравнении удален». «Поэтому форма на *-ейший* и *-айший*, в свою очередь, может еще получить другое, внутреннее значение через *самый*; можно сказать: *самый добрейший*»⁷⁵.

Все эти формы степеней сравнения в той или иной мере живы и в современном русском языке, но функции и соотношение их существенно изменились. Несомненно, что во второй половине XIX в. усилилось грамматическое значение описательных, аналитических форм степеней сравнения. Современная «формальная» грамматика часто их игнорирует, и на них следует прежде всего остановиться⁷⁶. Они образуют симметрическую и вполне соотносительную группу форм, в которых форма положительной степени на *-ый, -ой, -ж*, как «нулевая» и в то же время как отправная, исходная форма, входит в со-

* Г. Павский писал: «Если бы какое-либо прилагательное имя не имело сравнительной степени или допускало ее неохотно, а между тем имело бы право возвышаться по степеням, то в таком случае к положительной его степени следует приложить *более* и оно станет на сравнительную степень, например: *более робок, более дерзок* вместо *робче, дерзче*»^{1 ?1}.

став двух других, аналитических форм с усилительными префиксами *более* и *самый* (*удобный, более удобный, самый удобный; жаркий, более жаркий, самый жаркий*)⁷⁷.

§ 13. Значения аналитических форм превосходной и сравнительной степени

Не подлежит сомнению, что *самый* в сочетании с прилагательными отнюдь не является определением существительного, т. е. вовсе не является самостоятельным словом, а образует вместе с формой имени прилагательного грамматический идиоматизм *, одну составную форму. *Самый* в сочетаниях типа *самый удобный момент, самый изящный стиль* и т. п., в сущности, согласуется не с существительным, а с формой прилагательного, т. е. со словами *удобный, изящный* и т. п. В этом отношении *самый* резко отличается по своей функции даже от слов *какой, такой* в сочетаниях с прилагательными **. В самом деле, *какой, такой* в выражениях вроде: «*Какой миленький носик у твоего барина!*» (Гоголь), несмотря на свое значение степени качества, все же сохраняют тесную и прямую смысловую связь с определяемым словом ^чего нет у *самый*, например, в словосочетании *самый даровитый ученик*). Ср., например: «*Какие перышки, какой носок, и верно ангельский быть должен голосок!*» (Крылов).

С описательной формой превосходной степени (*самый* + имя прилагательное) связаны в современном русском языке два значения. В абсолютном употреблении, независимо от сравнения предметов, эта форма (*самый* + имя прилагательное) обозначает решительное превосходство качества, предельную степень качества. По-видимому, именно это значение описательной формы было первичным в русском литературном языке середины XIX в. К. С. Аксаков подчеркивал именно это значение описательной формы превосходной степени: «Мы можем сказать: *добрейший из всех*, но не должны говорить: *самый добрый из всех*; впрочем, тонкость этого употребления чувствуется немногими»⁸¹. Ср., например, у Пушкина: «*Зло самое горькое, самое нестерпимое* для стихотворца есть его звание и прозвище». У Гоголя: «Нельзя было видеть без внутреннего движения, как все отдирало танец *самый вольный, самый бешеный*, какой только видел когда-либо свет и который, по своим мощным изобретателям, назван казачком». В современном языке такое употребление этой формы очень распространено***.

Другое значение описательной формы превосходной степени — это значение высшей степени качества, присущей какому-нибудь предмету (лицу) или

• К. С. Аксаков, для того чтобы обнажить этимологические основы этого грамматического единства, прибегал к сопоставлению с другими языками: «Привычка употребления затемнила для нас смысл этой формы, но скажите это на другом языке, и непривычное там, в этом смысле употребление, освежаясь, возвратит слову его значение, например: *der gute selbst, ipse bonus*; или скажите по-русски с именем существительным: *сама доброта*. Смысл делается ясен...»⁷⁸ ** Для того чтобы вникнуть глубже в причины отнесения конструкций с префиксами *самый* и *более* к аналитическим формам степеней сравнения, следует вспомнить один из тезисов докторской диссертации проф. Л. В. Щербы: «Формами следует, между прочим, почитать такие сочетания слов, которые, выражая оттенок одного основного понятия, являются несвободными, т. е. в которых неперемнная часть сочетания, выражающая оттенок, употреблена не в собственном значении»⁷⁹. Трудно согласиться с безапелляционным утверждением акад. И. И. Мещанинова, что описательный оборот типа *более быстрый* «в русском ошибочно относится к степеням сравнения прилагательных»⁸⁰.

•** То обстоятельство, что *самый* употребляется в усилительном значении, в значении высшей или крайней степени качества или количества и в сочетании с именами существительными, несколько не колеблет того факта, что в описательных формах превосходной степени *самый трудный* и т. п. *самый* используется лишь как строевой элемент грамматической формы. Ср.: *самый густой лес* и *самая гуца* или *чаща леса*.

группе предметов, которые по этому признаку выделяются из круга всех остальных предметов данной категории. Это значение осуществляется при посредстве конструкции с предлогом *из* и родительным падежом существительного («*самый талантливый из молодых писателей*»).

Точно так же и форма описательной сравнительной степени с *более* представляет собой целостное грамматическое единство, хотя и менее тесное, чем форма превосходной степени с *самый*. Слово *более* вне связи с прилагательным постепенно выходит из употребления, сохраняясь лишь в книжно-публицистических и официально-канцелярских стилях литературного языка в качестве синонима для некоторых значений слова *больше*. Ср. примеры употребления *больше* у Тургенева: «Собака *больше* для важности, так сказать, держать следует» («Малиновая вода»); у Писемского: «Адвокат гораздо *больше* его герой; тот живой человек, он влюбляется, страдает» («Тысяча душ») и т. п.

Обычное в толковых словарях XIX и XX вв. полное семантическое приравнение *более* и *больше* объясняется тем, что лексикографы не столько отражают современный им язык, сколько воспроизводят содержание предшествующих словарей.

Во всяком случае, *более* для нас не является формой сравнительной степени ни к *большой*, ни к *великий*. Следовательно, оно сохраняет семантическую связь лишь со словом *много*. Но *много* в сочетании с прилагательным служит главным образом первой частью сложного слова, например: *многоводный, многоземельный, многозначительный, многолетний, многолюдный, многосложный, многочисленный* и т. п. (конечно, от этих сочетаний необходимо отделять разговорно-просторечное употребление *много* в значении: гораздо -при сравнительной степени: *он много умнее, много красивее, чем...* и т. д.). Итак, в сочетании: *более* + качественное прилагательное следует видеть одну составную форму⁸². Неосновательно традиционное мнение об этой аналитической форме, будто она «выходит за обычные рамки морфологических образований, представляя синтаксическое сочетание двух неоднородных слов».

Некоторые грамматисты (например, Р. Кошутич) склонны думать, что описательная форма сравнительной степени употребляется предпочтительно от членных прилагательных (*более свежий, более гибкий* и т. п.). Однако те же грамматисты признают полную корректность и широкую распространенность литературного употребления таких форм в функции сказуемого и от нечленных прилагательных (*более резка, более нежна*). Форма описательной сравнительной степени представляется современному языковому сознанию несколько более книжной, чем форма описательной превосходной степени (ср.: *более смелый* и *самый смелый*). Она лежит на одном стилистическом уровне с формами на *-ейший, -айший* и, следовательно, *больше* употребляется в книжном языке.

Впрочем, для употребления сравнительной формы с *более* существуют и иные стилистические ограничения. Скопление однородных прилагательных в форме описательной сравнительной степени явно избегается. В этих случаях предпочтение отдается простым формам на *-ее, -е* и *-ше*. Например, у Тургенева: «Ее рука была немногим *меньше* его руки, но гораздо *теплей, и глаже, и мягче, и жизненней*» («Вешние воды»); у Салтыкова-Щедрина: «Он был и *испуганнее, и тощее, и слабосильнее, и малорослее*» («Пошехонская старина»). Ср.: «Заглушить эти воющие голоса чем-нибудь еще *более* их *безобразным*» (Лесков, «Леди Макбет Мценского уезда»).

Так устанавливается один ряд степеней сравнения — сравнительная: *более* + форма прилагательного (*более удобный*) и превосходная: *самый* + фор-

ма прилагательного (*самый удобный*) *. Эта серия форм степеней сравнения должна быть признана очень живой и продуктивной в составе современного русского литературного языка. Грамматическое удобство их употребления состоит в том, что они могут быть образованы от любого качественного прилагательного, даже от такого, от которого нельзя образовать простые формы степеней сравнения (например, от прилагательных с суффиксами *-ский, -ний, -овый* и т. п.). Описательные формы степеней сравнения последовательны, универсальны и логичны. Например, от прилагательных на *-ский* простые формы степеней сравнения невозможны. Для выражения качественных оттенков, развивающихся в словах на *-ический*, приходится приспосабливать синонимические образования от той же основы на *-ичный*. Дело в том, что от прилагательных на *-ичный* производятся не только формы степеней сравнения, но и краткие формы. Так лексическая синонимия возмещает грамматическую ущербность. Например: *комический* — *комичный*; *комический* или *комичный вид*; *комическом* (*комичная*) *история* и т. п.; ср. *ничего комичнее этой сцены я не видал*; ср.: *драматический* — *драматичный*; *драматические* (*драматичные*) *жесты*; *драматическое* (*драматичное*) *положение*; *ароматичный запах*; *аллегоричный рассказ* и т. п.

Однако такие словообразовательные синонимы с суффиксом *-ичн-* обычны лишь в иностранных словах. Их нет у других прилагательных на *-ский* (*торгашеский*), *-веский, -истский* и т. п., которые между тем нередко приобретают качественную окраску и нуждаются в формах степеней сравнения. Равным образом некоторые качественные прилагательные на *-кий* (например: *тяжкий, краткий, кроткий, липкий*) в современном литературном языке не образуют простой сравнительной степени; другие (например: *бойкий, робкий, веский, меткий, едкий, жесткий, жуткий, маркий, чуткий, узкий*) — превосходной степени на *-айший*; третьи вообще лишены простых форм степеней сравнения. Таковы, например: *тонкий, ломкий, плавкий, падкий, шаткий, громоздкий* и т. п. Ср. у Горького: «Вы только шли и не умели сохранить мужества на путь *более долгий*» («Старуха Изергиль»). Если бы было сказано: *дольше* (вместо *более долгий*), смысл был бы иной. Ср. невозможность образования простых форм превосходной степени от *дорогой* (ср. *дражайший*), *молодой, отлогий, плоский, сухой, тугой* и т. п. Между тем аналитические формы степеней сравнения возможны от прилагательных самого разнообразного морфологического состава**.

Кроме того, аналитические формы сравнительной степени (особенно в силу своего переходного — полуграмматического, полулексического — характера) имеют то семантическое преимущество, что допускают логическое противопоставление: *более* — *менее**⁴. Например: «Эти парные формы (*более* —

* Любопытно, что в некоторых грамматиках до второй половины XIX в. круг употребления формы сравнительной степени с *более* искусственно суживался. «Когда же сравнивается напряженность не одной и той же деятельности в различных предметах, а напряженность различной деятельности или качества в одном и том же предмете, тогда употребляется сложная форма сравнительной степени, например: *он более умен, нежели справедлив; в нем более учтивое, нежели дружеское обхождение*»⁴ В современном русском языке в этих случаях употребляется выражение *скорее* — *чем*.

** Конечно, свободные сочетания прилагательных с наречиями *очень, весьма, сугубо* (а тем более с наречиями *слишком, особенно, чрезвычайно, чрезмерно, безмерно, необыкновенно, необычайно, невероятно, неизъяснимо, крайне, совершенно, совсем, страшно, ужасно, удивительно, дьявольски, адски, донельзя, в высшей степени*, ср. прост. *больно, крепко* и г. п.) не образуют никаких степеней сравнения, так как соответствующие наречия, сохраняя всю свою знаменательность, сами по себе обозначают степень качества и действия безотносительно к сравнению с чем-нибудь (ср. *крайне, чрезвычайно, устарелое отменно* и г. п.). Впрочем, и здесь современная школьная грамматика остается на традиционной точке зрения (ср.: *Никулин*, ф. С. Степени сравнения в современном русском языке, с. 33 — 41).

больше, менее — меньше, долее — дольше, позднее — позже и др.) отличаются друг от друга по своему значению, в одних случаях *более резко*, в других *ме-нее*^{85*}. Конечно, сочетания прилагательных со словом *менее* (вследствие отсутствия соотносительных форм превосходной степени) не сливаются в грамматическое целое, не «морфологизируются». Они сохраняют характер свободного синтаксического сцепления**. *Менее* выступает лишь как антоним к *более*. (Ср. фразовые сращения: *более или менее* — до известной степени, несколько, отчасти; *не более и не менее как* — как раз, именно; ср.: *тем более, тем не менее*.) Отсюда ясно, что в аналитических формах сравнительной степени *более* еще не вполне потеряло свою лексическую индивидуальность. Форма *более красивый* менее слитна, чем *самый красивый*.

Описательные формы с *более* и *самый* готовят возможность аналитического употребления степеней сравнения от имен существительных с качественным значением и от обстоятельственных наречий. Ср., например, у А. Ф. Кони («Судебные речи»): «Ярошевич должен был обратиться к лицу *более опытному, более в летах*»; у Л. Толстого: «Лицо его, бледное и забрызганное грязью, белокурое, молодое, с дырочкой на подбородке и светлыми, голубыми глазами было *самое не для поля сражения, не вражеское лицо*» («Война и мир»)⁸⁸.

Такое употребление, естественно, сближает *более* и *самый* с количественно-усилительными наречиями (ср. у Гоголя: «Вспомни, что ты человек не только не молодой, но даже и *весьма в летах*» («Выбранные места из переписки с друзьями»). В официально-канцелярских, публицистических и научно-технических стилях книжной речи употребляется и составная форма превосходной степени со словом *наиболее*: *наиболее вероятный исход, наиболее желательный результат*. Только соотносительность аналитических форм степеней сравнения с синтетическими сдерживает этот ряд образований в строго определенных рамках системы грамматических форм имени прилагательного.

§ 14. Простые формы степеней сравнения

Грамматическая стройность и логическая последовательность соотношений несколько нарушены в синтетических формах степеней сравнения. Сюда относятся образования превосходной степени с продуктивным суффиксом *-ейш (-ий)* и непродуктивным *-айш (-ий)* (при чередовании звуков *к // ч, г // ж, х // ш, з // ж* в основе): *глубейший, чистейший, глубочайший, редчайший, тишайший, строжайший, нижайший, ближайший* и т. п. и образования сравнительной степени с продуктивным суффиксом *-ее (-ей)* и *-е* (в зависимости от ударения краткой формы женского рода: *красива — красивее, бела — белее*), а также с мертвыми суффиксами *-е* при чередовании конечного согласного основы: *к // ч, г // ж, х // ш, т // ч, д // ж, з // ж, с // ш, ст // ш, в // ел*) и *-ше*: *ближе, богаче, бойче, выше, гаже, гибче, глаже, громче, гуще*,

_____ * Ср. своеобразную антитезу *мало — много* у Горького: «Мало художественно», «далеко от художественности», «мало интересна». А почему «мало художественно», «далеко от художественности» — комиссия умалчивает. Умолчание — недопустимое. Если комиссия хочет видеть книги для детей «много художественными», она должна бы объяснить, как «много» и какой художественности она требует от бракуемых ею книг»⁸⁶.

** Ср. рассуждение К. С. Аксакова, стремившегося ограничить круг описательных, аналитических форм в русском языке: «...сравнительность качества высказывается всеми наречиями, выражающими относительное значение и достоинство качества: *менее, более, также, настолько* и пр. Так как здесь уже нет *формы сравнительной*, а есть *одно употребление сравнительное*, зависящее и от личного произвола, то оно простирается и на прилагательные предметные, кроме *собственных*. Но это — уже употребление; язык не дал им сравнительной степени, образуя ее лишь для прилагательных качественных»⁸⁷.

дешевле, дороже, жарче, ниже, звонче, короче, круче, легче, мельче, моложе, мягче, ниже, реже, слаще, суше, строже, тверже, толще, туже, шире, чаще, чище, ярче и некоторые другие: *дальше, дольше, тоньше, старше*; ср. также: *больше, меньше, лучше**.

К формам на *-айший, -ейший* примыкают лексикализованные образования с мертвым суффиксом *-ший*: *лучший, худший, низший, высший, горший, больший, меньший*. Например: *табак высшего сорта; лучший ударник производства; худшие качественные показатели; горшая участь*.

В русском литературном языке с начала XVIII в. и вплоть до современности аналитический ряд степеней сравнения оказывает влияние на простые синтетические формы. Возникают гибридные формы, порицаемые нормативной стилистической грамматикой, но не выходящие из употребления. Так, Н. И. Греч считал непозволительным употреблять *самый* в сочетании с формой превосходной степени на *-ейший*: «...например, нельзя говорить: *самый сладчайший*»⁸⁹. Запрет Греча не оправдывался языковой практикой того времени и времени предшествовавшего. (Ср. например, употребление таких сочетаний у Кантемира, Фонвизина, Карамзина и т. д.) Поэтому уже в 40-х годах XIX в. Ф. И. Булаев заметил: «В некоторых языках, например в славянском, нет формы превосходной степени или, например, в французском — ни превосходной, ни сравнительной; такие языки принуждены употреблять описание, например, в русском *самый* для превосходной степени: *самый полезный*; эту превосходную степень можем мы гиперболически увеличить, изменяя положительную степень прилагательного в сравнительную: *самый нежнейший*. Хотя против такой будто бы излишней формы восстают некоторые наши грамматики, но лучшие наши писатели, употребляя оную, уничтожают всякое сомнение, например, Карамзин («История Государства Российского», ч. 1, с. 177): «[Ольга] давала уставы *самые простые и самые нужнейшие*»⁹⁰. Ср. у Гоголя в «Мертвых душах»: «по *самой выгоднейшей* цене»; у Достоевского в «Бесах»: «В середине самой возвышенной скорби он вдруг зачинал смеяться *самым про-стонороднейшим* образом»: в «Идиоте»: «Этот случай считаю, по совести, *самым сквернейшим* поступком из всей моей жизни»; в «Дневнике писателя»: «Молодой восторг над своим успехом бывал свойствен даже *самым древнейшим* народам в мире»; у Писемского в «Тысяче душ»: «Вот как, — сказал Чиркин, и опять *самым равнодушнейшим* тоном»; «*самое убедительнейшее* доказательство» (Белинский); у Льва Толстого в «Крейцеровой сонате»: «Одно из *самых мучительнейших* отношений для ревнивцев — это известные светские условия, при которых допускается самая большая и опасная близость между мужчиной и женщиной». Сочетания превосходной степени на *-айший, -ейший* с *самый* избегаются в стилях современного книжного языка, но встречаются. Ср.: «*самым наглейшим* образом» (Новиков-Прибой); «граждане *самых отдаленнейших* мест» (Маяковский) и другие подобные. Однако сочетания этого рода в современном языке малоупотребительны и расцениваются как погрешности стиля. Характерно, например, что Горький, правя рукописи начинающих писателей, выбрасывал при встрече с такими сочетаниями форму *самый*. И. Макарьев так комментирует этого рода поправки: «Слово *мельчайший* есть превосходная степень слова *мелкий*... *Самого мельчайшего* быть не может»⁹¹.

В связи с формами типа *самый нужнейший* находилось употребление устарелого усилительного префикса *само-* при формах превосходной степени в официально-канцелярском языке, вроде *самонужнейший, самомалейший* и т. п.; *самолучший* (ср. у Горького в рассказе «Орел»).

• В наречиях, имеющих две параллельные формы сравнительной степени (*более* и *больше*; *далее* и *дальше*: *старее* и *старше*: *менее* и *меньше*: *красивее* — *краше* и некоторые другие,!, эти двойные формы дифференцированы семантически.

§ 15. Значения форм на *-айший, -ейший* и на *-шип*

Формы на *-ейший, -айший* имеют в современном литературном языке три чения*.

Первое — с яркой экспрессивной или риторической окраской — это значение предельной степени признака или безотносительно большой меры признака** (это значение в специальной лингвистической литературе называется э л я т и в н ы м). По-видимому, форма на *-ейший, -айший* в этом значении (*погода чудеснейшая*) отличается от соответствующей описательной формы с приставкой *самый* (*погода самая чудесная*) более сильной экспрессивностью***. Проф. Р. Кошутич довольно точно очертил сферу применения формы на *-ейший, -айший* в элитивном значении, указав, что она применяется чаще всего в стилях книжного языка, а в обычной разговорной речи встречается лишь в сравнительно узком кругу фразеологических сочетаний, например: *вернейший путь, вернейшее средство, добрейшая душа, мой злейший враг, он честнейший человек, чистейшая ложь, умнейшая голова, до мельчайших подробностей, тончайшие кружева, строжайший выговор* и т. п.⁹⁴ Ср. в языке XIX и начала XX в.: «*чистейшей* прелести *чистейший* образец» (Пушкин); «Комедия напечатана на *серейшей* бумаге» (Белинский); «Над всем этим царит беспримерная бесталанность и *неслыханнейшая* бедность мирозерцания» (Салтыков-Щедрин, «Признаки времени»); «У нас погода просто замечательная, изумительная, весна *чуднейшая*, какой давно не было» (Чехов, «Письма к О. Л. Книппер», 18/11, 1901); «Город *сквернейший*, — сказал некто, похожий на Джона Фальстона» (Горький); «Весенний сев — *важнейший* этап на пути к подъему урожайности» (из газет); «Собрать семена в *кратчайший* срок» (из газет) и др. Ср.: *широчайшие массы страны, колоссальнейшее строительство* и т. п.****

Синонимами элитива кроме описательной формы с *самый* являются прилагательные с приставками *пре-, раз-, наи-* (церковно-книжное и официально-канцелярское *все-* окончательно устарело), *сверх-, архи-* (*архитяжский, архинервный, архиевропейский*) — Боборькин,) и *ультра-* (*ультралевый, ультраправый; ср. ультрафиолетовый*)*****.

Приставки *пре-, раз-, наи-* обозначают предельное субъективное усиление меры качества сравнительно с нормой. В экспрессивной речи за норму гиперболически может быть принята даже превосходная степень, например: *разлю-безнейшее дело; предобрейший человек; «преприятнейшая» неожиданность* (Гоголь, «Мертвые души»); «человек *преостроумнейший*» (Салтыков-Щедрин,

* Слово *дальнейший* целиком а *ближайший, малейший, полнейший* — в части своих значений выпали из системы формы степеней сравнения слов *дальний, близкий, малый, полный*. Ср. также значение выражений: *милейший, любезнейший* и т. п.

** Г. Павск'ий писал: «...превосходная степень указывает такое превосходство вещи, что она по своему преимуществу пред всеми даже не идет в сравнение. Поэтому при сравнительной степени всегда стоит имя той вещи, которая входит в сравнение, а прилагательное имя превосходной степени может стоять отдельно»⁴².

*•• На экспрессивно-риторическую окрашенность этой формы элитива указывает и О. Jespersen: «При употреблении суперлятива для выражения очень высокой степени вместо высшей (the highest) бывает естественная склонность преувеличения»⁹³.

**** Широка и разнообразие экспрессивно-семантических функций форм степеней сравнения имен прилагательных приводят некоторых лингвистов к переоценке лексической самостоятельности этих форм. «Изменение по степеням сравнения и в современном сос+оянии языка носит более лексический характер, чем синтаксический, и образует новую лексическую единицу, содержащую количественное изменение качественного признака, ср.: *умный* и *умнейший*. В этом отношении степени сравнения в некоторой мере сближаются с уменьшительными и увеличительными изменениями имен существительных...»⁴³

***** Современный язык для «чистой» сравнительности не допускает комбинированных показателей, по крайней мере избегает их.

«Губернские очерки»); «к *преогромнейшему* дому» (Достоевский, «Преступление и наказание»); «*преполезнейшее* животное» (Достоевский, «Идиот») и т. п.*

Приставка *наи-* вообще в литературном языке присоединяется лишь к формам на *-ейший*, *-айший* и *-иш***, например: *наистрожайший запрет*, *наиглупейшее предложение*, *наилучший*, *наименьший*, *наивысший*, *наисложнейший* и т. п. Ср. у Гоголя: «шпоры, каких не может дать *шисилылейшему* честолюбцу его ненасытимейшее честолюбие» («Выбранные места из переписки с друзьями»); у Ф. М. Достоевского: «С хозяйкой у них *наибеспрерывнейшие* раздоры» («Преступление и наказание»). Сочетания *наи-* с формой положительной степени (ср.: *наисильный*; *юиглавный*; у Даля — *наивелик*. «Толковый словарь», т. 2, с. 1091) не входят в норму литературного употребления.

Приставка *раз-* сочетается обычно с формой положительной степени. Образования типа *раз любезнейшее дело* единичны. Это связанные фразеологические сочетания. Но зато *раз-* в эмоциональной разговорной речи, иногда с оттенком шутливости, может присоединяться к словам, уже осложненным приставкой *пре-*, например: *распремилый*, *распреподлый* и некоторые другие. Ср. в письме А. Ф. Писемского к Н. А. Некрасову (от 15 апреля 1854 г.): «Я имею крайнюю и *распрекрайнюю* нужду в деньгах»⁹⁷. Ср. также такое индивидуальное образование: «будь он *распрофидиасовский* Аполлон» (Достоевский, «Черновые наброски речи о Пушкине»); *мраспренаиглавный* (Маяковский, «Баня»); «*распренаидостаточно*» (из письма). Ср. у Слепцова «пьяный-/?ао пьяный»; у Салтыкова-Щедрина: «Цена, кажется, настоящая. — Хоть *разнастон-щая*, да нельзя».

Необходимо заметить, что экспрессивно-стилистическая окраска всех этих образований разнородна. На приставке *наи-* лежит налет письменного-официального и канцелярского стиля, отпечаток книжной риторики. Образования с *пре-* в современном языке свойственны стилям разговорной речи и не очень продуктивны. *Пре-* присоединяется к формам положительной и превосходной степени, а также к уменьшительно-ласкательным формам. Например: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам *preneприятное* известие» (Гоголь, «Ревизор»); «*Преимечательная* вещь, — сказал мне седой старик» (Герцен, «Былое и думы»); «говорил *префантастические* вещи» (Достоевский); «Вечером вдруг поднялся страшный, *прехолодный* ветер». Ср.: *прехорошенький*, *премиленький*, *превеселенький* и др.; *преглупейшее положение*, *презавабнейшая история* и т. п.

Малопродуктивная приставка *раз-* еще более богата экспрессивными нюансами. Она имеет фамильярную, иногда народнопоэтическую окраску. Нередко она сочетается с эмоциональным повторением прилагательного и сливается с повторенным словом (так же как иногда и *пре-*: *глупый* — *преглупый*). Ср. в письме О. Л. Книппер к А. П. Чехову: «Получила от тебя хорошее, *расхорошее* письмо». Употребление *раз-* в общем языке ограничено немногими словами, выражающими внешние достоинства, эмоциональные

_____ * А. Х. Восгоков мпался было запретить соединения «усиливательной приставки *пре-*» с превосходной степенью **. Но жизнь взяла свое, и Буслаев должен был признать эти образования нормальными.

** В приставке *наи-* обычно за Ломоносовым, а иностранцы вслед за Vondrak (Vergleichende slavische Grammtik; Bd. 2, Fonnenlchrc und Syntax. Goltingen, 1908, S. 74) видят заимствование из польского языка. Но К. Meyer не без основания указывает на употребление (рядом с префиксом *все-*) этого префикса в церковнославянском языке (ср. *все-* в дореволюционном официально-канцелярском языке: *всепокорнейший слуга*, *всеподданнейший отчет*, *всемилостивейший государь* и т. п.). (Historische Grammatik der russischen Sprache. Bonn, 1923, Bd. I, S. 167). Ср. также замечания Никулина (Степени сравнения, с. 28-32; ср.: Slavia, 1923, t. 2, ses. 4, s. 724).

качества и свойства характера: *развеселый, разудалый, разлюбезное дело* (ср. стилизованные народные выражения: *распроклятый, распрекрасный*)*.

Впрочем, приставка *раз-* для выражения усиления степени качества сочетается и с основами имен существительных. Ср. *красавица-раскрасавица*; ср. у Достоевского: «Хоть будь ты *раз-Брюллов*» («Записки из Мертвого дома»); «Вообще я сделал замечание, что будь *разгений*, но в публичном легком литературном чтении нельзя занимать собою публику более двадцати минут безнаказанно» («Бесы»); «помещиком и *раскапиталистом*, членом компаний и обществ» («Идиот»).

Все другие приставки, означающие предельную степень качества, относятся к книжной речи. Употребительность их неодинакова. Приставка *архи-*, получившая довольно широкое распространение с 80-х годов XIX в. в периодической печати, из публицистических стилей перешла в разговорную интеллигентскую речь. Ср. в «Литературных воспоминаниях» Кугеля (Л.—М., 1923, с. 55): «Газета должна была быть *архи-живая, архи-городская, архи-разухабистая, архи-бульварная*, на французский лад». Но на ней еще лежит печать га-зетно-книжного стиля. Ср. у Достоевского употребление *архи-* даже при глаголе: «Я соврал, *архи-соврал*»** («Подросток»). Приставки *сверх-, ультра-* так и не вышли за пределы публицистического и научно-технического языков, да и в политической литературе приставка *ультра-* связана, по большей части, с очень узкой группой слов (*ультралевый, ультрареакционный, ультрарадикальный, ультраконсервативный* и т. п.). В книжно-публицистических и научно-технических стилях современного русского языка гораздо более продуктивна приставка *сверх-*. Она получила особенное распространение в 20-х годах XX в. под влиянием нем. *-iiber* или *-ober*. Например: «*сверхкаторжная работа*» (Луначарский); *сверхобычная тупость; сверхнизкие температуры; сверхмощная электростанция; сверхкрупные совхозы; сверхскоростные полеты; сверхкурьезное приключение* и т. п.^{Ух}

Таким образом, элятивное значение формы превосходной степени очень близко подходит к категории субъективной оценки. Форма элятива все больше втягивается в круг экспрессивных синонимов, служащих для субъективного выражения предельной степени качества***.

Другое значение формы на *-ейший, -айший* — значение суперлятива (*superlativus*) — однородно со значением описательной формы превосходной степени {самый + имя прилагательное}, но имеет больший оттенок книжности. Это — значение высшей степени качества, присущей какому-нибудь выделенному (или выделенным) из группы, ряда, среды лицу (лицам) или предмету (предметам) по сравнению с другими. Употребление формы превосходной степени в этом смысле не вполне синтетично. Качественное превосходство лица и предмета над той категорией, из которой они выделяются, выражается посредством предлога *из* и родительного падежа имени существительного (на-

* С формами прилагательных, выражающих безотносительную предельную степень признака, синонимичны усилительные обороты с повторением формы прилагательного: *тихий-тихий, простой-простой* и т. п., ср. разговорные обороты с повтором прилагательного, осложненного приставкой *пере-*. Например: «дело известное и *переизвестное*» («Повести» П. Машкова, 1833, ч. 1, с. 11); «все это мне *знакомо-перезнакомо*» и другие подобные. Ср. в народной и народнопоэтической речи: «зеленым я зеленешенька» (Шейн, «Великорусе», 400); «Лежит родна матушка трудным-то труднешенька» (Соболевский. Народные песни, т. 5, 550); «Как вчера мой-то батюшка веселым-то был веселешенек, и моя родима матушка веселым же была веселешенька» (Шейн, 766) и др.

** Необходимо отметить, что в разговорной речи возможно присоединение приставки *архи-* к форме превосходной степени на *-ейший, -айший*, например: *архискучнейший, архигнуснейший* и т. п.

*** Ср. замечания об употреблении форм сравнительной степени на *-ейший* и *-айший* в значении превосходной степени у А. В. Болдырева в статье «Нечто о сравнительной степени»^{18*}

пример, *талантливейший из пианистов*), реже — посредством предлога *между* с творительным падежом и предлога *среди* с родительным падежом. Предлог *из* служит наряду с суффиксом *-айш-*, *-ейш-* формальным признаком превосходной степени в собственном смысле. *Из* является не только предлогом в отношении существительных, обозначающих превосходимые по качеству предметы и лица, но и послелогом для самой формы суперлатива. Лишь совокупность синтаксических признаков отделяет это употребление формы превосходной степени от элятивной (т. е. от выражения предельной степени качества безотносительно к сравнению). Это значение грамматической традицией закреплено за формой превосходной степени как основное.

Третье, редкое, почти вымершее в современном литературном языке, даже в его канцелярских стилях, значение формы на *-ейший*, *-айший* — это значение сравнительной степени. В этом значении форма на *-ейший*, *-айший* синонимична с описательной формой сравнительной степени (*более* + прилагательное), но отличается от нее резким отпечатком книжной архаичности устарелости. Это значение формы на *-ейший*, *-айший* древнее. Оно выражалось и раскрывалось не только общим контекстом, но и лексико-синтаксическими средствами в виде усилительных или количественных наречий (например: *еще гораздо, значительно*) или союза *чем*, или — при особенно архаическом стиле — в виде формы родительного падежа существительного, обозначающей: тот предмет, с которым сравнивается другой по степени качества. Например «Образ Пушкина является в новом и *еще лучешрнейшем* свете» (Белинский) «Тавля... залепил оглушительную плюху своему врагу, но в ответ получают *еще здоровейшую*» (Помяловский, «Очерки бурсы»); «Это создание... *несравненно чистейшее и безупречнейшее*, чем мы с вами» (Достоевский); «Ко мн< нельзя, — вскричала она *еще в сильнейшем испуге*» (Достоевский, «Униженны* и оскорбленные»); «Лицо его было в полтора раза *больше обыкновенного*» (Герцен, «Былое и думы»); «Вкусная налимья уха и *еще вкуснейшие* пироги с налимьими печенками» (С. Аксаков, «Семейная хроника»); «После второго *еще сильнейшего* дуновения, он вскочил, как сумасшедший» (Помяловский «Очерки бурсы»); «Инстинкты его достигали размеров *гораздо страшнейших*» (Лесков, «Смех и горе»); «Я поступил в острог зимой и еще не имел понятия о легкой работе, *впятеро тяжелейшей*» (Достоевский, «Записки из Мертвоп дома»); «Я... легкомысленно разбил сосуд, *в тысячу раз драгоценнейший*» (Тургенев, «Фауст») и т. п. В стилях современной газетной и научной речи такие формы еще встречаются, хотя и очень редко. В высшей степени показательно, что уже в первой четверти XIX в. консервативный поклонник сентиментального стиля кн. П. И. Шаликов должен был защищать употребление форм сравнительной степени на *-айший*, *-ейший* («Я не видел мест *красивейших*» и т. д.) против распространявшейся замены их несклоняемыми формами на *-ее* («Я не видел мест *красивее*» и т. д.)². Пуристы второй половины XIX в., напротив, осуждали употребление форм на *-айший*, *-ейший* в значении сравнительной степени, особенно в сочетании с родительным падежом зависящего существительного, как «крайне неутешительный» церковнославянизм¹⁰.

Таким образом, семанто-синтаксическая структура превосходной степени переживает сложный процесс. Происходит отчасти семантическое сближение форм на *-ейш-*, *-айш-* с категорией субъективной оценки (элятив), отчасти аналитическое распространение ее предложными конструкциями.

Несколько иную картину представляет употребление непродуктивных, сохранившихся в скудных остатках форм падежей *-ий*, которые (если не считать архаизма *горший*) располагаются антонимическими, контрастирующими парами. Одни из этих форм, как *больший*, *меньший* (а также арх. *горший* употребляются только в значении сравнительной степени и притом обычно в узком, ограниченном фразеологическом контексте, например в сочетании

с абстрактными словами: *с большим вниманием*; *из двух зол выбирать меньшее* и т. п.; со словом *часть*: *проводить большую часть времени за работой*, *в большей части районов*; ср. *по большей части*; *меньший* — очень часто с отрицанием *с меньшей тщательностью* и т. п. Любопытны идиомы: *самое большее*; *самое меньшее*. Они выступают как разговорные синонимы слов *максимум*, *минимум* в модальном (количественно-определятельном) их употреблении. Некоторые другие слова на *-ший* кроме всех трех значений — элятива, суперлятива и сравнительной степени (компаратива) — обладают дополнительными лексическими значениями, выходящими из круга степеней сравнения. Таковы слова *высший*, *>изший*. Ср., например, у слова *высший* значения: 1) следующий за средним: *высшая школа*, *высшее образование* и т. п.; 2) аристократический (устар.): *высший тон*, *высшее общество* и т. п. Ср. также у слова *высший* отсутствие соотносительности с *высокий* в значении — самый главный: *высшее начальство*, *высшее командование*, *высшая власть* и т. п. Ср.: *низшее духовенство*, *низшая школа*. С другой стороны, вот примеры употребления форм *высший* и *низший* для выражения безотносительной превосходной степени качества: *папирасы высшего качества*, *высшая честь*, *высшая похвала*, *высшая мера наказания*, *низший сорт чая* и т. п. Значение сравнительной степени отчетливо выступает только при противопоставлении или сопоставлении: *высшие и низшие сорта чая* и т. п. В других условиях употребляются описательные формы сравнительной степени: *более высокий сорт*, *более низкие качественные показатели* и т. д.

Слова *младший*, *старший* совершенно утратили оттенки степеней сравнения. Они не соотносительны с *младой (молодой)* и *старый*. Ср., например: *младший помощник надзирателя*, *старший хранитель*, *старший научный сотрудник*, *младший сын* (если сыновей больше двух), *старший сын*, *старший в команде*, *в старших классах*, *книги для детей старшего, среднего и младшего возраста* и т. п. Но ср. у Герцена в «Былом и думах»: «У моего отца был еще брат, *старший обоих*»; также у Пушкина в «Братьях-разбойниках»: «Я *старший был пятью годами*» и г. п. Впрочем, при подчеркнутом сопоставлении и сравнении значение сравнительной степени, поддерживаемое формой *старше*, может и теперь выступить в словах *старший*, *младший*. Например, при наличии только двух сыновей в семье выражение *старший* (или *младший*) сын приобретает в определенной ситуации сравнительное значение (но при многих детях за *старшим* следует *второй*, *третий* и т. п., вплоть до *младшего*; при трех за *старшим* — *средний*, следовательно, и этих случаях *старший* и *младший* совсем теряют оттенок сравнительной степени).

Наконец, слова *худший* и *лучший*, совмещая все три значения форм на *-ейш-*, *-айш-*, легко сочетаются с усилительной формой *самый*, например: *привет и самые лучшие пожелания*; *самое худшее, что только можно себе представить*, и т. п.¹⁰¹ По отношению к *лучшему* и *худшему* никакое усиление качества не кажется преувеличенным.

Кроме того, необходимо подчеркнуть отсутствие полного смыслового параллелизма между *лучший* и *хороший* — *лучше*; между *худший* и *плохой* — *хуже* (так же как и между *большой*, *великий*, *больше* и *больший*; между *малый*, *маленький*, *меньше* и *меньший*; между *высокий* — *выше* и *высший*; между *низкий*—*ниже* и *низший*)*. Ср. *лучший ударник*; ср.: *лучший из людей* и *хороший человек* и т. п.

* Ср. в «Moјio'opc» Момяловскою: «Лучших людей пег на свете; один худ, а другой лучше, а третий еще лучше; и наоборот, один хорош, другой хуже, а третий еще хуже — так без конца и беч начала. Гош.ко самую худую не отыщешь и самую лучшего не отыщешь. Все лучшие и хорршис».

§ 16. Формы сравнительной степени на *-ее (-ей)*, *-е*, *-ше*

Между формами на *-ейший*, *-айший* (а также на *-шип*) и формами на *-ее*, *-ей* и *-е* (а также на *-ше*) нет прямого грамматического и стилистического соотношения. В формах сравнительной степени на *-ее (-ей)*, *-е*, *-ше* отсутствуют признаки не только падежа, но и числа, рода, т. е. формы согласования. Эти формы сравнительной степени не заключают в себе ни малейшего привкуса книжности. По своей стилистической окраске они ближе всего подходят к описательным формам превосходной степени с *самый*. В формах на *-ее*, *-е*, *-ше* значение сравнительной степени не осложнено никакими дополнительными оттенками. Эти формы могут сочетаться с приставкой *по-*. Приставка *по-* обычно смягчает степень преобладания какого-нибудь качества в одном из сравниваемых предметов. Например: *люди победнее нас*, *ученики помоложе*. Но при безотносительном употреблении сравнительной формы, при отсутствии конкретных объектов сравнения приставка *по-* может значить: насколько возможно, с большей степенью чего-нибудь, чем обычно. Это значение особенно часто выступает в наречной форме сравнительной степени. Например: «Я *поскорее* выбрался из кибитки» (Пушкин, «Путешествие в Арзрум»).

В сочетании с родительным падежом *всего* или *всех* форма сравнительной степени приобретает значение превосходной. Это фразеологическое сочетание выражает высшую степень качества посредством сравнительного противопоставления чего-нибудь или кого-нибудь всем прочим предметам в совокупности и притом отнюдь не из одной и той же категории. Так возникает своеобразная сложная форма сравнительного элитива, не соотносительная с элитивом на *-ейиш-*, *-айиш-*¹⁰². К ней очень близко по значению употребление формы сравнительной степени в обобщенно отрицательных оборотах. Например: «*Счастливей* меня человека нету» (Чехов, «Три сестры»); «Ибо нет на земле ничего *печальнее* и *противнее* человека, подающего милостыню ближнему своему» (Горький, «Мещане»); «*Добрее*, *великодушнее*, *лучше* вас я не знаю человека и не может быть» (Л. Толстой, «Война и мир»). Следует заметить также, что при обобщенном, абсолютном (т. е. независимом от прямого указания объектов сравнения) употреблении сравнительной степени количество признака вообще мыслится предельно высоким. Степень качества как бы усиливается до границ мыслимой возможности. Например: «Зиму и лето барон ходил в больших калошах, чтобы сапоги были *целей*» (Чехов); «Погода к осени *дождливей*, а люди к старости *болтливей*» (Крылов) и др.

Так как формы простой сравнительной степени не имеют ни рода, ни числа, ни падежей, то формальная грамматика то относит их к наречиям, то выделяет в самостоятельный класс слов. Это неверно. Выступая в функции имени прилагательного, формы сравнительной степени понимаются всеми как формы того же слова, что и положительная степень. На фоне этой соотносительности в них ярко выступают грамматические значения имени прилагательного. Кроме того, как среди существительных, так и среди прилагательных есть слова, лишённые внешних морфологических примет своей категории, но синтаксически и семантически настолько определенные, что отнесение их к той или иной части речи не вызывает никаких сомнений. Таковы имена прилагательные несклоняемые и не изменяющиеся по родам и числам. Например: *платье беж*, *цвет беж*, *цвет хаки*. Ср. у Тургенева: «Рядом с нею сидела сморщенная и желтая женщина лет 45, *декольте*, в черном токе» («Дворянское гнездо»; ср. *декольте* в значении существительного, а также ср. причастие *декольтированный*); у Писемского: «В *тике* безукоризненной белизны жилете» («Тысяча душ») и т. п. Точно так же несомненно, что формы сравнительной степени на *-ее*, *-е* и *-ше* — это формы имени прилагательного, если они выполняют все синтаксические функции прилагательного. Однако

вопрос о грамматическом существе формы сравнительной степени гораздо сложнее. Эти формы гибридные, скрещенные. Они отходят на периферию категории имен прилагательных.

Своеобразное грамматическое положение форм сравнительной степени, вроде *моложе*, *ярче*, *красивее* и т. п., определяется не только тем, что они не-согласуемы и омонимически совмещают функции имени прилагательного и наречия, но и тем, что они — в отличие от кратких форм имен прилагательных — не имеют значения времени. В самом деле, в формах сравнительной степени, употребляемых в качестве имен прилагательных, синтаксические функции полных и кратких форм имени прилагательного объединяются. Достаточно сопоставить два таких примера: «Сила, *сильнее* его воли, сбросила его оттуда» (Тургенев) и «Испытание было *сильнее* его терпения». Сначала может показаться, что формы сравнительной степени по своему синтаксическому употреблению ближе к кратким формам имени прилагательного, употребляемым в значении сказуемого (ср. однородность ударений: *красива-красивее, стара — старее* и т. п.). Однако при более глубоком грамматическом анализе становится ясно, что краткие формы прилагательного тесно связаны с категорией времени, между тем как формы сравнительной степени сами по себе не имеют значения времени. Синтаксическое значение форм сравнительной степени, когда они употребляются в роли предиката, однородно с синтаксическим значением полных форм имени прилагательного. В выражении: *Что слаще меду? — слаще* вовсе не относится к настоящему времени, а обозначает вневременные отношения. Совершенно те же оттенки наблюдаются и в употреблении таких степеней сравнения: *уговор дороже денег; «Лучше всего* в поступке Безухова это то, что он сам оденется в мундир и поедет верхом перед полком,» (Л. Толстой, «Война и мир»).

Твои пленительные очи *Яснее* дня, *чернее* ночи...

(Пушкин, «Бахчисарайский фонтан»)

Связка *быть*, сочетаясь в прошедшем и будущем времени с формами сравнительной степени, выполняет в этой связи те же функции, что и в сочетаниях с полными формами имен прилагательных.

А ночь *была* тюрьмы *черней*, И на дворе шумела буря.

(Пушкин, «Гусар»)

Ср.: «День *был* *ясный, солнечный* после дождя» (Л. Толстой, «Война и мир»); ср. также: «Только смотри, дело вот какое: *секретнейшее*» (Сухова-Кобылин, «Свадьба Кречинского») и т. п. Яснее всего эти синтаксические свойства форм сравнительной степени проявляются в их определительном, атрибутивном употреблении («Картины одна другой *краше* и *соблазнительней* затеснились в моем воображении» — Чехов, «Ночь перед судом»).

Таким образом, формы сравнительной степени чаще всего сохраняют в чистом виде свой прилагательный и наречный (т. е. свободный от грамматических форм времени) облик. Сочетаясь с формами «вспомогательного глагола» *быть*, они разделяют синтаксическую участь всех других категорий имен, но обычно не сливаются с этими формами от *быть* в неразложимое или неразрывное грамматическое целое, подобно кратким именам прилагательным (кроме случаев безличного употребления, например: *В лесу было еще страшнее*). Следовательно, они грамматически неотделимы от полных имен прилагательных и наречий. Эта двойственность их природы, обусловленная отсутствием форм согласования, ярко обнаруживается в их синтаксическом употреблении. Полное включение их в категорию наречий вступило бы в не-

примиримый конфликт с их синтаксическим употреблением в роли определений имени существительного. Порядок слов, синтаксические связи, оттенки интонирования и смысловые соотношения помогают различать два грамматических омонима: форму сравнительной степени прилагательного и форму сравнительной степени наречия. Ср., например: «Не знаю ничего *завиднее* последних годов бурной его жизни» (Пушкин, «Путешествие в Арзрум»); «Я с отчаянием думал, что нет на земле человека *глупее* и *бездарнее* меня» (Горький); «Один — статский, сухощавый и очень изящный, другой — военный, полный и *попроще*» (Чернышевский, «Что делать?»); «Молодой человек вскочил на ноги, но другой офицер, *постарше*, остановил *его* движением руки» (Тургенев, «Вешние воды»); «Из детей мне больше понравились самые маленькие: очень были милы и развязны. *Постарше* уже развязны с некоторой дерзостью» (Достоевский, «Дневник писателя»).

Живому, непредубежденному языковому сознанию трудно смешать эти формы прилагательных с наречиями (ср.: *говори попроще; противник поступил глупее и бездарнее, чем можно было ожидать*, и т. п.).

Из обследования степеней сравнения можно сделать один общий вывод о грамматической системе современного языка. Распространение аналитических приемов в образовании степеней сравнения обеспечило качественно-относительному типу имен прилагательных широкую возможность изменения по степеням сравнения. Это говорит о тесном взаимодействии качественных и относительных значений в категории имен прилагательных. Но вместе с тем в этом явлении можно усмотреть доказательство того, что в современном русском языке предметные и отчасти глагольные основы приобретают все более сложные качественные оттенки. (Ср. выражения такого рода: *он более специалист, чем ты; самый опустившийся вид* и т. д.) Грамматическое господство имени существительного и глагола покоится не столько на процессе опредмечивания и оглаголивания других категорий (например, имен прилагательных, наречий), сколько на процессе все большего качественного усложнения самих понятий предмета и действия-состояния. Именно на этой почве вырастает в русском языке новая грамматическая категория — категория *с о с т о я н и я*. На этой почве развиваются сложные семантические процессы в категории кратких имен прилагательных.

6. КРАТКИЕ (НЕЧЛЕННЫЕ) ФОРМЫ И ПРОЦЕССЫ ИХ ОТРЫВА ОТ КАТЕГОРИИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 17. Семантические основы категории кратких имен прилагательных в современном языке

Краткие формы присущи лишь тем качественным прилагательным, которые допускают видоизменение качества и превращение его в качественное состояние, протекающее во времени и приписываемое лицу или предмету. Качества, являющиеся неподвижными, постоянными, вневременными свойствами предметов или лиц или служащие терминологическими обозначениями признаков тех или иных родов и видов предметов, не могут выражаться краткой формой имени прилагательного. Грубо говоря, в кругу имен прилагательных лишь временные эпитеты, лишь обозначения временных свойств имеют полную и краткую форму. Например, *глухой* в специальном терминологическом значении: закрытый наглухо, сплошной, без отверстий и щелей (*глухой ворот рубашки, глухая стена, глухие* — т. е. не решетчатые — *ворота, глухое окно*) не имеет краткой формы. И в другом терминологическом значении: произносимый без голоса (*глухой звук*) *глухой* тоже не допускает краткой формы. Мало того: в несвободных фразеологических сочетаниях типа

глухая провинция или *глухая пора* тоже нельзя употребить краткую форму вместо полной (ср. *пора была глуха.ч*). Лишены кратких форм и такие прилагательные, как *живой*, в значении: обладающий жизнью, оживленный (*живая природа, живое существо*); *глубокий* — как постоянный эпитет к осени, зиме, ночи, старости (ср. *глубокая старость*; но в словосочетании *старость глубока* слово *глубокий* выражает иной смысл: глубокомыслен, серьезен, содержателен); *жидкий* — в отличие от твердого и газообразного (т.е. в значении: имеющий свойство течь, например *жидкие тела*); *косой* — в роли постоянного эпитета: с идущим наискось разрезом глаз (например, *косой заяц*); *известный* — в местоименных значениях: 1) кое-какой, некоторый, тот или иной (например, *при известных условиях, после известного колебания* и т. и.) и 2) некоторый, такой, что нежелательно назвать (ср. у Пушкина в «Выстреле»: «Кто-го писал ему, что *известная* особа скоро должна вступить в законный брак»); *голый* — в значении: беспримесный, чистый, один только (например: *голый спирт, голые цифры, голая истина, голые факты*); *дикий*: 1) в разговорно-фамильярном употреблении со значением: очень сильный, например *прийти в дикий восторг* от кого-нибудь или от чего-нибудь (в выражении *его восторг был дик* слово *дикий* получает иное значение: необузданный, неистовый); 2) в профессиональном, политическом языке со значением: не входящий ни в какую профессиональную организацию (например, *дикие артели*). Бессчетное множество других качественных прилагательных не соотносительно с краткими формами или вовсе не имеет их. Ср. *злой* (для обозначения высшей степени какою-нибудь отрицательного явления), например: *злая бессонница, злая ругань*; ср также качественно-относительные значения слова *злой* (связанный со злом или проникнутый злом), например: *злое начало, злая воля, злой умысел, злое чувство*. В одном и том же имени прилагательном дифференцированы лексические значения полных и кратких форм.

Имена прилагательные со значением эмоционально-качественной оценки и с яркой экспрессивной окраской обычно не образуют кратких форм. При эмоциональном отношении к лицу или предмету качество представляется вне-временно присущим ему, характеризующим его природу. Например: *славный* (в значении: симпатичный, приятный); *бедный* (в значении: несчастный); *дорогой* (в значении: любезный, милый, любимый); *милый* (в значении: любезный, внушающий расположение) и многие другие.

Различия лексических и лексико-синтаксических значений и оттенков, связанных с предикативным употреблением одних и тех же прилагательных в членной и нечленной формах, очень велики. Краткие формы обозначают качественное состояние, протекающее или возникающее во времени; полные-признак, мыслимый вне времени, но в данном контексте отнесенный к определенному времени. В сущности, при предикативном употреблении полных форм имен прилагательных происходит подведение тех или иных предметов под известные категории качества или признака, которыми определяются различия родов и видов вещей и лиц. Например: «Масти были любимые и нелюбимые, счастливые и несчастливые» (Л. Андреев, «Большой шлем»); совершенно иной смысл имеют те же слова в нечленной форме, например: «*Он был счастлив и несчастлив*»; «Пчелы ему дались, рука у него была легкая» (Тургенев, «Хорь и Калиныч»); ср. *рука у него была легка*. «Да, мы, женщины, -жалкие существа, бедные мы»,— сказала Верочка» (Чернышевский, «Что делать?»); ср. *мы бедны*. «Моя горничная сегодня какая-то бестолковая» (Тургенев, «Вешние воды»); ср. *она сегодня как-то бестолкова*. «Вот и этот тоже... какой славный, красивый офицер, и как добр» (Л. Толстой, «Война и мир»); ср. *как славен и красив он!* «Все разошлись; дом пустой» (Гончаров, «Слуги старого века»); ср. *дом пуст*. Ср. также: *он живой* и *он жив*; *он мертвый* и *он мертв* (ср. у К. Федина в «Городах и годах»: «Я больше всего боюсь, что пи-

шу мертвой. Что ты — мертвая. Я не так выражаюсь. Что ты умерла уже...» И там же: «Небо стояло необычно высоко, и звезды на нем *мертвы*»). Ср.: *хороший* и *хорош собой*: «Она и собой *хороша*» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); *недурной* и *недурен собой*: «Настенька, напротив, была очень *недурна* собой» (Писемский); *свободный* и *свободен* (в таком, например, употреблении: «Вы - *свободны*, — сказал судья подсудимому»). Ср. у Гончарова во «Фрегате Паллада»: «Писатель *свободен* пробираться в недра гор, или спускаться в глубину океана, или, пожалуй, на крыльях вдохновения скользить по ним быстро и ловить мимоходом, на бумагу, их образы»); *согласный* и *согласен*: «Я *согласен* с мнением докладчика» или: «Я вот что предлагаю... Я *согласен*:— А я не *согласна*.— Почему же вы не *согласны!*» (Тургенев, «Завтрак у предводителя»); *плохой* и *плох*: «Он был очень *плох*, и по всему было видно, что теперь уже умрет скоро» (Достоевский, «Идиот»). Между краткими и полными формами имен прилагательных образуется все более глубокая семантическая грань. В краткой форме имени прилагательного значение качества переходит в значение качественного состояния. Краткие формы при наличии известных условий могут оторваться от полных форм имен прилагательных и переходить в другую грамматическую категорию (см. ниже главу о категории состояния). Таким образом, во многих случаях разрушается и лексическая цельность имени прилагательного, ранее объединявшего и полные, и краткие формы.

Этому процессу грамматического обособления кратких форм не мешает даже развитие предикативности полных форм, наметившееся в XV—XVI вв. и особенно усилившееся с середины XVII в.¹⁴

Грамматическая и лексическая разница углубляется стилистическими различиями форм. Проф. Р. Кошутич обратил внимание на то, что в русском языке последнего времени употребление кратких форм прилагательных свойственно главным образом книжному языку, а в разговорной речи интеллигенции они обычно заменяются полными даже в функции сказуемого¹⁰⁴. Например: *он добрый* чаще говорится, чем *он добр*; *он весь красный* гораздо лучше, чем *он весь красен*. Эти мысли были затем развиты и углублены проф. А. М. Пешковским: «Краткая форма в ее исключительно предикативном значении есть явление чисто литературное. Это придает краткой форме оттенок большей книжности, отвлеченности, сухости, иногда категоричности, чем это свойственно полной форме»¹⁰⁵. Эту большую книжность краткой формы А. М. Пешковский иллюстрировал очень ярким примером: «В «Трех сестрах» Чехова есть три однородных реплики: Ирина говорит Маше (во 2-м акте): «Ты, Машка, злая». Ольга говорит ей же (в 3-м акте): «Ты, Машка, глупая. Самая глупая в нашей семье. Извини, пожалуйста». Наконец, Маша говорит немного спустя (не в связи с предыдущим) Ольге: «Э, глупая ты, Оля». Все три реплики отнюдь не враждебны. Это — по-родственному, по-дружески. Но сказать *ты зла*, *ты глупа* есть уже оскорбление. *Ты зла* — это голое констатирование факта, к которому не идет дружеский тон и небрежно разговорный стиль. А все это связано с исключительной книжностью данной формы».

В это рассуждение следует внести существенную поправку. Утверждения Пешковского верны лишь в применении к таким случаям, когда полные и краткие формы вполне совпадают по своим лексическим значениям: «Ночи темные, собаки по переулкам *лихие*. Ой, *лихи*, *лихи*!» (Островский, «Бедность не порок»). Но и тут значение краткой формы может быть усиленным, более категоричным, так как ею выражается не постоянный, пассивный признак, мыслимый как общая, отвлеченная категория бытия, а признак конкретный, переменный, развивающийся во времени, эволюционирующий. Если же обе эти формы семантически разорваны и лексически обособлены, оттенок книжности для краткой формы вовсе не обязателен. Кроме того, А. М. Пешковский не учитывает своеобразий обособленного и прилагательного употребле-

ния членных форм, тоже иногда носящего отпечаток книжности. Ср., например, у Л. Андреева: «Бледными тенями проходило прошлое, и было оно *простое* и *странное* до ужаса» («Весенние обещания»).

Сила в ней скажется *Несокрушимая*.

(Некрасов)

Грамматические особенности кратких форм прилагательных разрушают семантический и стилистический параллелизм между ними и полными формами. В кратких формах отсутствуют многие из основных значений полных прилагательных и развиваются свои особые значения, не находящие соответствий в полных формах. Ср.: *подобный* (*подобное нарушение правил порядка нетерпимо*) и *подобен*.

§ 18. Грамматическое своеобразие категории кратких форм, имени прилагательного

Семантический и стилистический отрыв кратких форм от полных, склонность кратких форм замкнуться в особую категорию обусловлены своеобразиями их грамматической природы. Прежде всего они не склоняемы. Четыре формы их — три родовые для единственного числа с окончаниями: нулевое, *-а*, *-о* (*-с*) и одна для множественного числа: *-ы*. *-и* (*добр*, *-а*, *добро*, *добры*; *певуч*, *-а*, *-е*, *-и*; *живуч*, *-а*, *-с*, *-и*; *предостерегающ*, *-а*, *-е*, *-и*) — могут быть названы номинативами лишь в том условном смысле, в каком этот термин, например, приложим к формам прошедшего времени глагола (*я шел*, *ты шла*, *оно шло*, *они шли*). Близость кратких прилагательных в этом отношении к формам прошедшего времени на *-л* не случайна. Ведь они тоже имеют формы рода, числа и времени. Принадлежность кратких прилагательных к словам с формами времени (*Zeitwort*) и составляет их отличительную грамматическую черту. Формами времени краткие прилагательные больше всего отличаются от полных*. С этим отличием у кратких прилагательных связано отсутствие склонения. Таким образом, морфологические и синтаксические признаки категории прилагательного в кратких формах находятся в полуразрушенном состоянии. Не изменяясь по падежам, краткие прилагательные не могут определять другие формы существительных, кроме формы именительного падежа. Формы времени кладут резкую грань между ними и полными прилагательными, употребленными в той же функции.

Ср. значение соотносительных полных и кратких форм в предложениях: «*И веселая*, Верочка, я всегда *веселая*, и когда *грустная*, все-таки *веселая*, — правда» (Чернышевский, «Что делать?»). Ср. «Ну пальцем не трону, только завтра чтоб была *весела*» (Чернышевский). Ср.: «Она *больная*, *капризная*, *нежная*» (Пушкин); «Да, вот хорошо будет, когда бедных не будет... все будут *веселые*, *добрые*, *счастливые*» (Чернышевский, «Что делать?»). Ср., например: *мать больна* и *мать больная*; *ногти у него грязны* и *ногти у него грязные*. «*Больна*, *грязны*, — пишет акад. А. А. Шахматов, — означают признак во времени (теперь, в настоящее время), *больная*, *грязные* означают признак постоянный, тесно сочетающийся с субстанцией»¹⁰⁶. По словам А. А. Шахматова, «представляется вероятным, что такая дифференциация вызвана отчасти влиянием новых форм прошедшего времени, возникших из причастий, форм прошедшего времени действительного залога на *-л* и страдательного на *-н*, *-т*»¹⁰⁷.

Сближение кратких форм прилагательного с глаголом и, наоборот, резкое отличие их от полных форм прилагательного обнаруживается и в приемах согласования их

——* Проф. В. А. Богородицкий правильно указал на резкие тональные различия между высказываниями: *пример заразителен* и *пример заразительный* (в отсутствии и наличии паузы сказуемого).

: местоимением *вы* при вежливо-уважительном обозначении одного постороннего лица. Для современного языка общее правило такое: сказуемое, выраженное существительным или членным прилагательным, ставится при местоимении *вы*, обращенном к одному лицу, в единственном числе; а сказуемое, выраженное глаголом или нечленным прилагательным, согласуется с *вы* во множественном¹⁰⁸. Например: «Вы сегодня не такой, каким я Вас видела до сих пор» (Тургенев, «Дворянское гнездо»). Но: «Она хороша собой, вы влюблены в нее?» (Чернышевский, «Что делать?»)

Прежде — до середины XIX в. — в устной речи при известной экспрессии и существительные, и полные формы прилагательного в сказуемом их употреблении могли облекаться в формы множественного числа. Например:

Вы повели себя исправно,

Давно полковники, а служите недавно.

(Грибоедов, «Горе от ума»)

«Вы — насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными» (Гоголь, «Ревизор»); «Вы и до скотины охотники? - Охотник» (Сухово-Кобылин, «Свадьба Кречинского»).

Уже Востоков выделял нечленные формы качественных прилагательных и страдательных причастий в особую группу спрягаемых прилагательных, отмечая, что «качественные *рад, горазд* имеют одно спрягаемое окончание»¹⁰⁹. Вместе с тем Востоков решительно отличает от спрягаемых прилагательных прилагательные с усеченным окончанием (например, народнопоэтические: *бел горюч камень, част ракетов куст*): «Сих усеченных окончаний не должно смешивать со спрягаемыми окончаниями имен качественных, которые от усеченных окончаний отличаются по большей части и ударением. Например:

	спрягаемые:	усеченные:
	<i>красно</i>	<i>красно</i> солнце
<i>синё</i>		<i>сине</i> море
<i>белы</i>		<i>белы</i> руки
<i>сыру</i>		<i>сыру</i> землю

(...) Ср.: *светел месяц, ясен сокол* ""*.

— • Взгляд Востокова не нашел сочувствия у русских грамматистов, кроме Ф. И. Буслаева и Я. К. Грота. Но несомненно, что в поэтическом языке XVIII в. и первой трети XIX в. различались стяженные (усеченные) и нечленные в собственном смысле формы имен прилагательных. Востоков очень упрощает и схематизирует отношения между спрягаемыми и усеченными прилагательными. По-видимому, эта дифференциация, поддерживаемая различиями в ударениях, была обусловлена синтаксически. «Спрягаемые» имена противопоставлялись «склоняемым». Любопытно такое противопоставление у А. К. Толстого: «Днепра ж *светлы* стремнины», но:

И *светлы*, как заря,

Два славные предстали пред ним богатыря "".

Естественно, что грамматическое влияние полных форм на морфологический облик усеченных особенно сильно должно было сказываться, когда они выступали в функции согласованного определения, независимого от форм времени. Ср. у Пушкина: «версты *полосаты*», «*печальны* тучи», «*коварны* очи», «знаменья *невесны*», «проснулись рощи *молчаливы*» и т. п.; у Лермонтова: [Скалы] «таинственной дремоты *полны*»;

Идут все полки *могучи*. *Шумны*, как поток...

(«Спор»)

Но, *полно* думою преступной, Тамары сердце *недоступно* Восторгам чистым.

(«Демон»)

Употребление косвенных падежей от кратких форм в современном стиховом языке ощущается как стилизация археологического или этнографического, народнопоэтического характера. Ср., например, у И. Сельвинского в «Улялаевщине»: У Четыхи шапка — соболя душа. На плечах кафтан — *ала* бархата.

Востоков же указал и на значение категории спрягаемых прилагательных — «показывать состояние или качество предмета, не зависящее от действий»¹².

Акад. А. А. Шахматов в своем «Очерке современного русского литературного языка» идет по стопам Востокова. Он включает краткие «спрягаемые» прилагательные и причастия в систему глагола¹¹¹. Он сопоставляет предикативно-именные формы на *-о* (*здесь весело, мне тошно, ему больно*) с безличными глаголами¹¹⁴. А. А. Шахматов находит в этих разрядах слов категории лица и времени. Настоящее время именных спрягаемых слов определяется отсутствием формы вспомогательного глагола: *они веселы, он тронут, она ранена*. Прошедшее и будущее время их «определяется наличием при спрягаемом слове вспомогательных глаголов в формах соответствующего времени»¹¹⁵ (*он был тронут, он будет тронут, мы были рады этому событию*). Таким образом, грамматическим признаком этого разряда слов А. А. Шахматов признал формы времени и находящуюся в связи с ними синтаксическую функцию сказуемости. А. А. Шахматов применяет к кратким формам прилагательных термин «прилагательные — сказуемые»¹¹⁶. Этим прилагательным-сказуемым свойственны формы лица. Об этом А. А. Шахматов вслед за А. Х. Востоковым писал так: «Вспряжении имен прилагательных и причастий различаются десять лиц, семь — для единственного числа и три — для множественного, причем в единственном числе три лица мужского рода, три лица женского рода и одно (третье) лицо среднего рода. Различия между этими формами образуются посредством присоединения к прилагательным и причастным формам восьми местоименных форм (*я* — для мужского и женского, *ты* — для мужского и женского, *он, она, оно, мы, вы, они*)».

Вместе с тем А. А. Шахматов подчеркивал формальные отличия этого типа слов от форм прошедшего времени глагола, заключающиеся: 1) в наличии форм всех трех времен, 2) в окончании множественного числа *-ы* (*веселы, пухлы*), обозначающем пассивное состояние, в отличие от *-и* (*веселились, пухли*), обозначающем активно-личное действие¹¹⁷.

Этот же взгляд ярко отразился и в «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова. Указав на то, что нечленная форма прилагательного (не считая притяжательно-го) является почти исключительно в функции сказуемого, А. А. Шахматов прибавлял: «Вот почему нечленные формы прилагательного в именительном падеже носят названия с п р я г а е м о й формы (разрядка наша. — *В. В.*); она грамматически сближается с причастиями на *-</i>*, получившими значение личных глагольных форм прошедшего времени, а также с причастиями страдательного залога на *-и. -т*, точно так же употребляющимися, как личные глагольные формы. Различие между сказуемым-прилагательным в нечленной форме и членной зависит от того, что прилагательное в членной форме вызывает представление не только о наличии сочетания признака в тот или другой момент времени, но также о том, что этот признак характеристичен для субъекта вообще, почему он может быть выражен как его определение»¹¹⁸.

Таким образом, А. А. Шахматов склонен был видеть в кратких формах имени прилагательного особую грамматическую категорию. Но влияние А. А. Потемни и Ф. Ф. Фортунатова * направило последующих грамматистов по более традиционному пути.

Определяя грамматические функции кратких, нечленных, предикативных прилагательных в русском языке (сравнительно с немецким), А. А. Потемня пришел к выводу, что в нечленных формах сохраняется основная черта категории имени прилагательного — согласование: «Когда же язык уничтожает согласование, то тем самым он отвлекает признак от субъекта. Говоря *a priori*, в русском такое отвлечение могло бы произойти двояко: или посредством превращения прилагательного в существительное, или посредством перемещения центра его тяготения от субъекта к предикату, т. е. посредством отнесения признака к категории наречия (*adverbium*). Последнее действительно находим в сравнительной степени (*снег белее бумаги как бумага белее снега* и в дееспричастиях)¹¹⁹. Но русские краткие формы, не теряя согласования, остаются в рамках категории имени прилагательного.

* Впрочем, последователи Фортунатова, не ^лумываясь нал сущностью разных грамматических категорий, сбили в кучу «родовых» слов и членные и краткие прилагательные, и формы прошедшего времени ишюла.

Вслед за Потембиной пошел А. М. Пешковский. Характеризуя краткие формы как имена прилагательные беспадежные и присвяточные (т. е. употребляемые только в значении сказуемого), проф. Пешковский заявил, что краткое прилагательное «предикативно само, по самой форме своей, морфологически предикативно». «И ни порядок слов, ни ритм, ни интонация, ни какие-либо другие вспомогательные признаки не играют здесь уже ровно никакой роли. В сочетании, например, *и равен был неравный спор* полная форма создала бы бессмыслицу» *.

А. М. Пешковский отмечал такие признаки сказуемости в кратких формах имен прилагательных:

1) сочетание с «обстоятельством» {*был так добр, но был такой добрый*; ср.: *какой он был добрый, но как он был добр*}¹²⁰;

2) развитие предложных способов управления: *он был готов на все; он был способен на обман* и т. п.;

3) оттенки значений времени¹²¹. «В сочетаниях *он был способный, он был больной* и т. п. форма времени в связке указывает на целый период деятельности подлежащего, а отдельного момента этой деятельности обозначать не может. Сочетания же *был болен, был способен* и т. д. одинаково подходят и для того и для другого: можно сказать и *он был болен* и *он был в тот момент болен*; значит, полное прилагательное своей прилагательностью, своей пассивностью уменьшает активность формы времени в связке, краткое же прилагательное такого влияния не оказывает».

Анализ синтаксических функций кратких форм приводит Пешковского к тому выводу, что краткое прилагательное «осказуемилось», но не «оглаголилось». «В сочетании *был ленив* прилагательность слова *ленив* мощно дает себя знать... Как человек, летящий на аэроплане с помощью посторонней силы, вложенной в его машину, не превращается в птицу, а остается все тем же тяжелым, не способным к полету человеком, так и прилагательное, подкрепленное глагольной силой слова *был*, остается все тем же прилагательным, с тем же значением постоянства и неподвижности»¹²². Но, с другой стороны, в тех же формах А. М. Пешковскому чудились иные грамматические горизонты: «Здесь язык начинает выходить за пределы глагольности и начинает выражать в своей мысли отношение сосуществования, обычно открываемое только надъязыковым мышлением»¹²³. Так, противореча самому себе, А. М. Пешковский находит в кратких формах имени прилагательного «новый способ выражать человеческую мысль», иными словами: новую грамматическую категорию. Проф. Л. В. Щерба назвал ту категорию, к которой склоняются краткие формы имен прилагательных, к категорией состояния. Таким образом, большинством ученых отмечалась в кратких, или нечленных, формах имен прилагательных двойственность грамматических признаков. Одни из этих признаков (приемы словообразования и формы согласования) являются общими у кратких и полных форм и неразрывно связаны с категорией имени прилагательного. Другие грамматические признаки (несклоняемость, формы времени, близость к глаголу в приемах синтаксического употребления) резко отличаются и отдаляют нечленные, краткие, формы от категории имени прилагательного. Понятно, что те краткие формы, в которых эти дифференцирующие признаки получают перевес, отпадают от категории имени прилагательного и образуют самостоятельный грамматический класс. Таковы, например, слова *горазд, рад* (ср. отсутствие членных форм типа *гораздый, радый*) и другие подобные (см. главу о категории состояния). Другие же краткие формы, сохраняющие свою связь и соотносительность с членными, не выпадают из категории имен прилагательных, хотя и располагаются на ее периферии, далеко от центра. Они являются грамматически гибридным разрядом форм, в которых синтаксические свойства имени прилагательного не только ограничены, но и осложнены ростом новых функций. Большая часть кратких прилагательных не перестает быть формами одного слова с прилагательными полными. Кроме соотносительности в основах, в формах рода и числа их удерживает в пределах категории прилагательных способность быть «обособленным» определением к существительному. В этой функции краткие формы тесно связываются с соответствующими полными. Больше того: сами полные, членные, формы, выступая в функции полу-

* Мне кажется правильной мысль, что в предикативном значении «полные прилагательные несколько субстантивируются; они получают какой-то оттенок предметности»; ср. сочетание их с местоименным прилагательным *какой*; например: «Тьфу, какой ты *безотв.чтый*!» (Крылов). Ср. также: «Он такой *рассе.чтып*» (Пушкин).

предикативных, обособленных слов, как бы приближаются к кратким формам. Иллюстрацией служат такие параллели в употреблении полных и кратких форм: И солнце, *кругло и бездушно*. Как желтое око совы, Глядело с небес равнодушно На тяжкие муки вдовы.

(Некрасов, «Мороз, Красный нос»)

Ср.: *солнце, круглое и бездушное...* или: *круглое, бездушное солнце*.

Такое полупредикативное употребление кратких форм сближает их с полными и является ярким грамматическим признаком их прилагательности. До тех пор пока соответствующая краткая форма употребляется не только как сказуемое, владеющее формой времени (*Zeitwort*), но и как качественное определение (хотя бы прилагательное и интонационно обособленное), она еще не порывает связей с классом имен прилагательных. Только полная невозможность употребить такую форму в иной функции, кроме сказуемостной, является симптомом окончательного разрыва ее с категорией имени прилагательного и перехода в другую грамматическую категорию. Обособленно-прилагательное употребление кратких форм имени прилагательного сохранилось преимущественно в книжном языке и особенно в стиховых его стилях, но оно не вполне чуждо и разговорной речи. Вот несколько примеров из разных стилей:

И смотришь — она Жемчужиной крупной застынет, *Бела, и кругла, и плотна*.

(Некрасов)

Как исполин в ночном тумане,
Встал новый год, *суров и слеп*.

(Брюсов)

Могил и крушений сосчитано много, А полюс стоит *неприступен и стар*.

(Всеv. Рождественский, «Викинг») Я вот

хожу

весел и высок.

(Маяковский, «Протестую!»)

Ср. у Ф. Достоевского: «Да чего ты *грустен* сидишь?..» («Братья Карамазовы»); «Обладатель плаща с капюшоном был молодой человек, тоже лет двадцати шести или двадцати семи, роста немного повыше среднего, *очень белокур, густоволос, со впалыми щеками*» («Идиот») и т. п.

§ 19. Морфологические ограничения в образовании кратких прилагательных

Судьба кратких имен прилагательных показывает, что понятие качественного признака в современном русском языке тонко дифференцировано. Выражение постоянного, мыслимого вне ограничений времени признака — основная функция имени прилагательного. Значение качественного состояния, мыслимого в формах времени, уже несколько выходит за пределы имени прилагательного. Полные прилагательные даже в предикативном употреблении обозначают, что признак в предмете пребывает постоянно, что существование признака охватывает весь период бытия предмета. Напротив, краткие прилагательные выражают, что признак в предмете пребывает непостоянно, является временным его состоянием.

Это разграничение понятий постоянного признака и временного качественного состояния было связано с развитием разряда имен прилагательных синкретического, качественно-относительного типа. Именно в этом типе взаимодействие и смешение полных и кратких форм было особенно разнообразным и сложным. Различия лексических значений определяли круг употребления краткой и полной форм одного и того же слова.

Таким образом, разряды имен прилагательных, совмещающих качественные и относительные значения, стали семантическим центром категории имени прилагательного. В связи с этим роль относительных прилагательных

возросла. На это были и свои морфологические причины. Ведь относительные прилагательные, означая постоянное, неподвижное свойство, вытекающие из самой природы предмета, употребляются преимущественно в членной форме. Это наблюдение было сделано еще Ломоносовым и вошло во все русские грамматики. В истории русского языка типы имен прилагательных, которые не образуют нечленных, кратких форм по своей, так сказать, морфологической природе, переживали сложную эволюцию. Так, в середине XIX в. К. С. Аксаков выделял из среды «прилагательных предметных сходственных» (т. е. относительных. — *В. В.*), не имеющих формы первообразной (т. е. краткой), группу прилагательных «свойственных» с суффиксом *-ск-* (*человеческий, дружеский* и т. п.). «Они также употребляются только в форме производной, хотя первообразное (т. е. краткое. — *В. В.*), которое *всегда* как будто в уме, в идее воображается, здесь, по большому отдалению от имени, отчасти возможно»¹²⁴. Любопытно, что у Гоголя в публицистическом стиле краткие формы прилагательных на *-ск-* еще употребительны. В современном языке они уже совершенно невозможны.

Таким образом, соотносительность полных и кратких форм имени прилагательного нарушается не только лексико-синтаксическими и стилистическими факторами, но и морфологическими. Некоторые морфологические типы имен прилагательных, имеющих качественно-относительное значение, не допускают параллельных кратких форм. Таковы, например, многие качественные прилагательные с суффиксом *-н(ой)*: *продувной, проливной, площадной, наживной* (есть, однако, и качественные прилагательные на *-ный*, не имеющие кратких форм, особенно в женском и среднем роде, например: *дельный, цельный, старинный* и др.). Таковы же прилагательные с суффиксами *-ое-* и *-ск-* (кроме обозначений цвета на *-овый*, например: *багровый, пунцовый* и т. п.). В подавляющем большинстве случаев они сохраняют основное относительное значение или след этого значения. Им присущ семантический оттенок типической «свойственности» лицам, предметам даже при широком развитии качественных значений (например: *теневого, страдальческий* и т. п.). От них краткие формы вовсе не производятся.

Наиболее последовательны в этом отношении чистые типы относительного словообразования. Совсем не образуют кратких форм основные морфологические разряды относительных прилагательных, оканчивающихся на:

- 1) *-ий, -ья, -ье* (*волчий, лисий, рыбий, вдовый* и т. п.);
- 2) *-ним* (*летний, передний* и т. п.);
- 3) *-иный* (*воробьиный, соловьиный, гусиный*);
- 4) *-шний* (*сегодняшний, здешний* и т. п.);
- 5) *-янный, -яный* и *-енный* для обозначения отношения к веществу, материалу (*овсяный, кожаный, стеклянный, соломенный*) и т. п.

Таким образом, процесс выпадения кратких форм из состава категории имени прилагательного, процесс обособления их в самостоятельную грамматическую категорию находит опору в этой типизации полного, членного облика прилагательного (на *-ый, -ая, -ое; -ий, -яя, -ея*).

7. ПРИЧАСТИЯ КАК КАТЕГОРИЯ ГИБРИДНЫХ ГЛАГОЛЬНО-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ФОРМ. ПРОЦЕССЫ ОКАЧЕСТВЛЕНИЯ ПРИЧАСТИЙ

§ 20. Приемы и принципы смешения грамматических признаков глагола и имени прилагательного в строе причастий

Качественность имени прилагательного вневременна. Категория времени может быть лишь синтаксически вовлечена в круг значений имени прилагательного. Краткие формы имен прилагательных, сочетавшись с категорией

времени, оказались в переходной грамматической зоне, смежной с глаголом. Между тем непосредственно от глагола шел поток форм, внедрявшихся в класс имен прилагательных. Это причастия, в которых глагольность выражается как окачественное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного. Естественно, что в причастии, которое не оторвалось от системы форм глагола, сохраняются основные семантические признаки глагольности, т. е. вид и залог. Принято также думать, что в разных типах современных причастий — в соответствии с различиями их глагольных основ и суффиксов — выражены значения настоящего и прошедшего времени (ср.: *пекущий* и *пекший*; *пишущий* и *писавший*; *надеваемый* и *надетый*; *развертываемый* и *развернутый* и т. п.). Итак, со стороны глагола в грамматическое строение причастий входят категории вида, залога и времени. Со стороны же имен прилагательных присоединяются сюда формы согласования в роде, числе и падеже, выражаемые аффиксами *-ый, -ий, -ая, -яя, -ое, -ея* и связанной с ними системой склонения. Так значение признака — относительного или качественного — сталкивается и сочетается со значением действия-процесса. Взаимодействие этих значений по-разному отражается в структуре разных грамматических типов причастий*.

§ 21. Словообразовательные типы причастий

Различия типов причастий обусловлены их глагольными свойствами, так как грамматические признаки имени прилагательного у всех причастий более или менее однородны. В причастиях система склонения подведена под общеприлагательный знаменатель. В зависимости от разных комбинационных сочетаний форм вида, времени и залога различаются шесть основных типов причастий, с подразделениями:

1. Типы причастий без аффикса *-ся*: 1) с суффиксами *-ащ-* (*-ящ-*), *-ущ-* (*-ющ-*) от основ несовершенного вида; 2) с суффиксами: а) *-вш-* и б) *-ш-* от основ как совершенного, так и несовершенного вида.

2. Типы причастий того же морфологического строения, но с конечным аффиксом *-ся* (т. е. *стыдящийся, стыдившийся, выдыхающийся, выдохшийся*).

3. Типы страдательных причастий: 1) с суффиксами *-м-* (*-им-*), *-ем-* (*-ом-*) от основ несовершенного вида; 2) с суффиксами *-нн-* (*-енн-*, *-анн-*) и *-т-* от основ как совершенного, так и несовершенного вида.

Вовлеченные в систему прилагательных, эти типы располагаются таким образом:

1. Действительные и возвратные типы причастий: 1) а) на *-ущий* (*-ющий*), *-ащий* (*-ящий*) и б) на *-ущийся* (*-ющийся*) и *-ащийся* (*-ящийся*); 2) а) на *-вший*, *-ший* и б) на *-вшийся*, *-шийся*.

2. Страдательные причастия: 1) на *-мый* (*-емый*, *-имый*, *-омый*); 2) на *-нный* (*-анный*, *-енный*) и на *-тый*.

Нестрадательные причастия сравнительно редко образуют краткие формы. Правда, в современном книжном языке, в стилях художественной речи как будто начинают учащаться случаи употребления невозвратных причастий на *-щий* в краткой форме, например: «Штык его остр и *предостерегающе* (А. Н. Толстой); «Евграф Жмакин, учитель танцев, был неизменно весел и *ле: тающ*» (Леонов, «Барсуки»); ср. у Достоевского в «Идиоте»: «Взгляд... был что-то уж слишком пристален и *испытующ*»; у А. И. Левитова в отрывке «Заведение мужской, дамской и детской обуви»: «Как ни был мал и *дрожащ* этот

—• Причастие многими современными грамматистами совсем отделяется от форм глагола, от его системы. Например, *Hjebnslev L. Principes de grammaire generate. Kobenhavn, 1928, p. 308.*

свет, в его мигании все-таки замечалось нечто утешительное, веселое».

Впрочем, причастные прилагательные на *-щий* (т. е. окачественные причастия) уже издавна образуют краткими формами, но тоже главным образом в книжном языке и преимущественно в его литературно-художественных стилях (ср.: *знающ, цветуш* и т. п.).

Напротив, краткие формы страдательных причастий широко употребительны в самых разнообразных стилях литературной речи.

Итак, прежде всего обозначается различие между невозвратными (действительными), возвратными и страдательными причастиями.

§ 22. Процесс окачествления возвратных и невозвратных причастий

В разряде нестрадательных причастий необходимо раньше всего выделить образования на *-ся*, возвратные формы причастий. Их резкое морфологическое отличие от прилагательных (т. е. конечное *-ся*), их залоговые значения служат препятствием к их окачествлению. Лишь полная грамматическая изоляция такого причастия от других форм того же глагола, включение его в круг чисто качественных значений могут повлечь за собой нейтрализацию его глагольных свойств (ср., например, *выдающийся, опустившийся* и особенно формы причастий с отрицанием *не-*, придающим слову ярко выраженный оттенок потенциального качества: *невытанцовавшаяся повесть, незадавшееся предприятие, неудавшийся актер*; ср. *неразорвавшаяся бомба*; «В нем кипела молодая, *неуходившаяся* кровь» (Шеллер-Михайлов, «Гнилые болота»). Ср. роль отрицания *не-* в других типах причастий: *немудрящий; неунывающий обыватель; неприкрашенная нагота* и т. п.).

Употребление причастий на *-ся* в страдательном значении способно лишь укрепить и подчеркнуть их глагольный характер (особенно форм прошедшего времени несовершенного вида на *-вишийся, -шийся*, так как соответствующие страдательные формы с суффиксами *-нн-*, *-т-* неупотребительны). Ср., например, *воздвигавшееся горсоветом здание*. Для суждения о силе глагольного начала в причастиях на *-ся* могут служить хотя бы такие примеры:

Немолчный, алчный, скучный хрип, Госкливый лязг и стук ножовый, И *сталкивающихся* глыб Скрежещущие пережевы.

(Пастернак, «Ледоход»)

«*Скорчившаяся*, с поношенным и вылинялым лицом старушонка» (Герцен, «Былое и думы»).

Понятно, что причастия на *-вишийся, -шийся* особенно редко поддаются качественному преобразованию.

Причастия без *-ся* также ярче всего выражают и крепче всего сохраняют свою глагольность в формах на *-виший*. В этих формах ощутимо отношение к прошедшему времени (ср. *минувший*). Прошедшее время как сильное время глагола сохраняет свое значение и в глагольных образованиях смешанного типа. Отношение к прошлому, при ярко выраженных видовых оттенках значения, усиливаемых приставками, устраняет возможность качественного преобразования*-. Например: «Секретарь у фельетониста, *пропотевшего* до со-

—* О значениях времени в формах причастий хорошо сказал С. И. Соболевский: «Русское причастие относительно обозначения времени, отчасти сходно с деепричастием, отчасти с изъявительным наклонением. Именно причастие настоящего времени но большей чисти означает действие, современное действию управляющего глагола, но иногда означает действие, современное моменту речи говорящего. Причастие прошедшего вре-

рочки, делает из пятисот — полторы строчки» (Маяковский, «Газетный день»); «В эту ночь, как нарочно, загорелись пустые сараи, принадлежавшие откупщикам» (Герцен, «Былое и думы»); «Поцеловав его наконец в *покрасневшее* от наклоненного положения и сияющее нежностью лицо, девочка разняла руки и хотела бежать назад» (Л. Толстой). Ср.: «Круглое лицо его было *изябшее* и помятое» (А. Н. Толстой). По-видимому, причастия прошедшего времени на *-виший*, образующиеся от основ инфинитива на гласный (*читавиший, написа-виший, усну-виший* и т. п.), а также от единичных глагольных основ на *-д-, -ч-* (*упавиший, напавиший, приобревиший, севиший, украсиший, евиший* от *есть* и некоторые другие, но ср.: *расцветиший, приведиший* и т. д.), выражают глагольные значения ярче, чем причастия прошедшего времени на *-иший*. В самом деле, большая часть окачественных причастий прошедшего времени падает именно на формы с *-иший* от основ совершенного вида непереходных глаголов: *сумасшедший, падиший, умерший, арх. усопиший, прошедший, увядиший (увядшее лицо), истекший (в истекшем году, за истекший день)* и т. п. Ср.: «Рот его был приоткрыт, и с отвислых полей шляпы на *промокишие* плечи капала вода» (Федин, «Города и годы»); «Парень, лет 40, с багровым, несколько *опухшим* и обрюзглым лицом» (Достоевский, «Бесы»). Причастия на *-иший*, образующиеся от глагольных основ на согласный (в инфинитиве), непродуктивны. Они прикреплены к строго ограниченному кругу глагольных основ. Они все более и более утрачивают соотносительность с формами деепричастия, так как в разговорной речи, а под влиянием ее и в стилях книжного языка, деепричастия на *-иши* становятся малоупотребительными или вытесняются формами на *-я* типа *привезя, выметя, сплетя, придя, унеся* и т. п. Словом, эти причастия все больше обособляются от системы других форм глагола; Это содействует их сближению с именами прилагательными, превращению в отдельные слова с качественным значением.

мени — не длительного вида по большей части означает действие, предшествующее моменту речи говорящего (разрядка наша. — В. В.), т. е. прошедшее. Впрочем, если управляющий глагол поставлен в настоящем или прошедшем времени, то причастие прошедшего времени не длительного вида означает вместе с тем и действие, предшествующее действию управляющего глагола. Но если управляющий глагол поставлен в будущем времени, то причастие прошедшего времени не длительного вида лишь в исключительных случаях может означать будущее действие, но предшествующее будущему действию управляющего глагола, а нормально оно в этом случае означает действие прошедшее, предшествующее моменту речи говорящего. Причастие прошедшего времени длительного вида употребляется в обоих указанных значениях, а именно: при управляющем глаголе прошедшего времени оно может указывать на действие, современное его действию (наряду с причастием настоящего времени); но оно может указывать и на действие, предшествующее моменту речи говорящего; к какому бы времени ни относилось действие управляющего глагола»¹²⁵. Примеры выражения одновременности с помощью формы причастия настоящего времени: *Я вижу, видел, увидел, увижу мальчика, несущего молоко*. «Но в предложении *Я увидел или увижу мальчика, носящего нам молоко*, — *носящего* уже не означает действия, современного прошедшему или будущему, означает действие, современное моменту речи говорящего, т. е. настоящее (в смысле постоянно совершающегося действия): *Я (у)видел* или *увижу мальчика, который носит нам молоко*. В предложении *Я вижу или (у)видел, или увижу мальчика, принесшего нам молоко*, — *принесшего* обозначает действие, предшествующее моменту речи говорящего, т. е. прошедшее: *Я вижу* или *(у)видел, или увижу мальчика, который принес нам молоко*. Также и в предложении *Я вижу или (у)видел, или увижу молоко, принесенное нам мальчиком*, — *принесенное* означает действие прошедшее: *которое (было) принесено мальчиком*. Но в фразе *Завтра мальчик принесет нам молоко, и я попробую принесенное им молоко -принесенное* означает действие будущее: *которое будет принесено мальчиком*. Но это случай исключительный : только из общего смысла фразы видно, что это действие предшествует действию управляющего глагола (*попробую*), но является будущим по отношению к моменту речи говорящего. В предложении *Я (у)видел мальчика, несшего молоко*, — *несшего* обозначает действие, современное прошедшему (*у)видел*, и потому равно прошедшему: *Я (у)видел мальчика, который нес молоко*; здесь *несшего* = *несущего*. Но в предложении *Я вижу или увижу мальчика, несшего вчера молоко*, — *несшего* не означает действия, современного настоящему или будущему, а означает действие, предшествующее моменту речи говорящего: *Я вижу* или *увижу мальчика,*

Однако легко заметить, что качественные значения развиваются лишь в тех причастиях на *-ший*, которые образованы от основ непереходных глаголов совершенного вида (*обрюзгший, иссохший, опухший, раскисший вид* и т. п.). В причастиях категория времени тесно связана с категорией вида и до некоторой степени подчинена ей. Значение причастий видо-временное. Время причастий на *-вший* и *-ший* зависит не столько от времени основного глагола предложения, сколько от времени самого обозначаемого ими действия-качества. Но употребление причастий прошедшего времени от основ несовершенного вида синтаксически ограничено. Причастия прошедшего времени несовершенного вида в современном языке чаще употребляются при наличии в предложении глагольной формы прошедшего времени любого вида или формы будущего времени совершенного вида в значении прошедшего времени, реже — при наличии форм настоящего времени и простого будущего в прямом значении и совсем редко — при форме будущего времени несовершенного вида. Например: «В другой раз желчь хлынет к сердцу и поднимет со дна недавно *бушевавшую* там ненависть» (Гончаров, «Обыкновенная история»).

Причастия прошедшего времени совершенного вида обозначают активный признак как результат осуществленного, законченного действия. Выражаемое этими причастиями действие-качество носит яркий отпечаток результативного значения совершенного вида. Вследствие этого причастия прошедшего времени совершенного вида могут свободно сочетаться с любым временем глагольного сказуемого¹²⁷.

Понятно, что чем резче выражено в причастии на *-вший* переходное значение, чем острее выступают в нем видовые оттенки действия, подчеркиваемые приставками и суффиксами, тем более преобладает в нем глагольность.

Глагольные значения очень сильно дают себя знать в причастиях на *-вший* даже от глаголов с непереходным значением и притом не осложненных количественными видовыми приставками и суффиксами (вроде *-ну-*). В причастиях же с переходным значением наличие объекта действия совершенно парализует возможность развития качественных значений.

Понятно, что причастия прошедшего времени не имеют кратких форм. Прошедшие причастия не могут мириться с категорией времени в том ее выражении, которое свойственно кратким формам имени прилагательного.

Совершенно иную картину представляют причастия на *-ущий (-ющий) я-ащий (-ящий)*, образующиеся от 3-го лица множественного числа настоящего времени (но с переносом ударения на *-ащий (-ящий)*, соответственно ударению инфинитива, кроме слов *любящий, дышащий* и прост.-област. *служащий*; но ср. также: *могущий*)*. При отсутствии резких количественно-видовых примет (например, суффиксов *-ыва, -ива*, особенно в сочетании с такими приставками, как *под-, при-, по-*: *покашливающий, позевывающий, приторговывающий* и т. п.) причастия на *-ущий* легко приобретают качественные оттенки

* В стилях книжного языка, особенно официально-канцелярских и научно-деловых, которые склонны поддерживать прямолинейный логический параллелизм между употреблением причастных конструкций и употреблением личных форм глагола в относительных предложениях, были попытки образования причастий от основ совершенного вида на *-ющий, -ящий* (*■ющийся, -ящийся*) для выражения оттенков будущего времени, а на *-вший, -вийся (-ший, -шийся)* с частицей *бы* для выражения оттенков условного наклонения. Известно, что еще Гоголь пытался перенести такие формы из канцелярского языка на почву литературной речи. Проф. Д. Ку-дрявский писал во «Введении в языкознание» (1912, с. 95): «В настоящее время в русском языке, по-видимому, создается категория причастия будущего времени (совершенного вида); в языке оно уже нередко встречается, например:

Неумолима глубина

Под вами *вскроющейся* бездны». Однако форма причастия будущего времени в норму литературной речи не вошла.

значения. Ведь они, в сущности, лишены формы времени. Обычно говорится, что причастия на *-щий* выражают одновременность с действием основного глагола или в сравнительно редких случаях — расширенное значение настоящего времени (т. е. значение неопределенно длящегося промежутка времени). Но этот взгляд вытекает лишь из отрицательного свойства самой формы: причастия на *-щий* сами по себе ни на прошедшее, ни на будущее время указывать не могут, они обозначают лишь наличный процессуальный признак. Соотносительно с причастиями на *-вший* их значение кажется значением настоящего, т. е. непрошедшего, времени.

Особенно широко и свободно развиваются качественные значения в образованиях на *-щий* с непереходным значением или при устранении переходного значения. Например: *одуряющий запах; вызывающий вид; пронизывающий ветер; раздражающий тон; удручающее, ошеломляющее впечатление; блестящие способности; умоляющие глаза; угрожающее положение; испытующий взгляд; отталкивающий вид; ласкающие звуки; начинающий писатель; чарующая улыбка; волнующий (волнующие события, волнующий голос)*. Ср.: «Пикеты, разъезды, посты и отряды несут радостно свой блистательный, блестящий, блестящий долг» (К. Федин, «Братья»). Ср. у Тургенева в «Дневнике лишнего человека»: «Я вечно буду помнить это *пожирающее* внимание, эту нежную веселость, это невинное самозабвение, этот взгляд, еще детский и уже женский, эту счастливую, словно *расцветающую* улыбку, не покидавшую полураскрытых губ и зардевшихся щек».

От причастий этого типа при ярко выраженном качественном значении иногда образуются и краткие, нечленные формы*.

Близость причастий на *-щий* к имени прилагательному проявляется и в усиливающейся склонности книжного языка к образованию сложных причастных слов с основой имени существительного в первой части, вроде *товаропроводящая сеть; жаропонижающие, болеутоляющие средства; душераздирающий крик; хлеботоргующие организации* и т. п. Ср. у Салтыкова-Щедрина: «*скототучняющий* характер цивилизации». Этот способ словообразования поддерживается в литературном языке влиянием специальных, профессиональных диалектов. В чисто глагольных формах словосложение в русском языке может быть явлением лишь вторичного происхождения: оно может или отражать метод точного морфологического калькирования чужого, например греческого, слова (ср.: *благоволить, благоговеть* и т. п.), или перейти из именных основ {*благодетельствовать, руководить* и т. д.), или возникнуть в результате превращения синтагмы в одно слово {*заблагорассудиться*).

§ 23. Процессы изменения страдательных причастий и их распада на омонимы - причастия и прилагательные

Особенно далеко зашел процесс окачества страдательных причастий. При этом причастия на *-нный* и *-тый* гораздо больше поддаются качественным изменениям и гораздо ближе к прилагательным, чем причастия настоящего времени на *-мый*.

Проф. Е. С. Истрина¹²⁸ указала на то, что страдательные причастия на *-мый* в современном русском языке, продуктивны только в некоторых типах глаголов. Именно эти причастия свободно образуются и довольно широко употребляются в стилях литературно-письменной речи от таких разрядов глаголов:

1) от переходных глаголов несовершенного вида на *-ать* (*-ять*) и *-вать*, чаще в сложении с приставками (например: *насаждаемый, перевыполняемый,*

—* Ср. протест против их употребления в 70-х годах XIX в. у Николича (Филологические записки, 1877, вып. I, с. 13).

подстрекаемый, собираемый, занимаемый, перечисляемый, объединяемый, засылаемый и т. п.; *создаваемый, размыаемый, издаваемый, перепродаваемый, сбиваемый* и т. д.);

2) от беспривставочных глаголов на *-овать*, с формой 1-го лица единственного числа на *-ую* (вроде *ликвидируемый, рекомендуемый, военизируемый, формулируемый*);

3) от небольшой группы кратких или «неопределенных» глаголов движения, осложненных приставками, но сохраняющих значение несовершенного вида (вроде *ввозимый, привозимый, приносимый, произносимый* и некоторых других).

Гораздо менее употребительны причастные образования от глаголов несовершенного вида на *-ывать, -ивать* (вроде *разбрасываемый, взвешиваемый, закладываемый, высокооплачиваемый, восстанавливаемый, вырабатываемый* и т. п.).

В других глагольных классах, например от глаголов на *-ить* (вроде *графить, белить* и т. п.), а тем более в непродуктивных глагольных группах причастные образования малоупотребительны. *Несомый, везомый, влекомый* и некоторые другие на *-омый* (ср. у Пушкина: «грызомый») в живой речи почти совсем вымерли. Многие переходные глаголы вообще не образуют причастий на *-мый* (например: *шить, пороть, колоть, мять* и т. п.). В книжной речи эти причастия на *-имый, -омый, -емый* употребляются обычно в таком синтаксическом контексте, который устраняет или ослабляет возможность их качественного понимания. Так, полные формы их нередко выступают в роли обособленного определительного члена и очень часто в сочетании с творительным падежом деятеля. Краткие же их формы употребляются преимущественно в газетно-публицистических, научно-технических и канцелярских стилях книжного языка. Однако и тут они применяются главным образом в сочетании с формой прошедшего времени «вспомогательного глагола» *быть*. *Страна была опустошаема войной и голодом* стилистически лучше, чем *Страна опустошается войной и голодом* (ср. *Страна опустошается войной и голодом*). Сочетания кратких форм причастий на *-мый* с будущим временем вспомогательного глагола также не очень употребительны и свойственны лишь книжному языку. Вообще же причастия на *-мый* представляют собой такой морфологический тип, в котором категория действия-состояния явно преобладает над оттенками качественной оценки и даже качественного состояния. Причастия на *-мый* означают длящийся пассивный признак-процесс. Осознание видо-временных оттенков причастия на *-мый* обостряется соотносительностью форм типа *исполняемый, исполнившийся, исполненный*, особенно в сочетании с творительным падежом деятеля *. Связь с творительным падежом деятеля или орудия действия усиливает глагольность этих форм**, которая, впрочем, и без того выражена ярко. Например: «*Собираемая* при убое кровь может быть *перерабатываемая* или в пищу для изготовления колбас, или на выработку светлого и черного альбумина, клея, пуговиц» (Ю. Олеша, «Зависть»); *Нами ты была любима* И для милого *хранима*.

(Пушкин)

—* Ср. замечание проф. Н. К. Грунского: «...обозначение времени причастием при выражении этого времени формой глагола-сказуемого было, в сущности, лишним. На отсутствии необходимости обозначать причастными формами в подобных случаях временные оттенки основывается, мне думается, смешение в древнецерковнославянском языке причастий на *-м* и *-н*, а также и потеря в причастии прошедшего времени страдательного залога его причастного характера и обращение в прилагательное»¹²⁴.

** Ср. пример окачествления причастия на *-мый*: «На что похожи руки наши?.. Разве так машина *уважаемая* машет?..» (Маяковский, «Протестую!»)

Страдательные причастия на *-нный* образуются от следующих глаголов: причастия на *-анный, -янный* от переходных глаголов на *-ать, -ять* (наст. вр. *-аю, -яю*), на *-енный* от глаголов на *-еть* (*видеть, посмотреть* и т. п.), на *-енный* и *-ённый* от основ на согласный в инфинитиве (с чередованием *г — ж; к — и*), на *-енный* и *-ённый* с чередованием *ф, п, в, м — фл, пл, ел, мл; с — ш; з — ж; т — ч; т — ц; д — ж; д — жд; ст — ц* от глаголов на *-ить* (а также от глаголов с приставкой, произведенных от *сидеть: высидеть, засидеть* и т. п.; *вертеть: наvertеть, заvertеть* и т. п. и *обидеть*). Причастия на *-тый* образуются от глаголов на *-оть, -путь, -ыть*, а также на *-ать, -ять* при основе настоящего времени с носовым согласным (ср. также: *сдутый*) и от некоторых глаголов с односложным корневым элементом на *-еть, -ить*, а также от основ на *-р-* (в глаголах *простереть, тереть, переть* и производных). Например, ср.: *колотый, вышитый, прожитый, простертый, спертый, расторгнутый, смятый, петый, надетый, тертый*.

В страдательных причастиях давно уже нарушен параллелизм между формами настоящего и прошедшего времени. А. А. Потебня так охарактеризовал этот процесс: «На свойственной нынешнему языку степени развития категорий совершенности и несовершенности глаголы совершенные не имеют причастия настоящего страдательного (равно как и действительного), вследствие чего мысль языка начинает роднить самое понятие о причастии прошедшем страдательном с совершенностью. Поэтому-то и, наоборот, причастие прошедшее страдательное от глаголов несовершенных более длительных как бы начинает выходить из употребления, по крайней мере в отдельных случаях; можно сказать: *был укоряем, упрекаем, обвиняем, распространяем... берегаем; было приобщаемо, сообщаемо к сведению*, но нельзя сказать: *был укорян, упрекан, было приобщано*»¹³⁰.

В современном языке причастия на *-нный* и *-тый* от основ несовершенного вида непродуктивны. Живые формы таких причастий немногочисленны: *читанный, писанный, надеванный, несенный, тертый, петый* и т. п. Основы несовершенного вида на *-а*, соотносительные с беспредложными основами вида совершенного на *-и*, не могут образовать такого причастия (ср. невозможность форм вроде: *брошенный, покупаемый* и т. п., но: *брошенный, купленный и т. п.*)**Н**.

Проф. А. И. Томсон заметил, что в страдательных конструкциях «действие является скорее признаком состояния, получаемого от действия»¹³². По этой причине в страдательном спряжении настоящего и будущего времени глагол является обыкновенно в форме причастия прошедшего времени совершенного вида, так как обыкновенно только результат действия имеет значение для *patients*¹³³.

Этими грамматическими причинами объясняется отсутствие соотносительных форм разного видо-временного значения у многих глаголов. Формы страдательных причастий часто оказываются не противопоставленными друг другу у одного и того же глагола. Видо-временное значение таких форм легко стирается. В них усиливается тенденция к переходу в качественные прилагательные.

Причастия на *-нный* и *-тый* от основ совершенного вида в современном русском языке глубоко внедряются в грамматическую систему имен прилагательных. Многие из них ослабляют и даже вовсе утрачивают связь с глаголом. Известно, что причастия на *-нный* в книжной речи издревле находились во взаимодействии с прилагательными, образованными посредством суффикса *-н-, -нн-*, вроде *бездыханный, благоуханный, несомненный, отчаянный, намеренный, исступленный* и т. п. Ср. двойственность форм и значений: *вдохновенный* и *вдохновленный; благословенный (благословенный край)* и *благосло-*

Ш

вленный; ср. смешение в литературном языке XIX в. слов *умильный* и *умиленный*; *воздержный* и *воздержанный*; *безоружный* и *обезоруженный*; ср. у Пушкина: «Я не привык целить в *безоруженного*» («Выстрел»); «*обезоруженный* старик» («Полтава») вместо *безоружный*; *крахмальный* и *накрахмаленный* (у Л. Толстого: «надев *крахмаленную* рубашку») и т. п.

Под влиянием прилагательных, оканчивающихся на *-нный*, в книжном языке образуются от бывших причастий краткие формы на *-енен*, *-анен*, *-енна*, *-анна*, *-енно*, *-анно* вместо *-ен*, *-ан*, *-ена*, *-ана*, *-ено*, *-ано*, как, например: *определенен*, *неопределенен* (ср. у Л. Толстого: «взор *неопределенен* и туп»); *священен* (ср. у Надсона: «*священен* трон ее») и т. п.¹³⁴ Все это симптомы близкой связи причастий и прилагательных, морфологически сходных.

В причастиях на *-нный* и *-тый* с основами совершенного вида временные значения почти вовсе стерты. Этому содействовала несоотнесенность их ни с какими другими формами глагола. Даже связь этих причастий с основой инфинитива — прошедшего времени оказалась затемненной и запутанной фонетическими чередованиями в большой группе форм (вроде *родить* — *рожденный*; *смутить* — *смущенный*; *упростить* — *упрощенный* и т.п.). Напротив, все крепче и неразрывнее становилось их отношение к отглагольным существительным главным образом на *-ение*, *-ание*, *-тие*. Генетическая связь отглагольных существительных на *-ние*, *-тие* с причастиями перевертывалась в обратную сторону. Причастия становились к этим существительным в такое же отношение, как другие качественно-относительные прилагательные к производящим словам. Например: *истощенный* по связи с отглагольным существительным *истощение* развивает качественно-относительные значения: 1) дошедший до полного истощения и изнуренный, исхудалый: *истощенная девочка*, *истощенное тело*; 2) обнаруживающий истощение, свидетельствующий об истощении: *истощенный вид*, *истощенное лицо*. В то же время причастие *истощенный* входит в систему форм глагола *истощить* — *истощать*. Ср. *Тело, истощенное лишениями и голодом*. Эту двойственность функций можно проследить у большей части членных форм страдательного причастия, но особенно у таких, для которых есть семантические параллели среди отглагольных имен существительных. Ср., например: *испуганный* (*испуганный взгляд*, *испуганное выражение лица* — и *испуганный неожиданностью*, *испуганный событиями* и т. п.); *испытанный* (*испытанный друг*, *испытанное мужество*, «гуляют с дамами *испытанные остряки*» (А. Блок) и т. д.—и *машина, испытанная специалистами*), *изнуренный* (*изнуренный вид* — и «трусами ночи *изнурен*, я лег в тени»); *ограниченный*, *отдаленный*, *образованный* и т. п.

Тенденция к окачеству причастных форм все шире распространяет круг своего действия. Она развивается и независимо от соотношения причастия с отглагольным существительным. Например: *истасканный* (*истасканное лицо* — и *туфли, истасканные мною за месяц*); *потерянный* (*потерянный вид*, *потерянный человек* — и *кошелек, потерянный кассиршей*). Ср. также: *потрепанный* (*потрепанная физиономия, потрепанная внешность* — и *человек, потрепанный жизненными бурями*) ; ср. *избалованный ребенок* и т. п. Ср. у Тургенева а «Дневнике лишнего человека»: «Я вернулся... тем же мнительным, подозрительным, *натянутым* человеком, каким я был с детства»; у Достоевского: «Нос широкий и *сплюснутый*» («Идиот»); *спертый воздух* и т. п.

Этот процесс окачества и семантического преобразования причастий был усилен и поддержан влиянием французского языка, особенно во второй половине XVIII — в первой трети XIX в. Ср., например: *конченный человек* — *l'homme fini*; *потерянное время* — *le temps perdu*; *рассеянный вид* — *l'air distrait, dissipe* и т.п. Ср.: *растерянный вид*; «душа *растеряна*» (Островский)¹³⁵; *сдержанный характер*; *изысканный вкус* и другие подобные.

Понятно, что качественные значения органически присущи тем причастным и отпричастным образованиям, которые утратили грамматическую соотносительность с глаголом, например: *надтреснутый голос, начитанный человек, заслуженный артист* и т. п.

Во многих случаях разрыв между качественно-прилагательным и глагольным значением формы причастия настолько велик, что приходится говорить о двух разных словах, об омонимах. Таковы, например, *избитый* (*избитая тема, избитое выражение, избитая истина* и т. п.) — и причастие *избитый* (*избитый человек, избитая дорога*); *сложённый* (*хорошо сложенный человек, плохо сложен*) и *сложенный* (*дрова сложены*) и т. п.

Еще Павский указывал на то, что ударение служило средством различения омонимов — прилагательных и причастий. Например, в 40—50-х годах XIX в. различались: *униженный* (причастие) — *унижённый* (прилагательное); *приближенный* (причастие) — *приближённый* (прилагательное); *презренный* (причастие) — *презрённый* (прилагательное)¹⁶.

Процесс распада глагольности в системе причастий на *-нный* очень жив и интенсивен в современном русском языке. Является потребность отметить возникающее раздвоение слов орфографическими средствами. Возникают двойственные написания в нечленных формах, например: *Все общество было взволновано новостью* — и *Лицо девушки было взволнованно*; *Местность ограничена горами* — и «*Утроба человеческая ограничена*» (Салтыков-Щедрин); *распушена* и *распущенна*; *Мысли были сосредоточены на одном* — и «*Наталья снова стала сосредоточенна и грустна*» (Шолохов, «Тихий Дон»); *Беседа была оживленна* — и *Лиза была оживлена* и другие подобные¹³⁷.

От качественных прилагательных этого типа образуются и степени сравнения (*затасканнейшая тема, оживленнейшее движение, взволнованнее* и т. п.) и наречия на *-о*.

Развитие качественных значений более свободно протекает в членных формах причастий. Конечно, оно передается и кратким формам. Но в кратких формах страдательных причастий (от основ совершенного вида) очень сильно значение состояния. В связи с процессом грамматического переосмысления причастий происходят семантические сдвиги в реальных значениях причастий.

Полная форма причастий на *-нный* и *-тый* является очень сложным, гибридным словесным образованием. Качественные значения в большей части таких причастных форм явно преобладают. Лишь причастия от глаголов со значением конкретного или специального действия (например: *подточенный, распиленный* и т. п.) или от глаголов, осложненных количественно-видовыми приставками и суффиксами (*избежнутый*; «Он заботливо осмотрелся, взял газету, только что *швырнутую* им» — Помяловский, «Молотов»), бывают менее насыщены качественными оттенками. Глагольность причастия напрягается, когда приходит в движение присущая соответствующему глаголу система глагольного управления. Например:

Первой в папке шла телеграмма...

За ней появился под почтой спрятанный

Доклад с облинованной рамой.

(Сельвинский, «Пушторг»)

«Запряженные в сохи и бороны лошади были сытые и крупные» (Л. Толстой);

«Мной расточенное наследство на ярком пире бытия» (Брюсов).

Но в кратких формах причастий грамматическое соотношение оттенков и свойств прилагательности и глагольности меняется. Своеобразное сочетание оттенков вида и времени, создающее у кратких причастий значение «перфек-

та» *; свойственное им пассивное, страдательное значение, которое при отсутствии творительного падежа деятеля явно перерождается в значение качественного состояния (например: *взволнован, расстроган, угнетен, убит, тронут* и т. п.),— все это отделяет краткие формы причастий от категории имени прилагательного и вместе с тем обособляет их от глагола. Краткие причастия на *-н* и *-т* участвуют в образовании своеобразной грамматической категории — категории состояния. Особенно отчетливо значение состояния в безличном употреблении этих форм. Например: *сказано — сделано; в комнате накурено* (ср. главу о категории состояния).

Таким образом, в формах причастий наблюдается необыкновенно острый и сложный процесс грамматической гибридизации. Смысловая структура этих форм подвергается глубоким изменениям. В причастной форме сталкиваются и объединяются противоречивые ряды значений. Полный распад формы на омонимы осуществляется не часто. Однако семантическое единство причастной формы становится колеблющимся и условным. Намечается новый тип «гибридной» лексики, не вполне обычный в языке с преобладающим синтетическим строем.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ»

1. Сказания русского народа, изданные И. Сахаровым. Спб., 1849, т. 2, с. 164; ср.: *Карпов А.* Азбуковники, или алфавиты, иностранных речей. Казань, 1877, с. 188.

2. *Павский Г. Л.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. Спб., 1850, с. 1—2. Ср. также: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1899, вып. 3, с. 488 [383]; *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, с. 209 — 218.

3. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1925, вып. 1, с. 312 — 313 [318]. Ср. также некоторые исторические данные в статье: *Шатерникова Л. Н.* Из истории синтаксической роли относительного прилагательного.— Уч. зап. Вологодского гос. пед. ин-та, 1940, вып. 1.

4. См.: *Савваитов П.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. Спб., 1896, с. 61. Ср. также список обозначений красок: *Ровинский Д. А.* Обзорение иконописания в России до конца XVII в. Спб., 1903.

5. Ср., например, замечания о названиях цветов у Г. Пауля: *Paul H.* Principien der Sprachgeschichte. Halle, 1880, S. 207 [Рус. пер.: *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960] и А. А. Потебни (Мысль и язык.—Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 81-82 [66]).

6. *Аксаков К. С.* Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики,—Поли, собр. соч. М., 1880, т. 3, ч. 2: Сочинения филологические, с. 112.

7. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 509 [399 — 400].

8. *Аксаков К. С.* Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 111.

9. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 527 [414].

9а. См.: *Орнатовский И.* Новейшее начертание правил российской грамматики на началах всеобщей основанное. Харьков, 1810, с. 53. Ср.: *Votter J. S.* Praktische Grammatik der russischen Sprache in Tabellen und Regeln. Leipzig, 1808, S. 82. Ср. также: *Буслаев Ф. И.* О преподавании отечественного языка. М., 1844, ч. 2, с. 142; *Grimm J.* Deutsche Grammatik. Gottingen, 1837, Bd. 4, S. 254 — 255. Известно, что понятия движения и качества сближались между собой и в грамматической концепции Гумбольдта. См.: *Von Humboldt W.* Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues. Berlin, 1936, § 17. Ср.: *Steinthal H.* Die Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldts und die Hegel'sche Philosophie. Berlin, 1848.

—* Ср.: «Перфект означает действие, осуществившееся в результативной форме к настоящему моменту... *стол накрыт, письмо отослано.* Перфект выражается... причастиями прошедшего времени страдат. на *-н-, -т-...*»¹³⁸. Ср. в «Русском синтаксисе» С. Шафранова: «Perfectum всего точнее может быть передано настоящим страдательного залога»¹³⁹.

10. Аксаков К. С. Конспект последних двух отделов первой части Русской Граматики, с. 113.
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 102.
12. См.: Греч Н. И. Практическая русская грамматика. Спб., 1834, с. 76-77.
13. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 41—42.
14. Там же, с. 70.
- 14а. Ср., однако: Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Спб., 1914, вып. 2, с. 158 [Избранные труды. М., 1970, т. 1, с. 530].
15. См.: Аксаков К. С. Конспект последних двух отделов первой части Русской Граматики, с. 109.
16. См.: *Unbegaun V.* La langue russe au XVIe siècle. P., 1935, p. 328-332.
17. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 512 — 513 [402-403].
18. См.: Котутич Р. Грамматика руског језика. Београд, 1914, т. 2, с. 86.
19. Аксаков К. С. Конспект последних двух отделов первой части Русской Граматики, с. ПО.
20. Там же, с. 107.
21. Греч Н. И. Практическая русская грамматика, с. 89.
22. Востоков А. Х. Русская грамматика. Спб., 1831, с. 77.
23. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1868, с. 261.
24. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1936, с. 131 [165].
25. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, с. 103 [83-84].
26. Ср.: *Unbegaun V.* La langue russe au XVIe siècle, p. 338-340.
27. См.: Шахматов А. А. Курс истории русского языка. Лекции 1910/11 гг. Спб., 1911, ч. 3, с. 494-495.
28. См. там же, с. 187— 188; *его же*: Очерк современного русского литературного языка, с. 136-139 [169-172].
29. См.: Котутич Р. Грамматика руског језика, т. 2, с. 88. Ср. также: *Unbegaun V.* La langue russe au XVIe siècle, p. 338 — 340.
30. Греч Н. И. Практическая русская грамматика, с. 77.
31. Ср.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1927, вып. 2, с. 82 [492].
32. Там же.
33. Ср.: Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, с. 143 [168-169].
34. См.: Потеня А. А. Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 495 — 496 [т. 3, с. 389-390].
35. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, с. 101 [82].
36. Пешковский А. М. Наш язык. М-Л., 1927, ч. 3, с. 107.
37. Салтыков-Щедрин М. Е. Поли. собр. соч. Спб., 1906, т. 7, с. 323.
38. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Спб., 1854, с. 185.
39. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 84—100 [68-80].
40. Пешковский А. М. Наш язык, ч. 3, с. 121.
41. Покровский М. М. Материалы для исторической грамматики латинского языка. М., 1898, с. 94, 102 [Избранные работы по языкознанию. М., 1959, с. 245, 250].
- 41а. Там же, с. 30-37 [200].
42. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 400 [т. 3, с. 314].
43. Ср.: Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. — Труды МИФЛИ, 1939, т. 5, с. 39 — 42.
44. См.: *Havranek V.* Pfi'spevek k tvofeni slov ve spisovnych jazyci'ch slovanskych,-Slavia, 1929, rocn. 7, ses. 4, s. 771.
45. См.: Потеня А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888, вып. 1-2, с. 234 [234].
46. Там же, с. 233 [т. 2, с. 233].
47. Ср.: Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 117—119.

48. *Покровский М. М.* Материалы для исторической грамматики латинского языка, с. 67 [226].
49. Ср.: *Грот Я. К.* Филологические разыскания. Спб., 1876, т. 2, с. 349—350.
50. Ср.: *Юшманов Н. В.* Грамматика иностранных слов.— В кн.: *Словарь иностранных слов.* М., 1933, с. 1443.
51. *Аксаков К. С.* Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 101.
52. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 102 [83].
53. Там же.
54. *Аксаков К. С.* Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 98.
55. *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика, с. 78.
56. См.: *Калайдович И. Ф.* О степенях прилагательных и наречий качественных.— Труды Общества любителей российской словесности, 1823, ч. 23, с. 107—132. Ср. также: *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье. Спб., 1850, с. 48.
57. *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка, с. 198.
58. Ср.: *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика, с. 83.
59. *Аксаков К. С.* Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 127.
60. *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева.— Поли. собр. соч. М., 1875, т. 2, ч. 1: Сочинения филологические, с. 490.
61. *Мандельштам И.* Об уменьшительных суффиксах в русском языке со стороны их значения.— Журнал министерства народного просвещения, 1903, № 8, с. 323.
62. См.: *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика, с. 78, 85.
63. См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 92 [74].
64. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 84 [494].
65. См.: *Потебня А. А.* К истории звуков русского языка.— В его кн.: Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 107—108.
66. Ср.: *Обнорский С. П.* К истории словообразования русского литературного языка.— В кн.: *Русская речь.* Л., 1927, вып. 1, с. 78. Ср. также: *Polivka J.* Hrstka vypisku do ruske Gramatiky. — In: *Slovansky sbornik venovany jeho magnificentci prof. Frantisku Pastrnkovi.* Redig. Milos Weingart. Praha, 1923, s. 41. Ср.: *Polivka J.* [Рец. на кн.:] *Meyer K.* Historische Grammatik der Russischen Sprache.— *Slavia*, 1924, rocn. 2, ses. 4, s. 724. Иначе у А. И. Соболевского (Лекции по истории русского языка. М., 1903, с. ПО.-Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1925, т. 30, с. 441).
67. См.: *Поливка Ю.* [Рец. на кн.:] *Мейер К.* Историческая грамматика русского языка, с. 724.
68. *Булич С. К.* Морфология русского языка. Лекции 1903/04 г., с. 70.
69. *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, с. 491.
70. *Калайдович И. Ф.* О степенях прилагательных и наречий качественных, с. 115.
71. *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, с. 492 — 493.
72. *Аксаков К. С.* Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 122.
73. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 141.
74. *Аксаков К. С.* Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 121.
75. Там же.
76. Ср. изложение вопроса о степенях сравнения имен прилагательных: *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, с. 131-133, 135.
77. Ср.: *Калайдович И. Ф.* О степенях прилагательных и наречий качественных.
78. *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, с. 493.
79. *Щерба Л. В.* Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких на-

- блюдений.— В его кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958, с. 35.
80. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи, с. 216.
81. Аксаков К. С. Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 121.
82. Ср.: Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи, с. 191 [537]; Кошутин Р. Грамматика руског језика, т. 2, с. 108.
83. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, с. 201.
84. Ср.: Brunot F. La pensee et la langue. P., 1927, p. 682, p. 688; изложение во проса о les degres и соображения акад. И. И. Мещанинова см. в его кн.: Члены предложения и части речи, с. 217.
85. Аваиесов Р. И., Сидоров В. Н. Русский язык. М., 1934, с. 55.
86. Горький М. Еще о грамотности.—Собр. соч. М., 1953, т. 24, с. 328 — 331.
87. Аксаков К. С. Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 121.
88. См.: Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи, с. 192 [537]. Ср. описание однородных оборотов во французском языке: Brunot F. La pensee et la langue, p. 684, 691.
89. Греч Н. И. Чтения о русском языке. Спб., 1840, ч. 2, с. 210.
90. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. М., 1844, ч. 2, с. 136.
91. Макарьев И. Пометки Горького на книжках начинающих писателей. М., 1932, с. 15.
92. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 142—143.
93. Jespersen O. The Philosophy of grammar. L., 1924, p. 247-248. Русский перевод: Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
94. Кошутин Р. Грамматика руског језика, т. 2, с. 116.
95. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи, с. 216 — 217.
96. Востоков А. Х. Русская грамматика, с. 59.
97. Писемский А. Ф. Письма. М.-Л., 1936, с. 66-67.
98. См.: Фалев И. А. К вопросу о степенях сравнения в современном русском языке.—В кн.: Язык и мышление. Л., 1937, вып. 9, с. 173.
- 98а. См.: Болдырев А. В. Нечто о сравнительной степени.—Труды Общества любителей российской словесности, 1819, ч. 15, с. 119—141.
99. См.: Шаликов П. И. Об уравнивательных степенях в русском языке. — Труды Общества любителей российской словесности, 1818, ч. 12, с. 39, 42 — 46.
100. Ср.: Желтое И. Грамматические заметки. О степенях сравнения. — Филологические записки, 1862, вып. 2, ср. там же: 1877, вып. 1, с. 4.
101. Ср.: Кошутин Р. Грамматика руског језика, т. 2, с. 113-114.
102. Ср. замечания об этой форме превосходной степени у Востокова (§ 34, разд. 4), у Павского, Давыдова, у Стоюнина (Высший курс русской грамматики, § 100) и других грамматистов.
103. Ср. кандидатскую диссертацию моей ученицы Н. Ю. Шведовой «Возникновение и распространение предикативного употребления членных прилагательных в русском литературном языке XVI —XVIII вв.» (1946).
104. См.: Кошутин Р. Грамматика руског језика, т. 2, с. 94.
105. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, с. 222.
106. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, вып. 1, с. 285 [291]; ср. вып. 2, с. 83.
107. Там же, вып. 1, с. 300-301 [306].
108. См. там же, с. 242 [250].
109. Востоков А. Х. Русская грамматика, с. 54.
- ПО. Там же, с. 79.
111. Ср.: Чернышев В. И. Русское ударение. Спб., 1912, с. 68 [т. 1, с. 167-168].
112. Востоков А. Х. Русская грамматика, с. 58.
113. См.: Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, с. 150 [174-175].
114. См. там же, с. 154.
115. Там же, с. 154-155 [178].
116. Там же, с. 140.
117. См. там же, с. 153-154 [176-177].

118. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 1, с. 178 [190].
119. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 108 [т. 1 — 2, с. 114].
120. См.: *Пешиковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 221 [224].
121. См. там же [225].
122. Там же, с. 218.
123. Там же, с. 221.
124. *Аксаков К. С.* Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 110—111.
125. *Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка. М., 1939, с. 318.
126. Там же, с. 318-319.
127. См.: *Каганович Н. А.* О временных функциях причастий в русском литературном языке. — Наукоеі записки ХарьивськоГ науково-достдчоГ, катедри мовознавства, 1929, № 2.
128. См.: *Истрина Е. С.* Грамматические заметки.—Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, кафедра рус. языка, 1939, т. 20.
129. *Грунский Н. К.* Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Юрьев, 1911, т. 2, с. 53.
130. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 144 [т. 1—2, с. 148-149].
131. Ср.: *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка.
132. *Томсон А. И.* Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках.— Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1908, т. 13, кн. 2, с. 250.
133. См. там же, с. 251.
134. Ср.: *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, с. 458.
135. *Островский А. Н.* Дневники и письма. М.—Л., 1937, с. 34.
136. См.: *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 64. Ср. также: *Аксаков К. С.* Опыт русской грамматики.—Поли. собр. соч. М., 1880, т. 3, ч. 2: Сочинения филологические, с. 475.
137. См.: *Бережков С. Г.* К вопросу о переходе причастий в прилагательные.—Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, кафедра рус. языка, 1939, т. 20.
138. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 78 [489].
139. *Шафранов С.* Русский синтаксис. Рига, 1886, с. 130.

III. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

1. КАТЕГОРИЯ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ И ИДЕЯ ЧИСЛА

§ 1. Трансформация системы числительных под влиянием математического мышления

В современном русском языке слова, являющиеся отвлеченными обозначениями чисел и выраженного в числах количества, счета, образуют обособленную грамматическую категорию имен числительных, или счетных. Соответствующие ряды слов в истории русского языка объединились в самостоятельный грамматический класс, порвав старые связи с классами существительных (*пять — пяти* и т. д.) и отчасти (*два — две, оба — обе, три, четыре*, а также собирательные формы: *двое, трое, четверо* и Т.п.] местоимений и прилагательных*. Пережитки старинных морфологических отношений,

—• Ср. замечание Ф. Энгельса о происхождении понятия числа: «Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди учились считать, т. е. производить первую арифметическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума. Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже и способностью отвлекаться при рассма-

видоизмененных, но не до конца переосмысленных, еще сохранились в грамматической системе современных числительных. Поэтому при наличии явных признаков самостоятельной грамматической категории современные русские имена числительные представляют довольно пеструю морфологическую картину. В грамматических формах числительных — при господстве синтетизма — наблюдаются явления аналитического строя и обозначаются своеобразные приемы агглютинации компонентов (при образовании составных именованных: *с тысяча двести пятидесятью бойцами*). Грамматические судьбы класса имен числительных в русском языке связаны с эволюцией идеи числа в европейских языках*.

Категория числа (по крайней мере в пределах счета до тысячи) в западноевропейских языках освобождена от предметности. Понятие числа здесь математизировано, если можно так выразиться. Название числа является абстрактным показателем количества однородных предметов, обозначением их счета⁴. Во многих языках, например латинском и греческом, французском, немецком, английском, числительные имена (по крайней мере с 4) не имеют ни форм рода и числа, ни форм падежей, а следовательно, сами по себе не определяются прилагательными**. Они замкнуты в своеобразную категорию количественных слов, которые лишены морфологического разнообразия и могут быть лишь определяющими членами предметных словосочетаний. В самом деле, французские *cing, six, sept, huit, neuf, dix, onze, douze, treize* и т. д., немецкие *vier, fünf, sechs, sieben, acht, neun* и т. д. (ср. латинские *quattuor, quinque* и т. д., греческие *пенте* и т. д.) не имеют морфологических примет ни существительности, ни прилагательности***. Они ограничены не только морфологически, но и синтаксически обязательной связью и соседством с теми предметными именами, счет и количество которых в пределах множества они выражают в точных цифрах. В сущности, в европейских языках имена числительные (до определенного предела) — это абстрактные показатели выраженного в цифрах числа однородных предметов. Это прежде всего своеобразные определяющие слова — морфемы в обозначениях сосчитанных предметов****. Функция большей части счетных слов в европейских языках графически может быть представлена в таком виде: *sept cents = 7 cents; fünf Kinder = 5 Kinder*. Таким образом, математическое отвлеченное мышление вторглось в общий язык и трансформировало систему числительных имен, лишив их отчетливых форм имени, оторвав их от структуры существительных и прилагательных*****.

Тривании этих предметов от всех прочих их свойств кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития»¹. Ср. также статью С. Д. Кацнель-сона «Энгельс и языкознание»².

* Ср. замечание А. А. Потебни: «Общие языки, как математический... только стремятся стать общечеловеческими, а на самом деле суть европейские...»³

** Ср. более разнообразные примеры употребления имен числительных в языках разных систем у И. И. Мещанинова⁵.

*** А. Будилович заметил: «В числительных выражаются не объективные признаки предмета, а соотношение его с другими в категории количества»⁶.

**** В. Классовский в книге «Нерешенные вопросы в грамматике» писал: «То, что мы называем числом, есть не более как или одна из сторон выразимости формы предметов (например, *четыре* ноги у лошади), или соизмерение одной величины с другою, принимаемую за масштаб /например, *деньги соизмеряются с рублем, считаются на рубль*). Следовательно, число чрез себя и для себя не существует в природе. Этим числительное имя как часть речи сходится с местоимением, служащим также к указанию несуществующего чрез себя и для себя»⁷. Но «если числительное связывается с именем в одном общем синтаксическом построении и само в отдельности не дает законченного содержания высказывания предметного характера, то в то же время числительное не снижается до роли служебного слова. Оно, своим содержанием количественного признака, сохраняет свое собственное значение слова»⁸.

***** В этой связи уместно вспомнить теорию Потебни «об устранении в мышлении субстанций, ставших мнимыми», или «о борьбе мифического мышления с относительно научным в области грамматических категорий». «Например, — пояснял Потебня, — математика, оперирующая с отвлеченным числом, отвлеченною величиною", возможна лишь тогда, когда язык перестает ежеминутно навязывать мысль о субстанциональности, вещественности числа, а в противном случае величайший математик и философ, как Пифагор, должен будет остаться на этой субстанциональности» (из автобиографии Потебни, напечатанной у Пыпина в «Истории русской этнографии», т. 3, с. 423-424).

В самом деле, что можно считать характерным признаком математических знаков с грамматической точки зрения? Они имеют синтаксис, но лишены морфологии. 5, 6, 7, 0 и т. п. меняют свое значение в зависимости от своего места в ряду чисел. Особенно разительно эта синтаксическая обусловленность значения арифметического знака демонстрируется нулем, который ставится выразителем сложных арифметических изменений при присоединении к другим числам (ср.: 0, 1 и 10).

Подчиняясь влиянию математического мышления, числительные унифицируют свои формы. В своих сцеплениях, в своих сложениях они воспроизводят математический порядок чисел. В числительных синтаксис явно преобладает над морфологией. В самом синтаксисе их при употреблении составных названий чисел приобретает особую важность самый порядок следования цифровых обозначений (ср. падежную неизменяемость всех числительных, кроме последнего, в составных обозначениях чисел на русском языке). Их структура в значительной степени аналитична. Еще Ф. И. Булаев писал: «Имена числительные хотя могут восходить до бесконечности, но отличаются от прочих частей речи тем, что вращаются повторением немногих основных названий»⁹.

Влияние математического мышления ярко отражается на употреблении некоторых математических терминов в современном русском языке. Математическое выражение иногда сохраняет признаки своей морфологической обособленности. Иллюстрацией может служить слово *минус*. Оно имеет такие значения: 1) знак вычитания в математике, обозначаемый горизонтальной чертой (—); 2) только в единственном числе: отрицательная величина (в математике), например: *минус на минус дает плюс*; 3) переносно: убыток, недостаток, ущерб, например: *У этой книги много минусов*; *Наша квартира имеет один очень существенный минус: в ней нет ванны*; 4) за вычетом, если вычесть, отнять, без: *Мне следует получить пятьсот рублей минус семьдесят пять рублей аванса*.

Вот это последнее употребление, перенесенное из языка математики, не уместается в систему грамматических категорий русского языка. *Минус* здесь не существительное, не прилагательное, но и не наречие, так как не определяет ни глагола, ни имени прилагательного, ни существительного. Скорее всего это — количественное слово новой формации, это — математический показатель при названии числа или предмета. Совершенно аналогичную картину представляет употребление слова *плюс* в соответствующем значении*.

С другой стороны, некоторой параллелью к употреблению слов *плюс*, *минус* может служить и применение таких слов, как *минимум*, *максимум*. В слове *минимум* рядом с предметным значением: наименьшая величина, в противоположность максимуму (*минимум атмосферного давления*, *минимум заработной платы*, *прожиточный минимум*) развилось количественное значение: самое меньшее, не меньше чего-нибудь, по крайней мере. Например: *Здесь работает минимум тысяча человек*. В этом значении слово *минимум* теряет все морфологические приметы существительного. Оно переходит! в категорию неизменяемых модальных слов, служащих для выражения субъективно определяемого количества. В предложении *Эта работа потребует для своего выполнения минимум два дня* слово *минимум* нельзя считать за наречие (но ср. скрещение категорий наречия и модальности в слове *минимально*, например: *Лекциями он занят минимально* и *Он выступает в театре минимально пять раз в месяц*).

2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 2. Отсутствие грамматического рода в числительных от трех до тысячи

Категория имен числительных в русском языке еще не достигла той степени абстрактности, которая характерна для западноевропейских языков**. Но и в современном русском языке имена числительные (во всяком случае, до сло-

* Анализ значений математического выражения «плюс» см. в статье Г. Риккерта «Одно, единство и единица» (Логос, 1911 — 1912, кн. 2 и 3, с. 160—167).

** Некоторые общие соображения по истории русских числительных см. в «Заметках по русским числительным» С. П. Обнорского (сборник «Академия наук -- Н. Я. Марру», 1935).

ва тысяча), в общем, лишены оттенка предметности. Поэтому они (от *трех* до *тысячи*) не имеют грамматического рода (ср.: *три, четыре, десять, пятьдесят, сто* и т. п.).

Нельзя сказать *круглый пять* или *круглая пять*. Разговорное выражение *круглое пять* обозначает не число, а школьную отметку, «балл 5» как оценку знаний (по какому-нибудь предмету или по всем предметам). Процесс субстантивации числительных сопровождается резкими семантическими сдвигами (ср. выражение, встречающееся в вульгарном просторечии: *все пять*, т. е. все пять пальцев, рука)*. Отсутствие родовых различий, неспособность сочетаться с прилагательным решительно отличают имена числительные от количественных существительных**. Поэтому приходится признать в корне ошибочным мнение А. А. Шахматова, что существительные *пара, пяток, десяток, половина, сотня* и т. п. следует относить к числительным «совокупительным», «как только они вызывают количественное представление не само по себе, а в сочетании с существительным: *пара лошадей, пара сапог, сотня яиц, дюжина ложек, осьмушка табаку* и т. п.»¹². Ведь существительные *пара, десяток* и т. п. в этом сочетании свободно соединяются с согласуемым именем прилагательным: *разрозненная дюжина ложек, парадная пара сапог, вторая сотня яиц* и т. п.

§ 3. Следы родовых различий в числительных

один, два, ода, полтора

Среди числительных есть четыре слова, в которых обнаруживаются родовые различия. Прежде всего это местоименное прилагательное *один*, входящее и в разряд числительных. Будучи формой, в которой скрещиваются две грамматические категории, числительное *один* сохраняет морфологическую систему местоименного прилагательного. Ср.: *один, одна, одно* и именительный множественного *одни* (*Т&У*. же как *этот, эта, это, эти*) при косвенных падежах: *одного, одной, одному, одних, одним* и т. п. Система форм слова *один* та же, что у слов *этот, сам*.

Совсем по-иному род выражается в числительном *два*. Формы рода различаются в именительном и винительном падежах: *два — две*; форма *две* — женского рода, форма *два* — мужско-среднего. Но грамматический род здесь выражается так необычно, что в этом отношении слово *два — две* ближе к другим числительным, лишенным форм рода, чем к именам существительным или прилагательным. В самом деле, слово *два — две* в именительном и винительном (неодушевленном) падежах заимствует свой род от следующего за ним в форме родительного падежа имени существительного, с которым оно не согласуется ни в числе, ни в падеже (например: *два солдата, две колхозницы* и т. п.). В косвенных падежах у этого числительного родовых различий нет: формы *двух, двумя* и т. д. лишены рода. К слову *два — две* примыкает числительное *оба — обе*. В этом числительном книжный язык искусственно поддерживает родовые различия и в косвенных падежах (в женском роде основа *обей-* и в мужско-среднем *обои*), но в разговорной речи формы кос-

* Еще Н. И. Греч писал: «Имена числительные *пять, шесть, семь, восемь, девять, десять* и сложные с сим последним (*двадцать, тридцать, пятьдесят*) родов и чисел не имеют»¹⁰.

** Ср замечание В. Ф. Андреева: «Имя существительное есть такое самостоятельное понятие, которое означает субстанцию, реальную или отвлеченную; следовательно, оно (то есть существительное) может означать и число, но неопределенное: *количество, сумма, итог* и пр. (*часть, множество, свет, тьма*, т. е. бесчисленное множество.— *В. В.*)... Все эти слова, будучи понятиями числа, потому не считаются числительными, что они число выражают неопределенно... Весьма близки к только что перечисленным существительным по значению и форме следующие настоящие числительные: *миллиард, миллион, тысяча, сотня, десяток, единица* и пр.»¹¹.

венных падежей женского рода с основой *обеи-* употребляются все меньше, вытесняемые формами *обоих, обоими* и т. п.*

Остается еще одно родовое имя числительное: не-женское *полтора*, женское — *полторы* (*полтора дня, полторы недели*). Но для непосредственного языкового сознания строй слова *полтора, полторы* ни на что не похож. Это слово представляется изолированным (ср. *полтора, полтора* и т. п.). Неясен и самый морфологический принцип выражения родовых различий в формах этого слова, так как окончания *-а, -ы*, исторически восходящие к форме родительного падежа именного склонения, для современного языкового сознания в *полтора — полторы* грамматически не осмыслены. Наблюдения над синтаксическим употреблением этого слова не оставляют сомнений, что здесь формы рода — полуразрушенный пережиток прошлого. Род этого числительного приспособляется к роду следующего за ним в родительном падеже единственного числа имени существительного (так же как в словах *два — две, оба - обе*). Однако *полтора* с переносом ударения на первую часть сочетается и с существительными *pluralia tantum*, не имеющими родовых различий. Например: *Ребенок прожил только полтора суток* (но ср. у Гончарова: «...из каюты, в которой просидел *полторы суток...*», «Фрегат Паллада»).

С другой стороны, в качестве косвенных падежей этого слова обычно употребляется без различия родов одна общая форма непрямого падежа — *полтора* в сочетании с косвенными падежами множественного числа имени существительного¹⁵.

§ 4. Взаимодействие имен числительных и существительных в сфере категории рода

Миллион, миллиард и другие обозначения больших величин не принадлежат к категории числительных, так как мыслятся как предметно-собираательные обозначения множества. Они обладают всеми признаками существительных, между прочим и грамматическим родом. Промежуточное между существительными и числительными положение занимает слово *тысяча*. Оно все сильнее и сильнее вытягивается в орбиту имен числительных. Ср. употребление творительного падежа *тысячью* по аналогии с *пятью, десятью*** и т. п., а также конструкции вроде: «невеста с *тысячью душами*» (Писемский, «Тысяча душ») — вместо ожидаемого с *тысячью душ****.

—* К. С. Аксаков в статье «Несколько слов о нашем правописании» писал: «Употребление различия: *обоих, обеих* (следовало бы употреблять одно, и именно: *обоих*) кажется нам совершенно ложным и неуместным»¹³. Г. Павский выражается еще резче, приписывая формы *обеих* и т. п. «мудрованию немудрых грамматистов»: «Зачем же выдумали и внесли в грамматику *обеих, обеими, обеим!* Не зараженные грамматическими выдумками простолюдины всегда скажут: с *обоих сторон*, а не с *обеих сторон; обоим дочерям*, а не *обеим дочерям*, и в этом случае инстинкт научил их лучшему склонению, нежели учит школа»¹⁴.

•* Форма *тысячью* отмечена как нормальная еще в «Anfangsgründe der russischen Sprache». Возможно, что в этой двойственности форм отражается и древняя двойственность морфологических типов и склонений — *тысяча* и *тысячь*¹⁶.

•** Ср. широкое распространение согласования слова *тысяча* в косвенных падежах (при наличии обозначения числа *тысяч*) с определяемым существительным: Тут был К. М., француз, женатый На кукле чахлой и горбатой И *семи тысячах* душах.

(Пушкин, «Евгений Онегин»)

«Я в *девяти тысячах* милях от отечества» (Гончаров, «Фрегат Паллада»). Но ср. синтаксические особенности употребления форм слова *тысяча* вне связи с другими числительными: «На-калыватель должен был *тысячью* мелких уколов усиливать кровообращение» (Короленко, «История моего современника»); «Внутри его все стонало, гремело и выло *тысячью* буйных и огненных голосов» (Л. Андреев, «Иуда») и т. п.

Но признаков женского рода слово *тысяча* не теряет (в силу окончания *-а*). К тому же оно имеет и формы числа.

Сближение количественных имен существительных с числительными проявляется в ослаблении у них категории рода и, следовательно, значения предметности. Эти процессы наблюдаются в своеобразном синтаксическом сочетании некоторых существительных, обозначающих счет, количественные или числовые понятия и различия, с формой прошедшего времени глагола среднего рода: *прошло четверть часа; настало половина второго; осталось треть работы; «Прошло полчаса, час... и я не спал»* (Чехов, «Ночь перед судом»); ср. «Мы переезжаем туда в июне, а до июня *осталось* еще... февраль, март, апрель, май... почти *полгода*» (Чехов, «Три сестры»).

Однако род у имен существительных этого типа завуалирован лишь в количественных сочетаниях с глаголом. Он ярко обнаруживается при присоединении к ним определяющего имени прилагательного Гер.: *осталось четверть часа* и *осталась добрая четверть часа до отхода поезда*). Необходимо иметь также в виду, что отношения между глагольной формой на *-ло* и количественными обозначениями в форме именительного падежа не-среднего рода могут получить и иное синтаксическое объяснение.

§ 5. Отсутствие грамматических форм числа в категории имен числительных

Обозначая числовые различия, счет в пределах множественности, имена числительные уже своим лексическим значением выражают понятие числа. Поэтому числительные не имеют грамматических форм числа. Соотносительность форм единственного и множественного числа в них отсутствует. Все имена числительные — или *pluralia*, или *singularia tantum*, т. е. формы склонения имени числительного, напоминают систему окончаний или единственного, или множественного числа. Иными словами: грамматическая категория числа в структуре имен числительных является лишь фикцией, пережитком, вымирающей формой употребления (ср. им. п. *пятьдесят, шестьдесят*, где в морфеме *десять* отражаются старые формы мн. ч. род. п. — но род. и дат. *пятидесяти, шестидесяти* — с окончаниями ед. ч. *-и* и т. д.). Функции множественного и единственного числа в числительных не только стерты (всюду, кроме тех составных слов, в которых второй частью являются формы от слова *сто*: *двести, триста, четыреста, пятьсот* и т. п.), но и грамматически обесмыслены. В самом деле, числительные, склонение которых напоминает множественное число (*два, три, четыре*; ср.: *дву-х, дву-м, тре-х, тре-м, четыре-х, четыре-м*), в именительном и винительном падежах сочетаются с формами существительных родительного падежа единственного числа: *два стола, три сестры, четыре яблока*. Как известно, форма *два стола* представляет собою видоизмененный пережиток именительно-винительного падежа двойственного числа. В сочетании *два, оба, три, четыре* с так называемым «родительным» падежом единственного числа правильное видеть грамматические идиомы, неразложимые грамматические обороты. В этих оборотах форма существительного остается за пределами системы живых падежных функций. Ее единственное число противоречит лексическому значению определяемых числительных. При наличии определяющего имени прилагательного в родительном падеже множественного числа (например: «Воображение уже рисовало *три окровавленных трупа*», Чехов) единственное число имени существительного представляется вовсе не мотивированным. Все это — явные признаки идиоматичности™ выражения. Возможность употребить прилагательное вместо родительного в именительном-винительном падеже множественного числа (например: «Вдруг на них он выменял *борзые три собаки*» — Грибоедов, «Горе

от ума»; «В последние лет десять» — Чернышевский, «Что делать?»; «Вдали оказались три огненные глаза» — Чехов, «Дачники») также доказывает, что такое сочетание числительного с существительным понимается как неразложимое грамматическое целое.

Акад. А. А. Шахматов так и писал об этих синтаксически неделимых словосочетаниях: «Они составляют одно грамматическое целое, ибо с точки зрения современного языка форма родительного падежа не может зависеть от числительного»¹⁷.

Кроме того, числительное *два* самую форму свою заимствует от следующего за ним существительного мужского (или среднего) рода, так как при существительном женского рода является *две (две женщины)*¹⁸.

Итак, *два, три, четыре* идиоматически спаяны с формой имени существительного, которая омонимична родительному падежу единственного числа (*два года* и т. п.). Между тем в других падежных формах те же числительные имеют окончания множественного числа (*дву-х, дву-м, тре-х, тре-м, четы-ре-х, четыре-м*) и сочетаются с формами имен существительных множественного числа (*сидеть между двух стульев*). В отличие от слов *два, три, четыре* числительные от *пяти* до *двадцати* и обозначения десятков от *тридцати* до *восемьдесят* используются именными окончаниями единственного числа. Между тем присоединяющиеся к ним имя существительное ставится в формах множественного числа (при именительном-винительном падеже числительного в форме родительного множественного числа)*.

Кроме того, в составных числительных, обозначающих сотни от *пятисот* до *девятисот* включительно, первая часть изменяется соответственно склонению единственного числа, а вторая образует формы падежей множественного числа от слова *сто*, отдельно не употребляемые.

Так в категории числительных обнаруживаются две разные системы: *два, три, четыре* (а также *оба*, ср.: *двести, триста, четыреста*) противопоставляются числительным от *пяти* до *тысячи*.

§ 6. Противопоставление прямых (именительного и винительного) и косвенных падежей в склонении имен числительных

Сама система склонения у имен числительных деформирована сравнительно со склонением имен существительных и прилагательных. Значение падежных форм сильно затемнено, по крайней мере в некоторых группах числительных. Склонение всех числительных распадается на два неравных ряда форм: формы именительного-винительного падежа, с одной стороны, и формы родительного-дательного-творительного-предложного падежей — с другой. В именительном и винительном падежах (*прошло две, три, четыре недели; истекло десять дней; съест пять булок*) имя числительное выступает в функции определяемого, сочетаясь с родительным падежом существительного. В косвенных падежах (*не прошло еще двух, трех, четырех недель; по исте-*

* Идиоматичность сочетаний всех вообще числительных с родительным падежом имени существительного доказывается: а) архаическими формами родительного падежа существительных в этих сочетаниях, например родительного множественного без окончания *-ов* в мужском роде: *килограмм* (ср. устар. *аршин*), *сапог, чулок, раз, грамм* (ср. также в названиях частей войск: *солдат, рекрут, улан, гренадер* и т. п.; ср. также: *глаз, погон*); б) архаическим ударением выражений: *два шага, три ряда, четыре часа*. Ср. у Блока в поэме «Двенадцать»:

Не видать совсем друг друга *За четыре за шага!*;

в) сохранением при счете исчезнувших из языка форм, например родительного падежа *человек*: «*Человек пять мужиков сидело по лавкам*» (Слепцов, «Ночлег»).

чени десяти дней; встретиться с пятью знакомыми) имена числительные играют роль определяющих членов, согласуясь в падеже со следующим именем существительным.

Что значит это противопоставление? Русская грамматика не вдумывается в этот вопрос, констатируя самый факт и стараясь объяснить его исторически. Объяснение сводится к указанию на то, что в категории современных числительных смешались прежние прилагательные (*два, три, четыре*), согласующиеся в падеже с определяемыми существительными, и прежние существительные (*пять, шесть, семь, десять* и т. п.), управляющие родительным падежом дополнения. Отсюда развилось противопоставление (сохранивших грамматическое значение былой субстантивности) именительного и винительного падежей числительного, которые сочетаются с родительным падежом существительного (*две задачи, пять вопросов* и т. п.), и косвенных падежей, в которых числительные, подобно прилагательным, согласуются в падеже с определяемым именем существительным¹⁴. Однако это объяснение происхождения грамматического факта несколько не уясняет смысла его в современном русском языке. Между тем едва ли не здесь скрыт ключ к пониманию смысловой структуры современных русских числительных. Формы косвенных падежей — управляемые формы. Но эти формы несут непосредственную тяжесть зависимости лишь в том случае, когда обозначают предметность, т. е. являются формами существительных или выступают в их функции. Синтаксическая логика этого явления легче всего уясняется в конструкциях с глаголом — выразителем действия, которое может быть направлено только на предметы и лица и только ими может объектно разъясняться. (Ср.: *изменять мужу, жениться на молодой девушке, издеваться над собеседником, надеяться на помощь, разбить чашку* и т. п.) Отсюда можно сделать вывод, что у имен числительных процесс отвлечения от предметных значений достиг высшего предела в косвенных падежах, где числительные стали простыми абстрактными арифметическими определителями существительных, чуждыми всякого оттенка предметности. Правда, есть одна конструкция, где предметное значение будто бы слегка просвечивает в числительных: это разделительные сочетания с предлогом *по*: *по пяти рублей, по пятидесяти копеек* и т. п. Объясняется эта конструкция тем, что здесь разделительное значение заложено именно в числовом обозначении, которое делается единицей счета, мерой и тем самым ставится в непосредственную зависимость от предлога. Числительное тут выступает в значении собирательной единицы распределяемых, группируемых предметов. Таким образом, значения собирательности и разделительности как бы поддерживают, консервируют предметность числительного*. Но грамматическая непоследовательность, немотивированность этой конструкции с предлогом *по* сказывается, с одной стороны, в том, что в сочетаниях с числительными *два, три, четыре* дательный падеж невозможен (*по два, по три, по четыре рубля*; ср.: *по двести, по триста, по четыреста рублей*); с другой стороны, все больше и больше прав приобретает в разговорной речи конструкция: *по пять рублей, по двадцать штук, по сто рублей* (*по сту рублей* понимается уже как архаическое выражение,). Ср., например, в романе Льва Славина «Наследник»: «Случалось, что я произносил в день *по шесть-семь речей*».

Таким образом, и в этих словесных сочетаниях иллюзия предметности погасает. Эта общность, однородность функций всех косвенных падежей у числительных, определительное, беспредметное значение их дали толчок к утрате различия между ними, к созданию одной формы косвенных падежей у слов *сто, сорок* и *девяносто*.

Впрочем, есть еще одна область выражений, где формы косвенных падежей числительных не являются простыми числовыми определениями предмета, а становятся как бы его заместителями, включают предмет в себя. Это разговорные обозначения времени. Чаще всего это указания при посредстве предлога *без* на то, сколько минут (после половины часа) недостает до следующего часа: *без двадцати шесть, без десяти час, без двенадцати десять, без пяти двенадцать* и т. п. Ср.: *было около одиннадцати*

* Ср. замечание Г. Павского: «Предлог *по* подчиняет себе все другие числа, поставляя их в дательном падеже, а над числами *два, три, четыре...* не имеет никакой силы. При них он стоит в виде наречия. Еще странность предлога *по*: имена числительные *пять, шесть* и т. д. при нем остаются существительными и требуют после себя падежа родительного, тогда как при других предлогах они сочетаются с именами на праве прилагательных...»²⁰

(но ср. также: *двадцать пять шестого* и т. п.). Эти разговорные выражения обычно исключают слова *минут* и *часа* (хотя в более дробных, точных и более литературных сочетаниях может явиться и форма *минут: без семнадцати с половиной минут три, без одиннадцати минут двенадцать* и т. п.). Ср. также в разговорных обозначениях возраста: *ей за тридцать, за сорок; ему под сорок, за пятьдесят* и т. п.

Однако все эти эллиптические выражения вращаются в кругу разговорных обозначений времени. Тут внимание целиком концентрируется на числовых обозначениях, так как названия самих единиц времени (года, часа, минуты) представляются само собою разумеющимися. В этих случаях числительные вовсе не опредмечиваются. Напротив, можно думать, что в синонимическом кругу предметно-количественных выражений (*без четверти три, было половина пятого* и другие подобные) сами существительные, обозначающие меру времени, как бы теряют наполовину свое предметное значение и присоединяются к категории числительных.

Своеобразия бытовых операций над числами и влияние математического мышления ведут к тому, что названия чисел, употребляясь вне сочетания с именами существительными, несколько выходят за пределы грамматической системы русского языка. Особенно ярко это аграмматическое употребление числительных наблюдается в словесной передаче арифметических формул и вычислений. Например: *двадцать пять минус семнадцать будет восемь; девятью девять — восемьдесят один; восемь да три — одиннадцать; один пишем, один в уме; три из семи — четыре; двадцать восемь на семь — четыре; вычитаем из двадцати трех двадцать один; один из трех — два, два из двух — ничего* и т. п. Здесь числительные выступают в своей подлинной отвлеченной числовой сущности, не отягченной предметными именами.

В этой арифметической функции вне связи с существительными широко употребляются числительные во всех падежах (*вычестъ из пятнадцати восемь, к пяти прибавить шесть, сложить сорок один с пятьюдесятью тремя, вычестъ триста шестьдесят семь из семисот восьмидесяти одного* и т. п.). В этих случаях при сочетании с глаголом к понятию числа присоединяется в русском языке некоторый смутный оттенок «субстанциональности». И все-таки, несмотря на то что тут числительные выступают в синтаксической роли прямых и косвенных объектов, они не переходят в сферу имен существительных. Они и здесь лишены рода, числа и подлинной предметности, так как не могут определяться именами прилагательными. Но в бытовой речи такое употребление имен числительных как абстрактных обозначений математических величин — вне всякого отношения к миру вещей — встречается сравнительно редко.

Что же касается жаргонно-школьного употребления числительных в значении балльных отметок (*получить два, три по русскому языку*), то здесь субстантивация очевидна: *два, три, четыре, пять* в этом значении равносильны *двойке, тройке, четверке, пятерке*.

В таком виде выступают общие принципы взаимодействия между категориями имен числительных и существительных в современном русском языке. Это взаимодействие в косвенных падежах строго ограничено (разделительным управлением с предлогом *по* и обозначениями времени, возраста, абстрактных числовых величин). В косвенных падежах более ярко, чем в именительном и винительном, выступает количественно-определяющее, беспредметное значение числительных*. Оно приводит к образованию единой формы общего косвенного падежа у некоторых числительных.

§ 7. Форма общего косвенного падежа у числительных *сорок, девяносто, сто* и тенденция к ее образованию в системе других числительных

Антитеза прямых (именительного и винительного) и косвенных падежей достигает своего крайнего выражения в числительных *сто* и *сорок*, которые
—*—Ср. замечание А. А. Потебни: «Собирательность и субстанциональность числительных в падежах, кроме именительного, винительного, исчезли, послуживши ступенью к атрибутивности числительных 5 и пр. (Miklosich, IV, с. 57 — 58, 479). Это доказывает, что субстанциональность в именительном, винительном, с одной, и в других падежах — с другой стороны, не одинакова»²¹.

располагают лишь двумя формами: одной — для именительного-винительного падежа (*сто, сорок*), другой — для косвенных падежей (*ста, сорока*)*. К числительному *сто*, естественно, примыкает и *девяносто* (в письменном языке *девяносто* — *девяноста*, в устной речи обе формы совпадают). Входя в состав сложных форм: *двести, триста, пятьсот* и т. д. с собирательным значением, производные от *сто* формы множественного числа могут изменяться и по косвенным падежам (*около трех-сот шагов, в трех-стах шагах, тремя-стами шагами* дальше, а в просторечии: *триста шагами* дальше и т. п.). Идиома *сорок сороков*, в составе которой второе *сорок* склонялось во множественном числе («Ходил по всем *сорока сорокам* московских церквей»**), стала архаизмом в революционную эпоху.

Та же тенденция к обобщению и унификации форм косвенных падежей намечается и у других числительных. Она выражается, с одной стороны, в том, что функции определительного слова принимает на себя форма родительного падежа, которая и становится первой частью составных слов типа *двухлетний, пятиконечный, семиглавый, пятидесятиметровый* и т. п., а с другой стороны, в том, что в просторечии распространяются такие формы употребления косвенных падежей: *с пяти рублями, с двадцати солдатами* и т. п. Ср.: *с пятидесятью****, *шестидесятью* и т. п. Ср., например, у Пушкина в «Истории Пугачева»: «Бошняк остался с *шестидесятью* человеками офицеров и солдат»; у Тургенева: «Сельцо Бессоново с *тридцатью пятью* душами мужеска и *семидесятью шестью* женска пола» («Чертопханов и Недопюскин»). В. И. Чернышев констатировал: «Для нас уже невозможно употребление форм: *стом, стами*, необычно: *во сте*; вполне возможно: *пятидесятью, шестидесятью* вместо *пятьюдесятью, шестьюдесятью* и под., которые еще рекомендуются современными грамматиками и которые нередко мы видим в книжном языке»²³. Проф. Р. Кошутич первый из новых грамматистов поместил в парадигму склонения слова *пятьдесят* формы творительного падежа: *пятьюдесятью* и *пятидесятью* как равноправные дублиеты²⁴. У числительных от *пяти* до *девяноста* (исключая *сорок*) вообще есть только две формы косвенных падежей: родительный-дательный-предложный с окончанием *-и* (у слов *пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, двадцать, тридцать*) и *-и* (у числительных *одиннадцать, двенадцать, пятьдесят, шестидесять* и т. д.) и творительный *-ью* и *-ью* (с тем же различием групп от 5—10, 20—30 и остальных).

Таким образом, образование единой формы косвенного падежа в этой группе числительных зависит лишь от утраты формы творительного падежа единственного числа (на *-ью*).

§ 8. Своеобразия форм и функций номинативов у имен числительных

Противопоставление косвенных падежей именительному-винительному в категории числительных выражено и другими грамматическими средствами, которые свидетельствуют о своеобразном положении формы именительного падежа («номинатива») в системе числительных. У числительных *два* — *две*,

———* Но ср. устарелое употребление дательного падежа *сту* с предлогом *по*: *по сту*, например, у Крылова («Дикие Козы»): «К ним за день ходит *по сту раз*». Ср. у Тургенева в рассказе «Постоялый двор»: «Его считали в сороках или пятидесяти тысячах».

** Ср. в «Русских народных сказках» Афанасьева в «Сказке о Козьме Скоробогатом»: Поклонилась царю сороком сороков серых волков, Поклонилась царю сороком сороков черных медведей, Поклонилась царю сороком сороков соболей и куниц.

*** Ср. у Г. Павского: «Вместо *пятьюдесятью* в разговорах чаще слышно *пятидесятью*»²¹.

оба — *обе* противопоставление именительного-винительного падежа формам косвенных падежей выражается в том, что различие женского (*две, обе*) и неженского (*два, оба*) рода в косвенных падежах исчезает. (Ср. также в этих словах различие основ именительного и косвенных падежей.) В числительных *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* морфема *-десят* в косвенных падежах переходит в систему мягкого склонения *десять*. В старом московском просторечии слова *семьдесят, восемьдесят* употреблялись и в аналогической южнорусской форме именительного падежа — *семьдесят, восемь-десят**. Ср. у Пушкина: «Сегодня *семьдесят* мне било» («Руслан и Людмила»); у Тургенева: «Лет через *пятьдесят*, много *семьдесят*, эти усадьбы... исчезали с лица земли» («Мой сосед Радилов») и т. п.

В склонении составных числительных выступают и другие оригинальные черты, свидетельствующие о своеобразном положении формы номинатива. Так, числительные с суффиксами *-дцать* и *-надцать* склоняются посредством слияния окончаний с суффиксами (т. е. совершенно так же, как имена существительные и прилагательные). Числительные же, обозначающие десятки, от *пятьдесят* до *восемьдесят* включительно, склоняются в обеих частях сложения, при этом так, что обнаруживается резкий разрыв между формами именительного падежа и косвенных падежей (*пятьдесят*, но: *пятидесяти, пятидесятью* или *пятьюдесятью*). Морфологическое единство слова здесь цементируется ударением. Числительные *двести, триста, четыреста*, именительный падеж которых синтаксически не разложим, в косвенных падежах изменяют обе части сложения по множественному числу в отличие от *пятьсот — девятьсот*, в которых первая часть склоняется по системе единственного числа и в которых родительный падеж отличается от именительного-винительного лишь формой первой составной части (*пятьсот*, но *пятисот*). На этом грамматическом фоне именительный падеж числительных, оторванный от форм косвенных падежей и отличающийся от них по способу синтаксической связи с существительными, выступает в своеобразном свете. Еще К. С. Аксаков сближал числительно-количественные слова в форме «именительного падежа» с наречием²⁵. Точно так же акад. А. А. Шахматов относил к категории наречия «все те числительные, которые в сочетании с существительными не заимствуют от них своей падежной формы, например, *пять книг*». «Названия количественных отношений, — пишет А. А. Шахматов, — вообще являются синтаксически наречиями (*один, два, три, сто*); названия количественных отношений в сочетании с существительными являются в именит, и винит, падеже наречиями (начиная с *три* и кончая *девятьсот*)»²⁶. Однако нетрудно убедиться, что А. А. Шахматов объединяет в этой характеристике грамматически разнородные явления.

Прежде всего необходимо выделить случаи употребления числительных имен вне сочетаний с существительными. Можно говорить о наречном употреблении числительных применительно к счету, к числовому последовательному обозначению моментов независимо от называния самих моментов, а также и действий: *раз, два, три, четыре* и т. п. Правда, в этом случае числительные не примыкают ни к какому другому слову — ни к глаголу, ни к имени, и даже грамматическое значение наречия *раз* здесь несколько видоизменено. Но в соотносительных конструкциях вроде: «Ударь *раз*, ударь *два*, но не до бесчувствия же» (Сухово-Кобылин, «Свадьба Кречинского») и т. п. — *раз, два, три* явно употреблены в значении наречий *дважды, трижды* или в значении наречных идиом: *два раза, три раза* и т. п.

* Эти формы приведены уже в «Anfangsgründe der russischen Sprache» (1731, с. 32). Они внесены в «Словари Академии Российской» и в «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847).

Однако уже затруднительно видеть количественные наречия в последовательных обозначениях считаемых предметов: *один, два, три, четыре*.

Еще более далеко от наречий абсолютное употребление числительных (вне сочетаний с существительными) в математических формулах и вычислениях (*двадцать пять плюс сорок два* и т. п.). Как уже было указано, этому употреблению наивное бытовое сознание готово приписать некоторый оттенок субстанциональности. Но эта числовая субстанциональность имеет мало общего с предметностью существительных. Ведь она бескачественна, лишена числа и рода. Она не может быть источником, производителем активного действия. Она брезжит в числительных как смутное воспоминание, как пережиток предшествующей стадии мышления, как абстрактное понятие числовой сущности, еще не вполне «математизированное» в бытовой речи*. *Пять, шесть, десять, сто* и т. п. — это обозначения чисел, замкнутых в свою систему связей и соотношений, понимаемых как своеобразные отвлеченные сущности, которые не заложены в предметах, подобно качествам, а лежат над ними и только в сочетаниях с существительными могут определять количества и количественные соотношения однородных предметов. Когда существительные (в косвенных падежах) выступают в роли прилагательных или приименных объектов, то, соединяясь с числительными и подчиняя их себе, они образуют вместе с ними цельные количественно-предметные единства и несут на себе всю тяжесть синтаксических воздействий (например, *лишиться пяти рублей* и т. п.). В этом случае количество является как бы включенным в предмет. Имя числительное становится характеристическим восполнением и определением грамматического числа имен существительных**.

Напротив, в сочетаниях именительного падежа числительных с существительными количественная группировка предметов, создаваемая обозначением точного числа их, еще только как бы устанавливается, возникает (*пять лошадей, десять тетрадей* и т. п.). Здесь числительное является опорным словом синтагмы, которое семантически раскрывается и распространяется посредством определения его именем существительным. В этой функции числительные имена выступают как абстрактные обозначения числового или количественно-собирательного понятия, которое требует предметного определителя. Так мотивируется обособление исходной номинативной формы числительных от их косвенных падежных форм. Заслуживают полного внимания соображения А. П. Боголепова, стремившегося доказать, что основная форма числительных только условно может быть названа именительным падежом, по существу же, это беспадежное образование. Это — номинатив, лишенный своих прямых грамматических функций. Не имея значения ни числа, ни рода, не выступая в роли субъекта действия или состояния, эта форма является лишь «голым» лексическим именем числовых величин. Падежная функция именительного падежа у числительных разрушена: у них это область условного синтаксического употребления, а отнюдь не значения. Итак, синтаксис держит имена числительные в русле грамматической традиции, сближая их с идиомами и мешая полному распаду их морфологической системы, и в то же время он затемняет значение некоторых форм, например именитель-

— Ср. у А. П. Боголепова в любопытной по-своему статье «Пропавшая часть речи» справедливое замечание: «...количества, обозначенные числительными *два, три* и т. д., мы отнюдь не можем себе «представить» как предметы; стоит только представить себе числа как предметы,— и вся арифметика с ее действиями превратится в совершенную бессмыслицу»²⁷. Ср. также мысль Потебни: «...если язык... дает возможность представлять число только вещь, вместилищем, то $2 \times 2 = 4$, в смысле группировки отвлеченных единиц, в нем невозможно»²⁸.

*• Ср. замечание К. С. Аксакова: «...счет производится собственно только в именительном и винительном падеже... Склонение численного прилагательного в других падежах прямого счета не допускает и являет внимание, остановившееся уже на отношениях косвенных предметов» 2«.

ного падежа, номинатива в сочетании с формой так называемого «родительного» падежа существительного ("ср.: *Пять человек ушло*).

§ 9. Использование идиоматических сочетаний числительных со счетной формой имен существительных

Как уже сказано, формы именительного-винительного падежа числительных *два, три, четыре* сочетаются с такой формой имени существительного, которая не находит семантического оправдания в системе живых падежных форм и функций существительных. По внешнему облику она обычно совпадает с формой родительного падежа*.

Представляет необыкновенный интерес словосочетание *на все четыре стороны*, где ударение *стороны* указывает на форму винительного падежа множественного числа, а не ожидаемую форму родительного падежа единственного числа (ср.: *взял его за обе руки***, *уписывает за обе щёки* и некоторые другие). Проф. Р. Ф. Брандт подчеркивал «ту странность, что в женском роде числовка (т. е. числительное. — *В. В.*) *оба* — *обе* расходитя с числовкой *два* — *две*, допуская при себе множное (т. е. множественное. — *В. В.*) число имени существительного». Ср. у Авенариуса в «Детских сказках»: «Выросли большие обе *сестры*, сделалась невесты» («Морозко»)³².

В поэтическом языке XIX в. можно найти и другие случаи сочетания числительных *два, три, четыре* и *оба* с формами именительного-винительного падежа множественного числа (а не род. п. ед. ч.):

Из-под него по груди нежной *Две косы* темные небрежно Бегут...

(Лермонтов, «Измаил-Бей»)

Справедлива весть эта: на *три стороны* света Три замышлены в Вильне похода.

(Пушкин, «Будрыс и его сыновья»)

Но царевна в *обе руки* Хватъ — поймала...

(Пушкин, «Сказка о мертвой царевне»)

Беретец черный бархатный, Вся в кисточках спина, И косы *три* фальшивые. И вся насюрлена.

(Мятлев, «Комеражн»)

Там, где форма женского рода родительного падежа единственного числа совпадает по ударению с именительным или именительным-винительным падежом множественного числа, в сочетаниях с числительными *два, три, четыре* она представляется сознанию говорящих формой множественного числа, особенно применительно к лицам (например: *три бедные девушки, четыре дряхлые старушки* и т. п.). В таких случаях определяющее прилагательное

—* И. Ф. Анненский приводит из былинного языка примеры сочетаний числительных *два, три* с формой родительного падежа:

Аи же ты, калека, калека перехожая! Молодца в гебе в *два меня*, А силы-то у тебя в *три меня*. А смелости нет и в полменя.

(Гнльфердинг. I, № 144) -Ч

** Еще Барсов в XVIII в. отмечал своеобразие ударения в сочетании *обе руки* (л не ".

ставится и в форме именительного, и — чаще — в форме родительного падежа множественного числа³³. Ср. также в сочетаниях с *полтора* — *полторы* и в женском, и в мужском-среднем роде: *целых (шпл целые) полтора года; добрых (шт добрые) полтора часа*; «старинные *полторы копейки*» (Чехов). Во всех других случаях (в том числе и при словах мужского и среднего рода) падежная форма существительного в сочетании с *два, три, четыре* этимологически понимается как изолированная счетная форма существительных, в большинстве случаев омонимичная с формой родительного падежа единственного числа (*ср.*, однако: *два шага, три раза, в два ряда* при родительном падеже *шага, раза, ряда*), но определяемая прилагательными во множественном числе. По-видимому, в этих конструкциях перед существительными мужского и среднего рода определяющее имя прилагательное ставится почти исключительно в родительном падеже множественного числа (*четыре сладких пирожка, два белых хлеба, три веселых детских личика, мои два громадных окна* и т. п., но: *мои две талантливые ученицы* и т. п.)*.

Идиоматическое своеобразие родительного падежа множественного числа существительных в сочетаниях с формами именительного и винительного падежей числительных от *пяти* до *девятьсот* подчеркивается не только грамматической опустошенностью этой падежной формы существительного, т. е. отсутствием в ней живых значений родительного падежа, но и отклонениями, «неправильностями» в приемах образования этой формы: *пять человек (но пять людей)*; *десять цветков* ^но *ср. цветы — цветов*); *двадцать лет* (но *ср. к двадцати годам*) и т. д.

Еще более ярко выступают особенности форм этого счетного падежа в сочетаниях числительных с теми существительными, которые изменяются по системе склонения прилагательных (например: *портной, столовая, восьмая, парикмахерская, жаркое* и т. п.). Такие существительные даже после числительных *два, две, три, четыре* ставятся в форме родительного падежа множественного числа. Например: *две столовых, три восьмых, четыре портных, три борзых, четыре парикмахерских, два жарких* и т. п. (но *два стола, две сестры* и т. п.)**.

§ 10. Приемы агглютинации в образовании составных имен числительных

Способы образования и синтаксического употребления составных числительных свидетельствуют о некотором отходе современных числительных от флективного строя. В сложных обозначениях чисел, начиная от *двадцати* с приложением единиц (*двадцать один, двадцать два* и т. п., *сто двадцать один, тысяча пятьсот тридцать пять* и т. п.), числительные сцепляются, склеиваются одно с другим в порядке следования чисел и цифр, в порядке счета и по большей части остаются в косвенных падежах неизменяемыми, кроме конечного, которое и несет на себе тяжесть синтаксической зависимости ***. (Ср. примеры Р. Кошутича: *с шестьсот семьдесят двумя рублями; с двумя тысячами пятьсот пятьдесят двумя солдатами*.³⁵) Так же и в составных порядковых именах прилагательных изменяется лишь конечное слово, а все

* О происхождении этих оборотов (под влиянием словосочетаний типа *двое красивых мужчин, трое прилежных учеников* и т. п.) см.: Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. Спб., 1903, с. 129.

** Любопытно у Л. Толстого употребление выражения *три руб./ч* в значении «трехрублевый»: «К осени собрались у сапожника деньжонки: *три рубля бумажка* лежала у бабы в сундуке» («Чем люди живы»),

*** Ср. замечание В. И. Чернышева: «Числительные количественные частью как будто приближаются к частям речи неизменяемым» Ч

остальные составные элементы приклеиваются друг к другу, выполняя роль количественных префиксов (например, *в тысяча девятьсот тридцать пятом году*)*.

Таким образом, в области образования составных числительных развивается своеобразный принцип агглютинации элементов. В самом деле, в морфологическом составе числительных от *одинадцати* до *девятнадцати* обнаруживается склейка тематических обозначений единиц (*один-, три-, две-* и т. п.) посредством инфикса *-на-* со склоняемым суффиксом *-дцать* (10): *один-на-дцать, две-на-дцать, три-на-дцать, пять-на-дцать* и т. п. (Ср. у Маяковского: *сорокнадцать*). Эта агглютинация скорее префиксальная, чем суффиксальная; она нарушает арифметический порядок десятков и единиц. Ведь в цифрах единицы следуют за десятками (11, 12, 13, и т. д.)**, а в образовании числительных от *одинадцати* до *девятнадцати* включительно названия единиц выдвинуты в зачин как основа слова (ср. тот же прием сцепления, но без инфикса в немецком языке: *vierzehn, funfzehn* и т. п.). Этим достигается цельность системы словообразования числительных (ср.: *два-дцать, три-дцать, пять-десять* и т. п.). Еще Г. Павский писал: «Дав особенные имена только десяти первым и немногим последним числам (ср.: *сорок, девяносто, сто, тысяча.*— В. В.), наш язык наравне с другими индоевропейскими дальнейшее счисление десятков, сотен, тысяч производит посредством соединения единиц и десятков»³⁶.

Характерен морфологический параллелизм, хотя и нарушенный, между обозначениями единиц, десятков и сотен. Как в пределах названий единиц *два, три, четыре* выделяются в особую группу, так и среди обозначений десятков *двадцать, тридцать*, а также в именах сотен *двести, триста, четыреста* образуют небольшие обособленные морфологические группы. Слово *сорок* стоит одиноко среди числительных, хотя и сближается со словами *сто* и *девяносто* по характеру склонения. *Двадцать, тридцать* примыкают к системе склонения числительных *пять, шесть* и т. д. как неразложимые единства. На этом фоне морфема *-на-* в строе числительных от *одинадцати* до *девятнадцати* легко выделяется как своеобразный инфикс (ср.: *три-на-дцать* и *три-дцать*). Числительные *двести, триста, четыреста* тесно ассоциируются со словами *два, три, четыре* и выделяют в своем сложном составе падежные формы множественного числа *-сот, -стам, -стами, -стах*.

Однако в строении русских числительных способы агглютинации смешиваются с приемами синтетического строя (ср. склонение обеих составных частей в числительных *пятьдесят — восемьдесят* и *двести — девятьсот*).

§ 11. Множественность и раздробленность типов словоизменения в категории имен числительных

Смешанный характер морфологического строя русских числительных наглядно проявляется в разнообразии и пестроте их склонения. На фоне стройных систем склонения существительных и прилагательных раздробленность и множественность типов склонения числительных выступает как несомненный симптом «лексикализации» их, т. е. как симптом выпадения числительных из грамматики в словарь. Наличие изолированных групп в два-три слова или даже отдельных, единичных слов со своей собственной, манерой

—* Необходимо констатировать в этом случае разрыв русского языка с традициями церковнославянского (а следовательно, и греческого) языка.

** Ср., например, в современных турецких языках, где самая распространенная и общеупотребительная система обозначений 11, 12, 13, и т. д. такова: сначала ставятся десятки, а потом единицы, например, *un ditri* (т. е. десять четыре — четырнадцать) и т. п. Ср. у Пушкина в «Путешествии в Арзрум» описание разговора с калмычкой: «Сколько тебе лет? — Десять и восемь».

склонения подчеркивает грамматическую омертвелость форм словоизменения числительных. Черты разрушения, ярко выступающие в формах отдельных числительных, углубляются отсутствием соотносительности между разными типами склонения числительных. Вместо живых систем — кучки «лингвистической пыли».

Выделяются такие основные типы:

1. Числительное *один* — с формами рода и со схемой местоименного склонения в единственном числе (ср. склонение местоимений *сам, этот*). Не подлежит сомнению, что употребление слова *один* подверглось сильному влиянию со стороны неопределенного члена немецкого и французского языков (*и, einer*).

2. *Два-две, три, четыре*. Формы этих слов характеризуются своеобразной серией окончаний родительного, дательного и предложного падежей, несколько напоминающих склонение прилагательных (особенно местоименных): *дву-х, -м; тре-х, -м; четыре-х, -м*. Но конечными гласными основы косвенных падежей и особенно формой творительного падежа их словоизменение резко отличается от склонения прилагательных (*двумя, тремя, четырьмя*; ср.: *ливня, стоймя* и т. п.).

3. *Пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, двадцать, тридцать*. Все эти числительные следуют однообразной системе склонения, напоминающей женское мягкое склонение существительных с нулевым окончанием в именительном падеже (типа *кость, тень*). Но резкое отличие в ударении, которое в косвенных падежах этих числительных неизменно падает на окончание, как бы прикреплено к нему, подчеркивает их обособленность. Вообще у числительных ударение тяготеет к флексии (в составных словах — к окончанию не только второго составного слова, как, например, *двумстам, тремстам, тремястами, о шестистах* и т. п., но и первого, например, *пятидесяти, пятьюдесятью* или *пятидесятью* и т. п.).

К этой системе отчасти примыкают еще две группы:

4. Числительные от *одиннадцати* до *девятнадцати*. Их отличие от группы *пять — десять* сводится лишь к сохранению ударения на втором (у всех, кроме слов *восемнадцать* и *девятнадцать*) и третьем от начала (у слов *восемнадцать* и *девятнадцать*) слоге основы (слова *четырнадцать, одиннадцать* имеют ударение на корневом элементе, в остальных ударение падает на аффикс *-на-*).

5. Числительные *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят*. В них склоняются обе части, причем косвенные падежи суффикса *-десят* превращаются в формы слова *десять*. Главное ударение сохраняется на окончании первой части (*пятидесяти, семьюдесятью* и т. п.).

6. Отдельную морфологическую группу образуют числительные *двести, триста, четыреста*. В них склоняются оба составных элемента, причем в косвенных падежах суффиксы *-сти, -ста* превращаются в формы множественного числа слова *сто*: *сот, стам, стами, стах* (с переносом ударения всего сложного слова на окончания, кроме родительного падежа — *двухсот*).

7. Ближе к предшествующей группе стоят числительные *пятьсот — девятьсот*. Их отличия обусловлены грамматическими свойствами числительных *пять, шесть, семь, восемь, девять*, составляющих первую часть этих сложных слов. В них изменяются обе части сложения с сохранением ударения на окончаниях второго компонента во всех падежах, кроме родительного (*пятисот, пятистам* и т. п.).

8. Обособленно стоят два соседа в числовом ряду десятков: числительные *девяносто* и *сто*, каждое из них располагает единственной формой косвенных падежей: *девяноста* и *ста*.

9. Параллель к ним представляет *сорок* с косвенным падежом *сорока*.

10. Совсем изолировано числительное *полтора* — *полторы*, сочетающееся

с родительным падежом единственного числа имени существительного. Общий косвенный падеж *полтора* сочетается с формами существительных множественного числа (*эти полтора килограмма, этим полтора килограммам*). Впрочем, при родительном падеже *полтора*, очень редко при женской форме *полторы* (в просторечии же *полтора* — *полторы*, т. е. как в им. п.) имя существительное — без прилагательного — может стоять в родительном единственного числа: *От нас до ближайшей деревни не более полтора часа ходьбы; в течение какого-нибудь полтора часа; От нас до ближайшей деревни будет не более полторы версты**1. Форма родительного единственного женского рода *полторы*, мало употребительная еще в самом начале XX в., по-видимому, совсем исчезает. Вместо *полторы* в просторечии применяется *полторы*. По-видимому, здесь частично намечается тенденция к употреблению *полтора* в качестве общей формы косвенного падежа без различия родов.

11. Морфема *пол-* с косвенным падежом *полу-* (в просторечии *пол-* неизменно), при этом *пол-* требует родительного падежа, а косвенный падеж *полу-* является согласуемой морфемой {*полдня потратить на поиски; ср. около полудня*). Впрочем, *пол-* и *полу-* все более превращаются в неизменяемую первую часть составных слов со значением половины или середины чего-нибудь: *полукруг, полдень, полночь* и т. п.*

12. Промежуточное положение между группами количественных числительных и собирательных занимают формы слова *оба* — *обе*, косвенные падежи которого с основами *обои-* и *обей-*** следуют системе склонения местоименных прилагательных, общей для всех собирательных числительных.

§ 12. Группа собирательно-разделительных имен числительных

К категории имен числительных наряду с обозначениями чисел относится группа собирательно-разделительных числительных***, распадающихся на два разряда: 1) *двое, трое*; 2) *четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро* (где явственно выступает суффикс *-еро*). В индивидуальной речи возможны новообразования с этим суффиксом *-еро*, вроде *восемнадцатеро* и т. п. Принадлежность этих собирательных слов к категории числительных доказывается совокупностью морфологических примет: 1) отсутствием форм рода; 2) неспособностью иметь в качестве определяющего слова имя прилагательное (кроме *весь*); 3) отсутствием форм числа, так как их номинативы своим внешним видом вызывают представление о форме единственного числа среднего рода, а косвенные падежи их заимствуют свои окончания из склонения прилагательных во множественном числе: *четверо, четверых, четверым*,

* Необходимо отметить морфологические своеобразия сложения числительной морфемы *пол-* с именами существительными. Номинатив образуется соединением *пол-* с родительным падежом существительного: *полминуты, полведа, полчаса* (ср.: *эти полминуты; за эти полчаса; прошло целых полминуты*). К косвенным падежам существительного присоединяется количественный префикс *полу-* (*в течение этой полминуты; в продолжение первого получаса; этого полведа*); но иногда возможно в разговорной речи и неизменное *пол-* (*не забуду этой полминуты; полудня и полдни, но к полудню; пополудни; в полверсте и полуверсте* и т. п.; *полночь, полночи, но полуночи*). Ср. также: *полгода, в течение полугода* и т. п., но множественное *полугодия, полугодий* и т. п.⁻¹ Ср. формы согласования: «У тебя *полголовы седая*, а между тем куда ты ни оборотишься, всюду у тебя скандал» (Лесков, «Соборяне»).

** Ср. остаток местоименного прилагательного *обой-* в идиоме *обоего пола*.

*** Миклошич в «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen» (Wien, 1879, 4, гл. 3) называет числительные типа *двое, трое* и т. п. *distributiva* (разделительными). В современном русском языке собирательное значение возобладало в этих словах над разделительным. Однако употребление *двое, трое* и т. п. в сочетании с *pluralia tantum* (*двое ножниц, трое саней* и т. п.) явно основано на старом дистрибутивном значении этих числительных.

*четверыми** и т. п.; 4) резким контрастом между формой именительного-винительного падежа, с которой сочетаются существительные в родительном падеже множественного числа, и формами косвенных падежей, в которых эти собирательные слова согласуются с определяемыми существительными: *четверо сыновей, но лишился троих сыновей*; 5) смешанным характером системы словоизменения, сочетающей номинатив на *-е, -о* с формами косвенных падежей по склонению прилагательных множественного числа.

Собирательно-разделительные числительные гораздо «субстанциональнее», предметнее, чем прямые обозначения чисел (ср.: *пятеро* и *пять, двое* и *два* и т. п.). В применении к лицам собирательные числительные приобретают яркий отпечаток субстантивности (вне связи с родительным падежом): *семеро одного не ждут*; «И вместе *трое* все в него [в воз] впряглись» (Крылов); у Тургенева в рассказе «Муму»: «Одаренный необыкновенной силой он работал за *четверых*» и т. п. Ср. в «Чапаеве» Д. Фурманова: «Вот кинулись *все четверо*, поплыли. *Двоих* убило в тот же миг, лишь только коснулись воды. *Плыли двое*, уже были у самого берега — и в этот момент хищная пуля ударила Чапаева в голову».

В значении и употреблении собирательно-разделительных числительных обнаруживаются категории лица и совокупности, характерные для имен существительных. Эти собирательно-количественные слова сочетаются главным образом с обозначениями лиц. Например: «У ней было *четверо сыновей*, в том числе и мой отец, *все четверо* были отчаянные игроки» (Пушкин, «Пиковая дама»).

Однако категория лица у них не совпадает с категорией лица имен существительных. В этих числительных сохранились отражения более древнего понимания категории лица. Числительные *двое, трое, четверо* и т. п. сочетаются именами только мужского рода: *двое детей, двое ребят*; однако *дети* и *ребята* здесь надо понимать как формы, подводимые под категорию собирательности. Имена женского рода, так же как имена животных и неодушевленных, не могут иметь при себе таких числительных; ср.: *две женщины, два вола, три волка*^w. Очевидно, что в оборотах *двое мужчин* (но *две женщины*), *трое крестьян* (но *три крестьянки*) и т. д. пережиточно отражается та стадия в развитии языка, когда категория одушевленности еще не сложилась, а категория лица охватывала названия лиц только мужского пола. Впрочем, в современной разговорной речи иногда употребляются и сочетания: *четверо женщин* («в комнате нас было *четверо женщин*»), *пятеро студенток* и т. д. Любопытно, что и числительные *два, три, четыре* в сочетании с названиями животных (очевидно, под влиянием таких случаев употребления составных числительных, как: *Колхоз насчитывает двадцать две коровы, сорок две лошади* и т. п.) употребляются в разговорном языке в винительном падеже прямого объекта вместо ожидаемого родительного одушевленности: *Я видел две коровы; Я встретил три кошки*⁴⁰.

Намечавшаяся в газетных стилях второй половины XIX в. распространение этого оборота и на категорию лица встретило решительный отпор со стороны пуристов⁴¹ (но ср., например, в составных количественных обозначениях: *Можно принять сто четыре студента* и т. п.). Проф. Р. Кошутич констатировал, что слова из категории лица (в противоположность названиям животных) в языке образованных людей первой четверти XX в. не были охвачены этим процессом нивелировки лиц и предметов при счете. Нормой и

* Впрочем, в современном языке формы творительного множественного ~~*четверыми, пятерыми, шестерыми*~~ и т. д. малоупотребительны; вместо них говорится: *четырьмя, пятью, шестью* и т. п.

теперь остаются конструкции с родительным падежом прямого объекта: *Я видел двух детей, трех сестер* и т. п.

Собирательно-разделительные имена числительные *двое, трое, четверо* сочетаются также с существительными *pluralia tantum*. Например: *двое суток, трое саней* и т. п.* По-видимому, это употребление к половине XIX в. вытеснило в литературном языке старые формы числительных-прилагательных *двои, трои* и т. п. Ср.: «Остановимся, может быть, *сутки на двои*» (Фонвизин); «Он мог так пробыть хоть *трои суток*» (Гончаров).

В первой трети XIX в. еще употреблялись обе формы: *двое* и *двои*, но уже в «Практической русской грамматике» Н. И. Греча обнаруживается склонность к смешиванию этих двух типов (т. е. *двое, трое, четверо* и т. п. с *двои, трои, четверы* и т. п.). Указывая на то, что *двое, трое, четверо, десятеро, семеро* «служат для обозначения числа предметов одушевленных, личных, а *двои, трои, четверы* — для исчисления имен, употребляемых только во множественном числе»⁴³, Греч предписывает сочетать и те и другие формы с родительным падежом множественного числа: *двои часов, трои саней, четверы ножниц*. Ср. у Пушкина: «Сделаны были *трои триумфальных ворот*» («Материалы для истории Петра I»); у Гончарова: «Знаменитые отпиратели всяких дверей и сундуков... пробились *трои суток*... и объявили замок неотпи-раемым» («Фрегат Паллада») и т. п.**

Однако А. Х. Востоков («Русская грамматика», § 44, 1, 6), а за ним и Павский стремятся разграничить употребление *двое, трое* и т. п. и *двои, трои* и т. п.: «... *двое* прикладывать к одушевленным существам и сочетать с родительным падежом, а прилагательные *двои* прикладывать к неодушевленным и сочетать с ними в одном падеже и числе. Например: *двое товарищей, двое слуг, двои сапоги, двои рамы, двои очки*»⁴⁴.

Позднее К. С. Аксаков констатировал: «Мы употребляем *двое*... Мы не смеем употребить *двои*... но народ употребляет обе формы, он говорит: *двои ключи*. Образованный или лучше испорченный наш язык оскорбляется таким выражением и называет его простонародным... Наше употребление: *двое* — не смело и даже смешно, мы говорим: *двое молодых*, но не скажем *двое человек*, не скажем *двое женщин, двое ведер*, предаваясь какому-то темному и прихотливому такту слуха, привычки»⁴⁵.

Формы *двои, трои, четверы* и т. п., вытесненные омонимическими формами *двое, трое* и т. п., вымерли, так как противоречили основному принципу категории числительных — принципу грамматического разрыва между номинативом и косвенными падежами. Но в современном языке при *pluralia tantum* собирательные числительные, кроме *двое, трое, четверо*, употребляются наряду с простыми числовыми обозначениями. В сочетании *двое, трое, четверо суток, ворот* и т. п. совсем недопустима замена *двое, трое, четверо* через *два, три, четыре*. Начиная с *пяти* возможны параллельные конструкции: *пять суток* и *пятеро суток, шесть ворот* и *шестеро ворот* и т. п. По-видимому, *пять, шесть ворот* и т. п. гораздо нормальнее, чем *пятеро, шестеро ворот*. В косвенных падежах употребление простых числительных при *pluralia tantum* явно предпочитается: *при помощи двух щипцов, с тремя ножницами, на четверых воротах*⁴⁶, *с семью дверями* и т. п. Формы косвенных падежей от *пятеро, шестеро* и т. п. в связи с существительными *pluralia tantum*, по-видимому, вовсе не употребительны.

* Любопытно, что *двое, трое, четверо* и т. п. в применении к парным предметам могут обозначать, в отличие от числительных *два-две, три, четыре*, две, три пары чего-нибудь: *двое брюк, двое сапог, двое перчаток* и т. п.⁴²

** О возникновении оборотов *двои, трои* с родительным падежом множественного числа см.: Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. А. А. Шахматов видел здесь результат взаимодействия оборотов *два часа* и *двои сутки*, т. е. перенос родительного падежа из конструкций с *два, три* и т. п. на формы с *двои, трои* и т. п. (с. 128—129).

§ 13. Группа неопределенно-количественных имен числительных

Кроме собирательно-количественных слов в категорию числительных входят также слова, обозначающие неопределенное количество: *сколько, столько, несколько, много, немного* (и в основной форме слова *мало, достаточно*)*.

По поводу сближения таких слов, как *много, мало, немного*, с классом числительных проф. А. В. Добиаш писал: «Количество, заключающееся собственно в величине измеряемой «вещи», значит — в чем-то геометрическом, легко превращается в нечто арифметическое, т. е. число»⁴⁸. Несколько иначе изображал семантические основы этого процесса А. А. Потебня: «Понятие количества получается отвлечением от понятий измеряемого. На ступени конкретности количество должно было качественно изменяться вместе с изменением измеряемого.<...> Формально этот взгляд на количество сказывается в языке более древнего строя в том, что неопределенное точно количество многих вещей или одной, представляемой собирательно, выражается прилагательным... т. е. атрибутом, содержание коего мыслится в самых этих вещах. При этом разница между количеством вещей и величиной каждой из них формально не выражена к устанавливается контекстом: *малые люди* может значить не только *parvi homines* (когда каждый мал ростом или мал в общественном, нравственном отношении), но и *raucī homines*, в новом языке: *мало людей*. Новый язык ставит этот последний оборот...»⁴⁹ Ср. в современном языке: *много людей, но с многими людьми, многих людей, многим людям* и т. п. По мнению Потебни, числительные *много, мало* и т. п. произошли из «донаречных существительных»⁵⁰.

Все эти слова: *сколько, несколько, много, немного, столько* (ср. *мало*) — характеризуются тем, что они совмещают значение числительных с функциями наречий, а некоторые из них — и прилагательных. В этом совмещении нет ничего удивительного. Качество и количество внутренне связаны. А наречия ведь соотнесены со всеми категориями имен, в том числе и с числительными. Однако самый принцип объединения разных категорий, принцип грамматического синкретизма в этих словах проявляется очень своеобразно. Пример -слово *много*. Оно имеет такие значения:

1) наречие. В большом количестве, очень: *много пить; Много будешь знать — скоро состаришься* (поговорка);

2) в значении категории состояния: о чем-нибудь имеющемся, предлагаемом или требуемом в слишком большом количестве, например: *Пять рублей за одни подметки — это слишком много; Двадцати пяти рублей мне много, достаточно и пятнадцати;*

3) в значении количественного наречия: значительно, гораздо — усиливает степень качества (при сравнительной степени прилагательных и наречий) (разговорно), например: *много больше, много меньше* и т. п. (в просторечии также с префиксом-предлогом *на* — *намного меньше*).

К этим наречным значениям примыкает и неизменяемое разговорное выражение с оттенком модальности — *ни много ни мало* (в значении: именно так много, ровно столько): *Запросил ни много ни мало сто рублей;*

4) в значении числительного количественного: большое количество чего-нибудь, например: *Я нашел там много друзей; Много лет прошло с тех пор; Мне предстояло очень много хлопот.*

Переход слова *много* в категорию числительных связан с отрывом его от роли наречия и от функции сказуемого, с вовлечением его в круг количественно-предметных отношений. *Много (шуму)* — это наречие в функции названия

Еще Г. Павский относил *сколько, столько, несколько* к числительным⁴⁷.

и, следовательно, в положении определяемого. Возникновение номинатива превращает количественное наречие в имя числительное.

Вовлекаясь в круг имен числительных, слово *много* должно было прислониться к какой-нибудь системе склонения. Числительному *много* противостоят прилагательное *многие* и существительные: *многое* — нечто значительное по объему содержания, *многие* вещи {*во многом я не согласен с вами, многое было скрыто от меня*) и *многие* — неопределенно большое количество людей. Этими словами выражаются понятия качественной множественности, понятие множества вещей и понятие множества лиц. Слово *много*, следуя традиции всех имен числительных (а особенно имен числительных *двое, трое, четверо, несколько*), для косвенных падежей адаптирует формы склонения прилагательного *многие*. Слово *многие* (*многий*) под влиянием своего лексического значения потеряло формы единственного числа. Сочетаясь с существительными множественного числа, оно значит: взятый в большом числе, количестве, многочисленный (по отношению к части, ряду предметов одной категории). Возникает вопрос: есть ли какое-нибудь смысловое различие между косвенными падежами множественного числа от прилагательного *многий* и от числительного *много*? Иными словами, можно ли определить по значению, какие случаи употребления форм *многих, многим, многими* относятся к системе склонения имени прилагательного *многий* и какие — к имени числительному *много*? В фразе *Мне нехватает многих сведений* само значение глагола как будто указывает на количественно-числительную функцию формы *многих*. В предложении *Со многими друзьями я рассорился*, напротив, ощутим качественный оттенок, присущий употреблению слова *многие*.

Однако в обоих случаях формы *многих, многим* сохраняют все синтаксические свойства прилагательного: 1) формы согласования и 2) способность определяться наречием (количественным — *очень многих, весьма многим*). Правда, и числительное *много*, вследствие своей связи с наречием, тоже не теряет возможности количественно-наречного определения: *Я видел так много горя; Он испытал очень много несчастий на своем веку; Очень много забот у меня* и т. п. «При этом чувствуется разница между *Многие люди* (рассматриваемые порознь) *думают, что...* и *Много людей* (взятых вместе) *гибнет на войне*»⁵¹.

Следовательно, различие функций имени числительного и прилагательного в формах косвенных падежей (*многих, многими*) не может быть произведено по чисто грамматическим признакам. Все другие признаки такого различия также оказываются случайными и неопределенными. Итак, в слове *много* категория имени числительного для своего выражения могла приспособить лишь наречную форму на *-о* в качестве «номинатива», так как образованию форм косвенных падежей этого слова мешала омонимия с формами прилагательного *многие* (ср. слово *достаточно*, к которому косвенные падежи явно не притягиваются из системы прилагательного *достаточный*, или слово *мало*, к которому косвенные падежи прилагательного *малый* вовсе не подходят по значению). Отличие числительных *много, немного* от прилагательных *многие, немногие* в основной форме (*немного усилий — немногие усилия; мало знаний — малые знания; много трудов — многие труды*) не отражается на системе их косвенных падежей. Все же тесная связь форм *много — многих, немного — немногих* и т. п., особенно на фоне соотношений *несколько — нескольких, столько — столько, сколько — скольких*, сильно давит на форму *многие*, и при наличии добавочных указаний на счет (*я не досчитался многих книг*) формы *многих, многим* и т. п. тяготеют к имени числительному *много*.

Итак, в словах *много, мало, немного* * нет полного комплекта строго

• Ср. также: *видимо-невидимо*. У Герцена: «Он перевез *видимо-невидимо* денег в Америку» («Былое и думы»).

очерченных форм, характерных для категории числительных. Чрезвычайно интересно, что одна форма номинатива *много, мало, немного* со всеми грамматическими особенностями ее употребления как бы гарантирует переход этих слов в имена числительные и обеспечивает соотносительность их с другими грамматическими группами числительных (ср. однотипность *много* и *несколько*). Конечно, само лексическое значение слов *много, немного, мало* играло существенную роль в этом процессе грамматического переосмысления. Тем не менее здесь очень рельефно выступает удельный вес основной формы («номинатива») в категории числительных. Это лишнее доказательство функциональной слабости системы склонения числительных.

В неопределенных числительных *столько, сколько, несколько* специфические особенности и свойства числительных выражены полностью. Слова *сколько, столько* в областных диалектах, следуя акцентологической норме числительных, переносят даже ударение на флексии косвенных падежей {*столько — столькоих, сколько — сколькоих* и т. п.*}. Омонимия с наречиями здесь не создает «морфологических двойников», так как употребление наречий и числительных четко разграничено синтаксически и функционально. В выражениях *Я несколько удручен отсрочкой летнего отпуска* и *Я хотел бы сказать несколько слов* никто не отнесет оба случая употребления *несколько* к одной категории. Однако любопытно, что при именах лиц и животных одинаково возможны две конструкции: *Я видел несколько детей* и *Я видел нескольких детей*.

§ 14. «Нумерализация» существительных женского рода, имеющих отвлеченное значение неопределенно-большого количества

Кроме всех этих разрядов имен числительных: 1) счетных, 2) количественно-собираательных и 3) неопределенно-количественных — к категории числительных притягиваются отвлеченные существительные, обозначающие неопределенно-большое количество чего-нибудь: *бездна, гибель, уйма, масса, пропасть, тьма***². Ср.: «Народу съехалось *тьма-тьмуца*» (Тургенев, «Однодворец Овсяников»). Однако эта «нумерализация» существительных еще не ведет к утрате ими форм рода и синтаксических свойств имени существительного. Она сказывается лишь в ослаблении у этих слов предметного значения и в сочетании их с формами глаголов прошедшего времени единственного числа среднего рода*** (ср., например, у Пушкина: «Таких, как он, такая *бездна*»]; у Достоевского: «Публики сегодня приходило целая *бездна*» и т. п.).

* По поводу склонения форм *сколько, столько, несколько, двое, трое* и т. п. Г. Павский заявлял: «Закон санскритского языка, по которому числительные имена среднего рода сохраняют только именительный и винительный падежи единственного числа, а во всех прочих падежах склоняются по множественному числу, отчасти господствует и в нашем языке»².

** В сущности, слово *тьма* по происхождению является архаическим существительным, обозначающим в церковнославянском языке: десять тысяч (греч. *myrias*), непостижимое множество (*тьма тем*).

*** Для того чтобы еще рельефнее выступило глубокое различие между именами числительными и существительными и прилагательными, можно сопоставить употребление и строение числительных и тех групп имен существительных и прилагательных, которые имеют общие основы с числительными. Например, в категории существительных: а) *треть, четверть* (соотносительно с *пять, шесть, семь, восемь, девять* и т. п.); б) *двойка, тройка, четверка, пятерка* и т. п. (соотносительно с *два — двое, три — трое* и т. п.); в) *единица, троица*, ср. *пятница*; г) *четверня, пятерня, шестерня*, ср.: *сотня, двойня, тройня*; д) *десятина, осьмина*, ср. *четвертинка*; е) *пяток, десяток*; ж) *четверик, осьмерик, десятерик* и т. п.; з) *четвертак, пятак*. Ср. еще: *десятник, тысячник* и т. п.

В категории прилагательных: 1) *первый, второй, третий, четвертый, пятый* и т. п.; 2) *двойной, тройной, четверной* и т. п.; 3) *двоязыкий, троякий*; 4) *двойственный, тройственный* и т. п.

Кроме того, *пятая, восьмая* (доля) и т. п. субстантивируются, сочетаясь с числительными: *две пятых, три восьмых* и т. п.

§ 15. Гибридный грамматический строй числительных в современном русском языке

Грамматическое строение современных русских числительных ярко отражает приемы приспособления архаической морфологии к новым формам мышления. Разрыв употребления и значения указывает на переходную стадию в истории числительных. Древние синтетические формы числовых существительных и прилагательных подверглись в категории числительных разрушительному натиску отвлеченного математического мышления. Старая техника языка вступает в противоречие с новыми принципами понимания и выражения отвлеченных понятий числа и количества.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ»

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 37.
2. См.: Кацнельсон С. Д. Энгельс и языкознание. — Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка, 1941, № 1.
3. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1899, вып. 3, с. 5 [т. 3, с. 81].
4. См.: Выгодский М. Я. Понятие числа в его развитии. — Естествознание и марксизм, 1929, № 2.
5. См.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М. — Л., 1945, с. 218-222.
6. Будилович А. Начертание церковнославянской грамматики применительно к общей теории русского и других родственных языков. Варшава, 1883, с. 234; ср.: Ильиш Б. А. Современный английский язык. Теоретический курс. Л., 1940, с. 120.
7. Классовский В. Нерешенные вопросы в грамматике. Спб. — М., 1870, с. 61.
8. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи, с. 221.
9. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. М., 1844, ч. 2, с. 6.
10. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. Спб., 1834, с. 100.
11. Андреев В. Ф. Знаменательные и служебные слова в русской речи. — Журнал министерства народного просвещения, 1895, № 10, с. 250, 252.
12. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1927, вып. 2, с. 91—93 [500-501].
13. Аксаков К. С. Несколько слов о нашем правописании. — Поли. собр. соч. М., 1875, т. 2, ч. 1: Сочинения филологические, с. 14.
14. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. Спб., 1850, с. 222 — 223.
15. Ср.: Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Пг., 1915, вып. 2, с. 202 [т. 1, с. 541].
16. См.: Адагуров В. Е. Anfangsgründe der Russischen Sprache. — В кн.: Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка. Спб., 1731; Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Л., 1931, вып. 1, с. 278-279.
17. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1925, вып. 1, с. 14, примечание, 42 [32, примечание, 59].
18. См. там же, с. 271 [278].
19. Ср. объяснение этого процесса у А. А. Шахматова (литографированный курс «История русского языка», ч. 3: История форм).
20. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка, Рассуждение второе, с. 214 — 215.
21. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М. — Л., 1941, т. 4, с. 249.
22. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 229.
23. Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи, с. 196 [т. 1, с. 539-540].
24. См.: Кошутыи Р. Грамматика руского језика. Београд, 1914, т. 2, с. 123.
25. См.: Аксаков К. С. О грамматике вообще. — Поли. собр. соч. М., 1875, т. 2, ч. 1: Сочинения филологические, с. 10

26. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 91—92 [500—501].
27. *Боголепов А. П.* Пропавшая часть речи.— Русский язык в советской школе, 1930, № 2, с. 51.
28. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 6 [т. 3, с. 9].
29. *Аксаков К. С.* Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики. — Полю, собр. соч. М., 1880, т. 3, ч. 2: Сочинения филологические, с. 90.
30. *Анненский И. Ф.* [Рец. на кн.:] *О'еяянико-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка.—Журнал министерства народного просвещения, 1903, № 5.
31. См.: *Грунский Н. К.* Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Спб., 1911, т. 1, вып. 1—2, с. 38.
32. *Брандт Р.* О двойных формах и об ограниченном числе. Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. Спб., 1909, с. 40.
33. Ср.: *Котутих Р.* Грамматика русского языка, т. 2, с. 125.
34. *Чернышев В. И.* Правильность и чистота русской речи, с. 196.
35. См.: *Котутих Р.* Грамматика русского языка, т. 2, с. 124.
36. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 190.
37. См.: *Boyer P. Speranski N.* Manuel pour l'etude de la langue russe. P., 1905, p. 269.
38. См.: *Котутих Р.* Грамматика русского языка, т. 2, с. 135.
39. См.: *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1936, с. 92 [129].
40. См.: *Котутих Р.* Грамматика русского языка, т. 2, с. 125.
41. Ср. статью И. Николича. — Филологические записки, 1878, вып. 1.
42. См.: *Котутих Р.* Грамматика русского языка, т. 2, с. 129; *Boyer P., Speranski N.* Manuel pour l'etude de la langue russe, p. 265.
43. *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика. Спб., 1834, с. 102.
44. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 245.
45. *Аксаков К. С.* Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 93.
46. См.: *Unbegaun B.* La langue russe au XVIe siecle. P., 1935, p. 444. Ср. также: *Boyer P., Speranski N.* Manuel pour l'etude de la langue russe, p. 265.
47. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 311.
48. *Добиаш А. В.* Опыт семасиологии частей речи. Прага, 1899, с. 204.
49. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 496, 498 [390-391].
50. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М.—Л., 1941, т. 4, с. 245.
51. Там же, вып. 3, с. 498 [392].
52. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 243 — 244.

IV. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИТКИ МЕСТОИМЕНИЙ КАК ОСОБОЙ ЧАСТИ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. КАТЕГОРИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В ЕЕ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ

§ 1. Грамматические судьбы класса местоимений

Древний грамматический класс местоимений как субъективно-указательных слов, определяющих действительность в ее отношении к говорящему лицу, к данной обстановке речи, в истории русского языка пережил глубокие изменения своего строя. Большая часть местоимений слилась с категориями имен прилагательных, наречий, союзов и частиц. Согласуемые в роде, числе и падеже определительные местоимения, оказав громадное формирующее

влияние на всю категорию членных имен прилагательных, объединились с ней и функционируют в ее пределах как особый грамматико-семантический и словообразовательный тип (с некоторыми своеобразиями в системе склонения). Другие местоимения превратились в наречия и частицы. Но небольшая группа местоимений, указывающих на лица и предметы, до сих пор остается вне системы живых грамматических классов *. Близость к именам существительным не могла стереть у этих слов грамматических своеобразий, свойственных особому классу местоимений. Группа личных и предметных местоимений обременена чисто формальными функциями, ослабляющими их лексическую знаменательность и синтаксическую самостоятельность. Например, личные местоимения вовлечены в круг глагольных категорий и выступают в качестве показателей лица («личных префиксов») в формах прошедшего времени и условно-желательного или сослагательного наклонения (*я знал, ты знал, мы знали* и т. п., *я знал бы, мы знали бы* и др.), оказывая влияние и на употребление форм настоящего-будущего времени в сочетании с теми же личными местоимениями. Местоимение *кто* — *что* одной своей стороной примыкает к относительным союзным словам. Вот полный состав** этой группы «бесприютных» местоимений: *я, ты, мы, вы, себя, он — она — оно — они, кто — что, никто — ничто*, употребляемые лишь в именительном падеже *некто* и в именительном-винительном *нечто* (в качестве косвенных падежей употребляются формы *кого-то, чего-то, кому-то, чему-то* и т. д.)***, не имеющие именительного падежа *некого — нечего*, составные *кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь, кто-либо, что-либо, кое-кто, кое-что*. Сюда же, конечно, отчасти примыкают своими компонентами *кто — что* синтаксические идиоматизмы: *не кто иной как, не что иное как* ср. *кто бы ни, что бы ни*).

—* Любопытно, что еще И. Ф. Калайдович в своей «Грамматике языка русского» (М., 1834, ч. 1: Познание слов), относя местоименные прилагательные к категории имен прилагательных, выделяет предметно-личные местоимения в особый класс «названий» лиц.

** Некоторые лингвисты (например, проф. Л. В. Щерба в статье «О частях речи») [68] сближают с этой группой местоимений субстантивированные формы местоименных прилагательных, обнаруживающие с нею кое-какую общность морфологических особенностей и синтаксических свойств: *все* (мн. ч.): «Все ахнули» (Пушкин); *всё* (ср. р.) и архаическое выражение *всё и вся*: «Это заговор, в котором принимают участие не одна литература, а *все и вся*» (Салтыков-Щедрин); «*Все* мгновенно, *все* пройдет» (Пушкин); *всякий* (арх. *всяк*): «*Всякий* мешается, *всякому* хочется показать, что он тоже умный человек» (Гоголь); «*И всяк* зевает да живет — и всех вас гроб, зевая, ждет» (Пушкин); *каждый*: «*каждому — свое*»; *это, то*: «Германн не обратил на *то* никакого внимания» (Пушкин); *тот*: «*Тот* хотел арбуза, а *тот* — соленых огурцов» (Державин). Действительно, эти слова в субстантивном употреблении обнаруживают все признаки переходного состояния. Однако они не сливаются с классом предметно-личных местоимений. Всякая субстантивация местоименных слов (например: *все мое — твое, твердить свое, поставить на своем* и т. п.) ведет к образованию промежуточных форм. Нет оснований обособлять их от других субстантивированных прилагательных, вроде «Сейте разумное, доброе, вечное» (Некрасов) и т. п. Так, прилагательные *тот, этот, субстантивируясь, сохраняют почти все черты субстантивированных прилагательных*. Любопытно, что слово *этот* в прямом указательном значении не может быть подлежащим при сказуемых, выраженных существительными. Ср.: *это — мой брат, та — моя сестра*. Точно так же прилагательное *сам, субстантивируясь, не переходит в местоимение*. Прав академ. А. А. Шахматов, который в случаях, как *сам знаю, сами знаем*, видит только пропуск или невыраженность личного местоимения, вызванные наличием данной глагольной формы. Для социальной истории слова *сам* — в значении хозяин — представляет интерес такой разговор действующих лиц в пьесе А. Н. Островского «Сердце не камень»:

«Аполлинария Панфиловна: Что это вы, Вера Филипповна, точно русачка из Тележной улицы, мужа-то «сам» называете!

Ольга: Тетенька всегда так.

Вера Филипповна: Мы... люди не модные, немножко старинки придерживаемся. Да не все ли равно? Как его ни называй: муж, хозяин, *сам*, — все он большой в доме.

Аполлинария Панфиловна: Ну, нет, разница. «Хозяин» — уж это совсем низко: у нас кучерова жена своего мужа хозяином зовет; а и «*сам*» тоже разве уж которые еще в платочках ходят».

*** Впрочем, в книжном языке иногда наблюдаются случаи употребления

косвенных падежей местоименного прилагательного *некий* в функции косвенных падежей местоимения *некто*.

265

Прежде чем приступить к анализу этой группы местоимений, необходимо рассеять некоторые недоразумения, связанные с вопросом о местоимениях в русской грамматике*.

§ 2. Механическое смешение классической и романтической (субъективно-идеалистической) точек зрения

в учении о местоимениях

За исключением предметно-личных местоимений, составляющих небольшую грамматически обособленную группу, другие разряды местоимений рассеяны по разным грамматическим категориям. Они не образуют самостоятельного грамматического класса.

Традиционное, восходящее к греко-римской грамматике определение всего класса местоимений как заменителей или заместителей имени, основанное на этимологии термина местоимение (греч. *antonymia*, лат. *pronomen* — вместо имени), было заимствовано в русской грамматике еще в первой половине XIX в.⁴

Г. Главский начинал свое рассуждение о местоимении такими словами: «Имя, данное местоимениям, не вполне выражает их значение в языке. Местоимения не заменяют имен, а служат только указанием на них или напоминанием об них, вовсе не выражая качества, вида, числа вещей... только намекают на них... Местоимение не только не заменяет имени, но даже прямо противоположно ему. Имя, какое бы оно ни было, существительное, прилагательное или числительное прямо указывает на вещь или на ее качество и определительно именуется известное число и, следовательно, имеет в себе внутреннее содержание, наглядное, осязаемое, а местоимение служит только формой для умственного созерцания и распределения вещей по категориям. Так, например, под оглавление *кто, что* подходят все имена существительные, под оглавление *какой, чей* — все прилагательные, под оглавление *сколько...* или *который*-все числительные. Как номер или заглавие книги не может заступать место самой книги, так точно и местоимение не заступает места имени»⁵.

Акад. И. И. Давыдов вторил Павскому: «Местоимение неправильно называют частью речи, поставляемую вместо имени предмета. Поэтому все тропы, например, часть вместо целого, причина вместо действия, особенно все метафорические выражения должны бы относиться к местоимениям, и наоборот, местоимения указательные, притяжательные и неопределенные не принадлежали бы к этой части речи»^{6**}. И так, Ср. у Л. Андреева: «Видит как бы впервые нежный лик *некоего* в сером» («Искупитель века»), «Вследствие такого сближения местоимений, — пишет В. И. Чернышев, — при *некий* получаем родительный *некого*, известный в старом и современном языке»².

* Моя точка зрения на русские местоимения целиком принята проф. Д. Б. Бубрихом: «Местоименные слова — это в основном семантический разряд слов, отнюдь не грамматический... Они могут тянуть и к существительным, и к прилагательным, и к наречиям, и к счетно-измерительным словам (которые сами тянут к разным частям речи), и вообще к чему угодно. Исключительное их семантическое своеобразие приводит к появлению исключительных синтаксических и морфологических особенностей. Особенно ярко это сказывается у тех личных местоименных слов, которые тянут к существительным (*я, ты...*). По отношению к языкам типа индоевропейских, финно-угорских и т. п. не приходится колебаться в выделении их в особую часть речи. Вот здесь-то и годится термин «местоимение». Довольно ярко то же сказывается у некоторых других местоименных слов именного склада, чаще всего у тех, которые отвечают на вопросы *кто* или *что*»⁻¹.

** Ср. заявление К. С. Аксакова: «Если хотите, *он (а, о)* есть единственное местоимение, только в этом случае несколько не составляющее особой части речи»⁷. Ср. употребление среднего рода *оно* как заместительного указания на *то* у Жуковского в переводе «Эммы» Шиллера:

То, что нас одушевляло, Как тому любовью быть?
Эмма, как то пережить? Небом в сердце зажжено,

Эмма, то, что миновало, Умирает ли *оно*?

Ср. указательное значение местоимения *оно* в конструкциях такого типа: «Старайся жить, *оно* не так легко, как кажется» (Тургенев, «Фауст»); «Меньше иллюзии будет... *Оно* полезнее» (Боборыкин, «Обречена»). Понятно, что местоимение *он* может употребляться в качестве указания не только на предыдущее, но и на последующее. Например, у Пушкина в «Евгении Онегине»:

Татьяна (русская душою, С ее холодною красою
Сама не зная почему) Любила русскую зиму.

вопреки традиционному учению, унаследованному от античных грамматиков, местоимение по большей части не является заменительным словом, не употребляется вместо имени. К этому выводу пришла научная русская грамматика еще в 40-х годах XIX в.

На фоне складывавшейся (под влиянием Г. Павского, И. И. Давыдова, К. С. Аксакова) субъективно-идеалистической системы русской грамматики местоимения ликвидировались как особая часть речи. «Местоимение никак не составляет отдельной части речи»,—писал в 1838—1839 гг. К. С. Аксаков по поводу грамматики В. Г. Белинского^{9*}. В русской грамматике 40—50-х годов XIX в., отчасти опиравшейся на идеалистическую философию, местоимения становились семантической основой имен существительных и прилагательных. Местоимения рассматривались как первые имена. На местоимениях иллюстрировались (например, Г. Павским и К. С. Аксаковым) «чистые идеи» предметности и качества (ср. сходные замечания о местоимениях в «Русском синтаксисе» А. М. Пешковского). Личные местоимения рассматривались как источник к а т е г о р и й лица, предмета и рода (*он, она, оно*), как выражение акта человеческого самосознания, сознания *я* и противопоставления *я* и *не-я*. «Природа имеет свое общее имя,— поучал Белинского К. Аксаков,— это имя *он (а, о)*, все то, что существует вне *я* и вне *ты*»¹¹. Сами имена существительные освещались как восполнение и развитие личных и предметных местоимений. «*Я, ты, он* бесспорно относятся к имени. В грамматиках же наших слова эти называются местоимениями. Хотя очень странно вообразить *я, ты* местоимениями — вместо какого имени употребляются они? — но, однако, самое слово местоимение указывает на разряд имени»,—отмечал К. С. Аксаков в своем «Опыте русской грамматики»¹².

Итак, идеалистическая философия, а за нею и русская грамматика 40—50-х годов XIX в. видела в акте самосознания «*я*», в возникновении местоимения 1-го лица зарождение самой категории имени. Эта точка зрения отражается в грамматических концепциях Г. П. Павского, И. И. Давыдова, К. С. Аксакова. Здесь всюду история имени начинается с возникновения местоимения 1-го лица**.

Тут *ее* относится к *зиме*. В этом случае местоимение служит средством живого представления того, что еще не высказано, что еще не названо.

В сущности, ярче всего в этом смысле «местоименное» значение обнаруживается в словах *то-то* и *то-то, такой-то*. Ср. в письме А. А. Блока к матери передачу его разговора со школьным учителем словесности Суровцевым:

«Суровцев: Что вы делали летом по русскому языку? Я: Читал Достоевского.

Суровцев: Что именно? Я: *То-то* и *то-то*».

(Письма Ал. Блока к родным) Ср. стихотворение

Пушкина «В альбом Павлу Вяземскому»:

Душа моя Павел, Не делай *того-то*,

Держись моих правил: Кажись, это ясно,

Люби *то-то, то-то*, Прощай, мой прекрасный.

Ср. об указательной функции местоимения 3-го лица в разных языках у И. И. Мещанинова⁸. * Любопытно, что Н. И. Греч еще признавал местоимение особой «частью и частицей речи»: «Местоимение есть часть речи, заменяющая имя предмета или качества и в то же время означающая отношение сего предмета или качества к бытию»¹⁰.

** К. Маркс в «Капитале» так иронизировал по поводу этой фихтеанской философии: «В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода «человек»". Иронизируя над живучестью этой субъективно-идеалистической концепции местоимений как основной и первичной формы самосознания, Есперсен вспоминал Фихте старшего, который, по рассказам, выделял как праздник не день рождения своего сына, а тот день, в который тот впервые назвал самого себя «я»¹⁴.

Гумбольдт полагал, что первым актом в развитии языка является осознание личности говорящего, выражаемое местоименными словами. Исходя из этого априорного положения Гумбольдта, идеалистические учения о языке доказывали, что личные местоимения во всех языках принадлежат к древнейшему и наиболее устойчивому слою речи.

Нетрудно заметить, что современная русская грамматика целиком остается во власти этих двух точек зрения: античной, «классической», и романтической, субъективно-идеалистической. Ныне местоимения или, по традиции, во всем своем составе, несмотря на полную грамматическую разобщенность отдельных групп, сохраняются как особая грамматическая категория, как самостоятельная часть речи (например, у акад. А. А. Шахматова), или же, лишаясь звания особой части речи, механически распределяются по классам имен существительных и прилагательных. (Наречные местоимения обычно не отделяются от наречий даже теми, кто признает местоимения особой частью речи.) Между тем, если все местоимения собрать в один класс, то нарушится цельность системы частей речи: в классе местоимений окажутся слова разной грамматической природы. Объединение местоимений возможно лишь на основе лексико-семантических признаков. Но тогда к местоимениям придется отнести и некоторые из тех слов, которые являются существительными, прилагательными, наречиями, союзами и даже глаголами. Если же упразднить класс местоимений и рассортировать местоимения по другим категориям, то окажется необходимым не только среди прилагательных, но и среди существительных выделять местоимения в особые разряды. Целесообразно ли это? Ответить на этот вопрос поможет анализ смысловой структуры местоимений.

§ 3. Местоимения как особый лексико-семантический тип слов

Семантическая характеристика местоимений в современной русской грамматической литературе односторонняя. Она уходит если не назад, то в сторону от плодотворных идей Потебни. А. А. Потебня, вслед за Штейнталем, учил, что когда-то все слова делились на два лексико-семантических типа: 1) на слова «качественные», отражавшие действительность в ее конкретных признаках, и 2) на слова «указательные», означавшие явления и восприятия указанием на их отношение к говорящему лицу*. Указательные слова составляли особый грамматический класс местоимений. Но затем в процессе эволюции грамматического строя местоимения слились с такими частями речи, как глагол, существительное, прилагательное, наречие, и растворились в них. Потеряв свою грамматическую определенность, местоимения, по Потебне (и его первоисточнику — Штейнталу), сохранили своеобразие своей семантической природы как слова относительные, указательные и субъективные. Они не называют предметов, качеств, обстоятельств и других явлений действительности, а указывают или намекают на них. И все же местоимения, по словам Потебни, нельзя безоговорочно объявить формальными словами. Среди местоимений есть слова и вещественные, конкретные, и вещественно-формальные (например, указательные *тот, этот*), и чисто формальные (например, *я, ты* и т. д. при прошедшем времени глагола). Потебня подчеркивал возможность и позднейшего образования местоимений от имен с «качественными корнями»; ср. нем. *man* в *man spricht*, фр. *on* в *on parle*¹⁷. Таким образом, Потебня думал, что местоимения не составляют особой части речи, но представляют собою своеобразный лексико-семантический тип слов, в котором — при ближайшем анализе — можно наметить отдельные, более мелкие лексические классы и группы. Акад. Овсяннико-Куликовский — вопреки Потебне — вернулся к мысли Ф. Беккера о «формальности», «малознаменательности», «незнаменательности» всех вообще местоимений. Эта точка зрения нашла дальнейшее развитие в синтаксических системах акад. А. А. Шахматова и проф. А. М. Пешковского. А. М. Пешковский писал, что у местоимений совсем нет вещественного значения, а что у них и основное значение формальное и добавочное формальное. Получается, так сказать, «форма на форме»¹⁸. При характеристике местоимения А. М. Пешковский смешивал понятия формальности и отвлеченности. Он доказывал отсутствие резких границ между местоимениями и неместоименными словами (ср., например, выдвинутые Пешковским параллели: *иной, другой* и *оригинальный, особенный, исключительный; сам* и *отдельный, изолированный* и т. п.; *всякий, каждый* и *общий, подобный; весь, целый* и *совокупный, совместный*, и т. п.) и отсюда заключал: «Местоимениями принято называть просто слова с предельно отвлеченным значением». * А. А. Потебня возражал Фику¹⁵, который писал о местоимениях: «С большим основанием можно видеть в них настоящие древние имена, так что, наоборот, позднейшие имена можно бы назвать заместителями местоимений, усиленными прибавкою глагольного значения (*Ver-balbegriff*), а местоимения — чистыми именами, без глагольной примеси»¹⁶.

ченным значением... субъективно-объективного типа... Поскольку эта «предельность» исчезает и отвлеченность убывает, слово из местоимения делается неместоимением (ср.: *собственность, особняк, особо...*; *таковский, потакать*); поскольку же отвлеченность возрастает, слово неместоименное приближается к местоименным и при достижении предела делается местоимением. И всегда между той и другой областью живут «кандидаты» на ту или другую должность...»¹⁹

Непримиримая двойственность этой характеристики очевидна. «Субъективность» местоимений не согласована с их формальностью. Формальность затем подменена общим понятием отвлеченности. Местоимения как особый лексический тип слов в современном русском языке лишены не только грамматического, но и лексико-семантического единства.

С семантической точки зрения местоименные слова отчасти должны быть включены в группу «указательных» слов с меняющимся применением и, следовательно, с меняющимся конкретным содержанием в зависимости от субъекта, обстановки, ситуации речи (Wechselwörter, по определению О. Есперсена)²⁰. В этом отношении они сближаются с указательным употреблением таких слов, как: *отец, мать* ('вернее: *папа, мама*), *правый, левый* (в пространственном значении), *домой, дома, сегодня, вчера, завтра, данный*; просторечные идиомы: *наш брат, наша сестра, ваш брат, ваша сестра* (ср. у Чехова: «Будь я министром, запретил бы я *вашему брату* ятем людей морочить») («Мыслитель»), *следующий* (в *следующем номере журнала*), *предшествующий, предыдущий, первый — последний* (в книжно-указательном значении: прежде и после названный, указанный), *определенный, сосед, соседний, здешний, тамошний* и т. д. * «Остроумно сравнивают иногда отношение местоимений к неместоименным словам с отношением геометрического тела к физическому. Быть может, можно сравнить его и с отношением переменной величины к постоянной»²². Ср. у Лескова в романе «На ножах» разговор Лары с больным Подозеровым: «Назовите же меня, назовите, кто я?—Вы?..— Больной вдруг вперил глаза в лицо Лары и после долгого соображения ответил: Вы — не она».

В разговорной речи обстановка и синтаксико-фразеологические связи, в книжной речи контекст определяют смысл местоименных слов, их отношение к конкретным предметам и явлениям. В употреблении их наиболее ярко проявляется основная сущность языка — его социальная обусловленность. Иллюстрацией может служить отрывок из романа Д. Фурманова «Чапаев», описывающий гибель Чапаева: «Чапаеву пробило руку. Он вздумал утереть лицо и оставил кровавые полосы на щеке и на лбу... Петька был все время подле... Они шаг за шагом отступали к обрыву... Не было почти никакой надежды — мало кто успевал спастись через бурный Урал. Но Чапаева решили спасти. — «Спускай *его* на воду!» — крикнул Петька. И все поняли, *кого* это *его* надо спускать. Четверо ближе стоявших, поддерживая бережно окровавленную руку, сводили Чапаева тихо вниз по песчаному обрыву».

Не менее интересно собирательно-указательное значение слова *он*, вызванное запретом, «табу» на слово *враг, неприятель*, в рассказе А. Яковлева «Мужик» (ср. то же употребление в военных рассказах и в «Воине и мире» Л. Толстого): «Враг, или, как говорят солдаты, *он*», был где-то рядом. Еще не успевали дотлеть костры, зажженные им, еще четко виднелись в дорожной пыли следы кованых сапог, и чудилось порой, что в воздухе носится запах гари и пота, оставленный австрийцами. «Вот, вот он». К вечеру стало известно, что *он* остановился, может быть, готовый завтра дать бой». Ср. употребление местоимения *он* в значении: возлюбленный, герой романа. Ср. в романе Ю. Тынянова «Пушкин»: «В присутствии Василия Львовича, щадя его, Анна Львовна никогда не называла золовку «злодейка», а говорила просто: *она*». Ср. у Чехова в повести «Моя жизнь»: «Пьесы привлекали его (маляра Редьку) и содержанием, и моралью, и своею сложною искусною постройкой, и он удивлялся *ему*, никогда не называя *его* по фамилии: «Как это он ловко все пригнал к месту!» Ср. у Лескова в романе «На ножах»: «Сторож полез было по лесенке, чтоб открыть окно, но лесенка была плоха, и он, не долезши, упал. Глафире казалось, что это так и следует. В народе заговорили, что *он*» не пускает, ее интересовало, кто это *он*».

Но А. М. Пешковский справедливо подчеркивал, что в онтологическом плане ме-
* «Затруднение остается в решении вопроса: к прилагательным ли (как это делается) или к местоимениям (по аналогии с *этот, тот, мой, твой, всякий*) разумнее отнести слова *здесь, там, близкий, дальний, собственный, чужой, общий* и т. д. Последнее едва ли не лучше»²¹.

стоимения, несмотря на широту субъективного применения, на меняющуюся предметную отнесенность, всегда обозначают «одно и то же, и притом нечто такое, чего никаким другим словом не выразишь»²³. Местоимения — слова указательные и, вместе с тем, субъективно-объективные.

Другой семантической особенностью местоимений считается широта их применения. Они характеризуются неопределенностью вещественного значения корня-основы. В них отсутствует номинативное отношение к постоянным предметам, качествам и обстоятельствам (например: *какой-то, некоторый, кое-кто, никакой, откуда, куда* и т. п.). Они обладают такой субъективной растяжимостью своего содержания, которая делает их лексическое значение условным, всеобщим, как бы «беспредметным»*.

Конспектируя лекции Гегеля по истории философии, В. И. Ленин писал о местоимениях: «(„Это“? Самое общее слово)

[Кто *это*? Я. Все люди я. *Das Sinnliche*? "I
Это есть *о б щ е е* etc. etc. „Этот“?? Всякий!
есть „Этот“.

Л»25

Эта смысловая всеобщность местоимений приводит к тому, что иногда их функции бывают однородны с функциями формальных слов-частиц.

В качестве примера смысловой всеобщности и абстрактности местоимений можно указать на то, что местоимение *какой* в риторическом вопросе служит лишь презрительным выражением категорического отрицания (*какой он ученый!*), что местоимение *один* в ответе Чичикова (на вопрос Ноздрева, куда тот едет): «а к человеку к одному» — равносильно неопределенному члену. Ср. многосмысленную неопределенность фразы *Мне нужно зайти в одно место*.

Значение слова *какой-нибудь* в выражении *Осталось пройти каких-нибудь два километра* передается простым порядком слов в синонимическом обороте *Осталось пройти километра два* или предлогом *с* во фразе *Осталось пройти с два километра*.

Однако и в этом отношении нет глубокой пропасти между местоимениями и именами в современном языке. Так, существительные, лишаясь конкретно-предметной знаменательности, иногда становятся чисто формальными словами, частями составных аналитических форм. А. А. Шахматов сопоставлял употребление личных неударяемых местоимений при глаголе с «прономинализованными» (т. е. приобретшими местоименное значение) именами существительными: «Мы находим при 3-м лице единственного и множественного числа такие существительные, которые настолько ослаблены в своем значении, что, так сказать, только грамматически поддерживают значение сказуемого (слова, как *человек, люди*, областное *крестьяне*, слово *дело* и др.)». Акад. А. А. Шахматов указывал также на «переход существительных в местоимения» в случаях, как *друг друга*; на «ослабленное значение слова *человек* в сказуемых, как: *он человек хороший*. Сюда же примыкают и сочетания слова *человек* с числительными, а иногда с прилагательными (не в составе сказуемого). Например: «Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио» (Пушкин, «Выстрел»); «В темноте человек двадцать людей окружили Пьера» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Каждый человек из них желал одного — отдаться в плен, избавиться от всех ужасов и несчастий» (Л. Толстой, «Война и мир»).

А. А. Шахматов отметил и случаи заместительного употребления слов *человек, люди* в значении неопределенного, или совокупного, или личного местоимения (*он*): «Не в себе человек. Уведите же вы его» (Л. Толстой, «Власть тьмы»); «Уж пускай бы говорил человек, да не ты» (Островский, «Бедность не порок»); *Если не веришь, спроси у людей, люди научат; Люди говорят: его здесь и не было*^{26**}. Ср. у Тургенева: «Вдруг говорят мне: человек вас спрашивает» («Уездный лекарь»).

Такая утрата лексического значения свойственна, конечно, не всем существительным, а лишь сравнительно немногочисленной их группе, куда относятся: *человек*,
*— Ср. замечание проф. Н. К. Грунского: «Местоимения отличаются от существительных и прилагательных тем, что определяют предмет, не выдвигая какое-либо качество или свойство, а указывая на предмет»²⁴.

♦* Шахматов сравнивает это употребление слова *люди* с переходом лат. *homo*, нем. *Мат*

в местоимения: ср. фр. *on*, нем. *man*. Ср. статью: *Mazon A. L'emploi indefini du nom de l'homme en slave*. — *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*, 1932, t. 27. *Melanges de philologie offerts a M. J. J. Mikkola*.

народ, вещь, прост, малый, женщина, вульг. баба; фамильярн. парень; душа, животное и некоторые другие. Например: «Родители Валентины Михайловны были *люди* небогатые» (Тургенев); у Гоголя в «Мертвых душах»: «А как вы нашли нашего губернатора? - сказала Манилова. — Не правда ли, что предпочтеннейший и прелюбезнейший человек?» — «Очень обходительный и приятный *человек*», — продолжал Чичиков...—«А вице-губернатор, не правда ли, какой милый *человек!*» — сказал Манилов, опять несколько прищутив глаза». Ср. также: «А ведь обед — *вещь* приятная» (Чернышевский, «Что делать?»); «Бал — *вещь* хорошая, неволя-то горька» (Грибоедов, «Горе от ума»).

Может показаться, что в этих случаях происходит и грамматическое преобразование имен в местоимения и что соответствующие слова теряют связь со своими прежними классами. Но это не так. Между древними местоимениями и новыми грамматическая разница все же сохраняется. Новые местоименные существительные сохраняют все грамматические признаки своей категории (т. е. класса существительных), все особенности своих систем, форм, своих парадигм. Вторичные лексические местоимения резко отличаются по своей морфологической природе от «пережиточной» группы старых местоимений. Например, не раз отмечался процесс «прономинализации» целого ряда существительных в современной газетно-публицистической речи. Таковы слова *вопрос, дело*, почти теряющие свое конкретное значение в таких выражениях: «*На дело* организации и развития электротехнического факультета положено много тяжелой работы» (из газет); «Поставить *дело* государственного хозяйства и науки» (тоже) и др. Ср. также в классической литературе: «*Цело* идет о жизни человека» (Гоголь, «Ревизор»). Ср. нем. *es geht um das Leben*; «*Дело* было в начале сентября» (Тургенев, «Льгов»); «*А дело* уж идет к рассвету» (Грибоедов, «Горе от ума») и т. п.

По-видимому, в современном языке сюда же примыкает слово *момент**. Но и *дело* и *момент*, сближаясь по своеобразию своих лексических значений с местоимениями, остаются именами существительными со всем комплексом свойственных им форм.

К числу слов, получающих в некоторых контекстах неопределенно-предметное значение, могут быть отнесены также существительные *субъект, тип, существо; штука, факт, вещь* и другие подобные. Слово *вещь* может служить прекрасной иллюстрацией процесса развития «местоименных» значений в категории имен существительных. Это слово совместило в себе исконные русские и церковнославянские значения со значениями немецкого *Ding* (ср. *вещь в себе*) и французского *chose*. На почве влияния французского языка и распространилось неопределенно-местоименное значение этого слова (*quelque chose*). Например: «Воспитание — важная *вещь*, очень важная *вещь*» (Тургенев, «Холостяк»); «Терпимость сама по себе *вещь* хорошая» (Пушкин, «Путешествие в Арзрум»); «Остроумие — великолепная *вещь*» (Достоевский).

В русской лексике непрерывно происходит развитие «местоименных» значений у имен. С другой стороны, старые местоимения обрастают именными значениями или производят лексемы и идиоматические выражения, лишенные оттенка местоименности (например, буржуазно-купеческое и мещанское *сам* в значении: хозяин, глава дома): *итого, итог; всякий* (в значении плохой, не заслуживающий уважения); *вне себя* (от радости); *не в себе, прост, во всю: бежать во всю; таковский; тыкать — выкать* и т. п.**

Лексическое взаимодействие облегчается тем, что местоимения у нас грамматически уже не обособлены от других частей речи, а распределены по разным грамматическим категориям. Таким образом, понятие местоименности в современном языке — *—Слово *момент* в этом газетном значении, по-видимому, вышло из сферы военного языка, в котором оно укрепилось во второй половине XIX в. Так, Н. С. Лесков писал в «Печерских антиках»: «Слово «момент», впоследствии основательно истасканное нашими военными ораторами, кажется, впервые было пущено Берлинским и с его легкой руки сделалось необходимым подспорьем русского военного красноречия». В философско-публицистических стилях 30—50-х годов это слово было тесно связано с терминологией гегельянства. Ср. в «Рудине» Тургенева: «Эти господа [Рудин и подобные ему] все развиваются: другие, например, просто спят или едят - а они находятся *в моменте развития сна* или *еды*» (слова Пигасова, гл. XII). ** Проф. А. И. Зарецкий находит в русском языке и «суррогат глагольного местоимения»: «описательное глагольное местоимение *что делать!* Что это, действительно, представляет одно целое местоимение, видно из того, что в ответе на этот вопрос слово *делать* не повторяется и не подразумевается, например: *Что ты делаешь!* — *Читаю*, а не «делаю чтение» или «делаю читать»²¹.

понятие лексико-семантическое. Большая часть древних местоимений вросла в систему других грамматических классов. Лишь небольшая группа слов *я, ты, он (-а, -о, они), мы, вы, себя, кто, что, кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь, некто, нечто, никто, ничто, кое-кто, кое-что* сохраняет яркие признаки своего грамматического своеобразия, своей грамматической изолированности, не слившись с категорией имен существительных*.

2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТНО-ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 4. Отражения грамматического рода в классе предметно-личных местоимений и их непоследовательность, двойственность

На обособленное положение группы предметно-личных местоимений указывают прежде всего своеобразия выражения и отражения грамматического рода в их строе. Местоимения личные *я* и *ты*, не имея родовых форм, могут иметь значение любого рода. Однако это значение обусловлено двойственной «предметной отнесенностью» этих местоимений. Они могут непосредственно обозначать лицо (говорящего субъекта или собеседника), и тогда их род определяется полом лица. Например, «Не про *тебя одного* говорю, все *мы*, друг ты мой, обездушили» (Гл. Успенский, «Разоренье»); «Ведь *я такой* только один и есть» (Достоевский, «Подросток») и т. д.

Те же местоимения могут относиться к лицам не непосредственно, а через посредство их названий, их имен, и тогда род их определяется родом того имени существительного, на которое они указывают, от лица которого они выступают. Например, в русском переводе повести Гофмана «Чудесное дитя» дитя говорит о себе: «*Я* пришло, *я* было»; так же говорит о себе и бутылочное горлышко в книге Пешковского «Наш язык». Акад. А. А. Шахматов вводил в самое определение местоимений как существенный признак этой части речи их способность заимствовать «в некоторых своих образованиях представление о роде от соответствующего представления о субстанции или о существительном...»²⁹.

Возвратное местоимение *себя*, относящееся к субъекту действия, тоже не имеет ни родовых форм, ни числовых различий. Оно характеризуется к тому же отсутствием номинатива. Это понятно: ведь оно может относиться только к тому лицу, которое сознается субъектом действий или состояний, выраженных в слове, «подчиняющем (прямо или косвенно) данное местоимение»^{30**}. Характерно, что *себя* через посредство рода того субъекта, к которому оно относится в словосочетании, может определяться формами всех родов и чисел (*самого себя, себя одну, самих себя*).

Местоимение 1-го лица множественного числа *мы* лишено родовых различий, как и все вообще имена, или облеченные в формы множественного числа, или являющиеся *pluralia tantum*.

Местоимение *вы* (если оно выступает в функции экспрессивно окрашенного местоимения 2-го л. ед. ч.) согласуется — при наличии членного имени при-

_____ * А. Sechehaye в книге «Essai sur la structure logique de la phrase» (P., 1926) заявляет, что «местоимение — это вид существительного», что «логически и психологически — это субстантив», но тут же признается, что «грамматически оно более или менее отличается от существительного» (с. 48). Попытка L. Hjelmslev 'а отстоять принадлежность всех местоимений, кроме наречных, к особой грамматической категории (на основании своеобразия их отношений к члену) совершенно несостоятельна²⁸.

** Ср. замечание Г. Павского: местоимение *себя* «не имеет именительного падежа, потому что оно не самостоятельно, а только указывает отношения всех трех лиц к самим себе»³¹.

лагательного в функции определяющего слова — с полом обозначаемого лица. Например: «Вы сами не знаете, *какой вы*. И вы не смеее просить» (К. Федин, «Братья»). Ср. *Какая вы строгая*. Если же *вы* имеет свое прямое множественное значение, то с ним также не связаны родовые различия. Сходные рассуждения можно повторить и о местоимениях *он, она, оно*. И здесь сохраняется та же двойственная предметная отнесенность, что и в употреблении *я* и *ты*, — или непосредственно к указываемым лицам, или же к предметам через посредство рода их названий, имен существительных. Ср. в «Бесах» Достоевского:

- Слушайте, я намерена здесь открыть переплетную...

- Эх, *Marie*, у нас и книг-то не читают, да и нет их совсем. Да и станет *он* книгу переплетать?

- Кто *он*!

- Здешний читатель и здешний житель вообще.

- Ну так и говорите яснее, а то: *он*, а кто *он* — неизвестно. Грамматики не знаете.

Это в духе языка, *Marie*, — пробормотал Шатов.

Ср. в «Поединке» А. И. Куприна (в отзыве Сливы о Ромашове): «В-вся рота идет, к-как один ч-человек, — ать! ать! ать! — говорил Слива, плавно поднимая и опуская протянутую ладонь, — а *оно одно* — точно на смех — о! о! Як тот козел».

По мнению акад. А. А. Шахматова, в употреблении родовых форм «3-го лица предметного» обнаруживается синтаксическое согласование (так же как в формах рода прилагательных). Между тем *л* и *ч* н о е местоимение 3-го лица в единственном числе соотнобразуется в своих родовых изменениях с реальным полом заменяемого им субъекта^{37*}. Форма *они* характеризуется тем же родовым безразличием, что и *мы*.

Родовые значения получают еще более своеобразное выражение в парных местоимениях: *кто* — *что*; *некто* — *нечто*; *никто* — *ничто* (*кто-нибудь* — *что-нибудь*; *кто-то* — *что-то*; *кто-либо* — *что-либо*). Здесь значения родов мужского и среднего сливаются с различиями категорий лица или живого существа и предмета-вещи, которые как бы противопоставляются одно другому. Формами *кто*, *никто*, *некто* обозначаются живые существа мужского и женского пола. Однако в сочетаниях с вопросительным *кто*, а также с отрицательным *никто* и неопределенным *некто* родовые формы глагола, слов, принадлежащих к категории состояния (а также краткие формы имен прилагательных, входящих в состав глагола или примыкающих к глаголу), ставятся преимущественно в мужском роде (ср.: *кто другой*, *кто иной*; *кто из женщин входил сюда?* *кто из вас обронил сумку?* и т. п.). Полные же прилагательные в предикативном или полупредикативном употреблении, относясь даже к вопросительному *кто*, согласуются с полом обозначаемого лица, т. е. приспособляются к полу живого существа.

Вообще же, когда местоимение *кто* употребляется в вопросительном зна-

* Ср. у К. С. Аксакова: «Так называемое *третье лицо*: *он, она, оно* — есть обыкновенное местоимение и обозначает вообще предмет, следовательно, здесь нет вопроса об одушевленности, о сознательности: это не *личное* местоимение! Зато так называемое *третье лицо* — это *местоимение* в собственном смысле, ибо оно одно только в настоящем смысле употребляется *вместо имени*»¹. Мысль о необходимости обособить местоимения 1-го и 2-го лица («личные») от местоимений 3-го лица («третье-личных или безлично-родовых») высказывалась очень давно проф. И. А. Бодуэном де Куртенэ). См., например, его статью «Несколько случаев психически-морфологического уподобления или уодноображения в терско-славянских говорах северо-восточной Италии» (Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1905, т. 10, кн. 3).

чении и относится к неизвестному лицу, оно обычно не сопровождается указанием на различия лиц по полу. Здесь *кто* чаще всего имеет при себе мужской род (в формах согласования). К. С. Аксаков отмечал в вопросительном *кто* «неопределенный вопрос, следовательно, неизвестность, простирающуюся на род и число»³⁴. Вопросительное местоимение — неизбежно эквивалент неопределенного (ср. совмещение в слове *кто* вопросительных, относительных, разделительных и неопределенных значений)³⁵. Тоано так же, по-видимому, исключительны случаи употребления форм женского рода глагола или краткого прилагательного при местоимениях *никто* и *некто*. Впрочем, акад. А. А. Шах-матрв считал нормальными фразы вроде: «*Некто в белом подошла к моей кровати*»; «*Никто из нас не успела с нею проститься*»³⁶.

В других значениях местоимение *кто* (и производные *кто-нибудь*, *кто-то*, *кто-либо*), подобно личным местоимениям *я* и *ты*, сопровождается сопутствующим представлением о мужском и женском роде. Например: «*Была ли кто-нибудь из нас довольна своей судьбой?*»; «*Есть кого любить, толстомордую-то*» (Л. Толстой, «Власть тьмы»).

Предметное *что* (*что-нибудь*, *что-либо*, *нечто*, *ничто*) неизменно сочетается с представлением о среднем роде, хотя бы оно относилось к животному (например: *Что-то возилось в углу*).

Итак, родовое значение личных местоимений *я* и *ты* в непосредственном диалоге определяется реальным полом живого существа. В местоимениях *кто* (и составных *кто-то*, *кто-либо*, *кто-нибудь*), *никто* и *некто* явно преобладает значение мужского рода.

Впрочем, показательно, что имена прилагательные, связанные непосредственно (т. е. не через посредство глагола) с местоимениями *кто*, *никто* и с составными неопределенными *кто-то*, *кто-нибудь*, *кто-либо*, могут стоять и в мужском и в женском роде — в зависимости от пола лица, к которому относятся местоимения. При отнесенности личных местоимений к названиям предметов родовое значение их согласуется с родом соответствующего имени существительного. Таким образом, грамматическому классу местоимений чужды те принципы родовой классификации слов, которые составляют типическую особенность имен существительных.

§ 8. Своеобразие в приемах выражения категории лица у местоимений

Со своеобразием родовых значений у предметно-личных местоимений сочетаются особенности в приемах выражения категории лица. Местоимения делятся на личные и предметные. «Деление на личные и предметные местоимения, — замечает акад. А. А. Шахматов, — не соответствует вполне той грамматической категории одушевленности и неодушевленности, которую мы видели в именах существительных; это деление проводит резкое различие между лицами и не лицами; лица — это говорящий, его собеседник и все им подобные; к не лицам относятся и животные, и предметы, и явления. Это видно, например, из того, что, заметив животное, мы не спросим: *это кто?*, а скорее *это что?*»¹ В самом деле, местоимения *я*, *ты*, *мы*, *вы* служат показателями лица при формах прошедшего времени глаголов. Применение этих местоимений к животным и предметам связано с олицетворением их. Личное местоимение 3-го лица (*он*, *она*, *оно*, *они*) означает не только лица, но и живые существа вообще и даже предметы. Однако у этого местоимения в синтаксическом употреблении форм винительного-родительного падежа не обнаруживается тех отличий, которые обязательны для имен существительных в зависимости от их принадлежности к категории одушевленности или неодушевленности. В современном языке форма *его* является родительным-винительным паде-

жом от *он* и *оно*, относясь безразлично к лицам, животным и неодушевленным предметам. То же придется сказать о форме *ее* (*нее*) от *она* (с тем лишь исключением, что форма *ней* с предлогом употребляется только в значении родительного падежа: *у ней, около ней*). Таким образом, признаки категории лица даже при отнесенности местоимений к предметам неодушевленным тут выступают очень рельефно. Еще характернее и индивидуальнее противопоставление лица — живого существа и предмета-вещи выражено в местоимении *кто* — *что* (и производных). Здесь отличия местоимений от существительных обнаруживаются с особенной рельефностью. Противопоставление значений лица и вещи в *кто* — *что* выражено самим корнем, чередованием согласных *к* — *ч*. В именах существительных категории одушевленности и лица являются лишь разновидностями, подразделениями общей категории предметности. В местоимениях, напротив, предмет мыслится или как отклонение от категории лица, или как ее противоположность. Самый прием противопоставления значений лица и вещи посредством чередования согласных корня в форме местоимений *кто* — *что, некто* — *ничто, никто* — *ничто* — грамматическое явление, необычное для других категорий.

§ 6. Грамматические и экспрессивно-стилистические отражения категории числа в классе местоимений

Не менее индивидуальны приемы выражения категории числа у предметно-личных местоимений. Эти местоимения, в сущности, лишены форм числа. *Я, ты* не имеют множественного числа. Много *я*, много *ты* — эти понятия не могут быть непосредственно выражены грамматическими средствами. Местоимения *мы, вы* имеют другие значения³⁸. *Мы* (если это слово не относится к одному *я*) обозначает: *я* и еще кто-нибудь другой или другие. Так, еще Ф. И. Буслаев, ссылаясь на Боппа, писал: «*Я*, собственно, не способно к принятию на себя множественного числа, ибо только одно *я*, и понятие *мы* содержит в себе не только меня, но и множество других неделимых различного рода»³⁹.

Местоимения *мы* и *вы* имеют три разных значения:

!. При наличии особой экспрессии они могут обозначать то же лицо, что *я* и *ты*. *Мы* — это *я*, которое говорит от лица коллектива или которое скрывает себя за другими, или, наконец, облекает себя атмосферой скромности, авторского величия, торжественной важности. П. А. Каратыгин писал в предисловии к своим «Запискам»: «Не будет ли проглядывать сквозь эту болтовню мелочное самолюбьишко мое, где *я* необходимо будет тут на первом плане? Но и то сказать: лучше употребить это короткое местоимение, нежели говорить *мы*, которое как-то неприятно напоминает наших глубокомысленно мычащих журналистов, а вместе с ними и муху из басни Крылова: «*Мы* пахали». Итак, чтобы не походить ни на тех, ни на другую, лучше говорить *я*: оно и короче и яснее»⁴⁰. Ср. в письме Н. Шелгунова В. А. Гольцеву (от 1 сентября 1887 г.): «В *мы* много фальши, и из-за *мы* *я* торчит иногда еще больше. Теперь, впрочем, *мы* оставлено» (Архив В. А. Гольцева). *Вы* — это сторонний собеседник, это *ты*, но с оттенком официальной вежливости и светской, общественной далекости*.

—* Характерно постановление революционного комитета департамента Тары от 24 брюмера 2-го года (1793) в эпоху буржуазной Французской революции:

1. Слово *vous* — *вы* при обращении в единственном числе считается изгнанным из языка свободных французов, и место его занимает *tu* и *toi*. 2. Во всех официальных и частных документах *tu* и *toi* будет ставиться впредь вместо *vous* в единственном числе.

Для социальной истории форм обращения на *вы* и на *ты* небезынтересен диалог между помощником режиссера Нароковым и мещанкой (вдовой оркестранта) Домной Пантелеймо-новной в пьесе А. Н. Островского «Таланты и поклонники»:

2. *Мы* и *вы* означают группы лиц, в составе которых находятся первое и второе лицо. В таком случае эти местоимения говорят не о *я* и другом *я* (или о других *я*), не о *ты* и других *ты*, а о *я*, *ты* вместе с другими, в совокупности с ними.

3. В сочетании с предлогом *с* и творительным падежом других местоимений и существительных *мы* и *вы* могут обозначать *я* и *ты*, объединенные с кем-нибудь. Например: *мы с тобой* (= я и ты); *мы с ним* (= я и он); *мы с братом* (= я и брат); *вы с товарищем* (= вы или ты и товарищ) и т.п.

Кроме того, *мы* в обращении ко второму лицу — при выражении участия или насмешки — применяется иногда в значении *вы*. Например: «Мы, кажется, улыбаемся? Будьте добры, сообразовайте еще раз улыбнуться» (Чехов, «Иванов»).

Могут быть и иные, более сложные, хотя и более индивидуальные приемы переносного употребления личных местоимений. Таков, например, в драме А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева «Дикарка» разговор между Марьей Петровной и Варей, в которую влюблен муж Марьи Петровны:

Марья Петровна: А *мы* как скучали по тебе! Варя: Кто *мы*?

Марья Петровна: Будто не знаешь? Варя: *Он* ...твой...

Таким образом, *я* и *мы*, так же как *ты* и *вы*, не формы одного слова, а разные слова.

Лишь отчасти похожие, но более смешанные и тесные отношения наблюдаются между формами: *он* — *она* — *оно* и *они*. Множественное число здесь может обозначать и множество однородных предметов или лиц, и совокупность разнородных лиц и предметов. И все же — это формы одного и того же местоименного слова *он*.

Таким образом, понятия единственного и множественного числа в отношении личных местоимений наполняются совсем другим содержанием, не похожим на то, какое они имеют в именах существительных.

Местоимения *кто*, *никто*, *некто* (*кто-нибудь*, *кто-либо*, *кто-то*) имеют формы только единственного числа, но они могут обозначать и нескольких лиц. В таком случае при них возможно множественное число глагола и имени. Например: «И я при всех, *кто* были в кабинете, торжественно прочел пародию» (С. Аксаков); «*Кто* такие и какие они, эти компаньонки, Пьер не знал и не помнил» (Л. Толстой, «Война и мир»). Ср. у Пушкина в стихотворении «Рифма — звучная подруга»:

И *никто*, страшась Зевеса, Из богинь или богов Навещать его *не смели* — Бога лиры и свирели...

Ср. также: «*Кто* болтает ногами, *кто* ковыряет в носу, перемигиваются, передают друг другу разные знаки руками, выделывают разные акробатические штуки» (Помяловский, «Очерки бурсы»); «Все, *кто* мог ехать, ехали сами собой, те, *кто* оставались, решали сами собой, что им надо было делать» (Л. Толстой, «Война и мир»); «По средам у ней собираются *кое-кто* из старых знакомых» (Гончаров, «Обыкновенная история»).

Домна Пантелеймоновна: Неужто всякому «вы» говорить? Нароков: Да, в простонародье все на «ты».

Домна Пантелеймоновна: В простонародье! Скажите, пожалуйста. А ты что за барин?

Интересно в «Войне и мире» Л. Толстого сочетание местоимения *кто-то* в винительном падеже с формами множественного числа определяющего прилагательного и приложения-существительного: «Мерзавцы, изменники», — думал он, не определяя хорошенько того, кто были эти мерзавцы и изменники, но чувствуя необходимость ненавидеть *этих кого-то изменников*».

§ 7. Грамматические отношения супплетивных форм в склонении местоимений

В склонении предметно-личных местоимений характерно противопоставление формы именительного падежа формам косвенных падежей (я — *меня, мне* т. п.; ты — *тебя, тебе* и т. п.; он, она, оно — *его, ее, ему, ей* и т. п.; мы — *нас, нам*; они — *их, им*; кто — *кого*; что — *чего* и т. п.). Кажущееся исключение — местоимение *вы*. Однако форма *вы* также резко противопоставит формам *вас, вам, вами* (ср. *вами*). Этот тип противопоставления необычен для имен существительных (ср., впрочем, единичное слово, состоящее из одного согласного в корне: *щи, щей, щам* и т. п.)⁴¹. (Различие основы именительного и косвенных падежей в именах существительных типа: *время — времени; дитя — дитяти, мать — матери; дочь — дочери* и т. п. — не разрушает общности корневого элемента во всех формах одного слова: *врем-, дит-, мат-, доч-* и т. п.)

Эта особенность местоимений побудила А. М. Пешковского заявить, что в местоимениях «или совсем нельзя, или весьма трудно различить основу и окончание, так что со стороны звуковой это слова неизменяемые»⁴².

Формы словоизменений у местоимений очень разнородны. Основы склонения также подвергаются разным необычным фонетическим чередованиям и изменениям (ср.: *тебе — тобою; меня — мною; его — им* и т. п.).

Таким образом, для местоимений типичен сборный характер форм одного и того же слова. В этой черте отчасти отражается древняя супплетивность падежей личных местоимений, отчасти же объединение разных местоимений в формах одного слова.

§ 8. Особенности синтаксических связей местоимений с определяющими именами прилагательными и существительными

Отличия местоимений от имен существительных обусловлены в современном русском языке не только морфологическими, но и синтаксическими свойствами местоимений. Так, в противоположность именам существительным, местоимения не могут быть определены впереди стоящими прилагательными (кроме *весь* в сочетании с *мы* и *вы* и *один* в сочетании с *я, ты, мы, вы*. Ср. у Достоевского: «*Все мы* остальные и не знали, в каком положении дело»). Впрочем, относительно местоимений *кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь* приходится делать некоторые оговорки.

В общем разговорном и книжном языке личные местоимения могут иметь позади себя в качестве непосредственно примыкающих, не «обособленных» определений единичные местоименные прилагательные *один, сам, весь*⁴¹ и *первый* (ср. также своеобразную определительную связь числительного *оба* с личными местоимениями *мы оба, вы оба, они оба*); *все мы*; «*Одна лишь я до смерти трушу*» (Грибоедов); «*Я одна виновата*» (Тургенев). Обычно же прилагательные стоят позади местоимений и только в обособленном, полупредикативном положении. Впереди определяемых местоимений обособленные прилагательные ставятся почти исключительно при формах именительного падежа.

Ж

Скажи, что делать мне *с тобой*. *Недостижимой и единственной*, Как вечер дымно-голубой.

(Блок)

Беспечные, мы в чувстве бытия Что было, есть и будет, заключали, Грядущее надеждой укрепили...

(Жуковский)

«Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала» (Островский, «Гроза»); «Ее вчера тихонько толкнули и — *слабая* — она сегодня упала... вот и все» (М. Горький, «Мещане»):

...*Узрюмый,*

Неловкий, он едва, едва Ей отвечает.

(Пушкин, «Евгений Онегин»)

«*Измученные, грязные, мокрые, мы* достигли, наконец, берега» (Тургенев, «Льгов»); «Было странно, что, *маленький такой, он* может кричать столь оглушительно» (М. Горький, «Детство»).

Препозитивные прилагательные сочетаются с этой группой местоимений в косвенных падежах только в языке художественной литературы. Этот прием ощущается как черта индивидуально-поэтического стиля.

Такой порядок слов часто встречается, например, в языке Гоголя.

С этой инверсией определений связан оттенок «субстантивации» самих местоимений. Например, у И. С. Тургенева в письме к М. Г. Савиной от 1 (13) ноября 1880 г.: «...но увидимся ли мы иначе как в театре — вот вопрос. Во всяком случае — мы увидимся не как *прежние мы*»⁴⁴. Ср. у О. Руновой в романе «Лунный свет»: «Как будто в меня вселялась другая женщина, а я, *настоящая я*, только с ужасом прислушивалась и приглядывалась к ней».

При местоимениях *некто, кто-нибудь, кто-то, нечто, что-то, что-нибудь* определение также обычно ставится позади этих слов, хотя и без интонации обособления: *некто черный* (ср. *некто в сером*), *нечто удивительное, что-то странное, кто-то низенький*. Ср. инверсии устной речи: «*Другого любите кого-нибудь!*» (Островский, «Бедность не порок»).

Однако местоимения *что-то, что-нибудь* в разговорной речи (но не в литературно-книжном языке), подвергаясь некоторой субстантивации, могут иметь определение впереди себя. Например, в «Женитьбе Белугина» А. Н. Островского:

Нина А л е к с а н д р о в н а : Знаете, в вас нет *этого «чего-то»*... Андрей: Да чего «чего-то»?

Нина А л е к с а н д р о в н а : Вот этого, что нравится женщинам, что покоряет их.

В «Слугах старого века» Гончарова: «Так он читал все больше из той же хрестоматии Греча или *другое что-нибудь*, лишь бы звучное и мало понятное ему»; у Тургенева в рассказе «Ермолай и мельничиха»: «Смотрим, у старосты девочка, дочь, прехорошенькая, такое даже, знаете, *подобострастное что-то* в манерах».

Понятно, что когда эти местоимения решительно субстантивируются и становятся обозначениями отвлеченных понятий или конкретных предметов, они приобретают способность сочетаться с препозитивным именем прилагательным. Тогда они ничем не отличаются от всякой другой субстантивированной части речи, будет ли это глагол, наречие, междометие или что-нибудь иное.

Например: «Все старательно подготовленное им дело теперь испорчено кем-то и... *этот кто-то* будет нести всю ответственность за то, что произойдет теперь» (Л. Толстой, «Война и мир»).

Сверх того, местоимения отличаются от существительных тем, что они не сочетаются непосредственно с определяющим существительным в родительном падеже (не в составе сказуемого). Для синтаксического употребления имени существительного сочетание с родительным определительным (*признаки жизни, время расцвета* и т. д.) так же характерно, как сочетание с согласованным прилагательным (*коммунистический долг — долг коммуниста*).

Проф. Л. В. Щерба склонен «обязательное отсутствие определения в виде родительного падежа или прилагательного» считать одним из основных синтаксических признаков класса местоимений⁴⁵.

§ 9. Отсутствие у всех местоимений (кроме местоимения 3-го лица) родительного падежа в значении принадлежности

Группа местоимений, в отличие от существительного, не имеет родительного падежности, кроме *его, ее, их* (ср.: *чей, мой*)^{46*}. Форма же *его, ее, их* употребляется и в значении притяжательных прилагательных, но с тем важным грамматическим отличием от употребления имени существительного в форме родительного падежности, что нормальной для *его, ее, их* в притяжательном значении является постановка перед определяемым именем (ср.: *его шуба исчезла, но шуба гостя исчезла*)^{**}.

Любопытно противоположение притяжательного *их* и качественно-относительного *ихний* у Тургенева в «Нови»: «Фабричные ... много смеялись, не без гордости: «Вот, мол, наш-то каков! наш-то!» И он [Соломин] *точно был их и ихний*».

В связи с этой синтаксической функцией форм *его, ее, их* находится употребление *его, ее, их* в роли сказуемого, например, у Пушкина в «Братьях-разбойниках»: Тот *их*, кто с каменной душой Прошел все степени злодейства.

Ср. у Тургенева в «Дневнике лишнего человека»: «Да, Лиза теперь *его*. Теперь уже ничто ее не может спасти, удержать на краю пропасти».

§ 10. Особенности предложного употребления местоимений

В связи с неспособностью местоимений иметь впереди себя определяющее прилагательное находятся и своеобразия их предложного употребления. Между предлогом и местоимением (в отличие от существительного) невозможна вставка прилагательного (или ряда прилагательных с подчиненными членами). Единственное исключение допускается для слов *сам* и *один* (*к самому тебе; для самого меня это известие было полной неожиданностью*), но и в этом случае более употребителен обратный порядок слов: *к тебе самому; для тебя одного; для меня самого*⁴¹.

Не лишено значения и то обстоятельство, что в современном языке предложные формы косвенных падежей местоимения *он, она, оно, они* (*ней, него,*

_____* Но ср. при противопоставлении: «Это мнение не одного меня, но всех, которые слушали эту комедию, а их было человек десять,— между прочим, Дружинин, которого я знакомил с Анненковым» (письмо Н. А. Некрасова И. С. Тургеневу от 12 сентября 1848 г.).

** О других намечающихся отличиях местоимения 3-го лица ср. также замечания С. Кац-нельсона в работе «К генезису номинативного предложения», с. 19 и 25, примечание.

нему, ним, них и т. п.) противопоставляются беспредложным формам (*ей, его, ему, им, их* и т. п.), зависящим непосредственно от имен существительных и прилагательных, от глаголов и от тех предложных наречий, в которых еще преобладают грамматические черты наречия, а не предлога. Ср.: *у него, у ней, над ним, при нем, мимо него, против него, возле них* и т. п.; но *наперекор ему, вопреки ему, на зло ей* и т. п. Характерно, что еще у Чехова встречается употребление такого типа: «*против их* сидел». Ср. у Пушкина: «*между ими*», «*около его*»; у Лермонтова: «*пробежала мимо его*» и т. п.⁴⁸

§ 11. Своеобразие местоименных конструкций с предлогом *по*

На обособленное положение местоимений личных и местоимений вопросительных *кто, что* (ср. *некого, нечего, никто, ничто*) указывают своеобразие их употребления с предлогом *по*. В тех значениях, которые присущи предлогу *по* в сочетаниях с дательным падежом имен существительных, этот предлог управляет предложным падежом местоимений: *по нем, по ком, по чем, по нас, по вас*. Например: *По берегу трудно ходить; Этот берег крут, по нем трудно ходить; Это не по нас*⁴⁹. «Где-где вьется прихотливым извивом проселок, и бойко проскачет *по нем* телега» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»); «Иван... стал колотить напуганных животных *по чем* попало» (Короленко, «История моего современника») и др.

§ 12. Противоречивое положение местоимений в грамматической системе современного русского языка

Нельзя не обратить внимания на то, что группа местоимений, при всем различии пережитых ею процессов, при всем своеобразии своих лексических значений и своих синтаксических функций, обнаруживает некоторую морфологическую общность с классом имен числительных (ср., например, отсутствие различий в формах рода и числа, противопоставление прямых и косвенных падежей).

В местоимениях пережиточно сохранились, хотя и в сильно измененном виде, следы древнейших стадий грамматического строя. В силу своеобразий своей лексической и грамматической природы местоимения до сих пор не вполне слились с живой системой продуктивных частей речи и не перешли целиком в разные синтаксические частицы.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «МЕСТОИМЕНИЯ»

1. См.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1927, вып. 2, с. 89 [498].
2. Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистики чешской грамматики. Пг., 1915, вып. 2, с. 215.
3. Истрина Е. С, Бубрих Д. В. [Рец. на кн.:] Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. — Вестник Академии наук СССР, 1946, № 4, с. 103.
4. См.: Добиаш А. В. Синтаксис Аполлония Дискола. Киев, 1882, с. 80.
5. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. Спб., 1850, с. 249-250.
6. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Спб., 1852, с. 207.
7. Аксаков К. С. О грамматике вообще.— Поли. собр. соч. М., 1875, т. 2, ч. 1: Сочинения филологические, с. 9; Ср.: Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 266; ср.: Wundt W. Volkerpsychologie. Leipzig, 1904, Bd. 1, S. 164.
8. См.: Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, с. 224 и след.

9. Аксаков К. С. О грамматике вообще, с. 7; ср. *его же*: Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева. — Поли. собр. соч. М., 1875, т. 2, ч. 1: Сочинения филологические, с. 541.
10. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. Спб., 1834, с. 23, 105.
11. Аксаков К. С. О грамматике вообще, с. 9. Ср.: Кацнельсон С. Д. К генезису номинативного предложения. М. — Л., 1936, с. 22.
12. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. — Поли. собр. соч. М., 1880, т. 3, ч. 2: Сочинения филологические, с. 22.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 62.
14. См.: Jespersen O. Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. Heidelberg, 1925, S. 102; ср. также: Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Berlin, 1923, Bd. 1. Die Sprache, S. 224-228.
15. См.: Pick A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Göttingen, 1868, S. 934.
16. Потёбня А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888, вып. 1 — 2, с. 82 [89].
17. Там же, с. 26, 83-84 [36, 90-91, 100].
18. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 164 [155].
19. Там же, с. 158.
20. Jespersen O. Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Entstehung, S. 101 — 103.
21. Классовский В. Нерешенные вопросы в грамматике. Спб. — М., 1870, с. 63.
22. Зарецкий А. И. О местоимении. — Русский язык в школе, 1940, № 6, с. 17.
23. Пешковский А. А. Наш язык. М. — Л., 1927, ч. 3, с. 81.
24. Грунский Н. К. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Юрьев, 1911, т. 2, с. 179.
25. Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 249.
26. См.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1925, вып. 1, с. 18 [36]; ср. вып. 2, с. 40 [458].
27. Зарецкий А. И. О местоимении, с. 21.
28. См.: Hjelmslev L. Principes de grammaire generate. 1928, p. 331-339; ср.: De la Grasserie R. De la veritable nature de pronom. Louvain, 1888; *его же*: De la conjugaison pronominale notamment du predicatif et du possessif. P., 1900.
29. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 3 [422].
30. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, с. 163.
31. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе, с. 265.
32. См.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 86 [496].
33. Аксаков К. С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, с. 541.
34. Аксаков К. С. Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики. — Поли. собр. соч. М., 1880, т. 3, ч. 2: Сочинения филологические, с. 76.
35. Ср.: Sechehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase. P., 1926, p. 185.
36. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 87 [496].
37. Там же, с. 85-86 [495].
38. Ср.: Vopp Fr. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen. Berlin, 1833-1842, Bd. 1-3, S. 472. Ср. также: Ueber einige Demonstrativstamme, 1830; Grimm J. Kleinere Schriften. Berlin, 1866, Bd. 3, S. 240.
39. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. М., 1844, ч. 2, с. 80. Ср.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 48, 86 [465, 495].
40. Каратыгин П. А. Записки. Л., 1929, т. 1, с. 3.
41. См.: Кацнельсон С. Д. К генезису номинативного предложения, гл. 1: Супплетивность падежей личных местоимений в германских языках.
42. Пешковский А. М. Наш язык. М., 1923, вып. 2, с. 173.
43. Ср.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, вып. 1, с. 296 [301-302].
44. Тургенев и Савина. Пг., 1918, с. 19.
45. Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915, с. 83; ср. *его же*: О частях речи в русском языке. — Русская речь. Л., 1928, вып. 2, с. 63 — 84.

46. Ср.: *Лысков С. П.* О частях речи. Опыт характеристики их природы морфологической, синтаксической и семасиологической. М., 1926, с. 11.

47. См.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 167 [159].

48. См.: *Kojuđiћ P.* Грамматика руског језика. Београд, 1914, т. 2, с. 55.

49. Ср.: *Востоков А. Х.* Русская грамматика. Спб., 1851, ч. 2, § 136, с. 241-242; § 139, с. 259; см. также: *Чернышев В. И.* Правильность и чистота русской речи, с. 177.

V. НАРЕЧИЕ 1. ВОПРОС О НАРЕЧИЯХ В РУССКОЙ

ГРАММАТИКЕ

§ 1. Традиционные точки зрения на наречие. Определение категории наречия

Категория наречия определяется совокупностью морфологических, синтаксических и семантических признаков.

Видимая распыленность, разнородность морфологических примет русских наречий заставила грамматистов искать внутреннего единства этой категории на путях семантического и синтаксического ее изучения. При этом сначала — под влиянием древней традиции, шедшей от античных грамматиков, — возобладало голое вещественно-логическое определение «наречия как качества или обстоятельства другого качества или действия»*. Отвлеченный, логический характер этого определения не удовлетворил представителей сравнительно-исторической школы языковедения уже в первой половине XIX в. К середине XIX в. в русских грамматиках при анализе наречий получили решительный перевес синтаксические критерии. Наречие признается синтаксической категорией по преимуществу. Эту грамматическую традицию¹ возглавляет К. С. Аксаков: «Наречие не есть часть речи. Часть речи то, что получило в слове особую форму, особый отдел; наречие своей особой формы (в слове.— *В. В.*) не имеет. Оно выражает отношение, оно есть уже синтаксическое явление. Наречием могут быть разные части речи, в разных отношениях, употреблениях^{2**}. Интерес к синтаксическим функциям наречия помог точнее определить место наречия среди других частей речи.

А. А. Потебня, углубив синтаксическую точку зрения на наречие как на несогласуемый «признак признака» и увидав в нем «особую форму, присвоенную обстоятельным словам», вернул наречие в систему основных знаменательных частей речи⁴. Концепция Потебни нашла дальнейшее, хотя и не однородное, обоснование и развитие в грамматических системах акад. А. А. Шахматова и проф. А. М. Пешковского.

А. М. Пешковский сначала колебался в выборе между этимологической и синтаксической точками зрения на наречие. Потом — под влиянием Потебни и Шахматова — склонился к признанию наречия категорией «целиком синтаксической»***. По словам Пешковского, в наречиях изображаются признаки того, что высказано в глаголе и прилагательном. Значение «признака признака», свойственное наречию, выражается целой серией морфологических примет (например, формами на -о, на -ски и -ци без префикса и с префиксом *по-*; формами на -ьи с префиксом *по-* и без него; формами, состоящими из предлога-префикса *по* и дательного падежа единственного числа среднего рода прилагательного), но больше всего — синтаксическим употреблением. «Наречие отличается от всех остальных частей речи тем, что в нем огромное место занимают бесформенные слова, которые можно бы назвать синтаксическими наречиями»⁶.

Акад. А. А. Шахматов в своем «Синтаксисе русского языка» расширяет объем

* Слово *наречие* (греч. *epigrama*, лат. *adverbium*) собственно значит прилагательное (от *gema*, *verbum* — глагол). Но еще Барсов в своей грамматике (XVIII в.) отмечал, что этимологический смысл термина *наречие* не соответствует позднейшим функциям этой категории: наречия относятся не только к глаголам, но и к другим частям речи¹.

** Ср. также: «Наречие не есть особая часть речи: это понятие синтаксическое, которое может быть выражено целым предложением» -\

*** Ср. также в статье В. Ф. Андреева «Знаменательные и служебные слова в русской речи»: «...наречие есть синтаксическое, но не этимологическое понятие»⁵.

понятия наречия. По мнению Шахматова, наречие в известном смысле занимает центральное место в системе частей речи. «Наречие может быть определено, во-первых, как отвлеченное название признака и отношения, во-вторых, как название признака и отношения в их сочетании с другими признаками. Отсюда тесная связь наречия с другими частями речи, переход их в наречия, их адвербиализация»⁷. Об адвербиализации свидетельствует морфологический состав наречий, среди которых легко найти бывшие существительные, прилагательные, глаголы, местоимения, числительные. Особенно близки наречия к прилагательным и существительным: «По существу своему наречие тождественно с прилагательным»⁸ и отличается от него лишь отсутствием форм согласования. Но, в отличие от прилагательного, наречие переходит «при благоприятных условиях в служебные части речи, т. е. предлог и союз; оно занимает таким образом середину между прилагательным, с одной стороны, служебными частями речи - с другой»⁹. «Наречием становится существительное в именительном и косвенных падежах, когда получает в предложении значение обстоятельства...»¹⁰

Таким образом, категория наречия выступает во всем разнообразии своих морфологических признаков, синтаксических функций и семантических особенностей.

Мысли А. А. Шахматова о синтаксической природе наречия легли в основу статьи проф. А. П. Рифтина «Об образовании наречий»¹¹. А. П. Рифтин исходит из предположения, что «первоначально действия и состояния, выражаемые в глаголе, не мыслились отвлеченно, но всегда включали в себя определенную характеристику, выступая с этой характеристикой как одно понятие»¹². То, что теперь у нас выражено наречием, «входило в качестве неразрывной составной части в семантику самого действия или состояния»¹³. Но затем, «характеристика действия или состояния выделяется из семантики глагола и выражается особым словом»¹⁴. Глагол получает возможность употребляться со многими характеристиками. Так возникает наречие как чисто синтаксическая категория. «Синтаксическая форма предшествует морфологической», но затем развиваются и разные способы морфологического выражения категории наречия. «Анализ морфологически оформившихся наречий в различных типах языков показывает, что наречия возникли из имени в косвенном падеже, реже в прямом»¹⁵. Между тем «древнейшие наречия представляют морфологически не оформленные приглагольные частицы с пространственным значением, конкретизирующие действие глагола»¹⁶. Переход из дополнения в обстоятельство есть главнейший путь образования наречий из имени существительного или иных субстантивированных слов.

«Под обстоятельством же следует понимать семантическую характеристику глагола, прилагательного, наречия, реже — существительного, которая выступает одновременно и как синтаксическое отношение». Таким образом, в наречии как обстоятельстве на первое место выступает грамматическое значение отношения. В связи с этим меняется и лексическое содержание наречий, которые выпадают из системы именного склонения и приобретают значение неизменяемого обстоятельного слова.

Синтаксической точке зрения на наречие в русском языкознании была противопоставлена морфологическая точка зрения.

В фортунатовской школе с класса наречий были совлечены все его семантико-синтаксические оболочки. К анализу наречия применялся обнаженный принцип абстрактного морфологизма. Фортунатовская «грамматическая форма», форма отдельного слова («способность слова выделять в своем составе основу и формальную принадлежность»), обнаруживалась далеко не у всех наречий. Наречия оказались разделенными на два разряда — грамматических (с формой словообразования, например: *громко, дружески, по-старому* и т. п.) и неграмматических («бесформенных») наречий, например: *вчера, здесь, долой* и т. п. Так синтаксическая точка зрения на наречие нашла свой антитезис. Время синтеза наступило, и для него сделаны все подготовительные работы*.

Наречия — это грамматическая категория, под которую подводятся несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые слова, примыкающие к глаголу,

♦ Предлагаемые ниже морфологические и семантические классификации наречий впервые были намечены мною в докладе, прочитанном в Ленинградском лингвистическом обществе в 1927 г. Ср. ссылку на этот доклад в статье Л. В. Щербы «О частях речи» (Русская речь. Л., 1928, вып. 2, с. 15 [73]. См. также работу Е. М. Федорук-Галкиной «Наречие в современном русском языке» (М., 1939).

к категории состояния, к именам существительным, прилагательным и производным от них (например, к тем же наречиям) и выступающие в синтаксической функции качественного определения или обстоятельственного отношения. Наречия морфологически соотносительны с именами существительными, прилагательными, глаголами, с местоимениями и именами числительными.

2. ФОРМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ НАРЕЧИЙ

§ 2. Морфологические особенности наречий

Морфологическими особенностями категории наречий являются: 1) словообразовательная соотносительность наречий с именами и с глаголами; 2) опирающаяся на эти соотношения система грамматических разрядов наречий со свойственным им инвентарем особых морфем; 3) резкие отличия в значении тех грамматических элементов, которые общи (омонимичны) у наречий с другими классами слов *; 4) узость грамматического объема слова в категории наречия, отсутствие форм словоизменения у наречий (кроме степеней сравнения у группы качественных наречий); 5) своеобразная внутренняя динамика форм в пределах категории наречия, ограничивающая передвижение слов из одного разряда наречий в другой кругом резко очерченных значений (качественных, количественных, обстоятельственных). Все эти морфологические особенности сдерживаются в русле одной грамматической категории единством их семантики и однородностью их синтаксического употребления.

§ 3. Основные морфологические разряды наречий

Морфологический строй наречий определяется прежде всего их отношением к другим грамматическим категориям. Наречия соотносительны с именами, местоимениями и глаголами. Эта соотносительность обусловлена не только исторически, но и функционально **. Известно, что наречия пополнялись и пополняются из резервов имен существительных, прилагательных, числительных, глаголов; что в составе наречий выделяются как наиболее архаические и обычно утратившие свою морфологическую делимость группы местоименных наречий. Само происхождение наречия как грамматической категории тесно связывается исследователями с исторической судьбой местоимений, имен и некоторых глагольных форм. Распространяясь и умножаясь за счет других категорий русского языка, наречия не теряют с ними функциональной связи. Лексическая природа, морфологическое строение и синтаксические функции наречий содействуют укреплению непосредственных соотношений между наречиями и именами-глаголами. Аналитичность наречий отражает синтетический строй других категорий. «Аморфность» наречий — функционально преобразованная система форм. Наречия представляют собою не только морфологические остатки исчезнувших или исчезающих грамматических разновидностей, но и вновь возникающий продукт борьбы между живыми формами в составе других частей речи. На этой тесной грамматической связи наречий с другими частями речи основано различение четырех основных лексико-морфологических разрядов в системе наречий. В кругу наречий выделяются:

— • Ср. замечание Потевни о наречиях: «Потеря склоняемости не связана в них с уничтожением специального значения, как в предлогах и союзах, а есть только средство обозначения категории наречия»¹⁷.

** В грубом виде это положение было выставлено В. Ф. Андреевым: «...в составе наречий есть: 1) самостоятельные понятия, означающие предметы: *дома, сегодня, вчера, вблизи, сначала, впотьмах, наземь, например*; 2) самостоятельные понятия со значением числа: *заодно, вдвоем*,

1) наречия предметно-обстоятельственные, соотносительные с именами существительными и по корневым, и по суффиксальным морфемам;

2) наречия качественные или качественно-относительные, связанные с именами прилагательными;

3) наречия числовые, количественные, соотносительные с именами числительными ;

4) наречия процессуальные, действенные, соотносительные с глаголом.

Эти четыре грамматических разряда наречий являются основными.

Каждый из них сочетается с формальными особенностями строго определенного круга значений, а в совокупности эти разряды исчерпывают грамматическое содержание категории наречия. Поэтому все другие принадлежащие к наречиям группы слов вливаются в какой-нибудь один из этих разрядов.

Внутренние сдвиги среди наречий, переходы их из одной группы в другую, одновременное употребление наречного слова в разных смысловых оттенках — замыкаются в рамках этих четырех разрядов. Эта грамматическая определенность класса наречий, четкость его семантических границ доказывает, что идея наречия как живой грамматической категории, служащей несо-гласуемым определением к именам и глаголам и характеризующейся отсутствием или омертвлением флексий склонения и спряжения, глубоко гнездится в системе современного русского языка.

Точное определение семантического объема, морфологических признаков и синтаксических функций наречия позволит избежать одного распространенного лингвистического предубеждения. Принято думать, что выпадение слов из строя так называемых изменяемых частей речи равносильно их адвербиализации, их превращению в наречия. На этой почве у акад. А. А. Шахматова сложилось расширенное понимание значений наречия. Наречие определялось не только как «название признака и отношения в их сочетании с другими признаками», но и как «отвлеченное название признака и отношения». По учению Шахматова, в наречия превращаются имена существительные, когда они означают «признак, мыслимый отдельно от субстанции», например: *шутка сказать; пора вставать*; «равным образом в наречия переходят существительные, как *беда, страсть, страх*»; адвербиализуется инфинитив, как только он теряет отношение к лицу, к субъекту, например: *он видать болен*; адвербиализуется повелительное наклонение при отсутствии субъекта: *глядь, будто, мол*; адвербиализуется настоящее время изъявительного наклонения при тех же условиях: *вишь, ишь*; адвербиализуется числительное вне сочетаний с существительным¹⁹.

Эта теория универсальной адвербиализации²⁰, восходящая в своих истоках к глубокой древности, противоречит живым грамматическим процессам современного русского литературного языка. Параллельно с категорией наречия и даже отчасти на ее основе и во взаимодействии с ней в русском языке развились новые грамматические классы слов, которые уже никак нельзя смешивать с наречиями. Необходимо описать формы современных наречий и выстроить их в группы.

§ 4. Морфологические типы качественных наречий и их связи с именами прилагательными

В современном русском языке больше всего наречий качественных, соотносительных с именами прилагательными. Это очень продуктивный разряд.

втроем и пр.; 3) зависимые понятия, означающие: а) качества: *умно, хорошо, бойко, красиво*; б) порядок действия: *во-первых, во-вторых, в-третьих* и пр.; 4) заменяющие как самостоятельные, так и зависимые понятия: *сколько, несколько, нисколько, тут, там, тогда, так; потому, оттого...* и пр. Из рассмотренных видов наречий видно, что они являют собой смешанную категорию слов»¹⁸.

Близость наречия к именам прилагательным нередко кладется в основу понимания всей категории наречия. Возможны две точки зрения на связь качественных наречий с именами прилагательными. Одна опирается на живое современное языковое сознание, которое готово признать качественные наречия формой соответственных прилагательных. Акад. Л. В. Щерба писал: «Такие слова, как *худой* и *худо*, мы очень склонны считать формами одного слова, и только одинаковость функций слов типа *худо* со словами вроде *вкось*, *наизусть* и т. д. и отсутствие параллельных этим последним прилагательных создают особую категорию наречий и до некоторой степени отделяют *худо* от *худой*»²¹. (Ср. сходные соображения у проф. Куриловича в его рассуждении о частях речи.) Конечно, в нашем сознании наречия на *-о*, *-е* отнюдь не сближаются с какой-нибудь другой схожей по внешнему виду формой имени прилагательного, например с нечленной формой имени прилагательного среднего рода. Вопрос стоит в иной плоскости: образуют ли наречия на *-о*, *-е* отдельные, самостоятельные слова или же они являются своеобразными беспадезжными и несогласуемыми формами имен прилагательных? Другой точке зрения на качественные наречия, тоже подчеркивающей их однородность с именем прилагательным, чуждо понимание живых современных грамматических отношений. Эта точка зрения грешит анахронизмом. В соответствии с давним взглядом на генезис наречий типа *хорошо*, *внимательно* и т. п., нашедшим отражение еще в «Российской грамматике» Ломоносова, а затем в грамматике Востокова, она прямо объявляет наречия на *-о*, *-е* краткими прилагательными среднего рода единственного числа*. Например, Р. И. Ава-несов и В. Н. Сидоров в своем учебнике «Русский язык» писали: «От качественных прилагательных вообще наречия не образуются. В роли наречий от них употребляются краткие прилагательные среднего рода (на *-о*, *-е*). Последние могут определять глагол и тогда обозначают уже не свойство предмета, а признак действия, т. е. приобретают значение наречия. Сравним: *блюдец чисто* и *блюдец чисто вымыто*; *описание интересно* и *он интересно описал*; *движение быстро* и *он быстро двигался*»^{22**}.

Только предвзятая, оторванная от живой речи мысль лингвиста может не заметить пропасти между этими грамматическими омонимами в современном русском языке (а таких омонимов может быть и больше, например: *сберечь тепло*, *тепло одеть ребенка* и *в доме тепло*; *причинить зло*, *зло издеваться*, *зло посмеяться над кем-нибудь*, *лицо было зло* и *вульгарно* и т. п. Ср. также другие типы омонимов: *больно ударить*, *мне больно руку* и *сделать больно*). Ведь для нас непосредственная связь определяющего, но несогласованного имени прилагательного среднего рода с глаголом была бы непонятной, так как для нас имя прилагательное — синтетическая категория, располагающая формами согласования. Кроме того, категория кратких имен прилагательных в современном русском языке связана с формами времени.

Наконец, средний род краткой формы имен прилагательных немислим в русском языке вне соотношения с мужским и женским родом, а все вместе — вне соотношения с членными формами. Между тем наречия на *-о*, *-е* не только не соотносительны с краткими формами имени прилагательного (ср., например, историю возникновения и развития отпричастных наречий типа *угнетающе*, *вопрошающе*, *исчезающе* и т. п.), но иногда отличаются от них да-

* О генезисе наречий на *-о* можно найти много интересных замечаний в труде А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике» (вып. 1—2) и в книге А. В. Попова «Синтаксические исследования» (Воронеж, 1881, с. 94 — 97, 139 и др).

** Ср. это же толкование в грамматиках Ломоносова и Востокова. «Наречия, которые принимают уравнения, суть по большей части имена прилагательные в среднем роде и несправедливо к одной части слова причитаются» (Ломоносов. Российская грамматика, § 77 [с. 417]). Ср. ту же точку зрения у В. Н. Сидорова в «Очерке грамматики русского литературного языка» (1945).

же ударением (ср. различие ударений в наречии *старо* и прилагательном *старо*; в наречии *мало* и прилагательном *мало*; в наречии *здорово* и прилагательном *здорово*; в наречии *остро* и прилагательном *остро*; в наречии *больно* и прилагательном *больно*; в наречии *красно* и прилагательном *красно* и т. п.).

Да и обращение к другим языкам за параллелями может лишь вконец подорвать теорию приравнения качественных наречий к среднему роду имен прилагательных.

Близость наречий к прилагательным особенно ощутительна в языках с развитым или развивающимся аналитическим строем. «В таких языках, — пишет проф. Булич, — различие наречий от прилагательного с помощью естественного формального языкового чутья уже подорвано. В предложениях вроде *eg spricht gut* и *eg ist gut* уже незаметна первичная разница между наречием и прилагательным. Отсутствие различия сказывается особенно ярко в употреблении превосходной степени наречия с вспомогательным глаголом там, где в положительной степени стоит несклоняемая форма прилагательного, тождественная по форме с наречием: *du bist schon, du bist am schonsten wenn* и т. д.». Наоборот, некоторые наречия в сочетании с прилагательным в различных языках, даже аналитических, склоняются, как прилагательные: по-французски говорят *toute pure, toutes pures* — совсем чистая, совсем чистые*.

Если в современном русском языке искать параллелей для такого типа наречий, то их скорее всего можно найти среди слов, связанных с местоимениями и числительными. Таковы, например (этимологически разлагаемые на элементы), идиоматические выражения: *сам-друг, сам-третьей, сам-четверт, сам-пят, сам-шест, сам-сем* и т. п. (*овес уродился сам-третьей; пшеница уродилась сам-десят; урожай сам-шост* и др.). Из местоименных оборотов сюда, по-видимому, подойдет: «*Вот он я!*»

Ср. у Л. Толстого в «Войне и мире»: «Проходя мимо зеркала, она заглянула в него. — *Вот она я!*» — как будто говорило выражение ее лица при виде себя». Но в русском языке, в котором еще не очень богаты приемы аналитизма, такого типа наречий немного. Они представлены главным образом застывшими оборотами речи.

В русском языке краткое прилагательное более тесно сближается с категорией наречия не тогда, когда оно прилагательно и согласуемо, а когда оно употребляется в качестве безлично-временной формы. Синтез имен прилагательных и наречий осуществляется внутри категории состояния.

Широкое развитие качественных наречий на *-о, -е* свидетельствует о растущей потребности качественной дифференциации оттенков действия. Качественные наречия чаще всего определяют действие. Сочетания их с именами прилагательными, с категорией состояния и с наречиями в общем ограничены довольно определенными семантическими категориями (о которых удобнее говорить в курсе русской лексикологии). Например: «Впервые он почувствовал, что живет в *неизмеримо* громадном мире и что мир этот *непонятно* суров» (К. Федин, «Братья»); «Небо стояло *необычно высоко*» (К. Федин, «Города и годы»); «Нет, это я его маленько ушиб второпях», — ответил Тихон *глухо громко* и шагнул в сторону» (Горький) и т. п.

Круг наречных образований на *-о, -е* в русском литературном языке продолжает расширяться. Так, распространение отрицательных наречий на *-е* (*-юще* и реже *-яще*), начавшееся с 60—70-х годов XIX в., не прекращается и

—• Наречие может функционально сблизиться с именем прилагательным, выступая в роли определения к имени существительному, например: «И понемногу становится похож на человека, *так себе*, не хорошего, но и не дурного» (Чернышевский, «Что делать?»); «Участвовали настоящие певцы с голосами *не чета* моему» (К. Станиславский, «Моя жизнь в искусстве»); «Тут много было и хохоту, сиплого, дикого и *себе на уме*» (Достоевский, «Бесы»); «Приданое для Аглаи предназначалось колоссальное, *из ряду вон*» (Достоевский, «Идиот»).

в современном языке *. Наречия этого типа примыкают не только к глаголам, но и к прилагательным и другим качественным наречиям. Например: «Жена... была элегантно и заманчива, *беспокояще* красива» (Л. Толстой, «Крейцера соната»).

«Число слов с этим суффиксом *исчезающе* мало» (Л. В. Щерба, «Восточно-лужицкое наречие»).

«Весна-недоноска, а такая всегда бойка, нахальна, то *подкупающе* ласкова или вдруг холодна, сонна» (Д. Лаврухин, «Невская повесть»).

В самом конце XIX в. обозначается тенденция к образованию наречий на *-о*, *-в* и от относительных имен прилагательных, не имеющих ни краткой формы, ни степеней сравнения. В современном русском языке этот процесс протекает очень интенсивно. Например, получают широкое распространение наречия от относительных прилагательных на *-овый*, *-евый*: «Профессор... ввинчивал чеканно, *маршево*, восторженно короткие звонкие шажки в мокрые плиты» (Федин, «Города и годы»); «Сэр Фальстаф старается отождествить хотя бы *звуково* «good words» (образные слова) с «good warts» (разросшаяся трава)» (Литературный критик, 1935, № 2); *работать планово*; *рассуждать де-лово* и другие подобные.

Итак, в современном русском языке заметно расширяется круг наречного словопроизводства не только от качественных**, но и от относительных имен прилагательных.

В процессе морфологического перевода имен прилагательных в категорию наречия особенно велика роль группы слов с суффиксом *-(ь)н-* (с ударением не на флексии). От прилагательных на *-(ь)ный* образуются формы наречий на *-о* даже в тех случаях, когда имя прилагательное имеет ярко выраженное предметно-относительное значение***. Таковы, например, группы наречий, обозначающих время, число и порядок, производные от прилагательных на *-ный* с приставкой *по-*: *повзводно*, *поротно*, *поочередно*, *помесячно*, *поминутно*, *поденно* и т. п. (ср. также наречия, производимые от относительных прилагательных с приставками *до-*, *за-* и другими: *досрочно*, *заглазно*, *заочно* и т. п.).

Приставка *по-* играет основную организующую роль и в непосредственном предложном производстве наречий от относительных имен прилагательных.

Очень продуктивен и другой морфологический тип наречий: на *-ски*, *-ци*, соотносительный с разрядом имен прилагательных на *-ский* и, следовательно, включающий в себя, наряду с качественными значениями, и оттенки предметного отношения. Например: «Он *мастерски* об аде говорит» (Пушкин, «Пир во время чумы»). Ср.: *братски*, *дружески*, *отечески*, *страдальчески*, *предательски*, *захватнически*, *идеалистически*, *марксистски*, *пролетарски*, *лингвистически*, *мещански*, *барски*, *рабски*, *приобретательски*, *вредительски*, *зверски*, *ритмически* и т. п., а также: *по-татарски*, *по-польски*, *по-ученически*, *по-кулацки*, *по-казацки* и т. п.

§ 5. Степени сравнения и формы субъективной оценки у качественных наречий

В разряд качественных наречий на *-о* из системы имен прилагательных переносится целый арсенал форм, через которые проходит и которыми харак-

* Ср. «Глаза *прислуживающе* бегают» (В. Вересаев, «Воспоминания»), *♦ К качественным наречиям на *-о* примыкает непродуктивный тип составных наречий, образуемых путем слияния форм на *-ым* с формой на *-о* от одной и той же основы прилагательного, например: *полным-полно*, *темным-темно*, *голым-голо* (Писемский); ср. *давным-давно*. *** Ср. наречные образования вне соотношения с прилагательными: «Мужик *готовно* согласился» (Федин, «Трансвааль»). Ср. широкое распространение наречных образований от других групп относительных прилагательных.

теризуется наречие со значением чисто качественного определения. Это прежде всего формы степеней сравнения:

1) сравнительной степени, совпадающей с соответствующей формой имени прилагательного на *-ее (-ей)*, *-е* и *-ше*: «Теперь *вольнее* всякий дышит» (Грибоедов); *ярче, легче, моложе, выше, тоньше* и т. п.; ср. употребление описательной сравнительной степени с *более* при формах не только на *-о*, но и на *-ски*: «Рогожин... в собеседничестве нуждался, казалось, *более механически*, чем нравственно» (Достоевский, «Идиот»);

2) описательной превосходной степени, состоящей из той же формы сравнительной степени и родительного падежа *всего* и *всех*: *работать лучше всех, любить больше всего* и т. п.;

3) превосходной степени на *-е* от форм прилагательных на *-айший, -ейший* (ср.: *глубочайше, покорнейше, низжайше, почтительнейше* и т. п.). Эта форма наречия почти отмирает. Она встречается главным образом в риторических стилях книжной речи и в канцелярском языке (ср.: *строжайше, наистрожайше*).

В разговорном языке от наречий на *-о* образуются также формы субъективной оценки с помощью суффиксов:

1) продуктивного *-оньк-, -еньк-* со значением субъективно окрашенной усилительности или увеличительности: *давненько, скоренько, хорошенько, тяжеленько, легонько* и т. п.; ср. «Старался он одеваться *чистенько*, несмотря на чрезвычайную свою бедность» (Достоевский, «Бесы»);

2) менее продуктивного *-онечк-, -енечк-* с обостренным оттенком ласкательности: *тихонечко, хорошенечко, легонечко, маленечко* и т. д.;

3) непродуктивного *-охоньк-, -ёхоньк-, -ёшеньк-* с усилительно-ласкательным значением: *тихохонько, ранехонько, ровнешенько* и др. Формы на *-ешенько, -ошенько* свойственны главным образом народнопоэтическому стилю.

Ср. также формы типа: *рановато, маловато* или формы с усилительными префиксами: *прескверно, преглупо* и т. п. (реже: *предурачки, предьявольски*); *ар-хи- (архиневерно), сверх- (сверхударно)* и т. п.²³

Первые два из суффиксов субъективной оценки *-оньк-, -еньк-* и *-онечк-, -енечк-* наблюдаются и в наречиях, восходящих к кратким именным формам дательного падежа с предлогом *по-*: *потихоньку, полегоньку, помаленьку*, ср.: *понемножечку, потихонечку, полегонечку, помаленечку* и т. п. Любопытно, что бессуффиксных наречий этого типа — именно от этих слов (кроме *понемногу*; ср. *мало-помалу*), т. е. *по-тиху, по-легку* и др., — нет.

Так как эта группа наречий на *-о, -е* особенно богата семантическими оттенками и грамматическими формами, то нередко она и рассматривается в русской грамматике как выражение сущности всей категории наречия. Но этот взгляд узок и неверен.

§ 6. Связь качественных наречий с количественными

К качественным наречиям на *-о* (и отчасти на *-ски*: *адски, дьявольски, чертовски* и др.) примыкает группа наречий, обозначающих степень и количество. В системе наречий значение степени и количества (как определений качества и действия) становится, по-видимому, средством качественной характеристики. В этом отношении очень показательны наличие форм субъективной оценки (т. е. образований с уменьшительно-ласкательными суффиксами) у количественных наречий, например: *немного — немножко — немножечко; понемногу — понемножечку*, при отсутствии соответствующих форм у прилагательного *немногий* (ср. разг. *нисколечко*). Целый ряд наречий на *-о* в современном

языке употребляется для субъективного или объективного выражения степени качества и действия. Таковы, например, наречия *довольно, достаточно, много, немного, мало, крайне, совершенно* и т. п.

С ними сближаются по значению, с одной стороны, эмоциональные определения степени, вроде *чрезвычайно, замечательно, необыкновенно, поразительно* и другие подобные им, а с другой стороны, наречия количественные, генетически восходящие к другим категориям (например, к местоимениям, глаголам, частицам) или уже потерявшие этимологическую связь с именами прилагательными: *очень, весьма, чуть-чуть, совсем, вполне* и т. д. В некоторых наречиях количества и степени развивается своеобразный оттенок модальности, сближающий их с модальными словами и частицами, например: *далеко не, вовсе не* и т. п. (о них см. э главе о модальных словах и частицах).

§ 7. Морфологические типы качественно-относительных наречий, производных от имен прилагательных

У наречий, так же как и у прилагательных, ярко обнаруживается связь качественных и относительных значений. В категории наречий преодолевается и стирается грамматическая грань между категориями качества и предметности. Живой иллюстрацией этих процессов может служить словообразовательная роль предлога *по* в системе качественных наречий. Прежде всего, префикс *по-* участвует в образовании форм сравнительной степени имен прилагательных и наречий, которым он обычно придает оттенок смягчения, уменьшения степени преобладания сравниваемого качества (*побелее, похуже, покраснев* и т. п.; *по-* здесь соответствует наречию *несколько*. Кроме того, при посредстве предлога-префикса *по-* образуются три больших разряда наречий с суффиксами *-ьи, -ски* и *-ому, -ему*). А. М. Пешковский правильно указывал, что оттенок, вносимый в этих случаях в наречие префиксом *по-*, «сводится, по-видимому, к большему напоминанию о предмете, от названия которого образованы данные прилагательное и наречие, чем это имеет место в беспрефиксных словах^{24*}. При этом между формами с префиксом *по-* и без него на *-ски* наблюдается такое соотношение: чем реальнее и конкретнее предмет, от имени которого образованы прилагательное и наречие (на *-ски*) или с которым соотносятся эти слова, тем больше к ним подходит префиксный тип наречного словообразования (с *по-*); чем отвлеченнее и качественнее предмет, тем больше подходит беспрефиксный тип.

Итак, вырисовываются еще три морфологических типа качественных «от-прилагательных» наречий с сильным отпечатком предметно-относительных значений:

1. Формы на *-ски, -цки* с префиксом *по-*, например: *по-пролетарски, по-большевистски, по-женски, по-немецки, по-французски, по-английски, по-анархистски, по-дилетантски, по-мальчишески, по-приятельски* и т. п.

Наречия на *-ски, -цки* в связи с префиксом *по-* приобретают новый оттенок: так, как полагается кому-нибудь, в соответствии с нормами чего-нибудь, с сущностью чего-нибудь, кого-нибудь.

* В связи с этим усилением предметности А. М. Пешковский ставит неупотребительность наречий с префиксом *по-* от прилагательных на *-ический*: «...не говорят *по-идеалистически, по-рационалистически, по-теоретически, по-практически* и т. п. Дело в том, что эти прилагательные либо дальше отошли от своих существительных из-за вставки суффикса *-ич-* (ср.: *идеалист -идеалистический; рационалист — рационалистический*), либо образованы от существительных с отвлеченным значением {*логика — логически; практика — практически* и т.д.)»²⁵.

Этот оттенок ослабляет качественное значение наречия (ср.: *детски наивные глаза и глаза ее были по-детски наивны*). Ср. у Горького: «Поднял на него голубые глаза, большие, глубокие, не *по-детски* задумчивые»; *дружески жму вашу руку и я обошелся с ним по-дружески; обывательски и по-обывательски*; «карие, *женски-ласковые* глаза» (М. Горький) и *поступить чисто по-женски* и т. п.). Ср. каламбурное столкновение качественного и относительного значений в наречии *по-братски* у Достоевского в «Бесах»:

—Сударыня, я приехал отблагодарить за высказанное сестре на паперти великодушие *по-русски, по-братски*...

—*По-братски*!..

—То есть не *по-братски*, а единственно в том смысле, что я брат моей сестре...

Сфера синтаксического употребления наречий этого типа очень широка: они получают способность определять не только глагол, наречие, имя прилагательное, но и имя существительное (впрочем, особенно часто в кулинарных обозначениях). Например: *кофе по-варшавски, шинцель по-венски, судак по-польски, фаршированная рыба по-еврейски, разговор по-русски* и т. п.

2. Формы наречий на *-ьи*, соотносительные с группой прилагательных на **ий, -ья, -ье*, также сочетаются с префиксом *по-*: *по-лисьи, по-птичьи, по-волчьи, по-медвежьи* и т. п. Ср. *Он был по-собачьи предан своему хозяину*. С этими формами в современной разговорной речи конкурируют наречия, образованные из формы дательного падежа тех же прилагательных на *-ему* с приставкой *по-*: *по-собачьему, по-волчьему* и т. п.²⁶

3. Слитные формы наречий, образуемые сочетанием формы дательного падежа единственного числа среднего рода прилагательных (на *-ому, -ему*) с префиксом *по-* (*по-здешнему, по-старому* и т. п.).

Наречная неразрывность предлога и формы прилагательного в образованиях от притяжательных местоимений подчеркивается переносом ударения: *по-моему, по-твоему, по-своему* (но ср.: *по-иному, по-другому*). Этим способом производятся наречия от всех разрядов имен прилагательных, хотя и с лексическим отбором. Например: *по-домашнему, по-летнему, по-весеннему, по-всегдашнему, по-настоящему, по-утиному, по-разному, по-старому, по-новому, по-прежнему**; ср. разг.-фамильярн.: *по-хорошему, по-серьезному*. Наречия этого типа сравнительно редко образуются от относительных прилагательных с суффиксами *-ск(ий), -ов(ый)* (ср.: *по-деловому, по-городскому*). Вместе с двумя предшествующими типами (на *-ски* без префикса и с префиксом *по-*, на *-ьи* с префиксом *по-*) наречия с префиксом *по-* и формой дательного падежа прилагательного на *-ому, -ему* исчерпывают все виды возможной адвербиализации относительных прилагательных.

В тех случаях, когда наречия на *-ому* с префиксом *по-* образуются от чисто качественных прилагательных, качественное значение в них идет на убыль, а усиливается оттенок адвербиально-относительного значения (например: *по-старому, по-новому, обойтись по-хорошему, по-родственному* и т. д.).

Такова система морфологических типов качественно-относительных наречий. Она неоднородна. К качественным оттенкам в этих группах наречий постепенно все гуще и гуще примешиваются значения предметного отношения. Это незаметно сближает разряд качественных наречий с разрядом предметно-обстоятельственных наречий.

- Ср. у Пушкина в сочетании с именем существительным в «Послании к кн. Горчакову»: *По-прежнему остряк небогомольный, По-прежнему философ и шалун.*

§ 8. Переходные типы наречий от качественно-относительных к предметно-обстоятельственным (с окаменелой флексией имени прилагательного, превращенной в наречный суффикс)

Качественно-относительные наречия притягивают к себе группы предметно-обстоятельственных наречий, если в тех развиваются качественные значения. Напротив, от качественно-относительных наречий некоторые группы могут передвигаться в разряд предметно-обстоятельственных наречий. Уже наречия типа *по-хорошему, по-вчерашнему, по-прошлогоднему* и т. п. скользят по грани качественно-относительного и предметно-обстоятельственного разрядов. Можно указать еще несколько групп наречий, соотносительных с другими предложно-падежными формами прилагательных и также занимающих промежуточное положение между качественными и обстоятельственными типами наречий. К этому переходному типу относится большая часть наречий, исторически сложившихся из падежных форм имени прилагательного с предлогами. Прилагательное, сочетаясь с предлогом, неизбежно субстантивируется. Поэтому в наречиях, образовавшихся из форм имени прилагательного с предлогом, отсутствуют живые грамматические свойства прилагательных. Тут оттенки чисто качественного значения почти совсем стираются (ср.: *часто* и *зачастую*; *удало* и *наудалую*; *плотно* и *вплотную*; *слепо* и *вслепую*; *пусто, попусту* и *впустую* и т. п.). Те смысловые оттенки, которые свойственны наречиям этого типа, можно назвать качественно-обстоятельственными.

Таковы наречия, образованные с помощью формы винительного падежа единственного числа женского рода полных имен прилагательных с предлогами *в*, *на* и *за*, например: а) продуктивный (в профессиональных диалектах) тип: *врассыпную, врукопашную, вплотную, вручную (пилить вручную), вкрутую, впустую, вслепую (действовать вслепую, сыграть шахматную партию вслепую), втемную, вчистую (устар. уволить вчистую), всухую, вничью, вхолостую*; «Шампанское оказалось замерзнувшим *вгустую*» (Герцен, «Былое и думы») и другие подобные. Непродуктивные типы: б) *напропалую, наудалую; на боковую*; в) *зачастую* и г) смежный с модальными (вводными) словами: *в общем, в целом*.

Кроме того, сюда примыкает наречие из предлога *в* и формы винительного падежа множественного числа: *впервые* (ср. прост, не *впервой*).

§ 9. Морфологические типы наречий с основой имени прилагательного и окаменелой флексией существительного

Еще более рельефно оттенки предметно-обстоятельственных значений выступают в разрядах наречий, которые состоят из предлога и основы прилагательного с окончаниями существительного. Это пережитки так называемого нечленного, т. е. именного, склонения кратких имен прилагательных. Сюда относятся наречия, в составе которых этимологически выделяются:

1. Предлоги с формой родительного падежа краткого, как бы субстантивированного прилагательного:

а) предлог *с* и форма родительного падежа мужского-среднего рода: *справа, слева, сперва, смолоду**, *свысока, сгоряча, неспроста, спьяна, сполна, сослепу, сдуру, слегка* и некоторые другие;

* Ср. у Достоевского в «Подростке»: «У него была... одна странность *с самого молодр*.

б) предлог *из* и форма родительного падежа мужского-среднего рода: *из давна, изредка, издалека, искоса* и др.; осознается живым, продуктивным тип: *изжелта, искрасна, иссиня* и т. п.;

в) два предлога *с* и *из* и форма родительного падежа мужского-среднего рода: *сызнава, сызмала*; ср. *сызрана* у Лескова в повести «Острови тяне»;

г) предлог *до* и форма родительного падежа мужского-среднего рода нечленного прилагательного. Этот тип осознается как живой, продуктивный: *докрасна, добела, дочерна, дочиста, досыта, донага* (раздеть), *догола, досуха, допяна* и др.; «проспал *допоздна*» (А. Вельтман, «Приключения, почерпнутые из моря житейского»). Ср. у Достоевского: «Лицо... *досиня* избыбшее» («Идиот»).

2. Предлоги с формой винительного падежа краткого, нечленного прилагательного :

а) предлог *на* и форма винительного падежа среднего рода: *направо, налево, надолго, набело, начерно, наголо, насухо, намного, ср. навечно*; продуктивен тип с усилительным префиксом *на-*: *накрепко, насухо, начисто, наглухо, наскоро, настрого* (ср. у Марлинского: «Он и пьяный мог говорить чепуху, с равным успехом, как и *на-трезво*» («Фрегат Надежда»); ср.: *строго-настрого, туго-натуго*;

б) предлог *за* и форма винительного падежа среднего рода: *заново, запросто, замертво, заживо, задолго, незадолго, засветло, заочно* и др.;

в) предлог *в* и форма винительного падежа среднего рода: *вправо, влево*.

3. Предлоги с формой предложного падежа краткого, нечленного прилагательного :

а) предлог *в* и форма предложного падежа: *вдалеке, вчерне, вскорее, вкортке, внове, вчуже, вдвойне, втройне* и др.;

б) предлог *на* и форма предложного падежа: *налегке, наготове, навеселе; ср. наедине*. Ср. также: *наравне с кем-нибудь*.

Необходимо отдельно отметить наречные образования, представляющие собою сращение числительных с окаменелыми формами прилагательных: *втридорога, втридешева, вполпяна, вполсыта* и т. п.

Бросается в глаза, что нет наречий этого типа, обнаруживающих в своем составе нечленные формы множественного числа и нечленные формы женского рода единственного числа. Кроме того, в большей части этих наречий этимологически различается форма среднего рода единственного числа. Все это говорит о том, что наречия такого типа возникли из субстантивированных именных форм прилагательного.

Таким образом, в категории наречия как бы снимается, преодолевается то противопоставление категорий качества и предмета, которое нашло выражение в своеобразиях грамматической структуры имен существительных и имен прилагательных. Разряд качественных наречий постепенно смыкается с разрядом предметно-обстоятельственных наречий. Семантическое расслоение наречий должно было пересечь в разных направлениях и смешать морфологическую группировку их. Изменения значений обусловлены не только его морфологическим составом, но и его лексическими связями и синтаксическими функциями (ср., например, сближение качественных наречий *рано, поздно* с группой обстоятельственных наречий времени *утром, вечером, ночью* и т. п., объединение наречий типа *справа, слева, прямо* и т. п. с наречиями места *вкось, в сторонке* и т. п.). Взаимодействие качественных и предметно-обстоятельственных значений ярко проявляется и в группах предметных, т. е. производных от имен существительных, наречий на *-ом*, например: *нагишом, босиком, тайком* и т. д.

§ 10. Морфологические типы наречий, производных от имен существительных с предлогами

В разряде предметно-обстоятельственных наречий наиболее многочисленными являются типы приставочных (или предложных) наречий. Предлог, сочетаясь с падежной формой существительного, может слиться с ней в одно слово. Значение предлога как бы всасывается в вещественное значение существительного. Возникают новые обстоятельственные слова, образуемые посредством префиксации разных падежных форм существительного.

Сюда относятся:

1. Наречия, распадающиеся на предлог и формы родительного падежа единственного числа существительного. В этом разряде несколько типов. Эти наречия состоят:

а) из предлога *без* и формы родительного падежа существительного единственного числа (с отвлеченным значением), например: *бестолку, без умолку, без удержу, без ума, без устали, без просыпу, без спросу*;

б) из предлога *из* и формы родительного падежа единственного числа существительного: *издали, изнутри, исполу*; устар. *искони, исстари*; ср.: *испод лобья, исподтишка*;

в) из предлога *с* и формы родительного падежа единственного числа существительного: *сразу, снизу, сразмаху, сбоку, сверху, сроду, сряду, сзади, спереди, снаружи, со зла, с ветру, сначала* и др. *; ср.: *сплеча, спросонья, спозаранку*;

г) из предлога *до* и формы родительного падежа единственного числа существительного, например: *доверху, донизу, до зарезу, до отказу, до упаду, до отвалу*, ср. *дотла*;

д) из предлога *от* и формы родительного падежа единственного числа существительного, например: *отчасти, отроду*.

2. Наречия, распадающиеся на предлог и формы дательного падежа единственного числа существительного. Они состоят:

а) из предлога *к* и формы дательного падежа единственного числа существительного, например: *кверху, книзу, кстати, кспеху*; ср. в медицинском диалекте наречия *кзади, кпреди, кнаружи, кнутри*;

б) из предлога *по* и формы дательного падежа единственного числа существительного: *посредине, понаслышке, по случаю (купить по случаю)*; (*не*) *по нутру, поверху, позади, посреди* и др.

3. Наречия, распадающиеся на предлог и форму винительного падежа существительного. Они состоят:

а) из предлога *на* и формы винительного падежа единственного числа существительного: *набекрень, навыворот, наспех, на смех, на диво, наотрез, на прямик, наугад, наповал, наперекор, напоказ, наперевес, напролет, наперечет, нарасхват, наперебой, наутек, навзрыд, насмерть, напрокат, нараспашку, на удачу, наизнанку, наискосок, назло, назад, наперед, набок, наверх, навстречу, на век, насилиу, наудачу* и т. п. (разряд очень продуктивный). Сюда же с этимологической точки зрения примыкают отдельные примеры наречий, теряющих или утративших связь с именными основами: *наружу* (ср. *снаружи*), *наот машь, настезь, наизусть* и т. п.;

б) из предлога *в* и формы винительного падежа существительного: *вверх, вниз, в ряд, вбок, вмиг, ввек, влет, вслух, вза'сос, в пух, в тупик, вразброд, вровень, въявь, власть, встарь, вновь, вдаль, ввысь, вишь, вглубь, вволю, впопу, вдогонку, вприкуску, внакладку, вразбивку, вразрядку, всмятку, втихомолку*
* Ср. у Тургенева в «Фаусте»: «...с-избоку посматривая...»

и т. п. (разряд очень продуктивный). Ср.: *невпопад, невтерпеж, невдомек, невмочь, не в счет* и т. п.

В этимологическом плане сюда же примыкают изолированные наречные слова, вроде *врасплох, вдрызг, вровень, впросак, впрямь, впредь, внутрь, врознь, врозь, вкривь, вкось, вдосталь, вплавь, вскачь*.

Ср. у Дм. Лаврухина в «Записках рабкора» («По следам героя»): «Слово вподборку, внакатку; слово идет встречу, впригибку, вприхрустку, вприкатку, вприклею, вприхлебку, вприрезку, вприливку, впристружку, вприковку, вприжимку, вприключку, вприкрышку, в пригвоздку, впритворку, вприглядку, вра-скрутку, впридрайку, вприкормку, в прижовку, в отбойку и еще тысячу «впри» и «впре» можно найти слов»;

в) из предлога *за* и формы винительного падежа, например: *зараз; за границу*; ср. *заполночь*;

г) из предлога *про* и формы винительного падежа: *про запас*;

д) из предлога *под* и формы винительного падежа: *подчас, под стать, подряд*; ср. *не под силу*.

Ср. также отдельные примеры наречий, возникших из формы винительного падежа существительных с другими предлогами: *черезмеру, чересчур; оземь, обок*.

4. Наречия, распадающиеся на форму творительного падежа существительного и предлог *с*, например: *с оглядкой, с ленцой, с прохладцей, с развальцем* и т. п.

Как видно, многие из этих выражений являются лишь потенциальными наречиями. Ср.: *слишком, совсем*.

5. Наречия, соотносительные с формами предложного и местного падежей существительного. Эти группы наречий продуктивны. Они состоят из:

а) предлога *в* в формы местного падежа: *вверху, внизу, вдали, вблизи, внутри, впереди, взаперти, вначале, втайне, впоследствии, *втиши, въяве, вкупе, влюбe* и др.;

б) из предлога *на* и формы предложного-местного падежа: *наверху, на весу, на лету, наяву, на ходу, начеку, на боку, на счету, навывкате, настороже, накануне* и т. п.

В кругу этих морфологических типов обнаруживаются сравнительно немногочисленные следы форм множественного числа существительного, преимущественно от слов, обозначающих составные предметы, сложные действия и состояния. Сюда относятся наречия, распадающиеся на:

1. а) предлог *на* и форму винительного падежа множественного числа, на пример: *наперегонки, на карачки, на четвереньки, на кулачки, навеки* и др.; *напрямки* (обл.);

б) предлог *в* и форму винительного падежа множественного числа, на пример: *вдребезги, впуски, взаймы*. Ср. *за* и винительный множественного: *за глаза*.

2. Предлог *с* и форму родительного падежа множественного числа: *прост, с сердец, разг. спросонок* и др.

3. Предлог *по* и форму дательного падежа множественного числа: *пополам*; ср. *поделом*.

4. Более продуктивны наречные образования от форм предложного-местного падежа множественного числа с предлогами *в* и *на*. Они состоят:

а) из предлога *в* и формы предложного падежа множественного числа: *впотмах, второпях, впопыхах, в бегах, «гостях, всердцах, в летах, в нетях, впросонках*. Ср. у Пушкина:

...и дружество зевало И сонные стихи *впросонках* величало. («Шишкову»)

б) из предлога *на* и формы предложного падежа множественного числа: *на днях, на карачках, на побегушках, на рысях, на четвереньках, на цыпочках, на радостях* и др.

§ 11. Процессы адвербиализации предложных именных конструкций

Если взглянуть глубже во внутренний строй наречий, образованных и образуемых из форм имен существительных с предлогами, то откроется довольно стройная и последовательная система. Наиболее многочисленны и продуктивны группы наречий, обнаруживающих в своем составе предлоги *в* и *на* (с винительным и местным-предложным падежами). Правда, *в* и *на* -это вообще наиболее употребительные и функционально нагруженные предлоги. Однако в наречных выражениях, связанных с ними, наблюдается неслучайное единство грамматических отношений.

Выделяются прежде всего два основных продуктивных разряда наречий с предлогами *в* и *на* и формами местного-предложного падежа:

1. Для обозначения места и времени посредством *в* и *на* с местным-предложным падежом (*вдалеке, вдали, вверху, внизу, наверху, на ходу, на лету, на днях* и т. п.).

2. Для обозначения состояния посредством *в* и *на* с предложным падежом :

а) для обозначения пребывания в каком-нибудь состоянии или вообще для обозначения качественного состояния какого-нибудь лица или предмета посредством предлога *в* с предложным падежом (*второпях, впопыхах, втайне, втиши, в гостях* и т. п.).

Любопытно, что конструкция с предлогом *в* и предложным падежом множественного числа от названий лиц по их служебным обязанностям, должностям и профессиям уже давно превратилась в грамматический идиоматизм (*служит в дворниках, в сторожах* и т. п.). Характерно также распространение выражений типа: *в духе, не в духе, не в себе (ср. вне себя), в памяти, в сознании* и т. п.;

б) сюда же примыкают формы предложного падежа с предлогом *на* для обозначения пребывания в каком-нибудь состоянии, положении, в какой-нибудь деятельности (*настороже, навыкате, на побегушках* и т. п.).

Характерно, что, несмотря на распространенность этой конструкции, многие из относящихся сюда выражений имеют все признаки грамматического единства, своеобразного идиоматизма (например: *быть на посылках, состоять на издивении, находиться на излечении, быть на испытании* и т. п.).

Приходится признать, что переход соответствующих падежных конструкций имени существительного в наречия находится в связи с развитием особых грамматических форм для выражения специальных оттенков качественного состояния, качественного отношения. Здесь устанавливается новый тип связи между функцией предлога и лексическим значением слова.

Значение предлога, связанное со значением падежной формы, и лексическое значение имени вступают в новое отношение друг к другу²⁷. Это новое отношение является результатом того нового синтаксического значения, которое приобретает эта падежная конструкция в целом. Она становится выражением обстоятельственного или качественно-обстоятельственного отношения к глаголу, прилагательному, наречию или существительному (ср.: *в гостях были видны какая-то нерешительность и беспокойство* и *он и полчаса не просидел в гостях*).

Тем самым значение самого предложного падежа специализируется, индивидуализируется. Между тем в склонении имен существительных сохраняют свое место лишь те формы и функции, которые подходят под основные категории падежной семантики, которые соответствуют живой цепи грамматических отношений, выражаемых падежами и предлогами (см. главу о предлогах). Специализация падежа, осложнение его обстоятельственными значениями ведут к адвербиализации соответствующих форм. В русском языке устанавливается особый тип наречной префиксации. Некоторые префиксы в специальном значении, например префикс *на-* в значении пребывания в каком-нибудь состоянии, сочетаясь с падежной формой существительного, становятся словообразовательными приметами наречий*. Развиваются продуктивные способы образования наречий из предложных конструкций существительных.

Похожие грамматические процессы наблюдаются и среди наречий, распадающихся на предлоги *в* и *на* и форму винительного падежа. Кроме немногочисленной группы слов со значениями места и времени (*наверх, назад, набок, вниз, вбок, навек, вмиг* и т. п.), подавляющее большинство наречий этого типа выражает образ и способ действия (*вслух, всласть, вволю, впору, вскачь, вприкуску, взапуски, наудачу, назло, на диво* и т. п.). Предлог *в* с винительным падежом в значении способа и образа действия, иногда с примесью оттенков цели (в качестве чего-нибудь — и отсюда: для чего-нибудь), становится средством адвербиализации имен существительных, создавая грамматические единства, не вмещающиеся в привычный строй отношений между значением падежа и значением предлога. Например: *в диковинку, говорить в нос, сказать в шутку, скакать в карьер, кричать во все горло, бежать во всю мочь* и т. п. (ср.: *поступить в дворники; пойти в домработницы; наняться в сторожа* и т. п.). Легко заметить в некоторых из этих предложных конструкций функциональную связь с творительным падежом (ср.: *сказать шуткой; нестись карьером; ехать рысью* и т. п.).

Однородный круг отношений выделяется и в наречиях, состоящих из предлога *на* и формы винительного падежа. Предлог *на* с винительным падежом в значении способа и образа действия (иногда с примесью разнообразных оттенков сопутствующего обстоятельства или внутреннего назначения) также постепенно превращается в средство префиксального образования наречий (ср.: *на беду, выучить на зубок; жить на широкую ногу; поест на скорую руку; обуться на босу ногу; на голодный желудок*; ср.: *натощак, на свежую голову* и т. п.)**.

Из других типов предложной адвербиализации существительных близко к этим функциям образа действия подходят наречия, распадающиеся на предлог *с* и форму родительного падежа, тоже со значением способа действия (например: *с размаху, сразу*; ср. *свысока, неспроста* и т. п.).

Среди остальных более или менее рельефно выступающих типов пред-

• Возможность закрепления некоторых падежных форм имен существительных за категорией наречия реализуется и в других языках, например в венгерском. Ср.: *Szinnyei S. Ungarische Grammatik. S. 57*. Ср. также замечания: *Hjelmslev L. Principes de grammaire generate. Kobenhavn, 1928, p. 311—318*. О склоняемых формах наречий в русском языке еще М. Катков писал: «У нас ходят некоторые наречия, умеющие склоняться»^{2*}. Ср. также замечание Каткова: «В памятниках качественные наречия принимают, вопреки нынешнему употреблению, местный падеж куда? *на право, на лево*; где? *на прав'й, на лев'й* и пр.; следовательно, живее чувствовали свое грамматическое значение»⁹. Ср. в просторечии: *до завтрава, к завтраму*.

" Сюда же примыкает тип образования наречий с помощью предлога *на* и кратких форм прилагательных (*набело, начерно, наглухо* и т. п.). К этому типу в современном языке приближаются наречия, в которых приставка *на-* имеет усилительное значение (*настрого, накрепко* и т. д.); ср.: *крепко-накрепко, строго-настрого* и т. п.

ложного образования наречий обнаруживаются еще три словообразовательные категории:

1) тип наречий, выражающих пространственно-временные обстоятельственные отношения, состоящих из предлога *из* и формы родительного падежа единственного числа (*исстари, издавна, издали, изнутри* и т. п.);

2) тип наречий, выражающих причинно-целевые обстоятельственные отношения и обнаруживающих в своем составе предлог *с* и форму родительного падежа существительного или нечленного прилагательного (*сослепу, сдуру, сгоряча, спросонок* и т. п.; ср.: *с голоду, с жиру беситься* и т. п.);

3) тип наречий, выражающих отношения лишения и достижения и распадающихся на:

а) предлог *без* и форму родительного падежа (*безумолку, без ума* и т. п.; ср. качественные наречия: *безумолчно, безумно* и т. п.);

б) предлог *до* и форму родительного падежа (*доотвала, дозарезу* и т. п.; ср. *досыта* и т. д.).

В качестве комментария можно заметить следующее:

1. Живой предлог *из* в современном языке не выражает временных отношений (ср. функции предлогов *с* и *от*).

2. Предлог *с* с родительным падежом в причинном значении постепенно превращается в наречный префикс, так как его функции замещаются предлогами *от* и отчасти *из, из-за* (ср. значение предлогов *в силу, по причине, вследствие* и т. п.).

3. Наряду с предлогом *без* очень употребителен также в системе прилагательных и наречий качественно-отрицательный префикс *без-* (ср.: *безуспешный, безуспешно, безустанный, безустанно, безупречный, безупречно* и т. п.). В соответствующих отыменных наречиях *без* из предлога превращается в префикс, в приставку.

4. Наконец, предлог *до*, служащий для обозначения предела, степени качества и действия, также становится грамматическим средством префиксального образования качественных наречий и наречных выражений со значением степени (ср.: *надоело до чертиков* и т. п.; *до ужаса; до невозможности, до не вероятности; измениться до неузнаваемости; покраснеть до корня волос* и т. п.).

Таким образом, ряд предлогов со специальными значениями выпадает из круга свободных сочетаний предлогов с падежными формами существительного. Происходит процесс лексикализации соответствующих форм *, превращения их в особые словонаречия. Развивается своеобразный тип префиксов-приставок, выступающих в роли словообразовательных форм наречия. Разные виды префиксальных наречий объединяются двумя основными грамматическими понятиями: обстоятельственного отношения (ср., например, пространственно-временные и причинно-целевые наречия с предлогами *из, с* и родительным падежом или наречия места и времени с предлогами *в, на* и винительным, а также предложно-местным падежом) и качественного отношения, иногда с модальными или качественными оттенками (ср. наречия образа действия с предлогами *в к на к* винительным падежом, наречия качественного состояния с предлогами *в* и *на* и предложным падежом, наречия степени с предлогом *до* и родительным падежом и др.). Вместо разнообразных именных значений и оттенков, связанных с категориями качества и предмета, в системе наречий возникают различия качественного и обстоятельственного отношений.

* Ср. замечание Н. Paul об образовании наречий из лексикализованных падежей имен (Prinzipien der Sprachgeschichte. Halle, 1880, S. 159).

§ 12. Типы наречий, состоящих из беспредложных форм существительных. Причины адвербиализации этих форм

В кругу наречий, восходящих к беспредложным формам имени существительного, обнаруживается тесная связь с функциями таких именных падежей, которые склонны к выражению обстоятельственных отношений. Таким падежом является преимущественно творительный падеж. В самом деле, беспредложных наречий, соотносительных с формами творительного падежа имени существительного, больше всего в современном русском языке. Этот разряд беспрефиксных наречий особенно продуктивен: *кубарем, кувыркoм, живьем, авансом, чудом, рядом, градом, даром, летом, утром, гужом, порожняком, разом, ничком, бочком, молчком, пешком, торчком, рывком, шагом, битком, ползком, силком, целиком, дыбом, нагишом, босиком, калачиком* и т. п. (в этом случае иногда различие между формой творительного падежа существительного и наречием обозначается перемещением ударения: *бегом, верхом, кругом*); женского рода: *зимой, весной, порой, рысью, волей-неволей, гурьбой, украдкой, стороной* и т. п.

Есть единичные наречия, соотносительные с творительным падежом множественного числа имен существительных: *временами, верхами* (устарелое), *сажонками* (плыть). Ср. у Пушкина: «Чиновники разбежали *верхами* на карабахских жеребцах»; «Они [татарки] сидели *верхами*, окутанные в чадры». У Достоевского: «Явились... но не в экипаже, а *верхами*» («Бесы»)³⁰.

Среди других типов беспредложно-отыменных наречий, соотносительных с формами существительного, выделяются следующие группы:

1. Непроизводительная группа разговорных наречий, соотносительных с именительно-винительным падежом имени существительного и имеющих яркую эмоционально-качественную окраску: *смерть, ужас, страсть, страх* (нередко в сочетании с *как*) в значении: очень сильно (ср. в том же значении: *страшно, ужасно, адски, чертовски, дьявольски, бешено* и некоторые другие). Например: «Я *ужас* как ревнив» (Пушкин); «Иван Иванович... уходился *страх* и прилег отдохнуть» (Гоголь); «Когда же им случалось оставаться вдвоем, Маше становилось *страх* неловко» (Тургенев, «Бретер»); «И весело мне *страх* выслушивать о фрунтах и рядах» (Грибоедов, «Горе от ума»); «Я *смерть* пить хочу»; «Ему самому было *смерть* смешно» (Лесков, «Соборяне»); «Когда же она не говорит ни глупостей, ни гадостей, а красива, то сей час уверяешься, что она *чудо* как умна и нравственна» (Л. Толстой, «Крейцера соната»)*.

2. Ограничена узким кругом группа наречий, состоящих из формы винительного падежа времени: *сейчас, тотчас*, ср. *посейчас*. Ср. вообще формы винительного, места, времени и количества (*капельку, чуточку* и т. п.).

3. Непроизводительная группа наречий, «омонимных» с родительным падежом имен существительных. Ср. *дома*.

Сегодня необходимо сопоставлять с родительным падежом времени, вообще приобретающим в современном языке адвербиальный оттенок. Ср.: *третьего дня, пятого июня* и т. п.

Уже из этого обзора беспредложных наречий совершенно ясно, что падежи имен существительных, приименные по преимуществу, как родительный,

* О распространении эмоциональных наречий, вроде *страсть какой ловкий* и т. п., в женском языке см.: *Je.iper.sen O. Die Sprache, ihre Natur, Entwicklung und Entstehung. Heidelberg, 1925, S. 233 — 234.* А. В. Попов — в соответствии с своими общими взглядами на генезис двучленных и трехчленных предложений — выводил происхождение этих наречий из слияния двух предложений в одно. *Он смерть бьется* (он бьется смерть) первоначально значит: «Он бьется так, что может произойти смерть». *Он страх (страсть, ужас) любит* значит: «он так любит, что делается страшно (страх, ужас)»¹¹.

или же выражающие непосредственную зависимость объекта от глагольного действия, как, например, винительный и отчасти родительный, или обозначающие косвенное воздействие глагола на объект, направленность к объекту, как дательный, — не склонны к адвербиализации. Это сильные падежи имени существительного. Между тем творительный падеж является основным средством и источником образования наречий от имен существительных.

С. необыкновенной остротой охарактеризовал своеобразное положение творительного падежа в ряду других падежей акад. А. А. Шахматов: «Дополнение в творительном падеже вообще, за немногими исключениями, означает независимое от глагола представление, не объект, испытывающий на себе действие, влияние глагольного признака, а, напротив, представление, способствующее развитию этого признака, видоизменяющее или определяющее его проявление; в этом существенное отличие творительного падежа от родительного, винительного и дательного»³².

Еще раньше А. А. Потебня, характеризуя разнообразные функции творительного падежа, особенно выделял творительный падеж образа действия по его близости к адвербиальному значению. «Для творительного образа,—писал Потебня, — характеристична именно его разноставность по происхождению: в него втекают различные творительные при легком изменении своего значения по направлению к потере субстанциональности; он есть момент, предшествующий переходу дополнения в наречие, так что предполагается и наречиями места и времени»^{33*}. В силу этой малозаметной или фиктивной субстанциональности творительного образа он становится основной категорией, производящей беспредложные наречия.

Любопытно, что в романских языках суффикс наречий *-ment*, *-mente* (*vrai-ment*, *absolument*, *pleinement*, итал. *pienamente* и т. п.) является по происхождению формой творительного падежа имени существительного (лат. *-mente*).

Кроме того, необходимо вспомнить, что форма творительного падежа имен существительных в русском языке соединяется лишь с такими предлогами, из которых одни, например *с*, *под*, *за*, вообще не теряют в этой связи своего лексического значения, а другие, например *над*, ослабляют или утрачивают это значение очень редко и притом только после строго определенной, замкнутой семантической группы глаголов (*смеяться*, *насмехаться*, *издеваться*, *иронизировать* и т. п.).

Поэтому наречий, возникших из форм творительного падежа с предлогом (*со временем*, *совсем*, *слишком*, *с прохладцей*, *за границей*, *под мышкой* и т. п.), немного.

Симптоматично также, что форма творительного падежа переобременена значениями — притом преимущественно приглагольными (за исключением творительного падежа «отношения» — *невысок ростом*; качественного пояснения — *рубль серебром* и творительного пространственной ориентации — *шириною*, *длиною*, *глубиною* и т. д.). Акад. Л. А. Булаховский заметил: «В некоторых случаях синтаксическое целое, ввиду многообразия возможных значений творительных падежей, оказывается не сразу понятным; ср.: «Еще в полях белеет снег, А воды уж весной шумят» (Тютч.) — *весной* мы связываем с *шумят* как творительный содержания, но при первом впечатлении форму эту можно принять за творительный времени; или: «На зло жестоким испытаньям *W* злобе гаснущего дня Ты очертаешь и дыханьем Весною веешь на меня» (Фет)...»³⁵

Широта семантического объема формы творительного падежа облегчает процесс ее изоляции и адвербиализации. Так как категория творительного па-

_____ * Ср. также замечание об «обстоятельственноеTM» творительного падежа у Н. П. Некрасова в книге «О значении форм русского глагола» Ч

дежа представляет замкнутую систему грамматических значений и отношений, то замутнение в какой-нибудь конкретной форме творительного падежа ее основных функций, закрепление за этой формой только одного из присущих ей значений равносильно отпадению ее от системы склонения данного существительного (например: *отдать даром, уцелеть чудом* и т. д.)- Исключение формы из системы склонения (например, употребление *градом* только в значении образа действия: *наподобие града*) означает лексикализацию данной формы, превращение ее в особое обстоятельственное слово. Выпадая из системы форм имени существительного (например, *градом* из комплекса форм слова *град*; ср.: *гусем* или *гуськом*; *прахом* и т. п.), эта форма становится отдельным словом и подводится под категорию наречия.

«Нередко между наречием отыменным и падежом нет внешнего различия и граница между ними проводится лишь тем, что падеж, как дополнение, связан со всем склонением, а наречие из падежа стоит для обыкновенного сознания вне этой связи»³⁶.

§ 13. Категория субъективной оценки в кругу предметно-обстоятельственных наречий

Произведенные от имен существительных наречия в некоторых случаях сохраняют способность образования уменьшительных форм (например: *рядом — рядком, сядем рядком — потолкуем ладком*; ср. *рядышком*; *шагом — шажком*; *шепотом — шепотком*; *гусем — гуськом*; *втихомолку — втихомолочку* и т. п.).

Категория субъективной оценки в наречиях ограничена уменьшительно-ласкательными формами первой и второй степени. Кроме того, она производна в том смысле, что круг ее действия зависит до некоторой степени от норм, установившихся в категории имен существительных (например, *вечером — вечерком*; ср. *вечерок*; *со всячиной — со всячинкой*; ср. употребление суффикса *-инка* и т. п.). Понятно, что далеко не все наречия могут иметь формы субъективной оценки. Чаще всего образуются эти формы в трех продуктивных типах наречий:

1) в наречиях, восходящих к формам творительного падежа единственного числа имен существительных: *утром — прост, утречком*; *свернулся калачом - калачиком*; *порожняком — порожнячком*; *пешком — пешочком* и т. п.;

2) в наречиях, состоящих из предлога *в* и формы винительного падежа женского рода: *втихомолку — втихомолочку*; *всмятку — всмяточку* и т. п.;

3) в наречных сочетаниях формы творительного падежа с предлогом *с* для обозначения характеристического состояния: *работать с ленцой*; *с кислинкой*; *со всячинкой*, *с грязнотцой* и т. п.

Так же как и в именах существительных, у многих наречий суффиксы субъективной оценки окаменели и утратили экспрессивное значение. При отсутствии соотносительной основной формы эта утрата протекает быстро и безболезненно: *исподтишка*, *на цыпочках*, *на четвереньках* и т. п.

§ 14. Идиоматические типы наречий, составленных посредством

повторения форм одного и того же существительного в различных падежах или в различных предложных комбинациях

Процесс адвербиализации форм имени существительного является процессом двусторонним, т. е. он определяется не только грамматическими отношениями существительного к управляющему глаголу или имени, но и синтаксико-семантическими соотношениями между соответствующим существи-

тельным и его словесным окружением. Ср. наречия из творительного усиления: *ходуном ходить, бегом бежать, есть поедом* и т. п. Ср. также: *давным-давно, полным-полно* и т. д. Ср.: *чин-чином, марш-маршем, честь-честью*.

Любопытен ряд идиоматических наречных выражений, состоящих из повторения форм одного и того же существительного в разных синтаксических комбинациях. Например:

- 1) *нос к носу, лицо к лицу, носом к носу, лицом к лицу;*
- 2) *рука об руку, бок о бок, рука с рукой, голова с головой;*
- 3) *нога в ногу, душа в душу; капелька в капельку; ср.: точь-в-точь; слово в слово;*
- 4) *время от времени; час от часу; день ото дня; год от году; раз от разу;*
- 5) *шаг за шагом; год за годом; час за часом; день за днем;*
- 6) *крест-накрест; один на один; глаз на глаз; ср. слово за слово*;*
- 7) *с часу на час; со дня на день; с глазу на глаз; с боку на бок;*
- 8) *изо дня в день; из году в год* и другие подобные.

§ 15. Морфологические типы наречий, соотносительных с именами числительными

Разряд количественных наречий, соотносительных с именами числительными, очень беден. К нему принадлежат следующие морфологические типы:

1. Наречия, состоящие из предлогов *в, по и на* с винительным падежом собирательных числительных:

- а) *вдвое, втрое, вчетверо, впятеро* и др.;
- б) *по двое, по трое, по-четверо* и т. п.;
- в) *надвое, натрое* и т. д.

2. Наречия, состоящие из предлога *в* и формы собирательного числительного на *-ом* (формы местного-предложного падежа склонения прилагательных): *вдвоем, втроем, вчетвером, впятером, вшестером, вдевятиером, вдесятером* и т. д.

3. Наречия с непродуктивным книжным суффиксом *-жды*: *однажды, дважды, трижды, четырежды*; ср. устар. *единожды*.

4. Наречия, омонимичные с формой творительного падежа количественного числительного, но с ударением на основе: *пятью, шестью, семью* и т. п. *>

5. Единичные наречия, этимологически распадающиеся на приставку *в* и именную форму предложного падежа: *вдвойне, втройне*.

б. Наконец, сюда же примыкают неопределенно-количественные наречия

* А. В. Попов видел в этих наречных оборотах следы древнего употребления «именительных самостоятельных, чередующихся с винительным», для обозначения места, времени. «Еще и в настоящее время в русском довольно распространены обыкновенно игнорируемые грамматиками обороты, как: *он попал точка в точку; они идут рука об руку; нога в ногу; шаг за шагом; учить слово в слово; они ударились голова об голову; «Двор обо двор с ним жил охотник до огородов и садов» (Крылов); стоять бок о бок; глаз на глаз* (часто у Достоевского и Толстого вместо обычных. *с глазу на глаз*); *час от часу не легче*; в древнерусском: *день от дни, а к смерти ближе* (поговорка XVII в.)»¹⁷.

«Такие независимые обороты, стоящие в предложении обыкновенно вне всякой грамматической зависимости, состоят из повторений одного и того же слова в именительном падеже и в косвенном с предлогом. В некоторых случаях на месте именительного находится другой хос-венный с предлогом, напр. *...от слова до слова* и т. п. Эти последние обороты... несомненно позднейшего происхождения» -".

на -о: *много, немного, сколько, столько, несколько* (ср.: *довольно, достаточно* и некоторые другие).

Ср. также: *заодно, один на один*.

Присматриваясь к строению и функциям этого разряда слов, легко увидеть, что он представляет лишь грамматическую вариацию основных видов наречия, определившихся при анализе двух предшествующих разрядов — качественно-относительного и предметно-обстоятельного. Так как в категории наречия теряются и формы согласования, и формы предметности, то, естественно, здесь стираются грамматические грани между бывшими формами имен существительных, имен прилагательных и имен числительных. Часть наречий, производных от числительных, примыкает к разряду качественно-относительных наречий, например: *много, мало, несколько* и т. п. (ср. уменьшительно-ласкательные формы: *немножко, немножечко, понемножку, понемножечку, помаленьку, маленько*). Группа *вдвое, втрое* и тому подобных слов, арифметически определяющих степень качества и действия, также по функции родственна качественно-количественным наречиям (обозначающим количество, степень на основании общего, субъективного представления) вроде *чрезвычайно (стр. чересчур), гораздо, частично* и т. п. *По двое, по трое* и т. п. легко сливаются с группой *попарно, повзводно, поротно* и т. п. В наречиях вроде *надвое* также различаются качественные оттенки (ср. *Бабушка надвое сказала*). Другие типы числовых наречий вливаются в разряд предметно-обстоятельных наречий. Таковы, например: *впятером, вшестером* и т. п.; *натрое, дважды, трижды* и др. Единственное отличие кратных числовых наречий от прочих наречий состоит только в том, что они могут определять количественные числительные: *дважды пять, пятью шесть* и т. п. В этих наречиях очень отчетливо выступает функция обстоятельного отношения (см. ниже, § 21).

§ 16. Типы отглагольных наречий

Разряд наречий, соотносительных с глаголами, еще менее многочислен, чем разряд числовых наречий. Большую часть его составляют деепричастия, совсем или почти совсем лишившиеся оттенков глагольности, т. е. значений вида, времени и залога. Такому изменению не могли, конечно, подвергнуться деепричастия на -в, -вши, -ши, так как видо-временные значения являются их основным грамматическим признаком. Различаются две группы отглагольных наречий:

1) наречия на -а, -я: *лежа, стоя, сидя, нехотя, неглядя, невидя, молча, походя, загодя, шутя, любя, немедля* и т. п. В этом типе обозначилось акцентное логическое отличие наречий от деепричастий (ср. наречие *молча*, но деепричастие *молча*). К этому разряду примыкают идиоматизмы: *спустя рукава, сломя голову, очертя голову, высуня язык, повеся нос, положя руку на сердце, сложа руки, немного спустя, немного погодя, разиня рот*. Понятно, что глагольные формы на -ся подвергаются адвербиализации лишь в случае полной изоляции (ср.: *не обинуясь, отродясь* и др.);

2) наречия на -учи, -ючи: *глядючи, припеваючи, сидючи, играючи, умеючи, жалеючи, крадучись*. Как известно, эти наречия тоже восходят к русским формам кратких причастий, ставших в связи с утратой склонения деепричастиями (ср. *Жалость берет на тебя глядячи*).

Несомненно, что в современном языке с этими группами наречий сближаются и глагольно-именные формы на -мя, -ма: *ливмя, лежмя, стоймя* — *стойма, ревмя* и др.; ср. *плашмя*. Ср. у Пастернака:

Из ночи в ночь валандавшись, *Горм.ч* горит душа.

Ср. у А. В. Кольцова в стихотворении «Молодая жница»:
Всю сожгло ее Поле жаркое, Горит *горма* все Лицо белое.

У Лескова: «Сама *дрожня* дрожит, бедная старуха» («Воительница»); у Гончарова: «Она чаще бывала у него: обедала, завтракала,—словом, как говорят, *живмя* жила» («Иван Саввич Поджабрин»).

Даже если видеть в суффиксе *-ля* отложение древних именных флексий двойственного числа ср.: *двумя, тремя*), все же трудно отрицать для современного языкового сознания их морфологическую близость к наречиям типа *лежа, сидя* и т. п.⁴⁰ Функционально же они не отделимы от фразеологических сочетаний, возникающих из творительного усиления: *есть поедом, ходить ходуном* и т. д.

Все эти отглагольные группы наречий сближаются с наречиями образа действия. В них очень ощутительны качественно-обстоятельственные оттенки (ср.: *крадучись* и *украдкой, умеючи* и *умело* и т. п.). Оттенок усиления, свойственный словам *ливмя, стоймя* и т. п., объясняется их тавтологическим или плеонастическим употреблением при словах той же основы или сходного значения (ср.: *стоном стонать, бегом бежать* и т. п.). Однако ср. у Лескова: «Причесать по форме, с хохлом *стоймя* и с височками» («Тупейный художник»).

§ 17. Грамматическая определенность и структурное единство системы наречия

Четыре основных морфологических разряда наречий: качественно-относительных, предметно-обстоятельственных, количественных (счетных) и отглагольных — функционально объединяются в двух синтаксических категориях — обстоятельственного отношения и качественного определения действия, предмета или свойства; при этом из последней категории несколько выступает тип наречий со значением количественного определения и отношения. Функция синтаксического отношения, типичная для категории наречия в целом, отчасти обусловлена морфологическим составом тех наречий, которые включают в себя предлоги-префиксы и, следовательно, вбирают в себя обозначения грамматических отношений, выражаемых предлогами (ср., например: «щегольские лосиные панталоны *в обтяжку*» — Тургенев, «Дворянское гнездо»): *походка вприпрыжку, вытянуться в струнку; мозги набекрень* и т. п. Но — прежде всего и главное всего — значение отношения (качественного или предметно-обстоятельственного) является основной синтаксической принадлежностью самой формы наречия. Грамматические функции наречия как несогласуемого и флексивно-неизменяемого определяющего слова, которое, выражая качественные и обстоятельственные отношения, примыкает к глаголу или к имени прилагательному (а следовательно, и к наречию), или, наконец, к имени существительному, очерчены очень ясно. Этим определяется положение категории наречия в системе других грамматических категорий, других частей речи. Категория наречия выражается синтаксической функцией слова, иногда комплексом форм (например, субъективной оценки, степеней сравнения), чаще лексическим значением или морфологическим строем слова и особенно — его грамматическим отношением к другим категориям. Без этой грамматической оформленности наречного слова невозможно было бы его понимание. Например, *алLEGRO* (от итал. *allegro* — весело) как музыкальный термин непосредственно связывается или

с обозначением темпа исполнения музыкальной пьесы (т. е. со значением образа действия) и тогда осмысляется как качественное наречие *скоро*, *оживленно*, или же относится к музыкальной пьесе (а также к какой-нибудь ее части), исполняемой в таком темпе, и, следовательно, осмысляется как несклоняемое имя существительное. Напротив, слово *аллегри* (от итал. *allegri* — будьте веселы, не огорчайтесь; так гласила шуточная надпись на проигрышных билетах лотереи) непосредственно осознается как определение слова *лотерея*, с которым оно чаще всего и сливается в сложное речение: *лотерея-аллегри*, т. е. лотерея с немедленной выдачей выигрышей. Следовательно, в слово *аллегри* включена, несмотря на его неизменяемость, функция имени прилагательного.

Соотносительность наречия с другими грамматическими категориями и своеобразие его синтаксических значений определяют место наречий в морфологической системе современного русского языка. Категория наречия настолько определена, что никто не смешает слов *кашне*, *туше* со словами *вотще*, *втуне* или *уже*, не свалит в одну кучу слов *хаки* и *паки* (несмотря на устарелость этого наречия) и т. п. и не отнесет их к одной грамматической категории.

§ 18. Группы наречий, функционально однородных с предметно-обстоятельственными наречиями

В силу грамматической определенности категории наречия осознаются как наречия и те группы слов, которые утратили ясную морфологическую соотносительность с живыми грамматическими классами и разрядами. Большая часть таких обособленных наречных групп — местоименного происхождения. В этих группах яркость синтаксических и лексических признаков наречия возмещает неполноту и ущербность морфологических признаков. В силу однородности синтаксических функций эти группы сливаются с системой основных грамматических разрядов наречия. Поэтому нет ничего более произвольного, искусственного и ошибочного, чем применение наименования «бесформенных» к этим группам наречий. Вот некоторые их типы:

1. Обозначения времени: *вчера*, *завтра*, *послезавтра*, *позавчера*, *на завтра*, *до завтра*, *до сегодня* (ср. у Достоевского в «Бесах»: «Неисследима глубина женского сердца даже и *до сегодня*») и другие подобные. Способность сочетаться с предлогами-префиксами времени и однородность этих наречий с адвербиализованными формами родительного времени: *сегодня*, *третьего дня* и т. п. — приближает их к разряду отыменных обстоятельственных наречий (ср. областное и просторечное *к завтраму*, *к завтраму*).

Сюда же примыкают местоименные обозначения времени: *тогда*, *когда*, *некогда*, *иногда*, *всегда* (ср.: *навсегда*, *области*, *завсегда*), *никогда*, *пока*, *покамест*. Ср: *теперь*, *ныне*, *поныне*, *доныне*, *уже*, *после**.

2. Обозначения места: *вон*, *прочь*, *вовне* (ср.: *совне*, *извне*), *здесь*, *где*, *ни где*, *возле*, *подле*, *около*, *там*, *тут*, *туда*, *сюда*, *куда*, *куда-нибудь*, *никуда* (ср.: *откуда*, *оттуда*, *отсюда*; прост. *досюда*), *всюду* (ср. *отовсюду*). Ср.: *домой*, *долой* и устар. *долу*.

3. Обозначения образа действия: *как*, *так*; ср. *иначе*.

4. Обозначения степени качества: *столько* ^устар. *столь*), *сколь*, *сколько*, *так*, *как*, *очень*, *почти*, *едва*, *еле*, *чуть* и др.

Местоименных наречий было гораздо больше в русском литературном языке до середины XIX в. Многие из них вымерли или устарели, например: *доселе* (*досель*), *отселе* (*отсель*), *дотоле* (*дотоль*), *оттоле* (*оттоль*), *отколе*, *столь*, *толь*. Ср. прост. *откудова*, *отсюдова*, *покудова*, *инде* и др.

*Ср. у Л. Толстого: «Уже гораздо *после Пьер* узнал» («**Война и мир**»).

§ 19. Гибридные грамматические типы, внедряющиеся в категорию наречия

По периферии категории наречия располагаются смешанные, гибридные типы слов. Среди них ощутительно выделяются семь разновидностей:

1. Типы, промежуточные между классами имен существительных и наречий (например: *с развальцем, на скаку, на ходу* и т. п.).

2. Деепричастия как смешанная глагольно-наречная категория.

3. Морфологические типы слов, совмещающих наречные функции с характерными особенностями модальных слов (например: *решительно, объективно, нормально* и т. п.).

4. Лексико-морфологические типы слов, употребляемых то как наречия, то как частицы (например: *уже, еще, всё* и т. п.).

5. Смешанные типы наречий-предлогов (например: *кругом, около, против, после* и т. п.).

6. Смешанные союзно-наречные типы (например: *пока, едва* и т. д.).

7. Кроме того, от некоторых типов наречия ведет прямой путь к категории состояния (например: *тепло, уютно, тихо, шумно* и др.).

Понятно, что разновидности смешанных типов, промежуточных между наречиями и модальными словами, между наречиями и частицами, между наречиями и предлогами, между наречиями и союзами, вполне уясняются лишь после анализа категорий модальных слов, частиц, союзов и предлогов. Необходимо описать прежде всего основные функции чистых, главных типов наречия.

3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ НАРЕЧИЙ И ИХ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

§ 20. Вопрос о грамматико-семантических классах наречий в научной традиции

В русской грамматике с самого начала XIX в. установилось деление наречий на два основных грамматико-семантических класса: на наречия качественные и наречия обстоятельственные. Еще И. Орнатовский в «Новейшем начертании правил российской грамматики» (1810) довольно точно очертил границы между этими семантическими классами наречий (*adverbia qualitatis* и *adverbia circumstantiarum*). Позднее к этим двум классам иногда присоединялись деепричастия (см., например, грамматику Н. И. Греча).

Классификация наречий на качественные (или определительные) и обстоятельственные дожила до настоящего времени. Ее придерживался, например, А. М. Пешковский. Лишь акад. А. А. Шахматов пытался внести в нее некоторые поправки.

Акад. А. А. Шахматов различал три основных синтаксических типа наречий (соответственно видам «обстоятельств»): *наречия определяющие, дополняющие и сопутствующие*. В разряд сопутствующих наречий он относил и те группы слов, к которым больше всего подходило бы название «вводных слов». Таковы слова, выражающие оценку, придающие субъективную окраску тому или другому обозначению или высказыванию в целом, например: *авось, небось, поди, право, просто* и т. п. (Сюда же примыкают в концепции А. А. Шахматова и выражения, отмечающие стилистический характер соседних слов: *собственно говоря, говоря вообще* и т. п.)⁴¹.

Вместе с тем А. А. Шахматов делил наречия на *обстоятельственные* и *формальные*⁴². К формальным относятся те наречия, которые выражают «утверждение, вопрос, приказание, восклицание, отрицание,

пожелание, заключение, домысел»⁴³. Категория наречий в концепции А. А. Шахматова понимается слишком широко. Но если исключить группу «сопутствующих обстоятельств», выходящую за пределы наречий в собственном смысле, то и у Шахматова останутся три разряда наречий: 1) наречия определяющие, или качественные; 2) наречия обстоятельственные и 3) наречия формальные. Однако «формальные наречия» принадлежат к смешанным, гибридным грамматическим типам, вклинивающимся в категорию наречий.

Таким образом, перед нами снова оказываются два основных разряда наречий : *качественные*, или определительные, и *обстоятельственные*.

Может возникнуть новый вопрос, не правильнее ли было бы присоединить к классам качественных и обстоятельственных наречий еще особый класс наречий количественных. Хотя этот тип наречий очень близко подходит к качественным наречиям, иногда даже вливается в них, однако уже проф. Пеш-ковский отмечал грамматическое обособление этого разряда: «Наречия эти замечательны тем, что, в отличие от всех остальных, не связаны неразрывно с глаголами (или словами, образованными от глаголов)... Они даже, можно сказать, больше «любят» именно прилагательные, а не глаголы, и не со всяким глаголом всякое такое наречие можно соединить; нельзя сказать *очень читает, очень гуляет, очень спит, весьма лежит* и т. д (говорится иногда в шутку)... Это объясняется, конечно, их значением, так как они обозначают степень, а всякое качество может изменяться по степеням»⁴⁴.

Необходимо подвергнуть количественные наречия синтаксическому анализу.

§ 21. Семантические разряды и синтаксические функции количественных наречий

В группах количественных наречий наблюдается сложная гамма переходов от качественно-оценочного, иногда очень эмоционального и субъективного понимания степени и количества до точного объективного обозначения степени и количества, иногда выраженных даже в числах (ср., с одной стороны: *очень, крайне, совершенно, чрезвычайно, замечательно* и т. п., а с другой стороны: *вдвое, втрое, много, трижды* и т.п.).

Одни из количественных наречий, преимущественно те, которые обозначают степень, сочетаются с глаголами, прилагательными и наречиями, а также изредка — с существительными, имеющими оттенок качественного значения. Например: *очень сильный, очень громко, очень похудел*, «очень не дрянь» (Гоголь), *очень не дурак; крайне мстительный, крайне встревожен; много больше, много спит; меньше жаль, меньше ленится*; у Л. Толстого: «Всякий из нас, ежели не больше, то никак *не меньше человек*, чем всякий Наполеон» (с именами прилагательными сочетается только форма *менее*, а не *меньше*: *менее живой, менее значительные результаты* и т. п.); «приближалась *довольно скучная* пора» (Пушкин); *довольно потрудился* и многие другие.

Другая группа количественных наречий, преимущественно те, которые указывают меру или числовое выражение степени, сочетаются только с глагольными и отглагольными словами, обозначающими уменьшение, увеличение, или с прилагательными и наречиями в форме сравнительной степени. Например: *вдвое больше, втрое больше, брак в производстве уменьшился вдвое, уменьшение цен вдвое* и т. п.; ср.: *гораздо больше, цены снизились вдвое* и т. п.

Наконец, третья группа количественных, вернее, числовых наречий, преимущественно те, которые обозначают обстоятельство, выраженное в числах,

сочетаются почти исключительно с глаголом и отглагольными существительными, например: *вдвоем, впятером, надвое, натрое, по двое* и т. п.; *раз, два, три* и др.

Все это говорит о том, что количественные наречия образуют лишь переходный, промежуточный тип между качественными и обстоятельственными классами наречий, примыкая то к тому, то к другому. Они еще не приобрели резких признаков самостоятельного грамматического класса в системе наречий. К тому же выводу привел морфологический анализ словообразовательных типов наречия.

Там же, где в количественных словах намечаются новые морфологические признаки и новые грамматические значения, они сближаются с модальными словами и должны быть рассматриваемы как смешанный, переходный тип слов*, совмещающий функции наречий и модальных слов.

В современном русском языке среди количественных наречий несколько обособляется по своему синтаксическому употреблению группа слов, которые служат для указания на степень точности количественных обозначений. Это своеобразные качественные определители количественных обозначений или количественные уточнители числовых указаний. Примыкая к названиям меры и количества, они приобретают своеобразные оттенки значений. Например: *ровно в два часа, весом ровно в килограмм, приблизительно пять верст*; в устной речи: *километров пять приблизительно*; «И прожил премудрый пискарь *двадцать с лишком лет*» (Салтыков-Щедрин) (ср. чисто наречное употребление этого слова: *он слишком самонадеян; слишком чувствителен; слишком понадеялся на что-либо* и т. п.); *прошло почти два года; точно в два часа раздался звонок* и т. п. Во многих из этих слов наряду с наречными, обстоятельственными значениями ощущается оттенок модальности. Например, у М. Горького: «Он вздрогнул, алчно оскалил *чуть не* сотню плотных, здоровых зубов» («Мой спутник»). (Ср. *Я чуть не подавился*.) Эту группу количественно-определяющих слов также необходимо относить к смешанным наречно-модальным типам слов (ср. главу о частицах и модальных словах). В некоторых из этих слов наречные значения уживаются рядом и вместе с модальными, другие распадаются на омонимы (ср.: *вычертить ровно, провести линию ровно* и *ровно в пять сантиметров*); третьи специализируются в модально-количественном значении.

§ 22. Синтаксические функции качественных наречий

Деление наречий на качественные и обстоятельственные соответствует двум основным морфологическим разрядам наречий, соотносительным с именами существительными и с именами прилагательными. Наиболее рельефно синтаксическая разница между качественными и обстоятельственными наречиями обнаруживается при сопоставлении их крайних типов. Чисто качественные наречия на *-о, -е* и *-ски* (без приставки *по-*) определяют только глагол (включая причастия и деепричастия) и имя прилагательное (а следовательно, и наречие). Например:

Кокетка судит *хладнокровно*,

Школа *глухо* заперта.

Татьяна любит *не шутя*

(Пушкин, «Пир во время чумы»)

И *предается безусловно*

Утопим

Любви, как милое дитя.

(Пушкин, «Евгений Онегин»)

(Там же)

—* Старые грамматисты (от А. Х. Востокова до И. И. Давыдова) связывали с количественными наречиями слова, определяющие, «действительно ли происходит действие»: *в самом деле, действительно ли*; отрицание: *нет, не, ни, вовсе не, отнюдь, ничуть, нимало, никак ...* предположение: *авось, едва ли, чуть ли, вряд*; ограничение: *только, разве, лишь, едва, чуть, несколько, отчасти, почти**?¹

«Восторженно административная личность» (Достоевский).

Ср.: *мертвецки пьян; дружески улыбнулся; зверски проголодался* и т. п.

Случаи определения имен существительных наречиями этого типа не соответствуют нормам современного русского языка. Единичные примеры такого синтаксического употребления (преимущественно в просторечии) воспринимаются как незаконное расширение глагольных функций у отглагольных имён существительных. Ср., например, у Гоголя в «Мертвых душах»: «Ты счйниг тель, да только, кажется, *неудачно*» (ср. *неудачно сочинять*); у Пушкина в стихотворении «Мадона»: «Одной картины я желал быть *вечно* зритель».

С чисто качественными наречиями синтаксически сближаются качественно-количественные, обозначающие степень или неопределенное количество. Они также нормально стоят впереди определяемого слова и определяют как глагол, так и имя прилагательное и наречие. Но, в отличие от чисто качественных слов, они могут относиться и к имени существительному с качественным значением. Ср., например, у Островского в речи свахи: «Чуть *мало-мальски* жених... прямо и тащи ко мне» («Свои люди — сочтемся»). С качественно-количественными наречиями отчасти сближаются и наречия, обозначающие предел или степень качества и действия и стоящие обычно позади определяемых слов (вроде: *до чертиков, дозарезу, досыта* и т. п.). Но они лежат уже на рубеже между качественными и качественно-обстоятельными степенными разрядами наречий (ср.: *докрасна, добела* и т. п.).

§ 23. Семантические разряды и синтаксические функции качественно-обстоятельных наречий

Из других морфологических разрядов наречий по своему синтаксическому употреблению близко подходят к качественному типу отглагольные наречия (типа *молча, немедля* и т. п.). Но в них очень заметны оттенки значения образа действия, а к этим качественно-обстоятельным значениям примешивается еще значение действия, процесса, как бы сопровождающего другое, основное действие (ср.: *молчаливо* и *молча*; ср. также *молчком*; ср.: *шутливо* и *шутя*; ср. также: *в шутку; неохотно* и *нехотя*; ср. также: *поневоле; немедля* и *немедленно; умело* и *умеючи* и т. п.). Поэтому круг грамматического употребления таких отглагольных наречий сужен; он ограничивается примыканием к глаголу и в редких случаях к кратким формам имени прилагательного (ср.: *моя строгость — от любви; я строг любя; он остроумен шутя*). Так как значение качественного состояния может развиваться у существительного, выполняющего функцию сказуемого, а обозначение действия, процесса вообще при существе отглагольным существительным, то отглагольные наречия изредка примыкают и к таким существительным (ср., например, у Гоголя в «Ревизоре», в характеристике Осипа: «молча плут»; ср. у Л. Толстого в «Крейцеровой сонате»: «Иногда бывали слова, объяснения, даже слезы, но иногда... Ох, гадко теперь и вспомнить — после самых жестоких слов друг другу вдруг *молча* взгляды, улыбки, поцелуи, объятия»). По-видимому, отглагольно-именные наречия на *-мя* в усиленном значении (*ливмя, ревямя, стоймя* и т. п.) нормально стоят перед определяемым глаголом, но по с л е определяемого отглагольного имени существительного. Другие группы отглагольных наречий ставятся предпочтительно позади определяемого слова, хотя могут без заметного оттенка инверсии помещаться и впереди. Например: «Уши врозь, дугою ноги и как будто *стоя спит*». Ср.: *сказать нехотя, взять не глядя; пройти молча; писать стоя* и т. п. Идиоматические наречия типа *сложь руки, сломя голову, очертя голову* стоят позади определяемого глагола. Например: *сидеть сложь руки, скакать сломя голову, поступить очертя голову, работать спустя рукава* и т. п.

Далее располагаются ряды наречий, сочетающих качественное значение с обстоятельственным. Сюда относятся все типы отприлагательных наречий с приставкой *по-*.

Степень качественности в трех группах наречий с приставкой *по-* (*по-детски*, *по-волчьи*, и *по-змеиному*) не вполне одинакова. Она ниже всего в наречиях типа *по-летнему* и т. п. В наречных образованиях *по-...-ому*, *-ему*, даже от качественных прилагательных, оттенки обстоятельственного значения выступают очень рельефно (ср.: *поступить нехорошо* и *поступить не по-хорошему*). Ср. также значения наречий *старо* и *по-старому*, например: *выглядел старо* и *выглядел по-старому*, т. е. как прежде, в старое время.

Во всех этих типах наречий оттенки сравнительного значения, указание на соответствие нормам чего-нибудь, значение образа и способа действия — все эти семантические нюансы наслаиваются на качественное значение и образуют вместе с ним сложную смысловую амальгаму. Вследствие этой сложности значений качественно-обстоятельственные наречия определяют не только глагол и, реже, прилагательное и наречие, но и имя существительное.

В сочетании с глаголом качественно-обстоятельственные наречия с приставкой *по-* могут стоять и впереди определяемого слова (в силу инверсии), чаще же помещаются позади него. Это их нормальное положение (ср.: *заговорить по-французски*, *поступить по-дружески* и т. д.). Ср.: «Она озорно, *по-девичьи*, взглянула на него снизу вверх» (К. Федин, «Братья»); «Опять потянулось время среди занятий домашних, но теперь как-то скучно и вяло, день за днем, *по-черепаши*» (Помяловский, «Молотов») и т. п. В сочетании с прилагательным они обычно, кроме наречий типа *по-старому*, стоят впереди определяемого слова. Например: *не по-детски задумчивые глаза*; *церемонный по-старому* и т. п. При существительном наречия этого типа ставятся всегда позади, например: *шницель по-венски*, *кофе по-варшавски*.

К семантическому разряду качественно-обстоятельственных наречий принадлежат и все наречия, обозначающие сравнения, образ и способ действия. Сюда, например, относятся наречия с приставкой *на-* и бывшими именными падежными формами кратких прилагательных, вроде *налегке*, *наготове*, *навеселе*; наречия с префиксами *на-* и *в-*, образовавшиеся из существительных (вроде *нараспашку*, *набекрень*, *наизнанку*, *впору*, *вмятку*, *навыкате*, *втайне* и т. п.); наречия с приставкой *без-* (ср.: *безумолку* и *неумолчно*, *без ума* и *безумно* и т. п.); наречия, морфологически соотносительные с творительным падежом имен существительных {*тайком*, *авансом* и т. п.}. Ср.: *огулом* и *огульно*; *тайком* и *тайно*. Своеобразной особенностью этого типа наречий является их способность определять преимущественно глагол и имя существительное и только в исключительных случаях — имя прилагательное и наречие. Степень и характер обстоятельственного значения наречий определяется их связями не только с глаголами, но и с именами существительными, как отглагольными, так и чисто предметными. Повидимому, некоторые из префиксированных наречий сравнения, образа и способа действия сочетаются исключительно с именами существительными или непосредственно, или при посредстве связки *быть*, образуя своеобразные фразеологические единства, или идиоматизмы. Например: *глаза навывкат* или *навывкате*; устар. *на возрасте* (ср. у Мельникова-Печерского: «девки *на возрасте*»; у Кохановской: «Было нас три родные сестрицы, и все-то мы, значит, *на возрасте*»); *мастер на все руки** (ср. у Салтыкова-Щедрина: «Он был *малый на все руки* и имел бойкое перо»; у Гоголя: «Ноздрев во многих отношениях был многосторонний человек, т. е. *на все руки*») и другие подобные.

Однако большая часть наречий этого типа сочетается и с глаголами, и

**На все руки* необходимо рассматривать как фразеологическое единство.

с именами существительными. Например, *нараспашку* в Современном' языке употребляется с именами существительными: *пальто нараспашку*, *душа нараспашку* (ср. у Гончарова в «Обыкновенной истории»: «прекрасный человек, и *душа нараспашку*») и т. п. Но ср. также: *надеть нараспашку что-нибудь*. По-видимому, раньше круг прилагольного употребления этого наречия был шире. Ср. у Писемского: «Рискую говорить с вами совершенно *нараспашку* о предмете, довольно щекотливом» («Тысяча душ»); у Салтыкова-Щедрина: «произносились имена *нараспашку*» («За рубежом»); у Гончарова: «Все живут вольно, *нараспашку*, никому не тесно» и т. п.

Ср. *набекрень*: *надеть набекрень шапку* и *с шапкой набекрень* и т. п.; *вмятку*: *сварить яйца вмятку* и *яйцо вмятку*; *сапоги вмятку* (у Гоголя в «Мертвых душах»: «Это выходит просто: Андроны едут, чепуха, белиберда, *сапоги вмятку*»); у Глеба Успенского в очерках «Из деревенского дневника»: «Бывают, однако, невероятные случаи, когда получаются стеариновые свечи и *сапоги вмятку*» и другие подобные). Ср. еще несколько примеров сочетания качественно-обстоятельственных наречий с существительными (сочетания их с глаголами многочисленны и легко иллюстрируются литературными примерами): *сны наяву*; *жизнь настороже*; «литература на лету» (П. А. Вяземский); *мысли вслух* (ср. *мысли на лету*); *ружье наизготовку*; *вихры торчком*; *волосы ежиком*; *чай внакладку*, *вприкуску*, *вприглядку* и т. п.; *панталоны в обтяжку*; *земля дыбом*; *губки бантиком*; *грудь колесом*, «*уши врозь*, *дугою ноги*» ИТ. П.⁴⁵

Качественно-обстоятельственные наречия этого типа, определяя имя существительное, всегда ставятся позади него. В сочетании с именем прилагательным они могут инверсивно предшествовать определяемым словам (*вдребезги пьяный*, *в лоск пьяный*, *вволю сытый* и др.), хотя обычное их место — позади определяемых прилагательных.

Примыкая к глаголу, качественно-обстоятельственные наречия, по-видимому, нормально стоят позади глагола («с бедняжки пот катился *градом*»; *получить авансом*; *стоять дыбом*; *набить битком*; *ехать рысью*; *выучить на зубок*, *наизусть*; *ползать на карачках*; *бежать наперегонки* и т. п.).

§ 24. Семантические разряды и синтаксические функции обстоятельственных наречий

Вслед за качественно-обстоятельственными идут обстоятельственные наречия. Они определяют или предложение в целом, или отдельные его члены: чаще всего глагол, слова из категории состояния, краткие формы имени прилагательного (полные — преимущественно в обособленном положении), обстоятельственные наречия, реже — имена существительные, еще реже — членные имена прилагательные в их основной, качественно-определяющей функции и качественные наречия.

Среди обстоятельственных наречий различается несколько семантических разрядов.

Современный русский язык очень богат наречиями, обозначающими пространственные и временные отношения. Между этими двумя группами наречий тесная связь и постоянное семантическое взаимодействие. Многие наречия места совмещают свое первоначальное пространственное значение с временным (как многие имена существительные и прилагательные, а также предлоги). Например, *тут* (ср. *тут как тут*), *отсюда*, *оттуда*, *там* во временном и местном значении и т. п. (ср.: *вперед*, *позади* — со значением времени)⁴⁷.

Наречия в р е м е н и формируются словами, составленными из префиксов *из-* и *с-* с формой родительного падежа имени существительного и не-

членного прилагательного (*издавна, изредка, смолоду, сперва, искони, исстари, сначала*); из префикса *за-* с винительным падежом (*засветло, задолго, незадолго*); из префиксов *в-* и *на-* с винительным (*навек, вмиг, ввек*) и предложно-местным падежом (*вскоре, вначале, накануне, на днях* и т. п.); из творительного беспредложно I о (*летом, зимой, вечером, днем* и др.)- Сюда же относятся многие идиоматические выражения: *чуть свет, ни свет ни заря* и т. п. и наречия, которые в современном языке воспринимаются как непроезженные (*всегда, завтра, рано, давно* и т. п.). В этом семантическом разряде продуктивны лишь наречия с префиксом *на-* и предложно-местным падежом (ср.: *на лету, на ходу* и т. п.). Круг наречий времени, восходящих к беспредложному творительному падежу, ограничен словами, обозначающими время суток и времена года. В группе наречий времени довольно активны приемы префиксации: *завтра, до завтра, на завтра; ныне, донныне, понныне* и другие подобные.

Наречия места включают в себя такие типы: наречия с префиксами *с-* и *из-* и формой родительного падежа имени (*справа, слева, издалека, изнутри, издали; снизу, сзади, спереди, снаружи* и т. п.); с префиксами *в-* и *на-* и винительным падежом (*вправо, влево, направо, налево, набок, назад, наперед, наверх, вверх, вряд, вбок, вниз, вширь, вглубь* и т. п.), с теми же префиксами *в-* и *на-* и местным-предложным падежом (*вверху, внизу, вдали, вблизи, впереди, наверху* и т. п.). Продуктивны в этой категории формы бывших имен существительных, составленные из префиксов *в-* и *на-* как с винительным, так и с предложно-местным падежом.

Понятно, что к наречиям места относится много непроезженных слов местоименного и именного происхождения, например: *здесь, там, тут, везде, всюду, возле, нигде, куда, никуда, прочь* и т. п.

Некоторые из местоименных наречий осложнены префиксами, имеющими пространственное значение, например: *всюду — повсюду, отовсюду, туда — оттуда* и т. д.; ср.: *вправо, направо, справа; влево, налево, слева* и другие подобные.

Группа обстоятельственных наречий времени и места притягивает к себе функционально близкие и семантически однородные формы из разряда наречий на *-о, -е*, произведенных от имени прилагательного. Например: *рано, поздно, раньше, позже* (обстоятельства времени); *далеко, дальше, выше, близко, ближе* (обстоятельства места; ср.: *высоко, глубоко* и т. п.).

Наречия *п р и ч и н ы* в русском языке выражены менее ярко.

Некоторые лингвисты, например проф. А. С. Будилович, вообще отрицали в русском языке существование наречий причины и цели. Для категории причины и цели, по словам Будиловича, нет специального оформления в наречиях. «Отношения причины и цели находятся в слишком непосредственном и наглядном взаимодействии с предметами и феноменами мысли и словесного выражения, чтобы не тяготеть к ним своими флексиями. Оттого последние не окаменевают в означенной роли, как это бывает при отношениях пространственных, временных и образных»⁴⁸. Но это решение чересчур поспешное.

В русском языке причинные отношения выражены богаче и разнообразнее, чем целевые. Нередко целевые отношения означаются причинными словами. Впрочем, в причинных отношениях разные смысловые оттенки начинают дифференцироваться сравнительно поздно (особенно интенсивно в XVI — XVII вв.). В XVIII и в начале XIX в. значительно расширяется круг грамматических показателей причинности как среди форм словоизменения, так и в области служебных, формальных слов. Но развитие разнообразных приемов выражения причинных отношений в русском языке идет мимо наречий и охватывает преимущественно союзы и предлоги. Причинных наречий сравнительно немного. Сюда относятся группы наречий, состоящих: 1) из префикса *с-* и формы родительного падежа имени (*сослепу, сдуру, сгоряча, со зла* и т. п.);

2) из префикса *по-* с дательным падежом (*поневоле*; ср.: *по случаю, потому, поэтому, почему* и др.). Формы образования причинных наречий не очень продуктивны (ср. непосредственное превращение предложных конструкций имен существительных со значением причины-следствия в причинные предлоги: *по причине, вследствие, в силу, ввиду* и т. п.).

Больше оснований сомневаться в выразительности целевого значения у русских наречий.

Наречия цели (если оставить в стороне местоименные слова *зачем*, просторечное *чего* и некоторые другие) единичны и почти всегда колеблются между обстоятельством причины и образа действий (ср.: *в насмешку, в шутку, назло, нарочно, невзначай* и т. п.)*. Поэтому-то соответствующие слова примыкают или к глаголу, или к существительному, обозначающему действие-состояние.

К этим основным разрядам обстоятельственных наречий иногда русские грамматисты присоединяют небольшие группы со значением «совокупности», совместности (*вдвоем, втроем, вчетвером, впятером* и т. п.) или разделительноеTM, распределительности (*по двое, по трое* и т. п.). Эти группы примыкают к глаголам и отглагольным существительным, стоя позади них.

В этом общем обзоре обстоятельственных функций наречия более мелкие, частные виды опущены. Обстоятельственные наречия в современном языке все шире и глубже закрепляют свои синтаксические связи не только с глаголами и категорией состояния, но и с именами существительными, как отглагольными, так и чисто вещественными. Ср.: *парк летом; фалды сбоку; с головою набок; трагик поневоле*; «со шпагою *подмышкой*» (Пушкин) и т. п. Ср. у Герцена: «Я так любил длинную, тенистую аллею, которая вела к нему [дому], и одичалый *сад возле*» («Былое и думы»).

Обстоятельственные наречия нормально занимают место в начале предложения, если они относятся ко всему высказыванию. Если же они относятся только к глаголу, то стоят позади него (особенно наречия с предлогами-префиксами), но могут помещаться и впереди определяемого слова, иногда с оттенком логически или эмоционально подчеркнутой инверсии. Например: «Никогда не выверну прежних своих слов *наизнанку*» (Герцен);

Всегда так будет, так бывало,

Кругом белеются палатки.

Таков *издревле* белый свет.

(Лермонтов)

(Пушкин)

Если обстоятельственное наречие примыкает к прилагательному, то ставится впереди него.

При сочетании с существительными обстоятельственные наречия всегда стоят позади определяемых слов (*Москва сегодня; парк летом* и т. п.).

§ 25. Расширение синтаксической способности наречия примыкать к имени существительному

В современном русском языке у наречий расширяется способность примыкать к имени существительному, особенно в именных словосочетаниях. Наречие все чаще выступает в роли несогласуемого именного определения, образуя конструкции, синонимичные сочетаниям имени прилагательного и существительного. Эти новые приемы употребления наречий ломают тради-

* Значения цели и следствия расчлениются очень поздно. «Цель есть предполагаемое впереди следствие; первоначально они тождественны, как видно из одинаковости способов их выражения»⁴⁴.

ционное понимание наречия как «признака признака», т. е. как части речи, обозначающей признак глагольного действия или качества имени прилагательного.

Легко понять и объяснить широкую возможность сочетания наречия с отглагольными именами существительными (например: *бег вразпуски, разговор по-немецки, переписка набело* и т. п.). Но разнообразные случаи соединения имен существительных не-отглагольного типа с наречными определениями представляют, несомненно, новый этап в эволюции грамматической системы русского литературного языка XIX — XX вв. Это явление находит себе частичную параллель в широком развитии определительных грамматических отношений между существительными, выражаемых предлогами (ср.: *боксер в легком, тяжелом весе; дети до двенадцати лет; деньги на ремонт; машина на свободном ходу* и т. п.). Приименные наречия являются грамматическими синонимами одновременно и прилагательных, и предложных конструкций с именем существительным. Ср., например, у Достоевского в «Записках из Мертвого дома»: «Были здесь убийцы *невзначай* и убийцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойников». Ср. семантические оттенки выражений: *цветы весной и весенние цветы*. Широкое употребление наречий в роли определений имени существительного, несомненно, содействует функциональному сближению наречий с прилагательными. Категория наречия вторгается в сферу функций имени прилагательного (ср.: *обед даром и даровой обед; Москва сегодня и сегодняшняя Москва; парк летом и летний парк* и т. п.)*. Это явление отчасти вызвано развитием новых семантических оттенков в характере связи прилагательного с существительным. Имя прилагательное, стоя на своем нормальном месте перед определяемым существительным, все теснее и теснее сливается с ним в грамматическое единство. Оно образует вместе с определяемым существительным семантически целостное «потенциальное слово», фразеологическую единицу. Эта тенденция выражается в увеличении числа таких фразеологических единиц, таких составных терминов, как *лошадиная сила, белая горячка, рабочий день, лакмусова бумага, бабье лето* и т. п. (ср. тип сокращенных обозначений с прилагательно-определятельной «темой» в первой части: *соцсоревнование, комвуз, агитпункт, мединститут* и т. п.); в росте образований типа *вечерка*, вместо *вечерняя газета*, и в невозможности инверсивной постановки прилагательного при словах полунаречного, полусуществительного типа, например *ранним летом* (для современного языка невозможно: *Летом ранним и душистым мы сидели в лесу*).

Сочетания наречий с существительными более аналитичны, более богаты оттенками обстоятельственных отношений, чем сочетания существительных с прилагательными (ср.: *зубки бантиком; душа нараспашку*, ср.: *открытая душа; город ночью и ночной город* и т. д.)**.

Итак, происходит двусторонний, диалектический процесс: наречия синтезируют в своем морфологическом составе некоторые виды предложно-аналитических отношений или беспредложных именных связей и в то же время содействуют ограничению синтетической системы прилагательных (ср. видимую

* О. Jespersen доказывал, что вследствие вымирания согласования имен прилагательных и вообще согласования (ср. лат. *opera virorum omnium bonorum veterum* рядом с англ. *all good old men's works*) язык приобретает более абстрактный характер, облегчающий выражение мыслей⁵⁰.

*• Проф. А. В. Добиаш подчеркивал способность наречий примыкать не только к глаголам, но и к именам существительным и прилагательным, а также и к наречиям или ко всему предложению в целом. Поэтому он предлагал, устранив термин *наречие*, делить несклоняемые слова (ахсита) на: а) и м е н н ы е несклоняемые места, времени, способа и степени; б) н а к л о н и т е л ь н ы е, т. е. модальные («Синтаксис Аполлония Дискола», с. 170; Известия историко-филологического института в Нежине, 1883, т. 8).

однородность с наречными конструкциями сочетаний, вроде *цвета хаки, цвета электрик, цвета «сомо», лотерея-аллегри* и т. п.; ср. общность формы сравнительной степени у прилагательных и наречий).

4. ПРОЦЕССЫ АДВЕРБИАЛИЗАЦИИ ДРУГИХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

§ 26. Адвербиализация имен существительных и гибридные наречно-субстантивные типы форм

Процессы превращения падежных форм имен существительных в наречия протекают в современном языке очень активно. Разные именные формы, вступившие на путь адвербиализации, находятся на разных этапах этого пути. По отношению ко многим словам трудно решить вопрос, осуществляют ли они с течением времени весь путь адвербиализации или же сразу перейдут в предлоги, минуя наречия. Например, бывшее слово *ведомо* в выражениях *без ведома, с ведома* не имеет форм ни числа, ни склонения, ни даже рода в собственном смысле, хотя оно явно не женского рода (ср.: *с моего ведома, без нашего ведома*). Но признать выражения *без ведома, с ведома* наречиями невозможно. Этому противоречит их способность иметь при себе в качестве определения местоименное прилагательное и возможность отделения от них предлога посредством вставки определяющего слова (ср. *с их ведома*). Так как выражения *с ведома* и *без ведома* сочетаются только с родительным падежом (*с ведома начальства, без ведома родителей*) и согласуемые формы родительного падежа местоименных прилагательных здесь равносильны родительному определительному падежу имен существительных (ср. *с моего ведома, но с его ведома*), то, по-видимому, перед нами — обороты, застывшие на промежуточной стадии между именем существительным и предлогом*.

Необходимо отказаться от распространенного предрассудка, будто имена существительные и прилагательные на пути к деноминализации и к превращению в связочные слова непременно проезжают через станцию наречий (ср. постепенный, но непосредственный переход в предлоги таких сочетаний: *ввиду чего-нибудь, вроде чего-нибудь, по случаю чего-нибудь, по части чего-нибудь, по линии чего-нибудь* и т. п.; но ср. гибридный тип наречий-предлогов: *впредь до чего-нибудь, кругом чего-нибудь* и многие другие). То же пришлось бы повторить и о деепричастно-предложных сочетаниях (например: *невзирая на что-нибудь, несмотря на что-нибудь, смотря по чему-нибудь, глядя по чему-нибудь* и т. п.; ср. *на ночь глядя* и т. п.). Эти сложные предлоги в отдельных случаях соприкасались с наречиями; но многие из этих слов и идиоматических выражений прошли, не задерживаясь в категории наречия и даже минуя ее, к предложным словам.

И все же больше всего и прежде всего процессы исторических изменений и распада системы форм имени существительного (и отчасти имени прилагательного) обогащают категорию наречий. Ср. образование таких наречий, как *поделом, на сносях, вкратце, на лету* и т. п.

Синтаксическое ограничение области употребления того или иного существительного или отдельной его падежной формы выражается в сужении круга согласующихся с ним определений. Полная утрата способности определяться именем прилагательным означает переход формы существительного в наречие. Резкое понижение этой способности является симптомом переходного состояния. Ср.: *во всеуслышание, до востребования, во всеоружии, со всячинкой, на ощупь, ощупью* и т. п.

Уже А. А. Потевня указывал, что все вообще формы творительного падежа имени существительного в функции сравнения и образа действия находятся на полпути к адвербиализации (ср., например, *несть стрелой*). Еще ближе к наречию формы творительного времени. Но и здесь двойственность очевидна. Например: *рано утром*

* Ср. замечания об истории этой формы у Потевни: «*..ведомо*, синонимичное по отношению к *известно*, будучи формой явно причастной, по направлению к наречности переходило через субстанциальность, заметную в *без ведома* (= *без вести*); «а тогда на них (переветников) не было ведома никакого» (Пек, т. 1, с. 233), что предполагает «какое ведомо...»⁵¹ (т. е. имя существительное среднего рода).

и ранним летом; поздно вечером и румяным вечером; ночью и темной ночью и т. п.

Полунаречные формы предложного-местного падежа единственного числа мужского склонения на -у с предлогами *в к на* (типа *на носу, на корню, в ладу*) находятся на разных стадиях адвербиализации. Некоторые формы на -у, сочетаясь с именами прилагательными, заменяют окончание -у обычным окончанием предложного падежа -е и приобретают иную семантическую окраску (например, *на свету, но на ярком свете; в роду, но во всем роде Пушкиных* и некоторые другие)*. Другие формы на -у вообще, не допускают вставки определяющего слова между предлогом и именем, решительно примыкая, таким образом, к наречиям (например: *на корню, на виду, на весу; на дому*, ср. иной смысл: *на доме; на носу* — близко, но ср.: *на носе; не в ладу, в ладу*, но также: *в полном ладу; в цвету, яблони в цвету; во хмелю* и другие подобные).

Не лишено значения обилие промежуточных застывших выражений полуидиоматического типа, например: *на хорошем, на плохом счету*** (ср. *каждая копейка на счету, на каждом шагу, на своем веку* (но ср. у Никитина: «Много видел он кручины *на веку своем*»), *в соку, в полном соку* и т. п. У ряда слов смешанное употребление формы, совмещающей значения имени существительного и наречия, ведет к тонким и изменчивым смысловым нюансам. Происходит своеобразное колебание формы между функциями имени существительного и наречия. Например, *на ходу*: «*На скором ходу мы сбросили телегу и не слышали толчка*» (Л. Толстой); «*Он на ходу шатался от изнеможения*» (Тургенев), но: «*Бросил несколько слов на ходу*» (т. е. мельком, торопливо) и т. п.; *на бегу*: «*И свист саней на всем бегу*» (А. Толстой); «*Алешка, шелкая на бегу подсолнухи, скрылся за воротами*» (Чехов, «Бабы»). Ср.: «*Успел на бегу перекусить и ушел на вечернюю работу*»; «*перекинуться словами на бегу*» и т. п. Ср. *на лету*.

Показательно также, что формы родительного падежа с предлогом *с* и флексией -у от имен существительных мужского рода, вроде *с голоду, с испугу, со смеху, со страху, с холоду* и др., при сочетании с именем прилагательным заменяются конструкцией с предлогом *от* и родительным падежом на -а. Ср., например: «*Вся семья валялась со смеху*» (Аксаков, «Семейная хроника»); «*Фадеев так с радости и покотился со смеху*» (Гончаров, «Фрегат Паллада»). Но невозможно сказать: *от гомерического смеху* (или даже *с гомерического смеха*) вместо *от гомерического смеха он так и повалился*. Или: «*Куры бездомные с голоду ежятся*» (Некрасов, «Пожарище»); но: «*От сильного голода сосало под ложечкой*»; «*Со страху сам себя не помнит*» (Л. Толстой, «Охота пуще неволи»); но *от неожиданно охватившего страха* и т. п.

Степень близости именной формы к наречию определяется степенью ее изоляции, характером ее обособления от живой системы падежей и функций соответствующего имени существительного***. Ср.: *навытяжку* (ср. *вытяжка, власть* (ср. *сласть*) и т. д.

Кроме того, степень лексической употребительности отдельных падежных форм имени существительного не одинакова. Поэтому какое-нибудь слово может вымереть, исчезнуть, а те или иные формы его в определенных сочетаниях продолжают жить. Понятно, что случаи предложного употребления таких форм — при наличии подходящих условий — превращаются в наречия. Именно таким образом складываются продуктивные морфологические типы образования наречий. Например, наречие *вприпрыжку*, относящееся к продуктивному типу наречных образований из предлогов *в к на* с винительным образа действия, представляет собой остаток имени существительного *припрыжка*. Ср. у Пушкина в «Евгении Онегине»:

* Ср.: «*Лес только был да съжившийся на ветру грач*» (И. Шмелев), но: «*Отворяешь двери, садишься на сквозном ветре — ничего не помогает*» (Гончаров, «Фрегат Паллада»). ** Ср. у Тургенева: «*Была на виду и на хорошем счету*» («Новь»),

*** Еще в 20-х годах XIX в. П. И. Шаликов напечатал свои «Замечания о наречии», в которых жаловался на грамматическую неразграниченность наречий и некоторых предложно-падежных форм имени существительного. По его словам, многие авторы тогда писали сложные с предлогами наречия (например: *вслух, вмиг, втайне, наконец, подконец, вконец, навек, подчас, кстати, поутру* и т. п.) не вместе, а отдельно, превращая, таким образом, несклоняемое наречие в имя существительное с предлогом. «В таком случае по одному только смыслу можно знать, та ли должна быть часть речи, или другая». В то же время Шаликов указывает на акцентологические различия между формами имени существительного и однородными наречиями, на-

Но в городах, по деревням Еще мазурка сохранила Первоначальные красы:
Припрыжки, каблуки, усы Все те же...

Эти простейшие грамматические случаи, позволяющие проследить весь ход адвербиальной изоляции именной формы, конечно, не уясняют происхождения разнообразных типов наречия. Но общие закономерности, которые вытекают отсюда, помогают раскрыть образование и других видов наречия. Так, например, понятно, что распад системы именного склонения прилагательного не мог не оставить следов и отложений в категории наречия. Предложные и беспредложные формы кратких прилагательных (*спроста*, ср.: *с проста ума; смолоду*, ср.: *молодо-зелено; на босу ногу; середь а&ш дня* и т. п.) застревают здесь как остатки старой системы. Таким образом, наряду с выпадением формы какого-нибудь падежа из системы склонения (например: *со смеху, на дому*), наряду с обособлением какой-нибудь функции падежа (например, творительного образа действия), образованию наречий содействует разрушение всей системы склонения какого-нибудь именного типа (пример — именное склонение кратких прилагательных). Можно наметить и еще целый ряд причин чисто грамматического характера, способствующих превращению отдельных именных форм в наречия. Так, адвербиализация существительных тесно связана с изменениями значений предложных конструкций, со смысловой изоляцией отдельных предложных форм (ср., например, *через си./у*, в котором предлог *через* имеет нелитературное значение «сверх»). В связи с предложным употреблением имени существительного иногда возникают акцентологические дублеты, устанавливаются акцентологические различия именных и наречных форм. Двойственность ударений, связанных с одной формой, содействует дифференциации имени существительного и наречия. Например: *с утра, поутру* (но ср.: *радоваться утру*; «в утра час златой» и т. д.), *вовремя, насмех, накрест, насмерть, наверх, отроду* и т. п. Вообще же у наречий, производных от имен существительных, намечается тяготение к конечной акцентровке (ср.: *верхом* и *верхом, бегом* и *бегом*; ср.: *зачастую, вплотную, напропалую*), в то время как у наречий качественных на -о, местоименных на -ому, -ему с предлогом *по* и в отделе причастных на -а, -я наблюдается противоположное стремление к различительному переносу ударения с конечного слога (ср.: *молча, нехотя, мало, по-моему* и т. п.).

Принцип грамматической дифференциации играет существенную роль в адвербиальной изоляции формы. Слабые грамматические дублеты легче всего переходят, в категорию наречия (ср. *прост*, *на дню*, ср. *на корню*).

Кроме того, адвербиальная изоляция именных форм может быть результатом действия сложных и многообразных синтаксико-фразеологических факторов. Так, разные конструкции с плеонастическим или тавтологическим повторением основ имен существительных и прилагательных (вроде творительного усиления), как уже было отмечено А. А. Потемной, обычно ведут к образованию наречий. В них реальное значение слова поглощается функцией эмоционального усиления. Например: *давным-давно, полным-полно, слыхом не слышать, видом не видать* и т. п.; ср.: *болван болваном, дурак дураком* и т. п. Уже из этих примеров ясно, что идиоматичность оборота очень часто бывает связана с разными синтаксическими формами лексических повторов. На этой почве возникают многочисленные типы наречных идиоматизмов. В качестве иллюстрации можно привести наречную фразеологию, связанную со словом *день*: *день ото дня, изо дня в день, со дня на день* (*Они медали приезда сына со дня на день*), *день в день, день за день*; ср.: *из года в год, год от году; время от времени, от времени до времени; с часу на час, час от часу* и другие подобные. В образовании и судьбе наречных идиоматизмов очень ясно видно взаимодействие грамматических явлений с лексическими. Это естественно. Грамматический строй наречий, как и всех других категорий, складывается и изменяется в тесной связи с социальной историей словаря, со сменой семантических систем. Так, уже процесс вымирания какого-нибудь существительного, сопровождающийся консервированием отдельных его форм в определенных фразеологических контекстах или синтаксических конструкциях, ведет к адвербиальному переосмыслению остатков (*дотла, пойти прахом, на попятный, «стать на дыбы, с норовом, под мухой* и т. п.)*.

*Ср. современную наречную форму *исподтишка* и такие выражения в литературном языке

Сохранение тех или иных слов и выражений только в некоторых конструкциях и адвербиализация этих недостаточных форм не могут быть уяснены без изучения их семантических возможностей, без анализа их лексического употребления (ср., например: *на карачки — на карачках; на четвереньки — на четвереньках; на цыпочки — на цыпочках* и другие подобные).

Метафорическое переосмысление одной падежной формы слова, связанное с определенным фразеологическим контекстом, превращает эту форму в отдельное слово, если новое значение не распространяется на все прочие формы слова. Так, под влиянием шутивно-метафорического применения военной терминологии и фразеологии к выпивке (ср.: *на втором взводе, зарядиться* и т. п.) слово *залом* тесно связывается с глаголом *выпить*. По-видимому, это сближение первоначально наметилось в жаргонах военной среды. Форма *залом* в функции прилагательного обозначения образа действия приобретает значение: сразу, разом, без передышки. Это переносное значение отрывает форму *залом* от слова *залп* и превращает ее в отдельное наречие. Ср. «Она *залом*хватила стакан водки» (Писемский, «Тысяча душ»).

Изоляции формы, превращению ее в наречие содействуют и социально-диалектные странствования слова. Особенно богат последствиями переход слова или формы из одной социальной среды в другую. Нередко за пределы своего профессионального употребления выходит не все слово, а лишь отдельные его формы, которые в новой языковой обстановке становятся самостоятельными словами, если их не ассимилирует себе какая-нибудь семантически или фонетически родственная группа слов. Например, прост, *силом* по своему происхождению — творительный падеж профессионально-диалектного слова *сило* — силок для ловки птиц. Ср.: «*силом* женить велят» (Л. Толстой, «Власть тьмы»). Ср. наречие *на племя*, в котором Ф. И. Буслаев и Р. Ф. Брандт⁵⁴ видели областную крестьянскую форму винительного падежа множественного числа от слова *племя*.

Но еще рельефнее выступает процесс семантической изоляции именной формы и ее адвербиализации при фразеологическом сращении ее с другим словом или со строго замкнутой группой слов. В таких закрытых фразеологических сочетаниях и фразеологических единствах слова приобретают новые смысловые оттенки (например: *вверх ногами, вверх дном*; ср. *вверх тормашками* и т. п.). При таких условиях падежные формы, сочетающиеся с определяемым словом по принципу примыкания или при посредстве предлогов, обычно переходят в наречия и превращаются в отдельные слова и выражения. Например: *под градусом* (навеселе); *в корне* (*в корне неправильная точка зрения*); *ни в жизнь*; *не на живот, а на смерть*; *за глаза*; *с глазу на глаз*; *на скорую руку*; *назубок* и т. п.

Фразеологические сочетания обычно не уничтожают раздельности компонентов, и наречие может вырваться из плена одной фразы или серии фраз, отделиться от своего тесного фразеологического окружения и стать самостоятельной свободной или фразеологически связанной лексемой с новым значением. (Ср., например, просторечное выражение *до чертиков* в значении усилительного наречия — очень, в высшей степени (*устал до чертиков*), оторвавшееся от фразы *напиться до чертиков*.) Кроме того, необходимо помнить, что множество наречий является продуктом тех семантических изменений, которым подверглись слово или группа слов в процессе калькирования или перевода чужезычной, преимущественно западноевропейской лексики и фразеологии. Таковы, например: *разбить наголову, на дружеской ноге, раз навсегда, подшофе* и т. п.

Итак, в разных явлениях адвербиализации имен наблюдается столкновение диаметрально противоположных тенденций. С одной стороны, наречие выступает как грамматическая категория, притягивающая к себе остатки и вымирающие, слабые типы именных форм и конструкций и на их основе воздвигающая свою собственную систему грамматических форм и функций. Но, с другой стороны, и некоторые продуктивные категории имен существительных (например, творительный образа действия или конструкции с местным-предложным падежом и предлогами в и на для обозначения XVIII и первой половины XIX в., как *под тишком*. Например в «Душеньке» Богдановича: *Но только по утру приметили амуры, Что нимфы меж собой смеялись под тишком*. Ср. также: «Во храм вошла *тишком*...»

ния состояния, назначения и т. п.) оказываются свежими грамматическими резервуарами, из которых льется широкий поток форм в класс наречий*. Кроме того, категория наречий широко пополняется идиоматизмами и фразовыми сочетаниями. А навстречу этому течению снова движется живая струя лексических неологизмов и заимствований в форме наречий, несущихся в литературную речь из разных социальных диалектов или чужих национальных языков.

§ 27. Деепричастия как гибридная наречно-глагольная категория

I. Образование и употребление деепричастий несовершенного вида

Гораздо менее глубок и силен процесс адвербиализации глагольных форм, из которых (кроме отпричастных наречий на *-юще* (реже *-яще*): *умоляюще*, *потрясающе* — обычно со значением: с каким-нибудь видом или каким-нибудь образом) к наречию тяготеет лишь категория деепричастия. В современном русском языке живы лишь две формы деепричастий: 1) на *-я*, *-а*, 2) на *-в* (реже *-вши*). Непродуктивна, замкнута в узкий круг основ на согласный третья форма — на *-ши*. В образованиях от основ несовершенного вида господствует форма на *-я*, *-а*. Она соотносится с формами настоящего времени, именно с формой 3-го лица множественного числа {портят — *портят*, гремят — *гремят*, кричат — *кричат*, везут — *везут* и т. п.); кроме глаголов с основами *-знавать*, *-давать*, *-ставать*, *-создавать* (*сознавать*, *придавать* и др.). Если ударение в какой-нибудь форме настоящего времени (например, в 1-м лице) переносится на окончание, то ударение непременно становится конечным и в деепричастии (за исключением адвербиализованных форм: *глядя*, *лёжа*, *сидя*, *стоя*, *молча*, *судя* и т. п.). Глаголы с односложной основой на *-а-* в инфинитиве, образующие настоящее время без этого *-а-* (например: *брать* — *беру*, *звать* — *зову*, *рвать* — *рву* и производные от них), глаголы с односложной основой инфинитива на *-а-*, чередующееся с носовыми согласными в форме настоящего времени (вроде *мять* — *мну*, *жать* — *мну* и т. п. и производные от них), с односложной основой на *-и-* (*бить*, *вить*, *пить*, *шить* и производные от них), с основами (корнями) на *-к-*, *-г-* (*мочь* — *могу*, *печь* — *пеку*, *стричь* — *стригу* и т. п.)**, на *-ере-* и *-оло-* в инфинитиве (например: *мереть*, *тереть*, *переть*, *молоть*, *колоть* и т. п.), все глаголы на *-ну-* (*киснуть*, *вянуть*, *мерзнуть*, *зябнуть* и т. п.), глаголы *ковать*, *плевать* и некоторые другие совсем не образуют формы деепричастия настоящего времени на *-а-*. По-видимому, прав акад. А. А. Шахматов, выставивший правило, что «обычно деепричастие образуется только от тех основ настоящего времени, которые звуковой стороной не отличаются существенно от основы инфинитива». Деепричастия на *-а*, *-я* от основ несовершенного вида не имеют форм времени, а выражают только видовые и залоговые значения. В русских грамматиках принято определять временное значение этих форм как значение относительное, как значение одновременности с временем главного действия, к которому примыкает форма деепричастия настоящего времени***. Но ведь всякая гла-

* Ср. наречие *впопыхах* и: «Гаврило прибежал в страшных попыхах» (Тургенев, «Муму»).

** Акад. С. П. Обнорский считал на свой слух «вполне возможными деепричастия *рвя*, *пеня*, *стрига*, *мн.ч. жня* и т. п.» (Известия Отделения русского языка и словесности, 1916, т. 21, кн. 1, с. 334).

*** Учение о временах предшествования и одновременности в формах причастия и деепричастия перенесено в русский язык из греческой грамматики⁵⁵.

гольная форма, выступающая в функции определяющего члена предложения, если она не имеет форм времени (например, инфинитив), обычно располагается — при отсутствии дополнительных указаний — в той же временной плоскости, что и определяемый глагол. Таким образом, сама по себе форма деепричастия на *-а, -я* от основ несовершенного вида, в сущности, не имеет своего времени, т. е. морфологически не выражает временных оттенков, так же как и причастие настоящего времени. В предложении же вневременность этой формы понимается как одновременность с главным действием. Впрочем, в тех случаях, когда в высказывании подчеркивается видовое значение повторяемости, кратности, обычности, деепричастие несовершенного вида может выражать побочное действие, не одновременное основному действию, а лишь всегда сопутствующее ему, хотя бы в порядке предшествования. Например: «*Вставая* на рассвете, она спускалась в кухню и вместе с кухаркой готовила закуску к чаю» (Горький); «Иногда Илья целые дни не замечал отца и, вдруг *являясь* в контору, влезал на колени, приказывал...» (Горький); «Раза два в год бывал в Москве и, *возвращаясь* оттуда, шумно рассказывал сказки о том, как преуспевают столичные промышленники» (Горький)*.

Таким образом, лишь залоговые и видовые значения, лишь особенности глагольного управления противодействуют превращению этой формы деепричастия (от основ несовершенного вида) в наречие, с которым ее роднит функция качественно-действенного отношения к глаголу.

Не подлежит сомнению, что особенно сильный налет наречности лежит именно на деепричастиях несовершенного вида, и притом на формах без *-ся (-сь)* в большей степени, чем на формах с *-ся (-сь)* (конечно, если те и другие деепричастия имеют непереходное значение). Например: «Случалось, что сторож обладал способностью альбатроса: он спал *ходя* и *кланяясь*, а спросонья бил ложный всполох» (Лесков, «Однодум»); «Собачка вдруг начала пить с жадностью, *фыркая, трясясь* и *захлебываясь*» (Тургенев, «Муму»):

Из мертвой главы гробовая змия, *Шипя*, между тем выползала.

(Пушкин)

И всяк зевает да живет — И всех вас гроб, *зевая*, ждет.

(Пушкин)

Ср.: *говорить не думая; она тратит деньги не считая; говорить не переставая; волнуясь и спеша* и т. п.; ср. в идиоме: *работать не покладая рук* и т. п. Ср. также сближение деепричастий с предлогами и модальными словами: «Состраданье ведь на тебя *глядя* берет» (Достоевский, «Братья Карамазовы»); «Меня иногда досада разбирала на них *глядя*» (Тургенев, «Яков Пасынков»); «*Говоря* по совести, это дело темное» и т. п.⁵⁷

В отвлечении от форм глагольного управления и деепричастия на *-ся (-сь)* носят яркий отпечаток адвербиально-качественных значений, если они семантически сопряжены с определяемым глаголом, включены в его действие. Особенно тесно они примыкают к нему, стоя позади него. Например: *говорить заикаясь; действовать открыто, не таясь; необинуясь* и т. п. Но ср.: «Сонливо *щурясь* и *косясь* на огонь, [собаки] изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства» (Тургенев, «Бежин луг»).

Однако резко выраженное активное отношение к объекту, даже непрямому, яркие видовые оттенки или залоговые значения стоят как препятствия на пути адвербиализации деепричастий. Например: «Подь-ка, сунься!» — кричал

_____* Ср. статью Г. В. Валимовой «Деепричастные конструкции в современном русском языке»⁵⁶.

мужичонка, *одергивая рубаху* и поминутно *нахлобучивая картуз*, словно перед кулачками» (К. Федин, «Трансвааль»). Система глагольного управления нейтрализует всякий привкус «наречности» в форме деепричастия. Деепричастие связано с формами глагола гораздо крепче, чем причастие.

Особенно интенсивно мешают адвербиализации деепричастий видовые значения и оттенки. В некоторых разрядах глаголов они сильнее всего противодействуют сближению деепричастий с наречиями. Так, глаголы несовершенного вида с суффиксами *-ыва-*, *-ива-* почти не обнаруживают тенденции к адвербиализации. Даже отыменные непереходные глаголы на *-ешь* (типа *болеть*, *светлеть* и т. п.), в которых выражается постепенное развитие процесса, адвербиализуются с трудом. Ср., например, у Пушкина:

Меж нив золотых и пажитей зеленых Оно [озеро], *синей*, стелется широко.

Итак, деепричастия несовершенного вида теснее связаны с глаголом, чем с наречием*. Своеобразие их синтаксического употребления, например отношение к субъекту действия, подчеркивает их глагольность. Акад. Д. Н. Овсянико-Куликовский тонко заметил, что глагольность деепричастий увеличивается, когда они стоят перед определяемым ими глаголом, и, напротив, понижается, облегчая адвербиализацию их, когда они стоят позади определяемого глагола. Ср.: *Не оглядываясь, он медленно шел по улице* и *идти не оглядываясь***.

Деепричастные образования на *-ши*, *-в* и *-вши* от основ несовершенного вида в живом языке неупотребительны. Они вымирают. В них уже, в силу их непродуктивности, обостряющей этимологическое чутье, сильнее ощутима глагольность, далекость от категории наречия. Ср. примеры, приведенные проф. А. Мазон: *Лежавши на диване, Петр Иванович не заметил, как наступили сумерки; Встречавшись с знакомыми, он всегда вежливо с ними здоровался*[^]. Ср. у Тургенева в рассказе «Постоялый двор»: «Наум, удачно *хозяйничавши* лет пятнадцать, выгодно сбыв свой двор другому мещанину».

Употребление деепричастий на *-в*, *-вши*, *-ши* от основ несовершенного вида вообще было синтаксически ограничено. В русском литературном языке XIX в. оно было возможно лишь при глаголе-сказуемом в форме прошедшего времени. Такого рода синтаксическое употребление, как в басенном языке Крылова: «Волк, *евши*, [т. е. во время еды] никогда костей не разбирает», отклонялось от литературной нормы в сторону областного просторечия (впрочем, ср. невозможность образования от глагола *есть* деепричастие на *-я*).

• Необходимо заметить, что в языке художественной литературы или в прозе, стилизующей народнопоэтическое творчество или областное просторечие, встречаются еще формы деепричастий на *-учи*, *-ючи*, которые с точки зрения современной литературной нормы уже являются архаизмами или диалектизмами. Во всяком случае, употребление их всегда связано с своеобразными стилистическими оттенками (конечно, исключая наречия, вроде *умеючи*, *крадучись* и т. п.).

** Вопрос о синтаксическом употреблении деепричастий, о деепричастных конструкциях лежит за пределами грамматического учения о слове. Он входит и в учение о словосочетании и в учение о сложных синтаксических структурах и синтагмах как их компонентах. До сих пор разрабатывались лишь некоторые стороны этого вопроса: главным образом изучалось отношение деепричастия к сказуемому (простому глагольному или составному, в том числе и выраженному краткой формой имени прилагательного), а также к инфинитиву (в личном и безличном предложениях), к причастию и деепричастию. Есть кое-какие замечания и о независимых деепричастных конструкциях, о «деепричастии при разных подлежащих». Во всем же объеме вопрос о деепричастных оборотах и о функциях деепричастных конструкций в разных условиях их синтаксического употребления остается еще не исследованным.

Ср. соответствующие разделы и параграфы в русских грамматиках, начиная с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (у А. Х. Востокова, Н. И. Греча, И. И. Давыдова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Д. Н. Овсянико-Куликовского, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова и др.).

II. Образование и употребление деепричастий совершенного вида

От основ совершенного вида образуются три формы деепричастий: 1) на *-а*, *-я* от основ совершенного вида, оканчивающихся в инфинитиве на согласный (кроме основ на *-г*-, *-к*- и основ с суффиксом *-ну-*); кроме того, деепричастия на *-ясь* производятся от глаголов совершенного вида, оканчивающихся на *-иться*: *устремаясь*, *простаясь*, *расходясь* и т. п. *;

2) на *-в*, реже на *-вши* от основ совершенного вида, оканчивающихся в инфинитиве на гласный, а также от основ на согласный *д* при инфинитиве на *-сть*, *-сти*: *давши*, *купивши*, *украва*, *упав* и т. п.;

3) на *-ши* от основ совершенного вида с суффиксом *-ну*, если он устраняется в формах прошедшего времени, а также от основ на заднеязычные *г*, *к*, на *з*, *с*, на *р* (инфинитив на *-ереть*): *испекши*, *изнемогиши*, *запершишь*, *замерзши*, *принесши* и т. п.; ср. несколько устарелые *пришедши*, *приобретши* и некоторые другие образования от глагольных основ на *д* и *т*.

Все эти формы деепричастий совершенного вида обозначают относительное прошедшее время со значением совершенного вида. Значение прошедшего времени совершенного вида, соотношенного с формой времени определяемого глагола, чаще всего становится значением предшествования. Например: «Жена! — говорил он медленно, не вставая с места и слегка *повернув* к ней голову» (Тургенев, «Однодворец Овсяников»); «...возопил вдруг Обалдуй, *выпив* духом стакан вина и сопровождая свое восклицание... странными размахиваниями рук» (Тургенев, «Певцы»); «Наконец-то пришел!» — крикнула она, *бросив* карты и радостно здороваясь с Алешей» (Достоевский, «Братья Карамазовы»).

Однако далеко не всегда деепричастие совершенного вида обозначает действие предшествующее. «Категория преждевременности ассоциируется с представлением о результативности», — заметил А. А. Шахматов⁶⁰. А результативное значение формы прошедшего времени в современном русском языке связано с выражением отношения к настоящему времени или ко времени другого действия. Поэтому — при наличии благоприятных семантических условий — результативное значение деепричастия совершенного вида может превратиться в значение состояния, возникшего как результат осуществленного действия и в то же время сопровождающего другое действие (глагол-сказуемое) как обстоятельство способа или образа этого действия ** в известных син-таксико-стилистических условиях. В этих случаях деепричастие обычно стоит позади глагола-сказуемого, хотя может стоять и впереди него. Например: «На валу подле маленькой пушки сидел караульный, *поджав* под себя ноги» (Пушкин); «Этот Афанасий стоял обыкновенно у двери, *скрестив* руки» (А. Чехов); «Анна шла, *опустив* голову и играя кистями башлыка» (Л. Толстой); «Я плохо тебя понимаю, — сказал Павел, *пожав* плечами» (Горький). Ср. иной порядок слов: «Хохол и Весовщиков, тесно *прижавшись* друг к другу, стояли в углу» (Горький); «*Скрестив* руки, *вцепившись* пальцами в плечи себе, он стоял спокойно, прижимая ногой к палубе какой-то узел» (Горький); «На пороге кухни, подплывая кровью, неловко *запрокинув* голову, лежала Прокофьева жена» (Шолохов). Ср. еще: «[Матвей] о чем-то думал, *установивши* глаза и *сдвинувши* брови» (Короленко); «Несколько раненых офицеров сидели на

• А. А. Шахматов указывал, что деепричастие на *-а*, *-я* (*отступая*, *полозка*, *отнеся*, *помясь* и т. д.), весьма распространенное в старом языке, «в современном все более уступает место образованиям на *-ив*, *-ивши*, *-ши*»⁴.

** См. интересные примеры и анализы употребления деепричастий от основ совершенного вида у Эм. Черного в работе «Об отношении видов русского глагола к греческим временам».

лавке, *подобрав* костыли, — бледные, грустные» (Лермонтов); «На краю болота, около воды, в которой распустились белые кувшинки, лежит девочка, широко *разметав* во сне руки» (Куприн); «Иван Игнатьевич выслушал меня со вниманием, *вытараща* на меня свой единственный глаз» (Пушкин).

Легко заметить, что деепричастия совершенного вида со значением одновременного — совокупного или сопряженного — действия-состояния чаще всего относятся к таким глаголам, с которыми они семантически сочетаются как их обстоятельственная характеристика⁶¹. Формы времени и наклонения глагола-сказуемого безразличны для такого употребления деепричастия. Именно в этом кругу семантических связей деепричастные формы чаще всего ослабляют свои видо-временные и залоговые значения и оттенки, приближаясь к фразеологическим сочетаниям наречного типа.

Синонимической конструкцией для многих из этих деепричастных оборотов была бы конструкция из страдательного причастия и существительного в творительном падеже с предлогом *с* для выражения сопровождающего обстоятельства или же конструкция из предикативного причастия при глаголе. Например: *лежала запрокинув голову* — *лежала с запрокинутой головой*; «По ночам лежал в подводе, *укрывшись шинелью, закинув над головой руки*» (Шолохов). Ср. *По ночам лежал в повозке, укрывший шинелью, с закинутыми над головой руками*. Ср.: «Как бык, покорно *опустив* голову, он ждал обуха, который, он чувствовал, был над ним поднят» (Л. Толстой); «Пантелей Про-кофьевич израсходовал всю приваду и, недовольно *подобрав* губы, тупо глядел на недвижный конец удилица» (Шолохов). Ср. также близость значений деепричастий к значениям наречий образа действия в таких выражениях: «Анна, *прищурившись*, смотрела на нее» (Л. Толстой); «Свахи, *обнявшись*, сидели на сундуке» (Шолохов); «*Облокотись*, Татьяна пишет» (Пушкин).

В этих случаях деепричастие выражает скорее признак основного действия, чем параллельное, хотя и второстепенное, действие. В качестве основного глагола, к которому примыкает деепричастие совершенного вида со значением сопровождающего обстоятельства, чаще всего бывают или глаголы состояния: *сидеть, лежать, стоять, ходить*, — или глаголы речи и чувства^{62*}. Особенно ярко значение сопутствующего признака или сопровождающего обстоятельства выступает в деепричастиях, когда они примыкают к глаголам несовершенного вида. Например: «Мальчик не отвечал ни слова и стоял, *по-тупя* голову и *приняв* на себя вид настоящего дурачка» (Пушкин);

Окна *разинув*. Стоят магазины.

(Маяковский)

Кроме этих случаев наблюдается и другая серия конструкций, в которых деепричастие совершенного вида обозначает побочное одновременное действие, сплетенное с действием глагола-сказуемого, включенное в него как его составная часть или образующее вместе с ним один сложный акт. В этих случаях деепричастия также чаще ставятся позади глагола-сказуемого, выраженного формой совершенного вида, но могут стоять и впереди него. Например: «Мать уложила его в постель, *накрыв* бледный лоб полотенцем» (Горький); «Сухо *чмокнув*, лопнула тонкая леза» (Шолохов); «Солнце... укрывшись в серых облаках, *зарывшись* в пухлую мякоть их» (Горький); «Делото какое, а? — сказал Тихон и, *хлопнув* себя по шее, убил комара» (Горький); «Но, право, право, я не виновата или виновата немножко, — сказала она тонким голосом, *протянув* слово «немножко» (Л. Толстой); «Он заплакал и свалился в ноги

— * Ср. в послании Ивана IV кн. Курбскому: «А князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке локтем *опершись*, о отца нашего постелю ногу *положив*».

полицейского чиновника, *загремев* своими цепями» (Пушкин); «Рослый вороной конь качнулся, *подняв* на стремя седока» (Шолохов). Ср.: «Дверь... распахнулась, оглушительно *хлопнув* о стену» (Куприн).

В третьей группе деепричастных конструкций, не выражающих предшествования, деепричастие совершенного вида, примыкая к глаголу, облеченному в форму прошедшего времени совершенного вида, и стоя позади него, обозначает действие, не предшествующее и даже не одновременное, а как бы непосредственно последующее, являющееся органическим следствием основного действия. Деепричастие в этих случаях обозначает следствие, сопутствующее основному действию, выражает результат, осуществление которого обусловлено совершением основного действия. Например: «Он зажег серную спичку, *осветив* синим огнем свое лицо хоряка, измазанное сажей» (Горький); «У нее [часовни] провалилась крыша, *продавив* потолок подземелья» (Короленко); «Упал, *ударившись* головой о ступеньки лестницы»; «Муж у нее давно умер, *оставив* ей одну только дочь, Феничку» (Тургенев); «Он быстрыми костлявыми пальцами расстегнул сюртук, *открыв* рубаху навыпуск, медные пуговицы жилета и цепочку часов» (Л. Толстой); «Старуха сурово улыбнулась, *удивив* Христоню густым рядом несъеденных мелких зубов» (Шолохов).

В этих условиях деепричастия сохраняют все свои глагольные значения и остаются далеко за пределами категории наречия. Таким образом, сила и яркость видо-временного значения, осложненного иногда залоговыми оттенками, а также значениями приставок, парализует и тормозит движение деепричастий прошедшего времени в сторону наречий. Правда, постановка одинокого деепричастия совершенного вида с непереходным значением позади глагола несколько смягчает его глагольность и затушевывает видовые и временные оттенки. Например: *сидел облокотись* или *облокотившись*; *стоял вытянувшись* и т. п. * Ср.: «Старик долго ходил *задумавшись*» (С. Аксаков, «Семейная хроника»); «сидел *сгорбившись*» (Тургенев).

Во всяком случае, яркие оттенки «наречности», т. е. образа действия, затушевывающие, стирающие глагольность (ср.: *сидеть развалиясь*, *говорить на-супьясь*, *читать пригорюнясь* и т. п.), развиваются только при наличии сопутствующих семантических условий, которые нейтрализуют видо-временные и залоговые значения формы деепричастия, ее глагольные свойства**. Ср. также: «Конечно, прилгнул немного, да ведь *не прилгнувши* не говорится никакая речь» (Гоголь, «Ревизор»***).

Некоторые деепричастия на *-а*, *-я* (на *-ясь*, *-ась*) от приставочных основ совершенного вида, выпадая из структуры продуктивных деепричастных типов, приобретают более ощутительный оттенок «наречности», если они сбрасывают с себя систему глагольного управления и развивают значение качественного состояния или становятся неразложимыми идиоматическими сочетаниями (*повеся голову*, *разиня рот*, *высуня язык*, *сложая руки* и т. п.).

Таким образом, процесс адвербиализации деепричастий в современном русском языке более активно протекает внутри форм несовершенного вида. Формы прошедшего времени совершенного вида еще настолько глубоко и ор-

—* Ср. В рассказе Н. Успенского «Деревенская газета», в речи помещика: «У вас это своя комната: приехали вы выпивши — никто вас не видит... жена моя пьяных не шибко боится. Я сам частенько приезжаю к ней *подгулявши*».

** В некоторых случаях, например при отрицании, временные и видовые различия деепричастных форм становятся почти неощутительными. Например, можно употребить деепричастие — как совершенного, так и несовершенного вида — в таком сочетании: «Он вернулся поздно и, ни к кому *не заходя* (или *не запой*), прямо прошел к себе»³.

*** Понятно, что форму деепричастия отделяет от наречия отношение к лицу, к субъекту действия; при этом в некоторых синтаксических условиях (например, при примыкании наречия к инфинитиву или причастию) в качестве такого субъекта действия при деепричастии могут выступать обозначения объектов основного глагола.

ганически слиты с системой глагола, что наречия бессильны широко втянуть их в свою орбиту.

5; ПРОЦЕССЫ ПЕРЕХОДА НАРЕЧИЙ В ДРУГИЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

§ 28. Переход наречий в модальные слова

Своеобразие синтаксической связи наречия с определяемым словом состоит в том, что наречие, не будучи согласовано с определяемым глаголом или именем, в то же время явно примыкает к ним как обстоятельственная характеристика, видоизменяя и усложняя их значения. Однако связь наречий с теми словами, к которым они примыкают, может ослабнуть, непосредственное синтаксическое отношение наречий к определяемым словам может прерваться. Тогда наречие становится вводным словом. Ср., например, наречное употребление *навверняка*: *бить навверняка*; *действовать навверняка* — и, с другой стороны, модальное применение этого же слова: «И с ним играть было все равно, что ходить на медведя без рогатины: *навверняка* сломает» (Писемский, «Тысяча душ»). В последнем примере слово *навверняка* осмысливается как вводное, как модальное слово.

Или: *Он решительно отказался от предложения* и *Он, решительно, сошел с ума*. Ср. у Тургенева (в «Вешних водах»): «*Решительно*, он прелесть», — промолвила она»; у Ф. Достоевского: «Генерал был *решительно* пьян» («Идиот»)*.

Иллюстрацией может служить также изменение значений наречия *определенно* в современном просторечии. Тут *определенно* бывает не только наречием, но и модальным словом, усилительной частицей и утвердительным междометием.

Переход наречий в модальные слова связан с коренным изменением их синтаксических функций в составе предложения. Между тем множество наречий остается на одной из переходных стадий. Акад. А. А. Шахматов причислял наречия, этого рода к синтаксической группе «сопутствующих» обстоятельств⁶⁴. Например: «Новые формы нужны, а если их нет, то *лучше* ничего не нужно» (Чехов, «Чайка»).

В современном русском языке очень распространен прием синтаксического обособления наречий на *-ски*. Это обособление сопровождается развитием в них модальных оттенков. Обособленные наречия этого рода приобретают значение: с такой-то точки зрения, в таком-то отношении. Например: «*Лингвистически* й — звук определенно гласный»⁶⁵; «Но *технически* он оказался слишком для этого слаб»⁶⁶; «*Практически* это означает сбережение сотен тысяч рублей» (из газет).

Ср. такое же модальное употребление слов *объективно*, *субъективно*, *конкретно*, *нормально*, *положительно*, *минимально*, *максимально*, *относительно*, *сравнительно* и т. п.

Связь наречий с модальными словами во всей ее глубине может раскрыться лишь при ознакомлении с разрядами модальных слов и их значениями. Сближению наречий с модальными словами содействовало также наличие промежуточных типов между наречиями и частицами, которые в русском языке наделены по преимуществу модальными значениями- и оттенками.

* Кроме того, *решительно* имеет еще значение усилительной частицы, например: «*Избавлю* вас от описания гор, от возгласов, которые ничего не выражают, от картин, которые ничего не изображают... и от статистических замечаний, которых *решительно* никто читать не станет» (Лермонтов, «Герой нашего времени»).

§ 29. Наречия и частицы

Старая грамматическая традиция сближала наречия с частицами. «Все частицы, первоначальные наречия, предлоги, союзы составляют одну только частицу речи, разнящуюся употреблением»,— писал Н. И. Греч. В русском языкознании признание наречий промежуточной, переходной областью от «знаменательных» частей речи к служебным, формальным составляло общепризнанный тезис грамматических систем почти до эпохи Потебни⁶⁷. Отдельными русскими лингвистическими течениями этот взгляд на наречия донесен до современности. Достаточно сослаться на книгу А. В. Добиаша «Опыт семасиологии частей речи» и на «Синтаксис русского языка» А. А. Шахматова.

Впрочем, взгляд на наречие как на промежуточную сферу между частями речи и частицами речи вообще присущ специалистам по индоевропейским языкам⁶⁸.

Акад. А. И. Соболевский в своем курсе «Русского исторического синтаксиса» учил, что «в русском языке различаются три основные группы слов: имя, глагол и частицы. Частицы делятся на наречия, предлоги, союзы и собственно частицы; значительная часть наречий произошла от имен; о ряде слов трудно сказать, имена они или наречия. Вместе с тем предлоги и союзы в свою очередь происходят от наречия. Например, союз *и* некогда имел значение в м е с т е или что-нибудь подобное, а союз *но* значил что-нибудь вроде *про чь*»⁶⁹.

Точно так же проф. С. К. Булич видел в наречии «один из видов обширного класса частиц»⁷⁰). Однако в такой общей форме этот взгляд не может найти ни малейшей опоры в современном русском языке, в котором наречие— одна из наиболее продуктивных и семантически полновесных, хотя и очень широких грамматических категорий. Ее центр составляют морфологические типы, соотносительные с именами, отчасти с глаголами. И лишь на ее периферии наблюдаются переходные типы слов, близких к частицам, союзам и предлогам.

Конечно, семантический вес наречия, его морфологический состав влияют и на устойчивость его грамматического значения. Так, наречия, не соотносительные с живыми грамматическими типами именных или глагольных форм, а также местоименные наречия нередко очень расширяют свои синтаксические возможности, сближаясь с частицами, или совмещают функции наречия со значениями частиц (обычно с оттенком модальности). Таково, например, слово-частица *еще* (ср. в наречном употреблении: *он еще не женат*, т. е. до сих пор; *мы еще повоюем*; *он еще поживет*; *он стал еще ворчливее* и т. п.). Наряду с наречными функциями *еще* выполняет роли частицы с усилительными или другими модальными значениями, например, в таких сочетаниях: *Где еще нам с этим возиться? Это тот самый, который, помните, все еще мечтал о карьере мирового певца*.

Ср. смешанный характер таких наречий-частиц, как *уже*, *все*, *исключительно*, *единственно*, *только*, *прямо*, *просто* и т. п. (см. главу о частицах).

Не менее интересны факты функциональных изменений наречий в частицы в бытовом просторечии*. Близость некоторых групп наречий к частицам поддерживается наличием смешанных *а* типов наречий-предлогов и особенно наречий-союзов.

• Ср. употребление идиомы *только что* в значении наречия (*я только что вернулся*) и в значении союзной частицы: «Ах, ты, обжора! ах злодей,— тут Ваську Повар укоряет,— не стыдно ль стен тебе, не *только что* людей?» (Крылов)

§ 30. Предложные наречия

Наречие с трудом и в сравнительно редких случаях несет на себе тяжесть управления. Случаев зависимости других слов от наречий относительно немного (например: *сказать что-нибудь курам насмех; приходится подстать кому-, чему-нибудь*). Круг наречных словосочетаний тесен. Характерно, что деепричастия, распространенные зависимыми объектами, обычно отходят далеко от наречий в глубь системы глагола. Чаще же всего наречие, если позволяют его лексические значения, передает свое управление глаголу, а само выступает лишь в роли грамматического выразителя падежного отношения, правда, почти всегда с более конкретным лексическим содержанием, чем предлог.

Таким образом, возникает целая серия форм переходного типа от наречия к предлогу. Конечно, переход наречия в предлог, степень его сближения с предлогом обусловлены лексическим и грамматическим значением наречия. Они зависят от смысловой близости наречия к значениям предлогов. Например, *втайне от кого-нибудь* не утрачивает своего наречного значения, так как оно не соответствует семантике русских предлогов. Значение этого слова не только слишком конкретно (ср. *тайком, тайно*), которые тоже сочетаются с предлогом *от*), но и слишком далеко от тех грамматических отношений, которые выражаются предлогами.

Но наречия *сравнительно с чем* или *независимо от чего* (ср: *впередь до, вплоть до* и т. п.), *согласно с чем-нибудь* уже гораздо ближе к предлогам. Так вырабатываются сложные типы предложных идиом (ср.: *глядя по, несмотря на* и т. п.).

Переходное состояние от наречий к предлогам можно наблюдать и на наречиях, вроде *в угоду, назло, наперекор, соответственно* и т. п.

Такие слова, как *спустя* с винительным падежом (*спустя пять лет*), *тому назад* с препозитивным винительным падежом, *подобно* с дательным падежом и др., уже совсем готовы превратиться в предлоги (ср. употребление *относительно* в функции наречия, модального слова и предлога с родительным падежом).

Наконец, известна большая группа слов, употребляемых с одинаковым правом и в роли наречий, и в роли чистых предлогов. Таковы, например: *близ, вдоль, вне, внутрь, возле, вокруг, кругом, мимо, напротив, насупротив, около, окрест, поверх, подле, позади, после, посреди, прежде, против, сверх, сзади, сквозь, среди* и другие подобные.

В исключительных случаях и предлоги могут приблизиться к значениям наречия. Тогда они перестают быть падежными префиксами имени существительного и становятся определяющими глагол наречными частицами. Но такое употребление может выпасть на долю лишь тех предлогов, которые и в сочетании с именем существительным никогда не теряют своего собственного лексического значения (например, *через*). Ср.: «Очень многие люди на единичное зло не смотрели, а шагали *через*» (Достоевский, «Преступление и наказание»); «Я взял в руки хворостину и загородил ею дорогу. Надо было видеть, как одни [муравьи], презирая опасность, подлезали под нее, другие перелезали *через*, а некоторые... совершенно терялись и не знали, что делать» (Л. Толстой, «Детство и отрочество»). Ср.: *Ничего не имею против* (перевод нем. *Ich habe nichts dagegen*); *взвесить все доводы за и против* (*pro et contra, pour et contre*) и другие подобные. Ср.: «Я не убивал и был *против*, но я знал, что они будут убиты, и не остановил убийцу» (Достоевский, «Бесы»).

§ 31. Наречия и союзы

Тесная связь категории наречия с частицами приводит к образованию промежуточных типов между наречиями и союзами. Это указывает на активный процесс превращения наречий в союзы. Конкретная лексическая природа многих производных русских союзов зависит, между прочим, от того, что многие из этих союзов одновременно являются и наречиями (ср. такие сравнительные союзы, как *точно*, *прост*, *ровно*; временные: *пока*, *покамест*, *лишь*, *только*, *едва* (ср. историю причинного союза *так как* и т. п.). Наречия играют громадную роль в образовании союзов. Известно, что большая часть так называемых относительных союзных слов (*где*, *куда*, *откуда*, *зачем*, *почему* и т. п.) состоит из местоименных наречий. А. А. Шахматов в своем «Синтаксисе», несколько преувеличивая роль наречий в процессе образования союзов, писал: «По-видимому, наиболее тесна связь союза с наречием; откуда вероятность, что все вообще союзы восходят к наречиям»⁷¹. Процесс перехода наречий в союзы легко наблюдать, изучая историю таких слов, как *впрочем*, *лишь*, *едва*, *благо* и т. п. Ср. повторные союзы-наречия: *частью* — *частью*, *отчасти* — *отчасти* и др. Среди гибридных слов, еще не вполне оформившихся как союзы, встречается множество таких, которые совмещают союзные функции с грамматическими значениями наречий⁷². «Есть в языке,— говорит А. М. Пешковский,— немало слов, приобретших союзный оттенок сравнительно недавно и сбивающихся еще то на наречие, то на вводное слово»⁷³. Таковы, например: *затем*, *потом*, *притом*, *так*, *потому*, *поэтому*, *тогда* и другие подобные.

Таким образом, наречие в современном русском языке выступает как широкая, богатая значениями и пестрая категория, которая — при всей ее грамматической определенности — включает в себя сложную систему довольно далеких друг от друга типов слов и является сферой взаимодействия между частями и частицами речи. Тем грамматическим горнилом, при помощи которого наречия переплавляются в частицы речи, прежде всего является глагол.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «НАРЕЧИЕ»

1. См.: *Грудский Н. К.* Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Спб., 1911, I. I, вып. 1—2, с. 45.
2. *Аксаков К. С.* Несколько слов о нашем правописании.— Поли. собр. соч. М., т. 75, т. 2, ч. 1: Сочинения филологические, с. 402.
3. *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева — Поли. собр. соч. М., 1875, т. 2, ч. 1: Сочинения филологические, с. 540.
4. См.: *Потеоя А. А.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888, вып. 1-2, с. 119-121 [124-127].
5. *Андреев В. Ф.* Знаменательные и служебные слова в русской речи.—Журнал министерства народного просвещения, 1895, № 10, с. 264.
6. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 116-199].
7. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1927, вып. 2, с. 94 [502].
8. Там же, с. 6. [425].
9. Там же.
10. Там же, с. 7 [426].
11. См.: *Рифтин А. П.* Об образовании наречий.— Уч. зап. ЛГУ, сер. филолог, наук, 1940, вып. 6, с. 51 — 56. Ср. также: 120 лет Ленинградского государственного университета. Тезисы докладов. Л., 1939.
12. *Рифтин А. П.* Об образовании наречий, с. 52.
13. Там же.
14. Там же.

15. *Рифтин А. П.* Об образовании наречий, с. 54.
16. Ср.: *Жирмунский В. М.* История немецкого языка. Л., 1938, с. 172, § 36 [§ 44, с. 229-230].
17. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 27 [37].
18. *Андреев В. Ф.* Знаменательные и служебные слова в русской речи с 261 — 262.
19. См.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 92 — 93.
20. Ср. также широкое понимание содержания и состава категории наречия: *Jespersen O.* The philosophy of grammar. N.-Y., 1924, p. 84-90. Ср. еще: *Hjelmslev L.* Principes de grammaire generate. K.Obenhavn, 1928, 302-319.
21. *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке.— В кн.: Русская речь. Л., 1928, вып. 2, с. 19 [77]. Ср. статью Л. Куриловича (Derivation lexicale et derivation syntaxique. Contribution a la theorie des parties de discours.— Bulletin de la societe de linguistique de Paris, 1936, t. 37).
22. *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Русский язык. М., 1934, с. 68.
23. Ср.: *Никулин А. С.* Степени сравнения в современном русском языке. М.-Л., 1937.
24. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 114—115 [97].
25. Там же.
26. Ср.: *Boyer P., Speranski N.* Manuel pour l'etude de la langue russe. P., 1905, p. 286.
27. См.: *Рифтин А. П.* Об образовании наречий, с. 55.
28. *Катков М. Н.* Об элементах и формах славяно-русского языка. М., 1845, с. 156.
29. Там же, с. 158.
30. См.: *Чернышев В. И.* Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Спб., 1911, с. 74 [т. 1, с. 575].
31. *Попов А. В.* Синтаксические исследования. Воронеж, 1881, с. 89.
32. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1925, вып. 1, с. 336 [340].
33. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1-2, с. 484 [469].
34. См.: *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола. Спб., 1865, с. 210.
35. *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. Харьков, 1937, с. 244-245 [Киев, 1952, т. 1, с. 295].
36. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1-2, с. 489 [474].
37. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1868, § 95 (с. 211).
38. *Попов А. В.* Синтаксические исследования, с. 63.
39. См.: *Соболевский А. И.* Редкая форма местного падежа.— В кн.: Лингвистические и археологические наблюдения. Варшава, 1914, вып. 3, с. 1—4.
40. Ср.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 443-493 [431-478].
41. Ср.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 1, с. 417 — 422 [414-418].
42. Ср.: *Krasnowolski A.* Systematyczna skladnia jezuka polskiego. Warszawa, 1897.
43. Ср.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 1, с. 434.
44. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 118 [101].
45. *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Спб., 1854, с. 213.
46. Ср.: *Михельсон М. И.* Русская речь и мысль. Спб., 1912, с. 473.
47. Ср.: *Cassirer E.* Philosophic der symbolischen Formen. Berlin, 1923, Bd. 1, S. 168.
48. *Будилович А. С.* Начертание церковнославянской грамматики применительно к общей теории русского и других родственных языков. Варшава, 1883, с. 339.
49. *Попов А. В.* Синтаксические исследования, с. 91.
50. См.: *Jespersen O.* Progress in language with special reference to English. L., 1894, p. 39.
51. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1899, вып. 3, с. 470 [368].
52. См.: *Шаликов П. И.* Замечание о наречии. — Труды Общества любителей российской словесности, 1820, ч. 17, с. 145-147; ч. 20, с. 61.

53. См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1 — 2, с. 490 [475].
54. См. замечание Н. В. Шлякова и Р. Ф. Брандта при переводе «Сравнительной морфологии славянских языков» Ф. Миклошича (М., 1886, вып. 3, с. 433). См. также: *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка, § 95, п. 4а, с. 231 [210].
55. См.: *Aken A. F.* Grundzuge aer Lehre von Tempus und Modus im Griechischen. Rostok, 1861, S. 7. *Curtius G.* Erlauterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik. Prag, 1870, S. 187.
56. См.: *Валимова Г. В.* Деепричастные конструкции в современном русском языке.— Уч. зап. Ростовского-на-Дону гос. пед. ин-та, фак-т языка и литературы, 1940, вып. 2.
57. Ср.: *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. Спб., 1912, с. 71-72.
58. См.: *Mazon A.* Emplois des aspects du verbe russe. P., 1914, p. 235.
59. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 79 [490].
60. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941, с. 490.
61. См.: *Браве Л. Я.* К вопросу о значении деепричастий совершенного вида.— Русский язык в школе, 1940, № 6, с. 24 — 26. Ср. также: *Валимова Г. В.* Деепричастные конструкции в современном русском языке.
62. См.: *Валимова Г. В.* Деепричастные конструкции в современном русском языке.
63. Ср.: *Karcevski S.* Systeme du verbe russe. Prague, 1927, p. 160.
64. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 1, с. 417 — 418 [414].
65. *Пешковский А. М.* Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Сб. статей. Л.-М., 1925, с. 173.
66. *Мещанинов И. И.* Основные лингвистические элементы. — в кн.: Язык и мышление. Л., 1934, вып. 2, с. 18.
67. Ср.: *Breal M.* Les idees latentes du langage. P., 1868, p. 28.
68. Ср.: *Jespersen O.* The Philosophy of Grammar, p. 87-90 [96-114]; *Sweet H.* New English grammar, logical and historical. Oxford, 1900, part 1, p. 36.
69. *Соболевский А. И.* Русский исторический синтаксис. Лекции 1892/93 г., с. 10—12. Ср.: *Будилович А. С.* Начертание церковнославянской грамматики применительно к общей теории русского и других родственных языков, с. 273.
70. Ср.: *Булич С. К.* Синтаксис русского языка. Лекции 1906/07 г. Спб., 1907, с. 255. Ср.: *Крушевский Н. В.* Очерк науки о языке. Казань, 1883.
71. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 99 [506].
72. См.: *Sechehaye A.* Essai sur la structure logique de la phrase. P., 1926, p. 66.
73. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 424 [477].

VI. КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ

§ 1. Вопрос о категории состояния в русских грамматических трудах XIX - начала XX века

С первой трети XIX в. в русских грамматиках последовательно выделялся разряд слов, промежуточных между именами и глаголами и выражающих главным образом состояние. В качестве грамматических признаков этого разряда слов отмечались: употребление их или исключительно, или преимущественно в функции сказуемого, их неизменяемость по падежам — при близости к именам прилагательным и существительным - и значение времени, неотрывное от их грамматических форм. От наречий эти слова отличались наличием своеобразных «номинативов» — иногда с формами рода, подобно прошедшему времени глагола, значением времени, отношением к лицу или оттенками безличности, а главное, тем, что эти слова не обозначали признака качества и действия. В отдельных группах этих слов бросалось в глаза сходство с краткими формами имен прилагательных. А. Х. Востоков в своей «Русской грамматике»¹ присоединяет весь этот разряд слов к категории глагола*. Он относит сюда все вооб-
 * Еще раньше Востокова И. Ф. Калайдович противопоставлял краткие формы имен прилагательных как «соглагольные» полным, «соименным»². А слова типа: *жаль*, *[не]льзя* — относил

ще краткие формы имен прилагательных, считая их «спрягаемыми словами»*. Еще ярче, по Востокову, оттенок глагольности, спрягаемости выступает в некоторых безличных словах, которые похожи на существительные или на наречия, и в некоторых родовых и личных предикативных (сказуемых) словах, которые похожи на краткие прилагательные, но которые не имеют соотносительных полных форм среди имен прилагательных. Так, слова *льзя* (ср. *нельзя*), *жаль*, *лень* (в таком разговорном употреблении: *лечь было так рано вставать*) Востоков относит к безличным глаголам⁶. Перечисляя глаголы, управляющие инфинитивом, Востоков помещает в их число *рад*, *готов* (среди глаголов, означающих расположение к действию), *горазд*, *можно*, *должно* (среди глаголов, означающих возможность и потребность действия)⁷.

Однако точка зрения А. Х. Востокова показалась слишком радикальной большинству русских грамматистов первой половины XIX в. Во имя историко-генетических предпосылок о родстве кратких форм имен прилагательных с существительными она была отвергнута Павским и затем К. С. Аксаковым**. А. А. Потехня примкнул к этой традиции. Лишь М. Катков мельком выразил согласие с востокским определением кратких имен прилагательных как спрягаемых форм¹⁰.

Кроме того, смягченные отголоски концепции Востокова можно найти в грамматических трудах обобщающего и в то же время учебного типа, вроде «Опыта общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Давыдова или «Исторической грамматики» Ф. И. Буслаева.

Так, Ф. И. Буслаев писал: «К средним глаголам принадлежит существительный или вспомогательный *быть* как один, так и в соединении с именем прилагательным, для означения сказуемого... Например, *он долго был болен*»¹¹.

Только Н. П. Некрасов в книге «О значении форм русского глагола» выступил решительным и даже крайним последователем концепции Востокова, придя к ней с другой стороны: «Как глагол через прилагательную форму может усвоить себе значение чисто-прилагательного имени, например, *родить* — *родимый*... *уметь* — *умелый*, *гореть* — *горелый*... и др., так, наоборот, прилагательное имя, через краткую форму с окончанием среднего рода или с безразличным окончанием, может принимать значение глагола, например:

И, *по.то*, что за счеты!.. Лишь стало бы охоты.

Здесь *полно* от прилагательного *полный*, *-ая*, *-ое* имеет значение глагола в абсолютно-личной форме на *-и* (т. е. в форме повелительного наклонения.— Д. В.). Нет, не *смешно*, когда маляр негодный Мне пачкает мадонну Рафаэля.

Здесь *смешно* от прилагательного *смешной*, *-ая*, *-ое* имеет также значение глагола, потому что качество, выражаемое им, по смыслу речи представляется присущим предмету под условием известной продолжительности. Известно, что каждое прилагательное имя с кратким окончанием может иметь значение глагола, когда стоит на месте сказуемого в предложении. Таким образом, глагол в развитии своих форм преобразуется в имя прилагательное (ср. формы причастий и их эволюцию.— В. В.), имя прилагательное в сокращении своих форм преобразуется в глагол»¹².

До «Очерка современного русского литературного языка» А. А. Шахматова вопрос о категории состояния оставался в таком неопределенном положении. Например, проф. В. А. Богородицкий указывал на то, что безличные выражения именного происхождения, вроде *можно*, *нужно*, теперь являются для чужья глаголами или глагольными ~~к безличным~~ глаголам ученик Ломоносова и учитель Карамзина проф. Барсов в своей грамматике³. Точно так же Н. Кошанский относил к безличным глаголам не только *жаль*, *жалко*, но и *стыдно* и *совестно**.

* Ср. в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» И. И. Давыдова: «Первообразные, или спрягаемые, прилагательные, отличающиеся от глаголов тем, что не имеют наклонения, времен и лиц... преимущественно употребляются в значении сказуемых»⁵.

** Ср. у К. С. Аксакова изложение соображений о происхождении имени прилагательного и существительного из одной категории⁸. Ср. протест против отнесения Востоковым к глаголам слов *можно*, *должно*, *жаль* и т. п. у Павского¹.

ми частицами, и ссылаясь на формы времени, им присущие (ср. прошедшее время *можно было, нужно было*)¹ -)

Акад. А. А. Шахматов утвердил открытие Востокова своим авторитетом, также признав краткие формы прилагательных спрягаемыми словами. Но А. А. Шахматов в своем «Очерке современного русского литературного языка» и в «Синтаксисе русского языка» касался преимущественно отдельных морфологических и синтаксических своеобразий краткой формы имени прилагательного. Он не ставил «категории состояния» в ряд других «частей речи»*. Этот шаг был сделан проф. Л. В. Щербой в его статье «О частях речи в русском языке»⁵.

§ 2. Грамматические особенности категории состояния

Под категорию состояния подводятся несклоняемо-именные и наречные слова, которые имеют формы времени (для прошедшего и будущего времени аналитические, образованные посредством присоединения соответствующих форм связки *быть*) и употребляются только в функции сказуемого**. Понятно, что многие из слов (особенно безличного, наречного типа), подводимых под категорию состояния, могут сочетаться и с другими наиболее отвлеченными вспомогательными глаголами, кроме *быть* (например: *стало жаль, становится больно; делается досадно, стыдно; бываю рад* и т. п.).

Таким образом, слова из категории состояния по внешнему облику отличаются от прилагательных и существительных отсутствием форм склонения и наличием форм времени, от наречий — формами времени и неспособностью качественно или обстоятельно определять глагол и имя прилагательное***.

Естественно, что и значения предмета, качества или качественно-обстоятельного отношения совершенно чужды категории состояния. Слова, относящиеся к категории состояния, выражают «недейственное» состояние, которое может мыслиться безлично (*досадно, стыдно*) или приписываться тому или иному лицу как субъекту, испытывающему это состояние (*я рад, ты должен* и т. п.)****.

Так как формы времени в категории состояния аналитичны, то вся эта категория в целом носит яркий отпечаток аналитического строя. Формы: *я был рад* и *буду рад* (*будешь рад* и т. п.) — являются чистыми формами времени и наклонения, без всякой примеси видовых и залоговых значений *****. Историю

* Необходимо вспомнить слова Г. Шухардта: «Неразрывная связь между процессом (*Vor-gang*), состоянием (*Zustand*), свойством (*Eigenschaft*) очевидна (*liegt am Tage*)... Что прилагательное трактуют (*behandelt*) не соответствующим образом, а стараются подчинить (*unterzuordneri*) его имени, объясняется тем, что в наших языках оно склоняется; но во многих других оно спрягается (и это также возможно у нас: например, *der Himmel blaut*)»¹⁴.

** Ср. замечание А. А. Потемби: «Он прав, несмотря на опущение глагола, НМЛТ настоящее время, так как место его в языке в этом отношении определено оборотами *он был, будет прав*»⁶.

*** Ср. замечание И. Ф. Анненского: «...есть ли безусловное основание считать формы *весело* (*ему стало весело*), *душно* (*в комнате душно*) наречиями? Обращу внимание на распространенность описательной замены подобных форм (например: *нетрудно доказать: нетрудное дело; мудрено ли доехать: мудренное ли дело* и т. п.).

Нет ли также аналогии между *Воздух душен, Ночь душна* и просто *душно*?»¹⁷

**** Очень неудачна характеристика значения этих слов, предложенная проф. Д. В. Бубли-хом: «Эти слова сами по себе не составляют отдельного члена предложения, являясь долевыми (?) словами. Они не имеют ничего общего с глагольностью, но в связи с вспомогательным глаголом выступают осененные глагольностью и в этой связи обслуживают обозначение недейственного положения вещей, недейственной ситуации»¹⁸.

***** Акад. А. А. Шахматов писал: «...смысл связки, ее основная задача состоит в том, чтобы выразить те временные отношения, которые не могут быть выражены неглагольными сказуемыми самими по себе; в русском языке настоящее время выражается отрицательно, именно отсутствием связки...»¹⁹

категории состояния необходимо ставить в связь с исторической судьбой глагола *быть* * и с историей категорий: глагола, кратких форм имени прилагательного и наречия.

§ 3. Сближение кратких прилагательных с категорией состояния

Категория состояния развивается в современном языке преимущественно за счет наречий и имен прилагательных. Краткие формы имен прилагательных, утратив склонение и укрепившись в позиции сказуемого, приобретают оттенок времени. Они перестают быть названиями, а становятся предикативными характеристиками. Форма времени неотрывна от понимания таких слов, как: *мал* (ср. *малый*), *велик* (ср. *великий*), *рад*, *должен*, *намерен*, *горазд*, *солон*, *прав*, *здоров* (в значении: мастер, искусен), *виден* (ср. *видный*), устарелое и народнопоэтическое *люб* и т. п. Ограничение синтаксических функций этих форм привело к изменению их смысловой структуры. В кратких прилагательных развиваются значения, не свойственные полным прилагательным, и складываются новые синтаксические связи. Например, *готов* в фамильярно-просторечном употреблении значит: пьян («К трем часам Опенкин был *готов* совсем и спал крепким сном» — Гончаров); ср. своеобразия значения и синтаксического употребления таких слов: *расположен* (*я не очень расположен сегодня идти в театр*), *повинен* (сделать что-нибудь); «*растерян* мыслями... чего-то ожидаю» (Грибоедов, «Горе от ума»); «обо всем *известен-с*» (Ф. Достоевский, «Преступление и наказание»); *способен на все*; *властен*, *не властен в ком-чем* или с инфинитивом (ср. у Баратынского: «*Не властны* мы в самих себе») и т. п.

Таким образом, многие краткие формы прилагательных резко отличаются от соотносительных полных не только своими значениями, но и конструктивными возможностями. Русским грамматистам из школы Потебни казалось, что краткие прилагательные, в силу своей предикативности, подвергаются сильному синтаксическому влиянию со стороны глагола и усваивают некоторые его конструктивные свойства. Так, многие краткие прилагательные (особенно в разговорной речи) приобретают способность сочетаться с инфинитивом. Например: «*Эка врать здоров* ты, Киселев» (Лев Толстой); «Ну, тоже дьячкову сыну много верить нельзя.— Почему ж так? — А потому — *врать здоров*» (Слепцов, «Вечер»); «*Озорничать лют*» (Слепцов); «*Деньги вы брать охочи*» (Писемский); «Али ты думаешь, что *я не властен* над тобой *приказывать!*» (Островский, «Свои люди — сочтемся»). Ср. те же конструктивные особенности слов *рад*, *горазд*, *должен* (в значении долженствования), *готов*, *способен*, *достойн*, *склонен*, *волен*, *привычен*, *ретив*, *ленив*, *скор* и т. п.²¹ Ср.: «*Мы рады голову сломать*» (Пушкин); «*Я больно плясать горазд*» (Островский); «*Слаб* был тоже и *выпить*» (Достоевский, «Подросток»).

У некоторых кратких прилагательных (тоже преимущественно в разговорной речи) возникает своеобразное значение чрезмерной степени обладания каким-нибудь признаком, качеством (*слишком...*) в сочетании с инфинитивом или отдельно (например: *велик*, *мал*, *молод* и другие подобные). Ср.: «*Молод* ты меня учить»; «*Бедному жениться и ночь коротка*» (Л. Толстой). Синони-

_____• **Термины**, служащие для обозначения понятия «быть», первоначально имели более конкретное значение, выражая определенную форму «бывания», т. е. «пребывания в определенном состоянии» и, в особенности, «пребывания в том или ином месте». Лишь на почве длительного процесса дифференциации постепенно образуется абстрактное значение «бытия» в смысле «существования» или же в смысле «присущности» той или иной совокупности свойств или состояний независимо от конкретного содержания последних. На этой почве устанавливается использование глагола «быть» в качестве связки (служащей лишь для присвоения предмету того или иного свойства или состояния)²⁰.

мична конструкция: *слишком* (краткая форма прилагательного) + *чтобы* с инфинитивом.

Легко заметить, что у значительной части кратких прилагательных развиваются типы падежного управления, однородные с глаголами той же основы. Например: *зол на кого-нибудь, на что-нибудь* (в значении: сердит); ср.: *злиться на кого-нибудь, на что-нибудь; сердит на кого-нибудь, на что-нибудь*: «Но я *сердита на вас*—За что? —Я оскорблена вами» (Тургенев); ср.: *сердиться на кого-нибудь, на что-нибудь; согласен с кем-нибудь, с чем-нибудь*; ср.: *согласиться с кем-нибудь, с чем-нибудь; жив чем-нибудь* («чем люди живы»); ср. *жить чем-нибудь* и т. п.

На этом фоне не удивительно, что отдельные слова этого типа приобретают даже способность управлять винительным падежом, например: *Я должен ему большую сумму денег*.

Но лексические значения многих кратких форм не настолько далеко отошли от значений соотносительных полных форм, чтобы можно было видеть в них самостоятельные слова, оторвавшиеся от категории имени прилагательного. С именем прилагательным сближает эти формы общность словообразовательных признаков, у некоторых — наличие сравнительной степени. Кроме того, у многих кратких форм синтаксический отрыв от категории имени прилагательного не сопровождается изменением их лексических значений (ср.: *кроток — кроткий; задумчив — задумчивый* и т. п.). Возникает своеобразное несоответствие между лексическими и грамматическими границами слов. Нечто подобное наблюдается и в отношении многих качественных наречий на *-о*, *-е* и *-ски* к лексически однородным именам прилагательным. Однако в категории состояния есть целый ряд и таких слов, которые в современном русском языке уже не могут быть связаны ни с каким другим определенным грамматическим классом. Они не имеют соотносительных полных форм, хотя грамматически однородны с краткими формами имени прилагательного. Они образуют грамматическое ядро категории состояния. Например: *рад, горазд, должен, намерен* (в слове *намеренный* значение: имеющий намерение — почти умерло, а в значении: сознательный, заранее обдуманый — *намеренный*, конечно, является особым словом); *прав* (ср. *правый*); *виден* (ср. *видный*) и некоторые другие (ср.: *квит, мы квиты*). Таким образом, категория состояния все более эмансипируется от других категорий.

Причина развития и распространения категории состояния кроется в противоречии между морфологическими и синтаксическими свойствами имен. Морфологически имя противопоставлено глаголу, а синтаксически имя так же может быть сказуемым, как и глагол. Однако имя в русском языке не может приобрести основные семантические свойства глагола, даже если оно употребляется только как сказуемое. Устанавливается глубокое грамматическое различие между понятием действия, протекающего во времени, наделенного сложными оттенками пространственно-видовых значениями и иногда предполагающего разнообразное предметное окружение, и между понятием к а ч е с т в е н н о г о состояния, в котором являются лица и предметы или которое может быть у лиц и предметов. Но, конечно, сложная и тонко развитая система глагола с его категориями лица, времени и склонения, с его разнообразными формами управления должна была оказать громадное организующее воздействие на новую категорию состояния.

Несомненно, что значение качественного состояния все усиливается в кратких формах страдательных причастий, особенно тех, в которых глагольность ослаблена или полустерта*.

Например: «Дела все *запутаны*» (Остров-
*Ср. замечание А. А. Потебни: «В новом языке выражения *он любим, он осужден*, по степени грамматической слитности, могут быть поставлены на одну доску не с выражением *он любил*, заключающим в себе наиболее предикативное из причастий, а скорее с *он прав*»²².

ский, «Бедная невеста»); «Мне ли уж нежности заводить? *Загнан, убит*» (Островский, «Гроза»); «*Яубита, уничтожена*» (Островский, «Не от мира сего»). Ср. у Достоевского в «Идиоте»: «Не он польстил, а я *польщена*»; в «Подростке»: «Пусть я отплачу ему великодушием, но с тем, чтобы это он почувствовал, чтобы он это понял — и я *отмщен*». Ср.: *взволнован, рассеян, угнетен, расстроен, плохо настроен, растроган, тронут, влюблен, привержен, обязан*, (хорошо, плохо) *сложен, наслышан о ком-нибудь, о чем-нибудь* и т. п. Предикативные слова с формами рода, лица и времени представлялись академикам Востокову и Шахматову спрягаемыми. Действительно, категории лица, времени, а следовательно, и склонения (и — с большими оговорками: возможные оттенки видовых значений, присущие сочетаниям предикативных слов с вспомогательными глаголами; ср.: *Город стал виден как на ладони; Я останусь должен вам три рубля; Я был бы рад быть вам полезен* и т. п.) — все это приближает категорию состояния к грамматической системе глагола. Но глубокая грань между категориями состояния и действия сохраняется. В грамматической категории состояния нет залоговых различий; видовые оттенки сюда приносятся лишь вспомогательными глаголами. Ярче всего здесь выступают формы времени и лица. Наличие категории лица ведет к параллелизму и соотносительности личных и безличных форм. Этот параллелизм ярко проявляется, например, в таком грамматическом соотношении: *должен — должно* (ср.: *можно, надо, нельзя*) *; *нужен — нужно; виден — видно* (ср. *из-за деревьев было видно зеленую крышу дома*); *тошен — тошно* и т. д.

§ 4. Распространение безличных форм в категории состояния

Безлично-именные формы особенно широко распространены в категории состояния. Их здесь больше, чем слов типа *рад, горазд*, и они гораздо более резко порвали связь с прилагательными и наречиями²³. Между полными и краткими формами имен прилагательных и между соответствующими безлично-предикативными формами наблюдаются очень значительные грамматические и лексические расхождения. Очевидно, это разные слова в современном русском языке. Например, *завидный* — *завиден* означает: такой заманчивый, что можно позавидовать (*завидное положение, завидная участь, завидная карьера* и т. п.). Между тем безлично *завидно* в значении сказуемого говорит о чувстве зависти, испытываемом кем-нибудь (*мне завидно*) или возникающем под влиянием какого-нибудь действия (в конструкции с инфинитивом: *завидно смотреть на такое счастье*).

Безлично *хорошо*, которым обозначается состояние внутреннего удовлетворения, счастья, хорошего самочувствия (*у меня хорошо на душе, мне хорошо*), уже отделилось от слова *хороший* — *хорош*. Ср.: *дурной и мне дурно; душный и душно, легкий и на душе легко* и т. п.

В сущности, отношение *хорошо* (в сочетании *хорошо на душе*) к *хорошо* в предложении *Мое здоровье хорошо* такое же, как *рвет* в *его рвет* к *рвет* в предложении *Он рвет цветы* (ср.: *Пахнет резедой* и *Резеда недурно пахнет*). Это — омонимы. Таким образом, между безлично-предикативными словами на -о и краткими формами имен прилагательных с той же основой часто нет

— *Ср., впрочем, у Лескова: «Это так выходило *нужно* по их соображению»

(«Блуждающие огоньки»). Ср. также у Пушкина следы наречного употребления слова *нельзя*:

Хоть он глядел *нельзя* прилежней, Но и следов Татьяны прежней Не мог Онегин обрести.

(«Евгений Онегин», 8, XIX)

ни грамматического, ни лексико-семантического параллелизма. Другие же разряды безлично-предикативных слов, входящих в категорию состояния, еще более далеки и по своему значению, и по своему синтаксическому употреблению от кратких форм имен прилагательных (например: *боязно, стыдно, совестно* и т. п.).

Нельзя не отметить громадного влияния глаголов на формирование основных типов безличных выражений в категории состояния. Так, среди безлично-предикативных слов на *-о*, соотносительных с краткими формами имен прилагательных, выделяются четыре основных разряда, находящихся полный параллелизм в группах безличных глаголов.

1. Прежде всего это слова, обозначающие чувство, эмоциональное состояние, психологическое переживание: *грустно, весело, радостно, печально, страшно, смешно, скучно, стыдно, досадно, покойно, тревожно, совестно, тоскливо, боязно* и т. д. «Все время было *гадко, стыдно* и *скучно*» (Л. Толстой, «Крейцера соната»); «На душе *тяжело* и *страшно*» (Тургенев, «Фауст»); «В толпе мне было всегда особенно *легко* и *отрадно*» (Тургенев, «Ася»). Ср. безличные глаголы: «*Взгрустнулось* как-то мне в степи однообразной» (Кольцов); «*И верится и плачется, и так легко, легко...*» (Лермонтов) и т. п.

2. Слова, обозначающие физическое состояние иногда как результат внешних восприятий и ощущений: *голодно, щекотно, дурно, плохо, горько, больно, душно, мне тепло, холодно* и т. п. «*Плохо* мне. Я чувствую, что разлагаюсь» (Тургенев, «Дневник лишнего человека») и т. п. Ср. соответствующую группу глаголов: «Я сама в чаю пригубила [порошка], чуть *горчит*» (Л. Толстой, «Власть тьмы»).

3. Слова, обозначающие состояние природы: *сухо, тепло, темно, светло, тихо, холодно, в воздухе парно*. «Было *солнечно* и *жарко*» (Л. Толстой); «Было так *сыро* и *туманно*, что насилу рассвело» (Достоевский, «Идиот»); *знойно, прохладно*; «Читать было *темно*» (Л. Толстой, «Крейцера соната»). Ср. глаголы *потеплело, темнеет, светлеет, подсохло*. «Уже совсем *стемнело* и начинало холодать» (Тургенев, «Ермолай и мельничиха»); «Еще только мутно *серело* от первых лучей рассвета» (Л. Андреев, «Жили-были») и т. п.

4. Слова, обозначающие состояние окружающей среды: *кругом было пьяно и шумно; уютно, удобно, пустынно*. «Днем *светло* и *людно*» (Тургенев, «Первая любовь») и другие подобные.

Понятно, что среди этих безлично-предикативных слов есть и такие выражения состояния, которые, в силу своеобразия своего качественного, оценочного значения, не могут иметь прямых соответствий в кругу безличных глаголов (например: *мне хорошо, на душе покойно, мне дурно* и т. п.). Но общая картина влияния глагола на категорию состояния ясна. По-видимому, в самой системе глагола усиливается встречное течение по направлению к категории состояния. Во всяком случае, видимое отрицание залогового значения у страдательных причастий и развитие в них значений качества, а в кратких формах и качественного состояния — в высшей степени показательны. Очень знаменательно также, что в разряде безличных глаголов типа *неймется, неможется, нездоровится, не терпится* и т. п. все заметнее становятся значения и оттенки не действия, а состояния. К категории состояния примыкает и слово *будет* в значении: довольно, с родительным падежом и предлогом *с*: *Сколько тебе надо денег? Двухсот рублей с тебя будет?* Ср.: *Ну, будет с него*. Ср.: *хватит с него; со старухи и этого хватит*.

§ 5. Грамматические особенности безличных слов в категории состояния

Разряды безличных слов, подводимых под категорию состояния, неоднородны. Те из этих слов, которые не имеют омонимов в кругу наречий или прилагательных, и те, которые не соотносительны с наречиями и с краткими формами имен прилагательных, не могут быть отнесены ни к какой другой грамматической категории, кроме категории состояния*. Таковы: *можно, должно, надобно, нужно, нельзя, любо, стыдно, боязно, совестно, тошно, щекотно* и др. Точно так же смысловая структура слов *завидно, жалко, больно, плохо, дурно* (о полуобморочном состоянии), резко отличающихся от своих омонимов, носит яркий отпечаток категории состояния. Естественно, что в словах этого типа развиваются синтаксические свойства, аналогичные глаголам. Например, «*Стыдно, и горько, и больно было ей*» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); ср. *Мне стыдно за вас*, «*Мне стыдно ваших поздравлений, мне страшно ваших гордых слов*» (В. Брюсов); «*Не стыдно ли тебе так долго мучить меня пустым, жестоким ожиданием?*» (Пушкин, «Русалка»). Ср.: *Как тебе людей не стыдно?*

Поминутно места *надо*, И могилы меж собой,

Как испуганное стадо,

Жмутся тесной чередой!

(Пушкин, «Пир во время чумы»)

Иную месьть родной стране, Иную славу *надо* мне.

(Лермонтов, «Измаил-Бей»)

Не нужно золота ему,

Когда простой продукт имеет.

(Пушкин, «Евгений Онегин»)

Полно вам меня казнить,

Хоть казнь я заслужил, быть может.

(Пушкин, «Каменный гость»)

Ср.: *Будет тебе болтать*; ср. устар. *надобно*: «*Не надобно* благодеяний, когда они даются с презрением и с целью задуть ими благодетельствованных» (Герцен, «Дневник»).

Некоторые слова этой группы приобретают даже способность управлять винительным падежом прямого объекта. Например: *Мне нужно метр шелку* (разг.); «*Им нужно* дрова и свечи» (Лесков, «Смех и горе»); *тропинку еле заметно; с горы было видно весь город; слышно крик петуха; надо веревку* (разг.); *жаль, жалко кого-нибудь*; ср.: «*Скучно мне да жалко* сторону родную» (Н. Огарев); *больно руку* (разг.); «*Как ноги больно*, — тоскливо думала она» (Вересаев, «Два конца»); «*В комнату вползла бабушка и... тихо, по-детски жалобно, сказала: «Рученьки мои, рученьки больно»*» (Горький, «Детство»); «*А то не нужно ли вам* кофейник? — обратился он к есаулу» (Л. Толстой, «Война и мир») и другие подобные.

Невозможность отождествлять эти безлично-предикативные слова с формами среднего рода прилагательного иногда подчеркивается различием ударений; ср.: *больно* и *большоно*; *вольно* и *вольноно*; *полно* и *полноно* и т.п.

—* Ср. замечание А. М. Пешковского по поводу таких слов: «Некоторые из них бесформенны и не относятся и по значению ни к какой части речи (*нельзя, жаль*), а некоторые, примыкающие внешне по своему окончанию *-о* и по основе к наречиям и кратким прилагательным среднего рода (*можно, должно, стыдно, больно*), не совпадают по значению ни с теми, ни с другими»^{3*}.

§ 6. Вопрос об отношении безлично-предикативных слов к краткой форме прилагательных среднего рода

Положение тех безлично-предикативных слов, которые омонимичны с наречиями или с краткими формами имен прилагательных, гораздо более спорно, сложно, а иногда и двусмысленно. В этих группах слов границы между разными синтаксическими функциями иногда представляются расплывчатыми, нечеткими. В этой области открываются интересные и разнообразные виды взаимодействий между категориями наречий, имен прилагательных, глаголов и категорией состояния. Безлично-предикативные слова на *-о* в абсолютном употреблении, т. е. независимо от сочетания с инфинитивом, не возбуждают сильных сомнений. В предложении *В поле было ветрено* слово *ветрено* нельзя признать краткой формой имени прилагательного. Ведь тут нет и намека на формы согласования. Трудно тут рассматривать слово *ветрено* и как наречие. К чему бы относилось такое наречие? Здесь нет ни глагола, ни имени прилагательного. Ср.: *На душе тоскливо*; «Было *душно* от жгучего света»; «Мне *грустно* и *легко*» и т. п.

Но в предикативных формах на *-о*, омонимичных с краткими формами имен прилагательных и сочетающихся с инфинитивом, многие из современных грамматистов склонны видеть средний род имени прилагательного. Ср., например, у Достоевского в «Бесах»: «Я согласен совершенно, что либерально и красноречиво болтать чрезвычайно *приятно*, а действовать -немного кусается» (слова Верховенского). В этих конструкциях инфинитиву невольно грамматиками присваивается значение подлежащего при предикативном слове на *-о*. Например:

Теперь уж *мне* влюбиться *трудно*, Вздыхать *неловко* и *смешно*, Надежде верить *безрассудно*, Мужей обманывать *грешно*.

(Пушкин)

«Любовь он презирал — на словах... а внутренно чувствовал сам, что *трудно* и *хлопотно* заставить полюбить себя» (Тургенев); «Весьма *легко* и *просто* прикидываться равнодушным, молчаливым гордецом» (Тургенев, «Бретер»); «Помоему, и участвовать в дуэли, и присутствовать на ней, хотя бы в качестве врача, просто *безнравственно*» (Чехов, «Три сестры»); «Снег на прощанье с землей переливал такими алмазами, что *больно* было глядеть» (Чехов, «Кошмар»); «Шутить либерализмом было *опасно*» (Герцен, «Былое и думы»).

Прежде чем объяснять употребление и значение предикативных форм на *-о* в сочетаниях с инфинитивом, очень поучительно проследить колебания в этом вопросе и сомнения проф. А. М. Пешковского, который настойчиво и в разное время возвращался к анализу этих конструкций²⁵.

А. М. Пешковский думал, что в разговорной речи преобладают в этом безлично-сказуемом употреблении наречия, а в книжной — формы кратких прилагательных среднего рода. «При инфинитиве, — писал он, — вероятность безлично-наречного толкования всегда повышается, так как огромное большинство инфинитивных сочетаний носит живой, разговорный характер {*Вам легко говорить! Как тут весело работать!* и т. д.), и о среднем роде прилагательного тут думать не приходится. Но и тут есть чисто книжные сочетания, вроде *Человеку свойственно ошибаться*, где форма на *-о* явно не на-речна... (так как нет наречия *свойственно*)... Вообще чем живее фраза, тем

форма на *-о* ближе к наречию, чем литературнее, — тем ближе к среднему роду прилагательного»*.

Но искусственность и ошибочность этого субъективно-стилистического объяснения очевидна. Наречие в современном языке настолько отлично по своим грамматическим функциям от среднего рода имени прилагательного, что смешать их синтаксическое употребление нельзя. Тем более трудно предполагать, чтобы в совершенно одинаковых синтаксических условиях фигурировало, в зависимости от степени разговорности, то наречие, то согласуемое прилагательное**. Можно лишь допустить скрещение категорий наречия и имени прилагательного в какой-то новой грамматической категории. Впрочем, и сам А. М. Пешковский тут же себе противоречит, признавая, что «среди этих форм в языке есть несколько образований на *-о*, как раз самых употребительных, которые не могут быть ни прилагательными, ни обычными наречиями», например: *можно, должно, нужно* (ср.: *нельзя, надо, жаль* и т. п.). Ср. также: *совестно, стыдно, боязно* и другие подобные. Все эти слова также сочетаются с инфинитивом. Да и в других случаях, по словам А. М. Пешковского, «всегда есть разница в значении этой формы на *-о* по сравнению с наречиями и краткими формами имен прилагательных». А. М. Пешковскому, особенно после указаний Л. В. Щербы на категорию состояния, стало казаться более вероятным, что «мы имеем здесь особую грамматическую категорию».

С течением времени, все больше и больше проникаясь этой идеей, А. М. Пешковский тем не менее все свое лингвистическое остроумие направляет на доказательство того, что эти сказуемые формы на *-о*, за очень немногочисленными исключениями, являются не краткими формами имени прилагательного, а наречиями (как будто бы от приложения к ним этого грамматического ярлыка вопрос становится яснее). А. М. Пешковский исходил из аксиомы, что «особой формы с потерей согласования наподобие безличных глаголов у прилагательных нет»²⁹. Отсюда вытекало, что несогласуемую форму на *-о*, — например *холодно* в предложениях: *Мне было холодно в летнем пальто; Сегодня очень холодно; Холодно идти против ветра* — никак нельзя относить к категории прилагательных (ср. совсем иное значение краткой формы прилагательного в предложении *Все общество было очень холодно со мною*). Ср. в разговорной речи: *Дождаться трамвая было очень холодно; Слушать выговор было очень стыдно; Совестно тебе не верить мне* и т. п. Однако и при таком подходе, по мнению А. М. Пешковского, останется в стороне ряд предикативных безличных форм на *-о*, вызывающих мысль о «прилагательности». Ведь есть «определенная грань между рассматриваемым типом

—* Объяснение конструкций типа *кататься весело, весело кататься* в «Синтаксисе» акад. А. А. Шахматова не очень убедительно, так как слишком психологично. Не признавая *кататься* подлежащим, А. А. Шахматов все же думает, что здесь «господствующим представлением является представление об активном признаке, о действии, движении, зависимым — представлением об его осуществлении, о результате действия, его обнаружении или вообще представлением о состоянии»²⁶. Поэтому А. А. Шахматов рассматривает эти конструкции среди двусоставных предложений, не входя ближе в рассмотрение функции самих форм на *-о* в этих сочетаниях. Ср. также рассуждения Л. А. Булаховского по поводу этих конструкций в «Курсе русского литературного языка»²⁷.

** Ср. в «Русском синтаксисе» наивно-психологическое, опирающееся на личный субъективный вкус объяснение: «Тут все сводится к ассоциациям данного предложения с той или другой формой сочетания. Такие предложения, как *бесчестно было так поступать со мной, глупо было бы не воспользоваться случаем, интересно было бы знать... полезно отметить...* и т. д., а тем более такие, как *так поступать — бесчестно, не воспользоваться случаем было бы глупо, гулять полезно* и т. д. (с инфинитивом перед предикативным сочетанием), всегда колеблются между безличным и личным смыслом, смотря по тому, ассоциируем мы их в момент произнесения с типом *мне холодно кататься, мне больно прикоснуться* и т. д. или с типом *твое поведение бесчестно, такой поступок был бы глуп, моцион полезен* и т. д. Определенного «рецепта» различения здесь дать нельзя, так как каждое сочетание глубоко индивидуально...»²⁸

безличности и такими неполными личными предложениями, как *было известно, было очевидно, ясно* (не о погоде, конечно), *достоверно, несомненно, понятно, уместно, свойственно, прилично, полезно, здорово, подло, честно, дурно* (не о тошноте, конечно), *умно, глупо* и т. д.»^{30*}. По отношению к тем из этих форм, которые употребительны в разговорной речи, А. М. Пешковский находит кое-какую лазейку в область наречия: «Возможно, что формы краткого прилагательного среднего рода уже и нет в литературно-разговорном языке и только неверно направленная грамматическая рефлексия мешает нам видеть это. А если так, то в разговорном, по крайней мере, языке все эти предложения безличны. Правда, на это можно возразить, что... в предложениях типа *гулять полезно* инфинитив может быть заместителем подлежащего... Но дело в том, что инфинитив вообще очень плохая замена для подлежащего — он слишком характерен и слишком глаголен для этого, и эту роль можно признавать за ним только по нужде, только тогда, когда окружающие формы непрерываемо указывают на личный характер предложения...»³² Таким путем А. М. Пешковскому удается установить безличность или оттенок безличности для подавляющего большинства предикативных форм на *-о* и, следовательно, вывести их за границы категории имен прилагательных. Но А. М. Пешковский тут же спешит направить все безличные слова типа *бесчестно, полезно, вредно* и т. п. на склад наречий, как будто категория безличности, соотносительная с категорией лица, в наречиях присутствует в большей степени, чем в именах прилагательных. Все же представляется очень ценной аргументация А. М. Пешковского в защиту того положения, что эта группа безлично-предикативных слов на *-о* относится к какой-то другой категории, а не к именам прилагательным. Правда, А. М. Пешковскому так и не удалось преодолеть свою нерешительность в этом вопросе. Как типичный эклектик, он считал наиболее безопасным и осторожным часть предикативных форм на *-о* (хотя бы очень небольшую) оставить на долю имени прилагательного, отождествив их с краткими формами (например: *известно, что...; человеку свойственно ошибаться*). «В тех же случаях, — писал проф. Пешковский, — когда вещественный смысл одинаково допускает и личное и безличное понимание, а форма на *-о* тоже одинаково может пониматься и как наречие и как прилагательное, форма сочетания неизбежно двойится. Тут все сводится к а с с о ц и а ц и я м данного предложения с той или другой формой сочетания... Можно указать только определенную грамматическую пропорцию: чем дальше форма на *-о* от среднего рода прилагательного, тем безличнее связка и тем дальше инфинитив от функции подлежащего...», например: «Мне было *весело* подъезжать в первый раз к незнакомому месту» (Гоголь); «чем ближе форма на *-о* к среднему роду прилагательного, тем более лична связка и тем ближе инфинитив к функции подлежащего»³³. Например, *Бесчестно было так поступать со мной*; ср.: *Твой поступок был бесчестен*.

Таким образом, А. М. Пешковским на живую нитку скрепляется средний род кратких имен прилагательных с наречием. Но большая часть противоречий и неясностей в анализе этих форм у А. М. Пешковского отпала бы, если бы он посмотрел на положение вещей с точки зрения категории состояния. В самом деле, если отдельные краткие формы имен прилагательных уже пере-

* Ср. также замечание: «В таких сочетаниях, как *это хорошо, это полезно, это мне очень приятно*: «Но ведь что, главное, в ней хорошо? — Хорошо то, что она сейчас только... выпущена из какого-нибудь пансиона или института» (Гоголь); «Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят» (он же) и т. д. мы, в сущности, сознаем в первый момент *наречие* и, только призвав на помощь школьные грамматические воспоминания или другие языки, соображаем, что *здесь должно быть прилагательное*. Возможно, что формы краткого прилагательного среднего рода уже и нет в литературно-разговорном языке, и только неверно направленная грамматическая рефлексия мешает нам видеть это»¹¹

шли в категорию состояния, а остальная масса их находится на пути к слиянию с этой категорией, то нет ничего удивительного, что в этой области развиваются, наряду с формами родовыми и личными, разные типы безличных форм. Естественно, что под влиянием глагола разные группы предикативно-именных слов на *-о* образуют сложную и пеструю гамму переходных типов от полной безличности до безличности мнимой или потенциальной. Таким образом, при допущении категории состояния находят рациональное объяснение и все колеблющиеся, двусмысленные случаи употребления предикативных слов на *-о*³⁴. Между тем перед А. М. Пешковским — с его теорией перманентного колебания этих слов между категориями наречия и имени прилагательного — предстало новое, так и не побежденное им препятствие: куда же отнести безличные формы страдательных причастий на *-о* типа *велено* доложить; «Уж *послано* в погоню» (Пушкин); «Возле того забора *навалено* на сорок телег всякого сору» (Гоголь, «Ревизор»); «Для всего этого *предположено* было собраться у полицеймейстера» (Гоголь, «Мертвые души») и т. п. ?*

Ведь по своему значению они так близки к «безлично-предикативным наречиям», как назвал Пешковский слова вроде *можно, должно, видно* и т. п. А. М. Пешковский с недоумением признавался: «Хотя о понимании форм на *-о* как наречия здесь уже не может быть и речи, однако и эти предложения имеют большой наклон к безличности...»³⁶ Между тем эти формы представляют полную аналогию к таким безлично-предикативным словам, как *стыдно, совестно, боязно* и т. п. Ведь в них «форма на *-о* потеряла свое значение с о г л а с о в а н и я с о с р е д н и м р о д о м с у щ е с т в и т е л ь н о г о , и вследствие этого стали возможны страдательные сочетания и от непереходных глаголов в качестве специальной безличной формы: *было сижено, хождено, ежено, платно...* и т. д.»³⁷ В исключительных случаях здесь возможен даже винительный падеж прямого объекта. Например: «Советов тысячу *на-давано* полезных» (Крылов); «Грош *запложено*, да пять раз *ворочено*» (Н- Некрасов, «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»); ср.: *больно руку, видно гору* и т. п. Любопытно далее, что, по словам проф. Пешковского, «в отдельных случаях и здесь возможен еще личный смысл, особенно в оборотах книжного характера»^{3>i} (ср.: *предположено, что...; приказано, чтобы...* и т. п.; ср. также: *не приказано принимать; не велено пускать* и другие подобные).

Аналогия между безличными формами кратких страдательных причастий и другими безлично-предикативными словами настолько тесна и поразительна, что невольно возникает общее предположение о сильном организующем влиянии кратких страдательных причастий на категорию состояния.

Следовательно, и в группе бывших кратких форм имени прилагательного на *-о* протекает стремительный процесс грамматических изменений, вызванный ростом категории состояния, поддерживаемый влиянием глагола и регулируемый им. Одни из этих слов получили отчетливую форму новой категории (*больной дурно*; прост, *моркотно*; «Мне *грустно*, потому что *весело* тебе» (Лермонтов) и т. п.). В других еще сохранились в разной степени признаки переходной стадии (ср.: *мне было смешно и смешно было видеть* и т. п.). Часть безлично-предикативных слов синонимична с глагольными формами и близка к ним по своим синтаксическим свойствам (ср., например: *Мне желательно получить твердый ответ* и *Мне хочется получить твердый ответ* и т. п.). В безличных формах на *-о* распространено влияние глагольного управления. Например: «С меня же *довольно* и того, что мне придется вскрывать тебя» (Чехов, «Дядя Ваня»); ср.: *с меня хватит; досадно на кого-нибудь*; ср.: *досадовать на кого-нибудь; стыдно кого-нибудь, чего-нибудь*; ср.: *стыдиться*

—• Ср. замечание Миклошича: «В бессубъектном предложении выражается событие, т. е. состояние без обозначения действующего предмета»³⁵.

кого-нибудь, чего-нибудь; страшно кого-нибудь, чего-нибудь; ср.: страшиться кого-нибудь, чего-нибудь; обидно на кого-нибудь; ср. обижаться на кого-нибудь и т. д.

Таким образом, не только безличные слова вроде *горько на душе*, но и однородные конструкции с инфинитивом типа «Тебе *приятно* слезы лить» (Пушкин) очень далеки от категории имен прилагательных и наречий. Они ближе к категории состояния.

§ 7. Категория состояния и качественные наречия

Для всестороннего освещения вопроса о связях и взаимодействиях между категорией состояния и другими грамматическими категориями необходимо глубже вникнуть в отношение категории состояния к наречиям. Согласно распространенному мнению, наречие близко к имени прилагательному не только потому, что наиболее продуктивные группы качественных наречий образуются от прилагательных, но и потому, что «наречие может являться в той же функции, как прилагательное, а именно в функции предиката»³⁹.

Обозначение бытия, состояния акад. А. А. Шахматов считал синтаксическим свойством наречия. В предложении *Здесь холодно* он понимал *холодно* как наречие и относил его к признаку бытия, проявления, оставшемуся невыраженным⁴⁰.

Это убеждение в способности любого наречия стать сказуемым таит в себе много опасного. По-видимому, этот грамматический предрассудок покоится на смешении грамматических систем разных эпох, на переносе прошлых языковых отношений в современность. Ведь если бы способность непосредственно сочетаться с формами времени и превращаться в сказуемое была в современном языке присуща природе качественных наречий на *-о* (ср. единичность выражений вроде *ум — хорошо, а два — лучше* * и невозможность говорить и писать такими предложения, как *жизнь — коротко, работа — быстро* и т. п.), то это означало бы или распад системы словоизменения прилагательных, или ослабление связи качественного наречия с глаголом и именем прилагательным, т. е. полное слияние категорий наречия и прилагательного. Между тем в современном русском языке способность предикативного употребления ощутительнее в обстоятельственных наречиях, чем в качественных на *-о, -е* (ср.: *до города недалеко, было еще рано, уже поздно* и т. п. — при невозможности сказать *было вечно, будет медленно, было поспешно, будет трусливо* и т. п.).

Несомненно, что в древнерусском языке возможности сказуемого употребления наречий были гораздо шире⁴². Между тем в современном русском языке качественные наречия на *-о* и на *-ски* «как раз не могут быть предикативными». «По-видимому, значение признака действия в них так сильно, что не может сочетаться с отвлеченностью связки», — заметил проф. А. М. Пешковский⁴⁴.

Рост категории состояния был связан с теми внутренними грамматическими противоречиями, которые обозначились в употреблении наречий в сочетаниях с вспомогательными глаголами. Эти противоречия особенно резко выступали в сочетаниях наречий со связкой *быть*. Эти сочетания соответствовали синтаксическим функциям наречия лишь до тех пор, пока глагол *быть*

* Ср. статью В. И. Чернышева «О нарушении согласования в русском языке»⁴¹. В. И. Чернышев очень убедительно доказывает, что в конструкциях типа: «грех — сладко, а человек — падко», «лев — страшно, обезьяна — смешно» и т. п. синтаксические формы сказуемых — не русские по своему происхождению. Это эллинизмы, т. е. обороты, сложившиеся под влиянием греческого языка.

еще не превратился в связку, в морфему времени и наклонения. Превращение же глагола *быть* в отвлеченную связку усиливало «предикативность» наречий. В сочетании *совестно было* слово *совестно* уже не могло осознаваться как наречие к глаголу *было*. Оно сливалось с связкой-морфемой *было* в одну составную грамматическую форму, форму прошедшего времени от слова *совестно*. Но такое употребление наречий не мирилось с их функцией качественного и обстоятельственного отношения (ср. также развитие аналогичных процессов в сочетаниях кратких имен прилагательных со связкой). Ослабление и выветривание в связке *быть* лексических значений глагола приводило к переходу «предикативных наречий» в категорию состояния.

А. А. Потебня впервые наметил основные этапы этого грамматического перерождения «предикативных» наречий. По мнению Потебни, существительные *жаль*, *пора* и т. п., примыкая к глаголу *быть*, сначала превратились в наречия. В сочетаниях *страх было*, *жаль было* слова *страх* и *жаль* когда-то были наречиями (но ср. в языке XIX в.: «Ленив — подумать ужас» — Грибоедов)⁴⁴. А. А. Потебня отрицательно отнесся к мысли Миклошича, «что наречие несовместимо с глаголом существования»⁴⁵. Он доказывал, что в *было стыдно* в период лексической и грамматической полновесности глагола *быть* слово *стыдно* не могло быть ничем иным, как приглагольным наречием. Но затем, в связи с грамматическим переосмыслением глагола *быть*, с превращением его в вспомогательную частицу, *было стыдно* стало пониматься как аналитическая форма прошедшего времени от слова *стыдно*, которое перешло в категорию состояния*.

Невозможность понимать безлично-предикативные слова (оканчивающиеся на *-о*) как наречия доказывается и тем, что большая часть качественных наречий в сочетаниях с инфинитивом лишена свойства «обратимости» (т. е. способности иметь при себе инфинитив в качестве определяющего слова). Например, в сочетании *напряженно думать* наречие *напряженно* неизбежно понимается как определение инфинитива (т. е. нельзя сказать: *думать было напряженно*; ср. *сердечно относиться* и т. п.). Правильно указывалось, что если бы *весело* в предложении *Играть было весело* было наречием, то соотношение между *играть — весело* и *весело — играть* (*Дети успокоились и стали весело играть*) было бы параллельно соотношению между *весел* и *веселый*. Но такого параллелизма нет. Говоря *играть — весело*, мы утверждаем совсем не ту связь, которая представляется данной в сочетании *играть весело* (*Играть весело им редко удавалось*); вторая предполагает возможность и скучной игры, первая ее устраняет.

Вместе с тем грамматические функции таких безлично-предикативных форм, как *ладко*, *легко*, *весело* и т. п., ничем не отличаются от функций таких слов, как *можно*, *должно*, *надо*, *полезно*, *простительно*, *тошно*, *грешно*, *недо-сужно*, *совестно*, *любо*, *стыдно* и др., которые уже никак нельзя признать наречиями. Сюда же примыкают и формы страдательных причастий, вроде *велено*, *принято*, *суждено*, *воспрещено*, *дозволено*, *запрещено*, *позволено*, *поручено*, *предписано*, *предположено*, *приказано*, *разрешено*, *рекомендовано* и т. п. Таким образом, грамматические различия между категорией состояния и разрядами качественных наречий на *-о* очевидны.

Но обособление «безлично-предикативных слов» на *-о* от системы наречий еще не решает общего вопроса о взаимодействии категории состояния и категории наречия в современном русском языке.

* Ср. замечание К. С. Станиславского: «Слово *быть* определяет статическое состояние. В нем нет активности»⁴⁶.

§ 8. Тесная связь между категорией состояния и разрядами качественно-обстоятельственных наречий, выражающих характер, образ действия и состояния

Вопрос о тесной связи категории состояния с категорией наречия заслуживает специального изучения. У некоторых видов наречий, обозначающих главным образом оттенки качественного состояния, все сильнее развивается способность замещать сказуемое, употребляться в функции сказуемого. Эта черта особенно наглядно проявляется в разговорном языке, в котором категория состояния выражена более резко. Например, выражение *без памяти* (в значениях: 1) вне себя, в полуобморочном состоянии: «И я *без памяти* бегом, куда глаза глядят, от этого уroda» (Крылов); 2) почти до потери сознания, чрезвычайно сильно, например: *любить без памяти что-нибудь*), будучи наречием, легко переходит в категорию состояния и получает значение: в восторге, вне себя (например: *Я без памяти от ее голоса*).

Ряд идиоматических выражений, обозначающих состояние, функционально связан с категорией наречия и в своем употреблении обнаруживает двойственность грамматических значений. Например, выражение *кому-нибудь на руку* (в значении: соответственно чьим-нибудь интересам, выгодам, согласно с чьими-нибудь выгодами, потребностями) употребляется и как наречие, и как предикативная форма, подводимая под категорию состояния: *Это случилось мне на руку и это мне на руку*; ср.: *завалился без задних ног спать* и *я — без задних ног* (в очень усталом состоянии); *я им не ко двору* и как наречие: *не ко двору пришелся*; *он — сродни мне*: «Ведь я ей несколько *сродни*» (Грибоедов, «Горе от ума») и «Они доводились *сродни* моей матушке» (Тургенев).

Широкому развитию слов и идиоматизмов этого рода, тяготеющих к категории состояния, содействует распространение глагольно-именных оборотов так называемого «составного» сказуемого. Обилие наречных слов и выражений, обозначающих качественное состояние (сюда относятся преимущественно предложные или приставочные типы наречий: *навеселе, в духе, вправе, не в себе, вне себя, не у дел, в бегах, на побегушках у кого-нибудь*, разг. *в положении* (т. е. беременна), *на помочах у кого-нибудь, на посылках, в состоянии, на мази* и т. п.), и почти исключительное употребление их в сочетании с формами связки *быть* (а для выражения настоящего времени — и без всякой глагольной поддержки) содействуют массовому переходу наречий в категорию состояния (ср.: *не чета и не прочь*).

Ср.: «Полюбил ее, вижу. И она, *заметно*, ничего» (Чехов, «В бане»); «Но это уже *чересчур*» (Чернышевский, «Что делать?»). Ср. переход в категорию состояния слова *не прочь*: «*Не прочь* мы были и от городских сплетен» (Достоевский, «Бесы»).

§ 9. Процесс обеспредмечивания имен существительных и пути движения их в категорию состояния

На почве тех грамматических изменений, которым подвергаются имена существительные в сочетании со связкой *быть* (и с глаголами полузнаменательного характера), сложился и в настоящее время все более распространяется новый тип слов и форм в составе категории состояния: это бывшие формы именительного падежа имен существительных, утратившие основные свойства категории существительного и сблизившиеся по своим функциям с безлично-предикативными словами. Ср., например, синонимические обороты: «Над старостью смеяться *грех*» (Грибоедов) и *Над старостью грешно смеяться*.

В этом употреблении имена существительные теряют не только формы падежей, но и формы рода и числа. Самый оттенок предметности в них осла-

бевае. В качестве иллюстрации могут служить параллельные разговорные выражения: *уже пора было уезжать — пора была уезжать; лень было заниматься — лень была приниматься за уроки*; ср. у Чехова в «Брожении умов»: «С обывателей лил пот... *лень* было вытирать»; *охота было спорить с ним — охота была тебе с ним спорить*; ср.: у Пушкина: «И *охота* было не слушаться». Ср. предикативное употребление слов *время, грех, недосуг, неволя, досада, послед, смех, невяк, невидать* и другие подобные. Ср. у Пушкина («Городок»):

Писать тебе посланье мне было *недосуг*;

у Л. Толстого: «*Недосуг* мне теперь в твой дом идти» («Крестник»); ср. еще у Ломоносова: «Тебе *недосуг* было»⁴⁷; «*Досуг* мне разбирать вины твои, щенок» (Крылов, «Волк и ягненок»); «*Невидадь*, что он придворный советник» (Гоголь, «Женитьба»); «Просто *мука* глядеть на нее» (Островский, «Гроза») и т. п.

Грамматическое перерождение имен существительных, вовлекаемых в категорию состояния, семантические основы этого явления нуждаются в тщательном изучении. Здесь видны еще не исследованные грамматические пути, на которых сближаются в понятии состояния категории предмета и действия.

Имя существительное, склонное к развитию качественных значений, в функции сказуемого приобретает не только грамматические свойства, но и новые лексические оттенки. Например, слово *грусть* (чувство томного уныния, тоскливой печали) при употреблении в функции сказуемого может выражать своеобразную экспрессивную оценку всего того, что вызывает разочарование, неудовольствие. В этом случае оно обозначает уже не чувство и не настроение, а внутренние свойства, внутреннее состояние той вещи, которую определяет как предикат. Таковы фразеологические сочетания разговорной речи: *сплошная грусть, одна грусть; погода — сплошная грусть; разговаривать с ней, убеждать ее — одна грусть* и т. п. Ср.: *прямо жуть, жуть одна*. На почве такого предикативного употребления имени существительного вырастает особый переходный разряд субстантивных форм, близких к категории состояния и выражающих не действие, не процесс, а бывание, состояние, качественно-временную характеристику предмета*.

В словах, имеющих формы времени, заложено диалектическое восприятие действительности в двух аспектах: динамическом — как мира действий, движений и эволюционном — как мира качественных состояний, «бываний», в которых могут являться лица и предметы. Подобным же образом названия лиц или предметов, т. е. имена существительные, служат не только действующими субъектами или испытываемыми те или иные воздействия объектами. Они могут выражать также разнообразные характеристические свойства или состояния. Это значение качественной характеристики очень рельефно выступает во многих существительных, когда они специализируются в роли сказуемого (например, *тертый калач, не промах*; ср. у Лескова в романе «На ножах»: «Хитра ты, да ведь и я *не промах*»). В этом случае существительное является выражением состояния другого предмета в его развитии. Так схематически очерчивается путь грамматического движения имен существительных в категорию состояния.

Если какое-нибудь существительное сохраняется в языке только в одной функции, в функции сказуемого, то это грамматическое ограничение обычно связывается со смысловой деформацией слова, с потерей им форм падежа

* Всю сложность этих процессов и их внутреннее грамматическое единство — при кажущейся морфологической разнородности относящихся сюда явлений — недостаточно оценил акад. И. И. Мещанинов и вслед за ним проф. Д. В. Бубрих⁴».

и рода и с зарождением в нем оттенков времени. Впитывая в себя значение времени, имя существительное ослабляет или утрачивает свое значение предмета, субстанции. Оно начинает выражать внутренние качества или состояния другой вещи, становится отражением тех качественных состояний, через которые может проходить предмет, или тех безличных, бессубъективных состояний, которые вообще свойственны действительности. Так, имя существительное может постепенно ассимилироваться с категорией состояния*.

Во многих существительных современного русского языка уже непосредственно заложена эта функция качественной характеристики. Есть множество предикативных имен существительных, которые не являются обозначениями предметов, но выражают качественное состояние предметов**. Например, слово *колпак*, помимо своего прямого, номинативного значения, употребляется как образная характеристика простака, недалекого, ограниченного разини (ср. значения глагола *околпачить*): «Ты, мол, отсталый *колпак*» (Тургенев, «Отцы и дети»); «Натурально вы, сплетники городские, лгуны проклятые... *колпаки*...» (Гоголь, «Ревизор»); «Дрянь! *Колпак!*— завопил Биндасов» (Тургенев, «Дым»); «Я не замечал, что он ездит каждый день, не заметил, что он сегодня приехал в карете. И я не видел. *Колпак!*» (Чехов, «Враги»).

Едва ли можно сомневаться в том, что для современного языкового сознания внутренняя форма этого употребления слова *колпак* наполовину утрачена. Ведь шутовской, дурацкий колпак, из которого выросло метонимическое именование дурака, шута (а затем и всякого простофили) колпаком, в обстановке современного культурного быта уже потерял свою экспрессивную внушительность. Но переносное значение слова *колпак* еще очень ощутимо. Оно поддерживается глаголом *околпачить*. Ср. народные поговорки и пословицы: «По Сеньке шапка, по таковскому и *колпак*»; «Все люди, как люди, один черт в *колпаке*» и т. п.

Вот такого-то рода имена существительные, которые не называют предмет или лицо, а говорят о них, характеризуют их, выступая только или в указательной (*этот колпак, этого колпака* и т. п.), или предикативной функции, тянутся к категории состояния (ср. фразеологические единства и сращения: *с боку припека, плоть и кровь, палка о двух концах, ни пава ни ворона, притча во языцех, живые мощи, кровь с молоком, тертый калач*; ср.: «*Это тертый калач*, который знает людей и умеет ими пользоваться» (Тургенев, «Певцы»); «Я знаю свет наизусть, я сам *тертый калач*» (Фонвизин, «Недоросль»); *седьмая вода на киселе, последняя спица в колеснице* и т. п.).

В грамматическом употреблении таких слов резко обозначаются оттенки времени. Они все сильнее окрашивают семантическую структуру их и парализуют в них способность склонения и родовые различия. Например, выражение *не жилец* в значении: человек, обреченный на смерть, человек, который не долго проживет, — применяется как к мужчине, так и к женщине (*не жилец она на белом свете*). Ср. у Лескова в «Островитянах»: «Марья Ивановна *не жилец* на этом свете, так я за это голову свою дам на отсечение, что она *не жилец*»***. Ср.: *он, она — не промах*.

* Очень интересны вскользь брошенные замечания Потебни о таких именах существительных, которые сохраняют в большей или меньшей мере атрибутивность в силу того, что, так сказать, сохраняют память о своих прежних предикатах и атрибутах: «... выражение *этот человек — рыба*, т. е. плавает, как рыба, или нем, холоден, как она, понятно в силу того, что помнятся сочетания: *рыба плавает, рыба нема* и пр. Степень атрибутивности (и вместе степень приближения к предикативности) существительного изменяется по языкам и ступени их развития»⁴¹. ** Ср. замечание Г. Пауля: «Если имя поставлено как предикат или приложено к имени вещи как определение, то оно уже не может быть именем вещи и с этой точки зрения тем самым есть прилагательное»⁵⁰.

*** Ср. значение выражений: «Вон из Москвы! сюда я больше не ездук»; «Я глупостей не тчец, а пуще образцовых» (Грибоедов) и т. п. Ср. замечание Потебни: «По типу обороты *я не ездук, жалоба моя* — древнее, чем *не езжу, жалуюсь*»⁵¹. Но ср. *я — пас*.

§ 10. Грамматическое оформление фразеологических сочетаний и единств при посредстве категории состояния

К категории состояния тянется масса окаменелых фразеологических единиц, выступающих в функции сказуемого и выражающих качественную оценку или характеристику кого-нибудь или чего-нибудь. С этимологической точки зрения в составе этих выражений можно обнаружить разные другие части речи. Но в живом речевом употреблении эти неразложимые фразеологические единства непосредственно подводятся под категорию состояния.

Так, формы будущего времени 2-го лица с обобщающим значением в составе многих устойчивых словосочетаний служат для характеристики свойств вещи. Выражения этого рода легко вовлекаются в категорию состояния. Например, *пальчики оближешь, -ете* (о чем-нибудь очень вкусном или очень соблазнительном) : «Вот, дядя, дамочка-то — *пальчики оближете*» (Салтыков-Щедрин, «Круглый год... 1-го апреля»).

§ 11. Роль категории состояния в грамматической системе современного русского языка

Итак, на почве сложного грамматического переплетения свойств и функций имени, глагола и наречия складывается и развивается категория состояния. Она носит на своих формах яркий отпечаток аналитизма. В ее грамматическом строе скрыты зародыши, источники новых грамматических сдвигов (особенно в области имен существительных и прилагательных). Категория состояния отражает воздействие глагола. Но так как в языковой системе все взаимно связано и взаимно обусловлено, то образование категории состояния не проходит бесследно и для самой системы глагола (ср. историю причастных страдательных оборотов предикативного типа). Вместе с тем своеобразная идиоматичность части лексического материала, подводимого под категорию состояния, свидетельствует о расширяющемся в литературной речи фонде предикативных идиом и фраз с грамматическим значением состояния. Все это выделяет категорию состояния как новую для русского языка, но очень активно развивающуюся часть речи.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ»

1. См.: *Востоков А. Х.* Русская грамматика. Спб., 1859.

2. См.: *Калайдович И. Ф.* О степенях прилагательных и наречий качественных.— Труды Общества любителей российской словесности, 1823, ч. 3, с. 113.

3. См.: *Грунский Н. К.* Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Спб., 1911, т. 1, вып. 1-2, с. 43.

4. См.: *Кошанский Н.* О русском синтаксисе. — Труды Общества любителей российской словесности, 1819, ч. 15, с. ПО.

5. *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Спб., 1852, с. 179.

6. См.: *Востоков А. Х.* Русская грамматика, с. 81.

7. См. там же, с. 160.

8. См.: *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева.— Поли. собр. соч. М., 1875, т. 2, ч. 1: Сочинения филологические, с. 595-596.

9. См.: *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье. Спб., 1850, с. 227.

10. См.: *Катков М. Н.* Об элементах и формах славяно-русского языка. М., 1845, с. 65.

11. *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858, т. 2, с. 121 [344].

12. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. Спб., 1865, с. 248.
13. См.: Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, с. 195.
14. Schuchardt-Brevier H. Ein Vademecum der allgemeinen Sprachwissenschaft. Halle, 1928, S. 275-276.
15. См.: Щерба Л. В. О частях речи в русском языке.— Русская речь, 1928, № 2.
16. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888, вып. 1-2, с. 405 [394-395].
17. Анненский И. Ф. Критика «Синтаксиса русского языка» Д. Н. Овсяннико-Куликовского.—Журнал министерства народного просвещения, 1903, № 5, с. 230-231.
18. Истрина Е. С., Бубрих Д. В. [Рец. на кн.:] Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи.— Вестник Академии наук СССР, 1946, № 4, с. 102.
19. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1925, вып. 1, с. 167, [179].
20. См.: Cassirer E. Philosophic der symbolischen Formen. Berlin, 1923, Bd. 1, S. 287; Sprache und Mythos, 1927, S. 61.
21. Ср.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 379 [370].
22. Там же, с. 149 [154].
23. Ср.: Востоков А. Х. Русская грамматика, с. 80 — 81.
24. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 324 [352].
25. См.: Пешковский А. М. Наш язык. М., 1923, вып. 2, с. 314.
26. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, вып. 1, с. 121 [133—135].
27. См.: Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Харьков, 1937, с. 275-276 [т. 1, с. 334].
28. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, с. 327 [356 — 357].
29. См. там же, с. 326 [355].
30. Там же.
31. Там же.
32. Там же, с. 328.
33. Там же, с. 327.
34. См.: Овсяннико-Кульковский Д. Н. Синтаксис русского языка. Спб., 1912; особенно статья: К вопросу о классификации бессубъектных предложений.— Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1900, т. 5, кн. 4.
35. Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1868- 1874, Bd. 4; Ueber subjectlose Satze und das Verhältniss der Grammatik zu Logik und Psychologic- Vierteljahrsschrift fur Wissenschaftliche Philosophic Bd. 8, 1884, S. 346-347.
36. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, с. 331.
37. Там же, с. 332.
38. Там же.
39. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1927, вып. 2, с. 80 [491].
40. См. там же, с. 95 [503].
41. См.: Чернышев В. И. О нарушении согласования в русском языке.— В сб.: Памяти академика Н. Я. Марра. М.-Л., 1938, с. 258-274 [т. 1, с. 194-210].
42. См.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 109-110 [114-115].
43. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении [249].
44. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1899, вып. 3, с. 464 [364].
45. Miklosich F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. 4, S. 159. Ср.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 122 [126-127].
46. Станиславский К. С. Работа актера над собой. Работа над собой в творческом процессе переживания. Дневник ученика. М., 1938, с. 256.
47. Ломоносов М. В. Сочинения. Спб., 1895, т. 3, с. 306 [т. 7, с. 334].
48. См.: Истрина Е. С., Бубрих Д. В. [Рец. на кн.:] Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи, с. 102.
49. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 101 — 102 [81].
50. Paul H. Principien der Sprachgeschichte. Halle, 1880, S. 205 [420].
51. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 352 [275].

VII. Глагол 1. СОСТАВ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВА И ЕГО

ГРАНИЦЫ

§ 1. Пути изучения и принципы истолкования глагола в грамматической традиции

Глагол — самая сложная и самая емкая грамматическая категория русского языка. Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи. Глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения.

Антитеза имени и глагола как структурная особенность многих языков была осознана еще в античной философии и лингвистике. Платон, Аристотель, Аполлоний Дискол, Донат учили об имени и глаголе как о двух главных частях речи. Эта теория была воспринята русской грамматикой еще в XVIII в. На этой почве сложилось своеобразное учение о глаголе как о центральной категории языка, присвоившей себе основные формы и функции других грамматических категорий и создавшей свои особые «колонии» в области всех главных частей речи (кроме имен числительных и местоимений)*. Так, Павский, считая глагол «словом по преимуществу» и находя в нем «изображение мыслей» (в отличие от «изображения понятий», присущего именам), различал в категории глагола четыре типа слов: «а) глагол в полном виде; б) глагол в виде имени существительного — неопределенное наклонение; в) глагол в виде имени прилагательного — причастие; г) глагол в виде наречия — деепричастие»². С этой точки зрения открывались два грамматических пути. Прежде всего представлялось возможным выделить из глагола группу форм, наиболее далекую по своему строю от имен (личные формы: *вижу, видишь* и т. д.), и объявить их особым грамматическим классом. В этом случае все остальные глагольные формы отходили к другим частям речи. Они рассматривались как особая система отглагольных словообразовательных категорий. По этому пути и пошла фортуновская школа. Она даже упразднила было понятие глагола в области морфологии. Она разбила систему форм глагола на отдельные грамматические группы, отнеся причастия и формы прошедшего времени на -л к родовым словам, признав инфинитив особым грамматическим классом. Из круга глагольных форм на первый план выступили «личные слова» (т. е. формы спряжения, изменяющиеся по лицам). Но - по естественной диалектике научного поведения — одна крайность порождает другую, ей противоположную. Упраздненный в морфологии, глагол со всей своей системой форм вида, залога, времени, наклонения и лица (включая сюда и инфинитив), со всеми своеобразиями своего управления возрождается у тех же лингвистов в синтаксисе. В конце концов, без «глагольного слова» не могли совсем обойтись и ученики Фортунатова. Сначала они допускали понятие глагола лишь в синтаксисе. Так, друг против друга — в морфологии и синтаксисе — оказались две странные картины. На одной — морфологической — в разных грамматических клетках, как разные «грамматические слова», размещались такие формы: 1) личные: *читаю, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ют; читай, -те*; 2) родовые: *читал*; ср.: *читал бы; читающий, читавший, читанный, читаемый*; 3) инфинитив: *читать*; 4) деепричастие: *читая, читавши (прочитавши)*. Правда, более осторожные грамматисты и тут соединяли формы: *я читал — я лежал* и *я читал бы — я лежал бы* (т. е. формы прошедшего времени и условно-сослагательного наклонения на -л) — с личными, спрягаемыми словами (*читаю* и т. п.) в систему спряжения одного и того

* Самый термин глагол некоторые русские грамматисты предлагали заменить каким-нибудь более понятным названием. Так, В. Ф. Андреев в статье «Знаменательные и служебные слова в русской речи» писал: «Термин *глагол* есть перевод латинского слова *verbum* (греч. то рѣца); вместо славянского слова «глагол» по-русски следовало бы употреблять речение — «слово». Речение — «глагол» (*verbum*) показывает, что он есть главное слово в речи или предложении, то есть как бы он преимущественно с к а з ы в а е т или г о в о р и т мысль предложения. Название «глагол» употребляется, очевидно, в соответствии термину с к а з у е м о е (*praedictum*) (разрядка наша—В. В.). По нашему мнению, термин «глагол» неудачен, и его лучше бы заменить... более подходящим термином... «имя действия» или «имя действительное»...»¹

же слова. На другой картине, отнесенной к синтаксису, выступала — под названием «глагольного слова» — такая многочисленная, но грамматически объединенная группа форм: *читаю, читай, я читал, я читал бы, читать, читая, читающий, читавший*, ср.: *читаемый, читанный*. «Можно было бы,— пишет А. М. Пешковский, — назвать эту группу «глагольным словом», но есть опасность, что в нее прокрадутся тогда и такие «глагольные» слова, как *облезлый, четкий, спешный, спешка, писание, битва* и т. д.»³. Объединялись ли этими грамматистами под термином «глагол», или «глагольное слово», только одни глагольные формы или сюда же относились и все отглагольные образования (типа *учитель, ученье, чтение, читатель, читаемость* и т. п.) — от этого дело не менялось. И в том и в другом случае под любым глаголом (или «глагольным словом») понималась группа родственных слов, а не одно слово, взятое в совокупности его форм. Впрочем, в последнее время все представители фортунаатовской школы постепенно вернулись к признанию глагола самостоятельной грамматической категорией. Глаголу были возвращены все права и в морфологии⁴. Оказалось, что другой путь изучения русского глагола шире и надежнее.

Этот второй путь был намечен еще Ломоносовым, Востоковым, Буслевым, К. С. Аксаковым и проторен А. А. Потебней. А. А. Потебня, опираясь на взгляды В. Гумбольдта и Штейнтала, создал своеобразную философию глагольности, являющуюся опорой его учения об исторической эволюции основных категорий языка и мышления. Глагол, по Потебне, — это высшая, наиболее отвлеченная, наиболее конструктивная и прогрессирующая категория языка. С организацией глагола был связан переход от древнего именного строя предложения к глагольному. В своей эволюции глагол все более и более развивает энергию отвлеченности. Обозначая действие, процесс, он выделяется из синкретизма первобытного слова уже после имени существительного и прилагательного и, пройдя через стадию причастий и инфинитива, формы, промежуточной между именем существительным и глаголом, обрастает категориями лица, вида, времени, наклонения и залога. Дальнейшая история глагола — история вытеснения им имен с основных грамматических позиции, история оглаголивания других категорий, история роста глагольных типов предложения за счет номинативных, именных. Категория действия, процесса, силы, энергии все более ограничивает сферу именных категорий. Она содействует логической концентрации речи, устраняя раздробленность элементов предложения. Ведь именное предложение в эпоху господства имени, в эпоху господства категории существительности, субстанциальности было лишено надлежащей связности и единства. Таким образом, по Потебне, процесс усиления глагола, роста его грамматического влияния сопровождается распространением глагольной энергии на те группы слов, которые прежде примыкали к имени существительному как антиподу и антагонисту глагола (ср. историю кратких форм имени прилагательного).

Теория Потебни, утверждавшая главенство глагола в системе частей речи, видела в развитии языка процесс непрерывного оглаголивания. Эта теория в применении к русскому языку была принята Овсяннико-Куликовским, поддерживалась проф. Пешковским⁵ и в той или иной форме оказала громадное влияние и на современную грамматическую традицию и на ходячие стилистические оценки и приемы синтаксического и лексико-морфологического анализа*.

Между тем эта теория, особенно в ее одностороннем развитии, противоречит самым простым и очевидным фактам современного русского языка**.

• Отсюда даже несколько сенсационные названия отдельных статей, вроде статьи Г. В. Винокура «Глагол или имя?»⁶; ср. его же статью «О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии»⁷.

•• Очень показателен протест А. А. Шахматова против грамматического «дифирамба глаголу». Шахматов «не обнаружил ни малейшей склонности к столь распространенному взгляду на глагол как на существенный признак предложения. Точно так же не признавал он усмотренного Овсяннико-Куликовским «оглаголения» и в главном члене безглагольного односоставного предложения. Ссылаясь на работу Meillet, он считал именные предложения унаследованными из индоевропейского праязыка. Во всех современных синтаксических системах — у Потебни, Фортунатова, Пешковского, Дельбрюка, Пауля и Вундта — он слышал незаслуженный «дифирамб глаголу»⁸; ср. также вводную статью С. И. Бернштейна «А. А. Шахматов как исследователь русского литературного языка» к четвертому изданию «Очерка современного русского литературного языка» акад. А. А. Шахматова.

бросается в глаза не только глубокое взаимодействие между категориями имени и глагола, но и широкое развитие отыменных форм в самой системе русского глагола. Кроме заимствованных слов на *-изировать, -ировать, -овать*, кроме разряда глаголов с суффиксом моментальности *-ну(-ану-)* и производных видовых форм на *-ывать, шивать*, кроме отглагольных приставочных образований (*лить* — *залить, налить, влить, вылить, долить, полить, пролить, перелить, слить, облить, разлить*), все остальные глагольные группы живут и пополняются преимущественно отыменными образованиями (*сапожничать, бездельничать, белить, сесть, горевать* и т. п.). Именные основы все шире и шире вливаются в область глагола и производят в ней резкие изменения. Их влияние отчасти сказалось на вытеснении и резком сокращении форм так называемого «многократного» вида, а также вообще на ослаблении значений и оттенков кратности. В непереходных отыменных глаголах суживается сфера употребления приставок (например, *светлеть* только с приставкой *по-*: *посветлеть; краснеть* — *покраснеть* и *раскраснеться*; *хорошеть* — *похорошеть; свирепеть* — *освирепеть* и *рассвирепеть* и т. п.) и ограничивается разнообразие видовых оттенков. Причастия настоящего времени действительного залога и страдательные причастия при наличии благоприятных условий все более и более освобождаются от элементов глагольности и развивают качественные значения (ср.: *растерянный вид, убитая физиономия, истасканное лицо, недостижимая высота, раздражающее впечатление* и т. п.). Страдательные формы спряжения, сложившиеся на основе нечленных причастий (типа *накрыт, был накрыт, будет сказано*), все сильнее вовлекаются в категорию состояния и теряют залоговый оттенок пассивности. Они становятся выражением безобъектного состояния. Залоговые значения страдательности в них поддерживаются аналитически — присоединением формы творительного падежа для обозначения производителя или орудия действия (ср., например: *взволнован, угнетен, забит* и т. п.), а также — соотносительностью с активными, действительными оборотами. Рост качественных значений в страдательных формах причастий несомненен. Семантико-грамматический параллелизм их с активными глагольными оборотами все более и более нарушается. Во всем своем объеме эта картина взаимодействия глагола с другими категориями может раскрыться только после анализа всех грамматических форм глагола. Ясно лишь одно, что борьба разных грамматических классов в современном русском языке вовсе не отражает абсолютного перевеса глагола. Учение о первенстве глагола среди знаменательных частей речи покоится на убеждении, что предикативность — основной признак предложения и что предикативность является синонимом глагольности. Между тем вопрос о предикативности как синтаксической категории — вопрос спорный и еще недостаточно разъясненный⁹. Вопрос о структуре глагольного слова необходимо разрешать не руководствуясь предвзятыми идеалистическими теориями (как По-тебня) и не увлекаясь логической прямолинейностью классификационной схемы, механически кромсающей живую ткань языка (как ученики Фортунатова).

§ 2. Структура современного глагола и широта его семантического объема

Семантическая структура глагола более емка и гибка, чем всех других грамматических категорий. Это свойство глагола зависит от особенностей грамматического строя глагола. В глаголе префиксы играют большую роль, чем суффиксы. Еще проф. Н. В. Крушевский отметил в употреблении глагольных приставок «тот же принцип сочетания, что в языках агглютинационных»¹⁰. На формах суффиксальной агглютинации (на прицепке *-ся, -сь*) основана система «залогового» словопроизводства глагола. Таким образом, в системе русского глагола флексивный строй осложнен агглютинативным построением отдельных форм. Кроме того, в глагольном словоизменении есть и аналитические составные формы (формы будущего несовершенного, формы сослагательного наклонения и т. п.). Этому сложному, гибричному строю русского глагола соответствует лексическое своеобразие глагольного слова. Например, в глаголах *занести* или *зайти* различия основных значений и их многообразие обусловлены многозначностью приставки *за-**.

—* Вот значения слова *занести*: 1) *что* — проходя мимо какого-нибудь места, принести туда что-нибудь: *занести по дороге книгу товарищу*; 2) *кого, что* — унести, принести куда-нибудь очень далеко или издалека (разг.): «Что ты ночью бродишь, Каин? Черт занес тебя сюда»

Еще ярче эта смысловая емкость, как бы уплотненность структуры глагола, выступает в сопоставлении трех омонимов *занимать* и пяти омонимов *заниматься*.

1. Один из глаголов *занимать*¹ соотносителен с словами *заем, займы* и имеет значение: брать займы. Сюда же притягивается по контрасту областное значение слова *занимать*: давать займы. Ср. у Гоголя в «Мертвых душах»: «И все оттого, что не задаю обедов и *не занимаю* им денег».

И. Другой глагол *занимать*¹¹ выделяется своей морфологической недостаточностью (безличная форма) и узостью фразеологических связей. Он представляет собою потенциальное слово, так как встречается лишь в обособленном фразеологическом сочетании: *Дух занимает* (разг.) — чувствуется стеснение в груди, перерыв дыхания.

III. Напротив, в третьем омониме *занимать*¹¹¹, богатом значениями и оттенками, намечаются сложные семантические деления. Прежде всего выстраивается такой ряд значений:

1. *что*. Заполнять собой какое-нибудь пространство, место, помещаясь где-нибудь: *Комод занимал большую часть комнаты*. Занимать выгодную позицию. I Рас полагаться, помещаясь на каком-нибудь пространстве; жить, помещаясь на каком-нибудь пространстве: *Занимать квартиру из трех комнат*. *Занимать лажу во втором ярусе*. \ Переносно: заполнять собой какой-нибудь промежуток времени: *Правка корректур занимала у него весь день*.

2. *что*. Временно брать в свое пользование, временно пользоваться чем-нибудь для каких-нибудь надобностей (так, что на это время предмет становится недоступным для других): *Занимать стол для чертежных работ*.

3. *что*. Закреплять за собой какое-нибудь место (в очереди, в зрительном зале, в многолюдном собрании, где места заранее не распределены между присутствующими): *Занимать стул для знакомой*. *Занимать место в очереди*.

4. *что*. Замещать какую-нибудь должность, служить в какой-нибудь должности (употребляется в сочетании со словами *пост, должность, место, положение*): *Занимать высокое положение*.

5. *что*. Овладевать, захватывать вооруженной силой (какую-нибудь территорию, город): *Неприятель занимал город за городом*.

6. *что*. Переносно: заполнять собой, всецело поглощать (о мыслях, чувствах, воображении): *Мое воображение занимала мысль о новом изобретении*.

Тут, в этом последнем значении, последовательность смыслового развертывания слова *занимать* несколько нарушается. Тут еще заметно сильное притяжение к другим основным значениям. Но семантический скачок ощутителен. Смысловой перенос в сферу актов духовной жизни слишком отвлечен от конкретных, основных значений глагола *занимать*. Дальнейшая цепь оттенков этого (6) значения, воспринятых из западноевропейских языков (преимущественно из французского), обладает большой центробежной силой. Эти значения и оттенки склонны выделиться в особое слово. Эти оттенки следующие: а) *занимать кого, что*. Интересовать, привлекать внимание, волновать: *Меня очень занимают эти мысли*; б) не давать скучать, развлекать: *занимать гостей*. К этим оттенкам отчасти примыкает новое «каузативное» (7) значение глагола *занимать*: давать кому-нибудь какое-нибудь занятие, заставлять кого-нибудь что-нибудь делать, например: *занимать нового служащего какой-нибудь работой, занимать чем-нибудь детей*. Это значение соотносительно с таким значением глагола *заниматься*: что-нибудь делать, быть занятым чем-нибудь; выполнять какую-нибудь работу, составляющую предмет постоянной деятельности.

Таким образом, в глаголе *занимать*¹¹¹ обнаруживается склонность к распадению на два омонима. Однако это распадение задерживается и отчасти преодолевается однородностью форм, способностью глагола совмещать множество разошедшихся значений, семантической сложностью глагольного слова.

Сходные черты и явления можно наблюдать в соотносительных формах пяти омонимических глаголов *заниматься*.

(Пушкин); 3) *что* - поднять кверху с целью произвести известное действие: *занести ногу в стремя*; 4) *что* - поднявши, отвести в сторону, чтобы не задеть чего-нибудь: *занести конец бревна*; 5) *что* — записать во что-нибудь, отметить записью в чем-нибудь (книжн.-офиц): *занести в протокол, в дневник*; вписать, включить фамилию кого-нибудь в какой-нибудь официальный список; 6) *кого, что, чем* — засыпать целиком, закрыть чем-нибудь мелким, сыпучим; 7) *что* — начать нести (чушь, вздор, пустяки; употребляется в фамильярной речи).

I. *Заниматься'* — форма средне-страдательного залога к *занимать'*: *Деньги мной занимались всегда на очень короткий срок.*

II. Омоним *заниматься"* соотноситель с глаголом *занимать"*. *Дух, дыхание за нимается* — чувствуется стеснение в груди, остановка дыхания.

III. Третье слово *заниматься"* тоже небогато значениями'. 1. Об огне: разгораться (в книжной и областной речи: *пожар занимается*). 2. Переносно: брезжить, загораться, появляться над горизонтом (о заре, утре, дневном свете).

IV. Четвертый омоним *заниматься '^* имеет такие значения:

1. *чем*. Что-нибудь делать, быть занятым чем-нибудь в данную минуту: *Заниматься туалетом. Заниматься упаковкой вещей*. I Выполнять какую-нибудь работу, составляющую предмет постоянной деятельности: *Заниматься хозяйством, наукой, торговлей, музыкой*. I В пределах своей специальности работать над каким-нибудь отдельным вопросом: *Заниматься историей средних веков*.

2. *без дополнения*. Работать (об умственном труде, преимущественно научном): *Сегодня у нас в учреждении не занимаются. Заниматься всю ночь*. I Учиться, готовить уроки (с оттенком устарелости): *Заниматься в университете*.

3. *с кем — с чем*. Учить, руководить чьим-нибудь обучением (пед. арг): *Заниматься с учениками*.

4. *кем — чем или с кем — с чем*. Избирать кого-нибудь предметом своего внимания, оказывать кому-нибудь особое внимание, развлекать, любезничая: *Заниматься детьми*.

Легко видеть, что в *заниматься^{IV}* выступают на передний план именно те значения, которые в глаголе *заниматьTM* склонны выделиться в особое слово.

Формы страдательного залога ко всем значениям глагола *заниматьTM*, кроме 6-го и 7-го значений, явно обособляются в самостоятельное слово — пятый омоним *заниматься[^]*. Ср. *Город занимается войсками с бою*.

Различия слов-омонимов, а также семантические разрывы между разными значениями глагола *занимать^{III}* отражаются и в строе производных слов. Так, обособляющиеся в особое слово 6-е и 7-е значения глагола *заниматьTM* порождают группу производных слов: *занимательность* (повествования); *занимательный* (возбуждающий интерес, внимание: *занимательный рассказ, занимательный человек*); *занятность, занятный* (забавный, интересный, возбуждающий любопытство: *занятный человек, занятная книжка*); *занятой* (лишенный досуга, свободного времени вследствие множества дел, работы: *занятой человек*); *занятость* (ср. *занятый*: быть очень занятым, быть занятым только собой). Смысловая определенность и замкнутость этого гнезда слов является новым доказательством того, что переносные, отвлеченные значения глагола *занимать[^]* склонны выделиться в самостоятельное слово.

Точно так же различия в значениях глаголов *заниматьTM*, *заниматьсяTM* и *заниматься^v* отражаются в двух омонимах, в двух отглагольных существительных — *занятие*:

I. *Занятие'* — действие по глаголу *занять* — *занимать^{III}* в 3, 4 и 5-х значениях: *Занятие неприятельского города войсками. Занятие должности*.

II. Омоним *занятие"* имеет гораздо более широкое значение: I преимущественно во множественном числе. Действие по глаголу *заниматься* во всех значениях, кроме 4-го: *Занятия по хозяйству. Занятия по канцелярии. Занятия в вузах начинаются с сентября. Занятия с учениками*; 2) в единственном и множественном числе. Труд, работа, дело, ремесло: *Выбрать себе занятие по вкусу. Род занятий*; 3) только в единственном числе. Времяпрепровождение (в разговорной речи): «Удивительно приятное *занятие* лежать на спине в лесу и глядеть вверх» (Тургенев).

На этих примерах рельефно выступает семантическая сложность глагола с его видовыми и залоговыми вариациями, огромная роль приставок в развитии системы его значений и развитая омонимичность производных глаголов.

Многозначность глагольного слова усиливается разнообразием живых значений приставок, сложным взаимодействием их с значениями слов, различиями в морфологическом составе и морфологической делимости производных омонимов. В глаголе способы объединения и дифференциации значений разнообразнее, чем в именах. Даже глаголы-омонимы при благоприятных условиях легче сливаются в одно слово. Тенденция к слиянию омонимов в одно глагольное слово ярко выражена в слове *заполнить*. Есть два таких глагола-омонима.

Одно слово *заполнить*¹ значит: переполнить, занять целиком все пространство, наводнить: *Толпа заполнила всю улицу, все выходы и входы*. Это слово связывается с формой прилагательного *полон* (т. е. *полный*). Однако с глаголом *заполнить* глагол *заполнить* семантически не сливается*. Омоним *заполнить*" (от *полон* — плен) значит: завладеть, подчинить своему влиянию, обаянию (книжн., устар., поэт.): *Заполнить всю душу. Красавица всех заполонила*. Внутренняя форма здесь — *полон*, т. е. плен (ср. *пленить*). Ср. у Достоевского в «Подростке»: «Что ты, старик, об уме моем говоришь, а может, ум мой меня же *заполнил*, а не я его остепенил» (слова Макара Долгорукого).

Однако оба эти слова в современной системе лексики тесно прилегают одно к другому. Они, во всяком случае, уже не образуют вполне обособленных и резко разграниченных лексем.

Богатство значений глагола обусловлено также многообразием его синтаксических возможностей, его конструктивной, организующей силой. Например, разные значения глагола *состоять* связаны с различием его объектных связей: 1) *состоять из кого, из чего*; 2) *состоять в ком, в чем*; 3) *состоять кем, чем*; 4) *состоять на чем* (*состоять на военной службе*); 5) *состоять при ком, при чем*. Точно так же глагол *дуть* в непереходном значении (*дул холодный северо-восточный ветер; дует из всех щелей*), в сочетании с предлогами *в* и *на* (*дуть на горячий чай, дуть в трубу*), с винительным падежом вещного прямого объекта (в профессиональном значении: *дуть бутылки* — изготовлять из стекла, выпуская ртом струю воздуха; в вульгарном просторечии: *дуть воду* — пить в большом количестве), с винительным падежом одушевленного объекта (прост, *дуть кого-нибудь* в значении: бить), в связи с различиями синтаксического употребления выражает разные значения.

§ 3. Система грамматических форм одного глагола

Глагольное слово с богатством и разнообразием значений сочетает богатство и разнообразие форм. Все формы лица, времени и наклонения какого-нибудь глагола (*строю, строим, я строил, мы строили, я строил бы, стройте* и т. п.) являются формами спряжения одного слова. Даже при резком фонетическом различии этих форм (например: *я лег — лягу — ляжем — ляг; я сел — сяду — сядь; пою — я пел — пой; пью — я пил — пей; я мял — мну — мни; я взял — возьму — буду брать; иду — я шел* и т. п.) не возникает сомнения в том, что это — грамматические формы одного и того же глагола. Ведь думать, что формы *понимаю, буду понимать, я понимал* (а также *я понимал бы*) образуют отдельные слова, значило бы вступить в противоречие с живым языковым сознанием, со всем речевым опытом. Семантическое расстояние между этими формами не больше, чем между формами склонения существительного, например: *сад и в саду; корень и на корне; долг и о долге; друг и друзья; перо и перья; глухой и глухие; четыре стиха и четырьмя стихами* и т. п. Поэтому не удивительно, что формы лица, числа (а также рода), времени и наклонения большинством грамматистов охотно признаются за формы одного глагола. Иначе обстоит дело с видовыми образованиями и инфинитивом. Многим казалось, что видовые различия глагола уже выходят за пределы форм одного слова, что *делать* и *сделать* — разные глаголы. Так, Ф. И. Буслаев относил залого, виды и инфинитив не «к спряжению, а к словопроизводству»¹¹. Но К. С. Аксаков в «Критическом разборе «Опыта исторической грамматики» Ф. И. Буслаева» писал об этом: «Но что называть спря-

* Ср. *запоишить*: 1) *что*. Наполнить целиком, без остатка: *Посетители заполнили всю приемную. Заполнить свое время работой*. Заделать, наполнить что-нибудь пустое: *Заполнить брешь. Заполнить выбоину щебнем*; 2) *что*. Вписать все требуемое в пустые места чего-нибудь (анкеты, бланка — канц).

жением? Если изменения по лицам и при них по числам,— тогда, нет слова, всякий вид будет спряжением отдельного глагола; но правильно ли такое воззрение?.. Ведь придется исключить таким образом и самое понятие времени. - Почему же за спряжением остается одно какое-нибудь голое изменение по трем лицам единственного и множественного числа и каждое новое изменение будет представлять уже новый глагол? На это не дано удовлетворительного объяснения. Если же под спряжением понимать ряд тех изменений, которые предстоит проходить каждому глаголу, — тогда, если не залоги, то виды, причастия, деепричастия и неопределенное наклонение должны относиться к спряжению»¹².

Грамматическая структура и грамматическое употребление причастий и деепричастий как смешанных форм глагольно-именного и глагольно-наречного характера, как «атрибутивных форм» глагола были в общих чертах описаны уже А. А. Потебней. Не подлежит сомнению, что многие причастия, подвергшись окачеству, превратились в отдельные слова или дали жизнь самостоятельным словам (см. гл. VII, § 22 — 23). Точно так же некоторые адвербиализованные деепричастия (ср.: *нехотя, походя* и др.) оторвались от системы глагола. Но те причастия и деепричастия, которые сохраняют свою глагольную силу и глагольные свойства, остаются гибридными формами-словами: они лежат в смешанной глагольно-именной или глагольно-наречной зоне (см. гл. II, § 20 и гл. V, § 27). Входя в систему форм глагольного слова, они в той или иной степени тяготеют к отрыву от него.

Совсем иное положение инфинитива (неопределенной формы) и видовых форм глагола. Вопрос об инфинитиве особенно волновал грамматистов. Часть их (фортунатовская школа, кроме А. М. Пешковского¹³) решительно отделяла инфинитив от глагола, ссылаясь на то, что по своему происхождению инфинитив является именем с глагольной основой (ср.: *знать — знаю и знать, знати; стать — стану и стать, стати; пасть — паду и пасть, пасти* и т. п.), что инфинитив не принадлежит к числу ни предикативных, ни атрибутивных форм глагола. Инфинитив был объявлен особой частью речи и рассматривался как слово, не причастное к спряжению*. Лишь акад. Д. Н. Овсянко-Куликовский, акад. А. А. Шахматов и лингвисты бодуэ-новской школы настойчиво подчеркивали, что инфинитив в современном русском языке — это «глагольный номинатив», т. е. основная, исходная форма глагола. «Для того чтобы данная форма,— убеждал Д. Н. Овсянко-Куликовский,— могла быть признана *глаголом*, ей вовсе не нужно иметь определенное личное окончание, а вполне достаточно иметь отношение к лицу, хотя бы и неизвестному вне контекста... Отношение к лицу делает инфинитив *спрягаемой* частью речи»¹⁵. Известно, что и А. А. Потебня, считая инфинитив особой частью речи, все же приписывал ему отношение к неопределенному лицу. Инфинитив, по Потебне, «не заключает в себе своего субъекта, но требует его как прилагательное и глагол... Отличие неопределенного наклонения от личного глагола (*verbum finitum*) состоит в том, что этот последний заключает в себе определение своего лица (1-го, 2-го или 3-го), тогда как в неопределенном наклонении, вырванном из связи, лицо остается неопределенным. В живой речи лицо неопределенное всегда определяется тем или другим способом»¹⁶.

Точно так же акад. А. А. Шахматов вслед за А. А. Потебней настаивал на том, что «представление об инфинитиве вызывает представление о производителе соответствующего действия-состояния; это подобно тому, как имя

* Необходимо вспомнить, что -инфинитив под именем «отглаголия» выделял из глагола в самостоятельную категорию И. Ф. Калайдович¹⁴.

прилагательное вызывает представление о носителе соответствующего качества-свойства»¹⁷). Невозможно — без насилия над языком и над своим сознанием — увидеть в форме *жить* отдельное слово, не связанное с формами *живу*, *я жил* и т. д. Нельзя также безоговорочно противопоставлять инфинитив всем другим «предикативным формам» глагола.

В необработанных заметках А. А. Шахматова по синтаксису есть очень тонкая и глубокая мысль о том, что инфинитив безличных глаголов как отдельная форма самостоятельно не существует¹⁹. Действительно, инфинитив безличных глаголов лишь входит в состав сложных аналитических форм, образуемых сочетанием вспомогательных глаголов с инфинитивом (например: *будет тошнить*, *начнет смеркаться*, *стало подмораживать* и т. п.). Отдельно, как особая форма, инфинитив безличного глагола не употребляется. Отсюда можно сделать косвенный вывод, что отношение к лицу потенциально заложено в форме инфинитива. Иначе остается непонятной синтаксическая ограниченность употребления этой формы у безличных глаголов. Итак, инфинитив не отделим от других форм глагола²⁰. Даже А. М. Пешковский, долгое время считавший инфинитив особой, хотя и смешанной частью речи, вынужден был признать его глагольным «*nominativus'oM*»: «Как именительный падеж (по большей части притом е д и н с т в е н н о г о числа) принимается нами за простое, г о л о е название предмета без тех осложнений в процессе мысли, которые вносятся формами косвенных падежей, так неопределенная форма благодаря своей отвлеченности представляется нам простым, голым выражением идеи действия, без тех осложнений, которые вносятся в нее всеми другими глагольными категориями»²¹.

С возвращением инфинитива («неопределенной формы») в систему спряжения вопрос о составе форм глагольного слова еще не может считаться исчерпанным и решенным. В современном языке соотносительные (коррелятивные) формы совершенного и несовершенного видов глагола также являются формами одного и того же слова, например: *хорошет* — *похорошет*; *слабеть* — *ослабеть*; *заменить* — *заменять*; *вообразить* — *воображать*; *надеть* — *надевать*; *разрисовать* — *разрисовывать* и т. п. Еще К. С. Аксаков настаивал на том, что «все эти формы — формы одного и того же глагола, но формы не времени, а качества действия...»²². Однако вопрос о том, какие именно видовые варианты могут быть признаны формами одного и того же слова (ср., например, *занимать* — *занять*; *отставать* — *отстать* и др.), а какие — разными словами (ср., например, *праздновать* — *отпраздновать*; *бежать* — *побежать*; *мылить* — *намылить* и т. п.), еще не исследован. Этот вопрос возникал не раз, особенно в связи с изучением значений глагольных приставок и префиксов. Например, И. П. Лысков в своей работе «О частях речи» пытался выяснить, какие приставки образуют лишь парные видовые формы тех же глаголов и какие приставки изменяют реальное значение глагола и служат средством образования новых слов. Он предостерегал от мысли, будто «все глаголы, имеющие одну основу и сложенные с разными приставками, должны считаться формами одного слова», и заявлял, что «все зависит, во-первых, от характера приставки и, во-вторых, от полноты форм времени»²³. Далее И. П. Лысков перечислял префиксы, не видоизменяющие значения глагольной основы: «*за-*, обозначающий начало действия, предлоги *про-* и *с¹-*, обозначающие конец действия, предлог *по-*, обозначающий ограниченную продолжительность действия»²⁴. «Другие приставки: *из-*, *воз-*, *раз-*, *вы-*»

* «Впрочем, — писал А. А. Шахматов, — при известных условиях инфинитив, оставаясь названием глагольного признака, может и не вызывать представления о производителе признака; это имеет место там, где инфинитив является в качестве дополнения, где он имеет значение объекта»^{11*}.

изменяют основу глагола, и поэтому глаголы с этими предлогами надо считать отдельными словами»²⁵.

Эти замечания не являются новыми и оригинальными. Они не основаны на детальном анализе категории вида. Они возрождают старую точку зрения. Например, Н. И. Греч еще в своей «Пространной русской грамматике» (1827) отличал «предлоги» (т. е. приставки), изменяющие только вид глагола (без изменения реального значения), от предлогов, изменяющих и вид и реальное значение глагола. Чисто видовыми приставками Греч считал: *за-*, *по-*, *про-*, *до-*, *с-*, *от-*, *раз-*. Точно так же в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» акад. И. И. Давыдова к числу предлогов, выражающих чистые видовые оттенки, относились: *за-* (начало действия — *запеть*), *по-* (продолжение, а иногда начало, также движение поступательное — *пописать*, *пойти*, *подвинуть*), *про-* (продолжение в течение известного времени — *проговорить*), *раз-* (учащение — *разбежаться*), *с-*, *до-* (совершение или окончание — *сделать*, *дописать*), *от-* (прекращение — *отобедать*)²⁶. Остальные предлоги характеризовались как присоединяющие к глаголу постороннее, побочное, реальное значение.

Но эти и другие подобные им замечания не решали вопроса о категории вида и соотносительности видовых форм. Еще с начала XIX в. стало ясно, что категория вида играет исключительную роль в системе современного русского глагола: внутри этой категории проходит семантическая граница между отдельными глагольными словами, образованными от одной и той же ос-НОЕЫ. Категория вида как бы устанавливает словоразделы между глаголами, произведенными от одной и той же основы (ср., с одной стороны, видовые формы одного глагольного слова: *решать* — *решить*; *выходить* — *выйти*; *засунуть* — *засовывать* и т. п. — и разные глаголы разных видов: *спать* — *уснуть*; *лежать* — *залечь* и т. п.)*.

С категорией вида частично соприкасается категория залога. Вопрос о том, можно ли считать все соотносительные залоговые формы (например: *мыть* и *мыться*; *брить* и *бриться*; *писать* и страдат. *писаться*) формами одного глагола, еще сложнее. Однако трудно сомневаться в том, что соотносительные формы действительного и страдательного залогов (*толковать* и *толковаться*; *изучать* и *изучаться* и т. п.) слиты в лексическое и грамматическое единство. «Действительный залог и страдательный различаются не только своим оформлением, но и строем предложения, а именно то, что при первом является грамматическим объектом, оказывается при втором подлежащим (*рабочие строят дом*, *дом строится рабочими*). Категория залога в данном случае устанавливается как различное оформление одного и того же глагола, требующее каждое различного построения предложения согласно особенностям его содержания»³⁰.

* Разнообразие морфологических выражений вида не мешает живому грамматическому осознанию парных видовых форм одного глагола как форм того же слова. Несправедливо суждение А. Мейе: «Если бы совершенный и несовершенный виды имели каждый простую и постоянную морфологическую приметку, то они, без сомнения, вошли бы в спряжение. Но материальное выражение обоих видов представляет собою нечто сложное, оно варьируется в зависимости от отдельных глаголов и потому оба соотносительные по виду глагола остаются самостоятельными»²⁷. Вопрос о категории вида крайне сбивчиво и противоречиво излагается в большей части грамматик современного русского языка. Например, в «Очерке грамматики русского литературного языка» Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова читаем: «Глаголы разных видов, как бы ни были они близки по значению, являются не формами одного и того же глагола, а различными словами... Приставки и суффиксы вносят в реальное лексическое значение глагола добавочные смысловые оттенки, в результате чего получаются производные глаголы со значением, отличным от значения основного глагола, т. е. того глагола, от которого они образованы»²⁸. Далее говорится о видовых парах глаголов, различающихся друг от друга «только своим видом, так как реальное их значение остается по существу тем же самым»²⁹.

Таким образом, границы глагольного слова широки, но еще не вполне ясны. Дальнейшее изложение должно очертить их более точно. Однако общие контуры глагола определились. Глагол — это категория, обозначающая действие и выражающая его в формах лица, наклонения, времени, вида и залога.

Слово, подводимое под категорию глагола, обычно представляет собою сложную систему многочисленных форм, которая образует парадигму спряжения и включает в себя причастия с их видоизменениями, деепричастные образования, а также видовые и отчасти залоговые варианты.

2. СИСТЕМА ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ

§ 4. Грамматические способы производства глаголов от других частей речи

В современном языке наблюдаются два разных типа образования глаголов.

1. Глаголы производятся по способу суффиксального (и значительно реже - комбинированного, префиксально-суффиксального) словообразования от основ других частей речи. Чаще всего и больше всего глаголы образуются от основ имен существительных, прилагательных и числительных. В особую не большую группу замыкаются глаголы, производные от междометий и от слов, близких к междометиям по функции.

2. Кроме того, очень продуктивны способы внутриглагольного слово производства. Внутриглагольное словообразование бывает префиксальное (*бить, разбить, пробить*), комбинированное, префиксально-суффиксальное (*поглядывать, приплясывать, выспаться* и т. п.) и суффиксальное (*плакать — плакаться* и т. п.). С приемами словообразования отчасти совпадают и приемы глагольного формообразования.

Каждый из этих двух типов глагольного словообразования должен быть рассмотрен отдельно³¹. Формы производства глаголов от основ других частей речи очень прозрачны. Отыменные глаголы особенно многочисленны.

Глаголы, образованные от основ имен существительных, опираются на такие словопроизводственные суффиксы:

1) *-а(ть), -я(ть)* (1-е л. ед. ч. наст. вр. *-аю, -яю*; 3-е л. мн. ч. *-ают, -яют*). Этот суффикс непродуктивен. Например: *kozyрять, завтракать, обедать, ужинать* и т. п.

Под влиянием сближения с непроизводными глаголами типа *знать, гулять, лишать, решать* и т. п. многие отыменные глаголы, например: *делать, работать, грохотать, лепетать* и т. п.— стали осознаться тоже как непроизводные, а соотносительные с ними имена существительные (*дело, работа, грохот, лепет* и т. п.), от которых были произведены эти глаголы, теперь сами представляются отглагольными образованиями (ср.: *хохотать* и *хохот*; *хлопотать* и *хлопоты* и т. п.). Произошло смещение грамматических отношений.

Суффикс *-а-* (осознаваемый в данном случае как вариант суффикса *-ни-ча(ть)*) выделяется и в некоторых глаголах на *-ничать*: *сапожничать, плотничать, мешочничать, мошенничать* и т. п.³²;

2) *-нича(ть)* (1-е л. ед. ч. наст. вр. *-аю*; 3-е л. мн. ч. *-ают*). Этот глагольный суффикс часто соотносителен с суффиксами существительных: *-ник* (суффикс лица) и *-ничеств(о)* (суффикс состояния): *бездельничать, полуночничать, кустарничать* (ср. *кустарничество*), *разбойничать, ёрничать, умничать* и т. п. Ударение всегда или на последнем слоге этого суффикса, или перед

суффиксом. Понятно, что при отнесении *-нич-* к основе в качестве суффиксальной приметы может выступать *-а-*, например *скромничать*.

Однако наличие существительных на *-ник* и *-ничество* вовсе не является обязательным условием для образования отыменных глаголов на *-ничать*. Соответствующие глаголы могут непосредственно производиться от разных именных основ (с качественным или характеристическим, квалифицирующим значением), например: *либеральничать, халтурничать, повесничать, попрошайничать, обезьяничать, слесарничать, столярничать, лизоблюдничать, жадничать, откровенничать, лентяйничать, миндальничать*; ср. *сумерничать* и т. п.

Естественно, что в глаголах, производных от основ имен прилагательных и существительных со стечением согласных и *-н-* на конце, в качестве варианта суффикса *-нича(ть)* может выступать также суффикс *-ича(ть)*, например: *подличать, нагличать, вольничать, сплетничать, озорничать, сводничать* и т. п.

Глаголы этого образования имеют непереходное значение: быть или вести себя кем-нибудь (соответственно значению имени), заниматься деятельностью, содержание которой определяется значением производящей основы, или обнаруживать склонность к чему-нибудь, к какой-нибудь деятельности;

3) *-ствова(ть)* (1-е л. ед. ч. наст. вр. *-ствую*; 3-е л. мн. ч. *-ствуют*). Этот книжный суффикс обычно соотноситель с существительными действия-состояния на *-ство* (устар. *-ствие*): *пьянствовать, бедствовать, блаженствовать, бесчинствовать, хулиганствовать* и т. п. Но возможны глагольные образования и независимо от этого соотношения: *умствовать* (ср. *безумство* *вать* при *безумство*), *усердствовать, здравствовать, заимствовать, наличие ствовать* и т. п. Следовательно, можно говорить о морфологических вариантах одного и того же суффикса: *-ствова-* и *-ова-* (при именной основе на *•ств-*).

Глаголы этого образования имеют непереходное значение: находиться в каком-нибудь состоянии или предаваться какой-нибудь деятельности, какому-нибудь состоянию;

4) *-ова(ть), -ева(ть)* (1-е л. ед. ч. наст. вр. *-ую, -ую* \ 3-е л. мн. ч. *-уют, -уют*). С помощью этого суффикса производятся глаголы от бессуффиксных имен существительных: *горевать, рисковать, торговать, воровать, плутовать, тосковать, столоваться, пировать, расходовать* и т. п. Этот суффикс *-ова(ть), -ова(ть), -ева(ть)* расширил (в конце XVII — начале XVIII в.) свои функции под влиянием польского языка, где был широко распространен глагольный суффикс *-owac*. В результате этого толчка, произведенного воздействием польского языка, суффикс *-ова(ть), -ова(ть), -ева(ть)* (*-ую, -ую; -уют, -уют*) сделался активным средством приспособления к русской глагольной системе именных и глагольных основ, заимствованных из других языков, например: *рекомендовать, командовать, электризовать, атаковать, интриговать, диктовать, танцевать, штурмовать, шиковать, митинговать, бастовать* и т. п.;

5) В XIX в. под влиянием немецких *-ieren, -izieren* явились еще два составных варианта этого суффикса *-изирова(ть), -ирова(ть)*: *бальзамировать, музицировать, абонировать, дирижировать, экспроприировать, провоцировать, интернировать, бронировать, эксплуатировать, реквизиловать, конкретизировать, канонизировать, стабилизировать, автоматизировать, капитализировать, механизировать, иронизировать* и т. п.

Из скрещения суффиксов *-ова(ть)* и *-изирова(ть)* возникает суффикс *-изо-ва(ть)*, сочетающийся с заимствованными основами, например: *электризовать, канонизовать, локализовать, организовать* и т. п. На почве взаимодействия этих суффиксов имеются случаи параллельных образований: *локализовать—локализовать; канонизировать — канонизовать* и т.п. Суффиксами

-ова(ть), -изова(ть), -ирова(ть), -изирова(ть) исчерпывается круг полузаимствованных суффиксов русского глагола.

В современном языке при посредстве суффикса *-изирова(ть)* производятся глаголы также от русских незаимствованных именных основ (соотносительно с употреблением суффиксов *-изация, -изатор*): *советизировать, военизировать, коренизировать, яровизировать, озимизировать* и т. п. Ср. также: *бронировать*;

б) *-и(ть)* (наст. вр. *-ю, -ят* при чередовании согласных: *т — ч, д — ж, з — ж, с — ш, п, в. ф, м — пл, ел, фл, мл*): *пылить, серебрить, золотить, молотить, полонить* (от *полон — плен*), *графить, грузить, кормить, мылить, заземлить, телефонить, телеграфить, насобачиться, церемониться, судачить, рыбачить, разбазарить, парусить, сахарить, боронить, городить, женить, занозить, клеить, косить, прудить, скоблить, судить, трубить, хвалить* и т. п. Ср. также образования от основ собирательных числительных: *удвоить, утроить, учетверить* и т. д.

Глаголы этого типа (без *-ся*), особенно при наличии префиксов, чаще имеют переходное значение (но ср.: *халтурить, телефонить* и т. п.). Глаголы на *-ить* широко образуются от существительных (особенно бессуффиксных), за исключением имен существительных на *-ник, -тель, -ство* (но ср.: *обожествить, отождествить, овеиествить, осуществить* и *обобществить*), *-ствие, -ист, -изм* и на некоторые другие суффиксы. Ударение у этих глаголов бывает или на суффиксе *-и-*, или на именной основе (чаще всего — на последнем слоге ее);

7) *-е(ть)* (наст. вр. *-ею, -еют*) с непереходным значением: становиться кем-нибудь, каким-нибудь: *советь, дуреть, балдеть, потеть, звереть, каметь* и т. п.

В современном языке укрепляется комбинированный метод суффиксально-префиксального образования глаголов на *-еть* с помощью приставки *обез-*: *обезлошадеть, обессилеть, обезглазеть, обеспамятеть, обескроветь, обезлюдеть*. Ср. также образования на *-ить*: *обеспокоить, обесчестить, обесславить, обезболить, обескровить, обезвредить* и т. п.

С двумя последними разрядами глаголов, образуемых от основы существительных, сливаются два продуктивных типа глаголов, производимых от основы имени прилагательного:

1) на *-ить* со значением: делать таким, какого обозначает производящее имя прилагательное, например: *белить, темнить, зеленить, светлить, осквернить, глушить, слепить* и т. п.; все глаголы этого типа имеют переходное значение;

2) на *-еть* со значением: становиться, казаться, быть таким, какого обозначает производящее имя прилагательное, например: *хорошеть, темнеть, светлеть, прыщаветь, постылеть, богатеть, вдоветь, свирепеть* и т. п.

Еще Павский указал на то, что в глаголах на *-еть* ударение падает на морфему *е(ть)*, за исключением слов, производных от имен прилагательных с суффиксами *-ав-, -ив-, -ое-, -ат-* [^] (исключение — *богатеть*).

К тому же кругу форм словообразования примыкают суффиксы *-а(ть)*, присоединяющийся к основам на согласный, кроме *в*, и *-ка(ть)*, присоединяющийся к основам на гласный и *в* (наст. вр. *-аю, -ают*). Посредством этих суффиксов образуются глаголы от междометий, звукоподражаний и от слов в омеждомеченном употреблении, например: *хихи-кать, ох-ать, ух-ать, бац-ать, ши-кать, мяу-кать, чири-кать, кукаре-кать, чав-кать* и т. п. Ср.: *тыкать, выкать*.

В образовании глаголов от междометных слов замечается прием приклеивания морфем одна к другой, прием агглютинации суффиксальных элементов, предшествующих флексии. Ср.: *под-хи-хи-к-ива-ть, под-да-к-ива-ть, от-не-к-ива-ться* и др.

Такова в современном русском языке система продуктивных способов производства глаголов от других частей речи. Эта же система определяет приемы освоения заимствованных глагольных слов, а также методы образования новых глаголов от иноязычных основ. Поток словесных элементов,двигающийся со всех сторон — из области имен, местоимений и междометий — в категорию глагола, очень широк и стремителен.

Продуктивные классы глаголов базируются преимущественно на отыменных типах.

В строе отыменных глаголов бросается в глаза все усиливающаяся тенденция сочетать прием суффиксального словообразования с префиксальным. Ср.: *углубить, разбазаривать, приземляться, заземлить, обобществить, уплотнить, раскулачить* и т. п.

§ 5. Способы внутрис глагольного суффиксального формообразования и словообразования

Кроме способов производства глаголов от имен и междометий современная глагольная система располагает несколькими типами внутриглагольно-го — суффиксального и префиксального — словообразования и формообразования. Сюда прежде всего относятся два продуктивных способа образования форм и слов посредством суффиксов *-ива-*, *-ыва-* и *-ну-*.

Живой суффикс несовершенного вида *-ыва-*, *-ива-* вторичен по сравнению с другими суффиксами несовершенного вида *-а-*(*-я-*), *-ва-* (*бросать, давать, девать* и т. п.). Непродуктивный суффикс *-ва-* присоединяется для образования форм несовершенного вида к глаголам 1-го спряжения с инфинитивной основой на *а-*, *е-*, *и-*, *ы-*, *у-*, *я-*, *ея-*: *согреть, выдуть, застывать, вставать, вылавливать, навевать* и т. п., а также к разговорному *застрясть* (ср. прост. *встрясть*)³⁴.

Суффиксы *-а-*, *-я-* выражают значение несовершенного вида чаще всего соотносительно с суффиксом *-и-*. Соотношение *-я(-а)* — *и* в современных новообразованиях возможно лишь у префиксированных отыменных глаголов: *заземлить* — *заземлять*; *приземлить* — *приземлять*; *оформить* — *оформлять*; *разграфить* — *разграфлять* и т. п.

Суффикс *-ыва-*, *-ива-*, обозначающий длительность или длительную по-вторность действия, в настоящее время является основным средством производства форм несовершенного вида от приставочных глаголов: *выиграть* — *выигрывать*; *приготовить* — *приготавливать*; *переварить* — *переваривать*; *растопить* — *растопливать*; *задержать* — *задерживать*; *прожевать* — *прожевывать*; *разбросать* — *разбрасывать* и т. п. Таким образом, сам по себе суффикс *-ыва-*, *-ива-* в современном языке является суффиксом формообразующим. Однако совместно с префиксацией он образует самостоятельные глаголы (например, *полеживать, постукивать, приплясывать, подпрыгивать* и т. п.).

Кроме *-ыва-*, *-ива-* продуктивен еще глагольный суффикс *-ну-*, *-ну-* с его вариантом *-ану-*. Суффикс *-ну-*, *-ну-* присоединяется к таким глагольным основам, которые обозначают конкретное длительное действие, состоящее из множества отдельных актов, действие, мыслимое как цепь моментов и разложимое на составные акты*. Суффикс *-ну-* ограничивает такое действие пределами одного акта, одного момента, мига, т. е. придает глаголу значение недлительности, мгновенности, одноактности, моментальности. Например: *толкать* — *толкнуть*; *шевелить* — *шевелинуть*; *рисковать* — *рискнуть*; *ма-*

* Ср. замечание Г. Павского: «В сей однократной породе... находятся большую частью глаголы, изображающие действие и явление, осязаемое для внешних чувств. Потому что тут глаз и ухо легко могут различать мгновения»³⁵.

зять — мазнуть; колоть — кольнуть; зевать — зевнуть; клевать — клонуть, скрипеть — скрипнуть; стучать — стукнуть и т. п. Ср. у М. Шолохова в «Поднятой целине»: «Всадник жадно хватнул ноздрями морозный воздух».

Ср. просторечно-вульгарные новообразования: *спекульнуть*, *телеграф-нуть*, *агитнуть*, *мобилизовать*, *стабилизнуть* (-ся), *кредитнуться* и т. п. Ср. отмеждоментные глаголы: «Киргиз *айдакнул*, хлестнул тройку своих диких степных коньков» (М. Пришвин, «Соленое озеро»); «Потом, гармонь потуже подтянув к плечу, *айдакнет* Егор Иванович к Митьке в гости» (Л. Леонов, «Барсуки») и т. п.

В сочетаниях с разными основами суффикс *-ну-* получает разнообразные смысловые нюансы.

В русском языке есть непродуктивный омоним этого суффикса моментальности — суффикс *-ну-* (всегда без ударения), обозначающий постепенное усиление какого-нибудь состояния: *киснуть*, *сохнуть*, *слепнуть*, *тухнуть*, *хрипнуть*, *чахнуть*, *мерзнуть*, *липнуть* и т. п. (всего, по подсчету проф. А. Мазон, сочетается с этим суффиксом около 60 глагольных основ)*.

В этой непродуктивной группе глаголов форма прошедшего времени {*чах*, *мерз*, *сох*, *кис*, *мок*, *хрип* и т. п.) обычно не имеет суффикса *-ну-*, особенно от основ с приставками: *поблек*, *обрюзг*, *погиб*, *забух*, *повис*, *оглох*, *погряз*, *продрог* и т. п.

Часть глаголов с непродуктивным суффиксом *-ну-* вообще сохранилась лишь в сложении с приставками (например: *привыкнуть*, *погрязнуть*, *исчезнуть*, *замолкнуть*, *иссякнуть*, *заскорузнуть*, *достигнуть* и др.). Другие малоупотребительны, так как не выдерживают конкуренции с отыменными глаголами на *-еть* (с тем же корнем в основе, например: *слабнуть* и *слабеть*; *жолкнуть* и *желтеть* и некоторые другие). Разрушительно действовала на употребление этого суффикса *-ну-* и омонимия с суффиксом моментальности *-ну-*, *-ну-*. Кроме того, глаголы несовершенного вида с суффиксом *-ну-* вытеснялись глагольными синонимами, образованными от того же корня с приставками: *липнуть* — *прилипнуть*; *вязнуть* — *увязать*; *вянуть* — *увядать*; *дохнуть* — *издыхать*; *сохнуть* — *засыхать* и т. д. Грамматическое противопоставление образований с суффиксами-омонимами *-ну-* иллюстрируется значениями таких слов, как *пахнуть* и *пахнуть* (ср.: *дрогнуть* — *дрогнул* и *дрогнуть* — *дрог*). Экспрессивный суффикс *-ону-*, *-ану-*, проникший в литературный язык из народных говоров, обозначает ослабленность мгновенного действия или, чаще, резкость, грубость, напряженность такого действия³⁶: *толкануть*, *садануть*, *резануть*, *пугануть* и т. п. Например: а) со значением ослабленности действия: «Паром *толканешь*, он уже и на другой стороне» (Короленко, «Убивец»); б) со значением резкости, силы действия: «[Андрейка] успел до прихода милиции *стрекануть*» (Сейфуллина, «Два друга»); «Озноб захватил его — *трепанул*» (Яковлев, «Герновый венец»)³⁷.

Г. Павский думал, что экспрессивный суффикс *-ану-*, *-ону-* возник путем морфологического переразложения от таких образований, как *рва-ну-ть* (от *рва-ть*), *кашля-ну-ть* и других подобных. Отсюда *-ану-* распространилось и на другие случаи: *стук-ану-ть*, *прыг-ану-ть* и т. п.³⁸ Но в опровержение этой теории указывалось, что суффикс *-ану-* в севернорусских окающих говорах произносится как *-ону-*. Ту же звуковую форму он имеет и в украинском языке. Поэтому казалось, что при объяснении форм типа *хлестануть*, *садануть*,

* С исторической точки зрения оба суффикса являются расщеплением одного суффикса. Объяснение процесса расщепления см. у Г. К. Ульянова (Значения глагольных слов в литовско-славянском языке, 1-2) или у А. Мазон (Morphologie des aspects du verbe russe. P., 1908). Ср. скрещение этих суффиксов в омонимах: 1) *дрогнуть* — *дрог*, *дрогла* и 2) *дрогнуть* — *дрогнул*, *дрогнула*.

стегануть и т. п. надо исходить из суффикса *-ону-*. Акад. А. А. Шахматов предполагал, что глагольный суффикс *-ону(ть)* восходит к древнему *-ън жти*, а проф. Г. А. Ильинский находил в нем отголоски суффикса *-онити*, изменившегося в *-онутти* под влиянием глаголов на *-лутти*³⁹, ср. области, велико-русс. *горонить* — горчить; пудожск. *рячконет* — загремит, *ляпонет* — ударит и т. п.

Но проф. А. И. Стендер-Петерсен в специальной работе об этом глагольном новообразовании в русском языке⁴⁰ доказывает, что украинские и севернорусские формы на *-онутти* вторичного происхождения и что толчок к их распространению был дан южновеликорусскими образованиями типа *плескануть*, *брызгануть*, *рвануть* и т. п., которые были восприняты как «акающие», т. е. подверглись ложной этимологизации. Подстановке *-онуть* на место *-ануть* в севернорусском наречии (*шорконуть*, *ляпонуть*, *рячконуть* — гром *рячконул*; *торконуть* и т. п.) могло содействовать и сближение этих образований с глагольными формами типа *глонуть* (из *глот-нуть*), *холонуть* (из *холод-нуть*) с другими подобными.

Что же касается южновеликорусских форм со значением одновременности на *-ануть* (*стегануть*, *трепануть* и т. д.), глубоко проникших около середины XIX в. в русский литературный язык, то Стендер-Петерсен объясняет их так же, как и Г. Павский (на которого он не ссылается), аналогией с формой *рвануть* к *рвать*. Ведь закономерное образование *рвнуть* (из **гъьпкй*) было фонетически невозможно, *ровнуть* же (ср. *дохнуть* из **dbsnKti*), обособленное от *рвать* — *рву*, не могло укорениться в силу омонимической близости к *ровный* — *ровнять*. Поэтому А. И. Стендер-Петерсен готов форме *рваньти* (*rwpxti*) приписать чуть ли не общеславянскую древность.

А. И. Стендер-Петерсену казалось вероятным, что по тем же основаниям, что и *рвануть*, могли возникнуть *жрануть*, *лгануть* и другие подобные формы. Сюда же примыкают и формы типа *кашлянуть* (из *кашльнуть* — под влиянием *кашлять*) и *игрануть* (из *игрнуть* — под влиянием *играть*). Действительно, большая часть форм с суффиксом *-ану(ть)* образуется от глаголов на *-ать*: *брызгануть* (*брызгать*), *дергануть* (*дергать*), *ерзануть* (*ерзать*), *махануть* (*махать*), *резануть* (*резать*), *стегануть* (*стегать*), *страдануть* (*страдать*), *толкануть* (*толкать*), *черкануть* (*черкать*), *чесануть* (*чесать*), *шагануть* (*шагать*), *щелкануть* (*щелкать*) и др.

После того как этот тип образований укрепился, могли возникать однократные формы на *-ануть* и от глаголов других классов и групп {*грести* — *гребануть*; *трясти* — *тряхануть*; *давить* — *давануть*; *долбить* — *долбануть*; *рубить* — *рубануть*; *садить* — *садануть* и т. п.).

Можно заметить, что гипотеза А. И. Стендер-Петерсена слишком легко справляется с украинскими и севернорусскими образованиями на *-онуть*; между тем географические границы распространения этих форм недостаточно выяснены и объяснение их южновеликорусским влиянием является очень спорным*.

§ 6. Спаянность глагольных суффиксов с окончаниями

На продуктивных способах словообразования основана стройная система живых морфологических классов современного глагола (ср.: *темнеть*, *-ею*, *-еешь*; *темнить*, *-ю*, *-ишь* и т. п.). Эти продуктивные классы вбирают в себя значительную часть непроемных глаголов. К продуктивным классам отно-

• Ср. мнение проф. Р. Смаль-Стоцкого, который был склонен распространение этих форм в великорусских говорах приписывать влиянию украинского языка^{4К}

сятся глаголы, имеющие в своих формах такое соотношение основ, которое свойственно производным глаголам, образуемым посредством продуктивных суффиксов. Различия классов глагола связаны с различиями не только словообразовательных суффиксов, но и систем спряжения.

В современном русском языке морфологический механизм спряжения, парадигмы, система окончаний, выражающих значения лица, числа, времени и наклонения, спаяны со словообразовательными суффиксами. В спряжении каждого глагола различаются две взаимодействующие системы форм и связанных с ними основ: система инфинитива — прошедшего времени: *писать* — *писал* и система настоящего времени (настоящего времени — повелительного наклонения): *пишу* — *пиши*. Наружным ключом к морфологии спряжения являются формы инфинитива и формы настоящего-будущего времени. Акад. Я. К. Грот доказал, что в формообразовании глагола важную роль играют формы 3-го лица множественного числа настоящего времени, так как их окончания и ударение в связи с особенностями инфинитива определяют строй других форм настоящего времени и повелительного наклонения (например: *гореть*—*горят*; *горю*, *горюшь* и т. п., повелительное наклонение — *гори*, *хоронить* — *хоронят*; *хороню* — *хоронишь* и т. п., повелительное — *хорони-те* и т. п.)⁴². Окончания спрягаемых форм глагола, спаиваясь с суффиксами (ср.: *крив-и-ть*, *кривл-ю*, *крив-и-шь* и т. п.), становятся формальными приметами разных типов спряжений и в то же время разных словообразовательных классов глагола. В спряжении глагола формы словоизменения еще глубже и органичнее вклиниваются в формы словообразования, чем в склонении имен существительных. Например, в классе глаголов с инфинитивом на *-ить* (при *-ят* в 3-м л. мн. ч. наст. вр.; ср. *белить* — *белят*) окончания настоящего времени частично сливаются с суффиксом *-и-* (*бел-ю*, *-ят*, но *бел-и-шь*, *-и-т*, *-и-м* и т. п.). Этот класс глаголов на *-ить* по преимуществу отыменный (однако ср.: *хранить*, *валить*, *гасить* и т. п.). Производные от имен прилагательных глаголы этого класса имеют переходное значение. Они соотносительны с непереходными глаголами другого класса на *-еть* (3-е л. мн. ч. *-еют*: *белеть* — *белеют*; *светлеть* — *светлеют*; *темнеть* — *темнеют* и т. п.). И в этом классе суффикс *-е-* (*-еть*) тоже вовлекается в систему словоизменения, определяя строй форм настоящего времени {*-ею*, *-еешь*, *-еют* и т. п.}. Функции суффикса *-е-* станут яснее при сопоставлении глаголов класса *белеть* с глаголами типа *вертеть* (*верчу*, *вертишь*, *вертят* и т. п.), *хрипеть*, *шелестеть* и т. п. Спаянность всех морфологических элементов, «фузионность» морфем в структуре глагольного слова особенно ярко выступают, если привлечь к сравнению еще глаголы типа *рдеть* (*рдею*, *рдеют*), *сметь*, *млеть* и т. п. В них как примета класса выступает не суффикс *-е-*, а соответствующий конечный гласный основы (*сме-ю*, *тле-ю*, *-еешь*, *-еют* и т. п.). Таким образом, суффикс *-е-* и гласный корневой морфемы выполняют одну и ту же формообразующую функцию. Эти явления характеризуют, с одной стороны, спаянность всех морфологических элементов, примыкающих к глагольной основе «сзади», а с другой стороны, неразрывную слитность с ними самой основы. Эти черты типичны для синтетического строя. Морфологические различия в формах времени и в формах лица и числа настоящего и будущего времени органически связаны с различиями словообразовательных классов и групп глаголов (ср. глаголы на *-овать*, *-ую*, *-уешь* и т. п.).

Вместе с тем даже в пределах одного и того же глагольного класса структурные соотношения элементов неоднородны. Они видоизменяются и в разных группах слов, так как и здесь происходит то же вклинивание одних морфем в другие, та же спайка их. Вместе с тем сами морфемы (так же как и фонемы) могут представлять собою сложные и изменчивые единства, включающие в себя основной тип и варианты⁴³.

На противопоставлении морфем (-а-, -е-, -и-) основано различие трех классов глаголов (*сапожничать*, -ают; *белеть*, -еют; *белить*, -ят). Но каждый из этих классов не представляет собою однообразного и неизменного, неподвижного морфологического типа. Живой морфологический класс — это поле действия грамматической энергии, сила которой ослабевает по направлению от центра класса к его периферии. В границах одного и того же класса на -ать, -ают наблюдаются разнообразные колебания этого общего морфологического типа. Так, в многочисленных глаголах типа *выигрывать* суффикс -ыва-, -ива- (на фоне сложных соотношений: 1) *выигрывать*, *выталкивать*, *разгуливать*, *укладывать* и т. п.; 2) *игра* — *игр-а-ть* — *проигр-а-ть*, *проигр-ыва-ть*; *выигр-ыи* — *выигр-ыва-ть* — *выигр-а-ть* и т. п.) понимается как примета формы несовершенного вида и в то же время как показатель класса глаголов первого спряжения на -ать, -ают. Но то же самое значение показателя глагольного класса принадлежит одной морфеме -а-, представляющей собою отдельный словообразовательный суффикс (например, в глаголах *ах-а-ть*, *обед-а-ть*, *ужин-а-ть* и т. п.). В той же грамматической роли выступает конечное -а- у ставших непродуктивными и непроизводными основ таких глаголов, как *гуля-ть* (ср.: *гульба*, *гульбище*), *куса-ть* (ср. *кус-ну-ть*, *укуси-ть*) и т. п. Наконец, ту же функцию выполняет в глаголе *знать* фонема -а-, представляющая собою неотделимую часть «корня».

Морфологическое строение всех этих групп очень различно, различна и продуктивность их (ср. ряды слов: *затоплять* — *орошать*; *дорожать* — *крепчать*; *ахать* — *охать*; *обедать* — *работать* — *делать* — *завтракать*; *гулять* — *желать* — *знать*). Глаголы вроде *знать* располагаются на периферии данного глагольного класса. Они представляют собой осколки старых типов. Продуктивность же этого класса в целом, а следовательно, и система первого спряжения (-аю, -аешь и т. п.) поддерживается продуктивными типами формообразования и словообразования (ср. формы на -ывать, -ивать, глаголы на -ничать и т. п.).

В строе глагола все способы образования форм и слов внутренне связаны и соотнесены.

Флексия распространяется и живет силою форманты. Флексия прирастает к суффиксу, как паразит. Оторванная от источника питания, она хиреет и может совсем умереть. Вот почему пришлось в первую очередь выделить типы суффиксального словообразования: в них схематически раскрываются и отдельные стороны системы спряжения.

Система глагола в целом основана на сложном взаимодействии разных приемов формообразования и словообразования. Например, глаголы на -ить, производные от прилагательных, переходны. Но производные от имен существительных глаголы этого класса далеко не всегда имеют переходное значение, например: *рыбачить*, *портняжить*, *халтурить*, *парусить* и т. п. Одного суффикса оказывается недостаточно, чтобы придать всем отыменным глаголам на -ить значение переходности. Является подкрепление в виде приставок (например: *заземлить*, *приземлить*, *напортняжить*, *нахалтурить*, вульг.-жарг. *угробить* и т. п.). Эта структурная сочлененность всех морфологических элементов в строе глагола никогда не должна выходить из поля зрения исследователя.

§ 7. Продуктивные морфологические классы в системе современного глагола

На основе взаимодействия продуктивных суффиксов с окончаниями спряжения слагается система живых глагольных классов.

Таких живых глагольных классов пять*. Они следующие:

I. Класс глаголов с инфинитивом на *-ать* и с 3-м лицом множественного числа настоящего времени на *-ают*.

Здесь принадлежат: 1) все глаголы несовершенного вида с непродуктивными суффиксами *-а-*, *-ва-*, малопродуктивным *-я-* и продуктивным суффиксом *-ива-*, *-ыва-*, например: *засыпать, срезать, увядать, пропадать, обольщать, готовить, заземлять, заострять, являть, надевать, овладевать, согревать, обувать, укрывать, расстраивать, разыгрывать, уписывать, вычитывать, поджаривать, разбазаривать, раскулачивать, разрисовывать, поддакивать* (ср. *отнекиваться*), *науськивать* и т. д.;

2) все отыменные глаголы с суффиксами *-нича(ть)*, *-ича(ть)*, *(-нич-)а(ть)* и непродуктивным *-а(ть)*, *-я(ть)*: *халтурничать, сентиментальничать, склочничать, завтракать, обедать, козырять* и т. п.;

3) имитативные глаголы на *-кать*, *-ать*: *баюкать, нукать, пиликаать, чихать* и т. п.

Все глаголы этого класса имеют неподвижное ударение во всех формах, кроме форм причастий страдательного залога на *-нный*: *потерянный* (при *потерять, потерять, потерял* и т. п.), *сосчитанный* и т. п. За исключением глагола *знать*, все они имеют не меньше двух слогов.

II. К этому классу тесно прилежит, объединяясь с ним по типу спряжения, и продуктивный разряд глаголов на *-еть*. Отношение основы настоящего времени к основе инфинитива в обоих классах одинаково: основа инфинитива на гласный, основа настоящего времени на тот же гласный + *j*; ударение в обоих классах постоянное; последний гласный основы в обоих классах различен только при ударении на нем; при ударении не на нем в обоих классах, если предшествует мягкий согласный, произносится однородный редуцированный звук (например: *выровнять* и *вызреть* и т. п.). Таким образом, выделение продуктивного разряда глаголов на *-еть* в особый класс более или менее условно.

Итак, класс II — глаголы с инфинитивом на *-еть* (при 3-м л. мн. ч. наст. вр. на *-еют*). К этому классу относятся отыменные глаголы типа *синеть, толстеть, очуметь, околеть* и т. п.

Ударение неподвижно. Оно не падает на классную морфему *-е(-еть)* только в тех глаголах, которые произведены от имен прилагательных с суффиксами *-ав(ый)*, *-ив(ый)*. *-ат(ый)* и *-ов(ый)*, например: *опрыщаветь, запаршиветь, заплесневеть, ржаветь* и т. п., или в глаголах, осложненных приставками *обез-* и *вы-**, например: *обезлошадеть, обезуметь* и т. п. Отыменные глаголы, по крайней мере, двусложны. Кроме отыменных в состав этого класса входит несколько однотипных непроизводных глаголов. Большая часть их имеет односложную основу: *владеть, говеть, греть, жалеть, зреть, иметь, млеть, преть, рдеть, сметь, спеть, тлеть, уметь*.

III. Глаголы с инфинитивом на *-овать (-евать)*, *-овать* (при 3-м л. мн. ч. на *-уют*).

Этот класс глаголов пополняется: 1) заимствованными глаголами на *-изировать, -ировать, -изовать, -овать, -овать*: *ликвидировать, стабилизиро-*

* Система живых словообразовательных классов глагола была в основных чертах намечена Г. Павским⁴⁴. Л. В. Щерба своим анализом глагола в «Восточнолужицком наречии» предугадал дальнейший путь изучения русской глагольной системы. Но наиболее детально, четко и убедительно раскрыта система русского глагола в работах русистов, принадлежащих к так называемой «женевской лингвистической школе»⁴⁵. О традиционных системах классификации русских глаголов см. критическую статью М. Guihomard. Des systemes traditionnels de classement des verbes russes (Melanges publies en l'honneur de M. Paul Boyer. Travaux publies par l'Institut d'etudes slaves. 2. P.. 1925).

** Исключения: *богатеть, встретить, индеветь, писмурнеть, опостылеть, опротиветь*⁴⁶.

вать, электрифицировать, кооперировать, акклиматизировать, коллективизировать, национализировать, реализовать, страховать и т. п. Сюда же относятся новообразования по их типу: *военизировать, украинизировать, товаризировать* и т. п.;

2) глаголами, производными от имен существительных и оформляемыми при посредстве суффиксов *-ова(ть), -о(ть), (-евать)* и *-ствова(ть)*: *бедствовать, перелицевать, согласовать* и т. п.

Если ударение в инфинитиве падает на глагольную тему и вообще не на последний слог, то оно остается неподвижным во всей системе спряжения. Если же ударение падает на последний слог суффикса *-ова(ть)*, то оно в основе настоящего времени ставится на *-у(-ую, -уешь)* и т. п.⁴⁷.

В системе современного литературного языка намечается внутри этого класса явное противопоставление двух акцентологических типов: 1) книжного, к которому относятся слова на *-изировать, -ировать, -ствовать* с ударением на основе (исключение: *торжествовать*) и около 25 основ на *-овать** тоже с ударением на основе; но ср.: *враждовать, устар. врачевать* и некоторые другие глаголы;

2) общего «нейтрального», иногда даже с оттенком разговорности на *-овать* (в заимствованных словах иногда *-ировать*): *торговать, рисковать, тосковать, горевать* и т. п.

Противопоставление этих типов сказывается и в образовании видовых форм. Лишь в словах, принадлежащих ко второму типу (*-овать*), возможны вторичные образования несовершенного вида на *-овывать* (*приторговывать, рассортировывать, замаскировывать, сгруппировывать* и т. п.). Современное просторечно-вульгарное образование *использовывать* противоречит грамматическим нормам литературного языка.

Впрочем, в заимствованных словах на *-ировать* наблюдается колебание между обоими акцентологическими типами, чаще без смысловой дифференциации (например: *баллотировать, бомбардировать* и др.; ср. также *бронировать*). Но в некоторых словах заимствованных [с суффиксом *-ирова(ть)*] и исконно русских на *-овать* противопоставление двух типов ударения служит средством различения омонимов. Например: *планировать* и *планировать* (в авиации); *миловать* и *миловать*; *баловать* и *баловать* и некоторые другие.

Выделяются в особую замкнутую группу несколько (7) глаголов, в которых сочетание *-ова(ть), -ева(ть)* не составляет суффикса. Оно возникло в результате соединения *-а-ть* с последними звуками основы на *-ов*: *ковать, блевать, плевать, жевать, клевать, сновать, совать* (формы настоящего времени: *-ую, -ую, -уешь* и т. п.; 3-е л. мн. ч. *-уют, -уют*). Эти 7 глаголов находятся на периферии III класса, лишь примыкая к нему.

IV. Глаголы с инфинитивом на *-ить* (при 3-м л. мн. ч. наст. вр. на *-ят, -ат*; в неударяемом положении — при орфографических *-ат, -ят* — произносятся *-ут, -ют*). Этот класс расширяется отыменными новообразованиями на *-ить* типа *халтурить, приземлить, батрачить, раскулачить, уплотнить, самоуплотниться, оказывать, обобществить, озвездить* и т. п.

Небольшая группа глаголов в разговорной речи колеблется между IV классом и II: *стареться, -еюсь, -еешься, -еются* и *стариться, старюсь, старишься, старятся; выздороветь, -ею, -еешь, -еют* и *выздоровить, -влю, -вишь, -вят; опротиветь, -ею, -еешь, -еют* и *опротивить, -влю, -вишь, -вят*.

* Вот эти слова: *беседовать, верить, досадовать, жаловать(-ся), жертвовать, завидовать, заведовать, изобиловать, исповедовать, командовать, орудовать (оборудовать), памятовать, пользоваться(-ся), потчевать, праздновать, пробовать, радовать, расходовать* (ср. *заприходовать*), *следовать, соблазновать, советовать, сетовать, требовать, уродовать*. Большая часть этих слов церковнокнижного происхождения (ср.: *соборовать, христосоваться*).

— В этом классе суффикс *-и-*, спаиваясь с флексией, вызывает чередование *в — ел, п — пл, м — мл, ф — фл, с — ш, з — ж, т — ч, д — ж* (*разграфить — разграфлю, обобществить — обобществлю* и т. п.). В части глаголов этого класса (в 127 основах)⁴⁸ ударение подвижно. Морфологические особенности этого класса сложнее, чем предыдущего (ср. образование форм страдательных причастий на *-енный*: *оплатить — оплаченный*; ср. наст. вр. *оплачу*; *позолотить — позолоченный*, наст. вр. *позолочу*; *осудить — осужденный*; наст. вр. *осужу* и т. п.). Впрочем, тип глаголов с подвижным ударением (вроде *хоронить, хвалить, сушить, душить, явить, учить, платить, сердить, тащить, кормить* и т. п.) непродуктивен. Новообразования имеют постоянное ударение (или на основе, или на суффиксе).

Кроме находящихся на периферии этого класса слов *длить, злить, льстить, мстить, чтить* (3-е л. мн. ч. *чтут* и *чтят*) и устарелых *тищиться, тлить, мнить*, все другие глаголы на *-ить, -ят* имеют не меньше двух слогов.

V. Глаголы с суффиксами недлительности, мгновенности, однократности *-ну-, -ну-, -ану-*, с инфинитивом на *-чуть, -нуть* (при 3-м л. мн. ч. наст. буд. вр. на *-нут, -нут*), например: *бацнуть, крикнуть, стрельнуть, шмыгнуть* и т. п. Ударение неподвижное.

К этому же классу примыкает несколько глаголов, в которых суффикс *-ну-* уже не выделяется. Таковы: *минуть* в форме *минет* и *минул* (*минуло* и *минула*; ср. *миновать — миновал*) и *пнуть* (ср.: *пинать; запнуться — запинаться*).

Сюда же тяготеют единичные глаголы на *-нуть* с подвижным ударением: *помянуть, обмануть* (ср. также акцентологическое взаимодействие *глянуть* и *взглянуть*).

Совсем в стороне, на периферии этого класса, располагаются четыре глагола несовершенного вида, два — с подвижным ударением: *тонуть* и *тянуть* и два — с неподвижным ударением: *гнуть* и *лнуть*.

§ 8. Общие морфологические черты в строе

продуктивных классов глагола. Обособление непродуктивных групп

В продуктивных классах глагола грамматически влиятельны и активны лишь те производные слова и формы, которые легко разлагаются на основы и аффиксы. Периферийные, бессуффиксные типы основ в тех же классах не-производны и малочисленны (например: *знать, гулять* и т. п.; *хранить, копить* и т. п.). Для всех продуктивных классов характерна прозрачность, наглядность системы окончаний и формообразующих суффиксов. В продуктивных классах глагола флексия или легко отделяется от суффикса (например: *шикаю, темнею, сортирую* и т. п.), или, напротив, частично растворяет, поглощает его в себе (например: *заземлю, стрельну*), сохраняя за его счет свой индивидуальный вес и вид. Флексия съедает форманту. Поэтому в системе живых глагольных классов ощутительна борьба с моносиллабизмом слова. Односложный тип слова (обычный в системе имен и местоимений и пополняемый «сокращенными существительными») непродуктивен в строе глагола. Живые типы современного глагола стремятся к унификации основы и к объединению, к «уоднообразию», систем настоящего времени и инфинитива — прошедшего времени. В первых двух классах (I — *выигрывать, либеральничать* и т. п.; II — *светлеть* и т. п.) эта тенденция к унификации основ инфинитива и настоящего — будущего времени особенно ощутительна. Правда, в других классах глагола противопоставление этих основ очевидно (*рисовать — рисую* и т. д.). Однако и там это противопоставление не прямолинейно, не строго (ср.: *заземлить — заземлил — заземлишь*, повел, *заземли*; ср.: *стрельнуть*,

стрельнул и наличие суффикса *-н-* в формах настоящего — будущего времени — *стрельнет* и т. п. у всех глаголов совершенного вида на *-ну-*; ср. фонологическую прозрачность чередования *-ое-* и *-у-* в *рисовать* — *рисую* и т. п.).

В непродуктивных группах глаголов, напротив, морфологические элементы слова не всегда расчленены и не всегда приведены в систему. Основы, их звуковые видоизменения, суффиксы, соединительные гласные окончаний тут слиты в такие фонетические, морфологические и лексические единства, компоненты которых с трудом распознаются и то иногда лишь при этимологическом анализе. Тут наблюдается множество реликтовых, остаточных морфологических чередований основ. В большей части непродуктивных групп глаголов основа инфинитива совсем оторвана от основы настоящего времени. В некоторых из них наряду с инфинитивом и настоящим временем выступает и форма прошедшего времени как равноправный с ними опорный пункт системы спряжения (например: *блюсти* — *блюду* — *блюл*; *брести* — *бреду* — *брел*; *сесть* — *сяду* — *сел*; *привыкнуть* — *привыкну* — *привык*; *толочь* — *толку* — *толок*; *беречь* — *берегу* — *берёг*; *лечь* — *лягу* — *лёг*; *запрячь* — *запрягу* — *запрёг* и т. п.).

Впрочем, в части непродуктивных групп глагола обнаруживается некоторый параллелизм с продуктивными классами. Непродуктивные типы воспринимается как выброшенные за борт живой грамматической системы, но еще цепляющиеся за нее остатки былых («исторических») морфологических соотношений. Среди этих непродуктивных грамматических групп находятся слова, наиболее употребительные в быту, обозначающие круг привычных и необходимых человеческих действий (*дышать, сидеть, сесть, лечь, лежать, спать, глядеть, видеть, слышать, есть, глодать, брать, дать, бежать, ехать, идти, звать, искать, лизать, мять, плакать, сосать, чесать, знать, расти, жечь, печь, бить, брить, мыть* и т. п.). Старый арсенал производных глагольных слов, относящихся к простым и обычным бытовым действиям, постепенно выпадает из системы живых грамматических отношений. Становясь грамматически немотивированными, эти небольшие группы слов или даже отдельные слова еще глубже погружаются в живую систему лексики. Грамматика и лексика не только взаимодействуют, но и борются друг с другом. Отживающие морфологические типы уходят из грамматики в словарь. Они лексикализуются.

§ 9. Непродуктивные группы в морфологической системе русского глагола

За пределами продуктивных глагольных классов остаются такие непродуктивные группы русского глагола:

1. Глаголы на *-ать* (при отсутствии морфемы *-а-* в настоящем времени) с 3-м лицом множественного числа на *-ут*. Например: а) *алкать* — *алчут*; *бормотать* — *бормочут*; *вязать* — *вяжут*; *глодать* — *гложут*; *гоготать* — *гогочут*; *грохотать* — *грохочут*; *дремать* — *дремлют*; *жаждать* — *жаждут*; *искать* — *ищут*; *казать* — *кажут* (ср. с приставками *вы-*, *до-*, *на-*, *от-*, *при-*, *по-*); *клеветать* — *клевецуют*; *клепать* — *клеплют*; *кликать* — *кличут*; *клохтать* — *клохчут*; *клокотать* — *клокочут*; *колебать* — *колеблют*; *лаять* — *лают*; *лизать* — *лизуют*; *мазать* — *мажут*; *мыкать* — *мычут*; *низать* — *нижут*; *обязать* — *обязуют*; *пахать* — *пахут*; *писать* — *пишут*; *плакать* — *плачут*; *плескать* — *плецуют*; *плясать* — *пляшут*; *опоясать* — *опояшут*; *прятать* — *прячут*; *прыскать* — *прыщут*; *резать* — *режут*; *рокотать* — *рокочут*; *роптать* — *ропицуют*; *рыскать* — *рыщут*; *свистать* — *свищут*; *сеять* — *сеют*; *скакать* — *скачут*; *скрежетать* — *скрежецуют*; *смеяться* — *смеются*; *стрекотать* — *стрекочут*; *сыпать* — *сыплют*; *таять* — *тают*; *тесать* — *тешут*;

топтать — *топчут*; *трепать* ~ *треплют*; *трепетать* — *трепецуют*; *тыкать* — *тычут*; *хлестать* — *хлещут*; *хохотать* — *хохочут*; *хлыстать* — *хлыщут*; *хлопотать* — *хлопочут*; *хныкать* — *хнычут*; *чесать* — *чешут*; *чуть* — *чуют*; *шептать* — *шепчут*; *щебетать* — *щебечут*; *щекотать* — *щекочут*; *щипать* — *щиплют* и некоторые другие*; б) *врать* — *врут*; *ждать* — *ждут*; *жрать* — *жрут*; *лгать* — *лгут*; *орать* — *орут*; *рвать* — *рвут*; *ржать* — *ржут*; *сосать* — *сосут*; *стонать* — *стонут*; *ткать* — *ткнут*; в) *брать* — *берут*; *драть* — *дерут*; *звать* — *зовут*.

Эта группа не пополняется новыми словами; напротив, от нее постепенно откалывается ряд слов, которые переходят в продуктивный класс глаголов типа *делать* — *делают*. Некоторые глаголы образуют двойные, параллельные формы настоящего времени, вроде *кудахтать* — *кудахтают* и *кудахчут*; *мурлыкать* — *мурлыкают* и *мурлычут*; *брызгать* — *брызгают* и *брызжут*; *махать* — *махаю* и *машу*; *тыкать(ся)* — *тычу(сь)* и *тыкаю(сь)*; *хныкать* — *хнычу* и *хныкаю*; *мыкать* — *мычут* и *мыкают*; *рыскать* — *рыскают* и *рыщут*; *хлестать* — *хлестает* и *хлещет* и т. п.

Ср. уже закончившийся переход глаголов *двигать*, *икать*, *лобзать*, *лакать*, *черпать*, *рыкать*, *страдать* (ср. стар. *страждут*), *стругать*, *тягаться*, *фыркать* и т. п. в продуктивный класс I.

В некоторых глаголах двойственность формы используется как средство различения омонимов или разных значений одного слова. Так: *метать* (петли) — *мечут*; *метать* (бросать) — *метаю* и *мечут*; *метать* (икру) — *мечут*; *капать* (в значении: протекать, пропускать сквозь себя жидкость) — *каплю*, *каплею*, например: *Потолок каплет*; но *капать*, *капаю* — в значении: ронять капли на что-нибудь, например: *Он капает вином на скатерть* и т. п.

2. Небольшая (около 35 основ) группа глаголов на *-ать* (с основой на стоящего времени без *-а*) при 3-м лице множественного числа на *-ат*.

Например: *бояться*, *бренчать*, *брюзжать*, *бурчать*, *верещать*, *визжать*, *ворчать*, *гнать*, *держать*, *дребезжать*, *дрожать*, *дышать*, *жужжать*, *журчать*, *звучать*, *кричать*, *лежать*, *молчать*, *мчать*, *мычать*, *пищать*, *рычать*, *слышать*, *спать*, *стоять*, *стучать*, *торчать*, *трещать*, *урчать* и некоторые другие.

Глаголы этой группы как бы сочетают форму инфинитива I класса (*-ать*) с формой настоящего времени IV класса: *спать*, но *сплю*, *спишь*, *спит* и т. п. Кроме глаголов *бояться*, *гнать*, *мчать* (ср. *бежать*), *держать*, *лежать*, *спать*, *молчать*, *слышать*, *стоять*, *торчать*, все остальные слова этого типа обозначают звучание {*брюзжать*, *бурчать*, *визжать*, *ворчать*, *дребезжать*, *пищать*, *трещать* и т. п.}. Ударение неподвижно (за исключением слов *гнать*, *держать*, *дышать*).

3. Группа (около 45 основ) глаголов на *-еть* (с устранением морфемы *-е-* в формах настоящего времени) при 3-м лице множественного числа настоящего времени на *-ат*, *-ят*.

Например: *бдеть* — *бдят*; *блестеть* — *блестят* (*блецу*, *блестишь*, ср.: *блецешь*, *блецут*); *болеть* — *болит* — *болят* (ср.: *болею* — *болеют*); *велеть*, *вертеть*, *видеть*, *висеть*, *галдеть*, *глядеть*, *гореть*, *греть*, *гудеть*, *дудеть*, *зависеть*, *звенеть*, *устар.* *зреть*, *зудеть*, *кипеть*, *кишеть*, *коптить*, *корпеть*, *кряхтеть*, *лететь*, *ненавидеть*, *обидеть*, *пыть*, *область*, *свербеть*, *свиреть* — *стеть*, *свистеть*, *сидеть*, *сипеть*, *скорбеть*, *скрипеть*, *смердеть*, *смотреть*, *со-*

— * К этой группе стороны примыкает замкнутая серия комбинированных форм от слов: *внять* — *внимать* — *внемлют* — *внимают*, *малоупотребительное* *внимут*; *изъять* — *изымать* — *изъем* *лют* — *изымают*, *малоупотребительное* *изымут*; *поднять* — *поднимать* — *подымают* — *подъем/ют* — *подымают* — *подымут*; *объять* — *обнимать* — *объемлют* — *обнимают* — *обымут*; *отъ.чь* — *отымать* — *отъемлют* — *отымают* — *отымут*; *примлют* — *примут*; *разъять* — *разъемлют* — *разымут*.

петь, тарыхтеть, терпеть, хотеть (ср.: *хочешь, хочет*, но: *хотим, хотите, хотят*), *храпеть, хрипеть, хрустеть, шелестеть, шипеть, шуметь* и некоторые другие*.

Глаголы этой группы сочетают форму инфинитива II класса (*белеть*) с формами настоящего времени IV класса. Некоторые исследователи объединяют все эти три группы глаголов в один класс.

4. Глаголы (60) с суффиксом состояния *-ну-* (в прошедшем времени обыч но без *-ну-*): *-бегнуть* (с приставками *из-, при-*), *блекнуть, брюзгнуть, -бухнуть* (с приставками *на-, раз-*), *-вергнуть* (с приставками *в-, из-, низ-, от-, по-, под-, опро-, с-*), *виснуть, вязнуть, вянуть, гаснуть, гибнуть, глохнуть, горкнуть, грузнуть, дохнуть, дрогнуть, дрыхнуть, жухнуть, зябнуть, киснуть, крепнуть, липнуть, мерзнуть, меркнуть, мокнуть, мякнуть, никнуть, пахнуть, пухнуть, сипнуть, слабнуть, слепнуть, сохнуть, стынуть, тускнеть, тухнуть, хрипнуть, чахнуть* и др. Ср. глаголы, сложенные с приставками: *воздвигнуть, воскреснуть, разбухнуть, извергнуть, повиснуть, погрязнуть, отвыкнуть, при выкнуть, свыкнуться, заскорузнуть, достигнуть, настигнуть, иссякнуть, ис чезнуть, стихнуть, исторгнуть, разверзнуть, затихнуть* и т. п. Ударение у глаголов этой группы всегда предшествует суффиксу *-ну-*.

В индивидуальном употреблении некоторые из глаголов этой группы еще иногда сохраняют *-ну-* в формах прошедшего времени на *-л* и причастия прошедшего на *-виший*: Таковы: *погрязну л — погрязнувший; избегнул — избегнувший; прибежал — прибежавший; низвергнул — низвергнувший; завязну л — завязнувший; заглохну л — заглохнувший; дрыхнул — дрыхнувший; окрепнувший, но: окреп; померкну л — померкнувший; у молкну л — умолкнувший; поникну л — поникнувший; достигну л — достигнувший; вторгнулся — вторгнувшийся, иссякну л — иссякнувший; затихну л — затихнувший.*

5. Группа (7 основ) глаголов с инфинитивом на *-ть, -ти* без соединительной морфемы, с формами настоящего времени на *-у, -ут* и с бессуффиксной формой прошедшего времени в мужском роде единственного числа (на *-з, -с*): *везти — везут* (прошедшее *вез*); *грызть — грызут* (прошедшее *грыз*); *лезть — лезут* (*лез*); *нести — несут* (*нес*); *пасти — пасут* (*пас*); *ползти — ползут* (*полз*); *трясти — трясут* (*тряс*, произносится *трё'с*).

6. Группа (16 основ) глаголов с инфинитивом на *-ч(чь)*, которому со ответствуют заднеязычные *г* и *к* в основе прошедшего времени (*печь — пёк; мочь — мог* и т. п.), а также в основе 1-го лица единственного и 3-го лица множественного числа настоящего времени: *беречь, влечь, волочь, жечь, лечь* (*лягут — лег*), *мочь, облечь, печь, пренебречь, запрячь* (*выпрячь, отпрячь*), *из речь* (*обречь, наречь, отречься, заречься*), *сечь, стеречь, стричь, течь, толочь*. Противопоставление основ настоящего и прошедшего времени в глаголе *жечь* выражается «беглостью» гласного: *жгу — жёг*, в других (кроме *лечь*) глаголах, у которых есть в основе звук *е*, — чередованием *е — о*; *берегу — бе рёг, теку — тёк* (но: *вытек*), *теку — тёк* (но: *вытек*) и т. п.

7. Группа (около 20 основ) глаголов с инфинитивом на *-сть, -сти*, с осно вой настоящего времени на зубной (при 3-м л. мн. ч. на *-ут*) и с формой про шедшего времени на *-л* (без предшествующего зубного): *блудсти — блудут* (*блудл*), *брести — бредут* (*брел*), *вести — ведут* (*вел*); *гнести — гнетут* (про шедшее время *гнел* не употребляется); *грясти* (неупотр.) — книжн. *грядут* (прошедшего нет); *гудет — гудут* (инфинитив *густ* не употребляется; форма прошедшего времени *гул* давно исчезла под влиянием омонимии с существи тельным *гул*; ср. у Некрасова: «Идет-гудёт зеленый шум»); *класть, красть*.

* Павский отмечал, что эта группа преимущественно «включает глаголы среднего залога, которыми изображаются по большей части *внешние явления света, звука, запаха, перенимаемые* глазом, ухом, обонянием, и изредка *внутренние сердечные ощущения*»⁴⁹.

мести, обрести, пасть, плести, прясть, рассвети (рассвет), сесть (сядут, прошедшее время сел); цвести, -честь (прочесть, зачесть, вычесть, счесть, начесть, обчесть, перечесть, учесть, причесть).

Обособленно стоят два глагола на *-сти* с основой на губной в настоящем и прошедшем времени: *грести* — *гребут* (прошедшее *грѣб*; ср. *погребут*); *скрести* — *скребут* (прошедшее *скрѣб*) и два изолированных глагола: *клясть* — *клян*у — *клял* и *расти* — *раст*у — *рос*.

Конечно, *расти* исторически образовалось из *раст-ти*, а *клясть* заменило *клять* по какой-то аналогии.

8. Изолированная группа (4 основы) глаголов с инфинитивом на *-ереть*, с формой прошедшего времени на *-ер* и с основой настоящего времени на *-р-* без предшествующего *e*: *умереть* — *умру* (*умер*) ; *переть* — *пру* (*пѣр*) ; *те реть*—*тру* (*тѣр*); *простереть* — *простру* (*простѣр*).

Глаголы 5, 6 и 7-й групп некоторыми исследователями (например, Н. Н. Дурново) объединяются в один класс. (Сюда же иногда включаются и глаголы 8-й группы: *мереть, тереть, простереть*.)

9. Группа (5 основ) односложных глаголов на *-ить*, в которых корневому звуку *-и-* инфинитива соответствует *j* в основе настоящего времени и *e* в форме повелительного наклонения: *бить, вить, лить, пить, шить*. Отдельно: *брить* — *бреют*; *гнуть* — *гну*ют; ср. также устар. *почить* — *почи*ют.

10. Примыкающая к предшествующей группа (5 основ) глаголов с односложным корнем инфинитива на *-ить* при основе настоящего времени на *-о/* и при 3-м лице множественного числа *-оют*: *выть, нить, крыть, мыть, рыть*. Отдельно: *петь* — *по*ют.

11. Изолированная группа (4 основы) глаголов на *-олоть, -ороть* при 3-м лице множественного числа настоящего времени на *-олют, -орют*: *колоть, бороть(ся), полоть, пороть*; отдельно: *молоть* — *мел*ют.

Кроме того, можно наметить еще несколько окаменелых групп из трех-двух основ:

12. *Дуть* — *ду*ют; *разуть* — *разу*ют; *обуть* — *обу*ют.

13. *Жить* — *живу*т; *плыть* — *плыву*т; *слыть* — *слыву*т.

14. *Давать* — *да*ют; *знавать* — *зна*ют (*дознаваться, зазнаваться, познавать, признавать, сознавать, узнавать*) ; *-ставать* — *ста*ют (ср.: *недоста*ет, *вста*вать, *восста*вать, *заста*вать, *наста*вать, *отста*вать, *переста*вать, *приста*вать, *уста*вать, *расста*ваться, *оста*ваться и т. п.); *создавать* — *созда*ют (ср.: *созда*ть — *созда*м).

15. *Деть* — *дену*т, *стать* — *стану*т; *завясть* — *завяну*т; *застрясть* — *застряну*т.

16. *Взять* — *возьме*т; *занять* — *займу*т; *нанять* — *найму*т; *унять* — *уйму*т; *понять* — *пойму*т; *принять* — *приму*т и т. п. (все сложные с *-н(ять)*); ср.: *начать* — *начну*т; *зачать* — *зачну*т; *почать* — *почну*т (все глаголы сложные с *-чать*); *жась* — *жму*т; *жась* — *жну*т; *мять* — *мну*т; *распять* — *распну*т.

17. *Живописать* — *живопису*ют; *притязать* — *притязу*ют, ср. арх. *указу*ют от *указывать*; ср.: *обязу*ют(ся), *наказу*ют, *испытую*т (ср. *испытующий* взгляд).

Наконец, выступают поодиночке, редко — парой изолированные основы глаголов: *слать* — *шлю*т; *-шибить, -шибу, -ешь*, например: *ошибиться* — *ошибу*сь (ср. *ошиб*ся), ср. сложные: *зашибить; отшибить, ушибить, перешибить* и т. п.; *реветь* — *реву*т; *быть* — *буду*т.

Так, среди непродуктивных глагольных групп и среди изолированных глаголов оказываются глаголы с двойными основами, например: *блестеть* — *блещу*т — *блещ*ят; *гнать* — *гоня*т; *петь* — *по*ют и т. п.

Сюда же примыкают глаголы с комплексом разнотипных форм: *дать* —

дам — дайшь — даст — дадим — дадите — дадут, прошедшее *дал* (ср.: *создать — создам*); *есть — ем — ешь — ест — едим — едите — едят*, прошедшее *ел*; ср. *надоесть*; ср.: *идти — иду — идешь — идут*, прошедшее *шел*; *ехать — еду — ехал*; ср.: *читать — чту*.

Так непродуктивные группы глаголов, уменьшаясь в объеме, постепенно выходят за пределы грамматики. Грамматические ряды слов, размельчаясь, превращаются в «лингвистическую пыль» и рассеиваются поодиночке. Глагольные слова из системы грамматически однородных форм, образуемых от одной и той же основы, превращаются в систему разнотипных форм, образованных от разных основ, а иногда и от разных корней. Отдельные глаголы типа *ехать, идти, быть* и т. п. выступают как замкнутые системы форм, восходящих к разным словам.

§ 10. Связь системы глагольного словообразования с системой спряжения

Морфологические особенности основных продуктивных классов и непродуктивных групп глагола отражаются в системе спряжения (ср. разные виды отношения основы инфинитива к основе настоящего времени в разных классах глагола; ср. различия в образовании форм прошедшего времени в разных непродуктивных группах глагола и т. п.). Анализ общих приемов словообразования и формообразования глаголов — необходимое введение в учение о системе спряжения. С системой спряжения связаны все основные категории глагола — категории лица, числа (а также рода для форм прошедшего времени и условно-сослагательного наклонения), времени, наклонения, вида и залога.

3. КАТЕГОРИЯ ЛИЦА (А ТАКЖЕ ЧИСЛА И РОДА)

§ 11. Категория лица как фундамент сказуемости

Категория лица в глаголе обнаруживает тесную связь с категорией лица в классе местоимений (ср.: *вижу и я видел, видишь и ты видел* и т. п.). Лиц в системе глагола столько же, сколько личных местоимений. Здесь сохраняет всю свою силу принцип противопоставления говорящего субъекта (л), автора речи, собеседнику (*ты*) и кому-то или чему-то третьему (*он, она, оно, они*). Но между категорией лица у глагола и категорией лица у имен существительных — большая разница. В области имен существительных категория лица подчинена категории одушевленности, а категория одушевленности входит в общую категорию предмета (предметности). В глаголе, напротив, предмет, являющийся источником действия, грамматически изображается как личный деятель. Он подчинен категории лица. Особенно ошутителен этот оттенок грамматического «олицетворения» предметов при сопоставлении таких конструкций: *Оленя ранило стрелой и Оленя ранила стрела*. Однако грамматическое различие между лицом в собственном смысле (1-м и 2-м лицом) и лицом-предметом (или предметом в роли лица) выступает очень заметно. И тут также есть аналогия между категорией лица в глаголе и категорией лица в классе местоимений (ср. предметно-личное значение местоимения 3-го л.). В грамматическом значении деятеля, производителя глагольного действия, сказывается это различие категорий лица и не-лица. Формы так называемого 3-го лица глагола существенно отличаются от форм 1-го и 2-го лица (так же как в классе местоимений). Категория лица справедливо выдвигается грамматистами в ряд основных синтаксических категорий глагола (наряду с формами времени и наклонения). Синтаксическое изучение глагольных конструкций должно выяснить роль глагольных форм в строе разных типов словосочета-

ний, предложений и синтагм. С понятием предложения во многих синтаксических концепциях сочетается вопрос о формах сказуемости. Едва ли не большая часть современных синтаксических теорий самое понятие предложения ставит в зависимость от наличия *verbum finitum*⁵⁰, т. е. глагольных форм, имеющих значения лица, времени и наклонения (это и есть, по традиционному учению, формы сказуемости). Однако грамматическое выражение времени отсутствует в высказываниях, синтаксическим центром которых является повелительное или сослагательное (условно-желательное) наклонение. «Прощай, свободная стихия» (Пушкин); «Шумы, шуми, послушное ветрило, Волнуйся подо мной, угрюмый океан» (Пушкин); «О, хоть бы ты издохла» (Л. Толстой, «Крейцера соната»); «Да это бы еще куда ни шло» (Тургенев, «Однодворец Овсяников»). Основное организующее значение «сказуемости» приходится приписывать формам лица и наклонения. Некоторые грамматисты, ссылаясь на безличные или бессубъектные предложения, готовы видеть фундамент сказуемости в формах наклонения и шире: в категории модальности, которая может иметь не только морфологическое, но и разнообразное синтаксическое (в том числе и интонационное) выражение.

В защиту этого мнения можно привести многое. Понятие предложения, действительно, связано с признаком модальности высказывания. Модальная окраска присуща и неглагольным предложениям (например: *Пожар! так ли это?* и т. п.). Можно думать, что значение модальности неотделимо от понятия предложения. Типы предложений обусловлены модальными различиями. Естественно, что в предложениях глагольного строя модальность высказывания выражается прежде всего формой наклонения (а также интонацией, как и в других типах предложений). Но в русской лингвистике еще со второй половины XIX в. укрепилась вера в синтаксическое главенство формы лица. «Личный глагол,—писал В. Ф. Андреев, — выражает независимое понятие конкретно, наглядно. Из всех формальных признаков *verbi finiti*, наиболее способствующих конкретности, или наглядности, есть обозначение лица и числа. ...Глагол служит сказуемым не потому, что он имеет время, вид и залог, а главнейше потому, что он способен указывать лицо; словом, в глаголе, служащем в предложении сказуемым, мы считаем главнейшим признаком лицо»⁵¹.

§ 12. Синтетические и аналитические приемы выражения лица

Приемы выражения категории лица в русском глаголе основаны на том же противопоставлении форм настоящего времени и повелительного наклонения инфинитиву и формам прошедшего времени, которое явственно отражается и в системе глагольного словообразования и формообразования.

В настоящем времени и повелительном наклонении формы лица (по крайней мере, в настоящем времени 1-го и 2-го, в повелительном наклонении 2-го) выражаются окончаниями (в настоящем времени: *-у (-ю), -шь, -м, -те*; в повелительном наклонении 2-го лица: *-ь, -и, -те*). Здесь категория лица носит яркий отпечаток синтетического строя. Но те же личные формы употребляются и в сочетании с личными местоимениями. Тут сказывается влияние аналитических личных форм глагола (ср. формы прошедшего времени и условного-сослагательного наклонения), а отчасти влияние тех случаев, когда логический или эмоциональный акцент вызывал присоединение личных местоимений к личной форме глагола («я говорю: *промчатся годы*»; «ты *вянешь и грустишь*» и т. п.).

Не подлежит сомнению, что в стилях современного книжного языка формы настоящего времени 1-го и 2-го лица в сочетании с личными местоимениями являются более нормальными и нейтральными, чем соответствующи-

щие формы без личных местоимений. Сознательное, намеренное устранение местоимений выражает разнообразные экспрессивные оттенки. Вот иллюстрация из патетической речи человека, проглоченного крокодилом, в «Крокодиле» Ф. М. Достоевского: «В результате — я у всех на виду, и хоть спрятанный, но первенствую. Наученный опытом, представляю из себя пример величия и смирения перед судьбою. Буду, так сказать, кафедрой, с которой начну поучать человечество. Даже одни естественнонаучные сведения, которые могу сообщить об обитаемом мною чудовище, — драгоценны. И потому не только не ропщу на давешний случай, но твердо надеюсь на блистательнейшую из карьер». Эта манера повторного употребления личных форм глагола без местоимения объясняется и комментируется таким образом: «Всего более обозлило меня то, что он почти уже совсем перестал употреблять личные местоимения — до того заважничал».

Ср. у того же Достоевского в повести «Село Степанчиково и его обитатели»: «Подхожу сегодня к зеркалу и смотрюсь в него, — продолжал Фома, торжественно пропуская местоимение я. — Далекое не считаю себя красавцем, но поневоле пришел к заключению, что есть же что-нибудь в этом сером глазе, что отличает меня от какого-нибудь Фалалея».

Напротив, в обычной разговорной речи и в повествовательном стиле простые формы 1-го и 2-го лица настоящего времени (без местоимений), по-видимому, преобладают для во всяком случае равноправны с формами, осложненными местоимением. Необходимо внести стилистические ограничения в такой вывод А. М. Пешковского: «...присутствие личных слов можно рассматривать в русском языке как норму, а отсутствие их — как отступление от нормы, имеющее всякий раз свои причины и свой смысл»⁵².

Анализ форм лица в строе повелительного наклонения, вследствие экспрессивных своеобразий этого наклонения, не следует отделять от общего анализа функций повелительного наклонения в русском языке (см. § 63).

Напротив, формы лица в прошедшем времени (и в условном наклонении) выражаются аналитически присоединением личных «префиксов», личных местоимений 1-го и 2-го лица (*я ходил, ты ходил, мы ходили, вы ходили*)*.

Таким образом, категория лица в системе русского глагола имеет двойственную морфологическую структуру (синтетическую и аналитическую). Однако эта двойственность обнаруживается лишь в формах 1-го и 2-го лица. Форма 3-го лица и в этом отношении резко отделяется от них**.

§ 13. Грамматические отличия форм 1-го и 2-го лица от формы 3-го лица

В русском глаголе вырисовываются следующие соотношения и противопоставления внутри категории лица:

——* Понятно, что на фоне синтетических форм лица настоящего времени — во вполне ясном устно-бытовом контексте или при наличии соответствующих экспрессивно-стилистических мотивов — и формы прошедшего времени и условного наклонения могут употребляться без личных префиксов в значении 1-го и 2-го лица. Например: «Да ведь сам собою дошел, собственным умом» (т. е. я дошел) (Гоголь, «Ревизор»); «А видел ли слона? Каков собой на взгляд?» (Крылов, «Любопытный»); «Ишь нарезался! — крикнул кто-то ему, когда он вышел на канаву» (Достоевский, «Преступление и наказание»); «Назвался груздем - полезай в кузов» (поговорка); «Войдя в номер, зажгли свечу и в самом деле увидели гроб» (т. е. мы) (Чехов, «Страшная ночь»); «Пошли бы погуляли, а мы подождем» (Островский, «Гроза»); «Бить тебя? Била бы, да где же мне сил взять?» (Чехов, «Случай с классиком») — и многие другие.

** Возможно, что в этом функциональном обособлении формы 3-го лица сказываются своеобразия ее исторической судьбы и происхождения. По-видимому, некогда форма 3-го лица единственного числа представляла неосложненную личным суффиксом основу и таким образом морфологически резко отделялась от форм 1-го и 2-го лица. Быть может, этим и объясняется употребление формы 3-го лица в качестве безличной формы (*морозит, светает, тошнит* и т. п.) 53.

1. Личные и н е л и ч н ы е формы. Как неличная форма выступает форма 3-го лица, особенно в единственном числе. Ее личное значение только потенциально. Оно обусловлено обязательным наличием или подразумеванием субъекта. Оно целиком синтаксично. С этой точки зрения безличные глаголы должны расцениваться как неличные формы, выведенные за пределы категории лица (и категории рода), а следовательно, и числа.

2. В личных формах, в свою очередь, форма 2-го лица употребляется как обобщенно-личная. Контекст определяет, относится ли, например, форма 2-го лица единственного числа к любому лицу (*умрешь — похоронят*), или к самому говорящему, т. е. к 1-му лицу (*пойдешь, бывало*; «От утра до ночи всё на ногах, покоя не знаю, а ночью *лежишь* под одеялом и *боишься*, как бы к больному не потащили» (Чехов, «Дядя Ваня»), или к конкретному собеседнику⁵⁴, т. е. к единичному *ты*. По-видимому, ближайшим переносным значением формы 2-го лица, прежде всего, естественно, связываемой с представлением о конкретном единичном собеседнике, является применение ее к самому говорящему лицу как к потенциальному представителю любого собеседника. При таком употреблении формы 2-го лица собеседник ставится в положение самого говорящего лица. Он делается эмоциональным участником его действий. Например: «И жизнь, как *посмотришь* с холодным вниманьем вокруг, такая пустая и глупая шутка» (Лермонтов). Ср.: «Я женщина беззащитная, слабая, замучилась до смерти... И с жильцами *судись*, и за мужа *хлопочи*, и по хозяйству *бегай*, а тут еще говею, и зять без места...» (А. Чехов, «Беззащитное существо»). Обобщенно-личное значение формы 2-го лица является дальнейшим логическим развитием ее переносных употреблений. Ср. в письме П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу (от 16 ноября 1857 г.): «Со мной происходит под старость печальная чепуха: я перестал говорить, а стало и думать, о чем-либо серьезном: там *подтвердишь*, тут *возразишь*, здесь *подишутись*, а собственная мысль, какая бы ни была, гниёт где-то в мозговом подвале и вытаскать её не хочется ни для кого».

Эти соотношения и противопоставления форм лица были очень тонко и глубоко описаны еще Буслаевым, который сопоставил употребление форм лица с употреблением личных местоимения. Буслаев связывал грамматические отличия форм 1-го и 2-го лица от форм 3-го лица с различиями категорий лица и предмета: «1-е и 2-е лицо, означая отношение между говорящим и слушающим, принадлежат собственно одушевленным предметам, и преимущественно лицам». А 3-м лицом «можно означать и лица и неодушевленные предметы»^{55*}.

Например, различие между формами 1-го и 2-го лица и формой 3-го лица прошедшего времени целиком определяется различием значения личных местоимений, которые выполняют здесь роль префиксов: личные местоимения 1-го и 2-го лица противостоят предметно-личным местоимениям 3-го лица. Характерно, что в других славянских языках (например, в чешском, польском, словацком) только форма 3-го лица прошедшего времени (перфекта) образуется без вспомогательного глагола⁵⁶.

Буслаев же отметил и потенциальную личную неопределенность форм 2-го лица: «У нас местоимение *ты* может употребляться вместо кого-нибудь вообще. Такое обозначение неопределенного лица 2-м дает общему понятию свежесть непосредственного отношения к лицу слушающему». Например, у Крылова: «Так души низкие, будь знатен, силен *ты*, не смеют *на тебя* поднять они и взгляда» (246); у Жуковского: «То вдруг целая стена, треснувши,

_____ • Интересно, что в XIX в. стерлось то синтаксическое различие местоимений 3-го лица и не-лица, которое отражалось в правиле о применении *его, ему, ее* и т. п. к лицу, а *оного, оной* и т. п. — к предмету.

наклонилась и грозитя *тебя* задавить» (VII, 188)⁵⁷. Буслаев указывал также, что и множественная форма 2-го лица *вы* при глаголе имеет такой же оттенок неопределенно-личного значения.

Иллюстрацией может служить отрывок из «Леса и степи» И. С. Тургенева: «...то велишь заложить беговые дрожки и поедешь в лес на рябчиков. Весело пробираться по узкой дорожке между двумя стенами высокой ржи. Колосья тихо бьют вас по лицу, васильки цепляются за колеса, перепела кричат кругом, лошадь бежит ленивой рысцой. Вот и лес. Тень и тишина. Статные осины высоко лепечут над вами... Вы едете по зеленой испещренной тенями дорожке...» Ср. у Пушкина в «Путешествии в Арзрум»: «Здесь [в Дарьяльском ущелье] так узко, — пишет один путешественник, — что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту. Клочок неба, как лента, синее над вашей головой».

Акад. А. А. Шахматов в своем «Синтаксисе» отмечал, что глагольные формы 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа настоящего времени, непосредственно «означая сочетание субъекта с предикатом, субстанции с признаками» (так как указание на лицо, на производителя действия включено уже в их морфологическую структуру), являются формами, всегда господствующими в речи. Между тем «в литературном языке только в зависимой форме употребляется 3-е лицо единственного спрягаемого глагола, как сочетающееся с подлежащим в качестве сказуемого» («Жар пылает. Как пахарь, битва отдыхает. Кой-где гарцуют казаки. Ровнясь, строятся полки. Молчит музыка боевая» — Пушкин). «Форма 3-го лица множественного числа в одних соединениях имеет значение господствующего слова, означая сочетание неопределенного лица во множественном числе с глагольным признаком, в других — зависимого слова, а именно в сочетании с подлежащим...»⁵⁸

Грамматическая антитеза форм 1-го и 2-го лица и формы 3-го лица подтверждается еще и тем, что в страдательном значении возвратные «формы на *-ся* употребляются только в 3-м лице единственного и множественного»⁵⁹, а для выражения 1-го и 2-го лица употребляются преимущественно причастные конструкции.

Итак, анализ грамматических форм и функций 1-го и 2-го лица необходимо отделить от изучения формы 3-го лица: с 3-м лицом глагола связан целый ряд своеобразных грамматических особенностей.

§ 14. Значения и употребления форм 1-го лица единственного и множественного числа

С грамматической точки зрения наиболее устойчива и наименее многозначна форма 1-го лица единственного числа как форма субъекта речи. Правда, в некоторых случаях возможно экспрессивное замещение формы 1-го лица формой 3-го лица, когда субъект характеризует себя со стороны как постороннее лицо. Ср. у Л. Толстого в «Войне и мире» — о Наташе: «Это удивительно, как я умна, и как... она мила», — продолжала она, говоря про себя в третьем лице и воображая, что это говорит про нее какой-то очень умный, самый умный и самый хороший мужчина».

Кроме того, форма 1-го лица единственного числа иногда служит для обозначения обобщенного субъекта, и в этом случае индивидуально-личное значение ее ослабевает. Например: «Я мыслю — следовательно, существую». Особенно выразительно такое обобщенное употребление в рассуждениях, в общих сентенциях (например, в поговорках: «Чье кушаю, того и слушаю» и т. п.). Однако и в этих случаях прямое отношение к говорящему субъекту, к *я* все же отчетливо сохраняется. Гораздо более сложны и разнообразны возможности непрямого, перенос-

ного употребления 1-го лица множественного числа. Так, на формах глагола отражается экспрессивное употребление категории множественного числа вместо единственного, свойственное именам и местоимениям. Оно ведет к замене форм 1-го и 2-го лица единственного числа формами 1-го и 2-го лица множественного числа.

С глагольной формой 1-го лица множественного числа сочетаются такие переносные смысловые оттенки, соответствующие употреблению местоимения *мы*:

1. Говорящий (или пишущий) может пользоваться формой 1-го лица множественного числа вместо формы 1-го лица единственного в интересах скромности, как бы скрывая свою личность за другими, или, напротив, выставляя свою личность, себя как выразителя мысли и воли группы, целого коллектива, или же манерно придавая своей речи экспрессию величия, торжественности и авторской важности.

2. Кроме того, 1-е лицо множественного числа имеет значение участливой совокупности, совместности — в обращениях к собеседнику (вместо 2-го лица единственного и множественного числа). А. А. Шахматов указал, что этот оборот развился под влиянием французского языка. Например, у Писемского в «Ипохондрике» Канорич говорит про сестру, обращаясь к ней самой: «Исправническому учителю сюртуки дарить так есть на что; а брату вытер той шубкой каждый день *тычем* глаза». Но ср. в очерке Гончарова «Иван Саввич Поджабрин» в разговоре слуги Авдея с Иваном Саввичем:

— Я забыл вам сказать: дворник давеча говорил, что на вас хотят жаловаться...

— Кто? Кому? — с испугом спросил Иван Саввич.

— Хозяину жильцы.

— Жильцы? Хозяину?

— Да-с: слышь женскому полу *проходу не даем*...

3. Наконец, в обобщенных сентенциях 1-е лицо множественного числа может означать неопределенную группу лиц, с которой говорящий объединяет себя в силу солидарности, общности характера или привычек. Это так называемое неопределенное 1-е лицо множественного числа: *поживем — уви дим; что имеем, не храним, — потерявши, плачем* и т. п.

§ 15. Значения и употребления форм 2-го лица единственного и множественного числа

В отличие от форм 1-го лица единственного и множественного числа, в которых даже при переносном употреблении отчетливо сохраняется отношение к конкретному субъекту речи, значение форм 2-го лица гораздо более неопределенно и растяжимо. Формы 2-го лица абстрактнее форм 1-го лица. Теряя прямое отношение к данному конкретному собеседнику, они получают обобщенное значение.

Форма 2-го лица единственного числа широко употребляется в неопределенно-личном смысле. Например: «Криком да бранью ничего не возьмешь» (И. Тургенев, «Контора»); «На чужой роток не накинешь платок, — сказал хозяин» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»); «Любишь кататься — люби и саночки возить»;

В себя ли заглянешь? - там прошлого нет и следа: И радость, л муки, и все там ничтожно...

(Лермонтов)

Ср. обобщенно-личное употребление формы 2-го лица при наличии местоимения *ты*: «Вот не доедем, да и только, домой. Что ты прикажешь де-

лать?» (Гоголь, «Ревизор»); «Вот поди ж ты! Отыми у него деньги, вся цена ему грош, а везде ему почет» (Островский); «Наскучило идти,— берешь извозчика... а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет» (Гоголь, «Ревизор») и т. п.

Ср. неопределенно-личное употребление формы повелительного наклонения: Безумец я. Чего ж я испугался? На призрак сей *подуй* — и нет его. (Пушкин, «Борис Годунов»)

Форма 2-го лица единственного числа при обращении к лицу не родственному, не близкому и **не** связанному тесно и интимно с субъектом речи общностью семейных, бытовых или общественных интересов, заменяется формой 2-го лица множественного числа.

Форма 2-го лица множественного числа, как и форма 2-го лица единственного числа, может обозначать не конкретных собеседников, а неопределенных слушателей или читателей. Например: «За четверть часа до захождения солнца, весной, вы входите в рощу, с ружьем, без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки, оглядываетесь, осматриваете пистон, перемигиваетесь с товарищем... Птицы болтливо лепечут; молодая трава блестит веселым блеском изумруда... вы ждете» (Тургенев, «Ермолай и мельничиха»).

Соотносительные формы 1-го и 2-го лица, указывающие на говорящего и его собеседника в определенно-личном и неопределенно-личном их понимании, противопоставляются предметно-личным формам 3-го лица.

§ 16. Определенное предметно-личное и неопределенно-личное употребление форм 3-го лица

Форма 3-го лица синтаксически сочетает признаки определенно-личного отношения к деятелю или производителю действия с возможностью полного устранения субъекта действия.

Обычно формы 3-го лица согласуются с обозначениями производителей действия, которыми могут быть названия лиц и предметов. Например:

Толпа жужжит, за стол садясь.	Дробясь о мрачные скалы,
.....	Шумят и пенятся валы,
На миг умолкли разговоры;	И надо мной кричат орлы,
Уста жуют. Со всех сторон	И ропщет бор.
Гремят тарелки и приборы	И блещут средь волнистой мглы
Да рюмок раздается звон.	Вершины гор.

(«Евгений Онегин») (Пушкин, «Обвал»)

Обобщенно-личное (или, вернее, неопределенно-личное) употребление формы 3-го лица единственного числа вызывается необходимостью умолчания о субъекте действия*. Такое употребление возможно лишь при отсутствии прямых морфологических и синтаксических указаний на 3-е лицо. Неопределенно-личное или обобщенно-личное значение формы 3-го лица

* Ср. иного рода мотивы устранения названий субъекта действия: «Мать... быстро спросила:

- Что? что?

—Прислала...— сказал сын, подавая ей письмо. Имя Зины и даже слово «она» не произно

силось в доме. О Зине говорили безлично: «прислала», «ушла...» (Чехов, «Соседи»).

свойственно главным образом прошедшему времени и условно-желательному (или сослагательному) наклонению. Лицо в этих случаях не называется, но и не устраняется: оно усматривается из общего смысла предложения и из форм рода (ср. связь среднего рода с безличностью).

Между тем флексия 3-го лица единственного числа настоящего времени в литературном языке допускает лишь два понимания, два осмысления. Она или выражает связь действия с определенным лицом и предметом, или же указывает на устранение лица и предмета из сферы действия, на безличность действия. Поэтому она не может (или может только в исключительных случаях) обозначать обобщенное представление о лице. Форма же прошедшего времени на -л без личного префикса может выражать действие, принадлежащее еще не названному или подразумеваемому лицу. Поэтому она и получает в предложениях обобщенно-личный смысл. Например: *Либо пан, либо пропал; Метил в ворону, а попал в корову; Людей-то у нас один-другой — да и обчелся* и т. п.

Есть резкое грамматическое различие в употреблении форм 3-го лица единственного и множественного числа. Формы 3-го лица множественного числа любого времени, если при них не обозначен производитель или носитель действия, свободно относятся к неопределенному лицу, т. е. они в этих случаях не указывают на определенного производителя действия, а предполагают множественную неопределенно-личную массу в качестве действующей среды (ср. фр. *on*, нем. *man*). Например: «А в трактир, *говорят, привезли* теперь свежей семги» (Гоголь); «К купальщикам тихо подкрадывалась акула. Их всех *выгнали* из воды, а акуле сначала *бросили* бараньи внутренности... а потом *кольнули* ее острогой» (Гончаров, «Фрегат Паллада»); «Я любил мартовские сумерки, когда начинало морозить и когда *зажигали* газ» (Достоевский, «Идиот»).

В этом неопределенно-личном употреблении форма 3-го лица множественного числа переходных глаголов является синтаксическим синонимом личных конструкций с причастием страдательного залога, в которых грамматическое лицо или РГ действующий предмет является не настоящим производителем действия, а лишь «точкой приложения процесса» («point d'application du proces», по выражению А. Meillet)⁶⁰. Например: *поле вспахали* и *поле вспахано*.

Этим синонимическим соответствием подчеркивается личное значение формы 3-го лица множественного числа, отношение ее к неопределенному лицу (*люди, кто-то*). При отсутствии такого отношения была бы невозможна синонимическая замена неопределенно-личной формы 3-го лица личной страдательной конструкцией.

Таким образом, хотя неопределенно-личное употребление глагольных форм резко отличается по своим значениям и оттенкам от собственно-личного их употребления, однако в них есть нечто общее: это наличие грамматического отношения — прямого или скрытого — к производителю действия.

§ 17. Процессы устранения 3-ю лица и безличное употребление формы 3-го лица единственного числа от личных глаголов

Совсем иная картина грамматических соотношений вырисовывается в безличном употреблении форм 3-го лица. А. А. Потебня и Д. Н. Овсяннико-Куликовский⁶¹ установили градацию разных степеней безличности⁶². Переход от личного употребления к безличному намечается в формах 3-го лица с мыслимым, но неизвестным субъектом. Например, в рассказе «Собака» Тургенева: «И представьте вы себе, господа: только что я задул свечу, *завозилось*

у меня под кроватью. Думаю: крыса? Нет, не крыса: *скребет, возится, чешется...* Наконец, ушами *захлопало*». Ср. у Л. Толстого в рукописном варианте «Войны и мира»: «За занавесом, как мыши, таинственно и незаконно *шуршало и шевелилось*»⁶³. Ср. у Достоевского в «Бесах» диалог между Marie и Шатовым перед родами:

— Да неужто вы не видите, что *началось*?!

— Что началось, Marie?

— А почему я знаю. Я разве тут знаю что-нибудь...

— Marie, если бы ты сказала, что начинается... а то я... что я пойму, если так?..

— Да неужели вы, наконец, не видите, что я мучаюсь родами?..

Ср. у Лескова в «Соборях» (в речи просвирни):

— Боже, кто это тебя, Варначок, так изувечил? — вскрикнула, встретив запоздалого сына, просвирня.

— Никто-с, никто меня не изувечил. Ложитесь спать. Это на меня впотьмах что-то накинuloсь.

— *Накинuloсь!*

— Ну, да, да, впотьмах что-то накинuloсь, и только.

Старушка-просвирня зарыдала...—*Эти они, они* тебя мучат, — заговорила, всхлипывая, старушка. — Да, теперь тебе уж не жить здесь, больше, Варнаша.

— Кто *они*? — вскрикнул недовольный Препотенский.

Старушка указала рукой по направлению к пустым подставкам, на которых до недавнего времени висел скелет, и, прошептав: «мертвецы», она убежала, крестясь, в свою каморку.

Здесь как бы ищется, хотя и не всегда находится, производитель действия, «лицо». Здесь, по остроумному замечанию Овсяннико-Куликовского, «неопределенность не обобщения, а неведения».

В этих случаях, по словам Meyer-Liibke, «говорящий... замечает одно лишь действие, не заботясь о творце этого действия или не имея возможности создать себе представление о таком, и потому выбирает ту форму *verbi finiti*, которая грамматически является наиболее неопределенной»⁶⁴. Ср. у С. Голубова в повести «Атаман и фельдмаршал»: «Со всех сторон доносились странные звуки: там *скрипнет*, словно *пожалуется*; там *свистнет* или *загогочет*. А то вдруг *отзовется* таким внятным откликом, будто позвал человек человека»⁶⁵.

Степень устранения лица может быть различна. Разнородны бывают и внутренние мотивы и исторические причины устранения или отсутствия лица. Вопрос о генезисе безличных глаголов слишком сложен, чтобы углубиться в него при общем описании безличных форм и их функций в современном русском глаголе⁶⁶. В современном языке безличные формы — живая и продуктивная категория. При этом между глагольными формами с устраняемым лицом или отвергаемым производителем действия и между глаголами безличными в собственном смысле наблюдаются резкие семантические различия. Колебание, смешение и взаимодействие этих крайних типов приводит к разнообразным переходным формам безличного употребления, в которых открывается множество тончайших стилистических оттенков русского языка*.

— * И. Ф. Анненский заметил: «...народная речь представляет не мало примеров искусственного заполнения идеи предиката или идеи субъекта... Интересен, например, случай, который наблюдается в одной онежской былине (Гильфердинг, № 48): «*Оставлен* есть *оставеш* на дороженки»⁶⁷. Ср. в «Сборнике загадок» Садовникова:

Хо́да ходит,

В избу не входит (Спб., 1876, с. 8, стр.97).

Ср. в «Белорусском сборнике» Романова: «Виса висит, хо́да ходя; при́дя хрда да за вису цап» (т. 1, с. 2).

Грамматика русского глагола органически сплетается с его стилистикой.

Ср. у Гоголя: «Тихо *светит* по всему миру: то месяц показался из-за горы». У Тургенева: «Но все тихо; это, верно, показалось ему. Вдруг где-то в отдалении раздался протяжный, звенящий, почти стелющийся звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины... Прислушаешься — и как будто нет ничего, а *звонит*». Ср. у Чехова в рассказе «Случай с классиком»: «В животе у него *перекатывало*, под сердцем *веяло* холодом, само сердце стучало и замирало от страха перед неизвестностью»; в рассказе «Аптекарьша»: «Сердце у нее стучит, в висках тоже *стучит*».

Глагольные формы этого рода со скрытым или устраненным лицом очень продуктивны. Они являются заменой полных личных форм, внося во фразу свойственный им оттенок завуалированности деятеля, производителя признака. «Когда нужно отвлечь внимание от деятеля, представить действие совершающимся само собою, фатально, или очертить силу, стихийность действия и т. д., тогда такие обороты всегда к нашим услугам»⁶⁸. Например, у Л. Толстого: «Он ли вез, или его *гнало*, он не знал» («Война и мир»); «*Догадало* меня попросить Тимофея сходить в книжную лавку» (Глеб Успенский, «На старом пепелище»). Ср. изречение Пушкина: «Черт догадал меня родиться в России с душой и талантом». Ср.: *И дернуло меня ему об этом рассказать* и *Дёрнула меня нелегкая* или *Черт дернул меня ему рассказать об этом*.

Для понимания сущности категории безличности в современном языке важно отметить, что безличное употребление формы 3-го лица иногда входит в систему форм личного глагола и понимается на фоне личных форм и значений того же слова. В этих случаях отрицание или устранение лица является как бы грамматическим видоизменением личных форм того же слова. С личным и безличным употреблением одного и того же глагола связаны разные его лексические оттенки. Так, по словам А. М. Пешковского, во многих случаях «один и тот же глагол без резкого изменения своего вещественного значения может быть употреблен то лично, то б е з л и ч н о...»⁶⁹. Ср.: *голова трещит* — *в голове трещит*; *сердце щемит* — *на сердце щемит*; *дует сильный ветер* — *здесь дует*; *льет как из ведра* — *дождь льет как из ведра*; *метет* — «на дворе метелица метет» и т. п. Ср.: «Жар свалил... Повеела прохлада» и *повеело прохладой*; «Ручьи текли. Не парил зной» (А. Толстой) и «Уже с полудня *парило* и в отдалении все *погрохатывало*» (Тургенев, «Затишье»); «Ветер накренил лодку» и «Лодку слегка *накренило*»; «Я тоже вздрогнул, словно холодом меня *обдало*. Мне вдруг стало жутко, как преступнику» (Тургенев, «Фауст») и «Запах померанцев *обдал* меня волной» (Тургенев, «Призраки»); «Меня *жгло* как огнем в ее присутствии» (Тургенев, «Первая любовь») и др. «Отрицание конкретности проявления действователя ведет к видоизменению представления его самого и к его отрицанию...» — замечает По-тебня⁷⁰. Например: *меня так и тянет*; *так и подталкивает*; *так и подбивает*; *как рукой сняло*; *в три погибели согнуло*; *разнесло*, «Из сада *несло* сладким запахом лип» (Тургенев, «Затишье»); *раздуло*; *на душе скребет*; *меня ко сну немного клонит* (ср. «Его *клонил* к подушке сладкий сон» — Лермонтов); *от жары к лени клонит* (ср. «Лета к суровой прозе *клонят*» — Пушкин) и т. п.

С другой стороны, характерная для современного научного мышления борьба с мифологическими, анимистическими представлениями также ведет к устранению указания на деятеля и к образованию безличных выражений, например : *его убило электричеством* или *электрическим током* вместо: *его убило электричество*. Точно так же ощущение несоответствия между действием и его непосредственной причиной, его производителем в таких, например, выражениях, как: *брус проломил ему голову*, *река несет лед*, *гром убивает человека* и т. п. — тоже порождает безличные формы изображения с творительным

орудным. Ср. у Тургенева в рассказе «Степной король Лир»: «Ему брусом затылок *проломило*, и грудь он себе раздробил, как оказалось при вскрытии». Действующий предмет, «лицо» устраняется, превращаясь в орудие или средство действия. Ср.:

Как молотком, *стучит* в ушах упреком.

(Пушкин)

Нет ни в чем удачи: То *скосило* градом. То *сияло* пожаром.

(Кольцов)

Языковая техника здесь использовала как материал отжившую идеологию. Потебня так и писал об этом:

«Оборот *громом убило* логически последователен, пока понимается так, что подлежащее сказуемого *убило* представляется неизвестным, но существующим, причем творительный означает орудие неизвестного лица. Если же лицо вполне отрицается, на позднейших ступенях понимания, то выходит противоречие: орудие без действующего лица. Подобное противоречие заключено в оборотах, в коих подлежащее налицо, а сказуемое представлено неопределенно-субъектным (= бессубъектным)»⁷¹, например: *пришло их тьма*.

Будучи живой и продуктивной формой представления действия вне отношения к деятелю, категория безличности открывает возможности адекватного изображения процесса с неизвестным производящим лицом. Например: *Вчера на стройке задавило человека*; ср. у Чехова в рассказе «Брожение умов»: «*Кого раздавило?* Ребята, человека раздавили». Ср.: «Какой шум в печке! У нас незадолго до смерти отца *гудело* в трубе» (Чехов, «Три сестры»); «Мы думаем, что, как *н&сГвыкинет* из привычной дорожки, все пропало; а тут начинается новое, хорошее» (Л. Толстой, «Война и мир»).

Простое отрицание факта существования или присутствия производителя действия также легче согласуется с безличным способом воспроизведения действия. Например: «И не будет на свете ни слез, ни вражды» (Надсон); «Не здешний он, этот человек, да и здесь его теперь не находится» (Достоевский, «Братья Карамазовы»); «Или тебе жаль меня, или ты уж чувствуешь, что хозяина твоего скоро не станет» (Тургенев, «Дневник лишнего человека»).

Итак, безличные конструкции, в основе которых лежит употребление безличной формы глагола, служат средством преднамеренного изображения действий с неизвестным или неопределенным субъектом. Кроме того, в современном русском языке очень продуктивно безличное употребление глаголов ощущения, физического и психического состояния, глаголов судьбы, рока. Как указывал Потебня, с безличностью органически связаны оттенки залоговых значений, разные приемы выражения косвенного отношения действия к субъекту (ср.: *мне не терпится, уже было приступлено к стройке завода* и т. п.).

Детальная классификация всех случаев безличного употребления личных глаголов — дело синтаксиса. Описание функций безличности «уже не может ограничиться констатированием того факта, что личный глагол принял безличное значение, а должно показать, кака я именно конструкция, кака я форма словосочетания вызвала такую перемену в значении глагола?»⁷²

§ 18. Безличные глаголы

Категория лица и категория безличности соотносительны. Они нередко обнаруживаются в формах одного и того же глагола. Но сверх того, категория безличности может быть семантическим центром особого глагольного

слова. Безличные глаголы не кажутся недостаточными. К ним есть переходные ступени. Известны, например, личные глаголы, употребительные почти исключительно в форме 3-го лица (ср.: *причина кроется в том, что...; что-то мерещится; «И снится чудный сон Татьяне»* (Пушкин); ср. употребление глаголов *мерзить, зыбаться* или *зыбиться*: «Тихо *зыблется* тростник» (Пушкин); *зждиться*).

Многие безличные формы, отколовшиеся от личных глаголов, стали самостоятельными глаголами, отдельными словами. Например: *рвет, морозит, хватает* (т. е. достаточно); *везет* (о счастье, удаче); ср. *забирает* («Забрало меня за живое» — Златовратский) — при явном вымирании личных форм с этим значением (например: «Взял жену, чтобы жить вдвоем, и вдвое *забрала* забота» (Грибоедов); ср. *забрала охота что-нибудь делать; ср. эк его разбирает, разобрало* и т. п.).

Множество глаголов вообще известно только в безличной форме. Они не имеют омонимов среди личных глаголов. Ср.: «И как это тебя *угораздило*» (Чехов, «Оратор»)*; «В горле даже *саднит*» (Слепцов, «Спевка»); «Пряжкину опять от испуга *пучит*» (Тургенев, «Холостяк»); *тошнит* и т. п. Ср.: «Видали ль вы умильную картину, когда юноша сидит среди старух, припоминающих за всю свою многострадальную жизнь, как их *стреляло, кололо, тошнило, тянуло, ломало и корбило*» (Помяловский, «Молотов»).

В современном русском языке выделяется несколько лексических типов безличных глаголов. Эти типы относятся к строго определенным семантическим категориям. В пределы этих категорий вмещаются и самостоятельные безличные глаголы и безличные формы личных глаголов. Это:

1. Глаголы бытия, существования, состояния: «Так есть и *будет* всегда» (Достоевский, «Преступление и наказание»); «Я надеялся, но *вышло* иначе» (Пушкин, «Путешествие в Арзрум») и т. п. С точки зрения современного русского языка здесь ощутим лишь непродуктивный способ безличного употребления личных глаголов. Особых, самостоятельных безличных глаголов этого семантического типа, по-видимому, нет.

2. Глаголы, обозначающие явления природы: *светает, вечереет, похолодало, смеркается, морозит* и др. Круг относящихся сюда безличных глаголов не широк. Но возможно переносное употребление личных глаголов для выражения однородных смысловых оттенков. Ср. в «Войне и мире» Л. Толстого: «Дождик шел с утра, и казалось, что вот-вот он пройдет, и на небе *расчистит*».

3. Глаголы, означающие стихийные явления, например: «На лесопильном дворе *горит*» (Чехов, «Господа обыватели») и т. п. В этой семантической сфере также обычны безличные формы личных глаголов.

4. Глаголы, связанные с представлением о судьбе, роке: «Ну, и *везет* вам сегодня» (Л. Андреев, «Большой шлем»). Это отстоявшаяся и застывшая лексическая группа.

5. Глаголы, означающие внутренние физические ощущения и физиологические изменения в отправлениях организма, в его состоянии (*рвет, тошнит, пучит, саднит* и т. п.). Ср.: «От радости в зобу дыханье *сперло*» (Крылов, «Ворона и Лисица»); «Мой друг, мне уши *заложило*» (Грибоедов, «Горе от ума»); «Меня всего *передернуло*» (Достоевский, «Бесы»); *отлегло от сердца*.

6. Глаголы, означающие ощущения от внешних явлений (чувственные восприятия и внешние явления как объект этих восприятий): «от него *несет* чесноком»; «*Пахло* от него ветчиной и кофейной гущей» (Чехов, «Сирена»); «В детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него *отдает* немного водкою»

_____ * Ср. «Черт угораздил тебя лезть сюда»; ср.: «Догадало ж тебя вмешиваться в это дело» и «Черт догадал меня...».

(Гоголь, «Ревизор»). Ср.: «От бесед с литераторами и чтения журналов определенно *веет* затхлостью злейшей «кружковщины», вредной замкнутостью в тесных квадратиках групповых интересов, стремлением во что бы то ни стало пробиться в «командующие высоты» (Горький).

7. Глаголы, означающие психические переживания человека, например: *стерпится — слюбится*: «*Не поздоровится* от эдаких похвал» (Грибоедов, «Горе от ума»).

8. Глаголы, означающие стихийную направленность действия на субъект или присущую кому-нибудь предрасположенность к действию, способность как бы невольного проявления какого-нибудь действия, а также, напротив, от сутствие в ком-нибудь волевых импульсов, расположения к какому-нибудь действию*. Например: «Два часа ночи... *не спится*... А надо бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала» (Лермонтов, «Княжна Мери»**); «*И верится и плачется*» (Лермонтов); «Вы не верите слезам... Но я плачу не для вас: мне про сто *плачется*» (Гончаров, «Фрегат Паллада»); «Туда, сюда, а дома *не сидится*» (Пушкин, «Русалка»); «Литвинов взялся за книгу, но ему *не читалось*» (Тургенев, «Дым»); «Правду сказать, отлично *лежалось* на этом диване» (Тургенев, «Два приятеля»); у Достоевского в «Бесах»: «Кажется, готов к труду, материалы собраны, и вот *не работается*. Ничего *не делается*». В этих образованиях значение безличности связано с присоединением аффикса *-ся*.

Значение безличной формы на *-ся* чрезвычайно ярко сказывается в такой крестьянской речи, записанной А. И. Эртелем:

— Вот штука! — говорит работник, возвращаясь со станции:

— Кобыла пять раз выпрягалась. Измаялся.

— Гужи ослабли.

— Какие тебе гужи! А это я, признаться, встретился с мужиком — он не сворачивает, и я не сворачиваю. Ну и поругались. Вот он, пес его дерит, и напустил.

— Чего напустил?

— Да чтоб *отпрягалось*⁷⁵.

Безличные формы этого последнего разряда настолько продуктивны в современном языке, что возникает тенденция производить вторично такие формы даже от глаголов на *-ся*. А. М. Пешковский по этому поводу заметил: «В настоящее время категория эта уже всеобща, т. е. форму эту можно образовать от каждого глагола {*мне читается, говорится, работается, лежится, чихается* и т. д. и т. д., вплоть до любого, хотя бы и необычного, но всегда возможного новообразования}, за исключением глаголов возвратных. От возвратных глаголов форма эта совсем не образуется: нельзя сказать: *мне сегодня торопится, мне умывается, мне веселится, мне смеется* и т. д.»⁷⁶. Ведь надо было бы к форме возвратных глаголов прибавлять второе *-ся*, что противоречит фонетическим нормам русского языка, избегающего удвоения слогов (ср. *минералог*, а не *минералолог*). Кроме того, вообще образованию и распространению безличных форм на *-ся* от многих глагольных основ препятствует широкое употребление соответствующих личных омонимов или омоформ (ср. невозможность сказать: *мне сегодня не считается*; но ср. *я хорошо считаю* и т. п.). Мнение А. М. Пешковского о возможности образовать безличную форму на *-ся* от любого невозвратного гла-

— * С небольшими дополнениями и видоизменениями мною воспроизведена схема деления безличных глаголов, предложенная акад. А. А. Шахматовым и навеянная на него трудами Ми-клошича и Красновольского⁷³.

** Ср. замечание И. Ф. Анненского: «...рядом с бессубъектным употреблением слов *не спится, хочется* встречаем в народном языке и обычное: «А цару (т. е. чару.— В. В.) то пьешь, другая *хочется* (*Гильфердинг*, 1, № 225); «Темная ноченька *неспится*» («Сборник» Садовникова с. 4)⁷⁴.

гола ошибочно. Производство безличной формы на *-ся* ограничено строгими семантическими условиями (о них см. в исторической лексикологии русского языка). Но в индивидуальном говорении и писании замечаются бесплодные попытки производить безличные формы даже от возвратных глаголов. Так, Натан Венгров в своих «Песнях с картинками для маленьких» (М., 1935, с. 13) пел:

Улыбнись на вечера,

Чтоб смеялось нам с утра⁷»Л

§ 19. Виды аналитического выражения категории лица

Грамматическая двойственность выражения значений лица и безличности очевидна. Категории лица и безличности в формах настоящего и будущего времени выражаются окончаниями. Окончание 3-го лица единственного числа при отсутствии представления о субъекте действия является приметой безличности. Это — синтетические формы лица и безличности. Аналитически категория лица выражается личными местоименными префиксами (и соотносительными с ними родовыми и числовыми окончаниями, например, *я читал*). В этом ряду форм безличность может выражаться лишь негативно — отсутствием личного префикса и формой среднего рода (*мне не спалось, ему не повезло*). Правда, в фамильярном просторечии есть тяготение к местоименной примете безличности — частице *оно*. Например: «Только все-таки хорошо *оно*, что так произошло. И дурно *оно* было, и хорошо *оно* было» (Достоевский, «Братья Карамазовы»); «Так *оно* и следует: порядочным людям стыдно говорить хорошо по-немецки» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «Оно вот так и вышло» (Чехов, «Случай с классиком»); «Конечно, если продать парочку лошадок, да одну из коров, да барашков, *оно*, может, хватит» (Герцен, «Былое и думы») и многие другие*. Но такая безличная конструкция не является нормой. Аналитический способ выражения в русском языке присущ лишь личным формам. У нас аналитические формы в большей своей части еще не утратили раздельности компонентов и легко подвергаются морфологическому разложению на части (даже в составной форме будущего времени возможен синтаксический разрыв компонентов, например, *Завтра буду усердно заниматься*).

Во многих аналитических формах еще очень ясны следы и остатки синтетического строя. Аналитические формы прошедшего времени тоже не вполне свободны от элементов синтетизма. В них категория лица выражается аналитически, но род и число обозначаются окончаниями (*Ты приехала; Мы лето прожили в деревне*). Однако в системе русского глагола намечается иной тип безаффиксного, чисто аналитического спряжения. Речь идет о глагольных формах, омонимичных с формой повелительного наклонения (*возьми*, но ср. *случись* и т. п.), и о так называемой «междометной» форме глагола (*прыг, бух, хватъ, цап-царап* и т. п.), употребляемых в сочетании с личными префиксами или именными названиями субъектов действия.

А женщина, что бедная наседка. *Сиди* себе да *выводи* цыплят.

(Пушкин, «Русалка»)

«Вам хорошо, а я сына в университете *содержи*, малых в гимназии *во-*

—* Местоименное словечко *оно* здесь отчасти сохраняет указательное значение. Ср. у Чехова: «И все оно сыплет, и все оно сыплет,— бормотал Семен, вытирая с лица снег.— И откуда оно берется, бог его знает» («В ссылке»).

спитывай» (Л. Толстой); «Положил я его на стол, чтобы ему операцию делать, а он *возьми* и *умри* у меня под хлороформом» (Чехов, «Дядя Ваня»); «Я *стряпай*, ты будешь жрать, а сам ни с места» (Гончаров, «Слуги старого века»). Щепотки волосков лиса не *пожалей* — Остался б хвост у ней.

(Крылов, «Лиса»)

Глагольные формы этого рода, напоминающие по внешнему виду повелительное наклонение, обычно сочетаются с личными местоимениями и обозначениями живых существ и предметов, но они употребляются и безлично (безличные формы образуются от глаголов, которые не имеют повелительного наклонения). Например: *Случись* кому назвать его, Град колкостей и шуток ваших грянет. (Грибоедов, «Горе от ума»)

Ср. у Крылова:

Случись тут мухе быть.

(«Муха и дорожные»)

Но ср. также:

А тут к беде еще беда: *Случись* тогда ненастье.

(Крылов, «Охотники»)

Междоименные же формы глагола в литературном языке почти вовсе лишены способности безличного употребления⁷⁸. Например: «Вдруг старушка мать — *шасть* в комнату» (Тургенев, «Уездный лекарь»); «Тут рыцарь *прыг* в седло» (Крылов, «Рыцарь»);

Нагайка *щелк* — и, как орел, Он кинулся...

(Лермонтов, «Демон»)

Н. П. Некрасов в своем замечательном исследовании «О значении форм русского глагола» впервые* дал своеобразное истолкование такому употреблению «императивной формы», или, как он сам ее назвал, «абсолютно-личной формы глагола»:

«...Мы видим, что к ней можно прибавлять все личные местоимения: *читай я, ты, он* и т. д., т. е. что она употребляется для лиц, следовательно, есть форма *личная*. Наконец, она остается неизменною для всех трех лиц, а следовательно, для родов и чисел... Если эта форма общая для всех трех лиц, то, понятно, она не выражает собою *непосредственного* отношения или *непосредственной* связи действия с тем или другим определенным лицом... Соединение или несоединение общей личной формы действия с известным лицом вполне зависит от лица говорящего: оно связывает то или другое действие с тем или

_____ * Интерес к этой глагольной форме возник еще в начале XIX в. Так, в анонимном письме, помещенном в «Трудах Общества любителей российской словесности», читаем: «Почему в разговорах часто вместо прошедших времен употребляется наклонение повелительное? Например: «Я отдаю ему трость, а он *возьми* и *урони* ее»; «Я прихожу к нему, а он *уйди*». Этого свойства также нет ни в одном из известных мне языков. Его можно причислить к достоинствам языка русского, ибо оно придает рассказу более силы и быстроты»⁷⁹.

другим лицом по своему желанию, по своей воле, а не потому, что между действием и лицом находится уже сама по себе связь действительная, непосредственная... Так как лицо говорящее распоряжается, так сказать, в этом случае *действием*, приписывая его какому-либо известному лицу, а не лицом, которое само по себе с действием не имеет никакой непосредственной связи; то связь или отношение абсолютно-личной формы глагола с известным лицом становится действительной связью, действительным отношением только как выражение желания или воли лица говорящего... Если же эту форму не обозначается ни числа, ни рода, ни предметности, то, понятно, ею может обозначаться только *лицо*, но лицо без рода, без числа, без предметности, т. е. ею выражается *личность действия*, как его собственная, общая, неопределенная *личность*, без всякого отношения к какому-либо лицу как к предмету действующему. Другими словами, эта форма показывает только то, что действие, выражаемое тем же глаголом, — *лично* или что личность есть существенное свойство глагола как действия. Этим объясняется, с одной стороны, возможность употребления разбираемой нами формы глагола в выражениях *общих*, или известных в грамматике под именем *безличных*... с другой — причина, почему эта форма, будучи личной, не различает однако лиц: ни первого, ни второго (третье лицо в строгом смысле не лицо, а предмет вообще)⁸⁰.

Это объяснение было принято в основном и А. М. Пешковским⁸¹. В личном употреблении этих «императивных форм» намечается новый тип аналитических конструкций в русском языке. В спряжении: *я пойдю, он пойдю, мы пойдю* и т. д. — изменяются лишь префиксы, вся остальная часть формы остается неизменной.

Таким образом, приемы аналитического выражения категории лица в системе русского глагола обозначились очень резко. Они осложнили синтетический строй словоизменения, присущий формам настоящего-будущего времени и отчасти формам повелительного наклонения.

§ 20. Категория числа в глаголе и своеобразия ее выражения в формах 1-го и 2-го лица

С категорией лица в глаголе неразрывно связана категория числа. Значения лица и числа в настоящем-будущем времени и повелительном наклонении нераздельны. Они выражаются одними и теми же окончаниями. В формах других времен и наклонений числовые аффиксы указывают на лицо лишь косвенно. Так, безличность выражается в прошедшем времени и условно-желательном (сослагательном) наклонении окончанием среднего рода единственного числа (*стошнило, стемнело, рассвело* и т. п.). Можно сказать, что в безличных формах глагола категория числа является «грамматической фикцией». В неопределенно-личных формах множественного числа прошедшего времени или сослагательного наклонения {*говорили*; «Уж сколько раз *твердили* миру, что лезть гнусна, вредна» (Крылов); «Однажды *играли* в карты у конногвардейца Нарумова» (Пушкин) и т. п.) окончание множественного числа (-и) в связи с отсутствием личного префикса является признаком неопределенно-множественного лица. Но, с другой стороны, отношение к категории числа заключено в самих местоименно-личных префиксах (*я, ты, мы, вы*).

Органическая связь категории числа с категорией лица выражается и в том, что способы обозначения числа в глаголе не являются «чистыми» формами согласования, по крайней мере по отношению к 1-му и 2-му лицу. В формах настоящего-будущего времени (тем более повелительного наклонения) это очевидно. Здесь указание на число непосредственно заключено в личном окончании. Самостоятельное употребление этих личных форм без ме-

стоимений достаточно выразительно. Например: «Вижу сам, что виноват» (Пушкин, «Капитанская дочка»); «Теперь, Александр, не будешь на меня жаловаться, что отстаю от тебя в работе. Наверстаю» (Чернышевский, «Что делать?»); «Бывало, сядем чай пить, выпьем по пятнадцати стаканов, и все торгуемся» (Чехов, «В бане») и т. п.

Даже и в тех случаях, когда формы настоящего-будущего времени употребляются в сочетании с личными местоимениями 1-го и 2-го лица, трудно говорить о согласовании глагольной формы в числе с личными местоимениями, о полной зависимости ее от них. Здесь роль местоимений, особенно при отсутствии ударения на них, формально-аналитическая; формы *я вижу, ты видишь* и т. п. вполне синонимичны с формами, не имеющими личных префиксов: *вижу, видишь* и т. п. А. А. Потебня доказывал, что формы *я хожу, ты ходишь* и т. п. также неразложимы грамматически. При таком понимании префикс *я* и форма *вижу* в *я вижу* поставлены в отношения совместности, а не согласования. Во всяком случае, в формах *я вижу, ты видишь* и т. п. показатели лица и числа двойственны. Указания на лицо и число заключены и в местоимении, и в глагольном окончании⁸². Понятно, что эта двойственность синтаксически может быть использована и в сторону обострения признаков согласования. Например: «Ей ужасно странно, что я, *который* привык к хорошему обществу, *который* так короток с ее петербургскими кухнями и тетушками, *не стараюсь* познакомиться с нею» (Лермонтов, «Герой нашего времени»).

При двойственности числовых показателей (в окончаниях и в префиксах) перевес остается на стороне местоименного «префикса», не теряющего при этом ни форм отдельного слова, ни даже оттенков своего лексического значения. Значение числа включено в формы лица.

Лучшей иллюстрацией возможности полного «переключения» числовых значений на личные префиксы может быть «спряжение» форм типа: *я скажи, мы скажи* и т. п. «Знай я, что невеста с таким образованием, да я... да и нога бы моя просто не была здесь» (Гоголь, «Женитьба»). Ср. французское спряжение *je parle, tu parles, il parle, Us parlent*.

Таким образом, характеристика отношений между личными окончаниями глагола и личными местоименными префиксами как «синтаксического параллелизма» была бы неверна. Внешние признаки согласования с местоимениями, при изменяемости глагольной формы, всегда присутствуют. Но это согласование иного рода, чем согласование имен прилагательных. Оно базируется на внутренней, органической связанности значений лица и числа в глагольных окончаниях и в местоименных префиксах. Все смысловые оттенки, присущие личным местоимениям, могут выражаться и самими личными формами глагола, и наоборот, все своеобразие в употреблении личных форм глагола передаются и личным местоимениям (ср., например, употребление формы повелительного наклонения на *-те* при вежливом обращении к одному лицу: *скажите, приходите* и т. п.).

Может показаться, что синтаксическая роль категории числа в глагольных формах на *-л* совсем иная, что здесь числовые различия являются «формами чистого согласования», как и в других «родовых словах». Однако такому пониманию противоречит употребление формы множественного числа на *-ли* в неопределенно-личном значении (*его наградили*), независимо от всякого согласования. Кроме того, местоименные личные префиксы срастаются с формами на *-л* (*-ла, -ло, -ли*) в одну целостную аналитическую форму, в которой все морфологические элементы и их значения семантически спаяны и слиты. Поэтому говорить о полном подчинении формы на *-л* личным префиксам (1-го и 2-го лица) в отношении числа было бы почти то же, что говорить о полном грамматическом подчинении морфемы *див* в слове *начдив* (на-

чальник дивизии) или морфемы *бух* в слове *помбух* (помощник бухгалтера) первой части слова. (Но ср. род. *начдива*, дат. *начдиву* и т. п.)

Внутреннее семантически неразложимое единство форм *я думал, ты думал, мы думали, вы думали* доказывается невозможностью в применении к единичному чужому лицу выразиться так: *вы говорил* или *вы говорила, вы думал* и т. п. Между тем такое согласование в числе «по смыслу» оказывается возможным у кратких форм имени прилагательного и страдательного причастия в сочетании с местоимением *вы*, обозначающим одного собеседника. Например, в романе Чернышевского «Что делать?» встречаются такие конструкции: «*Вы не были влюблена* в вашего жениха?» (Пролог); «*Вы прекрасно сложена*»; «*Вы сами должна* помнить»; «*Вы-то еще слаб*»; «*Разве вы таковъ* и т. п. (но ср. «положим, *вы правы*» и др.). Таким образом, даже сочетания кратких имен прилагательных и страдательных причастий с личными местоимениями (не говоря уже о таких сочетаниях полных прилагательных) были гораздо более похожи на двучленные, на расчлененные, чем личные формы прошедшего времени.

Под влиянием синтетических форм настоящего-будущего времени в устной речи встречается употребление форм прошедшего времени без личных местоимений 1-го и 2-го лица. В этом случае значения числа и лица как бы эллиптически включаются в родовую форму на *-л*. Например: «И с собаками ездил? — Ездил и с собаками, да убили: с лошадей упал и лошадь зашиб» (Тургенев, «Льгов»); «Работаю уже давно, и мозг высох, похудела, подурнела, постарела, и ничего, ничего, никакого удовлетворения» (Чехов, «Три сестры»).

Таким образом, формы числа в глаголе органически слиты с категорией лица. Число в глаголе менее «материально», чем в категории имен существительных, но менее абстрактно, менее формально, чем в категории имен прилагательных. В формах 1-го и 2-го лица оно не столько указывает на синтаксическую зависимость глагола от личного местоимения, сколько выражает реальные различия в отношении самого действия к количеству, числу действующих лиц.

§ 21. Подчиненное, чисто «согласуемое» положение формальных признаков числа в 3-м лице глагола

Значение категории числа несколько иное в формах 3-го лица всех времен и наклонений (не в безличном и не в неопределенно-личном их употреблении). В безличных формах отсутствует самое понятие числа, так как число в глаголах немислимо без лица. При неопределенно-личном употреблении формы 3-го лица {*говорили*} окончание множественного числа (*-и*) выражает идею неопределенно-множественного лица. Но в определенно-личном употреблении форма 3-го лица глагола согласуется в числе с названием предмета, т. е. с именем существительным или с заменяющим его местоимением 3-го лица. В этом случае категория числа является «формой» согласования, хотя и не до такой степени лексически пустой, чисто синтаксической, как у имен прилагательных. Категория предмета в русском языке глубоко связана с категорией числа, которая не только зародилась в недрах предметности, но и до сих пор сохраняет следы связей с ней. Поэтому числовые различия в глагольных формах 3-го лица находятся в прямой зависимости от числовых различий названий действующего предмета, производителя действия. Меньшая зависимость категории числа в формах глагола от личных местоимений 1-го и 2-го лица лишней раз характеризует обособленность личных местоимений от имен существительных. Но, как известно, формы личного местоимения 3-го лица зависят от значений тех имен существительных, которые замещает это местоимение и на которые оно указывает. Следовательно, местоимение 3-го лица

в современном русском языке менее слито с глагольной формой, чем местоимения 1-го и 2-го лица. Русские грамматисты не раз подчеркивали относительную самостоятельность числа в 3-м лице глагола, указывая на факты так называемого «согласования по смыслу», т. е. на употребление глагольной формы множественного числа в тех случаях, когда действие приписывается собирательному лицу, реже — предмету, облеченному в форму имени существительного единственного числа (например, при словах *большинство, меньшинство, часть, масса* с род. п. мн. ч. и др.; ср. *большинство сотрудников решили* и т. п.). В этих случаях форма множественного числа глагола, как бы независимо от формы «подлежащего», непосредственно обозначает количество деятелей. Она прямо относится к реальному действию и его производителям. Она согласована с лексическим значением «подлежащего». Сogласования же с формой существительного, выражающего субъект действия, не происходит.

Однако правильное, вслед за Шахматовым, видеть в таких словосочетаниях, как *большинство зрителей, часть колхозников* и т. п., фразеологические обороты, однородные с числовыми идиоматизмами типа: *пять человек, шесть крестьян* и т. п. Множественное число глагола при них поддерживается влиянием числовых конструкций вроде: *Десять учеников не выдержали экзамена.*

Таким образом, в категории числа глагола обнаруживается структурная спаянность форм числа с категорией лица. В способе выражения числовых различий намечается противопоставление между формами 1-го и 2-го лица и предметно-личными формами 3-го лица. Господство категории лица выражается в окончании множественного числа *-и* у форм на *-л* (*слышали*). Окончание *-и* восходит к флексии древнерусского именительного падежа множественного числа мужского рода. Это окончание могло сохраниться лишь у форм, обозначающих активные лица или относящихся к лицам активным. В этом заключается отличие форм типа *мы читали, вы писали* от кратких форм прилагательных и страдательных причастий, в которых окончание *-ы* (*мамины, красивые, сыты, влюблены* и т. п., ср. *добрые* и т. п.) восходит к флексии винительного (пассивного) падежа, падежа прямого объекта действия.

§ 22. Категория рода и ее выражение в глагольных формах на *-л, -ла, -ло*

В глагольных формах на *-л* единственного числа (т. е. в формах прошедшего времени и условного наклонения) выражена категория рода. Родовые различия этих форм исторически объясняются происхождением их из причастия, т. е. из глагольно-именной формы (ср.: *служил* и *служилый, бывал* и *бывалый*). С точки зрения современных грамматических отношений родовые различия этих форм спаяны с категорией лица. Категория рода в них отражает различия родовых значений личных местоимений. В личных местоимениях 1-го и 2-го лица категория рода совпадает с реальными различиями пола.

Поэтому-то и употребление глагольных форм 1-го и 2-го лица в среднем роде чрезвычайно редко. Форма среднего рода 1-го и 2-го лица появляется лишь в тех исключительных случаях, когда в роли говорящего лица или собеседника представляется предмет, выраженный существительным среднего рода.

В формах 3-го лица род ставится в зависимость не только от пола лица, которому приписывается действие, но и от родовой формы, родового класса того имени существительного (подлежащего) и заменяющего его местоимения (*он, она, оно*), с которым согласуется глагольная форма прошедшего времени. Таким образом, в родовых различиях форм 3-го лица также обнаруживается

противопоставление л и ц а и не-лица. В применении к предмету как производителю действия род глагольной формы всецело определяется родом соответствующего имени существительного. Например:

Привычка усладила горе, Неотразимое ничем; Открытие большое вскоре Ее утешило совсем.

(Пушкин, «Евгений Онегин»)

Напротив, в применении к лицу глагольная форма 3-го лица часто «согласуется» не столько с родовой формой имени существительного, сколько с полом обозначаемого им действующего лица. Например, в современном разговорном языке: *товарищ ушла в соседнюю комнату; управдел сказала; наш партторг объявила; директор заявила на собрании; агроном уехала в колхоз* и т. п.

Однако все своеобразия выражения категории лица и рода у имен существительных отражаются и в глагольной форме 3-го лица на -л. В тех случаях, когда имя существительное, обозначающее субъект действия, подводится под категорию женского рода, глагол обязательно согласуется с формой имени существительного, хотя бы действие относилось к мужчине (например: *вас хвалила одна особа; эта бездарность осмелилась заявить* и т. п.). Женский род существительного, как сильный, акцентированный род, подчиняет себе родовую форму глагола, обязывает ее к безусловному согласованию. По отношению к словам общего рода принцип соответствия глагольной формы реальному полу лица снова проявляется во всей силе (например, у Квитки-Основья-ненка: «Заботливая глава семейства сильно хлопотал...» («Ярмарка»); ср. у Салтыкова-Щедрина: «Прочитал борода наше веление, да так и обомлел» («Губернские очерки», «Первый рассказ подьячего»)*. Тут ярко проявляется отличие категории рода в глаголе от рода имени прилагательного. У прилагательного инерция согласования допускает возможность сохранения формы женского рода даже в сочетаниях с существительными общего рода, обозначающими мужчин, например: *он такая растяпа, большая пройдоха, он известная лакомка* и т. п. Для глагольной формы такое реальное несоответствие невозможно**.

§ 23. Субъектно-объектный характер категории лица и органическая связь ее с другими формами сказуемости

Категория глагольного лица основана на различении говорящего лица, собеседника и окружающего их мира «третьих» лиц и предметов. Категория

_____ * Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Губернских очерках» каламбурно-ироническую игру колебанием родовых форм: «Да-с... аппетитная штучка *эта Флоранчик* была. Хе-хе, — проговорил Рогожкин— А что... если бы *этот Флоранчик*... так сказать, на место Марины Ферапонтовны... хе-хе. Сюжет был бы тово-с... подходящий-с». Ср. также: «Служил он, сударь, в одном полку с неким Перетыкиным. Так, жалконький был офицеришка. Вот только и поклялись они промеж себя в счастье ли, в несчастье ли, вывезить друг друга. Брат вышел в отставку, а *Перетычка* эта полезла в гору, перешла, батушка, к штатским делам и дослужилась там до чинов генеральских» («Губернские очерки», «Обманутый подпоручик»). Ср. реальное согласование в роде (в зависимости от пола называемого лица) в сочетаниях глаголов с собственными личными именами и фамилиями: «приходила Ворон и просила передать...»; «Федорчук заявила»; «пела Вырлан» и т. п.

** Необходимо иметь в виду, что средний род глагола в современном языке всегда остается за пределами категории лица, т. е. является согласуемой формой. Ссылка проф. А. М. Пешков-ского на гоголевскую «Шинель», где выражение *значительное лицо* сочетается с формой глагола в мужском роде, основана на недоразумении. Гоголь употребляет выражение *значительное лицо* в функции собственного имени лица как выразителя целой социальной категории. Но ср. раньше, например, в языке Пушкина согласование по полу: «расплакался дитя» (так же как «балованный дитя природы»).

лица относится к числу так называемых «субъектно-объектных» категорий глагола, иначе называемых «формами сказуемости». Она органически связана с субъектно-объектным строем современного глагольного предложения. Категория лица спаяна с категориями времени и наклонения, которые также обусловлены точкой зрения говорящего лица.

Но категории времени и наклонения в свою очередь настолько тесно связаны с категорией вида, что многие оттенки временных и модальных значений необъяснимы без учета видовых различий русского глагола. Следует рассмотреть категорию вида раньше, чем приступить к анализу форм времени и наклонения.

4. КАТЕГОРИЯ ВИДА

§ 24. Грамматическая борьба за признание категории вида и против старой теории времен в первой трети XIX в.

Категория вида лежит в основе большей части процессов внутриглагольного формообразования и словообразования. Морфологический механизм категории вида сложнее и разнообразнее, чем других категорий глагола. Но его рисунок нем, невыразителен без освещения внутренних, семантических основ видовых различий.

Теория видов русского глагола — один из наиболее трудных, спорных и неразработанных отделов русской грамматики.

Эта теория при своем рождении сплелась в сложный клубок вопросов. Сюда относились и учение о формах времени, и учение о правилах образования глагольных форм и слов, и вопрос о семантических границах глагола. Так, Иоган Фатер, признаваемый одним из инициаторов (после Юрия Крижанича и Мелетия Смотрицкого) учения о видах русского глагола, в своей «Практической грамматике русского языка»^{83*} писал: «В русском языке обыкновенно от одного корня образуется несколько глаголов, из которых каждый имеет свои формы настоящего, прошедшего, будущего, повелительного, неопределенного, причастий и деепричастий. Пытались соединить эти разные глаголы тем, что рассматривали их неопределенные наклонения и времена как различные формы неопределенного наклонения и произведенные от них времена одного и того же глагола, сваливая все эти формы в один глагол. Между тем, однако, *двинул*, конечно, не находится в непосредственной формальной связи с *двигаю* и тем менее с *двигаю* — формой, признанной во всех грамматиках за причастие страдательного залога и настоящее страдательное (от неупотребительного *двигу*)».

* Ср. неразвитые, а иногда завуалированные указания и намеки на категорию вида в грамматиках Мелетия Смотрицкого, в грамматических трудах Ю. Крижанича, признававшего три вида в славянском глаголе: однократный, многократный и неопределенный⁸⁴, Генриха Лудольфа, Адагурова (1731), Ломоносова, Курганова, Светова, Барсова, Соколова и особенно в «Российской грамматике», сочиненной Императорской Российской Академией (СПб., 1802; изд. 2, 1809). Впрочем, то, что называется видом у Смотрицкого, совсем не похоже на то, что теперь разумеется под этим термином. У М. Смотрицкого говорится, что видов два: 1) первообразный, иначе совершенный, 2) производный, разделяющийся на *начинательный* и *учащательный*. Примеры первого вида: *чту, стою*; примеры второго: а) *каменею, твердою* и б) *читаю, вставаю, поучаю*. Из этого видно, что Смотрицкий под видом собственно разумел этимологическую форму глаголов первообразных и производных, например *чту* и *читаю*. Это деление восходит к латинской грамматике, в которой глаголы делились на первообразные и производные и к последним относились глаголы *начинательные* (*inchoativa*) и *учащательные* (*iterativa*). Ср. то же деление глагола в «Anfangsgründe der russischen Sprache» Адагурова⁸⁵ и в грамматике Барсова (М., 1797). Впервые же теория видов положена в основу всей системы русского глагола проф. А. В. Болдыревым⁸⁶. О начальных этапах разработки теории видов в других славянских языках см. статью: Мазон А. La notion morphologique de l'aspect des verbes chez les grammairiens russes. — Melanges offerts a M. Emile Picot. P., 1913, 1, p. 343 — 367. Любопытно, что еще раньше Болдырева И. Тимковский различал «однократное, учащательное и неопределенное знаменование глаголов»⁸⁷.

Фатер предлагал считать видовые формы одной и той же основы разными словами *. Он различал, хотя и не вполне отчетливо, три основных вида — несовершенный (с тремя временами), совершенный (с двумя) и учащательный, или многократный. Впрочем, с учением о видах Фатер пытался согласовать ломоносовское учение о десяти временах русского глагола. Грамматические идеи Фатера о виде, как известно, были упорядочены и систематизированы учителем Выборгской гимназии Августом Вильгельмом Таппе, который также объявил виды соотносительными словообразовательными типами разных глаголов с одной и той же основой: «В русском языке имеется несколько родственных глаголов одного и того же корня, но с различными формами, окончаниями и значениями»⁸⁸. Таппе различал четыре видовых типа глаголов: 1) простые, или неопределенные, несовершенные глаголы, высказывающие нечто о лице или предмете вообще, без ближайшего определения, например, *двигать*; 2) однократные, обозначающие только физическое действие, для которого необходимо проявление силы (*двинуть*); 3) учащательные (то же, что многократные, например, *двигивать*); 4) совершенные, или сложные, выражающие понятие определенности и законченности (*завдвинуть*) и образующиеся главным образом посредством приставок.

По мнению А. А. Потемби, такое решение вопроса о видовых формах глагола как об отдельных лексических единицах уже было предложено Ю. Крижаничем. «Возникший впоследствии спор о том, суть ли формы со значением однократным (и совершенным) и многократным самостоятельные глаголы, или же эти формы вместе с неопределенными составляют одно спряжение о десяти или восьми временах, с точки зрения Крижанича, решается таким образом: однокоренные глаголы, неопределенные и однократные, суть глаголы самостоятельные, но лишь взятые вместе они образуют круг категорий, выражаемых славянским глаголом. Графически этот взгляд выражается у Крижанича тем, что спряжение каждого из этих глаголов занимает особый столбец, но все три столбца стоят рядом»⁸⁹.

На взглядах Фатера - Таппе отразилось влияние проф. А. В. Болдырева⁹⁰. В своих работах «Рассуждение о глаголах»⁹¹ и «Рассуждение о средствах исправить ошибки в глаголе»⁹² А. В. Болдырев выдвигает новое учение о видах и временах русского глагола. Он находит в русском языке только две формы времени — настоящее и прошедшее. Недостаток форм времени возмещается богатством видовых различий. А. В. Болдырев считает видовые формы глаголов разными словами, разными «парадигмами». Он протестует против смешения в одном спряжении разных глаголов вроде: *дуть*, *дунуть*, *сдуть*⁹³.

По мнению Болдырева, все недостатки старого грамматического учения о русском глаголе «пристекают от того, что спряжение состоит не из одного глагола, как бы должно было, но из многих. От сего-то явилось в спряжении больше времен, нежели глагол подлинно имеет»⁹⁴. Таким образом, Болдырев борется против учения о десяти или восьми формах времени русского глагола, учения, выдвинутого Ломоносовым и слегка видоизмененного Академической грамматикой (1802 и 1809). *Дуть*, *дунуть*, *сдуть*, *дувать* — «четыре различных глагола», и нельзя от этих слов, имеющих различное значение, выстраивать разные формы времени в одно спряжение. «*Дунул* не значит просто: *il souffla*, но *Il souffla une fois*. *Сдул* получает также новую идею, которая не была заключена в значении глагола *дуть*; ибо он значит: *il souffla de des-sus, il emporta en soufflant*; или, как немцы говорят: *es hat weggeblasen*. Форма *дувал* не значит: *il avait souffle*, но *il souffla plusieurs fois, a plusieurs reprises*»⁹⁵. Русскому глаголу чуждо многообразие форм времени. Русский глагол утратил древнее богатство временных форм. Но «то, что язык теряет в формах, вознаграждается глаголами» (т. е. образованием разных глаголов с разными видовыми значениями). Иными словами: в связи с утратой форм времени сокращается число форм одного глагола, но с развитием видов «умножается количество самих глаголов». Новые правила «возвращают нам глаголы учащательные, однократные и множество сложных, которые прежде были, так сказать, отняты у нас грамматикою»⁹⁶. У Болдырева различаются те же четыре основных вида, что и у Таппе (неопределенный, учащательный, однократный и совершенный). Но в один ряд с глаголами неопределенными, учащательными, однократными и совершенными поставлены также глаголы начина-

* См. изложение замечаний Фатера о видах у С. К. Булича (Очерк истории языкознания в России, с. 734-736).

тельные (например: *белеть*)⁹¹. Болдырев ограничивает объем глагольного слова рамками одного вида.

Осознание категории вида должно было сузить пределы форм отдельного глагола. До тех пор, по образцу античных, а затем французско-немецких грамматиков, под прикрытием десяти или восьми форм времени почти все словообразовательные разновидности одной основы даже в ее сочетании с разными приставками объявлялись формами одного глагольного слова. Так, разные формы от *греть*, *согреть* и *гревать* или от *колоть*, *кольнуть*, *уколоть* и *калывать* в «Российской грамматике», сочиненной Императорской Российской Академией (1802, 1809 и 1817), сливались в одно спряжение*. Самые разнородные, семантически очень далекие образования от одной основы, осложненные приставками, нередко рассматривались как разные временные формы одного и того же глагола (например, *дул* и *сдул*; *воюю* и *завоюю* в той же «Российской грамматике»). Учение о видах сначала было полемически заострено против старого учения ломоносовской школы о богатстве времен русского глагола, учения, основанного на смешении форм разных глаголов. Поэтому-то разные видовые образования даже одного и того же глагола были сразу же объявлены разными глаголами. Так, Болдырев учил, что по значению глаголы распадаются на четыре класса, которым впоследствии было присвоено значение видов.

Естественно, что грамматическая традиция не сразу смогла стать на точку зрения учения Болдырева и Фатера — Таппе о видах как о соотносительных типах разных глаголов, образованных от одной и той же основы. Так, Н. И. Греч в брошюре «Опыт о русских спряжениях с таблицею»⁹⁹, различая вслед за Таппе четыре основные видовые категории глагола, все же признает видовые образования от одной и той же глагольной основы формами одного глагола. Больше того: даже два совершенно разных этимологических глагола, как *иду* и *хожу*, у Греча считаются двумя формами (ограниченной и учащательной) одного и того же глагола • <><>**. Но очень скоро русской грамматикой в этом вопросе была найдена примирительная позиция. Например, в критических «примечаниях» А. М. Б. на статьи А. В. Болдырева, напечатанных в тех же «Трудах Общества любителей российской словесности»¹⁰², *дуть* и *сдуть* объявлялись разными глаголами, но *дуть* и *дунуть* рассматривались как формы одного глагола. По словам критика, А. В. Болдырев, «желая распутать глаголы, не разделяет их, но раздробляет». Так, он относит к разным глаголам соотносительные формы несовершенного и совершенного вида (*дуть* и *дунуть*), «которые служат к изображению одного действия и составляют один глагол».

«Подхожу, подходил и подошел суть изображения одного действия и вместе составляют один глагол». Кроме того, по словам автора, от некоторых простых глаголов образуются «множественные» (т. е. многократные) формы, которые также не выходят за пределы того же глагольного слова.

Гораздо более сужает объем глагольного слова А. Чаплин в статье «О разделении глаголов»¹⁰¹. Он заявляет, что «в русском языке число глаголов определяется числом неокончательных наклонений» (т. е. инфинитивов), выражающих «разные понятия о действии», «различные образы самого действия» и соответствующих разным видам. Видов же три: 1) неопределенный (т. е. несовершенный); 2) многократный, или учащательный, и 3) «однократный, или вообще совершенный». Впрочем, по А. Чаплину, многократный вид располагает лишь формой одного («давнопрошедшего») времени: *сиживал*, *писывал*, *говаривал* и т. п. Поэтому целесообразнее соединять «многократный» вид с «неопределенным» (т. е. несовершенным) в одно спряжение, т. е. следует видеть в *сидеть* и *сиживал* формы одного и того же слова. Таким образом, получается два класса глаголов — несовершенного и совершенного вида.

Учение о видах русского глагола входит в грамматики Н. И. Греча и А. Х. Востокова. Но Н. И. Греч совсем запутался в этом вопросе. Правда, самый термин «вид» едва ли не под влиянием Греча утвердился в русской грамматике. Греч же впервые указал на необходимость различения приставок («предлогов»), изменяющих и видовое и реальное значение глагола, и приставок с чисто видовым значением. Однако Греч внес в учение о видах много лишнего, искусственного и схоластического,

* Ср.—«Замечания на новую теорию русских глаголов». По мнению автора, разность между видовыми формами глагола та же, что между степенями сравнения имени прилагательного¹⁰⁴.

** Необходимо заметить, что Н. И. Греч впервые точно отделил глаголы, вроде *ходить*, *бродить*, *летать* и т. п. (названные им «учащательными»), от категории многократного вида 'oi.

плохо отличая виды от времен, включая в понятие вида значения времени^{104*}.

Н. И. Греч признавал четыре основных вида у простых глаголов: неопределенный (*пишу, сижу, хожу*), определенный (*иду, бежал*), многократный (*хаживал, ездил*), однократный (*шагнуть*) и еще два вида у предложных глаголов: несовершенный (*вынашивать, выносить*) и совершенный (*вынести, выносить, вытолкнуть*).

«Из сих видов», по словам Н. И. Греча, «наиболее сходства имеют неопределенный и несовершенный: последний отличается от первого единственно для противоположения относительно вида совершенного». Итак, видов, по Гречу, в сущности, — пять. Но наличие в предложных глаголах тех же видовых оттенков длительности и кратности, что и в простых, заставило Н. И. Греча говорить еще о пяти видах «второстепенных», или смешанных: «Кроме сих главных, есть еще виды второстепенные, происходящие от сокопления между собою главных. Сии второстепенные заключают значение обоих главных, оные произведших. Сии виды суть: а) несовершенный-неопределенный, в) несовершенный-определенный, с) совершенный-неопределенный, д) совершенный-определенный, е) совершенный-однократный».

Необходимо отметить, что термин **о д н о к р а т н ы й** вид впервые вводится Гречем.

Понятие вида у Греча откровенно и грубо смешивается с категорией грамматического времени: «Времена в природе ограничиваются тремя: настоящим, прошедшим и будущим; но во временах грамматических, то есть в формах языка, коими выражаются времена, могут быть выражены еще некоторые посторонние обстоятельства, коими ближе определяется значение и объем действия: неопределенность или определенность его, учащность или однократность, длительность или окончание... Формы, служащие к выражению сих обстоятельств действия, именуется видами. Различие видов действия свойственно исключительно языкам славянского племени...» По поводу этого рассуждения С. Шафранов резонно заметил: «Если все те обстоятельства действия (длительность, окончательность и т. д.) выражаются в формах языка, называемых в грамматиках «временами», то как же после этих слов можно позволить себе тотчас следующее: «Формы, служащие к выражению сих обстоятельств, именуется видами»¹⁰⁵.

Взгляды Греча не оказали большого влияния на дальнейшую разработку учения о виде. Возобладало учение о трех видах глагола — **н е о к о н ч а т е л ь н о м** (несовершенном), **с о в е р ш е н н о м** и **м н о г о к р а т н о м**. Оно было канонизировано Востоковым, который в своей «Российской грамматике» дал свод основных правил видового формообразования и списки исключений¹¹⁶.

Однако в «Русской грамматике» А. Востокова, кроме трех основных видов, различались еще подвиды. Так, в категории неокончателного вида намечались различия между глаголами определенными (*везти и лететь*) и неопределенными (*возить, летать*). Совершенный вид делился на три подвиды: совершенный-начинательный (*запеть, пойти, стану хвалить*) и совершенный-окончателный (*похвалить, дойти, пропеть*), в пределах которого в свою очередь выделялись оттенки **д л и т е л ь н о г о** (*полюбить, догнать*) и **м г н о в е н н о г о**, или однократного (*двинуть*), подвидов¹⁰⁷.

По Востокову, видовые формы соотносительны. Они принадлежат к формам одного глагола. Префиксы начинательности *за-* и *по-* и префиксы окончательности *по-*, *до-* и *про-* имеют чисто видовое значение. С различиями видовых форм связаны различия форм времени. Востоков насчитывал в русском языке восемь форм времени.

Завершением этого периода в разработке учения о видах является статья Лангельшельда «О русских глаголах»¹⁰⁸. В этой статье востокская схема видов (1) несовершенный вид с подразделением на неопределенный и определенный, 2) совершенный, в пределах которого различаются длительный и однократный подвиды и 3) многократный) сочетается с учением о трех временах¹⁰⁹.

Таким образом, в первый период разработки теории видов определяется общее соотношение категорий вида и времени и схематически очерчиваются общие видовые

* Ср., напротив, включение видовых различий и систему глагольных времен и книге И. И. Мартынова «Предположение о глаголах языка русского» (Спб., 1829). Тут допускается 4 прошедших времени: несовершенное, совершенное, однократное и многократное.

различия русского глагола. Но внутренняя сущность категории вида, связь кратных, количественных значений с качественно-видовыми значениями оставалась невыясненной. Самый механизм образования видов не был исследован.

§ 25. Теория трех степеней как количественных или качественных видоизменений одной глагольной основы

Новая фаза в истории учения о видах начинается с «Филологических наблюдений» Г. Павского¹¹⁰. Здесь глубже осознаны национально-русские своеобразия категории вида. Виды по аналогии со степенями сравнения прилагательных названы степенями. Они сделаны грамматическим центром системы русского глагола. Особенно выдвинут количественный момент в видовых различиях глаголов. «Наш язык... взял на себя обязанность изображать самое количество времени, употребленного на действие, и большую или меньшую величину пространства... В глаголах степенями означает мера продолжительности и объем действия. Когда отмечается в глаголе самое определенное и тесное пространство или наималейшее продолжение действия и мгновенное явление, тогда я называю это *первою степенью* глагола (например: *мелькнуть, кончить, уйти, прочитать* и т. п. — В. В.). Когда же отмечается неопределенный, однако ж обширный круг действия и явления, тогда я называю это *среднюю степенью* глагола (например: *мелькать, почитывать, поглядывать, летать, скакать*. — В. В.); и, наконец, более обширный и более неопределенный круг действия, где оно по своей неопределенности как бы теряется из виду, я называю *последнюю степенью* глагола (например: *читывать, видывать, хаживать, скакивать*. — В. В.). Глаголы первой степени иначе у нас называются *однократными*, глаголы второй степени — *многократными*, глаголы третьей степени я называю *многократными дальними* (а не давнопрошедшими)»^{11*}.

Подчеркивая количественные различия между видами, Павский очень тонко описал технику видового словообразования (суффиксального и префиксального). В книге Павского даны списки основ простых глаголов с распределением их по степеням и с указанием приемов предложного производства глаголов. «Знающему степени простых глаголов весьма легко определить и степень предложных. Всякий предлог стесняет пространство. И потому, если он будет приложен к простому глаголу последней степени, то переведет его на среднюю; а если будет приложен к глаголу средней степени, то переведет его на первую степень, т. е. теснейшую. Поэтому всяк узнать может, что предложные глаголы *проживать, перечитывать*, происшедшие от *жить, читывать* (3-й степени), принадлежат к средней степени и что глаголы *сделать, работать*, происшедшие от второстепенных *делать, работать*, стоят на первой степени»¹¹⁵. Павский считал соотносительные глаголы разных степеней разными словами. «Глаголы всех трех степеней гораздо удобнее расставлять в словарях отдельно, потому что они состоят в зависимости только от корня, а сами между собою не всегда подчинены друг другу»¹¹⁶. Считая различия степеней основой русской глагольной системы, Павский упростил сложную ломоносово-востоковскую теорию времени. Он ставил формы времени в полную зависимость от видовых различий. Павский находил

— * Почти те же количественные отношения лежат в основе характеристики видов русского глагола у акад. Давыдова в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка». Различаются по видам три категории глаголов: *однократные* (*тронуть, решить*), *многократные* и *неопределенно-кратные*. Но в систему неопределенно-кратных глаголов И. И. Давыдовым механически, без разбору вмещаются *начинательные* (*краснеть, лететь*), *длительные* (*летать, писать*), *окончательные* (*покраснеть, написать*)¹². И. И. Давыдов пытается примирить точки зрения Греча, Востокова и Павского. А. А. Потенция прекрасно показал внутренние противоречия этой попытки. В самом деле, глаголы неопределенно-кратные вовсе не соотносительны с глаголами однократными и многократными. Чаще всего они «никаких крат не выражают» (ср. *колоть* и отношение этой формы к *кольнуть* и *кальвать*). «Отождествление продолжительности и кратности оказывается ошибочным: остается разделить эти понятия»¹¹¹ Между тем в описании вида неопределенно-кратного у Давыдова «заключены поразительные противоречия»¹⁴. «Если вид неопределенно-кратный не определяет ни начала, ни конца действия, то каким же образом он может заключать в себе глаголы *начинательные* и *окончательные*?» Кроме того, к неопределенно-кратным глаголам отнесены глаголы как совершенного, так и несовершенного вида.

в глаголах средней степени (несовершенного вида) три времени: настоящее, прошедшее и будущее описательное, в глаголах первой степени — однократных и совершенных — два времени: будущее и прошедшее и в глаголах третьей степени — многократных дальних — одно прошедшее¹¹⁷.

Критики Павского упрекали его, что он в понятии степени смешал разные признаки. «Степень силы действия нельзя сопоставлять со степенью широты пространственной, а степень продолжительности нельзя сравнивать со степенью близости или дальности проявления действия»¹¹⁸.

Наиболее глубокая и вместе с тем сочувственная критика учения Г. Павского о видах принадлежит А. А. Потебне¹¹⁹. Потебня доказывает, что «деление на три степени неполно». В пределах одной и той же степени сталкиваются разные типы глаголов. Так, к первой степени у Павского относятся глаголы непроезженные вроде *дать, пасть* и моментальные, однократные с суффиксом *-ну-*: *мелькнуть* и образованные посредством префиксации: *уйти, прочитать*. Между тем глаголы «однообразные» (моторно-определенные) типа *лететь, брести, нести* и т. п., в сущности, не подходят ни под одну из трех степеней Павского. «*Лететь* — *лечу* не может быть глаголом однократным, подобно мгновенному *мелькнуть*, и не может принадлежать к первой степени Павского. Но глагол этот не может принадлежать и ни к какой другой степени, потому что он, очевидно, не может быть назван многократным». Павскому поневоле приходится все моторно-определенные глаголы (вроде *лететь, плыть, нести* и т. п.) причислить ко второй степени. «Таким образом, вторая степень, если оставить в стороне глаголы прерывистые (*почитывать*), совмещает в себе две не идеальные, а явственно обозначенные языком степени: с одной стороны, *плыть, лететь, садить*, с другой — произведенные от них *плавать, летать, сажать*». Отсюда А. А. Потебня делает заключение «о недостаточности тройственного деления». Это заключение подтверждается и тем, что, по Павскому, «во многих глаголах есть по две первые и по две, по три вторые степени, совершенно различные по образованию и значению, между тем как в других вовсе нет третьей степени, хотя есть форма, которая могла бы иметь значение ее». Например, *двинуть, сдвинуть* и *сдвигать* относятся Павским к первой степени. «Спрашивается, с какой же стати глаголы, как *закинуть* и *закидать* и множество других подобных, различных по форме и по степени длительности, соединяются в одну степень?»¹²⁰ Ср.: *сбросать* и *сбросить*. Необходимость втискивать в рамки одной степени глаголы разного морфологического строя и разных количественных значений и оттенков (например, среди глаголов второй степени: *ломить, ломать, выламывать; бежать, бегать, выбегать* и т. п.) лишает схему Павского единства и цельности.

Кроме того, Потебня подчеркивает, что «в степенях Павского мы не находим исторической последовательности». Но «постепенность не историческая, а такая, при которой первая степень названа первой по индивидуально-психологическим побуждениям, а в языке оказывается не первой, такая «идеальная» постепенность не имеет для языкознания никакой цены». Между тем в учении Павского нарушена вся перспектива формообразования. «Глаголы мгновенные, принадлежа к первой степени (*кольнуть*), производятся из первообразных (*колоть*), которые по значению суть многократные неопределенные и принадлежат ко второй степени» (см.: Павский, § 28 и 19). Точно так же глаголы окончательные, или решительные, как *прочитать*, принадлежат к первой степени, а простые, как *читать*, — ко второй. Глаголы прерывистые (*почитывать*) принадлежат ко второй степени, а простые (продолжительные дальние — *читывать*) — к третьей»¹²¹. Таким образом, схема Павского не соответствует ни исторической, ни этимологической последовательности явлений. Но она не отражает или во всяком случае отражает очень неполно и односторонне и картину живых морфологических отношений в структуре глагола. Так, Павский допускает, что предлоги то «переводят» глагол из одной степени в другую (например, *неть* — *спеть*), то не имеют никакого влияния на степень длительности (ср., например, *ходить* и *выходить* — в отличие от *выходить*).

Наконец, Павский совсем упускает из виду основные понятия — совершенности и несовершенности. «Совершенство и несовершенство не исключает степеней длительности». Глагол каждой из трех степеней Павского может быть несовершенным (*идти, ходить, хаживать*). Но, по мнению Потебни, глагол каждой из трех степеней может быть также совершенным {*пойти, заходить* — начать ходить, за-

похаживать — начать похаживать; ср.: *понавыталкивить, повыто.тать* и *вытолкнуть*).

Мысли Павского послужили отправной точкой для новой теории видов, изложенной К. С. Аксаковым в брошюре «О русских глаголах» (1855). К. С. Аксаков воспринял учение Павского о трех степенях, но придал понятию степени более качественную окраску. «Здесь определяется самое действие в его существенных проявлениях, в его моментах...»¹²² «Русский глагол имеет *три степени*, выражающие различные определения (моменты) самого действия в его существенном значении: *степень неопределенная, степень однократная, степень многократная*. Изменение глагола по этим трем степеням в лице и числе — есть *спряжение*»¹²³. Категорией вида кладется Аксаковым в основу всей системы спряжения. Видовые изменения глагола — центр спряжения. Естественно, что К. С. Аксаков признает разные видовые варианты одной и той же основы формами одного и того же глагола. «Все эти формы — формы одного и того же глагола, но формы не времени, а качества действия: понятие же о времени... есть выводное из качества действия»^{124*}.

Теория К. С. Аксакова была углублена проф. Н. П. Некрасовым**. Проф. Некрасов старался устранить двойственность признаков — количественных и качественных в определении категории вида. «В русском глаголе качественность формы бросается в глаза с первого взгляда... Качественность действия заключается в свойстве его проявляться кратко или быстро и медленно или продолжительно. Краткость и продолжительность проявления действия соответствуют сжатости и растяжению формы»^{128***}. «Будучи *свойством*, продолжительность действия может проявляться в различной степени, т. е. она может быть меньшею и большею продолжительностью. Наименьшая продолжительность будет, конечно, та, в которой начало действия совпадает в сознании с концом его... Напротив, наибольшая продолжительность будет, конечно, та, в которой конец действия представляется для сознания наиболее удаляющимся от его начала»¹³². В этих случаях «сама продолжительность представляется сознанию

——* Выведение вида на первый план в системе спряжения русского глагола исторически обусловлено потребностью подчеркнуть национальные особенности русского языка, его отличия от западноевропейских языков. Показательно единодушие в этом вопросе между такими разными грамматистами пятидесятых годов, как К. С. Аксаков и С. Шафранов. Характерен протест Шафранова против отнесения разных форм вида (*колоть, кольнуть, калывать*) к разным словам: «...между формами *колоть, кольнуть, калывать* разница и значении не лексикографическая, а только синтаксическая»¹ 25. По Шафранову, образования с суффиксом *-ну-* для обозначения однократности и мгновенности действия не составляют самостоятельных слов, а являются лишь формами основного глагола (*двинуть — двигать* и т. п.). Точно так же производные формы на *-ывать, -ивать* относятся к числу форм основного глагола, а не образуют самостоятельного спряжения. «Прирученные латинской грамматикой видеть в темах *venire, venisse, venturum esse* различные времени... и находя у себя... в каждой простой форме неопределенного наклонения особый, самостоятельный глагол, иностранцы... приступили к разъятию нашего спряжения: так, например, глагол *колоть* раскололи на три глагола: *колоть, кольнуть, калывать* и стали спрягать каждый из них отдельно»¹²⁶.

** Аксаковскую теорию видов разделял А. Гильфердинг^{126а}, но подчеркивал ту мысль, что славянская категория вида — это категория качества (в отличие от литовского языка, в котором видовые различия выражают категорию количества).

Известный славянофил И. В. Киреевский писал К. С. Аксакову по поводу его брошюры «О русских глаголах»: «Формы спряжения русского глагола выражают не одно время, но еще и другие качества действия, и потому вы правы против Ломоносова и его последователей, смешавших эти другие качества с категорию времени,— и против Фатера и Боппа, раздробивших один глагол на многие разные, смотря по различному его выражению различных качеств того же действия»^{III}.

*** Эта мысль о звуковом «символизме» видов русского глагола, о соответствии между расширенной формой глагола и «расширенным кругом самого действия» восходит к Каткову¹²⁹. «Действие *ощутимое* (определенное) любит форму краткую, спряжение быстрое, и потому глагол для его означения сокращает свою этимологическую форму; наоборот, для означения действия мысленного (неопределенного) глагол расширяет свою форму и переходит в класс, где образовательный характер сильнее»¹³⁰. «Для выражения отдаленности или давности действия язык прибегает к характеру *а...* глагол *дать*, распространяясь, принимает *а* — выходит *давать* и *давать* (эвфонич. вместо *да-ать*); расширяясь далее, для означения действия давнего, он принимает снова характер *о*, и выходит форма *давал* (= *давал*);

был, бывал, бывывал... В подобных формах новый вес сообщается глаголу продолжением коренного слога, т. е. переходом ударения с конца к началу. Указанный нами символизм глагольных форм существовал с неменьшей силой и в древнем языке церковнославянском»¹³¹.

повторяющеюся от времени до времени»¹³³. Эта «кратность, будучи степенью продолжительности, главным образом имеет *качественное* значение, выражая особую силу, энергию действия в его проявлении»¹³⁴. Однако «таким пониманием кратности действия мы не хотим и не можем отрицать безусловно количественности ее значения для действия, но желаем лишь сохранить ее существенное значение, *значение качественное*, которое может легко переходить и в количественное»¹³⁵. «Качественность русского глагола представляет три главных степени своего проявления:

- 1) краткую (*двинуть, махнуть*. — В. В.),
- 2) продолженную (*двигать, махать*. — В. В.),
- 3) кратную (*двигивать, махивать*. — В. В.)»¹³⁶.

Основой видовых изменений глагола является «продолженная степень» (т. е. несовершенный вид). В форме продолженной степени «продолжительность действия представляется сознанию независимо от проявления действия на самом деле»¹³⁷, т. е. как свойство, которое может проявляться (например: *двигать, катать*). «Форма продолженной степени (т. е. несовершенного вида. — В. В.) существует у всех глаголов. Остальные две формы могут быть и не быть, смотря по смыслу действия, выражаемого продолженной степенью... Но вообще продолжительность легче может быть усилена, чем сокращена; ибо усиленная продолжительность есть все-таки не что иное, как та же продолжительность, а краткость есть как бы уничтожение, отрицание продолжительности...»¹³⁸. Поэтому, по мнению Некрасова, «в русском языке встречается гораздо менее форм *краткой* степени (т. е. совершенного вида), чем форм *кратной* степени»¹³⁹. Этот упор на «многократный» вид, свойственный по преимуществу устной речи и народной словесности, обличает народническую основу грамматических построений Н. П. Некрасова. И все же эти грамматические построения не находили поддержки в живых фактах русского литературного языка XIX века. Н. П. Некрасов, так же как и Аксаков, считал все соотносительные видовые варианты формами одного и того же глагола.

Теория трех степеней представляет собой оригинальную попытку осмыслить виды русского глагола как разные формы выражения степеней качества. Понятие степени раскрывалось или как сочетание количественно-временных и пространственных признаков действия (Павский), или как сочетание количественно-временных и качественно-временных признаков (Аксаков), или как сочетание качественно-временных признаков с признаками силы, энергии действия (Некрасов). Несмотря на ряд отдельных глубоких наблюдений, теории Павского, Аксакова, Некрасова не охватывали всех явлений видового соотношения и явно смешивали кратные значения и оттенки с качественно-видовыми.

Критика А. А. Потебни в одинаковой мере была направлена против всех этих теорий.

§ 26. Категория вида и ее история в изображении Потебни

А. А. Потебня не создал законченного учения о видах русского глагола. Его взгляды на этот вопрос менялись. Кроме того, черновые записки Потебни, относящиеся к учению о видах, перемешаны. Редакторам IV тома «Из записок по русской грамматике» не удалось восстановить последовательную эволюцию взглядов Потебни на категорию вида. Несомненно лишь одно, что различие в степенях длительности действия, выдвинутое Г. Павским, играло большую роль и в учении Потебни о видах русского глагола. По-видимому, сначала — под влиянием Г. Павского — Потебня именно в различиях степеней длительности действия видел сущность видовых значений. «Вид есть степень продолжительности времени, заполняемого действием или состоянием»¹⁴⁰. «Совершенство или несовершенство глаголов тесно связана с видами, но тем не менее ее следует отличать от вида». Таким образом, хотя в понятии вида признак длительности обычно сочетается с представлениями о совершенности и несовершенности¹⁴¹, но он может быть и независим от них. «Длительность действия не должна быть противопоставляема понятию совершенности». «Совершение как окончательность противоположно неоконченности. Та и другая не подходят под понятие вида»¹⁴². «Язык находит связь между меньшею длительностью и совершенностью, большею длительностью и несовершенностью, из чего не следует, чтобы вообще эти

две категории (вид совершенный или несовершенный!) могли быть соединены в одну»¹⁴³. Глаголы совершенного вида могут выражать разные степени длительности (ср.: *вытолкать*, *вытолкнуть*, *повытолкивать*). С другой стороны, «действие длительное и многократное может представляться оконченным, не переставая вместе с тем представляться длительным и многократным» (ср.: *понатаскать*, *понавывертывать*). Впоследствии Потебня, придавая большое значение различию по степени длительности, стал связывать понятие вида с категориями совершенности и несовершенности.

Под видом,— писал А. А. Потебня,—до сих пор разумеют две совершенно различные категории: совершенность и несовершенность — с одной, и степени длительности — с другой. Таким образом, «деля по виду, под покровом этого слова вносят двойственность деления. Во избежание сбивчивости было бы желательно оставить название вида за чем-нибудь одним: за совершенностью и несовершенностью или за степенью длительности, благо самое слово «вид» может быть приложено, по этимологическому значению и по прежнему употреблению, и к тому, и к другому, и ко множеству других понятий»¹⁴⁴. Категории совершенности и несовершенности сформировались и обобщились позднее, подчинив себе и различия по степени длительности. Это обстоятельство в конечном счете и заставило Потебню склониться к отождествлению понятия вида в его современном выражении с категориями совершенности и несовершенности. Дело в том, что, по мнению Потебни, «система видов должна быть не описанием, а историей их происхождения»¹⁴⁵ «Путаница в понятиях о виде, на которую издавна и до сих пор жалуются, происходит не столько от неполноты наблюдений современного языка, а от недостатка обыкновенной или, что то же, исторической точки зрения, с которой можно бы было усмотреть постепенность и порядок в наложении значений, называемых видами»¹⁴⁶. «Различные виды появляются не одновременно, поэтому непростительно принимать за исходную точку деления такой вид, который по времени происхождения позже других»¹⁴⁷. Образование разных степеней длительности предшествовало возникновению категорий совершенности и несовершенности. «Первоначально совершенность и несовершенность вовсе не обозначались»¹⁴⁸, т. е. не были грамматическими категориями. «Совершенность и несовершенность, с одной стороны, и степени длительности — с другой, не составляют одного ряда (continuum), но относятся друг к другу как два различные порядка наложения в языке»¹⁴⁹. Формирование степеней длительности также следует представлять как сложный процесс развития отвлеченных понятий о действии (понятий о собирательном и множественном действии). Когда-то «вида вовсе не было в языке славянском, как, например, нет его в настоящее время в немецком, в котором видовые оттенки действия или вовсе не существуют для мысли, или выражаются описаниями, так что, например, одно *tragen* заменяет нам *нести*, *носить*, украинское *ношати*, украинское *ношувати* — русскому *нашивать*»¹⁵⁰.

«Действие, обозначенное глаголом *нести*, *несу*, есть то, которое выделяется мыслью непосредственно из чувственного воззрения, между тем как формы *носить*, *нашивать*, если устраним различие в их значении, имеют то общее, что обозначают действие как продукт большого отвлечения. Чтобы употребить выражение *ношу* в обыкновенном его смысле, нужно обнять несколько моментальных действий, порознь добытых из чувственного воззрения, и представлять эти действия одним протяжением. Из этого уже видно, что язык, прибавляя к формам, как *нести*, такие, как *носить*, *нашивать*, между прочим, стремится к своеобразной отвлеченности мысли»¹⁵¹.

Впрочем, предупреждает Потебня, «о конкретности и отвлеченности следует говорить с оговорками. Отвлечение предполагает отрицание известных составных частей мысли, принимаемой за первичную... Содержание внутренних форм глаголов *несете* и *носите* различается не тем, что количественных признаков в первом больше, чем во втором, а тем, что действие в первом представляется е д и н и ч н ы м (хотя и не однократным или мгновенным), а во втором — собирательным. В последнем единичные действия не сливаются в одно (как, например, все виденные мною дубы в содержании слова *дуб*), а строятся в непрерывный ряд (как отдельные образы хвойных деревьев в содержании собирательного *бор*)... Если глаголы первых двух степеней (*нести*, *носить*) назовем единично длительными и собирательными, то глаголы третьей степени могли бы мы назвать множественными по сходству их значения со значением множественного числа существительных единичных, сравниваемых со значением существительных единственного числа собирательных»¹⁵². Четвертая степень длительности — это мгновенность или однократность.

Итак, по мнению А. А. Потебни, славянский глагол выражает четыре степени длительности: 1) определенное совершение действия (*плывет*), иначе, конкретную длительность действия; 2) отвлеченную длительность, продолжающуюся без перерывов (*плавает*); 3) продолжение действия с промежутками; 4) действие моментальное¹⁵³. Различие всех четырех степеней действия свойственно не всем глаголам, а лишь «глаголам вещественного движения, сопряженного с переменою места» (*катить, катать, катывать, катнуть*).

Обыкновенно формально различаются три или две степени. Употребление так называемых «многократных» форм в литературном языке по сравнению с древнерусским языком идет на убыль. «Глагол многократный обнимает больший период времени, чем глагол отвлеченно-длительный, подобно тому как вообще в воспоминании время, заполненное большим количеством впечатлений, кажется нам продолжительнее времени, менее обильного впечатлениями, хотя бы объективно первое и второе время были равны. Очевидно, длительность глаголов измеряется не объективно в строгом смысле этого слова, а, так сказать, народно-субъективно, т. е. мерою, данную самим языком, степенью глаголов, принятой за единицу»¹⁵⁴.

Значение многократности осложняется оттенками постоянства и всегдашности и частично, особенно в предложных образованиях, вытесняется ими. «Под понятие постоянства и всеобщности подходит отрицание, относящееся не к данному моменту совершения действия, а к продолжительному периоду времени, занимаемому действием или бытием»¹⁵⁵ (ср.: *Слышал? — Не слыхивал. — Видал? — Не видывал*).

«Глаголы однократные с внешней стороны обозначаются характером -к-, с лексической — тем, что это глаголы движения внутри определенного пространства, света, звука. Они не образуются: а) от глаголов движения, сопряженного с видимою переменою места: *полз-, бег-, шалить, валить, блудить, еолок-, стерег-, ид-, ед-, вез-, нес-, лез-, пльв-, бред-, шед-, гън-* б) от начинательных (*стану, сяду, лягу, сохну*); в) от глаголов, в коих действие представляется вне связи с пространством (*петь, говорить, думать, вязать, плести, писать*)»¹⁵⁶.

Потебня подчеркивает, что мгновенность или однократность нельзя смешивать с совершенностью. По мнению Потебни, совершенные беспредложные (вроде *дать, пасть, решить, женить* и т. п.) следует сопоставлять не с однократными глаголами, а с глаголами конкретно-длительной степени (*идти, нести* и т. п.). «Степень эта ближе всех подходит к мгновенным глаголам, потому что означает наименьшее после мгновенности продолжение действия»¹⁵⁷. Об этом свидетельствует и история языка. «Однократность составляет степень длительности, но не потому, что глаголы однократные суть совершенные, а независимо от этого.. Однократность и совершенность понятия не тождественные, так как последнее гораздо обширнее первого, и есть множество глаголов совершенных, но не однократных; категории эти для пользы разумения языка следует разделять, а не смешивать, так как и по времени происхождения они различны»¹⁵⁸.

«Значение производных на -а (большей степени длительности) (*подать, -седать, -легать, давать* и т. п. — В. В.), имеющих при себе первообразные совершенные, вовсе не предполагает совершенности, а вытекает из значения, не имеющего ничего общего с совершенностью и предшествующего ей. *Давать* образовано от *дать* в то время, когда последнее еще не было совершенным, так что совершенность глагола *дать* (и всякого первообразного) не есть степень длительности по отношению к *давать*»¹⁵⁹. Конечно, есть глаголы, вовсе не различающие степеней, по крайней мере, в общелитературном языке, например: *гудеть, шипеть, рябить, сквозить, стараться* и т. п. 160.

Образование категорий совершенности и соотносительной с нею категории несовершенности связывается Потебней с «влиянием предлогов на виды». «То, что принято за влияние предлогов на вид, есть зависимость совершенности и несовершенности, между прочим, от присутствия или отсутствия предлога»¹⁶¹. Это влияние предлога на вид было вызвано внутренними изменениями функций предлогов. В значении предлогов заметны «два наслоения» (ср.: *походить* — идти за, после, отсюда: быть похожим, и *походить* — провести некоторое время в ходьбе). Более древнее значение предлога — значение пространственное, значение направления; позднейшие значения — значения времени и степени интенсивности. С предлогами вторичных значений глаголы движения «получают значение: пройти до конца, обозначенное временным, а не местным предлогом или известным результатом; двигаться во времени, которое пред-

ставляется средою и предлогом движения»¹⁶². Так развивается и выражается значение оконченное™ или совершенности действия. «На те глаголы, которые получили совершенное значение независимо от предлога, каковы однократные... предлог обнаруживает лишь то влияние, какое он может иметь, например, в немецком, т. е. значение известного пространственного отношения и отношений, от него производных или им представленных, в том числе отношения цели»¹⁶³.

Понятно, что «глаголы наиболее длительные (многократные 3-й степени) от присоединения одного предлога не становятся совершенными, несмотря на окончательное значение предлога. Это следует понимать так, что окончательный предлог обозначает предел каждого из моментов, входящих в значение многократного глагола, но никак не предел целого ряда крат»¹⁶⁴.

На основе различия понятий совершенности и несовершенности в глаголах сложных с предлогами возникает сознание тех же различий и в глаголах беспредложных, но выражающих разные степени длительности: «Одновременно с появлением при *пасть* глагола *падать* (т. е. вообще глаголов, выражающих большую длительность или повторяемость действия. — В. В.) начинается видовое разграничение этих глаголов. Глагол предшествующего, более простого и древнего строения стремится стать совершенным, между тем как последующий становится более или менее длительным и отвлеченным. Первоначально это разграничение не резко»¹⁶⁵. С понятием совершенности или совершенного вида А. А. Потебня связывает оттенки результата¹⁶⁶ и предела действия.

§ 27. Грамматическая стабилизация видовой системы. Спор о количестве видов и их иерархии

Работы Павского, Каткова, Аксакова, Некрасова помогли глубже проникнуть не только в систему образования видов, но и в грамматико-семантический строй категории вида, в ее функции. Все отчетливее выступала соотносительность видовых форм. Все яснее обрисовывались качественные различия между видовыми значениями.

Понятие степени, выдвинутое Павским, Аксаковым, Некрасовым, в позднейших грамматиках привлекалось лишь для характеристики внутривидовых различий между глаголами; например, у Овсяннико-Куликовского выделялись такие разновидности несовершенного вида: а) длительный первой степени: *нести, везти, течь, идти* и т. п.; б) длительный второй степени: *носить, возить, водить, протекать* и т. п.; в) длительный третьей степени с различными оттенками: *прохаживаться, похаживать, нашивать* и т. п.¹⁶⁷. Быть может, здесь сказывалось влияние не только Павского, но и лекций Потебни.

Учение о видах как о соотносительных, но разных типах глагольных слов — то трех, как у Буслаева: 1) продолженный, 2) совершенный и однократный и 3) многократный*, то четырех — с выделением однократного в особый тип**, а затем все чаще двух основных — совершенного и несовершенного*** — дожило почти до современности****. Основной задачей изучения видов становилось выяснение разнообразных

—•— Ф. И. Буслаев, различая те же три основные вида, что и Востоков и Лангельшельд (продолжительный, совершенный или однократный), не проводит четкой границы между категориями вида и времени. «Видами означает действие или 1) вообще, т. е. отвлеченно, или 2) наглядно, т. е. с означением времени настоящего, прошедшего или будущего и какого-либо направления действия»⁸.

** Учение о четырех видах русского глагола (неокончателном, или коренном, совершенном, многократном и однократном) защищал В. Г. Белинский. См. его рецензию на «Граматику языка русского» И. Ф. Калайдовича⁵⁹.

*** В. Добровский в работе «К учению о русском и славянском глаголе» («Филологические записки», 1883—1884) допускает два основных вида: длительный и мгновенный. Но затем в пределах каждого вида находит подвиды (дивергенты): в мгновенном — однократный, в длительном — многократный (глаголы «недостаточно-давние»: *читывал, хаживал* и т. п.).

***• В 1899 г. А. Вейсман в «Заметках к истории русской грамматики» писал: «...учение о видах является не вполне установленным... Учебники грамматики расходятся между собою частью в делении видов, частью в наименовании их. Так, одни принимают два, другие — три, третьи — четыре вида. Одни отделяют однократный вид от совершенного, другие делят и совершенный и несовершенный вид на два отдела, а именно: несовершенный — на: 1) несовершенный продол-

видовых оттенков глагола и объединение их вокруг основных, центральных значений. Так, по мнению проф. А. Будиловича, длительность действия является «родовой характеристикой глагольной системы». Длительность эта может быть рассматриваема и изображаема либо без ближайших определений и оттенков, либо в соединении с таковыми. В первом случае получается вид неопределенный (например: *сидеть, лежать* и т. п.). Из оттенков же длительности особенно рельефно, по Будиловичу, выступают четыре: «Длительность определяется: 1) в ее усиленной экстенсивности или интенсивности (вид усиленный, например, *бирать, жить* и т. п.); 2) в ее начале и постепенном инертном возрастании (вид начинательный, например, *сохнуть, кистнуть, худеть, белеть*); 3) в ее завершении, окончании (вид окончательный, например, *дать, купить, родить, сесть*); 4) в мгновенности своего проявления (вид мгновенный, например, *крикнуть, плюнуть, махнуть*)».

Три первые вида (неопределенный, усиленный, начинательный) объединяются в названии глаголов несовершенных; два последние (окончателный и мгновенный) называются глаголами совершенными. Наряду с обозначением пяти основных видов глагольной длительности в славянском глаголе отличаются и «некоторые другие аналогичные оттенки глагольной системы, например, фактичность и возможность действия (*плыть и плавать*), однообразии и разнообразии (*иду и хожу*), однократность и многократность, полнота и неполнота (*застрелить и подстрелить*), законченность и незаконченность, ошутимость и неошутимость и т. п. Но все эти оттенки имеют уже второстепенное значение»^{171*}.

Соотносительные видовые образования от одной основы решительно объявлялись разными словами. Так, проф. Н. К. Грунский, выражая господствующую точку зрения, считает «более правильным» мнение Миклошича, что «глаголы разных видов в сущности разные глаголы»¹⁷⁴. Между тем на этой почве возникло множество недомыслий, чаще всего связанных с вопросом, как относиться к формам так называемого «многократного» и «однократного» вида. В научной грамматике все более и более созревало убеждение, что выделение многократного и однократного «видов» несоотносительно с делением глаголов на основные виды — несовершенный и совершенный **. Ведь качественные видовые значения явно подчинили себе количественную дифференциацию оттенков действия (по «кратности»). Различаемые по количественным признакам по «степени длительности» однократный и многократный виды, естественно, представлялись многим лингвистам лишь разновидностями основных видов — совершенного и несовершенного¹⁷⁶.

женный и 2) несовершенный многократный; совершенный - на: 1) совершенный однократный и 2) совершенный начинательный или окончательный»TM. Сам Вейсман предлагал различать три вида, исходя из предположения, что виды главным образом выражают кратность действия: 1) неопределенно-кратный, или длительный; 2) однократный, к которому относится и мгновенный, и 3) многократный.

• В грамматических статьях второй половины XIX в., исходивших не из среды профессиональных лингвистов, делались попытки умножить количество видов русского языка до пяти-ше-сти. Авторы в этом случае опирались на такие лексические различия глагольных значений, в которых отражалось многообразие старинной видовой дифференциации глагольных основ. Например, преподаватель М. Крыгин — вслед за А. С. Будиловичем — насчитывал пять видов русского глагола: 1) мгновенный, или начинательно-окончателный (с «неотметаемой приметой» -ну-: *моргнуть, стукнуть* и т. п.); 2) многократный, или усиленно-длительный (с приметой -ива-, -ыва-, -ва-, -а-: *читывать и почитывать, хаживать, похаживать, знавать* и т. п.). Тут два подвида, или две группы: глаголы предложные, живописно-определенные в разных отношениях (*пописывать, приплясывать, разгуливать*), и беспредложные односторонние определенные (*хаживать*); 3) начинательный, или начинательно-ингрессионный с отметаемой приметой -ну-, а иногда -е- (*внзуть, зеленеть*), 4) неопределенно-длительный (характеризуемый приметами -а-(-я-), -и-, -е-, -ова-, -ева-: *писать, водить, кивать, тереть, .оревать* и т. п.); 5) окончательный, или длительно-окончателный: *завязнуть, написать, переколоть, растереть* и т. п. Сюда относятся также некоторые беспредложные глаголы с приметой -и- и менее 10 первообразных (*дать, сесть* и т. п.)¹⁷². Отличие предложных глаголов несовершенного вида на -ивать, -ивать (вроде: *рассказывать, перепахивать, порасчесывать*) от простых типа *кидать, пахать, чесать*. М. Крыгин описывал так: «...при словах «раскидывать», «перепахивать» «порасчесывать» мыслью, конечно, не простое длительное действие, но прежде всего действие интенсивное, усиленное...»¹⁷³ ** Ср. замечание А. А. Потемни: «Совершенство и несовершенство, с одной стороны, и степени длительности — с другой, не составляют одного ряда (continuum), но относятся друг к другу как два различные порядка

наслоений в языке»¹⁷⁵.

Л. П. Размусен в 90-х годах XIX в. писал: «Однократные глаголы, как *кинуть*, *блеснуть*, *лоннуть*, не составляют особого вида, ибо от других глаголов совершенного вида отличаются только в количественном отношении, означая действие, продолжающееся так кратко, что говорящему невозможно различить в нем более одного момента... Мы в этом случае рассматриваем как одно целое такое время, такое пространство, которого мы иначе рассмотреть не в состоянии. Разделяя же виды по категории единства, мы не можем сопоставить с ними какого-то «однократного» или «мгновенного» вида, ибо это значило бы внести в разделение посторонний принцип»¹⁷⁷. Проф. Г. К. Ульянов писал о глагольных основах со значением однократности: «Нельзя это значение данных основ рассматривать как значение соотносительное с кратным и противопоставлять значения многократное и однократное: однократное значение есть только частный случай значения недлительности»¹⁷⁸. «Русские основы с *-ну-* нельзя называть однократными вследствие того, что они ни по формам, ни по значению не стоят в связи с основами кратными: они производятся непосредственно от основ, обозначающих длительное время признака, но признака составного; вследствие этого значение недлительности в этих основах легко видоизменяется в значение моментальности. Однако... это видоизменение не является необходимостью»¹⁷⁹. «Если длительное время признака представляется как сложное или составное из отдельных моментов, то представление недлительности такого времени может быть именно представлением его отдельного момента. Этого рода значение недлительности... удобнее называть значением моментальности, а не значением однократности (разрядка наша. — В. В.), так как этот последний термин указывал бы на какое-то отношение данного значения к значению кратности, между тем как в действительности между тем и другим значениями нет никакого отношения»¹⁸⁰. Сложные основы с моментальным значением производятся не только от кратных, но и от таких не кратных основ, которые обозначают действия, состоящие из отдельных моментов (например:¹ *толкнуть* — *толкать*; *прыгнуть* — *прыгать*; *плюнуть* — *плевать* и т. п.).

Точно так же и многократные глаголы стали рассматриваться как разновидность несовершенного вида. Л. П. Размусен писал: «К несовершенному виду принадлежит и особый разряд так называемых «многократных» глаголов (*говаривать*, *нашивать*, *бирать*, *знавать* и др.), которые собственно с усиленною степенью наглядности выражают то представление одной только вещественности, которое вообще выражается несовершенным видом, а затем уже употребляются при повторении действия».

Однако оставалось неясным, считать ли, например, *сидеть* и *сиживать* разными словами или формами одного слова, тем более что форма *сиживал* понималась как давнопрошедшее время к глаголу *сидеть*. Многократный вид еще очень долго ставился в параллель с несовершенным и совершенным как соотносительная с ними категория. Так, проф. В. А. Богородицкому в своем курсе грамматики приходилось настоятельно возражать против признания многократного вида особой категорией. Проф. Богородицкий находил в беспредложных глаголах на *-ывать*, *-ивать* и на *-ать* (типа *бирать*, *видать* и т. п.) лишь особый оттенок значения «в смысле прошедшего обыкновения (напр., *едал* = случилось есть)»¹⁸¹.

Труды проф. Г. К. Ульянова, акад. Ф. Ф. Фортунатова, проф. А. Мазона, акад. А. А. Шахматова, проф. В. А. Богородицкого, А. М. Пешковского, С. О. Карцевского и других¹⁸² содействовали укреплению и распространению учения о двух видах русского глагола — совершенном и несовершенном.

Вместе с тем вошла в общий научный и учебный обиход (особенно под влиянием учения Потемби и фортунатовской концепции формы отдельного слова) мысль о том, что разные видовые образования от одной и той же основы всегда являются разными словами.

Однако в понимании значения и назначения двух основных видов — особенно совершенного — не было достигнуто единства, несмотря на то, что общее определение самого понятия вида не вызвало больших разногласий. Достаточно сопоставить определения категории вида у таких исследователей, как Фортунатов, Бругман, Шахматов, Мейе, Овсянко-Куликовский и Пешковский. По Фортунатову, понятие вида обнимает «такие образования основ в глаголах, которыми данные явления (т. е. действия.— В. В.) обозначаются... по отношению к их существованию во времени»¹⁸³. Это определение популяризируется А. М. Пешковским: «Категория вида обозначает, как протекает во времени или как распределяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола»¹⁸⁴. Очень близко к этому подходит и формулировка

А. А. Шахматова: «Видами называются те различия в глагольных образованиях, которыми обозначаются различия в способе прохождения (течения, совершения, выполнения) действия или состояния, выраженного глагольной основой»¹⁸⁵. (Ср. у Бругмана: «Вид — это способ и путь прохождения действия, выраженного глаголом»¹⁸⁶.) В сущности, о том же, но в форме описания, а не логического определения говорит и Овсяннико-Куликовский: «Видами называются глагольные формы, изображающие действия (состояния) с их качественной стороны, по признакам длительности, медленности, скорости, мгновенности, повторяемости и др.»¹⁸⁷.

§ 28. Современные грамматические разногласия в определении сущности двух основных видов русского языка-совершенного и несовершенного

В общем определении категории вида у исследователей русского языка не было разногласий и друг с другом и с западноевропейскими лингвистами. Но до сих пор русским грамматикам не удалось найти то «главное различие, которое рассекает русский глагол на две равные части: совершенный и несовершенный виды». Было выдвинуто несколько теорий.

В синтаксисе славянских языков Миклошича нашло опору одно из традиционных и, кажется, до сих пор господствующих в русских (особенно школьных) грамматиках определений вида несовершенного как выражающего продолжительность (или продолженность) течения действия, и совершенного—законченность (или оконченность) действия. (Ср. определение совершенного вида у Миклошича: «Eine Handlung wird... als vollendet ausgesagt».) Впрочем, Миклошич прибавлял к этой формуле, что совершенный вид означает достижение результата: «das Resultat als erreicht»¹⁸⁸. Нетрудно заметить, что это определение вступает в прямое противоречие с разнообразными оттенками значений, свойственными сложным приставочным глаголам совершенного вида. Понятие оконченности приходится диалектически переносить и на начало действия, когда речь идет о глаголах совершенного вида с начинательным значением, вроде *заговорить*, *защелкать*, *засвистеть*, *побежать* и т. п. (Ср. также значение ограничения длительности действия в глаголах с приставкой *по-*, вроде *поплакать*, *поспать*, *поиграть* и т. п.) Видоизменения и поправки, которые вносятся в эту схему разными лингвистами, мало ее улучшают. Например, проф. В. А. Богородицкий предлагал различать «глаголы совершающегося действия» (категория несовершенного вида) и глаголы «исполненного действия» (категория совершенного вида). Но затем снова приходилось открывать в категории совершенного вида оттенки начала действия {*запеть*, *побежать* и т. п.) и оттенки «окончания или исполнения действия» {*вспотеть*, *выкрасить*, *остричь*, *поцеловать*) и т. п. 189*.

Рядом с этой теорией в русской грамматике был распространен другой взгляд на виды, сложившийся, по-видимому, под влиянием античных и западноевропейских грамматик. Виды рассматриваются как выражение разных этапов, разных моментов действия: совершенный обозначает начало и конец действия, несовершенный — середину действия¹⁹¹. Этот взгляд был укреплен А. Х. Востоковым и с тех пор повторяется до настоящего времени в школьной литературе (см., например, в «Русском языке» для педучилищ Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова). Однако эта точка зрения мало объясняет видовые оттенки, например, таких глаголов, как *посмеяться*, *поиграть*, *посидеть* и т. п. Она исходит не столько из значений самой категории вида, сколько из наиболее об-

—* Любопытно, что и Миклошич в славянских глаголах совершенного вида различал «unbe-dingt perfective Verba» и «bedingt perfective Verba», т. е. глаголы, обозначающие законченность без отношения к продолжительности действия, и глаголы, обозначающие законченность по отношению к продолжительности действия¹⁹⁰.

щих значений глагольных приставок. Между тем задача грамматики состоит именно в отграничении, в отделении формальных видовых значений от реальных значений и оттенков, приносимых в категорию вида приставками.

Важность отделения «чистого» видового значения от значений (например, начала и конца действия), образуемых «приставками», подчеркивал А. М. Пешковский: «В слове *разглядел* есть оттенок удачности, положительного результата действия (то же в *разбил, выстроил, поставил* и т. п.). Но и это не оттенок совершенного вида, а оттенок представок *раз-, вы-, по-* и т. д. Именно из-за представок и сложилось учение о «законченности» действия, хотя из-за этой ошибки приходилось прибегать и к оттенку «начала» действия (*закричал, затрясся*), что уничтожало общее значение вида»^{192*}.

Третья — наиболее распространенная — теория видов изображала различие между видовыми значениями при помощи графических, пространственных аналогий. Совершенный вид обозначает исполнение действия в точку времени, он выражает действие непротяженное, «точечное» (*punktuell*), в котором конец сливается с началом. Несовершенный вид выражает действие длящееся, «линейное» (*kursiv*)^{194**}. Эта теория была канонизирована Бругманом, Дельбрюком и Мейе¹⁹⁶. Она покоится на предпосылке о пространственных, «локальных» формах понимания времени у «примитивного индоевропейца». «Глагольные виды не что иное, — писал проф. Н. В. Нетушил, следуя за Бругманом, Дельбрюком и Курциусом, — как только выражение своеобразных представлений примитивного индоевропейца о времени действия». Всякое действие представлялось этому индоевропейцу » образе движения. Восприятие движения во времени зависело от представления пространства как исходной или заключительной точки движения или же как; линии, пройденной каким-нибудь движением. На этой почве «возникает представление о двойном виде действий, причем понятие совершенного вида сводится к представлению о пространственной точке, в то время как в основании понятия несовершенного вида лежит представление о пространственной линии. Представление же о пространстве в применении к действиям, которые могут быть рассматриваемы как движения только в переносном смысле, получает само тоже переносный характер, из чего и развился обычный смысл видовых отношений. Совершенный и несовершенный виды употребляются сообразно с тем, желает ли говорящий отметить только исходный или заключительный момент какого-либо действия или же, наоборот, он намеревается обратить внимание на все протяжение времени, в течение которого развивалось это действие»¹⁹⁷.

Это учение о «точечности», «непротяженности» совершенного вида и о «линейности», «протяженности» несовершенного вида было воспринято Фердинандом де Соссюром и А. Мейе и от них перешло ко всем русистам французской школы. В «Курсе общей лингвистики» де Соссюр писал: «Славянские языки последовательно различают 3 глаголе два вида: совершенный вид выражает действие в его завершенности как некую точку, вне всякого становления : несовершенный вид — действие в процессе совершения и на линии времени»¹⁹⁸.

Именно этим взглядом руководствовался проф. А. Мазон в своих работах, посвященных видам русского глагола¹⁹⁹. Однако и он должен был признать наличие таких разрядов глаголов совершенного вида, в которых дей-

—* Еще А. Вейсман заметил: «Сомнительно, чтобы совершенный вид сам по себе означал начинательное действие... Так, в глаголах, сложенных с приставкой *за-*, начало действия совсем не означает форму совершенного вида... Ведь многие и; этих глаголов имеют начинательное значение и в формах несовершенного вида, например: *затягивать* — *затянуть*; *засыпать* — *заснуть* и т. п. Очевидно, начало действия означает приставкой *за-*»¹⁹³.

** Ср. у Каткова: определенный вид «выражает действие в самой точке его совершения»¹⁹⁵.

ствие воспроизводится как составной или сложный процесс, достигающий предела путем постепенного развертывания или путем последовательного осуществления отдельных проявлений (ср., например: *попадать, повыталкивать, понастроить, понавдумывать, попризадуматься* и тому подобные «разнообразные», по терминологии Павского, глаголы)²⁰⁰.

Поэтому проф. Мазон должен был сделать целый ряд оговорок, противоречащих представлению о «непротяженности», «точности» совершенного вида. Так, по его словам, «точность» совершенного вида не исключает дополнительных «линейных» представлений длительности и последовательности, т. е. протяженности (например, у глаголов *пересмотреть, обойти* и т. п.)²⁰¹. В глаголах совершенного вида с приставкой *по-* (в ограничительно-уменьшительном значении: *проспать, погулять, позаниматься* и т. п.) значение совершенного вида напоминает «скорее круг, чем точку»²⁰². Глаголы совершенного вида типа *перепадать, повыталкивать* и т. п. (ее вершенные неопределенные — *perfectifs indetermines*, по терминологии Мазона) означают неопределенность, длительность, но в пределах законченного действия²⁰³. Они выражают действие «составное и разнообразное», которое разлагается на «неопределенное число последовательных действий». Их видовое значение можно изобразить «в форме круга, но круга с затухающими контурами»*.

А. М. Пешковский, который также пользовался образами точки и линии для объяснения видовых различий русского глагола, не выдвинул в защиту этой теории никаких новых аргументов. «Несоответственность идеи течения процесса с совершенным видом, — писал он, — абсолютно всеобща, т. е. нельзя указать ни одного инфинитива совершенного вида, который бы мог сочетаться с глаголами *начинаю, продолжаю, бросаю, прекращаю, прерываю, кончаю* и т. д... Поэтому мы принимаем, что значение категории совершенного вида сводится к непротяженности, недлительности того процесса, который обозначен в корне глагола... Положительную сторону такого представления о «непротяженном» процессе удобно сравнивать с представлением точки по отношению к линии»²⁰⁵. Указываемый А. М. Пешковским факт сочетания глаголов *начинаю, прекращаю* и т. п. с инфинитивами только несовершенного вида вовсе не обязывает к признанию «непротяженности» совершенного вида. Не ограниченное никакими рамками времени начинание, попытка начинать или прекращать что-нибудь не мирится не только с понятием непротяженности, но и с понятием предельности, временной ограниченности действия, которое в этом случае может и не походить на точку, т. е. может иметь измерение (например: *нагуляться, перетаскать*; ср.: *перетащить, пересмотреть, пролежать* и т. п.).

А. М. Пешковский старается отвести противоречащие факты этого рода с помощью всяческих ухищрений, но его доводы в защиту значения «непротяженности», «точности» совершенного вида носят казуистический или схоластический характер. Например, в словосочетании *проспать целую ночь*, по Пешковскому, *целую ночь* обозначает «не протяжение, а объект со значением протяжения»²⁰⁶.

Ближе всего к истине теория видов акад. Ф. Ф. Фортунатова. По словам Фортунатова, «в славянском совершенном виде данное явление обозначается по отношению к ограниченному времени (недлительному или длительному) в его развитии, между тем как в несовершенном виде то же явление рассматривается без отношения к какому-либо определению времени в его разви-

* Любопытно замечание М. Крыгина, что только «мгновенные действия... графически можно выразить точкою»²⁰⁴.

тии»²⁰⁷. Виды соотносительны. Точнее было бы говорить о видах «определенном» и «неопределенном» (ср. старое обозначение видов в русской грамматике, например, у Каткова: *определенный* и *неопределенный* вид). Акад. А. А. Шахматов думал, что это ограничение во времени, характерное для совершенного вида, связано с «полнотой проявления действия-состояния»²⁰⁴.

Но в понятии совершенного вида основным признаком является признак предела действия, достижения цели, признак ограничения или устранения представления о длительности действия**.

Значение «предельности», обозначение абсолютной границы действия в категории совершенного вида отмечалось еще Л. П. Размусеном: «Глагол совершенного вида, мне кажется, означает первоначально действие как достигающее своей цели (своего предела), а затем вообще действие, рассматриваемое как одно целое (начало, середина и конец — совокупно). Глагол несовершенного вида означает первоначально действие как приготовление к достижению цели, а затем вообще действие, рассматриваемое только со стороны вещественных (знаменательных) своих признаков, без обозначения целостности действия. При употреблении последнего вида пределы не отвлекают нашего внимания от спокойного созерцания этих свойств самого действия; таким образом увеличивается прежде всего рельефность, наглядность образа, а через это мы, конечно, будем и более ощущать продолжительность...»²¹⁰

На фоне такого понимания видов следует оценить и те учения о виде, которые сводят значение совершенного вида к обозначению результата²¹¹. Результат — это частный случай предела действия. Ср.: «О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда *открыл* Америку, а когда *открывал* ее; будьте уверены, что самый высокий момент его счастья был, может быть, ровно за три дня до открытия Нового Света» (Достоевский, «Идиот», исповедь Ипполита).

Обозначение результата является одним из основных значений совершенного вида, но не единственным. Даже те лингвисты, которые подчеркивают результативность совершенного вида, не отрицают того, что основная функция совершенного вида — ограничение или устранение представления о длительности действия, сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его пределе. Обозначение действия в его течении, не стесненной мыслью о пределе процесса в целом,— основное, общее значение несовершенного вида. Оно представляется «обычным», естественным значением глагола, его грамматической нормой. Ведь даже в глаголах несовершенного вида с начинательными префиксами *заговаривать*, *запевать* и т. п. нет указаний на предел этих действий «заговаривания» и «запевания». Таким образом, несовершенный вид, обозначая «неквалифицированное действие-состояние» (Шахматов), является основой, нейтральной базой видового соотношения. Соотно-

~~—~~* По определению Г. К. Ульянова, различие между длительным и недлительным значением сводится к представлению действия в его развитии (д-штельное значение) или в его проявлении (недлительное значение). «Но обозначение признака в развитии само по себе не есть в то же время обозначение длительности его времени. Оно становится выражением длительности лишь соотносительно с недлительным значением той же основы. «Наиболее общее различие в перфективных основах есть то, что одни из них обозначают *ограничение* длительного времени признака в каком-либо отношении; другие обозначают время признака как *недлительное*»²⁰⁸. ** В работе Эм. Черного «Об отношении видов русского глагола к греческим временам» (1877) значение совершенного вида определяется так: «Он представляет действие собирательно, сомкнуто, в совокупности, суммарно, в сжатом виде»; вместе с тем он «способен выразить действие отвлеченно»; «он означает или первую (начинательную), или последнюю (конечную) точки линии развития действия, выражая или смысл собирательней сосредоточенности... обзривающей будто одним взором весь предлежащий или оставленный за собой путь, или мгновенность действия». Между тем, несовершенный, или, по терминологии Э. Черного, **п р о т я ж е н н ы й** вид «представляет действие в протяжении, в растянутом, развернутом, раскрытом виде, в его продолжении и развитии».

сительность видов — совершенного и несовершенного — выражается в том, что русский глагол обычно представляет собой систему взаимосвязанных форм, относящихся к двум параллельным «видовым» сериям.

§ 29. Взаимодействие лексических и грамматических значений в видовых формах глагола

Соотносительные парные формы совершенного и несовершенного вида — при отсутствии различий в лексических значениях — являются формами одного и того же глагола. Таковы, например: *возделать* — *возделывать*; *выиграть* — *выигрывать*; *выключить* — *выключать*; *группировать* — *сгруппировать*; *делать* — *сделать*; *решить* — *решать*; *дичать* — *одичать*; *дать* — *давать*; *согреть* — *согреть* и т. п.

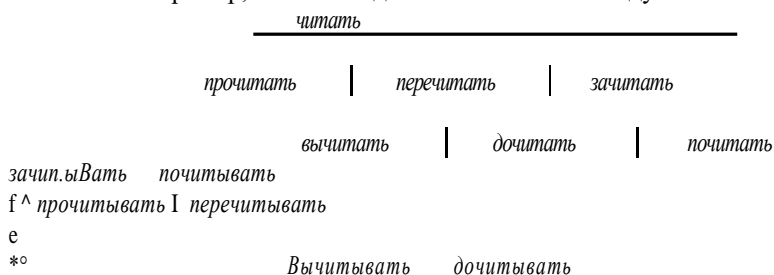
Одним из доказательств того, что формы совершенного и несовершенного вида объединяются в составе одного и того же слова, является наличие глаголов, имеющих общие формы для обоих видов. Таковы, например, глаголы *велеть*, *женить(ся)*, *казнить*, *крестить*, *ранить*, *родить*, устар. *полонить*, *молвить*, *рушить(ся)*, *даровать*, *миновать*, *ночевать*, *наследовать*, *исследовать*, *обследовать*, *расследовать*, *исповедовать*, *обещать*, *воздействовать*, *образовать*, *использовать* (ср. вульг.-прост. новообразование для выражения несовершенного вида — *использовывать*), *сочетать*, *военизировать*, *советизировать*, *большевизировать* и т. п. и длинный ряд заимствованных глаголов на *-овать*, *-изовать*, *-ировать*, *-изировать*: *арестовать*, *атаковать*, *организовать*, *телеграфировать*, *конфисковать*, *парализовать*, *экспроприировать*, *пролетаризировать*, *коллективизировать*, *реквизировать*, *национализировать* и т. п. Однако некоторые из глаголов этого типа образуют формы совершенного вида и посредством префиксов, например: *арестовать* — *заарестовать* (ср. просторечную форму несовершенного вида *арестовывать*); *бальзамировать* — *набальзамировать* и т. п.

В незаимствованных же глагольных новообразованиях, кроме тех, которые производятся с помощью суффикса *-изова(ть)* (*-изовать*), видовые различия вообще выражаются морфологически посредством суффиксов или префиксов (например: *выпечь* — *выпекать*; *сердиться* — *рассердиться*; *портить* — *испортить*; *слабеть* — *ослабеть* и т. г.). При этом чисто видовое соотношение форм часто нарушается и осложняется примесью лексических различий (ср., например: *выдерживать* как }орму несовершенного вида к *выдернуть* и к *выдергать*; *насаживать* — *наесжать*; *насаживать* — *насадить* и *насаждать* — *насадить* и т. п.).

Центральным вопросом изучения категории вида является выяснение тех семантических условий и закономерностей, какими определяется видовое расширение форм одного слова. Категория вида является ареной борьбы и взаимодействия грамматических и лексических значений. В грамматике укрепляется тенденция соединять глагольные образования от одной и той же основы в соотносительные (коррелятивные) видовые пары. Между тем в лексике обнаруживается тенденция к производству от одной и той же основы множества разных глаголов, выражающих разные действия или разные оттенки какого-нибудь действия. Главным средством образования новых лексических значений и оттенков в глаголе являются приставки. Как противодействие этому лексическому дроблению однородных образований в грамматике усиливается тенденция к «грамматикализации» приставок, к превращению их в инструмент чисто видового соотношения форм. Грамматика стремится внести стройный порядок в родственные связи слов, превращая подходящие слова в соотносительные видовые формы одного глагола (например: *чувствовать* — *почув-*

ся только по характеру выражения в них соотносительных грамматических значений предельности или определенности и неопределенности действия. Так же сочетаются в пары формы *надергать* — *надергивать*; *сдернуть* — *сдергивать* и т. п. Напротив, остаются лишенными парных видовых форм глаголы *понадергивать*, *понадергать*, *по.сдергивать*, *понаеыдергивать* и т. п. В них выделяется яркое дополнительное лексическое значение постепенности, последовательности движений (постепенно одно или одного за другим *дергая*) — сравнительно с *надергать*, *сдернуть* и т. п.

Эта картина движения русского глагола по ступеням или степеням слово-производства, впервые воспроизведенная во всей ее широте Павским, полна глубокого смысла и интереса. Но не надо смешивать и сливать с ней вопрос о видовых формах глагола. Видовые соотношения покоятся на качественных оттенках действия, а в схеме глагольного словопроизводства резко сказываются и количественные различия в проявлении действия. Вот почему Г. Павский и К. С. Аксаков (а вслед за ними и Потеня), отождествившие систему видовых соотношений с системой внутривидового словообразования, придавали такую большую роль количественным различиям действия, «степеням» глагола. Между тем количественные оттенки, которыми определялось различие «степеней» у Павского и отчасти у К. С. Аксакова, в современном языке почти выпадают из живой системы видовых взаимоотношений. Они обнаруживаются у ограниченного числа глаголов или как пережиток грамматического прошлого, или как дополнительные оттенки лексических значений. Например, в схеме видовые отношения между *читать* — *читывать*

совсем иного характера, чем между *прочитать* — *прочитывать*, *перечитать* — *перечитывать*, а формы *читывать* и *прочитывать* и вовсе не соотносительны (так же как формы *почитать* и *почитывать*). «Степени» Павского и К. С. Аксакова не соответствуют в полной мере ни ступеням глагольного словопроизводства, ни системе видовых соотношений современного глагола. Категория вида производит перетасовку слов в цепи словопроизводства, объединяя разноступенные глагольные образования на основе качественной видовой корреляции (ср., например, видовые соотношения форм: *делать* — *сделать*, *сжать* — *сжимать*, *брать* — *взять*, *приходить* — *прийти* и т. п.).

§ 31. Следы старых количественных отношений в современной системе видов и их качественное видоизменение

В современной системе видовой корреляции обнаруживаются два грамматических слоя, соответствующих разным стадиям в истории грамматического строя русского языка. При этом старые элементы частью приспособлены к выражению новых грамматических отношений, частью ощущаются как пережиток или воспринимаются как лексические различия слов.

Эта двойственность обнаруживается прежде всего в суффиксах несовершенного вида. Этих суффиксов три: непродуктивный *-ва-*, малопродуктивный *-а-* (*-я-*) и очень продуктивный и живой *-ыва-*, *-ива-*. Эти суффиксы образуют два ряда соотношений, из которых один постепенно разрушается. Живой ряд соотношений, образуемых этими суффиксами,— :ГО соотношения форм совершенного и несовершенного вида (например: *согреть* — *согревать*; *выпрямить* — *выпрямлять*; *увлечь* — *увлекать*, *разбазарить* — *разбазаривать* и т. п.). Другой непродуктивный ряд соотношений, образуемых теми же суффиксами от основ беспредложных глаголов,— это соотношения простых, бесприставочных форм несовершенного вида и форм с так называемым «многократным» значением (например: *жить* — *живать*; *говорить* — *говаривать*; *сидеть* — *сиживать*; *брать* — *бирать*; *знать* — *знавать*; *пить* — *пивать*; *бить* — *бивать*; *петь* — *певать*; *печь* — *пекать*; *ездить* — *езжать* и *езживать*; *бросать* — *брасывать*; *пускать* — *пускивать*; *спать* — *сыпать*; *курить* — *кури" вать*; *видеть* — *видать* и *видывать* и т. п.). Ср. у Крылова в басне «Синица»: Охотники таскаться по пирам Из первых с ложками явились к берегам, Чтоб похлебать ухи такой богатей, Какой-де откупщик и самый тороватый *Не даывал* секретарям.

У Нарезного: «Неужели ты,—закричал он,—никогда *не любливал* прекрасных девушек?» («Аристион»); «Часто *бирал* я с бою то, что... следовало мне по праву» (Пушкин, «Станционный смотритель»); «И в его время господа *дирывались*» (Тургенев, «Отцы и дети»); «В Шепелевском *сытал* у Жуковского» (Некрасов, «О погоде»); «Там, батюшка, я *куривал* сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка» (Гоголь); «Бывало, *писывала* кровью она в альбомы нежных дев» (Пушкин); «У меня дядя был псовый охотник. Я с ним *езживала* весною» (Тургенев, «Вешние воды»). Ср. у Некрасова: «Скуку рассеять к сестрице *езжали*» («Про холопа примерного»); «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними *не бранивался*» (Пушкин); «Елисей был старичок ни богатый, ни бедный, *хаживал* прежде по плотничной работе, а под старость стал дома жить и пчел водить» (Л. Толстой, «Два старика») и др.

Количественные оттенки, свойственные производным формам со значением многократности и подчеркивающие «раздельную», по выражению Фортунатова, повторяемость действия, чужды основным видовым значениям современного глагола. В таких формах, как *хаживать*, *говаривать* и т.п., еще К. С. Аксаков отмечал значение «неопределенного множества» отдельных «проявившихся моментов» в кругу действия прерывавшегося и уже давно прекратившегося (ср.: *хаживал*, *приходилось хаживать*; ср. также употребление инфинитива с отрицанием: «*не знавать* мне» и г. п.)²¹⁴. Г. К. Ульянов для освещения русских форм прошедшего многократного (как и параллельных им литовских форм на *-davau* — *daves*) прибежал к понятию неправильной кратности. Неправильная кратность — это «последовательность отдельных цельных времен признака в преемстве ненепрерывном», нерегулярная повторяемость времени действия. «Представлять ненепрерывную смену отдельных времен признака мы можем только тогда, когда представляем отдельные времена — в порядке их действительного возникновения в прошедшие моменты; в моменты же настоящий и будущий мы представляем признак только в его целом времени... следовательно, основы, обозначающие кратность неправильную, не могут уже являться по своему значению в формах настоящего и будущего времени»²¹⁵.

В современном литературном языке формы со значением многократности — *сиживал*, *говаривал* и т. п. — как бы врезаются со стороны в систему качественных различий между формами совершенного и несовершенного вида.

Они оказываются за пределами живой системы видовых соотношений. Отнесение форм многократного вида к категории несовершенного вида для современного языка является явной натяжкой несмотря на то, что исторически оно оправдывается однородностью, «омонимией» суффиксов *-а-, -ва-, -ыва-, -ива-*. (Ср. у Гончарова в «Воспоминаниях»: «Прежде эти *прихаживали* к обеду, а вечером *уходили* домой»; ср. также: «В свободные часы от дел я *прихаживал* к нему: мы с ним очень подружились» (рассказ «Что скажут?» — «Календарь муз» на 1826 г., с. 15.)

Кроме глаголов, вроде *помалкивать, захаживать* (с формами: *помалкиваю, помалкивал, захаживаю, захаживал*), которые никак не могут быть поставлены в одну плоскость с бесприставочными многократными формами (вроде *хаживал, видывал* и т. п.), все так называемые «многократные» глаголы теперь употребляются исключительно в форме прошедшего («давнопрошедшего») времени*. В современном языке *сиживал (сиживать)*, конечно, является формой глагола *сидеть*, а не отдельным словом.

Акад. А. А. Шахматов²¹⁷ и проф. А. Мазон очень убедительно показали, как и почему формы так называемого «многократного» вида поглощались и вытеснялись формами несовершенного вида. А. А. Шахматов поставил этот процесс в органическую связь с развитием качественного соотношения двух основных видов — совершенного и несовершенного. «Первоначально все сложенные с предлогами глаголы получали значение совершенного вида... Совершенный вид образовался не самостоятельно, а путем противоположения сложенного с предлогом глагола простому, беспредложному. Когда в ряде случаев (как: *делаю — сделаю; прощу — попрошу; пишу — напишу* и т. п.) возникло соотношение несовершенного вида с совершенным, такое же соотношение переносилось и на другие случаи... Сложенные с предлогами глаголы совершенного вида стали нуждаться в соответствующих, содержащих те же предлоги (с определенным реальным значением) глаголах несовершенного вида...» (ср.: *собрать — собирать; уговориться — уговариваться; выкурить — выкуривать; содрать — сдирать, надписать — надписывать* и т. п.)**. Таким образом, основы «многократного» вида, сложенные с приставкой, вовлекались в сферу несовершенного вида; при этом иногда в них значение длительности сочеталось со значением повторяемости. В глаголах, произведенных от этих основ с помощью приставок, видовое соотношение, образуемое суффиксами *-а-, -и-*, а также соотношением основ, обычно наоушается (ср.: *насобирать* и *пособрать; нарожать* и *народить; забросить* и *добросать; схватить, расхватить* и *рехватать* и т. п.). Те же парные «видевые отношения переносились и в глаголы простые, беспредложные, причем под влиянием аналогии сложенных с предлогами несовершенный вид получили из сходных по значению чередующихся между собой основ основы на *-i-*, а значение совершенного вида — основы на согласную или на *-м-* в инфинитиве (так явились: *явить — являю, ступить — ступаю*)^{21*}. Таким образом, большая часть форм «многократного» вида была преобразована в формы несовершенного вида. В современном языке сохранились лишь реликтовые формы с чистым значением многократности (т. е. «раздельнократной» повторяемости действия с промежутками времени).

* Употребление инфинитива «многократных» глаголов (в соединении с отрицанием, имеющим в этом случае значение «больше никогда не, ни разу», в безличных предложениях) явно замирает. Еще в начале XIX в. проф. Тимковский писал: «Окончания на *-ывать, -ивать* в изъявительном наклонении прошедшего времени и в неопределенно *-л* наклонении глагола простого означают вместе и отношение к давнопрошедшему и учащенное состояние или действие»¹⁶. ** На учение Шахматова о виде оказали большое влияние работы проф. Г. К. Ульянова, особенно его сочинение «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке» (1891; ч. 1, 1895, ч. 2) и разбор этого сочинения, принадлежащий Ф. Ф. Фортунатову («Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г.»).

§ 32. Малопродуктивные и непродуктивные типы видовой корреляции

Новая семантика приспособила к себе элементы старой языковой техники, включив их в новый строй видовых соотношений. Беспредставочных форм совершенного вида, соотносительных с формами несовершенного вида, в современном языке немного. Эти ряды соотношений образуют непродуктивный тип образований. В кругу беспредставочных глаголов форма несовершенного вида чаще всего выступает не как основная, а как вторичная, производная форма.

Тут есть небольшая группа простых глагольных основ, в которых видовое соотношение образуется противопоставлением морфем *-и-*, *-а-*, *-я-* при соответствующем чередовании согласных. Приставки, этимологически присущие некоторым из этих слов, в живом употреблении не ощущаются. Это глаголы: *благословить* — *благословлять*; *бросить* — *бросать*; *возвратить* — *возвращать*; *воскресить* — *воскрешать*; *встретить* — *встречать*; *выразить* — *выражать*; *залучить* — *залучать*; *кончить* — *кончать*; *лишить* — *лишать*; *облачить* — *облачать*; *обратить* — *обращать*; *отличить* — *отличать*; *ослабить* — *ослаблять*; *ответить* — *отвечать*; *отвратить* — *отвращать*; *ощутить* — *ощущать*; *пленить* — *пленять*; *получить* — *получать*; *победить* — *побеждать*; *посетить* — *посещать*; *протистить* — *протистать*; *пустить* — *пускать*; *развратить* — *развращать*; *решишь* — *решать*; *снабдить* — *снабжать*; *совратить* — *совращать*; *ступить* — *ступать*; *уличить* — *уличать*; *хватить* — *хватать*; *явить* — *являть* и некоторые другие; ср.: *купить* — *покупать*; *ошибиться* — *ошибаться*.

В глаголах, произведенных от этих основ с помощью приставок, видовое соотношение, образуемое противопоставлением суффиксов *-и-*, *-а-*, обычно нарушается. Ср.: например: *забросить* — *забрасывать* (ср. формы совершенного вида: *забросать*, *побросать*, *перебросать* и т. п.) *прощаться* — *попрощаться*, *распрощаться*; *охватить* — *охватывать* и др. Впрочем, в части слов и производные формы сохраняют то же соотношение основ (ср.: *разрешить* — *разрешать*, *отрешить* — *отрешать*, *переступить* — *переступать*, *наступить* — *наступать*, *разоблачить* — *разоблачать*, *напустить* — *напускать* и т. п.).

Более многочисленна группа предложных или приставочных глаголов, в которых соотношение видов также выражается противопоставлением морфем *-м-*, *-а-*. У некоторой части этих глаголов приставки тоже теряют свой семантический вес и почти не выделяются. Например: *вырубить* — *вырубать* (*подрубить* — *подрубать*, *срубить* — *срубить* и т. п.); *поразить* — *поражать*; *освободить* — *освобождать*; *изменить* — *изменять*; *оживить* — *оживлять*; *закупить* — *закупать* (*накупить* — *накупать*, *окупить* — *окупать* и т. п.); *завершить* — *завершать* (ср. *совершить* — *совершать*); *восхитить* — *восхищать*; *похитить* — *похищать*; *приручить* — *приручать*; *обвинить* — *обвинять*; *укротить* — *укрощать*; *усыпить* — *усыплять*; *уснастить* — *уснащать*; *угостить* — *угощать*; *наделить* — *наделять* (*выделить* — *выделять*, *оделить* — *одевать* и т. п.); *употребить* — *употреблять*; *устремить* — *устраивать*; *укрепить* — *укреплять*; *украсить* — *украшать*, *наставить* — *наставляя*; *приготовить* — *приготавливать*; *заготовить* — *заготавливать*; *отправить* — *отправлять*; *справить* — *справлять*; *направить* — *направлять*; *управиться* — *управлять* и т. п.; *пригласить* — *приглашать*; *покуситься* — *покушаться*; *прославить* — *прославлять*; *отметить* — *отмечать*; *заметить* — *замечать*; *сложить* — *слагать*; *положить* — *полагать*; *предложить* — *предлагать*; *поместить* (*-ся*) — *помещать* (*-ся*); *выместить* — *вымещать* и многие другие.

Этот тип видового противопоставления обнаруживает заметные признаки жизни и даже продуктивности в отыменных глаголах на *-ить*, осложненных

приставками, например: *заземлить* — *заземлять*; *приземлить* — *приземлять*; *затемнить* — *затемнять*; *наводнить* — *наводнять*; *заострить* — *заострять*; *разграфить* — *разграфлять* и т. д. Таким образом, новые глаголы, используя для видовых форм старое противопоставление суффиксов *-и-*, *-а-* (*-я-*), восполняют его префиксацией. Чередование глагольных суффиксов *-м-*, *-а-*, не сопровождающееся префиксацией, непродугн* вно. Оно уже не является живым средством видового формообразования.

Такого же рода отношения наблюдаются и у глаголов с основами на согласный. Сюда принадлежит прежде всего группа глаголов более или менее изолированных, обнаруживающих ту же примету *-а-* в несовершенном виде и теперь воспринимаемых частично как бесприставочные, простые слова. С этимологической точки зрения, а иногда даже с точки зрения живых морфологических соотношений часть основ этих глаголов может быть разделена на приставку и корень: *облечь* — *облекать* (ср. отдельную группу: *навлечь* — *навлекать*; *увлечь* — *увлекать*; *привлечь* — *привлекать*; *совлечь* — *совлекать*; *завлечь* — *завлекать*; но ср. *повлечь*); *обрести* — *обретать* (ср. *приобрести* — *приобретать*); *обречь* — *обрекать* (ср.: *наречь* — *нарекать*; *заречься* — *зарекаться*; *отречься* — *отрекаться*); *помочь* — *помогать*; *занемочь* — *занемогать*; *пренебречь* — *пренебрегать*; *рассвети* — *рассветать*; ср. также ставшие непродульными основы с суффиксом *-ну-*: *воскреснуть* — *воскресать*; *исчезнуть* — *исчезать* и некоторые другие*.

Гораздо более многочисленны и выразительны видовые соотношения основ на согласный с основами на *-а-* у глаголов, осложненных живыми приставками. Например: *вылезть* — *вылезать*; *залезть* — *залезать*; *влезть* — *влезать*; *долезть* — *долезать*; *прилечь* — *прилечь*, *слезть* — *слезать*; *улезть* — *улезать*; *запрячь* — *запрягать*; *выпрячь* — *выпрягать*; *расплесть* — *расплетать*; *заплесть* — *заплетать*; *вплесть* — *вплетать*; *наплесть* — *наплетать*; *сплесть* — *сплетать*; *вытрясти* — *вытрясать*; *стрясти* — *стрясать*; *натрясти* — *натрясать*; *потрясти* — *потрясать*; *налечь* — *налегать*; *увлечь* — *увлекать*; *присесть* — *приседать*; *разбрестись* — *разбредаться*; *высечь* — *высекать*; *погрести* — *погреть*; *загрести* — *загреть* и некоторые другие (ср. перечень глаголов непродутивных групп 5, 6 и 7 с основой на согласный на с. 371 — 372). Ср.: *запасти* — *запасать*, *припасти* — *припасать*, ср. также сложившееся лишь к середине XIX в. соотношение бесприставочных форм: *пасть* — *падать*. Таким образом, и в этом кругу глаголов видовое соотношение поддерживается префиксацией.

Сюда же примыкают разряды приставочных глаголов на *-нуть* совершенного вида, имеющих соотносительные формы несовершенного вида на *-ать*: *избегнуть* — *избегать*; *разбухнуть* — *разбухать*; *набухнуть* — *набухать*; *повиснуть* — *повисать*; *привыкнуть* — *привыкать*; *о.пвыкнуть* — *отвыкать*; *увязнуть* — *увязать*; *погибнуть* — *погибать*; *прилигнуть* — *прилипать*; *слипнуться* — *слипаться*; *разверзнуть* — *разверзать* и г. п. (ср. перечень глаголов непродутивной группы 4 на *-нуть* на с. 371).

Выделяются и более мелкие группы глаголов, у которых в силу исторических причин обозначились резкие различия между основами совершенного и несовершенного вида и в которых несовершенный вид имеет тот же характерный признак: морфему *-а-*:

а) группа глаголов с корневым *и* или *ы* в основе несовершенного вида соотносительно с нулем звука (или с *е*) в основе будущего времени совершенно-

* Любопытно, что в некоторых глаголах форма совершенного вида отличается от несовершенного вида с аффиксом *-а-* лишь местом ударения, например: *всыпать* — *всыпать*; *засыпать* — *засыпать* и т. п.; *отрезать* — *отрезать* и др.

го вида: *начать* — *начну* — *начинать*; *пожать* — *пожну* — *пожинать*; *пожать* — *пожму* — *пожимать* (*нажать* — *нажму* — *нажимать* и т. д.) ; *распять* — *распну* — *распинать*; *проклясть* — *прою'яну* — *проклинать*; *простереть* — *простру* — *простирасть*; *натереть* — *натру* — *натирать*; *умереть* — *умру* — *умирать*; *оборвать* — *оборву* — *обрывать* и т.п.; *счесть* — *сочту* — *считать*; *предпочесть* — *предпочту* — *предпочитать*; ср.: *собрать* — *соберу* — *собирать* и другие глаголы от *брать*; *содрать* — *сдеру* — *сдирать* и другие глаголы от *драть*; ср. *призвать* — *призову* — *призывать* и т.п.;

б) сюда же примыкает группа приставочных глаголов с суффиксом *-ну-* в совершенном виде и с своеобразным чередованием основ и гласных в основе: *заснуть* — *засыпать*; *засохнуть* — *засыхать*; *вздохнуть* — *вздыхать* и т. п.; ср. изолированные формы: *увянуть* — *увядать*; *утонуть* — *утопать*. Ср. так же отдельные глаголы с чередованием *-е-/-а-*; *обидеть* — *обижать*; *договеть* — *договарать*; *залететь* — *залетать* и другие подобные;

в) далее идут бесприставочные глаголы совершенного вида, у которых формы несовершенного вида образуются посредством суффикса *-ва-*: *дать* — *давать*; *деть* — *девать*; *застрясть* — *застревать*; *затеять* — *затевать*; *одоветь* — *одолевать*.

Не очень многочисленны также приставочные глаголы, «корень» которых оканчивается на гласный (*-и-*, *-ы-*, *-у-*, *-а-*, *-е-*, *-е**; *-*) и которые образуют несовершенный вид с помощью суффикса *-ва-*: *нажить* — *наживать*; *задуть* — *задувать*; *обуть* — *обувать*; *разуть* — *разувать*; *надуть* — *надувать*; *сознать* — *сознавать*; *затмить* — *затмевать*; *забить* — *забивать*; *покрыть* — *покрывать*; *загнуть* — *загнывать*; *почить* — *почивать*; *допеть* — *допевать*; *согреть* — *согревать*; *истлеть* — *истлевать*; *владеть* — *овладевать*; *заболеть* — *заболевать* и тому подобные глаголы с «первообразными» основами II класса: *созреть*, *сомлеть*, *упреть* и пр.

§ 33. Живой и продуктивный тип видовой корреляции того же происхождения

В современном языке живым и продуктивным является способ образования форм несовершенного вида от предложных (или приставочных) глаголов совершенного вида с помощью суффикса *-ыва-*, *-ива-* (при соответствующем чередовании согласных основы), например: *выкрасить* — *выкрашивать*; *закрутить* — *закручивать*; *расцветить* — *расцветивать*; *накосить* — *накашивать* и т. п. Процесс образования этих форм обычно сопровождается изменением звука *о* основы в *а* («внутренняя флексия»), например: *приготовить* — *приготаивать*; *обусловить* — *обуславливать*; *вздоргнуть* — *взрагивать*; *задобрить* — *задабривать*; *заготовить* — *заготаивать*; *успокоить* — *успокаивать*; *оспорить* — *оспаривать*; *облагородить* — *облагораживать*; *выработать* — *вырабатывать*; *заподозрить* — *заподазривать* и т. п. Но ср.: *обезволивать*, *опозоривать*, *обусловливать*, *отсрочивать*, *опорочивать*, *подытоживать*, *приохочивать*, *захлопывать*, *пришпоривать*, *приурочивать*, *сосредоточивать*, *узаконивать*, *ускоривать*, *упрочивать*, *уполномочивать*. В формах несовершенного вида ударение всегда падает на корень, т. е. на слог, непосредственно предшествующий суффиксу *-ыва-*, *-ива-* (ср.: *выстегать* — *выстёгивать*; *улепетнуть* — *улепётывать* и т. п.).

В приставочных формах несовершенного *в** да на *-ывать*, *-ивать* выступает оттенок «интенсивной длительности» (Шахматов) или потенциальной повторяемости (А. Мазон). Таким образом, несовершенный вид присваивает себе значение повторяющегося действия, прежде развивавшееся преимущественно в кратных основах. У некоторых глаголов образуются двойные формы несовершенного вида: с суффиксом *-ыва-*, *-ива-* и с суффиксом *-а-*, например *за-*

ползать и *заползывать* к *заползти*, при этом в *заползывать* оттенок повторяемости, «кратности» выступает ярче*. К *марать* совершенный вид будет *замарать*, но от этой формы в разговорной речи образуется форма несовершенного вида *замарывать*, и в ней отчасти усиливается и значение приставки *за-*, но ярче всего подчеркивается оттенок интенсивной длительности и повторяемости (соотносительно с *марать*). Ср. *умолять* — *умаливать*²²⁰. Впрочем, во многих случаях параллельные формы несовершенного вида на *-ать* (*-ять*) и *-ывать*, *-ивать*, свойственные разным стилям современного русского языка (формы на *-ать*, *-ять* кажутся более книжными), употребляются без особенно резких различий в оттенках длительности и повторяемости. Ср.: *накапывать* — *накапливать*; *отряжать* — *отряхивать*; *приготавливать* — *приготавливать*; *простужаться* — *простуживаться*; *оздоравливать* — *оздоравливать* и т. п. Но ср. также: *подбодрять* — *подбадривать*; *засорять* — *засаривать*; *перерезать* — *перерезывать* и др.**. Ср. у Тургенева в «Трех встречах»: «Казалось, избыток счастья утомл.чл и как бы надломлял ее слегка, вот как распустившийся цветок иногда надломляет свой стебель». Чрезвычайно любопытны «поправки» С. П. Обнорского к каталогу парных видовых форм, составленному Р. Кошутичем в его морфологии русского языка (Обли-ци, 1914): *удвоить* — *удваивать*, *удваивать* (по Обнорскому: *удвоять*); *уловить*—*улавливать* (Обнорский предлагает: *уловлять*); *приноровиться* — *приноровливать* (Обнорский: *приноровляться*), *приостановить* — *приостанавливать* (Обнорский: *приостановлять*); *устроить* — *устроить* (Обнорский: *устроить*) и т. п.²²²

Во многих случаях приставочные формы совершенного вида оказываются соотносительными не только с соответствующими приставочными формами несовершенного вида на *-ывать*, *-ивать* (*выкорчевать* — *выкорчевывать*), но и с основными, бесприставочными глаголами. Это бывает в тех случаях, когда реальное значение приставки сливается с конкретным значением глагола и поглощается им. Например: *скопить* — *скапливать* — *копить*. В повести И. А. Крылова «Тюфяк»: «Конечно, ей было приятнее всего в жизни *скапливать* деньги». В таких условиях происходит синонимическое сближение простых глаголов несовершенного вида с вторичными предложными формами того же вида: *скапливать* — *копить*. Этот процесс чаще всего завершается вытеснением приставочной формы несовершенного вида.

Таким образом, у приставочных форм в категории несовершенного вида значение кратности, количества, связанное с суффиксами *-а-*, *-ва-*, *-ыва-*, *-ива-*, постепенно ассимилировалось или смешалось со значением интенсивной длительности.

Раздельно-кратное значение глагольной основы (с суффиксами *-а*, *-ва-*, *-ыва-*, *-ива-*) устойчиво лишь у беспредложных глаголов при наличии параллельной основы с теми же реальными значениями, но без значения кратности (*брал* — *бирал*, ср. также: *тащил* — *тащил* - *тащивал*; *гнал* — *гонял* — *ганивал* и т. д.). Изменения значений кратной основы, нарушающие семантический параллелизм ее с соответствующей простой основой, ведут к утрате глаголом

• Ср. замечание Ф. Ф. Фортунатова: «...значение несовершенного вида, принадлежащее словообразовательной форме сложнопроизводных основ, может быть определяемо как значение «длительно-несовершенного» вида»²¹⁹.

** Н. И. Греч в своей «Практической русской грамматике» так определял различие между формами несовершенного вида на *-ывать*, *-ивать* и на *-ать*, *-ять*: «Если значение предложного глагола остается первоначальное, простое, физическое, то окончание бывает полное, например: *выбеливать*, *загаживаться*, *обгораживать*, *переполнивает*, *обрушивать*, *вытверживать*, *выламливает*; если же значение оно переходит в смысл отвлеченный, умственный, возвышенный, то окончание усекается, например: *убелять*, *угощать*, *огрещать*, *преломлять*, *исполнять*, *разрушать*, *утверждать*»²²¹.

кратного значения. Показательно в этом отношении ослабление значения неопределенной кратности у глагола *носить*, когда он употребляется в смысле: носить на себе; быть одетым во что-нибудь, например, *носить одежду*.

§ 34. Словообразовательные разряды несовершенного вида, не соотносительные с формами совершенного вида, и их значения

На фоне живых, качественно-видовых связей и отношений становится еще более понятным, почему формы так называемого «многократного вида» в современном русском языке могут иметь лишь не сложенную с приставками основу. При сложении с приставкой соответствующие основы (кроме, впрочем, глаголов «неопределенно-моторных»: *заходить* — *захаживать*; *заносить* — *занашивать* и т. п.) получают производное значение неограниченной длительности (иногда с оттенком неопределенной повторяемости), соотносительное со значениями глагольных форм совершенного вида: *выделявать* — *выделать*; *поливать* — *полить*, *набрасывать* — *набросить* — *набросать*; *просиживать* — *просидеть* и т. п. Между тем есть несколько продуктивных типов глаголов несовершенного вида, образованных или образуемых с помощью приставок и суффикса *-ыва-*, *-ива-*, но не соотносительных с формами совершенного вида. У всех этих глаголов наблюдается в той или иной степени примесь кратных или вообще количественных оттенков²²³. Следуя за А. Х. Востоковым, Г. К. Ульяновым, Ф. Ф. Фортунатовым и А. А. Шахматовым, можно выделить такие разряды производных глаголов несовершенного вида (с приставками и суффиксами *-ыва-*, *-ива-*), у которых нет соотносительных форм совершенного вида.

1. Разряд глаголов, имеющих дл и т е л ь н о - к о м и т а т и в н о е значение (т. е. значение действия, сопровождающего другое действие) и образуемых с помощью приставок *при-* и *под-* и суффикса *-ыва-*, *-ива-*, например: *приплясывать*, *притоптывать*, *пристукивать*, *припевать*, *приговаривать* и т. п.; *подплясывать* и т. п. Ср. у Тургенева в «Дыме»: «Бамбаев только *подмычивал* одобрительно». Ср. в рассказе «Два приятеля»: «Казалось, она и *пришепётывала* оттого, что уж очень была добра». Само собой разумеется, что при соотносительности с формами совершенного вида у морфологически сходных глаголов несовершенного вида оказываются другие значения. Например, глагольной приставке *при-* свойственны еще значения действия дополнительного к другому, завершающего или усиливающего другое действие, или значение ослабленного действия. Ср.: *прирабатывать* — *приработать* (ср. *приработок*); *пригорюниваться* — *пригорюниться*; ср. *подкапливать* — *подкопить* и т. п.

2. Разряд глаголов, имеющих дл и т е л ь н о - д и с т р и б у т и в н о е значение (т. е. значение действия, направленного в разные стороны или неопределенно распространяющегося в разных направлениях) и образованных с помощью суффикса *-ва-*, *-ыва-*, *-ива-* и приставки *ран-*: *расхаживать*, *разгуливать* (в непереходном значении), *распевать*, *разговаривать* и т. п. Этот разряд непродуктивен. Его распространению мешает широкое развитие и влияние соотносительных парных форм совершенного и несовершенного вида в глаголах типа *расписывать* — *расписать*, *разглядывать* — *разглядеть* и т. п.

3. Разряд глаголов, имеющих дл и т е л ь н о - д и с т р и б у т и в н о - в з а и м н о е значение (т. е. значение длительного действия, происходящего между несколькими, по крайней мере между двумя, участниками и осуществляемого то с той, то с другой стороны). Это значение свойственно глаголам, образуемым или образованным с помощью приставки *пере-* и аффикса *-ся*, например: *перестреливаться*, *перекоряться*, *перебраниваться*, *переругиваться*

(глаголы *перебраниться*, *переругаться* имеют совсем другое значение; это отдельные самостоятельные глаголы) и т. п.

4. Разряд глаголов, имеющих длительно-прерывистое значение или, по Фортунатову, «прерывисто-длительное», «неопределенно-кратное»²²⁴ (т. е. значение кратного действия, перемежающегося, ослабленного и прерывистого в своем проявлении). Глаголы этого разряда образуются посредством суффикса *-ива-*, *-ыва-* и приставки *по-*: *посиживать*, *побаливать*, *покашливать* и т. п. Ср. у Тургенева в «Дыме»: «У Губарева была привычка постоянно расхаживать взад и вперед, то и дело *подергивая* и *почесывая* бороду»; в «Бретере»: «В маленьком домишке (бывшей господской бане) жил дряхлый дворецкий и, *покряхтывая* да *покашливая*, каждое утро, по старой привычке, тащился через сад в барские покои»; в рассказе «Постоялый двор»: «Работник на телеге... только *потряхивал* головой и *похлопывал* по лошади вожжами»; «Старик с самого утра просидел на завалинке под окошком, *понохивая* табачок и греясь на солнце» (там же); у Гончарова в «Обрыве»: «Кучер держал кнут в кулаке, вожжи лежали у него на коленях, и он изредка *подергивал* ими, с ленивым любопытством и зевотой *поглядывая* на знакомые предметы по сторонам»; в «Братьях Карамазовых» Достоевского: «Он на счетах *постукивает*, а я сижу — в книги вписываю»; у Л. Толстого в «Воине и мире»: «*Погромыхая* рессорами...», «он... *похаживая*, *подрагивал* на каждом шагу...».

Едва ли целесообразно предложенное впоследствии А. А. Шахматовым выделение этой группы глаголов в особый «определятельный подвид» несовершенного вида («Синтаксис», вып. 2, главн о категории вида).

П. К. Ковалев в работе «Функции глагольных префиксов в русском литературном языке»²²⁵ высказал предположение, что необходимо различать еще три группы глаголов несовершенного вида, не имеющих соотносительных форм совершенного вида: 1) с приставкой *вы-* и суффиксом *-ыва-*, *-ива-* для выражения эффективности действия: *выплясывать*, *выделять*, *вырисовывать*, *вытанцовывать* и другие подобные; 2) с приставкой *на-* и суффиксом *-ыва-*, *-ива-* для выражения ослабленности, неполноты действия: *наигрывать*, *нависывать*, *накрапывать*, *напевать*, *нахлестывать* и т. п.; 3) с приставкой *от-* и суффиксом *-ыва-*, *-ива-* для выражения эффективности и интенсивности процесса: *отписывать*, *отвертывать*, *отламывать* и т. п.

Легко можно заметить, что все эти группы глаголов несовершенного вида, не имеющие соотносительных форм совершенного, образуются с помощью приставок с ярко выраженными реальными значениями. Ни приставки *при-*, *под-*, придающие глагольной основе комитативное значение, ни приставка *раз-* с дистрибутивным значением, ни приставка *по-*, сообщающая глаголу значение кратной прерывистости, ни префиксально-суффиксальное образование глаголов при посредстве *пере-* и *-ся* не могут быть отнесены к грамматическим средствам чисто видового различия глагольных форм. Отсутствие видовой парной корреляции у глаголов далеко не всегда является признаком превращения соответствующих приставок в нидовые формальные префиксы, утратившие реальные значения. Эту истину нередко забывают при грамматическом анализе категории вида. Итак, в соарременном русском языке есть несколько типов смешанного префиксально-суффиксального образования глаголов несовершенного вида безотносительно к формам совершенного вида.

§ 35. Два встречных течения в системе видового соотношения

В системе видовых соотношений сталкиваются два встречных течения. Одно течение, очень сильное, направляется от совершенного вида к несовершенному (*пропитать* — *пропитывать*; *настоять* — *настаивать*). Оно отчасти поглощает прежние количественные различия между глагольными основами.

Но как след старых отношений остаются формы давнопрошедшего времени «многократного вида». Кроме того, в производных формах несовершенного вида нередко сказываются дополнительные оттенки значений интенсивной длительности и повторяемости действия. В этой сфере соотношений совершенный вид обнаруживает себя как основная, производящая грамматическая категория. Акад. А. А. Шахматов считал эту сферу грамматических соотношений вторичной. Она была приспособлена к той системе видов, которая первоначально сложилась на основе противопоставления простых, беспрефиксных глаголов префиксальным образованиям совершенного вида. Это другое течение идет от несовершенного вида к совершенному. Именно здесь — в соотношении бесприставочных форм несовершенного вида с приставочными формами совершенного вида — особенно ярко обнаруживается «неквалифицированность» категории несовершенного вида. Несовершенный вид здесь — нулевая, слабая категория (*лгать — солгать; вербовать — завербовать; совершенствовать — усовершенствовать; потеть — вспотеть* и т. д.).

В этом кругу отношений глаголы совершенного вида нередко оказываются осложненными дополнительными реальными значениями, которые идут от приставок (например: *глядеть — поглядеть; мучить — измучить, замучить; хотеть — захотеть; обедать — отобедать* и другие подобные). Таким образом, намечаются две противоположные тенденции: одна — к различению и осложнению лексических значений и оттенков глаголов посредством приставок; другая — к превращению приставок в видовые префиксы, к ослаблению или устранению их реальных значений (например: *делать — сделать; гримировать — загримировать; бальзамировать — набальзамировать; морить — уморить; плутовать — сплутовать; штрафовать — оштрафовать* и т. п.). Так возникают наряду с приставками «полными», имеющими реальное, лексическое значение, «пустые префиксы» с чисто винным значением*. К сожалению, русская грамматика до сих пор не пыталась определить вполне «грамматикализованные» типы префиксальных образований совершенного вида. Характерны колебания А. А. Шахматова, который недооценил вопрос о соотношении и столкновении лексических и грамматических значений в формах совершенного вида, образуемых приставками.

§ 36. Приставки и их роль в образовании форм совершенного вида по учению А. А. Шахматова

Вопрос о совершенном виде и его значениях тесно связан с вопросом о функциях глагольных приставок. Определяя совершенный вид, акад. А. А. Шахматов в «Очерке современного русского литературного языка» вслед за Г. К. Ульяновым и Ф. Ф. Фортунатовым заявлял: «Совершенный вид означает или законченность длительности действия (состояния): *посмотрю, похожу, посидит, побегал...*», или он обозначает ре-
 * Мысль о необходимости различения двух типов глагольных приставок подробно развивалась и обосновывалась Г. К. Ульяновым²²⁶. Ещё м. Н. Катков заметил: «Новый богатый источник для обозначения типов действия и бытия представляют предлоги. Их правильно разделяют на такие, которые собственно служат к видоизменению характера действия, и на такие, которые вносят в смысл глагола особое значение»²²⁷; ср., с одной стороны, *строить* и *построить*, а с другой — *бежать* и *побежать*. Указания на необходимость различать чисто видовые префиксы и приставки с реальными значениями уже находились в грамматиках Востокова и Греча.

** Ср. замечания Шахматова о видовом значении приставки *по-*: «Для выражения прекращения длительности глагола употребляется предлог *по-*: *поговорить, поиграть, полечиться, походить, почесаться, поторопиться*»²²⁸ Ниже есть такое разъяснение: «Предлог *по-* в соединении с определенно-моторными (глаголами. — В. В.) означает начало действия, выраженного несложным глаголом: *понести — нести*; между тем тот же предлог в соединении с неопределенно-моторными означает прекращение непрерывного действия, прекращение длительности глаголов: *поношу ребенка — ношу ребенка*; вследствие этого *понестг* и *ноносят* не соотносительны между собой»²²⁹.

зультат действия (состояния) как нечто законченное... *он прибежал, он принес*»*. Механизм предложного образования форм совершенного вида рисуется так: «...глагол несовершенного вида, сочетаясь с предлогом, переходит в совершенный вид; предлог утрачивает при этом свое реальное значение и указывает только или наступление результата действия, выраженного глаголом, или его окончание, или полноту его проявления, или, наконец, прекращение длительности >>>²³⁰. Далее приводится «ряд примеров с различными предлогами». Анализируя эти примеры, легко убедиться, что большая часть указанных Шахматовым приставочных глаголов совершенного вида по своим значениям вовсе не соотносительна с соответствующими бесприставочными, основными глаголами несовершенного вида. Иными словами: перед нами — новые производные глаголы, отличающиеся от основных не только своими видовыми, но и реальными значениями. Таково, например, отношение глагола *прождать* к *ждать* (ср. парные формы: *выждать* — *выждать*; *подождать* — *подждать*); *проездить* к *ездить* (между этими двумя глаголами нет лексического соответствия; ср. такие значения слова *ездить*, не находящие никаких параллелей в *проездить*: 1) постоянно, часто совершать поездки куда-нибудь; 2) быть подвижным, скользить: 3) постоянно пользоваться средствами передвижения); *слетать* к *летать*; *погнать* к *гнать* (ср., например, такие значения слова *гнать*, чуждые глаголу *погнать*: а) преследовать, притеснять, подвергать гонениям; б) добывать посредством перегонки, ср. *гнать деготь* и т. п.); *отстоять* (защищаться) к *стоять*; *отпеть* к *петь* (ср. хотя бы *отпеть покойника*); *застрелить* к *стрелять* (ср. *застреливать*) и т. п.

В учении о виде Шахматов явно смешивает грамматические понятия и значения с лексическими. Для него оказываются однородными два совсем разных типа связей — грамматические и лексические: 1) соотносительные парные видовые формы — приставочные и бесприставочные, отличающиеся друг от друга лишь видовыми оттенками (например: *будить* — *разбудить*; *богатеть* — *разбогатеть*; *делать* — *сделать*; *писать* — *написать*; *красть* — *украсть*; *краснеть* — *покраснеть*; *высечь* к *сечь* в значении: пороть и т. п.); в этих случаях лексические значения парных форм совпадают; глагольная приставка выражает лишь категорию совершенного вида: она не имеет никаких дополнительных реальных значений; 2) разные непарные — бесприставочные и производные от них приставочные — глаголы, в которых лексические значения настолько далеки и отличны, что видовое различие их является лишь придатком к резкому реальному различию слов (например: *отсидеть* и *сидеть*; ср. *отсиживать*; *накурить* и *курить*; *снести* и *нести*; *нападать* и *падать* и т. п.). Таким образом, у А. А. Шахматова нет четкого различия овлеченно-грамматических видовых префиксов и глагольных приставок с ярко выраженными реальными значениями. Поэтому Шахматов не различает видовых форм одного и того же глагола и разных глаголов, т. е. разных слов, принадлежащих к разным видам.

Положение вещей осложняется еще тем, что некоторые глаголы несовершенного вида соотносительны с разными глаголами совершенного вида (и наоборот). Например, в современном русском литературном языке есть два глагола-омонима: *валить*. От одного из них откололось как особое слово просторечное междометие *вали, вали-те!* (в значении побуждения к какому-нибудь действию). Этот глагол *валить* (со значениями: 1) идти, двигаться во множестве: «Толпа в гостиную *валит*» (Пушкин); 2) падать или подыматься густой массой: *снег валит*) не имеет соотносительных форм совершенного вида. В глаголе совершенного вида *повалить*, который ближе всего к глаголу *валить* по своему значению (ср.: «народ *повалил* на площадь» — Пушкин; «дым *повалил* из трубы»; «пошел мелкий снег — и вдруг *повалил* хлопьями» — Пушкин), выделяется еще дополнительный оттенок начала проявления действия, вносимый приставкою *по-*: так называемое «ингрессивное значение» *по-* (ср.: *бежать* и *побежать*; *идти* и *пойти* и т. п.). Омоним *валить* (для которого А. А. Шахматов указывает в совершенном виде только одну параллель *п свалить*), на самом деле, синонимически связан одними значениями (например, значениями: сбрасывать вниз, опрокидывать) с *повалить*, другими значениями (1) беспорядочно сбрасывать, складывать, например *валить как попало*; 2) слагать вину, ответственность на другого) — с глаголом *свалить* — *сваливать*; наконец, некоторые значения того же глагола *валить* не на-

* Ср. описание детерминативного и результативного значений совершенного вида у Фортунатова.

ходят соответствий ни в каком глаголе совершенного вида, ср. просторечное значение: губить во множестве: *болезнь так и валит всех* (ведь если сказать: *грипп свалил много людей*, то возникает новый оттенок значения: заставить лечь или заставить слечь больным).

Еще более показателен другой пример из числа тех, что приведены А. А. Шахматовым, — глагол *повенчать* (совершенный вид к *венчать*). Глагол *венчать* как глагол по происхождению церковнославянский в некоторых своих значениях может совмещать оттенки несовершенного и совершенного вида (например, в устаревших значениях: 1) возлагать или возложить венец, венок в знак высокой оценки заслуг; 2) наградить или награждать, признать достойным награды), хотя одновременно можно пользоваться для этих значений в качестве совершенного вида и формой *увенчать* (но ср. также *увенчивать*). В других значениях и отггнках (например, заканчивать, находиться на вершине чего-нибудь: *дворец венчала статуя*) этот глагол подводится под категорию несовершенного вида и соотносителен с формой совершенного вида *увенчать*. Наконец, в значении «соединять браком по церковному обряду» он связан с глаголом совершенного вида *повенчать*.

Таким образом, процесс видовой «формализации» префиксов встречает противодействие со стороны словаря. На почве этой борьбы грамматики с лексикой возникают смешанные, перекрещивающиеся связи между видовыми и лексическими значениями глагола. Параллелизма форм совершенного и несовершенного вида в строе глагола не получается. Большая часть слов, произведенных с помощью приставок от основного глагола, с видовой точки зрения не соотносительна с ним. Чаще всего — это разные слова, относящиеся к разным видам /например: *играть* — *выиграть*, *проиграть*, *отыграть*, *сыграть*, *переиграть*, *наиграть*, *доиграть* и т. п.; ср.: *выигрывать*, *проигрывать*, *отыгрывать* и т. д.; *бежать* — *выбежать*, *вбежать*, *забежать*, *побежать*, *набежать*, *сбежать*, *перебежать*, *убежать*, *добежать*; ср.: *выбегать*, *вбегать*, *убегать*, *добегать*; *лететь* — *вылететь*, *влететь*, *улететь*, *долететь* и т. п.).

Но при наличии благоприятных лексических условий реальные значения приставок в сочетании с некоторыми глагольными основами ослабевают; они сливаются с оттенками видového значения, и приставки превращаются в чисто видовые префиксы (например: *сниться* — *присниться*; *ваять* — *извальть*; *топить* — *утопить*; *душить* — *задушить* и *удушить*; *сеять* — *посеять* и т. п.).

Учение о видах русского глагола складывалось в гораздо большей степени под влиянием очень спорных сравнительно-исторических гипотез, чем на основе всестороннего конкретного изучения грамматической системы современного русского глагола. На А. А. Шахматова повлияли те историко-этимологические соображения и положения, которые он нашел в работах Г. К. Ульянова и Ф. Ф. Фортунатова о значениях глагольных основ в литовском и славянских языках²³¹.

§ 37. Взгляды проф. Г. К. Ульянова на категорию вида

Проф. Г. К. Ульянов учил, что соотносительными видовыми формами могут быть лишь те глаголы, у которых лексические значения одинаковы, однородны. Он писал: «Между *идти* и *прийти* не может быть прямого отношения по видовым значениям на том основании, что они представляют собой два разных глагола с различными реальными значениями»²³². Видовое соотношение охватывает лишь те формы (*делать* — *сделать*), в которых является одно и то же реальное значение. Оно не должно быть смешиваемо с соотношением словопроизводным. Поэтому Г. К. Ульянов стремился установить те общие значения, которые выделяются в составе совершенного вида и которые, в сущности, выходят за предел реальных значений приставок, т. е. являются значениями чисто видовыми. Эти значения выражаются или самими основами глагола, или формальными приставками (префиксами), не изменяющими реального содержания глагола.

К числу формальных приставок, не производящих никакого изменения в реальном значении глагольных основ, а обозначающих в них лишь видовые различия, проф. Г. К. Ульянов отнес все приставки, видоизменяющие значение времени, «определяющие внутреннее направление глагольного признака». Он исходил из предположения, что видовая дифференциация глаголов зависит не только от общего соотношения длительного и недлительного значений глагольных основ, но и от более частных различий видového значения. Проф. Ульянов различал следующие видовые значения,

кроме длительного и недлительного: детерминативное, суммарное (чисто суммарное и дистрибутивно-суммарное), результативное, перфективное, моментальное и немоментальное. Значения детерминативное, суммарное, результативное, и перфективное выражают известные различия в длительном времени признака²³³. Они представляют собою специальные видоизменения видового значения²³⁴. Детерминативное значение — это значение ограниченности длительного или сложного времени, вносимое приставкою *по-* (*пожить, посидеть, погулять, попеть* и т. п.).

Суммарное значение сводится к обозначению того, что «длительное время признака как целое слагается из всех его отдельных моментов»²³⁵.

Суммарное значение — это значение «цельности сочетания всех отдельных моментов времени признака»²³⁶. Это значение вносится приставками: *из-* (*испортиться, изранить*); *на-* (*настрелять, нанести, навозить*); *вы-* (*ыловить, выбелить*); *про-* (*просидеть, прождать, пробежать*); *пере-* (*пережениться, переломать*); *раз—роз-* (*разболеться, разгореться*); реже *за-* и *от-* (*забрать, отсидеть свой срок, отстоять*).

Ответвлением суммарного значения является значение дистрибутивно-суммарное (т. е. суммарное значение, осложненное представлением об отношении действия ко многим субъектам или объектам), например, в глагола: *повыловить, поизъездить, понавозить* и т. п.²³⁷; ср.: *позавязывать* и *позавязать*; *попришивать* и *попришить*; *повыливать* и *повылить*^{2^}; *посъехаться, поубивать, позавянуть* и т. п.²³⁹

Результативное значение — это значение «относительной законченности времени признака», «законченности по отношению к достижению результата проявления признака», это значение достижения цели, к которой направляется действие. Оно связано с приставками *из-* (*износить, изнечить, излечить, изучить* и т. п.); *с-* (*сыскать*); *вы-* (*вылечить, выучить, вырастить, выпасться* и т. п.)²⁴⁰; *за-* (*зарезать, застрелить, задавить, залечить, загрызть*); *по-* (*побороть, познать* и т. п.); *у-* (*убить, удавить*). Сюда же относятся суффиксально-префиксальные образования с приставкой *на-* и суффиксом *-ся* (*напиться, набегаться, наестся* и т. п.); с приставками *до-*, *при-*, и *-ся* (*дознаться, дождаться, присмотреться*)²⁴¹.

Перфективное значение — это значение безотносительной законченности времени признака, т. е. без отношения к результату проявления признака²⁴² (*съесть, сжечь, сгореть, вымыть, вычистить, погубить, потопить, помереть* и т. п., *умереть, утонуть, заснуть, загубить*)^{24^}.

Результативное и перфективное значение сближаются между собою общим оттенком законченности времени признака. В некоторых случаях перфективное значение почти совпадает с суммарным²⁴⁴. «Далее можно заметить, что и значения перфективное и результативное являются, собственно, также значениями ограниченности длительного времени признака; но здесь ограниченность времени обозначается в другом отношении: между тем как детерминативное и суммарное значения выражают собой ограниченность времени как целого длительного времени признака, без отношения к его началу или конечному пунктам, перфективное и результативное значения выражают собой ограниченность длительного времени признака именно по отношению к его конечному пункту»²⁴⁵.

В кругу недлительного значения необходимо различать также значения моментальное и ингрессивное. «Ингрессивное значение надо отличать от значения начинательного (инхоативного): ингрессивные основы обозначают наступление целого времени признака, в его недлительности; начинательные основы обозначают наступление *начального момента* в длительном времени признака»²⁴⁶. Ингрессивное значение образуется с помощью приставок *воз-*, *за-*, *про-* (*возрыдать, прослезиться, прозреть, проблеснуть, прослышать, пробежать* и т. п.).

Таким образом, Г. К. Ульянов слишком широко очерчивает круг чисто видовых значений приставок. Легко заметить, что большая часть глагольных значений, отнесенных проф. Ульяновым к чисто видовым, на саМОВі деле вытекает из реальных значений.

Уже проф. А. Мазон должен был признать, что значения ингрессивное, результативное (*выучиться, просверлить* и т. п.), суммарное (*пересмотреть* и т. п.) и детерминативное выражаются «приставками полными» (*preverbes pleins*), нисколько не теряющими своего реального значения²⁴⁷.

Сам проф. Г. К. Ульянов в конце концов вынужден был заявить, что среди формальных приставок некоторые совсем не сохраняют реальных значений и вместе с тем

не придают ни суммарного, ни детерминативного, ни результативного, ни перфективного, ни какого другого из дополнительных «видовых» значений.

Перфективные «основы, сложенные с приставками, не сохраняющими реальных значений, если не имеют значений детерминативного, суммарного, результативного и перфективного, являются в славянских языках основами, обозначающими недлительность времени признака» (например, с приставками *по-*: *повелеть*, *повести дело* и т. п.; *вз-*: *взять*, *взвидеть*; *ср.*: *сделать*, *упасть* и т. п.)^{248*}. Таким образом, в трудах Г. К. Ульянова смешаны формообразующие видовые префиксы и глагольные приставки, выражающие яркие реальные значения; спутаны видовые грамматические и лексические количественно-временные значения и оттенки глаголов.

§ 38. Учение акад. Фортунатова о значениях совершенного вида русского глагола

Теория видов, выдвинутая проф. Г. К. Ульяновым, в значительной степени определила отношение к видам русского глагола в учение акад. Ф. Ф. Фортунатова, хотя Ф. Ф. Фортунатов — в отличие от Г. К. Ульянова — без всяких колебаний признавал разными словами, отдельными глаголами все соотносительные видовые вариации глаголов, даже образуемые пустыми префиксами.

Под влиянием трудов проф. Ульянова смешение лексических значений приставок с чисто грамматическими оттенками видовых значений окончательно укрепилось в русской лингвистической литературе о видах. Так, акад. Ф. Ф. Фортунатов к числу видовых значений относил, например, такие значения, вносимые в представление действия приставками: 1) *детерминативное* значение, связанное с представлением о длительности действия, но в пределах ограниченного времени, например: *посидеть*, *поговорить*; 2) *инхотативное* значение, выражающее наступление начала в длительности явления (*забегать*, *заходить*; ср. отсутствие соотносительных форм несовершенного вида). Уже из этих двух значений видно, насколько ошибочен взгляд на совершенный вид как на обозначение момента законности, завершения действия. И детерминативное, и инхотативное значения связаны с представлением длительности. В первом выражается идея длительности в пределах ограниченного времени; во втором — наступление начала в длительности явления. Но наряду с этими значениями в категории совершенного вида, действительно, находит выражение момент завершения действия по отношению к достижению результата! (ср.: *сделать*, *написать* и т. п.). В связи с этим выделяются иные значения совершенного вида; 3) *ингрессивное* — достижение результата в процессе возникновения явления, иначе: «время результата в наступлении признака» {*побежать* — при отсутствии соотносительной, парной формы несовершенного вида); 4) *фитивное*, т. е. значение конца достижения цели (*отобедать*, ср. отсутствие соотносительной формы несовершенного вида); 5) *объективное* значение со своеобразным оттенком степени развития явления в разных отношениях (*изругать*, *искусать*, *замучить* и т. п.).

Итак, глаголы совершенного вида, по Фортунатову, могли означать момент наступления и момент завершения действия. Момент завершения явления определяется или по отношению к предшествовавшей длительности, и тогда получаются глаголы с детерминативным видовым значением, или по отношению к достижению результата явления, и тогда получаются глаголы или с результативным значением (*сделать*, *написать*), или с фитивным (*отобедать*, г. е. кончать обедать, *отпахать*). В момент наступления действия следует различать: достижение результата в процессе возникновения явления и наступления начала в длительности явления. Относящиеся сюда глаголы распадаются на два класса: ингрессивные — *побежать*, *полюбить* — и инхотативные — *забегать*, *заговорить*²⁵⁰.

Приставки, связанные с этими «видовыми» значениями, акад. Ф. Ф. Фортунатов противопоставлял таким глагольным приставкам, которые не имеют прямого отношения к видовым изменениям глаголов, как, например, приставка *при-* в глаголах *приехать*, *принести*. Этого рода приставки, обозначая пространственные отношения действия — * «Впоследствии в класс недлительных основ этого рода в славянских языках (в отличие от балтийских) входят также все так называемые «перфективные» основы, сложенные с приставками, сохраняющими реальные значения»²⁴⁴.

ствий, изменяют реальное значение глагола. Они ставят глагол по виду (выражающему результирующее значение) в соотношение не с простыми глаголами (*есть, нести*), а со сложными имперфективными типа *приезжать, приносить*. Фортунатов сам вынужден был признать, что специальное результирующее значение уже не принадлежит к различиям собственно видовым и что, следовательно, соответствующие приставки имеют реальное значение (например: *поджарить, замучить, искусать* и т. п.)²⁵¹. Таким образом, Фортунатов (так же как и Ульянов) смешал лексические оттенки времени, вносимые приставками, с чисто видовыми грамматическими значениями. Значения «начинательные» — ингрессивное и инхоативное (*забегать, побежать, заговорить* и т. п.), или «окончательное», т. е. значения окончешти, исчерпанности действия, «значения прекращения признака» (*отобедать*) отнюдь не являются простыми видоизменениями общего грамматического значения вида (ср. возможные соответствия для выражения этих оттенков в формах несовершенного вида, например: *заболевать, заговаривать* (начинать говорить), *запевать* и т. п.)*. Эти значения органически вытекают из лексических значений самих приставок. Глагол *отобедать* вовсе не находится в прямом соотношении с *обедать*, так как содержит дополнительное лексическое значение прекращения, отработанности процесса. О том, что значения начинательности и окончательности являются лексическими, дополнительными, а не грамматическими, видовыми, прекрасно и убедительно говорил А. А. Потебня: «Различия начинательности и окончательности слишком частны для грамматических категорий. Большинству предлогов начинательность значения не свойственна. Принадлежность глаголов предложных к начинательным или окончательным, подобно всем лексическим оттенкам значения слов, формально ничем не выражается, так как посредством грамматического разбора мы не в состоянии различить глаголов I начинательных: *завозить ногами под столом* (начать возиться) — от глаголов окончательных: *завозить платье* (в том смысле, как говорят «заносить рубашку»), *завозиться донельзя* (замараться). Дополнение в том или другом падеже для начинательности и окончательности значения глагола вовсе не характерично»²⁵³.

Отсутствие соотносительной формы несовершенного вида с той же приставкой далеко не всегда может служить признаком того, что данная приставка имеет чисто видовое значение. Достаточно сослаться на такие глаголы совершенного вида, вообще лишенные соотносительных форм несовершенного вида, как *повыталкивать, перевыталкивать, понавыталкивать* и тому подобные образования с приставками *по-, на- и пере-* (ср. также глаголы типа *попри затихнуть, поприналечь* и т. п.). В этих глаголах настолько очевидны лексические отличия от основного глагола (ср.: *думать, выдумать* и *понавыдумывать*), что еще никому не пришло в голову видеть в их семантических оттенках чисто видовые значения.

Ошибка Ульянова, Фортунатова и их последователей состояла в том, что они отождествляли с чисто видовыми значениями глагола функции всех тех предлогов, временные значения которых не сочетаются непосредственно с формами несовершенного вида, например: *отобедать* (ср. отсутствие несовершенного вида *отобедывать*), *побежать* и т. п. Некоторый схематизм, игнорирующий или, наоборот, смешивающий реальные, лексические и грамматические оттенки смысловых различий, обнаружился в искусственном приравнении *посидеть* к *сидеть*, *забегать* к *бегать*, *отобедать* к *обедать*, *искусать* к *кусать* и т. п. Недостаточная >-еткость в различении грамматических и лексических форм и значений характеризует всю фортунатовскую концепцию видов глагола**.

—* Ср. суждения А. А. Потебни о том, что «значения начинательности и окончательности выходят за пределы совершенности»²⁵².

** В литовском и латышском языках часть приставок также превратилась в видовые префиксы. Префиксованные формы совершенного или недлительного вида у литовских и латышских глаголов этого рода соотносительны с простыми бесприставочными формами (так же как и в русском языке)²⁵⁴. Другой разряд приставок сохранял свое реальное значение. Эти приставки соответствующим образом изменяют конкретные значения простых глаголов. Фортунатов отметил, что этого рода приставки не изменяют значения времени признака в глагольной основе. Следовательно, сочетающиеся с ними глаголы не выражают соотносительных видовых значений длительности и недлительности. Но проф. И. Эндзелин указал, что и этого рода глаголы приобретают значение совершенного вида. Они соотносятся с простыми глаголами, осложненными наречием. Так, например, *padarīt* (сделать) по видовому значению находится в прямом отношении к *darīt* (делать), а, например, *ņukārt* (сойти, слезть, спуститься) по видовому значе-

§ 39. Влияние взглядов акад. Фортунатова на учение о видах у акад. Шахматова

Вслед за Ульяновым и Фортунатовым А. А. Шахматов (как показывает его определение совершенного вида) сначала выделял два основных значения совершенного вида: 1) результативное, охватывающее большую часть глаголов, и 2) детерминативное, т.е. ограничивающее или прекращающее длительность действия (с приставкой *по-*: *поиграть*, *полечиться*, *посидеть* и т. п.). Понятие результативности толковалось Шахматовым (вслед за Фортунатовым) сначала так широко, что в нем расплывались значения большей части глагольных приставок. «Результативность вносится, очевидно, предлогом, вошедшим в сложение, причем предлог не вносит в глагол нового реального значения, указывая только на начало, конец или полноту его проявления», — писал Шахматов²⁵⁶. Но далее приводятся в качестве примеров «предложные» глаголы, реальные значения которых резко отличаются от значений основных, беспредложных глаголов. Например, *покормить* и *кормить* (ср. *накормить*; ср. наличие в глаголе *кормить* таких значений, из которых некоторые вообще не находят соответствий и отражений в глаголах совершенного вида, произведенных от той же основы, например: 1) содержать на своем иждивении: *кормить целую семью*; 2) служить средством пропитания: *литературный труд плохо его кормит* и т. п.; другие значения у глагола *кормить* соотносительны только со значениями глагола *накормить*, например: *кормить обещаниями* — *накормить обещаниями* и др.); *ездить* и *проездить* и т. п.²⁵⁷ Главным основанием для сопоставления таких видовых пар у Шахматова (так же как у Ульянова и Фортунатова) служило отсутствие соотносительных производных форм несовершенного вида (с суффиксами *-ыва-*, *-ива-*) типа *проезживать* и т. п. А. А. Шахматов вслед за Ульяновым и Фортунатовым настаивает на необходимости различать два разряда приставок: 1) сохраняющие свое реальное значение и передающие его глаголу; 2) теряющие свое лексическое значение и видоизменяющие лишь видовую форму глагола. «Основанием для различения обоих видов префиксов служит следующее: глаголы совершенного вида, сложенные с префиксом, вносящим реальное изменение в значение глагола, образуют при себе сложенные с этими же префиксами глаголы несовершенного вида: *приписать* — *приписывать*; между тем как глаголы совершенного вида, сложенные с префиксом, не вносящим реального изменения в значение глагола, не образуют при себе таких глаголов несовершенного вида»²⁵⁸. С глаголами этого (второго) типа Шахматов связывает основные беспредложные формы несовершенного вида. Этот вывод неверен. В современном языке есть и такие приставочные глаголы совершенного вида, которые вовсе не имеют парных соответствий в сфере форм несовершенного вида, образованных от тех же основ.

А. А. Шахматов полагал, что в той группе результативных глаголов, где приставочный (предложный) глагол совершенного вида непосредственно соотносится с производным приставочным же глаголом несовершенного вида (на *-ывать*, *-ивать*), образованным от той же основы, сохраняется большей частью «особый реальный оттенок» значений предлогов (например, *просить* — *выпросить*; со.: *вырашивать*, *простоять* — *простаивать*; *слизать* — *слизывать*; *утаить* — *утаивать* > и т. п.). Поэтому А. А. Шахматов отличает разряд производных результативных глаголов типа *закричать*, *забить* (в значении: начать бить, например: *Вдруг забили часы* и т. п.), т. е. не имеющих соотносительной приставочной формы несовершенного вида, от класса результативных глаголов, имеющих производные парные приставочные формы несовершенного вида, например: *захвалить* — *захваливать*; *принести* — *приносить* и т. п. Первый тип А. А. Шахматову представлялся исторически более первоначальным.

нню находится в прямом отношении не к карт (подыматься, идти), но к zeme карт (сходить, слезать, спускаться), где zeme имеет значение наречия (вниз) (Латышские предлоги, ч. 2, 1905). В статье «К вопросу о видовом значении латышских сложных глаголов» проф. И. Эндзе-лин подчеркнул, что словечки, сочетающиеся с простыми глаголами для выражения длительности, «имеют в таких случаях не только местное значение наречий, но и то значение формального элемента, которое имеет, например, в русском языке слог *-ва-* в *убивать* (по отношению к *убить*). От *pukart* (слезть) действительное настоящее время не *pukarju* (что употребляется как *praesens historicum* и в значении формы, не обозначающей субъективного времени) или *karju* (что значит: подымаюсь), но *karju zeme*»²⁵⁵.

Те же недостатки свойственны и учению о в«-дах, изложенному в «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматова. Здесь Шахматов следует, в общем, той же ульяновско-фортуновской схеме видов. Указывая на многообразие соотносительных видовых значений в русском языке, отчасти находящих себе морфологическое выражение, отчасти определяемых синтаксически, А. А. Шахматов все еще нечетко отделяет чисто грамматические видовые соотношения от лексических различий: «...возможность выразить полноту проявления действия в его начале или окончании предполагает возможность выразить и его обычное течение; возможность выразить определенность движения предполагает возможность выразить и его неопределенность»²⁵⁹. Морфологически наиболее выразительны, по Шахматову, два основных вида: несовершенный и совершенный. Их значения у Шахматова определяются чересчур обще. Эти определения не оправдываются дальнейшей классификацией видовых оттенков. «Несовершенный вид означает обычное неквалифицированное действие-состояние; совершенный вид означает полноту проявления действия-состояния». Прием префиксации выдвигается как «основное и истинное отличие между обоими видами». Однако в «Синтаксисе» А. А. Шахматов более тонко и строю отличает обозначение «полноты проявления признака» как грамматическую функцию совершенного вида от тех «реальных изменений в значении признака», в частности «локальных и других обстоятельственных представлений», которые относятся к сфере лексических значений приставок. Таково, например, отношение *запить* и *пить*. Здесь видовое различие «обословлено» различиями лексических значений. Для выражения этих новых значений, не связанных с представлением о «полноте проявления признака», «язык прибегнул к новообразованию, а именно создал при *запи-* производную основу *запива-*»²⁶⁰. Такие «производные основы для выражения несовершенного вида возникают при всех основах совершенного вида, сложенных с такими префиксами, которые вносят изменение в реальное значение глагольной основы (некоторые префиксы не вносят в те или другие глаголы такого изменения)»²⁶¹.

Все же и в «Синтаксисе» Шахматова видовые значения смешиваются с лексическими значениями и оттенками, вносимыми приставками, классификация видовых функций носит запутанный и смешанный полулексический, полуграмматический характер. Все это отражается и в современных школьных грамматиках русского языка. Даже наиболее полная грамматическая классификация видовых значений далеко не исчерпывает всех тех семантических оттенков, которые вносятся приставками в обозначение «способа прохождения» того или иного действия.

§ 40. Вопрос о функциональных разновидностях совершенного и несовершенного видов у Шахматова

В своем «Синтаксисе русского языка» А. А. Шахматов сделал попытку очертить не только общие грамматические отличия видов совершенного и несовершенного, но и наметить основные грамматические разновидности внутри каждого из этих видов. Однако смешение лексических и грамматических значений отразилось и на этой концепции А. А. Шахматова.

Совершенный вид отличается от несовершенного следующими грамматическими особенностями:

1) формы настоящего времени совершенного вида имеют значение будущего времени, например: *посмотрю* — при будущем описательном в несовершенном виде: *буду смотреть*;

2) у глаголов совершенного вида отсутствуют формы причастий и деепричастий настоящего времени;

3) от страдательных нечленных причастий на *-н-*, *-т-* с глагольными основами совершенного вида образуются формы перфекта, прошедшего и будущего времени: *стол накрыт, дело было испорчено, спектакль будет дан*;

4) у глаголов совершенного вида широко употребительны формы повелительного наклонения 1-го лица с особыми экспрессивно-смысловыми оттенками: *купим, пойдем, побратаемся; давай купим*;

5) при отрицании *не* формам повелительного наклонения у глаголов совершенного вида свойственно значение предостережения: *не упади, не поскользнись*;

6) многие глаголы совершенного вида образуют своеобразную форму прошедше-

го времени, омонимичную с повелительным изклонением: *он пойдѣ и скамей*.

Эти грамматические особенности неоспоримо доказывают наличие двух основных видов русского глагола. Но в границах каждого из этих двух видов намечаются более частные различия видовых значений. Эти различия уже обратили на себя внимание проф. Г. К. Ульянова и акад. Ф. Ф. Фортунатова. Под влиянием этих ученых А. А. Шахматов различает по четыре подвиды совершенного и несовершенного видов:

I. Кратный и не кратный подвиды несовершенного вида. Кратный означает действие, «раздробленное во времени, прерывистое», не кратный — не прерывистое. Различие между ними выражается в том, что глаголы кратного подвиды (*играть, прыгать, болтать* и т. п.) с приставкой *по-* приобретают «детерминативное», ограничительное значение совершенного вида (или, как теперь выражается Шахматов, образуют определительный подвид совершенного вида): *поиграть, поест, попрыгать, поболтать* и т. п.; а глаголы не кратного подвиды (*селиться, венчать*) или вовсе не соединяются с приставкой *по-*, или получают в таком соединении «результативное» значение: *поселиться, повенчать*. Впрочем, А. А. Шахматов сам признается, что «отличия эти не так определены» (ср. разные значения глаголов *поест, поругаться, поделиться* и т. п. в связи с разными значениями приставки *по-*).

Действительно, представляется совершенно непонятным, почему *сидеть, стараться* отнесены Шахматовым к кратным глаголам (по-видимому, только на основании форм совершенного вида *посидеть, постараться*, которые вовсе не однородны по значению приставки *по-*). Еще менее ясно, почему *венчать, отвечать* — глаголы не кратные. Анализ реальных значений, свойственных приставке *по-* в сочетании с разными глагольными основами, должен быть связан с изучением значений других приставок и с исследованием живых закономерностей, управляющих сцеплениями глагольных основ и приставок. Эта проблема, очень важная для понимания внутренних семантических основ категории вида, все же выходит за пределы изучения соотносительных парных видовых форм одного глагола. Анализ отношения *играть* к *поиграть* предполагает оценку отношений: *играть* к *сыграть*; *болтать* и *поболтать* вызывают представление о глаголе *сболтнуть* и т. п. Оттенки кратности и не кратности осложняют соотношение видовых значений, но, по существу, выходят из рамок категории вида. По-видимому, в старой системе русского языка (до XVI — XVII вв.) значения кратности и оттенки количественных различий действия были более тесно связаны с видо-временными значениями*. Следы этих отношений более заметно отражаются в соотношении определенно-моторных и неопределенно-моторных глаголов.

Разновидностью кратного и не кратного подвиды А. А. Шахматов считает моторно-кратный и моторно-не кратный подвиды несовершенного вида в глаголах движения. Моторно-не кратные глаголы: *вести, везти, нести, ползти, лезть, бежать, плыть, лететь, брести, ехать, идти*. Моторно-кратные: *водить, возить, носить, ползать, лазить, бегать, плавать, летать, бродить, ездить, ходить*. Ср. также соотносительные пары: *знать* — *гонять*; *катить* — *катать*; *тащить* — *тащить*. Кроме основ эти соотносительные группы глаголов различаются друг от друга следующими особенностями: 1) при присоединении приставки к моторно-не кратным глаголам образуется новый глагол совершенного вида: *привести, залезть, побегать* и т. п.; напротив, префиксация глаголов моторно-кратных очень часто не меняет их вида: *привозить, заходить, уносить, прибегать, улетать*; 2) 1-е лицо множественного числа повелительного наклонения образуется только от моторно-не кратных глаголов: *бежим, идем* и т. п.; 3) моторно-не кратные глаголы в прямом значении соединяются с отрицанием *не* только в форме настоящего времени для обозначения будущего времени: *не везу его сегодня*, и в форме повелительного наклонения для выражения запрета, и то лишь при условии, если запрещение относится к наличному действию: *не беги так, не иди так скоро*.

Различение «определенного» и «неопределенно!» подвиды несовершенного вида в глаголах движения (*идти* — *ходить*; *лететь* — *летать* и т. п.) намечено еще в рус-

* Ср. замечание А. А. Шахматова в «Исследовании о двинских грамотах» об употреблении давнопрошедшего времени в двинских грамотах XV в. лишь от глаголов с многократным значением (с. 133). Ср. систему форм прошедшего времени в изложении Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого.

ских грамматиках первой половины XIX в. (Востоковг, Греча, Павского и др.)²⁶². Это различие тоже опирается на различия лексических значений глаголов.

При употреблении этих глаголов в переносных значениях различие видовых оттенков стирается (ср.: *там часто идет* (а не ходит) *снег*; *нередко нес* (а не носил) *на себе всю ответственность*; *эти свечи всегда плывут*; *он часто вел это дело*; *вел счет или вел себя худо*; *он всегда к ним лезет* и т. п.).

Некоторые лингвисты (например, Ван-Вейк) готовы искать в различении определенно-моторных и неопределенно-моторных глаголом историческое зерно категории вида.

2. **О п р е д е л и т е л ь н ы й** подвид несовершенного вида, обозначающий «ограниченное проявление признака», проявление признака «только отчасти, немного» (с приставкой *по-*): *посматривать*, *похаживать*. Раньше \. А. Шахматов находил в этой группе слов длительно-прерывистое (или прерывисто- \langle ратное) значение. Глаголы этого типа не имеют прямых соответствий в формах совершенного вида. Остается непонятным, почему в таком случае не выделены в особые видовые группы и глаголы типа *приплясывать*, *разгуливать* и другие подобные.

3. Д а л е е с л е д у е т у Ш а х м а т о в а м н о г о к р а т н ы й подвид несовершенного вида. Но этот подвид вообще не соотносительен ни с определительным, ни с усилительным подвидом. Правда, в русском литературном языке XVIII и XIX вв. формы многократного подвида иногда употреблялись в том же значении, что и формы несовершенного вида, образуя с ними одну синтаксическую цепь. Например, у Вельтмана в романе «Приключения, почерпнутые из моря житейского»: «сроду ничего *не бил*, сроду карт в руки *не брал*, сроду *не кучива/и*». Ср. у Лескова в «Островитянах»: «Она часто уходила ко мне и просиживала у меня целые дни, часто не сказав мне ни одного слова. Иногда, впрочем, мы беседовали, даже варили себе иоколад и даже *смеивались*, но никогда не говорили о прошлом».

Но со второй половины XIX в. такое употребление формы многократного вида избегается. Многократный подвид вообще лучше совсем отделять от несовершенного вида (см. § 31). Об этом убедительно говорили А. А. Потебня и Г. К. Ульянов.

4. **У с и л и т е л ь н ы й** подвид несовершенного вида, образуемый посредством повторения глагола, например, *он сидит себе и сидит*. Этот подвид характеризуется такими признаками, которые скорее могут быть отнесены к области стилистических форм речи, к области экспрессивной фразеологии и синтаксиса.

В совершенном виде А. А. Шахматов также различает четыре подвида:

1. **О д н о к р а т н ы й**, обозначающий Однократное, или мгновенное, проявление признака. «Быть может, в некоторых глаголах недостаточно определенно различие между совершенным видом вообще и однократным в частности» [с. 475] (ср.: *кинуться*, *ринуться*, *хлынуть*).

Однократный, или, лучше, мгновенный, моментальный подвид является лексико-семантической разновидностью вида совершенного. Значения однократности, или мгновенности, нередко поглощаются общим значением совершенного вида, как бы растворяются в нем. Например, глагол *окунуть*, бывший образованием однократного вида к слову *окупать* (исчезнувшему вследствие омоимности с *окупать* — *окупить*), теперь понимается как форма совершенного вида, в параллель к которой образуется форма несовершенного вида *окупать*. Слово кануть [из *ка(н)нуть*], также вследствие фонетического изменения основы, отошло от слова *копать*, которое теперь соотносительно с другой формой совершенно-мгновенного вида *капнуть*. Ср. также видовое значение глаголов: *взглянуть* (прост, *глянуть*), *лопнуть* (ср. у Пушкина: «И лопал на огне печеный ростовщик... Тут звучно лопнул он...»), *кувыркнуть*, *махнуть* (*на все махнуть рукой*), *рухнуть*, *разинуть*, *треснуть(-ся)*, *тронуть*, *вспыхнуть* (ср. *вспыхивать*), *очнуться*, *улизнуть* и т. п.; ср. *болтать* — *сболтнуть*).

На то, что в современном русском языке однократный подвид подчинен совершенному виду, указывают и значения суффикса *-ну-*. Основная его функция — служить средством образования основ совершенного вида. Например: *ахнуть*, *двинуть*, *кинуть*, *дунуть*, *лопнуть* (ср. *лопаться*), *улыбнуться*, *мелькнуть*, *мигнуть*, *нырнуть*, *попрекнуть*, *приткнуть*, *сунуть*, *сверкнуть*, *сморкнуться*, *хлопнуть*, *шагнуть*, *швырнуть*, *хлебнуть* и т. п.

Даже в тех случаях, когда суффикс *-ну-* придает глаголу ярко выраженное значение моментальности, или однократности, очень часто это значение сливается или сочетается с общим значением совершенного вида. Например: *хлебнуть* (*хлебнул лиш-*

нее), *кивнуть*, *качнуть*, *икнуть*, *кольнуть*, *чихнуть* и т. п. Ср. у А. Белого в стихотворении «Убийство»:

Красною струею *прыснул* Красной крови ток. Ножик *хрястнул*, ножик *свистнул* В грудь, в живот и в бок.

Ср. у Достоевского в «Подростке»: «Он слегка всъеркнул, *скрежетнул* зубами и, сильною рукою схватив меня за плечи, злобно *оттолкнул*, так что я отлетел шага на три. В это мгновение ему подали шинель, он накинул, сел в сани, из саней еще раз грозно *крикнул*». Ср. там же: «Тебя-то что *дернуло* говорить ему. Тебя-то что *дергало* его дразнить?»

Уяснить роль однократного, или мгновенного, подвида в общей системе видовых соотношений помогают наблюдения над такими случаями, когда от одной и той же основы употребляются две соотносительные формы совершенного вида, различающиеся только по кратности. Например: *выдергивать* — *выдергать* и *выдернуть*; *разбрасывать* — *разбросить* и *разбросать*; *выбалтывать* — *выболтать* и *выболтнуть* и другие подобные. Легко заметить, что такого рода соотносительных парных форм совершенного вида в литературном языке осталось немного. По большей части глаголы «однократные» от других однокоренных форм совершенного вида отделяет резкая разница лексических значений. Например: *проблестеть* и *проблеснуть*; *резать* — *резать*, но ср.: *зарезать*; *рвать* — *рвануть*, но ср. *сорвать* и т. п.

В русском литературном языке XIX в. усиливается тенденция к устранению семантической соотносительности глаголов совершенного вида, отличающихся друг от друга оттенками кратности, к их лексической дифференциации. В «Практической русской грамматике» Н. И. Греча отмечался параллелизм форм совершенного вида, позднее устраненный: *забрызгивать* — *забрызгать* и *забрызнуть*; *сдувать* — *сдуть* и *сдунуть*; *засовывать* — *засовать* и *засунуть* и т. п.²⁶ⁱ

Кроме того, в просторечии с суффиксом *-ну-* (та* же как и *-ану-*) все чаще соединяется экспрессивный оттенок энергичности, резкости проявления действия. Например: *критикнуть*, *спекулировать* и т. п. Экспрессивны; оттенки, окрашивающие *-ну-*, *-ану-*, поглощают и ослабляют значение кратности. Поэтому образования с *-ну-*, *-ану-* широко распространяются и в глагольных основах, не обозначающих составных, кратных действий (ср. *агитнуть* и т. п.).

2. Определительный подвид, обозначающий «ограниченное временем проявление признака». Он образуется с помощью приставки *по-* от основ кратных глаголов (*поиграть*, *поболтать*), при этом круг таких основ, сочетающихся с ограничительной приставкой *по-*, остается точно не очерченным. Этот подвид не однороден и не соотносителен с однократным подвидом. Скорее можно предполагать связь по контрасту между глаголами, обозначающими ограниченное проявление признака, и глаголами, выражающими полноту проявления признака (например: *поболтать* и *наболтаться*; *поиграть* и *наиграться* и т. п.).

3. **Н а ч и н а т е л ь н ы й** подвид, обозначающий начало действия и образуемый с помощью приставки *за-* от кратных основ: *заиграть*, *заболтать*, *заплакать*; ср. *побежать* и т. п.

Таким образом, и в этом случае выделение «подвида» диктуется главным образом своеобразием в реальных значениях приставок

4. Усилительный подвид совершенного вида, образуемый посредством повторения того же слова: *уме я его увезу да увезу*; ср.: *дай посмотрю*; *ну-ка скажу*.

Этот подвид уже совсем несоотносителен с предыдущим.

Таким образом, А. А. Шахматов остается в кругу (несколько суженном морфологически, но расширенном синтаксически) фортуналовских характеристик вида.

Он лишь исключает при анализе «подвидов» те усвоенные Ульяновым и Фортунатовым «видовые значения», которые носили чересчур яркий отпечаток реальных значений приставок. Между тем, если принять в расчет разные синтаксические, т. е. аналитические, способы выражения видовых значений, нельзя забывать о конструкциях с инфинитивом. Как известно, многие сочетания инфинитива с глаголами, вроде *стать*, *начать* или *кончить*, *перестать*, *бросить*, выражают видовые значения. Недаром Востоков сочетания инфинитива с вспомогательным глаголом *стать* относил даже к сложным формам времени. Конструкции с инфинитивом, служащие для аналити-

ческого выражения видовых значений и оттенков, возмещают и пополняют круг морфологических средств, выражающих видовые значения. При этом конструкции с инфинитивом, выражающие начало, возникновение действия, разнообразнее, богаче конструкций, выражающих прекращение явления²⁶⁴ (ср.: *начал курить, стал курить; кинулся бежать, бросился бежать, ударился бежать* и т. п.; ср. также: *перестал курить, бросил курить*). Понятно, что не все конструкции этого рода представляют собою одинаково тесные синтаксические единства.

Схема видов и подвидов, разработанная Г. К. Ульяновым и Ф. Ф. Фортунатовым, видоизмененная Шахматовым, является самой глубокой и влиятельной. Эта схема принимается и акад. Л. А. Булаховским²⁶⁵ с кое-какими терминологическими заменами (по Ульянову). По мнению Л. А. Булаховского, различаются четыре основных значения несовершенного вида: 1) повтор (емость (*прихожу — приходил; гоняю—гонял*); 2) незаконченность действия (*слушаю — слушал; рисую — рисовал*); 3) неправильная повторяемость (значение «время от времени»: *захаживаю, поспатриваю; «покусываю яблоки, посасываю мед»* (Мораве<ая, «Апельсиновые корки»)); 4) неправильная кратность в давнем (*невал, говаривал*). Последние два значения идут на убыль. Точно так же Л. А. Булаховский отмечает четыре основных значения совершенного вида: 1) охват длительности (*посидел — просидел; полежал — пролежал*); 2) наступление начала в длительности явления (*забарабанил, застучал*); 3) достижение результата в процессе (*побить, разбить, спеть*); 4) мгновенность действия.

Вариантом суффикса однократности *-ну-* признается суффикс *-ону-* (*-ану-*), обозначающий или «особенную короткость, неожиданность и слабость действия» («Я его *даванул* в затылок» — Лесков, «Смех и горе»; «Соломин подошел не спеша к обоим посетителям, *даванул* молча руку каждого из них своей мозолистой костлявой рукой» — Тургенев, «Новь»), или же, чаще, «особенную короткость, неожиданность и резкость действия»: («Ка-ак он меня зубилом *саданул* по балде!» — Куприн, «Молох»)²⁶⁶.

Ср. в современном русском языке: «Погляди, погляди!» — *рыданул*, проходя мимо него, прохожий» (А. Толстой, «Хождение по мукам»); «И я ль *стратла-страданула*, с моста в реку *сиганула*» (Горький, «Городок Окуров»); «Больно *щипануло* сердце» (А. Каравая, «Двор»); «Не спеша положил Алешка Бровкин шапку, принял со стола барабан... и *чесанул* плясовую — ух, ты!» (А. Толстой, «Петр Первый»); «Полковник *трепанул* усами, и скулы у него вздрогнули и набухли» (Ф. Гладков, «Цемент»); «Он *сиганул* через комнаты и очутился в передней» (А. Белый, «Москва под ударом»).

Проф. А. Стендер-Петерсен отрицает наличие в этих формах видового оттенка интенсивности, резкости или ослабленности действия. По его мнению, эти формы отличаются от параллельных форм на *-нуть* (*толкануть — толкнуть*) лишь экспрессивно-стилистическими нюансами как формы народные или просторечные. Экспрессивность этих форм, их простонародная свежесть рядом с литературными формами на *-нуть* порождает иллюзию видовой интенсивности, усиленной моментальности или особой резкости действия (*Intensitat, gesteigerte V omentaneitat, valeur isolative, acte fort, acte brusque, acte attenuatif* — таковы характеристики этой формы в немецких и французских руководствах по русскому языку). Экспрессивно-стилистическое отношение *щипануть* к *щипнуть*, по мнению А. Стендер-Петерсена, такое же, как *прощавай* к *прощай* или *скидавай* к *скидай* (ср. у А. Блока в «Двенадцати»: «Он головку *вскида-ваает*, он опять повеселел»)²⁶⁷.

Однако для нас более яркая экспрессивная окрашенность форм на *-ануть*, ставших продуктивными в фамильярно-разговорной речи, тесно связана с обостренностью и подчеркнутостью значений мгновенности, или однократности, действия. Отсюда и побочные экспрессивные оттенки — резкости, силы, напряженности, неожиданности.

В этих схемах видовых значений и оттенков шмечаются лишь некоторые общие семантические категории, под которые подводятся лексические значения глаголов каждого вида. Но в сравнении с живым разнообразием оттенков действия, вносимых в значение глагола приставками, эти схемы кажутся бедными и монотонными.

§ 41. Приставки совершенного вида с реальными временными и количественными зна*ениями

Семантических оттенков времени или степени, свойственных глагольным приставкам, в русском языке гораздо больше, чем отмечено Ульяновым, Фор-

тунатовым и Шахматовым. Полная картина относящихся сюда грамматических явлений может открыться лишь в результате исчерпывающего изучения всех связей разных глагольных основ со всеми продуктивными приставками в современном русском языке. Для общего предварительного обзора достаточно выделить хотя бы некоторые приставки и тс их значения, которые связаны или с ограничением действия во времени, или с количественным определением способа проявления действия (приставки с пространственным, локальным значением остаются в стороне).

1. Таковы, прежде всего, приставки с «начинательным» значением:

1) приставка *воз-*, *вз-* непродуктивная, выражает начало, возникновение какого-нибудь длительного действия и является в этом значении книжно-архаическим синонимом приставки *за-* (*возненавидеть*, *возмечтать*, *воспылать*, *возжелать*);

2) приставка *за-* в том же начинательном значении свойственна всем стилям литературного языка (*запеть*^{26^}, *залаять*). Востоков указывал, что приставки *воз-* и *за-* показывают «начало движения, совершающегося на одном месте или простирающегося в разных направлениях, например: *завонять*, *заиграть*, *заходить*»; ср.: *зашагать*, *задвигать* и т. п.

Значение начала длительного действия (инхоагивное значение), вносимое приставкой *за-*, чаще всего развивается в глаголах, обозначающих звуковые явления, речь, в глаголах движения (в разные стороны, в разных направлениях), в глаголах психических переживаний и их внешних проявлений. Например: *защептать*, *зацуршать*, *заспорить*, *заговорить*, *заворочаться*, *заплодировать*, *затосковать*, *зарыдать* и т. п.²⁶⁹;

3) между тем третья приставка с начинательным значением, приставка *по-*, «показывает начало движения поступательного, или движения с места в одном направлении», например: *погнать*, *полететь*, *побежать* (но: *забегать*), *покатить*, *поплыть* (но: *заплавать*), *понестись*, *повести* и т. п. (ср. инхоативное и ингрессивное значения совершенного вида у Фортунатова).

Востоков сопоставлял «начинательные» значения глаголов совершенного вида со значениями описательных оборотов из глагола *стать* и инфинитива и находил различие между ними в том, что приставочные глаголы (с *за-*) преимущественно означают действие произвольное, а описательные обороты со *стать* выражают действие произвольное, происходящее по собственной воле лица, и употребляются почти исключительно в связи с одушевленными субъектами (*Ребенок стал играть*, но: *Румянец заиграл на щеках*)²¹⁰. Этот семантический оттенок, действительно, очень заметен в описательных оборотах с вспомогательным глаголом *стать*. Но в метафорическом словоупотреблении тот же оборот сочетается и с названиями неодушевленных предметов. Например, у Пушкина в «Русалке»:

Ведь он не мельник, за него не *станет* Вода работать...

у Кольцова в «Песне пахаря»:

Вырастет и колос, *Станет* спеть, рядиться В золотые ткани.

Понятно, почему глаголы с начинательными приставками не образуют производных форм несовершенного вида (ср., впрочем, коррелятивные формы несовершенного вида с приставкой *за-*: *заговаривать*, *запевать*, *зацветать* и некоторые другие): длительность начала гораздо ярче выражается сочетанием глагола *начинать* с инфинитивом, чем простой формой несовершенного вида на *-ывать*, *-ивать* с начинательными приел вками.

2. Более пестры и разнообразны результативно-временные значения глагольных приставок:

1) приставка *от-* означает полное «окончание действия продолжительного», прекращение его вследствие исчерпанности (*отработать, отпраздновать*). «Дождя *отшумевшего* капли тихонько по листьям текли» (А. Толстой). Глаголы с приставкой *от-* в этом значении обычно не имеют соотносительных парных форм несовершенного вида (ср.: *отпраздновать, отужинать, отзвучать* и т. п.). Однако это финитивное значение, образуемое приставкой *от-*, не может быть признано чисто видовым. Значение прекращения действия вследствие исчерпанности, свойственное приставке *от-*, слишком индивидуально и конкретно. Например, в предложении «В текучей речной воде ты увидишь, как падают *отсветившие* миру звезды» глагол *отсветить* не соотносится с глаголом *светить* (ср. *посветить* и т. п.). Ср. *прыгать* и *отпрыгать* в такой фразе: «Ваш дядюшка *отпрыгал* ли свой век?» (Грибоедов). Ср. также глаголы, произведенные посредством приставки *от-* и аффикса *-ся* (типа *отоспаться, отлежаться* и т. п.);

2) приставка *про-* выражает «продолжение действия до определенного конца», распространение действия на какой-нибудь промежуток времени (*пролежать, проспать, проработать, проторговать, проходить, проплыть* и т. п. — почти всегда вне соотношения с формами несовершенного вида). И здесь отенок охвата определенного промежутка времени сильно видоизменяет лексическое значение глагола;

3) приставка *по-*, как уже отмечалось Ульяновым, Фортунатовым, Шахматовым, вносит в представление действия уменьшительно-ограничительные оттенки («слегка», «некоторое время») (*посидеть, поработать, поиграть, поудрить, покрасить* и т. п.) — вне соотносительности с парной формой несовершенного вида. Ср. обозначение пространственно-количественной неполноты действия в приставке *при-*: *прилечь, прикрасить, приудрить* и т. п.

Однако еще Н. П. Некрасов указал на то, что «объем может определяться предлогом *по-* относительно своих крайних пределов проявления начала и конца. Так, в иных глаголах, *по-*видимому, предлогом *по-* указывается преимущественно на конечный предел, например *позеленеть*, и в этом случае он противопоставляется по смыслу предлогу *за* — *зазеленеть* (ср., однако, в глаголах движения: *побежать, пойти* и т. п. — В. II.)... Но вообще предлог *по-*, определяя действие по объему относительно пределов последнего, скорее указывает на конец продолжительности действия, чем на начало»²⁷¹.

Приставка *по-* имеет разные, почти противоположные значения, иногда соответственно лексическим различиям глагольных основ, иногда же в сочетании с одной и той же основой. Ср. разные значения глаголов: *поспорить* (*поспорить с полчаса* и *поспорить из-за пустяков*); *позвонить* (*позвонить в чужую квартиру* и *часы позвонили и умолкли*) и т. п. Чаще всего реальные значения приставки *по-* у глаголов не отыменного происхождения непосредственно ощутимы;

4) приставка *за-* может обозначать «осложнение действия каким-нибудь кратковременным уклонением, приостановкой), например: *зазимовать, замешкать* (обычно вне соотношения с формами несовершенного вида);

5) приставка *вы-* (соотносительно с производными формами несовершенного вида) обозначает полную завершенность, законченность, исчерпанность действия (*выловить, выкорчевать, выстроить, вымыть* и т. п.). Ср. также: *высовместно* с морфемой *-ся* в глаголах типа *выспаться, вылежаться* и т. п.;

б) приставка *пере-* выражает завершение действия по истечении какого-нибудь промежутка времени, вернее — заполнение действием какого-нибудь промежутка времени (часто вне соотношений с несовершенным видом), на пример: *переночевать, перезимовать, перемучиться* и т. п.;

7) приставка *до-* сочетает значения времени *л* степени. Она выражает достижение цели, завершение во времени, доведение действия до какого-нибудь предела (*дописать, договорить, доделать, дочитать, добежать* и т. п.). Она употребляется соотносительно с производными оормами несовершенного вида (*дописывать* и т. п.).

Та же приставка вместе с *-ся* (тоже в соответствии с производными формами несовершенного вида) служит для обозначения доведения действия до отрицательного или абсурдного результата (*доиграться, допрыгаться, добаловаться, дошутиться* и т. п.);

8) приставка *за-* в сочетании с *-ся* обозначает доведение действия до крайних пределов или всецелую погруженность в действие большой интенсивности (соотносительно с производной формой несовершенного вида: *завратиться — завираться*);

9) приставка *из-* (нередко соотносительно с производными формами несовершенного вида, но часто и вне соотношения с формами несовершенного вида) выражает крайнюю степень проявления действия, предельную полноту, исчерпанность: *иззябнуть, изломать, износить, измочалиться* и т.п.

Ср. также: *из-... -ся* (*исхулиганиться, изолгаться* и т. п.) по большей части соотносительно с производными формами несовершенного вида;

10) приставка *у-* также может обозначать исчерпывающую полноту действия, доведение действия до нормы, преимущественно в сочетаниях с отыменными основами. Например: *укомплектовать* /ср. *комплектовать*), *ублаготворить, упитать, усадить цветник цветами* и т. п. Обычно этого рода глаголы имеют соотносительные с ними производные формы несовершенного вида.

Конечно, это лишь беглый и очень схематичный очерк временных и количественных функций приставок, рассматриваемых в отвлечении от семантического состава тех глагольных основ, к которым они прилепляются.

Реальные, лексические значения времени и степени, присущие этим приставкам, ощущаются не менее ярко, чем пространственные или переносно-образительные значения, связанные с теми же приставками (например: *восходить, возместить; зайти, затащить; порвать* и т. п.). Детальное определение всех значений приставок — задача лексикологии.

§ 42. Префиксы с чисто видовым значением (*les preverbes vides*), образующие формы одного и того же слова

Большая часть глагольных приставок сохраняет всю полноту своих реальных значений и служит средством образования новых слов. Значение совершенного вида, придаваемое глаголу этими приставками, является следствием тех лексических сдвигов, которые они производят в смысловом строе слова, сочетаясь с основами строго определенной семантического содержания. Однако некоторые глагольные приставки прекращаются в чисто видовые префиксы и служат простым грамматическим средством образования форм совершенного вида. Из словообразующих приставок они становятся формообразующими префиксами. В этом кругу явлений следует различать процессы двух родов. В одних случаях ослабление и утрата реальных значений приставок являются следствием индивидуального изменения лексических значений данного глагола. Такого рода процессы не ведут к превращению приставки в видовой префикс, так как в сочетании с другими глаголами, с другими глагольными основами та же приставка сохраняет СВОИ реальные значения (например: *сниться — присниться; грезиться — пригрезиться*, с одной стороны, и *мирить — примирить* — и *помириться; бить — прибить и побить* и т. п. — с другой).

В **иных** случаях утрата реальных значений приставки становится закономерной, обязательной для глаголов определенного морфологического строя или лексического состава. Здесь можно говорить о превращении приставки в формообразующий префикс совершенного вида. В качестве таких формообразующих префиксов выступают чаще всего приставки *о-* и *по-*, особенно й отыменных глаголах. Тут намечается параллелизм с судьбой соответствующих применных предлогов в кругу значений времени. В предлоге *о* становятся непродуктивными временные значения. Ср., например, вымирание в литературном языке конструкций с винительным падежом существительного и предлогом *о* для обозначения времени, около которого или в пределах которого что-нибудь происходит: *о полдень, о помочь, о ту пору*. «Вдруг *о полночь* конь заржал» (Ершов, «Конек-Горбунок»); «Придет крестьянин *о праздник* в церковь» (Салтыков-Щедрин, «Сказки»); «Мало ли ребят мрет по деревьям *об эту пору*» (Мамин-Сибиряк, «Неразвязанный грех») и т. д.

Малоупотребительны в современном языке и конструкции с предлогом *о* и предложным падежом существительного для обозначения времени, в один из моментов которого что-нибудь происходит.

Там *о заре* прихлынут волны На брег песчаный и пустой.

(Пушкин, «Руслан и Людмила»)

Когда-то *о весне* зверями

В надсмотрщики Медведь был выбран над ульями.

(Крылов, «Медведь у пчел»)

Кроме того, известно, что предлог *о* является простым грамматическим показателем предложного падежа. Точно так же и глагольный префикс *о-(об-)* нередко служит простым формальным признаком совершенного вида, утрачивая лексическое значение круговой определенности действия. Особенно часто сочетается видовой префикс *о-* с именными основами. Например: *бесчестить—обесчестить; вдоветь — овдоветь; дичать — одичать; деревянеть — одереветь; дряхлеть — одряхлеть; слабеть -- ослабеть; радоваться — обрадоваться; неметь — онеметь; плешиветь — с плешиветь; печалить — опечалить; костенеть — окостенеть; слепнуть — ослепнуть; сиротеть — осиротеть; тупеть — отупеть; шельмовать — ошельмовать; ср.: хрипнуть — охрипнуть; крепнуть — окрепнуть* и т. п.

Таким образом, префикс *о-(об-)* является продуктивным способом образования форм совершенного вида для бесприставочных и отыменных глаголов. Например: *балдеть — обалдеть; звереть — озвереть; лысеть — облысеть; злиться — обозлиться* (ср. также: *разозлиться*); *пустеть — опустеть* и т. п. Ср. у Маяковского: «Из фабричной марки две молнии яркие *омолнили* телефон».

Продуктивный префикс *по-* выступает в той же формообразующей функции у отыменных глаголов.

Префикс *по-*, как известно, вообще отличается крайней широтой и пестротой своих значений. Он встречается почти во всех частях речи. Характерно, что и в предлоге *по* временное значение (после) в литературном языке явно вымирает (ср: *тосковать, горевать по ком* и т. п. и канцелярский характер оборотов: *по истечении, по прошествии, по отбытии* и т. д.; ср. сочетание *по* во временном значении с дательным падежом еще в начале XIX в.).

Вот примеры видового соотношения форм одного и того же глагола, образуемого префиксом *по-*: *губить — погубить; бледнеть — побледнеть; желтеть—пожелтеть; любить — полюбить; щадить — пощадить; благодарить—поблагодарить; жалеть — пожалеть; чудиться — почудиться, ужи-*

нать — поужинать; обедать — пообедать; требовать — потребовать; сулить — посулить; нравиться — понравиться, строить — построить, тухнуть — потухнуть; ссорить — поссорить; худеть — похудеть; хвалить — похвалить; целовать — поцеловать; чувствовать — почувствовать; клясться — поклясться; сеять — посеять; тонуть — потонуть; сесть — поседеть и другие подобные.

Чаще всего префикс *по-* приобретает чисто видовое значение в соединении с именными основами²⁷².

Следующее место среди «формальных» префиксов совершенного вида занимает приставка *с-*, функции которой также необыкновенно широки и разнородны*. Конечно, такая «формализация» приставки *с-*, превращение ее в видовой префикс возможны лишь у глаголов без ярко выраженного пространственного значения (ср. локальные значения предлога *с*)**. Например: *делать — сделать; грешить — согрешить; варить — сварить; верстать — сверстать; врать — соврать; лгать — солгать; петь — спеть; пеленать — спеленать; прятать — спрятать; тошнить — стошнить, стариться — состариться; стряпать — состряпать; терпеть — стерпеть; трусить — струсить; хитрить — схитрить; комкать — скомкать; петь — спеть; шить — сшить* и многие другие. Префикс *с-* служит средством видового формообразования у глаголов как с отыменными, так и с непроизводными основами.

Реже случаи формализации приставки *за-*; неполна формализация приставок *на-*, *вз-* и *у-*; очень редко формальное ослабление значений приставок *из-*, *вы-*; еще реже наблюдается чистое видовое значение у лексически замкнутой приставки *при*²⁷⁵. Необходимо привести хотя бы несколько иллюстраций, где эти приставки становятся префиксами совершенного вида:

1) *за-*: *арестовать — заарестовать; фиксировать — зафиксировать; гипнотизировать — загипнотизировать; гримировать — загримировать; вербовать — завербовать; свидетельствовать — засвидетельствовать; мутить — замутить; ржаветь — заржаветь; душить — задушить* (ср. *удушить*); *плесневеть — заплесневеть; жмурить — зажмурить* и т. п.;

2) *у-*: *топить — утопить; совершенствовать — усовершенствовать; жалить — ужалить; красть — украсть; морить — уморить; стыдить — устыдить* и т. п.;

3) *из-*: *ваять — изваять; насиловать — изнасиловать; печь — испечь; топить — истопить; пугать — испугать; портить — испортить; чахнуть — исчахнуть* и др.; ср. *купаться — искупаться и выкупаться*;

4) *на-*: *писать — написать; печатать — напечатать; воцить — навоцить; бальзамировать — набальзамировать; именовать — наименовать; хмуриться — нахмуриться; точить — наточить* и т. п.; оттенок распространения или проявления действия на поверхности чего-нибудь все-таки остается, часто даже при ослаблении реального значения приставки *на-*;

5) *вз-*: *вспотеть (потеть); вспетушиться (пет мишиться); баламутить — взбаламутить; бунтовать — взбунтовать. — взбунтоваться; будоражить — взбудоражить; волноваться — взволноваться; бесить (-ся) — взбесить (-ся); мужать — возмужать; пользоваться — воспользоваться* и др.;

6) *при-*: *готовить — приготовить* (но ср. *приготовлять*); *грезиться — пригрезиться; снится — присниться* и др.

В очень специфическом кругу глагольных основ несколько ослабляется

* Характерно, что *с-* иногда, даже в литературном языке, смешивается с *из-* и *вз-* (ср. *сполоснуть* вместо: *всполоснуть, встать* вместо *стать*: *река всгг.ала; встать к станку* и т. п.). ** Ср. замечание Н. П. Некрасова: «Точку соединения в действии начала с концом язык... выражает в предлоге *с*, сливая его с глаголом»²⁷³. По мнению Некрасова, префикс *с-* в чисто временном значении «служит к определению действия посредством связи, соединения крайних пределов продолжительности в одну точку»²⁷⁴.

реальное значение приставки *раз-*, именно в связи с глаголами чувства. Необходимо вспомнить мифологическое представление чувства в образе жидкости, разлитой по организму.

Ср.: *веселить — развеселить; сердить — рассердить; сердиться — рассердиться; гневаться — разгневаться; смешить — рассмешить; свирепеть — рассвирепеть; горячиться — разгорячиться* и т. п. Ср. *богатеть — разбогатеть*.

Почти никогда не теряют своего реального, лексического значения приставки с резким пространственным и временным значением: *про-*, *пере-* (ср.: *крестить — перекрестить; косить — перекосят*), *до-*, *над-*, *под-* и *от-* (впрочем, ср. *мстить — отомстить*)²⁷⁶.

Сила взаимного грамматического притяжения коррелятивных, парных видовых форм особенно остро ощущается при сопоставлении их с омонимами, принадлежащими к разным видам.

Ср.: *взыскать налоги* и устарелое *взыскать (искать)*, например, у К. Федина: «Люди... рождались, умирали, любили, в тоске и злобе *взыскали* новой, чистой жизни» («Города и годы»).

Так, грамматика ведет наступление на лексику и обращает словообразовательные элементы в формообразующие префиксы видовых форм одного глагола.

В некоторых случаях видовая корреляция форм одного глагола выражается чисто лексическими средствами. Разные слова, сближаясь, превращаются в формы одного «гибридного», сросшегося из двух тем, слова. Происходит сплетение разных основ. Таковы случаи: *стать — становиться; лечь — ложиться; сесть — садиться; лопнуть — лопаться; ловить — поймать; брать — взять; класть — положить; говорить — сказать; приходиться — прийти; уволить — увольнять; усомниться — сомневаться; разложить — разлагать и разложить — раскладывать* и другие подобные.

§ 43. Структура видов и сопротивление лексического материала

Всякий глагол подводится под категорию вида. Но далеко не все глаголы имеют формы обоих видов. Например, не имеют форм несовершенного вида глаголы *очнуться, хлынуть, встрепенуться, ринуться, хлобыснуть, опомниться, очутиться, рехнуться, разговориться* и др. Лишены несовершенного вида глаголы с двойными и тройными приставками: *пона-*, *повы-*, *попри-*, *попавы-*, *поприпавы-*, *поза-*, *пораз-* и другие подобные.

Ср.: «Они уши уж *понаелись*» (Крылов); «*Повыкинь* вздор из головы» (Грибоедов); «Горлодеры малость *приохрипли*» (Шолохов) и другие подобные. Многие глаголы вошли в литературный язык из народных говоров в форме совершенного вида и не приспособили к себе вфигантов вида несовершенного (например: *прочухаться, очухаться* и т. п.). Многие глаголы непосредственно образуются от именных и глагольных основ в форме совершенного вида для выражения такого действия, которое не мыслится без признака ограничения во времени. Например: *соснуть, прослезиться, осточертеть, натерпеться, размечтаться, полюбоваться, понадобится* и другие подобные.

Многие глаголы утратили формы несовершенного вида, например: *представляется, заблудиться* и т. п. То же явление наблюдается и во многих глаголах несовершенного вида. Глаголы с приставками *при-* и *под-*, имеющие коми-тативное значение (*приплясывать, пристукивать, подпевать* и т. п.), глаголы с приставкой *раз-* в дистрибутивном значении (вроде *расхаживать, распевать*), глаголы префиксально-суффиксального образования типа *перестреливаться*, глаголы кратно-прерывистого значения с приставкой *по-* (например: *покашливать, потрескивать* и т. п.) и другие не имеют парных форм совершенного вида.

Кроме того, многие глаголы, среди **них** часть церковнославянского происхождения, имеют значение только несовершенного вида. Таковы: *бездействовать, восторгаться, домогаться (недомогать, перемогаться), долженствовать, издеваться, завидовать, зависеть, значить, мудрствовать, надлежасть, подлежать, принадлежать, ненавидеть, нуждаться, недоумевать, обожать, обитать, обладать, обонять, ожидать, опасаться, обстоять, отстоять, обращаться* (в значении: иметь обхождение, обращение), *предстоять, состоять, обуревать, отсутствовать, присутствовать, повествовать, поносить, повиноваться, предвидеть, предзнаменовать, предчувствовать, предшествовать, преобладать, преследовать, пресмыкаться, проповедовать, слиться*, безличные *следует, подобает, содержать, сожалеть, сострадать, сочувствовать, стоить, чередоваться, чествовать* и др.

Соотносительные формы совершенного вида отсутствуют у безличных глаголов типа *не сидится, сдается* и т. п. Вообще глаголы состояния, вроде *спать, лежать, стоять* и т. п., не имеют парных форм совершенного вида. Кроме того, у многих глаголов часть значений связана исключительно с формами несовершенного вида, например: *отливать, переливать красками, золотом* и т. п.

Грамматика не может преодолеть сопротивления словаря, а иногда и фонетики. Влияние словаря обнаруживается и в том, что некоторые глаголы (преимущественно церковнославянского происхождения или «кальки» западноевропейских слов), сложенные с приставками и не имеющие парных форм другого вида, бывают теснее связаны по своим значениям не с соответствующими беспрефиксными глаголами от тех же основ, а с именами существительными, осложненными той же приставкой. Соотносительность с этими существительными ослабляет глагольное значение приставок, содействует «опрощению» основ и поддерживает у глаголов значение несовершенного вида. Таковы: *преобладать* (ср. *преобладание*), *издеваться* (ср. *издевательство*), *сострадать, сожалеть, предвидеть, предчувствовать, сочувствовать, зависеть* (ср.: *зависимость, зависимый*), *преследовать, содержать, обстоять* (ср. *обстоятельство*), *состоять* и некоторые другие.

Лишены соотносительных видовых форм и многие заимствования из западноевропейских языков, например: *игнорировать, ориентироваться* и т. д., и чисто русские образования, например: *заискивать, охорашиваться, ухаживать, волочиться* и др.

Кроме того, у глаголов-омонимов с видовыми различиями нередко связана резкая разница лексических значений; различием видов парализуется неудобство омонимии, например: *отстоять* (т. е. находиться на каком-нибудь расстоянии от чего-нибудь) и *отстоять* (т. е. защитить); *выглядеть* (снимок с нем. *aussehen*) и *выглядеть* (т. е. высмотреть)

Таков морфологический механизм категории вида в современном языке. С этой категорией пересекается категория залога; категория вида определяет многие пути развития залоговых значений. Из категории вида идут яркие излучения к системе времен и наклонений.

5. КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕНИ

§ 44. Незаработанность вопроса о формах глагольного времени в русской грамматической традиции

В русской грамматике нового периода теория видов заслонила учение о временах глагола. Мысли М. Смотрицкого, Ломоносова, Курганова, Свето-ва, Барсова, П. Соколова, «Российской грамматики, сочиненной России-

ской Академией» (1802 и 1809) о многообразии и многочисленности форм времени русского глагола, оказавшие влияние и на построение системы глагола в грамматике Востокова, в 20—40-х годах XIX в. уступили место учению о видовом богатстве русского глагола (ср. замечания о трех временах и четырех видах русского глагола у В. Г. Белинского)²⁷⁷.

Взгляды А. В. Болдырева, Г. П. Павского, К. С. Аксакова и Н. П. Не-красова в этом отношении оказали решающее влияние на последующую русскую грамматическую традицию. Признавалось более или менее единодушно, что в русском глаголе видовое значение всегда на первом плане, временное — на втором²⁷⁸. Грамматическое изучение форм времени русского глагола и их значений в литературном языке конца XIX и XX в. стало специальностью западноевропейских лингвистов. Результаты новых работ в этой области еще не вошли в широкий обиход русской грамматики (не только школьной, но и научной). Учение о формах времени в традиционной русской грамматике явно обеднено и схематизировано.

§ 45. Влияние идеалистической философии на грамматическое учение о формах времени

Традиционное учение о трех основных временах русского глагола — настоящем, прошедшем и будущем — сложилось на почве античной грамматики*. Курциус²⁷⁹ так формулировал различие в функциях основных глагольных форм времени: «Различие между настоящим, прошедшим и будущим временем покоится только на отношении действия к говорящему» (т. е. к моменту речи). Временные различия Курциус противопоставлял видовым оттенкам, которыми определялись своеобразия течения действия внутри его самого²³⁰.

Учение о формах времени как о субъективной категории человеческого сознания обострило интерес к вопросу о субъективных перемещениях временной перспективы действия. В грамматиках стала особенно подчеркиваться субъективность форм времени.

Такое понимание форм времени характерно уже для грамматической традиции первой половины XIX в. Так, И. И. Давыдов в «Опыт те общесравнительной грамматики» пишет: «Настоящее время употребляем, когда представляем сказуемое совпадающим с моментом, в который говорим. Прошедшее время поставяется, когда действие изображается совершившимся прежде момента речи... Будущее время употребляется, когда действие представляется имеющем совершиться после речи»²⁸¹.

В таком общем виде — без учета соотношения объективного времени с приемами его субъективного представления — объяснялись грамматические формы глагольного времени в большей части русских грамматик. Субъективность категории времени была положена в основу грамматического объяснения.

«Категория времени обозначает... — пишет А. М. Пешковский, — отношение времени действия ко времени речи (или обратно: времени речи ко времени действия). Но что такое здесь «время речи»? Это прежде всего момент речевого сознания. Ведь говорящий при помощи категории времени определяет отношение времени действия ко времени своей собственной речи а это время не может представляться ему только объективно...» В основе форм времени лежат, по Пешковскому, «субъективные соотношения речевого сознания и мыслимого действия», «субъективное представление о соотношении момента речи и момента мыслимого действия». Конечно, Пешковский предупреждает, что «эта субъективность, как и всякая речевая субъективность, может протекать только в абсолютно-объективных рамках, потому что каждый говорящий при помощи категории времени может выражать те же соотношения»²⁸².

* Учение о трех временах русского глагола впервые намечено в грамматиках Лудольфа (1696) и Адагурова (1731). Ср. мнение проф. А. В. Болдырева о двух (настоящем и прошедшем) временах русского глагола[^]

На почве такого субъективно-психологического представления о формах времени сложилась абстрактная схема трех времен русского глагола — настоящего, прошедшего и будущего. В этой схеме не принимались в расчет ни различия грамматического выражения каждого из этих трех времен, ни синтаксические функции форм времени. Лишь значение «законченности», результативности, предельности, свойственное формам совершенного вида, ломало параллелизм трех времен в рамках каждого вида.

Совершенный вид, собственно, не имеет форм настоящего времени²⁸³. Понятие настоящего времени в плоскости совершенного вида представляется лишь точкой раздела между прошлым и будущим. Между тем в области несовершенного вида настоящее время — это параллельная психологическим планам прошлого и будущего сфера течения обычного или наличного действия*.

Таким образом, в грамматической традиции чаще всего речь идет не столько о языковых формах глагольного времени и их значениях, сколько о психологических планах времени, об абстрактных линиях и точках времени**. Система живых форм времени русского глагола в их основных значениях и в их сложном грамматическом взаимоотношении с другими глагольными формами почти никем из русских лингвистов последнего времени (кроме акад. А. А. Шахматова) не осмыслилась⁸⁶. На этой почве складывается убеждение: время русского глагола психологично и субъективно. Оно не вполне «грамматизировано». Оно определяется больше психологически, чем грамматически⁸⁷.

Учение современной грамматики о формах времени русского глагола является отчасти бледным и искаженным видоизменением старой теории «вневременности» русского глагола, отчасти воспроизведением упрощенных грамматических схем русского глагола, предназначавшихся для иностранцев и возникших еще в XVII в.

§ 46. Теория вневременности русского глагола

Теория вневременности русского глагола сложилась в 40—50-е годы XIX в. Борьба со смешением категорий времени и вида, борьба с учением о множестве и разнообразии форм времени, которых Ломоносов насчитал десять, Востоков*** — восемь и число которых почти не уменьшилось в книге С. Шафранова «О видах русских глаголов в синтаксическом отношении» (1852)****, привела к полемическому отрицанию вообще факта наличия форм времени в русском глаголе*****.

* Ср. замечание Франк-Каменецкого: «С точки зрения научно-логического понимания, настоящее, строго говоря, остается неуловимым для непосредственного восприятия, являясь подвижной гранью между не существующим более прошедшим и еще не наступившим будущим. Для мифического мышления (как, впрочем, и для современного обыденного) настоящее есть наиболее осязаемая непреложная реальность, отнюдь не обладающая нулевой протяженностью»²⁹⁴.

** Ср. у А. В. Добиаша: «Настоящее время есть *i* конце концов произвольная линия во временном пространстве, для каждого особого случая говорящим устанавливаемая; прошедшее время есть то временное пространство, которое предшествует начальной точке, а будущее — то, которое следует после окончательной точки произвольного в каждом отдельном случае особо устанавливаемого говорящим настоящего времени»²⁸⁵.

*** Ср. статьи А. В. Болдырева «Рассуждение о глаголах» (Труды Общества любителей российской словесности, 1812, ч. 2) и «Рассуждение о средствах исправить ошибки в глаголе» (там же, ч. 3), статьи, в которых полемически доказывалось существование лишь двух форм времени в русском языке — настоящего и прошедшего.

**** Отрицание «злополучного деления русских глагольных форм на виды» и возврат к учению о сложной системе времени (7 времен: *praesens*, *imperfectum*, *iterativum* — *дергивал*, *aorist* - *дернул*: *aoristus* II — (*по-*)*выдергал*, *futurum aorist*. I — *выдерну*, II — *повыдергаю*) см. в статье Р. Г. Вестфаля «Об образовании основ и времен русского глагола» (Русский вестник, 1876, октябрь).

***** Ср. у Г. Павского ироническое замечание, направленное против ломоносовско-восток-ковской системы времен: «Странное дело! Десять времен в языке русском, который даже для трех времен (настоящего, прошедшего и будущего) не имеет отличительных признаков! В нем, как и в других славянских языках, не различено и будущее время от настоящего, и причастие, которое мы ныне называем прошедшим временем... есть не более как глагольное прилагательное

ИМЯ»²⁸⁸.

М. Катков заметил в своей диссертации «Об элементах и формах славяно-русского языка»: «...нашему языку вовсе не важно различие времен, и от форм будущего времени наш язык отказался еще в допамятную пору»^{2aY}.

К. С. Аксаков писал еще более категорически об отсутствии форм времени в русском языке: «Если мы вздумаем искать времен, известных нам из иностранных грамматик,— мы останемся неудовлетворенными. В самом деле, прежде всего поражает нас то, что прошедшего времени в нашем языке нет вовсе. Вместо формы глагола в прошедшем времени встречаются у нас отглагольное прилагательное или причастие прошедшее: *был* — *былой*, *служил* — *служилый*... Вся небольшая разница зависит от употребления («он уныл покуда», т. е. он унылый, или: «он от неудачи не уныл», т. е. не стал унывать)... Формы прошедшего времени у нас нет». Вместе с тем «формы глагола, часто употребляемые для выражения будущего, не могут называться формами будущего времени, ибо часто употребляются и в прошедшем и в настоящем» (ср.: «Всякий день проходил у нас однообразно: я *подойду* к его двери, стукну раза два, он *отворит*...») или: «Он не много теряет часов на разговоры, каждое утро он *скажет* мне: здравствуй, и пошел к себе заниматься» и т. п.). «Эти так называемые будущие формы глагола независимы от времени. Следовательно, в русском языке нет формы будущего времени. Какое же время есть в русском языке? Одно настоящее? Но настоящее одно, без понятия прошедшего и будущего, не есть уже время, это бесконечность». «Времена настоящее, будущее и прошедшее - понятия выводные и не имеют для себя своих форм в русском языке: они суть дело употребления и являются по соответствию их с формами глагола и с смыслом речи». «Итак, мы должны прийти к заключению, что ни одна глагольная форма в нашем языке времени не означает. Очевидно, что сама категория времени теряется). Таким образом, по мнению К. С. Аксакова, в русском глаголе морфологически выражен лишь вид, время же — категория психологическая и синтаксическая. «Формами глагола обозначается самое действие, время же в нем есть дело употребления; это употребление основано на соответствии глагольных форм с временами»²⁹⁰.

Вслед за К. С. Аксаковым Н. П. Некрасов доказывал способность любой русской глагольной формы выражать самые разнообразные временные значения. Он решительно отрицал в русском глаголе наличие постоянных грамматических форм времени. По мнению проф. Некрасова, время — лишь отвлеченная субъективная категория говорящего и слушающего. «Русскому глаголу не свойственны формы временные... русский язык осмыслил время как нечто постороннее для действия, как внешнее (по отношению к действию) условие, под влиянием которого скорее находится лицо говорящее и лицо слушающее, чем само действие»²⁰¹. Н. П. Некрасов сопоставлял выразительное «глубокомыслие», наглядность и изобразительную художественность системы русского глагола, основанной на категории вида, со структурой глагола в западноевропейских языках, в которых много форм времени: «Быстрота, краткость, продолжительность, кратность проявления действия не нуждаются во времени и им не измеряются. Продолжительность проявления есть сила, душа, жизнь самого действия. Действие, проявляющееся под условием времени, отвлеченно, формально; действие же, проявляющееся под условием продолжительности (энергии), — жизненно.

Понятие о времени относится к понятию о продолжительности как нечто формальное, отвлеченное, условно существующее к тому, что живет на самом деле; потому что условие времени понимается отвлеченно продолжительность же представляется конкретно (вещественно). Время есть условие, под влиянием которого мыслится действие; продолжительность есть свойство, без которого немислимо действие в русском глаголе. Вот почему он отвергнул сухую формальную категорию времени и развил в себе формы, выражающие его живое свойство, — энергию, или, как мы назвали, продолжительность проявления. Насколько действительно сущее отличается от условного и формального, настолько продолжительность как свойство русского глагола отличается от времени как свойства глаголов иностранных»²⁹².

Эта точка зрения показалась слишком радикальной последующим грамматистам. Была восстановлена в правах старинная теория трех времен, подвергшаяся, однако, сильной психологизации. Анализ описательных форм времени в древнерусском языке, предложенный Потемной в его труде «Из записок по русской грамматике», лишь содействовал подрыву веры в объективность форм времени.

§ 47. Односторонность господствующих в русской грамматике представлений о соотношении форм и значений времени и вида

Объединение категории вида с категорией времени в последующих грамматических работах производилось чисто механически²⁹³.

После указания на то, что в современном русском глаголе есть только три формы времени, обычно прибавляется: «...эта бедность — только кажущаяся: недостаток времен с избытком восполняется *видами*, благодаря которым русский глагол способен выражать тончайшие оттенки действий в их течении, последовательности и взаимных отношениях, не уступая в гибкости, выразительности и точности никакому другому языку. Большинство форм времени, существовавших в старом русском, яшло из употребления — за ненадобностью. С развитием видов они оказа/ись излишними»²⁹⁴.

Различия значений форм времени по большей части суммарно выводились из видовых различий (см., например, у Ф. И. Буслаева, Л. П. Размусена, Д. Н. Овсянко-Куликовского, Р. Кошутича и др.). Почти полное отсутствие работ по истории русского глагола сказалось и на освещении вопроса о формах и функциях времени в современном русском языке. Как происходил процесс распада древнерусской системы времен, как влияло формирование категории вида на эволюцию категории времени, не отразились ли (в измененном и преобразованном виде) пережитки старых грамматических отношений в новой системе глагольных времен, как используются различия форм времени и их значений для выражения синтаксических отношений между предложениями — все эти вопросы привлекали внимание *г.* лишь единичных исследователей (проф. А. Мазона, акад. А. А. Шахматова, А. И. Белича, А. И. Стендер-Пе-терсена)²⁹⁵. Система форм времени и их значений в современном русском языке остается не вполне уясненной. Например, изучение относительного употребления времен русского глагола еще не начато.

**§ 48. Грамматическое противопоставление форм прошедшего и непрошедшего времени.
Прошедшее время как сильная категория в системе времен русского глагола**

Для системы времен современного русского глагола характерно морфологически подчеркнутое противопоставление форм прошедшего времени и форм настоящего-будущего времени*. Грамматическая сфера прошедшего

* Следует, не углубляясь в теоретически спорные предпосылки, признать чрезмерно упрощенной предложенную Gustave Guillaume схему соотношений форм времени русского глагола, графически изображаемую в таком виде:

	<i>A</i>
<i>пью</i>	<i>W</i>
<i>пил</i> .	<i>бычью</i>
<i>J</i>	
<i>Плен прошлого</i>	<i>П/П будущего</i>

(См. книгу «Temps et verbe. Theorie des aspects, des modes et des temps» par G. Guillaume. P., 1929, p. 105-109.)

времени наиболее глубоко и резко очерчена в русском языке²⁹⁶. Это сильная грамматическая категория. Поэтому-то формы прошедшего времени с трудом и сравнительно редко поддаются субъективному переносу в план будущего или активного настоящего.

Прошедшее время несовершенного вида — вне очень сложного синтаксического контекста — вообще не может выражать значений настоящего или будущего времени (ср. невозможность непосредственно отнести формы *я гулял, я чистил, я спал, он любил, ты учил* и т. п. к настоящему или будущему времени).

Нередко приводятся в качестве примеров употребления формы прошедшего времени несовершенного вида в переносном значении такие эмоциональные предложения: *Плакали мои денежки* (т. е. «неприменно пропадут», иногда — «уже пропали»), или: *Хотел я плевать на него!* Гораздо чаще употребляются с оттенком будущего формы прошедшего времени совершенного вида (*Пропала моя головушка!*).

Такое экспрессивное представление объективно-будущего действия в формах прошедшего времени совершенного вида, т. е. изображение будущего действия уже осуществившимся, достигшим цели, предела, всегда предполагает субъективную пережитость факта как прошлого. Такое употребление формы прошедшего совершенного основывается на субъективной убежденности в наличии результата. Этот временной сдвиг, мотивированный резкой экспрессивностью сообщения, свойствен либо эмоциональному, изобразительному языку, либо языку непреложных логических умозаключений, т. е. убеждающему, волевому языку. Во всяком случае, для такого экспрессивного переноса всегда есть особая стилистическая мотивировка. Например: *Мы погибли. — Если ваше предсказание исполнится, вы выиграли.* Ср. у Л. Толстого в «Крейцеровой сонате»: «Предполагается, что болезнь можно лечить и что есть такая наука и такие люди — доктора, и они знают. Не все, но самые лучшие знают. И вот ребенок болен, и надо попасть на этого, самого лучшего, того, который спасает, и тогда ребенок спасен: а не захватишь этого доктора или живешь не в том месте, где живет тот доктор, и ребенок погиб».

Ср. здесь же употребление прошедшего времени вместо условного наклонения: «А вот у Петровых вовремя, по совету доктора, разъехали по гостиницам и остались живы, а не разъехали бы — и *померли дети*». Ср. у Чехова в рассказе «Исповедь, или Оля, Женя, Зоя»: (Отнимите у меня перо — и *помер*. Вы смеетесь, не верите... Клянусь, что так». Ср. у Тургенева в рассказе «Стучит» тоже о будущем действии: «Одно мне жаль, барин: *пропала* моя троечка, — и братьям-то она не достанется». Ср. у Чехова: «Ох, батюшки!-вздыхала за дверью старуха, — *пропала* твоя головушка! Быть беде, родимые мои, быть беде!» Ср. также (обращение к вознице): «Ну, *поехали*»; «Ну, я спать *пошла*» (Островский, «Не все коту масленица»); «Бери кулек, догоняй, я на рынок *пошел*» (Островский).

Ср. у Л. Толстого в «Войне и мире» — о французском генерале Бельяре: «Он клялся честью, что русские *погибли*, если император даст еще дивизию». Очень сложным переносом временных значений характеризуется разговорное употребление прошедшего времени совершенного вида в значении будущего с яркой экспрессией презрительного отрицания или отказа. Например: *Как же! Пошла я за него замуж!* (ни за что не пойду); *Так я и отдал тебе эти деньги — держи карман шире!* В этом употреблении выступает ироническое изображение отрицаемого факта уже осуществившимся*.

* Форма *пошел* в значении повелительного наклонения резко обособилась от системы форм прошедшего времени. Ср. у Гончарова в его произведении «Фрегат Паллада»: «*Пошел* все наверх!»

Мысль о грамматическом противопоставлении прошедшего времени настоящему-будущему настойчиво развивал проф. Д. Н. Кудрявский²⁹⁷, подчеркивая условность традиционного разграничения форм настоящего и будущего времени в русской грамматике. По его мнению, в современном русском языке можно говорить только о прошедшем и, соотносительно с ним, о непрошедшем времени. Форма «настоящего времени» может вовсе не иметь значения времени, «обозначая и то, что относится ко всякому времени». Употребление форм настоящего времени в описании прошедших событий также обусловлено тем, что «по первоначальному своему значению формы эти живописали события, не означая вовсе времени»²⁹⁸. Будущее время тоже «часто употребляется без всякого оттенка времени, подобно настоящему, сохраняя неизменно лишь свое видовое значение. Так бывает чаще всего в описаниях...»²⁹⁹. Например, у С. Т. Аксакова: «Вечером также рыба берет охотнее... особенно поздно вечером: тогда и крупная рыба *начнет* смело ходить около берегов».

§ 49. Давнопрошедшее время

В современном русском языке четыре формы прошедшего времени. Из них две принадлежат совершенному виду, одна — несовершенному и одна — «многократному». Эти четыре формы прошедшего времени грамматически неравноправны и стилистически неравноценны. Про форму прошедшего времени «многократного вида», или лучше — про «давнопрошедшее время» (например: *я сиживал, бирал, гащивал* и т. п.), прямо надо сказать, что она непродуктивна, что она в русском литературном языке постепенно угасает, вытесняемая формами прошедшего времени несовершенного вида с наречиями количества или степени. Поэтому с «давнопрошедшего времени» целесообразно и начать анализ форм прошедшего времени.

Был период, когда форма давнопрошедшего времени ставилась грамматистами в центре всей системы прошедших времен русского глагола. Достаточно сослаться на «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова, на «Российскую грамматику, составленную Академией Российской» (1-е изд. 1802 г., 2-е изд. 1809 г.). Из ломоносовского перечня глаголов, имевших форму давнопрошедшего времени, видно, что в XVIII в. эта форма была очень продуктивна и употребительна, особенно в разговорной речи.

Тогда-то и установился термин давнопрошедшее время. Его можно сохранить*.

А. М. Пешковский, бегло коснувшись этой формы в своем «Синтаксисе», склонился к старинному ее пониманию: «Категории вида и времени здесь оригинальнейшим образом переплетаются. Можно сказать, что у нас есть особое, давнопрошедшее время, но только от многократного вида, или что у нас есть многократный вид, но употребляется он только в давнопрошедшем времени»³⁰⁰.

Старые грамматики правильно указывали, что давнопрошедшее время употребляется, когда говорят «о многократном действии, происходившем давно... и притом в неопределенное время»³⁰¹, «ибо, когда мы говорим о чем-либо, происходившем многократно на прошлой неделе или в прошлом месяце, и вообще о времени, которое мы по недавности определить можем, тогда вместо *читывал, говаривал, делывал* и пр. скажем: *читал, говорил, делал неоднократно*».

* Конечно, в приложении к этой форме термин «давн<1>прошедшее время» не соответствует тому значению, которое связывается с ним в грамматиках античных и современных западноевропейских языков.

Ф. И. Буслаев различал три значения в форме давнопрошедшего времени. Во-первых, эта форма выражает прошедшее многократное, «прошедшее давнего обыкновения», например: «Идол был пустой, и *саживались* в нем жрецы вещать мирянам» (Крылов); «Я за уши его *дирала*» (Грибоедов) и др. В этом случае прошедшее «давнего обыкновения» мыслится как цепь осуществлявшихся, возобновлявшихся и повторявшихся в отдаленном прошлом актов, которые в совокупности составляют один сложный давнопрошедший процесс. К этому значению близко и второе значение этой формы, значение прежде-прошедшего времени, но тоже с оттенком давно минувшего действия. Например: «Ослы, не знаю, как-то знали, *но* прежде музы тут *живали*» (Крылов). Ср. «Читать Карамзина не буду: я его *читывал* и прежде»³⁰² и др. Наконец, с отрицанием *не* форма давнопрошедшего времени выражает сильнейшее отрицание события в прошлом (т. е. *вовсе не, ни разу, никогда не*), например: «Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что *не бывала*» (Пушкин, «Станционный смотритель»)³⁰³; «Ты не пьешь, сказывают? — продолжал я — Нет-с, *не пивал* и не пью ничего, кроме чаю да воды!» (Гончаров, «Слуги старого века»); «Что слышал? — Ничего *не слышал*. — Что видел? — Ничего *не видал*» (Короленко, «Сон Макара»)*.

Любопытны свидетельства грамматистов середины и второй половины XIX в. об употреблении этой формы давнопрошедшего времени.

М. Катков о форме давнопрошедшего времени писал в своей диссертации: «Эта форма назначена преимущественно к изображению давности действия, и с этим новым назначением входит она в область прошедшего времени. Предлагаемая в грамматиках форма *давывать* есть один субститут; форма *будут давывать* невозможна ни в чутье современной речи, ни в памятниках. Зато встретим часто прошедшее *давывал* и т. п. В памятниках подобные формы давнопрошедшего времени дышат особенною прелестию, если представим себе движение голоса, каким, по нсему вероятно, отличалось старинное произношение... Символическое изображение давности распространенною формою совершенно согласно с общим воззрением нашим на соответствие глагольного образования с представлением самого действия»³⁰⁴. К. С. Аксаков заметил: «Действие же как ряд моментов *{двигивать}* необходимо является только в прошедшем *(двигивал)*>>³⁰⁵.

Но уже к половине XIX в. формы давнопрошедшего времени типа *я бирал, ты говаривал, он хаживал* и т. п. подвергаются подозрению и гонению со стороны разных кругов столичного общества, преимущественно со стороны петербургской чиновничьей бюрократии и со стороны разных слоев интеллигенции, тяготивших к книжному языку. Их литературное употребление сокращается. Стабилизация грамматической системы русского языка, опиравшаяся преимущественно на нормы книжного языка, привела во второй половине XIX в. к утеснению этой формы. Дуализм видов — совершенного и несовершенного — также содействовал ее постепенному вымиранию. Значения и оттенки кратности у параллельных форм, осложненных приставками, растворялись в категории вида несовершенного³⁰⁶. Правда, грамматические концепции Г. П. Павского, К. С. Аксакова и Н. П. Некрасова, устанавливавшие видовую лестницу трех степеней глагола (*двигать — двинуть — двигивать; махать -махнуть — махивать*), свидетельствуют, что формы «прошедшего времени многократного вида» еще очень живо ощущались тогда в литературном языке.

* А. А. Потебня ставил в связь это употребление многократной формы при отрицании с оттенком постоянства, присущим этой форме: «Под гоняние постоянства и всеобщности подходит отрицание, относящееся не к данному моменту совершения действия, а к продолжительному периоду времени, занимаемому действием или бытием»^{303а}.

ке. Однако за иллюстрациями их употребления чаще всего приходилось обращаться к народной словесности (преимущественно к былинному стилю) и к крестьянскому языку³⁰⁷. Даже у писателей, широко пользовавшихся формами устной народной речи и народной поэзии (например, у Н. А. Некрасова), давнопрошедшее время встречалось не очень часто*. Книжные, в том числе и газетно-публицистические стили, определявшие во многих отношениях грамматическую систему русского литературного языка, со второй половины XIX в. во всяком случае избегали употребления этой формы.

Д. П. Размусен в 90-х годах писал о давнопрошедшем времени: «Без сложения с частицами они теперь, в образованном языке, употребляются почти только — и то редко — в... значении повторения, и притом тогда только, когда речь идет о давних событиях. Усиление наглядности соответствует усилению, с каким стараются воскресить пред собою и другими образ давно минувшего» 308**.

Ср. у Чехова в «Чайке» (слова Шамраева): «Не забудьте навести справочку, где теперь актер Суздальцев? Жив ли, здоров ли? Вместе *пивали* когда-то».

В учебниках русского языка второй половины XIX в. для иностранцев рекомендовалось употребление форм типа *сизживал*, *гуливал* «в устной речи» «в воспоминаниях о давних событиях»³¹⁰.

Подводя итоги своим наблюдениям над употреблением времен русского глагола в конце XIX в., Л. П. Размусен констатировал: «Знаменательно, что в то время, когда в русском языке все более и более исчезает самое созерцательное из видовых обозначений, дитя патриархального быта,— «покойный дед мой *говаривал*», «мы в столице *живали*», к дверям литературного языка все ближе и ближе подступают простонародные времена предшества» (т. е. формы типа *он был выпивши* и т. п.— В. В.)¹¹.

Проф. А. Мазон³¹², акад. А. А. Шахматов, В. И. Чернышев и др. отметили вымирание этой формы в литературном языке конца XIX — начала XX в.³¹³ Однако она еще довольно употребительна и в современном литературном языке, хотя и ограничена узким кругом беспрефиксных глаголов наглядного, конкретного действия, легко поддающихся счету и учету. Например: «Он пошел в сад, сел на скамеечку над прудом,— здесь еще он никогда не *сизживал*» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»); «Теперь уж не бьют так, как раньше *бивали*» (Горький); «Вот странность, будто сроду я здесь не *хаживал* и никогда не глядел на эту Невскую зыбь» (Д. Лаврухин, «Невская повесть»); «Братья Пушкины, случилось, *гащивали* у генерала-цехийстера» (Ю. Тынянов, «Пушкин»). Ср.: «Арина будто слышала даже, как отарушка сказала про себя, что до сих пор у арапов не *живывала*» (Тынянов, «Пушкин»); у Б. Пастернака во «Втором рождении»:

И гам ворвался. Ливень заслан

К чертям, куда Макар телят

Не ганивал... И солнце маслом

Асфальта б залило салат.

Ср. в языке классической литературы XIX в.:

Старушка ей: «А вот камин; Здесь барин *сизживал* один Здесь с ним *обедывал*

зимсю Покойный Ленский, наш сосед...»

(Пушкин, «Евгений Онегин»)

— См. статью Добровского (Филологические записки, 1883, т. 4, с. 262), насчитавшего в стихотворениях Некрасова лишь 10 подобных форм.

" Ср. замечание А. А. Потебни: «Древний язык и современный литературный нередко формально не различают категорий непрерывной длительности, с одной, и обычности и многократности, с другой стороны, там, где чешский и отчасти народные русские говоры различают»^{30*}.

«...заснул тяжелым сном, как, бывало, *сыпал а* Гороховой улице» (Гончаров, «Обломов»); «Песельников держал, сам *невал* и плясал мастерски» (Тургенев, «Мой сосед Радилов»); «Вы знали Якова Ивановича? — продолжал я. — *Знава-ла-с*, — проговорила она...» (Тургенев, «Яков Пасынков»); «У меня дядя был псовый охотник, — продолжала она. — Я с ним *езживала* весною» (Тургенев, «Вешние воды»); «Здесь в необыкновенно жаркие дни, и то раз в год, и то в прежние времена, *пивали чай*» (Тургенев, «Дневник лишнего человека»); «В молодости он отлично *невал*» (Тургенев, «Постоялый двор»); «Ведь я знаю, как ты *живал*, как проводил ночи и с кем» (Л. Толстой, «Крейцерова соната»); «Давно ли, — думал он, — этот самый Батрищев *кучивал* с нами» (Л. Толстой, «Севастополь в августе 1855 г.»); «И Наташа тем быстрым бегом, которым она *бегивала* в горелки, побежала по зале, в переднюю» (Л. Толстой, «Война и мир»)³¹⁴; «А ведь покойник не то что за десять тысяч, а за десять целковых на тот свет *сживывал*» (Достоевский, «Идиот», слова чиновника Лебедева) и др.

§ 50. Прошедшее время мгновенно-произвольного действия

Другая форма прошедшего времени, еще живая в стилях разговорной речи, но обычно не выделяемая грамматиками русского языка (за исключением синтаксиса А. А. Шахматова), относится к категории совершенного вида. Она не имеет ни родовых, ни числовых различий. Лица обозначаются аналитически — местоименными префиксами или в 3-м лице — также существительными. Эта форма прошедшего времени очень экспрессивна и по внешнему облику совпадает с формой повелительного наклонения единственного числа глаголов совершенного вида, но отличается от императивной формы особой интонацией неожиданности. Например: «Тот-то на старости лет да *польстись* на его богатства» (Островский, «Бедность не порок»); «Я шутить ведь не умею и *вскочи* ему на шею» (Ершов, «Конек-Горбунок»); «Я пришел к нему записаться на курс, а он, вдруг, *возьми да пригласи* меня к себе на вечер» (Тургенев, «Гамлет Щигровского уезда»); «Только довели, он и отдал богу душу, а баба его в ту же ночь и *роди* двойню — вот эгих девочек» (Л. Толстой, «Чем люди живы»); «В эту-то Дуняшу и *влюбись* Аким! Да так, как прежде никогда не влюблялся» (Тургенев, «Постоялый двор»); «Только вдруг она как *поскользнулась*, да навзничь, да и *переломи* себе ногу» (Тургенев, «Холостяк»); «Бабенка она была молодая, из себя пригожая, белая, рассыпчатая. Только и *полюбись* она мне» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки», «В остроге»); «На угощеньи, когда мы уже были все выпивши, и *расскажи* Иван Петрович купцу, как все дело было» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»); «Вот однажды и случилось какому-то чиновнику, совсем постороннему, проезжать мимо этой деревни, и *спроси* он у поселян, как, мол, живет такой-то» (там же); «А тут к беде еще беда: *случись* тогда ненастье» (Крылов, «Охотник»); «Но скворушка *услышь*, что хвалят соловья, и думает» (Крылов). Ср. в языке Фонвизина: «Теперь Игнатий Андреевич и *напади* на меня ни за что ни про что» («Недоросль»); в языке начала XIX в. у И. И. Мартынова (умерш. в 1883 г.):

Внимал уроку — презреть все,

Беспечным быть;—но вдруг тоскою

Наполнись сердце с тем М>е-^{11s}.

Акад. А. А. Шахматов неоднократно указывал на связь этих форм со старым аористом. «...В русском языке, быть может, в связи с потерей им форм аориста, в звуковом отношении близкие к аористу формы повелительного наклонения, а также глагольные междометия получили значение прошед-

шего времени...»^{316*}. Акад. А. А. Шахматов сюда же присоединял формы так называемого «глагольного междометия» (т. е. формы типа *прыг, скок, двиг, бух, баи, стук, хлысть, верть, хватъ* и т. п.), предположительно указывая на связь их с императивом и видя в них реликты сильного аориста^{31***}. «Обычным значением собственно глагольных, произведенных от глагольных основ, междометий является значение прошедшего совершенного вида; быть может, это стоит в связи с родством таких междометий с древними образованиями несигматического или частью и сигматического аориста»³²⁰. «Возможно, что глагольное междометие и сложилось и образовалось под влиянием исчезнувших форм аориста, что, быть может, указывало бы на ту дифференциацию, которая установилась между формами прошедшего времени на *-л* и формами аориста... Быть может, именно сильный аорист и получил значение мгновенного вида»^{321***}. В отличие от прошедшего сложного «аорист стал означать действие результативное, быть может, во многих случаях со специальным значением однократности»³²².

Таким образом, в обеих этих формах русского языка — в формах на *-и(-ь)* и в формах без всякого аффикса, совпадающих с чистой основой глагола, А. А. Шахматов видел особое прошедшее время с экспрессивным видовым значением мгновенности, быстроты, резкости действия, отличающееся от прошедшего времени на *-л* отсутствием результативного отношения к плану настоящего, т. е. полным отсутствием оттенков перфективное™.

Оба ряда прошедших форм: 1) типа *возьми, поставь,хвати* и т. п. и 2) типа *хватъ, дрыг* и т. п., по Шахматову, восходят к разновидностям древнерусского аориста и до некоторой степени восприняли его функции.

Мысли акад. А. А. Шахматова нашли дальнейшее развитие и обоснование в статье А. И. Стендер-Петерсена «О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском»³²³. Стендер-Петерсен тоже усматривает в этих формах пережитки аориста, совпавшего (в силу омонимии) с императивом****. Утратив синтетические формы числа и лица, функционально смешавшись с имперфектом и окаменев в форме 3-го лица, аорист (типа *роди, сократи, похвали* и т. д.) не исчез бесследно По-видимому, формы аориста, омонимные с формами повелительного наклонения, уцелели в устной речи и подверглись грамматическому преобразованию. По аналогии с формами прошедшего времени на *-л* (*-ла, -ло*) они стали сочетаться с личными префиксами (*я, мы*) или существительными не только единственного, но и множественного числа (в качестве субъектов действия). Но форм 2-го лица, по мнению Стендер-Петерсена, у этого прошедшего времени нет (по крайней мере, в их прямом повествовательном употреблении). Отсутствие форм 2-го лица у этого прошедшего времени является веским историческим доводом в пользу его генетической связи с аористом (на это не обратил внимания Стендер-Петерсен)*****. Дело в том, что уже в XV — XVI вв. форма 2-го лица единственного числа аориста была вытеснена формой сложного прошедшего на *-л* (*был еси*

* Ср.: «Возможно, что употребление (императива! в значении прошедшего вызвано влиянием аориста... Ср., например, совпадение форм... в *по-тави. прос.шви, увери, замети*»^{*11}. ** Из императива выводил эти формы Б. Дельбрюк^{31g}.

*** Необходимо отличать от этих форм книжно-архаические формы аориста, иногда употребляемые в литературных стилизациях древнерусского церковного или летописного изложения. Например, в «Идиоте» Достоевского: «С месяц н«ад тому помре и два с половиной миллиона капиталу оставил».

**** На употребление формы 2-го лица повелительного в значении всех лиц аориста в сербском языке указывали Миклошич (*Vergleichende slavisch^ Grammatik, Bd. 3, § 482*) и Потебня (Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 184).

***** Впрочем, в вопросительном предложении возможно употребление и форм 2-го лица от этих образований. Например: «А ты *пойди и скамей* об этом бабушке?»; «А вы и *поверь* ему?»

15 В. В. Виноградов

и т. п.)*- Употреблению **формы 2-го** лица на *-и* прошедшего времени (в утвердительном высказывании), конечно, мешала и полная омонимия с формой повелительного наклонения (например, *ты пойдѣ и скажи*; ср. *а ты пойдѣ и скажи?*). Между тем отсутствие формы 2-го лица усиливало разницу между этим прошедшим временем и императивом. Омонимическое слияние форм аориста с императивом (*просвети, роди* и т. п.) было обусловлено рядом экспрессивно-семантических и синтаксических причин. Любопытно, что в азбуковниках XVII в. (что также не указано Стендер-Петерсеном) встречаются предостережения против смешения аориста с повелительным наклонением 326** В сущности, вопрос о том, из чего образовалась эта форма прошедшего времени — из аориста или из повелительного наклонения, безразличен для понимания ее функций в современном русском языке. История этой формы еще недостаточно изучена. К. С. Аксаков выводил значение таких форм, как *напади* (например, в реплике из «Недоросля» Фонвизина: «Теперь Игнатий Андреевич *напади* на меня ни за что ни про что»), из древних функций желательного наклонения, которое лежит в основе русского повелительного наклонения. По мнению Аксакова, форма императива на *-и, -ь* употребляется тройко: как повелительное (*иди сюда*), как сослагательное (*как месяц ни свети, но все не солнца свет*) и как желательное (*а он возьми и скажи*)³²⁷.

А. А. Потебня также связывал формы типа «а я и догадайся...» с повелительным наклонением. «Употреблением этой формы, как уже замечено проф. Буслаевым, достигается большая живость рассказа, изображение большой быстроты действия. Следует думать, что этот эффект вытекает из предположения, что за повелением немедленно следует исполнение». Но, по мнению А. А. Потебни, «так употребленное повелительное не должно быть смешиваемо с такими усеченными глагольными формами, как *хватъ, глядь...* Последние вовсе не суть и никогда не были повелительными, хотя изредка действительно употребляются в повелительном значении; первые по происхождению суть повелительные, но повелительность в них только представление, средство изображения изъяснительного»³²⁸.

Проф. Л. А. Булаховский также, вслед за Дельбрюком, возводит эту форму прошедшего к повелительному наклонению, причем сюда же относит и междометные формы глагола типа *хватъ*. По его мнению, Дельбрюк (Grundriss, Bd. 2, S. 347) правдоподобно³²⁹ при толковании этой формы исходит из случаев вроде: «Издали увидит леща, да и *>ватъ* его зубами» — и объясняет их из приблизительно такого первоначального движения мысли: увидит... и думает (говорит себе): «хвати его зубами»³³⁰. Все это очень гадательно и неясно.

А. И. Стендер-Петерсен находит в этом прошедшем времени кроме значения мгновенного действия в прошлом еще оттенки неожиданности, неумышленности, нечаянности, произвольности или неминуемости, предопределенности действия. В этих волевых оттенках он готов усматривать отражения значений императива. Несомненно, экспрессивно-волевое влияние повелитель-

—* См. в моих «Очерках по истории русского литературного языка», гл. 1. Ср. замену форм 2-го лица аориста и переходящего времени формами на *-л(еси)* при исправлении книг Максимом Греком и его школой. Ср. парадигмы простых прошедших времен в грамматике Меле-тия Смотрицкого (1648) (формы 2-го лица лишь *читал, бил* и т. п.). Ср. также настойчивое прикрепление форм типа *показался, обрезался* и т. п. к 3-му лицу единственного числа и требование употребления в качестве форм 2-го лица прошедшего форм на *-л(еси)* в трактате «О исправлении в прежде печатных книгах минеях»³²⁴ и многие другие³²⁵.

** Ср. в грамоте из Нижнего на Вычегду, 1612 г. (Любомиров П. Г. Очерки истории нижегородского ополчения. 1939, с. 233): «...востали мнози лжехристи, и в их прелести *смятись* вся земля наша и бысть разорение ея...»; в «Деле розыском 1591 году про убивство царевича Димитрия Ивановича в Угличе» (М., 1913): «И пришла на н<то старая болезнь падучей недуг, и тут его *ударѣ* о землю, он бьючися ножем сам себя поколол» (с. 13—14) и другие подобные.

ного склонения просочилось в это прошедшее и придало ему своеобразные оттенки модальности. Ср. у Достоевского в «Идиоте» (в речи Рогожина): «Говорят, телеграмма была пущена. Да телеграмма-то к тетке и *приди*».

Но как бы ни объяснять происхождение форм типа *я и возьми, он приди* и т. п., в современном языке эти формы прошедшего времени не имеют ничего общего с повелительным склонением. Это особые аналитические формы глагола, лишь отчасти омонимные с формой императива. Они лишены повелительной интонации. Они образуются и от тех глаголов, которым чужда форма повелительного склонения. Это прошедшее время имеет личные формы лица и может употребляться безлично. Безличное употребление свидетельствует о полном отрыве этих форм прошедшего от повелительного склонения (если даже связь между ними когда-то бы на гораздо более крепкой). Например: «*Случись* же, что передо мной простирались гряды с арбузами, дынями и огурцами» (В. Нарезный, «Бурсак»); «*Случись* же под такую минуту, как будто нарочно в подтверждение его мнения о военных, что сын его проигрался в карты» (Гоголь, «Мертвые души»); «Нам ведь так бы важно узнать, не видал ли кто их в восьмом-то часу, в квартире-то, что мне и *вообразись* сейчас, что вы тоже могли бы сказать» (Достоевский, «Преступление и наказание»); «*Покажись* молодому, будто молодая до него гуляла, он ее и поколотил» (Якушкин, «Путевые очерки»); «А ведь *покажись* мне сдуру-то, что ты хмельной приехал» (Островский, «Свои люди — сочтемся», слова Фо-минишны). Любопытны и другие типы безличных форм прошедшего времени: *да и дерни меня, да и угоразди меня* (ср.: *дернуло меня, угораздило меня...*; ср. также: *да и дернула меня нелегкая (дернул меня черт и т. п.)*³³¹. Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Губернских очерках»: «Вот ходил один инородец белку стрелять, да и *угоразди его* каким-то манером невзначай плечо себе прострелить». Ср. также: «Намеднись вот на жилетку подарили, а *меня угоразди нелегкая* ее шами залить» («Выгодная женитьба»).

В современном языке отношение прошедшего времени совершенного вида типа *я роди* (*я —роди, она —роди* и т. п.) к повелительной форме *роди* до некоторой степени аналогично отношению прошедшего времени *ты родил* к желательному *родил бы* (хотя с исторической точки зрения все формы совершенно различного происхождения).

На фоне этих соотношений становится понятным развитие однородных экспрессивных нюансов и в группе междометных форм глагола (типа *двиг, толк, стук, порх, трах, хлоп, шмыг* и т. п.). Они также обозначают в современном языке мгновенное действие в прошлом, с оттенком внезапности, но без оттенка неминуемости или предопределенности и с более слабым оттенком произвольности.

И. В. Киреевский еще в 50-х годах XIX в. заметил в письме к К. С. Аксакову: «Русский глагол имеет еще особенную форму для выражения той быстроты, с которою действие переходит в прошедшее. Разумеется, эта форма возможна только для тех глаголов, которых личный смысл вмещает возможность этой мгновенной быстроты. Этого времени, уже не однократного только, но мгновенно прошедшего, нет в других языках, и следовательно, нет в иностранных грамматиках... Этой формы не было прежде в наших грамматиках (и не могло быть, потому что искали только форм, *общих для всех глаголов*), и потому язык литературный ее избегает. Оттого она не развилась, как бы должна была развиваться, и носит на себе какой-то оттенок неблагородного как свойственная больше народу, чем людям образованным. К этой форме мгновенно-прошедшего относятся слова *глядь, хвать, прыг, щелк, стук, бряк, звяк, бух, шлёп, скок, миг, шмыг, бац, кех, плюх, тих* и пр. Эта форма хотя выражает прошедшее действие, однако еще так тепла пролетом настоящего, что животрепещет сердцу прошедшим и настоящим дееспричастия, занимая от

первого смысл, синтаксические права изъявительного наклонения, от второго — необходимость соединяться с другим глаголом, в отношении к которому определяется мгновенность выражаемого ею действия»¹¹². Ср. у Пушкина в «Сказке о мертвой царевне»:

Прямо яблочко летит... Пес как прыгнет, завизжит. Но царевна в обе руки — *Хватъ* — поймала.

В «Евгении Онегине»:

...легче тени

Татьяна *прыг* в другие сени.

Ср. еще у Пушкина:

...на все призванья

Готов я как бы с неба пасть.

Довольно одного желанья —

Я как догадливый холоп:

В ладони по-турецки *хлоп*,

Присвистни, позвони, и мигом

Явлюсь...

(«Скажи, какие заклинанья...») У Крылова:

Подруги каждая тут тихе *толк* подругу... («Обезьяны»)

Что силы есть,

Хватъ друга камнем в лоб!

(«Пустынный и медведь»)

Ср. у Салтыкова-Щедрина: «Секретарь пил чай, а стряпчий проходил мимо и вдруг ни с того ни с сего *хлысть* секретаря в самую матушку-физиономию» («Губернские очерки», «Княжна Анна Львовна»). У Достоевского в «Идиоте»: «Приближаясь к болонке, беру деликатно за шиворот и *шварк* ее за окошко... Только взвизгнула» (из рассказа генерала Иволгина).

Легко заметить разницу между формами прошедшего времени типа *я, он, мы, они хлопни* и глагольными формами вроде *хлоп* не только в видовом значении *, не только в оттенках модальности, ко и в самих значениях времени, в особенностях синтаксического употребления. Формы *я, он скамей, зайди* и т. п., обозначая мгновенное прошедшее действие с оттенком внезапности и произвольности, являются полноценными глагольными формами прошед-

—* Ср. анализ форм типа *хлоп* у А. М. Пешковского: «Мы назвали бы эту категорию ультр а м г н о в е н н ы м видом русского глагола. К глагслам на *-нуть* с мгновенным значением (как *прыгнуть, скакнуть* и т. д.), от которых они почти исключительно образуются, они относятся как превосходная степень прилагательного к сравнительной. Когда мы говорим *прыг* вместо *прыгнул*, мы хотим выразить ограниченность проявления движения во времени и символизируем ее при этом обычно еще и особой артикуляцией звуков (напряженной) и особой интонацией. Но этот ультрамгновенный вид отличается от всех остальных русских видов тем, что стоит в стороне от системы спряжения, что не им^{ет} ни лица, ни числа, ни рода (*я прыг, вы прыг, он прыг, она прыг*). Правда, время и наклонение за ним, до некоторой степени, можно признать, так как слова эти никогда не обозначают ни одновременных с речью, ни будущих фактов (если мы даже употребили бы их в картине буду дего, например: *ч.Я пойду к нему, задам ему этот вопрос, и если он не ответит -- бац его по роже*¹. — то и тут было бы прошедшее в смысле будущего.) и никогда не обозначают нереальных фактов (предположения или приказания)^{III}. Таким образом, и Пешковский признает эти формы прошедшим временем совершенного вида с ультрамгновенным значением.

шего времени совершенного вида. Это прошедшее может быть образовано и от безличных глаголов. Формы же *хлоп*, *стук* и т. п. обычно ограничиваются глагольными основами, обозначающими только шум, звучание или резкие механические движения, связанные с шумом, звучанием*. Они приближаются к воспроизводящим междометиям. Так, они могут употребляться вне всякого отношения к формам сказуемости (например: «грах! — раздался звон разбитого стекла»; «и хлоп! — выскочила пробка из бутылки с шампанским» и т. п.). Кроме того, междометные формы глагола могут — при известных синтаксических условиях — синонимически замещать глагольные формы настоящего и будущего времени, так как они очень легко приспосабливаются к синтаксическому контексту. «Она это *дерг-дерг* себя за губенку-то, и хочет, вижу, что-то сказать, и заминается» (Лесков, «Воительница»). Ср.: «Эта полячка, бывало, даже руку на него поднимала: сделает, бывало, истерику, да *мах* его рукою по очкам» (там же); «А слезы *кап-кап*, — так и брызжут (там же); «На цыпочках пройдет он в спальню, бесшумно разденется и — *бултых* в постель!» (Чехов, «Учитель словесности»). Следовательно, «ультрамгновенные» (по выражению Пешковского) формы прошедшего времени занимают промежуточное положение между глагольными формами времени и областью междометий³³⁵. А. А. Потехня указывал на то, что эти формы всегда остаются без определения, без обстоятельства образа действия³³⁶. Вместе с тем «они никогда не бывают предложными, кроме того случая, когда вторая из повторяемых частиц соединяется с *по-* для окончания последования во времени: *хвать-похвать*... Другими словами: пространственные отношения действия и зависящие от предлогов (приставок.—Д. В.) значения совершенности и несовершенности здесь никогда не обозначаются»³³⁷.

Итак, прошедшее время типа *я хлопни*, *он скамей*, *мы ихвати* и т. п. можно назвать прошедшим мгновенно-произвольного действия. К этому прошедшему времени отчасти примыкают и глагольно-междометные формы типа *хлоп*, *хвать* и т. п. Их можно назвать глагольно-междометными формами внезапно-мгновенного действия. И те и другие формы свойственны экспрессивной речи с яркой разговорной окраской.

§ 51. Формы прошедшего времени совершенного и несовершенного вида на -л

Традиционная русская грамматика не признает форм давнопрошедшего времени и прошедшего мгновенно-произвольного действия. Она ограничивается указанием на соотносительные формы прошедшего времени совершенного и несовершенного вида с формообразующим суффиксом -л (*я делал*, *я сделал*). У глаголов двойственного видового значения (*женить*, *казнить*, *телеграфировать* и т. п.) одна и та же форма на -л омонимически совмещает значения прошедшего несовершенного и прошедшего совершенного (*Я казнил себя за этот проступок*; *Мазепа казнил Кочубея за мнимую измену Петру*).

В русской грамматике укрепилось убеждение, что смысловые различия между формами прошедшего времени совершенного вида и прошедшего времени несовершенного вида на -л исчерпываются их видовыми значениями. А если это так, то все дело сводится к уяснению приемов образования этих форм у разных классов и групп глаголов (*печь - пеку — пек*; *стричь — стрижу — стриг*; *пасть — паду — пал*; *скрести — скребу — скреб*; *везти — везу — вез*; *видеть — видел* и т. п.). Изучение значений и оттенков этих форм времени, условий их употребления представлялось излишним. Ведь все сказано самим их

* А. А. Потехня подчеркивал позднее происхождение этих форм: «Чистые корни такого значения в русском, несмотря на отсутствие внешних указаний, взяты из готовых глаголов»³³⁴.

названием: прошедшее время — это и есть прошедшее, тем более что для его выражения в русском языке употребляется почти только одна эта форма на -л, а что значат виды глагола, — известно.

Впрочем, иногда отмечается, что прошедшее время совершенного вида выражает результат действия, осуществившегося в прошлом (например, «*пролегла* — лежит дороженька»), а прошедшее время несовершенного вида выражает отношение действия — длившегося или повторившегося — к плану прошлого, отрешенного от связи с настоящим (например, «тогда я *учился* в музыкальной школе»). Необходимо глубже вникнуть в грамматико-семантические, синтаксические и стилистические различия между формами прошедшего времени на -л совершенного и несовершенного видов.

Прошедшее время несовершенного вида, выражая отнесенность действия к плану прошлого, не устанавливает никакой синтаксической перспективы в последовательном развитии действий или в их смене, в их соотношениях. Прошедшее время несовершенного вида обозначает факт прошлого, безотносительно к его пределу, к его результату, к его последствиям для настоящего, в отрешенности от настоящего. Проф. А. Мазон, пользуясь аналогиями аориста и перфекта, очень удачно раскрывает различия в значениях форм прошедшего времени несовершенного и совершенного вида в таких параллельных конструкциях³³⁸:

Прочитали ли вы эту книгу? — Прочитал И
Читали ли вы эту книгу? — Читал И
Кто построил этот дом? И

Кто строил этот дом?

В последней паре фраз прошедшее результативное *построил* может относиться не только к архитектору, строителю, но и к инициатору, виновнику постройки («по чьей инициативе *построен* этот дом?»). Это еще больше подчеркивает оттенок перфективности в форме прошедшего времени совершенного вида. Между тем форма *строил* лишь обозначает конкретный процесс строительства в прошлом, связывая его с фактическим производителем действия и не содержа никаких дополнительных указаний на связь этого процесса (в его результатах) с настоящим временем.

Прошедшее время несовершенного вида, представляя прошлое действие в его течении, а не в его результате, живописно и изобразительно. Оно употребляется в тех случаях, когда внимание привлекается не к движению и смене прошедших действий, а к воспроизведению самих этих действий в их течении. «Ну-ка, мужичок, — продолжала лиса, — покажи, как ты его *завязывал*» (Афанасьев, «Народные сказки»).

Оно часто встречается в описаниях прошлого. Оно обозначает действие, протекавшее, осуществлявшееся в прошлом, независимо от отношения его к настоящему. Употребление этой глагольной формы типично также для бытового сообщения о прошлом. При сообщении о таких повседневных действиях в прошлом, как *есть, пить, спать, видеть, слышать*, внимание чаще всего бывает направлено на утверждение или отрицание самого процесса, а не на обозначение его предела или результата. Поэтому соответствующие глаголы очень часто употребляются в форме прошедшего времени несовершенного вида. «А вы уж *пили* чай? — спросил он меня. — *Пил*» (Тургенев, «Петр Петрович Каратаев»). Формой этого прошедшего времени часто обозначается лишь самый факт того, что действие происходило или что его не было, оно не имело места. — «Чего мести? *Я мел* сегодня» (Гончаров, «Обломов»); «Скажут, что я Писарева *читал*, и ах!» (Сологуб, «Мелкий бес»).

Такое употребление формы прошедшего времени несовершенного вида от глагола без ярко выраженного оттенка интенсивной повторяемости отчасти напоминает старинное значение и употребление аориста. Но не эта грамматическая функция прошедшего времени несовершенного вида является основной в повествовательных и описательных стилях современного русского литературного языка.

Прошедшее время несовершенного вида не двигает событий. Оно описательно и изобразительно. Само по себе оно не определяет последовательности действий в прошлом, а размещает их все в одной плоскости, изображая и воспроизводя их. Например, в романе Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухта-ра» описание мытья Грибоедова в тифлиских банях: «Ему *ломали* руки, ноги, *колотили* его по спине. Рот, лицо *были* в пене. Татарин *бил* его и *мучил* сосредоточенно, со старательным выражением лица, оскалив белые зубы, словно хотел из него сделать новую и редкостную вещь. Он быстро *менял* способы пытки: *барабанил* по спине кулаками, потом *заворачивал* руки за спину, тут же мимоходом *толкал* кулаком в бок. Потом он *вытягивал* ему длинные ноги, и суставы *трещали*. Грибоедов лежал обессиленный, ничего не понимающий. Он глубоко *дышал*. Его *пугал* только треск оббитых костей, он его *слышал* как посторонний звук. Странно, боли никакой *не было*».

Или у В. Катаева в романе «Время, вперед!»: «Анархия скоростей, ритмов. Несовпадение. *Стоял* на переезде. *Маневрировал* товарный поезд. *Трусил* местная плетеная бричка. *Обдавал* пылью грузовик-пятитонка. *Мигал* ослепительно велосипед. *Шел* человек (между прочим, куда он шел?). Поджарые башкирские верблюды с длинными окороками *волокли* бревна. *Летел* аэроплан большой, трехмоторный. И у всех — разная скорость. Можно сойти с ума. Мы живем в эпоху разных скоростей».

Ср. у А. Н. Толстого в повести «Актриса»: «Огромное ржаное поле перед железнодорожной станцией, измятое ветром, *ходило* желто-зелеными волнами, *шуршало* колосом, *веяло* горечью повилики и медовым запахом на межах мотающейся желтой кашки. Над полем, невидимо, точно комочки солнечного света, *заливались* жаворонки жаркими голосами. В палисаднике станции *шумела* висячими ветвями большая береза...»

Ср. также в «Бедных людях» Достоевского: «Старик *бежал* за ним и громко *плакал*: плач его *дрожал* и *прерывался* от бега... Голова его *мокла* от дождя; *поднимался* ветер; изморось *секла* и *колола* лицо. Старик, кажется, *не чувствовал* непогоды и с плачем *перебегал* с одной стороны телеги на другую. Полы его ветхого сюртука *развевались* по ветру, как крылья. Из всех карманов *торчали* книги; в руках его *была* какая-то огромная книга, за которую он крепко *держался*. Прохожие *снимали* шапки и *крестились*. Иные *останавливались* и *дивились* на бедного старика. Книги поминутно *падали* у него из карманов в грязь. Его *останавливали*, *показывали* ему на потерю; он *поднимал* и опять *пускался* в догонку за гробом».

Резкое отличие в значениях прошедшего времени несовершенного вида в этой его основной воспроизводящей и живописующей функции от значений прошедшего времени вида совершенного видно в таких примерах: «Вдруг пришел возвратившийся из города обломовский мужик, и уж он *доставал*, *доставал* из-за пазухи, *наконец*, *насилу достал* скомканное письмо на имя Ильи Ильича Обломова» (Гончаров); «Что же *делал* Бельтов в продолжение этих десяти лет? Все или почти все. Что он *сделал*! Ничего, или почти ничего» (Герцен, «Кто виноват?»). У Достоевского в рукописных набросках к «Братьям Карамазовым»: «О боже! вы мне даете идею: ведь он меня мог убить. — Ну, вас-то он бы не убил.— *Убивал*, *убивал*!»³³⁹ Ср. в «Идиоте»: «Осмотрели бы вы еще раз комнаты и в ящиках! — озабоченно произнес князь после неко-

торой задумчивости.— *Осматривал-с,*— еще умильнее вздохнул Лебедев»*.

Понятно, что при отсутствии резких примет вида (например, суффиксов *-ыва-*, *-ива-* или *-ну-* для обозначения длящегося или все напрягающегося действия, состояния) формы прошедшего времени несовершенного вида могут приобрести чисто аористическое значение, в котором стираются оттенки несовершенности, длительности, «имперфективности». Например: Куда ты *девал* книгу? (ср. *Куда ты дел книгу?*; но ср. также с подчеркиванием повторяемости, итеративности: *Куда он каждый раз девал деньги, неизвестно*).

Ср.:

Где ж *девалася*

Речь высокая?

(Кольцов, «Лес»)

«И ты *смел* так говорить обо мне?» Ср. в «Женитьбе Белугина» Островского: «Но ведь вы меня *оскорбили!* Как вы *смели* та< грубо обойтись со мной? — Значит *смел-с*»; «Я ему *писал*, но ответа *не получил*»; «Он некогда был кучером у старой бездетной барыни, *бежал* со вверенной ему тройкой лошадей» (Тургенев, «Певцы»);

Князь Курбский от царского гнева *бежал*, С ним Васька Шибанов, стргмянный.

(А. К. Толстой)

Но ср.:

Гарун *бежал* быстрее лани.

(Лермонтов)

У некоторых глаголов «общего» вида, в которых значения настоящего и будущего времени различаются, несмотря на совпадение форм, значения прошедшего времени совершенного и несоверг. энного бывают неразличимы или различаются лишь в контексте сложного синтаксического целого. Например, если *миную* может обозначать как настоящее, так и будущее время, то форма *миновал* сама по себе (без присоединения соответствующих наречий *-часто, несколько раз* и т. п.) выражает лишь факт прошлого, вне всякого отношения к настоящему; она не имеет резких примет вида:

Ты, в алом сумраке лику*, Ночную *миновала* тень.

(Блок)

Однако в таких случаях чаще всего с формой прошедшего времени сочетается опенок результативности.

Так, у глагола *согласовать* (при совмещении значений настоящего и будущего времени в *согласую*) в форме *я согласовав* выступает только аористическое результативное значение. Ср.: «В одно прекрасное утро моя старая девица, не говоря худого слова, *велела* оседлать себе лошадь» (Тургенев, «Татьяна Борисовна и ее племянник»). Ср. также: «Но Чертопханову было не до дьякона; он едва *отвечал* на его поклон и, промычав что-то сквозь зубы, уже

—•— Д. П. Размусен определял основную функцию прошедшего времени несовершенного вида так: «...говорящее лицо, обращая внимание только на Еремя самого действия или состояния, останавливается над созерцанием этого действия или состояния и старается особенно рельефно выставить его на вид с материальной стороны его, показать, как оно тогда происходило, без указания на объединительные моменты пределов, начало и конец»^{34<}.

взмахнул нагайкой» (Тургенев, «Конец Чертопханова»); «Нет, нет, я с вас слово взяла, я должна умереть... ты мне *обещал*... ты мне сказал» (Тургенев, «Уездный лекарь»).

Таким образом, в форме прошедшего времени несовершенного вида глаголов, не выражающих кратности и интенсивной длительности, отчасти еще сохраняются отголоски старых ее связей и взаимодействий с аористом, обозначавшим факт прошлого без отношения к его длительности или повторяемости.

Но вместе с тем в форме прошедшего времени несовершенного вида отражаются и ее значения некогда бывшей составной формы «прошедшего сложного», т. е. формы, состоявшей из причастия на *-л* и настоящего времени вспомогательного глагола (*есмь, еси, есть* и т. д.). «Где речь шла не о том, каков кто есть, в силу прежде совершенного действия, а только о том, что кто сделал, там, по-видимому, *-ль есмь* было неуместно», — замечает Потебня³⁴¹. Такого рода качественно-описательные значения свойственны и современной форме прошедшего времени несовершенного вида в тесной связи с изобразительно-живописующей, воспроизводящей и — по своему видо-временному значению — тоже описательной, «имперфективной» функцией прошедшего времени несовершенного вида находится другая качественно-описательная функция той же формы, проявляющаяся в определенных семантико-стилистических и синтаксических контекстах. Например, в «Тысяче душ» А. Ф. Писемского: «Ребенком она была страшная шалунья: целые дни *бегала* в саду, *рылась* в песке, *загорала*, как только может загореть брюнеточка, *прикармливала* с реки гусей и *бегала* даже с мещанскими мальчиками в лошадки».

При известных условиях, иногда чисто синтаксического характера (порядок слов, наличие паузы сказуемого и другие подобные), иногда же одновременно — и синтаксического и семантико-стилистического характера — качественно-описательный оттенок значения в форме прошедшего времени несовершенного вида выступает настолько рельефно, что она становится основным средством описательной характеристики свойств какого-нибудь лица или предмета. Например, у Чехова в «Рассказе неизвестного человека»: «С точки зрения настоящего лакея или повара, она *была* обольстительна: румяные щеки, вздернутый нос, прищуренные глаза и полнота тела, переходящая уже в пухлость. Она *пудрилась*, *красила* брони и губы, *затягивалась* в корсет и *носила* турнюр и браслетку из монет». В «Бедных людях» Ф. М. Достоевского: «С виду он был такой странный; так неловко *ходил*, так неловко *раскланивался*, так чудно *говорил*, что я сначала на него без смеху и смотреть *не могла*». Ср. там же: «Хорошая *была* она женщина и недорого *брала* за квартиру».

Понятно, что степень и характер качественно-описательного оттенка в форме прошедшего времени несовершенного вида зависят и от того синтаксического контекста, в который вмещен соответствующий глагол, и от его собственной видовой структуры. В редких случаях \rightarrow тот качественный оттенок приближает форму прошедшего времени несовершенного вида к чисто перфектному, определительно-результативному значению и употреблению. Например, у Достоевского в «Подростке»: «Ты лигературен, ты *читал*, ты умеешь восхищаться». Ср. у Д. Лаврухина в «Невской повести»: «Он песни *любил*: «Вихри враждебные»... Да с красной позиции так и не воротился» и т. п.

Это чисто качественное, перфектное значение в формах прошедшего времени несовершенного вида выражено слабо. В современном языке такое значение присуще главным образом формам прошедшего времени совершенного вида.

В формах совершенного вида на *-л* современные исследователи, вслед за

Потебней, подчёркивают значение такого прошедшего действия, результат которого остается налично^{142*}. Выражение «факта, совершившегося и пребывающего доньше» (Потебня) или выражение состояния как продукта осуществленного действия, обозначение «совершившегося результата», остающегося при отсутствии противопоставлений вплоть «до момента речи», — таково, по определению наиболее тонких лингвистов, основное значение формы прошедшего времени совершенного вида. В прошедшем времени совершенного вида элементы или оттенки «перфектного» значения, выражающего результат или состояние в настоящем, при отсутствии дополнительных видовых подчеркиваний мгновенности или однократности действия, а также при стилистическом упоре на описательную или изобразительную функцию речи явно преобладают над аористическим значением, содержащим простое указание на факт в прошлом. Например: «Слетел я на землю, вижу: *лежит* одна жена — больна, *родила* двойню. *Копшатся* девочки подле матери» (Л. Толстой, «Чем люди живы»). Ср. у Чехова в рассказе «Актерская гибель». «[Вязьма] Отличный, брат, город! Пряниками *прославился*. Пряники классические, но — между нами говоря — тогб... *подгуляли*». И. Ф. Анненский писал: «Иногда формы на -л и до сих пор сохраняют значение перфективных: *либо пан, либо пропал*. — *Купил* (карточное выражение) или в «Загадках» Сздовникова: «Красна, в землю *вросла*». Ср. в «Бедных людях» Достоевского: «Кто это говорит вам, что я *похудел*!» Клевета, опять клевета. Здоровехонек и *растолстел* так, что самому становится совестно».

Даже в таких предложениях, как «Пушкин родился в 1799 г.» (не в ответе на вопрос: «Когда родился Пушкин?»), результат прошедшего действия с грамматической точки зрения мыслится пребывающим доньше. Только в таком сочетании: «Пушкин родился в 1799 г. и умер в 1837 г.» — результат, выраженный первым глаголом, отодвинут в план прошлого, потому что его место на линии настоящего времени занято результатом действия, обозначаемого следующим глаголом — *умер*³⁴⁴. В форме прошедшего времени совершенного вида как бы сталкиваются качественно-перфектное и динамически-результативное значения.

В повествовательном стиле движение форм прошедшего времени совершенного вида создает смену вытесняющих друг друга действий и их результатов в хронологической последовательности. Оно толкает — по разным линиям или по прямому направлению — сюжет к развязке, к заключительному финалу³⁴⁵. Прошедшее время совершенного вида, свойственное быстрому рассказу, повествованию, отличается динамизмом. Однако характеристика функций прошедшего времени совершенного вида этими приметами не исчерпывается. А. А. Шахматов³⁴⁶ и А. А. Мазон³⁴⁷ указали, что прошедшее время совершенного вида в современном русском языке совмещает древние значения бывшего прошедшего сложного (перфекта) и аориста, хотя, конечно, и в резко измененном виде. «Оно унаследовало значение *т* только сложного прошедшего времени совершенного вида (*пришльь семь*), но также и аориста... значение его сохранилось, хотя и в измененном сравнительно с древней эпохой виде. Древнейший аорист означал... прошедшее событие как факт, независимо от способа его проявления, т. е. независимо от видовых различий; но позже он получил значение результативного вида». Эта двойственность (или даже множественность) значений формы прошедшего времени совершенного вида ярко выступает в таком отрывке из «Баллады о синем пакете» Н. С. Тихонова:

Письмо в грязи и крови *запеклось*, И человек *разорвал* его вкось,

* Впрочем, еще Перевлесский замечал, что прошедшее сложное время употребляется для Показания действия только что оконченного, «как бы в минуту речи или вообще неопределенно» мз.

Прочел, о френч руки обтер, Скомкал и бросил на ковер.

Здесь форма *запеклось* имеет значение перфекта или даже плюсквамперфекта * (*было запекшееся*), а другие формы прошедшего — *разорвал, прочел, обтёр, скомкал и бросил* — выражают сменявшиеся одно другим недлительные действия, т. е. имеют значения старого аориста.

Ср. также аористическое значение формы *выглянула* с перфектным (или плюсквамперфектным) значением формы *принесли* в таком отрывке из «Обломова» Гончарова: «Хозяйка *выглянула* ИЛ двери с предложением посмотреть полотно: *принесли* продавать».

Ср. различия в значениях и функциях форм прошедшего времени совершенного вида в стихотворении Кольцова «Лес»:

Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?
Почернел ты весь,
Затуманился...
Одичал, замолк...
Только в непогоду
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, темный лес,
Богатырь Бова!
Всю ты жизнь свою
Маял битвами.
Не осилили
Тебя сильные,
Так *дорезала*
Осень черная**.

Но полностью чисто перфектное значение формы совершенного вида в современном русском языке выступает лишь при наличии подходящих фразеологических и синтаксических условий.

Проф. С. И. Соболевский, определяя значение и употребление латинского *perfectum praesens* или *perfectum logicum* (эта форма «означает состояние, последовавшее за действием как его результат и существующее в настоящее время»), замечает:

«Всего лучше по-русски передается *perfectum praesens* в просторечии прошедшим деепричастием в функции сказуемого: *Он — выпивши* (ср. иные оттенки в *он выпил*. — В. В.). Этим оборотом выражается, что упомянутый субъект в какое-то, ближе не определяемое, прошедшее время выпил вина и в настоящую минуту находится в состоянии опьянения, являющемся последствием этого прошедшего действия. Вообще же, в русском литературном языке *perfectum praesens* действительного залога переводится прошедшим недлительного вида; причем для ясности часто прибавляются слова *уже, теперь, в настоящее время* и т. п., или употребляется описание посредством глагола (*уже*) *успел* с неопределенной формой. Но для перевода этого типа перфекта страдательного залога в русском языке имеется вполне соответствующая форма, именно причастие прошедшего времени недлительного вида (в функции сказуемого. — В. В.): *Город разрушен* (*urbs deleta est*)»^{М9}.

Итак, в современном русском языке прошедшее время совершенного вида хранит в себе пережитки давних соотношений форм времени, но приспособили-

* Проф. С. И. Соболевский, рассматривая значения латинского *plusquamperfectum* (который в соответствии с *perfectum praesens* может означать «состояние, последовавшее за действием как его результат и существовавшее в упоминаемое прошедшее время; ср. русские выражения: *вчера вечером он был пообедавши, к тому времени он уже успел пообедать*), отмечает: «Подобный тип прошедшего времени есть и в русском языке: «Моя хозяйка была пригожа и добра, а муж-то *помер*» (Пушкин, «Гусар»).-...Здесь автор хочет указать не на момент смерти мужа, а на то, в каком состоянии был он в упоминаемое время: «он был тогда мертв, его не было в живых, а умер он, может быть, за несколько лет до этого». Такое же прошедшее в фразе: «В гомерическое время личность *уже заявила* свои права» (Леонтьев, Мифическая Греция, Прописки, т. 2, с. 70); *уже заявила* = *была уже заявившей*»³⁴⁸.

* См. анализ этих форм в статье М. К. Милых «Вопросы грамматической стилистики» (Ученые записки Ростовского-на-Дону гос. университета, Русское языкознание, 1945. вып. 1).

вае их к новой системе видов и времен. В прошедшем времени совершенного вида слились и смешались некогда дифференцированные значения перфекта и аориста³⁵⁰. Потебня указывал, что основное значение прошедшего сложного (предка современных форм прошедшего времени на *-л*) сводилось к обозначению качества, активно произведенного самим субъектом. Прошедшее сложное время говорило о том, каков кто есть³⁵¹. В отличие от аориста, который обозначал факт прошлого, однажды происшедший или происходивший и «относящийся к цельному, неповторяемому промежутку времени»³⁵², форма на *-л* совершенного вида выражала результат произведенного самим предметом действия как уже готовый, данный. «Поэтому в ней легко могло ослабляться значение прошедшего момента действия и выдвигаться значение настоящего времени, к которому относится акт приписывания признака предмету»^{353*}. На этой исторической почве сложились разнообразные значения и оттенки современного употребления формы прошедшего совершенного вида на *-л*. Тут наблюдается целая гамма переходных оттенков от перфектного значения к аористическому. В некоторых случаях идея результата или состояния, относящегося к настоящему времени, решительно перевешивает мысль об исполнении действия в прошлом. Возникает значение, близкое к перфекту. Например: «Скалы *нависли* над морем» (т. е. висят); «Щеки у него *обвисли*» (стали обвислыми и являются обвислыми); но ср. «Щеки *обвислы*». Ср. «Одеколоны, спирты, у самой истерики, глазки *опухли*, носик *покраснел*» (слова Лотохина в пьесе А. Н. Островского «Красавец-мужчина»). Ср. у Достоевского в «Бесах»: «Редко я встречала боле! раскисшую женщину, и вдобавок ноги *распухли*, и вдобавок добра» (слова В. П. Ставрогиной). Сюда же относится и приведенный выше пример на эднopoэтической тавтологии: «*Пролегла — лежит дороженька*»**. Ср. у Горького в пьесе «Егор Булычов и другие»: «Она — тоже нравная. *Захвалена, зазналась* [Ксения]».

Еще ярче этот оттенок значения можно наблюдать в формах прошедшего времени совершенного вида глагола *залечь*. Применительно к залеганиям горных пород этот глагол в прошедшем времени совершенного вида значит: лежать, быть расположенным: *Руда залегла зесь неглубоко*. При сопоставлении с формой настоящего времени *залегает* ярко выступают индивидуальные отличия перфекта (ср.: *Слой руды залег очень глубоко* и *Слой руды залегаеи очень глубоко*). Прошедшее *залег* близко по значению к форме настоящего времени *лежит*, но лишено ее оттенка длительности. Между тем вневременное значение непрерывно продолжающегося действия, а также значение интенсивной длительности, свойственные форме *залегаеи*, кладут резкую грань между ней и формой *залег*. Некоторую грамматическую аналогию к выражению оттенков времени в форме *залег* можно найти лишь в формах, вроде *расположен, убран, накрыт* и т. п., отнесенных акад. А. А. Шахматовым к перфекту***. Но между причастными формами типа *Письмо отослано* и формами прошедшего совершенного вида на *-л* большая разница: страдательные при-

* Однако в новых работах о перфекте (В. Погорелова, Ван-Вейка, А. Белича, Ст. Младенова и др.) указываются и другие значения и оттенки формы перфекта в истории славянских языков.

** Впрочем, в областной народной речи форма на *-л*, примыкая к другому глаголу, может иметь значение предикативного определения и может быть частью составного сказуемого или «второстепенным сказуемым». Ср.: *Грандилевский А.* Родина М. В. Ломоносова. Спб., 1907, где отмечено такое употребление причастной формы на *-л* в холмогорском говоре: «Лежит моя баба, *прихилилась* не работать». А. Грандилевский так комментирует этот пример: «Здесь следует разуметь, что «лежит моя баба, притворившись больною из нежелания работать» (с. 79). *** Ср. замечание Шахматова: «Перфект означает действие, осуществившееся в результативной форме к настоящему моменту... *Стол накрыт. Письмо отослано.* Перфект выразится... причастиями прошедшего времени страдательными на *-н, ->и*»¹⁵⁴. Ср. у С. Шафранова: «Perfectum всего точнее может быть передано настоящим страдательного залога»¹⁵⁵.

частиа всегда выражают пассивное состояние как результат действия иного, обычно не названного субъекта, а формы на -л имеют перфектное значение состояния как наличного результата действия того же субъекта и полнее всего осуществляют это значение лишь при наличии соответствующих семантико-синтаксических условий и притом особенно ярко в том случае, если они образованы от непереходных глаголов, а также в сочетаниях с неодушевленными субъектами действия. Ср. у Чехова в рассказе «Палата № 6»: «В больничном дворе стоит небольшой флигель, окруженный целым лесом репейника, крапивы и дикой конопли. Крыша на нем ржавая, труба наполовину *обвалилась*, ступеньки у крыльца *сгнили* и *поросли* травой, а от штукатурки *остались* одни только следы». Итак, чисто перфектные значения преобладают в формах прошедшего времени совершенного вида главным образом при отнесении их к «неодушевленным предметам».

Еще Ф. Буслаев указывал, что «в древнерусском и народном языке замечательно употребление прошедшего в описании природы там, где теперь употребляем настоящее время». Например: «Кама своим устьем *впала* в сине море» («Древние русские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым»); «*Пала* в Дон река Красная Девица» («Книга, глаголемая Большой Чертеж», с. 48); «Близко от Дона *вытекала* река Царица и *потекла* к реке к Волге, *пала* в Волгу против Царицына острова» (там же, с. 52) и др. Буслаев так комментировал это употребление прошедшего времени: «Формы настоящего времени, ныне принятые в географии: *идет, течет, впадает*, — составляют более отвлеченное понятие, потому что означают постоянно и неизменно пребывающее, т. е. течет всегда, впадает постоянно. Старинные же выражения прошедшего времени указывают на факт, некогда совершившийся»^{356*}. В народных говорах и до сих пор сохраняется такое употребление формы на -л**.

В этом употреблении оттенки результативного значения, связанные с настоящим временем, перевешивают значение прошедшего действия. Иногда же оба эти круга значений и оттенков находятся в состоянии равновесия.

Нередко бывает ощутителен самый момент перелома от прошлого действия к его настоящему результату. Чаще же оба круга смысловых оттенков — и оттенок осуществившегося, прошедшего действия, и оттенок результата в настоящем — одновременно присутствуют в понимании формы. Однако отношение к настоящему состоянию бывает несколько затуманено. Оно вытекает из общего контекста. Идея прошедшего совершенного действия как бы доминирует над выражением результата или состояния в настоящем. Например: «Видите этого толстого человека с бурым лицом и щетиной на го-

* Ср. в «Совершенном Егере» Левшина в описании птицы-гоголя: «Конец самого носа загнулся (= загнут) вниз»³⁵⁷.

•* В. Мансикка в статье «О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ.» писал: «Подобно старинному языку прошедшее время употребляется, когда говорят о морях, реках, озерах, болотах, горах, дорогах, просеках и пр., имея в виду первый момент некогда совершившегося явления, результаты которого в неизменном виде существуют донныне: *Река обошла деревню, и выпала в Вагу, река недалеко этта взялась... наша Двина расположилась песками, гора обошла кругом; нас отделило болотами, дорога рядом подошла*. Ср. еще выражение: Под старость худо *увидел* — худо стал видеть»^{35а}.

Тот же В. Мансикка в говоре северо-восточной части Пудожского уезда отметил «прошедшее время в значении существующего донныне: *Гора обошла кругом болота...; до нас озеро шло; а от нас река пошла; туды вода кругом обошла; изо мхев вышли такие руцьи; пошла есь, так это и есь уита* и другие подобные».

Местами в таком же значении употребляются формы будущего времени: «*рика выпадет в Во^ длу; рика выдѣт на Корбозѣра*»⁹.

Ср. у В. А. Слепцова в очерках «Владимир и Клязьма»: «[Перевозчик] на речке тут и живет. Речка Пекша прозывается... позади осталась. Речка она пустая, под Юрьевым *взялась* да в Клязьму и *пала*; ну, а весной тоже люта бывает» (в речи крестьянина).

лове,— вот, что шапку *сгреб в руку* да по стенк *пробирается* и на все стороны озирается, как волк?» (Тургенев, «Гамлет Щкгровского уезда»)*.

Сюда примыкают примеры, где значение осуществившегося действия подчеркнуто сопоставлением с прошедшим временем несовершенного вида: «Встречали кого-нибудь? — *Встречал*, да не *встретил*» (Островский, «Бесприданница»); «Людмила *принялась хохотать*, *п*Гі&па в кресло, откинулась на спинку и *хохотала, хохотала*» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»); «В этой портерной я обдумывал свою диссертацию и *написал* первое любовное письмо к Вере. *Писал* карандашом» (Чехов, «Скучная история»)**.

Наконец, прошедшее время совершенного вида может выражать осуществившийся факт безотносительно к выражению его результата в настоящем, т. е. может выступать в чисто аористическом значении. Например, в рассказе Горького «Тоска»: «Где-то *прокричал* петух.— Неужели двенадцать уж? — спросил сам себя Тихон Павлович. *Прокричал* другой петух, третий... и еще и еще. Наконец, где-то за стеной во всю мочь *гаркнул* Рыжий, из птичника ему *ответил* Черный, и весь птичник *всполошился*, громко возвещая полночь».

Поянтно, что в этом беглом очерке значений и употреблений формы прошедшего времени совершенного вида на -л на исчерпаны все ее синтаксические функции (так же, впрочем, как и значения формы прошедшего времени несовершенного вида).

Еще К. Бругман, за ним Шталь, а в последнее время А. Белич подчеркивали необходимость разграничения прямого и непрямого («индикативного» и «релятивного», по Беличу) употребления форм времени³⁶¹. В прямом, или индикативном, употреблении «всякое действие определяется по отношению к настоящему», в релятивном — по отношению к тому временному плану (прошедшему или реже — будущему), который сделан основным фоном временных соотношений. Например, в «Египетских ночах» А. С. Пушкина: «Чарский был один из коренных жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лет; он не был женат; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывший вице-губернатором в хорошее время, оставил ему порядочное имение».

В этом контексте форма прошедшего времени совершенного вида означает «осуществление своего значения в то прошлое время, о котором говорится» (вне всякого отношения к настоящему моменту, т. е. моменту речи). Естественно, что в таком релятивном употреблении форма прошедшего времени совершенного вида с перфектным значением получает значение плюсквамперфекта, обозначая наличный в прошлом результат в отношении к совершившемуся или протекавшему позже действию (ср. «Я упал: пуля пробила мне ногу»). Например, в «Пиковой даме» Пушкина «Он стал думать об отставке и путешествии. Он хотел в открытых игрецких домах Парижа вынудить клад у очарованной фортуны. Случай избавил его от хлопот.

В Москве составилось общество богатых игроков, под председательством

_____ * Ср. у Куприна в рассказе «Вред»: «Лицо его сразу изменилось, точно постарело, коротко остриженная голова ушла в плечи, глаза поту>ли, полузакрылись с усталым, болезненным выражением».

♦ Любопытно в этой связи вспомнить замечание К. Житомирского: «Мы не можем теперь отличить «он ушел» в смысле *il s'en alia, er ging fort* от «он ушел» в смысле «его здесь нет» (*il s'en est alle, er ist fort*) и в смысле «его здесь не было» (*il s'en etait alle; er war fort; abierat*). Однако потребность в этих формах чувствуется в русском языке. Народ (а не писатели) уже и выработал необходимые формы. «Он ушел» у него уже значит только: *il s'en alia* (аорист), а для результативного вида он имеет уже формы, еще не признанные литературой: «он ушедши» (*il s'en est alle*), «он был ушедши» (*il s'en etait alle*). Эти формы, без сомнения, не замедлят перейти в литературный язык, как видно из уже терпимых форм: *он (ыл выпивши, он был уставши* и немногих других»³⁶⁰ («Молох XX века»).

славного Чекалинского... Долговременная опытность заслужила ему доверенность товарищей, а открытый дом, славный повар, ласковость и веселость приобрели уважение публики. Он приехал в Петербург. Молодежь к нему нахлынула...»

Релятивное, относительное употребление форм прошедшего времени соприкасается, а иногда пересекается и даже сливается с соотносительным их употреблением для выражения одновременности, предшествования или последовательности по отношению к другой глагольной форме времени в составе сложного синтаксического целого (особенно разнообразно — в конструкциях с союзами времени, причины и условия). Но детальное изучение всех этих синтаксических употреблений форм времени далеко выходит за рамки грамматического учения о слове и его формах; оно относится к синтаксису.

ФОРМЫ БУДУЩЕГО И НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Сложной системе прошедших времен в русском языке противостоит система будущего-настоящего времени с очень разнообразными и субъективно изменчивыми, подвижными значениями и оттенками.

§ 52. Описательная («аналитическая») форма будущего времени несовершенного вида

Описательная форма будущего времени несовершенного вида, состоящая из *буду* + инфинитив {*буду учиться*, *будешь вести себя хорошо* и т. п.}, обозначает течение действия в плане будущего, отрешенном от настоящего (ср., например: *сейчас буду одеваться*, т. е. еще не начинаю, и *я сейчас оденусь*, т. е. буду одетым). В описательной форме будущего времени течение действия целиком относится к области будущего. Прямая противопоставленность этой формы будущего времени настоящему очевидна. В русском языке не укрепилось и не развилось других аналитических форм будущего времени. Правда, и в *буду говорить* форма *буду* обнаруживает некоторую синтаксическую самостоятельность (например, в предложении *Завтра я буду публично говорить об этом* наречие *завтра* относится непосредственно к *буду*, а *публично* — к *говорить*). В диалогической речи *буду* может быть употреблено эллиптически и без инфинитива. Например: *Будешь хорошо учиться?* — *Буду*. Ср. «Ну, не буду, не буду» — торопливо произнесла Акулина» (Тургенев, «Записки охотника»). Кроме того, в морфологическом составе формы *буду* легко отделить основу и окончание настоящего времени (-у). Тем не менее *буду* не присоединяет никаких дополнительных лексических значений к сочетающемуся с ней инфинитиву, кроме значения будущего времени. Поэтому в *буду читать* нельзя видеть свободного сочетания двух слов или двух форм. Это одна сложная (аналитическая) форма будущего времени глагола *читать*, это целостное грамматическое единство.

Между тем в таких словосочетаниях, как *начну говорить*, *стану говорить*, раздельность и относительная самостоятельность составных элементов гораздо заметнее: оттенки приступа к действию, начала его течения или перехода в осуществление, выражаемые формами *начну* и *стану*, потенциально отделяются от обозначения самого действия в форме инфинитива. Ср. у Тургенева в «Фаусте»: «Я не стану жаловаться. Жалобы, раздражая, утоляют печаль, но не мою. Стану рассказывать». Ср.: *завтра начну работу* и *завтра начну работать*.

Грамматическая целостность описательной формы будущего времени ярко обнаруживается в таких примерах: «*Боюсь зависти*: ваше счастье будет для

меня зеркалом, где я все *буду видеть* свою горькую и убитую жизнь» (Гончаров, «Обломов»); «Да не я одна *убиваться буду*; убивайся же и ты до конца дней» (Тургенев, «Бежин луг»); «Что ж, *будете* портер *пить!*..— А пожалуй, выпью» (Л. Толстой, «Севастополь в августе 1855 года»).

В форме будущего времени несовершенного вида значение собственно будущего времени лишь в редких случаях (при наличии особой модальной окраски) бывает несколько завуалировано оттенком неопределенной длительности (впрочем, тоже простирающейся в план будущего). Например: «Так уж я *буду* на вас *надеяться*» (Сологуб, «Мелкий бес»); «Ну, возьми свои три с половиной, что с тобой *будешь делать!*» (Тургенев, «Контора»).

§ 53. Форма настоящего времени несовершенного вида и ее функции

Менее устойчива и однообразна смысловая структура форм настоящего времени несовершенного вида (*делаю*) и настоящего-будущего времени совершенного вида (*сделаю*).

Грамматическое различие между формами *делаю* и *сделаю* на фоне видовых соотношений осознается как различие между данным, т. е. существующим, действием, которое мыслится безотносительно к его пределу или результату (*делаю*), и тем же действием, но ограниченным мыслью о его предстоящем пределе или результате (*сделаю*). Значение будущего времени развивается из представления об ожидаемом результате. Это значение, естественно, становится основным грамматически у значения формы настоящего-будущего времени совершенного вида ^{-%2}. Между тем форма *делаю*, собственно, обозначает независимую от ограничений вида и времени данность действия, его свойственность лицу или предмету, его сочетаемость с субъектом. Обозначение действия, осуществляющегося вне ограничений времени при всяких вообще условиях, обычно постепенно, и вследствие этого как бы присущего, свойственного субъекту, и следует считать основным грамматическим значением формы настоящего времени несовершенного вида. Например: *Нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет; Науки юношей питают; Судьба играет человеком; «Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы?»* (Островский, «Гроза») и т. п.

Совпадение действия с моментом речи — лишь разновидность, оттенок этого общего значения, возникающий при ограничении временной перспективы действия. (Ср. «Погода очаровательная, пички *поют*, *живем мы* в мире и согласии,— чего нам еще?» (Чехов, «Дядя Ваня».) Но значение вневременности, заложенное в формах настоящего времени несовершенного вида, лексически ограничено. Оно проявляется не у всех глаголов. Это ярко обнаруживается при сопоставлении, например, двух рядов глаголов движения. Одни (неопределенно-моторные) обозначают движение как свойство или как неопределенно повторяющееся, совершающееся в разное время, в разных направлениях действие (например: *ходить, летать, бегать, катать, бродить, плавать* и т. п.). В этих глаголах формы настоящего времени выражают вневременную данность действия (ср.: *Птица летает; Рыба плавает*). Они обычно обозначают действие как постоянное, не ограниченное временем свойство (однако ср.: *Вон рыбка плавает*). Но другие глаголы («определенно-моторные», по терминологии Шахматова), обозначающие непрерывное и прямолинейное движение, обычно сочетаются с нормой настоящего времени представление о настоящем или будущем действии, направленном к пределу, о действии, двигающемся, так сказать, по прямой линии к конечному пункту. Ср.: «В реке бежит гремучий вал»; «И туман, и непогоды осень поздняя несет...»; «Кто к нам идет?»

Но ср. при отрицании *не*, например, в «Станционном смотрителе» Пушкина: «Погода несносная, дорога скверная, ящик упрямый, лошади *не везут*, — а виноват смотритель».

У этих глаголов формы настоящего времени выражают и будущее время (*Я еду через два дня в командировку*). В этом случае ограничение перспективы времени вытекает из противопоставления действия единичного и определенного действию составному, неопределенному и продолжительному.

При отсутствии таких ограничительных признаков в лексическом значении глагола или в контексте, в ситуации высказывания форма настоящего времени несовершенного вида обозначает сочетание или сочетаемость действия с субъектом вне отнесения его к какому-нибудь плану времени (ср.: «Старость *ходит* осторожно и подозрительно *глядит*»).

Значение вневременности становится источником и основой употребления формы настоящего времени несовершенного вида в переносных значениях. Значение вневременности, конечно, ближе всего к настоящему времени, которое также включает в себя и элементы прошлого, и зародыши будущего^{III}. При изображении конкретного, единичного действия значение вневременности метонимически сливается с представлением о настоящем времени. Кроме того, уже грамматическая соотносительность формы *делаю* с формами прошедшего времени *я делал* и с формами будущего *буду делать* побуждает нас эту вневременность понимать только как расширенное настоящее время. Таким образом, в форме настоящего времени диалектически совмещается объективное значение вневременности с субъективным значением настоящего времени. Ср. *Человек дышит легкими, а рыба — жабрами*. И: *Теперь вольнее всякий дышит*

И не торопится вписаться в полк шутов.

(Грибоедов, «Горе о г ума»)

При совпадении действия с моментом речи в форме настоящего времени могут выступать оттенки начинания, попытки или усилия осуществить действие. Например: «Глаза *горят* (= начинают гореть.— В. В.) ярче, зубы сжимаются, голова с усилием поднимается выше» (Л. Толстой, «Севастополь в декабре 1854 года»).

Кроме того, в момент представления, совпадающий с моментом речи, может субъективно реализоваться или показаться осуществляющимся и будущее действие. Форма настоящего времени в этом случае выражает готовность действия совершиться или потенциальное наличие ближайшего будущего действия. Эти оттенки значения формы настоящего времени возникают на основе субъективного представления будущего действия к.к. уже осуществляющегося, реализующегося в сознании субъекта. (Ср. в «Чмйке» Чехова слова Нины: «Борис Александрович, я решила бесповоротно. Жребий брошен, я *поступаю* на сцену. Завтра меня уже *не будет* здесь. Я *ухожу* от отца, *покидаю* все, *начинаю* новую жизнь... Я *уезжаю*, как и вы... в Москву»). Эти оттенки значения свойственны главным образом формам настоящего времени тех глаголов, основы которых не обозначают интенсивной повторяемости действия. Таковы некратные, в особенности моторно-определенные, глаголы *иду*, *везу*, *отправляюсь*, *еду*, *гуляю* и т. п. Например: «Я завтра целый день *занимаюсь*»; «Да, это верно, она *бежит* с ним, но что мне делать? — думала Соня» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Мне Москва снится каждую ночь, я совсем как помешанная... Мы *переезжаем* туда в июне, а до июня осталось еще...» (Чехов, «Три сестры»).

Форма настоящего времени несовершенного вида :фи субъективном смещении перспективы времени может быть применена и к плану прошлого

(*praesens historicum*)*. Тогда она служит для изображения прошедших фактов как бы совершающимися в момент речи перед глазами слушателя или читателя. Такое употребление возможно лишь в широком контексте, когда в изложении уже ясно обозначился план прошлого. В этом случае форма настоящего времени выражает соотносительность с временем какого-либо события или процесса, которые произошли до момента речи в прошлом. Например: «Сидел я тогда дома, были сумерки, и только что хотел выходить, оделся, причесался, платок надушил, фуражку взял, как вдруг *отворяется* дверь и — предо мною, у меня на квартире, Катерина Ивановна» (Достоевский, «Братья Карамазовы»); «Сестры к ней нагнулись, *спрашивают*: «Что с тобою?»» (Тургенев, «Уездный лекарь»).

Кроме того, форма настоящего времени в сочетании с модальной частицей *бывало* употребляется для обозначения повторяемости действия в давнем прошлом.

§ 54. Форма настоящего-будущего времени совершенного вида и ее значения

Значение предела, результата, свойственное формам совершенного вида, противоречит представлению о настоящем времени. А. А. Потебня так писал об этом: «...грамматическое время есть отношение действия или состояния ко мгновению речи и (так как мысль создается мыслящими первоначально только в форме речи) сознательной мысли о ник. Действие, занимающее одно неделимое мгновение или и более продолжительное, но оконченное (т. е. представляемое в пределе или результате. — *II B.*), не может быть современным акту сознания этого действия. Удар грома поразил мой слух, вошел в мою мысль, но, когда я даю себе отчет в этом, этого удара уже не слышно, и мне остается сказать: *гром грянул*, или, если ожидается другой удар, — *грянет*. Я могу употребить настоящее время лишь в тех случаях, когда действие представляется настолько продолжительным, что, начавшись до минуты сознания, не прекращается и в течение самого акта речи и сознания: *дождь идет* (т. е. теперь, когда я думаю об этом). Сказанным объясняется, почему появление видов и, в частности глаголов кратчайшего действия, повлекло за собою потерю значения настоящего в этих глаголах»³⁶⁶. Основным грамматическим значением формы настоящего времени у глаголов совершенного вида становится значение будущего времени (*поживем — увидим*)*. В русских грамматиках эта форма так и называется формой будущего времени.

В отличие от описательной формы будущего времени несовершенного вида форма будущего времени совершенного вида не противопоставляет будущего действия плану настоящего. Выражаемое ею действие как бы исходит из настоящего времени, простираясь в будущее в завершительных моментах про-

* Употребление настоящего времени в значении прошедшего в русском литературном языке, по-видимому, распространилось под влиянием живой народной речи. Известно, что в старославянских переводах формы *praesentis historic!* (настоящее-о времени в значении прошедшего) очень редки. В старославянском языке греческое *praesens historicum* обычно передается формой аориста³⁶⁴. Коснувшись вопроса об употреблении аориста вместо греческого настоящего исторического в старославянском переводе Библии, Потебня заметил: «Быть может, переводчик чувствовал, что настоящее историческое, столь обыкновенное теперь (*приходит он и говорит, ждет-пождет*), дало бы повествованию слишком простонародный, сказочный тон»³⁶⁵.

** Ср. замечание Фортунатова: «Форма настоящего времени не может употребляться в глаголах совершенного вида, так как при обычном значении настоящего времени в глаголах сочетание признака с известным субъектом обозначается как отнесенное к продолжающейся теперь смене моментов речи, вследствие чего и оба результативные значения и детерминативное значение совершенного вида не соединяются с обычным значением настоящего времени в глаголе».

цесса, в его результате, между тем как начало действия может относиться и к настоящему времени.

Эта тесная связь будущего совершенного с настоящим обнаруживается при сочетании этих форм в цепи глаголов, изображающих настоящее. Например: «Живем в одном городе, почти рядом, а *увидишься* раз в неделю» (Островский, «Гроза»); «Осторожен он, сору из избы не выносит, ни о ком дурного словечка *не скажет*» (Тургенев, «Лебедянь»). Тут легко заметить оттенок результативности привычного действия, отличающий формы будущего времени. В формах будущего времени совершенного вида выражены действия, достигающие предела или недлительные, хотя и вмещенные в план настоящего. Эти формы отмечают короткие эпизоды, осуществляющиеся на фоне длящихся действий. Форма будущего времени, если она заключает фразу, составленную из группы форм настоящего времени, указывает на край этой цепи, на ее предел.

«Она любит теперь, как вышивает по канве: тихо, лениво выходит узор, она еще ленивее развертывает его, любитесь, потом *положит* и *забудет*» (Гончаров, «Обломов»).

Особенно рельефно значение результата, достижения цели, связанное с представлением о будущем времени совершенного вида, выступает в этой форме на фоне непосредственного сопоставления ее с формой настоящего времени несовершенного вида того же глагола: «Мне никогда не спится... Я *засыпаю*, сам не знаю отчего; лежу, лежу да и *засну*» (Тургенев, «Гамлет Щигровского уезда»); «Мы во Франции с утра до вечера *говорим... говорим* да *говорим*, а иногда что-нибудь и *скажем*» (Салтыков-Щедрин, «За рубежом»).

Наличие отрицания дает этой форме возможность стереть грани между настоящим и будущим. Ср.: [Днепр] «*не зашелохнет, не прогремит*» (Гоголь); «Тишина, *не шевельнется* ни один лист» (Чехов, «Скучная история»).

Когда отрицается ожидаемый результат или предел, форма будущего обращена к настоящему. Является мысль, что в настоящее время нет возможности или способности осуществить действие.

При этом оттенке потенциальности действия, при модальном подчеркивании мыслимости или немыслимости результата форма будущего времени (обычно тоже с отрицанием) распространяется и на настоящее время. Например: *вас и не узнаешь; не придумаю, как выйти из этого положения*; «Словечка в простоте не скажет — все с ужимкой» (Грибоедов); *ничего не подделаешь; ничего не попишешь; всего не перескажешь; ума не приложу, в толк не возьму* и т. п. Ср. также в вопросе с оттенком отрицательной модальности: «Известное дело — пьяный человек! Что от него *узнаешь!* Либо пропил, либо потерял» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»).

Разнообразные оттенки предположительности, неопределенности также содействуют осознанию в форме будущего времени совершенного вида указаний на наличное настоящее. Например: «Л кто ж такая *будете?* — спросила Татьяна» (Тургенев, «Новь»); «До меня верст пять *будет*» (Тургенев, «Хорь и Калиныч»); «Чай, у вашей барыни дворни много? — Нет... человек, пожалуй что, полтора *набежит*» (Тургенев, «Контора»); «Проезжаем мы через нашу деревню, лет тому *будет* — как бы вам сказать, не солгать — лет пятнадцать» (Тургенев, «Ермолай и мельничиха»).

Тут выделяются еще экспрессивные оттенки вежливости или приблизительности ³⁶⁷.

Отпечаток субъективной экспрессии лежит и на употреблении формы будущего времени совершенного вида для выражения решительной, категорической готовности субъекта к действию, воли к действию, для выражения при вычности действия или, напротив, отказа от действия, сознания неспособности к действию или невозможности действия. Например: «Вы *всегд*;

*испортите**, — перебил его с досадою старший,- вы только мешаете мне» (Л. Толстой, «Севастополь в августе 1855 года»); «А в нашем городе сейчас из всего *сделают* преступление» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»).

Сочетание значения настоящего времени со значениями совершенного вида приводит к значению непосредственно предстоящего действия. В таких случаях форма будущего времени обозначает действие, наступление или исполнение которого совпадает с моментом речи. Ведь будущее иногда наступает так быстро, что осуществление результата действия может совпасть с самим моментом речи. Таковы, например, формы будущего времени в разговорных выражениях: *А я вам скажу, что...; я позволю себе сказать, что...; доложу вам; попрошу вас; не пожелаете ли; не будет ли угодно* и т. п.³⁶⁸

«Я тебе всю правду *скажу*, Миша. У нас ни у кого денег нет» (Л. Толстой, «Севастополь в августе 1855 года»); «Вы меня интригуете, хотя *скажу* откровенно, я мало верю в возможность скандала в нашей гимназии» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»).

Кроме того, форма будущего времени совершенного вида может применяться для обозначения обычного, постоянного результата вне всяких временных ограничений. Например: *Как аукнется, так и откликнется; Прошлого не воротить*; «Старый человек на ветер слова *не скажет*» (Островский, «Гроза»); «И уж это всегда *убьют* того, кто напрашивается» (Л. Толстой, «Севастопольские рассказы»).

Идея постоянного результата соприкасается ;о значением непрерывной повторяемости. При наличии такого оттенка форм^а будущего времени совершенного вида может обозначать, что время совершения процесса безотносительно к моменту речи. Отсюда развивается значение быстро сменяющегося и повторяющегося действия на грани настоящего и прошедшего времени. Например:

Заглянет в облако любое, Его так пышно *озарит* — И вот уж *перешла* в другое.

(Пушкин)

«Ляжет на постель, *зароет* голову в подушку и лежит долго, молча и неподвижно, а потом, как *поднимет* голову, видно лицо его красное, как будто он плакал, но глаза сухие»; «Быстрые перемены в лице — то оно как будто *завянет*, то вдруг *оживится* и *осветится*» (Островский, «Невольницы»).

То же употребление форм будущего времени совершенного вида в значении бысролетных и как бы повторяющихся действий на линии настоящего находим в таких стихах Лермонтова:

...и бубен свой	Из-под завистливой
Берет невеста молодая.	ресницы;
И вот она, одной рукой	То черной бровью <i>поведет</i> ,
Кружа его над головой,	То вдруг <i>наклонится</i>
То вдруг <i>помчится</i> легче	немножко,
птицы,	И по ковр/ скользит,
То <i>остановите</i> » — глядит,	плывет
И влажный кчор ее блестит	Ее божестгенная ножка;
	И улыбает;я она,
	Веселья детского полна.

Проф. Г. К. Ульянов заметил, что формы будущего времени совершенного вида могут «обозначать н а с т у п л е н и е сочетания признака с субъектом без отношения к какому-либо субъективному моменту времени»³⁶⁹. Например: «Этот человек раз в год правду *скажет*» (Даль, «Пословицы русского народа»). Особенно часто такое употребление формы будущего времени в сочетании с наречиями *порой, изредка*.

Кроме того, форма будущего времени совершенного вида (1-го л. мн. ч.) служит для выражения категорического желания, требования, намерения или приглашения (ср.: *ну, плывем* и *ну, поплывем*; ср.: *бросаем курить* и *бросим курить* и т. п.).

В глаголах типа *идти, ехать* и т. п. (моторно-определенных) различие между формами несовершенного и совершенного вида в этом употреблении минимально. Например, в «Севастопольских рассказах» Л. Толстого: «Так бери же свои вещи и едем сейчас, — сказал старший.— Прекрасно, сейчас и *поедем*, — сказал младший»³⁷⁰.

Формы 2-го лица единственного и множественного числа будущего времени также употребляются для выражения пэиказания, не допускающего ни возражений, ни отказа. Например: *К шестт часам ты вернешься домой*.

Таким образом, синтаксическое употребление форм будущего времени совершенного вида отличается разнообразием модальных оттенков. Вместе с тем формы будущего времени — при соответствующих синтаксических условиях — способны выражать значения не только настоящего, но и прошедшего действия.

Перенос формы будущего времени в план прошлого синтаксически ограничен. В этом переносном употреблении она выражает два основных значения:

1. Значение повторяемости в прошлом каких-нибудь действий, представляемых в их осуществлении, в их пределе или результате. Это употребление выступает в таких синтагмах, «которые по своим значениям или взаимно предполагают друг друга, или же одна из них предполагает другую»³⁷¹. Например: «Все было тихо, волна *не подымет*», листок *не шелохнет*» (К. Аксаков); «Они посидели обнявшись, потом опять *заплясали*. И так несколько раз повторялось: то *попляшут*, то *отдохнут* пол грушей» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»); «Кругом не слышалось почти никакого шума. Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью *плеснет* рыба и прибрежный тростник слабо *зашумит*, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали» (Тургенев, «Бежин луг»); «Ста.1 он и поворовывать: отец жалованье *получит* — первым делом в кабак, целопальника с наступающим первым числом поздравить. Воротится домой пьянее вина, повалится на лавку, да так и дрыхнет; а Порфирка, между тем, *подкрадет*, все карманы *обшарит*, да и в чулан, в тряпочку и *схоронит*» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»).

Ср. у С. Т. Аксакова: «Хотя иногда *набежит* туча с грозой... и крупным дождем, которым *забьет* ваши поплавки под траву, в шумные брызги и пузыри изрубит гладкую поверхность воды, *возмутит* ее, если она не глубока, так *изменит* положение места, что вы сами его не узнаете. Но туча *пронеслась*, влажная парная теплота разливается в воздухе... все приходит в порядок».

Особенно часто встречается такое употребление там, где речь идет о возможном или обычном. Например: «Он то *войдет*, то *выйдет* из комнаты (такой был непоседа)».

Замечательны суждения И. В. Киреевского об этом значении формы будущего времени русского глагола в письме К. С. Аксакову по поводу его книги «О русских глаголах»³⁷². Киреевский выдвигает как своеобразную особенность русского глагола употребление формы будущего «самостоятельного».

«Если вы несколько раз подходили к двери, то можете сказать: «Вчерашний день я несколько раз *подойду* к его двери, *постучусь*, и он отворит мне». Следовательно, здесь будущие времена относятся не к вчерашнему дню, а к несколько раз, т. е. к понятию о повторявшемся действии... Если бы это было не *ряд* действий или, по крайней мере, не *два* действия, взаимно относящиеся одно к другому, а только одно действие, то хотя бы оно и повторялось несколько раз, но вы не могли бы выразить его формой будущего,

когда оно совершалось в прошедшем. Вы не можете сказать: «Бывало, я пойду к его двери», и этим кончить. Вам непременно надобно прибавить другой глагол, с которым глагол *подойду* будет взаимно относиться: *я подойду, он отворит* и тому подобное. Следовательно, такого рода будущие зависят не от словечка *бывало*, так же как они не относятся ко времени, о котором идет речь, но выражают только порядок, в котором одно действие относится к другому. *Птица полетит, я выстрелю* — это может относиться ко всем временам. Такое будущее можно назвать будущим самостоятельным»³⁷³. А. А. Потебня так характеризовал «внутреннюю» форму будущего совершенного в значении прошедшего: «Изображая действия, обычные в прошедшем, посредством будущего, человек становится на точку ожидания будущего подобного случая»³⁷⁴.

2. По-видимому, в непосредственной связи с этим значением находится употребление формы будущего времени совершенного вида в соотносительных предложениях для выражения того, что «одно сочетание признака с субъектом наступает всякий раз, как существует или наступает другое сочетание признака с субъектом»³⁷⁵ (например, в былинах: «Начал татар поколачивать: *махнет* рукой — улица, *отмахнет* назад — переулочек»). В сущности, здесь сама форма будущего времени не означает прошедшего действия. Это значение возникает в тех случаях, когда план прошлого времени указан в предшествующей фразе, дан контекстом.

Это прекрасно показано А. А. Потебней в 4-м томе «Из записок по русской грамматике». А. А. Потебня доказывает, что форма будущего совершенного в сложных конструкциях этого рода обозначает предшествование во времени³⁷⁶. Такое употребление более экспрессивно и чаще встречается в разговорной речи. «Живее сказать: *пнет* ногой — изломал», чем *пнул* ногой — изломал». Поэтому-то последние обороты более обыкновенны в книжном языке, чем первые». «Большая самостоятельность предшествующих предложений с прошедшим совершенным соответствует большей медленности движения мысли, большому спокойствию изложения...»³⁷⁷

Понятно, что такое употребление будущего совершенного может относиться не только к плану прошедшего, но и к планам объективно-будущего и настоящего. Все дело — в контексте, в связи и соотношении синтагм. А. А. Потебня пишет: «Если по-русски скажем: «Тогда *махнет* булавою и *убьет* кузнеца» или «Как *услышит* об этом, *станет* ему жаль», то выражения эти необходимо будут отнесены к будущему объективному, если только особым словом (*было, бывало*) не будет обозначена их обычность в прошедшем. Есть только одно средство придать будущим *махнет, услышит* смысл прошедшего объективного: это поставить в последующих предложениях другое время; *махнет — и убил, услышит — и стало ему жаль*»³⁷⁸.

В сущности, об этом же позднее писал Л. П. Размусен. По его наблюдениям, русское настоящее-будущее время совершенного вида нередко «принимает на себя как будто значение действия, предшествующего каждому проявлению другого неоднократно совершающегося действия, именно в придаточных предложениях после союзов, означающих время, в условных и в неопределенных уступительных придаточных предложениях»³⁷⁹. Например: *Когда хлор улетучится, я наливаю раствор в банку.*

Форма будущего времени в этих случаях обозначает не объективно-будущее, а относительное время действия, предшествующего другому и его обуславливающего, или время действия, с наступлением которого связано другое действие. Например: «Чуть *услышит* что-нибудь новое или тревожное, — и уже лоб его наморщивается» (Сологуб, «Мелкий бес»); «Все может, что *захочет*» (там же); «Известно, так гордят, зря, что в голову *придет*» (Остров-

ский, «Гроза»); «Она бедная вдова, живет только тем, что с дома *получит*» (Гончаров, «Обломов»)*.

Отсюда один шаг до такого же употребления формы будущего времени—соотносительно с прошедшим временем³⁸¹. Например: «И садился писать — доносы на всех, кого только *вспомнит*» (Сологуб, «Мелкий бес»); «Казачи вламывались в квартиры, брали все, что *приглянется*» (Вересаев).

3. В другом контексте будущее совершенное выражает значение внезапного, стремительного наступления в прошлом какого-нибудь быстрого, мгновенного действия. «А больная ко мне лицом лежит и руки разметала, бедняжка. Я подошел... *Как она вдруг раскроет* глаза и уставится на меня» (Тургенев, «Уездный лекарь»). Ср.: «Она посмотрела на меня — да *как возьмет* меня *вдруг* за руку» (там же); «Я было струсил, а Матрена-то *как ударит* вожжами, да *как помчится* прямо на возок» (Тургенев, «Петр Петрович Каратаев»); «Герасим глядел, глядел да *как засмеется вдруг*» (Тургенев, «Муму»); «И как порскал — так стон в лесу, бывало, и стоит... А то *вдруг заупрямится, слезет с коня и ляжет*» (Тургенев, «Одюдворец Овс:шиков»).

В этом случае говорящее лицо как будто переносится в прошедший момент, «не теряя, однако, сознания того, что оно там находится только в воображении...»³⁸².

Все эти значения формы будущего времени возникают только в сложных предложениях. Их приходится рассматривать как проявление относительности форм времени русского глагола. Употребление форм будущего времени «для утверждения о фактах прошедшего времени» находится в связи с тем, что формы настоящего-будущего времени совершенного вида могли «обозначать наступление сочетания признака с субъектом без отношения к какому-либо субъективному моменту времени»³⁸³.

§ 55. Связь категории времени с категорией наклонения

Система форм времени современного русского глагола — при тесной связи ее с видовыми различиями и даже при глубокой зависимости от них — обнаруживает довольно ясные следы былого богатства глагольных форм времени в русском языке. Кроме того, бросается в глаза разнообразие модальных оттенков, связанных с формами времени (особенно с формами настоящего и будущего времени). Это разнообразие смысловых оттенков, связанных с формами времени, особенно настоящего и будущего, вызвало гипотезу, что

—* С. И. Соболевский, отмечая способы выражения предшествующего действия в латинских итеративных предложениях (посредством *perfectum* и *plusquamperfectum*), пишет: «В русском языке *praesens* и *perfectum* в итеративном предложении выражаются одинаково настоящим временем, а *imperfectum* и *plusquamperfectum* — одинаково прошедшим временем длительного вида (т. е. в русском языке значение предшествования не передается формой времени. — В. В.). <...> Однако и русский язык может выразить эту разницу, а именно: латинский *perfectum* и *plusquamperfectum* могут быть выражены будущим недлительного вида, тогда как латинский *praesens* и *imperfectum* могут быть выражены только настоящим и прошедшим длительного вида. Например, у Пушкина: Он знак *подаст*, и все хлопочут; Он *пьет*: все пьют и все кричат; Он *засмеется*, все хохочут; *Нахмурит брови*, все молчат.

...В трех из этих фраз придаточное предложение имеет будущее время, в одной — настоящее: это потому, что в трех фразах действие придаточного предложения в каждом отдельном случае недлительное (и потому предшествующее действию главного предложения), а в одной — действие придаточного предложения в каждом отдельном случае длительное (и современное действию главного предложения): в каждом отдельном случае все начинали хлопотать лишь *после того*, как он подаст знак, и т. д., но в каждом отдельном случае все пили и кричали *в то же время*, когда он пил»³⁸⁰.

в русском глаголе нет определенных значений и определенных форм времени. «Неопределенность» функций настоящего времени, по мнению Н. П. Некрасова, стерла границы и между формами прошедшего и будущего времени: «Стало быть, все понятие о времени сосредоточивается около одной настоящей минуты: она представляет границу или рубеж, по одну сторону которого есть только *прошедшее*, по другую — только *будущее*; и потому *настоящую минуту* можно считать встречей *прошедшего с будущим*. Но так как встреча эта непрерывна, то между будущим и прошедшим существует постоянная смена: каждый момент будущего времени становится последовательно один за другим моментом прошедшего. Таким образом, настоящий момент в строгом смысле не существует, он является *условный*... Отвергнув же действительность настоящего момента, мы вместе с тем отказываемся и от того, что служит основанием для представления прошедшего и будущего момента»¹⁸⁴. Все предшествующее изложение должно убедить, что эти рассуждения несостоятельны. Система форм времени органически связана с формами наклонений.

6. КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ

§ 56. Определение категории наклонения. Грамматическая терминология, относящаяся к учению о наклонении глагола

Категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом. Она выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи. Таким образом, категория наклонения — это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т. е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом.

Учение о наклонении русская грамматика восприняла из античной, греко-латинской традиции, которой она обязана и самым термином *наклонение* (греч. *enklisis*, лат. *inclinatio*)³⁸. В течение XVI - XVII вв. у нас установилась та славянская терминология, которая характерна и для современной русской грамматической теории наклонения. Наклонение — термин Мелетия Смотрицкого (1619)*. Названия наклонений — *и зъ я в и т е л ь н о е* (уже у Л. Зизания в грамматике 1596 г.), *п о в е л и т е л ь н о е*, *ж е л а т е л ь н о е* — сложились еще раньше. Мелетий Смотрицкий ввел еще *с о с л а г а т е л ь н о е* наклонение (*conjunctivus*). К наклонениям относился и инфинитив, прозванный Л. Зизанием неопределенным образом, а М. Смотрицким — неопределенным *наклонением*. *Забракованное Ломоносовым желательное наклонение* почти не упоминается в последующих грамматиках до К. С. Аксакова и Ф. И. Буслаева. В последнее время акад. А. А. Шахматов реставрирует и обновляет термин *желательное наклонение*. Под влиянием грамматик западноевропейских языков, преимущественно французского, в русских грамматиках с конца XVIII в. появляется и условное *наклонение* (*conditionnel*).

* Раньше вместо наклонения предлагались термины «изложение» или «образ» (*modus*). Термин *наклонение* (*enklisis*) не выражает сущности этой категории. Поэтому уже в древней греческой грамматике был предложен другой термин — *diathesis psychike* (или просто *diathesis*) — «психическое или душевное расположение». Тут намекалось на то, что данная категория выражает отношение говорящего к действию, которое представляется либо действительным, либо предполагаемым, либо желаемым, либо требуемым. В латинской грамматике это значение яснее было определено термином *modus* (или *modus agendi* — «образ действия»)³⁸⁶.

§ 57. Грамматическая теория наклонений к формально-логическое учение о модальности суждения

Количество, состав наклонений и взаимоотношение между ними определялись в разных грамматиках по-разному.

До 20—30-х годов XIX в. в русских грамматиках господствовало учение о трех наклонениях — изъявительном, повелительном и неопределенном. Формы сослагательного наклонения как составные, аналитические считались синтаксическими формами словосочетания. Неопределенное наклонение тоже стало в 30-х годах обособляться от изъявительного и повелительного наклонений как «прямая форма глагола», соответствующая именительному/ падежу имен существительных (ср. «Практическую русскую грамматику» Н. И. Греча).

На то, что неопределенная форма не относится к наклонениям, указывалось уже древними греческими грамматистами, например Херобском, который инфинитив не называет наклонением, а просто неопределенной формой, потому что она не определяет ни лица, ни числа (между тем как термин наклонение (*enklisis*) означал собственно изменение по лицам и числам)³⁸⁷.

Грамматические взгляды на категорию наклонения в начале XIX в. подверглись сильному влиянию учения формальной логики о модальности суждения. Здесь различались три категории модальности (возможность — невозможность, бытие — небытие, необходимость — случайность). В соответствии с этим в русской грамматике XIX в. укрепилось учение о трех наклонениях — изъявительном, повелительном и сослагательном — в зависимости от трех форм суждений (ассерторическое, аподиктическое и проблематическое суждения). Академик И. И. Давыдов в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» открыто сопоставлял эти наклонения с категориями модальности в учении Канта:

«1. Изъявительное (*judicium assertoricum*) для показания действия независимого и действительно совершающегося...

2. Повелительное (*judicium apodicticum*) для выражения воли независимой и не посредственной, прямой...

3. Сослагательное (*judicium problematicum*) для выражения действия предполагаемого и только возможного...»

Учение о трех наклонениях прочно вошло в обиход современной русской традиционной грамматики*, но его первоначальное логическое, философское обоснование уже давно забыто.

§ 58. Абстрактно-морфологические теории наклонения в русской грамматике XIX в. и их крушение

С половины XIX в. в связи со стремлением построить русскую национальную грамматику, свободную от рабского подражания западноевропейским образцам, намечаются и иные, более оригинальные взгляды на категорию наклонения. Так, К. С. Аксаков в критическом разборе «Исторической грамматики» Ф. И. Буслаева высказывается за необходимость различения морфологических и синтаксических наклонений. Он относит условное наклонение (с частицами *бы* и *было*) к числу синтаксических³⁸⁹. Среди морфологических наклонений К. С. Аксаков различает два основных: изъявительное и повелительное. «Если уже признавать *сослагательное* и *желательное*, то они суть не что иное, как оттенки к собственно-повелительному и вместе с ним составляют три вида одного и того же наклонения (разрядка наша. — В. Д.)»³⁹⁰. Эта теория, в сущности, была углублением и развитием той чисто морфологической теории наклонения, которая раньше всего нашла выражение в грамматиках Ломоносовской школы, а затем в грамматике Востокова и особенно в грамматике Н. И. Греча. Н. И. Греч учил, что в русском языке два основных наклонения — изъявительное и повелительное (сослагательное наклонение — составная, аналитическая форма, форма словосочетания). По словам Греча, отношение глагола к «действующему предмету речи» может быть или повествовательным (это выражается изъявительным наклоне-

* Так, уже у Буслаева различаются, сверх неопределенного, три наклонения: изъявительное, повелительное и условное³⁸⁸.

нием), или повелительным. Соответственно античной грамматической традиции, формы наклонения глагола сопоставляются с формами склонения имени. Н. И. Греч противопоставляет изъявительному и повелительному наклонениям как «косвенным формам глагола» «неопределенное наклонение» как «прямую форму глагола», как глагольный «номинатив»¹⁹¹.

Следующий шаг по пути критики заимствованных учений о наклонениях русского глагола был сделан проф. Н. П. Некрасовым в книге «О значении форм русского глагола» (Спб., 1865). Исходя из морфологической точки зрения, Некрасов доказывает отсутствие форм наклонения у русского глагола. «По форме нет возможности делить изменения русского глагола на наклонения, по смыслу же и того менее»³⁹². По мнению Н. П. Некрасова, «вместо всех возможных наклонений» в русском глаголе выступают две основные формы глагола: существительная (инфинитив) и личная (спрягаемые личные формы глагола). «Существительная форма русского глагола соответствует неопределенному наклонению в других языках, а форма личная — наклонениям: *изъявительному* (indicatif), *условному* (conditionnel), *сослагательному* (subjonctif) и *повелительному* (imperatif)³⁹³. Две основные формы русского глагола, по словам Некрасова, «дробятся в употреблении на множество частных значений, зависящих от смысла и тона целой речи. Для этих последних русский язык не признал за нужное создать особенные формы, а потому и мы не вправе навязывать ему, по примеру других языков, формы разных наклонений и возводить частные случаи употребления на степень общих типических форм русского глагола»³⁹⁴. Итак, Н. П. Некрасов отрицает самостоятельные, морфологически отстоявшиеся формы наклонений в русском языке. Он подчеркивает разнообразие модальных значений русского глагола в речи, в разных синтаксических условиях и конструкциях, соответствующее формам наклонений в западноевропейских языках*.

§ 59. Мысли об аналитических и синтетических формах русских наклонений в русских грамматиках второй половины XIX в.

Взгляды проф. Н. П. Некрасова на категорию наклонения не нашли себе сторонников. Но передовым грамматистам второй половины XIX и начала XX в. стала ясна неудовлетворительность старого учения о наклонениях русского глагола.

Описательные, аналитические формы наклонений нуждались в тщательном изучении. При господстве морфологической точки зрения не учитывались синтаксические особенности в употреблении наклонений. В этом смысле К. С. Аксаков и даже Н. П. Некрасов были правы, подчеркивая многообразие «синтаксических наклонений» в русском языке — при бедности (или даже, как пытался доказать Некрасов, при отсутствии) особых синтетических форм глагола для выражения модальности действия.

В русской грамматике с конца XIX в. был единодушно вычеркнут из списка наклонений инфинитив. Кроме того, было отмечено, что так называемое «изъявительное наклонение» собственно не наклонение, оно — «мнимое наклонение», или, вернее, «нулевая категория» наклонения (А. М. Пешковский). Проф. Овсяннико-Куликовский писал в своем «Синтаксисе»: «Так называемое «изъявительное» не есть наклонение, потому что не выражает ничего, что должно выражаться наклонениями. Его можно определить как *мнимое наклонение*. Что же касается *инфинитива*, то... оно (т. е. он.— В. В.) отнюдь не может быть понимаемо, как особое наклонение. Оно... может выступать в роли то повелительного, то сослагательного, и *тогда* оно — наклонение, только не особое, а именно либо повелительное, либо сослагательное»³⁹⁵. Большинство грамматистов признавало, что аналитически выражаемых «оттенков или модальностей того, как лицо говорящее относится к высказываемому им, чрезвычайно много, особенно в эмоциональной речи». На основе различения этих модальностей и должно бы строиться учение о разных типах предложений.

Но эти оттенки модальностей почти еще не подвергались синтаксическому исследованию. Лишь А. А. Потемня и А. А. Шахматов пытались глубже вникнуть в аналитико-синтетический строй наклонений русского глагола и вывести русскую грамматику в этом направлении на новую дорогу.

См. полемику между Н. Богородицким, Н. П. Некрасовым и Н. Завьяловым по вопро-имологии русского глагола в «Журнале министерства народного просвещения» за 1872 гг.

§ 60. Конструктивная система наклонений в грамматической теории акад. А. А. Шахматова

Акад. А. А. Шахматов находил в современном русском языке шесть (в сущности, семь) наклонений, выражающих сложные и разнообразные значения:

1. Изъявительное наклонение. С нормами этого наклонения в русском языке сливаются отрицательное наклонение (ср. в английском языке), а также восклицательное и вопросительное наклонения (ср. в английском языке), которые отмечаются лишь синтаксическими и интонационными средствами.

2. Повелительное наклонение.

3. Морфологически определяемое **с о с л а г а т е л ь н о е** наклонение, которое синтаксически расслаивается на два наклонения:

а) желательное наклонение (*сидел бы ты дома*) с союзами *хоть, о, если бы*; в предложениях цели с союзами *чтоб, чтобы, лишь бы, как бы не* и др.;

б) **у с л о в н о е** наклонение с союзами *если, если бы, ежели, когда бы* и др.

4. Недействительное наклонение, выражающее неосуществленность возможной связи действия с субъектом (посредством частицы *было*, иногда в сопровождении *чуть не, едва не* при прошедшем времени: *я было упал, я чуть не упал, я едва не упал*).

5. Предположительное наклонение (обозначается морфологически посредством употребления *будет* вместо *есть*: *оф будет дома* = он, кажется, дома, а чаще аналитически посредством модальных слов: *кажется, вероятно, едва ли, чуть ли не, может быть* и т. п.).

б. Потенциальное наклонение (ср.: *не скажу, не вспомню* и т. п.).

Таким образом, А. А. Шахматов, признав, что категория наклонения в русском языке переживает сложный процесс перехода от синтетических форм выражения к аналитическим, разрушил традиционное учение о трех наклонениях русского глагола. Однако нетрудно заметить, что установленные акад. А. А. Шахматовым формы наклонений неравноценны, неравноправны, что некоторые из них выделены не по грамматическим признакам, а на основании общих семантико-психологических соображений или на основании разных значений сопутствующих модальных слов (таково, например, предположительное наклонение). Легко убедиться также, что так называемое «потенциальное» наклонение не что иное, как форма будущего совершенного со своеобразными модальными оттенками значения.

Кроме того, А. А. Шахматов смешал аналитические формы слова с несвободными или полусвободными синтаксическими словосочетаниями. Далеко не все словосочетания такого рода слились в неразложимые по смыслу грамматические единства. Например, едва ли можно видеть в сочетании слов *я едва ли вернусь* аналитическую форму глагола *вернуться*. Однако выдвинутая акад. А. А. Шахматовым проблема о разных морфологических, чисто синтаксических, лексических, фразеологических и комбинированных способах выражения категории! модальности в разных типах глагольных предложений является одной из центральных проблем русского синтаксиса.

§ 61. Грамматическая природа «предположительных» наклонений и их генезис в изображении А. А. Потебни

А. А. Потебня подошел к вопросу о наклонениях русского глагола с исторической точки зрения. Он блестяще разрешил одну проблему из истории форм наклонения в русском языке, однако такую, из которой вытекал целый ряд необычайно важных выводов. Сам Потебня этих выводов *ничего* не сделал. Потебня изучал приемы и принципы образования «идеальных» (т. е. изображающих события не в действительности, а только в мысли) наклонений на основе рютада системы старых прошедших времен глагола (ср. *я читал бы*). Древнейшим событием в этой области, по Потебне, является переход аориста *быхъ* (ср. *бы*) к значению условному и желательному^{396*}. «Tertium comparationis (т. е. основание сходства.— В. В.) между прошедшими времена—
* Ср.—ссылку на отсутствие удовлетворительного исторического объяснения форм сослагательного (условного) наклонения у Л. А. Булаховского^{396а}.

ми изъявительного наклонения и условностью и даже вообще идеальными наклонениями, каковы условное, сослагательное, желательное, состоит в том, что как идеальные наклонения изображают события существующими только в мысли, так и прошедшее может рассматриваться «со своей негативной стороны как отрицание действительного присутствия (наличности) явления» (*Vorr, Vergleichende Grammatik, § 520*) в том смысле, что если явление было, то стало быть, его уже нет»⁹⁷. Таким образом, признак отсутствия действия налицо — вот что роднит прошедшее время глагола с «идеальными» наклонениями. Поэтому-то в русском языке древнейшие формы наклонений, сверх изъявительного и повелительного, возникли на развалинах, так сказать, древних прошедших времен*. Кроме условного наклонения легко объяснить и образование желательного наклонения из «изъявительного прошедшего». «В желании, рассматриваемом независимо от словесно то выражения, осуществление, т. е. слияние возникающих в мысли образов желаемого, сложившихся из прежних восприятий, с новыми восприятиями, есть событие будущее. Согласно с этим в языке представление желательного прошедшим может рассматриваться как частный случай представления объективно-будущего прошедшим... Вообще будущее событие, которое вот-вот должно непременно совершиться, будет ли оно намеренное или нет, может изображаться прошедшим глаголов совершенных» *и*. В связи с переходом формы аориста *бы* в частицу условно-желательного наклонения создаются другие аналитические формы наклонений. *Бы* начинает сливаться с другими частицами в грамматические идиомы (*чтобы, кабы* и т. п.). Ведь *бы* не было прикреплено исключительно к форме на -л. «Из этой отделимости *бы* от причастия,— предупреждает Потебня,— не следует, конечно, чтобы нынешнее русское *чтобы сделал* и т. п. не было одною грамматическою формою. Это в том же смысле одна форма, в какой падеж с предлогом есть в сущности один падеж»⁴⁰⁰. Аналитический, или, вернее, «смешанный», аналитико-синтетический строй русских наклонений освещается Потебней ясно и убедительно.

Греко-латинское, а впоследствии западноевропейское влияние, как отмечает Потебня, содействовало распространению сослагательного наклонения, выражающего зависимость от главного предложения в относительных предложениях (типа «Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов» — Гоголь) и в обороте с «*чтобы... -л*» при главном сказуемом с отрицанием (например, у Гоголя: «Я еще в жизни не слыхивал, чтобы собака могла писать»; у Лермонтова: «Сам стихов давно не читаю, не потому, чтоб не любил стихов» и с п.). Здесь развитие изнутри, из самой природы русского языка (ср. союз *будто бы*) встретилось с подражанием, с влиянием чужих языков. Потебня делает вывод, что «оттенок сослагательности... в русском литературном языке принят только в одном случае, именно в «*чтобы... -л*» после отрицательных предложений»⁴⁰¹.

Таким образом, Потебня допускает в русском языке четыре наклонения: изъявительное, повелительное, условно-желательное и сослагательное. Своими теоретическими взглядами Потебня указал новый путь для исследования категории наклонения в современном русском языке.

§ 62. Система изъявительного наклонения с его модальными разновидностями

Грамматическим фоном, на котором понимаются и оцениваются модальные значения форм русского глагола, является так называемое «изъявительное наклонение». Это нулевая, негативная грамматическая категория. Изъявительное наклонение служит для простого констатирования, утверждения

—* Г. К. Ульянов тоже ставил в связь с судьбами аориста образование русских форм сослагательного, условного и желательного наклонений. Именно он думал, что первоначально составные формы из аориста *быхь* с причастием на -ль мог/и употребляться для обозначения наступления сочетания признака с субъектом без отношения к какому-либо субъективному моменту времени. На основе этого значения возникает вторичное значение гипотетического наклонения. Так, «условные предложения с *быхь* + причастии» на -ль надо рассматривать как первоначальные относительные предложения, в которых обо шачалось только наступление одного сочетания признака с субъектом при наступлении или существовании другого сочетания, без отношения к какому-либо субъективному времени»^{W8}.

или отрицания действия в настоящем, прошедшем и будущем. В нем сообщение о действии представляется прямым отражением действительности. В формах изъявительного наклонения никак не выражено эмоционально-волевое отношение субъекта к действию. Формы изъявительного наклонения «объективны». Но эта «объективность» бывает окружена разнообразными оттенками субъективного представления, которые присущи формам времени. Кроме того, выражение модальных оттенков действия переносится на модальные слова и частицы, сопутствующие формам изъявительного наклонения (ср., например, отрицательные модальные частицы и наречия: *вовсе не, отнюдь не, совсем не, ни черта не, едва ли не, чуть не* и т. п.).

Сочетание модальных слов и частиц с разными формами изъявительного наклонения выражает множество модальных оттенков высказывания. Возникает ряд модальных конструкций аналитического типа. В них изъявительное наклонение приближается по оттенкам своих значений к другим наклонениям глагола.

1. Прежде всего необходимо отметить оттенки модальности, находящиеся на границе значений времени и наклонения и образуемые присоединением частицы *бывало* ко всем формам изъявительного наклонения, кроме составной формы будущего времени несовершенного вида и формы прошедшего времени совершенного вида, а также причастия действительного залога прошедшего времени совершенного вида.

С помощью частицы *бывало* экспрессивно воспроизводятся давно минувшие события, много раз повторявшиеся в прошлом. Этот план прошлого времени настолько отодвинут от настоящего, что в его пределах представляется возможным изображать повторявшееся действие не только как протекавшее когда-то, но и как развертывающееся перед мысленным взором говорящего лица. Формы несовершенного вида с их обозначением действия безотносительно к его результату особенно часто используются для этой аналитической конструкции. Но оттенок неопределенной длительности в будущем, присущий описательной форме будущего времени несовершенного вида, вступает в противоречие с представлением о давно минувшем и не раз повторявшемся действии. В плане давнопрошедшего будущее время могло быть воспроизведено лишь с точки зрения начала или конца, предела, результата какого-нибудь действия. Для этого могли служить лишь формы будущего времени совершенного вида.

Так образуются три основные формы для выражения давно минувшего действия с оттенком итеративной (т. е. кратной) модальности: для плана настоящего времени — *читаю, бывало; говорю, бывало*; для плана прошедшего — *он говорил, бывало* («Слышал я истину, *бывало*» — Пушкин); для плана будущего-начинательного — *бывало, стану говорить* («*Бывало, стану я рассматривать* его умное, красивое, светлое лицо... сердце мое задрожит, и все существо мое устремится к нему» — Тургенев. «Первая любовь») и результативного — *бывало, скажу*.

Примеры:

Ждут, бывало, с юга: грядь — Ан с востока лезет рать

(Пушкин, «Сказка о золотом петушке»)

Бывало, он еще в постелг: К нему записочки несут.

(Пушкин, «Евгений Онегин»)

«Бывало, часто говорю ему: «Ну, что, брат, Пушкин?» — Да, так, брат,— отвечает, бывало,— так как-то все...» (Гоголь, «Ревизор»); *«Так, бывало, и закричу в темноте»*

(Достоевский, «Братья Карамазовы»); *«Съездишь, бывало, в год*

раз в губернский город, поклонись чем бог послал благодетелям и знать больше ничего не хочешь» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»); «*Бывало*, мать давным-давно *хранила*, а дочка — на луну еще смотрела» (Пушкин, «Домик в Коломне»).

Любопытны примеры, когда *бывало* сочетается с формой давнопрошедшего времени. Возникает как бы усиленное, двойное выражение многократной повторяемости в прошлом. Например: «Лег на диван и заснул тяжелым сном, как, *бывало*, *сыпал* в Гороховой улице, в запыленной комнате» (Гончаров, «Обломов»); «...да сколько раз, *бывало*, в неделю он на мельницу *езжал*» (Пушкин, «Русалка»).

Ср. сочетание *бывало* с причастными формами: «Я вспомнил о старушке, о невесте, *бывало*, тут *сидевших* под окном» (Пушкин, «Домик в Коломне»).

2. Присоединение *было* к форме прошедшего времени совершенного вида образует, по Шахматову, форму «недействительного наклонения». Однако по отношению к современному языку, кажется, правильнее в этой составной форме, выражающей прерванность осуществления действия, видеть особый модальный оттенок изъявительного наклонения, переходный к ирреальному наклонению (ср. цепь выражений: *я согласился было*; *я чуть было не согласился*; *я чуть не согласился*; *я едва не согласился*; ср. *еще немножко*, и *я бы согласился*). Например: «Я *хотел было остаться* дома, но не вытерпел» (Тургенев, «Фауст»)*; «Послы *было уехали* из Москвы; их воротили» (Карамзин); «Ваню я сперва *было и не заметил*» (Тургенев, «Бежин луг»).

В сравнительно редких случаях частица *было* сочетается с формой причастия действительного совершенного вида. Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Губернских очерках»: «Князь, *высунувшийся было* из окна...»; «Река, *покрывшаяся было* льдом, снова разошлась».

Известно, что формы этого причастия изредка сочетаются также с частицей *бы*.

Все это говорит о намечающемся параллелизме между описательными формами с частицей *было* и описательными формами условно-желательного наклонения (ср.: *я хотел было* и *я хотел бы*)**.

3. В сочетании с частицей *как* форма будущего времени совершенного вида (как уже было сказано) обозначает внезапное и мгновенное осуществление действия в прошлом (ср. значения «междометных форм глагола»: *шась*, *прыг* и т. п. и форм прошедшего времени мгновенно-произвольного действия типа *я и прыгни*, *он и скажи* и т. п.).

4. Модальные слова и частицы могут превратить значение прямого утверждения или отрицания факта, присущее изъявительному наклонению, в значение недоверности, сомнительности, даже ирреальности действия. Таким образом, значения форм изъявительного наклонения приближаются к сфере значений сослагательного и условно-желательного наклонений (ср. употребление изъявительного наклонения с частицами *будто*, *будто бы*, *якобы*).

* **Примеры** сочетания частицы *было* с формами причастия прошедшего времени совершенного вида («нашедший было») имеют то же значение аннулированного результата. ** Ср. замечание К. С. Аксакова: «*Я было пошел, я было сделал*; это совсем не то, что «несовершенное действие»; напротив: действие, о котором говорится, совершено, но должно быть опять или прекращено (например: *я было* стал читать..., да печать очень мелка), или уничтожено (например: *я было* заснул, да меня разбудили), или обращено назад, т. е. тоже уничтожено (например: *я было* воротился с прогулки... да вас увидел в салу и пошел к вам). *Было...* стоит наравне с *бы*; прибавим, что если *бы* образует наклонение, именно *условное*, то и *было* точно так же образует наклонение и тоже, можно сказать, *условное*, но совершенно с особенным оттенком, которого нет, кажется, в других языках»⁴⁰². Любопытно также, что И. Ф. Калайдович рассматривал сочетание прошедшего времени на *-л* с частицей *было* как форму особого прошедшего несовершившегося времени⁴⁰¹.

5. В сочетании с модально-императивными частицами *дай (дайте)* форма 1-го лица единственного числа и с *давай (давайте)* форма 1-го лица множественного числа будущего времени совершенного вида выражают побуждение, приглашение, совет сделать что-нибудь. Например: *давай поможем, дай посмотрю, давайте сходим, дайте устрой* и т. п. Таким образом, частицы модально-императивного типа приближают изъявительное наклонение и к области повелительного наклонения. Понятно, что экспрессивные оттенки побуждения, призыва, увещания могут быть приданы форме настоящего времени и соответствующей интонацией.

§ 63. Система повелительного наклонения с его агглютинативным строем

Категория повелительного наклонения резко отличается от изъявительного наклонения не только своими эмоционально-волевыми значениями, не только формами лица, отсутствием форм времени, но и ярко выраженными в нем чертами агглютинативного строя.

Повелительное наклонение, выражая волю говорящего, побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия, принадлежит к эмоционально-волевому языку и характеризуется особой интонацией. Эта интонация сама по себе может превратить любое слово в выражение приказа. В системе повелительного наклонения эта интонация является органической принадлежностью глагольных форм. Вне этой интонации повелительного наклонения не существует. Эта особенность сближает формы повелительного наклонения с междометиями. Естественно, что те же глагольные формы, но без императивной интонации могут быть лишь грамматическими «омонимами» повелительного наклонения.

Повелительное наклонение находится на периферии глагольной системы. Оно стремится отпасть от нее, так как его притягивают междометия. Сопоставление основной формы повелительного наклонения с звательной формой существительного, идущее еще от К. С. Аксакова, очень остроумно. Не только интонация, не только синтаксическое значение (ср. особые типы императивных предложений), но и морфологическое строение решительно выделяют повелительное наклонение из общей системы! русского глагола. Приемы формообразования связывают повелительное наклонение с основой настоящего времени (ср. также тенденцию звательной формы существительного к совпадению с именной основой: *мам! дядь!* и т. п.). В большей части основ исходная форма императива — форма 2-го лица — совпадает с основой 2-го лица ед. числа настоящего (или будущего) времени (но ср.: *неки, стереги* и т. п.).

Повелительное наклонение связывалось с основой 2-го лица настоящего-будущего времени уже в старых грамматиках⁴⁰⁴. Правила образования императива формулировались так:

1. Если основа настоящего времени (бе:і соединительной морфемы *-е-, -е-, -и-*) оканчивается на *-j* (*читаку, чита]-ешь, стоj-у*), то она и образует форму 2-го лица повелительного наклонения (*читай, стой, жуй, пой*). Лишь в глаголах на *-ить* повелительное наклонение оканчивается на *-и*: *крой* (от *кроить*, но: *крой* от *крыть* — *крою*), *напой, клей, присуди, помести* и т. п.

2. Если ударяемая основа настоящего времени оканчивается на два со гласных (из которых первым не является пла вный *р*, а также не на *ст*), то форма повелительного наклонения обычно оканчивается на *-и* (например: *помед ли, продолжи, не езд*, *кончи*, но ср.: *почисть, не порть*). В других случаях она совпадает с глагольной основой, если ударение не падает на флексию (*по ставь, затрать* и т. п.). Лишь при глагольной приставке *вы-* наблюдается колебание. Это колебание состоит в том, что формы, имеющие при отсутствии приставки ударение на окончании, сохраняют конечное *-и* и при переносе уда-

рения на приставку *вы-* (например: *вывезти*, ср. *вези*; *выгреби*, ср. *греби*; *выпотроши*, ср. *потроши*; но: *высунь*, ср. *сунь*; *выкинь*, ср. *кинь*; *выставь*, ср. *ставь* и т. п.). В глаголах на *-ну-*, имеющих перед этим суффиксом согласный звук, форма императива, естественно, оканчивается на *-и*: *тресни*, *стукни*, *сохни* и т. п.

3. Если основа настоящего времени оканчивается на согласный и если ударение в настоящем времени не бывает на окончании, то повелительное наклонение совпадает с чистой основой; если же в каких-нибудь формах настоящего времени ударение переносится на окончание и в инфинитиве оно стоит на последнем слоге, то повелительное наклонение оканчивается на *-и* (например: *пишу* — *писать* — *пиши*; *судить* — *сужу* — *суди*; *гоню* — *гони* и т. д.).

4. Глаголы *пить*, *лечь*, *лечь*, *лечь*, *лечь*, *лечь* имеют повелительное наклонение: *пей*, *лей*, *вей*, *бей*, *шей*.

5. Глаголы, теряющие слог *-ва* в основе настоящего времени (сравнительно с основой инфинитива), в повелительном наклонении сохраняют это *-ва*, например: *даю* — *давать* — *давай*, *сознавайся*, *переставай*, *доставай* и т. п.

6. Глаголы с основой 1-го лица настоящего времени на *-к*, *-г* имеют в повелительном наклонении *-ки-*, *-ги*: *теки*, *пеки*, *беги*, *выволоки* и т. п. (но ср. *лягу* от *лечь* — *лягу* по аналогии с *сядь*). Ср. изолированные формы императива: *ешь* от *есть* — *ем*; *поезжай* к *ехать*; ср. *дай* от *дать* — *дам*.

Основная форма повелительного наклонения, выражая обращение к «собеседнику», естественно, должна связываться со значением 2-го лица. Это значение ей, действительно, присуще, хотя и в очень осложненном и несколько завуалированном виде. «Форма единственного числа повелительного наклонения (*иди*, *стань*, *делай*), — писал А. М. Пешков кий, — отличается такой универсальностью в отношении лица и числа, что с трудом можно здесь говорить, как это говорится обычно, о формах 2-го лица единственного числа»⁴⁰⁵. Задолго до Пешковского Н. П. Некрасов в работе «О значении форм русского глагола» называл эту форму «общей личной формой глагола в русском языке»⁴⁰⁶. Формой на *-и* (или на *-j*, *-ь*), замечал Некрасов, «не обозначается никакого определенного лица и, следовательно, никакого определенного числа... Ею обозначается *возможность* определяться лицом»⁴⁰⁷. При ее посредстве «глагол и без особенной формы относится ко всякому лицу или предмету как лицу второму, будь это одно или даже несколько лиц».

А еще раньше Н. П. Некрасова тот же взгляд на эту форму императива развивался Г. П. Павским и М. Катковым: «Справедливо замечает Павский, что здесь *-и* нисколько не служит к выражению 2-го лица. *Прочти*, *делай* относится равно ко всем лицам (ибо *и* — знак наклонения, а не лица), и если мы, в своих грамматиках, приписываем сию форму исключительно 2-му лицу, то в этом, конечно, наша же вина, а не вина языка», — писал М. Н. Катков^{*08\}

Значение 2-го лица в форме повелительного наклонения определяется лишь интонацией и отсутствием указаний на иное действующее лицо. Между тем эта форма может сочетаться и с существительными в качестве субъектов действия, получая значение 3-го лица, и может употребляться в неопределенно-личном значении. Известно, что до 20 — 30-х годов XIX в. в русском литературном языке способность этой формы относиться к 3-му лицу была гораздо активнее и шире. В современном языке употребление этой формы в значении 3-го лица живо, хотя и непродуктивно.

* Г. Павский писал: «Повелительное наклонение с окончанием *-и* (*о*, *й*) у нас обыкновенно называют 2-м лицом единственного числа. Если это 2-е лицо единственного числа, то как же мы говорим: *осмелся он взять*; *сделай это я*, *сделай это мы*; *тронь они нас*, *мы найдем расправу и т. п.*? <...> Гений нашего языка позволил нам употреблять повелительное наклонение с окончанием *-и* в разных лицах обоих чисел по той причине, что *-и* не есть знак 2-го лица, а только знак наклонения»⁴⁰⁹.

Спи, кто может, я спать не могу. (Некрасов)

Ах! тот *скажи* любви конец, Кто на три года вдаль уедет

(Грибоедов, «Гоге от ума»)

«*Пропадай* моя телега, все четыре колеса!»; «*Не приведи* бог служить по ученой части» (Гоголь, «Ревизор»); «*Провались* унтер-офицерша — мне не до нее» (Гоголь, «Ревизор»); «Что ты говоришь! *Отсохни* твой язык!» — сердилась бабушка» (Горький); «Какого туману напустил! *Разбери*, кто хочет!» (Гоголь, «Ревизор»); «Если он хотел мне высказать, то и *говори* прямо, а не пророчь сумбур туманный» (Достоевский, «Подросток») «И никто, никто *не смей* приходить судить меня ко мне в дом и считать меня за младенца» (там же). Ср.: «Да и лучше *поди* ночью на Николаевскую дорогу, *положи* голову на рельсы, вот и оттяпали бы ее ему, коли тяжело стало носить» (там же). Ср.: «Ну, я допускаю, *руби* леса из нужды, но зачем истреблять их?» (Чехов, «Дядя Ваня»). Ср.: «Да, *спрашивай* ты толку у зверей» (Крылов). Ср.: «*Провались* они все» (Боборыкин, «Василий Теркин»).

Однако легко заметить, что в форме повелительного наклонения при употреблении ее не со значением 2-го лица преобладают модальные оттенки пожелания, заклинания, допущения, долженствования *. Таким образом, здесь происходит как бы перенос формы повелительного наклонения в сферу значений наклонения желательного. С исторической точки зрения, может быть, было бы правильное видеть в таком употреблении формы повелительного наклонения следы и пережитки ее древних значений**, связанные с происхождением ее из опатива (желательного наклонения).

Ср. употребление формы повелительного наклонения (со следующим за нею обозначением лица) в значении условного наклонения: «*И будь* не я, коптел бы ты в Твери» («Горе от ума»); «Ну, *захоти* я, например, да у меня просто ноги не поднимутся. Ну, *сделай* я антраша,— не сделаю ни за что» (Гоголь); «*Умри* кто-нибудь из маленьких, мы не стали бы тебя беспокоить» (Чехов, «Оратор») и т. п.

В русском языке, замечал А. А. Потемня, употребительно также «повелительное единственного числа в пожеланиях, обращенных к самому себе, исполнение коих поставлено в зависимость от условия: *будь я проклят, если...; провались я, если...*»⁴¹⁰.

Применение же основной формы повелительного наклонения ко 2-му лицу множественного числа («*Прощай*, хозяйские горшки» — Крылов, «Обоз») сопровождается резким изменением, фамильярным огрублением экспрессии. 2-е лицо множественного числа здесь понимается как недифференцированная масса, как собирательное множество, поставленное к говорящему лицу в отношение если не подчинения, то, во всяком случае, повиновения.

Например: «Я затыну, а вы не *отставай*» (Крылов); «Нечего делать, *ломай* дверь, ребята» (Н. Чернышевский, «Что делать?»); «*Берись* по двое. Рычаг *давай* сюда!» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Пожарные, *лей!*» (Чехов, «Брожение умов»).

* Ср. у Пушкина в «Полтаве»:

Ах, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены.
Тот стой один перед грозою,
Не призывай к себе жены.

** Ср. указания на более широкое употребление формы императива единственного числа в значении 3-го лица в древнерусском языке у Л. А. Бу паховского^{409а}

Итак, при сохранении императивной интонации и при отсутствии дополнительных указаний на другие лица значение 2-го лица единственного числа в современном языке неотделимо от основной формы повелительного наклонения. Это коренное и главное значение повелительной формы. Только устранение повелительной интонации делает из этой формы форму иных личных значений и иного наклонения (ср. *Ты веселишься, а я - сяди дома да пиши*).

А. А. Потебня держался того же мнения. Он возражал Н. П. Некрасову: «Отвлекаясь от того, что под одними и теми же звуками скрываются две формы повелительного 2-го и 3-го лица единственного числа, и принимая это за одну форму, можем сказать, что эта форма не есть ни общая для всех лиц повелительного наклонения, ни тем менее общая личная форма глагола без наклонения. Для 1-го лица единственного и множественного числа она служит только в ограниченном значении пожелания, а не прямого повеления, непременно с местоимением 1-го лица, следующим за нею. Для 2-го и 3-го лица множественного форма эта употребительна в русском и литературном, но так, что каждый раз заметно основное значение единственного числа»⁴¹¹.

Большая часть других, производных форм повелительного наклонения отличается от форм изъявительного наклонения своим агглютинативным строем, а некоторые формы императива образуются по методу анализа.

Прием агглютинации, приклеивания морфем передается даже таким междометным образованием императивного типа: *на-ка, на-те, ну-те-ка, полноте* и т. п.

В строе повелительного наклонения эти агглютинируемые морфемы образуют систему своеобразных грамматических соотношений и противопоставлений. Прежде всего, ими определяются различия форм числа. Аффикс *-те*, приклеиваясь к основной форме повелительного наклонения (*ешь, ешьте*), придает ей значение 2-го лица множественного числа. Форма на *-те* обозначает направленность приказания или убеждения к нескольким лицам или к одному, но с экспрессивным оттенком вежливого, уважительного изъявления воли. Аффикс *-те* приклеивается и к другой форме повелительного наклонения, совпадающей с формой 1-го лица множественного числа будущего времени, но резко отличающейся от нее повелительной интонацией и своеобразным значением лица. Формы *пойдем, посмотрим* и т. п. обозначают исходящий от говорящего лица призыв к соучастию в действии, побуждение к совместному действию. Это формы синкретического «двойственного», т. е. совокупного 1-го и 2-го лица единственного числа (ср. *мы с тобой*), формы совместного действия. Говорящее лицо не только изъявляет свою волю собеседнику, но и само «включается» в действие. Некоторые западноевропейские лингвисты, а за ними и русские грамматисты склонны были рассматривать эту форму как форму 1-го лица единственного числа.

Но гораздо обоснованнее старая точка зрения Буслаева, который указывал на то, что при соучастию в действии разных лиц, например 1-го и 2-го лица, 2-го и 3-го лица, «полагается глагол во множественном числе и в преимуществующем лице», и так характеризовал эти формы повелительного наклонения: «Совокупное действие 1-го лица со 2-м единственного числа означает повелительными формами: *пойдем, скажем* и пр.; и со 2-м лицом множественного числа — формами: *пойдем-те, скажем-те*. Первые соответствуют двойственному числу, а вторые — множественному. Поэтому из вежливости двойственное изменяется на множественное, например, вместо *пойдем* (т. е. я и ты) говорится *пойдем-те* (т. е. я и вы)»⁴¹²

* Ср. у К. С. Аксакова в «Критическом разборе» буслаевской грамматики: «В этой форме *идемте* есть элемент 2-го лица; но в форме 1-го лица *идем* есть тоже элемент 2-го лица... *Пойдем-те* значит: *пойдем-иы*»⁴¹³.

Итак, агглютинация окончания *-те* придает значение множественного числа и совместной форме: *пойдем, скажем* и т. п. Уже А. М. Пешковский подчеркивал, что *-те* — «это не обычный для русского языка аффикс, а скорее «надставка» агглютинативного типа... поэтому грамматическая функция его максимально я в с т в е н н а в русской грамматической системе»⁴¹⁴.

Элементы агглютинативного строя обнаруживаются и в других особенностях повелительного наклонения. Так, частица *-ка*, приклеиваясь к формам повелительного наклонения, придает волеизъявлению смягченный характер, интимную или фамильярную окраску: *пойдем ка*; «*скажи-ка, дядя*»; *пойдемте-ка* и т. п. Ср. у Пушкина:

...моя хозяйка

Была пригожа и добра,

А муж-то помер, замечай-ка.

(Приклеиваясь же к форме будущего совершенного 1-го лица, произносимой с особой экспрессивной интонацией, частица *-ка* придает ей значение решимости, твердого желания что-нибудь сделать: *Пойду-ка я домой*.)⁴¹⁵

В строе повелительного наклонения рельефнее выступают, как бы подчеркиваются своеобразия агглютинации возвратного аффикса *-ся (-сь)* (ср. *двигай-те-сь-ка поскорее*). Агглютинация здесь выделена фонетически (ср. произношение повелительного наклонения: *забуть'-с'а* или *забуть'-са* при инфинитиве *забытьца* или императива: *н'ат'-с'а* при 3-м лице множественного настоящего времени *толпятца*; ср. сохранение смягченного согласного основы — даже при твердом произношении с *-са (-ся)* в формах повелительно* го наклонения: *красься, оденься, жарься, не упрямься, приспособься* и т. п. (ср. также сохранение смягченной губной фонемы *ь* основах форм на *-те: 'сыпьте, готовьте*).

Итак, повелительное наклонение выделяется из системы других наклонений яркими чертами агглютинативного строя. Принцип агглютинации дает себя знать и в кругу установившихся аналитических форм повелительного наклонения, тоже связанных с интонацией побуждения и призыва ко 2-му лицу. Дело в том, что побуждение к действию, адресованное к 3-му лицу, резко отличается по интонации, по экспрессивным оттенкам и по способу выражения от императивных форм в собственном смысле. Побуждение к действию, адресованное 3-му лицу, к объекту речи, всегда содержит в себе экспрессивные оттенки допущения, разрешения, запрета или даже пожелания, выражаемые с помощью модальных частиц.

Формы этого типа — аналитические, составные (*пусть читает; пусть читают*; «пускай меня ославят старовером»; «да здравствует разум, да скроется тьма!»). Понятно, что в этом кругу модальных форм принцип агглютинации не может проявиться в полной мере (ср. *пусть его читает!*). Напротив, для выражения побуждения собеседника к соучастию в действии образуются такие составные формы, в которых легко сочетаются методы аналитического и агглютинативного формообразования. Именно: императивное значение побуждения или приглашения к совместному действию в разговорной речи нередко выражается экспрессивно-модальной частицей *давай* (форма множественного числа — *давайте*): *давай решать* (нейтрально-литературный синоним: *будем решать*), *давайте решать* (*будемте решать*); в системе совершенного вида: *давай решим* (более нейтральный и более рассудочный синоним: *решим*), *давайте решим* (*решимте*).

Кроме особенностей морфологического строя повелительное наклонение отличается экспрессивностью, эффективностью своих грамматических значений. В категории повелительного наклонения экспрессивные смысловые оттенки господствуют над отвлеченными, интеллектуальными значениями

форм. Даже личные местоимения, присоединяясь к формам повелительного наклонения, выражают различия в их экспрессивных оттенках. Именно: примыкая спереди к форме повелительного наклонения, они усиливают категоричность приказания, совета, побуждения; присоединяясь сзади (если нет оттенка заклинания, брани или пожелания), смягчают тон приказания. Ср., например: «Ты у меня *пикни* только» (Островский, «Бедность не порок»); «А вы лучше *признайтесь* чистосердечно» (Сологуб, «Мелкий бес»); «*Не сокрушай* ты меня, старуху» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «О, я прошу тебя: *не мучь* ты меня по-прежнему пустыми сомнениями и притворной холодностью» (Лермонтов, «Герой нашего времени»). Ср. в «Грозе» Островского: «К городничему мужички пришли жаловаться, что он ни одного из них путем не разочтет. Городничий и стал ему говорить: «Послушай, говорит, Савел Про-кофьич, *рассчитывай* ты мужиков хорошенько. Каждый день ко мне с жалобой ходят». Или у Достоевского: «*Убирайся* ты от меня!» — взвизгнула она, быстро отвернувшись и махнув на меня рукой» («Подросток»). Ср.: «Хоть *провалитесь* вы все сквозь землю» («Подросток»); «Матушка, Марья Васильевна, *заступитесь, пощадите хоть вы*» (Тургенев, «Одюдворец Овсяников»).

Впрочем, местоимения *ты* и *вы* (особенно *ты*) чаще всего ставятся при формах повелительного наклонения в тех случаях, когда от глагола зависит прямой или косвенный объект, выраженный формами местоимения 1-го или 3-го лица. Например: *ты скамей ему, ты удержи его от этого решения* и т. п.

Кроме того, необходимо заметить, что при соотносительности императивного предложения с другим употребление местоимений *ты* и *вы* в сочетании с формами повелительного наклонения может выражать и другие значения: оно нередко вызывается чисто синтаксическими условиями (логическим расчленением, параллелизмом конструкций и т. п.). Например: «Ну вот, коль ты — умен, так ты его прежде учтивости поучи» (Островский); у Тургенева в «Рудине»: «Я к тебе еще приду, а ты не унывай и лекарство принимай аккуратно».

Даже видовые различия повелительного наклонения служат средством выражения экспрессивных оттенков. Императив несовершенного вида более конкретен. В нем волевой акт прямее и непосредственнее направлен на самый процесс. «Нет, уж я теперь каждый кустик огляжу.— *Оглядывайте*» (Островский, «Воспитанница»). Поэтому обычно повелительное наклонение несовершенного вида выражает волеизъявление в более прямой, фамильярной форме, чем императив совершенного вида⁴¹⁶. Г. К. Ульянов заметил: «Формы от длительных основ (т. е. формы несов. вида. — *В. В.*) выражают или немедленность исполнения требования, или решительность требования»⁴¹⁷. Просьба же или приказание, выраженные формой повелительного наклонения совершенного вида, большей частью представляются менее произвольными и вследствие этого более мягкими. Экспрессивная окраска императива несовершенного вида видна в таких примерах: «Ну, *бери* меня с собой, *бери*!» (Островский, «Гроза»); «Эй ты, эфиопская рожа! — *закричал* он.— Сейчас *слезай*, если не хочешь, чтобы тебя стащили в грязь» (Тургенев, «Конец Чертоп-ханова»); «И я бы, признаюсь, больше бы ничего не требовал, как только *оказывай* мне преданность и уважение, уважение и преданность» (Гоголь, «Ревизор»); «Одевайся, *пойдем* ко мне» (Гончаров, «Обломов»). Ср. значения форм *говори* и *скажи* («Да *говори* же, наконец, — тебя я спрашиваю» — Тургенев, «Нахлебник»; ср.: *скамей, пожалупства*); *решай задачу* и *реши задачу*; *подметай комнату* и *подмести комнату*; ср.: «Так *пойди же, попляши*» (Крылов); «А то вскочит и *закричит*: «*Пляши, народ божий, на свою потеху и мое утешение. Ну, ты и пляши, хоть умирай, а пляши*» (Тургенев, «Одюдворец Овсяников»).

Однако экспрессивные оттенки видовых значений в формах повелительного наклонения могут резко измениться, почти до полной противоположности. Так как в форме совершенного вида приказание направлено на результат, то при соответствующей ситуации и при соответствующем взаимоотношении лиц эта форма повелительного наклонения иногда звучит более категорично и безапелляционно как призыв к безусловному и безоговорочному исполнению.

Напротив, так как форма повелительного наклонения несовершенного вида включает в себе приказание или убеждение сделать что-нибудь безотносительно к достижению цели, независимо от осуществления результата, то при соответствующей экспрессии она может звучать более вежливо и мягко. Например: *кланяйтесь* (ср. *поклонитесь*); *приходите к нам в гости* (ср. *придите в среду*); *садись* (ср. *сядь*) и т. п.* Ср. новое разг.: *передавай (-те) привет* вместо *передай(-те) привет*.

Экспрессивные оттенки, связанные с различием видовых форм, отражаются и в значениях модальных частиц *пусть* и *пускай*. *Пусть* выражает волю более решительную, крепко и повелительно. *Пускай* означает скорее допущение, позволение⁴¹⁹. Ср. у Островского в пьесе «Зачем пойдешь, то и найдешь»: «А он, пожалуй, подумает, что ты в него влюблена.— *Пускай* его думает, убытку-то мне немного». Ср. у Тургенева в «Дворянском гнезде»: «*Пусть* же *вытрезвит* меня здесь скука, *пусть* *успокоит* меня, *подготовит* к тому, чтобы я умел не спеша делать дело».

Императивные слова, приобретающие полу вспомогательное, значение, вроде *смотри*, также имеют различный смысл в сочетании с формами совершенного и несовершенного вида. При форме повелительного наклонения несовершенного вида *смотри* обозначает усиление приказа, требование сосредоточить внимание на исполнении действия: *Да смотри, учись лучше*. При форме повелительного наклонения совершенного вида *смотри* выражает только усиленное предостережение: *Смотри, не проговоришься*.

Отрицание вносит новые экспрессивные оттенки в систему повелительного наклонения. Собственно запрет может быть выражен лишь формой несовершенного вида с отрицанием *не*. Например *Не ходи туда!*; «*Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной*» (Пушкин).

Отрицание *не* при форме совершенного вида придает повелительному наклонению оттенок предостережения (ср.: *не подай* и *не упади*; *не простужайся* и *не простудись*; *не садись, тут мокро* и *не сядь на мокрое* и т. п.). Иногда, как уже сказано, присоединяются в этом случае императивные «частицы»: *смотри, смотрите*: «Вот здесь поставь, да *не разбей смотри*» (Тургенев, «Нахлебник»). Однако и здесь экспрессия тона может вызвать резкие изменения в смысле. Оттенка предостережения нет в таком предложении у Крылова: «*Степанушка, родной, не выдай, милый!*»

§ 64. Употребление форм повелительного наклонения с другими модальными значениями

В русском языке основная форма повелительного наклонения, свободная от императивной интонации, выходит далеко за пределы императивных синтаксических конструкций. Сочетаясь с личными местоимениями и существительными в именительном падеже, в некоторых синтаксических условиях она выражает разнообразные модальные значения, близкие к кругу значений условно-желательного наклонения.

• Часто, как отмечает проф. А. Мазон, эта экспрессия императива несовершенного вида грамматистами обобщается, и императив несовершенного вида рассматривается только как форма вежливого приказа⁴¹⁸;

По мнению И. Ф. Анненского, «наблюдение над фактами (народной.— В. В.) речи могло бы установить некоторые ступени между повелительным в главном и повелительным в придаточном. Оттенок условности можно найти тоже в таком былинном сочетании предложений, как:

Ай-же Солнышко да Владимир князь, да стольно-Киевской!

А *спусти* меня да во чисто поле.

А *съезжу* сыщу я как старого казака да Илью Муромца»⁴²⁰.

Большинство грамматистов уже давно находило в многообразии значений и употребления повелительного наклонения пережиток его старинной связи с желательным наклонением. Известно ведь, что формы славянского повелительного наклонения восходят к древнему желательному наклонению, способному выражать не только желание, но и приказание и даже условие⁴²¹.

М. Н. Катков писал: «Этим мнимым повелительным наклонением можем выражать мы то, на что римлянин употреблял свой *modum conjunctivum*: не только наше *читай* однозначно латинскому *legas*, но и выражение *si le-gissem, -s, -t; fecissem, -s, -t* можем мы удобно передать одним словом: *прочти, сделай* — я, ты, он, мы, они. Следующее Цицероново предложение: *Si Neptunus, quod Theseo promiserat, non fecisset, Theseus filio Hippolyto non esset orba-tus* — можно с точностью передать так по-русски: *Не исполни Нептун своего обещания Тезею, не лишился бы Тезей сына Иннолита*»⁴²².

Но А. А. Потебня указывал на возможность выведения всех переносных значений императивных форм из значения повелительности: «Другие модальные значения рассматриваемых форм представляются (или изображаются) их повелительным значением». Так, «сходство между наклонениями условным и повелительным состоит в том, что оба они, в противоположность изъявительному, выражают не действительное событие, а идеальное, т. е. представляемое существующим только в мысли говорящего»⁴²³.

Таким образом, форма повелительного наклонения служит средством выражения подчинительной связи преимущественно в условных и уступительных конструкциях, придавая особый модальный оттенок высказыванию. Например: «Да отсюда, хоть три года *скачи*, ни до какого государства не доедешь» (Гоголь, «Ревизор»); «*Подай* я вам милостыню, — сказала она вдруг твердо,—и вы отомстите мне за нее потом еще пуще» (Достоевский, «Подросток»); «Дурака хоть наверху *поставь*, хоть внизу — все равно» (Чехов, «Господа обыватели»); «*Не будь*, с одной стороны, катаний на лодках, *не будь*, портних с талиями и т. п., *а будь* моя жена одета в нескладный капот и *сиди* она дома, *а будь* я, с другой стороны, в нормальных условиях человек, поглощающий пицци столько, сколько нужно для работы, и *будь* у меня спасительный клапан открыт, а то он случайно прикрывался как-то на это время,—я бы не влюбился» (Л. Толстой, «Крейцера соната»); «Ну, *ударь* теперь мороз — озими все пропадут»; «Только *хрустни* в лесу ветка, *зашуриши* листья, так весь и затрясешься от страха» (Л. Толстой, «Отчего зло на свете»); «*А попроси* у нее взаймы, она станет плакать» (Чехов, «Чайка»). К этой сфере употребления императивной формы в условно-уступительном значении примыкает также тип уступительно- или условно-противительных высказываний. Например:

Про жизнь пустынную как сладко *ни пиши*, А в одиночестве способен жить не всякий.

(Крылов)

Следует отметить возможность безличного употребления той же формы глагола и в той же функции: «*Случись* тут волку быть, и овца пропала бы». Это симптом того, что в этих конструкциях складывается особое наклонение,

которое, подобно сослагательному, принимает на себя функцию выражения зависимых синтаксических отношений между «предложениями».

Однако основная форма повелительного наклонения употребляется не только в зависимых синтаксических сочетаниях. Форма повелительного наклонения от основ несовершенного вида (а при некоторых синтаксических условиях и от основ совершенного вида) может быть предикатом любого личного или неопределенно-личного предложения с особым оттенком модальности. Она обозначает действие, навязанное субъекту против его воли, предписанное ему как его обязанность. С этой формой связан оттенок негодования и протеста. Значение времени этой форме глагола чуждо. Оно вытекает из времени соотносительного предложения, из синтаксического контекста.

Например: «Путают, путают, а я *распутывай*, — сердито сказал он, думая о кознях, которые строят ему враги» (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»); «Она жадная, ей все *давай*» (там же); «Девушка платок уронила — ты *поднимай*, она входит — ты *вставай* и *давай* ей свой стул, уходит — ты *провожай*» (Чехов, «Женское счастье»); «Посуда, окна, домашние *не попадайся*: поколотит» (Писемский, «Тысяча душ»); «Вот вы грешите, а начальство за вас *отвечай*» (Слепцов); «У нас никто и пикнуть *не смей* о жалованье, изругает на чем свет стоит» (Островский, «Гроза»); «Ты не поверишь, как я измучился с ним. Спорит, грубиянит, а дела *не спрашивай*» (Гончаров).

Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Господах Головлевых» (в речи Арины Петровны о предстоящем освобождении крестьян): «Теперь у меня и капуста и картофельцу и хлеба — всего довольно, ну, и питаемся понемногу: карто-фельцу нет — велишь капустки сварить; капустки нет — огурчиками извернешься! А ведь тогда я сама за всем на базар *побеги*, да за все денежки *заплати*, да *купи*, да *подай*, — где на этакую ораву напасешься?»

Быть может, в этом употреблении императивной формы следует видеть переходные, гибридные случаи, примыкающие к системе повелительного наклонения. Но зато уже нет никакой возможности для живого языкового сознания связывать с современным повелительным наклонением омонимическую форму прошедшего времени совершенного вида, выражающую мгновенно-произвольное действие (*он и скамей*).

§ 65. Эмбрион особого, волюнтаривного наклонения

В форме прошедшего времени совершенного вида, омонимической с формой повелительного наклонения, намечается новый тип глагольного наклонения, которое можно назвать наклонением волюнтаривным (или волевым). Это наклонение близко к изъявительному, но отличается от него яркой модальной окраской. Выражаемая волюнтаривным наклонением связь действия с его производителем носит резкую печать субъективной оценки этой связи со стороны говорящего лица. Эта связь изображается как немотивированная, внезапная, произвольная. Яркая модальная окраска этой формы прошедшего времени мгновенно-произвольного действия резко отделяет ее от системы изъявительного наклонения (впрочем, ср. форму будущего совершенного с *как*: «А Ефрем вошел в лес, да вырезал себе дерево, эдак перста в два, да *как выскочит* опять на дорогу...» — Тургенев, «Поездка з Полесье»). Но еще дальше по своим значениям эта форма отстоит от повелительного наклонения.

Резкая грань между повелительным наклонением и волюнтаривным обнаруживается и в том, что форма 2-го лица волюнтаривного наклонения в повествовательном стиле не употребляется (2-е лицо возможно лишь в вопросительном предложении: *А ты пойд и скамей!*?)⁴²⁴. Ограничение употребления формы 2-го лица волюнтаривного наклонения диктуется не только необходимостью формального размежевания с повелительным наклонением, но оно

вытекает и из модальных значений самой категории волюнтатива. Оттенок произвольности, полной независимости от чужой воли, свойственный этому наклонению, не сочетается со значением формы 2-го лица*.

Форма волюнтатива, как сказано, обозначает действие прошедшее, стремительное, мгновенное, представляющееся внезапным, немотивированным актом воли действующего лица.

Например: «Вдруг *приглянись* мне девушка, ах, да какая же девушка была, красавица, умница, а уж какая добрая!» (Тургенев, «Петр Петрович Каратаев»); «Да вдруг нелегкая ее *дерни* сходить в баню» (Тургенев, «Холостяк»); «И *соберись* они ночным делом, картежники-то» (Л. Толстой); «Только вдруг она как *поскользнулась*, да навзничь, да и *переломи* себе ногу» (Тургенев).

Как указано А. А. Шахматовым и Стендер-Петерсенем, к области волюнтатива примыкает употребление так называемых «междометных форм глагола», а также аналитических конструкций с формальным глаголом *взять* {*взять и, взять да*; см. ниже).

По-видимому, близки к волюнтативу повествовательные обороты, состоящие из модальной частицы *давай* с инфинитивом несовершенного вида. Сочетанием инфинитива с *давай* выражается быстрый, немотивированный приступ к действию. «Сели вместе за стол и *давай пить*» (Афанасьев, «Народные сказки»).

§ 66. Условно-желательное и сослагательное наклонение

В отличие от волюнтативного наклонения и подобно повелительному наклонению, категория четвертого — «предположительного», «гипотетического», или (чтобы не отступать от традиционной терминологии) условного, наклонения связана лишь с формами вида, но не имеет форм времени. Тут аналитические приемы глагольного формообразования выступают с полной очевидностью (я *потерял бы, ты услышал бы, он пришел бы в восторг* и т. п.) **, но тут нет полной агглютинации. Частица-морфема *бы* может отделяться от форм на -л. Она стремится следовать непосредственно за первым словом фразы, вступая в агглютинативные связи с союзами (ср.: *если бы, чтобы, дабы, кабы, лишь бы* и др.). В связи с этим развивается многообразие синтаксических форм и функций гипотетического наклонения (ср. разговорную фразу: *Сын-то мой и хорошо бы учился, да только часто хворает*). Морфема-частица *бы* как формальный знак ирреальности и гипотетичности сочетается и с неличными формами глагола, даже (очень редко) с причастиями и деепричастиями (ср., например, у Гоголя в «Мертвых душах»: «Спит ум, может быть обретший *бы* внезапный родник великих средств»)***. Она вступает в связь и с формами из категорий состояния (ср. *хорошо бы...*) Больше того: частица *бы* и независимо от связи с глаголом и категорией состояния может выражать модальность высказывания. Например:

Когда б не смутное влеченье Чего-то жаждающей души, Я здесь остался б, — наслажденье Вкушать в неведомой тиши (Пушкин)

* Проф. А. Мазон констатировал в этой форме лишь оттенок неожиданности и ~~непредвиденности~~. Но этого мало⁴²⁵.

** И. И. Давыдов в «Опыте общесравнительной грамматики» сопоставлял русское «сослагательное наклонение» как аналитическую форму с английским: «В английском языке также сослагательное наклонение заменяется прибавкой к глаголу слов / *may, I shall*»⁴²⁶. *** Другие примеры см. у Д. Н. Кудрявского во «Введении в языкознание».

О сочетаниях *бы* с инфинитивом, конечно, и напоминать не приходится. Инфинитив свободно принимает на себя функции всех четырех наклонений, однако с резкими различиями в отношении к действующему лицу. Ср., например, употребление «гипотетического» инфинитива: «Тебе бы все душисть да резать» (Пушкин, «Капитанская дочка»); *не попасть бы вам впросак; как бы еще не промахнуться!*; *если бы закрыть окно, было бы душно* и т. п. Ср.: «Если бы снять с груди и плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое» (Чехов, «Вишневый сад»).

А. А. Потенция и затем А. А. Шахматов очеь убедительно показали, что в одной и той же аналитической форме, составленной из глагольной формы на -л и частицы *бы*, объединены, в сущности, значения трех разных наклонений: 1) условного, 2) желательного и 3) (сравнительно в немногих конструкциях) сослагательного. Подробный анализ форм и функций всех этих наклонений — дело синтаксиса⁴²⁷.

Вот примеры условного и желательного наклонения: «Будь я характером посolidнее, моя Даша давно *бы* уже *была* замужем» (Чехов, «В бане»); «Добро *бы* я *был* еще его другом: коварная нескромность истинного друга понятна каждому...» (Лермонтов); «Да, пожалуй, я *поел бы* и *утки*» (Чехов, «Сирена»); «Тогда, быть может, я ничего *не увидел бы*■.; и волосы мои *не стали бы* дыбом» (Чехов, «Страшная ночь»); «Хоть *бы* травка, хоть *бы* листок на дереве *шелохнулся*» (Писемский, «Тысяча душ»); «Нет, я *бы* на это *не решился*» (Крылов, «Орел и паук»); «*Провалился бы* ты со своим почтением» (Гоголь, «Женитьба»); «Скажите, господа, сделайте милость, *чтобы* Петр Иванович *не мешал*» (Гоголь); «Вы говорите, что это безобразно! Хорошо! Тогда *чтоб* и мужчина *не имел* этих прав» (Л. Толстой, «Крейцера соната»).

В качестве сослагательного наклонения формы, вроде *я писал бы, я написал бы*, выступают редко. Эти формы «приняли \ а себя функции недостающего в славянских языках сослагательного наклонения во всех тех случаях, где язык ощущает потребность в выражении последнего, например: *не думаю, чтобы он был здесь* — *je ne crois pas, qu'il soit ici*. Потому в русской грамматике сослагательное *н а к л о н е н и е* следует считать только синтаксическим термином, удобным для немногословного различения особой функции формы *irealis*», — писал Л. П. Размусен⁴²⁸.

Например: «Никто не мог сказать, *чтобы* когда-нибудь *видел* его на каком-нибудь вечере» (Гоголь).

В этой связи необходимо вспомнить уже цитированные выше (§61) замечания Потенции о границах употребления сослагательного наклонения в русском языке.

§ 67. Модальные формы глагола, не входящие в систему основных наклонений

Многие модальные оттенки высказываний, находящие себе аналитическое выражение в глагольных конструкциях, выходят за пределы основных наклонений глагола. Таков очень характерный, близкий к волюнтаривному наклонению модальный оттенок произвольного действия, действия, всецело обусловленного личной прихотью субъекта, его произволом. Этот оттенок вносится посредством препозитивного употребления вспомогательного глагола *взять* (обычно с последующими союзами *и, да, да и*), согласуемого в формах лица, числа и времени с основным глаголом.

Например: «Положил я его на стол, *чтобы* ему операцию делать, а он *возьми и умри* у меня под хлороформом» (Чехов, «Дядя Ваня»); «А что, как я, в самом деле, *возьму да женюсь* на ней?» (Чернышевский, «Что делать?»); «*Взяла да и выдумала*, и не то *чтоб* из легкомыслия, для одной похвальбы...»

(Достоевский, «Преступление и наказание»). Ср. у Тургенева в «Трех встречах»: « — Да отчего это он удавился?.. Да как это он сделал? — Да так. *Взял да удавился*». У Л. Толстого в рассказе Федьки о Туле: «Тотчас я проснулся и вижу: все спят, я *взял и заснул*»⁴²⁹.

Но сравните свободную связь элементов и отсутствие у них согласования в формах времени в употреблении этой конструкции у Вельмана: «Ты думаешь, что я *взяла, да так тебя и отдам* графу?.. да мне будь он хоть раз-граф...» (Вельман, «Приключения, почерпнутые из моря житейского»).

Новые оттенки модальности предложения все чаще выражаются аналитически — сочетанием слов. Формы наклонения глагола притягивают к себе группы «модальных» слов и частиц, которые обращаются в побочных грамматических выразителей модальности предложений. Изучение всего многообразия этих лексико-грамматических выражений модальности — основная задача синтаксиса предложения. Но, кроме того, расширяются и морфологические возможности переносного употребления самих глагольных наклонений. На помощь разным формам глагольных наклонений привлекается инфинитив.

§ 68. Модальные значения инфинитива

Так как инфинитив потенциально содержит в себе отношение к лицу, то возможны модальные употребления его в функции всех основных наклонений глагола.

Как известно, инфинитив чаще всего сочетается с глаголами, лексические значения которых однородны или с видовыми, или модальными значениями (ср., например: *я не мог понять; он намерен уехать в отпуск; ты хотел зайти; мы пытались его остановить* и т. п.). Инфинитив в сочетании с глаголами модальной окраски выражает прежде всего многообразие и богатство модальных значений, выражаемых обычно формами косвенных наклонений⁴³⟨⟩. Конечно, случаи объектного употребления инфинитива при этом остаются в стороне. Например, у Л. Толстого: «Старуха встала и собрала себе *ужинать*» («Поликушка»); «Войска, варящие себе *есть* два раза в день...» («Война и мир»); у Горького: «Нет, вот что — купи мне *есть*».

Но кроме того, инфинитив приобретает все более широкие права экспрессивного, переносного замещения личных форм глагола. Так, намечающийся отход форм повелительного наклонения в сферу междометия возмещается развитием императивных оттенков у инфинитива. Инфинитив не только обозначает безапелляционный приказ, категорическое постановление, распоряжение: «*Уволить!*»; «*Срочно исполнить!*»; «*У меня на пол не плевать!*» (Слепцов, «Сцены в больнице»); «*Отнести* ее вон,—проговорила изменившимся голосом старуха.— Скверная собачонка!» (Тургенев, «Муму»); «*Это вас не касается, — молчать!* — крикнул офицер, вставая» (Горький, «Мать»); «*А вы стоять* на крыльце и ни с места» (Гоголь, «Ревизор»), но и выражает обязательность действия, роковую его неизбежность, неотложную потребность в нем, необходимость его наступления, волю к его отрицанию, как бы запрет на действие. Например: «*Пить!* Прежде всего пить студеную, оживляющую влагу» (Сейфуллина). Ср.: «*Не бывать* тому, пока я жив, *не бывать, не бывать*» (Достоевский, «Преступление и наказание»); «*Быть* грозе великой» (Пушкин, «Борис Годунов»).

Параллельно развивается употребление инфинитива для выражения субъективного оттенка нерешительности, сомнения, недоумения, эмоциональных колебаний или для выражения сознания бесцельности действия: «*Что же делать*, если обманула та мечта, как всякая мечта?» (Блок); «*Пошли и они — не оставаться* же на корабле вечно» (Короленко); «*И к чему же, за что себя убивать!*» (Чехов, «Мститель»). Изучение экспрессивно-модального

употребления инфинитива неотделимо от наблюдений над различиями интонационной структуры соответствующих конструкций.

Инфинитив легко принимает на себя и функции условно-желательного наклонения, например: «Вам хоть *бы* концерты *давать*» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «*Покурить бы* теперь...» (М. Горький, «Емельян Пиляй»); «Ехать *бы* нам» (Чехов, «Вишневый сад»); «Одну минуту, еще одну минуту *видеть* ее, *проститься*, *пожать* ее руку» (Лермонтов, «Княжна Мери»); *Вздремнуть бы* \ Он выступает и в роли изъявительного наклонения со своеобразными экспрессивными оттенками. Так, инфинитив несовершенного вида употребляется в значении прошедшего времени с интенсивно-начинательным оттенком, например: *А он — бежать*; *Дрозд горевать, дрозд тосковать*.

В народных пословицах инфинитив нередко сочетается непосредственно с обозначением субъекта, особенно в противительных словосочетаниях. Например: *Люди пировать, а мы горевать*; *Люди молотить, а он замки колотить*; *Муж: в поле пахать, а жена руками махать*; *Муж: зевать, а жена спать*.

Противопоставленные здесь действия не прикреплены ни к какому определенному времени. Они осознаются как обычае и как взаимообусловленные, как параллельно возникающие и протекающие. П. Глаголевский правильно отмечал, что здесь речь идет не всегда о начале действия и, во всяком случае, не только о начале действия, но и «о самом действии, понимаемом под единственным условием напряженности или продолжительности»⁴³¹.

Сюда примыкает разговорное употребление инфинитива с частицами *ну, давай* с явственными оттенками волюнтаривного наклонения (*а он ну кричать*).

Применение инфинитива в функциях изъявительного (ср., например, в предложениях: «*Не сносить* тебе головы»; «*Взглянуть*, как треснул он — грудью или в бок» — Грибоедов), условно-желательного, волюнтаривного и повелительного наклонений обнаруживает большую широту модальных колебаний этой формы.

Подробное описание всех инфинитивных конструкций этого рода, их функций и круга их стилистического использования — задача синтаксиса предложения.

7. КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА

§ 69. Грамматические учения о залоге до половины XIX в.

В современном русском глаголе категории наклонения, времени и вида очень тесно связаны. Категория вида является семантической базой форм времени и наклонения. Она определяет объем глагольного слова, круг его форм. Категория вида сплетается и с категорией залога*, которая, в свою очередь, лежит уже на самой пограничной черте между грамматикой, лексикологией и фразеологией, а в области грамматики — ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии слова. Самый термин *§ а л о г* (перевод греческого *diathesis*) употребляется уже в древнейших грамматиках церковнославянского,

* О связи категории вида с категорией залога писалось не раз. Например, А. С. Будилович замечал: «Видовая начинательность совпадает со средним залогом, т.е. с действиями безобъектными и инерционными, а потому как бы безрезультатны ми»⁴¹². В. Вундт сближал *Aktions-arten* с залогом, рассматривая их как «залоговую форму с каким-либо побочным временным представлением» (*Genusform mit irgend einer zeitlichen Nebervorstellung*)⁴³³.

а затем и русского языка*. Будучи калькой, точным морфологическим слепком греческого слова⁴³⁵, этот термин издавна не удовлетворял русских грамматистов (даже тех, кто признавал категорию залога живым и существенным элементом грамматической системы русского глагола). В понятие залога вкладывалось и вкладывается крайне разнообразное и противоречивое лексико-грамматическое содержание.

Учение о залогах до сих пор содержит очень много неясностей.

Оно наметилось еще в грамматике Мелетия Смотрицкого, а в русской грамматике Ломоносова уже вырисовываются ясные контуры традиционных школьных шести залогов русского глагола (действительного, страдательного, возвратного, взаимного, среднего и общего)**. Ломоносов же обратил внимание на связь залоговых форм с различиями реальных значений глаголов и с различиями их синтаксического употребления. Но уже с самого начала XIX в. стали возникать сомнения, пригодно ли вообще учение о залогах для русской грамматики, соответствует ли оно природе русского глагола⁴³⁶. Вместе с тем разные грамматисты по-разному понимали объем и грамматическое содержание категории залога; одни видели в залоге лишь отражение отношений действия к объекту, другие включали в круг залоговых значений, сверх объектных отношений, и разные отношения действия к субъекту, третьи стремились ограничить понятие залога выражением отношения к субъекту. Вопрос о категории залога связывался и с общим синтаксическим вопросом о развитии субъектно-объектного строя предложения. По мнению многих лингвистов, залоговое значение глагола устанавливается и определяется лишь в контексте предложения. В грамматиках первой половины XIX в. учение о залоге сводилось к лексико-синтаксической классификации глаголов по характеру отношения действия к объекту. Выстраивались те же шесть ломоносовских залогов: 1) действительный, или переходящий, т. е. управляющий винительным падежом прямого объекта; 2) возвратный и 3) взаимный (оба образуются посредством присоединения *-ся*); 4) средний (или непереходящий); 5) страдательный (противоположный действительному) и, наконец, 6) общий. К общему залогу причислялись глаголы на *^ся* (например: *бояться, надеяться, стараться, смеяться, резвиться*), не имевшие парных соотносительных глаголов без *-ся*. Они назывались общими потому, что они «имеют свойства, общие действительному и возвратному залогам»⁴³⁷.

Эта ломоносовская схема шести залогов с разными вариациями дождалась до «Общего курса русской грамматики» проф. В. А. Богородицкого. Изменялось лишь понимание состава и содержания «среднего» и «общего >> залогов и несколько колебалось определение разных значений возвратного залога. Кроме того, возвратные образования на *-ся* рассматривались то как самостоятельный грамматический тип, то как разновидность глаголов среднего залога.

Так, Востоков среди глаголов на *-ся* кроме страдательных, возвратных, взаимных выделял еще «глаголы внутреннего чувства, обращенного только на самого действителя» (под именем «общего залога», например: *лениться, резвиться*). Он же отме-

* Во всех многочисленных попытках наших грамматиков дать определение залогов сказалось влияние греко-латинских грамматик. Древние грамматики руководствовались при различении залогов главным образом лексическим значением глаголов. Недаром в латинских грамматиках наряду с названием залогов *genera* было другое — *significationes*. Само же греческое название залога *diathesis* значило собственно «расположение», «состояние» (т. е. положение субъекта, его отношение к действию — *B. B.*). В греческой грамматике различались три залога: *energetike*, *pathetike*, *udetera (mese)*, т. е. действительный, страдательный, средний; последний залог назывался и общим, когда совмещались значения действительного и страдательного... Стоики различали еще глаголы возвратные *antiperonthota*, относя их к страдательным. У римских грамматиков введены были еще *djronentia*, т. е. глаголы с формой страдательного залога, но со значением действительного (как бы отложившие действительную форму)⁴³⁴.

** В грамматике Мелетия Смотрицкого (цит. по московск. изд. 1648 г.) выделились, кроме действительного (т. е. действительного), страдательного и среднего, еще два залога — отложительный (с окончанием *-ся*, но «со значением действительного залога», например: *боюся*, или среднего, например: *труждаюся*) и общий (с окончанием *-ся*, но со значениями действительного и страдательного) (с. 182). В «Русской грамматике» Г. В. Лудольфа впервые появляется термин взаимный залог.

тил (в составе среднего залога) группу глаголов на *-ся*, «показывающих способность к действию, также обнаруживание себя каким-либо действием или качеством» (например: *крапива жжется; нитки рвутся, снег белеется; стучится в «Зверь»*)⁴³⁸.

По мнению Востокова, залоговые различия определяются не по окончаниям, а «по значению», какое глагол получает в употреблении с другими словами*. Таким образом, для Востокова в категории залога резко всего выступает си-таксическая и лексическая стороны глагола в их взаимной связи, в их соотношении. Так, по Востокову, «глагол взаимный, по отнятии вопроса *с кем?* обращается в глагол средний, например: «Воин сражается за отечество». Уже из этого обзора видно, что Востоков к одному и тому же разряду среднего залога относил и глаголы без *-ся*, например: *плавать, стоять, сохнуть, белеть* — и глаголы на *-ся*, например: *бояться, мчаться, стучаться*. Для Востокова (впрочем, так же как и для Ломоносова) два соотносительных залога — действительный и средний — являются основными. Действительному залогому противопоставлен страдательный. Все остальные залоговые формы так или иначе связаны с этими залоговыми формами, особенно с действительным.

Г. Павский выделял в категории залога три общих семантико-грамматических типа — действительный, страдательный и средний залоговые (т. е. глаголы переходного, страдательного и непереходного значений). Он связывал это деление глаголов с «различными состояниями живущих, действующих и страдающих существ»⁴⁴⁰. По Павскому, основная функция возвратной формы — делать глаголы непереходными. В связи с этим возвратные глаголы включаются в систему среднего залога (кроме тех, которые имеют страдательное значение). «Действительный глагол, принявший частицу *-ся*, которая останавливает действие при самом лице и не позволяет ему переходить на внешние предметы, принимает вид и значение среднего залога, и все возвратные глаголы можно назвать средними».

В этом делении всех глаголов на три типа — действительные, страдательные и средние — сказалось влияние на Павского античных и складывавшихся под их воздействием западноевропейских грамматиков. Так же как и Востоков, Павский отмечал среди глаголов «средних возвратных» обособленную группу слов, которые образуются посредством приклейки *-ся* к формам среднего залога: *стареться, белеться, чернеться, краснеться*. Павский сопоставлял эти глаголы со словосочетаниями *идет себе, живет себе*. По мнению Павского, «снег *белеется*» равносильно: *белеет себе*. В пределах того же класса средних-возвратных глаголов Павский еще различал взаимные глаголы, а также глаголы, в которых «частицу *-ся* изображает безличность» {*не спится, не может, не сидится* и т. п.).

Таким образом, в грамматических трудах Павского было установлено несколько новых значений, свойственных формообразующему суффиксу *-ся*. Но вместе с тем у Павского получался еще более явно, чем у Востокова, разрыв внешней формы и значения, потому что к области одного и того же залога (среднего) относились глаголы без *-ся* и с *-ся*. Точно так же в концепции Павского была затронута синтаксическая точка зрения на залог.

Грамматические противоречия в учении о залогах особенно рельефно выступили в «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева. Признавая те же шесть залогов, что и старая грамматическая традиция, Ф. И. Буслаев, в первую очередь, делил все глаголы на переходящие (*transitiva*) и непереходящие (*hitransitiva*).

Так же как когда-то — под влиянием античной грамматической традиции — Мелетий Смотрицкий, Буслаев слил лексико-синтаксическое учение о переходности и непереходности глагола с учением о залоге. «Залог, по Буслаеву, прежде всего означал деятельность предмета или переходящую на другой предмет... или непереходящую»⁴⁴¹. Далее, эти два общих и основных класса глаголов, связанных с разными синтаксическими конструкциями, глаголов переходящих и непереходящих — по залоговым различиям одинаково распадались на группы действительных, страдательных, средних и возвратных глаголов. Возвратные же, в свою очередь, еще подразделялись на подгруппы взаимных и общих.

Уже в этом делении выступают ошибки и противоречия. Так, по Буслаеву, действительные глаголы находятся как среди переходящих, так и непереходящих глаголов. Между тем «действительный глагол» означает действие предмета, переходящее * В вопросе о значениях залогов Востоков испытал влияние статьи И. Ф. Калайдовича «О залогах глаголов русских»⁴⁴¹.

на другой предмет, которого название ставится в винительном падеже. Точно такова же, по Буслаеву, и участь средних глаголов. «Каким же образом,—спрашивал А. А. Потебня,— действительный глагол, по сущности переходящий, может быть в то же время непереходящим и, наоборот, средний, по сущности непереходящий, может быть в то же время переходящим?» Вся классификация оказывается очень шаткой. По мнению Буслаева, один и тот же глагол даже «как непереходящий может быть и действительным, т. е. переходящим, и средним, т. е. непереходящим»⁴⁴².

Буслаев указывал, что формы страдательного залога могут производиться от глаголов не только действительных, но и средних (*неугасаемый, сижено* и т. п.). Вместе с тем, по Буслаеву, «важнейших форм для выражения страдательного залога... три» (имеются в виду три разные конструкции: *книга читаема, книга читается* и *книгу читают*). Выходило, что страдательный залог не только производится и от действительных, и от средних залогов, но и выражается: 1) формой причастия страдательного с вспомогательным глаголом или без него (*книга была читаема, книга прочитана*); 2) возвратной формой (*книга читается*) и 3) действительной формой (*книгу читают*). Точно так же форма возвратного залога может иметь значение и среднего залога (т. е. обозначать непереходное состояние), и страдательного. Взаимный залог, по Буслаеву, может располагать и действительной (например, *говорить с кем*), и возвратной формой (*драться, мириться с кем*). Получалась невообразимая путаница терминов, понятий и определений. «Форма» и значение вступали в самые неожиданные столкновения. Грамматика смешивалась с лексикологией.

Правда, Буслаевым было собрано много материала по истории залоговых значений. Буслаев точнее, чем его предшественники, определил роль разных приставок в процессе образования переходных глаголов от непереходных. Буслаеву была ясна связь залоговых различий с синтаксическими особенностями глаголов и с их лексическими значениями. Но распутать вопрос о залогах русского глагола Буслаеву не удалось. Недостатки буслаевского учения о залоге отчасти зависели от двойственности критериев, которые были приняты Буслаевым за основание залоговых различий. С одной стороны, опираясь на лексико-синтаксические особенности глаголов, он выдвигает принцип переходности. С другой стороны, имея в виду этимологическую форму слова, он различает типы глаголов с аффиксом *-ся* и без него. Вместе с тем оба эти критерия или признака были смешаны.

Последующим лингвистам учение о залоге как о форме выражения отношений действия к объекту казалось совершенно дискредитированным в «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева⁴⁴³. Н. П. Некрасов иронически изображал бунт глаголов против грамматиков с их теорией залогов. «Со всех сторон слышны шум и крики. «Зачем вы заперли меня,—кричит смелый глагол *бить*,— между одними действительными? Разве я не могу иметь значения среднего залога? Прочтите басню Крылова «Ручей», там вы найдете следующий стих:

Ручей из берегов *бьет* мутною полной, Кипит, ревет, крутит нечисту пену в клубы...

Разве здесь, — продолжает кричать глагол *бить*, — я не имею значения вполне среднего залога? Кроме того, всем известно, что я могу иметь форму на *-ся* и в ней прохаживаться по всем отделениям. Разве вы никогда не слышали выражений: *Посуда бьется; Я бьюсь с ним об заклад; Бьется как рыба об лед; Сердце бьется* и др.? Разве тут нет, по-вашему, ни страдательного, ни возвратного, ни взаимного значений? Зачем же вы запрятали меня в какой-то угол, когда я имею право на все ваше здание?...»⁴⁴⁴

§ 70. Теория залогов у К. С. Аксакова как будущий фундамент фортунатовского учения о залогах

Традиционная теория залогов, запутавшаяся в противоречиях, была отвергнута передовыми грамматистами половины XIX в. К. С. Аксаков пытался, не отказываясь окончательно от учения о залогах, вложить в него новое грамматическое содержание⁴⁴⁵. К. С. Аксаков решительно выдвигает принцип соотносительности как основу залоговых различий. Прежде всего он противопоставляет глаголы без *-ся* глаголам возвратным (с *-ся*). В глаголах без *-ся* К. С. Аксаков различает два залога — действи-

тельный (переходный) и средний (непереходный). Граница между ними очень подвижна. Глаголы действительного залога могут употребляться непереходно. С другой стороны, переходное значение может развиваться и у средних глаголов. «Большая часть глаголов средних и даже все вообще средние глаголы (с некоторыми исключениями) могут употребляться в смысле действительных». Ср. *He он ушел, а его ушли*. Ср. в письме А. И. Тургенева к В. А. Жуковскому (от 28 апреля 1823 г.): «Я никого не заблуждал, никого не обманывал, ни себя, ни других, ее: всех меньше»⁴⁴⁶. Опираясь на синтаксические свойства глагольного слова как основной критерий залоговой классификации, К. С. Аксаков подчеркивает, что грамматическое различие между действительным и средним залогом сводится к способности глагола управлять винительным падежом или к отсутствию такого управления. Действительным глаголам противостоят страдательные обороты: действительные глаголы могут быть обращены в страдательные. Так устанавливается один ряд залоговых соотношений и противопоставлений: средне-действительные глаголы и страдательные формы глагола. Другой ряд залоговых соотношений и различий перекрещивается с первым: он покоится на противопоставлении глаголов средне-действительных глаголам возвратным. Так как грамматика может опираться только на форму, «на самый язык», то «возвратный глагол остается при всяком его употреблении все возвратным глаголом»*. Залоговые деления внутри самих возвратных глаголов покоятся не на различиях форм, а на различиях функций. Богатство залоговых значений возвратной формы в русском языке, по мнению Аксакова, объясняется тем, что в суффиксе *-ся* слились разные падежные формы и значения возвратного местоимения (винительного-родительного падежа *-ся* и дательного *-си*). Залоговая дифференциация возвратных глаголов опирается на различия в отношениях действия к субъекту, к самому действующему лицу, а не объекту. Понятие о действии прямом, случайном, конкретном (например, *мажусь*) может у возвратного перейти в «понятие о действии общем, более или менее постоянном, составляющем иншля необходимую принадлежность или состояние того или другого существования» (например, *учусь*). «В действии прямом, случайном волю свою осуществляю я сам, и действии обычном, отвлеченном воля моя осуществляется — и только. Действие отвлеченное легко переходит в состояние с участием моей воли на такое состояние. .. а отсюда легко возникает значение глагола среднего, например, он *теряется* (ср. *терять что-нибудь*), здесь является только подобие воли». Таким образом, со 5 с г и с п н о з в р а т н ы е г л а г о л ы (*умываться, одеваться* и т. п.) отличаются от возвратно-средних. «Те возвратные глаголы, которые принимают значения состояния, но в то же время удерживают действительный оттенок, переходят в значение UUIOI а страдательного», не сливаясь, однако, со страдательными причастными оборотами (ср.: *он уважается всеми* и *он уважаем всеми*). Образование возвратно-страдательных глаголов «понятно» так же, как и в ч а и м н о - в о з р а т ы х. Во взаимных глаголах «действия перекрещиваются и налают взаимно па тех же самых, от кою они исходят» (например, *они бьются*). <> Гораздо труднее объяснить употребление *-ся* в глаголах другого рода... — *слушаться, ручаться*... Сюда же относятся глаголы *жжется, щиплется, бросается, плюется* и пр.»^{44*}. К. С. Аксаков очень тонко определяет значение этой группы глаголов, которая пополняется образованиями, произведенными и от действительных, и от средних (iiaiojoi). В них действие, «падая на другие предметы относится к самому себе как ограждение, как защита или даже как выражение себя»^{44д}. Вместе с тем «здесь действие получает значение общее: или значение свойства, или также значение особого отношения к производящему оное лицу, значение характеристической черты в этом лице» (ср. *(hi) кидается гртыо*). «Например: *Посмотрите. он кидает грязью* — здесь просто действие, которое может сейчас прекратиться; *Посмотрите: он кидается гр'чыо* — здесь уже друг; здесь не только вы видите действие, но и отношение к нему лица действующего... видно сочувствие действующего лица, видно, что по этому

* Ср. КИВКС протест К. С. Аксакова против буслаевского произвола в распределении глаго-]|()п по ш.тошм: «...мы признаем только то в языке, что в языке же самом нашло выражение. Мы признаем IUIUOI возвратный, ибо видим в нем глагол сложный или лучше сросшийся с ча-итиксю *-см* (взаимный сем. тот¹ же возвратный); в глаголах *торить, воевать* (отнесенных Буслаевым к взаимному залогоу. — *В В.*) мы частицы *-ся* не видим и за взаимные глаголы их не при-!насм; до их чисто нпу і ренпего, тичнот значения в грамматике мы нужды не имеем»⁴⁴⁷.

самому действию повторяется и будет повторяться и возобновляться»⁴⁵⁰. Ср.: *плеваться, щипаться* и т. п.

Отдельно останавливается Аксаков на значениях тех разрядов возвратных глаголов, которые соотносительны только с непереходными глаголами среднего залога, например: *светиться, синеться* и т. п. К. С. Аксаков вслед за Г. П. Павским выводит своеобразие их значений из старинной формы дательного падежа возвратного местоимения *си*. «Здесь дательный падеж совпадает со смыслом самого глагола и объясняет его. *Белеть*, например, значит: возрастая в белом цвете; значит также: быть видным своим белым цветом, и к *белеть* в этом-то втором значении присоединяется *-ся*: *белеться*. *Белеться* значит тоже (как *белеть*): быть видным своим белым цветом, но не столь постоянно и положительно; действию придается какой-то живой, зыблущийся, даже неверный оттенок, даже как бы произвол какой-то, — что все сообщается глаголу этим *-ся* (или *-си*, как мы думаем), например: *что-то белеет вдали* и *что-то белеется вдали*. *Белеется*, то есть *белеет себя*»⁴⁵¹.

К. С. Аксаков стремится определить и разграничить те общие оттенки, которые могут вноситься в непереходные глаголы суффиксом *-ся*. «*Попасть* есть тоже глагол средний, но при нем употребляется и *-ся*, например: *попал в сеть, попался в сеть*; оттенок понятен: *попал в сеть* — можно попасть ногою, можно попасть и выйти как-нибудь; но *попался*... значит: попасться самому, быть пойману; так что здесь сейчас переносится мысль на подлежащее этого глагола, на то, что попало и что является пойманным»⁴⁵². Следовательно, общее значение формообразующего суффикса *-ся* при сочетании его с глаголами непереходными состоит, по Аксакову, в усилении признака непереходности этих глаголов.

Концепция К. С. Аксакова почти целиком совпадает с тем учением о залогах русского глагола, которое было впоследствии развито акад. Ф. Ф. Фортунатовым в статье «О залогах русского глагола» и прочно вошло в современную русскую грамматику под его именем.

Но современными К. С. Аксакову грамматистами и ближайшими его преемниками аксаковская теория залогов не была воспринята.

§ 71. Отрицание категории залога В. И. Далем и проф. Н. П. Некрасовым

Филологи середины XIX в., борющиеся с заимствованными грамматическими теориями и стремившиеся приблизить русскую грамматику к особенностям живой народной речи, отвергали старое учение о залогах. В. И. Даль в «Напутном слове» к «Толковому словарю» писал: «Распределение глаголов на залогов — одно школярство, одно из тех пут, которые служат только для притупления памяти и понятия "учеников»⁴⁵³. Для самого русского языка они — «дело вовсе постороннее, случайное, переходчивое; они могут, хотя без всякой пользы, применяться только к каждому частному случаю. Окончание на *-ть* и *-чь* — общее, коренное, прямое; ему отвечают в западных языках глаголы переходящие, или действительные, и непереходящие, средние; окончание на *-ся*... образует возвратный, или обратный, глагол, непрямой, который может быть отнесен, если смысл речи позволяет, и ко всем прочим залогам». Итак, Даль признавал деление глаголов на два основных разряда: на прямые (невозвратные) и возвратные*. С мыслями В. И. Даля о залогах совпали выводы Н. П. Некрасова: «...наш язык смело приставляет *-ся* к глаголу, как скоро мысль сосредоточивается главным образом на проявлении самого действия, а не на отношении этого проявления действия к своему предмету»⁴⁵⁵. «Каждый русский глагол может быть употреблен в своей прямой первоначальной форме на *-ть* и в форме обратной, или возвратной, на *-ться*... Глагол, принимая возвратную форму на *-ся*, стремится к выражению самостоятельности действия или, употребляя грамматический термин,—к ограничению своего переходного значения. Через форму *-ся* русский глагол выражает действие, сосредоточивающееся само в себе, ограничивающееся самим собою,— и в этом только смысле мы называем глаголы на *-ся* *возвратными*»⁴⁵⁶. Таким образом, и Некрасовым допускаются только два основных класса глаголов: невозвратные, прямые, и возвратные.

* Беспринципность самой позиции Даля в этом вопросе прекрасно охарактеризована А. А. Потебней⁴⁵⁴.

В этой двойственности типических форм русского глагола «находим те крайние точки его значения, которыми определяется вся ширь живого употребления его в речи... Уловить все эти значения во всем их живом разнообразии — невозможно... Достаточно быть убежденным, что все разнообразие значений русского глагола в употреблении зависит от тех двух главных типических значений, которые выражаются в языке двумя главными типическими формами глагола. Что же касается до грамматических залогов, то в них можно видеть лишь напрасное стремление науки охватить всю жизнь русского глагола, определить и подвести под общие правила те разнообразные оттенки и непрерывные переливы красок, которыми отражается значение его в живой речи»⁴⁵⁷.

§ 72. Клубок грамматических вопросов, связанных с учением о залоге

Грамматическая теория залогов к последней четверти XIX в. замкнула свой круг 458. Установлены были два основных залоговых типа глаголов по внешней форме: *возвратный* и *невозвратный* (Даль, Некрасов), а отчасти и по отношению действия к субъекту. Был выдвинут принцип *переходности* и *непереходности* как основа различия невозвратных глаголов (еще с XVII в.). Понятие возвратности определялось или через отношение действия к объекту как средство замкнуть действие в нем самом, устранить или ограничить переходные, объектные значения глагола, или — более глубоко и дифференцированно — через отношение к субъекту как способ выражения различий в связи между действием и субъектом (К. С. Аксаков)*. Все это варьировалось на разные лады и в последующих грамматических работах, касавшихся категории залога.

Взгляды Аксакова и Некрасова мало прививались. Больше привлекала древняя система шести залогов. Лишь в самом конце XIX в. дан был новый толчок развитию учения о залогах трудами Ф. Ф. Fortunatova и его учеников — Г. К. Ульянова и В. К. Поржезинского.

§ 73. Статья Ф. Ф. Fortunatova «О залогах русского глагола» как синтез и итог предшествующих грамматических теорий

Статья акад. Ф. Ф. Fortunatova «О залогах русского глагола» (1899) уточнила и объединила то, что было наиболее ценного в предшествующей грамматической традиции. Ф. Ф. Fortunatov с присущим ему даром научной систематизации выделил и подчеркнул основные линии залоговых соотношений в системе русского глагола. «Формами залога, — по словам Fortunatova, — называются в грамматике те глагольные формы, которые обозначают различия в отношении признака, выражаемого глагольной основой, к его субъекту». Различая две формы залога (возвратный залог и невозвратный), Ф. Ф. Fortunatov обособляет от теории залога вопрос об активных и пассивных оборотах. «Страдательного залога как особой формы, которая отличалась бы от формы возвратного залога (имеющей, между прочим, и страдательное значение), наши глаголы не имеют (в частности есть страдательный залог); поэтому нет в наших глаголах и формы действительного залога как нестрадательного». Fortunatov гораздо строже, чем К. С. Аксаков, придерживается принципа грамматической соотносительности форм. Те глаголы без *-ся*, которые не имеют соотносительных с ними слов на *-ся* (например: *долженствовать, ехать*), и обратно, те глаголы на *-ся*, которые не имеют соотносительных с ними глаголов без *-ся* (например: *бояться, стараться, гордиться* и т. п.), лишены форм залога**.

* Ср. определение залога в работе A. Margulies: «Залог глагола обозначает отношение глагольного действия к производящему его субъекту и одновременно с этим отношение обоих этих факторов к объекту, на который субъект направляет глагольное действие»⁴⁵⁹.

** Ср. замечание В. К. Поржезинского: «...присутствие формы залога в глаголе необходимо требует существования соотносительных форм, различающихся по формам залога: там, где глагол имеет только одну форму, однородную с одной из форм залога, само собою разумеется, нет никакой формы залога»⁴⁶⁰.

Так, по Фортунатову, форма невозвратного залога как «нулевая форма» присуща лишь тем переходным глаголам, от которых произведены или производятся возвратные глаголы на *-ся*. Глаголы на *-ся*, так называемые «общие» (вроде *надеяться*, *опасаться* и т. п.), вследствие отсутствия соотносительных глаголов без *-ся*, должны быть признаны вообще не имеющими форм залога. Итак, формой залога располагают лишь соотносительные, парные глаголы без *-ся* и на *-ся*. Однако и в этих случаях от глаголов с ярко выраженными залоговыми различиями Фортунатов резко обособляет те группы, которым присуща лишь форма возвратного залога, но не значение, не функция ее. Это три разряда глаголов на *-ся*, производных от непереходных глаголов:

1) образования с суффиксом на *-ся* от непереходных глаголов на *-ешь*, *-ею* (типа *краснеть* — *краснеться*; *стареть* — *стареться*). Здесь форма на *-ся*, по Фортунатову, лишь «усиливает существующее уже в глаголе значение непереходности признака»;

2) глаголы типа *стучаться* (ср. *стучать*), *звониться* (ср. *звонить*), *хвастаться* (ср. *хвастать*) и т. п. В этой группе, по мнению Фортунатова, различие в значении «не определяется из различия в образовании форм с *-ся* и без *-ся*». По Фортунатову, глаголы *стучаться*, *смотреться*, *звониться* и т. п. разошлись по своему лексическому значению с соответствующими глаголами без *-ся*: *стучать*, *смотреть*, *звонить* и т. п. Они являются глаголами общими;

3) кроме глаголов общих выделяются также «те глаголы, в которых *-ся* входит в состав образования безличности глагола, например: *икается*, *спится*, *не ложится*; эту формой, изменяющей личный глагол в безличный, данный признак обозначается как производимый силою действия, в отвлечении от субъекта».

Эти группы глаголов на *-ся*, производимые от непереходных глаголов, по своим значениям очень далеки от возвратных форм. По Фортунатову, выходит, что форма залога в этих разрядах глаголов является мнимой или пустой, лишенной внутреннего грамматического содержания. Ведь эти глаголы уже по своей лексической природе наделены тем общим значением, которое связано с формой возвратного залога на *-ся*. Общее значение возвратной формы — значение непереходности. Возвратная форма «изменяет значение переходного признака (действия в его переходности) в значение признака непереходного, т. е. такого, который заключает в себе отношение только к предмету мысли, являющемуся субъектом этого признака». «Непереходность признака, обозначаемая формой на *-ся*, есть именно известное отношение данного признака к его субъекту». Поэтому в собственном смысле возвратной (иначе: непереходной) формой располагают лишь те глаголы на *-ся*, которые соотносительны с переходными (невозвратными) глаголами. «Присутствием *-ся* в образовании форм все эти глаголы обозначаются как непереходные, т. е. как не сочетающиеся с дополнением в винительном падеже и как соотносительные поэтому с глаголами переходными»*.

Фортунатов различает следующие значения возвратной формы (и, следовательно, типы возвратных глаголов): 1) собственно возвратное (*умываться*, *мазаться*, *краситься*, *защищаться*); 2) взаимное или взаимно-переходное (например: *они поцеловались*, *грызутся*); 3) «значение изменения, происходящего в состоянии самого субъекта» (в отличие от соотносительных переходных глаголов, «обозначающих в невозвратной форме действия, производящие изменения в состоянии объектов»), например: *сердиться* (ср. *сердить*), *томиться* (ср. *томить*), *радоваться*, *мириться*, *гнаться*, *вертеться*, *кидаться*, *литься*, *садиться* и т. п.; 4) значение действия, рассматриваемого в отвлечении от объекта, т. е. по отношению лишь к субъекту действия, например: *кусаться*, *обещаться*, *проситься* и т. п.; 5) страдательное значение.

Таким образом, новых значений возвратной формы и новых типов возвратных глаголов по сравнению с теми, которые уже были отмечены А. Х. Востоковым, Павским и К. Аксаковым, у Фортунатова не указано. Теория Фортунатова воспроизводит его в грамматических трудах и курсах А. М. Пешковского, М. Н. Петерсона и др.

Проф. В. К. Поржезинский дополнил фортунатовскую схему залогов указанием еще на два залоговых значения возвратной формы:

—* Ср. у В. К. Поржезинского: «термин «возвратный залог» имеет чисто условное значение, обозначая, в сущности, такую форму залога, которая вносит значение или непереходности признака, обозначаемого глагольной основой, или непрямого отношения к нему субъекта»⁴⁶¹.

1) Непрямое возвратное значение, выражающее, что действие совершается для субъекта, в его интересах. Правда, В. К. Поржезинский привел примеры такого значения лишь из литовского и латышского языков, но заметил и о русском языке, что в нем некоторые возвратные глаголы, по-видимому, сохраняют след этого значения^{4b2}. То, чего не мог указать В. К. Поржезинский, открыл А. А. Шахматов (ср. ниже косвенно-возвратное значение в учении Шахматова о залогах).

2) Значение полноты проявления признака (например: *наплакаться, напиться, нагуляться* и т. п.). Сюда относятся «как глаголы, имеющие в невозвратной форме объект, на который направлено действие, так и глаголы, не допускающие при себе, по своему значению, объекта»⁴⁶³. В. К. Поржезинский эту группу глаголов иногда подводит под указанное Фортунатовым «значение отвлечения глагольного признака от объекта».

Фортунатовская схема залогов оказала решительное влияние на последующие грамматические рассуждения о залогах.

В фортунатовской концепции залога морфологические признаки явно возобладали над синтаксическими. Отношение к субъекту, обобщенное до понятия непереходности, вовсе не исчерпывало тех синтаксических явлений, которые сочетались с категорией залога. Проблема залоговых различий отрывалась от вопроса о строе предложения и его типах. Многим грамматистам казалось также, что старая грамматическая традиция, связывавшая залоговые различия с формами отношения глагола не только к субъекту, но и к объекту, содержала в себе здоровое зерно. Необходим был более широкий синтаксический охват того круга языковых фактов, которые или входили в категорию залога, или присоединялись к ней.

Неполноту учения Фортунатова из его учеников старался преодолеть лишь акад. А. А. Шахматов. Но между ним и Фортунатовым стояла концепция залогов в синтаксисе Овсяннико-Куликовского, отражавшая некоторые идеи Потебни.

§ 74. Некоторые мысли А. А. Потебни о залогах русского глагола

Потебня глубже, чем Фортунатов, вник в генезис категории залога. Он увидел связь между развитием категории залога и эволюцией предложения.

До нас дошли лишь черновые наброски учения Потебни о залогах русского глагола^{4M}. Но идеями Потебни насыщены «Синтаксические исследования» его преждевременно умершего ученика А. В. Попова. Кроме того, университетские лекции Потебни о глаголе легли в основу статьи одного из его слушателей — Б. Гвоздикова «Опыт классификации залогов русского глагола»⁴⁶⁵. Взгляды Потебни на залог тесно связаны с пониманием Потебней слова как индивидуального акта речи. По учению Потебни, ни один глагол не может сразу обладать несколькими залоговыми значениями: «Выражение: глагол такой-то переходит в такой-то залог — мы должны понимать таким образом, что перед нами два различных, но однозвучных глагола, принадлежащих к двум различным залогам, и что глаголы эти находятся между собою в отношении исторического преемства». Различные залоговые значения одного глагола «суть различные глаголы одного звука и одного «происхождения». Это замечание направлено против Буслаева. Залоговое значение, по мнению Потебни, возникает и осуществляется в предложении, в составе которого слово только и живет настоящей, индивидуальной жизнью. «Залог есть формальное значение глагола, находящееся в связи с вещественным».

Есть указание, что понимание залога у Потебни менялось. Так, А. В. Попов приводит первоначальное определение залога, предложенное Потебней: «Залог есть такое формальное значение глагола (и даже слова вообще), которое делает необходимым отсутствие объекта или его присутствие и обуславливает (в последнем случае) качество объекта»^{466*}. А. В. Попов возражает против этого определения, да и сам Потебня впоследствии изменил свою точку зрения на залог.

«Залог,- по определению Потебни,— есть отношение субъекта к объекту, точнее: отношение сказуемого к подлежащему и дополнению». «В это понятие входит отсутствие и присутствие субъекта и отсутствие и присутствие объекта».

—*Ср. у А. А. Потебни: «Залог есть необходимое в известном языке отношение глагола в широком смысле (т. е. со включением причастных форм), прилагательного и существительного к объекту»⁴⁶⁷.

В набросках, изданных в IV томе труда Потебни «Из записок по русской грамматике», читаем: «Залог = отношение субъекта к объекту. Сюда и отсутствие объекта. Оно возможно только через обнаружение субъекта»⁴⁶⁸.

Итак, залог — чисто синтаксическая категория, тесно связанная со строем предложения. Она основывается на понятиях переходности и непереходности глагола. По необходимому присутствию и отсутствию объекта глаголы делятся на объективные (*transitiva*, т. е. переходные) и субъективные (*intransitiva*, т. е. непереходные). Те из объективных глаголов, которые требуют прямого дополнения в винительном падеже, называются действительными, остальные объективные глаголы, требующие дополнения в других косвенных падежах, вместе с субъективными относятся к разряду средних. Следовательно, возвратные глаголы — разновидность глаголов средних (ср. то же у Павского и Буслаева).

Объективные ----- субъективные
действительные ----- средние

По мнению Потебни, «в делении на объективно-субъективные, действительные-средние устранена логическая ошибка деления Буслаева. Члены, не перепутываясь, исключают друг друга. За основание принято здесь только значение, поэтому глаголы возвратные по форме подходят под это деление объективных или субъективных»⁴⁶⁹. Дифференциация глаголов объективных и субъективных — зерно, из которого вырастает категория залога. На почве этого различия складывается и страдательный залог, возникает противопоставление действительного (активного) и страдательного (пассивного) оборотов.

Однако страдательный залог выходит за пределы прямого соотношения с действительными глаголами, в узком смысле этого слова. Страдательный залог «предполагает существование глаголов переходящих в широком смысле этого слова, т. е. объективных действительных, управляющих винительным, и объективных средних, требующих дополнения в других падежах. Страдательный залог есть (особый) способ представления транзитивности глагола... В страдательном залоге объект транзитивного глагола представляется субъектом. Страдательный субъект лишен полноты энергии, свойственной субъекту действительного оборота»*. Таким образом, генезис страдательного залога связан с развитием пассивных конструкций предложения. «Подлежащее переходящего глагола может быть обозначено дополнением страдательного («Я воспитал племянницу», «Племянница была воспитана мной»), может вовсе не мыслиться («В эту ночь было чудо дивное и страха исполнено») и не выражаться («Письмо написано»), и от того страдательный оборот не перестает быть страдательным».

Уже из этих рассуждений видно, что, строго говоря, страдательного залога в русском языке (как и в других славянских языках) нет, но есть страдательные обороты: а) предикативные, б) атрибутивные. В состав предикативного страдательного оборота входит возвратная форма глагола, атрибутивный же страдательный оборот образуется страдательными причастиями. В предикативном страдательном обороте нет полной страдательности. «Под страдательностью предикативного оборота можно разуметь лишь то, что его субъекту приписана посредством сказуемого степень энергии меньшая, чем в обороте действительном». Характерен в этом отношении такой пример из гоголевского «Ревизора»: «Не позабыть сказать, что [церковь] *началась строиться*, но сгорела, а то, пожалуй, кто-нибудь, позабывши, скажет, что и не начиналась».

—* Любопытно сопоставить с этими мыслями Потебни замечание J. Wackernagel, что в возникновении страдательного залога решающую роль сыграло «желание говорить о самом событии, не выставляя на передний план действующее лицо»⁴⁷⁰. Эта мысль Ваккернагеля восходит к Штейнталу. «Страдательный залог,— говорит Штейнталь,— является вообще там, где действие должно быть представлено как происшедшее (*ausgefñhrt*), bei обращения внимания на производителя действия, который является предметом неважным или неизвестным или понятен сам собою; или действие представляется отрешенным (*abgelost*) от производителя действия, для того чтобы тем сильнее выступал факт сам по себе. Безличное употребление страдательного относится также сюда: *es wurde getanzt* (букв.: было танцовано), все равно с кем бы то ни было; сущность заключается в совершении действия»⁴⁷¹.

«Этого рода страдательность представляется возвратностью действия». Страдательное значение возвратной формы вполне раскрывается лишь на фоне изучений других значений и других типов возвратных глаголов.

Гораздо сложнее генезис, состав и разновидности страдательных атрибутивных оборотов. В страдательных атрибутивных (т. е. причастных) оборотах выражается «состояние предмета», точнее: в них признак, данный в субъекте, составляющий его состояние, представляется произведением объекта, который, впрочем, может быть вовсе не назван (например: *поручение выполнено, дело сделано*).

Потебня подчеркивает то обстоятельство, что причастие страдательное и по форме и по значению может быть произведено от глаголов не только действительных, но и средних (объективных). Например, *угрожаем, помогаем*; «каким-то демоном внушаем» и т. п. «Объект такого глагола, каким падежом бы он ни был выражен, может быть представлен субъективно». Тут Потебня, отходя от живой системы современных ему грамматических отношений, уходит в область изучения генезиса пассивных конструкций. Развитие страдательных оборотов отчасти связано с историей безличных предложений. В безличных предложениях, содержащих в качестве сказуемого страдательное причастие, страдательность постепенно теряется или ослабевает. Здесь усиливается идея состояния. Безличные предложения типа *В молодости было много бито, граблено*, по Потебне, «образовались непосредственно из двучленных страдательных оборотов с подлежащим среднего рода» (ср. *она*). «Как скоро местоименное (заключенное в глаголе или явственное) подлежащее среднего рода при глаголе страдательном получило безличное значение и вместе с тем лишилось проглядывавшего в нем значения объекта, то получилось стремление к безличности».

Безличное употребление страдательного залога, «родившись в оборотах с местоименным подлежащим среднего рода, заключенным в глаголе или явственным, стало применяться и к оборотам, в коих подлежащим (бывшим объектом) было имя». Сюда относятся областные севернорусские (и украинские) обороты: *взято его в рекруты; повезено его в город* и т. п. Здесь винительный объект стоит при безличной форме причастия страдательного. «В тех случаях, где в безличном предложении со страдательным причастием требовалось обозначить ч явственное действующее лицо действительного глагола, это лицо, очевидно, может быть выражено только дополнением: *у молодца было послужено = послужил*»⁴⁷². Но, понятно, для образования безличных причастно-страдательных конструкций именной объект не обязателен и даже не нужен. «Он может быть опущен, не изменяя характера предложения». «Глаголы объективные здесь становятся на одну доску с субъективными».

Таким образом, безличные предложения этого типа в своем развитии выходят далеко за пределы соотносительности с личными активными оборотами. Безличные конструкции образуются и от глаголов субъективных* (непереходных). «В оборотах: *сижено, гуляно, идено, уехано за охотой; в девках сижено — плакат, замуж: выдано — выто* и т. п.... страдательная форма не имеет вполне страдательного значения и возможна благодаря фикции, что у глагола субъективно есть какой-то неопределенный объект. Этот действующий объект нужен только затем, чтобы в его форме представить действующее лицо»⁴⁷³.

Легко заметить, что учение Потебни о пассивных оборотах органически сплетается с вопросами об истории субъективно-объективного строя предложения, с вопросами о развитии разных типов предложения — глагольно-именных и глагольных. В той же плоскости Потебня рассматривает залоговые значения действительных, средних объективных, средних субъективных без *-ся* и средних возвратных глаголов.

Вопрос о переходных (объективных) глаголах сводится к изучению разных типов переходности, вернее, к изучению разных конструкций, связанных с формами прямой и косвенной переходности глагола. Однако в изложении Гвоздиков лексико-семантические критерии классификации возвратных форм являто доминируют над синтаксическими. Непосредственно же изложение этой проблемы самим Потебней нам пока неизвестно.

Потебня классифицирует возвратные глаголы, исходя из разных лексических значений самих глаголов и из значений аффикса *-ся*, а также из различий глагольного управления. Например, Потебня выделяет в особую группу глаголы с *-ся*, допускающие при себе ближайший объект лишь в родительном: *наестся, напиться, насмотреться, начитаться, хватиться, слушаться, стыдиться, совеститься* и т. п. «Судить о залоге можно только в связи с субъектом и объектом, при определении залога

нельзя вырывать глагол из предложения», — так комментирует Б. Гвоздиков точку зрения Потебни. Поэтому Потебня даже от действительного залога отделяет залог прямого объекта, видоизмененный вследствие отрицания. «Здесь глагол уже не будет действительным. Отрицание при сказуемом есть уменьшение или уничтожение деятельности подлежащего. Отсюда вытекает правило: отрицание видоизменяет залог глагола, следовательно, нет никакого основания писать отрицание *не* отдельно»⁴⁷⁴. Понятно, что и в кругу средних глаголов различаются Потебней глаголы средние объективные («залог косвенного объекта», например: *потрясать копьём; служить делу, а не лицам* и т. п.) и средние субъективные (т. е. безобъектные, например: *сидеть, спать, лежать* и т. п.; сюда также: *он поет в хоре* и др. под.). Но синтаксические особенности, лежащие в основе залоговых различий, у Гвоздикова не всегда выступают на первый план, иногда они остаются в тени или даже оставляются совсем в стороне. В собственном же изложении Потебни эти отделы его учения о залоге не дошли до нас, во всяком случае пока еще не опубликованы*.

1. Среди глаголов на *-ся* прежде всего выделяются возвратные глаголы. В них *-ся* обозначает тождество объекта с субъектом. Эти глаголы распадаются на собственно-возвратные (*мыться, беречься, наряжаться, одеваться, прятаться, обороняться, питаться* и т. п.) и частично-возвратные, в которых *-ся* синексисически выражает лишь часть субъекта (например: *тереться, обливаться, нахмуриться, сморкаться, зажмуриться, уставиться*, т. е. уставить глаза; «Ребенок опять засмеялся, *уставился* на сундук» — Тургенев, «Отцы и дети»; ср. у Гоголя в «Тяжбе»: «Да что ж вы на меня *установили* глаза?»).

2. В других глаголах на *-ся* суффикс *-ся* уже не имеет возвратного значения. Но, по выражению Потебни, «стал служить только средством превращения объективного глагола в безобъективный». Это средне-возвратные глаголы (например: *родиться, литься* (в значении: течь), *садиться, воротиться, учиться, умяться, забавляться, явиться* и т. п.)⁴⁷⁵.

Трудно сказать, в какой мере здесь статья Б. Гвоздикова, основанная на лекциях Потебни, точно воспроизводит мысли учителя. Но, по-видимому, в круг средне-возвратных глаголов Потебней включались разные группы глаголов с *-ся*, позднее тщательно разграниченные по своим залоговым значениям в работах Фортунова, Ульянова, Поржезинского и Шахматова. Различия внутри средне-возвратных залогов, по мнению Потебни, устанавливаются в зависимости от присущих им форм управления, от отношений их к объекту.

3. От средне-возвратных глаголов резко отличаются глаголы типа *кусаться, драться, швыряться* и т. п. По словам Потебни, «здесь *-ся* — знак устранения первоначального объекта или замены его другими»⁴⁷⁶. Замену объекта можно понимать как метонимическое переосмысление возвратности. По-видимому, развивая мысли Потебни, но отчасти и искажая их, Б. Гвоздиков различает в глаголах этого залога следующие разновидности:

1) когда *-ся* обозначает нечто принадлежащее субъекту, например: *уложиться, строиться, издержаться* («я, знаете, в дороге *издержался*» — Гоголь, «Ревизор»), *промотаться, собираться, управиться* и другие подобные;

2) когда *-ся* представляет предмет мысленной принадлежности (например: *изъянаться, исповедоваться, печататься* и другие подобные);

3) когда *-ся* метонимически изображает нечто близкое к субъекту в пространственном отношении, нечто находящееся перед ним, доступное его руке, находящееся вокруг него, около него, под ним (например: *держаться за что-нибудь, хвататься за что-нибудь, взяться за что-нибудь, оглядываться, забыться, рыться, копаться, топтаться; переминаться, толочься* и т. п.). По-видимому, генетически с этим разрядом глаголов были связаны и глаголы на *-ся*, в современном языке соотносительные с непереходными без *-ся*, вроде *плакаться, стучаться* и т. п.⁴⁷⁷

4. Часть глаголов на *-ся* относится к взаимному залогу.

...деревенский старожил

Лет сорок с ключницей *бранился*...

(Пушкин, «Евгений Онегин»)

—* Все дальнейшее изложение потебнианской классификации возвратных глаголов на *-ся* представляет собою лишь попытку реконструкции учения Потебни, причем все явно гвоздиковское, не находящее опоры в известных трудах самого Потебни, исключено.

Взаимность обозначается либо с помощью множественного числа («Хоть *подеритесь*, не поверю» — Грибоедов; «И новые друзья ну *обниматься*, ну *целоваться*» — Крылов, «Собачья дружба»; «Когда же мы *увидимся?*» — Фонвизин, «Недоросль» и т. п.), либо с помощью социативности (т. е. с помощью предлога *с*).

Иногда взаимность указывается выражениями: *между собой*, *друг друга*.

Потом *взглянулись* меж собой.

(Крылов, «Крестьянин и река») *Те шепчутся*, а *те смеются* меж собой.

(Крылов, «Ларчик»!)

5. В особый разряд Потебня выделяет глаголы на *-ся*, соотносительные с непереходными, субъективными глаголами. По-видимому, многие из этих глаголов вторичного, более позднего образования. По словам Потебни, аффикс *-ся*, получив в сочетании с глагольными основами особый оттенок неопределенности орудия и направления действия (например: *швыряться*, *бросаться*, *кусаться*), неясности мотива (*ручаться*), беспричинности или отсутствия видимой причины (*жечься*) и вообще развил многообразные производные значения, далекие от значений возвратного местоимения, стал присоединяться и к тем глаголам, которые прежде не допускали внешнего объекта. Эффект некоторых из этих глаголов, воспринявших аффикс *-ся*, тот, что в них действие представляется возникшим само собою, от неизвестной причины: *Пламя разгорелось*; *Человек разнемогся**¹.

Легко видеть, что этот разряд включает в себя глаголы, образуемые посредством совместного присоединения *-ся* и приставки. В этом кругу глаголов намечаются Б. Гвоздиковым некоторые подразделения:

1) глаголы движения, образуемые присоединением *-ся* и приставки *с-* (*сойтись*, *сходиться*, *съехаться* и т. п.), здесь «*-ся* представляет собою как бы центр, куда стремится действие»;

2) глаголы движения, образуемые присоединением *-ся* и приставки *раз-* (например: *разойтись*, *рассесться*, *расступиться*, *распасться*, *разбежаться* и т. п.), здесь «*-ся* представляет собой как бы окружность, к которой стремится действие, направляющееся от центра».

б. Кроме значения страдательного залога Потебня различает еще среди глаголов на *-ся* особый залоговый тип, в котором *-ся* присоединяет оттенок удобства, самопроизвольности действия. В таких конструкциях, как *не спится*, *плохо читается*, *хорошо живется*, *не сидится на месте* и других подобных, по словам Потебни, «мы замечаем оттенок легкости, удобства, самопроизвольности действия, как будто действие катится с наклонной плоскости. Этот оттенок значения зависит ли от дательного падежа, обозначающего лицо, для которого это делается?»

«Тот же самый оттенок останется, если мы устраним дательный падеж и поставим подлежащее. *То не беда, что пьется вода...* Мы говорим, что *дело само собою делается*. Оттенок зависит от *-ся*. Тогда мы получаем, отделяя *-ся* от предыдущего выражения, что *вода сама себя пьет*, так что не нужно, чтобы кто-нибудь употреблял усилие для ее питья...»⁴⁷⁹

Такова в общих чертах схема залоговых значений, намеченная Потебней и изложенная его рядовым слушателем Б. Гвоздиковым. Эта схема значительно восполняется мыслями и указаниями другого ученика Потебни — А. В. Попова.

§ 75. История развития заложных значений в изображении ученика Потебни А. В. Попова

Схема залогов, восстановленная по фрагментам записок Потебни и по статье его рядового слушателя, наполняется сложным историческим содержанием, если обратиться к «Синтаксическим исследованиям» А. В. Попова. Потебня писал в некрологе о Попове: «Как не встречал, так, вероятно, уже и не встречу другого такого». Попов рисует генезис категории залога. Он тоже связывает развитие категории залога с историей субъектно-объектного строя предложений. Самый древний из оборотов, относимых к категории залога, — это, по мнению Попова, допускавшего, вопреки Потебне, первичность одночленного предложения, безличный страдательный оборот. Попов —

вслед за Курциусом — считает, что «именительный, звательный и винительный падежи представляют группу более древних и более близких между собой падежей» и что винительный был некогда общим косвенным падежом⁴⁸⁰; дательный и творительный сформировались гораздо позднее. Из изложения ясно, что применение терминов и м е н и т е л ь н ы й и в и н и т е л ь н ы й падежи к характеристике древнейших синтаксических отношений очень условно. Речь идет о той стадии, когда еще не было существительных и прилагательных, не было и резких различий между именем и глаголом. Следы именно этой стадии можно видеть в страдательных безличных оборотах типа *в девках сижено, горя мыкано* или *построено там три терема* (винительный объекта)⁴⁸¹.

П р и ч а с т и я — это синкретическая часть речи, предшествовавшая выделению имени и глагола. Чем дальше в древность, тем заметнее, что причастия страдательные одинаково употребительны как в глаголах, означающих действие (*verba transitiva*), так и в глаголах, означающих состояние (*verba intransitiva*), так что в более древнее время переходность не противопоставляется страдательности. «В причастиях этих замечается усиливающееся по направлению к древности колебание между действительным и страдательным значением»⁴⁸². «Не может быть и речи о том, что страдательные причастия имели первоначально определенно-страдательное значение: страдательные с современной точки зрения причастия в более древнее время не могли иметь большей определенности заложного значения, чем та, какую до последнего времени обнаруживают слова, имеющие одинаковые с причастиями страдательные суффиксы (например: *nasutus — носат; carnuius — рогат* и т.п.)».

Итак, страдательное причастие в безличных оборотах типа *послано, хожено* и т. п. — это не глагол и не имя в нашем смысле. «По направлению к древности употребление винительных объекта при именах существительных и прилагательных заметно усиливается, причем многие из таких имен оказываются тождественными с страдательными причастиями...»⁴⁸³. Следовательно, в древнейших конструкциях этого типа винительный падеж не мог первоначально зависеть ни от залога, ни от глагола вообще. «Страдательные причастия первоначально могли только указывать, что действие, обозначенное глагольным корнем, принадлежит, относится к тому, о чем идет речь, не обозначая того, производитель ли это действия, или только ближайший объект, на котором проявляется действие, или лишь одно только обозначение проявления действия»⁴⁸⁴.

Первоначально «не было различия категории действительного и страдательного залогов». Это различие возникает в связи с развитием противопоставления активных глаголов, глаголов действия, и пассивных глаголов, глаголов состояния.

Категория залога формируется в связи с разграничением глаголов переходных и непереходных⁴⁸⁵. «Первоначально не могло быть заметного различия между переходными и непереходными словами». Дифференциация имени и глагола ведет к «специализированию значения глаголов». Глаголы делаются переходными в том случае, когда склоняются к значению действия, направляющегося на другой предмет⁴⁸⁶. В связи с этим процессом «идет развитие более позднего значения винительного объекта» как предмета, на который направляется действие подлежащего, как объекта, которому причиняется известное действие или состояние. Категория объекта соотносительна с категорией субъекта. С формированием этих категорий связано развитие субъектно-объектного или номинативного строя предложения. На фоне этой эволюции и возникает противопоставление активных и пассивных оборотов; развивается категория залога.

«Главное различие действительных оборотов от страдательных заключается в следующем: *в действительных оборотах главный с логической точки зрения предмет, т. е. производитель действия или состояния, является вместе с тем и главным предметом речи, т. е. подлежащим; в страдательных же оборотах главным предметом речи является или самое действие, факт* (безличные страдательные обороты), *или второстепенный с логической точки зрения предмет, на котором проявляется известное действие или состояние* (личные страдательные обороты), *причем производитель действия вполне или в значительной степени игнорируется*»⁴⁸⁷.

Таким образом, «зalog есть известного рода отношение между производителем действия, объектом и подлежащим; следовательно, заложное значение есть такое формальное значение глагола, которым обуславливается отношение между производителем действия, объектом и подлежащим»⁴⁸⁸. Образование действительного и страда-

тельного залогов связано с эволюцией категорий объекта и субъекта, активности и пассивности, переходности и непереходности.

«...Транзитивность первоначально (и вообще в более древних формациях) вовсе не составляет исключительной принадлежности действительного залога и не противоположна ни медиальности, ни страдательности и даже не составляет исключительной принадлежности глагола вообще, но свойственна и значительной степени существительному и прилагательному; следовательно, активность первоначально вовсе не тождественна с транзитивностью, как учат грамматики. Но с течением времени происходит следующее. Между *verba activa transitiva* (т. е. переходными.— *B. B.*) и *verba activa intransitiva* (т. е. непереходными.— *B. B.*) постепенно увеличивается различие; при последних (*intransitiva*) делается невозможным употребление винительного объекта, а вследствие этого делаются от них невозможными и личные страдательные обороты. Таким образом, суживание употребления винительного объекта идет параллельно с суживанием употребления страдательных оборотов⁴⁸⁹. В кругу действительных глаголов устанавливается различие между субъективными глаголами, не имеющими при себе никаких дополнений (объектов), и объективными.

Итак, формируются два класса глаголов.

1. Действительные, т. е. такие, при которых подлежащим является производитель действия; объекта может или вовсе не быть (непереходные действительные), или может быть один и даже (редко) два объекта (переходные действительные).

2. Страдательные, т. е. такие, при которых «производитель действия вполне или в значительной степени игнорируется, а подлежащим является или второстепенный с логической точки зрения предмет, на котором проявляется действие (являющийся в действительных оборотах объектом), или грамматического подлежащего вовсе нет; изредка при них возможен и винительный объект, особенно во втором случае (страдательные переходные глаголы)»⁴⁴¹.

3. В связи с образованием этих залоговых различий возникает и третий залог — медиальный, средний. Основных залогов три: действительный, страдательный и средний. «Удобство термина *средний залог* заключается в том, что указывает на отношение его к действительному и страдательному, средние глаголы представляют нечто среднее между действительными и страдательными, так как в них подлежащим является предмет, который вместе есть и производитель действия (признак действительного залога), и объект действия (признак страдательного). Это отношение понимали уже древнегреческие грамматики, которым принадлежит и само введение термина *средний*»⁴⁹¹.

Итак, рядом с действительными и страдательными располагаются медиальные глаголы, т. е. такие, при которых производитель действия является вместе и подлежащим и объектом, на что указывает медиальная форма или возвратный объект; другого объекта при этом обыкновенно (особенно в более поздних формациях) не бывает (непереходные *media*); но он может и быть (переходные *media*). (Ср. *я взглянул в зеркало и испугался себя*; ср. просторечное словосочетание *боюсь жену*.) Один из видов медиума составляют глаголы взаимные. Постепенно «транзитивность делается противоположно медиальности и страдательности и совпадает с активностью».

Итак, «медиальная форма указывает на то, что действие, возникающее от субъекта, имеет тот же субъект и своим объектом»⁴⁹².

Но так как медиальные глаголы начинают формироваться еще тогда, когда понятие объекта было очень широко и разные виды прямой и косвенной объективности — переходности и непереходности — не были дифференцированы, то значения медиальной формы очень сложны и разнообразны. Ведь местоименный корень (-ся), являющийся в виде возвратного местоимения или заключенный в среднем глаголе, может отражать всю широту и недифференцированность значений так называемого «винительного» падежа, которыми этот падеж обладал до образования современной системы падежей.

1) Так, *-ся* может заступать место одного из винительных падежей при древних глаголах с двойным винительным. Например, в таких оборотах, как *класть кому что* (или *кого во что*), *давать, делать кому что, надевать на кого что* (или *одевать кого во что*), более древние языки употребляют два винительных (двойные винительные различного значения). Когда *-ся* выступает в роли одного из этих винительных, возникают возвратные глаголы типа *одеваться, обустраиваться, полагаться, надеяться* и т. п.⁴⁴⁻¹

Конечно, последующая эволюция лексических значений изменяет первоначальные связи и соотношения глаголов.

2) Подобным образом из двойных винительных объясняются средние глаголы со значением: удалить от себя что, лишиться чего-и т. п., например: *раздеться, лишиться* и т. п.

3) Кроме того, в более древних языках существовал «винительный коммодальный: всякий глагол с винительным падежом возвратного местоимения мог получить значение действия для себя, в свою пользу». Так объясняется возникновение возвратных глаголов типа *строиться, проститься, молиться* и т. п.

4) В связи с этими значениями становится понятно, что «средние глаголы могут между прочим указывать на то, что объект принадлежит действующему лицу, составляет его часть или принадлежность», например: *издержаться, тратиться* и т. п.

5) Значительная часть винительного объекта имела первоначально *комитативное* значение, близкое к значению творительного. Комитативное значение возвратного объекта легко усматривается в таких глаголах, как: *носиться, возиться, бросаться, пускаться, биться* и т. п. {*биться* в таких оборотах, как *рыба бьется об лед*, значило: бить собою, а не себя).

Из такого основного комитативного значения в средних глаголах развиваются следующие два значения: *взаимное* и *обособительное*.

6) *Взаимные* глаголы. В них часто действие относится к обоим предметам, т. е. каждый из двух предметов (или групп предметов) является вместе и субъектом, и объектом, например: *человек борется с зверем* — значит: человек борет зверя, а зверь человека; в таком случае возвратный — местоименный объект, заключенный в среднем глаголе, получает взаимное значение (*друг с другом, друг друга*), и такие средние глаголы называются взаимными. Оба субъекта, выступая одновременно и в роли объектов, изредка выражаются именительным; обыкновенно же второстепенный из двух предметов является объектом, выражаясь в более древних языках винительным, а в более новых — творительным (сначала без предлога, а потом с предлогами, означающими сообщество). Например: *знаться с кем, видаться с кем, перекинуться с кем словом* и т. п.

7) *Полувазимные* глаголы. В этих глаголах представляется как бы «половина действия, выражаемого взаимными глаголами: только ответное действие» (ср. *откликаться при перекликаться*).

Так объясняется *-ся* в глаголах *отзываться, откликаться, отражаться, отдаваться, слушаться, ослушаться, отговориться, отбиться*.

8) Действие, которое совершает производитель действия сам с собою, есть действие обособленное, замкнутое; из значения обособленности легко развивается значение независимости, произвольности и отсюда бессмысленности действия.

Например: *целиться, рубиться (порубись дров, помолотись), жечься (крапива жжется), колоться, царапаться, лягаться, бросаться (он бросается камнями без причины)*.

Сюда же, вероятно, относятся многие из глаголов, означающих аффекты.

9) *Обособительное* значение особенно широко распространяется в связи с развитием значения *непереходности* в медиальной форме.

Так объясняется образование медиальной формы от многих глаголов *непереходных*, например: *стучаться, звониться* и т. д. В этом случае происходит как бы усиление значения *непереходности* с помощью медиальной формы.

10) *Verba media* в страдательном значении. «Медиальная форма может указывать на то, что слово, являющееся подлежащим, есть объект действия, означенного сказуемым (а это именно и означают личные страдательные обороты); при этом, конечно, игнорируется то, что в медиальном обороте объект действия есть вместе с тем и производитель действия»⁴⁹⁴.

По аналогии с безличными страдательными оборотами развиваются и безличные медиально-страдательные обороты. В них характерен особый оттенок значения: произвольности, бессмысленности, непонятности действия. Например: *спится, сидится, лежится, пьется, зевается, хочется* и т. п.

«Учение о безличности, по мнению А. В. Попова, есть известного рода дополнение к учению о залогах»⁴⁹⁵.

В самом деле, «очевидно, что объект и подлежащее составляют важные факторы в развитии залогов. Спрашивается, возможны ли такие случаи, когда один из этих

факторов равняется нулю, т. е. отсутствует в предложении? Факты показывают, что возможны. Так, с одной стороны, часто не бывает объекта при действительных глаголах (непереходные действительные глаголы); с другой стороны, некоторые глаголы всех трех залогов имеют такое значение, что не нуждаются в подлежащем. Такие глаголы принято называть безличными. Итак, безличность есть частный случай отношения между членами предложения, когда сказуемое по своему значению не нуждается в подлежащем.

Это бывает в тех случаях, когда главным предметом речи является само действие. Относящиеся сюда глаголы обозначают обыкновенное физическое, физиологическое или психическое состояние или действие, производитель которого неизвестен. Например, *темнеет, шумит, зудит* и т. п. просто значат: является темнота, происходит шум, чувствуется зуд. В безличных глаголах, говорит Штейнталь, самому субъекту дана глагольная форма: *es dunkelt — Dunkel isi wird*⁴⁹⁶.

Гейзе заметил, что безличные глаголы представляют форму предложения, выражающего существование (Existentialsatz), означающего простое бытие или превращение (Sein oder Werden), факт без субъекта, т. е. без отдельного субъекта, так как факт сам по себе есть вместе и субъект»*.

Таковы взгляды А. В. Попова на залог, в основном очень близкие к концепции Потевни⁴⁹⁷.

Здесь категория залога, в сущности, выводится далеко за пределы грамматического учения о слове, становясь основной проблемой исторического синтаксиса простого предложения⁴⁹⁸.

§ 76. Категория залога в освещении акад. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, Синтаксические противоречия в учении Овсяннико-Куликовского

Д. Н. Овсяннико-Куликовский односторонне воспринимает учение Потевни о залоге. Он устраняет соображения Потевни о генезисе и эволюции категории залога, о связи ее с разными типами предложения. Вместо :*того он разбавляет потевнианское учение о залоге психологизмом. Он своеобразно и меняет мысль Потевни об отсутствии полноты энергии в субъекте страдательного оборота. Овсяннико-Куликовский определяет залог так: «Залогам называются те глагольные формы, в которых воспроизведено отношение подлежащего как лица действующего к сказуемому как к действию, с точки зрения подлинности, фиктивности и мнимости роли подлежащего как производителя признака, данного в лексическом значении глагола-сказуемого»⁴⁹⁹. Такая оценка роли подлежащего невозможна вне лексической характеристики глагола. Например, в выражении *камень лежит — камень* представляется фиктивным производителем действия, и это представление зависит от лексического значения глагола *лежать*⁰⁰. Категория залога, следовательно, помещается Д. Н. Овсяннико-Куликовским на самой границе грамматики и лексикологии, в переходной между ними зоне. Характерное для Потевни стремление к учету взаимодействия лексических и грамматических значений у Овсяннико-Куликовского отзывается смешением тех и других. Залоговое значение, по Овсяннико-Куликовскому, — это свойство глагола изображать деятельность подлежащего либо как подлинную, л^бо как фиктивную или мнимую: «Смотря по лексическому значению глагола, эта мнимость колеблется то в ту, то в другую сторону, увеличиваясь и уменьшаясь». Понятие мнимости, фиктивности у Овсяннико-Куликовского двусмысленно. Иногда оно — лексическое, иногда — грамматическое. Тем не менее им определяется грамматическое различие между двумя основными залогам: действительным и страдательным. «Страдательный залог, — учит Овсяннико-Куликовский, — есть форма глагола, заставляющая нас мыслить подлежащее как недействующее или, лучше, мнимо действующее и только отвечающее на вопрос: *кто? что?*». Подлежащее при формах страдательного залога является лишь мнимым производителем признака, «иначе говоря, можно назвать

* Некоторые безличные глаголы, по-видимому, явл*ются и в личной форме; но на самом деле это два разных глагола, например: *il pleut* — идет дождь, но *Jupiter pleut* значит: Юпитер испускает дождь: таким образом *шумит* как безличный глагол значит: происходит шум, а как личный: производит шум.

мнимую его деятельность». В отличие от страдательного, действительный залог есть «форма глагола, заставляющая нас мыслить подлежащее как лицо действующее, причем самая деятельность его может быть либо подлинною, либо фиктивною», в зависимости от лексического значения глагола. Ср.: *я гуляю* и *камень лежит*. Дальнейшее различие залоговых значений у Овсянико-Куликовского носит еще менее грамматический характер. Оно грешит грубым смешением грамматических и лексических признаков, выделяемых с психологической точки зрения. Так, различая две формы страдательного залога (причастно-страдательный оборот и возвратно-страдательный глагол на *-ся*), Овсянико-Куликовский вслед за Потебней находит разницу между этими формами «в степени мнимости подлежащего как производителя признака». В формах типа *подсудимый был оправдан* эта мнимость подлежащего как производителя признака — полная, в пассивных конструкциях с формами на *-ся* (*мост строится*) степень мнимости уже не та. Так, например, в выражении *эта дверь плохо запирается* достаточно ясно сквозит «представление о двери как о действующем лице — как будто дверь сама так делает, что ее трудно запереть». Таким образом, и в формах страдательного залога на *-ся* наблюдается колебание в степени мнимости подлежащего как производителя действия, в зависимости от различий лексического значения глагола. В одних глаголах эта мнимость затушевана, в других выступает очень ярко. Например, в таких выражениях, как *заседание открывается, обед варится, публика не допускается, книга печатает!* и т. д., «уже гораздо труднее или совсем невозможно представить себе подлежащее действующим». Все же «отсутствие страдательного причастия и действительная форма глагола в этом обороте обуславливают собою то, что подлежащее здесь не имеет столь яркого характера мнимости (в смысле производителя признака), каким оно отмечено в обороте с причастием страдательным». Так Овсянико-Куликовский отделяет страдательное значение от грамматической формы (ведь форма глагола, по словам Овсянико-Куликовского, здесь «действительная») и ставит его в полную зависимость от лексических значений слов и от стилистических особенностей словоупотребления.

Классификация форм действительного залога в теории Овсянико-Куликовского производится уже с иной точки зрения — именно с точки зрения отношения действия к субъекту и объекту, а также взаимоотношений между субъектом и объектом действия (а не с точки зрения подлинности или «мнимости» подлежащего). Устанавливаются две разновидности глаголов действительного залога: 1) переходные (распадающиеся на: а) прямопереходные — с винительным прямым дополнением и б) косвенно-переходные) и 2) непереходные глаголы. Далее различаются следующие разряды непереходных глаголов:

1) непереходные, которые также могут быть и переходными, например: *говорить, читать, петь*;

2) непереходные — с частицей *-ся*, которую нельзя отделить (т. е., отделивши которую, нельзя получить живой формы глагола), например: *скитаться, бояться, выспаться, сниться, смеяться, улыбаться*. Это так называемые «общие» глаголы. Здесь, по словам Овсянико-Куликовского, «на первый план — в чисто грамматической сфере мысли — выдвигается само действие (состояние), с оглядкой на лицо, которому оно принадлежит»;

3) непереходные — с отделяющейся частицей *-ся* (соответствующие глаголы без частицы *-ся* — переходны), например: *молиться, рыться, возиться, носиться, копаться, томиться, водиться* и т. п. Здесь доминирует «представление, что действующее лицо как бы поглощено своею деятельностью, ушло в нее целиком»;

4) возвратные — тоже с частицей *-ся*, «которая здесь указывает на то, что действие подлежащего направлено на него же самого»;

5) взаимные — *драться, бросаться, целоваться* и т. д. — с частицей *-ся*, «намекающей на то, что объекты действия — это те же действующие лица»;

6) те же глаголы — *ругаться, драться, сражаться* и пр., но только без указания на взаимность;

7) непереходные — без *-ся*: *спать, лежать, умирать, страдать, болеть* и т. д.

Таким образом, здесь уже использован анализ возвратных глаголов, произведенный К. С. Аксаковым, Ф. Ф. Фортунатовым и А. А. Потебней, и несколько приспособлен к старому учению о залогах. Но в самой классификации непереходных глаголов у Овсянико-Куликовского наблюдается беспорядочное смешение разных критериев — лексических, морфологических и синтаксических.

Понятие непереходности, по мнению Овсяннико-Куликовского, имеет разные степени. «Непереходность различных глаголов неодинакова: многие из них стоят на границе между переходностью и непереходностью. Одни и те же глаголы могут быть переходными и непереходными. Например, непереходный глагол *рыдать* в стихах: Не *рыдай* так безумно *над ним*: Хорошо умереть молодым...

(Некрасов)

уже отмечен характером некоторой переходности.

Итак, «употребляя какой-нибудь глагол (в предложении), мы представляем себе его специальные отношения к действующему лицу, с одной стороны, и к внешним предметам (объектам) — с другой; если в нашем грамматическом ощущении перевешивают первые (отношения к действующему лицу), то это глагол непереходный; если перевешивают вторые (отношения к объектам), то это глагол переходный». Так как отношение глагола-сказуемого к подлежащему выражается в согласовании, а его отношение к дополнению — в управлении, то непереходность есть перевес согласования над управлением. Переходность, наоборот, — признак роста управления.

Легко заметить, что у Овсяннико-Куликовского снились и смешались в категории «действительных» глаголов глаголы самого различного грамматического содержания и строения: тут и переходные, и непереходные без *-ся*, и общие глаголы, и все ряды возвратных. В основу классификации залогов положены три совершенно различных и несоотносительных признака: 1) различие в отношениях между подлежащим и реальным производителем действия — признак синтаксический "связанный" с вопросом об активных и пассивных оборотах; 2) лексико-синтаксическое различие глаголов в зависимости от их переходных, непереходных и косвенно-переходных значений; 3) различие в значениях, вносимых в так называемые «возвратные» глаголы аффиксом *-ся*.

Концепция Овсяннико-Куликовского эклектически комбинирует разные учения о залогах. Она пропитана наивным психологизмом. Однако заслуга Овсяннико-Куликовского состояла в том, что он с точки зрения современного языка глубже осветил понятие переходности и непереходности глагола и разъяснил, следуя за Потемной, невозможность отделять от категории залога вопрос об активных и пассивных оборотах.

§ 77. Попытки синтеза фортунаатовской теории залогов с учением Потемни и Овсяннико-Куликовского в работах акад. Шахматова

Акад. А. А. Шахматов пытался выйти за пределы фортунаатовской схемы залогов и устранить противоречия концепции Овсяннико-Куликовского. Но в «Очерке современного русского литературного языка» Шахматов очень близок к Фортунатову и его школе в понимании сущности залога и в определении значений возвратной формы. Шахматов сначала отделяет от категории залога вопрос о переходном и непереходном значении глаголов. Общее определение залога в «Очерке» целиком совпадает с фортунаатовским. По Шахматову, «формами залога называются те различные произведенные от одного и того же глагола образования, в которых обозначаются различного рода отношения действия или состояния, выраженного глаголом, к его субъекту»⁵⁰¹. Вслед за Фортунатовым А. А. Шахматов признает, что наряду с глаголами, обозначающими залоговые различия, в русской языке много глаголов, не подводимых под категорию залога из-за отсутствия соотнесительных форм, например: *идти, долженствовать, возненавидеть, бояться* и т. п. Но, вопреки Фортунатову и в соответствии с грамматической традицией, Шахматов считает различия в отношениях действия или состояния к субъекту, выражаемые формами действительного и страдательного залогов, очень существенными дл* русского языка*. Эти различия отражаются не только в противопоставлении действительных и страдательных прича-

* Отчасти в этих пунктах сказалось влияние на Шахматова со стороны Овсяннико-Куликовского и «Синтаксических исследований» А. Попова.

ствий, но и в широком развитии страдательного значения у возвратных глаголов на *-ся*, преимущественно для 3-го лица. Для 1-го и 2-го лица обоих чисел, по мнению Шахматова, употребительнее обороты со страдательными причастиями, чем возвратные формы на *-ся*. Действительный залог обозначает, что «действие или состояние происходит от самого субъекта». Страдательный обозначает, что «действие переходит на субъект предиката с другого (психологического) субъекта». Эти определения близки к взглядам Потебни и Овсянико-Куликовского. С действительным залогом соотносительны также средний, обозначающий, что «действие или состояние, выраженное глаголом действительного залога, подвергалось тому или иному изменению в отношении его к субъекту, причем это изменение внесено в него частицей *-ся*» (*моется, они бранятся, радоваться, сердиться* и т. п.). Таким образом, основных залогов у Шахматова (так же как и у Потебни) три: действительный, страдательный и средний, к которому Шахматов относит возвратные глаголы (ср. классификацию Г. Павского и традиционную систему залогов, принятую западноевропейской лингвистикой)⁵⁰². Определяя значение глаголов на *-ся*, т. е. «глаголов среднего залога», А. А. Шахматов отчасти руководился схемой Фортунатова. Он делил эти глаголы: 1) на глаголы собственно возвратные, соотносительные с переходными действительными глаголами (со значением возвратно-переходным — *он моется, лошадь плетется*, возвратно-непереходным — *собака кусается*, возвратно-взаимным — *они познакомились* и возвратно-общим — *сердиться*), и 2) на средние глаголы с усилительно-определятельным значением, произведенные от непереходных глаголов (среди этих последних различались: а) глаголы с усилительным значением: *стучаться, хвастаться, звониться* и т. п., в которых действие субъекта совершается в его интересах, и б) глаголы с определятельным значением: *краснеться, белеться* и т. п.).

Различая в кругу возвратных глаголов те же оттенки значений, что и Фортунатов, акад. А. А. Шахматов опирается на более широкий и разнообразный материал. Этот материал не покрывается фортунатовской схемой глаголов. Поэтому характеристика некоторых значений оказывается слишком общей и неопределенной. Таково, например, возвратно-непереходное значение, «когда действие субъекта только обнаруживается, но не переходит ни на объект, ни на субъект». Сюда у Шахматова отнесены такие разнородные типы глаголов, как *кусаться, жечься (крапива жжется), бодаться* и т. п., с одной стороны, и *строиться (народ строится), тратиться (ты понапрасну тратишься), убираться (он целый день убирается)* и т. п. — с другой. Очень расширенным представляется и толкование «возвратно-переходного значения»: «Когда действие субъекта переходит на него же, захватывая или часть его (например, внешность), или его всего, выдвигая его, выставляя его определенным образом». С этим значением у Шахматова связаны не только прямовозвратные формы, вроде *я моюсь, ты купаешься, румянится, она завивается* и т. п., но и такие глаголы, как *крадется, лошадь плетется, он носится с мыслью, берется, забывается, твое отсутствие куда-то в глаза* и т. п. Ясно было, что фортунатовский перечень значений *-ся* очень неполон, недостаточен. В своем «Синтаксисе» А. А. Шахматов значительно пополняет и исправляет его.

В своем «Синтаксисе» А. А. Шахматов сохранил то же деление на три основных залога (с заменой термина «средний залог» названием «возвратный залог»): действительный, страдательный и возвратный, но расширил и видоизменил само понятие залога⁵⁰³. В русском языке, по Шахматову, формами залога выражается или отношение субъекта к объекту действия, или же невозможность сочетать данный глагол с объектом. Таким образом, в соответствии с теорией Потебни и Овсянико-Куликовского признак переходности или непереходности становится у Шахматова фундаментом учения о залогах. Теперь Шахматовым различаются три группы глаголов действительного залога: переходные с прямым дополнением (в винительном падеже), переходные с косвенным дополнением (в родительном, дательном, творительном падежах) и непереходные, вообще не имеющие при себе дополнения. Грамматическое различие между этими тремя разновидностями глаголов действительного залога выражается в том, что прямо-переходные глаголы образуют причастия страдательного залога; косвенно-переходные, не образуя причастий страдательного залога, могут сочетаться с *-ся* (ср.: *управляться, руководиться*; ср.: *грозить* и *грозиться; хвастать* и *хвастаться* и т. п.); непереходные не образуют причастий страдательного залога и обычно (кроме некоторых немногих глаголов) не сочетаются с *-ся* (разве только для обозначения полноты про-

явления действия или его интенсивности, но и то — при одновременном присоединении приставки, например: *лежать — отлежаться, вылежаться*). Кроме того, А. А. Шахматов углубил и расширил учение Фортунатова о значении возвратной формы*, о значении аффикса *-ся*.

Не подлежит сомнению, что в шахматовском учении о залогах русского глагола есть некоторая неслаженность. В «Очерке современного русского языка» А. А. Шахматов, следуя за Фортунатовым, выдвигал главным образом морфологические различия между залогами. Но тут же под влиянием Овсяннико-Куликовского он подчеркивает соотносительность действительного и страдательного оборотов и выясняет синтаксическую разницу между ними, состоящую в характере отношений предиката к субъекту. Кроме того, описывая формальные классы глаголов среднего залога, А. А. Шахматов уже не ограничивается указаниями на отношение действия к субъекту, но постоянно отмечает и различия в отношениях действия к объекту (например, *возвратно-непереходное* значение, когда действие «не переходит ни на объект, ни на субъект», *возвратно-взаимное*, когда действие субъекта и объекта взаимно переносится друг на друга). В «Синтаксисе» А. А. Шахматов глубже вникает в синтаксическую природу залоговых различий, в их связь с соотношением категорий субъекта и объекта в строе предложения. Но и тут лексико-морфологические признаки залоговых форм отвлекают А. А. Шахматова от анализа тех синтаксических конструкций, строй которых всецело определяется различиями залоговых форм и функций глаголов.

Анализ функций самой возвратной формы — самая блестящая и плодотворная часть шахматовского учения. С некоторыми дополнениями и поправками он должен быть принят как грамматикой, так и лексикологией современного языка. Характеристика основных, продуктивных значений аффикса *-ся* помогает уяснить семантическую природу возвратных глаголов, живые законы их образования и синтаксического употребления в современном языке.

§ 78. Значения формообразующего и словообразовательного аффикса *-ся*.

Соотношение между глаголами на *-ся* и глаголами без *-ся*

и нарушение этих соотношений

Не подлежит сомнению, что в современном русском языке категория залога прежде всего выражается в соотношении возвратных и невозвратных форм одного и того же глагола.

В основе этого явления лежит синтаксическое свойство глагола воспроизводить оттенки одного общего грамматического понятия (отношения действия к субъекту и объекту) соотносительными формами — основной и производной, осложненной агглютинативным аффиксом *-ся*.

Первоначально невозвратная и возвратная форма глагола были формами одного и того же слова. Возвратная форма (в которой элемент *-ся* был некогда подвижным) обозначала то же действие, но замкнутое в его субъекте, не направленное на посторонний объект (ср.: *мыть* и *мыться*; *бросать* и *бросаться*; *веселить* и *веселиться*; *уважать* и *уважаться*; *целовать* и *целоваться*; *запастись* и *запастись* и т. п.). Однако это синтаксическое соотношение должно было повлечь за собой и лексические различия. Значения возвратных форм стали очень разнообразны и диффузны, так как в глагольных формах на *-ся* отразились разные падежные функции бывшего возвратного местоимения. Грамматические соотношения форм глагола без *-ся* и с *-ся* были видоизменены и осложнены выросшими лексическими различиями этих форм. Многие возвратные формы, развив самостоятельные значения, обособились от соответствующих невозвратных форм и стали отдельными словами. Однако и в современном русском языке — при отсутствии лексических различий — возвратные и невозвратные глаголы с одной и той же основой воспринимаются

—* Работа Л. Margulies «Die verba reflexiva in den slavischen Sprachen» (Heidelberg, 1924) почти не пополняет учения о залоге новыми указаниями.

как формы одного слова, а не как разные слова. Но эти грамматические отношения возвратности и невозвратности уже осложнены и смешаны разнообразными лексическими, словообразовательными функциями аффикса *-ся*. Дело в том, что значение и оттенки аффикса *-ся* зависят от лексических значений тех глагольных основ, к которым этот аффикс присоединяется. Общая функция *-ся* — устранение переходности глагола или усиление его непереходности — осложняется разнообразными оттенками соответственно лексической природе тех или иных разрядов глаголов, соответственно их семантической дифференциации.

Вслед за А. А. Шахматовым можно различить такие значения и оттенки, придаваемые группам возвратных глаголов вообще или их отдельным группам с суффиксом *-ся*.

1. Собственно-возвратное (или прямо-возвратное) значение. В этом случае *-ся* обозначает, что действие имеет своим объектом физическую личность самого субъекта — производителя действия, непосредственно направлено на его внешность, на поверхность его тела и т. п. (ср.: *мыться, белиться, румяниться, чесаться, завиваться, беречься, казниться, закутаться, защищаться* и т. п.). Устанавливается прямое соотношение между возвратными формами и основными формами без *-ся* (*мыть, белить, румянить* и т. п.), по крайней мере, в общем кругу значений. Но во многих глаголах, которые раньше имели ярко выраженное прямо-возвратное значение, в процессе их семантической эволюции это значение бледнеет (например: *готовиться, присоединяться, собираться* и т. п.). При возвратном значении у глаголов на *-ся* предполагается в качестве субъекта действия лицо или вообще живое существо. В сочетании же с субъектом, выражающим не лицо, а предмет, эти глаголы обычно имеют значение страдательное, или средне-возвратное (например: *лицо моется; щеки румянятся от мороза* и т. п.). Ср.: *спасаться от преследования* и «любовью все покупается, все спасается» (Достоевский).

А. Маргулиес различает два оттенка собственно-возвратного, или «объективного» (по его терминологии), залога. Возвратный залог может обозначать:

- а) выполнение субъектом действия над собой {*умываться; кошка лижет ся* и т. п.);
- б) выполнение субъектом действия самим собой (*mit sich selbst*): *хвалить ся, перемениться* и другие подобные.

Но легко заметить, что этот второй оттенок возвратного залога является переходным от собственно-возвратного значения к значениям средне-возвратному (например: *углубиться в размышление, нравственно перемениться*) и обще-возвратному. Кроме того, Маргулиес считает грамматически однородными простые (с аффиксом *-ся*) и усиленные заменой *-ся* через *себя* и присоединением местоимения *сам* формы возвратного залога. Например: *он защищался и он сам себя защищал; я мучился и я сам себя мучил* и т. п.

Частое употребление усиленной формы возвратного залога в русском языке, по Маргулиесу, находится в связи с тем, что в русском языке простая возвратная форма выражает слишком много залоговых значений. Но вряд ли можно согласиться с этими положениями Маргулиеса. Для нас *беречься* и *беречь себя, застрелиться* и *застрелить себя* различны по своей грамматической природе. На это уже указывали и Овсяннико-Куликовский, и Пешковский. «Если вместо «он застрелился» мы скажем «он застрелил себя», то это будет уже другое выражение, другой оборот; оба выражения могут иметь один и тот же смысл, одно и то же материальное содержание, но они различны грамматически, синтаксически, и поэтому их нельзя отождествлять»⁵⁰⁴.

Однако далеко не всегда такие парные выражения синонимичны (ср.: *убиться* и *убить себя*). Ср.: *лишиться жизни* и *лишить себя жизни*. Ср. *Он-то*

считает себя умным, а у окружающих считается круглым дураком; ср.: *беречь себя и беречься* и другие подобные. Ср. широкое распространение в современном русском языке возвратных глаголов типа *самоуплотниться, самоустраниться, самоуничтожиться* и т. п. при отсутствии соответствующих невозвратных форм с *само-* и при невозможности сказать: *самоуплотнить себя* и т. д.

2. С р е д н е - в о з в р а т н о е значение. В этом случае *-ся* обозначает, что действие не направлено на посторонний объект, а сосредоточено в сфере субъекта и сводится к внешним изменениям в состоянии субъекта. При этом «субъект, оставаясь фактическим производителем действия, не мыслится таковым; он только объект» (Шахматов). Однако непосредственное понимание направленности действия субъекта (производителя действия) на себя самого как на прямой объект или вовсе отсутствует, или затруднено. Это значение рельефно выступает в группе глаголов, означающих внешние, физические изменения и изменения в состоянии и положении субъекта, его перемещения в пространстве, причем субъектом может быть и одушевленное существо, и неодушевленный предмет: *возвращаться, убираться, останавливаться, отправляться, отодвигаться, переселиться, прибавляться* (в весе), *прогуливаться, кататься, шататься, бросаться, наклоняться, подняться, прислониться, скатиться, свалиться, вертеться, трястись* и т. п. Все глаголы этого типа соотносительны с глаголами без *-ся* и иногда могут иметь также страдательное значение (преимущественно в несовершенном виде)⁵⁰⁵.

3. О б щ е - в о з в р а т н о е значение. В этом случае *-ся*, замыкая действие в сфере субъекта, образует возвратные глаголы, выражающие изменения во внутреннем состоянии субъекта (*сердиться — сердиться; радовать — радоваться; торопиться, веселиться, страшиться, удивляться, удовлетворяться, подчиняться, восхищаться, признаваться, беспокоиться, утешиться* и т. п.). Очевидно, это значение может возникнуть лишь в лексическом кругу глаголов со значением чувства, внутреннего душевного переживания. Возвратные глаголы внутреннего состояния не могут иметь страдательного значения. Соотношение субъектных и объектных значений в них иное, чем в глаголах «физических изменений» (типа *пожиматься, бросаться*). Здесь *-ся* указывает на то, что субъект сам охвачен действием-состоянием (т. е. переживанием, чувством). Это значение родственно лексическому значению так называемых «общих глаголов», которые не имеют соответствий среди форм без *-ся*: *стараться, бояться, опасаться, гордиться, улыбаться, усмехаться* и т. п.

Маргулис объединяет средне-возвратное и обще-возвратное значения в категории «эвентивного залога». «Эвентивный залог обозначает состояние, вызванное действием, или же включенную в какое-нибудь действие, следовательно, вторичную деятельность» («тихо *склонялась* и *поднималась* его голова» — Тургенев; *он всполошился*). Действительно, многие глаголы со средне-возвратным значением в переносном употреблении получают значение обще-возвратное, например, *портиться* (в физическом и психическом, нравственном смысле).

4. С т р а д а т е л ь н о - в о з в р а т н о е значение. Отчасти оно совмещается с собственно-возвратным значением и возникает в тех же глаголах при неодушевленном субъекте (ср., например: *она румянилась* и *щеки румянятся морозом*); в других глаголах оно сочетается со значением средне-возвратным. Ср.: «Голпы раненых... шли, ползли и на носилках *неслись* с батареей» (Л. Толстой, «Война и мир») и *Корабль несется на всех парусах*. В теории большая часть прямо-переходных глаголов действительного залога может быть обращена в возвратные глаголы со страдательным значением (ср.: *штрафоваться, обличаться, называться*), но фактически у многих глаголов страдательное значение бывает затушевано, затемнено другими возвратными

значениями (особенно средне-возвратным). Страдательное значение ярче выступает при наличии творительного падежа действующего лица⁵⁰⁶.

А. А. Шахматов делал такое примечание к анализу глаголов страдательно-возвратного залога: «Иногда невозможно определить залог: *поезд останавливается*, но *поезд останавливается сигналом стрелочника, опытной рукой машиниста*; даже — *поезд останавливается по требованию пассажиров*, это — страдательный, если подразумевается дополнение в виде неопределенного лица; это — возвратный при отсутствии такого представления»⁵⁰⁷. Но и указанный Шахматовым признак страдательного значения условен и необязателен.

Страдательное значение чаще всего обнаруживается у возвратных глаголов в форме 3-го лица и притом в несовершенном виде. В соотносительных формах совершенного вида страдательное значение возможно лишь в будущем времени. Соответствующие же формы прошедшего времени совершенного вида обычно приобретают средне-возвратное значение. Например: *комната освещается (освещалась, будет освещаться) керосиновой лампой*. Допустимо: *комната осветится лампой*. Почти невозможно: *комната осветилась лампой* (но ср. *улица осветилась фонарями* — здесь *осветиться* имеет иное, средне-возвратное значение). В силу этой связи страдательного и средне-возвратного значений у многих глаголов на *-ся* страдательность кажется недоразвившейся или угасающей.

5. **Взаимно-возвратное значение.** В этом случае *-ся* выражает взаимодействие субъекта и объекта как производителей и объектов процесса. Например: *бороться, биться, сражаться, возиться, сговориться, повидаться, условиться, помириться, объединиться* и т. п.

При наличии множественного или собирательного деятеля эти глаголы непосредственно выражают взаимность действия или взаимодействие (ср.: *друзья обнялись; милые бранятся, только тешатся*; ср.: *делились чувствами они; бывшие враги помирились*). Не раз отмечалось в научной литературе, что взаимное значение *-ся* первоначально развилось у возвратных глаголов именно в формах множественного числа. Понятие взаимности прежде всего включает в себе признак перехода действия с одного субъекта на другой или другие субъекты⁵⁰⁸, признак взаимодействия двух или нескольких лиц. В этом случае *-ся* значит: друг друга. Например: *они схватились за руки и поцеловались* (ср. *они помирились друг с другом*). Но к оттенку взаимодействия или взаимного действия субъектов друг на друга, так что каждый субъект действия является в то же время и объектом его, примыкает другой оттенок — оттенок совместности действия двух или нескольких лиц или совместного их участия в действии (ср. *товарищи поругались*). Например: *Они шептались по кустам; Делились чувствами они; Разошедшись в разные стороны, они долго перекликались* и т. п. Отсюда — один шаг до нового оттенка, связанного с употреблением тех же глаголов (особенно часто в формах единственного числа) в сочетании с косвенным объектом, обозначающим лицо и присоединенным с помощью предлога *с*, например: *я дружески обнялся с ним* и т. п. По-видимому, нет серьезных оснований отделять от взаимного залогового значения употребление тех же глаголов с предлогом *с* (ср.: *советовать кому что и советоваться с кем*). Например: «Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними *не бранивался*» (Пушкин).

В сущности, здесь наблюдается синтаксический «перенос» того же рода, что и в конструкциях: *Полкан и Барбос — Полкан с Барбосом*. Поэтому представляются неубедительными следующие возражения против такого объединения со стороны проф. А. Б. Шапиро: «Значение взаимного подзалога глагол имеет лишь тогда, когда действие совершается не одним лицом, а двумя или несколькими, причем эта сторона значения глагола выражается множе-

ственным числом подлежащего и, соответственно, сказуемого. В предложениях: *Я с ним встретился; Она вечно со всеми борется* и т. п. у глаголов *встретился* и *борется* значения взаимного подзалога нет, так как здесь формой числа подлежащего не поддерживается значение взаимности действия: в этих предложениях из лиц, упоминаемых в связи с действием, только одно выступает как субъект (*я, она*), остальные же — только в качестве непрямого объекта»⁵⁰⁹. Можно лишь сказать, что в этих конструкциях значение социа-тивности, взаимности синтаксически расплыено по всему словосочетанию.

6. Косвенно-возвратное значение. В этом случае *-ся* обозначает, что действие субъекта имеет личность того же субъекта и своим косвенным объектом: оно совершается для него; в его интересах. Например: *строится, построятся, прибраться, уложиться, запасться, раздобыться* и т. п.

7. Побочно-возвратное значение. Здесь *-ся* обозначает, что действие, отстраняя объект или ставя его в косвенное отношение к себе, в то же время не охватывает и субъекта, а лишь как бы исходит из него. Например: *держаться за перила, взяться за дело, оглядеться, цепляться* и т. п.

8. Средне-пассивно-возвратное значение. В этом случае *-ся* обозначает, что объект действия изображается в роли его субъекта, а само действующее лицо, производитель действия, представляется в качестве косвенного объекта, на который направлено действие. Обычно это значение обнаруживается у личных глаголов при сочетании с дательным субъекта. Например: «*Припомнились ей опять притвор и темные фигуры*» (Чехов); «*Их лица мне представляются* и теперь иногда в пуме и толпе среди молодых франтов» (Гоголь)*.

9. Качественно-пассивно-безобъектное значение. Здесь *-ся*, замыкая действие в самом субъекте, выражает наличие у субъекта характеристического свойства, обладание субъекта способностью подвергаться какому-нибудь действию, например: *ящик выдвигается, стекло не гнется, палка не сгибается* и т. п. Однако это значение ярче выступает в формах настоящего времени, а также при наличии наречных качественных определений образа действия. Следовательно, это значение формируется не столько присоединением аффикса *-ся* к переходным глаголам известной семантической группы, сколько взаимодействием, комбинацией ряда факторов.

10. Активно-безобъектное значение. Это значение особенно ярко выступает у возвратных глаголов, соотносительных с переходными глаголами без *-ся* и обозначающих действие субъекта, фактически переходящее на какой-нибудь предмет, направленное на других, но мыслимое в отвлечении от объекта как характеристическая, отличительная черта самого субъекта. Например: *Собака кусается; Что ты толкаешься? Крапива жжется; Корова бодается; Эта стена только что окрашена и потому пачкается; «А барс лишь резаться готов»* (Крылов, «Воспитание льва») ⁵¹¹.

11. Интенсивно-побочно-возвратное значение. Оно связано с обозначением действия кратного, проявляющегося «с такой интенсивностью, которая сосредоточивает особенное внимание на производителе при знака» (Шахматов). Это значение свойственно глаголам, которые соотносительны с непереходными глаголами без *-ся* и лексически почти тождественны с ними (в однородном кругу значений). Все эти глаголы характеризуются подчеркнутой замкнутостью действия в сфере субъекта, его интересов. Например: *звониться* (т. е. звонить в дверной звонок, чтобы открыли дверь; ср. значения глагола *звонить*), *стучаться, плакаться, хвастаться, це-*
* Отнесение подобных примеров у И. П. Мучника к страдательному залогу с точки зрения современных синтаксических отношений не мотивировано⁵⁰.

литься, грозиться, светиться, глядеться. Проф. Л. А. Булаховский определяет значение этих глаголов как *заинтересованно-длительно-усилительно* ⁵¹².

Любопытно, что А. Маргулиес в своей работе о возвратных глаголах объединяет активно-безобъектное и интенсивно-побочно-возвратное (а также косвенно-результативно-возвратное) значения в одной категории динамического залога. По Маргулиесу, «динамический залог обозначает не отклонение в направлении действия, выраженного активным глаголом, а усиление этого действия». «Динамический залог лишь количественно отличается от действительного залога, тогда как все остальные залоговые отклонения отличаются от него качественно». Динамический залог одинаково образуется как от глаголов переходных (*кусаться, драться*), так и непереходных (*грозиться, плакаться*). Ср.: *попасть* и *попасться*; *отступать* и *отступиться*; *пройти* и *пройтись*.

Отсутствие резких граней между глаголами на *-ся* с интенсивным значением, со значением заинтересованности, образованными как от переходных, так и непереходных глаголов, видно по таким глаголам, как *обещать* и *обещаться*. Ср.: «К батюшке зйти я *обещался*» (Грибоедов, «Горе от ума»); *Товарищ обещал помочь мне*. Ср.: *просить* и *проситься*.

12. Значение *пассивности* в обнаружении внешнего признака. Это значение свойственно глаголам на *-ся*, соотносительным с непереходными отыменными глаголами на *-еть*: *белеться* (ср. *белеть*), *зеленеться*, *стареться*, *тлеться* (ср. *тлеть*) и т. п. В этих глаголах (сравнительно с формами без *-ся*) отсутствует оттенок активного развития, роста качества и рельефнее выступает значение пассивного проявления внешнего признака (зрительного, чаще всего цветового). Например: *зеленеться* — казаться зеленым, показываться, виднеться (о чем-нибудь зеленом). Ср. *зеленеть* — 1) становиться зеленым, приобретать зеленую окраску; 2) покрываться свежей травой, листвой. От этих значений отблеск или оттенок активности падает и на то значение *зеленеть*, которое близко слову *зеленеться*. Например: «И зеленеющая влага пред ним и блещет и шумит».

В глаголах *чернеться, светлеться* и т. п. — сравнительно с *чернеть, светлеть* и т. п. — ослабевают и утрачиваются значения ингрессивное (т. е. значение наступления признака) и начинательное. Например, *чернеть* значит: 1) становиться почерневшим, приобретать черный цвет, черную окраску (значение ингрессивное); 2) начинать чернеть (начинательное значение) и 3) виднеться (о чем-нибудь черном). В *чернеться* сохраняется лишь последнее значение. Отсюда — ослабление активности процесса.

13. Косвенно-результативно-возвратное значение, выражающее полноту, исчерпанность проявления действия, удовлетворенность, истощенность субъекта действием, интенсивность захвата субъекта действием. В соответствующих глаголах присоединение *-ся* связано с префиксацией, изменяющей вид глагола (например: *належаться, вылежаться, проспаться* и т. п.). Глаголы этого типа соотносятся как с переходными, так и с непереходными глаголами без приставки и без *-ся*. Этот процесс комбинированного, суффиксально-префиксального внутриглагольного словообразования, связанный с использованием аффикса *-ся* и с видовой трансформацией глаголов, очень многообразен. В сущности, здесь лексических значений и оттенков столько же, сколько разных приставок, служащих совместно с *-ся* способом образования новых глаголов и выражающих предельную полноту проявления действия с теми или иными семантическими оттенками (ср.: *догуляться, отгуляться, нагуляться* и т. п.; *выспаться, отоспаться, проспаться, наспаться, разоспаться* и т. п.). Глаголы этого типа нуждаются в детальном анализе. Освещение их в работах Шахматова явно недостаточно.

14. *Взаимно-моторное* значение. Оно проявляется у глаголов на *-ся*,

образованных от непереходных глаголов движения с помощью суффикса *-ся* и приставок *с-* и *раз-* (*разбежаться, разойтись, сойтись, съехаться, срастись* и т. п.)⁵¹³. В этих случаях приходится говорить собственно не о значении суффикса *-ся*, а о значении *раз-... -ся, с-... -ся* в сочетании с глагольными основами движения.

15. **Безлично-интенсивное значение.** Оно обнаруживается в безличных глаголах на *-ся*, выражающих действие, независимое от воли лица, участвующего в процессе, и проявляющееся интенсивно. Сюда относятся безличные глаголы физического или внутреннего состояния, при которых субъект выступает в роли объекта, на который направлено действие. Например: *мне хочется; плохо работается; не спится; нездоровится; икается* и т. п.

А. А. Шахматов в «Очерке» различал здесь «два случая: в одном из них частица *-ся* присоединяется к глаголам, имеющим в действительном залоге переходное значение», например: *естся сытно; ему не терпится; не работается; торгуется хорошо*. «В этом случае безличный глагол не трудно было вывести из страдательного залога: *здесь упоминалось о моем знакомстве; думается и так и сяк* и т. п. В другом случае *-ся* присоединяется к непереходным глаголам. Тут бессубъектность не может быть выведена из других залоговых форм. Она непосредственно формируется аффиксом *-ся*, например: *ему сладко спится; тебе не сидится* и т. п. Теперь оба разряда слились в один грамматический тип»⁵¹⁴.

В современном языке нельзя (вопреки \. А. Шахматову) объединить с этой группой безличные глаголы с морфемой *-ся*, обозначающие явления природы, вроде *стемнелось, смеркается* и т. п. При многих из этих глаголов нет соотносительных форм без *-ся*.

Таков круг живых значений аффикса *-ся* в современном языке. Система значений глаголов на *-ся* лишь частично связана с выражением синтаксического отношения действия к субъекту (а соотносительно с субъектом — и к объекту). С ней органически срослись и видовые различия действия, и сложные изменения и переходы лексических значений глаголов. У многих глаголов на *-ся* в процессе исторического развития ослабела или даже вовсе оборвалась семантическая связь с производящими глаголами без *-ся* (ср.: *раздать* и *раздаться в ширину; раздалось пение* и т. п.; *прощать* и *прощаться; пробирать кого-нибудь* и *пробираться через что-нибудь* к т. п.).

Еще Ломоносов заметил (см. § 363), что в некоторых случаях грамматическая и даже лексико-семантическая соотносительность между возвратным глаголом и основным глаголом без *-ся* разрывается. «Премениются знамено-вания глаголов в другие и часто в метафорические (*водить — водиться*)», *стать — статься*.

В этих случаях, естественно, утрачивается и грамматическая соотносительность залоговых значений. Степени обособления и расхождения производных глаголов на *-ся* и производящих без *-ся* очень различны. Глаголы на *-ся* иногда обрастают новыми значениями, не свойственными соотносительным невозвратным глаголам (например: *здоровье расклеилось; смешаться* в значении: прийти в смущение; *докладчик распространялся о...* и т. п.).

В других случаях и основные реальные значения параллельных глаголов без *-ся* и на *-ся* резко расходятся (*задумать* и *задуматься; забыть* и *забыться* и т. п.). Нередко такая возвратная форма выживает и сохраняется, в то время как невозвратная вымирает (ср.: *каяться, очутиться*; ср.: *притвориться* и *притворить* и т. п.).

Многие глаголы на *-ся* вошли в литературный язык из народных, профессиональных диалектов или арго, оторвавшись от основных глаголов (например: *очнуться, насобачиться, расфуфыриться, карабкаться, окачуриться, влопаться* и т. п.).

Кроме того, многие глаголы на *-ся* были вновь образованы соответственно установившимся грамматическим типам от именных основ независимо от невозвратных глаголов (например: *куражиться, удосужиться, ручаться* и т. п.). Ср.: *отнекиваться, хорохориться* и т. п.

Все это говорит о том, что традиционное учение о категории залога недостаточно расчленяет разные структурные элементы в системе глагола, разные синтаксические и словообразовательные соотношения глаголов и глагольных рядов.

В употреблении аффикса *-ся* наблюдается сложное взаимодействие лексических и грамматических значений. Большая часть исследователей русского языка связывала с категорией залога деление глаголов на разные типы соответственно различиям в лексических, реальных значениях глаголов. Грамматическая соотносительность форм при этом часто вовсе не принималась в расчет или упускалась из виду. В этом случае категория залога выходит за пределы грамматики. Между тем в системе соотношений форм на *-ся* и производящих глаголов без *-ся* грамматические связи не в одинаковой степени ослабляются лексическими различиями. Переходные невозвратные глаголы объединены самой тесной грамматической связью с формами на *-ся*, имеющими возвратно-страдательное и собственно-возвратное значения. Менее близка грамматическая связь между переходными невозвратными глаголами и соотносительными образованиями с *-ся*, имеющими средне-возвратное, обще-возвратное, возвратно-взаимное (особенно — осложненное добавочными показателями взаимности в виде предлога *с*), косвенно-возвратное, качественно-пассивно-возвратное и средне-пассивно-возвратное значения. Но так как многие глаголы на *-ся* по-разному совмещают в своей структуре все эти значения, то происходит своеобразная лексикализация даже собственно-возвратных залоговых отношений. Еще глубже уходят в лексическую систему языка значения *-ся* как словообразовательного элемента, с помощью которого производятся новые глаголы от непереходных глаголов. Если рассматривать категорию залога как «различное оформление одного и того же глагола, требующее каждое различного построения предложения согласно особенностям его содержания»⁵¹⁵, то в пределах этой категории из глаголов на *-ся* окажутся лишь формы с возвратно-страдательным и, может быть, с собственно-возвратным, а иногда и средне-возвратным значениями — в их отношении к основным переходным невозвратным глаголам. Сюда же примкнут и параллельные синтаксические обороты: *я не сплю* и *мне не спится*; *икаю* и *икается* и т. п. Все остальные функции *-ся* отойдут в область форм глагольного словообразования. Таким образом, то, что традиционная грамматика называет категорией залога, в современном языке в меньшей степени относится к области синтаксиса, чем к области глагольного словообразования.

§ 79. Вопрос об активных и пассивных оборотах и его связь с учением о залоге

Категория залога (если пользоваться этим термином для обозначения целого клубка разнородных лексико-грамматических явлений) в системе современного русского языка ярко обнаруживает свою сложную природу. В категории залога скрестились пути развития разных грамматических и лексических явлений в области глагола. Трудно сомневаться в том, что соотношение и противопоставление активных и пассивных оборотов — историческое зерно категории залога⁵¹⁶ (правда, в славянских языках структура страдательных оборотов очень своеобразна). Но в русском языке и этот грамматический центр начинает распадаться. Отношения между пассивными и активными оборотами в современном

русском языке очень запутанные и не всегда прямые. Далеко не от всех переходных глаголов образуются формы страдательных причастий. Употребление возвратных форм в страдательном значении также в современном языке очень ограничено. Еще Ломоносов в «Российской грамматике» отмечал те семантические и синтаксические затруднения, с которыми приходилось сталкиваться страдательным оборотам (ср.: *Вода потопила фараона* и *Фараон водой потопился*). Возвратно-страдательные формы на *-ся* ограничены в своем употреблении преимущественно категорией несовершенного вида*. Во всяком случае, прошедшее время совершенного вида от них почти не употребляется (ср. невозможность конструкций: *дом построился лучшим архитектором, поезд остановился стрелочником* и т. п.).

Кроме того, по тонкому наблюдению акад. А. А. Шахматова, употребление форм 1-го и 2-го лица от глаголов на *-ся* в страдательном значении содержит внутреннее противоречие (ср. у Достоевского в «Униженных и оскорбленных», в речи Маслобоева: «Я, брат, вообще, употребляюсь иногда по иным делам»). А возвратная форма 3-го лица в страдательном значении гораздо более активна. Она близка к средне-возвратному значению, она гораздо менее выражает пассивное состояние субъекта, чем страдательно-причастная конструкция (ср., например: *поле вспахивалось колхозниками* и *поле было вспахиваемо колхозниками*). На это обратили внимание Потебня, Овсяннико-Куликовский и Шахматов.

Но и страдательные обороты из причастий с суффиксом *-м-* даже от тех глаголов, от которых причастные образования на *-мый* продуктивны, свойственны далеко не всем стилям современного русского языка.

Стилистическая сфера употребления этих пассивных оборотов ограничивается официально-канцелярскими, научно-техническими, газетно-публицистическими и примыкающими к ним повествовательными стилями литературного языка. Причастия страдательного залога на *-нный* (и *-тый*), как уже сказано выше, подвергаются окачеству. Система их употребления некогда была соотносительна с употреблением форм причастий на *-л* (в сочетании их с вспомогательным глаголом *быть*). Но с превращением причастий на *-л* в формы прошедшего времени и с расширением их видо-временных значений соотносительность оборвалась. Страдательное значение в формах причастий, особенно на *-нный* и *-тый*, чаще всего выражается присоединением творительного падежа существительных (со значением действующего лица или орудия действия) или подчеркивается общим смысловым контекстом. Оно оживляется и усиливается дополнительными синтаксико-фразеологическими средствами, так как в полных страдательных причастиях слишком ощутительны оттенки имени прилагательного, а в кратких — категории состояния (ср. *В девках сижено — горя видано*). Образования на *-мый* и *-нный* возможны и от непереходных или косвенно-переходных глаголов (например: *предшествуемый, достигнутый, управляемый, руковоимый, пренебрегаемый, угрожаемый, обитаемый, надтреснутый, проникнутый* и т. п.; ср. *наслышан, начитан* и т. п.). Многие страдательные причастия утратили свое страдательное значение (ср. *сгорбленный — сгорбившийся*). Морфологическая соотносительность между формами страдательного и действительного залогов нарушена, полустерта. Приходится говорить не столько с соотносительных залоговых формах глагола, сколько о стилистических функциях синтаксически соотносительных и синонимических активных и пассивных оборотов.

—•Ср.— у М. А. Кузмина в рассказе «Ванина родинка» («Аполлон», литературный альманах, 1912): «Мальчишки» искоренялись всячески и даже лица и не замечались, кавалеры привечались и сообразно преданности ласкались, подруги хвалились и прославлялись... В доме Комаровых и прославлялось, и воспевалось, и утверждалось тишь вечно-женское как перл единственный создания».

При этом в пассивных оборотах устанавливается ряд своеобразных синтаксических сопоставлений и соотношений, вызываемых потребностью выразить разнообразные оттенки связи между «подлежащим» и реальным производителем действия (например: *На постройке рабочего задавили — На постройке задавлен рабочий*; ср. *Рабочего задавило на постройке*; *Молнией убило прохожего и Прохожий был убит молнией* и т. п.).

Развивается все более тесное соотношение между пассивными оборотами и оборотами безличными. Любопытно замечание проф. П. Буайэ, что русские безличные обороты с творительным орудия (типа *Избу занесло снегом*) очень удобно переводятся на французский язык посредством пассивного оборота (*Il y a de la neige amoncellee sur l'izba*). Ср.: *Подвал залило водой — Le sous-sol a ete inonde*⁵¹⁷. Причастно-пассивные обороты, не поддержанные творительным действующего лица или предмета, все больше отходят от системы глагола в категорию состояния. Пассивность характеризует не столько действие, сколько состояние (см. главу о категории состояния).

Ж. Вандриес верно заметил: «Различие глаголов действительного залога от глаголов страдательного залога в большинстве индоевропейских языков иллюзорно, так как страдательный залог почти никогда не противостоит действительному залогу. В значении страдательного залога обычно вкрадывается какой-либо специальный оттенок, изменяющий его характер»⁵¹⁸.

§ 80. Вопрос о переходных и непереходных значениях глаголов

Вопрос о переходных и непереходных значениях глагола, или вопрос о переходных и непереходных глаголах, исторически связан с категорией залога.

Однако в современном языке классификация глаголов по их синтаксическим свойствам, по особенностям их переходных и непереходных значений выходит далеко за пределы категории залога. Такая классификация невозможна без учета различий между основными словообразовательными классами глагола, без учета значений глагольных приставок и глагольных «послелогов», без учета строя глагольных словосочетаний, без учета общих конструктивных возможностей глагола и его лексических своеобразий.

В самом деле, в классе глаголов на *-ать* (3-е л. наст. вр. на *-ают*) целиком непереходны отыменные образования на *-ничать* (*бездельничать*) и глаголы на *-ать, -кать* (*шикать, охать, акать*), производные главным образом от междометий. Непереходны и отыменные глаголы на *-еть, -еют* (*темнеть, робеть, обалдеть*), на *-ствовать* (*безумствовать, странствовать, крестьянствовать*). Непереходное значение очень часто у неологизмов на *-нуть* совершенного вида (с оттенком мгновенности). Напротив, преимущественно к области переходных значений относится продуктивный тип отыменных образований на *-ить* (*белить, золотить, заземлить* и т. п.; но ср.: *бурлачить, рыбачить*).

В непродуктивных группах глаголов — почти половина с непереходным значением. Таковы, например, глаголы на *-нуть* несовершенного вида, обозначающие: становиться каким-нибудь, быть в каком-нибудь состоянии (*мерзнуть, киснуть* и т. п.). Непереходна также большая часть глаголов из непродуктивной группы на *-еть* (*лететь, скрипеть* и т. п.). Грамматисты первой половины XIX в. так определяли круг значений этой группы: «Глаголы с признаком *-е-* выражают по большей части *внешние явления света, звука, запаха* и редко *внутренние сердечные ощущения*, например: *блестеть, глядеть, смотреть... шуметь... вельть, терпеть*. Немногие означают движение или состояние, например: *лететь, сидеть, бдеть*»⁵¹⁹.

Действительно, глаголы, выражающие шум, звучание, принадлежат в русском языке к двум словообразовательным группам:

1) это глаголы I спряжения с последним звуком *-т-* (или *-от-*) в основе и суффиксом *-а-* в инфинитиве, обычно с ударяемым окончанием в 1-м лице настоящего времени: *грохотать, kloкотать* (но ср.: *кудахтать, кудахчу, кудахтаю*), *клохтать, хохотать, лепетать, шептать* и т. п.;

2) это глаголы II спряжения с суффиксом *-е-* или после шипящих *-а-* в инфинитиве типа *греметь, храпеть, скрипеть, шипеть* и т. п.; *бренчать, звучать, кричать, пищать, мычать, стучать* и т. п.*

Большая часть этих глаголов имеет непереходное значение.

Преобладающее количество бесприставочных глаголов (принадлежащих к непродуктивным группам) со значением перемещения в пространстве или внешнего положения (вроде *идти, ехать, плыть, лечь, сесть*) также имеет непереходное значение.

Таким образом, число непереходных глаголов в русском языке очень велико и круг их применения разнообразен. Функционально могут сближаться с ними и глаголы с прямо-переходным и отчасти с косвенно-переходным значением. Ср., например, употребление глаголов *говорить* и *петь*; ср.: *двигать кого-то* и *двигать кем-чем* (им движет чувство сострадания); *ждать кого-чего* и *ждать кого-что* и т. п. Но подробное изучение всех этих вопросов уже входит в область словаря и синтаксиса. Следует лишь отметить текучесть, зыбкость границ между прямо-переходными, косвенно-переходными и непереходными значениями глаголов. Они часто совмещаются в одном слове (например, *говорить*). Ср.: *работать на заводе* и «он жив, бодр, здоров, работает легкую полевую работу» (Л. Толстой, «Крейцера соната»).

Вандриес, отметив неопределенность границ и различий между переходными и непереходными глаголами, выдвигает такой принцип их разделения: «Поскольку понятие о переходном глаголе предполагает дополнение, можно было бы назвать переходным всякий глагол, действие которого имеет объект, выраженный во фразе, а непереходным, напротив, всякий глагол, употребленный без дополнения»⁵²¹. Но и тут встретятся неясности и затруднения.

Само понятие непереходности нуждается в более точном объяснении разных его типов и проявлений. Обычно признаются косвенно-переходными лишь те глаголы, смысл которых остается не вполне раскрытым без объектных пояснений в родительном, дательном и творительном (т. е. косвенных) падежах (например: *ждать: ждать денег, ждать парохода, ждать восхода солнца; только того и ждал* и т. п. — и рядом: «я ждал одну женщину» (Тургенев); *ждал сестру* и т. п.; ср.: *желать, добиваться, бояться* и т. п.; *верить кому-чему, льстить, завидовать, подлежать, соответствовать, вредить, помогать* и т. п.; *отзываться чем-нибудь, гордиться, владеть* и т. п.). Между тем и в предложных формах управления глаголов есть явления, близкие к косвенной переходности. Нередко роль послеглагольного предлога становится чисто формальной. Предлог в таких конструкциях слит с глаголом как морфема, определяющая, выражающая косвенный падеж объекта (см. главу о предлогах). Ср.: *верить чему* и *верить во что; жениться на ком-ни-*

* А. А. Потебня связывал с этим классом глаголов такой круг значений: «а) явления света, звука, запаха, как *шуметь, кричать, смердеть*. Сюда же глаголы, означающие: не издавать звука — *молчать...*;

б) деятельность восприятия этих явлений: *видеть, глядеть, зреть, смотреть*;

в) другие психологические (и физиологические — В. В.) состояния: *хотеть, бдеть, болеть, свербеть, вельть, терпеть, скорбеть, бояться*;

г) механические явления движения и пребывания на месте: *лететь, бежать, мчать, дро*

жать, держать, вертеть, висеть, сидеть, стоять, лежать, торчать...»⁵²⁰

будь и т. п. В предложном управлении глаголов надо различать два случая:

1. Употребление предлога лексически мотивировано. Предлог в той или иной степени сохраняет свое реальное значение. В таком словосочетании можно говорить о сочетании трех словесных элементов или трех компонентов (на пример: *согласиться на предложение, согласиться с доводами* и т. п.). Так, в глаголе *состоять* различия значений связаны с различиями синтаксических связей (например: *состоять действительным членом академии; состоять при посольстве; трудность состоит в том, что...; роман состоит из пяти частей* и т. п.).

Так же у глагола *отзываться* разные значения характеризуются разными видами отношения действия к объекту (ср.: 1) *отзываться на приглашение*; 2) *я кричу, а он не отзывается*; 3) *отзываться о ком — о чем*; 4) *это отзывается на его здоровье; на нем отзывается беспорядочная жизнь*; 5) *отзываться чем: суп отзывается постным маслом* и т. д.). Выражение предложной зависимости от приставочных глаголов подчинено в русском языке своеобразному закону удвоения приставки-предлога (например: *въехать в город; отойти от дома* и т. п.). Глагольная приставка как бы требует употребления предлога — омонима или синонима — для обозначения объектных отношений (*добраться до..., исходить из..., присоединиться к..., отказаться от...* и т. п.).

А. Х. Востоков, а особенно Н. И. Греч в «Практической грамматике» и акад. И. И. Давыдов в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» набрасывали такую схему соответствий между глагольными приставками и предлогами:

воз-, взо-, вз-... на (взошел на гору; втащил наверх);

во-, в-... в (вступаю в дом; вошел в помещение);

вы-, из-... из (выйти из лесу; выпустить из клетки; извлечь из книги; избрать из множества);

до-... до (доехать до города; дотронуться до чего-нибудь; дожить до старости);

за-... за (заплатить за хлеб; завернуть за угол);

на-... на (навьючить на лошадь; накинуть на себя);

над-... над (надсматривать над детьми, надстроить над домом);

от-... от (оторвать от работы; отодвинуться от соседа);

пере-... через (перешел через реку);

под-... под (подобрать под цвет; подделаться под что-нибудь);

при-... к (пришел ко мне);

произ-... от, из (произойти от славян);

раз-... на (разделить на части);

с-... с (скинуть с себя, сдвинуть с места)⁵²².

На «семасиологическую тавтологию», состоящую в повторении после глагола того же предлога, что и приставка, или предлога, синонимического с приставкой, обратил особенное внимание А. Добиаш⁵²³.

2. Предлог является простым морфологическим знаком управления глагола. Он входит в смысловую структуру глагола, образуя вместе с ним синтаксическое сращение⁵²⁴. В этом случае предлог становится формальным привеском глагола, послелогом. В этом случае глагольная конструкция состоит не из трех, а из двух элементов. Предлог является лишь мотивировкой употребления того или иного падежа и как бы приклеен к глаголу. Например: *жениться на ком-нибудь* (ср. в древнерусском языке *жениться* с творительным падежом)⁵²⁵, *смеяться, издеваться, иронизировать над кем-чем* и т. п.; *надеяться на кого-нибудь — что-нибудь* и т. д.

Косвенная переходность — как предложная, так и беспредложная, — хотя и не в одинаковой мере, присуща и разным типам возвратных глаголов, образованных посредством *-ся*. Функции *-ся* в отношении к объекту состоят

в устранении прямой переходности и в ограничении, а не полном исключении косвенной переходности.

Свойственное глаголам на *-ся* значение замкнутости действия в сфере субъекта (деятеля) в отдельных случаях мирится с косвенными объектами (ср.: *испугаться кого-нибудь, чего-нибудь; послушаться кого-нибудь; добиться чего-нибудь; страшиться чего-нибудь; жениться на ком-нибудь; послушаться чего; лишиться кого-нибудь — чего-нибудь; признаться в чем-нибудь* и т. п.).

Прямо-переходные значения присущи не только значительной части (приблизительно 73) бесприставочных глаголов, но и непрерывно образуются посредством префиксации невозвратных непереходных и косвенно-переходных глаголов. Целый ряд значений у разных приставок неразрывно связан с образованием переходного значения глагола. Таково, например, употребление приставки *вы-* для обозначения: достижения чего-нибудь посредством действий, выражаемых основой глагола (*выработать, высидеть, выиграть* и т. п.); *до-* в значении: довести до какого-нибудь состояния или до какого-нибудь предела (*доездить, доехать* и т. п.); *за-* в значении: заполучить, а также закрепить, зафиксировать каким-нибудь действием что-нибудь и довести до чего-нибудь каким-нибудь действием (ср.: *зажить*, т. е. заработать трудом; *зажулить что-нибудь; заиграть пьесу* и т. п.; *заколдовать что-нибудь; засмеять* и т. п.); *из-* для обозначения заполненности, исчерпанности всего предмета, всего пространства каким-нибудь действием (*исходить, избегать* и т. п.); *на-* для обозначения скопления, приобретения чего-нибудь в результате какого-нибудь действия (*наработать, наразбойничать, наиграть, напрясть* и т. п.); *-о, -об* в очень разнообразных прямых и переносных значениях (ср.: *обходить, обработать, объезжать, объегорить, обскакать, обхлопотать, оплакать, оболгать, оклеветать* и т. п.); *от-, пере-, про-, раз-* в разных значениях и др.

Еще Павский писал: «...предлоги *о, об, пере, про, за, вы* чаще других переводят средние глаголы в действительные»⁵²⁷.

Эта роль приставок была ярко обрисована В. И. Далем и Н. П. Некрасовым, иллюстрировавшим картинность, изобразительность представления действия в русском глаголе как результат игры красок от смены приставок. «Чем более глагол одевается предлогами, тем понятие о действии становится шире по содержанию (т. е. по своим обстоятельственным признакам) и уже по объему, потому что общая качественность его значения окружается частною обстоятельностью действия. Если *качественность* сообщает всем глаголам в русском языке общие краски жизни, то *обстоятельность* сообщает каждому глаголу отдельно свойственные ему одному разнообразные оттенки»⁵²⁷. Вместе с тем Н. П. Некрасов анализом значений приставок достаточно убедительно показал, что сужение объема действия, картинное ограничение его «пространства» ведет к окружению глагола объектами⁵²⁸, к осложнению его обстоятельственных отношений. Например, посредством приставки *о-* «действие представляется обнимающим предмет со всех сторон, кругом» и потому «для ясности может быть названо действием-средою» (*обвевать, обходить* и т. п.). С другой стороны, «отрицательное значение предлога *о* в соединении с глаголами может иметь оттенок удаления, т. е. действие ставит предмет вне своего объема»⁵²⁹ (*оставить дом, обойти кого наградой* и т. п.).

Не надо лишь преувеличивать способности приставок к переводу непереходных значений глагола в переходные. Формулы вроде такой: «Всякий простой непереходный глагол становится переходным при посредстве префиксации» — неверны. Есть такие приставки, как, например, непродуктивная *воз-* и очень продуктивная *в-*, которые вообще не способны обращать непереходное значение в переходное.

Больше того: некоторые типы глаголов, сочетаясь со строго определенным кругом приставок, вообще не обратимы или почти не обратимы в переходные. Таковы, например, отыменные глаголы на *-ничать*, *-ствовать*. Акад. И. И. Давыдов, вслед за Павским, замечал: «Вообще предлоги не переменяют залога в средних глаголах, имеющих приметами *-е* и *-ну*-, например, *темнеть* и *потемнеть*, *мокнуть* и *обмокнуть*»⁵³⁰. Кроме того, известен комбинированный способ образования новых глаголов посредством одновремен-, ного присоединения приставки и аффикса *-ся* (например: *внюхаться*, *всмотреться*, *вылежаться*, *выбежаться*, *выспаться*, *заестся*, *залежаться*, *заработаться*, *добежаться* и т. п.). В этих случаях можно ждать лишь устранения переходности действия.

Само собою разумеется, что влияние приставок на формирование переходных значений у глаголов зависит также от лексических значений самих глагольных основ. Живой механизм соотношений и взаимодействий между категориями переходности и непереходности в строе современного русского глагола во всех его деталях и во всем разнообразии его динамических проявлений еще не описан и не исследован.

Итак, вопрос о переходных и непереходных значениях, уходящий в глубь семантической системы глаголов, не может быть исчерпан категорией залога. Он выходит из рамок изучения грамматических отношений между субъектом и объектом действия. Это одна из центральных проблем глагольной семантики. Лишь одним краем она затрагивает и категорию залога*.

§ 81. Взаимодействие грамматических и лексических значений в строе глаголов на *-ся*

Значения возвратных глаголов, образованных от переходных глаголов, шире, богаче и многообразнее, чем значения глаголов, произведенных от невозвратных непереходных глаголов. В глаголах на *-ся*, соотносительных с непереходными глаголами, процесс семантического обогащения слова протекает внеграмматическим путем и не опирается на многозначность самого суффикса *-ся*. Например, *звониться* (звонить в дверной звонок, чтобы открыли дверь для того, кто звонит) имеет одно значение, но ср. разнообразие значений (четырёх) и их оттенков в глаголе *звонить*; ср. *желтеться* при *желтеть*; ср. *стучаться*, *плакаться* и т. п.

Кроме того, самый круг тех непереходных глаголов, к которым приклеивается *-ся* для образования нового глагола, очень узок. Подавляющее большинство непереходных глаголов не мирится с простой суффиксальной агглютинацией *-ся*.

В русском языке гораздо более разнообразны и продуктивны приемы образования новых глаголов на *-ся* от непереходных глаголов путем одновременной — префиксальной и суффиксальной агглютинации («косвенно-результативно-возвратный залог», по схеме А. А. Шахматова). Можно выстроить длинный ряд таких морфологических моделей:

в... *-ся* (*всмотреться*, *вжиться*; ср. *вчитаться*);

вы... *-ся* (*вылежаться*, *выплакаться*, *выбежаться*, *выдохнуться* и т. п.);

до... *-ся* (*добежаться*, *дошалиться*, *доиграться*);

за... *-ся* (*замечтаться*, *заспаться*; ср. у Достоевского в «Бесах»: «Залюбопытствовался сам и остановился»). «Еще бы немного побольше свободы, беспорядка, света и шуму, — тогда это был бы свежий, веселый и розовый

* Ср. неудачную попытку А. Б. Шапиро слить категорию залога с категориями *переходности-непереходности* глагола⁵³¹.

прият, где бы можно замечаться, зачитаться, заиграться и, пожалуй, за-любить» (Гончаров, «Обрыв»);

из... -ся (истосковаться, избегаться, исписаться) ;

на... -ся (насидеться, наплясаться, нагуляться, наработаться);

о (об)... -ся (обоспаться) ;

при... -ся (пристреляться, присоседиться);

раз... -ся (разбушеваться, развоеваться, разгуляться) ;

с... -ся (слежаться, сработаться); ср. также: сбежаться, слететься;

у... -ся (усесться, улечься) и т. п.

Некоторые из этих приемов словообразования так же активны и в области переходных глаголов (например: *наестся, зачитаться, упиться* и т. п.).

Кроме того, от некоторых непереходных глаголов употребительны обе формы: с -ся и без -ся, иногда с такими тонкими семантическими и стилистическими нюансами, что разговорная речь нередко игнорирует их. В этих случаях у глаголов на -ся остается привкус большей субъектной поглощенности действием, большей сосредоточенности действия в сфере субъекта. Например, *грохнуть* употребляется не только переходно, но и непереходно (например, «Я снопом наземь *грохнула*» — Измайлов, «Молодуха»). Только оттенок простонародности или просторечия отличает форму *грохнуть* в непереходном значении от *грохнуть*ся.

Точно так же в применении к плодам и злакам: областная (южновелико-русская) форма *наливать* и общелитературная *наливаться*. Ср. у Фета («*Степь вечером*»): *Безбрежная, как море, Волнуется и наливает рожь.*

Ср.: *слезить* (областное) и *слезиться*: «Дьячок... приставляет ладонь к моргающим и слезящим глазам» (Короленко, «Старый звонарь»); «Он спрашивал всех о чем-то слезящимися глазами» (Горький, «Дед Архип и Ленка»). Ср. соотносительные видовые формы глаголов *лопаться* — *лопнуть*; *садиться* — *сесть*; *ложиться* — *лечь*; *становиться* — *стать*.

В некоторых глаголах возвратная форма имеет ярко выраженный личный, «одушевленный» оттенок. Например, *грозиться* синонимично с *грозить* в кругу значений, относящихся к живым существам (ср.: «А впрочем, говорят, сочинители только *грозятся* — и никогда своих вещей не жгут» — Тургенев, «Новь»; «Стали ему и красным петухом *грозиться*» — Л. Толстой). Ср. также: «Правда, издали *грозила*сь опять холера» — Тургенев. Но ср. невозможность заменить словом *грозиться* глагол *грозить* в таких книжных сочетаниях: *Циклон грозил наводнением; Дом грозит падением; Ему грозило сумасшествие* и т. п.

Таким образом, грамматическая роль суффикса -ся здесь чисто словообразовательная. Синтаксическое употребление непереходного глагола от присоединения к нему аффикса -ся несколько не изменяется. Категория залога из грамматики перемещается в лексикологию. Во многих случаях соотносительность глаголов без -ся и с -ся утратилась вследствие резких различий в лексических значениях. Ср., например: *заступать* и *заступаться*; *притворить* и *притвориться*; *достать* и *достаться*; *принять* и *приняться* и многие другие.

У возвратных глаголов, которые произведены от переходных глаголов, разные значения -ся очень часто совмещаются в структуре одного и того же слова. Поэтому одного каталога значений, вносимых аффиксом -ся в разные группы переходных глаголов, недостаточно. Необходимо очертить приемы и нормы сочетания и совмещения разных возвратных значений в семантической системе одного и того же слова. Так, еще И. Ф. Калайдович в статье «О

залогах глаголов русских» доказал, что залоговое значение глагола зависит от синтаксического контекста и что один и тот же глагол может быть употреблен в разных значениях. Например, в предложении *я сражался с ним* значение *сражаться* двусмысленно. «Можно понимать: или я сражался против него, или я сражался с ним вместе против общего нашего неприятеля». В первом случае глагол — «взаимный», в другом — «общий», т. е. означающий общее нескольких лиц на один предмет действие (совокупное действие, содействие), хотя и тут есть взаимность со стороны неприятеля. В предложении «Бились день, билися другой» (русские с половцами из «Слова о полку Игореве») глагол *биться* есть взаимный...; напротив, в басне Крылова «Откупщик и сапожник» он же есть средний (т. е. имеет средне-возвратное значение. — В. В.):

Сапожник *бился, бился*

И, наконец, ча ум хватился⁵¹².

Внутренняя связь залоговых значений, совмещение их в структуре одного слова привлекали внимание и последующих исследователей русской грамматической системы. Так, акад. Я. К. Грот в академическом «Словаре русского языка» внимательно следил за оттенками залоговых значений, свойственными одному и тому же глаголу. Например, в глаголе *браниться* здесь отмечены два значения: 1) ссориться друг с другом на словах (*Обе стороны не только дпорили, но и бранились*) и 2) то же, что бранить, произносить брань (*Не стыдно ли тебе браниться?*). Первое значение квалифицировано как возвратное, второе — как среднее (т. 1, с. 258). Особенно часто указывается на сочетание собственно-возвратного, средне-возвратного и возвратно-страдательного значений в смысловой структуре одного и того же глагола (ср.: *выкупаться, выкручиваться — выкрутиться, давиться* и т. п.).

Точно так же Д. Н. Овсянко-Куликовский и А. А. Шахматов подчеркивали частое совмещение собственно-возвратного, средне-возвратного и возвратно-страдательного значения в одном слове. Вообще говоря, возвратно-страдательное значение потенциально заложено в каждой возвратной форме, восходящей к переходным глаголам, кроме [глаголов с обще-возвратным и — иногда также — с возвратно-взаимным значением (ср.: *радоваться, беспокоиться, драться, ссориться* и т. п.). Вместе с тем возвратно-страдательное значение очень часто включает в себя оттенки средне-возвратного значения или склоняется к нему и даже переходит в него.

Среднее и страдательное значения — это крайние точки на линии семантического движения возвратной формы глагола. Между ними могут быть промежуточные значения, в которых ни страдательное, ни среднее не выступают достаточно ярко, а как бы, перебивая друг друга, дают новое сложное значение возвратной формы. Ср. у Л. Толстого в «Войне и мире»: «В то время как Андрей вошел в комнату, слова Магницкого *заглушились смехом*» (ср. *Слова Магницкого заглушило смехом*); ср. у Лескова в «Соборянах»: «Холодное солнце то выглянет и заблещет, то снова *занавесится тучами*».

Подобным же образом зыбки границы между собственно-возвратным и средне-возвратным значениями, а также между средне-возвратным и обще-возвратным значениями (ср.: *перемениться в лице и нравственно перемениться*; ср.: *потеряться, смешаться, разбросаться, уклониться* и т. п.).

Собственно-возвратное значение, обусловленное реальным значением основы, только в исключительных случаях сочетается с обще-возвратным, с взаимно-возвратным или с лично-безобъектным значениями. Между тем глаголы с лично-безобъектным значением, часто совмещая в своей семантике взаимно-возвратное и возвратно-страдательное значения, исключают воз-

возможность развития косвенно-возвратных значений (ср.: *жечься, кусаться* и т. п.).

Совокупность значений возвратной формы зависит от взаимодействия значений аффикса *-ся* и лексических значений переходного глагола в каждом отдельном случае. Таким образом, задача грамматического учения о слове не исчерпывается одним указанием на то, что *-с.ч* ограничивает круг объектных определений глагола, замыкая действие в сфере самого субъекта и его интересов. Эта задача расширяется необходимостью описания тех граммати-ко-семантических «каналов», по которым двигаются и сочетаются, объединяются разные «залоговые» значения «возвратного глагола» соотносительно со смысловой структурой основного «невозвратного» глагола. Так, в глаголе *двигаться*, кроме возвратно-страдательных значений, соотносительно с *двигать* (*Колеса движутся водой*), другие «залоговые» значения и оттенки располагаются в русле средне-возвратной семантики, например: *Земля движется вокруг своей оси; Толпа медленно двигалась по улице; Мы скоро двигаемся на дачу; быстро двигаться по службе* и т. п. Развитие этих значений и оттенков возвратности зависит от лексического содержания, синтаксических свойств и грамматических возможностей основного, производящего, невозвратного глагола. Так, глагол *кормить* кроме страдательного значения к *кормить* развивает собственно-возвратное и средне-возвратное значения, соотносительно с лексико-грамматическими оттенками слова *кормить* (*кормиться хлебом, кормиться случайными заработками* и т. п.). *Гнуться* совмещает возвратно-страдательное, средне-возвратное и качественно-пассивно-безобъектное значения — соотносительно с *гнуть* (например: *Деревья гнутся от ветра; Гнутся над омутом лозы; Бритва не гнется* и т. п.).

Вследствие этого синкретизма значений вопрос о том, можно ли объединять в структуре одного слова все значения, разившиеся в той или иной возвратной форме, становится очень запутанным. Тем более, что к залоговым различиям примешиваются и видовые. Например, правильно ли поступили составители «Толкового словаря русского языка», рассматривая формы *найтись* и *находиться* как два отдельных слова и охарактеризовав их значения таким образом:

«Найтись, -йдусь, -йдёшься, *прош.* нашёлся, -шлась; нашедшийся, *сов.* (к находиться). 1. Отыскаться. *Потерянная книга нашлась.* 2. Оказаться налицо, обнаружиться, быть. *Не найдется ли у вас карандаша? Кое-какие книги и материалы по этому вопросу у нас найдутся. Охотников ехать туда не нашлось. Найдется, что делать.* 3. Быстро сообразить, что надо делать в данном затруднении, не растеряться. *Такой человек найдется при всяких обстоятельствах. Я не нашлся, что ответить. «Ведь вы будете, как пень, стоять перед ними, ведь вы не найдетесь»* (Достоевский)^{5-^}.

«Находиться, -ожусь, -одишься, *несов.* 1. *Несов.* к *найтись*. 2. *Страд.* к *находить*. 3. Иметь место, быть, пребывать. *«Нижнеозерная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти»* (Пушкин). *Он находится сейчас в Крыму.* 11 Быть в том или ином состоянии. *Находиться в хорошем настроении. «Я нахожусь в весьма неприятном положении»* (Тургенев)⁵³⁴.

Особенно много сомнений вызывает словарная статья, помещенная под звуковым комплексом *находиться*. Не смешаны ли здесь, по крайней мере, *три* омонима: I. *Находиться* — в значении: пребывать, быть, быть в том или ином состоянии; II. *Находиться* — обнаруживать находчивость; III. *Находиться* — отыскиваться, обнаруживаться, *страд.* к *находить*.

В «Толковом словаре русского языка» глагольные омонимы сплошь и рядом механически сцепляются под знаком одного слова — чаще всего именно вследствие неразличения редактором форм слова и отдельных слов с разными залоговыми значениями. Вот разительный пример:

«Засиживаться, -аюсь, -аешься, *несов.* (разг.) 1. *Несов. к* засидеться [в значении: просидеть, пробыть чересчур долго. Например: *засиживаться за работой до утра, засиживаться в гостях до полуночи.* — В. В.] 2. *Страд, к* засиживать [*несов. к* засидеть — запачкать, загрязнить испражнениями — о насекомых. Например, *Картина постепенно засиживается мухами.* — В. В.]»⁵³⁵

Трудно не заметить, что перед нами не два значения одного слова, а два разных слова-омонима.

Вопрос об омонимии глаголов на *-ся* вообще очень тесно связан с исследованием семантики «возвратных» глаголов (ср., например, омонимические ряды глаголов: *разложиться, рассеяться, поправиться, разойтись — расходиться, привязываться, накидываться, набрасываться* и т. п.).

Таким образом, система возвратных значений представляет разительный пример «лексикализации» грамматических отношений. Грамматика здесь регулирует движение и организационное объединение значений и оттенков в составе глагольного слова. «Категория залога» все глубже внедряется в сферу лексики.

Грамматические вариации залоговых значений перерождаются в лексические, хотя и влияют по-прежнему на способы синтаксического употребления слова и на формы его сочетания с другими словами.

8. ГЛАГОЛ КАК СТРУКТУРНЫЙ ТИП СЛОВ

§ 82. Совмещение элементов аналитического, синтетического и агглютинативного строя в русской глагольной системе

Глагол является наиболее сложной, грамматически организованной, отвлеченной и в то же время наиболее насыщенной, т. е. непосредственно отражающей действительность, категорией современного русского языка. В глаголе лексическая многозначность совмещается с богатством и разнообразием грамматических форм. Глагол, как и имя существительное, является синтаксическим стержнем фразообразования. Глагольные типы словосочетаний и синтагм противостоят именным и оказывают на них громадное организующее влияние.

Предикативные обороты разного рода возникают и умножаются под воздействием глагола.

Такие падежные формы имен существительных, как винительный падеж прямого объекта, находятся в исключительном пользовании глагола и в полном подчинении ему. Предложно-именные конструкции в своем подавляющем большинстве группируются вокруг глагола. К глаголу как к организующему центру притягиваются частицы речи, во всяком случае, модальные частицы и предлоги. Даже на том грамматическом факте, что наречие постепенно входит в круг определений существительного, сказывается влияние глагольных конструкций. Процесс расширения функций наречия протекает, так сказать, под протекторатом глагола. Образование и развитие категории состояния в сильной степени зависит от глагола.

В области глагола протекают напряженные процессы конструктивного объединения элементов речи. Система глагола более синкретична и более синтаксична, чем система всех других знаменательных частей речи. Инфинитив — не центр глагольной системы, а ее окраина. Глагол органически связан с категориями модальности, времени и вида, с категориями субъекта (лица, деятеля) и объекта. Недаром даже род и число входят в систему глагола. В категории глагола особенно много формообразующих суффиксов, потому что круг форм глагольного слова очень широк. Структура глагола, сохраняя элементы синтетического строя, осложнена приемами агглютинативного по-

строения и сложными формами аналитических конструкций, не всегда в полной мере грамматикализованных. Процесс превращения слов в морфемы и в частицы речи напряженнее и успешнее всего протекает при участии глагола. Почти половина формальных слов-частиц обслуживает главным образом синтаксическую систему глагола, его конструктивные потребности.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «ГЛАГОЛ»

1. *Андреев В. Ф.* Знаменательные и служебные слова в русской речи.—Журнал министерства народного просвещения, 1895, № 10, с. 256.

2. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение второе. Спб., 1850, с. 13.

3. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 145 [133].

4. См.: *Петерсон М. Н.* Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941, с. 51-52.

5. См.: *Пешковский А. М.* Глагольность как выразительное средство.—В его кн.: Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. М.—Л., 1925 [Избранные труды. М., 1959].

6. См.: *Винокур Г. О.* Глагол или имя? (Опыт стилистической интерпретации). — Русская речь, 1928, № 3.

7. См.: *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. — Труды Моск. Ин-та истории, философии и литературы, 1935, т. 5.

8. *Бернштейн С. И.* Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова.—Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1920, т. 25, с. 224 — 225.

9. Ср.: *Бернштейн С. И.* Основные вопросы грамматики в освещении А. М. Пешковского. — В кн.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении; Грамматическая система акад. А. А. Шахматова.— Русский язык в школе, 1940, № 4. Ср.: *Зеньковский В. В.* К вопросу о функциях сказуемого. — Киевские университетские известия, 1908, № 9. Ср. синтаксические концепции А. В. Добиаша (особенно его «Опыт семасиологии частей речи и их форм») и Л. В. Щербы.

10. *Крушевский Н. В.* Очерк науки о языке. Казань, 1883, с. 83.

11. *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858, ч. 1, с. 84 [102-103].

12. *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева.— Поли. собр. соч. М., 1875, т. 2, ч. 1: Сочинения филологические, с. 468.

13. См.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 141 — 144 [131-132].

14. См.: *Калайдович И. Ф.* Грамматика языка русского. М., 1834, ч. 1 : Познание слов.

15. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. Спб., 1912, с. 87 — 88.

16. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888, вып. 1-2, с. 348 [341]. Ср.: *Steinthal H.* Grammatik, Logik und Psychologic Berlin, 1855, S. 371.

17. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1927, вып. 2, с. 43 [461].

18. Там же, с. 44 [461]; см. там же, с. 51.

19. См. там же, с. 44 [462].

20. Ср.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 380-381 [371-373].

21. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 143 [131].

22. *Аксаков К. С.* О русских глаголах.— Поли. собр. соч. М., 1875, т. 2, ч. 1: Сочинения филологические, с. 417.

23. *Лысков И. П.* О частях речи. Опыт характеристики их природы морфологической, синтаксической и семасиологической. М., 1926, с. 52 — 55.

24. Там же, с. 55.

25. Там же.

26. См.: *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Спб., 1854, с. 255-256.

27. Meillet A. Le slave commun. L'aspect. P., 1924, p. 240-258.
28. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, ч. 1, с. 168.
29. Там же, с. 173.
30. Мецанинов И. И. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940, с. 64.
31. См.: Karcevski S. Systeme du verbe russe. Prague, 1927, p. 46.
32. См.: Karcevski S. Autour d'un probleme de morphologic - Melanges de philologie offerls a M. J. J. Mikkola. Annales Akademiae Scientiarum Fennicae, t. 27, 1932.
33. См.: Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье. Спб., 1850, с. 37.
34. Ср.: Mazon A. Morphologie des aspects du verbe russe. P., 1908, p. 35 — 39.
35. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье, с. 70.
36. Ср.: Греч Н. И. Чтения о русском языке. Спб., 1840, ч. 1, с. 297; Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Спб., 1911, с. 231.
37. См.: Сидоров Е. А. Из научно-учебной литературы о видах русского глагола. — Родной язык в школе, 1924, № 6, с. 76.
38. См.: Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье, с. 42.
39. См.: Шахматов А. А. О полногласии и некоторых других явлениях. — В кн.: Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1903, т. 7, кн. 1, 2; 1903, т. 8, кн. I, 2. Ильинский Г. А. К истории носовых основ праславянского глагола. — В кн.: Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. М., 1928, с. 250 — 252. Ср. также: Дурново Н. Н. Описание говора дер. Парфенок Рузского уезда. М., 1903, с. 182 — 183.
40. См.: Stender-Petersen A. Eine verbale Neubildung im Russischen. — Zeitschrift fur slavische Philologie, 1931, Bd. 8, S. 67-84.
41. См.: Smal Stockvj R- Actio intensiva im Ukrainischen. — Archiv fur slavische Philologie, Bd. 36, S. 436.'
42. См.: Грот Я. К. О спряжении русского глагола и важности в нем ударения. — В его кн.: Филологические разыскания. Спб., 1885, т. 1.
43. Ср.: Karcevski S. Autour d'un probleme de morphologie.
44. См.: Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье.
45. См.: Karcevski S. Systeme du verbe russe. Prague, 1927.
46. Ср.: Boyer P. De l'accentuation du verbe russe. — Livre du Centenaire de l'Ecole des langues orientates vivantes. P., 1895, p. 435—436. Ср.: Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье, с. 37.
47. О колебании ударения в глаголах на *-овать* см.: Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. Л., 1929, с. 139-141.
48. См.: Грот Я. К. Филологические разыскания, т. 1, с. 319 — 327.
49. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье, с. 63.
50. Ср.: Ries J. Was ist ein Satz? Prag, 1931, S. 99-112.
51. Андреев В. Ф. Знаменательные и служебные слова в русской речи, с. 258.
52. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, с. 190 [187].
53. Ср.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 51 [467].
54. См. там же, с. 45 — 50 [464 — 465]. Ср. статью Р. Якобсона: Jacobson R. Zur Struktur des russischen Verbuns. — Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et circuli linguistici pragensis sodalibus oblata. Pragaе, 1932.
55. Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858, ч. 2, с. 187 [391].
56. См.: Селищев А. М. Славянское языкознание. М., 1941, т. 1, с. 166, 372.
57. Буслаев Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка, ч. 2, с. 186 [391].
58. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1925, вып. 1, с. 15 [33]. Ср. там же, вып. 2, с. 45 [463].

59. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1936, с. 160 [189].
60. *Meillet A.* Linguistique historique et linguistique generate. P., 1922, p. 177, 193.
61. См.: *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. Ср.: Из синтаксических наблюдений. I. К вопросу о классификации бесубъектных предложений. — Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1901, т. 5, кн. 4.
62. Ср.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1899, вып. 3, гл.: Устранение подлежащего, с. 403 — 484 [317 — 380].
63. См.: Советское искусство, 1939, 28 января.
64. *Meyer-Lubke W.* Grammatik der romanischen Sprachen. Leipzig, Bd. 3.— Romanische Syntax, 1899, p. 111.
65. *Голубое С.* Доблесть. М., 1945, с. 67.
66. Ср.: *Кацнельсон С. Д.* К генезису номинативного предложения. М. —Л., 1936, гл. 2: Безличные глаголы и Генезис номинативного предложения.
67. *Анненский И. Ф.* Критика «Синтаксиса русского языка» Д. Н. Овсянко-Куликовского. — Журнал министерства народного просвещения, 1903, № 5, с. 227.
68. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка, с. 197.
69. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 320 [347].
70. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 3, с. 413 [325].
71. Там же, с. 441 [346].
72. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 324.
73. Ср.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 1, с. 81—84 [92 — 97]. Ср.: *Miklosich F.* Subjectlose Satze und das Verhältniss der Grammatik zu Logik und Psychologie. - Vierteljahrsschrift für Wissenschaftliche Philosophie Bd. 8, 1884 и Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien. 1868—1874, Bd. 4; *Krasnowolski A.* Systematyczna skladnia języka polskiego. Warszawa, 1909.
74. *Анненский И. Ф.* Критика «Синтаксиса русского языка» Д. Н. Овсянко-Куликовского, с. 230.
75. *Эртель А. И.* Письма. М., 1909, с. 67.
76. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 318 — 319 [346].
77. Ср.: Детский сахарин. — Литературная газета, 1935, 20 апреля.
78. Ср.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 1, с. 99 [113].
79. Письмо [анонимное].—Труды Общества любителей российской словесности, 1820, ч. 17, с. 150.
80. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола. Спб., 1865, с. 105—108.
81. См.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 196—199 [193-196].
82. Ср.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 48 [462].
83. *Vater J.* Praktische Grammatik der russischen Sprache in Tabellen und Regeln nebst Uebungsstücken zur grammatischen Analyse. Leipzig, 1809.
84. См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М.—Л., 1941, i. 4, с. 16—18; *Грунский Н. К.* Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Спб., 1911, т. 1, вып. 1-2, с. 19.
85. См.: *Ададуров В. Е.* Anfangsgründe der russischen Sprache.— В кн.: *Вейсман Э.* Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка. Спб., 1731.
86. См.: Труды Общества любителей российской словесности. 1812, ч. 2,3; 1816. 4. 6.
87. *Тимковский И. Ф.* Опытный способ к философическому познанию Российского языка. Харьков, 1811, с. 9.
88. Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre für Deutsche mit Beispielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische nach den Hauptlehre der Grammatik nebst einem Abrisse der Geschichte Russlands. S.-Petersburg und Riga, 1810.
89. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 16.
90. См.: *Болдырев А. В.* Ответ на замечания.— Труды Общества любителей российской словесности, 1816, ч. 5, с. 113—114.
91. См.: *Болдырев А. В.* Рассуждение о глаголах. — Труды Общества любителей российской словесности, 1812, ч. 2, с. 65 — 84.
92. См.: *Болдырев А. В.* Рассуждение о средствах исправить ошибки в глаголе.— Труды Общества любителей российской словесности, 1812, ч. 3, с. 30-50.

93. См.: *Болдырев А. В.* Рассуждение о глаголах, с. 72 — 77.
94. Там же, с. 83.
95. Там же, с. 73-74.
96. *Болдырев А. В.* Рассуждение о средствах исправить ошибки в глаголе, с. 48 — 49; ср.: *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. Спб., 1904, ч. 1, с. 1013-1016, 1024-1025.
97. См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 18.
98. См.: Замечания на новую теорию русских глаголов. — Труды Общества любителей российской словесности, 1816, ч. 6, с. 105
99. См.: *Греч И. И.* Опыт о русских спряжениях с таблицей. Спб., 1811.
100. См. там же, с. 12. Ср.: *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России, с. 1011.
101. Ср.: *Крыгин М.* Критический обзор литературы вопроса о видах и временах русского глагола. — Гимназия, 1889, № 8, 10; 1890, № 2-3, 4 и 5-7.
102. См.: Примечания на некоторые статьи о глаголах... — Труды Общества любителей российской словесности, 1819, ч. 15, с. 121 — 122.
103. См.: *Чаплин А.* О разделении глаголов. — Труды Общества любителей российской словесности, 1822, ч. 1, с. 37 — 44.
104. См.: *Греч И. И.* Практическая русская грамматика. Спб., 1834, с. 117—118.
105. *Шафранов С.* О видах русских глаголов в синтаксическом отношении. М., 1852; с. 43. Ср.: *Крыгин М.* Критический обзор литературы вопроса о видах и временах русского глагола.
106. См.: *Востоков А. Х.* Русская грамматика. Спб., 1851, с. 71—73.
107. Ср. критику востоковской теории видов и времен: *Von Schmidt Eug.* Kritische Betrachtung der in Bezug auf die russischen Verba herrschenden grammatischen Systeme. Dorpat, 1844. Ср. также: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 13-15.
108. См.: *Лангельшельд Ф.* О русских глаголах. — Отечественные записки, 1839, т. 5, № 8, отд. 2, с. 1-26.
109. Ср. также: *Яухни К.* Рассмотрение господствующих систем в спряжениях русских глаголов. Дерпт, 1844.
- ПО. См.: *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье.
111. Там же, с. 205-206, ср. с. 49.
112. См.: *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Спб., 1852, с. 72.
113. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 19.
114. Там же, с. 20.
115. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье, с. 207.
116. Там же, с. 218; ср. с. 200-201.
117. См. там же, с. 175-176.
118. *Крыгин М.* Критический обзор литературы вопроса о видах и временах русского глагола. — Гимназия, 1890, № 2-3, с. 154.
119. См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 22 — 34.
120. Там же, с. 22, 24-26.
121. Там же, с. 24.
122. *Аксаков К. С.* О русских глаголах, с. 414.
123. Там же, с. 418.
124. Там же, с. 417.
125. *Шафранов С.* О видах русских глаголов в синтаксическом отношении, с. 30.
126. Там же, с. 66.
- 126а. См.: *Гильфердинг А.* Об отношении языка славянского к языкам родственным. М., 1853, с. 115—119. Ср. критические замечания А. А. Потебни (Из записок по русской грамматике, т. 4).
127. *Киреевский И. В.* Поли. собр. соч. М., 1861, т. 1, с. 103-104.
128. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола, с. 149.
129. См.: *Катков М. Н.* Об элементах и формах славяно-русского языка. М., 1845, с. 205.
130. Там же, с. 198.

131. Там же, с. 203-204.
132. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола, с. 151.
133. Там же.
134. Там же, с. 152.
135. Там же, с. 154.
136. Там же, с. 155.
137. Там же, с. 157.
138. Там же, с. 160-161.
139. Там же, с. 161.
140. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 75.
141. Там же, с. 74.
142. Там же, с. 75.
143. Там же, с. 32.
144. Там же, с. 62.
145. Там же, с. 76.
146. Там же, с. 13.
147. Там же, с. 76.
148. Там же, с. 27.
149. Там же, с. 62.
150. Там же, с. 47.
151. Там же.
152. Там же, с. 77-78.
153. См. там же, с. 64.
154. Там же, с. 80.
155. Там же, с. 85.
156. Там же, с. 88.
157. Там же, с. 89.
158. Там же, с. 91-92.
159. Там же, с. 93.
160. См. там же, с. 89.
161. Там же, с. 27.
162. Там же, с. 28-30.
163. Там же, с. 27.
164. Там же.
165. Там же, с. 53.
166. См. там же, с. 69.
167. См.: *О ее янико-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка, с. 143-144.
168. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1869, § 181.
169. См.: *Белинский В. Г.* Соч. М., 1872, ч. 1, с. 156-157.
170. *Вейсман А.* Заметки к истории русской грамматики.—Журнал министерства народного просвещения, 1889, № 7, с. 120.
171. *Будилович А. С.* Начертание церковнославянской грамматики применительно к общей теории русского и других родственных языков. Варшава, 1883, с. 249 — 250.
172. См. там же; *Крыгин М.* Критический разбор литературы вопроса о видах и временах русского глагола.— Гимназия, 1890, № 2 — 3, с. 166—167.
173. *Крыгин М.* Критический разбор литературы вопроса о видах и временах русского глагола.—Гимназия, 1890, № 5-7, с. 436.
174. *Грунский Н. К.* Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Юрьев, 1910, т. 2, с. 38.
175. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 62.
176. См.: *Первое П. Д.* Очерки по методике преподавания латинского языка сравнительно с русским. М., 1913.
177. *Размусен Л. П.* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках.—Журнал министерства народного просвещения, 1891, № 6. с. 383-384.
178. *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. Варшава, 1895, ч. 2, с. 18.
179. Там же, с. 181-182.
180. Там же, с. 57.
181. См.: *Богородицкий В. А.* Русская грамматика. Казань, 1918, с. 164—174.

182. Ср. обзор (правда, неполный) литературы о видах: *Сидоров Е. А.* Из научно-учебной литературы о видах русского глагола. — Родной язык в школе, 1924, № 5, 6. Ср.: *Калинин И. А.* Категория вида в русских глаголах. — Труды Горьковского пединститута им. А. М. Горького, 1940, лит. сб. [1955, т. 16, с. 188-201].
183. *Котляревский Н. А.* Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1910 г. Спб., 1910, с. 17.
184. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 122 [105].
185. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка, с. 149 [180].
186. *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904, Bd. 3, S. 493.
187. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка, с. 143.
188. *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1868-1874, Bd. 4, S. 274.
189. См.: *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. Казань, 1913.
190. См.: *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. 4, S. 279.
191. Ср. в старых грамматических описаниях, в курсах немецкого языка, например: *J. L. A. Heyse's ausführliches Lehrbuch der deutschen Sprache, neu bearbeitet von K. W. L. Heyse.* Hannover, 1838, Bd. 1, S. 682; *Vernaleken T.* Deutsche Syntax, Wien, 1863, Bd. 2, S. 264. Подробности см.: *Размусен Л. П.* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. — Журнал министерства народного просвещения, 1891, № 6, с. 377 — 380.
192. *Пешковский А. М.* Наш язык. М., 1923. ч. 2, с. 66 — 67.
193. *Вейсман А.* Заметки к истории русской грамматики, с. 120.
194. См.: *Smit S.* De verbis imperfectivis et perfectivis in linguis slavonicis. Kobenhavn, 1875. Ср. *его же:* Kortfattet Loere om de russiske Verber, 1871, с. 14.
195. *Каткое М.* Об элементах и формах славяно-русского языка, с. 224.
196. Ср.: *Delbruck B.* Das altindische Verbum. Halle, 1874, S. 18; Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1901; Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, Bd. 2, Strassburg, 1893, S. 13 — 14. Ср.: *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen; *Meïe A.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, с. 261—262.
197. *Нетушил И. В.* Об основных значениях греческих времен. — Журнал министерства народного просвещения, 1891, № 6, с. 86 — 87.
198. *Де Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 116.
199. Ср.: *Mazon A.* Morphologie des aspects du verbe russe, p. 10; Emplois des aspects du verbe russe. P., 1914, p. 106; *Karcevski S.* Systeme du verbe russe. Prague, 1927.
200. См.: *Mazon A.* Morphologie des aspects du verbe russe, p. 83-84.
201. *Mazon A.* Emplois des aspects du verbe russe, p. 111.
202. Там же, с. 112.
203. См. там же, с. 113-114.
204. *Крыгин М.* Критический разбор литературы вопроса о видах и временах русского глагола. — Гимназия, 1890, № 5 — 7, с. 422.
205. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 125—126 [109-110].
206. *Пешковский А. М.* Наш язык, ч. 2, с. 67.
207. *Котляревский Н. А.* Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1910 г., с. 17; ср.: Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г. Спб., 1897. — Сборник Отд. рус. языка и словесности АН, 1899, т. 64, приложение 11, с. 90.
208. *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 154.
209. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 57 [472].
210. *Размусен Л. П.* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. — Журнал министерства народного просвещения, 1891, № 6, с. 379.
211. См.: *Karcevski S.* Systeme du verbe russe.
212. См.: *Стендер-Петерсен А. И.* О функциях глагольных приставок в русском языке. К вопросу о методе. - Slavia, 1933 — 1934, госп. XII.

213. Ср.: *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика, гл.: Начертание глаголов. Ср. также: *Karcevski S.* Systeme du verbe russe.
214. См.: *Аксаков К. С.* О русских глаголах, с. 414, 430.
215. *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 13.
216. *Тимковский И. Ф.* Опытный способ к философическому познанию Российского языка, с. 19.
217. См.: *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925, с. 157-167 [180-188].
218. Там же, с. 166 [186-187].
219. Ср.: *Фортуатов Ф. Ф.* Разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке». — В кн.: Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г. Спб., 1897. — Сборник Отд. рус языка и словесности АН, 1899, т. 64, приложение 11, с. 121.
220. Там же, с. 121-123.
221. *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика, с. 196.
222. [Рец. на кн.:] *Kojuutti P.* Грамматика-русског језика. Београд, 1914. — Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1916, кн. 1, с. 340 — 341.
223. См.: *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка, с. 173—174 [192—193]. Ср.: *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 126. Ср. также анализ видовых значений в грамматических трудах Ломоносова, Востокова и Павского.
224. *Фортуатов Ф. Ф.* Разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», с. 105. Ср. также: *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 122—124.
225. См.: *Ковалев П. К.* Функции глагольных префиксов в русском литературном языке. — Русский язык в школе, 1940, № 1—4.
226. См.: *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 29-47.
227. *Катков М. Н.* Об элементах и формах славяно-русского языка, с. 207.
228. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка, с. 159 [181].
229. Там же, с. 172 [191].
230. Там же, с. 159 [181]; ср.: *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 31-62; *Фортуатов Ф. Ф.* Разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», с. 115 — 119.
231. См.: *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. Варшава, 1891, ч. 1; там же, ч. 2; *Фортуатов Ф. Ф.* Разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке».
232. *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 56.
233. См. там же, с. 51.
234. См. там же, с. 309.
235. Там же, с. 34.
236. Там же.
237. См. там же, с. 169.
238. См. там же, с. 161.
239. См. там же, с. 160.
240. См. там же, с. 161.
241. См. там же, с. 162-163.
242. См. там же, с. 41.
243. См. там же, с. 163.
244. См. там же, с. 46 — 47.
245. Там же, с. 280-281.
246. Там же, с. 61; ср. с. 340.
247. См.: *Mazon A.* Emplois des aspects du verbe russe, 110-112.

248. Ульянов Г. К. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 165-166.
249. Там же, с. 167.
250. См.: Котляревский Н. А. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1910 г., с. 16—18. См. также изложение взглядов Фортунатова и пояснение их иллюстрациями из современного русского языка в работе: Калинин И. А. Категория вида в русских глаголах.
251. См.: Котляревский Н. А. Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1910 г., с. 16—18.
252. Потёбня А. А. Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 16.
253. Там же.
254. См.: Ульянов Г. К. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 29 и след.
255. Эндзелин И. О родственных отношениях латышских говоров к литовским.— Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1908, т. 13, ч. 4, гл.: К вопросу о видовом значении латышских сложных глаголов, с. 194 — 201.
256. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка, с. 174 [193].
257. См. там же, с. 174-175 [193-194].
258. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 97-98 [505].
259. Там же, с. 57 [472].
260. Там же, с. 58 [473].
261. Там же.
262. Ср.: Желтое И. Виды русских глаголов.—Филологические записки, 1866, вып. 4 — 5.
263. См.: Греч Н. И. Практическая русская грамматика, с. 175.
264. Ср.: Сухотин В. П. Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке.—Уч. зап. Кабардино-Балкарского гос. пед. ин-та, 1940, вып. 1, с. 89 — 95.
265. См.: Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Харьков, 1937, с. 152-154 [т. 1, с. 180-181].
266. Ср.: Сидоров Е. А. Из научно-учебной литературы о видах русского глагола—Родной язык в школе, 1924, № 5 — 6.
267. См.: Stender-Petersen A. Eine verbale Neubildung im Russischen, S. 74 — 76.
268. Ср. Востоков А. Х. Русская грамматика, с. 105—106. Калинин И. А. Категория вида в русских глаголах, с. 197—198. Востоков А. Х. Русская грамматика, с. 105-106.
271. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола, с. 220.
272. Ср. там же.
273. Там же, с. 232.
274. Там же, с. 275.
275. Ср. наблюдения: Agrell S. Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Lund, 1908.
276. Списки видовых соотношений русских глаголов (конечно, неполные) можно найти у Востокова в «Русской грамматике» и у Р. Кошутича (Грамматика русского языка, т. 2, с. 244 — 274); у М. Вольпера в «Справочнике по этимологии русского языка в таблицах», А. Mazon'a (Morphologie des aspects du verbe russe), у К. Meyer'a (Historische Grammatik der russischen Sprache, S. 198 — 201). Кроме того, видовые соотношения глагола обычно отмечаются в толковых словарях русского языка (ср. особенно «Академический словарь русского языка» и «Толковый словарь русского языка» 1934-1940).
277. См.: Белинский В. Г. Соч., ч. 1, с. 156-157.
278. См.: Mazon A. Emplois des aspects du verbe russe, p. 234. Ср.: Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье, с. 200-201; Греч Н. И. Практическая русская грамматика.
279. См.: Curtius G. Erläuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik. Prag, 1863, а также: Das Verbum der griechischen Sprache seinem Baue nach dargestellt. Leipzig, 1873-1876.
280. Curtius G. Erläuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik, S. 172.
281. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Спб., 1854, с. 291.

282. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 106—107 [87-88].
283. Однако ср.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 75 [487]. Ср. также замечания Ф. Ф. Фортунатова (Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г., с. 139-140).
284. *Франк-Каменецкий И.* Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии.— В кн.: Язык и литература. Л., 1929, т. 3, с. 104—105.
285. *Добиаш А. В.* Опыт семасиологии частей речи. Прага, 1897, с. 117-118.
286. Ср.: *Mazon A.* Emplois des aspects du verbe russe.
287. *Karcevski S.* Systeme du verbe russe.
288. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье, с. 201.
289. *Катков М. Н.* Об элементах и формах славяно-русского языка, с. 210.
290. *Аксаков К. С.* О русских глаголах, с. 414.
291. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола, с. 133.
292. Там же, с. 139.
293. Ср. протест С. Шафранова в книге «О видах русских глаголов в синтаксическом отношении» (1852). Ср. учение о временах русского глагола в «Исторической грамматике русского языка» Ф. И. Буслаева.
294. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка, с. 102.
295. См.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 74—79 [486 — 490]; *Mazon A.* Emplois des aspects du verbe russe; *Стендер-Петерсон А. И.* О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском.— Acta et commentationes universitatis Tartuensis. Humaniora, 1930, № 18. Ср.: *БелиН А.* О језику и језичком развитку.—Лингвистичка испитивања. Београд, 1941.
296. Ср.: *Болдырев А. В.* Рассуждение о средствах исправить ошибки в глаголе.
297. См.: *Кудрявский Д. Н.* Введение в языкознание. Юрьев, 1912, с. 104-105.
298. Там же, с. 105.
299. Там же.
300. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 211, примечание [213].
301. *Востоков А. Х.* Русская грамматика, с. 73 — 74.
302. *Станкевич Н. В.* Переписка. М., 1914, с. 213.
303. *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка, ч. 2, с. 150-152 [364-365].
- 303а. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 85.
304. *Катков М. Н.* Об элементах и формах славяно-русского языка, с. 206 — 207.
305. *Аксаков К. С.* О русских глаголах, с. 415.
306. См.: *Чернышев В. И.* Правильность и чистота русской речи, с. 225-232 [I, с. 546-551].
307. Ср. примеры в книге Н. П. Некрасова «О значении форм русского глагола».
308. *Размусеч Л. П.* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках.—Журнал министерства народного просвещения, 1891, № 6, с. 386.
309. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 150.
310. *Nikolisch I.* Etymologischer Theil der russischen Grammatik. Reval, 1870, S. 112.
311. *Размусен Л. П.* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках.— Журнал министерства народного просвещения, 1891, № 9, с. 39.
- 312; См.: *Mazon A.* Morphologie des aspects du verbe russe; Emplois des aspects du verbe russe.
313. Ср. также: *Пешковский А. М.* Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика, с. 127.
314. Ср.: *Mazon A.* Morphologie des aspects du verbe russe, p. 69.
315. *Колбасин Е. Я.* Литературные деятели прежнего времени. Спб., 1859, с. 130.
316. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 1, с. 166 [178].
317. Там же, с. 189 [200-201].
318. См. там же, вып. 2, с. 57 [472].
319. См.: *Delhruck B.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. 2, S. 347. Ср. также: *Vondrak W.* Vergleichende slavische Grammatik, Bd. 2,

- S. 395; *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Харьков — Киев, 1937, с. 226 [Курс русского литературного языка, т. 2, 1953, С. 309].
320. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 1, с. 194 [206].
321. Там же, вып. 2, с. 57 [472].
322. Там же, с. 76 [488].
323. См.: *Стендер-Петерсен А.* О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском.
324. См.: *Никольский К.* Материалы для исправления богослужебных книг. — В кн.: Памятники древней письменности, вып. 115.
325. Ср. также: *Sto'nski St.* Так zwane perfectum w j^zykach slowanskich.—Prace filologiczne, 1926, t. 10.
326. Ср.: *Пруссак А. В.* Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделе Императорской публичной библиотеки, 1915, с. 30.
327. См.: *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, с. 566 — 567.
328. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 184.
329. Ср.: *Vondrak W.* Vergleichende slavische Grammatik, Bd. 2, S. 395.
330. *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку, с. 233.
331. Ср.: *Boyer P., Speranski N.* Manuel pour l'etude de la langue russe. P., 1905, p. 291.
332. *Киреевский И. В.* Поли. собр. соч., т. 1, с. 107—108.
333. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 200 [199].
334. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 191.
335. См.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 200 [199].
336. См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 188.
337. Там же, с. 185.
338. *Mazon A.* Emplois des aspects du verbe russe, p. 220-222.
339. *Достоевский Ф. М.* Материалы и исследования/Под ред. А. С. Долинина. Л., 1935.
340. *RaiMusen Л. П.* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. — Журнал министерства народного просвещения, 1891, № 7, с. 10.
341. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 257 [256].
342. См.: *Karcevski S.* Systeme du verbe russe
343. *Перевлеский И.* Грамматика старославянского языка. Спб., 1854, с. 225.
344. См.: *Анненский И. Ф.* Критика «Синтаксиса русского языка» Д. Н. Овсянико-Куликовского, с. 228.
345. См. *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии. М.—Л., 1936, вып. 2.
346. См.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 77 [488].
347. См.: *Mazon A.* Emplois des aspects du verbe russe, p. 212 — 214.
348. *Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка. М., 1939, с. 210.
349. Там же, с. 199-200.
350. О значениях прошлого сложного времени в славянских языках см.: *Maretic.* Grammatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga knjizevnog jezika, § 593 — 595. Ср. также работы В. Погорелова, А. Белича, Ст. Слопского, Ван-Вейка, Ст. Младенова и других славистов.
351. См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 257 [256].
352. *Истрина Е. С.* Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. — Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1919, т. 24, кн. 2; 1923, т. 26, с. 105.
353. Там же, с. 105.
354. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 78 [489].
355. *Шафранов С.* Русский синтаксис. Рига, 1866, с. 130.

356. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка, т. 2, с. 152—153 [366].
357. *Левшин В. А.* Совершенный егерь, или Знание о всех принадлежностях к ру-

- жейной и прочей полевой охоте. Спб., 1779, с. 245. Ср. также: *Булаховский Л. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку, с. 228 — 231 [302 — 306].
358. *Мансикка В.* О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии. -Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1912, т. 17, кн. 2, с. 134.
359. *Мансикка В.* О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. -Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1914, т. 19, кн. 4, с. 167-168.
360. *Житомирский К.* Правописание. М., 1915, с. 5 — 6.
361. Ср.: *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. 2, S. 569; *Stahl J. M.* Kritisches-historische Syntax des griechischen Verbums der Klassischen Zeit. Heidelberg, 1907, S. 79; *Велик А.* ОжеЗН4Кож природы и жеЗН4КОМ развит-ку, с. 374-375.
362. *Фортунатов Ф. Ф.* Разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», с. 139—140.
363. Ср.: *Guillaume Gustave.* Temps et verbe. P., 1929, p. 52-53.
364. См.: *Meillet A.* Etudes sur l'etymologie et le vocabulaire de vieux slave, t. 1, p. 71. Ср.: *Vondrak W.* Vergleichende Slavische Grammatik. Gottingen, 1908, Bd. 2, S. 274.
365. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 158.
366. Там же, с. 137.
367. Ср.: *Mazon A.* Emplois des aspects du verbe russe, p. 141-142.
368. См. там же, с. 131-132.
369. *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 201.
370. См.: *Mazon A.* Emplois des aspects du verbe russe, p. 140.
371. *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 76.
372. См.: *Киреевский И. В.* Поли. собр. соч., т. 1, с. 103-104.
373. См. там же, с. 105-106.
374. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 106.
375. *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 213.
376. См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 110—111.
377. Там же, с. 112.
378. Там же, с. 118.
379. *Размусен Л. П.* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. — Журнал министерства народного просвещения, 1891, № 6, с. 410, ср. также 416-517.
380. *Соболевский С. И.* Грамматика латинского языка, с. 283-284.
381. Ср.: *Mazon A.* Emplois des aspects du verbe russe, p. 135-137.
382. *Размусен Л. П.* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. — Журнал министерства народного просвещения, 1891, № 6, с. 388.
383. *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 210.
384. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола, с. 138.
385. Ср. изложение учений о наклонении в старых церковнославянских грамматиках: *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России, ч. 1, с. 171 — 172, 174, 178.
386. См.: *Вейсман А.* Заметки к истории русской грамматики, с. 120—121.
387. См.: *Steinthal H.* Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern. Berlin, 1891, S. 286.
388. См.: *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1863, ч. 2, с. 138 [367].
389. См.: *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, с. 539 — 540.
390. Там же, с. 567.
391. См.: *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика, с. 118—119.
392. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола, с. 101.
393. Там же, с. 117.
394. Там же.

395. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка, с. 126.
396. См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 269 [т. 1-2, с. 267].
- 396а. См.: *Булаховский Я. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку, с. 152-153 [207-209].
397. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 270 [268].
398. *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 223.
399. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, вып. 1—2, с. 272, 274.
400. Там же, с. 280.
401. См. там же, с. 285-291.
402. *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, с. 539.
403. См.: *Калайдович И. Ф.* Грамматика языка русского, ч. 1.
404. Ср.: *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика, с. 147; *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка, с. 93 — 94; *Грот Я. К.* Филологические разыскания, т. 1.
405. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 196 [193- 194].
406. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола, с. 106.
407. Там же, с. 112-113.
408. *Катков М. Н.* Об элементах и формах славяно-русского языка, с. 221.
409. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье, с. 168 — 169.
- 409а. *Булаховский Я. А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку, с. 231 [306-307].
410. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 177.
411. Там же, с. 177-178.
412. *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка, ч. 2, с. 186.
413. *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, с. 571.
414. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 198 [196—197].
415. Ср.: *Зеленин Д. К.* О синтаксическом значении частицы *-ко (-ка)* при повелительном наклонении.— Русский филологический вестник, 1905, т. 4; *Соболевский А. И.* Из истории русского языка.—Журнал министерства народного просвещения, 1901, № 10.
416. См.: *Мазон А.* Emplois des aspects du verbe russe, p. 66 — 68.
417. *Ульянов Г. К.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. 2, с. 199.
418. Ср.: *Berneker E.* Russische Grammatik. Leipzig, 1911 (Sammlung — Goschen).
419. См.: *Мазон А.* Emplois des aspects du verbe russe, p. 66.
420. *Аппенский И. Ф.* Критика «Синтаксиса русского языка» Д. Н. Овсяннико-Куликовского, с. 228.
421. Ср.: *Вестфаль Р. Г.* Об образовании основ *л* времен русского глагола.— Русский вестник, 1876, № 10, с. 125.
422. *Катков М. Н.* Об элементах и формах славяно-русского языка, с. 220 — 221.
423. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 179.
424. См.: *Стендер-Петерсен А. И.* О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском.
425. См.: *Мазон А.* Emplois des aspects du verbe russe, p. 95.
426. *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка, с. 288.
427. См.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 71-73 [484-485].
428. *Размусен Л. П.* О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках. — Журнал министерства народного просвещения, 1891, № 9, с. 10.
429. Ср.: *Boyer P., Speranski N.* Manuel pour l'étude de la langue russe, p. 63.
430. Ср.: *Сухотин В. П.* Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке, с. 87 — 89.
431. *Глаголевский П.* Синтаксис языка русских пословиц. Спб., 1873, с. 13—14.
432. *Будиювич А. С.* Начертание церковнославянской грамматики применительно к общей теории русского и других родственных языков, с. 251.

433. *Wnndt W.* Volkerpsychologie. - Die Sprache, Bd. 1, S. 196.
434. См.: *Грунский Н. К.* Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. 1, вып. 1 — 2, с. 105. Ср. также: *Delbruck V.* Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904, Bd. 4, Th. 2, S. 411-416. Ср.: *Вейсман А.* Заметки к истории русской грамматики. Ср. также: *Добиаши А.* Синтаксис Аполлония Дискола, Киев, 1882, с. 131-139.
435. Ср.: *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России, ч. 1, с. 171 — 172.
436. Ср.: *Калайдович И. Ф.* О залогах глаголов русских. — Труды Общества любителей российской словесности, 1824, ч. 4 (24), с. 70—101.
437. *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика, с. 115.
438. См.: *Востоков А. Х.* Русская грамматика, с. 71. Ср.: *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика, с. 114—115.
439. См.: *Калайдович И. Ф.* О залогах глаголов русских.
440. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье, с. 3.
441. *Буслав Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка, ч. 2, с. 109 [343-344].
442. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 197.
443. См. критические замечания А. А. Потебни: *Мальцев М. Д.* Из учения А. А. Потебни о залоге. - Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1939, т. 20, с. 286-287.
444. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола, с. 33.
445. См.: *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, с. 542 — 557.
446. *Соловьев Н. В.* История одной жизни. В. В. Воейкова. — Светлана. Пг., 1915, т. 2, с. 128.
447. *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, с. 555.
448. Там же, с. 550.
449. Там же.
450. Там же, с. 551.
451. Там же, с. 554.
452. Там же, с. 554-555.
453. См.: *Тростников М. А.* Определение залогов в школьных грамматиках русских, латинских и греческих. — Филологические записки, 1896, вып. 2.
454. См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 198—199.
455. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола, с. 74.
456. Там же, с. 82-83.
457. Там же, с. 83.
458. См.: *Вейсман А.* Заметки к истории русской грамматики, с. 109—112.
459. *Margulies A.* Die verba reflexiva in den slavischen Sprachen. Heidelberg, 1924.
460. *Поржезинский В. К.* Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках. М., 1903, с. 57.
461. Там же, с. 62.
462. См. там же, с. 103.
463. Там же, с. 49.
464. Ср.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4; *Мальцев М. Д.* Из учения А. А. Потебни о залоге.
465. См.: *Гвоздиков Б.* Опыт классификации залогов русского глагола. — Русский филологический вестник, 1904, т. 51, с. 227 — 228. Ср. дополнения и исправления: Русский филологический вестник, 1904, т. 56.
466. *Попов А. В.* Синтаксические исследования. Воронеж, 1881, с. 302.
467. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 200.
468. Там же, с. 201.
469. Там же.
470. *Wackernagel J.* Vorlesungen iiber Syntax, Bd. 1. Basel, 1920, S. 144.
471. *Steinthal H.* Ueber das Passivum. - Zeitschrift fur Vdlkerpsychologie und Sprachwissenschaft, Bd. 2, 1862, S. 249.
472. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 204.
473. Там же.
474. *Гвоздиков Б.* Опыт классификации залогов русского глагола, с. 168.

475. См. гам же, с. 172.
476. Там же, с. 185-186.
477. См. там же, с. 185-200.
478. См.: *ПотеСич А. А.* Лекции по русской грамматике, читанные в 1883/84 гг.—*Русский филологический вестник*, 1904, т. 51, с. 214.
479. Там же, с. 215-216.
480. *Попов А. В.* Синтаксические исследования, с. 307.
481. См. гам же, с. 172.
482. Там же, с. 175.
483. Там же, с. 173.
484. Там же, с. 175-176.
485. См. там же, с. 281.
486. См. там же, с. 282.
487. Там же, с. 179.
488. Там же, с. 302.
489. Там же, с. 300-301.
490. Там же, с. 302-303.
491. Там же, с. 303.
492. Там же, с. 298.
493. См. гам же, с. 290-291.
494. Там же, с. 298.
495. Там же, с. 304.
496. См.: *Steinthal H.* Ueber das Passivum, Bd. 2, S. 88.
497. См.: *Попов А. В.* Синтаксические исследования, с. 304—305.
498. Ср. постановку вопроса о генезисе категории залога в работах: *Мещанинов И. И.* Новое учение о языке. Стадиальная типология. Л., 1936; *его же*: Общее языкознание; *Быковская С. Л.* Пассивная конструкция в яфетических языках.—В кн.: *Язык и мышление*. Л., 1934, вып. 2: Объективный строй *verba sentiendi*.— В кн.: *Язык и мышление*. Л., 1936, вып. 6 — 7, и др.; *Кацнельсон С. Д.* К вопросу о генезисе номинативного строя предложения.
499. *Овсичко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка, с. 126—127. 1V71.
500. Ср.: *Мещанинов И. И.* Понятийные категории в языке. — Труды Военно-педагогического института иностр. языков, 1945, вып. 1.
501. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка, с. 168 [188]. Ср. также определение в работе: *Поржезинский В. К.* Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках, с. 18.
502. Ср.: *Delbrück V.* Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, Bd. 3; *Wackernagel J.* Vorlesungen über Syntax, Bd. 1, Basel, 1920. Ср. изложение учения о залого Щлейхера в кн.: *Поржезинский В. К.* Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках, с. 12—18.
503. См.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 61—67 [476-481].
504. *Овсичко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка, с. 129—130.
505. См.: *Роде Н. Н.* Возвратно-страдательная форма глаголов в современном русском языке—*Русский язык в школе*, 1941, № 3.
506. См. там же.
507. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 193 [479, примечание].
508. Ср.: *Мучник И. П.* О залогах русского глагола.— Уч. зап. Московского гос. пед. ин-та; кафедра рус. языка, 1938, вып. 2, с. 148.
509. *Шапиро А. Б.* О залогах в современном русском языке.— Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та, кафедра рус. языка, 1941, вып. 1, с. 54.
510. См.: *Мучник И. П.* О залогах русского глагола, с. 151, 155.
511. См.: *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка, с. 147 [175].
512. См. там же.
513. Ср.: *Мучник И. П.* О залогах русского глагола, с. 157—159.
514. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка, с. 168 [196].
515. *Мещанинов И. И.* Общее языкознание, с. 64.
516. Ср. *Кацнельсон С. Д.* К генезису номинативного предложения, гл. 3: Номинативное предложение и залого.
517. См.: *Boyer P., Speranski N.* Manuel pour l'etude de la langue russe, p. 247.

518. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937, с. 103.
519. *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка, с. 76.
Ср. также: *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье.
520. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 4, с. 43 — 44.
521. *Вандриес Ж.* Язык, с. 106.
522. См.: *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика, с. 257 — 258; *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка, с. 254—255.
523. См.: *Добиаш А.* Опыт семасиологии частей речи. Прага, 1899, с. 330.
524. См.: *Sechehaye A.* Essai sur la structure logique de la phrase. P., 1926, p. 85 — 86.
525. Ср.: *Будде Е. Ф.* Вопросы методологии русского языкознания. Казань, 1917, с. 56.
526. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье, с. 79.
527. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола, с. 178 — 179.
528. См. там же, с. 179, 207 и др.
529. Там же, с. 214-215.
530. *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка, с. 71;
ср.: *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье, с. 80.
531. См.: *Шапиро А. Б.* О залогах в современном русском языке.
532. Труды Общества любителей российской словесности, 1824, ч. 4, с. 78—79.
533. Толковый словарь русского языка/Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1938, т. 2, с. 360.
534. Там же, с. 458.
535. Там же, т. 1, с. 1029.

Частицы речи

■ I. ЧАСТИЦЫ

§ 1. О понятии «частица»

Термин *частица* (лат. *particula*), как и большая часть грамматической терминологии, был унаследован русской грамматикой от античной, которая, в свою очередь, восприняла его из восточных грамматик (ср. арабск. *harf*— частица). Этот термин употребляется в двух значениях — общем и частном. Частицы в широком смысле этого слова — то же, что «частицы речи». «Частицы речи», к которым относятся, между прочим, союзы и предлоги, противопоставляются «частям речи»¹. Это общее понятие «частиц» обнимает все классы так называемых «служебных», «формальных» или «частичных» слов. Частицами называются классы таких слов, которые обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов, предложений или же служат для выражения разного рода грамматических (а следовательно, и логических, и экспрессивных) отношений. Лексические значения этих слов совпадают с их грамматическими, логическими или экспрессивно-стилистическими функциями. Поэтому семантический объем этих частиц очень широк, их лексико-грамматические значения очень подвижны, они находятся во власти синтаксического употребления. «Это как бы оторвавшиеся от основ аффиксы, свободно передвигающиеся по поверхности языка (хотя исторически как раз наоборот: сами аффиксы происходят из таких слов, прильнувших к полным словам)»².

Грамматическая разработка вопроса о частицах речи в новое время составляет неотъемлемую заслугу фортуатовской школы (если включить в нее и А. М. Пешковского). Но особенно много нового внес в понимание частиц А. А. Шахматов. Термину *частицы* в широком смысле (или «частичные слова») соответствует понятие «связочные слова» («слова-синтаксемы», если воспользоваться термином акад. И. И. Мещанинова)³.

Связочные слова очень многочисленны и продуктивны. Статистические подсчеты стенографов показывают, что самое большое место среди наиболее употребительных слов занимают предлоги, союзы, частицы и местоимения. Так, французский стенограф Эсту⁴ подсчитал, что во французском тексте из 20000 слов 12 слов (члены и предлоги) повторяются 8000 раз (т. е. составляют 40% всего текста); в тексте из 30000 слов во второй тысяче новых слов оказалось 23 %, в десятой — 9 %, в тринадцатой — 4 %. Кединг, занимавшийся статистикой частоты употребления разных слов и категорий слов в немецком языке, нашел, что в обследованном им материале из 11000000 слов член *der, die, das*, союз *und* и предлоги *zu* и *in* повторяются 1 292 149 раз и составляют, таким образом, 12% общего состава немецкой речи⁵.

По отношению к русскому языку предварительные статистические подсчеты показывают, что в тексте (разнообразно подобранных отрывков книжного и разговорного языка) из 54000 слов (54338 слов) чаще всего встречаются предлоги: *в* (1881 раз), *на* (770 раз), *с* (578 раз), *к* (267 раз), *за* (259 раз), *для* (236 раз), *из* (202 раза), *от* (174 раза), *до* (108 раз), *при* (80 раз). Н. А. Морозов в статье «Лингвистические спектры» также пришел к выводу, что в русском языке из предлогов чаще всего употребляются *в*, *на*, *с*⁶. Из союзов выделяются по частоте употребления *и* (1963 раза в тексте из 54 000 слов) и *а* (740 раз). Союзы и предлоги, особенно в составе книжной речи, играют громадную организующую роль.

Таким образом, среди связочных слов, среди частиц речи наиболее отчетливо выделяются две резко очерченные категории — предлоги и союзы; а кроме того, остается еще несколько небольших групп слов, которые объединены общими свойствами гибридно-полуграмматического, полулексического типа и промежуточным положением между наречиями и модальными словами, с одной стороны, и союзами — с другой стороны. Вот за этими-то группами «частичных» слов и сохраняется обычно звание «частиц» в собственном смысле. Нет особенной нужды заменять этот традиционный термин каким-нибудь неологизмом⁷, хотя внутренняя непоследовательность деления «частиц речи», или служебных слов, на предлоги, союзы и частицы очевидна. По определению акад. А. А. Шахматова, к частицам относятся «слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении грамматические формы или предикат»⁸. Преобладающее большинство частиц в русском языке обнаруживает в своем значении модальные оттенки и тяготеет к категории модальных слов*.

В. Н. Сидоровым в «Очерке грамматики русского литературного языка» сделана попытка противопоставить частицы служебным словам (предлогам, союзам, связке). «В зависимости от того, какого рода формальные значения — синтаксические или несинтаксические — выражаются несамостоятельными словами, они делятся на два разряда — служебные слова и частицы»⁹. «В отличие от служебных слов частицы выражают несинтаксические формальные значения, присоединяя к реальному значению самостоятельных слов различного рода дополнительные смысловые оттенки (*он-то придет; только он и придет; он же придет* и пр.). Следовательно, по своей грамматической роли и значению частицы сближаются со словообразовательными аффиксами-приставками и суффиксами, которыми также присоединяются дополнительные значения к реальному значению самостоятельных слов»¹⁰. Но здесь разграничение синтаксических и несинтаксических значений лишено принципиальной глубины и определенности: оно внутренне противоречиво. Эта внутренняя противоречивость и нерасчлененность понятия — «синтаксическое значение» в грамматике В. Н. Сидорова — сразу же сказывается на определении частиц и их классификации. Частицами называются «несамостоятельные слова, выражающие обычно различные оттенки в отношении говорящего к высказываемому в предложении»¹¹. Далее отмечается употребление вопросительных (*разве, неужели, ли*), восклицательных (*как, что за*), усилительных (*то, даже, вот, ведь, же*), выделительных (*только, лишь, лишь только*) и отрицательных частиц. Таким образом, тут все способы выра-

* Необходимы монографические исследования «частиц», их состава и функций в современном русском языке. Не менее интересно и своевременно изучение формирования и изменений этого типа слов в истории русского языка. Лишь на основе таких работ могут быть вполне уяснены грамматические разряды и грамматические категории в кругу слов, именуемых ныне «частицами».

жения модальных отношений в строе предложения выводятся за пределы синтаксиса. Поверхностный формализм и непродуманность этой точки зрения очень ярко выступают даже в тех иллюстративных примерах, которыми поясняются функции частиц: «*не друг, а враг*»; «*вед, вы это знаете*»; «*разве вы это знаете?*»; «*не далеко, но и не близко*»; «*что за странный случай!*» и т. п. Синтаксический характер функций всех этих частиц не подлежит сомнению. Между ними и словообразовательными аффиксами нет ни схождения, ни аналогии, ни параллелизма. Частицы (как ни расплывчат этот термин) приходится рассматривать как особый тип слов, но в том же грамматико-семантическом кругу, к которому относятся предлоги, союзы и связки.

В современном русском языке особенно отчетливо и резко различаются следующие восемь основных разрядов частиц: 1) усилительно-ограничительные, или выделительные; 2) присоединительные; 3) определительные; 4) указательные; 5) неопределенные; 6) количественные; 7) отрицательные и 8) модально-приглагольные. Сюда же близко подходят вопросительные и восклицательные слова, но эти разряды теснее связаны с категорией модальных слов. Класс частиц глубоко внедряется в категорию модальных слов, и тут складываются новые, гибридные типы частиц. История русского словаря представляет яркие примеры превращения модальных слов в частицы. Однако связать все частицы, за вычетом предлогов и союзов, с категорией модальности невозможно. Дело в том, что некоторые из этих частиц близки к союзам, функции других иногда выходят за пределы модальных отношений. Поэтому ошибочным и случайным должно быть признано мнение, будто частицы не несут никаких синтаксических функций и грамматически противостоят союзам и предлогам*.

§ 2. Группа усилительно-ограничительных, или выделительных, частиц

Особенно значительна по своему составу группа усилительно-ограничительных, или выделительных, частиц. Эти частицы находятся, по большей части, непосредственно перед тем словом, которое выделяют или усиливают, или сразу же позади него, а иногда относятся ко всему высказыванию, придавая ему большую выразительность и убедительность. Они играют роль своеобразных качественных показателей смыслового веса слов или высказывания в целом.

Так, *и* усилительное, выделяя слово, к которому относится, нередко в то же время требует постановки этого слова в начале синтагмы. Например: «*И бедняк может быть счастлив*» (Чехов, «Чайка»).

Стоя в начале восклицательного предложения, то же *и* усиливает выразительность всего высказывания.

Ср. сочетание *даже и*: «Жить — *даже и* не будучи влюбленным — славное занятие» (Горький, «Мещане»).

Ср. ограничительное *все* в значении — только именно: «*И* ж за то под суд попала! а *все* по клеветам» (Крылов); ср. ограничительные частицы: *только, лишь, хоть* и др.

А. М. Пешковский сделал очень тонкое замечание о связи некоторых «первообразных» усилительных частиц {*же, аедь, еще, да, даже, и, то уме* и др.) с союзами: «Самая усилительность их, по существу дела, сближает их

* Ср. совершенно правильные соображения акад. И. И. Мещанинова о синтаксических функциях частиц как выразителей «универсальных грамматических категорий»¹².

с союзами: всякое усиление выступает всегда Па фойе чего-то неусиленного, а этот фон дается (или предполагается) в предыдущей речи»^{13*}.

Ср., например, употребление частицы *и* в значении: также, даже: О сторона ковыльной пуши, Ты сердцу ровностью близка. Но *и* в твоей таится гуще Солончаковая тоска. (Есенин, «За темной прядью перелесиц»)

«После ужина Поздрев сказал Чичикову: «Вот тебе постель! Не хочу *и* доброй ночи желать тебе!» (Гоголь, «Мертвые души»).

Характерно также совмещение значений усилительной частицы и присоединительного союза в *даже*, например: *Пришли все, даже дряхлые старики*.

Типическим примером сочетания усилительных функций с союзными значениями может служить частица *ведь*. Выступая в роли причинного союза, она в то же время имеет ряд усилительных значений с ярким экспрессивным колоритом, например: *Но ведь это всем давно известно!*; «*Ведь у нас в Киеве все бабы, которые сидят на базаре, все ведьмы*» (Гоголь, «Вий»).

По-видимому, усилительные функции легче совмещаются с союзными значениями, чем ограничительные. Показательно существование таких усилительных частиц, как *и*, *а*, *да*, *же* и других, омонимных с сочинительными союзами. В отдельных случаях здесь происходит функциональное превращение союза в частицу.

Однако во многих частицах, совмещающих функции усиления или ограничения со значениями наречия или модального слова, не наблюдается никакого уклона в сторону союзов. Таковы, например, ограничительные частицы наречного типа *и*, следовательно, позднейшего, вторичного происхождения: *единственно, исключительно* и др.; усилительные: *решительно, положительно, определенно, просто* и другие подобные. Например: «Все это он говорил *единственно* затем, чтобы затереть честолюбие» (Гоголь); «Ирландские крестьяне питаются почти *исключительно* картофелем».

Таким образом, в составе усилительно-ограничительных частиц обнаруживается несколько наслоений, различающихся и по своей структуре, и по своему семантическому строю.

§ 3. Присоединительные частицы

Гораздо менее выразительна, чем усилительно-ограничительные частицы, близкая к ним группа частиц союзного типа, устанавливающих разного рода соотношения и связи между предметами мысли, элементами речи, синтаксически разъединенными. Таковы, например, присоединительные частицы: *тоже, также, к тому же, и то, притом, все* и др. Например: «Любил я *тоже*, что в лице ее вовсе не было ничего такого грустного или ущемленного» (Достоевский).

Этого рода функции присущи и некоторым усилительно-ограничительным частицам, например: *и, еще, да*. Частицы этого типа можно назвать присоединительными. Многие из них иногда смешиваются и почти сливаются с союзами. Здесь границы частиц и союзов пересекаются, а иногда становятся очень зыбкими, текучими.

—* Ср. замечания Н. В. Шлякова: «Частица — не речь с отдельным смыслом, а звук или созвучие, придающее своеобразный оттенок тому предложению, в котором оно находится... Только в предложении частица имеет свой смысл, свое значение. Значение частицы... состоит в том, что она придает известный оттенок речи, оттенок же часто улавливается только из контекста, а потому, приводя примеры на частицы, нужно выписывать не одно предложение, а несколько с ним соседних, из которых бы явствовал вполне смысл предложения с частицей»¹⁴.

§ 4. Определительные частицы

Другая группа частиц, также смежная с выделительными частицами, служит не столько для усиления или ограничения, сколько для определения, уточнения того или иного слова, обозначения той или иной характеристики. Таковы, например: *подлинно, именно, как раз, точь-в-точь* и т. п. И в этом разряде частиц очень ощутительны оттенки союзных значений и притом с модальной окраской.

Например: «Лицо его вдруг, несмотря на приятность, не понравилось начальству,— почему *именно*, бог ведает; иногда даже, просто, не бывает на это причин» (Гоголь, «Мертвые души»).

§ 5. Указательные частицы

К определительным частицам близки указательные. Указательные частицы служат не только для указания на предметы и явления внешнего мира, но и для связывания и указательного подчеркивания слов. Таковы: *вот, вон, это, оно*, просторечное *во* и некоторые другие.

Например: «*Вот* невидаль: мышей! Мы лавливали и ершей!» (Крылов); «Садитесь чай пить, *вот* и разговор весь» (Л. Толстой); «И угораздило *это* вас, батюшка, в Тулу со своим самоваром приехать?» (Лейкин); «Что *это* она все смеется? — думал я» (Тургенев, «Первая любовь»).

К указательным частицам, по-видимому, примыкает постпозитивная отождествительная частица *же* в таких сочетаниях, как *тот же, туда же, там же, тогда же* и т. п. Она соединяется с местоименными словами по методу агглютинации.

§ 6. Неопределенные частицы

Диаметрально противоположна функция частиц, придающих значение неопределенности тем словам, к которым они примыкают. Частицы этого рода в русском языке являются, в сущности, словообразовательными элементами. Некоторые из этих частиц стали уже агглютинативными морфемами (например: *то, либо, нибудь*), приклеиваемыми сзади к местоименным вопросительно-относительным словам и придающими им неопределенное значение. Напротив, префиксальная агглютинация свойственна частице *кое*, которая может отделяться лишь предлогом от соответствующего местоимения: *кое без чего нельзя обойтись; снести еще кое с какими учреждениями* и т. п.

По-видимому, несколько больший словесный вес имеют частицы *угодно* и *бы то ни было*, присоединяющиеся, подобно *либо*, к относительным местоимениям и наречиям по методу агглютинации.

§ 7. Количественные частицы

С разрядами определительных и неопределенных частиц в некоторых отношениях смежны количественные (или количественно-определительные) частицы. Правда, в русском языке количественные частицы еще не обособились резко от наречий, по большей части образуя гибридные типы слов («наречий-частиц»). Таковы, например: *почти* (*почти пять лет, почти двадцать километров* и т. п.), *приблизительно, ровно* («*Ровно* в половине двенадцатого Германн ступил на графинино крыльцо» — Пушкин), *точно, чуть не* и т. п.

С некоторыми из этих количественно-определительных слов сочетаются очень ощутительные оттенки модальных значений.

§ 8. Отрицательные частицы

В русском языке выделяются две отрицательные частицы: *не* и *ни*. Однако частица *ни* имеет отрицательное значение — вне связи с *не* — только в императивных и количественных предложениях, например в сочетании с родительным количества: *ни шагу дальше*; *ни синь-пороху*; ср.: *ни на волос любви!*; *ни с места!* и т. п.

В связи с *не* частица *ни* получает усилительное значение: *ни гроша не стоит*; *ни черта не знаю*; *ни капли не боюсь*; *не встретил ни одного знакомого* и т. п. (ср.: *нигде*, *никуда*, *никогда*, *никакой*, *никто* и т. п., причем в сочетаниях отрицательных местоимений *никто*, *ничто* и отрицательных местоименных прилагательных *никакой*, *ничей* с предлогом предлог ставится между *ни* и местоименным словом: *ни с кем*, *ни у кого*; *ни в какие авантюры не ввязываться* и т. п.).

Отрицательно-присоединительный повторный союз *ни...ни...* выходит за пределы частиц в собственном смысле (ср. *и...и...*)*.

Употребляемая в качестве привеска к относительным местоименным словам частица *ни* является лишь омонимом отрицательно-усилительной частицы *ни*. Она придает обобщающее значение соответствующим местоимениям: *какой — ни, где — ни, кто — ни, куда — ни, откуда — ни* и т. п.

Область употребления отрицательной частицы *не* в русском языке очень широка, тем более, что в этой частице слились два омонима, прежде фонетически различавшиеся (*не* и *ни*). Сложность грамматической природы частицы *не* выражается в колебаниях ее употребления. Она выступает и в функции агглютинируемой приставки (ср.: *нейметя*; *нездоровится*, *неможетя*, *неприлично*, *недурно*, *независимый* и т. п.)**, и в роли отрицательной частицы. Как приставка *не* выражает разнообразные оттенки отрицательной окраски: оттенки противоположности, количественного ограничения, недостаточности (например: *ненападение*, *нетерпение*, *недоброжелательность*, *ненормальный*, *нетрезвый*, *небольшой*, *несложный*, *не хватает*, *недостаёт* и т. п.)¹⁵. В функции отрицательной частицы *не* обозначает не только разные степени отрицания — то полного и неограниченного, то несколько ограниченного и неопределенного (в зависимости от синтаксических и фразеологических условий), но выражает также модально-экспрессивные оттенки.

§ 9. Модальные значения отрицательных частиц

По укоренившемуся мнению, русские отрицания лишены модальных оттенков. Больше всего способствовал распространению такого представления Ф. Миклошич¹⁶.

Вслед за Миклошичем отрицал модальные оттенки русского отрицания и А. А. Шахматов. «Есть языки,— писал он,— в которых глагольный предикат в отрицательных предложениях выражается иначе, чем в утвердительных; так, в английском языке глагольный предикат, не заключающий в себе вспомогательных глаголов *to be* или *to have*, при отрицании имеет при себе вспомогательный глагол *do* в настоящем и *did* в прошедшем времени; *вы работаете: you work; вы не работаете: you do not work; я слышал: I heard; я не слышал: I did not hear*; так же, например, в финском языке. В русском языке отрица-

* Без повторения одно присоединительное *ни* в функции союза устарело. Ср. у Пушкина: Она ласкаться не умела К отцу, *ни* к матери своей.

** Ср. у Салтыкова-Щедрина: «Нет! мне *с* правдой дома сидеть не приходится, потому, она, правда-матушка, непоседлива».

тельный оборот, можно сказать, совпал вообще с утвердительным: говоря *он не ходит*, я утверждаю, что *он не ходит* (и этим отрицаю, что *он ходит*)... При ценных сказуемых возможно двоякое понимание предложения — и в утвердительном, и в отрицательном смысле: *он не ловкий* и *он неловкий* (*Il n'est pas adroit* и *il est maladroit*); *он мне не приятель* и *он мне неприятель*; это зависит прежде всего от утраты русским языком глагола *быть* и в положительной, и в отрицательной форме; в этой последней 3-е лицо единственного числа (*н**, *нЪспгь*) нашло себе заместителя в отрицании *не*¹⁷.

Однако целый ряд грамматических особенностей, связанных с употреблением отрицания *не* (преимущественно при глаголе и категории состояния), указывает на то, что современному русскому языку не чужды и модальные значения отрицательных частиц. В отрицании *не* обнаруживаются две основные модальности: а) контрастно-утвердительная: утверждается наличие противоположного отрицаемому качества, состояния или действия или, реже — сильное ограничение признака, качества. Например: *он не пьет и вообще хорошего поведения*¹⁸; *он не дурак выпить*; *он меня не жалует* и т. п.; б) чисто отрицательная с различиями в степени и в энергии отрицания (например: *ничуть не бывало*, *не бывать бы счастью*, *да несчастье помогло*; *ни капельки не боюсь* и т. п.). Некоторые грамматисты уже давно догадывались, что и в русском языке с отрицанием связаны оттенки модальности.

А. В. Добиаш вслед за Н. И. Гречем отмечал влияние частицы *не* на видовые и временные формы русского глагола и ставил это влияние в связь с модальными значениями отрицания. «Говорят, например: *они сдали оружие*, но наряду с этим: *они оружия не сдавали*. Причина ясна: русское *не*... влечет за собою оттенок *conatus* (т. е. попытки): *и сдавать не думали*¹⁹. «По-русски говорят: *позволь мне сделать то-то*; но рядом с этим: *не позволяй ему этого*» (по мнению Добиаша, это почти равно: *позволять* и *не берись*)²⁰.

Почти все исследователи объяснили это влияние отрицания на количественно-видовые оттенки глагола различиями в экспрессивной силе и степени отрицания. Например, Ф. И. Буслаев указывал, что форма прошедшего времени многократного вида с отрицанием *не* «выражает сильнейшее отрицание события в прошлом»²¹. «Бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что *не бывала*» (Пушкин, «Станционный смотритель»). Ср. в современном просторечии: «А я, старик, хоть сам *не же-нивался*, а, все-таки, видал на своем веку: молодая баба дюже сладко целуется» (Короленко, «Лес шумит»).

Характерно также, что после отрицания *не* определенно-моторные глаголы заменяются неопределенно-моторными, правда, только в прошедшем времени. Говорим: *Я не ходил сегодня на работу* (совсем другой смысл: *Я не шел сегодня на работу*)²².

В разных оттенках степени экспрессивного усиления, присущих отрицанию, сказывается модальная окраска отрицательного высказывания. Известно, что отрицание *не* придает форме настоящего-будущего времени совершенного вида значение потенциального наклонения²³. Например: *с тобой не сговоришься*; *не припомню*; *не придумаю* и т. п. В. И. Чернышев заметил: «*Не* с некоторыми глаголами, сложными с префиксом *на-*, и в некоторых других случаях имеет значение: невозможно, очень трудно что-либо сделать; не достанет, не хватит чего-либо. Таковы в особенности безличные обороты: *не напасешься денег или чего-либо другого*; *не оберешься хлопот*; *с другом не наговоришься*; *в гостях не насидишься* и подобные... Такое же значение имеют и личные обороты: *не наляжусь*, *не нарадуюсь*, *не посмотрюсь*, *не наглядится*, *не насмотрится* и подобные»²⁴.

Ср.: «Василий Сергеевич мой вертится около нее [жены], *не наглядится* и никак *не нахвалится*» (Чехов, «В ссылке»);

Напекла блинов Оринушка, *Не насмотрится* на Ванюшку.

(Некрасов, «Орина — мать солдатская»)

Ср.: *рука не поднимется; ничто не берет* и другие подобные. Ср. оттенок потенциальной модальности в конструкциях типа: *не верится, не спится, не терпится, не сидится; не носить тебе головы* и т. п.

Полмиру дать ты б счастье могла, Но счастливой самой тебе *не быть*.

(Лермонтов)

Экспрессивная окраска отрицания, его модальные оттенки выступают еще ярче в сочетаниях с частицей *не* уменьшительных форм наречий или существительных, лишь наполовину превратившихся в наречия (например: *ни чуточки не испугался неожиданной опасности; ни капельки не, ни крошечки не* и т. п.).

«Случаи употребления уменьшительного суффикса для выражения большей определенности отрицания чего-либо вытекают из понятия об уменьшении объема понятия до минимума, до «нельзя более», — писал проф. Мандельштам²⁵. Ср. у Достоевского у речи судебного следователя («Преступление и наказание»): «Микола ничевошечко не знает»; ср. в «Бесах»: «Никто-то изо всей этой публики знать не знал о мне ровнешенько ничего».

Таким образом, с отрицанием *не* связаны сложные экспрессивные и количественно-модальные оттенки (ср. в вульгарном просторечии: *ни черта не, ни шиша не, ни хрена не, ни фига не* и т. п. Ср. даже: *шиш возьмешь, хрен получишь* в значении: ничего не получишь — у А. Н. Толстого в романе «Петр I»).

Модальные значения частицы *не* обостряются в сочетаниях ее с наречиями и модальными словами, выражающими степень отрицания. Из этих сочетаний образуются фразеологические единства и сращения, в которых проступают резко выраженные оттенки модальности. Еще А. Х. Востоков отмечал способность «отрицательного *не* сочиняться с предположительным *едва ли, чуть ли (едва ли не, чуть ли не)* в одно «предположительное наречие»²⁶. *Едва ли не* представляет собою целостное единство с новым значением, вовсе не похожим на значение *едва ли*. *Едва ли* = вряд ли, вероятно не (*едва ли тебе это удастся*); *едва ли не* = очень вероятно, почти; синоним: *чуть ли не* (ср. «считался *едва ли не* лучшим кавалеристом» — Тургенев; *едва ли не первый, едва ли не одни из первых*). Ср. *только что не*: «Питался *только что не* манной небесной» (Тургенев, «Льгов»).

В этой связи приобретают особенный интерес наблюдения над модальными оттенками таких отрицательных выражений, как *вовсе не* (ср. *совсем не*), *далеко не, никак не*, устарелое *отнюдь не*. В этих случаях *вовсе* и *далеко* определяют степень отрицания, придавая ему яркое модальное значение. Употребление *вовсе* в утвердительных оборотах устарело (*вовсе пропал, изнервничался вовсе* и т. п.). Но ср. *он вовсе не глуп* (здесь акцент на отрицании, поэтому решительно невозможно такое понимание: он вовсе неглуп; ср. бессмысленность фразы: *он вовсе не умен*); *я вовсе не то говорил; вовсе я этого не хочу*; «современности *вовсе не* видно» (А. К. Толстой, «Поток-богатырь»); «Черевик... кажется, *вовсе не* имел желания расстаться со своими грезами» (Гоголь, «Сорочинская ярмарка»). Ср.: «Подколесин в своем типическом виде, может быть, даже и преувеличение, но *отнюдь не* небывальщина» (Достоевский, «Идиот»).

Точно так же *далеко* в устойчивом сочетании *далеко не* имеет такое модально-количественное значение, которое совсем чуждо слову *далеко*, когда оно не усиливает отрицания, а служит обстоятельственным определением глагола (ср.: *он далеко не умен* и *он далеко не пойдет*). Например: *далеко не*

безопасно; далеко не красавица; «далеко не оправдал доверия» (В. Чернышев) и т. п.

Отрицательные модальные оттенки значений этих частиц еще ярче выступают на фоне сравнения с такими наречиями и частицами (в сочетании с отрицанием *не*), как *крайне (не), слишком (не), почти (не)* и т. п. Направленность наречий и частиц вроде *крайне, почти* и т. п. на определение глагола или качественного слова, а не на определение степени и модальности отрицания непосредственно очевидна. Ср., например: *крайне некрасив; крайне недалек; крайне непривлекательна* и т. п.; *почти не слышит* и т. п.

Таким образом, отрицание *не* в русском языке может сочетаться с яркими красками субъективной экспрессии, выражая модально-оценочные суждения говорящего лица.

§ 10. Модально-приглагольные частицы

Категория модальных слов, двигаясь в основном своем ядре иными путями, одной своей стороной тесно соприкасается с частями и частицами речи. Она как бы вклинивается в сферы наречий и частиц. Некоторые типы частиц входят в круг и основных разрядов категории модальности. Так, разнообразные оттенки глагольной модальности выражаются частицами. Сюда прежде всего относится частица *бы*. Модальные функции частицы *бы* не ограничиваются тем, что она является составным элементом формы сослагательного или условно-желательного наклонения (*ты бы отдохнул немного; было бы желание, а дело найдется* и т. п.) и что с помощью ее передаются модальные значения возможности, желательности и условности в инфинитивных конструкциях (*не тебе бы говорить, не мне бы слушать*). Частица *бы*, сверх того, служит средством выражения разнообразных оттенков гипотетической модальности в безглагольных предложениях. Например: *хорошо бы, если это так; недурно бы; лихо бы; пора бы;*

Ох, лето красное! Любил *бы* я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
(Пушкин, «Осень»)

С частицей *бы* тесно связаны составные частицы условно-желательного наклонения: *хоть бы, лишь бы, что бы, как бы* и др. Например: *хоть бы повидать его!; чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало; что бы ему захватить на денек, другой!; как бы улизнуть незаметно?* и т. п.

Особый разряд образуют препозитивные частицы, служащие для выражения повелительного наклонения: *пусть, пускай* с 3-м лицом настоящего и будущего времени изъявительного наклонения (для обозначения побуждения, дозволения, приказания, приглашения и совета сделать что-нибудь). Сюда же примыкает препозитивная частица *да* (с 3-м лицом настоящего и будущего времени), выражающая значение приказания или желательности чего-нибудь: «*Да здравствует разум, да скроется тьма!*» (Пушкин). С формами повелительного наклонения сочетается также постпозитивная частица *-ка*, смягчающая императивность требования:

...моя хозяйка Была пригожа и добра, А муж-то помер, замена й-кя.
(Пушкин, «Гусар»)

Та же частица присоединяется и к 1-му лицу будущего времени совершенного вида: *пойду-ка, посмотрю-ка* (для выражения субъективно окрашенного

побуждения, решимости, воли). Ср. также при междометиях \ ну *м ,на ка .Ср . «Вы нынешние, ну-тка!» (Грибоедов). К частицам могут быть отнесены *давай, давайте*, сочетающиеся с императивной формой совместности {*давай почитаем, давайте почитаем*). Но ср. *дай, давай* в сочетании с формой 1-го лица единственного числа будущего времени {*давай я схожу; дай я пойду*).

Усилительная императивная частица *пожалуйста* возникла вследствие агглютинации частицы *-ста* к форме повелительного наклонения от глагола *пожаловать* — *пожалуй*.

Известно, что в древнерусском языке глагол *пожаловать* в значении «соизволить» согласовался с другим глаголом, обозначающим то или иное конкретное действие. Ср. в надписи на народной картине «Лисица»: «Журавля усердно просила, чтоб он пожаловал покушал» (Ровинский, «Русские народные картинки»).

Кроме того, модальные оттенки глагола выражаются препозитивной частицей *ну*, употребляемой с инфинитивом несовершенного вида для обозначения интенсивного приступа к действию, энергичного начала действия: «И *ну* топорщиться, пыхтеть и надуваться» (Крылов).

Та же частица *ну* присоединяется спереди к формам повелительного наклонения для придания им оттенка допущения, позволения, уступления: *ну скамей; ну пойди* и т. п. Однако в этом употреблении сказываются междометные черты словечка *ну* (ср.: *Ну, довольно!*; *Ну, хорошо!* и т. п.), которое лежит как бы на границе между частицами и междометиями, совмещающая значения тех и других.

§ 11. Частицы-связки

В особую категорию частиц должны быть выделены связки, выражающие логическое отношение между подлежащим и сказуемым. Но в русском языке, как тонко заметил акад. Л. В. Щерба, существует лишь одна связка — в строгом смысле этого слова — это *быть*, имеющая формы лица (а следовательно, и числа, в прошедшем времени — также рода), времени и наклонения. Связка *быть* — не глагол, хотя и имеет глагольные формы. Ей чуждо значение действия {*быть* в значении глагола существования — лишь омоним связки). Она мыслится вне категорий вида и залога. Все остальные связки в русском языке (*стать, становиться, делаться* и т. п.) представляют собой гибридный тип слов, совмещающих функции глагола и связки.

К частицам-связкам примыкают *это* и *как*, употребляемые в значении логических связок. Например: «Веселость человека — *это* самая выдающая человека черта, с ногами и руками» (Достоевский, «Подросток»); «А что он не моется — *это* он с отчаянья» (там же, слова Тришатов).

Связке *как* свойственна модальная окраска метафорического приравнения. Например: «И ваши алые уста *как* гармоническая роза» (Пушкин).

§ 12. Другие разряды модальных частиц

Область модальных частиц отнюдь не исчерпывается глагольными и приглагольными частицами. Вовлекая в свою систему полноценные слова, категория модальности нередко даже их превращает в частицы. Это понятно. Широкое развитие модальных частиц связано с дифференциацией модальностей высказывания, с образованием разных модальных типов предложения. Форм глагольного наклонения оказывается недостаточно для выражения модальных оттенков высказывания. На помощь приходят частицы. Достаточно сослаться на многообразие модальных значений и оттенков, присущих вопросительной частице *ли*. Та же частица, кроме того, входит в состав многих фразеологиче-

ских единств с модальным значением (*шутка ли; черт ли; то ли дело* и т. п.).

Частицы вопросительные (*ли, разве, неужели, ужели*), частицы восклицательно-вопросительные (*что за*), частицы, выражающие недоверие к чужой речи (*будто*), к чужим утверждениям и характеристикам (*якобы*), частицы, вводящие чужую речь (*мол, де* и т. п.), и разные другие типы модальных частиц органически связаны с категорией модальности и должны быть рассмотрены в ее составе.

В грамматическом строе частиц обнаруживается множество переходных типов от слов к морфемам. Наряду с частицами-словами, близкими к наречиям, тут встречаются агглютинативные частицы, уже теряющие свою иллюзорную самостоятельность «частичного слова» и почти превратившиеся в прилепы, в агглютинируемые префиксы или суффиксы. Принцип агглютинации частиц, приклейки их к другим словам находит яркое выражение в строе современного русского языка.

Преобразование частиц в агглютинативные морфемы связано с ограничением свободы их передвижения по предложению. Прикрепление частицы к определенному месту и к определенной категории слов является преддверием ее перехода в «прилепу», в агглютинативную морфему. Быть может, дальнейшее углубленное изучение частиц приведет к необходимости еще теснее связать большую их часть с синтаксической категорией модальности²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «ЧАСТИЦЫ»

1. См., например: *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика. СПб., 1834, с. 22-23.
2. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 67 [40]. Ср. интересные соображения и факты по вопросу о происхождении частиц из полных слов: *Шляков Н. В.* Статьи по славянским наречиям и русскому языку. Варшава, 1900, вып. 2.
3. См.: *Мещанинов И. И.* Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940, с. 42.
4. См.: *Estoup J.* Methode et exercices pour l'acquisition de la vitesse. Ср. изложение этой работы: *Рейтыварг Д.* Способы приобретения скорости.—Вопросы стенографии, 1925, № 1-2.
5. См.: *Kaeding F. W.* Haufigkeitswörterbuch der deutschen Sprache. New York, 1911. Ср. также для английского языка работу: *Reed T. A.* Table of the most common words in the English language. L., а для англо-американского языка: *Thorndike Ed. L.* The teachers word book. New York, 1927.
6. См.: *Морозов Н. А.* Лингвистические спектры.—Изв. Отд. рус. языка и словесности АН, 1915, т. 20, кн. 4, с. 110-112.
7. О частицах много интересных замечаний в кн.: *Добуш А. В.* Опыт семасиологии частей речи: Прага, 1899.
8. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1927, вып. 2, с. 99 [506].
9. *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, ч. I, с. 233.
10. Там же, с. 224.
11. Там же, с. 231.
12. См.: *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.
13. *Пешковский А. М.* Наш язык. М., 1922, вып. 1, с. 84.
14. *Шляков Н. В.* Статьи по славянским наречиям и русскому языку, вып. 2, с. 54
15. См.: *Ковалев П. К.* Категориальное и функциональное значение частицы *не*. — Русский язык в школе, 1941, № 1.

16. См.: *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1868—1874, Bd. 4. S. 174—175. Ср. также: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1899, вып. 3, с. 545 [428].

17. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2; с. 69 [482]. Ср. также ра-

боты: *Чернышев В. И.* Отрицание *не* в русском языке. Л., 1927; *Ильин Б. А.* Современный английский язык. Теоретический курс. Л., 1940, с. 141.

18. См.: *Чернышев В. И.* Отрицание *не* в русском языке, с. 1.

19. *ДоСиаиш А. А.* Опыт семасиологии частей речи, с. 126.

20. Там же, с. 115. Ср.: *Валимова Г. В.* Деепричастные конструкции в современном русском языке,— Уч. зап. Ростовского-на-Дону гос. пед. ин-та, фак-т языка и лит-ры, т. 2; *Чернышев В. И.* Отрицание *не* в русском языке, с. 19 — 22, 61—62, 65.

21. *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858, ч. 2, с. 150-152 [364-365].

22. Ср.: *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1936, с. 174 [193].

23. Ср.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 74 [486]; *Mazon A.* Emplois des aspects du verbe russe. P., 1914, p. 141 — 142.

24. *Чернышев В. И.* Отрицание *не* в русском языке, с. 19—20.

25. *Мандельштам И.* Об уменьшительных суффиксах в русском языке со стороны их значения. — Журнал министерства народного просвещения, 1903, № 8, с. 324.

26. *Востоков А. Х.* Русская грамматика. Спб., 1851, § 129.

27. Ср. также: *Мецианинов И. И.* Члены предложения и части речи, с. 312, 314.

II. ПРЕДЛОГИ, ИХ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

§ 1. Понятие о предлогах и общая характеристика их функций

Частицы речи, служащие для выражения пространственных, временных, причинных, целевых, притяжательных, ограничительных и других отношений между объектами или таких же отношений объектов к действиям, состояниям и качествам, называются предлогами. Предлоги обозначают синтаксические отношения между формами косвенных падежей имен существительных, местоимений или субстантивированных прилагательных и числительных, с одной стороны, и глаголами, именами существительными, местоимениями, прилагательными, реже наречиями, с другой стороны.

Собственное значение предлога не может проявиться вне связи с падежной формой какого-нибудь названия лица или предмета. Предлоги могут быть рассматриваемы как агглютинативные префиксы косвенного объекта. Однако в русском языке предлоги в большей своей части еще не вполне утратили лексическую отдельность и еще не стали простыми падежными префиксами, совсем лишенными способности непосредственно выражать обстоятельственные отношения.

«На место падежной формы является сочетание падежной формы с предлогом, причем это сочетание благодаря вносимому в него предлогом значению развивает, дополняет, усиливает то значение, которое принадлежало самой падежной форме»¹. Таким образом, предлог не только поддерживает и усиливает значение падежей, но и дополняет, специализирует, осложняет их в том или другом направлении. «Например, — пишет Овсяннико-Куликов-ский, — значение «вместе», потускневшее, ставшее как бы намеком, служит в предлоге *с* способом выражать отношение связи, соединения, совместности, и притом чисто формальное, например: *я говорил с ним, мы с ним долго спорили* и т. п.; формальность этого отношения («соединения», «совместности») яснее обнаруживается в выражениях вроде *я с ним разошелся*. Если бы предлог *с* обладал, в сочетании с творительным, тою полнотою и яркостью, какую обладает соответственное наречие, то такой оборот заключал бы в себе странное, бьющее в глаза противоречие»².

Однако степень формальности, отвлеченности и лексической весомости разных предлогов различна, хотя в общем значения предлогов в русском языке-

ке гораздо конкретнее, чем, например, во французском³. Еще К. С. Аксаков правильно отметил: «Значение предлогов измеряется обыкновенно падежами: такой-то требует винительного, такой-то родительного, — и довольно: между тем как значение лежит в самих предлогах. Значение это находится в них как намек, который становится ясен только при падеже; таким образом, требуемый падеж является здесь не случайно прирожденною собственностью предлога, но есть следствие его значения»⁴. «Предлог имеет значение в самом себе, и из этого значения можем мы вывести возможность употребления его с тем или другим падежом»⁵.

«Должно быть определено общее значение каждого предлога, и отсюда должность (т. е. функция.— В. В.), которую отправляет он в языке, в разнообразных приложениях, иногда, по-видимому, вовсе между собою несходных»⁶.

Однако различия лексических значений и грамматических функций предлогов очень велики. Внедряясь одним краем в область наречий, предлоги, с другой стороны, приближаются к «препозиционным флексиям» (выражение В. А. Богородицкого) имен существительных или к «послелогам» глагола. Теряя свои реальные, лексические значения, они становятся чистыми падежными префиксами или отглагольными («приклейками») — выразителями косвенно-переходных отношений глагола (например: *думать о будущем; тосковать по отце; сомневаться в чем-нибудь* и т. п.)⁷. В этом случае они делаются формальными, морфологическими показателями синтаксических связей глагола.

При усвоении литературного языка система употребления таких абстрактных предлогов после глаголов представляет особые трудности. Во многих случаях предлог является составным элементом неразложимого словосочетания. Связь глаголов с такими предлогами-приклейками идиоматична. Она кажется немотивированной с точки зрения живых норм синтаксиса.

Очень симптоматичны примеры неправильного употребления таких предлогов в языке рабкоров газет, приведенные в «Очерках по языку» А. Иванова и Л. Якубинского, например: «Не удивляйтесь над этим заголовком»; «О работе экскурсионной базы вы мало отметили»; «Прощать не нужно за такие вещи»⁸ и т. п. Ср. типичные обмолвки современной устно-бытовой (а иногда и письменной) речи: *постановили о том, указывает о том* и т. п.

Интересно также указание (В. А. Добромыслова), что в языке рабочих-подростков незначителен процент употребления предложных конструкций — всего 24% (между тем как, например, в отрывке из «Мужиков» Чехова их 47,5%), особенно для выражения отношений косвенного объекта к существительным, прилагательным и наречиям⁹.

К. С. Аксаков очень остро писал: «Предлог, уже обнаруживая в себе силу глагола и управляя именами, стоит на рубеж; двух миров слова и из сферы имени переносится в сферу глагола. Принадлежа и той и другой сфере, он действует в духе глагола в первой и в духе имени во второй. Именами он управляет и с глаголами сливается»¹⁰.

В русском языке, как и в других языках, (сть предлоги слабые, «пустые», обозначающие, по крайней мере в некоторых синтаксических сочетаниях, отвлеченное, чисто грамматическое падежное отношение. Правда, в русском языке ни один предлог не достиг той грамматической абстрактности, какая свойственна слабым предлогам английского или французского языков (например, *de* или *a*)¹¹.

Тем не менее и в русском языке уклон к грамматикализации некоторых предлогов, к превращению их в префиксы падежей очень заметен. Например, в сочетаниях: *горевать, тосковать, плакать, соскучиться, страдать, сохнуть, болеть душой* с предлогом *по* и предложным или дательным падежом имени существительного предлог *по* является выражением чисто грамматического

отношения падежной формы к глаголу: он лишен всякого лексического значения.

Напротив, в других случаях предлоги сохраняют всю яркость своего лексического значения и даже нередко образуют в сочетаниях с существительными обособленную синтагму, которая обнаруживает известную самостоятельность и только примыкает к другим членам предложения. Например: «Что, не ждал? — сказал Степан Аркадьевич, вылезая из саней, с комком грязи на переносице, на щеке и брови, но сияющий весельем и здоровьем» (Л. Толстой, «Анна Каренина»); «Под самыми обрачами на первом месте сидел с Георгием на шее, с бледным, болезненным лицом и с своим высоким лбом, сливающимся с головой, Барклай-де-Толли» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Каждый полк, в своей безмолвности и неподвижности, казался безразличным телом» (там же); «Пьер, в сосредоточенности и рассеянности своего настроения, не узнал Ростова» (там же)¹².

Любопытно, что в крестьянской и городской низовой речи нередко наблюдается синонимическое удвоение сильных предлогов, усиление одного предлога другим с синонимическими оттенками. Так, А. Меромский писал в своей брошюре о языке селькора: «Знакомясь с крестьянскими рукописями, можно заметить довольно частое употребление двойных предлогов: «В семнадцатом году Шуваев оставил свое имя и попутным ветром улетел с белыми *за через* границу»; «Сам не знает, *для ради* чего ему это надо»¹³. Ср.: «Все, видишь, *для ради* скорости» (Островский, «Гроза»); «Не *для себя ради*, а для вас же, молодых, говорил» (Горький, «Мещане»)¹⁴.

Итак, русские предлоги представляют большое разнообразие грамматических типов. Крайними полюсами их являются, с одной стороны, предложные наречия и предложные словосочетания¹⁵, а с другой — формальные, пустые предлоги — префиксы имен и послелоги глаголов.

§ 2. Морфологический состав предлогов

Морфологический состав предлогов очень сложен. Категория предлогов в русском языке быстро растет за счет главным образом наречий, имен существительных и деепричастий. Вместе с образованием новых типов предлогов меняется и общий морфологический облик этой грамматической категории. В современном русском языке различаются следующие типы предлогов:

1. Непроизводные, «первообразные» предлоги. Они большей частью односложны. Двусложность объясняется полногласием (*перед, через*) или появлением так называемого «беглого» *о* (ср. парные формы: *без — безо; из — изо; над — надо; об — обо; от — ото; под — подо; пред — предо*; трехсложная форма *передо* избегается, кроме сочетания *передо мной*).

Вот перечень этого разряда предлогов: *без (безо), в (во), до, для, за, из (изо), к (ко), на, над (надо), о — об (обо), от (ото), по, под (подо), пред (предо) — перед (передо), при, про, с (со), у, чрез — через*.

Здесь же истари были втянуты *сквозь* и формы: *между* (ср. устарелое *меж*, просторечное и областное *промеж*) и *ради*. Ср. также *кроме*. Двухсложные предлоги (без беглого *о*): *перед, через, между, ради*, не находящие к тому же себе омонимов в системе глагольных префиксов, более конкретны (ср. также *сквозь*). Из односложных предлогов большую самостоятельность обнаруживают те, которые не сливаются с глаголами как приставки, именно: *для, к*, а также те, в которых конкретные пространственно-временные значения не оттеснены и не закрыты цепью производных, переносных значений, например: *под, пред* (в сущности, уже почти не присоединяемый к глаголам, во всяком случае, малопродуктивный в сочетаниях с глаголами), *до, над, при*.

Кроме того, от других предлогов несколько обособляется отрицательный

предлог *без* с родительным падежом (ср. в глаголах своеобразное «отыменное» положение приставки *без-*, не влияющей на видовые значения глагола).

Некоторые из этих предлогов сливаются в парные предлоги, образуя составные формы. Таковы: *из-под*, *из-за*, областные *по-за* (ср. в «Мертвых душах» Гоголя: «Чичиков скорее за шапку да *по-за* спиною капитана-исправника выскользнул на крыльцо») и *по-над* (ср. у А. Кольцова: «*По-над* Доном сад цветет»). Особенным разнообразием употребления и богатством грамматических значений отличаются предлоги: *по* с тремя падежами — винительным, дательным и предложным, *с* — с родительным, винительным и творительным, *на* с двумя падежами — винительным и предложным, *в* — с винительным и предложным, *о* — с винительным и предложным, *за* и *под* — с винительным и творительным. Не лишено значения соответствие между предлогами и глагольными приставками; омонимические приставки *по-*, *на-*, *с-*, *о-*, *за-* также очень многозначны. Предлоги, переобремененные значениями, разнообразные по употреблению, становятся формальными, «пустыми» (например, *о*, *по*, *на*). Однако конкретное значение предлогов *в* и *с* ослабляется сравнительно в редких случаях*. Предлог *про* явно угасает, вытесняемый предлогом *о* с предложным падежом.

2. Наречные предлоги. Они обычно совмещают функции двух категорий: наречия и предлога (а иногда и трех, включая союз). Предлоги *вместо*, *вопреки*, *кроме*, *среди*, *близ* в литературном языке уже не употребляются в качестве наречий. Однако ср., например, у Лескова в повести «Однодум»: «Городничему это *было не вопреки*, а домовитой городничихе совсем по сердцу».

Различаются такие группы наречных предлогов:

1) Предлоги, связанные с обстоятельственными наречиями: *близ*, *вдоль*, *вне*, *внутри*, *внутри*, *возле*, *вокруг*, *впереди*, *кругом*, *мимо*, *напротив*, *напротив*, *около*, *окрест*, *поверх*, *позади*, *подле*, *впереди*, *после*, *посреди*, *прежде*, *против*, *поперек*, *сзади*, *сквозь*, *среди* (ср.: *посреди*, *посередине*) и др.

Преобладающее большинство этих предлогов (кроме *наперекор*, *вопреки*, *навстречу* и *вслед*) сочетается с родительным падежом**. Ср.: «Незнакомец с удивлением посмотрел ему *вслед*» (Тургенев, «Дворянское гнездо»).

2. Предлоги, связанные с качественными наречиями. Они сочетаются с родительным — *относительно*, *касательно* — и с дательным падежами — *по добно*, *сообразно*, *соразмерно*, *согласно*, *соответственно* и др.

Конечно, степень адвербиальности и, соответственно, сила предложного начала различны в разных словах (ср., например, *вне*, почти окончательно утратившее наречные значения, а с другой стороны, *прежде* или *сверху*).

3. Отыменные предлоги. Имена существительные переходят в предлоги или через посредство наречий, или минуя наречия. Предлоги, образовавшиеся непосредственно из простых форм имени существительного или из сочетаний существительного с предлогом, составляют особый разряд. Степень утраты предметного значения неодинакова у разных предлогов этого типа. Кроме единичных предлогов, восходящих к форме творительного падежа существительного {*посредством*, *путем*}, все предлоги этого разряда произошли из форм косвенных падежей существительного с простым (т. е. «перво-

* Ср., однако, тонкое замечание К. С. Аксакова о предлоге *с*: «...*с*, имея постоянное значение союза, выражает иногда особый отпечаток не подчиненности, но принадлежности, обстоятельства : *с радостью* кинулся он в битву; *с умом* всего можно достигнуть — во втором случае является значение орудия, средства: почти то же, что чистый творительный падеж: *умом*»^.

** Ср. указание еще грамматики Мелетия Смотрицкого (по изд. 1648 г.): «Предлоги, свойство имущая наречия: *без*, *кроме*, *разве*, *вне*, *внутри*..., *близ*..., *окрест*, *прежде*... и пр., родителей притяжут» (с. 317, оборот).

образным»)* предлогом: *по мере, по части***, *в части* (новообразование), *по линии* (новообразование), *насчет, наподобие, с помощью, по случаю, под видом, в пользу, в силу, ввиду, в течение, в продолжение, вследствие, по причине, при посредстве, в лице, вроде* и т. п. Ср.: *в сопровождении*. Все эти предлоги в силу своего происхождения от имен существительных сочетаются с родительным падежом I⁸. В современном книжном языке образуются новые составные предлоги из застывших сочетаний предлога с формой существительного. Например:

в деле (= в): навести экономию в деле расходования денег;

в области (= в): в области народного хозяйства, в области изучения лингвистики и т. п.;

по линии (= 1. *в*; 2. *посредством*; 3. *для*): «экономию *по линии* промышленности» (из газет); «*По линии* профсоюзов не были одновременно даны директивы» (из газет);

в отношении (= *относительно*): «То же самое можно сказать и *в отношении* сельской промышленности» (из газет); ср. у Чернышевского в «Что делать?»: «Теперь давно уж не было человека, который вел бы более строгую жизнь — и не *в отношении* к одному вину»;

в целях (= *для*): *в целях* усиления вагонооборота и т. д.;

на путях; по пути: *на путях* проведения новой экономической политики;

со стороны: «заинтересованность работой организаций *со стороны* самих масс крестьянства» и т. п.;

в сторону, по поводу, в смысле, в видах, за счет (со значениями: 1) взамен, вместо, в ущерб; 2) в неряшливом журнальном языке с оттенком: под влиянием, вследствие, например: «Литературный кругозор каждого кружковца расширяется *за счет* прочтения... ряда значительных произведений литературы».

4. Отглагольные предлоги. В предлоги переходят формы деепричастий, сохраняя при этом систему глагольного управления. Таковы, например: *благодаря, исключая, включая, выключая, не считая* (с род. п.), *спустя, начиная* (кем-чем или с чего, с кого), *кончая* (чем), и др.

5. Сложные типы предложных словосочетаний. В русском языке наблюдается образование новых типов сложных отыменных или отглагольных наречных предлогов, которые представляют собою фразеологические единства или идиоматизмы. Они по большей части составлены из формы косвенного падежа существительного (иногда с предлогом) или наречия и следующего за ними предлога или из деепричастия с предлогом. Если в них еще не стерлись лексические значения составных элементов, то приходится рассматривать их как сложные фразеологические единства; если же компоненты срослись в неразложимое целое, можно говорить о предложных идиоматизмах.

К числу таких сложно-составных предлогов следует отнести: *независимо от, впрямь до, в отношении к, применительно к, в связи с, согласно с, следом за, вслед за, по направлению к, глядя по, несмотря на, не взирая на, не говоря о* и т. п.

Таким образом, в морфологическом строе предлогов открывается характерное явление: по мере того как первичные предлоги все более и более утрачивают свою лексическую индивидуальность, превращаясь из слов-морфем

_____ * Ср. замечание К. С. Аксакова: «Иные из имен получили значение предлогов, сохраняя отчасти свое значение имени, а иные совершенно утратили значение имени и имеют значение чисто предлогов; именно они бывают иногда в сложном виде с предлогами же и в других падежах... *вследствие, в продолжение*»¹¹.

** Ср. в «Бесах» Достоевского: «Он знал... всю подноготню нашего города, преимущественно *по части* мерзостей».

в падежные префиксы и глагольные послелого, возникают и распространяются новые аналитические, сложные типы предлогов. В составных формах предложных новообразований основа существительного, наречия или глагола как бы указывает на то грамматическое отношение (причинное, пространственное и т. п.), которое выражается данным предлогом. (Ср. предлоги *вследствие, по причине, в силу* и т. п., в которых причинная функция подчеркнута лексическим, вещественным значением именной основы.) Таким образом, в предложном сочетании *по направлению к* значение направления в сторону чего-нибудь обозначено лексически — выражением *по направлению* — и грамматически — предлогом *к*. Возникает своеобразное лексико-грамматическое удвоение, или усиление, предлога (ср.: *вслед за, в связи с, независимо от* и т. д.). Это яркий признак аналитической формы. Аналитическому строю этих предлогов соответствует логическая и вещественная расчлененность их значений. В составных предлогах, которые образованы из сочетания наречий или деепричастий с предлогом или из предложных сочетаний имен существительных со вторым предлогом типа *в отношении к, в связи с, вслед за* и т. п. — значение целого складывается из лексического, вещественного значения первой части и синонимического или дополнительного, усилительного формального значения конечного предлога.

Составные предлоги этого типа в силу своей этимологической определенности не могут совмещать многих и притом разнородных значений. Их грамматические функции как бы ограничены лексическими значениями тех слов, которые входят в их состав.

Лексическая определенность такого предлога оказывает влияние на широту его грамматических функций. Составные предложные сочетания имеют строго очерченный, узкий круг значения и употребления. Напротив, значения простых, непроемных предлогов, особенно тех, которые являются наиболее формальными, абстрактными, настолько многочисленны и так разнородны, иногда даже так противоречивы, что эти предлоги вместе с простыми союзами, без сомнения, образуют наиболее многозначный тип слов-морфем в русском языке.

§ 3. Предлоги и падежи имени существительного

Связь предлога с тем или иным падежом зависит от соответствия значений предлога и падежной формы*. Так, предлоги, обозначающие удаление, отделение, исхождение, а следовательно, и происхождение и причину, источник (например: *от, из, с*), сочетаются с родительным (отложительным) падежом. Точно так же предлог лишения, отсутствия чего-нибудь *без* всецело связан с родительным падежом (ср.: *кроме, мимо* с род. п.).

В систему значений родительного падежа вовлекаются также предлоги, обозначающие приближение, достижение (*до*) и принадлежность, близость (*у*; ср.: *возле, подле, около, близ* и т. п.). Предлоги, обозначающие внутреннее «касательство», цель, назначение, предназначение — *для* и *ради*, также сливаются с сферой значений родительного падежа.

Большая часть предлогов наречного и отыменного типа также употребляется с родительным падежом. И это естественно. Таким образом, предложные конструкции с родительным падежом особенно разнообразны и многочисленны.

* Н. П. Некрасов писал: «Сопоставление предлога с тем или другим падежом основано на соответствии их взаимно определяющих друг друга значений»¹⁹. Проф. Курилович предлагает рассматривать сочетание предлога и формы имени существительного как целостную форму падежа²⁰.

Предлоги, которые обозначают направленность к какому-нибудь предмету, поверхностное соприкосновение с ним, «намекая на объектное, но не прямое отношение предмета», на «участвующее присутствие» его (таковы предлоги *к* и *по*; ср.: *вопреки, наперекор, назло, согласно, подобно, сообразно* и т. п.), сочетаются с дательным падежом. Напротив, предлоги, обозначающие прямое отношение, прямое стремление к предмету внедрение в него, распространенность чего-нибудь на весь предмет, охваченность всего предмета, непосредственное воздействие на него, сочетаются с винительным падежом. Таковы, например, *в* и связанный с ним предлог *на*, *за* (основное значение — закрытие всего предмета и, следовательно, защита и замена его), *о* (окружение, причинный охват, тесное соприкосновение), *по* (цель и предел), *про, через, сквозь, под* и т. п.

Предлоги, выражающие сопровождение, сосуществование, пространственное соотношение, вообще «намекающие на главное, самостоятельное положение предмета, при котором другой становится к нему в прикосновенное, союзное, но подчиненное, придаточное отношение (деятельное начало)»²¹, сочетаются с творительным падежом. Таковы: *с, за, над, под, перед, пред, между*. По словам Потебни, связь значений всех этих предлогов, кроме социативного *с*, с функциями творительного падежа основана на том, что этот падеж означает путь движения (в пространстве или во времени), «на неопределенном протяжении совпадающий с движением»²².

Наконец, предлоги, выражающие «местное спокойное положение предмета», «точку внутри круга» (Потебня), сочетаются с предложным падежом. Таковы *в, на, при, по* (во временном значении последования), *о* (основное значение: пребывание, заключение в собственных пределах, отвлеченное «круговое» обладание).

Эти абстрактные намеки определяют лишь фон, общую канву разнообразного употребления предлогов.

§ 4. Система грамматических отношений, выражаемых предлогами

Сфера грамматических отношений, выражаемых предлогами, очень широка и разнообразна. Русская грамматика последних лет мало занималась изучением употребления и функций предлогов. Правда, в толковых словарях русского языка коллекционируются группы значений отдельных предлогов. Но все это лишь материал для грамматического исследования, требующий пересмотра. Грамматические отношения, обозначаемые предлогами, их семантическая сущность разьяснены недостаточно²¹.

В этом направлении современная русская грамматика не очень далеко ушла от того (замечательного по своему времени) анализа, которому подверглись предлоги в работах А. Х. Востокова, К. С. Аксакова²⁴ и Н. П. Некрасова²⁵.

Лишь акад. А. А. Шахматов в черновых набросках к своему «Синтаксису»²⁶ впервые сделал попытку определить и систематизировать те грамматические отношения, которые выражаются в русском языке предлогами. Но это только отрывочные заметки, не разьясненные примерами. Можно выделить в современном русском языке следующие основные виды отношений, означаемых предлогами:

1. Локальные, пространственные отношения (*вокруг* — с род. п.; *до* — с род.; *между* — с род. и тв.; *мимо* — с род.; *из* — с род., *из-за* — с род.; *от* — с род.; *поперек* — с род.; *у* — с род.; *с* — с род. и вин.; *о* — с вин. и предл.; *в* — с вин. и предл.; *за* — с вин. и тв.; *на* — с вин. и предл.; *через* — с вин.; *под* — с вин. и тв.; *к* — с дат.; *по* — с дат., вин. и предл.; *над* — с тв., *пред* — с тв.; *при* — с предл. и др.). Например: «*При входе в бани сидел содер-*

жатель» (Пушкин, «Путешествие в Арзрум»); «С холма господский виден дом» (Пушкин); «С головы до пяток на всех московских есть особый отпечаток» (Грибоедов); «Народ, с Петей в середине, бросился к балкону» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Все пойдут спать, и я пойду; всем ничего, а мне как в могилу» (Островский, «Гроза»); «За ширмами в одной из комнат посекретней был спрятан человек и щелкал соловьем» (Грибоедов, «Горе от ума»); «Надолго к нам? — Нет, завтра же думаю в Москву» (Чехов, «Чайка»).

Уже из одного перечня предлогов, выражающих пространственные отношения, видно, как разнообразны значения и оттенки внутри этой семантической сферы. В кругу употребления предлогов, выражающих пространственные отношения, широко развита синтаксическая синонимика. Она у нас почти совсем не изучена.

На основе переосмысления пространственных отношений складываются разнообразные обозначения внутренних отношений пребывания в каком-нибудь состоянии, в каких-нибудь условиях, социального положения, сопутствующего обстоятельству, внутренней близости и внутренней связи предметов и признаков, пределов качества, цели, причины и т. п.

2. Темпоральные, временные отношения (*до* — с род. п.; *меж* — с род., устар., например: «пора меж волка и собаки»; *от* — с род., *после* — с род.; *с* — с род.; *к* — с дат.; *по* — с дат., вин. и предл., *в* — с вин. и предл.; *за* — с вин. и тв.; *на* — с вин. и предл.; *под* — с вин.; *через* — с вин.; *между* — с тв.; *пред* — с тв.; *о* — с вин. и предл.; *при* — с предл. и др.). Легко заметить, что предлогов, выражающих значения времени, меньше, чем предлогов с пространственными значениями. Временные значения совмещаются с пространственными и развиваются на их основе. Временные отношения в русском языке не так тонко дифференцированы, как пространственные, но и здесь наблюдается разнообразная и сложная синонимика.

Примеры: «Во время классов, из которых каждый *по два часа*, монотонные ответы уроков учителю нагоняли непобедимый сон» (Помяловский, «Очерки бурсь»); «Она была очень хороша *в это мгновение*» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); *с самого детства* и т.п.

3. Комитативные отношения, т. е. обозначающие сопровождение, совместность, соучастие (*с* — с тв. п.; *при* — с предл.; в просторечии *промежду* — с род. и тв.). Например: «Он нанимал эту каморку *с обедом и прислугой*» (Достоевский, «Преступление и наказание»).

Отношения сопровождения в русском литературном языке осложняются все более отвлеченными представлениями. На их основе развиваются значения внутреннего участия, органической связи, внутреннего обладания, средства, причинного соотношения, сопутствующего условия.

Например:

И все *с прекрасным поведением*...

(Крылов)

С душою, полной сожалений, И опершись на гранит. Стоял задумчиво Евгений.
(Пушкин)

Что ежели, сестрица,

При красоте такой и петь ты мастерица... (Крылов)

«Я обомлела *при такой неожиданности*» (Достоевский).

4. Аблятивные (каритивные) отношения, т. е. выражающие лишение, удаление, отнятие, противопоставление (*от* — с род. п.; *вместо* — с род.; *без* — с род.; *кроме* — с род.; *с (со)* — с род.; *сверх* — с род.; *против* — с род.; *вопреки* — с дат.; *в* — с предл.; *при* — с предл. и некоторые другие). Ср.

также: *вне* — с род. п. Например: «*Без чинов* прошу садиться» (Гоголь, «Ревизор»); «Да куда же ты *от чаю-то*» (Л. Толстой, «Власть тьмы»).

5. Трансгрессивные отношения, т. е. обозначающие переход из одного состояния в другое, выход за пределы чего-нибудь (*за* — с вин.; *из* — с род. — *из кулька в рогожу*, *в* — с вин. — *превратить в развалины*; *растерзать*, *разорвать в клочья* и др.), например: «И разорвала письмо *в* мелкие кусочки» (Пушкин, «Пиковая дама»).

6. Инхоативно-финитивные (терминологические) отношения, т. е. определяющие степень, предел, исходную точку, начальный момент чего-нибудь, например: *занят по горло*; «Соседушка, я *сыт по горло*» (Крылов, «Демьянова уха») и т. п.²⁷.

7. Квантитативные, количественно-определятельные отношения (*в* — с вин.; *на* — с вин. и др.), например: «Для меня американские пожилые люди *лет в пятнадцать* отроду — просто противны» (Герцен).

8. Дистрибутивные, разделительные отношения (*по* — с дат.; *по* — с вин.; *на* — с вин. и др.), например: «Ел он раз в день *по* одному блюду» (Тургенев, «Дворянское гнездо»).

9. Лимитативные, ограничительные отношения (*по* — с дат.). Ср. современные выражения: *инспектор по труду*; *специалист по машиностроению*; «Оборудовать местные курорты, зачастую первоклассные *по* своим климатическим и лечебным данным» (из газет) и т. п.

10. Посессивные, притяжательные отношения, т. е. выражающие принадлежность (*у* — с род.; *с* — с тв.; *при* — с предл.), например: «Ружье у него было одноствольное, *с кремнем*» (Тургенев, «Ермолай и мельничиха»).

11. Генетические, или генетивные, отношения (т. е. определяющие источник, состав, происхождение чего-нибудь); например: *из* — с род. (*из дворян*, *из славного рода Суворовых* и т. п.); *от* — с род.

12. Компаративные отношения, т. е. выражающие сравнение, сопоставление, иногда даже тождество: *против* (в прост, *супротив*) — с род.; *напо добие* — с род.; *на* — с вин., *пред* — с тв.; *по* — с дат.; *с* — с вин.; *в* — с вин.; *под* — с вин. Ср. также: *вместо* — с род. (в значении «за»). Например: «А рука-то *в ведро* величиной» (Гоголь); «Помилуйте, это дрянь *против* Ивана Кузьмича» (Гоголь, «Женитьба»).

13. Модальные отношения, т. е. отношения образа и способа (*по* — с дат.; *в* — с вин. и предл.; *на* — с вин. и предл.; *сквозь* — с род. (устар.) *под* — с тв.; *с* — с род. и тв.; *при* — с предл.; *до* — с род.; *через* — с вин. и др.). Например: «Наохлившись и *с разинутыми ртами* сидели на кочках вороны» (Пи семский, «Тысяча душ»); «Она немного *с придурью*, такова же была и мать ее» (Гоголь, «Ревизор»); «Предложил играть *в деньги* по одному грошу» (Пушкин, «Капитанская дочка»). Ср.: «Впрочем, вероятно, вам сказали *в шутку*, будто я великий стихотворец» (Пушкин, «Египетские ночи»); «Можно с тобой поговорить *по душе*, ты не разболтаешь?» (Островский, «Гроза»).

14. Финальные, целевые отношения (*на* — с вин.; *в* — с вин.; *по* — с вин.; *к* — с дат.; *для* — с род.; *за* — с тв.). Например: «Ему казалось, что он теперь только понимал, *для чего* стоит жить» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «Я ведь так говорю, *к примеру*» (Островский, «Бедность не порок»).

15. Каузальные, причинные отношения (*за* — с вин. и тв.; *под* — с тв.; *по* — с дат.; *к* — с дат.; *с* — с род.; *благодаря* — с дат.; *ради* — с род.; *из* — с род.; *из-за* — с род.; *от* — с род.; *для* — с род.; *в* — с вин. и предл.; *на* — с вин. и предл.; ср.: *в силу*, *по причине*, *вследствие*, *ввиду*, *благодаря* и другие подобные). Например: «Таланты истинны *за критику* не злятся» (Крылов, «Цветы»); «Я люблю вас, но не могу *от тоски* сидеть дома» (Чехов, «Чайка»); «Я почти не сплю *с досады*, *от злости*, что так глупо проворонил время» (Чехов, «Дядя Ваня»).

По составу русских предлогов, выражающих каузальность, причинные отношения, можно заключить о том, как развивалось в русской грамматической системе выражение причинных отношений. Часть простых, непроемных предлогов (*за, по, под, из, от, в, на*) совмещает причинные значения с пространственными и временными. Таков и был один путь развития понятия причинной связи.

Другая часть предлогов, выражающих причинные отношения, совмещает причинные значения с значениями цели, назначения (*для, по* и др.). Известно, что причинные отношения тесно сплетались с целевыми и в области союзов (ср. историю союзов *для того что, за тем что* и др.).

Третья часть предлогов, выражающих причинные отношения, сочетает причинные значения с сравнительными (например: *в, на, по* и др.). Об этом писал А. А. Потебня, указывая на «то глубоко древнее состояние мысли, при коем отношения причины и следствия возникали (между прочим) из отношения сходства, так что следствие является лишь видоизмененным подобием причины»²⁸.

16. Инструментальные отношения: *начал осматривать в лорнет; хватить о камень; сидел за элегией; мне не до книг* и др. Ср.: *при помощи, при содействии, посредством, путем* и т. п.

17. Делительные отношения, т. е. служащие для указания на содержание, повод суждения, на предмет мысли, речи, чувства (при глаголах и именах *sentiendi et declarandi*) (*о* — с предл.; *в* — с вин. и предл.; *за* — с вин.; *к* — с дат.; *над* — с тв.; *про* — с вин. и др.; *на* — с вин. и др.), например: «*О чем пари? Можно узнать?*» (Тургенев, «Вешние воды»); «*Наше, брат, дело с то бой об околевание думать*» (Чехов, «Иванов»), Ср.: «*О ком ей снилось? что та кое?*» (Грибоедов, «Горе от ума»).

18. Отношения внутреннего содержания, как бы включенности, сопричастности (*в* — с предл. п.), например: «*Молодые люди, расчет ливые в ветреном своем тщеславии*» (Пушкин); «*Ответы острые и замечанья, столь едкие в их важности забавной*» (Пушкин, «Пир во время чумы»).

19. Отношения заместительства, функционального пребывания в роли кого-нибудь (*за* — с вин. пад.), например: «*Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор*» (Гоголь, «Ревизор»); «*По ее милости я прослыл за эгоиста*» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «*У него было положено за священнейшую обязанность в продолжение курса непременно пересечь всех, и прилежных и скромных*» (Помяловский, «Очерки бурсь»).

20. Отношения внутренней зависимости, например: *очередь за вами, дело за немногими* и т. п.

21. Отношения прилиательной меры (*с* — с вин. п.), например: *мальчик с пальчик* и др.

Совершенно очевидно, что исчерпать синтаксические отношения, даже выражаемые только простыми предлогами, в сухом протокольном перечне очень трудно.

В семантической системе предлогов открывается сложная область отвлеченных отношений, выражающих общественное понимание самых разнообразных связей между предметами, признаками, состояниями и действиями.

Необходимы углубленные работы по раскрытию внутренних закономерностей в смысловой системе предлогов. Для этого необходимо не только тщательное изучение всех видов связи между словами, выражаемых падежными формами и предлогами, но и выяснение смысловых соотношений между разными предлогами.

Сложная и богатая нюансами синонимика предлогов у нас еще не исследована. Например, в кругу причинных отношений наблюдаются тонкие смы-

еловые и стилистические оттенки, связанные с употреблением разных предлогов. Так, для указания на внутреннюю причину служат предлоги *от*, *с*, *из*, *из-за*, *вследствие*, *по причине* с родительным падежом. Но выражения: *от стыда*, *со стыда*, *из-за стыда*, *вследствие стыда* — не лишены своеобразных, индивидуальных оттенков. Точно так же не вполне однородны синонимические сочетания: *для меня* — *ради меня*; *с рассветом* — *на рассвете*²⁹. Различна и степень их употребительности.

Синонимические различия в употреблении предлогов могут зависеть от тесной связи тех или иных предлогов с разными стилями книжной и разговорной речи.

Например, предлог *по* в отличие от *после* употребляется с значением времени лишь в выражениях книжно-делового, канцелярского и научного стиля: *по окончании*, *по прибытии*, *по рассмотрении*, *по ознакомлении* и т. п.

Про в отличие от *о* употребляется преимущественно в разговорной речи и выражает оттенок отношения, направленного не на сущность предмета (этот оттенок свойствен предлогу *о*), а на его поверхность, отношения, как бы лишь внешне захватывающего предмет, вращающегося около него. Ср.: *рассказать о новых работах по физике* и *рассказать про новые работы по физике*.

Через, *чрез*, в отличие от *за*, в причинном значении употребляется только в устной речи и имеет побочный оттенок посредствующего звена или внешнего средства. Например, у Грибоедова в «Горе от ума»: «Какими чудесами, *через* какое колдовство нелепость обо мне все в голос повторяют?» Ср. у Пушкина: «Так или иначе, *чрез меч и огонь*, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть». Ср. в просторечии употребление *через* в значении «из-за кого-нибудь, чего-нибудь». Ср. у Чехова в «Иванове»: «Не пью, а *через* такой случай выпью»; в «Отце»: «Не хотел пить, а *через грибы* выпью».

Между тем предлог *за* обозначает внутреннее основание, мотив какого-нибудь состояния, действия (в значении: в ответ на что-нибудь, в отплату, в вознаграждение за что-нибудь), например: «*За правду* одни дураки сердятся» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «Таланты истинны *за критику* не злятся» (Крылов).

Оттенки причинных отношений, выражаемые разными предлогами, особенно многообразны. Прежде всего бросается в глаза, что в русском языке для выражения причины употребляются по большей части предлоги, означающие в то же время движение откуда-нибудь, с какого-нибудь пункта, от какой-нибудь точки или из какого-нибудь источника, места, извлечение откуда-нибудь (ср. значения слов и выражений: *вывод*, *извлечь вывод*, *вытекает*, *выходит* и т. п.).

Предлог *с* (с род. п.) чаще всего обозначает внутреннюю, психическую или физическую причину, при этом употребление его ограничено узким кругом разговорных выражений: *с тоски*, *с радости*, *с горя*, *с голоду*, *со стыда* и т. п.

Предлог *от* (с род. п.) обозначает и внешнюю, и внутреннюю мотивировку качества или действия — обоснование чего-нибудь как следствия, ссылкой на какое-нибудь явление или действие, послужившее причиной, например: *похудевший от бессонницы*; *от стыда* не знал куда деваться.

Предлог *из* (с род. п.) обозначает внутренние психологические основания какого-нибудь действия или свойства как исходный момент их и употребляется преимущественно в книжном языке. Например: *из принципа*; *из корыстных побуждений*; *из уважения к заслугам кого-нибудь*; *из любви к искусству*; *из желания помочь*; *из дипломатических соображений*; *из зависти*.

Гораздо более двойственны значения сложного предлога *из-за*. Он выра-

жает как внутреннюю причину, так и предлог, прикрытое действие, но подчеркивает рассудочную, логическую сторону мотива: *разошлись из-за пустяков; из-за шума ничего не слышно* (ср. *от шума ничего не было слышно*); *из-за тебя все вышло*. Этот предлог широко распространяется в книжной речи и в просторечии (ср. у А. Блока в «Двенадцати»: «Али руки не в крови *из-за Каткиной любви*»).

Предлог *по* обозначает логически мотивированную причину действия, или заложенную в его субъекте, или принудительно надвигающуюся со стороны: *по халатности, по гуманности, по недомыслию* и т. п.

Понятно, что при более глубоком анализе предложных конструкций раскроются и другие семантические и стилистические оттенки, связи и соотношения в кругу тех или иных значений, выражаемых предлогами.

§ 5. О значениях предлога *на* в современном русском языке

Ни в одном другом типе слов, кроме разве сочинительных союзов, не совмещается так много разнообразных значений и оттенков, как в первичных предлогах. Анализ значений какого-нибудь одного предлога не может уяснить общего характера смысловых связей и отношений в категории предлогов. Все же полезно воспроизвести круг значений какого-нибудь особенно многозначного предлога, например *на*. Так можно осветить хотя бы некоторые своеобразия общей структуры предлога.

На (без ударения, кроме тех случаев, когда ударение переносится с существительного на предлог, например: *на руки, на ночь*) сочетается с предложным и винительным падежами.

Семантическая система предлога *на* рисуется в таком виде^м.

I. С п р е д л о ж н ы м падежом.

1. Употребляется при обозначении поверхности, площади какого-нибудь предмета, являющейся местом проявления какого-нибудь действия. Например: *на улице большое движение; гулять на бульваре; «Я молча сел на краю стола»* (Пушкин); *жить на Крайнем Севере* (ср.: *на Украине, на Корсике, на Аляске* и т. п.); *сидеть на стуле; на столе стоит посуда; писать на плотной бумаге*.

Употребляется при названиях горных областей для обозначения места действия: *на Кавказе, на Урале* (но ср. по отношению к горным областям Западной Европы: *в Швейцарии, в Тироле*; также при названиях государств: *в Испании, в Норвегии* и т. п.).

Употребляется при обозначении предмета или лица как поверхности, площади, являющейся местом нахождения, обнаружения чего-нибудь. Например: *живопись на фарфоре; царапины на носу; гардины на окнах; на нем шляпа и новое пальто; на ногах туфли*.

Переносно употребляется при обозначении предмета, который мыслится как фон проявления и сосредоточения какого-нибудь душевного состояния: *на душе какая-то тяжесть; тоска на сердце*.

2. Употребляется (наряду с предлогом *в*) при обозначении предмета, пространства, в пределах которого происходит, замыкается проявление какого-нибудь действия, свойства. Например: *Первый на селе работник; На предприятиях и в учреждениях идет предвыборная кампания*.

ИВ отличие от предлога *в*, обозначающего лишь область, сферу в пределах которой что-нибудь происходит, обозначает одновременно и сферу, место действия, и сопричастность действию, участие пассивное или активное в какой-нибудь деятельности: *сидеть на лекции; быть на концерте* (но: *быть в театре*); *работать на заводе* (но: *работать в мастерской*); *учиться на курсах, на медицинском факультете, на рабфаке* (но: *учиться в институте, в университете*)*.

_____ * Любопытны замечания Н. И. Греча: «Случается иногда, что можно употребить тот или иной из предлогов *в* и *на*, когда действие обращается не именно на поверхность и не именно во внутренность предмета...»: *на море и в море; в кухне и на кухне*. По Гречу, здесь соблюдались в русском литературном языке первой половины XIX в. такие правила:

1. «При обращении действия на предмет, имеющий большую, открытую плоскость, представляющийся как бы одною только своею поверхностью, употребляется преимущественно предлог *на*, например: *на площади, на рынке, на базаре, на высокой стороне, на Песках*:». Далее

3. Употребляется при обозначении промежутка времени, в пределах которого что-нибудь совершается: *на моей памяти Москва совершенно преобразилась; на этих днях; на будущей неделе.*

//Употребляется при словах, обозначающих сразу и время, и сферу проявления какого-нибудь действия или свойства: *на приеме у врача; на работе.*

4. Употребляется при обозначении действия, обстоятельства, в один из моментов которых что-нибудь происходит: «Искры гаснут *на лету*» (Я. Полонский); *на бегу; на всем скаку.* Этого рода выражения легко адвербиализуются.

5. Употребляется при обозначении предметов, в присутствии которых что-нибудь происходит, совершается: *на людях; на миру и смерть красна* (поговорка); *на моих глазах.*

jj Переносно обозначает условия, из которых вытекает что-нибудь: *На безрыбье и рак рыба; «Вот уважать кого должны мы на безлюдье»* (Грибоедов).

6. Употребляется при обозначении лица, предмета, который является средоточием чего-нибудь, объектом проявления какого-нибудь действия, состояния, качества: *На нем лежала большая ответственность; Вся ее любовь сосредоточилась на ребенке; Болезнь сказалась на его походке; Весь дом на моих руках; На нем (ср. за ним) числит ся долг.*

7. Употребляется при обозначении предметов, поддерживающих что-нибудь, являющихся опорой, основанием чего-нибудь: *коляска на рессорах: матрац на пружинах; на шарнирах; человек на костылях.*

//Употребляется при обозначении предметов, являющихся внутренней, нижней стороной чего-нибудь: *пальто на вате; обувь на двойной подошве; шуба на беличьем меху; полозья на железных подрезах.*

8. Употребляется при обозначении орудия действия, причем это орудие одновременно является или поверхностью, или способом проявления действия: *играть на рояле, на флейте, на духовом инструменте.*

//Переносно употребляется при обозначении предмета, являющегося материалом, средством чего-нибудь или образующего одновременно и сферу, и способ проявления какого-нибудь действия, предмета, свойства: *изъясняться на французском языке; рукопись на немецком языке; готовить, жарить на масле, на сале, на маргарине; завод работает на отходах нефти.*

//Употребляется при обозначении чего-нибудь, что входит в состав какого-нибудь вещества или с помощью чего изготовлен какой-нибудь предмет: *мазь на вазелине; варенье на патоке, на сахаре.*

9. Обозначает непосредственную близость к какому-нибудь предмету, преимущественно к орудию действия, пребывание возле него: *двое на веслах; один на руле.*

10. Употребляется при обозначении пребывания в каком-нибудь состоянии, положении, в какой-нибудь деятельности: *состоять на службе; находиться на излечении; стоять на часах, на страже; состоять на иждивении; это на моей ответственности; «Чтоб служила мне рыбка золотая и была бы у меня на посылках»* (Пушкин).

11. Употребляется при обозначении предмета, являющегося основанием какого-нибудь действия: *Благодарю вас на добром слове* (т.е. за доброе слово).

// Употребляется при обозначении предмета, являющегося одновременно и причиной какого-нибудь действия, и сферой его проявления: *Много потерял на этом деле.*

12. Находясь после именительного падежа какого-нибудь слова перед тем же словом в предложном падеже, образует в разговорном языке такие фразеологические сочетания, которые обозначают обилие кого-нибудь, чего-нибудь, заполненность всего пространства чем-нибудь (преимущественно чем-нибудь отрицательным): *овраг на овраге; дурак на дураке; ухаб на ухабе; дыра на дыре; заплата на заплате.* И. С в и н и т е л ь н ы м падежом.

Греч указывает на то, что при названиях улиц в Петербурге употребляли преимущественно предлог *в*: *в Миллионной, в Морской* и т. п., хотя и говорили: *на Невском проспекте, на Литейной, на Моховой, на Фурштатской, на Дворянской.* В Москве же, напротив, преимущественно употреблялся предлог *на*: *на Тверской, на Лубянке* и т. п. Но **при** именах переулков ставился только предлог *в*: *в Глухом переулке, в Кирпичном* и т. п.

2. «Предлог *в* означает собственное, точное движение предмета во внутренность другого или пребывание в оном; *на* — действие приблизительное, не собственное, например: *повар на кухне; собака на кухне; лошадь в конюшне; козел на конюшне* и т. п.»³¹

13. Употребляется при обозначении предмета или лица как места, в сторону которого направлено какое-нибудь действие: *идти на улицу; лечь на диван; «Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас же стал подвигаться к нам навстречу»* (Пушкин); *идти на кого-нибудь войной; взглянуть на собеседника; двигаться на восток; лезть на крышу; сесть на место; погрузиться на дно; броситься на шею.*

II Переносно употребляется для обозначения лица, предмета, явления, в сторону которых направлено какое-нибудь действие или какой-нибудь предмет: *бросить взгляд на события; взять на себя поручение; приходит на ум мысль; попадаться на глаза; обижаться на кого-нибудь; клевета на кого-нибудь; отозваться на зов; ответ на вопрос; реакция на раздражение; надеяться на удачу; подписка на заем.*

II Обозначает направленность действия в сторону какого-нибудь орудия, средства, способа какой-нибудь работы; *сесть на весла; переделать топку на нефть.*

14. Обозначает направленность в сторону какого-нибудь момента времени: *работа на завтрашний день; заседание назначено на шестое марта; решили увидеться на другой день; отложили на будущий год.*

II При словах, обозначающих время, в соединении с прилагательными *следующий, другой*, а также и без них, при словах *утро* и *завтра* — указывает срок, непосредственно следующий за чем-нибудь: *на следующий день он уехал; на утро он уже был здоров; на другой год; на завтра он передумал.* После слова *ночь* употребляется при указании дня, непосредственно следующего за этой ночью: *в ночь на Первое мая.*

15. Употребляется при обозначении срока, ко времени наступления которого совершается, обнаруживается что-нибудь: *запастись на зиму; не пей чаю на ночь; стояние кассы на первое января.*

16. Употребляется при обозначении промежутка времени, определяющего границы какого-нибудь действия, состояния: *одолжить книгу на несколько дней; отпуск на месяц; работы еще на целый год.*

17. Употребляется при обозначении меры, количества, определяющих границы чего-нибудь: *на эти деньги не разгуляться; купить на два рубля; здесь колбасы на два рубля; отойти на сто шагов; поднять шум на весь дом; на этот раз достаточно; на этот раз я вас прощаю; прославиться на весь мир.*

// Употребляется при обозначении количественных отношений, определяющих внутреннее содержание, назначение какого-нибудь предмета: *комната на двух человек; обед на десять персон.*

18. Употребляется при обозначении предмета, который является мерой, способом и целью дробления, деления: *разбить на отделы, параграфы; делить на части.*

19. С глаголами, означающими превышение, ограничение, недостижение какой-нибудь нормы, а также при сравнительной степени прилагательных и наречий употребляется для указания на количественную разницу, на степень превосходства или недостатка: *отстать на сто шагов; опоздать на два часа; на двадцать рублей меньше; старше на пять лет; на месяц раньше.*

20. Употребляется при указании цели, назначения какого-нибудь действия: *взять на воспитание; отдать на комиссию; подарить на память; подать на пенсию* (т. е. просьбу о пенсии); *брать на поруки; взять на свою ответственность; внести проект на обсуждение; играть на повышение.*

// Употребляется при указании цели, назначения какого-нибудь предмета: *деньги на строительство и ремонт; ведомость на выдачу зарплаты; материя на пальто; тес на кровлю; на всякий случай.*

II При словах, выражающих эмоциональную оценку какого-нибудь действия, события, употребляется для обозначения последствий и одновременно как бы внутреннего назначения этого действия, события: *«На ту беду лиса близехонько бежала»* (Крылов); *на страх врагам; родиться на горе; на его счастье никого вблизи не было; «И скоро ль, на радость соседей-врагов, могильной засыплюсь землею?»* (Пушкин).

// Употребляется при указании повода к чему-нибудь (в разговорной речи или с оттенком архаизма): *подарок на рождение; «На смерть стихотворца»* (название стихотворения Пушкина).

// Употребляется для обозначения мотива, основания какого-нибудь действия: *пожертвовать на бедность* (из сожаления к чьей-нибудь бедности).

21. Употребляется для указания на предмет, в интересах которого что-нибудь совершается: *один работает на всю семью; на всех не угодишь.*

22. Употребляется при обозначении сопутствующих обстоятельств, условий чего-нибудь: *на голодный желудок; на свежую голову*.

23. Употребляется для обозначения образа действия, преимущественно в выражениях наречного, идиоматического типа: *верить на слово; говорить на память; вызвать брить на зубок; жить на широкую ногу*.

24. Употребляется при обозначении сферы и области каких-нибудь явлений, по отношению к которой проявляется какой-нибудь признак, какое-нибудь действие: *он на все горазд; падок на лесть; удачлив на находки; мастер на все руки; на такие дела я не гожусь*; «Крот — великий зверь *на малые дела*» (Крылов); «А он *на деньги* такой жила, что не приведи господи» (Писемский).

Употребляется при обозначении предмета, действия, в отношении которых проявляется какое-нибудь свойство, действие, качество: *хромать на обе ноги; глухой на одно ухо; нечист на руку; стойкая на выветривание порода* (в геологии); *испытание на прочность* (техн.). Ср.: *подозрение на что-нибудь*; «отклонить от себя всякое *подозрение на участие* в этом деле» (Писемский, «Тысяча душ»).

25. Употребляется для обозначения орудия действия: «Похоронили мы ее *на последние денежки*» (Писемский); «Люди небогатые: *не на что* было гувернанток нани мать» (Писемский).

На примере изучения функции предлога *на* легко убедиться, что в русском языке значение простых предлогов становится все отвлеченнее, аналитичнее; что наряду с конкретными, реальными отношениями — пространственными и временными — один и тот же предлог обозначает множество переносных логико-синтаксических оттенков, обстоятельственных отношений и связей между словами *.

§ 6. Развитие аналитического строя и изменение функций предлогов

Усиленный рост отвлеченно-аналитических значений предлогов в русском литературном языке был поддержан и обострен влиянием западноевропейских языков, преимущественно языка французского. Ускорение этого процесса падает на вторую половину XVIII в. Особенности употребления предлогов в конце XVIII — первой трети XIX в. отчасти сохраняются и в современном языке. В течение XIX и в начале XX в. круг значения и употребления предлогов расширяется. Аналитические тенденции в синтаксическом строе русского языка углубляются³¹

К сожалению, русская грамматика почти совершенно игнорирует этот процесс. Между тем не поняв и не изучив его нельзя оценить и заметить развития новых предложных конструкций в современном русском языке.

В русском литературном языке с XVII — XVIII вв. протекает медленный, но глубокий процесс синтаксических изменений в системе падежных отношений. Функции многих падежей осложняются и дифференцируются сочетаниями с предлогами. Так, с XVIII в. особенно широко распространяются предложные конструкции после глаголов: *избежать, избавить, отстать, отпираться, отрекаться* и т. п. (родительный падеж с предлогом *от* вместо прежнего родительного беспредложного), например: «Когда весь свет *отрек-*

—* Общую характеристику функций предлога *на* дает Н. П. Некрасов: «Предлог *на*, заключая в себе общий намек только на верхнюю, наружную сторону, выражает и те обстоятельственные отношения, в которых заменяет собою другие предлоги наружным образом... Поэтому там, где смысл речи требует общего, внешнего указания на предмет как на какое-либо обстоятельство действия, употребляется предлог *на*. Другими словами, чтобы указать на предмет вообще как на место, время, цель, орудие, основание действия, может быть употреблен предлог *на* вместо всех предлогов, которыми точнее обозначаются эти обстоятельства. Оттого предлог *на* употребляется даже там, где обстоятельственное отношение предмета к действию могло бы выражаться простым косвенным падежом без предлога, как, например: падежом творительным, имеющим преимущественное обстоятельственное значение. Оттого, с другой стороны, предлог *на* и заменяет собою другие предлоги только тогда, когда обстоятельство представляется сознанию общим, не требующим точного определения»³² (ср.: *он работает на меня и он работает для меня*).

ся от меня» (Жуковский); и после глаголов *достигать, довести, дойти* и т. п. (родительный с предлогом *до* вместо прежнего родительного беспредложного): «Счастливы они *достигают до отечества*» (Карамзин); «Не многие могут *достигнуть до сего величия*» (Карамзин); «Площадка, *до которой* в десять минут можно *достигнуть*» (Жуковский) и т. п. Но ср. еще у Пушкина: «Наконец достиг нашей хижины»; «Вот Углича достиг я»*. Понятно, что один и тот же глагол, например *достигать*, в одних значениях употребляется преимущественно с предлогом, в других — без предлога**.

Точно так же в предлоге *с* (*со*) в сочетании с творительным падежом значение образа действия (значение, которое можно определить так: «обнаруживая что-нибудь; так, что проявляется что-нибудь») или значение характеризующего определения к существительному («обладающий чем-нибудь; имеющий, обнаруживающий что-нибудь») особенно широко развивается под влиянием западноевропейских языков (ср. немецкий предлог *mit*, французский *avec*)³⁶. А. С. Шишков связывал распространение этого значения предлога *с* с влиянием французского языка на русский язык второй половины XVIII — начала XIX в. (ср. употребление оборотов: *с усердием заниматься; молиться с набожностью; одеваться со вкусом* и т. п. вместо качественных наречий: *усердно, набожно* и т. п.)***.

В «Рассуждении о старом и новом слоге» А. С. Шишков писал: «*Одеваться со вкусом* есть также не собственное наше выражение, ибо мы не говорим, или, по крайней мере, не должны говорить: *плакать с горестью, любить с нежностью, жить с скупостью*; но между тем как свойство языка нашего во всех других случаях велит нам говорить: *плакать горько, любить нежно, жить скупо*, в сем едином нельзя сказать: *одеваться вкусно*»*¹. Позднее Ф. И. Буслаев тоже признал этот оборот «заимствованным из чужих языков», однако указал на частое употребление его в языке Ломоносова и в языке журналов еще до карамзинской поры. Например, у Ломоносова: «Киевляне тщились, как слуги, угощать их *с великою ласкою и уклонностью*»; в журналах 1769 г.: «Критика приносит сочинителям пользу, но критика *со вкусом*» («И то и се»); «Одеваться *с весьма лучшим вкусом*» («Всякая всячина»)³⁸.

Ф. И. Буслаев отметил и другой «иностранный оборот» с предлогом *с* (для обозначения того, что предмет и лицо подвергаются каким-нибудь изменениям в своем положении, состоянии или претерпевают какое-нибудь качественное преобразование). Например, у Жуковского: «*С моим погибшим телом* становится ежеминутно хуже»³⁹.

Беспредложные конструкции вытесняются предложными и в области причинных отношений. В XVIII в. еще был в широком употреблении беспредложный творительный, в котором значение причины еще не было резко обособлено от значения орудия. С начала XIX в. творительный причины решительно уступает место предложным конструкциям. Ср. у Крылова: «Не правда ли, что *нами* дерево так пышно и кудряво, раскидисто и величаво?» («Листы и корни»); «Не *нами* ль царствует корабль наш на морях?» («Пушки и паруса»); «Осел мой *глупостью* в пословицу вошел. И на осле уж возят воду» («Осел»); у А. К. Толстого: «Не их ли ты *мужеством* славен?» («Василий — * В древнерусских памятниках до XVII в. легко найти множество беспредложных конструкций при глаголах, которые в современном языке уже не могут употребляться без предлогов, например: *отстать* — с род. пад. (без предлога *от*), *утаить* — с род. (без предлога *от*), *плакаться* — с род. (без предлога *на*), *отлучаться* — с род. (без предлога *от*), *прикоснуться* — с дат. (вместо род. с предлогом *до*) и т. п.³⁴

** Конструкция без предлога *от* при глаголах *удаляться* (*удаляться борьбы*), *бежать* («беги меня») и т. п. встречаются изредка даже в русском литературном языке сер. XIX

в.^{1?}*** В церковнославянском языке употребление предлога *с* в этом значении, поддерживаемое влиянием греческого и латинского языков, по-видимому, было ограничено (ср. *со страхом и верою приступите*).

Шибанов»); у Герцена: «Мальчик, кажется, избегнул смерти и болезни своею необычайною слабостью» («Кто виноват?»). В современном языке этим оборотам соответствуют конструкции с предлогом *благодаря* и дательным падежом.

Общие изменения в системе употребления предлогов сопровождаются осложнением значений отдельных предлогов. Так, в предлоге *для* значения цели, внутренней мотивации, направленности интересов в сторону кого-нибудь, чего-нибудь во второй половине XVIII — в начале XIX в. дополняются рядом новых значений (ср. значения французского *pour* и немецкого *zu*). Эти значения отчасти близки к значениям дательного падежа без предлога. Так, *для* начинает выражать, что то или иное качество, состояние, действие имеет силу по отношению к данному лицу или предмету. Например, у Карамзина в «Письмах русского путешественника»: «Вообразите мое положение! Ночью на улице, в неизвестном *для меня* городе»; у Жуковского: «Но *для могучего стрелка* нужду переносить легко»; «Твердость твоя *для меня* удивительна» (Пушкин, «Пиковая дама»).

Отсюда в предлоге *для* вырастает новое значение — значение критерия. Предлог *для* начинает употребляться для выражения условий, которыми ограничивается проявление какого-нибудь качества, состояния, например: *Для своего возраста он очень развит*; «*Для турок, для молдаван, для валахов я, конечно, разбойник, но для русских я гость*» (Пушкин, «Кирджали»); «Что вы такое *для Меня!* — Муха» (Писемский, «Ипохондрик»)*.

Значения предлогов, расширяясь, становятся все абстрактнее, становятся все больше похожими на значения падежных префиксов. Таково употребление предлога *о* с предложным падежом после глаголов чувства, речи, размышления**. А. А. Потебня так писал о грамматических отношениях этого рода: «Теперь *post verba sentiendi, cognoscendi, declarandi* мы ставим в беспредложном винительном только ближайший, непосредственный предмет восприятия, познания, речи, тем или другим способом отличая от такого предмета другой, дальнейший, более самостоятельный, до познания или выражения коего мы доходим посредством осязательного *для* нашего сознания ряда умозаключений. Например, с одной стороны, мы говорим: *услыхать новость, узнать знакомого, сказать слово*, «видеть свет и его коловращение» (Гоголь); с другой: *услыхать про новость, узнать о знакомом, сказать о чем и про что; увидеть, что свет коловратен*».

«Чем далее подвигаемся в старину, тем чаще встречаем в языке отсутствие предложных объектов, из чего вероятное заключение, что было такое время, когда оба рода объектов, вовсе не различаясь в сознании, одинаково выражались простым винительным. Это напоминает... состояние людей, для которых не существует перспектива при графическом изображении видимых предметов»⁴⁰.

Интересно, что и в языке XIX в. нередко встречаются случаи параллельного употребления винительного падежа и предложного при одних и тех же глаголах, но с очень заметной разницей в смысловых нюансах. Например, у Льва Толстого: «Здржинский *рассказывал поступок* Раевского, который вывел на плотину своих двух сыновей под страшный огонь и с ними рядом пошел в атаку» («Война и мир»); у Чернышевского в романе «Что делать?»: «Стану *рассказывать тебе свою радость*»; у Герцена: «Губернатор сказал, что

——* До начала XIX в. *для* употреблялось во многих случаях как синоним предлога *ради*; в других — как синоним предлога *по* (ср.: *для того что, потому что*).

** Характерно, что предлог *о* с местным падежом в древнерусском языке обозначал причину, соответствуя нашему сложному предлогу *из-за*. См. примеры из Синодального списка I Новгородской летописи в работе Истриной Е. С. «Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи» (с. 163).

он *забыл разрешение, данное мне* («Былое и думы»); для современного языка в этом контексте было бы нормальным сочетание с предлогом *о* или *про*.

Ср. у И. И. Дмитриева: «Я принял смелость *напомнить* ему его *молодость* («Взгляд на мою жизнь»); в современном языке *напомнить что-нибудь* имеет значение: своим сходством вызвать представление, воспоминание о чем-нибудь.

Разграничение предложных и беспредложных конструкций создает более ясную синтаксическую перспективу. В самих предложных конструкциях более четко выступают различия между синтаксическими синонимами. Слабые формы постепенно отмирают (например, сочетания с предлогом *про* после глаголов речи, чувства, изъявления).

В современном литературном языке разница между *о* с предложным падежом и *про* с винительным падежом при глаголах речи, чувства и изъявления скорее стилистическая (*про* разговорнее, просторечнее), чем лексико-семантическая*. А. М. Пешковский писал в своем «Синтаксисе»: «*Про* с винительным имеет то же значение, что и *о*, об с предложным (*говорить про войну, думать про урожай*), и хотя какую-то внутреннюю разницу между этими синонимами мы ощущаем, но определить ее затрудняемся»⁴³. Еще раньше К. С. Аксаков признавался: «Оттенок отдаленности и вообще цели слабеет, и *про* значит вообще только устремление нравственное куда-нибудь, а иногда и это значение слабо чувствуется. *Он думает все про своего друга; про тебя говорили*»⁴⁴.

Со второй половины XIX в. возникает новый синонимический ряд конструкций после глаголов мысли (но не речи) с предлогом *над* и творительным падежом (ср.: *думать, размышлять над чем-нибудь* и т. п.; ср. *работать над чем-нибудь*). Ср. у Лескова в очерках «Смех и горе»: «Она всегда думает *над чем-нибудь*, а не *о чем-нибудь*».

С предлогом *о* после глаголов горестного чувства смешивается также предлог *по*, значения которого в этих сочетаниях крайне абстрактны. Кроме значения *после* в сочетании с предложным падежом (*по прибытии, по отъезде, по смерти, по отбытии срока* и т. п.) *по* имеет в высшей степени «формальное» значение при немногих глаголах, выражающих душевные страдания, с предложным падежом существительных единственного числа: *скучать, тосковать, сохнуть, страдать, грустить, болеть душой* и т. п. При тех же глаголах чаще употребляется *по* с дательным падежом (*страдать по родным; скучать по брату* и т. п.). Эта двойственность употребления — признак того, что собственное значение предлога *по* в этих сочетаниях утрачивается. Те же глаголы нормально сочетаются и с предлогом *о*.

По-видимому, в употреблении предлога *по* с предложным падежом после глаголов чувства нужно видеть причинное переосмысление временного значения (*тосковать по* — «после», «по причине»).

Но так как в конструкциях типа: *тосковать по ком-нибудь — чем-нибудь, горевать по ком-нибудь — чем-нибудь* и т. п. — временное значение *по* стерлось, то исчезает и внутреннее, логическое различие между предлогом *по* в этом употреблении и предлогом *о* в тех же сочетаниях вроде *тосковать о ком-нибудь — чем-нибудь, горевать о ком-нибудь — чем-нибудь*.

Конструкции с предлогом *по* ощущаются как более разговорные, чем соответствующие конструкции с предлогом *о*. Конструкции с предлогом *по* и предложным падежом после глаголов скорбного чувства являются в современном языке пережитком прошлого. Они непродуктивны. Это синтаксические идиоматизмы. А. М. Пешковский принужден был признать: «В сочетаниях *скучать, тосковать, сохнуть, страдать, болеть душой по ком* предлог

—* Еще Востоков заметил: «*Про* употребляется только в просторечии... вместо предлога *о*»⁴¹. То же утверждал Греч⁴².

тесно связан со слишком малым числом глаголов, чтобы выявить собственное значение»⁴⁵.

Несомненно, что и предлог *за* с винительным падежом при глаголах *знать, признавать, считать* и т. п. служит лишь грамматическим выражением зависимого падежа. Его реальное значение: в качестве, вместо — здесь очень ослаблено, стерто. Эти сочетания отличаются от сочетаний тех же глаголов с простым творительным прилагательным (ср.: *считать за дурака* и *считать дураком*) лишь тонким оттенком неполной, недостаточно достоверной квалификации, намеком на возможность переоценки или на некоторую мнимость оценки.

Все эти примеры с разных сторон освещают процесс развития аналитических форм предложного употребления. Все ярче обнаруживается внутреннее расслоение в семантической системе предлогов. В то время как одни простые предлоги: *для, до, перед, при, под, кроме, сквозь, через, между*, а тем более предлоги наречного типа: *близ, среди, мимо* и т. п. — почти целиком сохраняют свои реальные лексические значения, другие предлоги: *о, за, из, в, на*, отчасти: *над, от, по, про, с, у* — в отдельных сферах своего употребления, иные в меньшей степени, иные вплоть до полного превращения в падежные префиксы, ослабляют свои лексические значения, а иногда почти совсем теряют их.

§ 7. Роль предлогов в системе глагольного управления

Многие предлоги ослабляют свое конкретное значение в качестве посредника между глаголами и зависимыми от них объектами. Они становятся простыми грамматическими знаками объектных отношений. За ними сохраняется функция показателей и выразителей того или иного падежа косвенного объекта. Во многих случаях предложное выражение косвенной переходности глагола представляется чисто формальным, лексически не мотивированным (например: *жениться на ком-нибудь; выйти за кого-нибудь* и т. д.)⁴⁶.

В подавляющем большинстве случаев такой переход предлога на роль послелога, на роль «объектной» морфемы при глаголе наблюдается у предлогов с абстрактными значениями. Таково, например, употребление следующих предлогов:

1. Употребление *по* с предложным падежом (единственного числа) и с дательным падежом после глаголов *скупать, тосковать, горевать, страдать, соскучиться, болеть душой, сохнуть, плакать* и т. п.

2. Употребление предлога *о* после глаголов внутреннего восприятия речи, чувства и душевных изъявлений: *размышлять, гадать, мечтать, убиваться, спорить, говорить, рассказывать, заботиться, стараться, беспокоиться, жалеть, тужить, плакать* и т. п. Это употребление *о* в современном русском языке все расширяется, охватывая все большую группу глаголов и семантически близких к ним имен существительных.

3. Употребление *на* с винительным падежом после глаголов, означающих чувство в его направленности в сторону кого-нибудь — чего-нибудь: *негодовать, злобствовать, брюзжать, ворчать, досадовать, роптать, сетовать, жаловаться, плакаться, сердиться, гневаться, клеветать, надеяться на кого-нибудь, на что-нибудь**, *злوبيваться, дуться, злиться, соглашаться, склоняться*

*Ср.: в «Русской грамматике» Востокова (§ 120) указание на то, что в начале XX в. глагол *надеяться* еще сочетался с родительным падежом без предлога: *надеяться успеха*. Ср. у Кошанского: «*надеяться чего...* значит ожидание с сомнением, а *надеяться на что* — упование с уверенностью»⁴⁷.

Любопытно, что сочетание *надеяться* с родительным падежом еще встречается в языке Чернышевского и Л. Толстого. Например, у Чернышевского в романе «Что делать?»: «Скоро я убедился, однако же, что *надеяться этого* — вещь напрасная»; «Он никогда не *надеялся* ее *взаимности*»; ср. у Толстого в «Войне и мире»: «Так не похоже на то, *чего он надеялся*».

и другие подобные; ср.: *кричать на кого-нибудь*, ср. также: *походить на кого-нибудь*; *посягать на что*; *отваживаться, решаться на что-нибудь*; ср.: *готов, способен на все*. Ср. галлицизмы типа *рассчитывать на кого-нибудь*.

4. Употребление *в* с винительным падежом в довольно ограниченной и внутренне разъединенной группе сочетаний: *верить*; *веровать в кого-нибудь*, *во что-нибудь*; *играть во что-нибудь*; *уродиться в кого, во что-нибудь*; ср. *в* с предложным падежом: *убедиться, увериться в чем-нибудь*; *сомневаться в чем*; *нуждаться в чем-нибудь* и др.

5. Употребление *из* с родительным падежом в серии однородных фраз: *представлять из себя*; *изображать из себя*; *строить из себя*; устарелое *казать, показывать из себя* и некоторые другие. Например: «Земля изображала из себя пекло» (Чехов, «Брожение умов»); «Он постоянно представлял из себя человека, стоящего выше всех этих мелочей» (Герцен, «Былое и думы»).

6. Употребление *за* с винительным падежом после глаголов *считать, признать, считать, считать, поставить* и т. п. Например: «Но я вас не считаю за эгоиста» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «Он за счастье бы счел свое знакомство с нею» (Л. Толстой, «Война и мир»). Ср.: «Что говорят обыкновенно люди, не имеющие убеждений, но желающие казаться за таковых» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Он составлял себе, как говорил, серьезную библиотеку и за правило поставил прочитывать все те книги, которые он покупал» («Война и мир») и другие подобные.

7. Употребление *над* с творительным падежом при группе семантически родственных глаголов *смеяться, издеваться, ругаться, иронизировать, трунить, подтрунивать, подшучивать* и т. п. Ср. у Л. Толстого: «И граф Ростопчин презрительно улыбнулся сам над собой» («Война и мир»). Ср.: *торжественно, взять верх, одержать победу над кем-чем* и т. п.

В литературном языке XVIII — начала XIX в. глагол *смеяться* (ср. *ругаться* и пр.) сочетался не только с беспредложным дательным падежом и с предлогом *над* и творительным падежом, но и с предлогом *о* и предложным падежом. Ср. у Пушкина: «Не смейся горестям моим»; у Жуковского: «Стенаньям смеется губитель». Ср. у Пушкина: «И посмеяться кой о чем»; «Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями» («Барышня-крестьянка»).

Однако уже Н. И. Греч признавал лишь две конструкции при глаголе *смеяться*: конструкцию с дательным падежом, когда «управляемым именем означает предмет не личный, вещественный или отвлеченный», и более употребительную конструкцию с предлогом *над* и творительным падежом.

Ф. И. Буслаев в своей «Исторической грамматике» считает «более обыкновенной» конструкцию с предлогом *над*⁴⁶. Но К. С. Аксаков в своей рецензии упрекал Буслаева за то, что тот не выяснил внутреннего различия между *смеяться — посмеяться над чем* и *о чем*: «*Смеяться над чем* значит: делать из чего-нибудь повод к смеху, смеяться ради чего»⁴⁹.

8. В современном языке предлоги *до* и *от* являются, между прочим, грамматическими средствами выражения и уточнения отложительных и достигательных значений родительного падежа. Например, *до*: *что касается до меня*. Ср. «коснуться до всего слегка» (Пушкин) и т. п.; *от* в отделительном значении после глаголов: *освобождаться, воздерживаться, спасаться, разрешиться* (от бремени), *уклониться, очиститься* и т. п.

Итак, в русском языке XIX—XX вв. все более и более распространяются предложно-аналитические конструкции. Некоторые предлоги в отдельных значениях или контекстах употребления делаются простыми грамматическими префиксами с ослабленными, потускневшими или вовсе погасшими реальными значениями.

§ 8. Изменения в употреблении предлогов

Формирование новой стилистической системы, сопровождающееся смещением и переоценкой прежних форм выражения, образование новой фразеологии, распространение отвлеченных и научно-технических понятий, новые формы речетворчества, характеризующие современную эпоху, изменения в синтаксическом строе не могли не отразиться и на употреблении предлогов. В современном языке намечаются новые, более отвлеченные способы применения предлогов, наблюдаются многочисленные случаи синонимической замены предлогов, переноса одних предлогов на место других, возникают новые предложно-синтаксические конструкции.

Острее всего эти грамматические сдвиги дают себя знать в газетно-публицистических и научно-технических стилях современного русского языка. Например: «В крупных центрах — сильные тенденции за рабочие клубы» (из газет); «Социалистическое соревнование на быструю и высококачественную уборку урожая» (из газет); «Линия на создание крупного общественного крестьянского хозяйства»; *экономист по труду; встреча по хоккею.*

Характеристика этих процессов — смещения предлогов, изменения их функций, количественного роста предложных конструкций — должна быть предметом особого самостоятельного исследования. Многие неологизмы в этой грамматической сфере еще не вошли в систему общелитературного языка.

Итак, в современном языке с необыкновенной остротой и силой протекает процесс перераспределения функций предлогов. Распространяются такие предложные сочетания, которые раньше были свойственны главным образом профессионально-техническим диалектам и научным стилям книжного языка. В официально-деловых, газетно-публицистических и научно-технических стилях роль предложных конструкций становится особенно значительной. Круг значений предлогов, сфера выражаемых ими отношений расширяется и углубляется.

Аналитические формы речи качественно усложняются, становятся значительнее и разнообразнее. Изменение семантической системы предлогов — признак развития новых аналитических элементов в строе русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «ПРЕДЛОГИ»

1. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1927, вып. 2, с. 97 [504].
2. Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. Спб., 1912, с. 265.
3. Ср.: Bover P., Speranski N. Manuel pour l'etude de la langue russe P 1905 p. 108.
4. Аксаков К. С. О русских глаголах.- Поли. собр. соч. М., 1875, т. 2, ч. 1: Сочинения филологические, с. 431.
5. Аксаков К. С. Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики.-Поли, собр. соч. М., 1880, т. 3, ч. 2: Сочинения филологические, с. 129.
6. Аксаков К. С. Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева.— Поли. собр. соч. М., 1875, т. 2, ч. 1: Сочинения филологические, с. 611.
7. Ср. замечание о post-positions: Sechehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase. P., 1926, p. 76, примечание.
8. См.: Иванов А. М., Якубинский Л. П. Очерки по языку. Л.—М., 1932, с. 145-146.
9. См.: Добромыслов В. А. К вопросу о языке рабочего-подростка. М., 1932, с. 12.
10. Аксаков К. С. Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 129.
11. Ср.: Boyer P., Speranski N. Manuel pour l'etude de la langue russe, p. 108.

12. Ср. другие примеры из сочинений Л. Толстого: *Виноградов В. В.* О языке Толстого.—В кн.: Литературное наследство. М.—Л., 1939, т. 35 — 36.
13. *Меромский А.* Язык селькора. М., 1930, с. 48.
14. См.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1925, вып. 1, с. 368 [370].
15. Ср. замечания о locutions prepositionnelles: *Sechehaye A.* Essai sur la structure logique de la phrase, p. 83 — 84.
16. *Аксаков К. С.* Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 143.
17. Там же, с. 134.
18. Ср.: *Эндзелин И.* Латышские предлоги. Юрьев, 1905.
19. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола. Спб., 1865, с. 181.
20. См.: *Kurytovicz J.* Derivation lexicale et derivation syntaxique. Contribution a la theorie des parties de discours.— Bulletin de la societe de linguistique de Paris, 1936, t. 37, f. 2, p. 79-92.
21. *Аксаков К. С.* Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 142. •
22. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888, вып. 1—2, с. 450 [437].
23. См.: *Востоков А. Х.* Русская грамматика. Спб., 1859, с. 180 — 217; *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка, с. 264 — 271; *Петерсон М. Н.* Очерк синтаксиса современного русского языка. М., 1923; *его же:* Синтаксис русского языка. М., 1930, с. 45 — 77; *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 285 [304-321]; *Петерсон М. Н.* Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941, с. 114-137.
24. См.: *Аксаков К. С.* Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 128—151.
25. См.: *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола, гл. 5: О глаголах, сложных с предлогами.
26. См.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 162 — 163 [552-553].
27. См. там же, с. 195 [584]. Примечание 86 [прим. к § 460].
28. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1899, вып. 3, с. 504 [396].
29. См.: *Пешковский А. М.* Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы.—В кн.: *Arg poetica*. М., 1927, вып. 1, с. 58.
30. Ср. статью В. В. Виноградова о предлоге *на*: Толковый словарь русского языка/Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1938, т. 2, с. 295-299.
31. *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика. Спб., 1834, с. 202.
32. *Некрасов Н. П.* О значении форм русского глагола, с. 210.
33. По вопросу о развитии аналитических форм в языках см.: *Jespersen O.* Progress in language with special reference to English. L., 1909.
34. См.: *Будде Е. Ф.* Основы синтаксиса русского языка. — Русский филологический вестник, 1910, № 3, 4, с. 57.
35. Ср. статью: *Ефремов А. Ф.* Особенности синтаксического управления в языке Н. Г. Чернышевского в исторической перспективе. - Уч. зап. Саратовского гос. пед. ин-та, 1940, вып. 5, с. 109.
36. См.: *Ильинская И. С.* Управление как проблема лексики и грамматики.—Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та, 1941, т. 5, с. 81.
37. *Шишков А. С.* Рассуждение о старом и новом слоге. Спб., 1818, с. 204 — 206.
38. *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858, ч. 2, с. 327 [493].
39. Там же.
40. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 1—2, с. 299 — 300 [296].
41. *Востоков А. Х.* Русская грамматика, с. 196-197.
42. См.: *Греч Н. И.* Руководство к преподаванию по учебной грамматике. Спб., 1851, с. 202.
43. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 297 [319].
44. *Аксаков К. С.* Конспект последних двух отделов первой части Русской Грамматики, с. 137.
45. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 298 — 299 [321].

46. Ср.: *Sechehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase*, p. 86 — 90.
 47. См.: *Кошанский Н.* О русском синтаксисе. — Труды Общества любителей российской словесности, 1819, ч. 15, с. 108.
 48. См.: *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка, ч. 2, с. 347 [508].
 49. *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, с. 613.

III. СОЮЗЫ

§ 1. Союзы, их функции и их разные типы

С предлогами соотносительны союзы. Союзы — это частицы речи, которые обозначают логико-грамматические отношения и связи не только между однородными словами и словосочетаниями в составе синтагмы или предложения, но и между группами слов, между синтагмами, предложениями, фразами в структуре сложных синтаксических единств. В отличие от предлогов, выражающих отношения синтаксической обусловленности и зависимости падежных форм, отношения «определяющего» имени к «определяемому» слову, союзы выражают разнообразные синтаксические отношения функционально однородных или синтаксически сопоставленных и связываемых единиц речи. В рамках простейших синтаксических единиц (синтагм, предложений) все сцепляемые союзами члены словосочетания или предложения объединяются мыслью как грамматически однородные или лексически и логически сопоставимые элементы речи. Преобладающее большинство союзов, устанавливающих связь между словами или сочетаниями слов, вдвигает их в структуру более крупного целого как связное единство. «Как коромысло весов одновременно и слагает силы, приложенные по краям его, и переносит их в точку опоры, так и союз одновременно и объединяет два члена, и относит их к одному и тому же третьему», — писал А. М. Пешковский¹.

Союзы не переходят в «префиксы» слова, подобно предлогам. Они не имеют ничего общего с «препозиционными флексиями» имени, к которым приближаются слабые предлоги и в которые они превращаются по утрате реальных значений. Союзы внутри предложения или синтагмы ни в какой степени не связаны и не соотносительны с грамматическими формами тех слов, которые они вдвигают в строй словосочетания, синтагмы и предложения (ср. резкую грамматическую разницу между сочетаниями вроде *Полкан с Барбосом* и *Полкан и Барбос*)². Самый круг отношений, выражаемых союзами внутри синтагм и предложений, далеко выходит за пределы отношений, обозначаемых предлогами, и во всяком случае только частично соприкасается с ними I Союзы, пишет Овсянко-Куликовский, «служат для создания чисто *формальной* (синтаксической) перспективы внутри предложений и в сочетании их, но не перспективы в самом *содержании* фразы, т. е. не перспективы в пространстве, во времени и в других отношениях, как это делают предлоги»⁴.

Есть разница в функциях союзов, сцепляющих «предложения», и союзов, которые служат скрепами отдельных слов и однородных групп слов. Круг отношений, обозначаемых и выражаемых союзами при сцеплении «предложений», гораздо шире и разнообразнее, чем круг отношений, выражаемых союзами в сочетаниях внутрифразового типа (соединительных, присоединительных, разделительных, перечислительных, противительных и т. п.). В значениях союзов, обслуживающих сцепление синтагм и предложений, можно даже заметить частичный логико-грамматический параллелизм с значениями предлогов. Некоторые из отношений, обозначаемых предлогами внутри

предложения, выражаются союзами в сочетании предложений. Таковы, например, отношения временные, причинные, целевые, сравнительные, количественные и другие подобные. Но и этого типа союзы, в отличие от предлогов, непосредственно не влияют на форму отдельных слов, выражая смысловые взаимоотношения и соотношения словесных групп внутри сложных синтаксических единств. И этого типа союзы нельзя без оговорок сравнивать с «префиксами» словосочетаний (синтагм) или предложений⁵, так как выражаемые ими отношения по большей части двухсторонни. (Ср. «двойные» союзы: *если — то, так как — то, раз — то* и т. д.; *когда — так, лишь только — как, только что — как* и другие подобные; ср. сходную систему синтаксических соотношений и взаимоотношений в словесных сцеплениях по схеме: *не успел что-нибудь сделать..., как...; стоило что-нибудь сделать..., как...* и другие подобные). Само собою разумеется, что степень тесноты связей и характер зависимости одного предложения от другого бываю! очень разнородны в союзных сцеплениях разного типа.

Традиционная аналогия между так называемыми придаточными предложениями и членами простого предложения, проводимая в школьных учебниках с неуклонной и односторонней прямолинейностью, на самом деле может иметь лишь очень ограниченное и условное значение.

Таким образом, союзы, в сущности, запредельны морфологии. «Союз,— писал А. А. Шахматов,— имеет значение не сам по себе, а как выразитель того или иного сочетания, как словесное обнаружение такого сочетания»⁶.

Развитие аналитических тенденций в строе русского литературного языка отразилось и на внешнем облике союзов. В роли союзов все чаще выступают целые фразеологические единства, или идиомы. Грамматические функции союзов все больше и больше связываются с их лексической («этимологической») природой.

Между старыми простыми, или «первообразными», союзами и сложными союзами позднейшей формации наблюдается резкая разница в морфологическом составе (ср., например, простые союзы *а, но, и, ли, или, что* и т. п., с одной стороны, и сложные — с другой: *тем не менее, даром что, подобно тому как, потому что, затем чтобы, с тех пор как, между тем как, несмотря на то что, вследствие того что, в силу того что* и другие подобные). В этом отношении замечается явный параллелизм грамматического развития между союзами и предлогами (а также частицами).

Кроме того, в русском языке все расширяются и умножаются разряды гибридных или переходных слов и выражений, совмещающих значения союзов со значениями других грамматических категорий.

1. Таковы, например, группы, промежуточные между союзами и мо дальними словами (а иногда и наречиями): *итак, напротив, наконец, все-таки, тем не менее, вместе с тем, при всем том, к тому же, все же, правда, будто, будто бы* (не в изъяснительном значении), *точно, ровно* (просторечное) и т. п.

2. Таковы слова и частицы, подводимые одновременно под категории союзов и наречий: *потом, зато, покамест, пока* и др.

3. Еще больше слов, образующих переходный тип от простых союзов к разного рода частицам, например: *ведь, вот, тоже, также, и то, лишь, только* и другие подобные.

Внутри самой категории союзов сталкиваются три морфологически неоднородных типа слов-частиц:

1. Простые, морфологически неделимые частицы-союзы. Их морфологическая простота и неразложимость обратно пропорциональны семантической сложности и многообразию их синтаксических функций (ср., значения союзов *и, а, ли* и т. п.).

2. С о с т а в н ы е союзы, нередко имеющие облик фразеологических

единств и идиоматизмов. Морфологический анализ обнаруживает в составе многих из этих союзов следы и живые формы разных других частей речи (ср., например: *после того как, прежде чем, лишь только* и др.). Этимологическая подкладка таких союзов как бы виднеется из-под их современного употребления. Все большее осложнение синтаксических отношений между элементами речи, увеличивающееся разнообразие композиционных приемов речевого построения проступают наружу даже в морфологической «внешности» этих составных союзов.

Лексическая определенность состава этих союзов ограничивает круг их значений строго очерченной сферой логико-синтаксических отношений. Морфологическая мотивированность их значений (ср., например: *вследствие того что, с тех пор как* и т. п.) замыкает их употребление в тесные пределы одного семантического круга отношений.

З. Г и б р и д н ы е союзы, совмещающие значения союзов со значениями других, очень разнообразных категорий. Эта типологическая классификация союзов, конечно, ни в малейшей степени не совпадает с синтаксическим делением их по функциям.

Еще менее связано с морфологическими различиями союзов укрепившееся в грамматической традиции деление их на *с о ч и н и т е л ь н ы е* и *п о д ч и н и т е л ь н ы е*⁷. Обычно говорится, что подчинительные союзы более тесно слиты с подчиняемыми предложениями, образуя с ними «одну цельную смысловую массу» и тем самым несколько приближаясь к роли синтаксических префиксов. Иногда прибавляется, что при помощи подчинительных союзов одно предложение определяет другое. Напротив, сочинительные союзы характеризуются тем, что они «не только физически, но и по значению стоят между соединяемыми величинами, не сливаясь нимало ни с одной из них»⁸. Более тесная связь подчинительного союза с подчиняемым предложением нередко иллюстрируется искусственными логическими аналогиями между «подчинением» предложений и «подчинением» членов внутри предложения.

Однако с морфологической точки зрения грань между сочинительными и подчинительными союзами очень скользка и неопределенна⁴. Было бы осторожнее вместо *с о ч и н е н и я* и *п о д ч и н е н и я* предложений говорить (как это предлагал акад. А. А. Шахматов) о разных видах сцепления предложений и о разных степенях их зависимости, выражаемых союзами и другими грамматическим средствами: формами склонения, формами относительных времен, порядком слов, местоименными словами, интонацией и т. п.

Синтаксическая зависимость нагляднее всего обозначается союзом *чтобы* с сослагательным склонением (*чтобы —л, -ла, -ло, -ли*), особенно после глаголов с отрицанием. Менее определено, но более разнообразно выражена она в формах изъяснительной (посредством союзов *что* и *чтобы*), относительной и условной связи.

Особенно свободны и разнообразны сцепления, выражаемые временными, сравнительными и причинными союзами.

Но и зги формы зависимости легко подвергаются синтаксическому преобразованию, особенно в устной речи. В стилях разговорной речи распространен прием модальной нейтрализации зависимых синтаксических отношений, прием приведения конструкций, традиционно признаваемых за подчинительные, к «знаменателю сочинения». Многие союзы, выражающие синтаксическую зависимость, легко превращаются в модальные слова (ср.: *будто, будто бы, не то чтобы* и т. п.). Кроме того, в бытовом диалоге вообще слабо развита система сложных предложений с разными степенями союзных

* Ср. замечания Н. М. Карийского о почти полном отсутствии подчиняющих союзов в ячке менее культурных групп крестьянства¹⁰.

Употребление *ШЪШ* Союзов характеризуется резкими колебаниями в степени тесноты и зависимости выражаемых ими синтаксических связей.

Особенно велика амплитуда этих колебаний у союзов уступительных, временных и сравнительных. Недаром даже традиционные грамматики (под влиянием проф. Д. Н. Овсянко-Куликовского) относили такие уступительные союзы, как *хоть* (*хоть*), к сочинительным¹¹. Например: «Все слушают его, разинув рот, *хоть* он такую дичь несет, что уши вянут» (Крылов). Ср.: «Неодолимая, *хоть* тихая сила увлекла меня» (Тургенев).

Здесь *хоть* и *хотя* очень близки по значениям к союзам *а* и *но*. Ср. сближение *хоть* и *хотя* с союзом *впрочем*: «Одета она была в опрятное, *хоть* и полинялое ситцевое платье» (Тургенев); «Сравнение, употребленное Павликом, *хоть* и верное и меткое, не вызвало улыбки ни на чьем лице» (Тургенев).

В употреблении сравнительных союзов характерна широкая семантическая растяжимость выражаемых ими синтаксических отношений. Во многих случаях присоединение синтагм или предложений сравнения имеет характер свободного ассоциативного сцепления, осуществляемого без прямой грамматической зависимости от основной синтаксической группы. Поэтому обе части сравнительного сочетания легко разъединяются и могут существовать как смежные, отдельные синтаксические единства. Например: «Рука Эллис внезапно надвинулась на мои глаза, словно белый туман из сырой долины обнял меня» (Тургенев, «Призраки»); «Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошел в погреб» (Тургенев); «Вчерашнее волнение исчезло. Оно заменилось тяжелым недоумением и какою-то, еще небывалою, грустью — точно во мне что-то умерло» (Тургенев, «Первая любовь»); «Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеек журчит» (Тургенев, «Отцы и дети»). Но ср.: «Из всех пар, заполняющих рошу, эта всего тревожнее отнеслась к наступлению ночи и бросилась уходить от нее так, точно та гналась за ними по пятам» (Пастернак).

Нерасчлененность логико-синтаксических отношений, присущая строю разговорной речи, отражается и в постоянном смешении особенностей косвенной речи с прямой при передаче чужих мыслей. Непрестанные скачки из синтаксиса косвенной речи в прямую или несобственно-прямую речь — характерная черта русской народно-разговорной речи. Формы прямой драматической передачи часто врываются в косвенную речь и делают ее строй прерывистым и смешанным (например: «Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой — плуг. Мы-де, говорил, этаких шаромыжников и подлецов видали» — Гоголь, «Ревизор»).

А. М. Пешковский усиленно доказывал, что «у нас не выработаны формы косвенной речи... Косвенная передача речи русскому (разговорному. — В. В.) языку не свойственна. Вот почему мы и соскакиваем постоянно с косвенной речи на привычную нам прямую... Раз! раничение прямой и косвенной речи находи гя у нас на самой ранней стадии развития»¹².

§ 2. Простые союзы

Простые, морфологически неделимые союзы в большей своей части переобременены значениями. Круг отношений, выражаемых ими, очень широк. Слабость лексического и морфологического веса таких союзов компенсируется их семантико-синтаксической нагруженностью. Лишь повторение «простого» союза, т. е. своеобразное анафорическое его умножение, состоящее в постановке одного и того же союза перед каждым из сцепляемых слов или словосочетаний (синтагм), ограничивает круг значений «первообразного» союза. Таким образом, простые союзы иногда сливаются в своеобразные сложные единства, «единства на расстоянии» (по выражению Бругмана). Воз-

никают повторные объединительные, перечислительные, разделительные, реже противительные и эмоционально-усилительные союзы (например: *и — и, или — или, ни — ни, то — то*; ср. составные: *не то — не то; то ли — то ли; либо—либо*; прост.-обл. *али — али* и др.). Например:

Иль чума меня подцепит,

И сердце бьется в
упоенье, *И* для него
воскресли вновь *И*

Иль мороз окостенит.
И. Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

(Пушкин)

(Пушкин)

«Вы говорите,— сказал она наконец: — читать поэтические произведения *и* полезно, *и* приятно... Я думаю, надо заранее выбрать в жизни: *или* полезное, *или* приятное, и так уже решиться, раз навсегда. И я когда-то хотела соединить *и* то *и* другое... Это невозможно и ведет к гибели или к пошлости» (Тургенев, «Фауст»).

Союзы *ни — ни, то — то* ограничены формами перечислительного сочетания: *ни — ни — контрастно-отрицательного, параллельного, то — то — последовательно-чередующегося* :

То холодно, *то* очень *Ни* огня, *ни* черной хаты. (Пушкин)

жарко.

То солнце спрячется.

То светит слишком ярко.

(Крылов)

Долго ль мне гулять на
свете *То* в коляске, *то*
верхом, *То* в кибитке, *то* в
кажете. *То* в телеге, *то*
пешком.

(Пушкин)

Казак не хочет отдохнуть

Ни в чистом поле, *ни* в

дубраве,

Ни при опасной переправе.

(Пушкин)

То, как зверь, она завоет, *То*

заплачет, как дитя.

(Пушкин)

«Дышал громко *то* ртом, *то* носом» (Гончаров).

Сложные союзные единства этого типа объединяют сопоставляемые отрезки речи. Они содействуют симультанному (т. е. одновременному) смысловому охвату соотносительных синтагм и слов. Они резко отличаются своеобразием своего синтаксического значения и употребления от простых союзов. Простые союзы более многозначны, и их употребление более разнородно. Из соединительных союзов в русском языке особенно нагружены значениями союз *и**, затем *а, да*; из союзов зависимого отношения наиболее широки и разнообразны значения союза *что*. А. М. Пешковский правильно указывал на многообразие употреблений этого союза, но несправедливо отказывал ему в богатстве значений и их оттенков. «Союз этот, — писал А. М. Пешковский, — в настоящее время есть употребительнейший подчинительный союз русского языка и особенно его разговорно-литературного наречия, где он потерял, в сущности, всякое специальное значение и обозначает только подчиненность одного предложения другому, подобно тому как союз *и* в области сочинения обозначает только сочиненность (ср.: *А что он не приехал вовремя, так это потому, что за ним не прислали; А что у тебя денег нет, так вольно же тебе мотать* — где *что* указывает только на то, что данная мысль уже известна говорящим)»¹³. В этом разнообразии значений и употреблений союзов *и, а, да* и *что* нельзя не видеть некоторых следов

* Богатство и разнообразие значений союза *и* ярко охарактеризованы в статье акад. Л. В. Щербы об этом союзе в «Словаре русского языка» Академии наук (изд. 2). Ср. мою статью об лом союзе в «Толковом словаре русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1).

древних синтаксических отношений, когда функции одного и того же союза были крайне широки и диффузны, логически не расчленены*.

Широта смыслового объема простого союза, степень разнообразия его значений зависят от разных причин. Тут играют роль и происхождение союза, и пережитки его старого употребления, и его морфологический состав, влияющий на связи его с другими словами, и характер совмещения в нем отвлеченных, логических и эмоциональных, субъективных значений, и связь его с теми или иными модальностями высказывания. Например, значения союза *хотя* (*хоть*) замыкаются в пределах условно-уступительной модальности. Круг значений этого союза и особенно его дублета *хоть* (ср.: *хоть бы* и *хотя бы*) суживается тем, что они являются одновременно и союзами, и уступительно-ограничительными модальными частицами. Например: «Учился он порядочно, *хотя* часто ленился» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «Его голос, *хотя* и сильный, едва был слышен» (Овсянко-Куликовский); «*Хоть* видит око, да зуб неймет» (Крылов). Но ср. *имей хоть капельку терпения* и т. п.

Ограничению значений союза содействует и узость сферы его стилистического употребления. Например, риторический союз *ибо* однозначен; он совмещает в себе логические оттенки причинного отношения с экспрессией патетического или иронического стиля. Он встречается преимущественно в книжной речи.

С этим союзом как с архаизмом книжного языка началась борьба еще в начале XIX в. Пушкин не отказался от этого союза и употреблял его в стихах и прозе.

В послепушкинскую эпоху союз *ибо* применялся главным образом в стилях стихотворного языка, а также в канцелярско-деловой, публицистической и научной прозе**. Ср., например: «Дамам он [Чичиков] не понравился, это можно сказать утвердительно, *ибо* дамы требуют, чтобы герой был решительное совершенство» (Гоголь, «Мертвые души»).

В газетно-публицистических стилях современного языка употребление союза *ибо* снова получило более широкое распространение.

Экспрессивным (а отчасти и стилистическим) синонимом союза *ибо* является разговорное употребление частицы *ведь* в значении причинного союза. Например: «Тут посмейся, там отзовись с... уважением про добродетельных и нравственных, и готов фельетон. *Ведь* мысли теперь продаются совершенно готовые на лотках, как калачи» (Достоевский, «Дневник писателя»).

Как музыке идти! *Ведь* вы не так сидите.

(Крылов)

Уж, верно, головы мне не отрубят, *Ведь* я не государственный преступник.

(Пушкин, «Каменный гость»)

Отсутствие модальных ограничений и свобода сочетания логических и эмоциональных значений обеспечивают союзу необычайно широкие воз-

——* «...Пока не было ясного сознания таких логических понятий, как отношение современности, последовательности, причины, условия, уступления, цели, следствия, пояснения и вместе с тем не было также и средств для точного их выражения; до тех пор предложения, стоящие в подобных отношениях между собою, могли выражаться как отдельные (паратактические) предложения, причем формально не выражалось даже различие между главным и второстепенным для мысли предложением» К

** Ср. у Тургенева в «Дворянском гнезде» в речи Михалевича:

—Что такое самонаслаждение, спрашиваю я тебя?

—И оно должно было рухнуть. *Ибо* ты искал опоры там, где ее найти нельзя:

ибо ты

строил свой дом на зыбком песке...

—Говори ясней, без сравнений, *ибо* я тебя не понимаю.

—*Ибо*, пожалуй, смейся, *ибо* нет, нет в тебе веры, нет теплоты сердечной.

возможности синтаксического употребления. Например союз *и*, помимо различных объединительных, соединительных, перечислительных значений, выражает крайне разнообразные значения и оттенки, основанные на принципе субъективно окрашенного, внезапного ассоциативного присоединения. Например, в языке Пушкина:

Не стану есть, не буду слушать... Подумала — *и* стала кушать.

(«Руслан и Людмила»)

Невеста очи опустила,

Как будто сердцем приуныла,

И светел радостный жених.

(Там же)

Там жены по базару ходят, На перекрестки шлют старух, А те мужчин в харемы вводят, *И* спит подкупленный евнух.

(«Стамбул гяуры ныне славят»)

Вольтеру первый друг была, Наказ писала, флоты жгла *И* умерла, садясь на судно...

(«Старушка милая жила»)

Наиболее «субъективные» союзы (как *и*, *а*, *да*, *что*, *чтобы* и др.) развивают в современном языке больше всего смысловых оттенков. Экспрессивные нюансы, связанные с их употреблением, особенно разнообразны. Стилистические возможности выбора и замещения союзов-синонимов здесь особенно широки.

Так, очень богато экспрессивными красками употребление союза *а*.

Союз *а* имеет четыре основных значения со множеством смысловых оттенков.

1. **Противительное значение.** При отсутствии отрицания это значение дает себя знать в противопоставлении по несходству целых предложений или сказуемых. Например: *мужчина, а плачет*; «Они проснулись, *а* мы спать собираемся» (Тургенев); «Пол сама моет и на черном хлебе сидит, *а* неуваженья к себе не допускает» (Достоевский); «Пилюля горька, *а* проглотить ее нужно» (Тургенев) и т. п. Субъективный отпечаток в употреблении союза *а* выступает особенно резко, если сравнить некоторые оттенки его противительного значения с значениями союза *между тем* (*меж тем*). С союзом *между тем* противительное *а* синонимически сближается при противопоставлении одновременных событий или при субъективных подчеркиваниях противоречия должному, ожидаемому. Например: *Он сидел в тюрьме, а годы шли* (ср.: *Он сидел в тюрьме. Между тем годы шли*); «Не надеялся я его застать... *а* застал» (Тургенев, «Клара Милич») и другие подобные.

Противительное значение союза *а* особенно широко и разнообразно проявляется в отрицательных оборотах.

Только при отрицании оказывается возможным противопоставление с помощью союза *а* любых слов: *не в бровь, а прямо в глаз; дорог не квас, а изюминка в квасу*; «Прошло уже не семь, *а* целых двенадцать лет» (Тургенев).

Противительное *а* часто применяется в диалоге — в начале реплик, при возражении, при несовпадении мыслей собеседников. Например, в рассказе Максима Горького «Супруги Орловы»:

— Снова подрались?

— А тебе что? — недружелюбно и задорно говорит Матрена.

— А ничего! — объясняет хохол, и после этого оба они долго молчат.

2. Присоединительное значение. В этом значении различают три основные сферы оттенков:

1) одни смысловые оттенки связаны с выражением резкого, неожиданного перехода от одной мысли к другой. Союзом *а* передаются разные оттенки присоединений по ассоциации. Например: «Встала перед глазами изба голодная, *а* в избе голодной мать хвораая лежит» (Неверов); «Очень рад вас видеть, мой друг, — сказал я весело, встречая его. — *А* вы все полнеете» (Чехов). Ср. в начале реплики: «*А* преинтересная, как вижу, жизнь в чужих краях» (Гоголь, «Женитьба»). К. С. Аксаков так писал об этих оттенках в употреблении союза *а*: «...*а* в устном вещании выражает именно: добавление, речение как бы неожиданное, нечаянное, вдруг пришедшее в голову, которое и соответствует характеру разговорной речи...»¹⁵;

2) другая сфера оттенков присоединительного *а* связана со случаями при соединении ограничительных или пояснительных замечаний. Здесь *а* сближается по значению с эмоциональным союзом *ле*. Ср.: «С тех пор, как он поселился здесь (*а* этому уже будет лет десять), он ни разу не выезжал из города»;

3) наконец, иные оттенки присоединительного значения *а* выступают в модально окрашенных высказываниях, когда союз *а* выражает неизбежность присоединительного вывода или следствия (ср.: *а потому*; *а стало быть*; *а следовательно* и т. п.). Ср.: *Было бы корыто, а свиньи будут*.

3. Противительно-перечислительное значение.

Это значение союза *а* обнаруживается как в последовательном изложении — при присоединении одного предмета к другому, так и в вопросительном перечислении. Например: *А где же другие товарищи? А Данилов? А Сапфиров? А Трубицын?* Три замышлены в Вильне похода: Паз идет на поляков, *а* Ольгерд — на пруссаков, *А* на русских — Кестут-воевода. (Пушкин)

4. Присоединительно-усилительное значение.

Это значение свойственно преимущественно диалогической речи и обычно наблюдается в начале реплики, присоединяющей новую мысль или дополняющей и развивающей ту, которая вызвала у собеседников вопросы и недоумения.

Например: «*А* дура-то врет, врет, да и правду соврет,—сказала старшая сестра хозяина» (Пушкин, «Арап Петра Великого»).

Союз *но*, в отличие от союза *а*, имеет строго очерченный, логически измеренный круг употребления. Этот союз обозначает резкое, энергичное, логически взвешенное противопоставление или возражение. У него, в сущности, одно основное значение.

В связи с этой грамматической определенностью значений союза *но* стоит его субстантивированное употребление: *есть одно «но»*; *маленькое «но»*; *не возражайте: я знаю не хочу никаких «но»*; «Всегда ждут нас, где мы не думаем, разные скверные «но» (Лесков). Все оттенки употребления этого союза, сводящиеся к выражению разных видов противопоставления или исключения, разных мотивов и степеней возражения или уступления, не выходит за пределы его основного противительного значения. Например: «Я лежала как будто в забытьи, *но* сон не смыкал моих глаз» (Достоевский); «Дико и странно может показаться все это, *но* я пишу одну правду» (Гаршин); «Его имя **Вер**-нер, *но* он русский» (Лермонтов); Полюбите вы снова: *но*... Учитесь властвовать собою. (Пушкин)

«Он не уступал ничего из своих убеждений, *но* никогда никакой злобы, никакой ненависти не было в его выражениях» (Достоевский); «Лучков неловок и груб,— с трудом выговорил Кистер: — *но*... — Что «*но*»? Как вам не стыдно говорить «*но*»? Он груб и неловок, и зол, и самолюбив... Слышите: *и*, а не *но*» (Тургенев, «Бретер»).

При ослаблении резкости противопоставления *но* несколько сближается с союзом *а* (*а между тем; а все-таки*). Однако в союзе *а* гораздо ярче выступает субъективная окраска.

Субъективная окраска союза связана с резкими экспрессивными колебаниями его значений. Круг значений и оттенков такого союза очень пестр и даже противоречив. Например, союз *да* совмещает (как и союз *а*) разнообразные оттенки соединительного и усилительно-присоединительного значений с разновидностями значения противительного. К противительному значению союза *да* примыкает его употребление в функции усилительной частицы с оттенком противопоставления. Вот несколько примеров присоединительного употребления *да*:

И что их [князей] труд? Травить лисиц и зайцев, *Да* пировать, *да* обижать соседей,
Да подговаривать вас, бедных дур.
(Пушкин, «Русалка»)

Гремят тарелки и приборы, *Да* рюмок раздается звон.
(Пушкин)

Мое желание — покой
Да шей горшок, *да* сам большой.
(Пушкин)

«Я там чуть не умер с голода, *да* еще вдобавок меня хотели утопить» (Лермонтов, «Тамань»);
Мой Мишка на часах, *Да* он и не без дела.
(Крылов)

Соединительное *да* видно в таком сочетании: «Эй, Дуня! — закричал смотритель: — Поставь самовар *да* сходи за сливками» (Пушкин, «Станционный смотритель»).

А вот — иллюстрации к употреблению *да* в качестве усилительной частицы:

— Вы сколько пользы принесли? — Скажи, которая Татьяна?
— *Да* наши предки Рим спасли. — *Да* та, которая грустна...
(Крылов) (Пушкин)

Различия в значениях союза могут зависеть от употребления его в предложениях разной модальной окраски. Особенности модальных типов речи накладывают резкий отпечаток на значения союза. Так, союз *или* употребляется в повествовательных и в вопросительных высказываниях. Резкая экспрессивная граница между его значениями проходит именно по линии размежевания повествовательных и аффективно-вопросительных предложений. Например: «Виноват ли был учитель *или* виновата была ученица, но каждый день повторялось одно и то же» (Толстой, «Война и мир»); «На втором стакане сделался

он разговорчив; вспомнил *или* показал вид, будто бы вспомнил меня»
(Пушкин);

Или с девой молодой
Пойман был ты у
забора, И, приняв тебя
за вора, Сторож
гнал за тобой?

Иль смущен ты
привиденьем, *Иль* за
тяжкие грехи, Мучась
диким вдохновеньем,
Сочиняешь ты стихи?

(Пушкин)

Все значения союза *или*, кроме вопросительного, находятся в ближайшей смысловой связи. В самом деле, разделительное, разделительно-перечислительное, пояснительное (например, в фразе: «инфинитив, или неопределенная форма глагола») и присоединительно-заключительное (например: *на дне рек, озер или морей*) значения этого союза одинаково опираются на признак разделительного или объединительного сопоставления мыслей, исключаящих или заменяющих друг друга.

В употреблении простых, неделимых союзов обращает на себя внимание бедность и примитивность отвлеченных логических отношений, непосредственно выражаемых ими, при богатстве и разнообразии значений переносных, экспрессивных. История русского литературного языка показывает, что процессы экспрессивного осложнения простых союзов усиливаются во второй половине XVIII в. Они достигают высшего напряжения в творчестве Карамзина, Батюшкова, Жуковского и особенно Пушкина¹⁶.

§ 3. Производные и составные союзы

Простым, первообразным союзам противопоставляются производные. Однако граница между теми и другими в современном русском языке не всегда проведена достаточно четко и резко. Некоторые союзы — в силу полной или частичной омонимии с формами местоимений, а также местоименных наречий и частиц — сохраняют оттенок производности (например: *как, чем, пока* и т. п.). Кроме того, многие составные союзы, особенно те, которые включают в себя союз *что*, разлагаются на части. Они могут быть фразеологическими единствами на расстоянии (например: *Я потому не пришел к тебе, что был болен*). В силу этого приходится объединять с производными союзами и некоторые простые, выступающие в качестве эквивалентов составных и производных союзов.

Среди производных союзов современного русского языка выделяются семь основных морфологических разрядов, включая сюда и гибридные типы союзных слов.

1. Разряд союзов *относительного* типа, т. е. союзов, генетически связанных с относительными местоимениями или включающих в себя формы относительных местоимений. Этот разряд очень сложен по своему морфологическому составу. В него входят и простые союзы, омонимичные с формами относительных местоимений или родственные по корню с относительными местоимениями. Сюда же относятся целые фразеологические единства, состоящие из предлога с указательным местоимением и относительного слова, или из предлога, имени существительного, указательного местоимения и относительного союза, или из наречия и относительного слова. В основе всех союзов этого разряда лежат местоименные (или отместоименные) слова и формы *что* (= *ить*), *чем, как, когда* и приставочное *пока* (просторечное *пока-мест*, областное *покуда*). В зависимости от значений этих опорных союзов находится и круг грамматических отношений, выражаемых сложными союзами этого разряда. Это главным образом временные, причинные, сравнительные,

следственные, отчасти целевые отношения. Например, причинные: *потому что, в силу того что, вследствие того что, оттого что*, устар. *затем что*:

Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру, и орлу,
И сердцу девы нет закона.

(Пушкин)

И снова я с людьми,— *затем, что* я поэт. (Брюсов)

для того что и др.; следственные: *так что, до того что* («И до того мне стало вдруг стыдно, *что* буквально слезы потекли по щекам моим» — Достоевский); ср. уступительные: *несмотря на то что, не взирая на то что*. Особую группу составляют сравнительный союз *чем* («*Чем* на мост нам идти, поищем лучше броду» — Крылов) и временной союз *прежде чем*.

Как известно, составные союзы, включающие в себя союз *что* (и *чем*), могут раскалываться таким образом, что первая наречно-указательная часть союза остается в системе управляющего предложения, логически разъясняя значение союза *что*, начинающего зависимое предложение.

Ср.: *Оттого телега запела, что долго дегтю не ела* (пословица);

За то, что я остался одиноким, Что я ни в ком опоры не имел, Что я, друзей теряя с каждым годом, Встречал врагов все больше на пути,— За каплю крови, общую с народом, Прости меня, о родина, прости.

(Некрасов)

В самом простом союзе *что* до сих пор еще совмещаются значения: изъяснительные, количественные, следственные, сравнительные, причинные (в разговорной речи) и временные: «Я глуп, *что* осердился» (Пушкин, «Дон Жуан»).

Ср. у Крылова в басне «Лжец»: «Чуден и мост... *что* он лжеца никак не подымает!»*

Борис еще поморщится немного, *Что* пьяница пред чаркою вина.

(Пушкин, «Борис Годунов»)

«Печи, *что* твои слоны» (Тургенев); «Девица плачет, *что* роса падает» (Пушкин);

Что миг — свободней дышит грудь: *Что* шаг — торжественнее путь.

(Майков)

Ср. устарелое и областное *что* во временном значении (=лишь только) у Грибоедова в языке Лизы: «Что встанет — доложу-с» («Горе от ума»).

В составных союзах, сложившихся на основе союза *что*, круг значений сократился по сравнению с старинным логически нерасчлененным употреблением. Он ограничивается причинными, следственными, сравнительными и количественными отношениями, но зато эти значения выступают в логически расчлененном, дифференцированном виде, с разнообразными оттенками.

—* Ср. замечание Л. Поливанова: «У старых поэтов и в языке разговорном также союзом причинным (служит) *что*: «Блажен, блажен еще стократно, что страсти мог свои умерить»

(Д.)¹⁷—

Выражение причинных отношений в русском языке складывается отчасти на основе переосмысления временных отношений, например: *затем что* (ср. объединение временных, причинных и целевых значений в наречии *затем*); *потому что* (т. е. *post hoc ergo propter hoc*), отчасти на основе отношений сходства и сравнения (например: союз *так как*)*.

А. А. Потебня заметил: «Понятие причины производно. Первое — сочетание образов по сходству или противоположности, по соприкосновенности или близости в пространстве и последовательности во времени (= одновременность = последовательность). Затем то, что в сочетании есть объясняющее (сказуемое), может стать причиной объясняемого, будет ли оно сходно или противно, одномоментно или одновременно»¹⁹.

Не менее широка и разнообразна группа союзов, сложившаяся на основе местоименной частицы *как*. Известно, что *как* совмещает в себе временные значения («Только усмехаюсь, как слышу бурю» — Некрасов, «Буря»), сравнительные («Как невозвратная струя, блеснит, бежит и исчезает, так жизнь и юность убегает» — Пушкин), условные («Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилить» — Гоголь; «И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,— такая пустая и глупая шутка» — Лермонтов, «И скучно и грустно»).

С оттенком устарелого канцелярского стиля *как* (обычно в сочетании с предшествующими *и, а, но*) употреблялось в языке XIX в. и в причинном значении («И как уголок их был почти непроезжий, то неоткуда было почерпать известия о том, что делается на белом свете» — Гончаров). Ср. *как не* в вопросительном предложении (в значении: если не, кроме): «Что ж и составляет величие человека, как не мысль?» (Пушкин, «Путешествие из Москвы в Петербург»); «Кто же, как не автор, должен сказать святую правду?» (Гоголь, «Мертвые души»).

В группе составных союзов, сложившихся на основе союза *как*, круг общих значений остался почти тот же. Но соответствующие категории грамматических отношений в них выступают в логически расчлененном, семантически дифференцированном виде — с тонкими смысловыми оттенками.

Из составных союзов, включающих в себя *как*, следует отметить союзы: временные: *как только, между тем как, тогда как, в то время как, с тех пор как*; количественные: *по мере того как*; сравнительные: *подобно тому как*; причинные — *так как*.

Союз *так как* стал идиоматическим сращением не раньше конца XVIII в. (ср. у Крылова в пьесе «Урок дочкам»). Это сращение образовалось из слияния двух местоименных наречий: *так, как* — в официально-деловом языке и в близких к нему стилях повествовательной прозы. Причинное значение развилось из сравнительного. Этот союз получил окончательную литературную санкцию не ранее 40—50-х годов XIX в.**

* Ср. фр. *que*, нем. *dass*, англ. *that*, ср. также в романских языках *apris que, pour que, afin que; depoche, fmoche, perche* и т. д.; в нем. *au/dass, ohne dass, nachdem, seitdem, damit* и т. д. Ср. замечания Фосслера К. о старофранцузском *que* в «Frankreichskultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung» (Heidelberg, 1921, S. 62)⁸.

** Ср. замечание Л. Поливанова: «Союз *так как* (удобство которого в том, что сопровождаемое им придаточное предложение может стоять и перед главным) весьма редко употребляется образцовыми писателями, как неблагозвучный. Вместо него (всегда после другого союза) они обыкновенно ставят *как*: «...а как сам Сократ ничего не писал, то... мы должны полагаться на Ксенофонта и Платона» (К); «Жаловались на то, что немцы живут в их приходах... но как государь уважал иностранцев, то сии жалобы не имели успеха» (К); «Петр Великий запретил коленопреклонение, а как народ того не слушал, то Петр Великий запретил уже сие под жестоким наказанием» (П.); «Таких... пыжей можно положить в один карман более сотни, но как у многих деревенских охотников нет... материала для вырубki пыжей, то они употребляют...» (С. А.) (Русский синтаксис).

В языке Пушкина союз *так как* в причинном значении иронически употреблен лишь однажды в «Евгении Онегине»:

Сначала все к нему езжали;
Но *так как* с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышат их домашни дроги,
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с ним.

Ср. в «Записках» Д. Н. Свербеева (М., 1899, т. 1, с. 77): «Поелику этим вышедшим из употребления, но благозвучным и более логичным словом заменяю ненавистное мне союз или наречие *так как*».

Небольшую замкнутую группу среди союзов относительного типа образуют временные союзы *пока, покамест*, *облает, покуда* (ср. *покудова*), *когда*.

От временных союзов легко переход к условным. Временные отношения по характеру выражения частично совпадают в русском языке с условными (ср. совмещение временных значений с условными в союзе *когда*: «Все это было бы смешно, *когда* бы не было так грустно» — Лермонтов). Поэтому значительная часть временных союзов относится к другому разряду (к разряду союзов с модальной окраской).

Легко заметить, что основные значения союзов относительного типа: временные, причинные, сравнительные, следственные, в русском языке образуют родственную, семантически связанную систему грамматических отношений. Причинные значения легко возникают из временных, следовательно, временные значения смежны с причинными. Сравнительные значения также находятся в близком родстве с причинными и временными (ср. историю значений союза *как*). Значения причины и следствия настолько близки, что некоторые грамматисты находили возможным рассматривать их как оттенки одного значения. Так, проф. В. А. Богородицкий в своем общем курсе русской грамматики сливает их в один тип, служащий для выражения причины и следствия.

2. К союзам относительного типа тесно прилежит г и б р и д н ы й разряд относительных союзных слов (*который, какой, чей, кто, что, где, куда, откуда, когда, зачем, почему, отчего, сколько, насколько, по скольку* и т. д.), которые, спаивая одно предложение с другим, в то же время не теряют характерных признаков имен прилагательных, местоимений и наречий. Слова этого типа совмещают в своей структуре и в своем употреблении грамматические функции и формы частей речи и частиц речи.

3. В тесной связи с союзами относительного типа находится р а з р я д союзов с модальной окраской гипотетичности, ирреальности, включающих в себя частицу *бы*. Некоторые из союзов этого разряда представляют собой сращение частицы *бы* с относительными союзами или с фразеологическими единствами, образованными из предлога, указательного местоимения и относительного союза. Таковы: *чтобы, так чтобы, вместо того чтобы*, просторечное *кабы, как бы, когда бы, как будто бы* и т. п. Сюда же примыкают и фразеологические единства и сращения, представляющие собой сочетание частицы *бы* с союзами условными или уступительными, например: *если бы, добро бы, ежели бы, хотя бы* и т. п., ср. также *будто бы*. Например: «Для того, *чтобы* они поняли нашу правду скорей, мы должны идти вперед» (Горький).

В пределах этого разряда умещаются союзы целевые, следственно-целевые, ирреально-изъяснительные, ирреально-сравнительные и условные. Они

все объединяются общим значением гипотетической, или ирреальной, модальности.

4. Союзы с модальной окраской условности, составленные из модальных частиц и наречий. Среди этих союзов выделяются в особую группу условные союзы, оканчивающиеся на *-ли*: *если, ежели* (ср. устар. *нежели*), *коли (коль)*. Они объединяются наличием в их составе модальной частицы *-ли*.

5. Далее обособляется разряд условно-временных союзов, совпадающих с модально-ограничительными частицами: *едва, едва только, лишь, чуть, чуть лишь, лишь только, только* (ср. *только что*) и другие. И *только* небо засветилось, Все шумно вдруг зашевелилось. (Лермонтов)

Таким образом, в этой группе оказываются условные и временные союзы (при этом временные — с особым оттенком близкого, почти мгновенного, иногда внезапного следования одного факта за другим).

6. Немногочисленная группа союзов-частиц отчасти союзов-наречий, своеобразной модальной окраски, означающих уступку, допущение и усиление: *пусть, пускай, устарелое пожалуй, правда, просторечное даром что, благо* и некоторые другие. Например: «Начальство имеет тонкие виды: *даром что* далеко, а оно себе мотает на ус» (Гоголь, «Ревизор»); «Он весь был ясно виден, *даром что* ехал в тени» (Тургенев); «Меня жгло как огнем от ее присутствия... Но к чему мне было знать, что это был за огонь, на котором я горел и таял, — *благо* мне было сладко таять и гореть» (Тургенев, «Первая любовь»).

7. За пределами этих шести разрядов остается пестрая масса гибридных слов, в которых союзные функции являются как бы придатками к их основной грамматической роли наречий, модальных слов или присоединительных частиц. Этими союзными словами выражаются иные и притом очень разнообразные оттенки логико-синтаксических отношений между отрезками речи. Значительных и вполне определенных типов с окончательно оформившимся грамматическим содержанием в этой сфере пока еще не выработалось. Поэтому достаточно указать на союзное употребление таких слов, как *вот* («Садись чай пить, *вот* и разговор весь» — Л. Толстой), *так, тогда* (ср. *если — тогда, потом, значит* и т. п.).

§ 4. Общие семантические особенности производных союзов в русском языке

Бросаются в глаза две общие особенности русских производных союзов. Большая часть производных союзов еще не достигла той степени абстрактного значения, которая резко отделяла бы их от системы знаменательных частей речи. Генетическая связь многих из этих союзов с именами существительными (*в силу того что, до тех пор пока, с тех пор как, в то время как, по мере того как, правда* и др.) с местоименными словами и особенно с наречиями (*даром что, затем что, пока, покамест, прежде чем* и т. д.) непосредственно очевидна.

В оформлении составных союзов, преимущественно тех, что восходят к относительным словам, играют большую роль предложные сочетания (ср.: *вследствие того что, ввиду того что, подобно тому как, с тем чтобы, для того чтобы, от того чтобы* и т. п.).

Взаимодействие союзов с другими типами частиц речи, например с модальными частицами, прямое и непосредственное.

Таким образом, в большей части производных союзов русского языка сохраняются живые связи с другими грамматическими категориями. Многие из этих союзов являются конкретными фразеологическими единствами. В них смысловая «идиоматичность», неразложимость союзного предложения, еще не вполне установилась. Это — фразеологические единства, в которых еще ощутимы отдельные компоненты. Отсюда характерная особенность некоторых составных союзов — распадаться на части таким образом, что указательные компоненты, отделяясь от союзов *как* или *что*, входят в строй определяемого предложения как обстоятельственные наречия. Поэтому-то А. А. Шахматов даже думал, что все вообще союзы русского языка восходят к наречиям, утратившим часть своего реального значения. «Наречия, как и местоимения в относительной функции, могут иметь служебную роль: *когда temporale* остается наречием, но *когда conditionalе* — уже союз (*когда так, я бросаю работу*); *лишь* в значении «только» — наречие: (*еще лишь слово!*), но в *лишь только, лишь бы* — это союз; в *он так же богат, как* — *так* и *как* — наречия, но в *отец, а также мать* — это союз; *будто* в вопросе — наречие, а в фразе: *Говорят, будто его здесь нет*, — это союз»²⁰.

В русском языке наблюдается тесная связь и взаимодействие между союзами и модальными словами и частицами. Ср., например, употребление в роли союзов таких модальных слов, как *пусть, пускай, благо, (бери, благо дают), едва, лишь, чуть, словно* и т. п. А. А. Потебня не раз отмечал переход модальных слов в союзы. Например, указывая на то, что в областных русских говорах *иногда, иногда (инолды, иновды)* употребляется в функции условного союза (*если*), А. А. Потебня этот переход ставил в связь с употреблением этого наречия в роли модального слова. Значение «если» в *иногда* возникло из модальных значений: может быть, вероятно, возможно. «Переход от «иной раз», «порою» к значению «может быть», «вероятно», «возможно» встречается и в других случаях; неопределенность времени совершения события служит представлением только возможности (а не действительности), сомнительности события: так, в польском *czasem = порою, иногда*, а затем и *быть может*, в украинском *часом* — как усиление *може*: «може часом нема, так я дам»²¹.

Не подлежит сомнению, что это развитие модальных союзов в истории русского языка стало протекать особенно напряженно в связи с разрушением стародавней славянской системы видов, времен и наклонений. Функции глагольных наклонений восполнялись и осложнялись модальными частицами. Связанная с этими явлениями утрата большей части форм «вспомогательного глагола» *быть* имела громадное влияние на историю модальных союзов. А. А. Потебня с полной убедительностью раскрыл процесс исторического распада составных форм будущего времени из *буду* и причастия на *-л* на условный союз *буде*, «ставший сначала модальным знаменателем изъявительного глагола», указателем его наклонения, и форму глагола на *-л* (ср.: «Буде бы ты не дурил, дураком бы не слыл»). С историей *быть* связана этимология модального союза *будто* (ср. областное *быдто*). Можно вспомнить также и огромную роль отглагольной частицы *бы* в образовании модальных союзов. Сюда же относится и история союза *если*. «Наше *если* выражает условность, подвергая сомнению существование события, принимаемого за условие: оно — из вопросительного *есть ли?*»²²

Потебня наметил вехи и того пути, каким пришли к роли модальных частиц и союзов некоторые указательно-местоименные слова. Так, по его мнению, из непосредственного местоименного указания на будущее событие (*во-се, а-во-се* — только что, недавно) произошло *авось* (из *а-во-се*) как «знак вероятности»²³. Сходным образом развивались условные и временные значения в *только*²⁴. Первоначально в *только* заключалось указание на недавнее

или наличное, которое принимается за основание другого события. А отсюда затем возникает значение условия и значение обусловленности во временной последовательности.

Это тесное взаимодействие между русскими союзами и модальными словами, по-видимому, глубоко почувствовал А. А. Шахматов. Во всяком случае, знаменательно, что в своих набросках о союзе он включает в систему союзов все модальные частицы. «Союзы — это такие слова, как: *ведь*, означающие причину; *же* — противоположение; *мол* — передачу собственных слов говорящего, сказанных им раньше; *гыт* — передачу слов третьего лица; *с* означает почтительность и вежливость; *бишь* — оговорку при припоминании».

«Союзами являются и *видите ли, так сказать* и тому подобные выражения, означающие переход от одной мысли к другой или просто средства возбудить внимание собеседника»²⁵. Характерны также такие намечаемые Шахматовым группы союзов: «Союзы, обнаруживающие волю, настроения говорящего в пределах предложения (*ли, же, ведь*). Союзы, обнаруживающие ту или иную цель говорящего (*гыт, мол, с*). Союз *бы* при глагольных формах»²⁶.

Модальные значения и оттенки русских союзов совершенно не изучены. Между тем этот вопрос крайне важен для выяснения природы тех грамматических отношений, которые устанавливаются союзами между синтаксическими единицами, между предложениями. На различиях в модальности высказывания основано различие типов предложения. Различия в модальных значениях союзов играют большую роль в дифференциации разных типов сцепления предложений, разных видов зависимости между ними.

Таким образом, система союзов отражает сложный и смешанный строй современного русского языка.

Количество первообразных, непроектируемых союзов невелико, но их значения крайне разнообразны и широки. Местоименные союзы, влившиеся в сферу первообразных союзов, гораздо более связаны с составными союзами, а также с наречиями и частицами. Количество производных союзов велико, и морфологические разряды их очень разнообразны.

В значительной своей части эти союзы конкретны. Они связаны с другими грамматическими категориями. Многие из союзов выступают и в роли других частей речи. Как и в области предлогов, в кругу союзов особенно интенсивно развивается тип устойчивых составных выражений, фразеологических единств. Очень многие союзы осложнены модальными значениями. В системе русских союзов диалектически совмещается обилие пластических конкретных слов и выражений, выполняющих функции союзов и идущих из живой речи, и богатство отвлеченно-аналитических союзов-частиц и союзных речений, выражающих разные виды логической связи между предложениями в книжном языке.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «СОЮЗЫ»

1. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 398 [443].
2. Ср. сопоставление предлогов и союзов: *Noreen A.* Einführung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache. Halle, 1923, S. 313-314.
3. О семантических соответствиях между кругами отношений, выражаемых предлогами и союзами, см. также: *Sechehaye A.* Essai sur la structure logique de la phrase. P., 1926, p. 205-210.
4. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. Спб., 1912, с. 274.
5. Ср.: *Sechehaye A.* Essai sur la structure logique de la phrase, p. 205-206.
6. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1927, вып. 2, с. 98 [505].

7. Ср., например: *Петerson М. Н.* Очерк синтаксиса русского языка. М., 1923, гл. 3: Паратакис и гипотакис, с. 28 — 33.
8. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 411 [464].
9. Ср.: *Sechehnuе А.* Essai sur la structure logique de la phrase, p. 181 — 184.

10. См.: *Каринский Н. М.* Из наблюдений над языком современной деревни— Литературный критик, 1935, № 5.
11. Ср.: *Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945, ч. 1, с. 137; *Павловский В.* Существуют ли в русском синтаксисе при дачные уступительные предложения? — Филологические записки, 1941, вып. I.
12. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 431 —432 [485-486].
13. Там же, с. 429 [483].
14. *Попов А. В.* Синтаксические исследования. Воронеж, 1881, с. 82.
15. *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева,— Поли. собр. соч. М., 1875, т. 2, ч. 1: Сочинения филологические, с. 638.
16. См.: *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941.
17. *Поливанов Л. И.* Русский синтаксис. М., 1886.
18. Ср.: *Жирмунский В.* Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936, с. 86-89.

19. *ПотеГтя А. А.* Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, с. 494.
20. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 99 [506].
21. *Нотеvн.ч А. А.* Из записок по русской грамматике. М.- Л., 1941, т. 4, с. 222.
22. Там же, вып. 1-2, с. 291-296 [293].
23. См. там же, с. 297 [294].
24. См. там же, с. 299 [294-295].
25. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 99 [506].
26. Там же.

Модальные слова и частицы. Их разряды

§ 1. Модальные слова как особый грамматический гип

Грамматические отношения могут быть двоякого рода: либо объективно-синтаксические отношения между словами в словосочетании, в предложении, либо отношения всего высказывания или предложения к реальности, называемые субъективно-объективными, или модальными. В кругу модальных отношений обыкновенно рассматривают отрицание и утверждение, всякого рода наклонения, разнообразные субъективные оттенки значений, облекающие формы времени, и т. п.

Модальные отношения выражаются не только грамматическими формами глагола или особыми формальными показателями. Они могут выражаться также своеобразным «вводным» использованием как форм разных частей речи, так и целых синтагм или даже предложений. Но в русском языке для выражения категории синтаксической модальности существует и отдельный лексико-семантический разряд слов. Понятно, что многие слова и даже вводные словосочетания и «предложения», обозначающие отношение предложения или частей его к реальности, могут превратиться в частицы и грамматизироваться, т. е. они становятся простыми грамматическими выразителями модальности предложения, лишенными лексической самостоятельности и раздельности.

Модальные слова в живом процессе речи не примыкают к одним и тем же членам предложения и не служат определением или распространением слов какого-нибудь одного или нескольких грамматических классов. Они стояч вне связи с какими-нибудь определенными частями речи. Они выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов. Иногда они выступают в роли стилистического ключа, открывающего модальность предложения. Иногда они оправдывают, мотивируют выбор или употребление отдельных слов, подчеркивая их экспрессию. Во всех этих случаях модальные слова лежат как бы в иной грамматической плоскости по сравнению со всеми другими элементами высказывания, хотя нередко и приближаются к частицам речи (частицам). По мнению грамматистов, они находятся «вне предложения», лишь «примыкая» к нему (Овсянко-Куликовский). Не вступая в связь с другими словами, «они не являются членами предложения, хотя бы даже служебными» (Пешковский). Они нередко выделяются и интонационно. Модальные слова и частицы определяют точку зрения говорящего субъекта на отношение речи к действительности или на выбор и функции отдельных выражений в составе речи. Выражая оценку высказываемой мысли или способа ее выражения, они граничат одной своей стороной с «частицами речи», с реляционными словами, но резко отличаются от основных

разрядов или классов их (предлогов и союзов) своими синтаксическими функциями. Так как этот класс слов (и примыкающих к ним частиц) в русском языке стремительно возрастает (особенно в XVIII — XX вв.), включая в себя и устойчивые фразеологические единства и сочетания, то и морфологические типы слов и фразеологических единиц, в него входящих или к нему тяготеющих, очень разнообразны и разнородны*.

§ 2. Вопрос о модальных словах в грамматической традиции.

Указания на связь модальных слов с категорией наречия и на близость их значений к функциям глагольного наклонения

Своеобразное положение модальных слов в ряду других грамматических категорий отмечалось в руководствах по русскому языку с начала XIX в. Но четкой грамматической характеристики этого типа слов там найти невозможно. Модальные слова долго не выделялись как самостоятельная категория. Они смешивались с наречиями. Это естественно. Недаром в славяно-русских грамматиках до конца XVII в. даже междометия включались в класс наречий. Категория наречий исстари являлась свалочным местом для всех так называемых «неизменяемых» слов. Однако для отнесения модальных слов к наречиям были и другие, более близкие исторические причины: многие модальные слова образовались из наречий. Грамматическое своеобразие модальных слов давно бросалось в глаза. Но скованные теорией античной грамматики, русские лингвисты XIX в. рассматривали их в составе наречий как особый разряд. Так, Востоков называет модальные слова наречиями, «определяющими подлинность действия и состояния». Смешивая их с наречиями и частицами, он различает пять групп «наречий» с модальными оттенками.

I. Вопросительные: *разве, неужели, ужели*.

II. Утвердительные: *подлинно, истинно, в самом деле, действительно* и пр.

III. Предположительные: *авось, может быть, никак, едва ли, чуть ли, вряд ли* и пр.

IV. Отрицательные: *не, ни*.

V. Ограничительные: *только, единственно, лишь*².

Н. И. Греч также выделил в особый разряд «наречия, определяющие свойство и образ бытия, существования предмета, а именно:

а) с утверждением: *подлинно, истинно, неоспоримо, точно, непременно*;

б) с показанием возможности: *может быть, авось, вероятно, чуть ли, едва ли, вряд ли* и пр.;

в) с отрицанием: *не, отнюдь не, никак, нимало*;

г) с выражением вопроса: *разве, неужели*³.

В последующих грамматических описаниях русского языка модальные оттенки этих слов и частиц очерчиваются еще ярче. В центре внимания оказывается вопрос отношения их к другим формам выражения модальности суждения в русском языке. Так, отмечается тесная связь «вводных слов» с категорией наклонения (т. е. категорией глагольной модальности). Например, в «Опыте общесравнительной грамматики» И. И. Давыдова читаем: «Кроме наклонений, к тому же служат некоторые наречия, придаваемые сказуемому для действительности: *точно, подлинно, действительно*; для возможности: *может быть, ведь, авось, едва ли, вероятно*; для необходимости: *непременно, должно быть, знать, видно, стало быть*»*.

Русская грамматическая наука постепенно приходит к сознанию необходимости рассматривать модальные слова как особую категорию. Синтаксико-генетическая точка зрения на эту категорию, выдвинутая Потебней (ср. хотя бы его анализ слова *знать* во втором томе «Из записок по русской грамматике»), оказала решающее влия-

_____ * Неясен смысл такого замечания проф. Д. В. Бурбиха о модальных словах: «Это — слова, развивающиеся в обстановке синтаксической изоляции, теряющие всякую морфологию (не говоря о рудиментах) и качественно «обесцвечивающиеся». Принято приспособлять к этим словам термин «модальные слова». Но этот термин, сам по себе не слишком удачный (его связь с латинским *modus* оказывается слишком «вольной»), имеет то отрицательное свойство, что используется применительно к словам только вводного типа. Между тем синтаксическая изоляция существует не только на основе вводности, как это ясно хотя бы из «да», «нет». Лучше было бы называть рассматриваемые слова прямо грамматически бескачественными словами»¹.

ние на современное грамматическое учение об этих словах. Потенция доказывал происхождение модальных слов из вводных предложений и подчеркивал их независимое положение среди других членов предложения. Самое название модальных слов «вводными» только внешне обозначало их место в связной речи, но не определяло их внутренней грамматической природы в современном языке. Впрочем, отголоски старого смешения модальных слов с наречиями очень заметны в «Общем курсе русской грамматики» В. А. Богородицкого и в «Синтаксисе русского языка» акад. А. А. Шахматова. Проф. В. А. Богородицкий целиком сливает вводные слова с категорией наречия. А. А. Шахматов во втором (необработанном) выпуске своего «Синтаксиса», излагающем теорию частей речи, распределял модальные слова без всякой снисмы по разным грамматическим категориям, руководствуясь внешними и разнородными признаками. Большая часть модальных слов им присоединяется к наречиям и — что не совсем обычно — к союзам.

В категорию наречия Шахматов зачисляет такие слова, как *небось, мол, знать* и т. п.⁵ Однако некоторые из тех же модальных слов попадают и в союзы. Так, Шахматов называет союзами «*видите ли, так сказать*» и тому подобные выражения, означающие переход от одной мысли к другой или просто средства возбудить внимание собеседника»⁶. Кроме того, вскользь А. А. Шахматовым отмечается разряд «союзов, обнаруживающих ту или иную мысль, ту или иную цель говорящего (*гыт, мол, с*)»⁷. Как и во многих других случаях, А. А. Шахматов и тут находит пути глубокого синтеза разных взглядов.

В первом выпуске «Синтаксиса» он устанавливает взаимодействие между «вводными предложениями» и категорией наречий-обстоятельств. В специальном разряде, посвященном «вводным словам» в составе предложения, А. А. Шахматов пишет: «В значительном числе случаев значение и грамматическую функцию таких слов можно сравнить со значением и функцией обстоятельств, следовательно, наречий, но связь вводных слов со сказуемым (или главным членом предложения) гораздо слабее, чем связь с ним обстоятельств; они представляются устранимыми без нарушения смысла предложения, а формальным их отличием является возможность быть замененными полным предложением. Это обстоятельство стоит в связи с самим происхождением вводных слов. Они являются редуцированными по своему смыслу предложениями»⁸.

А. А. Шахматов тонко описывает синтаксические процессы сближения и смешения модальных слов с наречиями.

Он выделил особую категорию «сопутствующего обстоятельства», которое выражается «наречием: 1) не зависящим от того или другого слова в предложении, но занимающим тем не менее второстепенное место, зависимое от всего предложения в его совокупности; 2) зависящим от отдельного слова». Эту группу наречий А. А. Шахматов тесно связывает с вводными словами^{9*}. И действительно, в большей своей части разряд шахматовских «сопутствующих обстоятельств» состоит из модальных слов.

Например: «А мне, *никак*, опять есть хочется» (Тургенев, «Холостяк»); «Вам теперь есть, *поди*, нечего, а она в колясках разъезжает» (Горбунов, «Смотрины и стговор»); «Делать ей нечего — вот она хвост и треплет... Хвостотрепка! *Право*, хвостотрепка!» (Е. Карпов, «Зарево»); «Он, *видно*, замученный пирушкой или делом, сидел на свернутой постели и дремал» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Чай-то от хозяйки, *что-м!* — спросил он... Она поставила перед ним свой собственный, надтреснутый чайник» (Достоевский, «Преступление и наказание»).

А. А. Шахматов первый указал пути и возможности перехода наречий в модальные слова. Так как модальность предложения, помимо вводных слов, выражается формами поклонения, то А. А. Шахматов стремился точнее определить отношения между вводными словами и формами наклонения. Выделяя особое «недействительное наклонение» (форму прошедшего времени с частицей *было*), А. А. Шахматов отмечает

_____ * Любопытно, что многие исследователи, настаивая на необходимости точного грамматического определения функций и состава наречий, все же находят возможным объединить с наречиями модальные слова, хотя бы под названием «наречий к предложению» или «наречий предложений» (что в общем вполне соответствует понятию «сопутствующего обстоятельства» в концепции Шахматова). См., например, в книге: *Sechehaye A. Essai sur la structure logique de la phrase*. P., 1926, § 4 главы 4 (Le complement intrinseque, p. 61 — 66), § 6 главы 7 (Les complements et adverbess de proposition. — La conjonction).

многое «сопровождение» его модальными словами *чуть, едва* (*Она чуть было не заплакала с досады: Он едва не ударил меня*). «Предположительное наклонение», морфологически обнаруживающееся лишь в употреблении *будет* со значением настоящего времени (*Он Гндси дома; Вы будете такой-то*), чаще всего, по Шахматову, аналитически выражается словами: *кажетс.ч, вероятно, едва ли, чуть ли не, может быть* и к II- в сочетании с формами изъявительного наклонения¹».

После работ Шахматова близкая связь модальных слов с наречиями и частицами, а также тесное взаимодействие их с категорией наклонения стали очевидны для многих. Грамматики учили: «К частицам, обозначающим косвенные наклонения, близки по значению такие частицы, как *будто, словно, дескать, де*, указывающие на отношение говорящего к высказыванию, как к чужому, а также частицы вопросительные: *раге, неужели, ли* и пр.». С этими частицами сопоставлялись слова, «выражающие субъективную оценку, сомнение или уверенность: *авось, будто, вряд ли, именно, как-нибудь, как раз, конечно, наверняка, небось, никак, поди, право, просто, разумеется, словно, так* (не смешивать с союзами *будто, словно, так* и с наречиями определенными: *никак, просто, так*)-». Например: «*Как никак*, а если ехать, то уже пора» (Чехов); «*Никак ты пьян?*» (Горбунов); «*Просто беда моя*» (Горбунов); «*Она просто никто... Человек без прошлого*» (Лесков, «На ножах»).

В предшествующей грамматической традиции отмечены такие черты в строе и составе модальных слов:

1. Тесная связь многих разрядов модальных слов с наречиями. Наречия легко переходят в модальные слова или сближаются с ними по синтаксической функции. Ослабление синтаксической связи между наречием и тем словом, к которому оно примыкает, способствует этому переходу*.

2. Наличие, наряду с модальными словами, большого количества модальных частиц. Граница между модальными словами и частицами оказывается очень подвижной. Многие модальные частицы являются результатом семантического «усыхания», или опустошения, слов. Модальные частицы отличаются от других разрядов частиц тем, что они относятся не к какому-нибудь отдельному слову предложения, а к предложению в целом. Ср., например, частицы *мол, де, дескать* и т. п.

3. Однородность функций модальных слов и частиц с функциями глагольного наклонения. Относясь ко всему предложению и выражая возможность, нереальность, достоверность и т. п., модальные слова и частицы оттеняют значения глагольного наклонения. Чем менее полновесно модальное слово, тем более его лексическое значение растворяется в общем модальном значении высказывания (например: *Я едва ли завтра уеду*).

4. Широкое распространение модальных значений и оттенков в кругу других типов частиц, кроме предлогов. А. А. Шахматовым была высказана, но не развита мысль о глубоком влиянии модальных слов и частиц на союзы.

5. Функциональная близость модальных слов и частиц к вводным предложениям (и вводным синтагмам).

Эту последнюю мысль поддерживал и Шахматов. Идет же она от Потебни. А дальнейшее развитие она получила в синтаксических трудах Д. Н. Овсянникова-Куликовского и А. М. Пешковского.

Так как эта точка зрения заслонила все другие и мешает всестороннему изучению модальных слов, то на ней следует остановиться подробнее.

* Ср., например, употребление слова *действительно* в значении наречия: «Коммунизм именно поэтому *действительно*, единственно и насквозь революционен, что ставит целью своей уничтожение классового общества, классового человека» (Горький, «О пользе грамотности») — и в значении модального слова: «Его что-то, *действительно*, грызло и мучило» (Тургенев).

§ 3. Синтаксическое учение о «вводных словах» как о «редуцированных по смыслу вводных предложениях»

В учении Потебнии вводные слова изображались как вводные предложения или как остатки вводных предложений. Этот же взгляд лег в основу анализа вводных слов в «Синтаксисе русского языка» Д. Н. Овсянико-Куликовского. Естественно, что Д. Н. Овсянико-Куликовский рассматривал «вводные слова» как «часть неоконченного недоговоренного предложения» или «как результат сокращения некогда полного предложения, от которого осталась лишь та или другая часть, иногда превратившаяся в частицу»¹¹. Таковы, *само собой, мол, пожалуй, чай, будто, ведь, дескать* и др. Эти мысли подкреплялись ссылкой на «вводные выражения, еще сохраняющие с большей или меньшей ясностью характер предложения»: *так сказать, стало о'ить, знать, разумеется, говоря правду* и т. п.

Однако Д. Н. Овсянико-Куликовскому пришлось, сверх того, говорить и о «вводных наречиях и о других обстоятельственных выражениях», вроде *словом, одним словом, конечно, по-видимому, следовательно* (если только они не служат для связи предложений как союзы-наречия). Например: «Он начал, по-видимому, утомляться и своей любимой деятельностью» (Гончаров, «Заметки о личности Белинского»). Таким образом, в учении Д. Н. Овсянико-Куликовского о вводных словах появилось противоречие. «Вводные наречия» типа *по-видимому, конечно* и т. п. нельзя связывать с вводными предложениями и нельзя возводить к ним. Овсянико-Куликовский пытался обойти это противоречие терминологически: кроме «вводных слов» он еще допускал «вводные выражения» и «вводные наречия». Но функции всех этих разрядов однородны, и противоречие оставалось неустранимым. Было непонятно, чем «вводные наречия» отличаются от других видов наречия и почему их приходится изучать только в синтаксисе, тогда как другие наречия и частицы рассматривались и в морфологии.

А. М. Пешковский, развивая мысли Д. Н. Овсянико-Куликовского, изображает еще подробнее процессы изменения «предложений, вставленных в середину других предложений, но не соединенных с ними грамматически», и перехода их в вводные слова, а иногда и в частицы. Особенно подчеркиваются Пешковским интонационные своеобразия вводных выражений. «При этом, чем короче такое выражение и чем чаще оно употребляется, тем больше оно теряет свое первоначальное значение (ср., например, *видите ли*, когда нечего видеть, *одним словом*, когда употребляется очень много слов... и т. п.). Если это первоначальное значение совершенно исчезает (часто в связи с соответствующим звуковым усечением), то получается *частичное* слово, и таких слов немало между вводными словами (*конечно... чай, знать, мол, де, дескать* и т. п.). Эти частичные слова отличаются от прочих частичных слов только тем, что соответственно своему происхождению не вступают в связь ни с одним из членов данного предложения и потому не являются членами его, хотя бы даже служебными»¹².

В «Синтаксисе» Пешковского вопрос о генезисе вводных слов, о происхождении их из «вводных предложений» и словосочетаний механически смешивается с вопросом о функциях их в современном русском языке. Анализ современного употребления «вводных», или модальных, слов и частиц у Пешковского поверхностен и односторонен, место их в живой системе русского языка не определено. Современное понимание их часто не имеет ничего общего с их этимологией, с их старым значением и употреблением. Например, *де* не соотносится с древней формой *дѣи* — говори — или *дѣе* — говорит; *дескать* не осознается как скрещение двух синонимов — *дти* и *сказать* или *скажет*; в *мол не* чувствуется ни императива *молвь*, ни прошедшего времени *молвил*; *стало быть* не признается безличной формой прошедшего времени и т. п. В большей части модальных слов и частиц совсем не сохранилось и следа их бывшего употребления в роли предложений. Это признавал и сам А. М. Пешковский. Он замечает по поводу некоторых разрядов вводных слов: «Неверно было бы считать такие одиночные слова и сочетания *предложениями*, хотя бы неполными»¹³.

Таким образом, одностороннее развитие взглядов Потебни сужало круг изучения модальных слов и частиц. Многие из модальных слов, действительно, произошли из вставных предложений. На многих из них еще и теперь лежит отпечаток этого их происхождения. Но многие из модальных слов и частиц возникли и другим путем, например из наречий. Чем бы они раньше ни были, в современном языке они образуют одну грамматическую категорию. Дальнейшее их изучение должно состоять в более

точном и подробном определении их грамматических разрядов и их грамматических функций.

При этом необходимо помнить о морфологической и даже синтаксической границе между классом модальных слов и частиц в собственном смысле и всем тем, что функционально с ним сближается. «Все, что в том или ином виде выступает в предложении с оттенком индивидуальной характеристики высказывания или эмоциональной экспрессии, получает тенденцию ко включению в названную группу слов». И в таком случае при игнорировании грамматического своеобразия разных выражений, несущих модальную функцию, — объем этого класса «разрастается до необычных размеров». «В состав модальных слов попадают самые разнообразнейшие представители речи и притом с самым разнообразным синтаксическим значением и построением». Вполне справедливо замечание акад. И. И. Мещанинова в его книге «Члены предложения и части речи»: «Можно говорить, что вводный член предложения может быть представлен отдельными частями речи, словосочетаниями и т. д., но относить все то, что свойственно члену предложения, в одну лексическую группу «модальных слов» весьма рискованно»¹⁴.

§ 4. Состав лексико-грамматической категории модальности с точки зрения этимологической

Класс модальных слов и частиц в его современном виде представляет собою продукт сложных изменений грамматического строя русского языка. Он очень пестр по своему лексическому составу, по этимологической природе относящихся и тяготеющих к нему словесных элементов.

Ведь и так называемые вводные слова включают в свой состав и фразеологические сочетания, и полновесные слова, и частицы. Кроме того, по общепринятому мнению, к ним примыкают, функционально с ними сближаются разнородные синтаксические конструкции, свободно разлагающиеся на разные части речи. Действительно, в категории модальности сближаются по функциям и объединяются слова и выражения разного строения и разного значения. Отделение модально-определяющих частиц от вводных слов иногда в высшей степени затруднительно.

К некоторым группам модальных частиц меньше всего подходит название «вводных слов» и связанное с ним понятие об интонационно-синтаксической обособленности вводного члена предложения.

1. Модальные частицы

В самом деле, у нас есть богатая и разнообразная серия модальных частиц, которые, вследствие интонационной слитности с словосочетанием (синтагмой), нередко зачисляются грамматикой на склад наречий, а иногда даже союзов. Но от наречий их резко обособляет самый характер выражаемого ими модального отношения. Например, *вряд, вряд ли, прост, навряд, навряд ли* (ср.: «Но зачем он это делал, и сам хорошенько того не знал, да *вряд ли* и хозяева-то ведали» — Писемский, «Тысяча душ»), *едва ли* (*Едва ли вам удастся кончить работу к сроку*), *чуть не, чуть ли не, едва ли не* и т. п. Ср. модальные значения таких частиц, как *да* (*Да, я и забыл: у меня есть к тебе письмо*; «*Да*, были люди в наше время» — Лермонтов), *ведь, все же, не то, и так, и то* и т. п.; ср. модальное употребление частицы *еще* для подчеркивания какого-нибудь признака, факта.

Гораздо менее определены модальные оттенки некоторых выражений, представляющих собой переходный тип между модальными словами, наречиями и усилительно-ограничительными частицами. Например, *просто*: «Ах, как она одевается! Не то чтобы не красиво, не модно, а *просто* жалко» (Че-

хов, «Три сестры»); «Просто беда моя!» (Горбунов, «Самодур»); ср. у Гончарова: «Ни изнеможения, ни вялости, ни мертвого вида,— *просто* смешон» («Слуги старого века»); «Это *просто* были крестьянские ребятишки из соседней деревни, которые стерегли табун» (Тургенев); «Он *не то чтобы* начетчик или грамотей... *не то чтобы* был вроде, так сказать, дворового резонера, он *просто* был характера упрямого» (Достоевский). Ср.: *прямо, ровно* (в значении: как будто, вроде как, кажется), *точно* и т. п.

А. А. Шахматов находил в современном русском языке формы недействительного и предположительного наклонений. Они образуются из сочетания личных форм глагола с модальными частицами¹⁵, выражающими недействительность или предположение (например: *Я едва не упал*). Однако отношение большей части этих модальных частиц к глаголу остается свободным. Оно не связано с утратой ими лексической самостоятельности, с превращением их в агглютинативные морфемы, в «прилепы». По-видимому, к ступени агглютинации еще только приближаются сочетания формы прошедшего времени совершенного вида глагола с частицей *было* для обозначения действия с неосуществленным или аннулированным результатом¹⁶. Например: «Я вздумал *было* приняться, как говорится, за дело» (Тургенев, «Гамлет Щигровского уезда»).

Все это говорит о том, что прежде всего необходимо разобраться в составе модальных частиц с этимологической точки зрения, с точки зрения их происхождения.

1. Одни из модальных частиц относятся ко всему предложению. Относясь к целому предложению, модальные слова или формы разных частей речи, не сущие модальную функцию, легко редуцируются в частицы. Этому способствует и своеобразие их интонационно-мелодической фразировки (ср. *гыт, грит* вместо *говорит*). Конечно, на их переход в частицы больше всего влияет ослабление их лексического значения или изменение их грамматической функции. Особенно резкому преобразованию подвергаются те модальные слова, которые указывают на цитаты из чужой речи, на субъективно окрашенную передачу чужой речи. Ведь чужая речь в передаче другого человека обычно выделяется своеобразиями словаря и синтаксиса*. Поэтому формы и значения вводных глагольных слов, указывающих или указывавших на то, что говорящий воспроизводит чужие слова, при отсутствии задерживающих условий, очень неустойчивы. Часть модальных частиц именно этого типа: разговорное *мол* (из *молви* или *молвил*), просторечное *дескать* (из *де* и *ска зать*), устарелое *де* (из *die* — *говорит*), *грит* или *гыт* {— *говорит*) и др.

2. Другая группа модальных частиц возникла из глагольных форм, выражавших субъективную оценку какой-нибудь мысли, какого-нибудь сообщения или эмоциональное отношение к ним со стороны говорящего, например: *чай* (из *чаю*, т. е. предполагаю, ожидаю), *знать, чуть* (из инфинитива *чути*; ср. *чую*; эта частица сливается с отрицанием и обычно относится не ко всему предложению, а к личному глаголу).

3. Третья группа модальных частиц образовалась из глагольных форм, представляющих собой призыв к собеседнику или обращавших его внимание на что-нибудь в сообщении. Таковы: *вишь, пожалуй, небось* и некоторые другие. Ср. *пусть*, прост.-обл. *пуцай*, укр. *нехай* и т. д.¹⁷

Ср. устар. *чу*, перешедшее в междометие.

По функциям некоторые частицы этого рода сблизились с частицами предшествующей группы.

4. Четвертая группа модальных частиц восходит к формам вспомогатель-

* Ср. работы Фосслера, Балли, Шпитцера, Лерх и других лингвистов о так называемой пережитой, непрямой или несобственно прямой речи.

ного глагола в сочетании их с местоимениями и однородна с современными союзами, например *будто*, ср.: *как бы, будто бы, не то чтобы*.

Легко заметить, что частицы этой группы относятся не только ко всему предложению, но и к отдельным его членам.

5. Пятая группа модальных частиц — наиболее многочисленная — местоименного происхождения и частично однородна с современными союзами и наречиями. Сюда относятся: *авось, что ли, никак, как-то* и т. д.

Слова-частицы этой группы обычно выражают модальные оттенки высказывания в целом.

6. Шестая группа модальных частиц произошла из наречий и однородна отчасти с наречиями, отчасти с союзами. Например: *просто, прямо, словно* (в просторечном значении: как будто, кажется), *точно* и т. п.

Слова-частицы этой группы чаще выражают модальность предиката.

7. Напротив, модальный оттенок предложения в целом выражается переходными частицами союзно-наречного типа вроде: *напротив, наоборот, впрочем* и другие подобные.

8. Восьмая группа модальных частиц однородна с междометиями, например: *ну, нда* и т. п.

9. Девятая группа модальных частиц представляет собою продукт сращения разных сочетаний слов с частицами, например: *может быть* (ср. *может*), *то-то и есть, и есть*. Выражение *и есть* имеет явные грамматические признаки модальной частицы.

— Ну, поворачивайся, толстобородый! — обратился Базаров к ямщику.

— Слышь, Митюха, — подхватил другой тут же стоявший ящик с руками, засунутыми в задние прорехи тулупа: — барин-то тебя как прозвал? Толстобородый *у есть* (Тургенев, «Отцы и дети»).

Таким образом, многие группы модальных выражений, небольших по объему, преимущественно восходящих к старым местоименным и глагольным формам, превращаются в частицы. Этот процесс естествен. В нем отражается расширение формально-синтаксических функций категории модальности. А это явление находится в связи с все большим развитием аналитического строя русского языка. Разные модальные значения и оттенки высказывания начинают выражаться формальными словечками. Возникает особая категория «модальных частиц предложения», которые отличаются от союзов тем, что выражают не связи между синтаксическими группами в составе речи, а разные качества самого высказывания или его частей, их отношение к действительности.

Однако полному превращению этих модальных частиц в особый тип служебных морфем мешает широкое развитие модальных значений у полновесных слов и даже словосочетаний.

Модальные частицы нередко однородны по своим функциям с лексически полновесными модальными словами и синтагмами. Эта общность функций сближает их в пределах одной грамматической категории. Кроме того, морфологические границы между частицами-морфемами и словами вообще условны и текучи (ср., например, такие модальные слова-частицы, как: *конечно, право, прямо, просто, верно* и т. п.).

II. Модальные слова

Граница между модальными частицами и модальными словами очень неопределенна и подвижна. В оценке выражения с этой точки зрения играют роль и его фонетические свойства, и его смысловой вес, и система разных его значений, и его функциональные связи с другими словами.

1. Среди модальных слов в современном языке преобладают слова наречного происхождения (а иногда и гибридного наречно-модального значения), однородные с качественными наречиями на *-о*. Например: *действительно, буквально, нормально, решительно, собственно, верно, безусловно, подлинно* и т. п.

2. Довольно многочислен разряд модальных слов, однотипных с словами категории состояния. Например: *видно* (ср. *видать*), *слышно, полно, област. должно, очевидно, вероятно, понятно* и т. п.*

3. После отнаречных образований самым продуктивным разрядом модальных слов являются отглагольные слова. По своему образованию они представляют собой личные или безличные формы настоящего-будущего времени или форму инфинитива. В некоторых случаях можно говорить о простом употреблении формы какого-нибудь глагола в функции модального слова, в других — о превращении такой формы в отдельное слово с модальным значением. Таковы:

а) модальные слова, однородные с личными формами глагола, иногда осложненными присоединением вопросительной частицы *ли*, например: *признаюсь, видишь ли, веришь ли, видите, знаете ли, извините* и др.;

б) модальные слова, однородные с неопределенно-личными формами глагола: *говорят, передают* и некоторые другие;

в) модальные слова, однородные с безличными формами глагола: *разумеется, кажется, говорится, что называется, значит* и другие подобные;

г) модальные слова инфинитивного типа: *признаться, видеть, знать* и т. п..

4. Малопродуктивен тип модальных слов, представляющих собой изолированные формы имени существительного с предлогом и без предлога и иногда напоминающих наречия. Например: *словом, кстати, в частности* и другие подобные.

5. Единичны образования от членных прилагательных (с пропуском слова *дело*): *главное*. Ср.: *самое большее, самое меньшее*.

III. Модальные словосочетания (фразеологические единицы)

Все шире и шире в категорию модальности вовлекаются целые фразеологические сочетания, фразеологические единства и фразеологические сращения. Выделяются два основных типа их: *глагольный* и *именный*.

В глагольном типе намечается несколько разновидностей:

1) деепричастные словосочетания (обычно включающие в себя формы глагола *говорить*): *собственно говоря, коротко говоря, откровенно говоря, вообще говоря, иначе говоря* и т. п.;

2) инфинитивные словосочетания: *так сказать, признаться сказать* и некоторые другие; ср. *шутка сказать*;

3) лично-глагольные словосочетания, например: *бог знает, кто его знает* и другие подобные; ср.: «Лежит, как пласт, а жар от него, боже ты мой! Я подумал, *кто его знает*, умрет того и гляди» (Тургенев, «Накануне»).

Состав таких модальных фраз очень разнообразен, и многие из них представляют собой свободные сочетания слов. Изучение типов свободно формируемых синтагм, которые способны выполнять в той или иной системе языка

—* Ср. замечание акад. И. И. Мещанинова: «Внешним их (модальных слов.— Я. В.) отличием является неизменяемость формы, застывшая форма падежного и всякого вида аффиксального образования, вплоть до сохранившихся архаичных образований. Неизменяемостью формы они, до известной степени, сближаются, с одной стороны, с наречиями, а с другой — с категорией состояния, резко в то же время отличаясь и от тех и от других своею... синтаксической функцией»¹⁸.

модальную функцию, — задача исторического синтаксиса русского языка;

4) безлично-глагольные словосочетания: *стало быть, должно быть* и т. п.; ср.: *не в обиду будь сказано*.

В кругу модальных словосочетаний именного типа особенно употребительны типизованные, но свободные сочетания слов двух разрядов:

1) выражения, состоящие из дательного падежа имени существительного с предлогом *к*: *к моему несчастью, к сожалению*, и нередко осложняемые формой прилагательного (в том числе и местоименного), формой родительного падежа существительного или личного местоимения: *к изумлению (всех присутствовавших), к общему восхищению, к прискорбию* и т. п.;

2) словосочетания, состоящие из дательного падежа имени существительного с предлогом *по*, обычно с присоединением определения в форме согласуемого прилагательного или родительного падежа личного местоимения или имени существительного: *по мнению, по словам, по выражению такого-то, по слухам, по преданию*; ср. фразеологические единства: *по всей вероятности, по всей видимости, по крайней мере*.

Кроме двух видов свободных словосочетаний к именованному типу принадлежит небольшое количество неделимых фразовых единств:

1) словосочетания, состоящие из беспредложной формы имени существительного и определяющего слова: *одним словом* (ср. *словом*);

2) обособленное: *в самом деле*;

3) изолированное: *в конце концов*;

4) ср. также словосочетания из местоимения и прилагательного: *чего доброго*;

5) словосочетания местоименного характера: *как-никак, всего навсего* и др.; ср.: *кроме того, сверх того, помимо того* и др.;

б) словосочетания междометного характера (см. — ниже разряд 12 в § 5).

В тех же модальных функциях могут выступать и свободные словосочетания и вставные предложения, анализ которых далеко выходит за пределы грамматического учения о слове.

§ 5. Разряды модальных слов и частиц, выделяемые по их современному значению и употреблению

Попытки классификации модальных слов, частиц и идиоматизмов по их функциям делались и раньше. Намечались три или четыре разряда их¹⁹. Дело гораздо сложнее.

Модальные слова по своим функциям могут быть разделены на следующие двенадцать основных разрядов:

1. Выделяется разряд модальных слов и частиц, обозначающих чужой стиль выражения, субъективную передачу чужой речи, мысли, а также и ее оценку со стороны говорящего. Модальные слова и частицы этого рода являются показателями того, что воспроизводимое высказывание приписывается говорящим другому лицу.

Здесь принадлежат такие модальные слова и частицы: *мол, де, дескать, будто, будто бы, слышно* и т. п. Например: «Иные молодцы даже русскую науку открыли: у нас, *мол*, дважды два — тоже четыре, да выходит оно как-то бойчее» (Тургенев, «Дым»); «Пришли бы да и сказали по-родственному: так и так, *мол*, на интерес польстился» (Чехов, «Брак по расчету»); «Ну что ты все: чиновник, чиновник, а не любит ли он выпить, вот, *мол*, что скажи» (Гоголь, «Женитьба»); «А коль увижу-де, что казнь ему мала, повешу тут же всех судей вокруг стола» (Крылов, «Троеженец»); «*БЛы-де*, говорит, этаких шаромыжников и подлецов видали» (Гоголь, «Ревизор»); «Говорят, что ты, *дескать*, и вор, а молодец» (Пушкин).

С этим разрядом модальных частиц по функциям сближается: 1) продуктивный тип вставных синтагм, состоящих из предлога *по* с дательным падежом имени существительного и обычно с определяющим его родительным падежом от названий или указаний лица, вроде *по свидетельству такого-то, по мнению, по словам, по рассказам, по описанию, по выражению такого-то, по преданию, по слухам* и другие подобные, и 2) группа неопределенно-личных или безличных вставных глагольных форм или глагольных синтагм типа *говорят, говорит, как говорится, передают* и т. п.*

2. Кроме указаний на чужую речь или на использование чужих выражений, модальные слова могут содержать оценку самого стиля, способа выражения. То или иное выражение нередко сопровождается стилистической отметкой говорящего лица, оценкой выбранной или принятой манеры речи. Говорящий как бы не решает признаться свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли. Поэтому он снабжает свои высказывания оговорками, стилистическими оценками и замечками. Сюда относятся такие модальные слова и словосочетания, как: *буквально, так сказать, собственно говоря, коротко (откровенно) говоря, вообще говоря* и т. п. Например: «Вы извините меня, сударыня, если... в таком, *так сказать*, дорожном неглиже» (Тургенев, «Холостяк»); «Перейдем теперь к характеристике третьего лица, которое, *собственно говоря*, не составляет цельного типа» (Помяловский, «Очерки бирсы»); «Тридцать пять лет... возраст, *так сказать*, критический» (Чехов); «Человек раздражительный и как бы, *так сказать*, военно-эстетический, но дурного только вкуса» (Достоевский, «Бесы»); «Он был *не то что* развязан, а как-то натурально нахален» (Достоевский, «Подросток»); «Я... был награжден *бук вально* слезами ее благодарности» (там же).

Сюда же принадлежат те модальные слова и выражения, которыми обозначается переход от одного стиля речи к другому, переход с одной системы выражения на другую. Таковы: *то есть, иначе говоря* и т. п. По-видимому, к этому же разряду следует причислить и те модальные слова, которыми отмечается переход к обобщению, к итогу речи: *словом, одним словом* и т. п., или в которых выражаются поиски забытого или непонятого слова: *как бишь, то бишь* и т. п. «И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних от пансионеров, школ, лицеев, *как бишь* их» (Грибоедов, «Горе от ума»).

3. Смежный тип образуют те модальные слова и устойчивые словосочетания, которыми обозначается характер речевой экспрессии или эмоциональный тон высказывания, подчеркиваются экспрессивные оттенки выражений. По-видимому, этот разряд слов состоит лишь из идиом и отстоявшихся фразовых клише, вроде *шутка сказать, не в обиду будь сказано, признаться сказать* и т. п. Например: «Нынешняя молодежь, *не в обиду будь сказано*, какая-то, господь с нею, кислая, переваренная» (Чехов, «Иванов»); «*Признаться сказать*, завидовал я ему» (Тургенев, «Три встречи»).

4. К следующему разряду принадлежат те модальные слова и идиомы, в которых заключается эмоциональное освещение самой изображаемой действительности. Это обозначения тех эмоциональных или волевых модальностей, которыми пронизаны обсуждение или оценка каких-нибудь фактов и мыслей. Например, *авось* обозначает, что о чем-нибудь говорится с оттенком недостаточно обоснованной надежды. Модальные слова этого типа указывают не на способ выражения, не на экспрессивную окраску речи, а на эмоционально-волевое отношение говорящего лица к предмету сообщения. Таковы, например, модальные слова, частицы и идиомы: *чего доброго, право, спасибо*, _____* Ср.: «Теперь вы только еще, *что называется*, соскочили с университетской сковородки» (Писемский, «Тысяча душ»).

чай, знать, пожалуй, небось, вишь, полно, должно, верно, как-никак, что ли и т. п. Например: «*Небось, у тебя... семейка немалая?*» (Герцен, «Былое и думы»); «*Рассказывай, чай, у тебя готово собранье важное вестей*» (Грибоедов, «Горе от ума»); «*Чай, заждался? Небось, бранил дядю за то, что не едет?*» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); «*Это случилось очень просто, пожалуй, несколько бесстыдно, что ли...*» (Горький, «Карамора»); «*И, проснувшись утром, рассуждал, что, авось-либо, вся его вчерашняя тревога напрасна*» (Лесков, «Соборяне»); «*Что ты сегодня такой печальный? Профессора жаль, что ли?*» (Чехов, «Дядя Ваня»); «*Иногда я разговаривал с Верочкой, и Марья Алексеевна не мешала, не косилась, хотя, конечно, не оставляла без надзора. О. *разумеется*, не оставляла*» (Чернышевский, «Что делать?»); «*Что-то случилось, надо думать... Пожар, что ли? Да нет, не видать дыму!*» (Чехов, «Брожение умов»); «*Знать, у бойкого народа ты могла только родиться*» (Гоголь)

С модальными словами этого разряда сближается по значению продуктивный тип вставных синтагм, образуемых из предлога *к* с дательным падежом имени существительного, обозначающего эмоцию или вызывающее ее обстоятельство: *к сожалению, к несчастью, к изумлению, к счастью, к оби/ему восхищению* и т. п.

Здесь же примыкают и глагольно-модальные слова, представляющие собой формы 1-го или 2-го лица (неопределенного) настоящего времени или инфинитива. Таковы, например, слова: *признаюсь*, потерявшее свое полное значение в ряде случаев²⁰ («*Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною*» — Гоголь, «Ревизор»), *признаться, видать, глядишь* и т. п. («*Мне, признаться, становилось совестно допытываться чужой тайны*» — Тургенев, «Три VL; речи»).

5. Модальность суждения может быть основана не на эмоциональном отношении к предмету сообщения, а на чисто логической оценке достоверности утверждения. Модальные слова, обозначающие не эмоциональную, а рассудочную, логическую оценку сообщения, замыкаются в особый разряд. Таковы: *вероятно* (ср. *по всей вероятности*), *понятно, несомненно, безусловно, очевидно, видимо, по-видимому, разумеется, может быть, действительно, в самом деле, подлинно* и т. п.

Этот разряд слов выражает сложную и богатую оценками гамму модальных оценок от чисто субъективной и несколько колеблющейся оценки сообщаемого факта до объективного, логически обоснованного определения степени его достоверности*.

Например: «*И исполнила над ним свою угрозу — с помощью какого-то, должно быть, соперника Валентина, кажется, жениха Лизы*» (Гончаров, «Слуги старого века»); «*Видно, у него только обличье соколье, а душа-то воронья*» (Мельников-Печерский, «В лесах»); «*И кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем*» (Чехов, «Три сестры»); «*Я, кажется, человек и честный, и не то чтобы совсем глупый*» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки»); «*А вы и, в самом деле, подумали, что я какой злой?*» (Островский, «Бедность не порок»); «*Вот погляди-ка, Комарь, оттуда уж, кажется, кто-то бултыхнул?.. — Бултыхнул и есть, — ответил Комарь*» (Лесков, «Соборяне»); «*Мне же лично очень не нравилась эта улыбка ее и то, что она всегда, видимо, подделывала лицо*» (Достоевский, «Подросток»).

6. Отдельный разряд образуют модальные слова и словосочетания, выра-

—* Н. Schuchardt указывал, что аффективное и логическое проиизывают насквозь всю жизнь языка: одно создает разнообразие, другое унифицирует. «Das Affeclische und das Logische durch-dringen weiler das ganze Sprachleben; jenes vermannigfachl. dieses vereinfacht» (*Schuchardt-Brevier H. Ein Vademecum der allgetneinen Sprachwissenschaft. Halle, 1928. S. 324*).

Ср. также остроумные соображения о соотношении интеллектуального и аффективного в речи у Ch. Bally (*Le langage et la vie. P., 1913*).

жающие отношение содержания какого-нибудь отрезка речи к общей последовательности мыслей в ходе высказывания. Эти модальные слова по своей функции близки к союзам. Однако их значение не вполне однородно с значениями союзов. Модальные слова этого типа выражают не соотношение связываемых синтаксических единиц, а обозначают разные виды логического или экспрессивного отношения последующей мысли к предшествующему сообщению. Они не вызываются самим этим сообщением. Они характеризуют субъективную манеру перехода от одной мысли к другой или присоединения одной мысли к другой. Таковы, например: *значит, стало быть, кстати, мало того, кроме того, сверх того, помимо того, в частности, примерно, например, главное (главное дело), в конце концов* и т. п.

Однако в структуре некоторых слов этого типа модальные значения совмещаются с союзными. Таково, например, *впрочем*. Это слово, кроме значения противительного союза {*тем не менее, все же*), может выражать колебания, нерешительность. Оно указывает на внезапный излом в логическом движении речи: *Впрочем, я не уверен, удастся ли это предприятие*. Ср. у Салтыкова-Щедрина: «А *впрочем* не распить ли нам бутылку старенького? У меня есть такое, что пальчики оближешь» («Губернские очерки»). Точно так же слова *наоборот* и *напротив* совмещают функции модальных слов с наречными и союзными, а *напротив* — сверх того и со значениями предлога.

7. К этому разряду примыкает другой тип модальных слов, обозначающих порядок движения мыслей в числовой последовательности: *во-первых, во-вторых, в-третьих, в-четвертых* и т. п. Эти выражения определяют не только место какого-нибудь пункта в ряду перечислений, но и содержат его оценку, его субъективную квалификацию. Анекдотический вопрос *Почему сие важно в-пятых?* может служить наглядной иллюстрацией тех модальных — логических или экспрессивных — оттенков, которые связаны с этими обозначениями порядка мыслей: *в-десятых, в-седьмых* и т. п.

8. Кажется, в особый разряд следует выделить модальные слова, выражающие субъективную внезапность припоминания, присоединение по ассоциации. Например: *кстати, одно к другому, заодно, к тому же* и другие подобные.

Модальные слова этого типа, выражая присоединение какого-нибудь побочного звена, по функции сближаются и с союзами.

9. Немногочисленный, отдельный разряд модальных выражений образуют сравнительные частицы и частицы-наречия: *словно, как будто, как бы, точно* и т. п., если они выражают не обособленное сравнение, а модальную оценку какого-нибудь выражения в составе основных членов предложения (обычно предиката). В таком случае они являются чем-то вроде модальной связки. Например: «Я *словно* замер; чувство блаженства по временам волной пробегало по сердцу» (Тургенев, «Фауст»); «Нет у меня сына!» — отрезала Варвара Петровна — и *словно* напорочила» (Достоевский, «Бесы»); «Она *как будто* недоумевала; невеселая усмешка изредка трогала ее губы» (Тургенев, «Фауст»); «Он смотрел на нее пристально, с тем же смехом, но который уже не продолжался, а *как бы* остановился и застыл на его лице» (Достоевский, «Идиот»); «Он три дня *точно* прятался и, видимо, избегал встречи» (Достоевский, «Идиот»).

10. В особый разряд замыкаются модальные слова, свойственные диалогической речи и заключающие в себе призыв к собеседнику, стремление возбудить его внимание к чему-нибудь, подчеркнуть перед ним что-нибудь, какой-нибудь факт или вызвать в нем то или иное отношение к сообщению. Модальные слова этого рода, облеченные в форму императива или в форму второго лица настоящего времени, представляют как бы промежуточный тип между категорией модальности и междометиями. Например: *видишь (ли), ви-*

бите (ли): «Он, *видите ли*, очень занят, ему, *видите ли*, дома душно и скучно» (Чехов, «Иванов»); *знаешь (ли)*, *знаешь что*, *знаете что*: «Сенюша, *знаешь ли*, покамест, как баранов, опять нас не погнали в класс, пойдем-ка да нарвем в саду себе каштанов!» (Крылов); «Не хочется, *знаете ли*, верить злу, черной неблагодарности в человеке» (Тургенев, «Ермолай и мельничиха»); *веришь ли*: «Он, *веришь ли*, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь» (Пушкин, «Капитанская дочка»); *извините*: «А лечиться в шестьдесят лет, жалеть, что в молодости мало наслаждался, это, *извините*, легкомыслие» (Чехов, «Чайка»).

Развитие модальных оттенков в этих глагольных формах сопровождается изменением их лексических и грамматических значений. Они постепенно превращаются в новые потенциальные слова и совсем отделяются от соответствующих глаголов (ср. отсутствие реальных значений глагола *знать* в таких вводных словах, как *знаешь*, *знаете ли*).

11. Количественные обозначения степени также вовлекаются в круг модальных слов. Они становятся выражением субъективной оценки меры, числа или степени чего-нибудь. Итак, выделяются как особый разряд модальных слова, в которых заключается общая субъективная оценка степени или меры какого-нибудь суждения о количестве. Таковы, например, выражения: *самое большее* (*Самое большее, я пробуду в пути двое суток*), *самое меньшее*, *по крайней мере*, *едва ли не* и т. п.

12. В категории модальности наблюдаются переходные, или гибридные, типы слов и выражений, совмещающих модальные значения со значениями других категорий. По-видимому, в силу яркой субъективной окраски большей части модальных слов с ними легко сближаются междометия. В самом деле, если междометия сопутствуют тому или иному высказыванию как выражение его модальной, резко эмоциональной оценки, они становятся модальными словами.

Недаром Д. Н. Овсяннико-Куликовский, а за ним А. М. Пешковский относили к «вводным словам» *слава богу*, *ей-богу*, *черт возьми*, *шут знает* и т. п.

Ср. у Гоголя в «Повести о капитане Копейкине»: «Вдруг какой-нибудь эдакий, можете представить себе, Невский проспект или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, *черт возьми*»; у Пушкина в «Капитанской дочке»: «А когда его расстреляем, тогда, *бог даст*, сыщутся ей и женишки». Ср.: «Заметила она, что тот с Дашей иногда говорит, *ну* и стала беситься» (Достоевский, «Бесы»).

А. А. Шахматов к вводным словам причислял «и ряд бранных выражений и заклинаний, потерявших свое первоначальное значение и употребляющихся как простые восклицания, не имеющие определенного значения. Сюда относятся выражения, как *черт его лобери, чтоб ему пусто было, чтоб ему ни дна, ни покрывки*, употребленные не сами по себе, а в качестве вводных предложений или в качестве сопутствующих тому или другому предложению слов»²¹.

Функциональные переходы междометий в категорию модальности легки и разнообразны, особенно в стилях бытового просторечья. Ср., например, у Чехова: «Вы еще молодой человек, вам на вид, *ну...* 36 — 37 лет» («Дядя Ваня»); «Он, сам, *спасибо*, за него вступился» (Крылов).

§ 6. Модальные функции вопросительных слов и частиц

В ближайшей связи с категорией модальности находятся вопросительные наречия, союзы и частицы. Их модальный характер отмечался акад. Л. В. Щербой (в статье «О частях речи в русском языке»). Акад. А. А. Шахматов относил вопросительные слова и частицы к группе «сопутствующего обстоятельства», т. е. к типу слов, промежуточных между наречия-

ми и вводными словами. Например: «Председатель улыбнулся, сделал мне знак головой, выразивший: что, брат, обмишурился?» (Герцен, «Былое и думы»); «Да что ты, какого черта нынче солидничаешь?» (Лесков, «Соборяне»); «—Да разве я должен влюбиться в вас? — Да, дерзкий человек! Да. мрачное чудовище! Да! Да!» (Горький, «Мещане»); «Петр Кириллович, что же, пойдем курить?» (Л. Толстой, «Война и мир»).

Отпечаток модальности лежит на всех вопросительных словах. Но ближе всего к категории модальности те из них, которые сходятся с основными типами модальных слов и по своим синтаксическим функциям.

Модальные значения вопросительных наречий и частиц сказываются в их яркой экспрессивной окраске. Например, *разве* (с оттенком удивления, сомнения или недоверия, а в риторическом вопросе даже для выражения уверенности в противоположном ответе), *ужели, неужели* (с экспрессией сомнения или убежденности в противоположном), просторечные *нашто, что, куда* и т. п. Ср.: «Пойдем отсюда, Николай! Отец, пойдем! — *Куда там* пойдем?» (Чехов. «Иванов»).

Ср. также употребление таких частиц, как *разве*, независимо от вопроса, для выражения предположения, колебания, возможности: «Старик казался только *разве* уже чересчур иногда легкомысленным» (Достоевский); «Василий Никитич, вероятно, - и до сих пор юродствует, железное здоровье подобных людей поистине изумительно. *Разве* падучая его сломила» (Тургенев); «Рассказать-то мудрено: поворотов много; *разве* я тебе дам девчонку, чтобы проводила» (Гоголь; слова Коробочки Чичикову).

Так, при отсутствии вопросительной интонации модальные оттенки некоторых из этих слов не только не стираются, а, напротив, выступают в более резких очертаниях.

В параллель с вопросительными словами и частицами можно бы поставить восклицательные слова и частицы. Однако в русском языке почти нет особых слов и частиц (кроме, может быть, частицы *что за*, употребляемой, однако, и в вопросительном смысле), специально закрепленных за восклицательной интонацией.

§ 7. Различие между книжным и разговорным языком в употреблении модальных слов и частиц

Модальные слова и частицы в разговорной речи несут те же логические, экспрессивные и стилистические функции, что и в книжном языке. Но, кроме того, здесь они иногда служат своеобразной «алогической», экспрессивной приправой речи и даже ее орнаментацией. На комическом нагромождении и подчеркивании таких логически опустошенных модальных слов и частиц строил «уснащенную» речь своих косноязычных персонажей Гоголь. Гоголь подметил и юмористически использовал характерную особенность бытового просторечья. Классическим образцом такой уснащенной речи является «Повесть о капитане Копейкине». Например: «Вот мой капитан Копейкин решил отправиться, сударь мой, в Петербург, чтобы хлопотать по начальству, не будет ли какого вспоможения, что вот-де так и так, в некотором роде, так сказать, жизнью жертвовал, проливая кровь... Ну, можете представить себе: эдакий, какой-нибудь, то-есть, капитан Копейкин, и очутился вдруг в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире» и т. д. После Гоголя широкое, разнообразное, иногда очень тонко и индивидуально дифференцированное употребление модальных слов и частиц или разных других выражений в модальной функции стало характерным свойством реалистического диалога в языке русской художественной литературы второй половины XIX и начала XX в. Нередко это языковое явление становится источником тонких художе-

ственно-экспрессивных (например, комических) эффектов. Эта черта в бытовой речи не вымерла до настоящего времени. Так, А. Меромский указывал на то, что «вместе с рядом других ненужных слов и выражений в речевой обиход деревни проникли такие книжные вводные слова, как *конечно* или *действительно*, и употребляются нередко без прямой нужды и без всякого смысла».

Например: *Она была, конечно, среднего росту; Мне, конечно, 37 лет; Проживаем мы, конечно, в К'урской губернии... Занятие — хлебороб; Схватил он ее, действительно, за вихор и ну таскать* и т. д.

Далее А. Меромский говорит о «набившем оскомину» двусловии *так сказать*: «Это *так сказать*, засоряющее речь, свидетельствует о приближении крестьянского письма к (интеллигентной.— В. В.) разговорной речи, которая весьма густо уснащена пресловутым *так...* или *как сказать*»²².

Но вместе с тем в живой устной речи, в ее областных разветвлениях множество модальных слов сохранило всю свою экспрессивную остроту и свежесть. Так, А. Меромский писал о языке селькора: «Чего-чего, а вводных слов в селькоровской речи хоть отбавляй. Щедрое их изобилие служит обычно показателем живого, полноценного строя речи. Выкинуть их из языка — значит обескровить его, иссушить, схематизировать... В селькоровском речевом обиходе *с позволения сказать* или *по всей вероятности* вы не встретите. Зато вас обдаст свежей струей совсем иных вводных слов». Далее указываются примеры на употребление таких модальных слов и частиц, как *почитай, знать, чай, как водится, небось, видать* и т. п.²³

Таким образом, устная речь обладает более красочными, лексически разнообразными и более экспрессивными видами модальных слов и частиц. Она непрестанно обогащается новыми их формами. Это понятно. Устная речь аффективнее и активнее, чем книжный язык. Поэтому в ней больше модальных оттенков, и они ярче. Но автоматизм приводит к засорению устной речи пустыми модальными частицами. Понятно, что модальные слова из живой устной речи проникают и в область литературно-книжного выражения. А здесь, с своей стороны, развиваются более сложные, синтаксически разнообразные, богатые экспрессивными и интеллектуальными оттенками способы и формы выражения модальностей речи.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА»

1. *Истрина Е. С., Бубрих Д. В.* [Рец. на кн.:] *Мецанинов И. И.* Члены предложения и части речи.— Вестник Академии наук, 1946, № 4, с. 102.
2. *Востоков А. Х.* Русская грамматика. Спб., 1859, с. 139—140. Ср. также классификацию наречий в грамматике М. В. Ломоносова.
3. *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика. Спб., 1834, с. 209.
4. *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка. Спб., 1852, с. 282.
5. См.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1927, вып. 2, с. 94 — 96 [502-503].
6. Там же, с. 99 [506].
7. Там же.
8. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1925, вып. 1, с. 258 [265].
9. См. там же, с. 417-422 [414-418].
10. См. там же, вып. 2, с. 73 [486].
11. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. Спб., 1912, с. 297-298.
12. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 372 [410].
13. Там же.
14. *Мецанинов И. И.* Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, с. 288.
15. См.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 73 — 74 [485—486].

16. См.: *Bover P., Speranski N.* Manuel pour l'étude de la langue russe. P., 1905, p. 252-253.
17. См.: *Потеоня А. А.* Из записок по русской грамматике. М. — Л., 1941, т. 4, с. 194-197.
18. *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи, с. 289.
19. См.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 371—372 [409-410].
20. См.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 1, с. 258 [266].
21. Там же, с. 266 [272].
22. *Меромский А.* Язык селькора. М., 1930, с. 89.
23. Там же, с. 55-56.

Междометия,

их грамматические особенности и их семантические разряды

§ 1. Вопрос о междометиях в современной грамматике

В старой лингвистической традиции вопрос о междометиях был связан с общей проблемой возникновения и границ слова. Из междометий нередко выводились первичные слова человеческого языка¹. Междометия как эмоциональные сигналы противопоставлялись словам как знакам мысли. Между тем живые семантические процессы, характеризующие употребление междометий в современном русском языке, почти не были предметом изучения. Этимологическая точка зрения на междометия в русском языкознании не сдвинулась с вопроса о переходе междометий в слова, в «части речи» (если не считать общих замечаний акад. Н. Я. Марра о происхождении и генезисе междометий). Но по отношению к современному русскому языку сам этот вопрос менял свою форму и содержание. Для современности гораздо важнее наблюдения над превращением других слов в междометия, чем решение вопроса о возникновении слов из междометий (ср.: *ахать, ухнуть, аховый, не ахти какой, слышались охи* и т. п.). Междометия составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, именно — знаков, служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений. Выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, междометия не обозначают и не называют их. Не обладая номинативной функцией, междометия имеют осознанное коллективом смысловое содержание. (Ср. у Н. А. Некрасова в набросках романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»: «Разговор становится громче; я могу уже явственно расслышать некоторые слова. Мужской голос говорит что-то о брильянтах, карете и счастья; женский произносит *междометия, выражающие отчаяние, гнев, отрицание*».) Междометия представляют собой обобществленный фонд языковых средств для экспрессивно-драматического выражения эмоций и волевых импульсов. Интонационные, фонетические особенности междометий, их аффективная окраска, их моторно-мимическое и жестовое сопровождение составляют чрезвычайно важную сторону их смыслового строя. К. Фосслер писал об этом: «В голосе естественнее всего выражается душевное настроение. Какое разнообразие длительности, силы, высоты и тембра, т. е. какое обилие семантических акцентов возможно при произнесении звуков *а, е, и, о, у*, как бы точно ни было их грамматико-фонетическое описание»².

Господство экспрессивно-смысловых фонетических и интонационно-мелодических элементов в структуре междометий — при слабости, а иногда отсутствии элементов познавательных — кладет резкую грань между ними и другими типами слов. Междометия относятся к сфере эмоционального языка

в отличие от языка интеллектуального \ Но часто они несут на себе яркий отпечаток влияния интеллектуального языка*.

Междометия осмыслены как коллективные знаки эмоционального выражения душевного состояния. Они отражают в себе эмоциональную жизнь личности, социальной группы или народа, находящуюся в органической связи с деятельностью интеллекта. Следовательно, эмоциональный язык не может быть в полном и резком разрыве с интеллектуальной речью (так же как и наоборот). Междометия, хотя они и неоднородны с другими типами слов, все же функционально сближаются с разными частями речи. Конечно, с грамматической точки зрения междометия ущербны. Они лишены форм словоизменения, они не располагают системой грамматических форм. В сравнительно редких случаях они сочетаются с другими частями речи в синтаксическое единство.

Логико-грамматическая неоформленность междометий, обусловленная перевесом эмоциональных и экспрессивных оттенков в их смысловом составе и отчасти зависящая от тесной связи их с мимикой, движением, жестом, обнаруживается в аморфном строе большей части междометий. Грамматисты указывают в качестве формального признака междометий на их «полную синтаксическую обособленность, отсутствие каких бы то ни было связей с предшествующими и последующими элементами в потоке речи»⁵. Правда, это утверждение слишком категорично: оно упускает из виду усложняющееся взаимодействие между междометиями и такими частями речи, как глагол, существительное и наречие с присущими им грамматическими возможностями. Однако отношение междометий к категории предложения несколько иное, чем у всех других типов слов. Междометия являются сразу и эквивалентами слов и, чаще всего, эквивалентами предложений. Поэтому-то они по своей языковой природе отличны как от частей и частиц речи, так и от модальных слов. Это, конечно, несколько не мешает разным группам междометий пополняться за счет и тех, и других, и третьих.

Представляя собой очень часто целостные высказывания, «предложения», «эквиваленты предложений», междометия, однако, не находили освещения в синтаксисе. В русской грамматике они почти не подвергались анализу (за исключением «Синтаксиса» А. А. Шахматова). Правда, этимологической точке зрения в изучении междометий *уже* давно была противопоставлена точка зрения синтаксическая. Но синтаксическое исследование междометий до сих пор ограничивалось общими рассуждениями об отношении междометий к предложению. Так, по мнению Д. Н. Овсяннико-Куликовского, междометия «не входят в состав предложения», хотя и «состоят при нем» и даже «нередко образуют сами род предложения». (Например: «Ах!» — воскликнул он; «Слава богу!» — вскричал он, увидя меня» — Пушкин, «Капитанская дочка».)⁶ Определение междометия у Овсяннико-Куликовского сводилось к указаниям на его синтаксическую неорганизованность: «Междометие стоит вне предложения (кроме тех случаев, когда оно взято не как выражение чувства, а вместо существительного или глагола, как например: «Увы есть междометие»; «Я первый сказал э!»; «Татьяна — ял...»)»⁷.

Создавалось парадоксальное положение. Как целые высказывания, как языковые элементы, лежащие за пределами частей речи, междометия переводились из морфологии в синтаксис**. Между тем они оказались вне синтаксиса словосочетания⁹ и вне синтаксиса предложения. Характерны в этом смысле

——* Акад. И. И. Мещанинов указывает на то, что междометия теснейшим образом связаны с разными типами синтаксически расчленяемых предложений, характеризующихся яркой экспрессивной окраской и эмоционально-интонационной структурой⁴.

** Ср. заявление Д. Н. Овсяннико-Куликовского, что междометие «в сущности, не может быть названо «частью речи» в собственном смысле»⁸.

те несколько строк, которые посвятил междометиям А. М. Пешковский в своем «Русском синтаксисе» в главе «О словах и словосочетаниях, не образующих предложений»: «Междометия — это знаки чувствований, а не представлений. Все остальные слова языка (кроме однородных в этом отношении с междометиями побудительных слов) — знаки представлений. Таким образом, вступить в какие-либо отношения с другими словами языка эти слова не могут. Выразить же самостоятельно сказуемое они способны наименее из всех описанных здесь разрядов, так как сказуемое есть прежде всего слово-представление, осложненное выражением процесса мысли»¹⁰.

Вопрос о том, образуют ли и могут ли образовать междометия предложение, являются ли они «словами-предложениями», до сих пор служит предметом оживленных споров у синтаксистов. John Ries в специальной работе, посвященной изучению предложения (*Was ist ein Satz?*, 1931), решает этот вопрос отрицательно (с. 114 — 120). Однако есть и противоположные мнения, так как само понятие предложения в современной лингвистике не может считаться вполне уясненным¹¹.

Итак, синтаксическая точка зрения на междометия пока еще не привела к определению их грамматической природы. Лишь в «Синтаксисе» акад. А. А. Шахматова впервые после старых грамматик XVIII и первой половины XIX в. была сделана попытка всесторонне осветить проблему русских междометий с грамматической точки зрения¹².

§ 2. Новые точки зрения на междометия в «Синтаксисе» А. А. Шахматова

Акад. А. А. Шахматов внес некоторую ясность в понимание междометий. Он старался наметить отдельные группы внутри класса междометий. Он занимался изучением разных типов междометных предложений. А. А. Шахматов допускал, что междометия могут быть синтаксическим центром предложения. Он усиленно подчеркивал характерное для русского языка употребление междометий в роли эквивалентов глагола '■'.

А. А. Шахматов, вслед за другими лингвистами, считал, что междометие не может быть названием, что ему чужда номинативная функция, неотъемлемая от глагола. Однако здесь обнаруживаются переходные типы. Таково, например, так называемое «глагольное междометие» (вроде *бац, стук, двиг, толк, порх, бух, чебурах* и т. п.). Это «название глагольного признака, которое в своей звуковой форме обнаруживает стремление говорящего воспроизвести в нем хотя бы условно звукоподражание, напоминающее или указывающее на быстроту, резкость произведенного действия». Однако с этими междометными формами глагола нельзя смешивать простые междометия^{14*}.

Легко установить также родство и различие между повелительным наклонением и междометием. Ведь, кроме глагольной формы, «повелительное наклонение выражается другими частями речи при субъекте во 2-м лице единственного числа... между прочим и междометиями: *но! тпру! брысь! (брысьте)*, также заимствованными: *стоп! марш!*»¹¹. Родство по значению с повелительным наклонением объясняет сочетание таких междометий с глагольными окончаниями и частицами (*ну, ну-те, ну-ка*). «Родство с повелительным наклонением выражается еще и в том, что, например, междометие *ну* употребляется и как усилительная частица при глаголе, подобно повелительному *дай, дай-ка, да-ка, дай*»¹⁸. Ср. междометное употребление таких императивов, как *вали, валяй, брось, бросьте* (в значении: перестань), *валивай* и т. п. Однако у форм повелительного наклонения сохраняются такие конструктивные свойства глагола, которые чужды междометиям.

Таким образом, глагол сближается с междометиями, и в некоторых разрядах междометий замечается встречное движение по направлению к глаголу. Значение во-
* Ср., однако: «*Стук! толк!* можно признать междометиями именно потому, что они приблизительно так же, как *на, на-те*, выражают не процесс действия, а соединенный с аффектом отдельный момент действия»¹³. Ср. протест А. М. Пешковского против отнесения глаголов «ультрамгновенного» вида (т. е. форм *прыг, бац, бух* и т. п.) к междометиям " \

леизъявления роднит отдельные группы междометий с глаголами. Но неспособность междометий непосредственно обозначать действие, подобно глаголу, выдает познавательную неполноту междометий и устанавливает резкую грань между ними и глаголом (в том числе и формами так называемого глагольного междометия типа *бух!*). «Глагол обозначает действия-состояния в их процессах, причем волеизъявление является сопутствующим представлением, между тем как междометия в своей словесной форме не выражают представления о действии-состоянии вообще... Междометие означает, что мы испытываем известное ощущение или выражаем свою волю, но слово является при этом только сигналом для возникновения соответствующего представления, а не знаком его»¹⁹ (т. е. не является словесным выражением действия). Междометия и здесь оказываются неполными словами. «Разницу между словом и междометием,— пишет А. А. Шахматов,— я сравнил бы с разницей между предложением *Дай мне воды!* и предложением *Воды!*; *воды* как сигнал вызывает то самое представление, которое обнаружилось в полной форме в предложении *Дай (дайте) мне воды!*»²⁰. Итак, междометие является нерасчлененным выражением аффекта или, волеизъявления.

Тем не менее междометия находятся в теснейшем взаимодействии с частями речи — и не только с формами глагола. Так, среди междометий выделяются «слова знаменательные, обратившиеся в выкрики для выражения душевного состояния», вроде *Батюшки мои!* А. А. Шахматов отмечает синонимические соответствия между производными, первичными междометиями и производными, развившимися из знаменательных слов: «Вместо *ох!* можно сказать: *горе! беда!*»²¹ Так как А. А. Шахматов не отличает категории состояния от наречий, а признаки наречия понимает очень широко (можно даже сказать: незаконно широко), то, естественно, наречие выступает у А. А. Шахматова наряду с глаголом как другая основная часть речи, оказывающая громадное организующее влияние на междометие (ср. замечание Шахматова «*баста* — междометие, а *довольно* — наречие»)*.

В связи с этим у А. А. Шахматова возникает колебание, куда отнести *да* и *нет*. *Нет*, употребляемое в значении отрицательной оценки, А. А. Шахматов считал наречием, а не междометием потому, что это слово выражает не только данное чувство, но и известное представление.²² Утвердительное *да* А. А. Шахматов сначала причислил к междометиям. Но затем он делает приписку: «Едва ли *да* — междометие: это — наречие. Может быть, наречие: *тэк, тэк-с*»²³. Ср. у Тургенева в «Петушкове»: «Я, матушка, Прасковья Ивановна, очень люблю ваши булки,—сказал он ей.— *Тэк-с, тэк-с*».

Таким образом, А. А. Шахматов не всегда проводит четкую пограничную черту между наречиями и междометиями. Особенно неустойчивыми оказываются различия между междометиями и теми типами наречий, которые А. А. Шахматов относил к синтаксической категории «сопутствующего обстоятельства».

Сопутствующее обстоятельство, по Шахматову, иногда выражается и чистыми междометиями и переходными модально-междометными словами.

Так, Шахматов говорит, что «наречие выражает побуждение к совершению того или иного действия»²⁴, например: «*Ну, полно же, Ваня, пожалуйста*» (Тургенев, «Нахлебник»); «*Ну, же, Таня, говори*» (Горький, «Мещане»). Кроме того, некоторые междометия А. А. Шахматов связывает с «обстоятельством усиливающим», например: «*Марья Алексеевна не мешала, не косилась, хотя, конечно, не оставляла без надзора. О, разумеется, не оставляла*» (Чернышевский, «Что делать?»). Эти синтаксические объяснения и квалификации Шахматова явно ошибочны. Но рассеянные в них намеки на взаимодействие между междометием и категорией состояния, между междометием и модальными словами полны глубокого интереса²⁵.

Еще большую ценность представляет собранная А. А. Шахматовым коллекция «междометных безличных предложений»²⁶. Тут есть примеры, свидетельствующие о сильном влиянии категории состояния на междометие. Например: «А ежели к фараонам в лапы попал — все одно не выпарапашься... *баста! крышка!*» (Е. Карпов,

• В этом отношении А. А. Шахматов подновляет древнюю традицию, еще не вполне изжитую и современной лингвистикой. Так, L. Hjelmslev в своих «Principes de grammaire generale» (Kobenhavn, 1928) заявляет об отсутствии формальных препятствий относить все группы междометий к категории наречия (с. 299-300).

«Зарево»); «Застрелюсь — и каюкЪ» (там же); «Такие пули отливает, что только люли!» (Островский, «Бедность не порок») и другие подобные.

Наконец, А. А. Шахматов вслед за другими грамматистами не раз подчеркивал тесную связь между междометиями и «воззваниями», звательными формами (и притом не только такого типа, как *боже мой! господи!* и т. п.; ср.: «Трое суток, не переставая, пороли... *бож-жа мой!*») (Е. Карпов, «Зарево») ²⁷.

Таким образом, вырисовывается яркая картина грамматического расслоения междометий и взаимодействия их с другими грамматическими категориями. Междометия выступают как особый тип выразительных слов-высказываний, внутренне нерасчлененных, синтаксически неорганизованных, однако социально осмысленных, образующих своеобразные формы эмоционального выражения и испытывающих воздействие со стороны грамматических категорий интеллектуальной речи.

А. А. Шахматов недостаточно подчеркнул то обстоятельство, что современные междометные новообразования возникают только в исключительных случаях (и то преимущественно в жаргонах) путем условного осмысления произвольных выкриков, рефлексорных звуков и криков. Чаще всего новые междометия образуются посредством эмоционального изменения слов или форм, относящихся к знаменательным частям речи (ср. в современном просторечии: *даешь! пока! определено!*). Кроме того, русский запас междометий значительно пополнился заимствованиями (например: из турецкого *караул!*, из татарского *айда!* и т. д.). С XVIII в. междометия воспринимались из западноевропейских языков. Таковы, например: *фи, фюить!* (ср. фр. *fuite*), *фу, фуй! нет! стоп! алло! марш! ату! ба!* (ср. фр. *bah*) и многие другие.

Кроме того, А. А. Шахматов несколько упростил отношения между непроизводными, «первообразными» междометиями и другими их группами. Производные, вторичные междометия нередко сохраняют грамматические остатки своих прежних синтаксических свойств, следы своего бывшего отношения к интеллектуальным, знаменательным частям речи. А. А. Шахматов считал грамматическим центром междометий «междометия, представляющиеся говорящему выкриком или звукоподражанием по отсутствию связи его с звуковой формой других слов». Он подчеркивал полное отсутствие «соответствий» им в других частях речи ²⁸. Однако многие первичные междометия типа: *ах, ох, ух, ай, ой, у* и т. п. — в современном языке сближаются с глагольными междометиями вроде: *бух, бац* и т. п. (ср. систему словопроизводства: *ох — охать — охнуть; ах — ахать — ахнуть; ой — ойкать — ойкнуть; а — акать — акнуть*, например: «А-а, ну-ну, вали...») — и остановился подтянуть опустившееся голенище сапога.—Что ты *акаешь?*, прямо говори!» (Леонов, «Барсуки»); *ай-айкнуть*: «Люд *айкнул*. Глеб Иванович обомлел» (И. Евдокимов, «Колокола»); «Подошли мы к ним, Федин как *айкнет*» (Ляшко, «Доменная печь»); ср.: *бац — бацать — бацнуть; хлоп — хлопать — хлопнуть; бух — бухать — бухнуть* и т. п.). Способность междометий этого рода замещать личную форму глагола также не лишена значения. Например: «Не-ет, с вами беда. Подальше от вас, нет, вы, господа, *ой-ой-ой*» (Тургенев, «Холостяк»); «Вот Кирила Кирилыч... богат, здоровехонек, весь век *хи-хи-хи* да *ха-ха-ха*, да жена вдруг ушла, с тех пор и повесил голову» (Гончаров, «Обрыв»). Те же первичные междометия функционально могут сближаться и с другими частями речи. Нередко они выступают как экспрессивные синонимы или смысловые эквиваленты слов из категории состояния, существительных, количественно-усилительных наречий и даже целых предложений. Например: «Скучно так, что *ой-ой-ой!*» (Рылеев); «В ту пору был начальником губернии такой зверь, что *у!*» (Салтыков-Щедрин, «Губернские очерки», «Первый рассказ подьячего»); «В каждом приятном слове ее торчала *ух* какая булавка!» (Гоголь, «Мертвые души»); «Есть лица, которые существуют на свете не как предмет, а как посторонние крапинки или пятнышки на предмете. Сидят они на том же месте, одинаково держат голову, их почти готов принять за мебель и думаешь, что от роду еще не выходило слово из таких уст; а где-нибудь в девичьей или в кладовой окажется прямо *ого-го!*» (Гоголь, «Мертвые души») ²⁹.

Так расчищается путь для семантико-грамматической классификации междометий.

§ 3. Семантико-грамматические разряды междометий

Основные структурные типы междометий отличаются друг от друга не только интонационно-мелодическими и эмоционально-смысловыми, но и грамматическими особенностями.

Русская грамматическая традиция до второй половины XIX в. уделяла междометиям немало внимания. Составлялись индексы междометий, определялся круг эмоций и волеизъявлений, выражаемых отдельными междометиями. Однако основные группы междометий не были выделены (если не считать деления междометия на эмоциональные, императивные и звукоподражательные)³⁰.

К сожалению, даже А. А. Шахматов в этом вопросе почти целиком примкнул к старой грамматической традиции начала XIX в.

Он делил междометия на три основных класса:

1) «междометия, выражающие вообще возбуждение говорящего, а в частности и различные связанные с ним чувства... (например, *ух!*)...;

2) междометия, выражающие определенные чувства (например: *фу!* — выражение отвращения; *тьфу!* — выражение гадливого чувства, побуждающего к отплевыванию; *чу!* — для обращения внимания собеседника на раздавшийся вдали шум или крик)...;

3) междометия, выражающие волеизъявление, т. е. приказание, требование, побуждение, обращенное к собеседнику или, что весьма обычно, к животному (и это последнее характерно для отличия междометия от слова)»⁴.

Деление междометий на эмоциональные и императивные было известно издавна. А. А. Шахматов среди эмоциональных междометий отметил два разных типа. На самом же деле классификация междометий сложнее и разнообразнее. Однако, кроме акад. А. А. Шахматова, никто из последующих русских грамматистов вопросами дифференциации междометий вовсе не интересовался.

Нетрудно заметить, если выйти за пределы междометных каталогов, помещавшихся в старых грамматиках (например, у А. Востокова, «Русская грамматика», § 100, с. 191 — 192; у Н. Греча, § 156 — 157), десять основных разрядов междометий.

1. Междометия, которыми выражаются чувства, эмоции. Сюда, например, в списке А. Х. Востокова отнесены: *а! ах! ба!* (удивление); *аи да! ура!* (одобрение); *спасибо!* (благодарность); *то-то* (удовлетворение, смешанное с угрозой); *ужо: вот ужо* (угроза); *э! эх! и! ну-уж!* (укоризна); *тьфу! фи! у! а! фу!* (отвращение); *уф!* (усталость); *ух!* (испуг); *ой-ой! уу!* (страх, боязнь); *ах! ох! о! увы!* (печаль, горе) и т. п.

В старых грамматиках были чересчур унифицированы, обобщены эмоциональные значения отдельных междометий. Между тем некоторые из междометий этого класса очень многозначны. Так, например, междометие *ах!* кроме удивления («*Ах, какой пассаж!*» — Гоголь, «Ревизор») и горя-сожаления («*Ах, дела-дела!*» — Л. Толстой, «Власть тьмы») может выражать восхищение, испуг, возмущение и другие чувства перед чем-нибудь неожиданным (*Ах, как красиво!*), презрение, или упрек, или порицание (*Ах, ты, мошенник!*), досаду и многие другие эмоции. Ср.: «Змея, *ах*, она змея! — думал, между тем, Санин, — но какая красивая змея!» (Тургенев, «Вешние воды»).

А. А. Шахматов так характеризовал смысловые функции междометий этого типа: «Иногда эти различные значения отражаются в соответствующей интонации, а иногда о различном значении для говорящего того или другого междометия можем узнать только из тех условий, при которых вырвалось данное восклицание; ср. радостное *ах!* в *Ах, как приятно!*; угнетенное: *Ах, как страшно!*; возмущенное: *Ах, как глупо!*»³².

Зависимость экспрессивно-смысловой окраски междометий от ситуации здесь выступает особенно ярко. Ср.:

Ах, вот и дуб заветный, здесь она, Обняв меня, поникла и умолкла...

(Пушкин, «Русалка») 616

Ах. ты, степь моя. Степь привольная.
(Кольцов)

Междометие *и*, ныне вышедшее из употребления в литературном языке и носящее отпечаток областного просторечия, выражает не только укоризну, но и отрицательное отношение к словам собеседника, протест, возражение, несогласие с его оценкой. Например: «Как хороша была Елецкая! — *И*, мой милый! Что в ней хорошего?» (Пушкин, «Пиковая дама»). Ср.: «*И* полно! что за счеты» (Крылов).

Междометие *о* выражает не только горе, сожаление, печаль, но и порицание, и восхищение-удивление, и самоуверенность, и вместе с тем служит эмоциональным усилением утверждения (*О! я это хорошо знаю*). Ср.: «*О*, тонкая штука! Эк, куда метнул!» (Гоголь); «От удивления мог произнести только один звук: *О?!*» (Куприн, «Черный туман»); «Да ты коленкой-то, коленкой в спину упрись. *О-о-о*, так, так! Ну, вот теперь ладно» (Куприн, «Поход»);

О. как на склоне наших лет Нежней мы любим и суеверней.
(Тютчев, «Последняя любовь»)

Некоторые эмоциональные междометия употребляются в крайне разнородных, экспрессивно-противоречивых значениях. Они служат средством выражения очень далеких, иногда даже исключаящих друг друга чувств и настроений. Например, междометие *а* выражает догадку, удивление (*А, вот оно что!*; *А, здравствуйте!*), иногда с оттенком иронии или злорадства (*А, так вот как!*); ужас, боль, отвращение, решимость с оттенком отчаяния или досады (*А, была не была!*); иногда просто досаду, даже настойчивость зова или требования.

Ср. у Глеба Успенского:

—Ежели я, к примеру, пойду в землю, потому я из земли вышел, из земли. Ежели я пойду в землю, например, обратно, каким же, стало быть, родом можно с меня брать выкупные на землю?

—*А-а!* — радостно произнесли мы.

Ср. у Тургенева в «Накануне»:

—*А!* — промолвила Анна Васильевна.

—*А!* Что: *а?* — подхватил Николай Артемьевич—Ужель и вы заражены пред рассудками?

—Да я ничего не сказала...—начала было Анна Васильевна.

—Нет, вы сказали: *а!*..

В «Свадьбе Кречинского» Сухово-Кобылина: «*А-а-а*, чертова шайка, вижу, вижу».

Не менее сложен и разнообразен круг значений междометия *эх!* Оно выражает и укор, и сожаление, и горе, и удивление с оттенком ошеломленности, и восхищение, и страстное желание-тоску.

Бросается в глаза эмоциональная неустойчивость, смысловая диффузность этого типа междометий. Они легко подхватываются интонационной волной аффективной речи и изменяются соответственно общей эмоциональной окраске высказывания. Поэтому так широк и так растяжим круг их значений. Кроме того, повторение, разнообразное интонационное варьирование гласного звука междометия или целого соответствующего односложного междометия ведет к образованию новых междометий с иными значениями (ср.: *а-а-а!* *ой-ой-ой!* *ох-ох-ох!* *о-ох!* *ан-ай-ай!* и т. п.).

Однако большая часть многозначных междометий этого рода состоит из одного гласного или с присоединением согласного JS (*о, а, э, ох, ах, эх*; но ср. узость значений междометий, начинающихся гласным верхнего подъема: *ух! их!*). Однообразнее и теснее круг значений односложных междометий, оканчивающихся на *й*; ср.: *аи, ой, эй*.

Например, *аи* служит лишь выражением: 1) боли, неудовольствия или испуга («*Аи, аи, как изба настудилась!*» — Некрасов); 2) упрёка или укоризны, иногда с иронической окраской, например: «*Аи, Моська! знать, она сильна, что лает на слона*» (Крылов); Ср.: «*Ай-ай-ай! стыдись,— сказал Петр Иванович*» (Гончаров, «Обыкновенная история»); «*Да, да, хлопот-то что! аи, аи, аи!*» (Островский, «Бедность не порок»). Ср. смысловые оттенки в употреблении *ох!*: «*О-ох, напущено это на него!*» (Л. Толстой, «Власть тьмы»);

Ох, то-то все вы, девки молодые, Все глупы вы.

(Пушкин, «Русалка»)

«*Ох! гадко и теперь вспомнить*» (Л. Толстой, «Крейцера соната»); «*Ох, ох, умираю!* — проговорила она, тоскливо разводя руками. — Опять, опять эта собака... *Ох, пошлите за доктором*» (Тургенев, «Муму»).

Другая группа эмоциональных междометий, особенно тех, которые включают в себя такие характеристические согласные, как губные (*б, ф*), или состоят из узких гласных (*и, у*), более однотонна и однообразна в смысловом отношении.

Не подлежит сомнению, что гласные фонемы русского языка в разной степени способны выражать эмоции. По-видимому, наиболее однообразна эмоциональная окраска звуков *у* и *и*. Междометие *у* выражает резкие аффективные состояния восторга, восхищения, крайнего изумления и ужаса, трепета.

Например, у Гоголя: «*У! как свежо и хорошо!*» («Иван Федорович Шпонька и его тетушка»); «*Везде было заметно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неуловимо-тонкое, у\ какое тонкое!*» («Мертвые души»); «*У! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!...*» («Мертвые души»).

У Пушкина в «Евгении Онегине»:

Как сурова!

Его не видит, с ним ни слова. *У!* как теперь окружена Крещенским холодом она!

Еще более одноцветна экспрессивно-смысловая окраска эмоциональных междометий, состоящих из согласных в сочетании их с гласными.

Например, *ба!* выражает только удивление или недоумение при неожиданности. Например: «*Ба! Знакомые все лица!*» (Грибоедов); «*Ба! ты, косой, пожаловал отколе?*» (Крылов); «*Ба, птичник! Явился, пропащий!*»-(Горький, «Мещане»);

...*ба. ба, ба!* какая

Повязка! вся в камнях дорогих!

Так и горит.

(Пушкин, «Русалка»)

Ср. однообразие значений моторно воспроизводящего междометия *тьфу!*: «*Тьфу!* оплошал!» (Грибоедов, «Горе от ума»); «*Тьфу,* прозаические бредни!...» (Пушкин).

Ср.: «*Фу, мерзость! Как я мог не видеть всей гадости этого тогда...*»

(Л.Толстой, «Крейцера соната»); «Ух! кончено — душе как будто легче» (Пушкин, «Русалка»); «Генерал... в затруднительных случаях говорил только: «гм!» (Достоевский, «Идиот»); «Настя, милая ты моя Настя... Если бы ты знала... Эхма... разве я пью? Горе пьет» (Н. Успенский); «Ого! за тысячу перевалило» (Гоголь, «Ревизор»).

Ср. употребление церковно-книжного по происхождению горестного междометия *увы!*: «Увы!» — возразил с сокрушением Михалевич» (Тургенев, «Дворянское гнездо»); *Увы!* Невеста молодая Своей печали не верна.

(Пушкин, «Евгений Онегин»)

Увы! близехонько к волнам, Почти у самого залива — Забор некрашенный, да ива И ветхий домик: там оне, Вдова и дочь, его Параша, Его мечта...

(Пушкин, «Медный всадник»)

Но бедный, бедный мой Евгений... *Увы!* его смятенный ум Против ужасных потрясений Не устоял.

(Пушкин, «Медный всадник»)

Но там, *увы*, где неба своды Сияют в блеске голубом, Где тень олив легла на воды, Заснула ты последним сном.

(Пушкин, «Для берегов отчизны дальной»)

Ср. междометие *ага!*:

Что, брат? уже не трунишь, тоска берет — *ага!*

(Пушкин, «Румяный критик мой?»)

Ага! сам сознаешься, что ты глум: Так помиримся.

(Пушкин, «Каменный гость»)

Впрочем, и в этой последней группе более или менее однотонных междометий возможны резкие экспрессивные колебания смысла — в зависимости от ситуации, от индивидуального стиля и от интонационных фигур речи.

Все междометия этого разряда «внеграмматичны». Они аморфны и не сочетаются с другими словами.

2. К разряду первичных, непроемных эмоциональных междометий примыкает по своим смысловым оттенкам группа междометий, производных от имен существительных, вроде *батюшки!* *глупости!* *страсть!* *ужас!* *беда!* *горе!* и т. п. Междометия этого рода выделяются не только в силу своей генетической связи с существительными. Они отличаются от других междометных разрядов и характером интонаций, и смысловыми возможностями, и синтаксическими особенностями. Ср., например: *батюшки мои!* *какой ужас!* *страсти какие!* и т. п. Тут намечаются разные переходные типы от имен существительных к междометиям. Относящиеся сюда формы высказываний синтаксически еще не изучены.

3. Отдельный разряд образуют междометия, представляющие собой не столько непосредственное выражение эмоций, настроений и ощущений, сколь-

ко эмоциональную характеристику или оценку состояния. Например: *дело — табак! крышка! каюк! капут! плевое дело! фюить!* и т. п.

Ср.: «Я лично не имею никаких причин опасаться внутренней политики. Живу я просто, все могут засвидетельствовать о моей невинности. Стало быть, ходи вольным аллюром и *шабаиш*!» (Салтыков-Щедрин, «Круглый год»).

Ср. у Тургенева в «Отцах и детях» (слова Базарова): «Старая штука смерть, а каждому внове. До сих пор не трушу... а там придет беспамятство и *фюить!*»

С этим разрядом могут сблизаться в силу изменения синтаксических функций эмоциональные междометия (из первого класса). А отсюда один шаг до употребления их в роли качественно-оценочных предикатов. «А эта гордость — *тьфу!*... Эта гордость глупая, смешная» (Писемский, «Тысяча душ»). Ср.: «*Тьфу* для нас его разорение было бы!» (там же); «Он пред тобой образованный ум, а ты всего только — *тьфу!*» (Достоевский, «Бесы», в речи Федьки); «Вы знаете, что для меня теперь Малевский — *фи!*» (Тургенев, «Первая любовь»).

4. Четвертый разряд междометий образуют слова, которыми выражаются волевые изъявления, побуждения. Это своеобразная группа междометных императивов. Например: *вон! прочь! долой! полно!* (выражение «отстранения», по определению Востокова); *ну! ну-те!* (побуждение); *полно-полноте!* (убеждение); *на — нате!* (предложение); *брысь, брысьте! стоп! но! цыц! тс! ши!* (запрещение) и т. п. Например: «*Шабаиш!*» — крикнул он повелительно» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Ребята, Ваня, Шура, Костя, *марш* за форелью!» (Н. Успенский, «Поездка на Кавказ»); «А теперь от меня — *марш* навсегда, не то... не то... я обойдусь не столь учтиво» (Достоевский, «Подросток»); «Ну, *на уж, на,* — с неудовольствием сказала она» (Л. Андреев, «Ангелочек»); «*Ну,* однако, в сторону философические замечания» (Тургенев, «Дневник лишнего человека»); «*Да ну же,* скажи что-нибудь» (Островский, «Бедность не порок»); «Барыня... такой дала нагоняй Гавриле, что тот целый день только потряхивал головой да приговаривал: «*Ну!*» Пока дядя Хвост его не урезонил, сказав ему: «*Ну-у!*» (Тургенев, «Муму»); «Ум по боку. *Ну* его» (Островский, «Бешеные деньги»); «Вот он, *Ши!*» (Грибоедов, «Горе от ума»); «*Чи...* кто-то идет» (Гоголь, «Женитьба»); «А до той поры всякий на твои рассуждения имеет полное право сказать: *цыц!*» (Горький, «Мещане»); «*Цыц,* проклятые! Эх на вас погибели нет» (Тургенев, «Ермолай и мельничиха»); «Старик лет семидесяти, весь белый, казалось, предводительствовал ими; он изредка оборачивался и спокойным голосом понукал отсталых: «*Но, но, но,* ребятунки,— говорил он: — *но-о!*» (Тургенев, «Поездка в Полесье»); «Оставьте! Не ходите за мной.— *Но, но, но,* милый... нельзя так... не хорошо» (Чехов, «Чайка»); «*Но!* молодой человек, *но!* Так не шутят, молодой человек, не шутят» (Островский, «Бешеные деньги»); «Чуть вечер — *алло!* Юрочка Гай или Котик Билибин» (И. Сельвинский, «Улялаевщина»); «Мальчишка обвел всех белками глаз, снова ударил в бубен: «*Алло!*» (Серафимович, «Полосатый зверь»); «*Айда* на Волгу!» (Ляшко); «Только, *чур,* не перебивать» (Помяловский, «Очерки бурсы»).

Ср.: «*Адью!* ха, ха, ха!» (Сухово-Кобылин, «Свадьба Кречинского»). Ср.: *вали!* (в значении приглашения или побуждения к какому-нибудь действию), *брось! бросьте!* (в значении: довольно!), *дудки!* и т. п.

Легко заметить, что некоторые междометия этого класса, характеризующиеся особенными побудительными интонациями, требуют именных, а еще чаще местоименных объектов. Они переходны. Например: *ну тебя! марш от меня!* «*Аи, ату* его! *ату!*» (Некрасов, «Коробейники») и т. п. Грамматические особенности этого разряда междометий очевидны.

5. К следующему разряду относятся междометия, которыми выражается эмоционально-волевое отношение к речи собеседника, реакция на нее или в которых обнаруживаются аффективные оценки, вызванные репликами собеседника. Это междометия с оттенками модальности, а иногда модальные слова с оттенком междометий. Например: *да! конечно!* (подтверждение); *нет!* (отказ); *вот еще! право!* (уверение); *а? ась? что?* (отклик); *ой ли?* (недовере) и др. Например: «Вот комик! *Ей-богу*, комик!» (Чехов, «Иванов»); «Я ошибался, *да*, но не солгал ни разу в жизни» (там же); «Иногда скажешь — нет, и тотчас же подумаешь про себя — *разве!* а, может быть, — да?» (Горький, «Мещане»); «*Ну-у!*» — протяжно и нерешительно протестовала она загадочным тоном» (Гончаров, «Слуги старого времени»); «Она выходит замуж... *Но-о!* За кого это? *ась-ь!*» (Горький, «Мещане»); «Я, *ей-ей*, не виноват ни душой, ни телом» (Гоголь, «Ревизор»); «Ушица, *ей-же-ей*, на славу сварена!» (Крылов, «Демьянова уха»); «Как! — сказал Нарумов: — у тебя есть бабушка, которая угадывает три карты сряду, а ты до сих пор не перенял у ней ее каба листики? — *Да, черта с два!* — отвечал Томский» (Пушкин, «Пиковая дама»).

Ср. у Островского: «Я и теперь люблю тебя, только что не по-прежнему. Уж, *ау!* брат! прежнего не воротить!» (Милонидов Аннушке в комедии «На бойком месте»).

Кроме своеобразия значений и интонирования, междометия этого разряда выделяются тем, что они легко включаются в структуру других предложений в качестве эмоционально-модальных слов.

6. Особый разряд составляют междометия, являющиеся своеобразными экспрессивными звуковыми жестами, которыми обмениваются соответственно общественному этикету знакомые или встречные в разных случаях жизни. В этих междометиях выражается сложная цепь бытовых эмоций и обрядностей. Например: *мерси! спасибо!*; устар. *благодарствуйте! здрастье!*; новое: *извиняюсь* и т. п.

Ср. жалобы пуристов на то, что *извиняюсь* как междометное, условное выражение вежливости теряет первоначальное значение соответствующего глагола: «Если вам в трамвае говорят *извиняюсь*, то это значит только, что, толкнув вас однажды, вас толкнул дважды и трижды... Слово произнесено, но смысл в него не вложен» (Горнфельд)¹¹.

На междометиях этого разряда лежит отпечаток эмоциональной изъяснительности глагольного типа. Смысловыми связями и ассоциациями с глагольными и именными словами обусловлены синтаксические свойства этих междометий (ср.: *спасибо вам!*).

7. Как отдельный разряд выступают бранные междометия (ср.: *черт возьми! черт поберу!* и т. п.). Представляя собой замкнутый круг выражений, окрашенный в яркие и своеобразные цвета, междометия этого рода очень емки по своим интонационно-смысловым оттенкам, очень разнообразны по своему синтаксическому употреблению, по своим грамматическим свойствам. Для общей характеристики этого разряда достаточно сослаться на отрывок из «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского (уже использованный Л. П. Якубинским в его статье «О диалогической речи»³⁴ и Л. С. Выготским в книге «Мышление и речь»), отрывок, изображающий крайнюю пестроту и разнообразие эмоционально-смысловых оттенков, включаемых в бранные междометия.

Как известно, на междометно-бранном языке продолжают еще нередко изъясняться не только пьяные, но и трезвые люди.

8. В самостоятельный разряд замыкаются звательные (вокативные) междометия. К ним относится множество разнообразных звательных форм от вполне омеждомеченных до таких, которые еще сохраняют близкие связи с формами имени существительного. Ср.: «Ведь отсюда целый ряд недоразумений и даже уголовщины пахнет? *Господи мой!*» (Лесков, «Соборяне»). Полной

характеристики вокативных междометий (так же как и вокативных предложений) у нас еще нет.

9. К междометиям примыкает многочисленный и богатый разряд воспроизводящих или звукоподражательных восклицаний, например: *Бац, бац!* раздались выстрелы; «Разве так не бывает? Вот шумим, смеемся — и вдруг *хлоп*, конец!» (слова Чехова, по воспоминаниям Т. Щепкиной-Куперник); «И все будет, все будет около меня круги давать, все суживая, да суживая радиус, и — *хлоп!* прямо мне в рот и влетит, я его и проглочу-с» (Ф. Достоевский, «Преступление и наказание») и т. п. Ср. многообразие и стилистическую красочность воспроизводящих междометий в языке Л. Толстого и в языке Чехова.

Этот разряд занимает промежуточное положение между междометиями и звукоподражаниями, между междометиями и междометно-глагольными формами. А. А. Потебня считал, что «междометия, преимущественно звукоподражательные, означающие мгновенность действия, каковы, например, *бух! бац!*, — *стоят* по употреблению в одном разряде с «предикативными частицами» или «междометными формами глагола»³⁵.

10. Уже почти за пределами междометий, на границе категории глагола, располагаются «междометные глагольные формы», употребляемые обычно или особенно часто в значении прошедшего времени совершенного вида (с ярким экспрессивным оттенком мгновенности)*. Например: «Я полюбила его с первого взгляда... Взглянула, а меня мышеловка *хлоп!*» (Чехов, «Иванов»); «Я ее окликнул... она вдруг *хлоп* на диван» (Писемский, «Тысяча душ»); «Так и ждешь, что вот отворится дверь и *шасть!*» («Гоголь, «Ревизор») (ср. польское *czasi*); «Ахилла меня за сюртук. Я повернулся... *трах!* пола к черту. Ахилла меня за воротник, — я *трах!*... воротник к черту; Ахилла меня за жи лет, — я *трах!*... жилет пополам, он меня за шею, — я *трах!* и убежал» (Лесков, «Соборяне»). Ср.: «Имение в степи было — *фью!* Ему и звания нет» (Сухо-во-Кобылин, «Свадьба Кречинского»).

Конечно, статическое деление междометий еще не раскрывает всего многообразия их синтаксического употребления. Междометия, как указано, функционально сближаются с модальными словами, с усилительными частицами. Ср.: «Хотя, конечно, сквозь любезности прокрадывалась ух какая горькая прыть женского характера! и хотя подчас в каждом приятном слове ее торчала ух какая булавка!» (Гоголь, «Мертвые души»).

Междометия могут выступать в функции сказуемого, и тогда они приближаются к глаголам. Например: «Татьяна — *ах*, а он реветь!» (Пушкин, «Евгений Онегин»).

В других случаях междометия, соединяясь с союзом *что*, экспрессивно характеризуют степень и качество чего-нибудь. Например: «В ту пору был начальником губернии такой зверь, что *у!!!*» (Салтыков-Щедрин, «Первый рассказ подьячего»).

Способы разнообразного функционально-синтаксического использования междометий у нас совершенно не изучены. Конечно, этими наиболее употребительными типами междометий их состав не исчерпывается**. Класс междометий все более и более пополняется фразеологическими сочетаниями и сращениями, идиомами, которые выражают сложный комплекс переживаний, эмоциональных оценок и волеизъявлений. Ср.: *вот тебе на! вот тебе раз! была не была! наша взяла! вот еще! еще бы! то-то!* и т. п. Еще К. С. Аксаков

— * А. А. Потебне казалось, что глагол в этой форме сохраняет способность требовать дополнения, но всегда остается без определения, без обстоятельства образа действия³⁶.

** Характерно, что А. Востоков относит к междометиям и указательные частицы *се, вот, вон*. Впрочем, сам Востоков предлагает делить междометия на восклицательные и звукоподражательные, а среди восклицательных различает восклицания, вынуждаемые чувствованием, и возгласия (утвердительные, желательные и прочие)³⁷.

писал: «Междометием может быть и целое предложение, но именно тогда, когда оно теряет свой смысл и становится восклицанием... Как же скоро речение становится сознательным, так оно перестает быть междометием. Например, выражение *вот тебе раз*\ Никто не думает, восклицая эти слова, о (реальном.— В. В.) смысле их: ими выражается ощущение, а не мысль: в таком случае *вот тебе раз*\ — междометие. Но когда слова эти произносятся со смыслом, положим, хоть при расплате, когда вы должны заплатить, положим, три пятака, и говорите: «*Вот тебе раз*, вот тебе два, вот тебе три» — тогда это уже не междометие»³⁸.

Ср. в «Что делать?» Н. Чернышевского: «(*Вот же тебе*)» — муж получил пощечину — «*Вот же тебе*» — другая пощечина». «Умер! *вот-те* на!» (Тургенев, «Андрей Колосов»); «Зачем он пощадил меня?» — пробормотал я наконец. «(*Вот тебе на*)» — спокойно возразил ротмистр...— Ох, уж эти мне — сочинители *Б* (Тургенев, «Дневник лишнего человека»).

Таким образом, и класс междометий все больше и больше пополняется устойчивыми фразеологическими оборотами — фразеологическими единствами и сращениями. Ср. в индивидуальной речи: «Чистое дело марш!» (Л. Толстой, «Война и мир»); «Ах ты, тетка твоя подкурятина!» (А. К. Толстой, «Князь Серебряный»); «Шпрехен зи дейч, Иван Андреевич?» (Гоголь) и т. п.

Семантический анализ междометий, выяснение сущности тех языковых явлений, которые формируют и расширяют категорию междометий, раскрытие закономерностей в переходе разных частей речи и модальных слов, разных экспрессивных предложений-идиоматизмов в междометия, исследование синтаксиса междометий — все это еще задачи будущего. Эти вопросы приобретают особенное значение для синтаксиса живой устной речи. В некоторых стилях и диалектах устной речи, например в детской речи, в речи матерей, мамушек и нянюшек, обращенной к ребенку, образуются новые специфические разряды междометий с очень своеобразными и семантически насыщенными функциями (например: *баюшки* — *баю! агу! агуношки!* и т. п.). Устная речь вообще богата аффективными формами высказываний, носящими острый отпечаток междометности. Эмоциональные нерасчлененные выражения разговорного языка тяготеют к «междометным предложениям» *

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ «МЕЖДОМЕТИЯ»

1. Ср. изложение *wau-wau-Theorie* или *bow-bow-Theorie* (звукоподражательной теории) и *puh-puh-Theorie* (междометной теории) происхождения языка: *Jespersen O. Die Sprache, ihre Entwicklung und Natur. Heidelberg, 1925, S. 402 — 405.*

2. *Vossler K. Über grammatische und psychologische Sprachformen.* - In: *Gesammelte Aufsätze zur Sprachphilosophie. München, 1923.*

3. Ср.: *Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937, с. 136.*

4. См.: *Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, с. 295.*

5. *Щерба Л. В. О частях речи в русском языке.*— В кн.: *Русская речь. Л., 1928.*

* На продуктивность, на рост класса междометий указывает и акад. И. И. Мещанинов в своей книге «Члены предложения и части речи»: «Междометие представляет собою вовсе не вымирающую категорию слов и не только уцелевший в языке рудимент, сохранившийся от его далекого прошлого. Междометия имеют свою вполне действующую силу и продолжают развиваться, что, несомненно, обуславливается их связью с синтаксическим построением предложения. Выражая переживаемые ощущения и волеизъявление, междометия образуются в составе той синтаксической единицы, которая, выступая отдельно и получая самостоятельную значимость, сближается по своему содержанию со значением обособленно стоящего предложения. Выступая же наряду с другим предложением, междометия становятся в связь с ним, сохраняя в то же время здесь свою обособленность и синтаксически не соединяясь с другими словами. Смысловому содержанию всего высказывания междометия не только не могут противоречить, но, наоборот, находятся в явной с ним связи. Тем самым вырабатывается их формальная сторона, лексически и синтаксически отделяющая их от других слов»³⁹.

- вып. 2, с. 9 [Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 67]. Ср. также замечания у *Ries J. Was ist ein Satz?* Prag, 1931, S. 114.
6. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. Спб., 1912, с. 298 — 299.
7. Там же, с. 34. Ср.: *Фортуатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение. Лекции 1897/98 г. Спб., 1898, с. 237-239.
8. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка, с. 32.
9. Ср., например, отсутствие всяких намеков на синтаксическое изучение междометий в «Очерке синтаксиса русского языка» (1923) и в «Синтаксисе русского языка» (1930) М. Н. Петерсона.
- 10.- *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с.372 [411]. Ср.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1927, вып. 2, с. 100 [507].
11. Ср., например, определение предложения (под которое подходит и междометие): *Hoffmann J. B.* Lateinische Umgangssprache. Heidelberg, 1926, S. 1. Другие исследователи готовы признать в междометиях лишь зародыши предложения. Ср., например: *Morgenroth K.* Sprachpsychologische Untersuchungen. — Zeitschrift fur französische Sprache und Literatur, 1910, Bd. 36, S. 141; German Romanische Monatschrift, Bd. 4, 1912, S. 5; *Vossler A.* Sprachphilosophie. Munchen, 1923, S. 225.
12. См.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1925, вып. 1, с. 70 — 71 [85-86], 99 [113], 103-104 [117-118], 194-195 [206], 198-199 [210].
13. См. там же, с. 4 [276].
14. См. там же, вып. 2, с. 57 [472].
15. Там же, с. 101 [508].
16. См.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении, с. 200 [198-199].
17. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 70 [483].
18. Там же, с. 101 [508].
19. Там же, с. 100 [507].
20. Там же.
21. Там же, с. 101 [508].
22. См. там же, [примечание].
23. Там же, с. 194.
24. Там же, вып. 1, с. 418, 432 [415, 418].
25. См. там же.
26. Там же, с. 103-104 [117-118].
27. Там же, с. 71—72 [118]. Ср.: *Фортуатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение. Лекции 1897/98 п., с. 237-238.
28. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 100 [507 — 508].
29. См.: *Германович А. И.* Междометия как часть речи,— Русский язык в школе, 1940, № 2.
30. Ср.: *Греч И. И.* Практическая русская грамматика. Спб., 1834, с. 219.
31. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка, вып. 2, с. 101 [507].
32. Там же.
33. *Брнфсли А. Г.* Новые словечки и старые слова. Пг., 1922, с. 61.
34. См.: *Якувинский Л. П.* О диалогической речи.— В кн.: Русская речь. Л., 1927, вып. I.
- Ъ5.ПотеГш-я А. А.* Из записок по русской грамматике. М.—Л., 1941, т. 4, с. 190.
36. См. там же, с. 188.
37. См.: *Востоков А. X.* Русская грамматика. Спб., 1852, § 99, 100.
38. *Аксаков К. С.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Булаена. Поли. собр. соч. М., 1875, т. 2, ч. 1: Сочинения филологические, с. 541.
39. *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи, с. 294.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общий грамматический обзор основных структурно-семантических типов слов в современном русском языке может считаться законченным. При характеристике этих типов принималась в расчет и внутренняя и внешняя языковая форма. Обращалось внимание и на «языковое строительство, вытекающее из природы внешней формы», и на творчество языка в сфере грамматических категорий, определяющих изменения в смысловой структуре слов*. Но грамматическое учение о слове этим еще не исчерпывается. Акад. Л. В. Щерба в своей работе «Основные понятия методики преподавания иностранных языков» настаивал на необходимости включения в грамматику исследования всех тех лексических элементов и форм, которые играют «строевую» роль. С этой точки зрения употребление, например, прилагательного *полный* в функции предложного слова (*ведро полное воды*, ср. *ведро с водой*) должно рассматриваться в грамматике в отличие от лексически-самостоятельного, «абсолютного» функционирования этого слова (*полное ведро*). Точно так же в грамматику должно войти изучение всех тех составных форм глагола, которые состоят из глагола с лексическим значением, близким к видовому или модальному (*начать, продолжать, хотеть, намереваться* и т. п.), и формы инфинитива. Больше того, к строевому лексическому материалу должны быть, в сущности, отнесены все переходные глаголы, несущие функцию связи между субъектом и объектом действия.

С этой точки зрения углубленное исследование соотносительных категорий глагольной переходности и непереходности становится одной из центральных задач грамматического описания системы глагола. Эти мысли и замечания акад. Л. В. Щербы заслуживают самого глубокого внимания и нуждаются в тщательной проверке и в дальнейшем уточнении. Однако все многообразие форм и конструкций, подвергающихся грамматизации, выступающих в качестве строевых средств, может выясниться лишь в грамматическом учении о словосочетании.

После исчерпывающего анализа форм и типов словосочетаний в русском языке, после определения основных грамматических и лексико-грамматических категорий, управляющих механизмом русского словосочетания, естественно, откроются новые перспективы и в области грамматического учения о слове. По-видимому, именно к этой стороне лингвистического исследования стремился привлечь внимание языковедов Р. А. Будагов в статье «Семантика слова и структура предложения»**. Исходя из мысли о самом тесном взаимодействии и взаимопроникновении лексических и грамматических категорий, Р. А. Будагов демонстрирует на очень пестром материале своеобразное столкновение в системе словосочетаний и предложений «лексического и синтаксического значений слова, в котором синтаксический план не целиком за-

* См. статью А. Белича «Внутренняя и внешняя языковая форма». — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, 1946, № 3.

** Уч. зап. ЛГУ, серия филологических наук, 1946, вып. 10.

слоняет лексический, а переплетается с ним, наступает на него». Например, бывает так, что «на общем пути развития грамматической категории семантика отдельных слов, формирующих данную грамматическую категорию, может образовать на том же пути своеобразные площадки обратного движения, обратного развития» (ср. нем. безличн. *mich hungert — я голоден, я проголодался* при *ich hungere — я голодаю*). «Слово, семантическая дифференциация слов, взаимодействуя с предложением и отдельными грамматическими категориями, не только осложняет направление развития этих грамматических категорий, но в известной степени и объясняет перипетии их внутреннего исторического становления»*. «Вещественное различие» между понятиями отнюдь не безразлично для грамматиста. Например, для установления семантики предлогов необходимо исходить из семантически разграниченных реальных словосочетаний. «Грамматическое значение предлога должно быть своеобразным извлечением, своеобразной абстракцией из всего многообразия действительных словосочетаний», из всех лексико-фразеологических разновидностей реализации этого предлога.

Р. А. Будагов делает упор на принцип взаимодействия семантики слова и структуры предложения. Характер этого взаимодействия в разных языках, а тем более в языках разных систем, оказывается совершенно различным. Даже в истории одного и того же языка виды соотношений между семантикой слова и системой предложений изменяются. «В индоевропейских языках слово хотя и подчиняется системе целого предложения и зависит от этой системы, однако оно не всегда теряет свою самостоятельность и в ряде случаев само начинает воздействовать на предложение, менять его структуру».

Открывающийся на этом лингвистическом пути новый круг задач и проблем в области исследования слова уже выходит за пределы грамматического учения о слове, хотя и тесно соприкасается с ним. Но было бы ошибочно целиком связывать все эти проблемы с учением о предложении и сводить их к общей теме о «взаимодействии слова и предложения, о взаимодействии лексико-семантических аспектов слова и словесных сочетаний с синтаксическим строем предложения», как думает Р. А. Будагов. Исследование взаимодействия лексических и синтаксических категорий в семантике слова и его употреблении едва ли не в большей степени, чем к синтаксису предложения, относится к грамматическому учению о словосочетании.

Грамматическое учение о слове находится в самой близкой, самой тесной связи и взаимодействии с грамматическим учением о словосочетании и лишь в нем находит свое завершение.

Можно сказать, что грамматическое учение о слове и грамматическое учение о словосочетании вращаются в одной грамматико-семантической сфере и взаимно дополняют друг друга. Синтаксис предложения, хотя и утверждён на грамматическом фундаменте слова и словосочетания, уже принадлежит совсем к иной грамматико-семантической сфере и, выходя за пределы семантики слова и словосочетания, управляется на основе иных грамматических категорий.

А над всеми этими кругами и сферами грамматики воздвигается совсем не исследованная область стилистического синтаксиса, в центре которой лежит проблема строя сложных синтаксических единств с типичными для него приемами расчленения и сцепления синтагм как предельных синтаксических единиц в структуре этих сложных синтаксических целых. В системе стилистического синтаксиса органически объединяются теория синтагм и учение о структуре сложных синтаксических единств в разных стилях русского литературного языка.

* Уч. зап. ЛГУ, серия филологических наук, 1946, вып. 10.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аванесов Р. И. 286, 357, 406
 Авенариус В. П. 253
 Ададуров В. Е. 393, 440
 Аксаков К. С. 68, 70, 81, 100, 101, 103, 112, 127, 128, 136, 141, 144, 160, 161, 164, 168, 198, 199, 201, 202, 205-207, 210, 227, 245, 251, 252, 259, 266, 267, 273, 274, 282, 331, 350, 354, 356, 399, 400, 403, 412, 413, 440, 442, 445, 446, 450, 451, 469, 472-474, 478, 479, 482, 494-498, 508, 556, 558, 559, 561, 572, 574, 584, 622
 Аксаков С. Т. 136, 205, 215, 276, 316, 324, 445, 469
 Андреев В. Ф. 157, 244, 282, 284, 349, 374
 Андреев Л. 140, 159, 174, 220, 222, 245, 266, 336, 384, 620
 Анненков П. В. 279, 376
 Анненский И. Ф. 253, 332, 381, 385, 458, 486
 Аристотель 349
 Асеев Н. 51
 Афанасьев А. Н. 250, 454, 488
 Балли Ш. (Bally Ch.) 26, 600, 605
 Бальмонт К. Д. 66, 142
 Баратынский Е. А. 333
 Барсов А. А. 150, 253, 282, 331, 393, 439
 Батюшков К. Н. 586
 Бегичев Д. Н. 29
 Безыменский А. И. 168, 174
 Беккер Ф. 268
 Белинский В. Г. 19, 88, 96, 100, 122, 211, 212, 215, 267, 403, 440, 598
 Белич А. (БелиА А.) 23, 45, 53, 102, 119, 443, 460, 462, 625
 Белый А. 431, 432
 Бернштейн С. И. 350
 Блок А. А. 135, 235, 247, 267, 278, 432, 456, 490, 566
 Боборыкин П. Д. 94, 95, 120, 124, 191, 212, 266, 481
 Богданович И. Ф. 318
 Боголепов А. П. 252
 Богородицкий В. А. 14, 34, 40, 147, 148, 222, 331, 405, 406, 492, 556, 589, 596
 Богородицкий Н. 474
 Бодуэн де Кургенэ И. А. 39-42, 55, 273
 Болдырев А. В. 214, 393-395, 440, 441
 Бопп Ф. (Bopp F.) 275, 399, 476
 Брандт Р. Ф. 138, 253, 318
 Браун М. (Braun M.) 74, 138, 143
 Бругман К. (Brugmann K.) 67, 84, 143, 405-407, 462, 580
 Брюсов В. Я. 137, 175, 177, 226, 236, 337, 587
 Буайэ П. (Boyer P.) 366, 520
 Бубрих Д. В. 266, 332, 345, 595
 Будагов Р. А. 625, 626
 Будилович А. С. 242, 312, 404, 491
 Булаховский Л. А. 84, 300, 339, 432, 450, 475, 481, 516
 Булич С. К. 63, 204, 287, 326, 394
 Буслаев Ф. И. 70, 80, 82, 169, 180, 201, 202, 211, 213, 223, 243, 275, 318, 321, 331, 350, 354, 376, 377, 403, 443, 446, 450, 461, 472, 473, 482, 493-495, 499, 500, 550, 570, 574
 Бутков Я. 72

Вайан А. (Vaillant A.) 72
 Ваккернагель (Wackernagel J.) 500
 Валимова Г. В. 320
 Ван-Вейк Н. (van Wijk N.) 430, 460
 Вандриес Ж. (Vendryes J.) 36, 43, 520
 Вейсман А. 403, 404, 407
 Вельман А. 25, 293, 430, 490
 Венгров Н. 386
 Вересаев В. В. 288, 337, 471
 Вестфаль Р. Г. 441
 Виноградов В. В. 151
 Винокур Г. О. 350
 Вольтер Э. А. 70, 71, 74
 Вондрак В. (Vondrak W.) 153, 213
 Востоков А. Х. 59, 69, 70, 86, 106, 169, 200, 202, 213, 223, 224, 259, 286, 308, 321, 330
 — 332, 335, 350, 395-397, 403, 406, 419, 421, 430, 433, 440, 441, 473, 492, 493, 498, 522, 551, 561, 572, 573, 595, 616, 620, 622
 Вундт В. (Wundt W.) 350, 491
 Выготский Л. С. 621
 Вяземский П. А. 23, 47, 177, 267, 311
 Габеленц Г. 25
 Гартман Г. (Hartmann H.) 161, 195, 196
 Гаршин В. М. 584
 Гвоздилов Б. 499, 501-503
 Гегель 37, 270
 Гейзе (Heuse) 507
 Гейне Г. 26, 63
 Германн Готфрид 13
 Герцен А. И. 50, 158, 213, 215, 216, 229, 230, 261, 292, 313, 337, 338, 386, 455, 563, 571, 627
 574, 605, 608
 Гийомар М. (Guihomard M.) 366
 Гильом Г. (Guillaume G.) 443
 Гильфердинг А. 253, 381, 385, 399
 Глаголевский П. 491
 Гладков Ф. 432
 Гоголь Н. В. 51, 64, 65, 75, 113, 142, 144, 182, 207, 210-213, 223, 227, 231, 265, 271, 278, 299, 307, 309-311, 324, 340, 341, 345, 346, 352, 375, 379, 380, 382, 385, 389, 392, 413, 451, 467, 476, 477, 481, 484, 486, 488-490, 502, 515, 547, 548, 551, 558, 563, 564, 571, 580, 582, 584, 588, 590, 603, 605, 607, 608, 615-623
 Голубов С. 381
 Гольцев В. А. 51, 275
 Гончаров И. А. 33, 220, 221, 231, 245, 259, 276, 278, 304, 311, 316, 333, 378, 380, 385, 387, 414, 420, 444, 446, 448, 454, 455, 459, 464, 467, 471, 478, 484, 487, 525, 581, 588, 598, 600, 605, 615, 618, 621
 Горбунов И. Ф. 596, 597, 600
 Горнфельд А. Г. 621
 Горький М. 65, 90, 140, 149, 167, 182, 209-212, 217, 219, 278, 287, 291, 308, 320, 322-324, 337, 385, 432, 447, 460, 462, 481, 490, 491, 525, 546, 557, 583, 589, 597, 605, 608, 614, 618, 620, 621
 Гофман Э. Т. А. 272
 Грандилевский А. 51, 460
 Грассери Р. (Grasserie R.) 149
 Грек Максим 450

Греч Н. И. 54, 165, 169, 171, 200, 202, 203, 206, Ичмайлов Л. Е. 525 211, 244, 259, 267, 306, 321, 326, 357, 395-397, 418, 421, 430, 431. Ильинский Г. А. 363 473, 474, 522 550, 566, 567, 572, 574, 595, 616 -- Грибоедов Л. С. 80, 83, 87, 101, 142, 174, 223, 246, 271, 277, 2X9, 299, 333, 343, 344, 346, Каверин В. А. 164 384, 385, 387, 434, 438, 446, 455, 465, 467, 481, Калайдович И. Ф. 81, 127, 200, 265, 330, 355, 491, 503, 516, 553, 562, 564, 565, 567, 587. 604, 403, 478. 493, 525 605, 618, 620 Кант И. 473 Гршорович Д. В 98 Кашемир А. 211 Гримм Я. (Grimm J.) 101. 145 Караваева А. 432 Гро1 Я. К. 79, 106, 107. 120, 223, 364, 516 Карамчин Н. М. 185. 211, 331, 446, 478, 570, 571, 586 Группский И. К. 157. 233, 270, 404 Гумбольд! В. (von Gumboldt W.) 19. 20, 22, 24, Карачи! ип П. А. 275 Mi 267 350 Карийский Н. М. 579 Карпов Е. 142, 596, 614, 6! 5 Карцевский С. (Kareevski S.) 153, 154, 405 Кассирер Е. (Kassirer E.) 60 Давыдов И. И. 89, 94. 200, 266. 267, 308, 321, 331, 357, 397. 440, 473 488 S¹¹ 5">4 595 Катаев В. П. 455 Даль В. И. 107, 213. 468. 496, 497. 523 Катков М. Н. 297, 331. 399. 403. 407. 409, 421, 442, 446. 480. 486 Данилов Кирша 461 Каниельсон С. Д. 14. 242. 279 Дельбрюк В. (Delbrut-k B.) 145, 350, 407, 449, 450 Квитко-Основьяпенко А. Ф. 392 Державин Г. Р. 23, 265 Кслпш (Kaeding) 544 Диккенс Ч. 19 Киреевский И. В. 399, 451, 469 Днекол Аполлоии 314. 349 Кирсанов С. 203 Дмитриев И. И 572 Классовский В. 242 Добиаш А. 260, 314. 326. 441, 522, 550 Кпппер О. Л. 73, 212, 213 Добровскпм В. 403. 447 Ковалев П. К. 420 Добролюбов Н. А. 66 Кольцов А. В. 170. 304, 336, 383. 433, 456. 459. 558. 617 Добромыелов В. А. 133. 556 Кони А. Ф. 210 Дона г 349 Достоевский Ф. М. 33, 51, 52, 56, 65, 69, 70. Короленко В. Г. 245, 280, 322. 324, 362, 446, 72, S0, 93, 101, 105, 113. 117. 139. 140. 490_ 5_5_ 550 146. 149, 158. 162, 168. 170, 181, 203, 204, 211, Кохаповская Н. 310 ■> 13_т|5 "49 221 226 ~>"ЧИ"40 '35 2Ь~> 27I— Коша некий Н. 331. 573 V3 V7 *287 ">89 ~>V\~-293 ^99 3(P 305 Кошутч Р. (Кошутч// Р.) 168, 197, 208, 212, 309' 314'.420 322 3">5 327 333~335 \з"б Ш 22К 25а 254* 258* 4/8_ 443 344 354 375 380 381 383-386 409 420 Красновольский А. (Krusnowolski A.) 385 431! 448. 449, 451, 452. 455. 457, 458. 460, 466," Кр»*"""" K1 393, 394 477, 481, 484, 486, 490. 512. 519, 524, 527. 547, Грушевский Н. В 40. 55. 56, 351 551. 553, 559, 562, 582-585, 587. 596. 600, ЛЬ"""" тм 404 408 604 605 608 614 бг> Крылов И. А. 64. 80. 136. 207, 217, 225, 250, 2?8_ 275_ *->_ П1 • 316_ 341 ■ 344_ 345' 375_ 376_ Ш_ 387' Ш_ 41 X 418" 436" 4Ж 446' 448" 452' 441 4X4-486. 489. 494, 503, 515. 526. 546. 548, 553. 562. 563. 565, 568-570, 580-582, 585, 587. 588. 603. 607, 617, 618, 621 Ксенофонт 588 Кугечь А Р 214 Есенин С. А. 114. 142, 547 Кудрявекый Д. Н. 43. 231, 445, 488 Есперсен О. (Jespersen O.) 41, 60, 212, 267, 269, 2"""" ^^^ Кучмин М. А. 519 2"""" ^^^ Кукрыниксы 52 Кульбакин С. М. 143 Кузьман Н. К. 28 Житомирский К. 462 Куиик А. А. 72 Жуковский В. А. 78, 266, 278, 376, 495. 570, 571, 574, 586 Куприн А. И. 273. 323. 324. 432, 462. 617 КуріаноВ Н. Г. 393, 439 Курилович Е. 43. 286, 560 Завьялов Н. 474 Курциус С. (Curtius G.) 407. 440, 504 Зарецкий А. И. 271 Кюни (Сипу) 60 Зеленин Д. К. 152 Лаврухин Дм. 90, 288, 295, 447, 457 Лангельшельд Ф. 396, 403 Зизаний Лаврентий 144, 429, 472 Златовратский Н. 384 Левитов А. И. 228 Левшин В. 461 Иван IV 323 Иванов А. 556 Иванов

- Лейкин Н. А. 140, 548
 Ленин В. И. 37, 270
 Ленский Д. 23
 Леонов Л. М. 89, 167, 182, 188. 228, 362, 615
 Леонтьев К. 459
 Лермонтов М. Ю. 29, 60, 64, 150, 174, 376, 37
 253, 280, 313, 323, 325. 336, 337, 489 49
 341, 382, 385, 387, 389, 456, 468, 1.
 476, 484, 551, 584, 585, 588-590, 121 12
 599 6.
 Лерх (Lerch E.) 600 257 26
 Лескин А. (Leskien A.) 152 346 38
 Лесков Н. С. 51, 74, 80, 88, 89, 94, 200 20
 95, 135, 139, 173, 180, 182, 208. - 2,
 215, 271, 293, 299, 304, 320, 335, 393 39
 337, 345, 430, 432, 453, 526, 558, 517 51
 572, 584, 597, 621, 622
 Ломан (Lohmann J. F.) 138
 Ломоносов М. В. 51, 84, 144, 150, 151, 213,
 227, 286, 321, 331, 345, 350, 399, 439, 441,
 445, 472. 492, 493, 570
 Лотце Р. Г. 21
 Лудольф Г. 393, 440, 492
 Луначарский А. В. 214
 Лысков И. П. 356
 Любомиров П. Г. 450
 Людвиг Альфред 71
 Ляпунов Б. М. 96
 Ляшко Н. 178, 615, 620
 Мазон А. (Mazon A.) 270, 321, 362, 393,
 405,
 407, 408, 414, 417, 424, 443, 447, 454, 458,
 485, 488
 Майков А. А. 63, 587 Макарьев И. **211**
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 436 Мандельштам
 И. 72, 202, 203, 551 Мансика В. 461
 Маргулиес А. (Margulies A.) 497. 511-513,
 516 Марк К. 267 Марлинский А. А. 88,
 293 Марр Н. Я. 15, 19, 23, 60, 611 Марти А.
 (Marty A.) 24, 25 Мартынов И И . 396, 448
 Машков П. 214 Маяковский В. В. 71, 80,
 ПО, 113, 114, 168,
 171, 172, 188, 204, 211, 213, 226, 230, 233,
 255, 323, 436 Мейе А. (Meillet A.) 77, 198,
 350, 357, 380, 405,
 407
 Мейер К. (Meuer K.) 213 Мейер-Любке В.
 (Meuer-Lubke W.) 381 Мельников-
 Печерский П. И. 204, 310, 605 Меромский
 А. 557, 609 Мещанинов И. И. 13-15, 41,
 207, 242, 267,
 345, 544, 546, 599, 602, 612, 623
 Миклошич Ф. (Miklosich F.) 71, 98, 138,
 151,
 249, 257, 341, 343, 385, 404, 406, 449, 549
 Милых М. К. 459 Миртов А. В. 62
 Михайлов М. 63 Младенов Ст. 460
 Моравская 432 Морозов Н. А. 545 Мучник
 И. П. 515 Мятлев И. П. 253
 Надсон Н. Я. 235, 383
 Нарезный В. 413, 451
 Неверов А. С. 584
 Некрасов Н. А. 28. 73. 89, 109, III, 123, 140,
 176, 213, 222. 226. 265, 279, 316, 341, 371,
 413, 481, 509, 551, 587, 588, 611, 618, 620
 Некрасов Н. П. 122, 300, 331, 387, 399, 400,
 403, 434, 437, 440, 442, 446, 447, 472, 474,
 480, 482, 494, 496, 497, 523, 560, 561, 569
 Немировский М. Я. 66
 Нетушил И. В. 407
 Никитин И. С. 316
 Николитч 232
 Никулин А. С. 200, 209, 213
 Новиков-Прибой А. 211
 Норейн А. (Noreen A.) 18
 Обнорский С. П. 79, 131, 138, 141, 143, 148,
 243, 319, 418
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. 197, 268, 321,
 350, 355, 380, 381, 403, 405, 406, 443, 474,
 499, 507-512, 519, 526, 555, 577, 580, 582,
 594, 597, 598, 607, 612
 Огарев Н. 337
 Огнев Н. 116
 Олеша Ю. 233
 Орнатовский И. 306
 Островский А. Н. 30, 65, 79, 134, 161, 167,
 221, 235, 265, 270, 275, 276, 278, 309. 333-
 335, 345. 375. 379, 444, 448, 451, 456, 460,
 462, 464, 467. 468. 470, 484. 485. 487, 557,
 562. 563. 605, 615, 618, 620, 621
 Павский Г. П. 59, 70.94. 103. 112. 123, 115
 126 158, 166, 198, 206, 212. 236, 245. 248,
 250. 255, 259, 260, 262, 266, 267, 272, 331.
 349 360-363 366, 371, 397-400, 403, 408,
 412. 430. 440 441 446. 480. 493. 496. 498.
 500. 510, 523, 524
 Пастернак Б. 229, 303, 447, 580
 Пауль Г. (Paul H.) 298, 346, 350
 Перевлесский Н. 458
 Петерсон М. Н. 43, 68, 498
 Пешковский А. М. 42, 69, 70, 75, 146, 147,
 164, 168. 170, 177, 199, 221, 225. 267-269,
 272, 277. 282, 290. 306, 307. 321. 328. 337-
 342. 350, 355, 356, 375, 382, 385. 388. 392.
 405. 407, 408. 440. 445. 452. 453. 474. 480.
 483, 498 512 544, 546, 572, 577, 580, 581,
 594, 597, 598, 607, 613
 Пико Э. (Picot E.) 393
 Писарев А. 116
 Писарев Д. И. 26, 454
 Писемский А. Ф. 205, 208, 211, 213, 217, 211,
 245, 288, 311, 318, 325, 333, 378, 457, 487,
 489, 563, 569, 571, 599, 604, 620. 622
 Пифагор 242
 Платон 349, 588
 Погорелов В. 460
 Покровский М. М. 23, 179, 182. 189
 Полевой К. А. 136
 Поливанов Л. И. 587, 588
 Полонский Я. П. 567
 Помяловский Н. Г. 149. 177, 215. 216, 236,
 276, 310, 384, 562, 564. 604, 620

Попова. В. 146, 286, 299, 302, 499, 503 506 507 509
Поржезинский В. К. 157, 497-499. 502
Пос (Pos J.) 152

Потапов С. М. 51
 Потебня А. А. 13, 19, 22, 24, 28, 34-37, 41-43, 52, 53, 63, 68, 70, 71, 74, 75, 98, 101, 106, 109, 119, 122, 128, 136, 145-147, 161, 167, 174, 178, 183, 186, 203, 224, 225, 234, 242, 249, 468-468-
 252, 260, 268, 282, 284, 286, 300, 315, 317, 321. 326, 331-334, 343, 346, 350, 351. 355, 380, 382, 383, 389, 394, 397. 398, 400-405, 412, 426, 430, 442, 446, 447, 449, 450, 453, 457, 458, 460, 466, 470, 474-476, 481, 482, 486, 489, 494, 496, 499-503, 507-510, 519, 521, 561, 564, 571, 588, 591, 595-598. 622
 Пришвин М. М. 362
 Прутков Козьма 18, 134
 Пушкин А. С. 64. 66, 78-80, 84, 87, 137. 138, 142, 144, 146, 150, 153, 170, 172, 174, 177, 180, 184, 185, 197, 205. 207, 212, 215-220, 222, 223, 225, 233, 235, 245, 250, 251, 253, 255, 258, 259, 262, 265-267, 270, 271, 276, 278, 279, 280, 288, 291, 295, 299, 297, 299, 312
 Размусен Л. П. 405, 409, 443. 447, 456, 470. 489
 Риккерт Г. 243
 Рис (Ries J.) 613
 Рифтин А. П. 283
 Рихтер Ж. П. 50
 Риччи 64
 Ровинский Д. А. 553
 Рождественский Вс. 226
 Романов Е. Ф. 381
 Рунова О. 278
 Рылеев К. Ф. 615
 Савина М. Г. 278
 Садовников Д. Н. 204. 381. 385. 458
 Салтыков-Щедрин М. Е. 31. 64. 83. 87. 95. 104, 108, 136. 139, 140. 168. 177. 182. 183, 199. 200. 208. 212, 213, 232, 236. 265. 280. 308. 310, 311, 347. 392. 436. 448. 451. 452, 467. 469.
 478, 487. 549. 605, 606. 615. 620. 622
 Сербеев Д. Н. 64. 589 Светов В. П. 393. 434 Свит (Sweet A.) 18 Северянин И. 175 Сейфуллин Л. 73. 167, 180. 205. 362. 490 Сельвинский И. 185. 188, 196, 223, 236. 620 Сепир Э. (Snpir E.) 18, 19. 23, 78, 152. 154 Серафимович А. 620 Сетэлэ (Setalii E.) 19. 152 Сеше А. (Sechehaue A.) 272, 596 Сидоров В. Н. 2Ы. 3.57. 406. 545 Снньен С. (Szippuei S.) 297 Славин Л. 84. 85, 248 Слепцов В. А. 213. 247, 333. 384. 461, 487. 490 Смаль-Стоцкий 363 Смотрицкий Ме.ісііііі 144. 393. 429. 439. 450. 472. 492. 493. 55Х Соболевский А. И. 13. 53. 71. 74. S1. 96. 101. 128. 145, 152, 154. 155. 157. 326 630
 Соболевский С. И. 214, 229, 459, 471
 Соколов П. 393, 439
 Сократ 588
 Соловьев Н. Я. 276
 Сологуб Ф. 168, 378 447, 454, 462, 464, 471, 484, 487
 Соммер Ф. (Sommer F.) 161
 Соссюр Ф. де (Saussure) 14-17, 19, 20, 40, 46, 47, 407
 Срезневский В. И. 154
 Станиславский К. С. 50, 152, 173, 287, 343
 Стенбок К. М. (Stenbock C. M.) 143, 156
 Стендер-Петерсен А. И. 363, 432, 443, 449, 450, 488
 Сухово-Кобылин А. В. 140, 218, 223, 251, 617, 620, 622
 Таппе А. В. 394, 395
 Телешов Н. Д. 140
 Тимковский И. 112, 155, 202, 414
 318, 322-324, 327. 333, 336, 337, 345, 374, 377, 381-384, 387, 413, 420, 444, 448, 458, 464, 465. 468, 469, 481. 486, 488-490, 513, 521, 525. 526, 548, 557, 562, 563, 571, 573, 574, 585. 590, 596, 608. 616, 618-620. 622. 623
 Томсон А. И. 154, 234
 Трахтенберг В.* Ф. 51
 Трельяковский В. К. 66
 Тромбетти А. (Trornbetti A.) 60
 Тургенев А. И. 495
 Тургенев И. С. 18, 30, 52, 69, 71, 73. 78-80 83. 93. 97, 98. 137. 142, 149, 150, 167. 168, 179, 181. 197. 205. 208. 215. 217-221 223 232 235. 250. 251. 258, 262, 266. 270, 271, 277-279 294, 299. 304. 316. 319-322, 324 325 334 336-338, 344, 346, 353. 374, 376-380, 382-387. 390, 413. 418-420. 432. 444. 448. 454. 456. 457. 462-464. 466. 467. 469, 471, 477, 478, 484,485.487,488,490,491.502.513 521 525 527. 548. 551, 558. 562-565. 574. 580-583. 585. 587. 590. 596. 597. 600-608. 614-620 623
 Тынянов Ю. 269, 447. 455
 Тютчев Ф. И. 51. 63. 84. 153. 300 617
 Ульянов Г. К. 362. 405. 409. 413. 414, 419, 421. 423-427. 429-432, 434. 468. 476. 484 497. 502
 Уноешун (Unbegaun V.) 82, 154. 156
 Успенский Г. И 33, 51. 80. 187. 272. 311. 382. 617
 Успенский Н. В. 324. 619. 620
 Ушаков Д. Н. 581
 Фа лев И. А. 200 Фатер (Vater J. S.) 393-395. 399 Федни К. А. 95. 167. 196. 220. 230. 232. 273, 287. 288, 310. 321. 438

Федорук-Галкина Е. М. 283
 Фет А. А. 98, 300, 525
 Фик А. (Fick A.) 268
 Фихте 267
 Фонвизин Д. И. 73, 211, 259, 346, 448, 450, 503
 Фортунатов Ф. Ф. 34-36, 42, 43, 224, 349-351, 405, 408, 413, 414, 418-423, 425-427, 429, 431-434, 466, 496-499, 502, 508-511
 Фосслер К. (Vossler K.) 588, 600, 611
 Франк-Каменецкий 441
 Фурманов Д. А. 258, 269
 Херобск 473
 Хлебников В. 20
 Христиани (Christiani) 74
 Цицерон (Ziener N.) 157
 Цицерон 486
 Чаплин А. 395
 Черный Эм. 322, 409
 Чернышев В. И. 152, 154, 156, 250, 254, 266, 342, 447, 550, 552
 Чернышевский Н. Г. 61, 78, 119, 167, 219, 220, 222, 223, 247, 271, 287, 344, 389, 390, 481, 489, 559, 571, 573, 605, 614, 623
 Чехов А. П. 29, 30, 66, 70-73, 79, 80, 115, 121, 136, 144, 149, 150, 182, 212, 213, 217, 218, 221, 246, 247, 254, 269, 276, 280, 316, 322, 325, 338, 341, 344-346, 375, 376, 379, 382-384, 386, 387, 389, 390, 444, 447, 453, 457, 458, 461, 462, 464, 465, 467, 481, 486, 487, 489-491, 515, 546, 550, 556, 562-565, 574, 584, 597, 599, 603-605, 607, 608, 620-622
 Чулков Г. И. 153
 Шаболин Б. 96
 Шаликов П. И. 215, 316
 Шапиро А. Б. 514, 524
 Шафранов С. 237, 396, 399, 441, 460
 Шахматов А. А. 13, 27, 28, 36, 38, 42, 48, 69, 82, 101, 128-130, 138, 145, 147, 151, 153-157, 170-172, 197, 203, 222, 224, 244, 247, 250, 254, 259, 265, 268, 270, 272-274, 282, 283, 285, 300, 306, 307, 319, 321, 322, 325, 326, 328, 331, 332, 335, 339, 342, 350, 355, 356, 363, 377, 378, 385, 391, 405, 406, 409, 414, 417, 419-423, 427-434, 441, 443, 447-449, 458, 460, 464, 472, 474, 475, 478, 488, 489, 499, 502, 509-517, 519, 524, 526, 544, 545, 549, 561, 578, 579, 591, 592, 596, 597, 600, 607, 612-616
 Шаховский А. 23
 Шейн Н. В. 214
 Шелгунов Н. 275
 Шеллер-Михайлов А. К. 229
 Шемшурин А. 119, 155
 Шиллер Ф. 266
 Шишков А. С. 64, 153, 570
 Шишмарева Н. А. 19
 Шляков Н. В. 547
 Шмелев И. 316
 Шолохов М. А. 172, 205, 236, 322-324, 362, 438
 Шпитцер (Spitzer) 600
 Шгаль (Stahl J.) 462
 Штейнталь Г. (Steinthal H.) 24, 268, 350, 500, 507
 Шухардт Г. (Schuchardt H.) 15, 23, 332, 605
 Щепкина-Куперник Т. 622
 Церба Л. В. 15, 18, 19, 23, 37, 38, 64, 152, 153, 207, 225, 265, 279, 283, 286, 288, 332, 339, 366, 553, 581, 607, 625
 Энгельс Ф. 241, 242
 Эндзелин И. М. 426, 427
 Эртель А. И. 385
 Эсту (Estoup J. B.) 544
 Юшманов Н. В. 155
 Яковлев А. 269, 362
 Якубинский Л. П. 556, 621
 Якушкин П. 451

СЛОВО КАК ОБЪЕКТ ГРАММАТИКИ
И ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ В ТЕОРИИ
И ПРАКТИКЕ РУССКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ШКОЛ
КОНЦА XIX В. И ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.¹

1. Учение о структуре слова как основа грамматики

Грамматика — это система норм и категорий, определяющих приёмы и типы строения слов, основанную на них группировку слов по классам и разрядам, принципы структурных связей и соотношений между этими классами и разрядами, а также формы сочетания слов в синтагмы (словосочетания) и предложения, виды предложений и формы их композиционных объединений в процессе речи. Таким образом, грамматика изучает структуру четырёх основных языковых единств: 1) слова; 2) словосочетания, или синтагмы; 3) предложения; 4) замкнутого синтаксического ряда, периода.

Учение о структуре слова составляет задачу морфологии. «Морфология представляет, так сказать, инвентарь отдельных категорий слов и их форм, а синтаксис показывает все эти слова и формы в их движении и жизни — в составе речи». Естественно, что учение о слове — при описании системы современного русского языка — должно предшествовать как учению о словосочетании, так и учению о предложении.

Всестороннее раскрытие понятия о слове, конечно, должно заключать критический обзор грамматических учений. Но общие структурные признаки слова целесообразно наметить теперь же, чтобы яснее были критерии оценки выдвигавшихся в этой области теорий. В слове современного русского литературного языка структурно объединены разные значения и формы — грамматические (фономорфологические, синтаксические), лексические (обозначение чего-нибудь, система вещественных значений, разнообразные связи с теми или иными фразовыми сочетаниями), экспрессивные, стилистические и др. Большая часть слов (именно все, относящиеся к так называемым «частям речи») является прежде всего названиями, номинативными знаками какого-нибудь содержания из мира материальной действительности или из сферы социальной идеологии и психологии. В. И. Ленин, составляя конспект книги Л. Фейербаха «Изложение, развитие и критика философии Лейбница», выделил отметкой — «хорошо сказано» — такое рассуждение Фейербаха о сущности названия: «Чувственное восприятие даёт предмет, рассудок — название для него... Что же такое название? Служащий для различения знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы припомнить его в его целостности»². Будучи различительным знаком, слово в то же время является вместилищем, средоточием значений, отражающих в своей смысловой связи присущие коллективу принципы сочетания, сопоставления и объединения идей, эмоций, предметов, процессов, признаков, качеств, отношений. Вместе с тем слово представляет собой структурно-речевое единство — или образующее речь высказывание (предложение), или выделяемое из речи как предельный,

_____ Раздел из книги В. В. Виноградова «Современный русский язык. Грамматическое учение о слове». Вып. I. М., Учпедгиз, 1938. (В этом разделе в цитатах сохранены орфография и пунктуация источников.)

¹ В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, изд. 3-е, Казань, 1911, стр. 276.

² В. И. Ленин, Философские тетради, Партиздат, стр. 84.

лексически целостный её член, соотносительный с другими членами. Как структурно-речевое единство, слово является системой фонем и морфем, организованной по законам грамматики данного языка. Таким образом, структура слова в современном русском языке очень сложна. Элементы этой структуры тесно связаны и семантически объединены. Между грамматическими и лексическими формами слова существует непосредственное соотношение и взаимодействие. Всякое упрощение, всякая схематизация сложной структуры слова ведёт к односторонним и ошибочным грамматическим построениям и к искажению языковой перспективы.

2. Исторические корни современных грамматических учений

В центре грамматики современного русского языка стоят вопросы о слове как объекте грамматики, о грамматических классах слов, о грамматической форме и грамматической категории. От решения этих вопросов зависит всё освещение морфологической и синтаксической систем языка. Но современная русская лингвистика ещё не добилась твёрдых ответов на эти коренные вопросы грамматики, ещё не достигла ясных и точных формул, отражающих всю сложность живых языковых процессов. Больше того: в господствующей грамматической традиции нередко наблюдается в сфере этих основных проблем отход от многих конкретных достижений грамматической мысли XIX в. Грубый и наивный эмпиризм, смешанный с формализмом, в понимании структуры слова, склонность к схоластическим спорам о существовании грамматической формы, смешение вещественно-логических и грамматических критериев в классификации слов, отрыв грамматики от словаря и от семантики живого языка, пренебрежение к социальному многообразию стилистических расщеплений речи, схематизм и штампованная традиционность грамматических квалификаций — вот серьёзные болезни большей части современных грамматических систем. Поэтому целесообразно обозреть главные, наиболее влиятельные, направления второй половины XIX в. и первой трети XX в. в разработке грамматики русской литературной речи, прежде чем излагать систему морфологии современного русского языка.

Конечно, во многом современная грамматика ещё носит отпечаток грамматической рационализации XIX в. Труды А. Х. Востокова, Н. И. Греча, Г. П. Павского, К. С. Аксакова, И. И. Давыдова, Ф. И. Буслаева, Н. П. Некрасова продолжают быть источниками (иногда замаскированными) многих современных грамматических объяснений и теорий, хотя обычно терминология и детали меняются. Уже К. С. Аксаков поставил проблему грамматической формы во всей её глубине, осудив в «Исторической грамматике» Буслаева метод абстрактного «приложения к языку понятий, не находящих язычного выражения». «Разделение слов, — писал Аксаков, — должно быть не по внутреннему значению, ими выражаемому, — тогда это было бы разделение самих понятий и предметов, — а по той форме, которая им даётся самим словом. Основанием деления должно быть само слово, и ничто другое... Надо принять за правило: что не нашло себе отдела, особой формы, особого выражения в самом слове, то не должно и не может войти в грамматику»¹. «В языке только то движение мысли важно для грамматики, которое получило язычное выражение; но всё, что в языке получило выражение, — уже непременно относится к логике. Язык мыслит... мыслит сам в себе; но если мыслит, то логически»². Если внести ту поправку, что мыслит, конечно, не язык, а говорящее на языке общество в его классовой и социально-групповой дифференциации, и что язык, как социальная конструкция, внутренне связан во всех своих элементах, то нельзя не признать эту постановку проблемы формы и содержания в грамматике на почве изучения русского языка чрезвычайно глубокой.

Борясь с абстрактно-логическими построениями в области грамматики, когда «покидается область слова и переносится дело в область отвлечённых понятий», когда «прилагаются к языку такие понятия, которые в языке выражения язычного не находят», Аксаков склонялся к необходимости резкого методологического отграничения морфологии (учения о грамматических формах слова) от синтаксиса, но считал чрезмерное увлечение формальным сравнительно-историческим методом особенно опасным для морфологии (и лексикологии). Лишь «там, где является уже деятельность самого слова, его изменения: склонения, спряжения и пр., там уже нет такого разгула для мысли; там сравнительный способ входит в свои пределы... там он непременно и существенно важен». Однако как бы предчувствуя крайности формалистических учений

¹ К. С. Аксаков, Опыт русской грамматики. (Полное собрание сочинений К. С. Аксакова, М., 1875. Сочинения филологические, ч. 2, стр. 20—21, ср. стр. 54.)

² К. С. Аксаков, Критический разбор «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева. Сочинения филологические, ч. 1, стр. 536.

(вроде системы Ф. Ф. Фортунатова), Аксаков рекомендует «руководствоваться не только внешней стороной флексии, но столько же или ещё более — смыслом самого употребления». «Сходство, основанное на сходстве флексии и на сходстве смысла её употребления, — едва ли может быть ошибочно»¹.

Вместе с тем Аксаков очень тонко и точно проводил пограничную черту между грамматикой и словарём, а также этимологией, как частью исторической лексикологии, различая продуктивные (грамматические) и непродуктивные (этимологические) формы словообразования и словоизменения: «Невозможность для окончания свободно примыкать и отделяться есть... принадлежность окончаний этимологических, или словопроизводных. Окончания же грамматические живы и переходят от слова к слову, в иных словах кристаллизуясь и теряя своё значение».

Но как ни интересны и как ни плодотворны были бы исторические разоблачения архаических основ современной грамматической теории и как ни увлекательна задача воскрешения свежих идей и материалов, похороненных под фундаментом ортодоксальной сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков и примыкавшей к ней описательной грамматики русского языка, — ещё настоятельнее и неотложнее необходимость детального критического разбора живых и взаимно враждебных, противоречивых грамматических направлений современности.

3. Грамматическая концепция А. А. Потебни и её идеалистический философско-лингвистический фундамент

Роль А. А. Потебни и его школы в истории русского языкознания необычайно велика. Потебня произвёл переворот в грамматических теориях, которыми до него питалась наука о русском языке. Углубление учения о слове, о грамматической форме и грамматической категории, интерес к синтаксическому и семантическому исследованию элементов речи — всё это вносило новую, свежую струю в изучение русского литературного языка. В самой грамматике обнаруживались источники и формы художественно-языкового творчества. Уже Ф. И. Буслаев боролся против сухого логицизма, рационалистического априоризма и антиисторизма грамматических систем конца XVIII и первой половины XIX в., но мог противопоставить им лишь схематические чертежи исторической эволюции разрозненных языковых явлений, нередко рассматриваемых и оцениваемых под традиционным углом грамматического зрения. К. С. Аксаков, вооружённый гегельянской философией, с необыкновенной остротой вскрыл теоретическую бедность и отсталость «Опыта исторической грамматики русского языка» Буслаева³. И вот, в учении Потебни, увлечённого лингвистическими теориями Вильгельма Гумбольдта и Штейнталя, открылся сложный и разнообразный мир творческого мышления, отражающегося в слове и непрестанно преобразующего грамматическую и лексическую систему языка. Семантика становилась «душой» грамматики, а методом семантического анализа — субъективно-идеалистический психологизм с оттенком интуитивизма.

Грамматические идеи Потебни послужили основой синтаксической системы Д. Н. Овсяннико-Куликовского, во многом определили путь синтаксических наблюдений А. М. Пешковского и дали сильный импульс грамматическим исследованиям акад. А. А. Шахматова. Однако никто из русских последователей и продолжателей Потебни не связал так тесно и прочно грамматические вопросы, вопросы языковой техники, с формами мышления и познания, как сам Потебня, который писал: «Как на вопрос о причине такой-то формы стружки, муки и т. п. можем ответить, отвлекаясь от свойства вещества и работы, лишь указанием на форму струга, мельницы с её жерновами и ситами и т. п., так, отвечая на вопрос о причине такой-то формы нашего знания, нельзя миновать указания на образуемые и образующие формы языка, каковы слово, предложение, часть речи; ибо этими формами различно, смотря по языку и его поре, делится и распределяется всё мыслимое, доходящее до нашего сознания»⁴.

¹ «Сочинения филологические», ч. 1, стр. 530.

² «Сочинения филологические», ч. 2, стр. 56—57; ср. также стр. 70, 74, 531.

³ Там же, ч. 1 и критический разбор «Опыта исторической грамматики» Ф. И.

Буслаева, ч. 1.

⁴ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. III, Харьков, 1899, стр. 641.

Характерно,

что Гумбольдт также в понятие формы языка включает и его семантические особенности, самую техни-

Потебня строил свою грамматическую систему, исходя из лингвистических взглядов Вильгельма Гумбольдта и Штейнталя. С характерным для Гумбольдта пониманием речи как творческой деятельности был связан обострённый интерес к синтетическим актам и формам языка. Поэтому в концепции Гумбольдта особенное место заняла теория предложения¹. «Душой» предложения Гумбольдт, в согласии с традицией, объявил глагол, которому «акт синтетического сказывания (собственно «предлагания» — по связи с «предложением» — «Setzen», «Satz») присущ как грамматическая функция». «Между глаголом и остальными словами, попадающими в простое предложение, — писал Гумбольдт, — резкая разница, которая не позволяет ставить его на одну доску с ними. Все остальные слова предложения представляют собою, так сказать, мёртвый, ещё только подлежащий соединению материал, — один глагол является не только живым, но и животворящим средоточием»². Так определяется в системе Потебни приоритет предложения над словом, вырастает идея органического единства между «частями речи» и «членами предложения», и глагол становится осью грамматического мышления. Вместе с тем от Штейнталя (а также от Макса Мюллера) Потебня воспринимает учение о предикативности, о сказуемости как о первичной организационной форме самостоятельного слова. «Всякое наименование, — писал М. Мюллер, — есть классификация, есть подведение единичного под родовое, и всё, что знаем — эмпирически или научно, — мы знаем только благодаря нашим общим идеям... Всякое слово есть первоначально сказуемое предмета»³. Точно так же Штейнталь (вслед за Гумбольдтом) видел в первобытном слове (Wurzelwort) слово-предложение, а «слова развитого языка» рассматривал (пользуясь остроумным выражением Гербарта) как «мусор», образующийся от выпадения элементов из состава предложения. Вследствие постоянного перекрещивания суждений «предложения разрезаются на части, так что слова подлежащего и слова сказуемого расщепляются в сознании из единства суждения. То же самое делается с атрибутивными и объективными (т. е. дополнительными) словами»⁴.

Штейнталь очень тонко и глубоко намечает приёмы и принципы лингвистического исследования этого «мусора» в отличие от целого «строения или здания» (речи, предложения). Ощущение слова, как «искусственного препарата», в отличие от предложения, как законченного единства, было неотделимо от лингвистического проекта Штейнталя. Каждый кусок словесного материала, по Штейнтально, имеет на себе следы разносторонней спайки, связи с другими, и один и тот же способ связи обнаруживается на нескольких камнях и балках (ведь в общем строении камень касается других камней всеми своими сторонами). Так отделяется материал от «спаек», от методов соединения. Следовательно, к языковому мусору относятся материал и спайки, по которым и определяется структурная роль слов в составе целого. Отсюда — взаимодействие грамматики и лексикологии. И та и другая имеют дело, в сущности, с одним и тем же предметом исследования, но трактуют его неодинаково. Лексиколог разбирает самый материал, хотя не обходится без того, чтобы на каждом камне (т. е. слове, идиоме, фразе) не отмечать форму спайки, не изучать его возможных связей, а грамматист исходит в своём исследовании от наблюдений над методами спаивания, однако не может при этом не указывать и на самый материал⁵.

~~ку мышления. Ср. у Гумбольдта, О различии организмов человеческого языка~~
(русский перевод, СПб, 1859): «Постоянное и однообразное в этой деятельности духа, претворяющей органический звук в выражение мысли, быв понято в полной совокупности и представлено систематически, составит то, что мы называем формою языка» (41 —42).

¹ W i l h. v. H u m b o l d t, Ueber die Kawisprache auf der Insel Jawa, Berlin, 1836, Bd. I, 266.

² Т а м же, т. I, стр. 267. Ср. также каталог определений предложения у разных грамматиков в книге J. Ries «Was ist ein Satz», Prag, 1931, 208—224.

Max M (l I I e r, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, für das deutsche Publicum bearbeitet, Leipzig, 1866, I, 331.

⁴H. Steintal, **Grammatik, Logik und Psychologie**, ihre Prinzipien und ihre Verhältnis zu einander, Berlin, 1885, 347.

⁵ Т а м же, 349.

Такое понимание взаимодействия грамматики и лексикологии предопределило концепцию грамматической формы и в системе Потебни. Понятие «внутренней формы», центральное в учениях Гумбольдта и Штейнталя, было перенесено Потебней на почву грамматики¹, и в этом аспекте грамматическая форма у него сливается с понятием категории «грамматического мышления»².

Вместе с тем для Штейнталя точно так же, как и для Гумбольдта, не существовало слов с различными значениями, так как всякое употребление слова было связано с отдельным представлением, с новым контекстом³. Потебня эту мысль выразил так: «Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т. е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения».

Учение Потебни о грамматических формах и категориях языка тесно связано с его общей концепцией языка, речи и слова. Язык — это поток непрерывного словесного творчества, вмещённый в определённый коллективный (национальный, социально-групповой) контекст. «Общее между говорящим и слушающим условлено их принадлежностью к одному и тому-же народу»⁵. Примечание разъясняет эту формулу: «Слово *народ* употреблено здесь для отвлечённого понятия «такой-то (русский и пр.) народ». В рамках этого коллективного руслу, которое, однако, у Потебни чаще всего сливается с понятием нации, язык представляет непрестанно меняющееся, подвижное, но сохраняющее цельность структурное единство форм выражения и мышления. «В каждый момент речи наша самодеятельность направляется всею массою прежде созданного языка, при чём, конечно, существует разница в степени влияния одних явлений на другие» (36). «Речь... существует лишь как часть большего целого, именно языка. Для понимания речи нужно присутствие в душе многочисленных отношений данных в этой речи явлению к другим, которые в самый момент речи остаются, как говорят, «за порогом сознания», неосвещаясь полным его светом» (34—35). В языке, как одной из структурных форм творчества культуры, всё взаимно связано и взаимно обусловлено. Вместе с тем в языке всё оформлено. «Язык есть... форма мысли, но такая, которая ни в чём, кроме языка, не встречается» (63). «Содержание языка состоит лишь из символов внеязычного значения и по отношению к последнему есть форма» (65). «Формальность... свойственна всем языкам, всё равно, имеют ли они грамматические формы или нет» (8). Контекст языкового целого служит смысловым фоном для осуществления речи.

«Речь — в определении Потебни — синоним принятого теперь термина «в языке». Речь — это основная форма употребления языка, это — целостная, живая, конкретная форма творческой реализации языка, который в ней и для неё преобразуется, проходя через бесконечные стадии становления. Будучи структурной «частью большего целого, именно языка», речь в то же время индивидуальна. «В действительности... есть только речь. Значение слова возможно только в речи.

¹ Гумбольдт определял внутреннюю форму очень широко — как способ применения внешней звуковой формы к обозначению предметов мысли и выражению связи мыслей.

² Н. Steintal, Grammatik, Logik und Psychologie, 341: «Denken, das sich nach grammati-schen Gesetzen bewegt».

³ «Zeitschrift für Völkerpsychologie», I, 426. Критическую оценку концепции Штейнталя даёт Негм. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 4 Aufl., Halle a. S. 1909, 77—78 (изд. 1-е, Halle a. S., 1880, 85). Ср. у Гумбольдта: «Истинная индивидуальность заключена только в лице, говорящем в данное время. Никто не понимает слово именно так, как другой... Всякое понимание есть вместе с тем непонимание, всякое согласие в мыслях — вместе с тем разногласие» («Ueber das vergleichende Sprachstudium». Gesammelte Werke, 111, 261—262). Ср. также тезис Гумбольдта: «Размен речи и понимания не есть передача данного содержания (с рук на руки); в понимающем, как и говорящем, это содержание должно развиваться из собственной внутренней силы; всё, что получает первый, состоит только в гармонически настраивающем его возбуждении» (там же, стр. 54—55).

⁵ А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, Харьков, 1888, стр. 3.

⁶ Там же, стр. 9. В дальнейшем все указания страниц делаются по этому изданию. В цитатах из Потебни сохраняется своеобразие орфографии самого Потебни (слияние отрицания *не* с глаголами, прилагательными и наречиями в одно слово).

Вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни, тем более, формальных свойств, потому что их не имеет (Humboldt, Ueber Verschiedenheit 207; Steinthal, Charakteristik, 318—319; Буслаев, Грамматика, § 1)» (32). «Что такое речь, это может быть определено только для каждого случая отдельно». Она «вовсе нетождественна с простым или сложным предложением»... «Она есть такое сочетание слов, из которого видно, и то... лишь до некоторой степени (так как ведь полностью значение всех речевых элементов раскрывается лишь на фоне всего языка, — В. В.), значение входящих в него элементов» (32). Ведь «если захотим придать слову *речь* слишком широкого значения, то должны будем сказать, что и речи, в значении известной совокупности предложений, недостаточно для понимания входящего в неё слова» (34). Лишь контекст языка в целом определяет и решает всё. Понятно, что «настоящее живое слово» (32) для Потебни является лишь составным элементом речи, в которой оно реализуется. В отрыве от речи оно — «искусственный препарат». Вне конкретного «высказывания» слово, как лексическая единица, есть лишь точка приложения множества осуществлённых в известной последовательности значений, однозвучный комплекс, в котором искусственно объединены, посредством априорного отвлечения и сближения, несколько отдельных языковых форм («омонимов»). Такое словарное слово — «экстракт, сделанный из нескольких различных форм» (33). «Общее значение слов как формальное, так и вещественное, есть только создание личной мысли и действительно существовать в языке не может» (33). «Это общее — лишь сокращение, а не неизменная субстанция, окружённая изменчивыми признаками» (3). «Между тем действительная жизнь... слова совершается в речи... Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т. е. каждый раз, как произносится, или понимается, имеет не более одного значения» (3). Поэтому Потебня считает, что «малейшее изменение в значении слова (как формальное, например *верста*, *версты*, *версте* и т. п., так и вещественное. — В. В.) делает его другим словом». Итак, многозначных слов нет. «На деле есть только однозвучность различных слов, то-есть то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки» (4). Язык кишит омонимами. В сущности, всякое новое употребление слова равносильно созданию нового слова. «В слове всё зависит от употребления. Употребление включает в себя и создание слова, так как создание есть лишь первый случай употребления» (32). «Откуда бы ни происходила родственная связь однозвучных слов, слова эти относятся друг к другу, как предыдущие и последующие» (4).

Нетрудно заметить, что в этой порочной насквозь индивидуалистической концепции не доцениваются осознанные коллективом и реализуемые им в разных контекстах, более или менее «константные», устойчивые семантические формы слова. Субъективно-идеалистическое отношение к слову, как к индивидуально-неповторимому акту духовного творчества, закрыло перед Потебней социальную общность лексемы как средства речевой коммуникации, отражающего действительность и — вместе с тем — отношение к ней целого человеческого коллектива¹. Психологическое и, следовательно, генетическое понимание творческого языкового процесса побудило Потебню истолковать разные значения одного слова как последовательный ряд возникающих друг из друга и опирающихся один на другой мыслительно-речевых актов. «Собственное значение слова (обычно противопоставляемое значению переносному, — В. В.) есть всё значение предыдущего слова по отношению к последующему, а где нетрбуется особенной точности, даже совокупность предыду-

¹ Культ конкретной единичности доходил у Потебни до сомнения в существовании единства и целостности человеческой личности, так как «личность, моё «я» есть тоже обобщение содержания, изменяющегося каждое мгновение». Реальны для Потебни только эти сменяющиеся содержания. «Мысль и язык», 1913, стр. 217—218. См. также характеристику учения А. А. Потебни в брошюре Т. Райнова «А. А. Потебня», П., 1924, и в статье Д. Н. Овсянникова-Куликовского «А. А. Потебня как языковед-мыслитель», «Киевская старина», VII, 1893. Ср. субъективно-идеалистический индивидуализм Гумбольдта.

щих значений по отношению к нескольким последующим» (6). Потепнианская концепция слова, исключая принцип «многозначности», не позволяет говорить ни о собственном, ни о переносном значении одного и того же слова: «Предъидущее значение есть для нас значение не того слова, которое рассматриваем, а другого. Каждое значение слова есть собственное и в то же время каждое, в пределах нашего наблюдения, — производное, хотя бы то, от которого произведено, и было нам неизвестно» (6). Поэтому семантическую структуру слова Потепня изображает только в процессе его становления и употребления. Слово как творческий акт речи и познания, а не как коммуникативная единица языка, занимает Потепню. Такое слово состоит из трёх элементов: звука (или комплекса звуков), знака, или, представления, и значения. «Звук в слове — форма знака, это, так сказать, знак знака» (5). Знак покоится на значении прежнего слова. Например, в слове *арбузик*, которым ребёнок назвал абажур, признак шаровидности, извлечённый из значения слова *арбуз*, и образует «знак значения этого слова» (6). Таким образом, все три структурных элемента — комплекс звуков, знак, или представление (признак шаровидности, общий арбузу и абажуру), предметное значение (абажур) — в слове *арбузик* оказываются налицо. «Знак в слове есть необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия, он есть представитель того или другого в текущих делах мысли, а потому называется представлением» (7). Представление — «непременная стихия возникающего слова; но для дальнейшей жизни слова оно не необходимо» (7). Ср., например, слово *рыба* (в применении к рыбе) в противоположность слову *рыба*, обозначающему холодного, флегматичного человека. Третий элемент слова — значение — не есть понятие и не есть образ. Сравнительно с содержанием соответствующего образа и понятия значение пусто и в этом смысле формально (8—9). В сущности, представление и значение, по мысли Потепни, можно объединить в понятие внутренней формы слова (т. е. «способа представления внеязычного содержания») в отличие от внешней звуковой формы слова. Но эта тройственность элементов слова не исчерпывает всей его смысловой структуры. Остаётся нераскрытым формальное значение слова, его грамматическая форма. Слово в языках такого типа, как русский, включено в систему грамматических категорий, т. е. основных грамматических понятий, определяющих «строй языка». «Говорить на формальном языке — значит систематизировать свою мысль, распределяя её по известным отделам» (27). В таком языке каждое слово «носит на себе печать определенной грамматической категории» (52). «Слово заключает в себе указание на известное содержание, свойственное только ему одному, и вместе с тем указание на один или несколько общих разрядов, называемых грамматическими категориями, под которые содержание этого слова подводится наравне с содержанием многих других. Указание на такой разряд определяет постоянную роль слова в речи, его постоянное отношение к другим словам», его грамматическую форму (25). Следовательно, в семантической структуре слова с вещественным, лексическим значением сочетается формальное, грамматическое, нередко выражаемое аффиксами самого этого слова. «Как вещественные значения, так и формы должны быть рассматриваемы как средства и вместе акты познания. Если мир, как мы верим, неисчерпаем для познания, и если верно, что не может быть найдено пределов лексическому развитию языка, то нельзя назначить и черты, ограничивающей количество и качество возможных в формальном языке категорий» (50).

~~Необходимо~~ — запомнить предупреждение Потепни относительно этого, заимствованного им у Штейнталя употребления слова «представление» («Vorstellung»): «Этого значения слова «представление», значения, имеющего особенную важность для языкознания и обязанного своим происхождением наблюдению над языком, не следует, смешивать с другим, более известным и менее определённым, по которому представление есть то же, что восприятие или чувственный образ, во всяком случае — совокупность признаков». «Из записок по русской грамматике», I—II, стр. 7.

Таким образом, грамматическое функционирование слова в речи определяется системой изменчивых и подвижных грамматических категорий, конструирующих формальный строй языка и отражающих заложенную в нём «классификацию образов и понятий» (27). «Формальность языка есть существование в нём общих разрядов, по которым распределяется частное содержание языка одновременно с своим появлением в мысли» (53). Эти общие разряды, иначе — формальные категории языка, отнюдь не совпадают с логическими категориями мышления. «Грамматических категорий несравненно больше, чем логических» (62). Например, «категории предмета и его признака ненужны для логики, для которой и то и другое — только понятия, совокупности признаков» (61). С другой стороны логика — в отличие от грамматики — игнорирует индивидуальные своеобразия строя мысли, выразившегося в том или ином национальном языке. «Индивидуальные различия языков не могут быть понятны логической грамматике, потому что логические категории, навязываемые ею языку, народных различий не имеют» (62). Отсюда Потебня заключает вместе со Штейнталем и вопреки предшествующей русской философско-грамматической традиции, что «грамматика ничуть не ближе к логике, чем какая-либо из прочих наук» (63). Грамматические категории, вопреки логическим, тесно связаны с вещественным содержанием данного языка. В формальных языках «есть, а прежде было больше недостаточно одухотворённых категорий, т. е. таких, в которых вещественное содержание слова недостаточно отделено от его формы» (56). Вместе с тем грамматические категории языка изменчивы. «Нет ни одной неподвижной грамматической категории» (76). «Понимая язык как деятельность, невозможно смотреть на грамматические категории, каковы глагол, существительное, прилагательное, наречие, как на нечто неизменное, раз навсегда выведенное из всегдашних свойств человеческой мысли. Напротив, даже в относительно небольшие периоды эти категории заметно меняются» (76).

Будучи основными организационными формами языковой мысли, эти грамматические категории возникают, развиваются, изменяются в том высшем грамматическом целом, в той словесной конструкции, которая первоначально совпадала со словом и с «речью» (с «словоречью», так сказать) и которая, несмотря на все исторические превращения, продолжает быть главной структурной основой речи, нередко даже исчерпывающей всю речь, всё высказывание, — именно в предложении. Единство и целостность речи, как основной единицы языка, базируются на структуре предложения. Первообразное нерасчленённое слово-предложение, обнимавшее собою всю речь, было универсальной, но бесформенной единицей языка, ещё не выработавшего грамматических категорий. Это было, в сущности, не предложение, а «психологическое (не логическое) суждение при помощи слова». Между тем «простейшее предложение наших языков включает уже в себе грамматическую форму, оно появляется в языке вместе с нею» (76). Грамматические формы и категории не только возникают и изменяются в предложении, но и организуют и изменяют само предложение. Если предложение — сложный продукт языкового синтеза, то и грамматические категории, будучи тоже следствием синтеза, в то же время «имеют синтез свою грамматическую функцию» (52). «Образование и изменение грамматических форм, составляющих формальное (грамматическое) содержание предложения, есть другое название для изменения самого предложения, т. е. того ближайшего целого, в коем совершается жизнь этих форм» (76). «С изменением грамматических категорий неизбежно изменяется и то целое, в котором они возникают и изменяются, именно предложение, подобно тому как неизбежно форма устойчивой кучи зависит от формы вещей (например, кирпичей, ядер), из коих она слагается, как неизбежно форма и определение общества изменяется вместе с развитием особей» (76—77).

Итак, структура грамматических категорий и структура предложения взаимно обусловлены и соотносительны в своей исторической изменчивости. Потебня с необыкновенной яркостью и убедительностью развивает мысли Гумбольдта, Гейзе и Штейн-таля, что «грамматическое предложение вовсе нетождественно и непараллельно с ло-

гическим суждением» (61) и что определение современного грамматического предложения, как «словесного выражения психологического суждения», по своей бессодержательности равносильно определению «Сократа как особи зоологического вида *homo sapiens*¹, или нынешнего государства... как человеческого стада» (77).

Грамматическое предложение, как исторически изменчивая основная конструктивная форма речи, в современном языке немислимо без «частей речи». Это — самые общие, синтетические, основные категории языка. «Существенный признак предложения в наших языках состоит в том, что в предложение входят части речи; если их нет, то нет и нашего предложения» (64). Таким образом, в связи с грамматическим строем предложения формируются главные грамматические категории, главные грамматические разряды слов, «части речи». Как уже сказано выше, взгляд Гумбольдта и Штейнталя на глагол и предикативность слова предрешил определение предложения в концепции Потебни: центр предложения — глагол, *verbum finitum*. «Главное (независимое от другого) предложение невозможно (кроме случаев опущения глагола) без *verbum finitum* (т. е. глагола в собственном смысле, без причисления к нему причастных форм)... Само по себе *verbum finitum* составляет предложение» (77—78). «Maximum определения предложения данного момента языка (с оговоркою «сколько нам известно») было бы синтезом синтаксиса этого языка» (78). Анализ предложения и его членов раскрывает систему «частей речи» и всех других грамматических категорий, с ними связанных. Так, в сфере грамматики слово как «часть речи», как грамматически оформленный элемент речи, определяется через структуру предложения — по своей функции в системе его членов. Члены предложения и части речи соотносительны. Определение членов предложения, по мнению Потебни, «может быть удовлетворительно только в случае, если будет вместе с тем определением частей речи», функция которых — быть соответствующими членами предложения (67). Семантические формы слова находят своё полное выражение в речи, а грамматические формы слова — в предложении.

Отсюда становится ясным, что для Потебни в сфере грамматики синтаксис является решающим. Ведь грамматические категории вполне постигаются лишь в синтаксисе. Понятие синтаксиса для Потебни сочетается с понятием общего смыслового контекста языка, всей языковой структуры. Поэтому Потебня готов расширить сферу синтаксиса до синтаксической точки зрения, распространяющейся как на учение о вещественном значении слов, так и на учение о грамматических формах и функциях. В этом смысле синтаксическая точка зрения Потебни соответствует описательно-систематизирующей «синхронической лингвистике» де Соссюра. Но она лишена того антиисторизма, которым грешит синхронический метод Соссюра и его школы. Синтаксическая точка зрения Потебни (в отличие от этимологической) состоит в том, что всякое явление языка познаётся и осмысливается не изолированно, а в контексте всего языка, в сочетании с другими явлениями (38). Она предполагает глубокое освоение системы языка в целом. Синтаксическая точка зрения базируется на «описании современного состояния» (38), и в этом смысле «синтаксис есть момент истории языка». Отсюда ясно, что Потебня вовсе не отрицает исторического изучения синтаксических явлений. Его парадоксальный тезис о немислимости «исторического синтаксиса» афористически выражает ту мысль, что контекст языка в целом постигается лишь в синхроническом аспекте, что такое «синтаксическое», т. е. структурное, функциональное осмысление языковой системы во всём многообразии связей её элементов не нуждается в предварительных этимологических разысканиях, а, напротив, является их основой. Ведь этимологическая точка зрения, изучающая генезис и историю вещественных и формальных значений слов, не может обойтись без синтаксического осмысления тех форм, на почве которых возникли со-

¹ Ср. иной психологический подход к предложению как к выражению психологического суждения у Ф. Ф. Фортунатова и его учеников (а ранее у повлиявших на Фортунатова Н. Paul и Georg von der Gabelentz).

ответствующие слова и категории. Например, «показывая, чем было неопределённое наклонение, прежде чем стало самим собою, мы говорим не о нём, а о других формах. Конечно, слова предшествующие по отношению к данному тоже должны быть определены синтаксически» (38). Иначе говоря, история формы невозможна без понимания её «синтаксических», её структурных функций в хронологически разобъединённых языковых контекстах. Таким образом, синтаксис в широком смысле этого слова — опора и основа всякой истории языка.

На таком семантическом и синтаксическом фоне, освещенном образами речи и предложения, выступают в системе Потебни понятия грамматической формы слова и грамматической категории. Грамматическая форма — понятие синтаксическое *par excellence*. Большинство лингвистов, стоявших на позициях сравнительно-исторического метода, понимали и понимают грамматическую форму слова наивно-эмпирически и морфологически, связывая её с аффиксами в строении отдельного слова. Для Потебни эта абстрактно-морфологическая точка зрения была неприемлема уже по одному тому, что она механически отрывала слово от речи и от целостного смыслового контекста языка, от его «мысли». Грамматические категории органически связаны со всей семантической структурой языка, со всем его грамматическим строем, а следовательно — и со всем присутствующим данному языку строем мысли. Поэтому они могут выражаться не только формальными элементами слова, но и его синтаксическими связями, его семантическими функциями в речи, иногда даже местом соответствующего разряда слов в общей системе языка. «Нет формы, присутствие и функция коей узнавались бы иначе, как по смыслу, т. е. по связи с другими словами и формами в речи и языке» (36). Слова, которые по внешности кажутся бесформенными, на самом деле являются «словами с совершенно определённой грамматической функцией в предложении» (31). «Мысль в формальном языке никогда не разрывает связи с грамматическими формами: удаляясь от одной, она непременно в то же время создаёт другую. Синтаксические отношения формы всегда согласны с нею самою: она ведь узнаётся по этим отношениям» (41). «Если, при сохранении грамматической категории, звук, бывший её поддержкою, теряется, то это значит... что мысль не нуждается более в этой внешней опоре, что она довольно сильна и без неё, что она пользуется для распознавания формы другим более тонким средством, именно знанием места, которое занимает слово в целом, будет ли это целое речью или схемою форм» (58). Вместе с тем Потебня подчёркивает структурную спаянность лексических и грамматических форм в слове. «Конечно, не звуки слова и не его вещественное значение составляют его грамматическую функцию, а именно его формальное значение» (67). Лексические изменения в слове «находятся в непосредственной зависимости от грамматической формы, но они могут сами влиять на неё» (92). Следовательно, в языке такого строя, как русский, нет слов, грамматически не оформленных, т. е. не подводимых ни под какую категорию. Форма — это функциональная определённость употребления слова в речи. И в этом плане «стирание флексий» не может означать ни утраты или уменьшения количества грамматических форм, ни потери формальности в языке (52). «Ежеминутно распределяя содержание своей мысли в языке по разрядам, невозможно утратить привычки к такой классификации, а, напротив, можно только всё более и более укоренять в себе эту привычку» (53). Ведь «изменчивость и подвижность мысли в языке гораздо более изменчивости звуков» (22).

Вывод ясен: грамматическую форму слова нельзя отождествлять со «звуком» в слове (т. е. с его аффиксами) или с отсутствием аффикса, морфологически расцениваемым как знак категории (например, отсутствие окончания в имен. пад. слов *конь*, *стол* и т. п.), так как ведь «под частями данного слова следует разуметь как такие значения или их оттенки, которые изображаются в слове особыми звуками, так и такие, которые в данном слове звукового выражения не имеют и предполагают лишь сложность других слов» (10—11). Не подлежит сомнению, что понятие нулевой, или отрицательной морфемы (*стол* при *стол-а*, и т. д.). Потебней было осознано и развито раньше, чем Бодуэном де Куртенэ, Ф. де Соссюром или Фортунатовым. Ссыла-

21 В. В. Виноградов

ясь на Гумбольдта, Потебня подчёркивал: «Данная форма имеет для меня смысл по месту, которое она занимает в склонении или спряжении» (35). Такое понимание обусловлено «более тесной ассоциацией известных форм между собою, чем с другими формами» (35). Но и при включении нулевой морфемы в систему формальных частей слова нельзя изолировать грамматической формы слова от живого синтаксического контекста. «Грамматическая форма не есть мумиеобразный остаток прежней жизни слова, а, напротив, то, в чём с особою силою проявляется жизнь мысли в слове. Было бы странно, если бы было иначе» (48). Форму уже потому нельзя смешивать с её внешним знаком, что она прежде всего есть значение (52, 55). Счёт окончаний ни в малейшей мере не определяет количества форм (56), хотя «в огромном количестве случаев значение определённой грамматической категории (имя, глагол и т. д.) достигается в слове индоевропейских языков тем, что оно заключает в себе более одной части» (10), т. е. распадается на основу и аффиксы, и хотя «слова соединяются в семейства не только лексическими, или вещественными, но и формальными своими частями» (14). Так как «грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным содержанием», которое всегда подводится под какую-нибудь грамматическую категорию (29), то на вопрос, всегда ли известная грамматическая форма выражается особым звуком», особой формально принадлежностью слова, Потебня решительно отвечает: «Конечно, нет» (29). Многие грамматические формы «собственно для себя в данном слове не будут иметь никакого звукового обозначения» (29). Ведь если какая-нибудь грамматическая категория составляет существенный элемент языковой системы, то она познаётся не в изолированном слове, а в контексте «ближайшего целого» и — далее — всего языка. Например, господство видовых категорий совершенности и несовершенности «в современном русском языке столь всеобщее, что нет ни одного глагола, который бы не относился к одной из них» (29). Между тем «есть значительное число случаев, когда глаголы совершенный и несовершенный по внешности ничем неразличаются»; *женить*, настоящее — *женю* (несов. вид), и *женить*, будущее — *женю* (сов. вид) суть два глагола, различные по грамматической форме, которая в них самих, отдельно взятых, невыражена ничем» (там же). Таким образом, вещественное и формальное значение слова, составляя один акт мысли, осуществляются лишь в речи. Слово *грамм* или *сапог* «вне связи не есть ни именительный, ни винительный ед., ни родительный множ.», так как вне связи, вне речи форма, как и всё слово, «мертва, нефункционирует» (32). В речи обнаруживаются, реализуются и те соотношения, те ассоциации форм, которые нередко определяют целиком функционирование слова — без посредства всякого звукового обозначения формы в самом слове (35). «Звук в слове есть средство объективировать мысль... Затрата силы на произнесение звука в речи оправдывается лишь в той мере, в какой без звука невозможно удержать перед собой значение» (57). Звуковые показатели формы — это своеобразные «цифирные знаки и счёт» в умственном счислении, которое может обойтись и без них (58). Точно так же, «имея возможность определить предмет по порядку, по месту в пространстве, можно, если это нужно, необременять мысли никакими другими приметами» (58). «Связь между отдельными явлениями языка гораздо теснее, чем кажется» (35—36). «Ряды явлений» обуславливают грамматическую форму. «Следовательно, говоря *женю* в значении ли совершенном или несовершенном, я нахожусь под влиянием рядов явлений, образцами коих могут служить *кончаю* и *кончу*» (35). Строй языка и присущей ему мысли определяет и обуславливает сознание «беззвучной грамматической формы» в слове, не обнаруживающем внешних формальных частей, и тот же строй «правит звуком в слове» (48). Каждая форма связана с остальными формами данной системы языка таким образом, что «по одной форме можно заключить о свойстве если не всех, то многих остальных» (54).

Это необычайно глубокое структурное, синтетическое понимание грамматической формы Потебня освещает картиной диалектического перехода формы в содер-

жание и обратно — содержания в форму. Так, значение слова в обиходном языке, в повседневном употреблении формально по отношению к содержанию научного понятия, обозначаемого тем же словом, как термином; «но по отношению к грамматическим категориям само это формальное значение является вещественным» (25). С другой стороны, в русском языке, как и в других европейских языках, есть слова, которые «неимеют своего частного содержания и небывают самостоятельными частями речи» (25). Будучи нередко даже лишены звуковой самостоятельности (например «знаёшь-лы, иоѣ-воду»), они «служат указателями функций других слов и предложений» (25). «Такие слова называются чисто-формальными и грамматическими» (26). Это — союзы, предлоги, частицы и вспомогательные глаголы. Так устанавливаются две наиболее общие категории слов — слова лексические и формальные (26). Только лексические слова являются «частями речи». Формальные же слова функционируют как элементы составных форм. Здесь синтаксический (и аналитический) характер грамматической формы выступает в наглядной обнажённости. Во флексивных языках с течением времени синтаксис поглощает морфологию (45), аналитический строй внедряется в синтетический и ограничивает его. Звуковые элементы отдельных форм с течением времени стираются; «формы, как значения, сменяются другими, которые могут состоять более чем из одного слова и несоставлять звукового единства» (46). Аналитическая «описательная форма (например, сочетание личного местоимения, как формы, с глаголом, предлога с именем) есть сочетание слов, уже имеющих формальные определения, но в совокупности составляющих один акт мысли» (58). Так, в сложной форме русского прош. вр. *я сказаѣл*, «с силою речи на втором слове», личное местоимение равносильно личному окончанию, и вся форма есть «сказуемое без подлежащего, как лат. *dixi*» (94). Так, «каждое особое значение предлога даёт новый падеж» (58). В этих рассуждениях Потебни заложены основы дифференциации аналитических и синтетических форм в грамматике русского литературного языка, и отчётливо намечена тенденция русского языка к смешению флективного строя с аналитическим.

Таким образом, грамматическая форма в концепции Потебни получает функционально-синтаксическое и структурно-семантическое определение. Форма — это функция грамматической категории, осуществляемая в слове. Потебня в борьбе с наивно-морфологическим эмпиризмом сравнительно-исторической грамматики, определявшей форму как морфологически значимый «звук» отдельного слова, усиленно подчёркивает, что форма — не звук, а значение. Вместе с тем понятно, что грамматическая форма в учении Потебни подчиняется тому же принципу субъективно-идеалистической индивидуализации, что и слово. Форма рассматривается как психологически-конкретная, осуществляемая в речи индивидуальная модификация грамматического употребления слова, которая не может совмещать внутри себя несколько однородных и однотипных, т. е. взаимно противоречивых, категориальных значений. Форма функционирует не сама по себе, не «форма как форма», а в структурной спаянности с синтаксическим употреблением слова в речи, с его семантикой. «Слово в каждый момент своей жизни есть один акт мысли. Его единство в формальных языках нарушается тем, что оно относится разом к нескольким категориям, например лица, времени, склонения. Невозможно совмещение в одном приёме мысли лишь двух взаимно исключających себя категорий» (34). Отрицание «синхронической» многозначности слова приводит к столь же своеобразному пониманию семантических границ формы. «Истинным пониманием формы» считается понимание её в речи, где «она имеет каждый раз одно значение, т. е., говоря точнее, каждый раз есть другая форма» (33). Потебня противопоставляет это понимание формы традиционному взгляду, выраженному в словах акад. Ягича: «Одна и та же форма в разных отношениях получает различные значения; но ещё никому не приходило в голову сказать, что это не одна форма, а две, три и т. д.» (29). Поэтому Потебня решительно отвергает господствующее воззрение на форму как на грамматический центр множества значений, из которых одно объявляется общим, основным,

субстанциональным, другие — окказиональными, частными. «Языкознание ненуждается в этих о б щ и х з н а ч е н и я х » (33). Потебня в качестве отрицательной иллюстрации традиционного взгляда цитирует характеристику формы повелительного наклонения — *знай* (из книги Н. П. Некрасова «О значении форм русского глагола», 106) как «о б щ е й л и ч н о й ф о р м ы г л а г о л а», получающей в речи то желательный, то повелительный, то условный смысл. Для Потебни такая отвлечённая от индивидуально-конкретного функционирования форма — тоже «искусственный препарат». «Невозможно представить себе», — пишет Потебня, — что разные значения формы «сидят в звуке вместе и в одно время», что «*знай* есть повелительное и в то же время условное» наклонение (34). «Слово не может стоять в повелительном наклонении и в то же время в условном, но оно может стать условным и тогда станет другим словом. Одно и то же слово не может быть в то же время наречием и союзом» (34). Отсюда вывод: формы с различными синтаксическими функциями — разные формы, несмотря на общность звукового выражения. Количество форм определяется количеством «формальных оттенков значений» (56). Поэтому то, что в традиционном представлении составляет один падеж, например творительный, является абстракцией, а не действительной грамматической формой. «На деле этот падеж есть не одна грамматическая категория, а несколько различных, генетически связанных между собою. Всякое особое употребление творительного есть новый падеж, так что собственно у нас несколько падежей, обозначаемых именем творительного» (56). Ведь «в каждом языке есть большое количество таких формальных значений, коих учёные наблюдатели вовсе не замечают (хотя, если это их собственный язык, различают на деле), кои учёными понимаются ошибочно, или смешиваются с другими» (56).

В этом учении о грамматической форме — при всей его глубине и остроумии — порочно полное пренебрежение к социальному сознанию диалектического и динамического единства формы как системы грамматических знаков и значений. В той грамматике, которая открывается в коллективном употреблении языка и которая нормирует это употребление, форма, как социально-грамматическая данность, находя морфологическое или комбинированное морфолого-синтаксическое, или чисто синтаксическое выражение, не смешивается и не отождествляется с отдельными её применениями и оттенками значений: она объединяет их в себе так же, как лексема (слово) воплощает в себе целую систему семантически объединённых значений. Конечно, в сфере грамматических форм, как и в области слов, лексем, широко развита омонимия. Отграничение омонимических форм («омоформ») от разных значений одной формы возможно только на основе понимания всей грамматической системы данного языка во всём многообразии её категорий и их значений. Но от этого далеко до признания всякого особого употребления формы за самостоятельную форму, далеко до отрицания многозначности грамматической формы. В этой части, как, впрочем, и во всём философском фундаменте, концепция Потебни требовала и требует существенной, коренной перестройки. Необходимость изменений и исправлений потебнианского учения о слове и о грамматической форме поняли уже непосредственные ученики А. А. Потебни (например Д. Н. Овсяннико-Куликовский). Ещё плодотворнее были (особенно, если устранить психологизм и наивный эмпиризм) те новые точки зрения, которые внесены в теорию слова и форм одного слова бодуэновской школой. Необходимо отметить, что Потебня не считал целесообразным противопоставлять формы склонения и спряжения (так называемые «формы словоизменения») другим грамматическим формам как «формам словообразования». Для Потебни само такое деление форм было искусственным. Для него «формы словоизменения» совпадали с «формами словообразования», так как всякое видоизменение слова представлялось Потебне новым словом. Таким образом, и в этом направлении здоровое зерно, состоящее в сознании структурно-грамматического единства разных типов морфем, было заглушено в теории Потебни субъективно-индивидуалистическим сором идеалистической философии.

Раскрыв понятия слова, грамматической формы и грамматической категории, выяснив центральную роль предложения, как минимума речи в структуре языка, Потевня подробно останавливается на семантической и синтаксической характеристике «частей речи» — главных синтетических категорий, определяющих основные типы слов и вместе с тем их функции в составе предложения. Характеристики частей речи, набросанные Потевней, прямо или косвенно (через Д. Н. Овсянко-Куликовского), оказали решающее влияние на все последующие грамматические системы русского языка, даже на концепции фортуатовской школы.

Потевня, следуя античной традиции, усвоенной и европейским языкознанием XIX в., прежде всего выдвигает антитезу имени и глагола (76). При этом, по мнению Потевни, «по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола» (534). Глаголы всегда, а имя почти всегда в русском языке обнаруживают (по меньшей мере) двойственность своего морфологического состава, т. е. обладают аффиксами (81). Глагол — главное орудие речевого синтеза: «Глагол создаёт предложение» (52). Глагол-сказуемое «изображает признак во время его возникновения от действующего лица» (84). Как наиболее синтетическая категория языка, глагол включает в себя категории лица, времени, наклонения, вида, залога, числа (а в прош. вр. и рода). Формы глагольного лица служат знаками связи сказуемого с подлежащим в предложении (85). «При большом разнообразии прочих формальных определений, в глаголе постоянно лишь то, что в нем признак представляется «энергетическим обнаружением силы, непосредственно вытекающим из действующего лица» (Humboldt, Ueber Verschiedenheit, 256, 259; Steintal, Charakteristik, 278)» (84).

В системе имён Потевня (вслед за К. С. Аксаковым) доказал семантическую и грамматическую близость имён прилагательных и существительных, которая по мере удаления в глубь истории представляется всё более тесной и, по-видимому, базируется на доисторическом единстве категории имени. «Имя существительное есть название грамматической вещи или субстанции. При посредстве категории существительного подводится под форму субстанциональности и понятия свойства, качества или действия (*белизна, ходьба* и т. п.). Грамматическая принадлежность к категории имени существительного определяет постоянную роль слова в речи, его постоянное отношение к другим словам. Например, «*верста*, в каком бы ни было значении, и всякое другое слово с теми же суффиксами, будучи существительным, само по себе не может быть сказуемым; будучи именительным, может быть только подлежащим, приложением или частью сложного сказуемого» (25); стоя в косвенных падежах, выполняет функции грамматического объекта и т. д. Иначе говоря, в категории существительного, как и всякой другой «части речи», структурно сочетаются морфологические, семантические и синтаксические признаки. К имени существительному ещё и теперь морфологически близко имя прилагательное. «И теперь многие суффиксы безразлично образуют как существительные, так и прилагательные, а чем далее в старину, тем более здесь сходства между этими частями речи» (85). Имя прилагательное обозначает «признак данный в чём-то, что без помощи другого слова остаётся со стороны содержания неопределённым» (87). Поэтому синтаксическое функционирование прилагательного определяется формами согласования. Прилагательное в качестве атрибута, определительного слова, «по-видимому, не может получить никакой независимости от определяемого и согласуется с ним в роде, числе и падеже» (102). В прилагательном выделилась особая синтаксическая категория «предикативного», бесчленного прилагательного (107). Под понятие существительного и прилагательного, по мнению Потевни, подходят и местоимения и числительные, за исключением наречных. До образования категорий имени существительного и прилагательного местоимения, как указательные слова, противопоставались именам как словам качественным. Но теперь это различие является несоотносительным с делением слов на части речи (93).

Ещё более внушительно выступают синтаксические основы категории наречия. Наречие — это форма, присвоенная в предложении обстоятельству. «Под обстоятельством, или наречием, — пишет Потебня, — разумею признак (стало быть знаменательную часть речи), связываемый с другим признаком данным или возникающим и лишь через его посредство относимый к предмету (субъекту, объекту), а сам по себе неимеющий с ним никакой связи» (119). Согласно этому определению, наречие является несогласуемым определением прилагательного и глагола, «признаком признака». Однако, «чем ближе существительное к прилагательному или к глаголу, тем возможнее приложение к нему наречия» (120). Ср.: *очень не дурак, молча плут* (Гоголь), *поездка туда и обратно* и т. п. С категорией наречия Потебня сближает также деепричастия и формы сравнительной степени. Описывая наречные формы, Потебня подчёркивает подвижность, изменчивость частей речи, переход слов из одной категории в другие (например, из прилагательных и существительных в наречия, из наречий в предлоги и т. п.).

Кроме этих основных частей речи, Потебня допускал ещё две промежуточные: 1) причастие и 2) неопределённое наклонение, инфинитив. Причастие занимает Потебню как такая часть речи, в которой рельефно выступает смещение глагольных категорий вида, времени, залога и форм глагольного управления со свойствами имени прилагательного. Потебня готов видеть в этом смешанном облике причастия намёки на первобытный синкретизм имени и глагола, который, впрочем, был лишён грамматической оформленности (88). «Нынешнее причастие есть часть речи обособленная, оставшаяся за выделением категорий существительного и прилагательного» (88). Выделение же инфинитива в особую часть речи, оправданное потебнианским принципом индивидуализации отдельных форм, в то же время соответствовало учению Потебни о прогрессирующем в европейских языках процессе поглощения категории субстанциональности категорией процесса, потебнианскому тезису о росте «глагольности»¹. По Потебне, в эпоху господства существительного глагол почти не отличался от него. Инфинитив выступает в системе Потебни как наиболее ранняя форма глагола, бывшая сперва существительным, затем вырвавшаяся из оков субстанциональности, но ещё не слившаяся с глаголом. Функция инфинитива — служить «второстепенным, зависимым сказуемым» (349). Инфинитив, по определению Потебни, «есть имя в этимологическом и род глагола в синтаксическом отношении» (345)². Потебня думал, что в форме современного инфинитива заложено отношение к лицу («неопределённому»)(348—349).

Такова грамматическая система Потебни. В ней, — при всей её глубине и оригинальности, — было много неясного и не вполне отделанного. Схема частей речи поражала своей отвлечённостью, метафизической философичностью. Потебне удалось детально, с поразительным остроумием и изощрённой тонкостью лингвистического анализа, раскрыть лишь историческую эволюцию глагола (преимущественно сложных форм времени), отчасти имени существительного и прилагательного (ср. третью часть «Из записок по русской грамматике»). Однако и здесь проблема причастий и инфинитива разрешалась на основе общих историко-генетических соображений о взаимодействии и взаимоотношении категорий глагола и имени. Приравнение частей речи к частям предложения не было подкреплено разносторонним анализом живых синтаксических форм современного языка. Учение о слове и грамматической форме нуждалось в существенных коррективах. Философский базис всего потебни-

¹ Глагольность делает высказывание более компактным, более цельным и конструктивным. «В новом нашем языке, — по словам Потебни, — больше покатошь, по которой мысль стремится от начала к концу предложения: при большей быстроте течения меньше заводей и затонов», «Из записок по русской грамматике», I—II, стр. 196.

² Проф. Н. К. Грунский отметил влияние Л. Шредера («Ueber die formelle Unterscheidung der Redeteile inn Griechischen und Latein», Leipzig, 1874) и Штейнталя («Grammatik, Logik und Psychologie», 372) на теорию инфинитива в системе Потебни. Н. К. Г р у н с к и й, Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. I, вып. III, Юрьев, 1911, стр. 37—39.

анства был не вполне гармоничен и устойчив. Его субъективно-идеалистические скрепы ломки и гнили. Ученикам Потебни предстояло развить и распространить учение великого лингвиста. Однако новое учение только тогда становится в центре научных систем, когда оно вполне бесспорно, или когда оно в корне разрушает старые предрассудки после ожесточённой и непреклонной борьбы с ними. Между тем грамматическая концепция Потебни не нашла себе достойных противников. У неё были лишь подражатели, недоброжелатели, искажители и замалчиватели¹. Если не бояться парадоксов, надо сказать, что главными врагами Потебни и его грамматического учения были сами ученики и последователи Потебни. Сторонние отклики на учение Потебни о слове, о «частях речи» и членах предложения со стороны русских грамматистов были не очень многочисленны.

4. Попытка А. А. Добиаша вернуть «части речи» в область морфологии при посредстве «симазиологии»

Отожествление частей речи с членами предложения у Потебни встретило резкую критику в книге А. А. Добиаша «Опыт симазиологии частей речи и их форм на почве греческого языка» (Прага, 1897), в которой отдельные лингвистические замечания сопровождались и русскими иллюстрациями. Добиаш прежде всего отмечает целый ряд синтаксических противоречий, возникающих при выведении Потебнею частей речи из «членов предложения». Так, учение о глаголе как минимуме предложения опровергается наличием безглагольных, именных предложений, в которых нет оснований подразумевать пропуск глагола или «связки» (например *набат, невелика беда* и т. п.). Понятие «составного сказуемого», по мнению Добиаша, разрушает в корне гипотезу о параллелизме членов предложений и частей речи. Ведь по фразе *мороз показался невелик* приходится подводить под грамматические категории (части речи) отдельно оба компонента составного сказуемого {*показался невелик*}: отдельно слово *показался* и отдельно слово *невелик*. «А тогда члены предложения нужно устанавливать на какой-нибудь другой почве, чем на почве грамматических форм» (56). Между тем «у Потебни в начале его рассуждения не знаешь, что он берёт за исходную точку: часть речи или часть предложения. В конце же он явственно исходит от члена предложения и результатом своим доказывает всю неправильность своего метода» (57). «В предлоге *к* никто не станет искать наречие, потерявшее значение объекта» (как учил Потебня), и выяснять предлоги с точки зрения особых членов предложения — «стремление напрасное». С другой стороны, приурочение основных частей речи к отдельным членам предложения также произвольно. Например, дополнением, которое, по Потебне, «вызывается формальным значением дополняемого» {*люблю отца*}, могут быть с той же точки зрения названы не только косвенные падежи имени существительного, но и именительный падеж существительного и другие части речи. Ведь по фразе *сын любит отца*, по Добиашу, слово *сын* так же вызвано формальным значением слова *любит*. «Не являются ли, наконец, в этом же смысле если не «дополнениями», то, во всяком случае, «дополняемыми» и «прилагательное атрибутом» и «наречие-обстоятельство», когда первое своим «формальным значением» указывает на «признак субстанции, выраженной в другом слове» (т. е. в имени существительном), а второе своим формальным значением указывает на «признак признака» (атрибутом атрибута), выраженного другим словом (т. е. глаголом или именем прилагательным)? Не есть ли слово *к* в выражении *к отцу*... дополняемое, вызывающее к себе своим формальным значением слово *отцу*?» (58). Таким образом, вся система уравнений с частями речи и членами предложения,

¹ Ср., например, популяризацию идей Потебни и их эклектическую трансформацию в статье А. В. Етухова «Потебнианство», «Русский язык в школе», кн. 1 (2), 1919—1922, стр. 110—116.

предложенная Потебней, объявляется «априористичной» в книге Добиаша¹. Морфологический принцип здесь выдвигается на первый план в учении о слове. Между морфологией и синтаксисом воздвигается барьер.

Добиаш противопоставляет системе Потебни учение о значении «разрядов слов» и их форм, объединяющее точки зрения Миклошича² и Риса³. Ведь Миклошич, отрицая структурность речи, в своем синтаксисе исходил не из предложения, а из слова, и во главу грамматики ставил учение о классах и формах слов и о значениях их. Но, по мнению Добиаша, синтаксис Миклошича «представляет собою в этом отношении скорее магазин примеров, сгруппированных под целым рядом ярлыков, кое-как между собою связанных, а то и вовсе не связанных» (63). Между тем сам Добиаш считал необходимым такое «освещение дела, которое в каждом «разряде слов» и в каждой форме указывало бы или один семасиологический центр, откуда бы все оттенки исходили как радиусы, или, если такого единого центра нет, историческое передвижение значения от одного семасиологического центра к другому» (62). За помощью в этом деле Добиаш обращается к критику Миклошича — Рису. В концепции Риса Добиаш приветствует отделение учения о слове от учения о сочетании слов (а следовательно, и от учения о предложении). Согласно проекту Риса, проблема «частей речи» должна обособиться от вопроса о членах предложения и раскрыться как учение о значении разрядов слов и их форм, о значении этимологических корней и семасиологических элементов слов (т. е. морфем). Добиаш держится за проект Риса. Но составленную на основе этих принципов и предложенную Добиашем для греческого языка классификацию слов («частей речи») нельзя признать удачной. Добиаш различает прежде всего глаголы, «в смысле *verbi finiti*» и имена. Имена затем распадаются на простые существительные, простые прилагательные (качественные и количественные), на глагольные существительные (инфинитивы) и глагольные прилагательные имена (причастия) (203). С другой стороны, имена материальные отделяются от имен формальных (местоимений — существительных и прилагательных). К глаголам и именам присоединяется особая счетная часть речи (в греческом языке числительные от 5 до 100). С именами, с их склонениями функционально связываются в теории Добиаша предлоги. Последнее место в ряду частей речи занимают наречия и частицы, среди которых растворяются сюзы, не выделяемые Добиашем в особую грамматическую категорию.

В книге Добиаша идеи Потебни прихотливо (хотя и механически) сплелись с мыслями его антиподов — Миклошича и Риса. Симптоматично, что мысль о необходимости примирить систему Потебни с синтаксисом Миклошича волновала и непосредственного ученика Потебни — Овсяннико-Куликовского, а теория Риса влекла к себе учеников Фортунатова (например М. Н. Петерсона). Цельность грамматической концепции Потебни разрушалась.

5. Идеи Потебни в работах Д. Н. Кудрявского

Наиболее верен Потебне оказался идеологически и методологически далёкий от Потебни лингвист, учёный совсем другой школы — проф. Д. Н. Кудрявский. Проф. Кудрявский, примыкая к синтаксическому учению Потебни, рассматривал части речи как категории грамматической мысли, «составляющие материал, из которого складывается предложение»⁴. Сложившись внутри предложения, части речи затем «получа-
_____ ¹Ср. у Delbrück в его синтаксисе, совсем иную классификацию слов, тоже основанную на тезисе отождествления частей речи (*Redeteile*) с частями предложения (*Satzteile*). К. Brugmann und V. Deibel, *Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*.

² F. Miklosich. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen*, Band IV, Syntax, Wien, 1874.

³John Ries, *Was ist Syntax*, Marburg, 1894, 2 Aufl. 1927.

⁴ Д. Н. Кудрявский, Введение в языкознание, Юрьев, 1912, стр. 101. Кудрявский исходит из тезиса А. А. Потебни: «Существенный признак предложения в наших языках состоит в том, что в

ют самостоятельное значение». Основные части речи: имя существительное, прилагательное, глагол, наречие, предлог, союз. Числительные и местоимения — это лишь особые семантические группы в категориях имён существительных и прилагательных, сохраняющие некоторое количество пережиточных архаических форм и оборотов (129—130). Части речи, по мнению Кудрявского, должны рассматриваться соотносительно с членами предложения. Под влиянием Потебни у Кудрявского были даже колебания по вопросу о самостоятельном существовании отдельных слов вне предложения¹. Поэтому для него центральной проблемой грамматики явился вопрос, «в каком отношении стоят части речи к частям предложения» (129). При этом Кудрявский — вслед за Потебней — допускает возможность такой классификации частей речи, при которой «каждой части предложения должна соответствовать и какая-нибудь часть речи» (129). Но некоторые элементы предложения не функционируют как самостоятельные слова, так как основное значение их — конструктивно-грамматическое. «Ясно поэтому, что союз (и предлог — В. В.) мы должны перечислить из частей речи в части предложения» (129). В статье «Части речи» (в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза — Ефрона) проф. Кудрявский, поставив вопрос, нужна ли грамматике двойная терминология («этимологическая» и синтаксическая): «прилагательное» и «определение», «дополнение» и «косвенный падеж существительного» и т. д., пришёл к выводу, что только для подлежащего и сказуемого она может быть сохранена. Таким образом, вопрос о структуре предложения, о соотношении его членов и о выражении их «частями речи», по мнению проф. Кудрявского, — ядро грамматики. «Учение о грамматических типах слов» является лишь оболочкой этого ядра.

6. Грамматическая система Д. Н. Овсяннико-Куликовского и психологистическое перерождение потебнианства

Акад. Д. Н. Овсяннико-Куликовский в своих грамматических работах, «идя за Потебней, по торной дороге, им проложенной», отошёл далеко в сторону от пути Потебни. Сам этот учёный видел своё основное расхождение с Потебней в «вопросе об отношении грамматического мышления к логическому»². Борьба Потебни с пережитками логистического рационализма и априоризма в грамматике, унаследованного от XVIII в. и лишь несколько видоизменённого влиянием идеалистических философских систем первой половины XIX в., казалась исчерпанной. Было необходимо вернуться к теме об отношении грамматических форм мысли к логическим³.

Следует заметить, что школьное деление всей грамматической традиции на три течения: логическое, психологическое и формальное — не только условно, односторонне, но и явно ошибочно. Овсяннико-Куликовский, который был наиболее рьяным психологистом-волюнтаристом, считает необходимым подчеркнуть своё убеждение в неразрывной связи между грамматикой и логикой. «Процессы и формы логической мысли, с одной стороны, и грамматической, с другой, — это явления, при всём их различии, родственные, и едва ли можно сомневаться в том, что между ними есть генетическая связь», — пишет он⁴. «Логические понятия субстанции, атрибута, действия, состояния и т. д. развиваются постепенно из соответственных грамматических категорий и столь же постепенно процессы анализа и синтеза, данные в грамматическом предложении, претворяются в логические, предложение входят части речи; если их нет, то нет и нашего предложения» («Из записок по русской грамматике», I—II, стр. 54).

¹ См. его рецензию на «Синтаксис» Д. Н. Овсяннико-Куликовского в «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук», т. VII, кн. 4.

² Статья «Очерки науки о языке», «Русская мысль», декабрь 1896, стр. 1—32.

³ На Западе Hermann Paul («Prinzipien der Sprachgeschichte») тоже призывал к пересмо

тру положений Штейнтала об отношении грамматики к логике.

⁴ Проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Синтаксис русского языка, изд. 2-е, СПб,

1912, стр. XII.

и грамматическое предложение даёт бытие логическому. Логика зарождается в недрах грамматического мышления и долго остаётся тесно связанной с ним. На известной высоте развития она в большей или меньшей мере освобождается от ферулы грамматических категорий и организуется над языком как высшая инстанция мысли, которая, однако, не управляет им, а только царствует. Между логикой и языком устанавливается известный *modus vivendi*» (XIV—XV)¹.

Таким образом, в психологический анализ слова и грамматических категорий врывается своеобразно окрашенная струя логицизма. Она отражается уже на решении Овсянико-Куликовским вопроса о природе отдельного слова. Отношение к отдельному слову кладёт резкую грань между ним и Потемней. Овсянико-Куликовский считал необходимым доказывать, что отдельные слова существуют в действительности, т. е. в практике «речи-мысли», и доказательство их реального существования видел в том, что «существуют отдельные представления и понятия» (XVIII). Он ставил процесс обособления слов как самостоятельных «единиц речи-мысли» в связь с расширением номинативной функции слов. «Слово, освобождаясь от предложения, где оно всегда приурочено к конкретному значению и, так сказать, прикреплено к месту, приобретает подвижность, способность обозначать и обобщать представления и становится само по себе ценностью, превращаясь в разменную и ходкую монету речи-мысли» (XXX). Но уже система доказательств бытия отдельных слов (вне рамок предложения), а ещё больше самый способ определения структуры слова обнаруживают глубокую пропасть между Потемней и Овсянико-Куликовским даже в методе истолкования грамматических явлений. Овсянико-Куликовский, видоизменяя характерные для Потемни приёмы генетического исследования фамматического мышления, подменяет анализ языковых форм анализом психологических процессов, «актов», сопровождающих понимание языка². Заявив вслед за Потемней, что «некогда, на древнейших ступенях развития языка, любое слово могло быть предикативным», что «тогда в практике речи-мысли, действительно, отдельных слов не было», и «единицей речи было не слово, а предложение» (XXV), Овсянико-Куликовский затем в таких психологических красках рисует процесс образования отдельных слов в языке: «Освобождение слов от тяготы предикативности и эмоциональности, а потом отгеснение грамматических форм в подсознательную сферу — это были процессы сбережения и освобождения энергии, которая и пошла на создание логической мысли» (XXX)³.

Отсюда было недалеко до подмены самого слова как языкового факта, как исторической реальности, разными психологическими понятиями и явлениями. Так и случилось на самом деле. По Овсянико-Куликовскому, слово есть «ассоциация содержания (представления, понятия и т. д.), данного в светлой точке сознания, с звуковым комплексом, отражающимся между двумя порогами (т. е. порогом сознания и порогом внимания. — В. В.), и с фамматическою формою, которая, пребывая в сфере бессознательной, аперцепирует содержание известною фамматическою катего-рией (существительным, глаголом и т. д.)» (5—6). Уже из этого определения ясно,

¹ Точно так же и школа И. А. Бодуэна де Куртенэ, несмотря на характерный для неё психологизм, никогда не противопоставляла психологического истолкования грамматических фактов логическому, хотя и признавала «необходимость строгого отделения научно-грамматического изучения языка от научной логики». См. замечания В. А. Богородицкого о смысловой природе предложения («Общий курс русской грамматики», изд. 4-е, Казань, 1913, стр. 285—287 и, в переработке, изд. 5-е, М.-Л., 1935, стр. 203—204). Ср. статью Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке» (сборник «Русская речь», нов. серия, II, Л., 1928). Несостоятельность традиционного деления научных течений в области грамматики на логическое, психологическое и формальное ясна и из характеристики их в разных (преимущественно методических) работах. См., например, К. Б. Бархин и Е. С. Истрина, Методика русского языка в средней школе, изд. 3-е, М., 1937, стр. 12 и след.

² «В языке, т. е. в нашей умственной деятельности, известной под названием «языка», в так называемом «грамматическом мышлении», происходят сложные акты мысли, большею частью протекающие в сфере бессознательной. В том числе там совершаются разного рода «грамматические умозаключения» («Синтаксис», стр. 54).

³ Ср. также «Синтаксические наблюдения» Д. Н. Овсянико-Куликовского («Журн. Мин. нар. проев.», май 1897; май 1898; июнь 1899).

что понятие грамматической формы для Овсяннико-Куликовского должно слиться с понятием «грамматической формы восприятия» (XVIII), формы живого процесса «речи-мысли»; при этом упор переносился с «речи» на «мысль», т. е. на психические акты, составляющие «грамматическое мышление». Грамматические формы — это не только категории грамматического мышления, но и виды «умственной работы», это «акты языковой мысли, характеризующиеся внешними знаками» (например, суффиксами и окончаниями). Оценка «звуковой формы» у Овсяннико-Куликовского та же, что у Потебни. Ведь если «в прогрессирующих языках» многие слова лишены и «этих внешних знаков грамматических форм», отсюда ещё нельзя заключать об отсутствии форм в таких словах. «Они (т. е. формы — В. В.) есть, но только они поставлены в зависимость от форм синтаксических. Слово узнаётся как существительное, прилагательное, глагол по контексту речи, по его роли во фразе, предложении. Но раз оно узнаётся в этом смысле, т. е. определяется (аперцепируется) как существительное, прилагательное, глагол и т. д., то, значит, эти грамматические категории существуют в уме говорящих, а, стало быть, существуют грамматические формы слов» (8—9). Ведь грамматические категории — это «отделы или рубрики» языкового мышления. «Весь материал представлений, образов, понятий, приобретаемых нами в течение жизни и в меру нашего умственного развития, распределяется по этим рубрикам, которые являются необходимыми формами нашего мышления» (3). Логическим следствием такого «психологизованного» понимания грамматической категории является следующее определение грамматической формы: грамматическая форма — это «особая работа мысли, совершающаяся автоматически в бессознательной сфере недалеко от порога сознания» (7) и состоящая в аперцепировании лексического содержания грамматической категорией. В языке Овсяннико-Куликовского понятие «частей речи» почти совпадает с понятием «грамматических форм» (в отличие от форм синтаксических в собственном смысле) (ср. выражения вроде: «мы можем приступить к рассмотрению частей речи, т. е. грамматических форм») (32). Каждая часть речи определяется как особая «форма или работа мысли». «Части речи суть особые формы мысли, которые служат нам для переработки получаемых нами впечатлений» («Синтаксис», 43). Невольно вспоминается тезис Ф. И. Буслая: «Части речи суть не иное что, как различные формы мысли»¹. Таким образом, в концепции Овсяннико-Куликовского внешние формы грамматического выражения ещё дальше, чем у Потебни, отходят на задний план грамматики, а выдвигается и демонстрируется освещение «формальных (грамматических) значений слов» (36) в духе и стиле волюнтаристической психологии. «Формальное (грамматическое) значение слов — это то, в силу которого они распределяются между частями речи» (36).

Выражения грамматическая форма и грамматическое понятие, грамматическое значение употребляются Овсяннико-Куликовским как синонимы. Характерно, например, для концепции Овсяннико-Куликовского такое заявление: «Прежде чем усвоить научные понятия и знания о мире, мы приобретаем в детстве грамматическое понятие о нём и в дальнейшем пользуемся этими грамматическими формами как необходимым орудием мысли» (43—44). Вполне естественно, что Овсяннико-Куликовский применяет в своей грамматической форме количественный критерий степени формальности, оценивая степень свободы формы от реального лексического содержания², т. е. изучая психологический процесс возникновения иллюзий на почве восприятий. Ведь форма может по-разному сочетаться с содержанием и может находиться в различном отношении к «действительности» (36—37). Понятие, представление нередко превращаются в фикцию

¹ Ф. И. Буслая. О преподавании отечественного языка, ч. 2, М., 1844, стр. 5.

² В основе учения Овсяннико-Куликовского о «фикциях» в языке лежат субъективно истолкованные

Овсяннико-Куликовским замечания Потебни об исторически изменяющихся отношениях между «формальным» и «вещественным» моментами в языке («Из записок по русской грамматике», I—II, стр. 27—

28). См. Овсяннико-Куликовский, Синтаксис, XXXIII—XXXIV.

(XXXI). «Так многие мифологические представления, ставши фикциями, превратились в символы, в художественные образы и даже в философские и научные понятия и термины» (там же). Грамматические категории также сначала были «выражением положительного знания и верования» (XXXIII). Они «стали превращаться в формы» — по мере разрыва между «знанием» и грамматическим мышлением. Тогда грамматический облик слов становился фикцией и отгеснялся «за порог внимания». Он делался формой. «Формальность в языке является как следствие фиктивности, прогрессирует с развитием этой последней и достигает крайнего предела, когда фиктивность переходит в мнимость» (XXXIII). В языке, по мнению Овсяннико-Куликовского, эти «фикции и мнимые величины играют огромную роль... Вспомним фиктивность, мнимость и затем исчезновение грамматического рода, фиктивность и также мнимость числа в *pluralia tantum*, мнимость подлежащего в страдательном обороте, частую фиктивность залоговых значений, мнимость и устранение лексического значения отвлечённой связки, фиктивность лексического значения полуотвлечённых — и нередко — и конкретных связок, мнимость лица глагола в бессубъектных предложениях, фиктивность грамматической субстанции в отвлечённых существительных и т. д. и т. д.» (XXXII).

Эти мысли (очень плодотворные, если освободить их от абстрактно-психологического тумана и перенести на реальную историческую почву) в концепции Овсяннико-Куликовского приводят к наивному смешению лексических и грамматических понятий и категорий, к двусмысленному пониманию «формальности». На этой почве, между прочим, возникает интерпретация местоимений и числительных как особых частей речи, по признаку «формальности»¹. Например, числительные признаются особой частью речи, потому что признак в них «формален, как всё, что принадлежит к математическим категориям мысли». И далее Овсяннико-Куликовский прибавляет: «С грамматической же стороны мы имеем в ряду числительных — существительные (*один, два, три... сто, тысяча*), прилагательные (*первый, второй... десятый... сотый*) и наречия (*дважды, трижды*)» (49).

Здесь Овсяннико-Куликовский идёт не в сторону, а прямо назад от своего учителя Поттебни. Ведь Поттебня, опираясь на Штейнтал⁵Г, решительно протестовал против отнесения местоимений и числительных к служебным словам, означаящим «отвлечённые понятия и отношения», и вскрывал игру двусмысленностью слова *формальность*: «Оснований деления здесь два: отвлечённость и значение отношения (формальность); но не всякая отвлечённость есть формальность, так что в сущности здесь смешаны два деления. Число есть оно из высших отвлечений, но числительное не есть слово формальное... оно заключает в себе... как лексические, так и формальные стихии... Тоже следует сказать о местоимении... Местоимения, кроме некоторых случаев, означают не отношения и связи, а явления и восприятия, но обозначают их не посредством признака, взятого из круга самых восприятий, а посредством отношения к говорящему, т. е. не качественно, а указательно»³.

В этом пункте с необыкновенной остротой обнаружилось влияние старой «логической грамматики» на Овсяннико-Куликовского. Как известно, Беккер в своём «Организме языка», противопоставляя словам, обозначающим самостоятельные понятия (*Begriffswörter*), слова, служащие исключительно для обозначения «отношений» (*Beziehungen*), *формальные слова* (*Formwörter*), относил к этим формальным словам наряду с предлогами, союзами, вспомогательными глаголами также местоимения и числительные⁴. Основания для такого понимания грамматической

¹ Ср. ход мыслей Овсяннико-Куликовского по поводу «незнаменательных формальных» категорий: «В них признак, т. е. лексическое значение есть величина мнимая». Они «не выражают самих признаков, а только устанавливают ту или другую точку зрения на признак» (45—48). В таком аспекте местоимения становятся рядом не только со «связками», предлогами и союзами, но и с числительными.

¹ Steintal, Grammatik, Logik und Psychologie, 28.

³ Поттебня, «Из записок по русской грамматике», I—II, 26.

⁴ K. F. Becker, Organismus der Sprache als Einleitung zur deutschen Grammatik, Frankfurt, 1827, 136—153.

сущности местоимений и числительных у Беккера были очень просты, но не столько «грамматичны», сколько схоластичны. Ведь личные местоимения (как это ещё доказывал Бопп) в иных языках и в известных случаях при глаголе даже не ставятся, а содержатся в окончании самого глагола {люблю, любишь и т. п., как формы 1-го, 2-го лица и т. д.)¹. Числительные формальны потому, что они только ближе определяют значения чисел — единственного, двойственного и множественного.

Но Овсяннико-Куликовский должен был примирить логицизм Беккера с формально-грамматическими критериями, выступающими на почве русского языка². Поэтому «классификация всех слов русского языка по частям речи» у Овсяннико-Куликовского становится двойственной. Различаются две точки зрения — ф о р м а л ь н о - г р а м м а т и ч е с к а я и т о ч к а з р е н и я «в о з р а с т а ю щ е й ф о р м а л ь н о с т и». С первой точки зрения слова делятся на 1) существительные, 2) прилагательные, 3) глаголы, 4) причастия, 5) наречия, 6) деепричастия, 7) служебные слова (связки, предлоги, союзы) (стр. 49—50)³.

«Со стороны убывающей знаменательности и возрастающей формальности слова делятся на

- 1) существительные (кроме немногих — отвлечённых);
- 2) прилагательные;
 1. Знаменательные: 3) глаголы (кроме немногих — отвлечённых и связок);
 - 4) причастия (кроме немногих — отвлечённых);
 - 5) наречия (кроме формальных);
 - 6) деепричастия (кроме немногих — отвлечённых).
2. Знаменательные — отвлечённые:
 - 1) глаголы-существительные {быть, существовать}, соответственные причастия и деепричастия {бывший, суций, будучи} и также отглагольные имена существительные, выражающие отвлечённое понятие бытия {бытие, существование};
 - 2) числительные.
3. Малознаменательные формальные:
 - 1) местоимения;
 - 2) формальные наречия;
 - 3) конкретные (или полуотвлечённые) глаголы-связки {являться, жить, идти, сидеть и др.)-}
4. Незнаменательные — формальные:
 - 1) отвлечённые глаголы-связки {быть, есть, суть};
 - 2) предлоги;
 - 3) союзы⁴.

¹ Ср. позднее у Н е у s e («System der Sprachwissenschaft», Berlin, 1856) рассуждение о личных местоимениях: «Субстантивные местоимения — субстантивные формальные слова. Всё их содержание — форма; форма субстанциональности в её абстрактной всеобщности, связанная с формальным указанием грамматического лица» (392). Взгляд на числительные и местоимения как на «служебные» части речи укрепился и в русской философской грамматике. Наиболее рельефно представлен он в «Опыте исторической грамматики русского языка» Ф. И. Б у с л а е в а (ср. также «О преподавании отечественного языка») и в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» акад. И. И. Д а в ы д о в а (1852).

² Любопытно, что уже сам Беккер не мог примирить своего отношения к местоимению как формальному слову с флективностью местоимения, т. е. с наличием форм в классе местоимений. «Так как местоимение не есть «понятие», а следовательно, и не корень, то не может быть в нём флексии» (Becker, Organismus der Sprache, 141).

³ Но ср. на стр. 32: «Русский язык в его современном состоянии имеет следующие части речи:

- 1) имя существительное, 2) имя прилагательное, 3) глагол, 4) причастие, 5) деепричастие, 6) наречие,
- 7) местоимение, 8) предлог, 9) союз, 10) имя числительное».

⁴ «Синтаксис», 50.

Смешанный и искусственный характер этой классификации, не вполне согласованной с формально-грамматической классификацией (ср., например, вопрос об отношении категорий местоимений и числительных к категориям существительных и прилагательных и др.), очевиден¹. Вместе с тем эта классификация слов резко отделена от проблемы предложения и членов предложения. По концепции Овсянико-Куликовского, части предложения «апперципируются» частями речи, и таким образом создаются из грамматических форм формы синтаксические» (32). «Синтаксические формы — это особая работа мысли, совершающаяся автоматически в бессознательной сфере недалеко от порога сознания, направленная на грамматические формы слов и безусловно необходимая для того, чтобы то, что дано в сознании, могло превратиться в акт речи-мысли» (7). Части речи, данные в сознании, становятся в акте речи-мысли членами предложения. Так «система Потебни» объединяется с «системой Миклошича», изучавшей «эволюцию грамматических форм самих по себе», независимо от предложения, и «следившей за изменением самих «вещей», за развитием «особей», оставляя в стороне вопрос о целом, о предложении» (IX—X)².

Конечно, и преобразование учения о слове, и новое понимание отношений между грамматическими и синтаксическими формами, и новая схема «частей речи», и вывернутый наизнанку тезис о связи их с членами предложения, и более широкая струя «логицизма» — всё это отделяло Овсянико-Куликовского от Потебни. Но главная беда была не в этом: Потебня ставил целью изучение самого языка, в его внутренних формах, а Овсянико-Куликовский стремился к психологическим медитациям и в языке (как и в художественной литературе) видел лишь подходящий материал и стимул для этих медитаций и для психологического теоретизирования.

7. Вырождение потебнианства (Концепция И. П. Лыскова)

В кругу потебнианства тенденция к синтетическому охвату языковой структуры, к распылению грамматики в сфере семантики осложняется наивным психологизированием и антиисторическим смешением разнородных языковых явлений. Все эти черты присущи работе И. П. Лыскова «О частях речи». Рассматривая слово как целостную структуру, в которой органически объединены морфологические, синтаксические и «семасиологические» формы, Лысков справедливо обрушивается на «формалистов» фортунатовской школы за механическое отсечение «синтаксических» форм от «несинтаксических» и доказывает спаянность всех формальных значений слова с «вещественными». Например, несинтаксическая форма сравнительной степени с принудительностью требует родит, падежа. Напротив, синтаксическая форма падежа связана с колебаниями вещественного значения. Ср.: *принесите мне хлеба* и *цена хлеба поднялась*. В обоих примерах взята одна форма род. пад. — *хлеба*. «В первом примере эта форма вносит изменение в объём представления: вместо целого представления о хлебе имеется представление только о части — ломте, куске и т. д. Во втором — объём остаётся неизменным» (8). Эти соображения внушают Лыскову мысль, что «формы можно разделить на формы с сильным и слабым синтаксическим значением, и наоборот — с сильным и слабым вещественным значением». «Очевидно, — заключает Лысков, — что на основании деления, строго разграничивающего форму, нельзя построить никакой классификации. Прежняя классификация, принадлежащая Аристотелю, должна остаться в силе, но она должна быть обоснована не только морфологически, но также синтаксически и семасиологически» (8). Отсюда у Лыскова вырастает семасиологическая классификация частей речи, опирающаяся на систему Овсянико-Куликовского, но гораздо более произвольная и запутанная. Присоединяясь к утверждённому в русской грамматике ещё Ломоносовым делению частей речи

¹ Ср. в «Опыте исторической грамматики» Ф.И.Буслаева (ч. 2. Синтаксис, изд. 2-е, М., 1863, стр. 44) отнесение к служебным частям речи наряду с предлогами и союзами также местоимения, имени числительного и вспомогательного глагола.

² Миклошич определял синтаксис как «часть грамматики, изучающую значение классов слов и форм слов» (M i k l o s i c h, Vergleichende Grammatik, IV, 1). Ср. определение Овсянико-Куликовского: «Синтаксис есть часть грамматики, занимающаяся изучением употребления (утилизации) слов и их сочетаний в процессах речи-мысли» (1). При этом, так как «наибольшая и важнейшая часть речи-мысли принимает форму предложения», то «в синтаксисе на первом плане стоит учение о предложении и его частях и о выражении последних частями речи» (там же).

³ И. П. Лысков. О частях речи. Опыт характеристики их природы морфологической, синтак

сической и семасиологической, М., 1926.
654

на знаменательные и служебные, Лысков констатирует: «Не все знаменательные части речи равно сильны по своей знаменательности». По убывающей знаменательности они располагаются в следующем порядке: 1) «На первом плане следует поставить конкретные имена существительные: *дом, стол, шум* и т. д.». 2) «Ко второй категории относятся признаки предметов, отвлечённые от конкретного представления». Почему-то сюда зачисляются не только отвлечённые существительные и прилагательные, но и все глаголы, которые, будто бы, полную конкретность получают только через сочетание с существительным: *летит аэроплан, летит птица, летит муха* и т. д. (однако ср. *стемнело, морозит, вижу, видишь, говорят* и т. п.). 3) «К третьей категории относятся наречия, производные от знаменательных слов: *ясно, вдали, домой*, и деепричастия: *видя, зная* и т. п.». Такова система знаменательных частей речи, по Лыскову (8—9, 13). Служебные части речи разбиваются на следующие 6 категорий по их убывающей связи с конкретными представлениями: 1) местоимение существительное; 2) имя числительное количественное; 3) глаголы составного сказуемого, а также местоимение прилагательное и порядковое числительное; 4) местоименное наречие; 5) предлог и 6) союз (9, 13).

Общий семантический признак служебных частей речи — «широта их объёма и вследствие этого неопределённость их содержания» (9). Однако тут же Лысков, измеряя степень служебности, должен признать: «всё же понятие о служебности и знаменательности является относительным», так как оттенок знаменательности присущ и местоимениям и числительным. Сама схема распределения разных типов местоименных и числительных слов на разряды у Лыскова, конечно, совсем произвольна. Но на помощь автору приходят «клинические наблюдения над различными больными», будто бы свидетельствующие, что «в левом полушарии большого мозга имеются два центра для слов»: один — для знаменательных, другой — для служебных (10).

Естественно, что за такой семасиологической классификацией сам Лысков отрицает право служить «отправным пунктом» для построения грамматики. Ведь «местоимения разделяются на местоимения существительные, прилагательные и наречные. То же самое надо сказать и об именах числительных» (11). С другой стороны, «существительные абстрактные надо было бы изучать в отделе о прилагательных и глаголах» (11). Поэтому Лысков, вслед за Овсяннико-Куликовским, предлагает ещё другую классификацию частей речи «по формальным признакам». Впрочем, автор предупреждает, что «и эту классификацию нужно признать относительной» (12). Слова теперь делятся на изменяемые и неизменяемые. Изменяемые слова содержат в себе два разряда: 1) слова склоняемые и 2) слова спрягаемые, или глаголы. Слова склоняемые в свою очередь распадаются на четыре разряда: 1) имя существительное; 2) имя прилагательное, прилагательное местоимение, причастие, числительное порядковое; 3) местоимение существительное и 4) имя числительное количественное. Таким образом, получается пять изменяемых частей речи. Между изменяемыми и неизменяемыми частями речи промежуточное положение занимают наречия (так как качественные наречия имеют форму сравнительной степени) и деепричастия (с формой времени). К неизменяемым частям речи Лысков относит предлог, союз, частицы и междометие (13).

Однако и эта классификация не исчерпывает всех категорий слов и всех семантических свойств слова. Поэтому Лысков дополняет её новой — третьей классификацией части речи «по эмоциональным особенностям». Понятие «эмоциональных» форм слова у Лыскова очень неясно и окрашено в пёстрые цвета наивного психологизма. Тут фигурируют даже «стенические и астенические чувствования» (22). А рядом вплетается вопрос о конкретных и абстрактных категориях слов, о переносном значении слов, о словах, обозначающих эмоцию, и о словах, насыщенных эмоцией. Но есть и параграф, посвященный — грамматическим формам эмоциональности слова», т. е. суффиксам субъективной оценки (19—20). Распределяя уже найденные части речи по степени «эмоциональности», Лысков приходит к выводу, что «наиболее эмоциональными разрядами речи надо считать те, которые раскрывают содержание представления. К ним принадлежат части речи, обозначающие различные признаки: абстрактное существительное, обозначающее количество и действие, имя прилагательное, глагол и наречие, обозначающее качество» (18). Из всех разрядов речи наибольшею эмоциональностью, по мнению Лыскова, отличается наречие: (*х м у р о с м о т р и т*) (там же). Но в процесс анализа эмоциональных слов Лысков выделяет ещё несколько новых «частей речи». Так, учение об «эмоциональных членах предложения» он начинает заявлением: «К частям речи, имеющим исключительно эмоциональный характер, относятся междометие и союз, поскольку последний не является связкой в предложении. *Да, были люди в наше время! Что же ты, лучинушка, не ярко горюшь? Как хороши и свежи были розы!*» (21). Уже из этих примеров видно, что понимание объёма и состава союзов у Лыскова необыкновенно своеобразно. Сознвая это, он сам далее пишет: «К таким же эмоциональным частям речи принадлежат также и слова как: *ну, полно* и

многие другие, семасиологические признаки которых не отличаются определённой» (там же). Впрочем, несколькими строками ниже помещён такой вывод об «эмоциональных членах предложения»: «К эмоциональным относятся о б р а щ е н и е , в в о д н ы е с л о в а и м е ж д о м е т н ы е ч л е н ы». Таким образом, учение о частях речи у Лыскова не только обнажило слабые места грамматических теорий эпигонов потебнианства, но и наглядно показало тот тупик, в который завела их семантическая психологизация грамматических понятий. Однако от качества исполнения следует отличать ценность намерения. А у Лыскова была очень ценная мысль — очертить грамматические границы разных семантических типов слов.

Лысков, анализируя категорию глагола, ставит вопрос о различиях в грамматическом объёме ф о р м о д н о г о с л о в а у разных классов слов, у разных частей речи. «Образуются ли формы слов только при посредстве окончаний (флексий) или же могут образоваться и при посредстве префиксов и суффиксов?» (54). Лысков в этом отношении устанавливает глубокую качественную разницу между разными «частями речи» (впрочем, неясно, по какой классификации из первых двух). Так, по его мне-

нию, «в именах существительных, местоимениях и числительных формы слов образуются только флексиями падежа и числа, поэтому *стол — стола, который — которому, двадцать — двадцатью* — не разные слова, а разные формы слов: *стол, двадцать, который*» (54). В именах прилагательных «новые формы одного и того же слова образуются и посредством суффиксов. Таковы формы степеней сравнения». В глаголе же, по мнению Лыскова, формами одного слова являются и соотносительные «видовые формы, различающиеся и префиксом и суффиксами». Но примеры, которыми иллюстрируется эта мысль, её компрометируют, опровергают. Доказывая соотносительность видовых форм глагола, сложенных с суффиксами, Лысков вместо форм одного слова ссылается на такие разные слова, как *честить — чувствовать, сказать — сказывать* (55). Естественно, что самый критерий различения форм одного слова и разных слов Лыскову неясен. «Решение этого вопроса, — пишет он, — должно исходить из решения вопроса о соотносительности слов с разными суффиксами (по контексту следует прибавить: или префиксами. — В. В.) и одним корнем» (54). Но этот тезис подкрепляется такими примерами и доказательствами, которые колеблют его в самом корне: *К вам газеты носят? — В прошлом году приносили, а нынче иногда заносят*. Этот диалог, в котором Лысков усмотрел доказательство принадлежности слов *носить, приносить* и *заносить* к формам одного слова, говорит — хотя и не очень ярко, о том, что *носить, приносить* и *заносить* — разные слова. Ведь утвердительный, отрицательный или противительный характер реплики собеседника отнюдь не является свидетельством лексического единства или разнородности соотносительных слов. Между тем для Лыскова различие слов — *играть* и *обыграть* вытекает не из их семантической структуры, а из несогласия собеседника в таком, например, диалоге: «*Садитесь с нами играть в карты*». «*Играть с вами я буду, но вас обыграю*» (54—55). Таким образом, приходится признать в концепции Лыскова постановку вопроса о формах одного слова правильной и своевременной, но самый способ решения вопроса в высшей степени неудачным.

8. Живое и мёртвое в потебнианстве

Перечислять отражения учения Потебни в отдельных исследованиях и руководствах по русскому языку или выбирать осколки идей Потебни из работ учёных других школ было бы здесь неуместно¹. Не подлежит сомнению, что учение Потебни является одной из самых глубоких и плодотворных буржуазно-лингвистических теорий в истории русского языкознания. Мысли Потебни о связи языка и мышления, грамматических форм и форм познания, о семантике как фундаменте лингвистики, о взаимодействии грамматических категорий с лексическими, об изменчивости грамматических категорий, глубокий анализ системы глагола и имени, наконец, некоторые наблюдения Потебни над эволюцией глагольных и именных морфологических типов и синтаксических конструкций, отдельные соображения о структуре слова — всё это имеет большую ценность для современной научной грамматики русского языка. Метафизическая, идеалистическая сторона теорий Потебни уже разрушена историей. Индивидуалистическому психологизму и интуитивизму Потебни противопоставлен метод диалектического материализма. Однако в русской лингвистической литературе второй половины XIX в. решительной критике было подвергнуто как раз то, что в учении Потебни представляет объективную ценность: резкое противодействие со стороны русских «неограмматистов» (Фортунатов и его школа) встретила функционально-синтаксическая точка зрения, враждебная морфологизму сравнительно-исторического метода «младogramматиков».

9. «Формалистический нигилизм» фортунатовской школы

Русская грамматическая традиция наряду с влиянием потебнианства подверглась сильному воздействию лингвистической системы акад. Ф. Ф. Фортунатова. Роль фортунатовской школы в обновлении русской грамматической традиции очень

¹ В связи с внутренним разложением и вульгаризацией взглядов Потебни возникло много эклектических систем, претендовавших на «формальность» и борющихся с «логичностью» грамматики. «*Les extrémités se touchent*» («крайности сходятся»), и эпигоны Потебни иногда обнаруживали единодушие с эпигонами Фортунатова. У некоторых возникло механическое сочетание положений Фортунатова и Потебни с примесью западноевропейских учений. Таков, например, был проф. Е. Ф. Буддеев. См. его «Основы синтаксиса русского языка», Казань, 1914 (также «Русск. филол. вестн.» № 3 и 4, 1910; № 4, 1913); «Русский язык», Казань, 1916; «Вопросы методологии русского языкознания», Казань, 1917. Ср. также его «Учебник грамматики русского языка», ч. 1, Этимология, М., 1916; ч. 2. Синтаксис, М., 1913.

велика. Между последователями фортунаговской лингвистической теории за пределами историко-сравнительного исследования не было единства. Например, более оригинальные ученики и поклонники Фортунатова (акад. А. А. Шахматов, отчасти проф. А. М. Пешковский и др.) отошли от основных грамматических положений акад. Фортунатова. К крайним и наиболее последовательным ответвлениям фортунаговской грамматической системы на почве изучения и преподавания русского языка можно приложить ту характеристику представителей «нигилистического формализма», которую вслед за Магером («*Padagogische Revue*», 1844, 1) повторил Ф. И. Буслаев в своей замечательной книге «О преподавании отечественного языка»: «Рациональные методики учат науке... языка, прежде чем дадут своим ученикам самый язык»¹.

Схематизм грамматических наблюдений, игнорирующих структурную целостность разных сторон языковой системы, пристрастие к абстрактно-классификационным формальностям, наивный эмпиризм морфологических построений, не считающихся с присущим коллективу пониманием живой социальной природы данного языка, характерны для фортунаговской школы. Оценка грамматических теорий «фортунатовцев» невозможна без детального изложения учения самого Фортунатова, так как здесь русский язык непосредственно вовлекался в сферу абстрактно-грамматических реконструкций индоевропейского праязыка.

10. Учение о слове и о классах слов в индоевропейском праязыке в курсах акад. Ф. Ф.

Фортунатова

Фортунатовское определение слова основано на тавтологии, на включении самого определяемого понятия в состав определения: «*Всякий звук речи, имеющий в языке значение отдельно от других звуков, являющихся словами, есть слово*»². Так понятие слова определяется через понятие слова. При исключении же ссылки на слово, в сокращённой форме, это определение звучит совсем странно: «*Словами являются звуки речи в их значениях*»³.

Само описание внешней и внутренней семантической структуры слова в теории Фортунатова очень поверхностно. Различия слов, по Фортунатову, обусловлены только различиями в звуковой стороне и различиями в соотношении лексических значений. «*Различия в звуковой стороне образуют различия самих слов*», за исключением тех частичных звуковых различий, которые «*сознаются говорящими как видоизменение в части звуков одного и того же слова, не изменяющее значение этого слова*» (вроде: *зимюю — зимой, подо — под*).

Нетрудно понять, что этим замечанием вопрос о формах одного слова только обходится, а не разрешается. Ведь остаётся непонятным, всякое ли изменение значения, связанное с изменением звуковой формы слова, приводит к образованию нового, другого слова, и, напротив, всякое ли видоизменение в части звуков слова, без нарушения системы его значений, является признаком вариантовных форм одного и того же слова. Например, если выстроить в ряд такие серии: *зуб-зубы-зубья; волос-волоса-волосы; муж-мужи-мужья; лист-листья-листья; слуха-слуху; поздней-позднее-позже; взять-возьму; бегу-бежап; убить-убивать* и т. п.,

¹ Ф. И. Буслаев, *О преподавании отечественного языка*, ч. 1, М., 1844, стр. 81.

² Ф. Ф. Фортунатов, *Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1899—1900 гг.*,

М. литогр., стр. 186. Ср. также на стр. 237: «*Отдельным словом... является всякий такой звук речи или*

такой комплекс звуков речи, который имеет в языке значение отдельно от других звуков, являющихся

словами, и который притом, если это комплекс звуков, не может быть разложен на отдельные слова без

изменения или без утраты значения той или другой части в этом комплексе звуков». Впрочем, проф.

А. М. Пешковский, констатируя указанную тавтологию, находил, что «этот логический промах и есть

как раз самая оригинальная и глубокая сторона фортунатовского определения». А. М. Пешков

ский, *Сборник статей*, Л., 1925, стр. 133.

³ «*Сравнительное языковедение*», 187. См. также это определение у Д. Н. Ушакова в его

«*Кратком введении в науку о языке*», (изд. 7-е, М., 1925, стр. 53), и там же на стр. 41: «*С внутренней*

стороны слово — такая единица, которая имеет особое значение».

с одной стороны, и *стлать-стелить-стелю; бечь-бежать-бегу; зал-зала-зало; лиса-лисица* и т. п. — с другой, и посмотреть на них с точки зрения Фортунатова, то в фортунатовском указании нельзя найти никаких критериев для разграничения среди них форм одного и того же слова и разных слов. Во всяком случае, ученики Фортунатова признали бы все эти формы разными словами¹.

В сущности, определение слова у Фортунатова и, особенно, у его учеников свелось к традиционной формуле: «Слово есть простой или сложный звук голоса человеческого, коим выражается какое-нибудь понятие или чувствование»². Но в предшествовавшей русской грамматической традиции упор был на «понятие», включённое в слово. Например, в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» акад. Давыдова слово определялось так: «Слово — единство понятия и членораздельных звуков»³. В сравнительно-исторической концепции младограмматиков центр тяжести с понятия переносится на звуковую сторону речи и на управляющую ею систему фонетических соответствий и грамматических ассоциаций.

Провозглашаемая Фортунатовым двойственность природы слова, состоящая в сочетании звуков со значениями, обязывала учёного к детальному раскрытию структурных форм связи между звуковым и смысловым строем слова, к грамматическому определению структуры слова⁴. Но именно такого анализа слова Фортунатовым не сделано, в чём справедливо упрекал своего учителя проф. Пешковский, принуждённый признать, что на почве фортунатовской системы возможно лишь схематическое учение о слове как об «отдельном психофизиологическом акте членения речи»⁵.

В самом деле, семантический анализ понятия слова у Фортунатова направлен лишь на общее поверхностное отграничение слов с различными значениями от различных слов, т. е. к дифференциации омонимов. Самые принципы и семантические основы объединения разных значений в структуре слова Фортунатовым рисуются односторонне как психологические связи, оправдывающие синекдохическое видоизменение значения или метонимический и метафорический перенос смысла: «Одно и то же слово с видоизменением его значения является в языке тогда, когда различные значения, соединяющиеся с одной и той же звуковой стороной слова, связываются между собой в сознании говорящих так, что при этом одно значение сознаётся или как ограничение, специализирование другого, более общего значения, или как распространение, обобщение другого значения, или как перенесение слова как знака с одного предмета мысли на другой предмет мысли, как связанный с первым в известном отношении» (188)⁶. «Но где же объективный критерий для решения вопроса, связываются в каждом отдельном случае сходные значения или не связываются? — недоумевал А. М. Пешковский⁷. Для Пешковского эта неопределённость тем невыносимее, что при своей склонности к психологистическому субъективизму он и не

¹ Например, Д. Н. Ушаков (Краткое введение в науку о языке, 84), М. Н. Петерсон.

² Н. И. Греч, Практическая русская грамматика, СПб, 1834, стр. 14. Ср. у Г. Павского в «Филологических наблюдениях» (второе рассуждение, СПб, 1842): «Звуки уст, которыми выражены известные чувства и понятия, называются словами» (1).

³ Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный вторым отделением Императорской академии наук, СПб, 1852, стр. 7.

⁴ По поводу такого изолированного и абстрактного определения слова уместно вспомнить слова Ф. де Соссюра: «Великим заблуждением является взгляд на языковой элемент просто как на соединение некоего звука с неким понятием. Определять его так значило бы изолировать его от системы, в состав которой он входит; это повело бы к ложной мысли, будто возможно начинать с языковых элементов и из их суммы строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до заключённых в нём элементов» Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, русский перевод, М, 1933, стр. 113.

⁵ А. М. Пешковский. Сборник статей, Л., 1925, стр. 133 (статья «Понятие отдельного слова»).

⁶ Ср. заявление о несостоятельности «логической» и «психологической» точек зрения на семантику слова у М. Н. Петерсона, Введение в языковедение, М., 1930, гл. VII, задачи 5 и 6, стр. 33—36.

⁷ А. М. Пешковский, Сборник статей, стр. 130.

мог увидеть объективные, социально-речевые (грамматические и семантические) основы и причины связи значений в одном слове. «Если в одних случаях связь кажется несомненной... а в других, наоборот, невероятной (например, в коньк/==лошадки и коньки для катания по льду или в бабга=бабушка и бабка==кость лошади), то во многих случаях (если и не в большинстве) мы увидим нечто среднее: связь есть, но настолько слабая, что у одних может присутствовать в мысли, а у других нет, сегодня может, а завтра нет и т. д.» (например кОнёк-=лошадка и к-онёк-=любимый предмет разговора; *корень* дерева, *корень* слова, *корень* квадратный). «Если и можно наблюдать это на себе в определённый момент речи (хотя это и чрезвычайно трудно), то решить вопрос для всего языка, т. е. для всех говорящих или для гипотетического среднего говорящего субъекта представляется совершенно невозможным»¹.

Итак, Фортунатов не определяет точно (см. стр. 188—190), какие различия в значениях одинаковых звуковых комплексов образуют различия самих слов, и какие уместаются в пределах семантической структуры одного и того же слова. Например, *занестись* — в значении 1) загордиться и 2) унести куда-нибудь воображением — и *занести* — о курице, о курах (начать нести); *заложить* (отдать в залог) и *заложить* (в разных значениях, в которых ещё ощущается глагольное, а не именное значение приставки — за); *зарядить* (положить заряд во что-нибудь) и *зарядить* (начать часто делать что-нибудь) — надо ли считать модификациями одного слова или омонимическими парами слов? Последователь Фортунатова должен склониться к признанию каждой пары за одно слово или же должен вовсе отказаться от решения вопроса. Ведь Фортунатов писал: «Мы можем определить, как одно слово с различными значениями, и такой комплекс звуков речи (или такой звук речи), с которым в данном периоде жизни языка уже соединяются значения, не связывающиеся между собою в сознании говорящих, если только эти различные значения в истории языка оказываются видоизменениями значения одного и того же слова» (190).

Таким образом, даже с тех двух сторон, которыми ограничивалось фортунатовское определение слова, Фортунатов не сумел вполне уяснить и раскрыть структурных свойств слова².

Вполне понятно, что при такой неопределённости объёма и содержания понятия слова формальный анализ слов мог привести лишь к абстрактной классификации звуковых «форм» в языке, оторванных от живой природы слов, от их речевого употребления и от их социального распределения по грамматическим категориям.

От Германа Пауля Фортунатов усвоил скептицизм в отношении учения о частях речи, «покоющегося, — по словам Пауля, — на непоследовательно проведённых логических принципах»³. Но сам Пауль выражал сомнения в возможности поставить на место учения о частях речи другую «строго логически расчленённую систему» (там же). Фортунатов пытался построить такую логически расчленённую морфологическую классификацию слов — вне традиционной системы «частей речи». Поэтому учение о слове ему необходимо было дополнить понятием *ф о р м ы с л о в а*.

Может показаться, что у Фортунатова общее понятие слова углубляется и осложняется учением о «грамматических различиях слов», о различиях слов в формах, или по формам (иначе: учением о *ф о р м е с л о в а*). Однако само понятие *ф о р м а с л о в а* вообще, т. е. понятие о структурных формах слова, Фортунатову несвойственно. Фортунатов приписывает формы лишь «определённым полным словам»⁴. Между тем, кроме «полных слов», есть ещё, по Фортунатову, слова *'А. М. Пешковский, Сборник статей, стр. 130.*

² Невозможность построить систему грамматики независимо от понятия слова настолько очевидна, что приходится отнести как к крайней формалистической аберрации к противоположному тезису. Ср. L. N j e I m s I e v, *Principes de grammaire generate*, Koebenhavn, 1928, особенно стр. 98—100.

*H. P a u l, *Prinzipien der Sprachgeschichte*, 4 Aufl., Hall a. S. 1909, 352.

⁴ Правда, затем Фортунатову приходится говорить и о формах «частичных слов». Ср. также у Д. Н. У ш а к о в а в «Кратком введении в науку о языке», стр. 84: «Частичные слова могут иметь формы: так, связка спрягается, член склоняется, в некоторых языках спрягается отрицание».

«частичные» и «междометия». Признаки и критерии этого деления в деталях не раскрываются¹. Но легко заметить, что эта классификация слов основана на двух критериях — семантическом и синтаксическом. Выделение междометий в особую группу мотивируется тем, что они «существуют вне предложений» и «принадлежат речи не как выражение идей, но как выражение чувствований, испытываемых говорящим». Вполне естественна оговорка, что «и полные слова могут употребляться в языке как междометия. Например, у нас «боже», «боже мой», «чорт» и др.» (стр. 242—244). Это значит, что понятие «междометия» в современном русском языке может быть противопоставлено «полным словам» не с точки зрения абстрактной морфологической «полноты» (ср. *вали! помилуйте! чёрта с два* и т. п.), а лишь на основе общих структурно-языковых, т. е. фонетических (интонационных), грамматических и семантических различий. Конечно, само по себе признание междометий особым разрядом слов не вызывает сомнений. Гораздо более спорны объём, содержание и классификационные разряды двух других типов слов: *о т д е л ь н ы х п о л н ы х с л о в и с л о в ч а с т и ч н ы х*. Прежде всего ясно, что деление не-междометных слов на слова полные и частичные, соответствующее делению слов в китайской грамматике на полные и пустые, в европейском языкознании — на знаменательные (*Begriffswörter*) и служебные (*Fogetwörter*), в системе Фортунатова опирается не столько на морфологические, сколько на синтаксические и особенно на семантические (и притом неточно сформулированные) признаки. Согласно Фортунатову, отличие частичных слов от полных в том, что «значения частичных слов не существуют отдельно от значений полных слов» (237)². Однако — это не совсем так. Можно истолковать и понять (и это — задача словаря) значения, присущие в данной системе языка самому «частичному слову» (этот тезис с блеском развивал ещё К. С. Аксаков). К. С. Аксаков, а после него — Н. П. Некрасов и А. А. Добиаш доказывали, что, например, «предлог имеет значение в самом себе, и из этого значения можем мы вывести возможность употребления его с тем или другим падежом»³.

В качестве примера можно указать на круг значений предлога *через* в современном русском языке.

Через, предлог с вин. пад.

1. С одной стороны на другую, поперёк. *Перейти через улицу. Мост через реку. Стеснённый Терек с рёвом бросает мутные валы через утёсы* (Пушкин). Сквозь, минуя какое-нибудь пространство, среду. *Проехать через Москву. Стала на стул: гляжу в его-то комнату через стекло* (Чернышевский, Что делать?) *Переносно*. Подвергнувшись чему-нибудь, испытав что-нибудь. *Пройти через испытания, через горести*.

2. Спустя, промедлив (какой-нибудь промежуток времени). *Через год я кончу курс. Через неделю она ему улыбнулась* (Пушкин).

3. Последовательно с каким-нибудь промежутком, пропуская что-нибудь (какой-нибудь срок, количество времени). *Через час по столовой ложке. Он ходит к нам через шестидневку*.

4. При посредстве, при помощи. *Узнать через верного человека. Объявить через газеты. Переслать через курьера. Беседа шла через переводчика* (Пушкин).

5. По причине, по вине кого-нибудь, чего-нибудь (простореч.). *Потерять место через пьянство. Через него вышла большая неприятность*.

Если сопоставить с значениями этого рода частичных слов значения таких слов (по Фортунатову, «полных»), как *единственно* (не только *единственно ценный*, но и *допустить единственно затем...*, т. е. в значении усилительно-ограничительной

¹ Ср. воспроизведение этой классификации у Д. Н. Ушакова, Краткое введение, стр. 84.

² Ср. также формулировку: «Частичные отдельные слова обозначают нечто или в значениях полных слов как частей предложения, или в значениях самих предложений, в состав которых входят полные слова» (238). Но, кроме того, частичные слова ведь и сами имеют свойственные им значения.

³ К. С. Аксаков, Сочинения филологические, ч. 2, стр. 129.

частицы только), собственно, просто (в усиленном значении: *просто беда, просто деться некуда*), плюс (в значении: прибавив, если прибавить: *коммунизм — это социализм плюс электрификация*), всё (в значении: ещё, непрерывно: *он всё хворает*) и т. п., то трудно усмотреть между ними какие-нибудь принципиальные семантические различия.

Очевидно, Фортунатов не совсем точно и ясно сформулировал различия в характере значения частичных слов, не сумел полностью определить их структурно-языковое своеобразие. Дело не только в том, что «значения частичных слов не существуют отдельно от значений полных слов» (ср. значения таких слов и идиом, как *по-видимому, вероятно, может быть, напротив, вроде, по линии, по части, в отношении к, без ведома* и т. п., которые также могут показаться не существующими отдельно от значений других полных слов). Дело в том, что значения большей части тех слов, которые Фортунатов отнёс к частичным, — иного рода, иной семантической категории, чем значения имён существительных, прилагательных, глаголов и т. п. Эти значения не наполнены «вещным» содержанием. В частичных словах отсутствует «предметная» отнесенность. В их значениях отражаются отвлечённые логические и синтаксические отношения и категории, присущие языку, но не находящие полного выражения в системе его морфологических элементов. Таким образом, эти слова не воспроизводят мира предметов, действий, качеств, признаков и т. п., как материальной основы языка, а соответствуют чисто идеологической надстройке, отвлечённой, семантической сфере логико-синтаксических понятий. Лексическими значениями «частичных» слов служат пространственные, временные, причинные, целевые и т. п. оттенки и отношения, составляющие семантический и грамматический фонд языка. Например, понятие причинного отношения между глаголами и именами с разных точек зрения и с разными оттенками выражается в современном русском языке предлогами: *по, с (со), через* (простореч.), *вследствие* (книжн.), *по причине* (книжн.), *в силу* (канц.), *от* (разг.), *из, из-за* и др. Можно детально и точно описать различия в значениях этих предлогов, способных выражать категорию причинности в русском языке.

Таким образом, Фортунатов, следуя лингвистической традиции, совершенно правильно подчёркивает различие между двумя структурными типами слов. Но его понимание разницы между полными и частичными словами лишено принципиальной глубины и грамматической или семантической точности. Оно прямолинейно и абстрактно.

Анализ предложенной Фортунатовым классификации «частичных слов» способен ещё более укрепить и усилить недоумения. Фортунатов различает четыре разряда частичных слов. Первые три разряда естественно размещаются рядом. Это — 1) соединительные слова (предлоги, глагольная связка, союзы); 2) усилительные слова (*то, даже, и* — в значении усилительной частицы); 3) отрицательные и вопросительные слова (*не, ли*). При переходе к четвёртому разряду в концепции Фортунатова обнаруживается провал, резкий семантико-синтаксический слом. В четвёртый разряд Фортунатов относит «частичные слова, обозначающие известное отношение говорящего к данному представлению» (1) *да, нет, конечно, вероятно* и т. п.; 2) *мол, дескать, де* и т. п.). Но тут же делается предупреждение, что значения категории «утвердительных» (и отрицательных) слов (*конечно, да, нет* и т. п.) противоречат самому понятию о частичных словах. «Эти частичные слова могут являться в речи и без полных слов». Мало того, едва ли слова *конечно, вероятно* согласно морфологической теории Фортунатова можно признать «частичными». Недоумение увеличивается от классического по невразумительности разъяснения: «Речь, заключающая в себе только одно такое частичное слово (например, одно *да*) — речь неполная, и частичное слово в ней не образует и неполного предложения, так как частичное слово вообще не представляет отдельной части предложения»¹. Иначе

¹ Ср. замечание о такого рода словах в «Русском синтаксисе» А. М.

П е ш к о в с к о г о : «Неверно было бы считать такие одиночные слова и сочетания предложениями, хотя бы и неполными. Это

говоря: «Слова, обозначающие различия в чувствованиях (?), вызываемые в говорящем процессом суждения о предметах мыслей, обозначенных полными словами» (так Фортунатов определяет слова типа *да, нет, конечно, вероятно*), ничего общего не имеют ни с одним из вышеперечисленных трёх разрядов «частичных слов». Это вовсе не «частичные слова» в том смысле, как предлоги, союзы или усилительно-ограничительные частицы. То же придётся сказать о другой разновидности четвёртого класса частичных слов. Сюда относятся «частичные слова, которые обозначают данное предложение как взятое из речи другого лица, например, русское *мол*». Очевидно, что значения этой категории слов по существу своему резко отличны от семантических функций трёх предшествовавших разрядов «частичных слов». Выступая в роли субъектно-стилистического ключа к речи, относя речь к её «автору», к субъекту, «вводные» слова образуют в русском языке очень богатую категорию «модальных» слов. *Мол* нельзя отделять не только от таких слов, как *дескать, будто* (ср. у Н. С. Лескова в «Печорских антиках»: *Несчастливая полная дама так и жила, будто, в деревне и пошла, будто, она один раз с внуками в лес гулять* и т. п.), но и от таких, как *наверно, действительно, по-видимому, видно, может быть, несомненно* и т. п.

Возникает вопрос: почему Фортунатов, вопреки синтаксическим различиям, помещает в группу слов, названных им «частичными», совершенно разные, не подходящие под его же определение категории слов? Бросаются в глаза две причины. Прежде всего ясно, что Фортунатов склонен к фетишизации звуков, звуковой формы в слове¹. Его «частичные слова» в преобладающем большинстве (кроме связки и некоторых утвердительных слов) не только лишены способности морфологического разложения на элементы, на морфемы, но и фонетически «частичны», т. е. ограничены в объёме. А сюда присоединяется и семантическая частичность, т. е. отсутствие в этих словах «вещественного отношения», указаний на мир предметов, качеств, признаков и действий. Но тут-то и обнаруживается другая, и притом основная, причина суммарного выделения частичных слов. Фортунатов, несмотря на своё принципиальное отрицание теории «частей речи», находится всецело под влиянием этой теории. Учение о «частях речи» предопределило его классификацию слов. Частичные слова отделены от «полных слов» именно потому, что они не «части речи» и не «члены предложения». Этот отрицательный признак и даёт Фортунатову право сблизить «вводные» и утвердительные слова (*да, нет, конечно* и т. п.) с союзами или с вопросительными частицами.

Выделяя частичные слова в особую группу, Фортунатов знал, что это — «слова», т. е. что соответствующие «звуки и комплексы звуков» оформлены и функционируют как слова. Форма слова здесь обусловлена и оправдана семантически и синтаксически. Правда, синтаксические признаки частичных слов заключаются не в морфологическом строе самих слов, а извлекаются из анализа их функций в сочетаниях слов. Таким образом, понятие принципиальной грамматической оформленности слова, хотя по отношению к частичным словам и не применяется Фортунатовым и даже отрицается им, но, на самом деле, подразумевается².

только фразы, т. е. интонационные единицы, но не грамматические... У нас нет при этом никакой мысли, а следовательно, и никакого предложения: мы высказываем только утверждение, т. е. утвердительное отношение наше к высказанной ранее мысли» (ср. такое же употребление вопросительных частичных слов и повелительных), А. М. Пешковскый, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 5-е, М., 1935, стр. 365.

¹ Для понимания фортуноватовского учения о форме слова, кроме общего курса «Сравнительного языковедения», важны также два частных исследования Ф. Ф. Фортунатова: «Критический разбор сочинения проф. Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», СПб, 1897, «Сборн. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. наук», т. 64, № 11, и «О залогах русского глагола», «Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. наук», т. IV, кн. 4.

² Характерно, что Фортунатов, отрицая в корневых языках «формы отдельных слов», допускает в них, однако, «другие формы, именно формы сочетания слов в словосочетаниях (образуемые видоизменениями в порядке расположения слов, сочетающихся в словосочетаниях)» (стр. 217).

Впрочем, синтаксические функции и признаки «частичных слов» Фортунатовым описаны явно недостаточно и неудовлетворительно. Не приняты в расчёт, например, ни порядок слов, ни характер связи их с окружающими или соседними словами, ни интонация, ни ударение (ср. синтаксический анализ «частичных» слов в работах А. М. Пешковского). Однако в фортунатовском анализе частичных слов наблюдается естественное и правильное стремление объединить фамматические дифференциальные признаки слов с семантическими. На этой основе и утверждается противопоставление частичных слов «полным» словам.

Полные слова — это «части речи» в их традиционном противопоставлении «частям речи» или формальным словам (ср., например, фамматику Н. И. Греча), это «лексические слова» в учении Потебни. Отдельные «полные» слова, кроме семантических свойств, кроме семантической полноценности («предметами мысли, обозначаемыми полными словами, являются или вещи, предметы, т. е. вместилища тех или других признаков, или самые признаки вещей, а также признаки других признаков»), по Фортунатову, характеризуются своеобразными фамматическими свойствами как синтаксическими, так и «морфологическими» (т. е. заложенными в самом строении слова): они обладают «формами». Если частичные слова определяются в своей фамматической природе функционально, то «полные» слова выделяются «формально». Так в системе Фортунатова возникает понятие не «формы» слова в собственном смысле, а *формальной приметы в эмпирическом, звуковом составе отдельного слова*. На месте «внутренней формы» Потебни утверждается «внешняя форма» слова, «звук», «фонеморфологический» показатель фамматического класса или фамматической категории в самом строении слова. Изъятое из контекста слово само, своим звуковым составом, независимо от конструктивных функций, должно выделить свою «форму». В этом смысле форма — это наличие в слове, выделяющем основу, звука или комплекса звуков (а при известных условиях — отсутствие звука или комплекса звуков), видоизменяющих значение основы. Формы опознаются на фоне системы соотношений между словами языка (т. е. соотношений между темами и формальными принадлежностями). Отсюда такие выражения Фортунатова: «слово может заключать в себе более одной формы» (196); «языки, в которых отдельные слова не имеют никаких форм» (198) и т. п. Таким образом, в языке обнажается морфологический остов, «скелет» его синтетического строя и объявляется исключительной и единственной опорой фамматической классификации, хотя бы данный язык обнаруживал в своей структуре взаимодействие и смешение синтетических и аналитических форм.

Ведь в «аналитическом» языке фаницы слова и словосочетания нередко совпадают (ср. аналитические формы глагола в современном русском языке: *я читал бы, буду читать* и т. п.). Но Фортунатов, исходя из «идеального» воображаемого синтетического строя индоевропейского праязыка, провозглашает принцип чистого «морфологизма» в фамматической классификации «полных слов». Так нарушается историческая перспектива, а для учеников Фортунатова открывается возможность описывать современный русский язык в аспекте гипотетического индоевропейского морфологического «синтетизма». У самого Фортунатова обособление категории «полных слов» тесно связано с разъяснением понятия *основы* (темы) и соотносительного с ним понятия *формальной принадлежности* (аффикса, формального повторения основы, формального видоизменения звуковой стороны основ — «флексии основ»), а также с морфологической классификацией языков. Поэтому всё внимание компаративиста-младофамматика направлено на схематическое, сравнительное и уравнильное описание внешнего строя таких слов, которые составляют основной инвентарь «общего индоевропейского языка». Итак, разрешается вопрос не о формах слова вообще, т. е. не о структурных признаках разных семантических и фамматических разрядов слов, а о механистически устанавливаемых звуковых видоизменениях в слове, определяющих систему морфологических

соотношений среди одной серии слов языка (именно среди групп так называемых «полных», т. е. синтетических слов). Впрочем, и в системе «полных» слов Фортунатов, — при своём изолированно-морфологическом понимании формы, — должен был выделить в особые разряды наречия и инфинитивы (тем более, что инфинитив, как глагольная категория, сложился в более позднюю эпоху). Наречия и инфинитивы, по Фортунатову, в сущности, не могут идти в параллель с именами существительными, прилагательными и глаголами. Напротив, они противопоставлены этим категориям как слова, не имеющие «форм словоизменения». Среди наречий оказываются даже слова, в о в с е л и ш ё н н ы е ф о р м (как словоизменения, так и словообразования). Таким образом, критерий формальности неоднороден. Среди «полных слов» обнаруживаются два разных типа слов: одни обладают формами, другие — нет. А. М. Пешковский почувствовал в этом месте трещину в фортунатовской теории и в качестве спасительной меры предложил делить все немеждоиметные слова русского языка не на «полные» и «частичные», а на три разряда: на полные слова, морфологически разложимые, на «бесформенные» полные слова и на слова частичные¹. Однако этой «поправкой» трещина не была закрыта. Ведь классификация полных слов у Фортунатова выступает в таком виде:

- 1) Слова с формами словоизменения: 2) Слова без форм словоизменения:
 а) слова с формами «сказуемости» и а) слова с формами словообразования и
 б) слова с формами «второстепенных б) слова, не имеющие никаких форм,
 частей предложения».

Таким образом, Пешковский своей «поправкой» лишь ломает цельность фортунатовской классификационной схемы, уничтожает в ней «ступеньчатость», иерархическую перспективу, и нисколько не спасает общего положения. А критичность этого положения сразу же становится очевидной, если углубиться в самое фортунатовское определение грамматической формы и в определение грамматики как науки о формах языка. Понятие формы в слове раскрывается Фортунатовым не в аспекте цельной и целостной языковой системы, не с учётом всех структурных элементов грамматики данного языка, а только применительно к задачам сравнительно-исторического метода, опирающегося на «проекционный», абстрактно-схематизирующий анализ фонетических и морфологических элементов речи. Отсюда возникает отношение к «полному слову» как к замкнутому в самом себе фонетико-морфологическому единству, представляющему целостную и обособленную систему основ, аффиксов и флексий основы. «Присутствие в слове делимости на основу и аффикс даёт слову то, что мы называем его формой» (88). Это — «наиболее обычный, наиболее распространённый в различных языках способ образования форм в отдельных полных словах» (199). Русскому языку, как и многим другим индоевропейским языкам, вместе с этим способом формообразования, свойственно ещё формальное видоизменение звуков основы (206—207), так называемая «флексия основы» (209). Кроме того, так как формы в языке соотносительны, то в некоторых случаях само отсутствие аффикса может осознаваться как форма, «отрицательная форма (например, им. пад. ед. ч. *сын, раб* и т. д., род. пад. мн. ч. *сапог* и т. п.)» (198). Этими указаниями исчерпывается, по Фортунатову, понятие формы отдельного полного слова. И этими рамками должен ограничиться отдел грамматики, посвященный учению о формах слов. Совершенно ясно, что круг грамматического исследования и определения слова здесь незаконно сужен².

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, статья «Понятие отдельного слова», стр. 137.

² Фортунатов определяет объём и содержание грамматики следующим образом: «Тот отдел языковедения, в котором изучаются формы слов, следовательно, слова в их формах, называется грамматикой в тесном собственном смысле этого термина. В грамматике различаются две части: морфология (или этимология) и синтаксис. Первая рассматривает формы отдельных слов по отношению к отдельным сло-

Ряд грамматических процессов (вроде ударения, интонации, порядка слов, отношений слова к другим словам, т. е. форм синтаксического функционирования), отражающихся и на понимании отдельных «полных слов» на их структуре, выпадает из сферы морфологического наблюдения Фортунатова. Между тем, материалом для грамматической классификации слов Фортунатову часто служил современный русский язык. А ведь русский литературный язык не принадлежит к таким языкам, которые выражают почти все грамматические отношения посредством модификаций в пределах самого слова. Наряду с синтетическими формами грамматического строя, ему свойственны и аналитические. Морфология в русском языке всё более скрещивается с синтаксисом и семантикой, и функционально-синтаксический способ формирования поздних или вновь возникающих грамматических категорий становится преобладающим. А Фортунатов стремился механически и прямолинейно отсечь не только морфологию от синтаксиса, но и грамматику в целом от лексикологии и семантики. Здесь коренились причины его борьбы против «ошибочного смешения грамматических классов отдельных ли слов, или сочетания слов с классами того, что обозначается или выражается отдельными словами и сочетаниями слов»². Грамматическая форма в фортунатовской концепции открыто противопоставлялась семантической структуре слов и искусственно абстрагировалась от неё. Так, уже сам Фортунатов выделил в особую рубрику «неграмматические наречия»³, не замечая своей логической ошибки: ведь «наречие» — категория чисто грамматическая, определяемая не только формой внутри слова, но и порядком слов, соотношением с другими «частями речи» и отношением к другим словам в синтагме.

Однако самый главный порок фортунатовской теории формы не в этом. У Фортунатова исчезли и в фамматике (как раньше в лексикологии) критерии для разграничения форм одного и того же слова от форм разных слов. Наивный эмпиризм компаративиста, оперирующего с явлениями далёких, иногда только воображаемых эпох, довольствуется примитивными, грубыми приёмами выделения и обособления слов по их внешней форме и по общему или основному лексическому значению. В системе современного живого языка дело обстоит неизмеримо сложнее и труднее. Например, в выражениях: *заспанный матерью ребёнок* и *заспанный вид*, *заспанное лицо* два ли разных слова — омонима *заспанный* или два разных значения одного и того же слова? С точки зрения фамматики этот вопрос может получить и иную формулировку: в современном русском литературном языке в формах причастий прош. вр. страд. зал. на *н-ный* различия глагольно-страдательных и прилагательно-

~~вам, а в синтаксисе изучаются формы отдельных слов по отношению к употреблению их в словосочетаниях, равно как и такие формы языка, которые представляют собой не формы отдельных слов, но формы сочетания слов в словосочетаниях, какие существуют, например, в китайском языке» (стр. 277).~~ Но у Фортунатова есть намёки и на необходимость включения в грамматику слов и словосочетаний «неграмматического» характера. Таково, например, указание на взаимопроникновение морфологии и синтаксиса в лекции «О преподавании грамматики русского языка в средней школе». «Определяя грамматику в тесном смысле этого термина, за выделением фонетики, как учения о формах языка, т. е. о словах (как отдельных, так и в сочетании), рассматриваемых по отношению к их формам, мы должны, однако, относить к её области и неграмматические словосочетания, существующие в данном языке, поскольку именно они заключают в себе слова, имеющие тем не менее известную форму... а также поскольку такие словосочетания входят в состав словосочетаний грамматических» («Русск. филол. вестн.» №2, 1905, стр. 71).

¹ Ср. классификацию «грамматических процессов» у Эд. С е п р а, *Язык, русский перевод*, М., 1934, гл. V («Форма в языке: грамматические понятия»). Ср. Ж. В а н д р и е с, *Язык, русский перевод*, М., 1937, стр. 76—92. Ср., впрочем, у Фортунатова неразвитое указание на грамматические функции порядка слова и на значение форм синтаксической связи в образовании грамматических классов слов (стр. 257—258); о значении порядка слов ср. также стр. 275—276.

Ф о р т у н а т о в, О преподавании грамматики русского языка в средней школе, «Русск. филол. вестн.» № 2, 1905, стр. 64.

² Неграмматические наречия — те, которые лишены, по Фортунатову, формы, т. е. морфологического признака категории в составе слова, например: *где, некогда, здесь, завтра* и т. п. — в отличие от наречий грамматических, обладающих формами слова, например: *хорош-о, весел-о, искрени-е* ^{1*} т. п.

качественных значений создают ли только дифференциацию грамматико-семантических форм одного слова или же ведут к образованию новых слов, к распаду некогда единого слова на два омонима? Вот несколько примеров: *убеждённый доводами докладчика оппонент* и *убеждённый сторонник чего-нибудь*; *рассеянные союзниками войска неприятеля*, *рассеянное внимание* и *рассеянный вид*; *потерянный паспорт* и *потерянный человек*; *убитый в бою* и *убитое выражение лица* и т. п. Точно так же глагол *насадить* в форме соверш. вида объединяет значения двух разных глаголов несоверш. вида *насаждать* и *насаживать*. Возникает вопрос, не следует ли в связи с этим различать два омонима *насадить*. С другой стороны, *насаживать* связано формами видовой корреляции не только с *насадить*, но и с *насажать*.

На все эти вопросы о составе и структуре грамматических и лексических форм слова фортунатовская теория безответна.

Итак, фортунатовское учение о формах словоизменения и о формах словообразования не в состоянии разрешить проблемы слова и его форм, вопроса о формах слова. Отсутствие ясности в вопросе о слове отражается и на интерпретации форм словоизменения и словообразования. Фортунатов различает формы слов как отдельных знаков предметов мысли (формы словообразования) и формы слов как частей предложения (формы словоизменения, т. е. флексии склонения и спряжения). Терминология эта побуждает отнести к формам словообразования как к формам разных слов, а к формам словоизменения — как к формам одного и того же слова. Но от такого понимания приходят в ужас некоторые ученики и последователи Фортунатова. Так, А. М. Пешковский не раз подчёркивал условность традиционного деления на «словоизменение» и «словообразование», если эти термины понимать не как категории синтаксических и несинтаксических форм, а в их буквальном смысле, как «изменение слов» и «образование слов»¹. Скептицизм самого Пешковского, вытекавший из фортунатовского определения, простирался так далеко, что этот учёный, ставя рядом формы словоизменения и формы словообразования, спрашивал: «*стол, стола, столу* и т. д.; *иду, идёшь, идёт* и т. д. (по Фортунатову — формы словоизменения — В. В.); *светло — светлее; труба — трубка — трубочка* (формы словообразования — В. В.), что это с л о в а или г р у п п ы с л о в, очень похожих друг на друга?»² (ср. признание решительно всех этих форм за разные слова в «Кратком введении в науку о языке» Д. Н. Ушакова). С другой стороны, тот же Пешковский писал в своей книге «Наш язык»: «(*хороший* и *хорошо* — разные слова, а *хороший* и *хорошая* — одно и то же слово...; *пишу* и *писать* — разные слова, а *пишу* и *пишем* (также *пишу* и *писал*, по моему толкованию) — одно и то же слово»³. Напротив, М. Н. Петерсон склонен даже формы *пишу* и *писал* признать не только совсем разными словами, но и представителями двух разнородных типов и классов слов («личного» и «родового»).

Вместе с тем, к формам словообразования должны быть отнесены, по Фортунатову, например, формы числа в категории имён существительных. Но неужели *город* и *города*, *стол* и *столы*, *сестра* и *сестры*, *село* и *сёла*, *повесть* и *повести* и т. п. — всё это не формы ед. и мн. ч. одних и тех же слов, а разные слова? Точно так же, если к формам словообразования относятся так называемые степени сравнения имён прилагательных, то приходится признать в выражениях: *деревянный дом* (здесь *деревянный* не имеет сравн. степени) и *деревянное выражение лица* (откуда *деревянное этого лица я не видел*) два разных слова *деревянный*, что противоречит фортунатовскому определению лексических значений одного слова. Остаётся один выход: признать, что «грамматическое слово» и «лексическое слово» не совпадают в своём объёме и содержании. Но тогда необходимо установить структуру

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, статья «Понятие отдельного слова», стр. 131, 140.

² Там же, стр. 131.

³ А. М. Пешковский, Наш язык, ч. I, книга для учителя, М., 1925, стр. 38.

«грамматического слова» в разных категориях и классах слов и принципиальные основы и критерии грамматической дифференциации слов. Одного фортунатовского учения о формах словоизменения и словообразования оказывается для этой цели недостаточно (например, разные ли грамматические слова *правый* и *прав*, *намеренный* и *намерен*, *должный* и *должен* и т. п.?).

Понятие форм словообразования у Фортунатова определено негативно. Это — «другие формы отдельных полных слов, не формы словоизменения». Какие из них принадлежат к структуре одного и того же слова, не выяснено. Лишь по отношению к «сложным» словам формы словообразования более или менее описаны, хотя и здесь возникает немало недоумений. Например, к «третьему роду грамматически составных слов» (наряду с словами типов 1) *унести*, *принести* и 2) *безрукий*, *беспалый*) отнесены в русском языке «глаголы в форме условного наклонения, образующейся сочетанием отделяемой приставки *бы* с известною формальною принадлежностью глагольного слова, например, в *сказал бы*, *сделал бы*» (252—253). Между тем формы наклонения, по Фортунатову, относятся к формам словоизменения (219—220). В формах словообразования простых слов Фортунатов различает два разряда: «а) формы, обозначающие различия в известном изменяющемся признаке отдельных предметов мысли, обозначаемых основами данных слов в этих их словообразовательных формах (например, словообразовательные формы в словах: *беленький*, *красненький* и *белый*, *красный* или, например, словообразовательные формы числа в словах *волк* — *волки*; *зверь* — *звери* и др.), и б) формы, обозначающие отдельные предметы мысли в известном их отличии от других предметов мысли, обозначаемых основами этих слов в других словах, не имеющих данной словообразовательной формы (например, словообразовательная форма слов *писатель*, *читатель* в их отношении к словам *писать*, *читать*)» (220—221). Может показаться сначала, что формы первого рода, обозначающие лишь некоторое видоизменение основной словообразовательной категории, являются формами одного и того же слова. Но это не так. Для Фортунатова, *ходить* и *хожу*, например, — не формы одного и того же слова, а разные слова (230—231), а для учеников Фортунатова даже *сад* и *сады* не образуют форм одного слова.

А. М. Пешковский справедливо указывал на невозможность чёткого разграничения форм словообразования и форм словоизменения. «Сами понятия «склонения» и «спряжения» никогда не были точно определены, а взяты прямо из традиции. Есть ли, например, «спряжение» только изменение по лицам и числам, или и по временам, наклонениям, залогам»?¹ Ведь в языке происходит непрерывающаяся перегруппировка форм: флексийные образования нередко вытесняются суффиксальными. Например, формы времени могут формироваться как флексиями, так и суффиксами (ср. наст. вр. *читаю*, *-еишь* и т. п. и прош. вр. *читал*, *читала*, *читали*). «Если понимать «словоизменение» и «словообразование» традиционно, то получается такой, например, абсурд, что французские *parle* и *parlais* одно «слово» в разных изменениях, а русские *говорю*, *говорил* — разные слова» (там же). Затруднения не уменьшаются при понимании форм словоизменения как форм синтаксических, а форм словообразования как несинтаксических. Квалификация многих форм вроде форм времени и наклонения глаголов в этом отношении остаётся до сих пор спорной. Кроме того, понятие *синтаксических форм*, по справедливому суждению некоторых учеников Фортунатова, гораздо шире понятия форм словоизменения.

Взаимодействие и соотношение форм словообразования и форм словоизменения в тех или иных грамматических группах и разрядах слов остаётся в системе Фортунатова неясным. Может сначала показаться, что Фортунатов, выступая против учения о частях речи, борется за единый грамматический критерий деления отдельных слов на грамматические классы. Так он и сам заявляет: «Грамматические классы слов образуются присутствием в словах форм, а существуют они, понятно,

А. М. Пешковский, Сборник статей, стр. 131.

не отдельно от индивидуальных слов, но в самих индивидуальных словах, т. е. слова одного и того же грамматического класса — это индивидуальные слова, однородные по общей им форме, следовательно, по общему для них обозначению чего-то общего, например, всем тем различным предметам мысли, какие обозначаются данными словами, если самая форма является формой отдельных слов, не формой сочетания слов»¹. В основу классификации слов сначала кладутся Фортунатовым различия в формах словоизменения. Однако эти различия форм словоизменения наблюдаются в группах слов, уже подвергшихся семантической классификации, на основе традиционного учения о «частях речи» (имя существительное, прилагательное и глагол). Приёмы же словообразования по отношению к именам существительным, прилагательным и глаголам оставляются Фортунатовым в стороне.

Правда, Фортунатов принуждён был, при установлении формальных или грамматических классов «полных слов» («общего индоевропейского языка»), остановиться на вопросе о взаимоотношении форм словообразования и форм словоизменения применительно к категориям наречия и инфинитива. «Полные слова», не имеющие форм, по Фортунатову, не представляли собой «вообще какого-либо положительного грамматического класса слов» (229). Наречия же выделялись в особый грамматический класс тем, что, не имея форм словоизменения, в то же время «заклучали в себе основы, общие с основами других слов, имевших формы словоизменения» (229). Таким образом, категория наречия — категория словообразовательная, однако соотносительная с грамматическими классами слов, выделяемыми по формам словоизменения. Эта соотносительность устанавливается общностью основ — при отсутствии форм словоизменения у наречий. Таким образом, по отношению к парадигматическому словоизменению (к склонению и спряжению) наречие морфологически характеризуется «нулевой формой». Но Фортунатов тут же определяет и синтаксическую функцию наречий. Тогда, естественно, к категории наречия, определённой функционально, относится и группа слов, «однородных по их неграмматическому значению с грамматическими наречиями» (229).

Так Фортунатов, несмотря на все оговорки, выходит за пределы узко-формального понимания грамматической группировки слов. Древние «части речи» в скрытом виде стоят за его морфологической системой слов. Ещё ярче сознание необходимости комбинированного, «синкретического» анализа и понимания грамматических форм сквозит в замечаниях Фортунатова об инфинитиве. Выделяя инфинитивы в особый грамматический класс слов, Фортунатов указывает как признаки этого класса 1) особую словообразовательную форму; 2) общность основ с основами личных форм глагола; 3) отсутствие у инфинитива форм словоизменения глагола (сказуемости и лица) и 4) особую синтаксическую функцию инфинитива.

Таким образом, Фортунатов, несмотря на свойственную ему тенденцию к изоляции «отдельных слов», вынужден был — при характеристике тех грамматических классов, которые не имели форм словоизменения, — прибегать к комбинированному, «синкретическому» методу выделения грамматических и семантических признаков класса и к указанию соотношений между категориями слов с формами словоизменения и категориями слов без форм словоизменения. Правда, основной порок фортунатовской системы (фетишизация внешней звуковой формы отдельного слова, — при слабости структурно-семантического анализа) сказывается и здесь. Так, отсутствие точного представления о формах одного и того же слова мешает Фортунатову различать в системе форм глагола традиционное объединение (под именем «глагольного слова») разных словообразовательных категорий (вроде причастия и спрягаемых форм), располагающих структурными формами разных слов, и

¹ Ф. Ф. Фортунатов, О преподавании грамматики русского языка, «Русск. филол. вестн.» № 2, 1905, стр. 64.

" «Формою грамматического наречия данный предмет мысли, обозначаемый основой слова в этой форме, обозначается как находящийся в известном отношении к признакам других предметов мысли» (229).

исторически меняющийся объём форм одной и той же глагольной лексемы, одного и того же глагола (ср., например, вовлечение инфинитива как формы того же слова в структуру глагола в современном русском языке).

В сущности, пренебрежение к принципу исторически меняющейся структурности грамматических классов и к проблеме смешения, скрещения разнородных грамматических, конструктивных («аналитических» и «синтетических») моделей слов и словосочетаний в строе одного и того же языка привело фортунатовскую систему к крушению в работах «фортунатовцев». Грамматический объём отдельного «полного слова» последователям Фортунатова представляется более или менее постоянным, неизменным, малоподвижным. Довольствуясь внешним отграничением форм словоизменения от форм словообразования, они по этому словоразделу прямолинейно чертили пограничные линии в системе грамматических категорий. В высшей степени симптоматично, что отсутствие определения понятия *с л о в а* у Фортунатова не казалось им препятствием к догматическому пользованию терминами *с л о в о - и з м е н е н и е* и *с л о в о о б р а з о в а н и е*. А, между тем, живая ткань языка немилосердно раздиралась ими, чтобы быть механически размещённой по фортунатовским клеточкам.

Разрушение фортунатовской системы было предопределено и недифференцированностью понятия *з н а ч е н и е*, которое иногда как бы противопоставлялось у Фортунатова понятию грамматической *ф о р м ы*. Например: «Различие между предлогами и союзами, основывающееся на *р а з л и ч и и* в *з н а ч е н и и* частных слов, не соотносительно, конечно, с различием между собою грамматических классов полных слов» (232)¹. Фортунатов противопоставляет *з н а ч е н и я* *г р а м м а т и ч е с к и е*, основанные на узко-морфологическом понимании «формы слова», значениям не только лексическим, но и аналитико-синтаксическим². Целая широкая область грамматических значений, возникающих в связной речи и затем отлагающихся в семантической структуре отдельных слов, в морфологии уходит из поля зрения Фортунатова.

Вместе с тем, при анализе форм слова внимание Фортунатова, как правоверного компаративиста, естественно поглощено наиболее резкими и прямыми различиями в приёмах образования форм слова по языкам. Напротив, Фортунатова почти вовсе не интересуют способы и формы смешения разнородных формальных типов в пределах одного языка или разные комбинации значений одних и тех же форм. Концепция Фортунатова — не конструктивна, а линейна, морфологически абстрактна, так как ориентируется лишь на «*ч и с т ы е*», идеальные, не скрещенные языковые типы. Установив на этой основе морфологическую классификацию языков, Фортунатов игнорирует типы смешанные, гибридные. Его теория их не допускает. Поэтому у Фортунатова постоянно встречаются не только такие выражения, как «слова, не имеющие форм», но и такие формулы: «языки, не имеющие форм»³.

Русисты, ученики Фортунатова, восприняли предложенную им классификационную схему как универсальный метод морфологического анализа слов любого (индоевропейского) языка. При этом упор был перенесён всецело на формы словоиз-

¹ Ср. ещё: «Грамматические классы отдельных полных слов нельзя смешивать с классами неграмматическими, основывающимися на классах *з н а ч е н и й* слов» (222).

² Ср. определение грамматического класса слов: «Грамматические классы слов, рассматриваемые в их отношении к самим словам, представляют собою обозначенные (при посредстве форм) классы знаков предметов мысли, а в их отношении к предметам мысли, обозначаемым этими словами, являются знаками классов предметов мысли» (222—223).

³ Ср. протест Шухардта против традиционного «несостоятельного разграничения» формальных и «бесформенных» языков. (H u g o S c h u e h a r d t - B r e v i e r . E i n V a d e m e c u m d e r a l l g e m e i n e n S p r a c h w i s s e n s c h a f t , h e r a u s g e g e b e n v o n L e o S p i t z e r , H a l l e 1 9 2 8 , 2 6 6 , 4 4 3). Сепир также пишет: «Мы уже не можем теперь делать различие между оформленными языками и языками бесформенными, к какому различению охотно прибегали некоторые прежние авторы. Всякий язык может и должен выражать основные синтаксические отношения, хотя бы даже в его словаре и не находилось ни одного аффикса. Из этого мы заключаем, что всякий язык есть оформленный язык» (С е п и р , Язык, стр. 96).

менения. Поэтому необходимо глубже проникнуть в теоретические основы фортунатовского учения о формах словоизменения.

Формы словоизменения у самого Фортунатова — понятие чисто синтаксическое, выводимое из структуры предложения и словосочетания. В самом деле, форма словоизменения содействует отграничению отдельного слова от соседних частей словосочетания. Она определяет отдельные слова как часть словосочетания (246). Она грамматически дифференцирует самостоятельные и несамостоятельные части словосочетания, устанавливая между ними связь (266—267). Но, с другой стороны, в ещё большей степени формы словоизменения определяются функцией слов в составе предложения.

Формы словоизменения — это «формы сказуемости», с одной стороны, и «формы второстепенных частей предложения», с другой. Так как, по учению Фортунатова, «грамматичны» лишь те предложения («слова-предложения» или «словосочетания-предложения»), в которых есть формы сказуемости (такого типа предложения, как *Пушкин — поэт*, — по Фортунатову, неграмматические, потому что «паузу сказуемого» Фортунатов не считает грамматической формой), то методологически целесообразно при анализе фортунатовских форм словоизменения исходить именно из форм сказуемости.

Анализ форм словоизменения лишь ещё ярче изобличает схематическую односторонность фортунатовской системы. Разделив формы словоизменения по значениям на формы сказуемости и формы второстепенных частей предложения, Фортунатов уже, в сущности, выходит за пределы морфологической классификации отдельных слов. В самом деле, формы сказуемости, сначала рассматриваемые Фортунатовым вне зависимости от объединения их в структуре одного и того же слова, обнаруживают в своём составе резкую дифференциацию, деление на две различные категории: 1) на формы наклонения и времени, обозначающие различия в открываемом мыслью отношении сказуемого к подлежащему; 2) на формы лица, обозначающие самое отношение сказуемого к подлежащему (219—220). В соответствии с этим, в русском языке слова, обладающие формами сказуемости, должны бы делиться, по Фортунатову, на такие грамматические классы:

1) слова с полным комплектом форм сказуемости, т. е. с формами лица, времени и наклонения (*гляжу, глядишь* и т. п.; *гляди, я глядел бы* и т. п.). Впрочем, и этот разряд слов мог бы быть для морфологической точности подразделён на три серии: а) слова с полным комплектом форм сказуемости, выраженных морфемами (флекси ями) самого слова (*гляжу* и т. д., *гляди*); б) слова с синтетическими формами времени и наклонения и с аналитическими формами лица (*я видел, ты видел* и т. д.) и в) слова со всеми аналитическими формами сказуемости (*я видел бы, ты видел бы* и т. п.);

2) слова с формами времени и наклонения, но с отсутствующим отношением к лицу, т. е. глаголы без форм лица (безличные глаголы).

Впрочем, по самому характеру выражения форм лица Фортунатов выделяет в особую группу глаголы в повелительной форме второго лица (234). Поэтому та же классификация может быть иначе представлена так:

1) слова с формами сказуемости, образующие часть предложения;

2) слова с формами сказуемости, образующие целые предложения, слова-предложения. Сюда относятся:

- а) глаголы в повелит, форме 2-го лица (но ср. также *вижу, слышишь* и т. п.),
- б) безличные глаголы.

Таким образом, этими вариациями форм сказуемости, в зависимости от формы лица, уже была предreshена возможность для односторонних классификаторов из фортунатовской школы подменить категорию слов с формами сказуемости «личными словами». Грамматическое содержание слова от этого должно было безгранично сузиться. Искусственный разрыв между формами одного и того же слова, вопреки растущей тенденции самого языка к объединению этих форм, в грамматических теориях учеников Фортунатова всё углубляется.

Среди форм словоизменения во второстепенных частях предложения Фортунатов различает формы склонения (имён существительных) и, наряду с формами склонения, — формы словоизменения в роде (имён прилагательных). Таким образом, здесь устанавливается дифференциация именных слов исключительно по формам словоизменения. Однако существительные слова обнаруживают резкий синтаксический контраст между формами номинатива (как подлежащего) и формами косвенных падежей (как второстепенных членов). Слова с формами словоизменения в роде, в свою очередь, в русском языке должны бы распасться 1) на слова с формами склонения и с формами словоизменения в роде (членные прилагательные и прилагательные местоимения) и 2) на слова с формами словоизменения в роде, но без форм склонения (краткие прилагательные *добр, рад* и т. п.). Но тут образуется новая цепь затруднений: в русском языке слова с формами словоизменения в роде, но без форм склонения, никогда не являются второстепенными частями предложения, и, следовательно, не могут быть грамматически объединены с теми прилагательными, которые имеют полную систему форм согласования во всех падежах (не только в именительном, но и в косвенных падежах). Затруднение становится катастрофическим, когда в этот разряд слов вклиниваются глагольные формы прошедшего времени (*любил, -а, -о*), которые по характеру других форм словоизменения (по формам сказуемости) входят в категорию спрягаемых слов¹, в категорию глагола.

Таким образом, ясно, что классификация слов по формам словоизменения не могла быть последовательно проведена Фортунатовым даже применительно к индоевропейскому праязыку (т. е. к лингвистической фикции).

Тем менее можно было ожидать логически-безупречной реализации этой классификационной схемы в отношении современного русского языка. Ведь уже сам Фортунатов, устанавливая «формальные, или грамматические классы полных слов», стремился сочетать различия в формах словоизменения с различиями в значениях основ. Так, спрягаемые слова-глаголы, по Фортунатову, «обозначали в основах глагольных форм... признаки в их происходящем во времени сочетании с субъектами, действительными вместилищами признаков, а в формах спряжения (именно в формах сказуемости...) глаголы обозначали суждение относительно сочетания такого признака (действия или состояния) с известным самостоятельным предметом мысли (в подлежащем этого суждения) как с субъектом данного признака» (224). «Существительные склоняемые слова обозначали... в основах форм склонения самостоятельные предметы мысли, т. е. предметы, вещи как вместилища признаков или признаки в их отвлечении от предметов, вещей» (266). Основы прилагательных «обозначали признаки в их принадлежности вместилищам признаков», а формами словоизменения в роде такой признак обозначался в данной принадлежности его различного рода самостоятельным предметам мысли, обозначавшимся в предложениях существительными словами» (227). Кроме того, по более частным вариациям и модификациям основ Фортунатов различает в пределах прилагательных именные, местоименные и отглагольные образования так же, как в категории существительных, — существительные личные с местоименными основами и существительные неличные, распадающиеся в свою очередь на существительные имена (слова-названия) и на существительные местоименные неличные (местоимения с неличными местоименными основами).

Таким образом, Фортунатову было свойственно стремление к объединению грамматических форм слов с их семантическими признаками. В применении к сравнительно-историческому изучению древнеписьменных индоевропейских языков, предложенная Фортунатовым теория слова, формы слова и грамматическая классификация слов являлись, несомненно, крупным шагом в развитии сравнительного языковедения: они вносили трезвый эмпиризм, грамматическую стройность и морфологическую расчленённость в принципы сопоставления и сравнения форм разных

¹ Ср. размышления А. М. Пешковского в статье «Синтаксис в школе». «Сборник статей», стр. 79—80.

языков. Понятна и естественна тенденция младограмматика опираться, как на фундамент морфологического сравнения при абстрактно-фамматических реконструкциях «праязыков», на «внешние формы» слов. В отношении отдалённых эпох в жизни языка понятие фамматической системы (а тем более структуры языка в целом) является очень условным, если оно не базируется на понимании всей культуры (духовной и материальной) данной эпохи. Тем более было незаконно и неправомерно непосредственное перенесение фортунаатовской схемы на современный русский язык. Но симптоматично звучит заявление А. М. Пешковского: «Морфологической классификации слов мы должны искать у Ф. Ф. Фортунатова. Правда, Ф. Ф. Фортунатов классифицирует лишь слова индоевропейского праязыка, но его классификацию при небольшом изменении нетрудно применить и к современному русскому языку»¹.

11. Грамматические формы русского языка в работах учеников акад. Фортунатова В. К. Поржезинского и Д. Н. Ушакова

Ученики акад. Фортунатова перенесли предложенную им для «индоевропейского праязыка» фуппировку фамматических классов на современный русский язык (намёки на возможность такого применения были и у самого Фортунатова). Так, уже проф. В. К. Поржезинский в своём «Введении в языковедение»², придерживаясь текста лекций своего учителя, шире пользовался иллюстрациями из современного русского языка (гл. VII, VIII и IX, раздел II). По мелким изменениям в формулировках можно догадываться, что «формы словоизменения» здесь совпадают с понятием форм одного и того же слова (стр. 120—121, 122 и др.). Эти формы и ложатся в основу фамматической классификации слов. «Наиболее общими фамматическими классами слов в индоевропейских языках являются: 1) слова склоняемые; 2) слова склоняемые с формою согласования в роде; 3) слова спрягаемые» (124). В. К. Поржезинский не раскрывает детально, что он понимает под спрягаемыми словами (относит ли он сюда, например, и формы русского прошедшего времени *читал, читала, читало*). Точно так же остаётся неясным, куда придётся относить в русском языке формы типа *весел, рад* и т. д.: в категорию склоняемых слов они войти не могут. Категория глагола, понимаемая как совокупность разных групп слов, объединяемых по формам основ, разбивается на несколько фамматических классов; выделяются в особые фуппы не только причастия и деепричастия, но и инфинитив (там же). Трёх основным грамматическим классам изменяемых слов Поржезинский противопоставляет «один большой класс слов, характеризующихся отсутствием форм словоизменения; если здесь и есть слова с формами отдельных полных слов, то это слова с формами словообразования (сюда, например, принадлежит в русском языке неопределённая форма глагола...)» (там же). Задачи морфологии исчерпываются изучением форм отдельных полных слов (123) и их грамматических классов (анализ несамостоятельных слов связывается с семантикой; ср. гл. IX, стр. 151—153). Таким образом, Поржезинский ещё не выходит из фаниц сравнительно-исторического наблюдения³. Решительный шаг к переносу фортунаатовской классификации на синхронистический анализ современного русского языка сделан Д. Н. Ушаковым⁴.

¹ А. М. Пешковский, Сборник статей, стр. 79, статья «Синтаксис в школе».

² В. П о р ж е з и н с к и й, Введение в языковедение, изд. 2-е, М., 1910.

³ Ср. также работы В. К. П о р ж е з и н с к о г о: «К истории форм спряжения в балтийский языках», М., 1901, и «Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках», М., 1904. Из методологических предпосылок фортунаатовской теории слова исходил также проф. Г. К. У л ь я н о в (его главные труды: «Основы настоящего времени в старославянском и литовском языках», Варшава, 1888, и «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», Варшава, ч. 1, 1891; ч. 2, 1895. См. также рецензию Г. К. У л а ш и н а на «Общее языковедение» проф. А. И. Томсона, «Журн. Мин. нар. проев.» №6, 1907.

⁴ Д. Н. У ш а к о в, Краткое введение в науку о языке, изд. 7-е, М., 1925.

Популяризация обычно обнажает слабые стороны излагаемой теории. Понятие слова Ушаковым отождествляется с понятием «звука или нескольких звуков, имеющих значение» (стр. 6). Объявляется, что различия не только в формах словообразования (или основообразования), но и в формах словоизменения (понимаемых по-фортунатовски) ведут к различиям самих слов. «Термин «с л о в о и з м е н е - н и е», — пишет Д. Н. Ушаков, — даёт повод рассматривать, например, *рука, руку, рукой* как видоизменения одного слова, тогда как в действительности — это отдельные слова» (68). Так возникает резкий разрыв между фонетико-грамматическим (морфологическим) понятием слова (отдельной формы) и лексико-семантическим объёмом слова. Разные формы одного и того же слова открыто признаются разными словами. «Различными словами являются также, например, *рука, руку, руки, пишу, пишешь, писать*, так как различные формальные принадлежности внесли в значение основы различные видоизменения» (83). На этом формалистическом фоне суживаются и семантические границы слова: смысловый объём «лексического слова» определяется непосредственным сознанием «частичных различий в значении» как «вариантов» значения одного и того же слова (ср. в курсе Ушакова признание разными словами различных значений лексики *ход: парадный ход и тихий ход*) (83, 86). Понятно, что воспроизводимые Ушаковым две разнородные и обособленные классификации слов — 1) по их материальному значению и 2) по их формам — обе оказываются очень внешними и схематичными, хотя и традиционными. Например, является, по меньшей мере, спорным, можно ли в современном русском языке относить к классу слов, обозначающих признаки, такие слова, как *ходить, явление, пять* и т. п.¹. А, между тем, Ушаков признаёт свою семантическую классификацию универсальной и вневременной: она будто бы «подойдёт ко всякому языку, потому что основана будет (?) на классах предметов мысли человеческой» (85)².

Грамматическая классификация слов современного русского языка у Ушакова является частичным видоизменением фортунатовской классификации. Здесь с ещё большей прямолинейностью разнесены по разным грамматическим классам формы одного и того же слова. Например, формы инфинитива, прошедшего времени и настоящего времени одного и того же глагола разбиваются у Ушакова по двум классам и далее ещё по двум подразделениям в пределах одного и того же класса, т. е. механически распределяются по трём «грамматическим частям речи». В разные грамматические группы попадают слова *два и пять* и т. п. Размещаются по разным классам «формальные» варианты одной и той же грамматической категории (например, наречия грамматические и неграмматические) и, напротив, сдвинуты вместе разные части речи (например, инфинитив и сравнительная степень имён прилагательных и наречий) (88—89).

Как опытный педагог, Д. Н. Ушаков понял, что для школы эта «формальная» классификация неудобна. Поэтому в своих учебниках он старается согласовать две разнородные классификации слов (слово же понимается неизменно как «один или несколько звуков со значением»). Так, в «кратком систематическом школьном руководстве» «Русский язык» (изд. 6-е, Гиз, 1929) Ушаков сначала делит слова «по форме» на *и з м е н я е м ы е* и *н е и з м е н я е м ы е* (примеры неизменяемых: *хорошо, лёжа, лежать, сидеть, нести* и т. п.). Затем оказывается, что «изменений в русском языке три: 1) по падежам, 2) по родам, 3) по лицам» (32). Поэтому слова изменяемые делятся на три группы: 1) склоняемые, т. е. изменяемые по падежам (а) только склоняемые — имена существительные и б) склоняемые и изменяемые

¹ См. те же классификации во «Введении в языковедение» В. Поржезинского, стр. 123 и след.

² Попытки разъединить семантическую и грамматическую классификации основных категорий слов соответственно их двойственной природе вообще мало удачны. См., например, статьи S I o t t у «Das Wesen der Wortart», *Donum natalicium Schrijnen, Chartres 1929*, 130—141 и «Wortart und Wortsinn», *Travaux du Cercle linguistique de Prague*, 1, книгу E. Н e g m a n n, «Die Wortarten», Berlin, 1928; ср. также у М. Н. Петерсона, *Введение в языковедение*, М., 1930, гл. VII.

по родам — имена прилагательные); 2) изменяемые по родам, но не склоняемые — глаголы в прошедшем времени и 3) спрягаемые, т. е. глаголы в настоящем и будущем времени (33). Но так как в этой классификации почти не остаётся места для живых категорий языка, вроде глагола с его наклонениями, залоговыми и видовыми различиями¹, то далее к этой классификации слов «по форме» примешиваются подразделения «по значению». Правда, в выделенной «по значению» («действие или состояние») группе глагольных слов оказываются соотносительными и равноправными 1) отглагольные существительные (*ходьба*), 2) инфинитивы (*ходить*), 3) формы настоящего и будущего времени (*хожу, ходишь, пойду*), 4) формы прошедшего времени (*ходил, шел*), 5) формы наклонений. Сама же категория глагола объявляется условным термином для условно объединённых групп глагольных слов с формами лица, времени и наклонения, «и к ним причисляется ещё неопределённая форма» (69) (а почему — непонятно; тем более, что на стр. 125 заявляется, что «по значению она похожа на существительное»). «Термин «глагол», — писал Д. Н. Ушаков совместно с А. М. Смирновой и Н. Н. Щепетовой², — не соотносителен с терминами «существительное» и «прилагательное». Два последних термина одинаково применимы и в формальном и в смысловом (?) значении их... Глаголами же называются слова, которые изменяются неодинаково». Но это не так. Ведь если для Ушакова глагол — группа условно объединённых по значению, но разных по форме слов, то существительное в его учебнике, напротив, — группа условно объединённых по «форме» (по системе падежей), но разных по значению слов. В самом деле, «по своему значению (не по форме) имена существительные делятся на 1) названия или имена, 2) местоименные и 3) счётные» (стр. 33)³. Более внимательный семантический анализ легко раскрывает, например, грамматические и семантические отличия «счётных» слов от имён существительных. Спорно у Ушакова само определение значения имени существительного: «имя существительное — слово... по значению самостоятельное, обозначающее предмет или признак (в том числе действие, состояние, число)» (124). Можно сомневаться (как сомневались, например, Шахматов и Овсянко-Куликовский), «самостоятельны ли по значению» личные местоимения. Ещё более сомнительно отнесение обозначений числа к категории признаков (например, для математики). Во всяком случае, приходится признать, что объединение двух классификаций, произведённое «для простоты и удобства называния слов», оказалось в грамматической практике Ушакова внешним, механическим и произвольным. Неизменяемые слова Ушаков делит тоже по значению. По теории Ушакова, «к неизменяемым словам относятся наречия с деепричастиями, частицы, неопределённая форма глагола, предлог, союз, междометие, неизменяемые существительные и неспрягаемый глагол (т. е. слово *нет*) — это подразделение не по формам, а по значению» (124). «Если обратить внимание на словообразование, то среди неизменяемых слов мы различим» 1) «наречия не все, а, например, оканчивающиеся на *-о, -е, -ее* и имеющие общую основу с прилагательными, деепричастия и неопределённую форму глагола», 2) «такие, в которых нет основы и окончания».

Таким образом, и тут в результате «грамматической» классификации обширная группа «неизменяемых» слов остаётся недифференцированной и выпадает из поля зрения грамматики.

¹ Любопытно, что поместив эту «формальную» классификацию ещё раз в конце книги, на стр.

123—124, Ушаков пополняет категорию спрягаемых слов формами повелительного наклонения. А ведь

«наклонение», по Ушакову, не входит в число «изменений», — это только «различие» слов (стр. 69).

Непонятно только, почему категория лица в структуре повелительного наклонения относится к «измене

ниям», а не к «различиям» (ср. *принесите* — *принесёмте* — на стр. 74). Ср. также неясность по

ложению кратких имён прилагательных.

² Д. Н. Ушаков, А. М. Смирнова и Н. Н. Щепетова, Учебная книга по русскому

языку. Указания для учителя, 1929, стр. 18.

³ Ср. «Учебная книга», стр. 27.

12. Кризис фортунаатовской системы в морфологических теориях М. Н. Петерсона

Ученики учеников Ф. Ф. Фортунатова продолжали приспособлять грамматическую систему современного русского языка к тем формальным рамкам, в которые поместил Ф. Ф. Фортунатов индоевропейский праязык. Из лингвистов этого поколения, кроме А. М. Пешковского, следует назвать проф. М. Н. Петерсона, известного своими оригинальными работами по изучению форм словосочетания в синтаксисе русского языка. В работах Петерсона, относящихся к морфологии, схематизм и антиисторизм фортунаатовской теории достиг крайнего предела. Петерсон, не найдя у Фортунатова удовлетворительного определения слова, впадает в научный агностицизм и эмпирически склоняется к наивно-реалистической точке зрения на слово. «Удовлетворительного определения слова нет, да и едва ли можно его дать; слово — такое простое понятие, которому нельзя дать логического определения, а поэтому приходится довольствоваться простым указанием или описанием»¹. Описание же слова состоит из указаний на два свойства слова: 1) единство звуковой стороны и значения; 2) способность выделяться в связной речи вследствие повторяемости одинаковых комплексов звуков, связанных с одним и тем же значением. Сюда присоединяется ещё один признак, впрочем, почти не отличающийся от второго, — обладание определёнными фонетическими границами². В сфере грамматики такое понимание слова вело к признанию всякой выделенной из связной речи формы слова (если она непосредственно не объединялась процессом «словоизменения» с другими формами) за отдельное слово. В самом деле, сначала можно подумать, что Петерсон, объявив формы словообразования формами разных слов («формы словообразования служат для образования новых слов», например, *книга* — *книги*)³, относит формы словоизменения к формам одного и того же слова. Например, он выражается так: «форма падежа у слов типа *мечта* выражает различные отношения э т о г о с л о в а к другим словам»⁴, «форма падежа у слов типа *дорогой* выражает одинаковые отношения э т о г о с л о в а к другим словам». Критикуя учение Потебни о слове в своём «Очерке синтаксиса русского языка», Петерсон писал: «Во многих случаях говорящий, употребляя слово, сознаёт, что в данном случае оно имеет несобственное, переносное значение, и без этого сознания не могли бы существовать живые метафоры, которым такое сознание присуще как неотъемлемый, существенный признак... Но и в других случаях значения слова часто так близки, что сознание говорящего не может рассеять их на разные слова; и уже ни в каком случае нельзя согласиться, опять-таки с точки зрения сознания говорящего, будто, например, *верста* в одном из этих (указанных Потебнею) значений есть иное слово, чем *версты*, *версте* и т. д. в том же лексическом значении... Если бы это было так, то невозможно было бы в языке то явление, которое называется формой»⁵. Впрочем, ссылка на «сознание говорящего» — только полемическая уступка Потебне. Петерсон это сознание говорящих всегда приносит в жертву абстрактному единству классификационного принципа. Поэтому даже «формы словоизменения» одной лексической единицы не всегда уместаются в пределах одного слова у Петерсона. Признание структурной целостности того, что изменяется, в лучшем случае распространяется лишь на «формы словоизменения первого рода» (т. е. на формы, «выражающие отношения между словами», формы падежа у существительных, формы рода и числа у прилагательных, формы лица и числа у «личных слов»). А есть ещё

¹ М. Н. Петерсон, *Русский язык, Пособие для преподавателей*, Гиз, 1925, стр. 23—24. Бук

вальное повторение см. в книге «Современный русский язык», М., 1929, стр. 27—28.

² М. Н. Петерсон, *Введение в языковедение*, М., 1930, гл. VI.

³ «Введение в языковедение», гл. VIII. Ср. «Русский язык», стр. 27—28, «Современный русский язык», 32.

⁴ «Введение в языковедение», гл. VIII, § 167.

⁵ М. Н. Петерсон, *Очерк синтаксиса русского языка*, Гиз, 1923, стр. 10—11.

формы словоизменения «другого» или «второго рода»¹, не выражающие отношений между словами, а означающие только отношения к моменту речи или к «мыслимости действия», т. е. формы времени и наклонения. Эти формы глагольного словоизменения вообще вклиниваются как-то сбоку в «личные слова», но не служат критерием для объединения и разделения категорий слов. Они играют морфологическую роль лишь в ассоциативных связях «группы слов», называемой глаголом. Но, конечно, формы *говорю* и *говорил* (так же, как *говори* и *говорил бы*) для Петерсона — разные слова. Ведь эти разные звуковые комплексы с разными значениями, да ещё относящиеся, по Петерсону, к разным категориям «слов русского языка», никак не подходят под петерсоновское «простое понятие» одного слова. Формы словоизменения «второго рода» вообще ведут себя странно в русском языке у Петерсона. Иногда они как будто и не считаются формами словоизменения. Так, в разряд «слов, не имеющих форм словоизменения», попадают в классификации Петерсона (вместе с междометиями и несклоняемыми существительными) и деепричастия, именуемые «словами с формами словоизменения второго рода»².

Однако было бы наивно заключать, что и формы словоизменения первого рода у Петерсона функционируют, объединяясь в структуре форм одного и того же слова на основе социально-языкового сознания и речевого опыта коллектива. Напротив, в грамматических трудах Петерсона все формы словоизменения выступают как продукт «чистой» грамматической абстракции лингвиста³. Например, мн. ч. *книги* в теории Петерсона — «новое слово» по сравнению с словом *книга* (так как форма числа в существительных относится к формам словообразования). Формы *белые* или *больные* будут или «новыми словами» по отношению к словам *белый* и *больной* (если — это имена существительные) или формами словоизменения от прилагательных *белый* и *больной* (т. е. формами одного и того же слова). Слово *многие* (так как ведь формы *многий*, *многая*, неупотребительны) вообще не будет ничем, не будет относиться ни к какой категории: мешает отсутствие форм рода. В связи с этим оказывается, что в группе слов, выделенных по формам рода в особую категорию, для мн. ч. отсутствует сама эта форма рода (например *старые*, *ходили*, *рады*)⁴. Таким образом, в теории Петерсона формы словоизменения «второго рода»¹ «Русский язык», 46, стр. 50: «Слова с формами словоизменения второго рода». ¹ «Русский язык», 50; «Современный русский язык», 54.

³ Односторонний лингвистический схематизм классификационных делений несколько не противоречит признанию самих форм словоизменения явлением социальным. Ср. у М. Н. Петерсона, Введение в языковедение, § 160. Всё дело в понимании их структурно-языковой роли.

⁴ Выделив в книге «Русский язык» в особую группу «слова, имеющие форму рода», Петерсон затем в примечании делил их на две группы: «а) слова, имеющие только форму рода», «б) слова, имеющие форму рода и падежа» (29). Тем пикантнее звучала оговорка (на стр. 40), что родовые слова «во мн. ч. рода не имеют». «Но, — прибавлял Петерсон, — термины всегда условны и для них не обязательно отражать все свойства обозначаемого явления, поэтому вполне можно пользоваться термином родовые слова». Но ведь выделение слов по форме рода в особую категорию для Петерсона — вопрос не одной терминологии. Отсюда получается разрыв: для родовых слов в ед. ч. основной признак — форма рода, во мн. ч. — форма числа. Следовательно, «эти слова надо было бы называть не только родовыми, но и числыми» (40). Поэтому в «Современном русском языке» всюду дополнительно фигурирует в родовых словах и форма числа. Однако тогда остаётся уже совсем непонятным, почему же не включена в круг структурных признаков этой категории и форма падежа. Очевидно не только для того, чтобы втиснуть в одну категорию не только *добрый* — *неприятельский*, но и *рад* и формы прошедшего времени глаголов — *знал*, *знала*, *знало*. С другой стороны, почему бы вообще не

создать особый разряд **числовых** слов в отличие от разных категорий **бесчисловых** и **однословных** слов (например, существительных *singularia tantum*, местоимения *я, ты* и т. п.). Необходимость отметить, что категория родовых слов впервые и с гораздо более веской аргументацией тоже морфологического характера была выдвинута в начале XIX в. И. Ф. Калайдовичем. В своей статье «Замечания о родах грамматических в языке русском» (Труды Моск. общ. любит. росс. слов., ч. 25, 1824) Калайдович делил все части речи I) «на родовые, или имеющие роды частью по натуре означаемых ими понятий», частью по этимологическому сходству с первыми, каковы имена существительные», 2) «на согласующиеся, или имеющие роды по отношению к первым, таковы прилагательные, числительные, местоимения и глаголы» и 3) «на безродные, не имеющие родов и не согласующиеся с именами, таковы наречия, предлоги и междометия» (172).

воизменения первого р'ОДа, рассматриваемые независимо от семантической структуры слов, становятся единственным критерием морфологической классификации «звуков речи, имеющих значения». Понятие слова, как ясно из всего предыдущего изложения, совершенно неприменимо к тем морфологическим единствам, которые распределяются и сортируются Петерсоном по рубрикам разных форм словоизменения (1) падежные слова; 2) родовые слова; 3) личные слова) с сохранением всего остального на складе «слов без форм словоизменения». Вот почему Петерсон настаивает на необходимости класть в основу морфологической классификации слов не систему существенных грамматических признаков, но только «один признак, одни какие-нибудь формы слов»¹. Естественно, что создаваемая таким образом классификация «форм», в силу её абстрактно-грамматического схематизма и неполноты, является вполне оторванной от живых смысловых соотношений между действительными категориями слов современного русского языка. Достаточно указать хотя бы на категорию «родовых слов», в которой Петерсоном объединяются с именами прилагательными слова типа *рад, горазд, должен* и т. п. и формы прошедшего времени глагола {*любил, любила, любило*}¹. Ещё более хаотична и нелогична не только для непосредственного социально-языкового сознания, но даже и для грамматически искушённой лингвистической мысли категория слов без форм словоизменения: *только, везде, понять, лечь, нет, да, боясь, наскуча, чтобы, пальто, кенгуру, увы, ой, и, на*, и т. п.³. Такой подбор слов, втиснутых в одну категорию, производит странное, почти ошеломляющее впечатление. Сортировка же слов этой категории по более мелким группам (вследствие отсутствия всякого критерия деления, за недостатком форм словоизменения) поражает неожиданностями классификации. Например, рядом с инфинитивами, деепричастиями, наречиями как «грамматическими», так и «неграмматическими», стоят, с одной стороны, междометия, а с другой стороны — разбитые по двум лексическим классам несклоняемые существительные: 1) варваризмы (*пальто, меню*), 2) сокращённые названия, возникшие в нашу эпоху, эпоху войны и революции (*Моно, Роста* и т. п.). Любопытно, что Рис, оказавший своей книгой «Was ist Syntax?» громадное влияние на концепцию Петерсона, в вопросах о форме слова совершенно игнорируется Петерсоном. Ведь Рис подчёркивал невозможность провести строгое разграничение между словообразованием и флективными изменениями слова.

Между тем, в теории, а иногда и на практике, проф. Петерсону не чуждо стремление изучать форму в единстве звука и значения, во всём многообразии её функционирования. Больше того: Петерсон, хотя и полагает, что русский язык «довольно близко стоит» к индоевропейскому праязыку⁶, однако признаёт, что между ними уже «замечаются немалые различия: 1) В способах образования форм

¹ «Введение в языковедение», гл. VIII, § 168. Ср. также статью «К вопросу о построении синтаксиса»

(«Родной язык в школе» № 8, 1925, стр. 77, 82): «Формальная грамматика требует, чтобы классы слов (части речи) выделялись непременно по формальным признакам и каждый раз по какому-нибудь одному».

² Пренебрежение ко всем другим признакам, объединяющим формы слова, сказывается в таком рассуждении Петерсона о глаголе: «Словообразовательную группу слов, называемую глаголом, объединяет не только то, что эти слова имеют форму залога и вида, а также то, что они соединяются с одинаковыми падежными формами (без предлогов и с предлогами) и с наречиями, например: *читаю книгу, читаю книгу...* (но, например, *чтение книги, читатель книги*)» («Русский язык», 56; «Современный русский язык», 60). Спрашивается, почему бы не признать глагол живой категорией современного грамматического мышления? Мешает схема, вычерченная на основе «форм словоизменения».

¹ «Введение в языковедение», § 168—170, «Русский язык», стр. 29—30; «Современный русский язык», 1894, стр. 33—34.

⁴ J. R i e s, Was ist Syntax? Marburg, 1894, стр. 90; Zur Wortgruppenlehre, Prag, 1928, примечание 59, стр. 144.

¹ «Введение в языковедение», задания 7 и 8, гл. VIII, § 160—163; «Русский язык», стр. 27—29; «Современный русский язык», стр. 29—30. Ср. также «Очерк синтаксиса русского языка», гл. IV: «Форма и функция», стр. 33—37.

¹ «Введение в языковедение», задания 11 и 12, гл. XII, § 214.

отсутствует повторение основы. 2) Отношения между словами в большой ещё степени выражаются формами словоизменения, но уже не в малой степени самостоятельными словами (предложные конструкции): в нём уже есть элементы аналитического языка, хотя он ещё в большой мере сохраняет свой синтетический характер». Но это понимание традиционного, а иногда даже пережиточного характера элементов синтетического строя в современном русском языке и это указание на рост значения аналитических форм и связанных с ними беззвучных грамматических средств (вроде порядка слов, пауз) в системе русской речи не побудили Петерсона к коренному пересмотру фортунаатовской системы, сложившейся на почве изучения «общего индоевропейского праязыка»¹. А, между тем, Петерсон в число своих лингвистических путеводителей включает вместе с Фортунатовым и де Соссюра, который в своём «Курсе общей лингвистики» учил: «В языке, как и во всякой семиологической системе, то, чем знак отличается, и есть всё то, что его составляет. Различие создаёт отличительное свойство, оно же создаёт значимость (*valeur*) и единицу (*unite*)» (120). «Значимость целого (слова) определяется его частями, значимость частей — их местом в целом; вот почему синтагматическое отношение части к целому столь же важно, как и взаимоотношение частей» (125). «Взаимопроникновение морфологии, синтаксиса и лексикологии объясняется по существу тождественным характером всех синхронических фактов» (131). «Ассоциирование двух форм — это не только осознание того, что они представляют нечто общее, — это также различение характера отношений, управляющих данными ассоциациями... Можно сказать, что сумма сознательных и методичных классификаций... должна совпадать с суммой взаимодействующих в речи ассоциаций, будь они сознательны или нет. При помощи этих ассоциаций и фиксируются в нашем уме группы родственных слов»... между прочим, и «понятие частей речи» (132). «Материальная единица существует лишь в меру своего смысла, в меру той функции, которую она облечена» (133).

Но самое поразительное в грамматической системе Петерсона — это совмещение и столкновение в ней узко-формальной однопризнаковой классификации слов с логической пестротой деления слов по значению внутри одной и той же категории. Здесь свойственная всей фортунаатовской школе недифференцированность термина *з н а ч е н и е* приводит лингвиста ко многим печальным заблуждениям. Например, по мнению Петерсона, «падежные слова означают: 1) предметы; 2) качество в отвлечении от предмета; 3) такое же действие; 4) состояние; 5) количество; 6) предмет в отношении к речи; 7) вопросительные слова (!); 8) относительные слова (!) (*кто, что*); 9) временные понятия (*осень, зима, год, день*)»². Увидеть какую-нибудь внутреннюю логику в этом делении трудно. Набор общих лексико-грамматических понятий, которые можно в каком-нибудь отношении сопоставить с падежными словами, можно продолжить до бесконечности. Например, 10) местные понятия (*площадь, улица, район, округ* и т. п.); 11) понятия причины (*причина, основание, мотив* и т. п.); 12) понятия цели (*цель, задача, установка* и т. п.); 13) связь (*единство, сочетание, объединение* и т. п.); 14) противоположность (*контраст, антитеза* и т. п.) и мн. др. Но весь этот ряд понятий, случайно подобранных, никогда не может исчерпать всего состава грамматической категории. Само собою разумеется, что такие классификации слов по «значению» лишены для фамматики (и для семантики тоже) всякого значения. Точно так же и перечень значений «родовых слов» у Петерсона можно дополнить многочисленными рубриками вроде: *п р о и с х о ж д е н и е* (*дворянский, крестьянский* и т. п.), *п р и н а д л е ж н о с т ь*, *о т н о ш е н и е*

¹ При таком отношении к грамматическому строю современного русского языка, как строю «сме

шанному», аналитико-синтетическому, резко изменяются объём и содержание грамматических катего

рий. Например, категория лица «оформляется» не только синтетическими приёмами (*вижу, видишь, ви*

дит, видим и т. п.), но и аналитическими грамматическими средствами (*я видел, ты видел* и т. п.). Од

нако эта смешанная структура категории вовсе не требует распыления «личных» слов по разным клас

сам; напротив, решительно противодействует такой внеисторической сортировке слов.

² «Современный русский язык», стр. 34; «Русский язык», стр. 30—31.

к какому-нибудь материалу (*кирпичный, медный, чугунный* и т. п.), свойственность кому-нибудь (*оптимический, ригористский* и т. п.), цвет (*белый, чёрный* и т. п.) и мн. др. Так образуется у Петерсона ничем не заполненная пропасть между бессодержательностью грамматической категории в целом и узким предметно-логическим значением маленьких групп слов, бессистемно и случайно подобранных и оторванных от этой категории'.

13. Попытки синтеза фортунаговской теории с её противоположностями

Таким образом, в фортунаговской школе формально-классификационный принцип деления слов по флексиям, по звукоизменениям окончания, восторжествовал над изучением грамматической структуры слова во всей сложности её компонентов. Фортунаговская школа развивалась как антитезис потебнианства. К сожалению, в области морфологии русского литературного языка, в области учения о слове наиболее последовательные «фортунаговцы» самостоятельных, углублённых разысканий не производили. Поэтому фортунаговская школа здесь не могла противопоставить системе Потебни ничего, кроме общей классификационной схемы и её абстрактно-морфологического обоснования. Отношение фортунаговской школы к современному русскому языку походило на отношение младограмматиков к индоевропейскому, или славянскому, или русскому «праязыку». Ничто не напоминало о том, что исследователю открыта и доступна структура русского литературного языка во всем многообразии её современных грамматических, лексических, семантических и стилистических оболочек. Вполне естественно, что при более глубоком грамматическом и семантическом проникновении в систему современного русского языка сразу же обнаруживалась недостаточность, схематическая однобокость фортунаговской концепции. Являлась потребность синтеза фортунаговской теории с её противоположностями, в первую очередь с учением Потебни или его учеников (прежде всего Овсяннико-Куликовского). Искание синтеза превратилось в борьбу против фортунаговской школы. На помощь приходили и разнородные западноевропейские влияния. В результате получились или такие эклектические учения о слове, форме слова и о частях речи, как у проф. А. М. Пешковского, или такие оригинальные системы, как грамматическая система акад. А. А. Шахматова.

14. Эволюция грамматических взглядов

проф. А. М. Пешковского и неудавшийся синтез учений Фортунагова, Потебни, Овсяннико-Куликовского, де Соссюра и Шахматова

Пешковский в вопросах слова и его грамматических классов стремился преодолеть формалистический эмпиризм и нигилизм фортунаговской системы. Но наивный эклектизм, свойственный этому тонкому наблюдателю отдельных грамматических фактов, мешал ему расстаться с догматами учения Фортунагова. Общей проблеме отдельного слова посвящена примечательная статья Пешковского: «Понятие отдельного слова»². Эта статья представляет попытку сочетать синтаксически — ' ~~Необходимо заметить, что~~ критика учения о «частях речи» у Петерсона сводится исключительно к разбору школьных грамматик с точки зрения фортунаговской теории (в тех её трансформациях, которые наслонились на неё в трудах самого Петерсона). «Русский язык», стр. 31—33; «Современный русский язык», стр. 35—36; «Введение в языковедение», гл. VIM, § 157—159.

П. Г. Стрелков совершенно правильно отметил, что Петерсону пришлось, в конце концов, прибегнуть к помощи отвергнутой им теории частей речи. «Это случилось тогда, когда в синтаксисе живое функционирование слов заставило его обратиться к категориям глагола и имени, для которых не оказалось места в его классификации слов». См., в общем, справедливую критику системы Петерсона в статье П. Г. Стрелкова «К методологии грамматики». «Русский язык в советской школе» № 6—7, 1931.

" А . М . П е ш к о в с к и й . Сборник статей, Л., 1925.

реформированную теорию Фортунатова с теми лингвистическими принципами, которые исповедывала Женевская школа (F. de Saussure и его ученики Alb. Se-chechaye, Ch. Bally). Дав тонкий анализ тех затруднений, с которыми сопряжено отличие слова от морфемы (от значащей части слова) и от «словосочетания», отметив расплывчатость и неопределённость семантических границ слова, Пешковский приходит к мысли о необходимости (по аналогии со звуком и фонемой) различать два понятия: «слово-член», т. е. слово как «отдельный психофизиологический акт членения речи» и «слово-тип» — «ассоциативную группу представлений, обособившихся в уме говорящего в результате этого членения» (133). Это различие соответствует теории де Соссюра о синтагматических (т. е. основанных на связи последовательных элементов) и ассоциативных отношениях в языке¹. В отношении «слова-члена» Пешковский становится на грубо эмпирическую («психо-физиологическую») точку зрения грамматиста (синтаксиста) с фонетическим уклоном, пытающегося без помощи лексикологии и семантики, на основании анализа морфологических «членов речи»² (условно названных синтагмами), выделить основные части предложения. Этим путём Пешковский достигает частичного видоизменения фортунатовской классификации слов и частичного восполнения фортунатовского определения слова новыми грамматическими (синтаксическими) признаками. Эти новые признака — 1) наличие ударения и 2) возможность паузы после слова-члена.

Включение в структуру определения слова новых синтаксических признаков ведёт к выделению группы «полных слов, не имеющих грамматической формы» (по Фортунатову), в особую самостоятельную категорию, которая становится рядом с фортунатовскими «полными словами» (имеющими формы словоизменения и словообразования) и «частичными словами». Так у Пешковского возникают «три различные единицы»:

1) «Отрезки предложения, имеющие собственные ударения (выдыхательное или музыкальное — безразлично), допускающие после себя остановку в речи и распадающиеся сами на синтагмы меньшей величины. Это «слова» в полном смысле слова и быть может в единственном смысле, которое (?) бы ему следовало придавать...

2) Отрезки предложения, имеющие собственное ударение и допускающие после себя остановку, но не распадающиеся на синтагмы меньшей величины. Это так называемые «бесформенные» полные слова (*вчера, здесь, какаду* и т. д.)...

3) Отрезки предложения, не имеющие ни одного из перечисленных выше признаков, но и не составляющие частей полных слов. Дело идёт о так называемых частичных словах: предлогах, союзах, отрицаниях и т. д. . . . «Это члены, совершенно аналогичные частям слов, но как бы рассыпанные между цельными словами» (136—137).

Влияние фортунатовской схемы предредило результаты синтаксического анализа Пешковского. В самом деле, пользуясь только понятием «члена речи» (синтагмы), Пешковский не имел бы права относить такие слова, как *бюро* (во фразе: *в углу стояло бюро*), *сын* (во фразе: *умер сын*), *стол* (*стол развалился*), *кость* (*кость в горле застряла*) и т. п. к первой категории. С синтагматической точки зрения (как она разъясняется Пешковским) — вне зависимости от грамматической системы ассоциативных связей и отношений — не может быть никакой разницы между *сын*, *стол* и т. п. и *бюро*, *какаду*. Эта разница появляется лишь в косвенных падежах — *сына*, *стола* и т. п. и *какаду*, *бюро*, так как формы косвенных падежей у склоняемых слов синтагматически разложимы. Но ведь при отношении к слову,

¹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики, стр. 121.

² Понятие «члена» строится Пешковским на основе рассуждений о языковой единице у де Соссюра

ра: см. в русском переводе «Курса общей лингвистики» стр. 106. Однако де Соссюр настаивал на том,

что конкретная единица языка является точкой скрещения и пересечения синтагматических и ассоциативных отношений и связей.

тивных отношений и связей.

как к простому «психо-физиологическому акту членения речи», формы *стол* и *стола* (так же как *сын* и *сына*) должны быть признаны разными словами¹. Таким образом, Пешковский не отнёс слов с отрицательной формой (или «нулевой морфемой») к «бесформенным словам» (вторая категория у Пешковского) только потому, что этого не позволили бы ему ни Фортунатов, ни Бодуэн де Куртенэ, ни де Соссюр. А, между тем, логически безупречными, органически связанным с исходными положениями Пешковского было бы отнесение слов типа *стол*, *пол*, *бюро*, *какаду* и т. п. к бесформенным «словам-членам»². Отсюда становится ясной научная бесполезность классификации «слов» у Пешковского, несмотря на остроту и тонкость отдельных его наблюдений, относящихся к структуре слова³.

Не менее противоречиво и схематично учение Пешковского о «слове-типе». Если понятие «слова-члена» настолько узко, что не вмещает в себя подлинного слова, а дробит его на отдельные морфологические (и, по-видимому, лексико-семантические) разновидности, изолируя отдельные формы словоупотребления, то, напротив, понятие «слова-типа» настолько широко, что в его пределах расплываются реальные очертания живого слова, и форма отдельного слова теряется в «гнезде» слов. Здесь аналогия с фонемой сослужила Пешковскому плохую службу, потому что эта аналогия односторонняя, неполная. Кроме того, она Пешковским неправильно использована. Ведь фонема вовсе не ассоциативная группа сходных звуков, а социально-осмысленный целостный и единый звук-тип, имеющий оттенки, варианты и комбинаторные формы. Между тем, по Пешковскому, «слово-тип» (или «лексема») — это ассоциативная группа, составившаяся из сходных «слов-членов». Это — конгломерат слов. Классификация лексем у Пешковского не оставляет никакого сомнения в том, что под категорию «слова-типа» у Пешковского подходят не только слова в собственном смысле, но и целые серии омонимов, синонимов, целые морфологические категории слов и даже группы категорий слов с омонимическими или синонимическими частями.

Так, «лексемами», по учению Пешковского, будут не только отдельные слова в разных значениях — например, *домой* (в дом и на родину), *осёл* (животное и тушица), *месяц* (луна и 1/2 часть года) и т. п., но и омонимическая группа слов (*полметра*, *пол паркетный*, *пол мужской*, *из-за длинных пол* и т. п.), и синонимическая серия слов (*смотреть* — *глядеть* — *глазеть* — *видеть* и т. п.), и лексическое гнездо слов с общей основой (*девица* — *девический* — *дева* — *девка* — *девичество* — *девственный*; *смотрю* — *посмотреть* — *рассмотреть* и т. п.), и система форм склонения и спряжения одного и того же слова, и многочисленные отряды слов с одинаковыми аффиксами (*обеспокоить* — *обескуражить* — *обездолить* — *обеспечить*), и объединения разных категорий слов с синонимическими морфемами (*братец* — *ротик* — *уголок* — *самоварчик*; *стола* — *воды* — *кости*; *рукой* — *водою* и т. п.), и цепи категорий слов с омонимическими частями (*половина* — *полка* — *длиннополый*; *парный* — *париться*; *стола* — *вода* — *дома*; *огни* — *говори* и т. п.), и даже группы слов с ассонансами, неполными рифмами и другими звуковыми подобиями (*Кавказ* — *алмаз*; *дочь* — *точь-в-точь*; *парк* — *парта* и т. п.). Совершенно ясно, что многие из этих искусственно подобранных серий слов

—¹ Ср. именно такую точку зрения в «Кратком введении в науку о языке» Д. Н. Ушакова.

Ср. заявление самого А. М. Пешковского в книге «Наш язык», ч. 2, Книга для учителя (изд. 2-е,

М., 1925): «С научной (?) точки зрения, *иду*, *идёшь*, *идёт* или *стол*, *стола*, *столу* — безусловно разные

слова. Но ради практических удобств приходится нередко называть ту или иную группу таких слов од

ним словом... Говорится о разных «словах», из которых «одни суть слова, изменяющиеся по лицам», а

другие — нет. Дело в том, что самое понятие «изменения» неизбежно предполагает единство того, что

«изменяется»... Когда мы говорим «глагол», мы имеем в виду группу из семидесяти слов, условно назы

ваемую «словом» (32).

² Ср. указание де Соссюра: «Находясь в синтагме, элемент языка получает значимость

лишь в меру своего противопоставления предшествующему или последующему, или же и тому и друго

му» («Курс общей лингвистики», стр. 121).

' Впрочем, для синтаксической фонетики анализ Пещковского не лишён значения.

681

не только не образуют никаких лексем, никаких семантических структурных единств, но и вообще не имеют никакого реального значения в действительных смысловых связях живого языка, в общественной речевой практике. Такие группировки — плод индивидуальной аналитической мысли лингвиста (или поэта), склонного к наивному грамматическому логицизму, к классификационной схематизации или к индивидуально-творческим комбинациям речевых элементов. Они имеют мало отношения к живой природе лексемы, как социально-общной, свойственной всему коллективу структуры форм и значений одного слова.

Если сочетание фортунаатовской концепции с учением де Соссюра не привело Пешковского к желанному синтезу в вопросе о слове, то ещё более противоречивы и разнородны, особенно в первых двух изданиях синтаксиса Пешковского, приёмы и принципы сближения и смешения взглядов фортунаатовской школы на структуру слова и на грамматическую классификацию слов с теориями Потевни и Овсяннико-Куликовского.

Фетишизация звука, характерная для эпигонов фортунаатовской школы, приводила их к исканию «параллелизма» между звуковой и смысловой сторонами речи. Была забыта простая истина, что ни одна структурная единица речи не является простой суммой компонентов, а всегда образует их произведение. И Пешковский, который дальше всех отошёл от примитивного эмпиризма фортунаатовских определений и не уставал твердить, что языковые единства — «конгломераты интегрально-дифференциальные», — и тот страшился «великого разрыва звуковой и смысловой стороны речи»¹.

Поэтому при помощи всевозможных схоластических поправок и оговорок он старался удержать фортунаатовское определение формы слова как «способности его распадаться в сознании определённым образом». А, между тем, морфологический принцип фортунаатовской классификации слов Пешковский стремился объединить с семантической и функционально-синтаксической характеристикой «частей речи», выработанной потевнианством. Так, в первом и втором изданиях «Русского синтаксиса в научном освещении» Пешковский писал: «Хотя формы частей речи и имеют огромное синтаксическое значение и рассматриваются обычно в синтаксисе, но всё-таки, по существу, — это словообразовательные формы, вносящие каждая свой особый оттенок в вещественное значение слова».

Понятно, что Пешковский считает формы частей речи одновременно и морфологическими и синтаксическими, так как «тот новый оттенок значения, который заключён в них, совершенно изменяет отношения данного слова к другим словам» (ср. *белизна, белый, белеет, белея, белевший, белеть, бело*) (там же, стр. 40). Между тем, по признанию самого Пешковского, «собственно, особых формальных частей, которые бы в каждом слове обозначали, какая это часть речи, в языке нет» (44). «Формы частей речи создаются всеми другими формами» (45). Совершенно ясно, что такое понимание «частей речи» вступало в конфликт с фортунаатовским пониманием «формы отдельного слова». Оно опиралось на грамматическую систему Овсяннико-Куликовского, хотя Пешковский и подчёркивает, что в отличие от Овсяннико-Куликовского, «в основу изложения» он кладёт «внешнюю, звуковую сторону языка» (предисловие к первому изданию «Русского синтаксиса в научном освещении»). Так уже в первых набросках синтаксической системы Пешковского была предreshена неизбежность возврата его к понятию «грамматической категории», конечно, с теми двусмысленными ограничениями, к которым вынуждало фортунаатовское учение о форме слова.

¹ «Сборник статей», стр. 23.

² Там же, стр. 16—17.

³ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 2-е, М, 1920, стр. 46. Необходимо помнить, что в первых двух изданиях своего «Синтаксиса» Пешковский стоял на почве той психологической теории предложения, которая под влиянием Габеленца и Пауля была принята Фортунаатовым, но им была «формализована».

В полном согласии с Овсянко-Куликовским Пешковский сначала разграничивает части речи и члены предложения и переносит центр тяжести в классификации частей речи с форм словоизменения на словообразовательное значение категорий.

Возникает такая схема, внешне близкая к фортунатовской, но с заметной потеб-нианской окраской:

Слова **ф о р м е н н ы е** и **б е с ф о р м е н н ы е**.

I. **Форменные слова с синтаксическими формами:**

1) **Склоняемые имена:**

а) **существительные,**

б) **прилагательные,**

в) **причастия (которые, впрочем, рассматриваются как особый разряд прилагательных).**

2) **Спрягаемые слова-глаголы (сюда входят и формы прош. вр. *белел, каменел*, и спряжение здесь понимается как изменение не только по лицам, но также по временам и наклонениям).**

II. **Форменные слова без синтаксических форм:**

1) **наречия,**

2) **деепричастия,**

3) **инфинитивы.**

Таким образом, получается система семи частей речи: 1) глагол, 2) существительное, 3) прилагательное, 4) причастие, 5) наречие, 6) деепричастие и 7) инфинитив.

Изменения в схеме Фортунатова (например, выделение причастий и ввод деепричастий) объясняется всецело влиянием Потебни и Овсянко-Куликовского. От них же заимствуется и психолого-семантическая характеристика частей речи и взгляд на внутреннюю динамику словесных разрядов³. Поэтому-то и формы прош. вр. вводятся в систему глагола. Под влиянием Фортунатова и Потебни и под давлением историко-генетических предпосылок инфинитив обособляется от глагола.

От Фортунатова заимствуется Пешковским характеристика «частичных слов», среди которых Пешковский различает тоже семь разрядов: 1) предлоги, 2) союзы, 3) глаголы-связка, 4) усилительные служебные члены, 5) отрицательные служебные члены, 6) вопросительные и 7) повелительные служебные члены⁴.

Вместе с тем, под влиянием Овсянко-Куликовского, Пешковский готов допустить промежуточную между «полными» и «неполными», «частичными» («знаменательными» и «служебными») словами категорию «безжизненно-формальных слов» (связки, местоимения). В книге «Наш язык» Пешковский рассуждает так: «Частичные слова не с у т ь ч а с т и р е ч и . Именно в этом-то пункте предлог, союз и другие служебные категории не соотносительны с существительным, прилагательным и другими разрядами полных слов, даже если мы будем сопоставлять из *кенгуру, антраша, особь-статья, жаль, надо* и т. д. Хотя *в, к, при, у* и т. д. так же бесформенны, как *кенгуру*, однако они неполные слова, тогда как *кенгуру* — явно полное. Такие неполные слова как *был* — *буду* или как *самый* в составной форме

¹ «Сборник статей», стр. 79: «Части речи — это **з а с т ы в ш и е** члены предложения, в ы *

к р и с т а л л и з о в а в ш и е с я в определённые формы и системы форм,

распознаваемые и вне

своих сочетаний и приобретшие, в связи с этим, определенное словообразовательное значение; наобо

рот, члена предложения — это **п р и ш е д ш и е** в д в и ж е н и е части речи, части речи в самом процес

се её как части словосочетаний».

² «Русский синтаксис», изд. 2-е, стр. 40—44. Ср. «Сборник статей», стр. 79—82 и «Наш

язык», ч. 2.

³ Пешковский в статье «Синтаксис в школе» прямо отсылает к анализу значений частей речи у Потебни и Овсянко-Куликовского: «О значении их я говорить здесь не буду, так как они все были разработаны Потебней и так увлекательно и обстоятельно популяризованы Овсянко-Куликовским, что на мою долю выпала только дальнейшая популяризация...» «Сборник статей», стр. 81.

⁴ «Русский синтаксис», изд. 2-е, гл. XXXIII.

превосходной степени прилагательного (*самый лучший*), правда, уже могут быть распределены по рубрикам частей речи, но и то весьма условно: ведь разделение на вещественную и формальную принадлежности, которое в с е г д а двухсторонне, по з в у к а м и по з н а ч е н и ю , у них производится только по звукам, вещественная принадлежность их почти л и ш е н а з н а ч е н и я , и, таким образом, эти слова неравны обычным полным форменным словам. Это как бы особый разряд б е з ж и з н е н н о -форменных слов, масок на месте живых лиц, разряд, могущий существовать в языке, конечно, только на фоне полных форменных слов и только в ничтожном количестве»¹.

Осознанная Пешковским невозможность механического отсеечения форм словоизменения от живой структуры слова, понимание тесной связи и взаимодействия синтаксических и словообразовательных элементов речи вели этого учёного к реформе фортунатовской системы. В своей книге «Наш язык» Пешковский писал: «Суффиксы соотносительны не только со своими основами, но и с флексиями, и могут быть выделены в сознании только по отсечению флексий. Кроме того, некоторые суффиксы связаны постоянной связью с определёнными флексиями (например, суффикс *-ей-* только с флексиями существительных мужского рода, а суффикс *-иц-* только с флексиями существительных женского рода) и обойти эту связь при наблюдении нельзя»². Поэтому в «Нашем языке» (ч. 2) система глагола расширяется и объединяется: в неё, правда, с оговорками, включаются «смешанные части речи»: инфинитив и деепричастие. Признак «бесформенности» в «неграмматических наречиях» сильно парализуется таким заявлением: «Относительно бесформенных наречий следует иметь в виду, что, в сущности, о н и о ч е н ь р е д к о с о в е р ш е н н о б е с ф о р м е н н ы . Если мы сближаем *вблизи с близкий, направо и правый* и т. д., то это указывает на частичное выделение для нас здесь элементов *-близ-*, *-прав-*, т. е. на форму, тем более, что огромное большинство таких слов всегда имеет и некоторое количество грамматических аналогий (*вблизи — вдали — втиши; направо — налево* и т. д.)»³.

Рядом с сознанием нецелесообразности механического разрыва форм словоизменения и форм словообразования в угоду абстрактному принципу искусственного единства классификационной схемы, в Пешковском крепко убеждение в приоритете форм словосочетания над формами отдельного слова.

Растущее во славу синтаксиса пренебрежение к чисто морфологическим особенностям разных классов слов побуждает Пешковского в категорию «вводных слов» отнести такие разряды «слов и сочетаний, стоящих вне предложения»: 1) собственно вводные слова, 2) звательную форму существительного и 3) междометия⁴.

Эта двойственность лингвистических точек зрения, эта непоследовательность классификации, блуждающей на распутье между морфологическими абстракциями фортунатовской системы и потебнианскими функционально-синтаксическими характеристиками, медленно, но упорно преодолевается Пешковским под тройным и разносторонним влиянием: 1) Ф. де Соссюра и западноевропейских ответвлений его школы, 2) синтаксической системы акад. Шахматова и вызванного ею в Пешковском обострения идей Поттебни и 3) статьи проф. Л. В. Щербы о частях речи.

¹ «Наш язык», ч. 1, Книга для учителя, изд. 3-е, М., 1924, стр. 53—54. Ср. в «Русском синтаксисе», изд. 2-е, рассуждение о «грамматичности» местоименных корней (стр. 404—406). Конечно, тут играли роль и традиционные, утверждённые Боппом представления об исторической судьбе местоимений в связи с вопросом о происхождении форм.

² «Наш язык», ч. 1, Книга для учителя, изд. 3-е, стр. 24. Ср. также на стр. 38—39 рассуждение о неразрывной связанности форм словоизменения и форм словообразования.

³ «Наш язык», ч. 2, стр. 278. Ср. «Русский синтаксис», изд. 2-е, стр. 202—205. Любопытно, что самое понятие н е г р а м м а т и ч е с к и й Пешковский склонен определять так: «выраженный одними формами сочетаний» (а не «формами отдельных слов») (там же, стр. 491).

⁴ «Наш язык», ч. 2, Книга для учителя, изд. 2-е, стр. 288—289, ср. «Русский синтаксис», изд. 2-е, гл. XXXIV.

Естественно, что сочетание таких разнородных влияний не могло привести Пешковского к целостной концепции и в последние годы его научного творчества. От Женевской школы Пешковский воспринимает понимание языка как живой системы сложных и конструктивно пересекающихся отношений, в которой все речевые единства и элементы находятся в структурной спаянности и сочленённости. На этом фоне меняется само понимание формы слова. Правда, проблема грамматического слова в его отношении к лексеме (т. е. к «лексическому слову») остаётся вне поля зрения Пешковского. Но структурная связь морфологических и синтаксических форм слова раскрывается Пешковским во всём её многообразии. Ведь де Соссюр восставал против традиционного рассечения грамматики на морфологию и синтаксис. «Отделяя морфологию от синтаксиса, ссылаются на то, что объектом этого последнего являются присущие языковым единицам функции, тогда как морфология рассматривает только их форму...» Но ведь «формы и функции образуют целое, и затруднительно, чтобы не сказать невозможно, их разъединить. С лингвистической точки зрения у морфологии нет своего реального и самостоятельного объекта изучения; она не может составить отличной от синтаксиса дисциплины»¹.

И Пешковский в конце своей научной деятельности стал убеждённым сторонником той мысли, что «абсолютно несинтаксических категорий в языке не существует. Даже чисто словообразовательные категории, как уменьшительность и увеличительность, собирательность и т. д., неразрывно связаны с синтаксисом, потому что связаны с частями речи (а мы уже знаем, что части речи — синтаксические понятия). Уменьшительность и увеличительность, например, свойственны в русском языке существительному и прилагательному, но не свойственны глаголу, а собирательность свойственна только существительному»². Вместе с тем Пешковский здесь же развивает мысль о структурной сочленённости, спаянности разных категорий в языке и, следовательно, о недопустимости искусственной вивисекции языковых фактов в угоду произвольным классификационным схемам. «Даже такие несинтаксические категории, как число и род существительных или залог и вид глагольных слов уже потому не могут быть отделены от чисто синтаксических категорий падежа существительных и времени глаголов, что связаны с ними единым звеном» (там же).

Опору для своей борьбы с классификационной точкой зрения эпигонов Фортунатова Пешковский нашёл в синтаксической системе А. А. Шахматова (ср. ссылку предисловия к третьему изданию «Синтаксиса» на статью С. И. Бернштейна «Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова») и в грамматической концепции Л. В. Щербы. «Когда подходят к частям речи с классификационной точки зрения, — писал А. М. Пешковский, — естественно стараются (и должны стараться) разместить все слова языка по тем или иным установленным данной классификацией рубрикам. Это обычно плохо удаётся, и исследователям приходится либо насильно втискивать некоторые слова в не покрывающие их рубрики, либо придумывать новые, мелкие и не соотносительные с основными рубрики. Наш подход... совершенно иной. Мы не делим слова на разряды, а выделяем из языка группы слов и форм с одинаковым формальным значением. При таком методе нас не должно тревожить, если некоторые полные слова... не окажутся никакими частями речи... Все это будет не выкристаллизовавшееся к данному моменту в отношении категорий частей речи слова языка, а морфные, так сказать, в этом отношении...» Таким образом, грамматический строй языка признаётся Пешковским, вслед за Потебней, де Соссюром и Бодуэном де Куртене, живой и 'Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 130.

¹Статья А. М. Пешковского «О грамматическом разборе» («Русский язык и литература в средней школе» № 3, 1934, стр. 10).

²А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 3-е, М., 1928, стр. 173—174 (изд. 5-е, М., 1935, стр. 134—135).
685

подвижной системой, в которой слова и формы слов функционируют лишь как звенья в структурных рядах, образуемых грамматическими категориями.

«Категории, как и отдельные формы, создаются в постоянной связи между собой, непрерывно сравниваются в нашем сознании между собой. Подобными нулевыми категориями переполнен наш язык... Изъявительное наклонение, например, есть, в сущности, «нулевое» наклонение; несовершенный вид, в сущности, — «нулевой» вид; невозвратный залог, в сущности, — «нулевой» залог» (изд. 3-е, стр. 31; изд. 5-е, стр. 27). Так парализуется морфологический схематизм фортунатовского понятия «формы отдельного слова» возвратом к понятию грамматических категорий, выдвинутому ещё Потемной и углублённому Шахматовым. Правда, определение грамматической категории, включённое Пешковским в третье (последнее пожизненное) издание «Русского синтаксиса в научном освещении», ещё не освобождено от отражений и осколков фортунатовского учения о форме. Но само это фортунатовское учение решительно преобразовано. Пешковский, по-прежнему определяя форму слова как «способность его выделять по звукам и по значению в сознании говорящего и слушающего двоякого рода элементы: вещественные и формальные» (23³, 21⁵), однако, ставит теперь форму отдельного слова в зависимое, подчинённое отношение к форме словосочетания. По его мнению, тот факт, что огромное количество «бесформенных» сокращений в современном языке (ВКП(б), ИККИ, ЦК, СССР и т. п.) без труда «апперципируется нами при чтении как соответствующие падежи, числа, роды и т. д., показывает, до какой степени слаба выразительная сила отдельной формы слова, взятой самой по себе» (73—74³, 59⁵). «Всякое формальное значение создаётся, в сущности, всегда в зависимости от данной формы слова с данной формой словосочетания, т. е. прежде всего с остальными формами его» (74³, 60⁵). Ведь «основной признак отдельного слова — возможность для данного комплекса звуков встречаться в разных словосочетаниях» (108³, 86⁵). Между тем, «в отношении формы словосочетания в языке нет ничего бесформенного» (68³, 55⁵). Отсюда вытекает резкий протест Пешковского против тех грамматических учений, которые кладут в основу грамматической классификации слов «окончания систем склонения и спряжения, что... не объясняет многих явлений и принижает чуть ли не до полного игнорирования синтаксическую сторону дела» (78³, 63⁵). Этот выпад ближайшим образом направлен против представителей фортунатовской школы Д. Н. Ушакова, М. Н. Петерсона и других «морфологов-классификаторов». «Многие склонны отождествлять грамматику с морфологией. То, что *пальто* и *эмкаха* неморфологичны, побуждает таких авторов объявлять их «неграмматическими» (то же относится и к другим частям речи, так как и там оказываются «неграмматические прилагательные», «неграмматические наречия» и т. д.), но при этом они совершенно забывают, что синтаксис тоже часть грамматики» (6Г, ср. 77³). «Влияние синтаксического начала», по мнению Пешковского, обусловлено и ограниченностью запаса флексий в русском языке, повторяемостью их в разных системах. «Так, например, из флексий существительных типа *стол* и *конь* в ед. ч. три повторяются в системе глагола (ср. *коня* — *беря*; *коню* — *хваляю*; *конём* — *берём*), одна является нулевой и тоже повторяется в глаголе (им. пад. и повелительное наклонение *конь* — *вынь*), и только одна является несомненно предметной (предл. пад. *коне*), хотя, с другой стороны, как раз именно эта форма и не имеет уже совершенно отдельного существования, так как без предлога не употребляется» (74³, 60). Вместе с тем, «мощь синтаксического начала при нехватке морфологических средств» иллюстрируется категориями косвенных падежей субстантивированных прилагательных ср. рода {«*Просительница, штабс-капитанша Калинкина, просила о невозможном и бестолковом*»). «Все эти категории в мужском и среднем роде совпадают (только в именительном и сходном с ним винительном различаются *добрый* и *доброе*), и тем не менее в сочетании, положим, «*просила о невозможном и бестолковом*» мы ясно сознаём, что именительным к этим формам будут *невозможное* и *бестолковое*, а не *невозможный* и *бестолковый*, так что все шесть падежей

в их принадлежности среднему роду поддерживаются только одной формой (на *-oe, -ee*)» (159³, 124⁵). Упор на «форму словосочетания» заставляет Пешковского несколько изменить свою точку зрения на соотношение «материи» и «формы» (этих двух «стихий») и в отдельном слове. В самом деле, по отношению к словосочетанию «уже совершенно нельзя говорить о материальных и формальных частях, как мы грубо и приближённо (разрядка моя — В. В.) могли говорить в применении к отдельному слову. Ведь ясно, что ни комбинацию форм, образующих данное словосочетание, ни синтаксическую сторону значения бесформенных слов, ни интонацию, ни характер связей между словами мы не можем вынуть из словосочетания и отложить, положим, направо, а весь остаток налево. Дело идёт не о частях словосочетания (частями его являются только отдельные слова), а именно о его разных сторонах как в звучании, так и в значении» (50—51³, 42⁵). Кажется, один шаг отделяет Пешковского от потебнианского понимания формы, согласно которому грамматические формы могут обходиться без особого звукового обозначения¹. Однако для Пешковского без отдельной звуковой характеристики немислима ни форма слова, ни формальная категория. По определению Пешковского, «формальная категория слов есть ряд форм, объединённый со стороны значения и имеющий, хотя бы в части составляющих его форм, собственную звуковую характеристику» (29³, 26⁵, ср. 53, 44⁵). В этом определении отразился формалистический эмпиризм фортунатовской системы основных понятий. Для Пешковского «грамматическая категория», например, категория падежа, числа, наклонения, времени, глагола, других «частей речи», вообще всякая словообразовательная и синтаксическая категория — это не форма грамматической мысли и не одно из основных грамматических понятий, лежащих в основе системы форм языка, а прежде всего — эмпирический ряд форм с общим значением или общим комплексом значений, обособляемых по «собственной звуковой характеристике».

Пешковский настойчиво напоминает о том, что понятие «категории» в его синтаксисе основано не столько на «значении» языковых форм, сколько на «внешних формах» слов и словосочетаний, и указывает на опасность отрыва понятия «категории» от фортунатовского понимания формы слова и от звуковой базы языка (28—29³, 25⁵). «Беззвучных» и «однозвучных» категорий, по Пешковскому, не может быть. «Так как установить число значений одной и той же формы и далее распределить эти значения на оттенки и на самостоятельные значения дело необычайно трудное и выполняемое обычно разными лингвистами различно, то понятие категории потеряло бы свою объективную значимость (связанную со звуковой стороной его)» (29, 26⁵). Различая категории главные, «обуславливающие» (например, категории «частей речи»), и второстепенные, «обуславливаемые», Пешковский прежде всего останавливает своё внимание на вопросе о «звуковой характеристике» главных категорий: «По составу своих форм обуславливающие категории всегда заключают в себе все формы обуславливаемых категорий... Звуковая характеристика такой обуславливающей категории заключается именно в том, что категория эта не совпадает ни с одной из обуславливаемых категорий в отдельности и только со всеми ими, вместе взятыми» (30³, 27⁵).

Это наивно-эмпирическое, «собирательное» понимание грамматической категории приводит Пешковского к своеобразной постановке вопроса о количественном соотношении грамматической категории и формы слова и словосочетания. По мысли Пешковского, собственно нельзя говорить, например, о форме повелительного наклонения, о форме родительного падежа, о форме единственного числа и т. п. Ведь категория, как ряд форм, логически не должна совпадать с одной формой. Поэтому можно говорить,

¹ А. А. Потебня, *Из записок по русской грамматике*, I—II, Харьков, 1888. Глава V: «По чём узнаётся присутствие грамматической формы в данном слове?»

например, лишь о принадлежности той или иной формы к категории повелительного наклонения. «По общей нашей концепции, — пишет Пешковский, — «формы повелительного наклонения» быть не может, так как всякая форма при первой попытке определить её значение неизбежно отходит к какой-либо из категорий (по большей части к нескольким)» (56³, 46⁵, примечание). Впрочем, оказывается один грамматический случай, когда «форма слова» и «категория» совпадают (ПО³, 102⁵) — это категория глагольного залога. В связи с этим Пешковский спешит заявить, что «это даже не категория в собственном смысле слова. Ведь под категорией мы условились понимать ряд форм слов и форм словосочетаний, объединённых по значению. Русский же единственный глагольный залог, в о з в р а т н ы й (невозвратный залог является только нулевой категорией), представлен всегда одной формой, именно формой на *-ся, -сь* (*моется, дерусь* и т. д.). Это тесно связано с морфологическим своеобразием этой категории. Все другие категории должны быть многоформенны: каждый аффикс вообще в русском языке многозначен... Аффикс же *-ся, -сь* имеет только возвратно-залоговое значение... Объясняется это тем, что он совсем недавно, на памяти истории, произошёл от отдельного слова путём сцепления с другими словами» (там же). (Однако ср. функции *бы* как знака категории гипотетического наклонения).

Таким образом, Пешковский, убедившись, что в свете фортуатовского учения о форме отдельных слов нельзя раскрыть и уяснить системы грамматических отношений между словами и группами слов в русском языке, и склонившись к мысли об органической спаянности форм слова и форм словосочетания в грамматике живого языка, выдвинул, как центральное грамматическое понятие, понятие грамматической категории. Но определение грамматической категории как ряда семантически объединённых форм слов и форм словосочетаний лишь отчасти устраняло те противоречия, которые были заложены в фортуатовском понятии формы отдельного слова. Наивно-формалистический эмпиризм оставался непреодолённым. Оставшись при фортуатовском определении формы отдельного слова, Пешковский дополнил его принципом «круговой поруки» форм слова и форм словосочетания в пределах цельной грамматической категории. Однако сама эта грамматическая категория рисовалась Пешковскому не как форма грамматической мысли, а как конструктивно объединённая ассоциативная группа форм слов и словосочетаний, как конгломерат форм (ср. рассмотренное выше понятие лексемы в освещении Пешковского). Проблема слова, проблема соотношения лексических и грамматических форм в слове, проблема связи грамматических категорий с общей семантической системой языка Пешковским в его «Синтаксисе» обойдены. Лишь изредка Пешковский останавливается на вопросе о «величайших» предметно-логических противоречиях в языке, «о величайшей алогичности, величайшей иррациональности языка», о несовпадениях и антагонизме вещественных и грамматических значений (80,87—88,94, 107—108, 150³= 64, 70, 75, 85, 117⁵ и др.). Вместе с тем, Пешковский выдвигает лозунг борьбы с «тем антиграмматическим гипнозом, который исходит от вещественных частей слов» (88³, 71⁵). Однако приёмы лексического анализа у самого Пешковского примитивно-психологичны. Вот характерный пример анализа слова *чернота*. «Это какое-то чёрное воздушное пространство или чёрная поверхность чего-то, словом, какая-то чёрная субстанция. Конечно, если мы станем рассуждать на эту тему, то придём к выводу, что «черноты» самой по себе нет, а есть только чёрные предметы. Но это уже будет плод логического анализа, который языковед не интересуется и не должен интересоваться. Это будет анализ понятия «черноты», а не значения самого слова *чернота*. Языковед должен анализировать только тот образ, который всплывает у говорящего и слушающего при произнесении слова в процессе речи» (79—80³, 64⁵). Ещё более странный и наивно-психологистический характер носит формулировка этого же положения в книге «Наш язык»: «Для науки о языке, когда она занимается значениями слов,

688

важно не то, что есть на самом деле, а что представляется говорящим во время разговора»¹.

На самом же деле анализ значений слова не имеет ничего общего с психологическими наблюдениями над ассоциативными образами, возникающими у разных людей в связи со словом в процессе его произнесения или представления. Естественно, что семантические характеристики основных грамматических категорий у Пешковского представляются оторванными от формального базиса его грамматической системы. Они кажутся взятыми напрокат у Потебни, Овсяннико-Куликовского и Шахматова. Таково, например, рассуждение Пешковского о категории существительного: «Категория существительного имеет огромное значение для нашей мысли. Без неё невозможно было бы никакое знание, никакая наука. Нельзя было бы, например, говорить ни о свете, ни о теплоте, ни об электричестве, ни о жизни, ни о государстве, ни о самом языке; ведь ничего этого отдельно не существует... Характерно, что философский термин «субстанция», обозначающий неизменяющуюся сущность сменяющихся друг друга явлений, одного происхождения с латинским названием существительного (*substantivum*, ср., впрочем, и у нас «сущность», «существо» и «существительное»). Существительное и есть, действительно, для языковой мысли то, чем для философской мысли является субстанция. А тому, что в философии называется «атрибутом» и «акциденцией», в языке соответствуют... прилагательное и глагол. Части речи есть, таким образом, не что иное как основные категории мышления в их примитивной общенародной стадии развития» (83³, 66—67⁵). Эта семантическая характеристика «частей речи» не вполне согласуется с приёмами грамматического определения этих категорий. Так, по словам Пешковского (в третьем и последующих изданиях «Синтаксиса»), значение предметности выражается в языке не столько словообразовательными суффиксами и даже не столько флексиями склонения (т. е. «формами словоизменения»), сколько формами словосочетаний (69—72³, 56—58⁵). Ведь «существительное — категория форм слов и форм словосочетаний с формальным значением предметности» (77³, 62⁵). Например, слово «*добра*» может быть и род. пад. ед. ч. существительного и женским родом ед. ч. краткого прилагательного (*у него много добра* и *она очень добра*). Спрашивается, от чего же зависит отнесение этих форм то к тому, то к другому ряду? Исключительно от формы тех словосочетаний, в которых они встречаются» (71³, 58⁵).

Легко заметить, что и в других случаях семантические эскизы категорий, рисуемые как бы сверх (или поверх) грамматической (преимущественно синтаксической) характеристики относящихся к данной категории форм, оторваны от формальных признаков и обнаруживают иную манеру понимания и изображения. Например, Пешковский теперь признаёт категорию наречия «целиком синтаксичной», так как вся сущность значения формы *бело*, как наречия, сводится к её прилагательности (35³, 30); во всяком случае словообразовательная сторона значения в этой категории, как и в категории инфинитива, признаётся «весьма проблематичной» (там же). Между тем, при выяснении семантической сущности наречия Пешковскому не только пришлось подробно «вдаться в морфологическую сторону явления», описать разнообразные формы наречного словообразования (109—113, 86—89⁵), но и охарактеризовать систему качественных, количественных и обстоятельственных отношений, выражаемых наречиями (115—117³, 90—92⁵).

Вообще, в грамматической концепции Пешковского «синтаксическое начало» гиперболизировано и гипертрофировано в ущерб не только морфологическому, но и лексико-семантическому. Возникает своеобразная грамматическая теория, проникнутая формально-синтаксическим логицизмом с яркой субъективно-психологической окраской. В противовес своей прежней переоценке словообразовательных категорий, выступавших как «дымовая завеса» в борьбе с напором фортунатовских

¹ «Наш язык», ч. 3, Книга для учителя, М. 1927, стр. 91.

«форм словоизменения», Пешковский теперь всячески ограничивает функции словообразовательных элементов, ссылаясь на то, что «без формы словообразовательных категорий ещё можно было бы пользоваться языком» (35, 30⁵). В связи с этим части речи уже рассматриваются не как «основные словообразовательные формы языка» (ср. первые два издания «Синтаксиса»), а как «самые главные категории» языка (30³, 27⁸), «стоящие прямо на границе между синтаксическими и несинтаксическими» (35, 30⁵). Выделение инфинитива и деепричастия в особые «смешанные части речи» мотивируется исключительно синтаксическими функциями категорий, а не словообразовательными формами, как раньше.

Однако любопытно, что смещение общих точек зрения в системе Пешковского, отразившись на грамматической характеристике частей речи и обусловливаемых ими категорий, не привело к резким изменениям самого состава частей речи. По-прежнему выступают четыре основные части речи: имя существительное, прилагательное, глагол и наречие, правда, понимаемое теперь не как класс «форменных слов без синтаксических форм», а как «целиком синтаксическая категория» (35, 30).

Но причастие отрезано от имени прилагательного и отнесено к особым «смешанным частям речи», наряду с деепричастием и инфинитивом. Объединяет их обладание как бы «полусинтаксическими» глагольными категориями вида и залога¹, а также однородность форм словосочетаний (152—154³, 118—120⁵). Впрочем, Пешковский представляет иерархию этих категорий и связь их с четырьмя основными частями речи в ещё более искусственно-синтаксической плоскости. «Оказывается (в русском языке) внутри категорий существительного более узкая категория глагольного существительного, внутри категории прилагательного — категория глагольного прилагательного, внутри категории наречия — категория глагольного наречия. А внутри двух последних категорий выделяются ещё более узкие категории причастия и деепричастия. Все эти категории мы и называем смешанными частями речи» (119³, 94⁵). Правда, затем обнаруживается, что категории причастия, деепричастия и инфинитива следует всячески ограждать от сближения с другими глагольными именами существительными, прилагательными и наречиями. «Можно бы назвать эту группу «глагольным словом», но есть опасность, что в неё прокрадутся тогда и такие «глагольные» слова, как *облезлый, чёткий, спешный, спешка, писание, битва* и т.д.» (154, 120⁵). Так подчёркивается разрыв словообразовательных и синтаксических категорий. Поэтому-то инфинитив и деепричастие (вопреки всем предшествующим высказываниям Пешковского) теперь характеризуются не как особые морфологические словообразовательные классы слов («без синтаксических форм»), а как категории по преимуществу синтаксические. В инфинитиве, который выдаётся за «целиком синтаксичную» категорию, словообразовательная сторона значения, по мнению Пешковского, «проблематична» (35, 30⁵). В деепричастии же выдвигаются, как структурные признаки особой смешанной части речи, своеобразные значения синтаксической категории времени и «пограничные» с синтаксическими категориями залоговые оттенки.

Итак, Пешковский противопоставляет фортуновскому понятию «грамматического класса слов» понятие грамматического класса форм, названного им «формальной категорией». Внутри такой категории формы слова тесно сплетаются с формами словосочетаний, восполняют и обуславливают друг друга, но под «диктатурой», так сказать, синтаксических форм. Количество синтаксических категорий расширяется: фортуновская серия «форм словоизменения» пополняется потебнианской категорией «краткости прилагательных», синтаксическими категориями рода глаголов, времени причастий и деепричастий, «синтаксичными» категориями инфинитива и наречия. К этим чисто синтаксическим категориям прилегают «пограничные»

¹ Пешковский относит вид и залог к числу категорий, которые «стоят прямо на границе между синтаксическими и несинтаксическими» (35³, 30⁸).

категории других частей речи: имени существительного, прилагательного и глагола, категории залога, вида, категории степеней сравнения (33—35³, 29—30⁵). Все эти «формальные категории слов» изучаются не во взаимодействии с лексическими и семантическими категориями слов, а в отвлечении от них. Правда, Пешковский нередко указывает на «словарные условия» функционирования формы (51³, 43⁵), на «вещественные значения слов» (80, 83—84, 88—89³= 64, 67, 71 и др.). Он даже выдвигает не лишённый остроумия тезис о формах соотношения вещественного и грамматического значения в слове: вещественное и грамматическое значения являются «как бы силами, приложенными к одной и той же точке (к слову), но действующими то в одном направлении, то во взаимно пересекающихся направлениях, то, наконец, в прямо противоположных направлениях» (88³, 71). Однако взаимодействие и взаимоотношение грамматических и лексических форм в структуре слова или в структуре целых семантических категорий слов Пешковского не интересует. Например, остаётся неясным, является ли инфинитив формой того же слова, к которому относятся формы настоящего и прошедшего времени, сослагательного и повелительного наклонений, или надо признать инфинитив самостоятельной «лексемой». Сопоставление инфинитива с именительным падежом существительного как будто говорит о том, что инфинитив понимается как одна из основных форм каждого глагола (151³, 118⁵). Однако указание на «какую-то связь этой формы с глагольными существительными» (там же) заставляет думать об инфинитиве и глаголе как разных словах.

Синтаксический «формализм» помешал Пешковскому достигнуть синтетического охвата явлений языка. На всём творчестве Пешковского лежит неизгладимая печать фортуноватовской концепции. Фортунатовская система, даже в то время, когда Пешковский субъективно переживал свою свободу от её формалистических стеснений и выступал врагом «морфологизма», продолжала тяготеть над его лингвистической мыслью. Отсюда — эклектизм синтаксической системы Пешковского, пытавшейся сочетать идеи Фортунатова и Дельбрюка с отголосками потебнианства, взгляды Соссюра, французских «социологов» и бодуэновской школы с концепциями Шахматова. Достигнуть синтеза многообразных лингвистических влияний Пешковскому не удалось.

15. Грамматическая система категорий и частей речи в учении акад. А. А. Шахматова

Академик А. А. Шахматов, непосредственный и самый талантливый ученик Фортунатова, в своих грамматических исследованиях по русскому литературному языку отказался от методологии фортуноватовской школы. Этот методологический поворот привёл его к созданию оригинальной и плодотворной, но, к сожалению, не вполне отделанной, лишь вчерне набросанной грамматической системы современного русского языка¹. Тонкое историческое чутьё, живое понимание реальных фактов истории русского языка, широкий синтетический² охват материала, гениальный дар индуктивного исследования и конструктивной систематизации не мирились с узкой антиисторической схемой внешнего морфологического распределения грамматических явлений. Сфера грамматики в сознании Шахматова была достаточно широка, чтобы охватить не только морфологию и синтаксис, но и семасиологию. В «Очерке современного русского литературного языка»², приступая к анализу категорий вида, Шахматов писал: «Учение о значении видов принадлежит отделам грамматики, посвященным синтаксису и семасиологии».

¹ «Синтаксис русского языка», относящийся к последним годам жизни Шахматова (издан посмертно в Ленинграде Академией наук в двух выпусках, в 1925 и 1927 гг.), остался незаконченным, и даже написанную его часть автор не успел подвергнуть окончательной обработке.

² Л., 1925, изд. 2-е. Л. — М, 1930, изд. 3-е, М, 1936 (воспроизведения литограф, издания 1913 года).

Но вопросы об образовании и форме видов рассматриваются в морфологии, причём значение видов затрагивается здесь постольку, поскольку обнаруживается связь между различными значениями и различными формами видов» (157—158', 149³). Так провозглашается структурно-синтетический принцип понимания и оценки грамматических фактов. Морфологическая точка зрения не должна быть приёмом искусственного изолирования и абстрагирования внешних форм слова. Она неотрывна от синтаксической и семантической структуры слова. Поэтому Шахматов, вопреки Фортунатову, возвращается к учению о частях речи. Хотя «значение частей речи определяется синтаксически», но и «морфологические различия» (в строении основ и в системе грамматических категорий, связанных с отдельными частями речи) «дают основания и при изложении морфологии» исходить из распределения слов по частям речи (там же, 84', 81³). Уже в «Курсе истории русского языка»¹ Шахматов даёт своё определение грамматической формы: «Грамматическими формами называются те видоизменения, которые получает слово в зависимости от формальной (не реальной) связи его с другими словами». Форма неотрывна от значения. «Формальное значение» связано с реальным, но «познаётся только по связи одних слов с другими» (4). «Разные виды слова, отличающиеся между собой своим формальным значением (познаваемым только из связи с другими словами), называются его грамматическими формами» (4—5). Грамматические формы обусловлены системой живых грамматических категорий. «Категории эти зависят прежде всего от реальных значений, связанных с теми или иными словами; но зависимость эта не прямая, а производная, производная именно от тех... главных категорий реальных значений, которые возникают в уме говорящего» (5). Таким образом, по мысли Шахматова, грамматическая классификация слов подчинена и приспособлена к различиям классов слов по значению. Поэтому Шахматов полагает, что учение о частях речи (существительном, прилагательном, глаголе, местоимении, числительном, наречии, предлоге, союзе и междометии) — фундамент грамматической системы. С «частью речи» связана определённая система грамматических категорий. Например, существительные изменяются по падежам и числам и имеют родовые различия. Прилагательные изменяются по падежам, числам, родам и степеням. Глагол изменяется по категориям лица и числа, по категориям времени и наклонения, по категориям залога и вида и, наконец, «по категориям, свойственным именам, когда действие не связывается с представлением о трёх грамматических лицах, действующих или испытывающих действие (инфинитив, причастия, деепричастия, в старом языке супин)» (9).

Любопытно, что в «Очерке современного русского литературного языка», как потом и в «Синтаксисе русского языка», Шахматов обходит молчанием фортунатовское учение о формах словоизменения и формах словообразования. Востокова Шахматов признаёт более надёжным и опытным спутником в области морфологии русского литературного языка, чем Фортунатов. Задача морфологического исследования слова, по Шахматову, состоит в раскрытии системы грамматических категорий, определяющих и характеризующих грамматический строй русского литературного языка. Эти грамматические категории объединяются, распределяются и группируются по классам слов, по «частям речи». В этом отношении на Шахматова оказали сильное влияние мысли Буслаева, с особенным блеском выраженные в книге «О преподавании отечественного языка»²: «Все части речи и изменения их получают свой смысл по месту, занимаемому ими в предложении. Впрочем, кроме того, имеют они и своё собственное неизменное значение как отдельные формы. Определение этих форм составляет учение о категориях частей речи» (ч. 2, стр. 6).

¹ А. А. Шахматов, *Курс истории русского языка* (читан в СПб Университете в 1910/11 г.), литограф, издание, ч. 3: Учение о формах. М., 1844.

Конечно, эти мысли были подкреплены и углублены как воздействием Потебни и потебнианства (особенно Овсяннико-Куликовского) и влиянием современной Шахматову лингвистической мысли Запада (влияние Бругмана, Дельбрюка, Пауля, Вундта, Зигварта), так и собственным исследовательским опытом Шахматова. В «Очерке современного русского литературного языка» Шахматов, избегая теоретических проблем грамматики, даёт блестящий, оригинальный и глубокий анализ грамматических категорий в пределах имени существительного и глагола. Но центром грамматики для Шахматова был синтаксис. «Ввиду того, что язык в своих элементах зародился и развивался в составе предложения, ибо предложение является единственным способом обнаружения мышления в слове, — пишет в одном черновом отрывке Шахматов, — в основание изучения языка должно бы полагать ту науку, которая посвящена исследованию предложения, т. е. синтаксис... В результате расчленения предложения из него выделялись словосочетания, далее части речи, затем грамматические формы, сочетания звуков и отдельные звуки, наконец, слова и словообразовательные суффиксы. Таким образом, учение о языке могло бы, начинаясь с синтаксиса предложения, переходить последовательно к синтаксису словосочетаний, синтаксису частей речи, учению о грамматических формах, учению о звуках, учению о словообразовании и учению о словарном составе»¹.

Систему синтаксиса Шахматов возводит на описательно-психологическом и структурно-семантическом фундаменте. «При определении синтаксических явлений и категорий нет необходимости справляться всякий раз с вопросом об их происхождении: они должны быть прежде всего определены с точки зрения современного их употребления и значения»². Однако принцип исследования психологических оснований и психологического генезиса грамматических фактов в теории Шахматова не вполне примирён с свойственным этому учёному историзмом. Психология и история языка в синтаксическом учении Шахматова борются между собой. «Всякая выработанная система, — пишет Шахматов, — отразила бы на себе этапы исторического развития, а они отделили бы её от основания — человеческой психики. Ввиду этого нам приходится ограничиваться анализом явлений самого языка и уже по ним делать те или иные заключения о некоторых психологических основаниях этих явлений»³. Однако психологические предпосылки теории сказываются не только в терминологии, но и в освещении основных грамматических понятий. Тем не менее психологические рассуждения Шахматова при изложении его учения о категориях слов в некоторых случаях можно без ущерба элиминировать.

С. И. Бернштейн⁴ совершенно правильно отметил и определил своеобразие шахматовского психологизма. «Шахматов твёрдо стоял на той точке зрения, что язык представляет собой систему психических окаменелостей — шаблонов, в которых застыли психические образования. Он часто цитировал слова Н. Paul: «Грамматическая категория есть оцепеневшая категория психологическая...» Шахматов, подобно Потебне, рассматривает психические явления лишь в их результатах как субстрат грамматических форм; он изучает выработанные языком клише и определяет отразившиеся в них психические образования только в целях классификации» (стр. 228, 229). С школой Потебни Шахматова роднило и глубокое, основанное на признании приоритета семантики над морфологией, понимание грамматической формы как выражения грамматической категории. Для Шахматова в содержание «грамматической формы» входили не только формы словоизменения и словообразования, не только порядок слов, ударение, интонация, но и служебные слова и даже корни слов в той мере, в какой они выражают не вещные, реальные, а «сопутствующие грамматиче-

¹ «Синтаксис русского языка», вып. II, стр. 195. ² «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 74. ³ «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 11.

⁴ С. И. Бернштейн, Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова, «Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. наук», т. XXV.

ские представления» (там же, стр. 226). Однако «Шахматов решительно восстал против намеченного Потебней отождествления определений частей речи с определениями членов предложения» (там же, стр. 224). В некоторых вопросах Шахматову был ближе Овсяннико-Куликовский, чем Потебня. Поэтому, «признавая принципиальный примат предложения в том смысле, что только в предложении развиваются грамматические категории, Шахматов тем не менее далёк был от того, чтобы, вслед за Потебней, считать изолированное слово «искусственным препаратом»: «вместе с Овсяннико-Куликовским он рассматривает слово как самостоятельный элемент речи» (там же, стр. 220).

Шахматов не даёт определения слова, но легко реконструировать это определение на основе отдельных его высказываний. Для Шахматова слово — это единица языка, являющаяся сложным комплексом реальных и грамматических значений и соответствующим образом фонетически и морфологически организованная. Грамматика, по мнению Шахматова, должна рассматривать слово, исходя из той структуры его, которая сложилась в предложении как единице речи, представляющей собой грамматическое целое и служащей для словесного выражения единицы мышления. Часть речи — это «слово в его отношении к предложению или вообще к речи»¹. Шахматов усиленно подчёркивает, что один «морфологический принцип деления частей речи не может выдержать критики» (там же, стр. 5), что «морфологические признаки отнюдь не составляют сами по себе основания для различения частей речи», хотя в русском языке «части речи могут различаться морфологически, т. е. слова, относящиеся к одной части речи, могут отличаться или самым своим строением или способностью изменяться по грамматическим категориям от слов, относящихся к другим частям речи» (там же, стр. 1). Однако «между словом и принадлежностью его к той или другой части речи... нет обязательной необходимости в данной форме слова», и «одни части речи могут переходить в другие, не изменяя своей формы» (там же, стр. 8). Морфологические признаки могут сочетаться с синтаксическими и семантическими свойствами в структуре слова и подкрепляться ими, но могут и вовсе отсутствовать. Тем не менее, «смешать одну часть речи с другой невозможно» (там же, стр. 4). «Некоторые категории вообще не находят для себя морфологического обнаружения, а некоторые, обнаруживаясь в одних частях речи, не имеют внешнего обнаружения в других» (15). Поэтому при определении частей речи с конструктивной точки зрения синтаксические и семантические признаки должны доминировать над морфологическими. Например, «определять существительное, как склоняемую часть речи, было бы несогласно с создавшимися в языке отношениями» (5), так как «рядом с существительными склоняемыми в русском литературном языке известны и несклоняемые существительные {*какао, бюро, визави, амлуа*}» (4—5). «Неправильно было бы определять прилагательное как часть речи, изменяющуюся по родам, так как по родам изменяются и глагольные формы прошедшего времени на -л» (5). Все эти положения своим остриём направлены против Фортунатова и его школы (против голого морфологического принципа классификации слов, выдвинутого ещё биологистом Шлейхером). Шахматов решительно разрывает узы фортунатовской системы. Он оригинально сочетает принципы потебнианства с психологизмом Сведелиуса² и Вундта и с собственными грамматическими разысканиями.

Для учения Шахматова о частях речи опорными пунктами служат классификация представлений, лежащих в основе языка, и система грамматических категорий, находящихся для себя в данном языке морфологическое или синтаксическое выражение. «Самое содержание учения о частях речи составляет, между прочим, ' «Синтаксис», вып. II, стр. 1.

¹ Под влиянием трактата S v e d e I i u s («L'analyse du langage appliquee a la langue francaise, Upsala, 1897) сложилась в синтаксической системе Шахматова теория коммуникации (см. ссылку в «Синтаксисе», I, I).

определение грамматических категорий в их отношении к частям речи¹. Грамматическая категория — это «представление об отношении (к другим представлениям), сопутствующее основному значению, вызываемому словом» (там же). Грамматическая категория, хотя обычно и проявляется в морфологических особенностях слов, но вполне познаётся лишь в синтаксисе. «Реальное значение слова зависит от соответствия его, как словесного знака, тому или иному явлению внешнего мира; грамматическое значение слова — это то его значение, какое оно имеет в отношении к другим словам» (12). Итак, существенным признаком, отличающим части речи друг от друга, является связь каждой из них с определённым кругом грамматических категорий. Различение частей речи прежде всего обусловлено системой присущих каждой из них или соотносительных грамматических категорий. «Грамматические значения являются сопутствующими при одних частях речи, основными при других» (13). Но в языке есть и такие слова, «которые не только не представляют в своём значении сочетания основного значения с сопутствующим, относящимся к той или иной грамматической категории, но сами означают определённую грамматическую категорию, самостоятельную или несамостоятельную» (2). Так устанавливается один принцип различения частей речи. «Но имеются и более глубокие основания для такого различия — основания семасиологические, — пишет Шахматов (8), — различию частей речи соответствует различная природа наших представлениях». Правда, Шахматов должен был признать, что «прямого соответствия между нашими психологическими представлениями и частями речи установить нельзя» (9). Тем не менее, следуя психологической теории мышления, развитой Вундтом и Зигвартом, он считает необходимым при определении частей речи руководствоваться не только грамматическими признаками, но и психологическими различиями в природе представлений. В сущности, отсюда и начинается сближение теории Шахматова с синтаксической системой Овсяннико-Куликовского, сближение, разрушившее цельность и стройность шахматовского учения о частях речи.

«Представления» — под влиянием Вундта — начинают играть в концепции Шахматова иногда большую роль, чем «грамматические категории». «Представления наши распадаются на представления о субстанциях (предметах, лицах), качествах-свойствах, действиях-состояниях и отношениях» (2). Понятие «отношения» имеет в теории Шахматова двойной смысл. С одной стороны, грамматическая категория является представлением об отношении, правда, чаще всего сопутствующем основному значению слова. С другой стороны, представление об отношении в некоторых разрядах слов исчерпывает их реальное значение. Расширенное понимание термина «отношение» заставляет Шахматова вслед за Овсяннико-Куликовским включить в систему частей речи, как части речи незначительные, местоимения и числительные не по грамматическим, а исключительно по «семасиологическим» признакам. В самом деле, местоимения, по словам Шахматова, «соответствуют не названиям субстанций или свойств субстанций, а отношениям говорящего или субъекта предложения к субстанциям» (5). Впрочем, тут же (двумя страницами раньше) Шахматов определяет местоимение так: «Местоимение это та незначительная часть речи, которая, означая отношение, соответствует или названию субстанции или названию атрибута» (3). Поэтому в составе местоимений различают местоимения-существительные и местоимения-прилагательные (5), а местоименное наречие Шахматов выделяет даже в особую часть речи (3, 6). «Быть может, последовательнее было бы, — говорит Шахматов, — признать в качестве особых частей речи три местоименных класса: местоименное существительное, местоименное прилагательное и местоименное наречие» (6). Вместе с тем, Шахматов принуждён признать, что можно говорить о частичных грамматических отличиях местоимений только применительно к группе местоимений-существительных. Местоимения-

¹ «Синтаксис», вып. II, стр. 1.

прилагательные располагают такими же грамматическими категориями числа, рода и падежа, как и все прочие прилагательные (3). А «наречные местоимения отличаются от других наречий так же, как отличаются местоимения-прилагательные от прилагательных» (6). Таким образом, местоимения оказываются грамматически не соотносительными с другими частями речи.

По мнению Шахматова, следующего и здесь за Овсяннико-Куликовским и грамматическими концепциями первой трети XIX в., «тесно связано с местоимением и числительное, отличаясь от него, однако, тем, что означает исключительно числовые отношения» (5). Эта аналогия класса числительных с местоимениями побуждает Шахматова ввести в определение числительных характерное указание на субъективный (или субъективный) характер семантики числительных: «Числительное — это та незначащая часть речи, которая, означая числовые отношения (с точки зрения говорящего лица или субъекта предложения), соответствует или названию субстанции или названию атрибута, причём обнаруживающиеся при известных условиях категории рода и падежа заимствуются от сочетавшихся с числительными имён существительных» (3—4). Числительное «включает в себя все три местоименных класса», т. е. может быть существительным, прилагательным и наречием: «числительными-существительными назовём слова, как *двое, пятеро, поп*, равно также *десяток, сотня, дюжина, пара* и т. п.; числительным-наречиям — слова как *два, три, пять* и в счёте и в сочетаниях срод. ед. или род. мн. существительных, так же слова, как *пятью, дважды, вдвое, впятером*; числительным-прилагательным — слова, как *двум, трём, пяти, сорока* и т. д. в сочетании с косвенными падежами существительных, а также числительные порядковые» (6). В главе о числительных («Синтаксис», вып. II, стр. 91—93) Шахматов идёт ещё дальше в грамматическом перераспределении числительных. Он различает в составе числительных: 1) определённо-количественные местоимения; 2) определённо-количественные наречия и 3) определённо-количественные существительные. К определённо-количественным местоимениям относятся все те числительные, которые, сочетаясь с существительными, заимствуют свою падежную форму от существительных (например, косвенные падежи количественных числительных, порядковые прилагательные).

Наречиями Шахматов считает не только формы вроде *дважды, трижды, раз, пятью* или *двое, вдвоём*, но и числительные в сочетании с род. падежом существительного {*два стола, пять стульев*) и числительные вне сочетаний с существительными {*два да три будет пять* и т. д.).

Все эти цитаты показывают, что ложно понятый семасиологический принцип различения частей речи в теории Шахматова ведёт к нарушению и разрушению морфологических граней между частями речи, и что формы синтаксического функционирования (иногда даже очень условного) и взаимоперехода частей речи Шахматову представляются нередко более существенными показателями категорий, чем морфологические особенности слов.

Если интерпретация местоимений и числительных обнаруживает приоритет психологических и семасиологических предпосылок в системе Шахматова, то признание префиксов особой частью речи свидетельствует о нечётком понимании объёма и структуры отдельного слова. «Префикс, — пишет Шахматов, — означает ту служебную часть речи, которая включает в себя слова, дополняющие в сочетании с глаголами, прилагательными, наречиями значение этих частей речи в пространственном, видовом или количественном отношении» (4). В качестве примеров префикса можно указать в глаголах предложные приставки: *писать-приписать*, в именах прилагательных такие приставки, как *тре-}{треклятый}*, *пре-}{прекрасный, пречистый, пресивный}*, *наи-}{ниистрожайший}* и т. п.). Не подлежит сомнению, что признать особой «частью речи» префикс, который представляется Шахматову ещё сохранившим следы своей близости к наречию, можно лишь с исторической точки зрения. В современном литературном языке префикс от предлога качественно отли-

чается неразрывностью связи с основами слов: между префиксом и основой слова не может помещаться никакое самостоятельное слово, обладающее флексией.

Так выступает в фамматической теории Шахматова приём анахронистической оценки языковых фактов, вытекающий из своеобразного фамматического «историзма», но противоречащий структурным соотношениям слов в живой системе современного русского языка. Особенно ярко эта особенность шахматовской концепции проявляется в изображении объёма и содержания категории наречия. Деля все части речи на три основных разряда: *знаменательные* (существительные, прилагательные, глагол и наречия неместоименные и нечислительные), *незнаменательные* (местоимение и числительное) и служебные (предлог, связка, союз, префикс, частица), Шахматов видит в наречии подвижной элемент, циркулирующий во всех трёх разрядах и являющийся соединительным, промежуточным звеном между ними. В самом деле, наречие отличается от всех других знаменательных и незнаменательных частей речи своим отрицательным определением. Оно «само по себе не соответствует никакой фамматической категории» (6), «не обнаруживает в своей форме связи с фамматическими категориями» (3), хотя «мыслится неизменно в сочетании с представлениями о действии-состоянии или качестве-свойстве, вызывает представление о бытии-состоянии» (3)¹. Отсутствие определённых фамматических категорий (кроме степеней сравнения) в составе наречия, а также целый ряд историко-фамматических соображений открывают Шахматову возможность расширить объём наречия до таких пределов, что очертания этой части речи расплываются в этимологическом и синтаксическом тумане. Шахматов, вопреки другим фамматистам, глубоко и тонко постигает важное значение наречия в фамматической системе современного русского языка. По его мнению, наречие в известном смысле занимает центральное место в системе частей речи. «По существу своему наречие тождественно с прилагательным и отличается от него лишь отсутствием форм согласования». «Прилагательное — это сочетавшееся с существительными и ему уподобившееся в своей форме наречие» (6). Но наречие, в отличие от прилагательного, «переходит при благоприятных условиях в служебные части речи, т. е. предлог и союз, оно занимает таким образом середину между прилагательным, с одной стороны, служебными частями речи, с другой» (там же). «Разфаничение наречия от предлога и союза не так просто, ввиду возможности употребить наречие в качестве предлога и в качестве союза» (ср. *после* — наречие и предлог; *где, куда* — наречие и союз). Части речи подвижны, и наречие — это промежуточная станция на пути фамматических превращений всех частей речи. «Наречием становится существительное в именительном и косвенных падежах, когда получает в предложении значение обстоятельства {*пора вставать, грех сказать, шутка сказать*}» (7). «Об адвербиализации свидетельствует морфологический состав наречий, в составе которых найдём существительные и притом не только в косвенных падежах, но и в именительном {*жаль, дома, вечером, наспех*}, прилагательные {*живо, бойко*}, глаголы {*бывало, мол, будет, знать, кажись, кажется*}, деепричастия, местоимения {*много, сколько, что-то, оттого*}» (94). Связь наречий с служебными частями речи, а также вытекающее из сопоставлений с прилагательным своеобразное понимание семантики наречия как отвлечённого обозначения признаков, т. е. признаков, отвлечённых от представлений о субстанции, побуждают Шахматова усмотреть и в содержании наречия, между прочим, значение отношения, «представление об отношениях, мыслимых не атрибутивно, а обстоятельственно» (94). Так устанавливается близость наречия и к незначающим частям речи (местоимению и числительному), тоже означающим «представление об отношениях».

¹ Впрочем, в другом месте того же выпуска «Синтаксиса» Шахматов пишет: «Наречие вызывает категорию бытия или наличности; кроме того, оно вызывает представление о субъективной оценке (*скоренько, маленько, премного*), а также о сравнительной степени, противопоставляемой положительной и превосходной (*низко, низке, нажайше*)» (14).

Отвлечение признака от субстанции, характерное для обстоятельственных отношений, не препятствует сочетанию такого признака с другим признаком. «Таким образом, наречие может быть определено, во-первых, как отвлечённое название признака и отношения, во-вторых, как название признака и отношения в их сочетании с другими признаками. Отсюда тесная связь наречия с другими частями речи, переход их в наречие, их адвербиализация» (94). Изображение роли наречий в системе частей речи у Шахматова, быть может, является отголоском старых грамматических теорий. Во всяком случае, характерно сближение Шахматова в этом пункте, с одной стороны, с Буслаевым (ср. его характеристику промежуточного положения наречия среди «знаменательных» и «служебных» частей речи), с другой стороны, с Потебней¹.

Эта картина функционирования наречий ярка и эффектна. Но в ней нарушена грамматическая перспектива. Руководствуясь при отнесении слов к категории наречия преимущественно семасиологическими и психологическими предпосылками², Шахматов помещает в разряд наречий и вводные слова (*кажется, вероятно, может быть, небось, авось* и т. п.), и междометия (*чу, баста, шабаши*), и частицы, и слова из категории состояния (*боязно, морозно* и т. п.). Впрочем, Шахматов догадывается о существовании в современном языке особой категории состояния, говоря о «наречиях бытия, состояния, глагольных» (95).

Уже по этим иллюстрациям можно судить о сильных и слабых сторонах шахматовской теории частей речи. Слабость грамматической позиции Шахматова — в психологическом теоретизировании, в произвольности семасиологических критериев при расчленении грамматических понятий, в перенесении языковых фактов и соотношений из прошлых эпох на почву современности, в грамматических анахронизмах. Сила — в непревзойдённой глубине анализа грамматических категорий (здесь Шахматов, следуя за Потебней, превосходит его остротой и широтой индуктивных сопоставлений и выводов), в своеобразной динамической точке зрения на природу грамматических явлений. Учение Шахматова о грамматических категориях преодолевает системы Вундта и Потебни, отличаясь от них «более тонкой разработкой, основанной на психологическом развитии и распространении понятия «сопутствующих представлений», которое современные синтактисты — например Delbrück, — вслед за греческими грамматиками, применяют только к категориям рода, числа и падежа»³. Анализ существительных и присущих им грамматических категорий — классический образец применения шахматовского грамматического метода.

Шахматов не устанавливает новых частей речи по сравнению с традиционной их схемой. Но части речи в концепции Шахматова являются живыми, динамически-

¹ П о т е б н я, «Из записок по русской грамматике», ч. I, стр. 120—124; тут же исторические сооб-

ражения о префиксах, которые могли послужить источником изложенной выше концепции Шахматова.

Ср. в «Опыте общесравнительной грамматики русского языка» (изд. 2-е, СПб, 1853): «Наречие занимает

середину между знаменательными и служебными (частями речи): оно иногда выражает понятие, напри-

мер: *дома, верхом, хорошо*; иногда отношение, например, *здесь, там*. Посему наречие можно назвать

з н а м е н а т е л ь н о - с л у ж е б н о ю частью речи» (стр. 64). Ср. т а м же (стр. 205): «В языке каждое понятие выражается с л о в о м : отношения понятия к другому понятию и к лицу гово-

рящему означаются частью ф о р м а м и слов, часто о с о б ы м и с л о в а м и . Наречия занима-

ют середину между этими двумя родами слов: образовавшиеся из имён существительных принадлежат к

знаменательным словам, или к словам понятий, а происшедшие от местоимений и числительных имён

относятся к служебным: поэтому наречие можно назвать частью речи з н а м е н а т е л ь н о - с л у ж е б н о ю .

В новейшей лингвистической литературе ср. O. J e s p e r s e n, *Philosophy of Grammar*, London, 1924, стр. 87—90.

² Характерно в этом смысле определение «обстоятельства» как сферы синтаксического функциони-

рования наречия: «Обстоятельство есть самостоятельное представление, поставленное в зависимость от

представления о действии-состоянии или качестве-свойстве» («Синтаксис», вып. II, стр. 94).

³С. И. Б е р н ш т е й н, Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова, стр. 224.
Ср. учение о сопутствующих значениях у А. А. Д о б и а ш а, Опыт симазологии частей речи и их формы... Прага, 1899.

ми, переходящими друг в друга и смешивающимися друг с другом грамматическими группами слов. Каждая часть речи выступает во всём многообразии форм своего речевого функционирования. «Существительное может перейти в числительное. Ср. наши *пять, шесть, десять* и т. п., которые по происхождению являются существительными женского рода» (8). Существительное может стать местоимением (ср. *друг друга, человек, люди* — в особом «прономинальном» значении). Через посредство наречия существительное может превратиться в предлог и союз (например, *раз* — в условном значении.). Существительное может иметь степени сравнения, превращаясь в прилагательное (ср. *французее* в письмах Льва Толстого). С другой стороны, «перейти в существительное может всякая часть речи, в функции подлежащего или дополнения» (например, у Лескова: *я хил, стар и отупел от всех оных, ^лочки*". «Соборяне», I, 5; *Она располагала отложить основательное наслаждение до после-чаю*. Чернышевский, «Что делать?», II, 17 и др.). Субстантивация прилагательных общеизвестна.

Кроме имени существительного, Шахматов подверг глубокому анализу глагол, связанные с ним грамматические категории лица, времени, наклонения, вида, залога и «скрещенные» глагольные части речи — причастие, деепричастие и глагольное междометие (*стук, двиг, толк, бух* и т. п.). Конечно, инфинитив в системе Шахматова является не особой частью речи, а формой глагола. «Это наиболее общее название глагольного признака» (43), «название глагольного признака «простое», «не обо-сложненное» никакими «сопутствующими представлениями» (42—43).

Характерной особенностью грамматических работ Шахматова является интерес к идиомам, к застывшим фразовым единствам как эквивалентам слов. Шахматов стремился увидеть в их употреблении отражение живых грамматических категорий и раскрыть механизм их сочетания с грамматическими понятиями. Вместе с тем, Шахматов, выдвигая среди формальных признаков грамматической категории и интонацию, полагал, что спаянность каждой части речи с определённой серией грамматических категорий ещё не исчерпывает проблемы функций и состава всех грамматических категорий, связанных с семантикой слова в современном литературном языке. Шахматов предполагал вслед за обзорением частей речи рассмотреть отдельно каждую из тех грамматических категорий, которые «обща нескольким частям речи» и «могут сопутствовать всякому вообще слову (например, категория вопроса)».

В заключение необходимо отметить, что тот глубокий и всесторонний анализ, которому подверг Шахматов систему грамматических категорий русского языка, является лучшей иллюстрацией и неопровержимым доказательством неразрывных структурных связей между грамматикой, семантикой и лексикологией¹.

¹ Сильное влияние грамматических теорий Шахматова на большую часть последующих лингвистических работ несомненно. Оно чувствуется и в третьем издании «Русского синтаксиса в научном освещении» проф. А. М. Пешкова, а также в ряде его статей (см. предыдущий параграф). Морфологические взгляды Шахматова на именное склонение воспроизведены с некоторыми видоизменениями в двухтомной работе С. П. Обнорского «Именное склонение в современном русском языке» (Л., 1927, 1931). Синтаксическая концепция Шахматова, несомненно, лежит в основе книги Е. С. Истриной «Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи» (П., 1922). Правда, в курсах Е. С. Истриной воззрения Шахматова, механически соединённые с другими теориями, растворились в очень неопределённой грамматической амальгаме: см. «Методику русского языка К. Б. Бархина и Е. С. Истриной» (М., 1934; изд. 3-е М., 1937), а также брошюру Е. Истриной «Современный русский литературный язык (Программа-задания для заочных пединститутов)» (М., 1933). Взгляды Шахматова развивает и П. Г. Стрелков: см. его «Синтаксис пермских сказок» (Пермь, 1930) и статьи: «К методологии грамматики» («Русский язык в сов. школе» № 6—7, 1931), «Синтаксис простого предложения в школьном преподавании» («Русский язык и литература в средней школе» № 3, 1934), «Части речи» («Русский язык и литература в средней школе» № 4, 1935). Ср. книгу Л. А. Булаховского «Курс русского литературного языка» (изд. 2-е, Харьков, 1936). О проникновении грамматических взглядов Шахматова в учебную литературу свидетельствует книга Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова «Русский язык. Учебник для педагогических техникумов», (М., 1934; изд. 3-е М., 1936). См. также действующую программу педагогических институтов по курсу современного русского языка.

16. Основы русской грамматики в освещении проф. А. И. Томсона

Фортуноватовской школе противостояли русские лингвистические течения, скептически относившиеся к шаблонному сравнительно-историческому методу формально-грамматического исследования с его прямолинейными схемами и безжизненными, абстрактными формулами и изучавшие живую речь под углом зрения психофизиологического натурализма или психологистического нормативизма.

Мимо вопроса о слове, о формах слова и о грамматических классах слов в русском языке не проходил ни один специалист по «общему языкознанию». Но оригинальны у большинства из этих специалистов только детали. Так, в «Общем языковедении» А. И. Томсона¹ проблема слова и предложения освещается близко к точке зрения Вундта. Из тех же психологических предпосылок исходит проф. Томсон, устанавливая, «формальные категории слов». Преобладает психолого-семантический анализ с оттенком абстрактного нормативизма. Для проф. Томсона важна при определении «частей речи» совокупность признаков, но под главенством категории «человеческого мышления». Проф. Томсон считает деление формальных принадлежностей на формы словоизменения (синтаксические) и формы словообразования (или основообразования) слишком прямолинейным и схематичным. «Одна и та же формальная принадлежность может быть одновременно и словообразовательной и синтаксической по значению, — пишет А. И. Томсон (316). Например: «Окончание *-ом* является не только признаком твор. пад., притом ед. ч., но и знаком муж. или ср. р. (*путём*); окончание *-ию* является признаком твор. пад., притом ед. ч. и жен. р. (*костию*); *-ов* обозначает род. пад., притом мн. ч. и вдобавок муж. р.; *-л* в глаголах признак прошедшего времени, с указанием на муж. р. и ед. ч. подлежащего и пр.» (315—31 б)². Томсон относит к синтаксическим формам и «формы залога, наклонения и времени в спряжении» (313). Таким образом, классификация слов по формам словоизменения признаётся односторонней и искусственной. Но Томсон лишь бегло коснулся вопроса о «формальных категориях» (имён существительных, прилагательных, причастий, глагола, наречий, связок, предлогов и союзов). Формальные категории слов в каждом языке изменчивы и подвижны. «Переход из одной категории в другую, между прочим, возникновение наречий из имён и глаголов, предлогов из имён и пр., продолжается и в историческое время» (ср. предлоги *вокруг*, *вперёд* и т. п.; союз *ведь* и т. п.). Он обусловлен функциональным замещением одних форм другими в предложениях. «Так, например, в *поездка сюда, он здесь, она богаче, чем брат, сюда* является определением, *здесь* и *богаче* — сказуемыми, равными прилагательными (ср. *она более богата... elle est plus riche, plus agee*), но не согласованы с существительным в числе, роде и падеже. В *на завтра* предлог относится к наречию. Впрочем, его и склоняют (*к завтраму... и пр.*)» (324—325).

В этих грамматических замечаниях о русском языке, иллюстрировавших в курсах общего языкознания теоретические проблемы лингвистики, нельзя не видеть импульсов к построению конструктивной грамматики русского языка, которая стояла бы на уровне западноевропейской лингвистической теории и практики.

17. Грамматические высказывания проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ

Проф. И. А. Бодуэн де Куртенэ не оставил законченной теории слова и грамматических категорий слов в русском языке. Но по отдельным указаниям его можно судить, что слово он понимал как целостную структуру, определяемую фонетически (или, вернее, фонологически: акцентом, звуковыми границами и фонематическим строем), морфологически (системой морфем и принадлежностью к свойственным тому или иному языку морфологическим типам), синтаксически (способностью быть «синтагмой») и семасиологически («ассоциациями из мира внеязычного»)³. Так как Бодуэн де Куртенэ в синтаксисе видел лишь «морфологию высшего порядка» (т. е. учение о морфологических типах синтагм, предложений и фраз), то, конечно, для него в понятии грамматической категории была существенна органическая связанность, совокупность признаков. Все грамматические категории, по Бодуэну, являются, согласно его психологистической концепции, непосредственной данностью коллективно-языкового сознания. «Все элементы языкового мышления, как фонетические, так и морфологические и семасиологические, укладываются сами собой в группы и разряды, — писал Бодуэн де Куртенэ. — Задача исследователя

¹ Изд. 2-е, Одесса, 1910.

² Ср. также: «падежные окончания множ. ч. в *столаы, столов, столам*, и пр., обозначающие обыкновено в индоевропейских языках одновременно и реальный признак мн. ч. и синтаксические падежные окончания» (316).

³ И. А. Б о д у э н де К у р т е н э, Введение в языковедение, изд. 5-е литогр. П., 1917, стр. 50, 52—53 и др. Ср. J. Baudouin de Courtenay, *Szkice je.zykoznawcze*, Warszawa, 1901.

состоит только в том, чтобы верно прочесть в душах человеческих, т. е. озарить светом научного сознания то, что в объективном психическом мире сложилось и существует помимо всякой науки»¹.

18. Проблема классификации слов в «Очерке науки о языке» проф. Н. В. Крушевского

Определить «законы» образования, жизни и движения тех систем или гнёзд и рядов, в которые слова укладываются в коллективно-языковом сознании, пытался ученик проф. Бодуэна де Куртенэ Н. В. Крушевский в своём замечательном «Очерке науки о языке». Естественно-научный уклон лингвистического мировоззрения не помешал этому учёному не только нарисовать необыкновенно яркую и тонкую картину функционирования и связи морфологических элементов в языковой системе, но и очертить семантические основы грамматической классификации слов. Считая основным законом развития языка «закон соответствия мира слов миру мыслей» и «вещей» (стр. 67, 68, 69), Крушевский заключает, что общие типы слов должны согласоваться с основными группами обозначаемых ими вещей и с системами понятий (108, 109). «Слова, обозначающие предметы, их качества, их действия или состояния и пр., отличаются друг от друга не только своим содержанием, но и своей внешнестью, своей структурой и, в известной степени, своими звуками» (68). «В языке всегда можно открыть известные типы слов и связь между отдельными типами, другими словами, можно открыть известные структурные семейства, системы типов» (108). «Наиболее выдающиеся» и наиболее «компактные», «тесные системы» описываются с древнейших времён под именем систем склонения и спряжения» (109, 120). «К этим двум системам грамматики часто прибавляют третью, изменение прилагательных по степеням (*motio*)» (109). «Но это не значит, что прочие системы менее важны только потому, что их не признают системами грамматики» (120). «Всё то, что известно в грамматиках под общим именем словообразования, представляет массу систем» (109). Таким образом, Крушевский выступает противником обособления «форм словоизменения» от «форм словообразования», защищая структурную полноту семантико-грамматических классификаций слов. Однако Крушевский, присоединяясь к критике традиционного учения о частях речи у Г. Пауля (*Prinzipien der Sprachgeschichte*, гл. XI по первому изданию, XX по четвёртому), сам ограничивается лишь некоторыми общими и мало оригинальными соображениями: «Более правильной классификацией была бы такая, по которой все слова делились бы на знаменательные — имя и глагол — и незнаменательные, служебные, или частицы разных степеней: первой степени, например, наречия, в которых элемент знаменательности ещё очень силён, второй — например, предлоги, которые гораздо менее знаменательны, и так далее до частиц, вроде русской *то...*, частиц вполне служебных, лишённых всякой знаменательности и самостоятельности» (ИЗ)³. Крушевского гораздо более интересовали принципы взаимодействия и взаимоперехода частей речи. Он интересовался словопроизводством глаголов, выдвигая тезис: «Если возникают какие-либо новые глаголы, то преимущественно отыменные» (ср. «замены» глагола *есть ем. завтракать, обедать, ужинать*) (там же). С другой стороны — имена пополняются элементами глагольной системы, которые, укрепившись в сфере именных образований, снова дают толчки к творчеству новых глагольных типов {гореть — горячий — горячить —

¹ «Введение в языковедение», стр. 61. Ср. у Л. В. Щербы в предисловии к описанию восточно-лужицкого наречия: «Описание это основывается исключительно на наблюдении живого произносимого языка, без привнесения каких-либо чуждых категорий, не имеющих оснований в психике говорящих, а следовательно, оно не имеет никакой исторической перспективы в обычном смысле этого слова» («Восточнолужицкое наречие», П., 1915, стр. XIX).

Казань, 1883.

³ Ср. «Опыт симазиологии частей речи» А. А. Добиаша.

горячительный; жить — житель — житьствовать и т. п.) (144). Между классами имён тоже нет непроходимой границы {*жить — жилой — жилец* и т. п.) (там же). Местоимения «развиваются из более знаменательных имён» (145). «Благодаря существованию общих типов, целые выражения превращаются в части речи» (например, *рукоприкладчик* из *руку прикладывать*) (там же). «Частицы... развиваются из слов знаменательных» (например, *ни на волос, ни крошечки, между тем как* и т. п.) (146). «Менее знаменательные частицы... получаются из более знаменательных» (например, *перед* из наречия *прежде* и т. п.) (там же). Итак, грамматические категории находятся в непрерывном движении. «История грамматических категорий сводится к их переинтеграции: одна категория развивается из другой» (там же). Но к самому процессу функционирования разных грамматических категорий в русском литературном языке Крушевский не успел подойти. Это сделал другой ученик Бодуэна де Куртенэ — проф. В. А. Богородицкий.

19. Учение о слове и грамматических классах слов в работах проф. В. А. Богородицкого

В. А. Богородицкий в учении о слове и о частях речи в русском языке также исходил из методологических принципов Бодуэна де Куртенэ, подчёркивая необходимость руководствоваться в определении грамматической категории не только «семасиологической стороной», но и «формальными особенностями». «Исследователю языка, — внушал вслед за своим учителем Богородицкий, предостерегая от «вымысла грамматиков», — нужно всегда помнить, что он должен стремиться к изучению речи в её действительности, поэтому он должен подвергать строгой критике всякое грамматическое учение, внимательно рассматривая, не следует ли отнести это учение, так сказать, к лингвистической мифологии» (там же, 223). В действительной структуре слова, по мнению проф. Богородицкого, органически объединены элементы материальные с формальными и материально-формальными (с формами словопроизводства и словосложения). «Словосложения», по Богородицкому, играют заметную роль и в морфологической системе русского языка как языка «смешанного» строения — и синтетического и аналитического. Так, у нас «сочетания предлогов с падежными формами чувствуются как цельные слова» (там же, 245). На основе всей этой совокупности данных, фонетических, грамматических и семантических, «образуются в уме морфологические системы (склонения, спряжения, словопроизводства и т. д.)» (там же, 247). Поэтому «необходимо рассматривать морфологический состав слов, как он чувствуется в современном языке, т. е. статически, а затем нужно исследовать морфологические элементы тех же слов также с точки зрения исторической» (там же, 259). «Слова по сходству морфологических систем группируются в части речи» (там же, 247). «Развитие системы частей речи совершалось в предложении» (там же, 303). Анализ частей речи приводит проф. Богородицкого к выводу о необходимости, рядом с именами существительными и прилагательными (включающими в себя имена числительные и местоимения, которые «встречаются также в двух модификациях — существительной и прилагательной») (там же, 300), ставить глаголы. К категории современного глагола (кроме всех форм лица, времени и наклонения) относится, конечно, и инфинитив. Ведь «ясно, что явления современного языка нельзя определять меркою прошлого» (там же, 300), тем более, что, по Богородицкому, теперь в «неопределённом наклонении» есть «оттенок лица» (там же, 300—301). В русском языке вполне обособилась и категория наречий, к которой близки деепричастия. От знаменательных частей речи отличаются частицы, которые «представляют в общем как бы окостеневшие формы, обособившиеся от своих систем и уже

— 'В. А. Богородицкий', Очерки по языковедению и русскому языку, изд. 3-е, Казань, 1910, стр. 229. Ср. там же анализ слова в гл. 17: «Введение в морфологию» (стр. 238—246).

не имеющие формальных различий» (ср. предлоги и союзы) (там же, 301—302).

В «Общем курсе русской грамматики» проф. Богородицкий дополняет, развивает и видоизменяет свои взгляды на вопросы морфологической классификации слов. Здесь мелькает, но в очень нерасчленённом, смутном виде, проблема форм одного слова (128—129³). В учении о частях речи рекомендуется «обратить внимание на соподчинение одних частей речи другим, что в школьных грамматиках обыкновенно игнорируется, причём все части речи ставятся на одну линию» (104⁵). Усиливается в системе Богородицкого логицизм (под влиянием Вундта и его теории предложения). Вводится новый критерий группировки слов: наличие и степень «собственного значения», степень самостоятельности. Это зависит от значений основы. Другие морфологические приметы скрещиваются и смешиваются с этим признаком. Прежде всего выстраиваются два «отдела» слов: 1) полнозначные, или слова собственным значением (иначе: «изменяемые части речи») и 2) словечки отношений или частицы (иначе: неизменяемые части речи). Из отдела полнозначных слов выделяется разряд слов самостоятельным собственным значением. Он распадается на три грамматические категории: 1) имя существительное, 2) глагол и 3) личное местоимение. Остальные полнозначные слова, обладающие меньшей степенью самостоятельности, распадается на две серии: относящиеся к существительному и относящиеся к глаголу. Первую группу составляют три категории: 1) имена прилагательные, 2) имена числительные, 3) местоимения определительно-указательные. Сюда же примыкают причастия. Вторая группа состоит из наречий и деепричастий. В словечках отношений, или в словах без собственного значения, более рельефно выступают, по мнению проф. Богородицкого, только две категории: предлоги и союзы. Остальные частицы, или частички самостоятельных категорий не образуют. Совсем отдельно стоят «восклицания, относящиеся к области эмоциональной» (междометия). Легко заметить, что в этой классификации (104—1 Об⁵) признаки семантические (значения слов) и синтаксические решительно возобладали над морфологическими. Анализ «семасиологической» и словообразовательной стороны категорий (особенно значений суффиксов в именах существительных и прилагательных и оттенков видовых значений в глаголах), вообще, наиболее интересен в грамматических работах проф. Богородицкого. Но упор на лексико-семантические различия слов и вытекающее отсюда пренебрежение к формальным признакам и формальным оттенкам словоупотребления сказываются не только в раздроблении грамматически однородных категорий — например, имени прилагательного, местоимения" определительно-указательных и причастий, не только в смещении и нарушении грамматической перспективы, но и в грамматической пестроте состава одной и той же категории. Например, к наречиям отнесены такие слова, как *значит, кажется, было, буде, знать* и т. п.

20. Проект реформы учения о слове и «частях речи», предложенный А. Н. Боголюбовым

Для иллюстрации той борьбы с лингвистическими традициями, которую вела бодуэновская школа, может служить статья «О частях речи», написанная рано умершим казанским лингвистом А. Н. Боголюбовым². Здесь выставляется требование «сохранения единства точки зрения» на слово и на речь вообще. Между тем, в лингвистических дисциплинах — в фонетике, морфологии, лексикологии, синтаксисе —

¹ — Изд. 3-е, Казань, 1911; изд. 4-е, Казань, 1913; изд. 5-е; М.—Л., 1935.

² Напечатана в «Сборнике статей в честь Д. А. Корсакова», Казань, 1912—1913 (есть и отдельные оттиски).

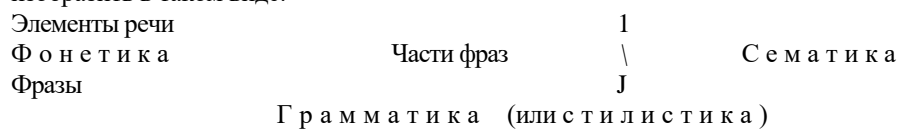
«меняется несколько раз точка зрения на изучаемые явления». Вместе с точкой зрения меняется и понимание основных объектов изучения — например — слова.

«Самое понятие «слова» очень неопределенно и расплывчато. С точки зрения фонетической, «слово» надо определить как отдельный такт речи, характеризованный ударением» (но ср. *по€ морю, по€ полю* и т. п.). «С точки зрения синтаксической словом будет всякий звуко-смысловой комплекс, который может быть отделён от следующих за ним «слов» другими словами» (ср. предлог *по* в выражении: *по синему морю*). С точки зрения морфологии и лексикологии, т. е. «с точки зрения реального значения», в выражениях: *по морю, по полю* и т. д. находится по одному настоящему, «знаменательному» слову, а при них стоят слова «пустые» (употребляя термин китайских грамматистов), «формально-грамматические», не слова, а словечки, частицы речи, а не части её. Став на эту точку зрения, морфология делит слова на неизменяемые и изменяемые — склоняемые и спрягаемые». «Но об изменении слов» или, как теперь принято выражаться, о «грамматической форме слов», — пишет Боголюбов, — можно говорить опять-таки только с точки зрения реального значения, т. е. с точки зрения лексикологии и семантики. Если в понятии «слова» не давать перевеса стороне семасиологической, а понимать «слово» как «единство звука и значения» (определение Потевни), то нам уже не придётся говорить об «изменении слов» или об их «формах»: *палк-а, палк-у, палк-ой* будут уже разные «слова», хотя связанные между собой единством основной части; они звучат по-разному, и этой звуковой разнице соответствует разница значений — в данном случае разница той роли, которую эти слова могут играть во фразе». При морфологической точке зрения на слово как на «единство морфологических частей», так называемые формы изменения одного слова окажутся тоже разными словами: «Раз мы видим, что вторые слагаемые (т. е. окончания) разные, то должны признать, что и суммы будут разные». В синтаксисе выступает «новая точка зрения на слово как на член предложения». Таким образом, традиционная лингвистика колеблется между разными точками зрения на слово, на речь вообще. Боголюбов находит, что «процесс речи, действительно, представляет разные стороны», «только эта разносторонность речи «не совпадает с её разложимостью на «предложения», на «слова», на «звуки». Боголюбов различает т р и т о ч к и з р е н и я на речь: ф о н е т и ч е с к у ю , приводящую к понятию «элемента речи» (фонемы и сочетания фонем) и тесно связанную с грамматическим изучением речи; с е м а т и ч е с к у ю и с т и л и с т и ч е с к у ю .

«Сематическая» точка зрения открывает в языке отражение реальной действительности. «Знаменательным словам» и фразам речи соответствуют реальные явления и события. Семантика рассматривает элементы речи, слова и фразы «в их отношении к действительности, которая является, так сказать, сказуемым речи» (9). Перед лингвистом возникает задача «разобраться в отношениях между речью и действительностью, между частями речи и частями действительности» (10). Ведь «действительность, насколько она фигурирует в нашей речи, является необходимой частью этой речи» (10). Однако действительность отражается в языке, по словам Боголюбова, в «стилизованном виде». «Эта стилизация является необходимым условием существования языка: если бы каждое из явлений действительности имело своё особое обозначение в языке, то мы не имели бы языка в нашем смысле, а имели бы собственно две действительности, одну более реальную, а другую менее реальную; язык в таком случае не был бы выражением и средством людского общения, не был бы тем социальным орудием, каким он теперь является» (II). На самом же деле действительность и идеология социальной среды отражаются в языке, преломляясь через «языковую технику». Части нашей речи обозначают «общие для членов данной языковой группы attitudes по отношению к явлениям действительности и только косвенно могут обозначать самые эти явления. Отсюда происходит типичность частей речи и их обобщающий характер» (II).

Так, кроме фонетики и семантики, выступает ещё и стилистика, «сторона языковой техники». По словам Боголюбова, «это рассмотрение языковой техники принято обозначать именем грамматики». В той грамматике, которая предносится Боголюбову, отпадут логистические (или «интеллектуалистиче-ские») понятия предложения, предиката, субъекта, связки и т.п. (11). «Предметом грамматики будет рассмотрение сложного состава речи и отношений между её частями, — фразами, частями фраз, элементами, — с точки зрения языкового стиля». Грамматика «должна рассматривать фразы данного языка в данное время как фонетически характеризованные и стилизованные обозначения событий действительности, в их взаимоотношении и возможной связи друг с другом в речи; затем — части фраз как обозначения отдельных, так сказать, коэффициентов, из взаимодействия которых слагаются эти события, в их отношениях друг к другу и к целым фразам, и, наконец, элементы речи, в их обычных сочетаниях и в их отношениях к частям фраз».

Таким образом, получается лингвистическая система, которую можно схематически изобразить в таком виде:

¹ Боголюбов напоминает, что деление слов на *nomen*, *verbum*, *particula* введено испанцем Sanctius'ом в конце XVI в. и было заимствовано им из арабской грамматики.

² Очень любопытно частичное совпадение с мыслями Боголюбова тезиса о «технизации» языка в интересной статье В. И. Абаева «Язык как идеология и язык как техника» («Язык и мышление», II, 1934).

Так определялись молодым лингвистом задачи грамматики как учения о частях речи и об отношениях между этими частями. Но этот революционный проект не нашёл сочувствия в среде других продолжателей бодуэновских реформ.

Схема Боголюбова, опирающаяся на теории античных грамматиков¹, страдает неопределённостью. Особенно неясны состав, содержание и границы с е м а т и к и и с т и л и с т и к и в понимании Боголюбова. Основные грамматические и семантические категории, которые, по замыслу Боголюбова, должны соответствовать органическим единствам самого языка, автором не только не описаны, но даже не намечены в общих контурах. В концепции Боголюбова звучат здоровые ноты протеста против шаблонов традиционной грамматики. Однако новый архитектурный план грамматики, предложенный Боголюбовым, в деталях не продуман и — от излишней полемичности — грешит схематизмом, который ведёт к опасным грамматическим каламбурам (вроде нового значения термина «части речи»),

21. Концепция «частей речи» и форм слова в работах проф. Л. В. Щербы

Из учёных бодуэновской школы ближе, теснее всего подошёл к проблеме слова и грамматических категорий слов проф. Л. В. Щерба. В его диссертации «Восточно-лужицкое наречие»² рассеяно много отдельных ценных замечаний по этим вопросам. Показательны и сами приёмы описания и группировки грамматических фактов. Но концентрацией взглядов проф. Щербы в этой области применительно к русскому языку является статья «О частях речи в русском языке»³.

Прежде всего Щерба выдвигает вопрос о формах одного слова, различая понятия — формы слова и производные слова⁴. Правда, принципиального обоснования эта проблема у Щербы не получает⁵. Но Щерба иллюстрирует свою мысль о формах слова несколькими примерами. Так, для «естественного языкового чутья» говорящих на русском языке *идти* и *иду* являются формами одного и того же слова⁶. Указывая на возможность выражения форм лица в глаголе префиксами, Щерба приводит в пример русские формы прош. вр. *я любил, ты любил, он любил* и пишет: «Полный параллелизм этих форм с формами *praesentis*: *я люблю, ты любишь, он любит*, одинаковость синтаксических связей, отсутствие таких форм, как *любилый* и т. д. — все это обуславливает восприятие всех этих форм как форм одного и того же слова, глагола *любить*» (там же, 7). «Теперь понятно, почему инфинитив, причастие, деепричастие и личные формы признаются нами формами одного слова — глагола» (20). «*Предобрый*, конечно, будет формой слова *добрый*, *сделать* будет формой слова *делать*, но *добежать* едва ли будет формой слова *бежать*, так как самое действие представляется как будто различным в этих случаях» (19). Вместе с тем, Щерба признаёт в языке «случаи неясные, колеблющиеся». «Так, будет ли *столик* формой слова *стол*? Это не так уж ясно» (там же). Некоторые случаи дифференциации форм, уже ставших разными словами, кажутся ещё хранящими отпечаток прежней связи. «Такие слова, как *худой* и *худо*, мы очень склонны считать формами одного слова, и только одинаковость функций слов типа *худо* со словами вроде *вкось*, *наизусть* и т. д. и отсутствие параллельных этим последним прилагательных создают особую категорию наречий и до некоторой степени отделяют *худо* от *худой*» (19).

¹ См., например, Демокрит в его фрагментах в свидетельствах древности», М., 1935, стр. 328—336. ³ П., 1915.

³ «Русская речь», новая серия, II, 1928.

⁴ «Восточнолужицкое наречие», стр. 75—142.

⁵ Сопоставление производных слов и форм одного слова с *Abweichungsnamen* и *Uebereinstimmungsnamen* O. D i t t g i c h (Probleme der Sprachpsychologie, Lpz., 1913; см. ссылки у Щербы в приложении к «Восточнолужицкому наречию» под заглавием «Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений», тезис 4, и в статье «О частях речи в русском языке», стр. 19) едва ли подводит к решению вопроса. Определение же формы слова у Щербы явно недостаточно: «Под формами слова в языке ведении обыкновенно понимают материально разные слова, обозначающие или разные оттенки одного и того же понятия, или одно и то же понятие в разных его функциях» («О частях речи в русском языке», стр. 19). Неразграниченность грамматических и лексических признаков в этом определении очевидна.

⁶ «О частях речи в русском языке», стр. 19.

Система форм одного и того же слова — величина исторически изменчивая. Некогда разные слова могут стать формами одного слова¹, и, наоборот, формы одного слова могут распаться на разные слова. «В истории языков наблюдаются тоже передвижения в системах форм одного слова. Так, образования на -л-, бывшие когда-то именами лица действующего, вошли в систему форм славянского глагола, сделались причастиями, а теперь функционируют как формы прошедшего времени в системе глагола (*захудал*); эти же причастия в полной форме снова оторвались от системы глагола и стали прилагательными (*захудалый*)» (19).

На фоне этого учения о формах слова изменяется само понимание грамматической классификации слов. Задача лингвиста — определить по совокупности морфологических, синтаксических и семантических данных, на основе тесной, неразрывной связи смысла и всех формальных признаков, ту «общую категорию», под которую «подводится то или иное лексическое значение», установить, «какие общие категории различаются в данной языковой системе» (6). Внешним выражением активно-различаемых в языке категорий может быть система «самых разнообразных» формальных признаков — п о л о ж и т е л ь н ы х («изменяемость» слов разных типов, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, интонация, порядок слов, особые вспомогательные слова, синтаксическая связь и т. д.) и о т р и ц а т е л ь н ы х (например, «неизменяемость» как противоположение «изменяемости») (6, 7). Щерба не видит «никакой пользы в выделении, среди прочих признаков, формальных морфем в особую группу» (7) (ср. классификацию слов в фортунатовской школе по формам словоизменения). Вследствие этого «становится ясным, что материально одно и то же слово может фигурировать в разных категориях: так, к р у г о м может быть или наречием, или предлогом» (8). Иными словами: морфологическая тождественность форм одного слова, при наличии других более существенных дифференциальных формальных признаков, например, синтаксических, не препятствует им входить в разные грамматические категории. Но этот чрезвычайно важный для понимания грамматической системы современного русского языка вопрос в работах Щербы не подвергся углублённому исследованию. Его решение неразрывно связано с изучением принципов объединения и разъединения форм в структуре разных семантических типов слов. Между тем, проблема форм слова Щербой не освещена в достаточной мере. Отсюда у Щербы возникают некоторые очень субъективные деления в системе категорий современного русского языка, его «частей речи». Например, едва ли следует создавать особые категории с о е д и н и т е л ь н ы х , п р и с о е д и н и т е л ь н ы х и с л и т н ы х с о ю з о в (XII, XIII и XIV в классификации Щербы). Не подлежит сомнению, что только недостаточная определённости в вопросе о формах слова заставила Щербу функциональные подразделения внутри одной категории сочинительных союзов³ признавать за три особые категории слов³. Характерно, что лексический состав всех этих трёх разрядов почти однороден (*и, или, да* и т. п.). Ошибочность грамматического истолкования этих слов у Щербы объясняется тем, что формальные отличия в синтаксическом функционировании одного слова (оттенки интонации, паузы) он счёл за структурные признаки разных категорий слов. Между тем, объём форм слова в русском языке различен у разных категорий слов. Особенно широк он у так называемых служебных слов. Таким образом, в грамматической теории Щербы

¹ В качестве примера Щерба ссылается на «процесс втягивания отглагольного существительного

в систему глагола», описанный в книге «Восточнолужицкое наречие», стр. 137.

² Ср. также тезисы доклада Л. В. Щ е р б ы о формальном направлении грамматики («Родной язык в школе», кн. I, 1919—1922, стр. 94—95).

³ Ср. статью Л. В. Щ е р б ы о союзе *и* в «Словаре русского языка», изд. Академии наук, т. IX, вып. 1, изд. 7-е, 1938.

¹ В связи с этим необходимо внести ограничение в критерий, выставляемый Щербой («О частях речи в русском языке», 6), что «функция слова в предложении является всякий раз наиболее решающим моментом для восприятия» (но не для признания самостоятельной категории. — В. В.).

(вследствие недостаточной определённости в вопросах о формах слова, о формальных вариациях слова внутри одной категории и о формальных признаках разных категорий) поставлены в одну плоскость, расположены в одной параллели языковые категории разного порядка и разных степеней общности. Например, как уже было в своё время мною указано Л. В. Щербе, нельзя ставить категорию вопросительных слов рядом с наречиями, да едва ли и вообще можно из вопросительных слов делать особую «часть речи» в принятом грамматикой смысле этого термина¹.

Вместе с тем, совершенно правильно отмечая относительность формальных признаков той или иной категории и даже возможность их количественного убывания, частичного отсутствия у отдельных словесных групп внутри одной категории, Щерба приходит, несомненно, к опасному для грамматики принципиальному положению: «Если в языковой системе какая-либо категория нашла себе полное выражение, то уже один смысл заставляет нас подводить то или другое слово под данную категорию» (8). И сам Щерба испытал на себе всю относительность этого принципа. Так, совершенно правильно указав на формирование в современном русском языке категории состояния, он относит (по-видимому «по одному смыслу») к этой категории такие явно неподходящие слова, как *в сюртуке, без чувств* и т. п. (18).

Под влиянием этого семантического либерализма вся система категорий в статье Щербы имеет несколько развинченный вид. Отсутствует классификационная перспектива и последовательность в принципах деления. Например, неясно, в каком отношении к таким «частям речи» (?), как междометие, находятся категории имён существительных, имён прилагательных и т. п.

Точно так же едва ли можно рекомендовать в качестве грамматического принципа убеждение Щербы о том, что, если в его системе «некоторые слова никуда не подойдут, — значит они действительно не подводятся нами ни под какую категорию». По мнению Щербы, «таковы, например, так называемые вводные слова, которые едва ли составляют какую-либо ясную категорию, между прочим, именно из-за отсутствия соотносительности. Разные усилительные слова, вроде *даже, ведь, и* (= даже), слова отчасти союзного характера, вроде *итак, значит* и т. п., тоже никуда не подводятся нами и остаются в стороне. Наконец, никуда не подводятся такие словечки, как *да, нет*» (8). Конечно, классификационное объединение и разделение так называемых служебных слов — дело трудное, но необходимое, так как в русском языке формы синтаксических связей и семантических соотношений между словами в синтагмах (а следовательно, и слова, осуществляющие эту связь) функционально разграничены и обособлены.

Что же касается «вводных слов», то они могут не соотноситься с теми категориями слов, которые выбраны Щербой (хотя и тут они соотносительны с наречиями и категорией состояния, например, *видно, естественно, несомненно*). Но не будет ничего удивительного в том, что вводные слова окажутся принадлежащими к особому семантическому классу слов. Ведь Щерба исходит из предпосылки, что все слова с семантической точки зрения качественно однородны (кроме разве знаменательных и служебных слов). Поэтому он все части речи выстраивает в одну линию. Между тем, мысль о принципиальных структурных различиях разных семантических типов слов, издавна свойственная многим лингвистическим теориям, не лишена оснований.

Статья Щербы, несмотря на её эскизный характер и принципиальные недочёты, оказала сильное освежающее влияние на русскую грамматическую традицию.

22. Итоги обзора грамматических учений о слове и классах слов

Сопоставляя грамматические труды русистов разных школ с конца XIX в., приходится признать, что в сфере учения о слове и о грамматических категориях слов, на почве русского языка, достигнуты большие результаты. Правда, эта разнообразная работа лингвистической мысли до сих пор остаётся расплывчатой.

¹ См. поправку Л. В. Щербы в «Русской речи», новая серия, III, 1928, стр. 94.

Она не синтезирована. Большая часть её несомненных достижений ещё не вошла ни в научно-педагогический, ни в широкий общественный оборот. Кроме того, по количеству конкретных фактов, по степени охвата живого литературно-языкового материала, по стилистической тонкости и глубине его освещения, по последовательности в приёмах дифференциации живых и пережиточных, «нормальных» и индивидуальных, групповых, вообще не соответствующих господствующей литературной норме языковых явлений, лингвистические исследования последнего времени, касавшиеся морфологии современного литературного языка (кроме трудов Потебни, Шахматова и немногих других лингвистов), уступают грамматическим исследованиям до 60-х годов (например, исследованиям Востокова, Греча, Павского, отчасти Буслаева, Аксакова и др.).

Однако в сфере основных грамматических проблем проделана громадная подготовительная работа.

1. Подготовлен материал для всестороннего описания грамматической структуры разных типов слов в современном русском литературном языке (в трудах К. Аксакова, Потебни, Шахматова, отчасти Крушевского, Фортунатова и Пешковского).

2. Намечены критерии деления слов русского языка на наиболее общие семантические виды (Потебней, Фортунатовым).

3. Указан путь решения вопроса о формах одного слова (Щерба). Но, к сожалению, выяснение взаимодействия и соотношения лексических и грамматических форм слова в современном русском языке ещё не начато.

4. Схематически очерчена система основных грамматических категорий русского языка (в работах Потебни, Шахматова, а также Богородицкого, Овсяннико-Куликовского, Пешковского).

5. Более или менее освещено понятие грамматической формы в применении к русскому языку (в работах Шахматова, Потебни и Бодуэновской школы).

6. Поставлена (Потебней, Бодуэном де Куртенэ, Крушевским, Богородицким) проблема борьбы и взаимоотношения синтетических и аналитических форм в грамматике русского литературного языка.

7. Полемически заострён вопрос о функциях флексий в системе грамматической дифференциации разных типов слов (в теориях Фортунатова, Петерсона и др.).

8. Показана структурная неразрывность форм словоизменения и форм словообразования (в книгах и статьях Потебни, Шахматова, Томсона, Щербы, Пешковского).

9. Разносторонне разработана теория частей речи в современном русском языке (Потебней, Овсяннико-Куликовским, Богородицким, Шахматовым, Пешковским, Щербой).

10. Несмотря на остро ощущаемую потребность в более глубоком освещении структуры слова, в раскрытии всего многообразия её смысловых оболочек — грамматических, лексических, фразеологических, экспрессивных, эмоциональных, риторических, стилистических, — семантический анализ структуры разных категорий слов в русском языке после Потебни почти не двинулся вперёд (ср. статьи Пешковского о слове).

ОГЛАВЛЕНИЕ	
Предисловие к четвертому изданию	3
Предисловие к третьему изданию	5
Предисловие ко второму изданию	6
Список изданий, по которым дополнительно указаны страницы ссылок ...	\\
Предисловие к первому изданию	12
ВВЕДЕНИЕ В ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ	
§ 1. Основные причины разногласий в области современной грамматики ...	13
§ 2. Грамматика, ее объем и ее задачи	14
§ 3. Смысловая структура слова	17
§ 4. Основные типы фразеологических единиц в русском языке	27
§ 5. Основные структурно-семантические типы слов	33
§ 6. Слово и его грамматические формы	36
§ 7. Система частей речи и частиц речи в русском языке	41
ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ	
Части речи I. Имя существительное	
1. <i>Имя существительное и глагол</i>	50
§ 1. Предметно-смысловая основа категории имен существительных ...	50
§ 2. Взаимодействие между категорией имени существительного и категориями прилагательных, числительных и наречий	50
§ 3. Имя и глагол	53
§ 4. Об основных грамматических категориях внутри категории имен существительных	58
2. <i>Родовая классификация имен существительных</i>	59
§ 5. Категория рода имен существительных и ее предметно-смысловое содержание	59
§ 6. Взаимоотношение классов мужского и женского рода и грамматическая выразительность категории женского рода	68
■ ij 7. Приемы выражения и изображения категории лица посредством грамматических признаков женского рода	69
§ 8. Приемы образования ласкательно-личных имен мужчин и женщин ...	75
§ 9. Расплывчатость категории среднего рода в современном русском языке	77
§ 10. Процесс перехода слов с экспрессивными суффиксами среднего рода <i>-ишко</i> , <i>-енко</i> в парадигму женского склонения	80
§ 11. Односторонность формально-синтаксической точки зрения на категорию рода	

3. Категории ищи, одмиек <i>leitiioati</i> и неодушевленности « структуре существительных	81
§ 12. Категория лица	81
§ 13. Соотносительные классы одушевленности — неодушевленности ...	83
4. Грамматическое распределение имен существительных по типам склонения в сеч in с формами с нуобро ншиния	85
§ 14. Основные типы склонения имен существительных, сложившиеся на основе родовой классификации	85
§ 15. Система словообразования в Круі у мяlкого мужского склонения ...	86
<j 16 Словообразовательные пшы, промежуточные между твердым и мягким мужским склонением	89
§ 17. Словообразовательная сиаема твердою мужского склонения	90
I. Суффиксы лица	90
II. Суффиксы со яшчением предметности	96
III. Суффиксы отвлеченности	99
§ 18. Вопрос о «формах субъективной оценки» имен существительных . . .	100
§ 19. Уменьшительно-ласкательные суффиксы твердою мужскою склонения	103
§ 20. Живые типы словообразования в классе слов среднего рода	104
I. Суффиксы, обозначающие действие	104
II. Суффиксы, обозначающие соеояние	108
III. Суффиксы со значением месча	109
IV. Суффиксы со значением собирательности	110
V. Суффикс, обозначающий орудия действия	111
§ 21. Мертвые суффиксы, этимологические выделяемые в словах среднего рода	111
§ 22. Формообразующие (уменьшите lьно-ласкательные) суффиксы в классе слов среднего рода	III
§ 23. Способы образования слов женского мягкого склонения с нулевым окончанием именительного падежа	112
§ 24. Словообразовательные типы в системе мяlкою женско! о склонения на -a(-ч)	114
§ 25. Богатство и разнообразие типов словообразования в системе твердого женского склонения на -a	116
I. Суффиксы, обозначающие лиц женскою пола	117
II. Суффиксы со значением конкретною или отвлеченного предмета-вещи	120
III. Суффиксы отвлеченных понятий	122
IV. Суффиксы субъективной оценки	125
§ 26. Общие выводы из обзора основных морфологических типов имен существительных	126
5. Категория числа в системе имен существительных lьны\	128
§ 27. Предметно-смысловые основы категории числа имен существительных	128
§ 28. Виды грамматического соотношения между формами единственного и множественного числа имен существительных	129
§ 29. Лексико-семантические различия, связанные с формами числа имен существительных	134
§ 30. Группы имен существительных, имеющих формы только единственного числа. Функции категории единственною числа	135
§ 31. Разряды имен существительных pluralia tantum и их значения	138
§ 32. Функции множественного числа в системе имен существительных . . .	140
§ 33. О категориях отвлеченности и вещественности	143
6. Категория падежа	143
§ 34. Понятие падежа	143
§ 35. Традиционное учение о значениях падежей	144
§ 36. Вопрос о многообразии значений разных падежных форм	145
§ 37. Структура так называемого «родительного» падежа	148
§ 38. Рост падежной омонимии в склонении имен существительных	151
7. Взаимодействие грамматики и лексики	152

§ 39. Взаимодействие грамматических и лексических значений в структуре имени существительного.....	152
II. Имя прилагательное	
1. Семантические основы категории имени прилагательного в современном русском языке	157
§ 1. Понятие качества и своеобразия грамматических форм имен прилагательных	""
2. О формальных приметах имени прилагательного и об основных грамматических разрядах имен прилагательных	163
§ 2. Разряды имен прилагательных	163
§ 3. Об основном формальном признаке качественных прилагательных ...	163
§ 4. Притяжательные имена прилагательные	165
§ 5. Местоименно-указательные имена прилагательные	172
3. Качественно-относительные имена прилагательные и приемы их образования	175
§ 6. Прилагательные относительные и качественные, их взаимодействие и текучесть границ между ними.....	175
§ 7. Методы суффиксального словообразования качественных имен прилагательных	178
§ 8. Методы суффиксального словообразования в пределах общего качественно-относительного типа прилагательных	188
§ 9. Методы суффиксального словообразования в кругу относительных имен прилагательных	196
§ 10. Группа порядковых относительных прилагательных	197
4. Степени качества и их выражение у прилагательных	200
§ 11. Формы субъективной оценки качества и формы степеней сравнения прилагательных	200
5. Степени сравнения прилагательных	205
§ 12. Описательные, аналитические формы степеней сравнения	205
§ 13. Значения аналитических форм превосходной и сравнительной степени . .	207
§ 14. Простые формы степеней сравнения	210
§ 15. Значения форм на <i>-айший</i> , <i>-ейший</i> и на <i>-ший</i>	212
§ 16. Формы сравнительной степени на <i>-ее(-ей)</i> , <i>-е</i> , <i>-ше</i>	217
6. Краткие (нечленные) формы и процессы их отрыва от категории имен прилагательных.....	219
§ 17. Семантические основы категории кратких имен прилагательных в современном языке	219
§ 18. Грамматическое своеобразие категории кратких форм имени прилагательного	222
§ 19. Морфологические ограничения в образовании кратких прилагательных	226
7. Причастия как категория гибридных глагольно-прилагательных форм. Процессы окачествления причастий.....	227
§ 20. Приемы и принципы смешения грамматических признаков глагола и имени прилагательного в строе причастий	227
§ 21. Словообразовательные типы причастий	228
§ 22. Процесс окачествления возвратных и невозвратных причастий	229
§ 23. Процессы изменения страдательных причастий и их распада на омонимы — причастия и прилагательные	232
III. Имя числительное	
1. Категория имен числительных и идея числа	241
§ 1. Трансформация системы числительных под влиянием математического мышления	241

2. Грамматические особенности категории имен числительных в современном русском языке.....	243
§ 2. Отсутствие грамматического рода в числительных от <i>трех</i> до <i>тысячи</i>	243
§ 3. Следы родовых различий в числительных <i>один, два, оба, полтора</i>	244
§ 4. Взаимодействие имен числительных и существительных в сфере категории рода	245
§ 5. Отсутствие грамматических форм числа в категории имен числительных	246
§ 6. Противопоставление прямых (именительного и винительного) и косвенных падежей в склонении имен числительных	247
§ 7. Форма общего косвенного падежа у числительных <i>сорок, девяносто, сто</i> и тенденция к ее образованию в системе других числительных	249
§ 8. Своеобразия форм и функций номинативов > имен числительных	250
§ 9. Употребление идиоматических сочетаний числительных со счетной формой имен существительных.....	253
§ 10. Приемы агглютинации в образовании составных имен числительных	254
§ 11. Множественность и раздробленность типов словоизменения в категории имен числительных.....	255
§ 12. Группа собирательно-разделительных имен числительных.....	257
§ 13. Группа неопределенно-количественных имен числительных.....	260
§ 14. «Нумерализация» существительных женского рода, имеющих отвлеченное значение неопределенно-большого количества.....	262
§ 15. Гибридный грамматический строй числительных в современном русском языке.....	263

IV. Грамматические пережитки местоимений как особой части речи в современном русском языке

1. Категория местоимений в ее истории и современном состоянии	264
§ 1. Грамматические судьбы класса местоимений	264
§ 2. Механическое смешение классической и романтической (субъективно-идеалистической) точек зрения в учении о местоимениях	266
§ 3. Местоимения как особый лексико-семантический тип слов	268
2. Грамматические особенности предметно-личных местоимений в современном русском языке.....	272
§ 4. Отражения грамматического рода в классе предметно-личных местоимений и их непоследовательность, двойственность	272
§ 5. Своеобразия в приемах выражения категории лица у местоимений	274
§ 6. Грамматические и экспрессивно-стилистические отражения категории числа в классе местоимений	275
§ 7. Грамматические отношения супплетивных форм в склонении местоимений	277
§ 8. Особенности синтаксических связей местоимений с определяющими именами прилагательными и существительными	277
§ 9. Отсутствие у всех местоимений (кроме местоимения 3-го лица) родительного падежа в значении принадлежности	279
§ 10. Особенности предложного употребления местоимений.....	279
§ 11. Своеобразие местоименных конструкций с предлогом <i>по</i>	280
§ 12. Противоречивое положение местоимений в грамматической системе современного русского языка	280

V. Наречие

1. Вопрос о наречиях в русской грамматике	282
§ 1. Традиционные точки зрения на наречие. Определение категории наречия	282
2. Формы словообразования в системе наречий	284
§ 2. Морфологические особенности наречий	284
§ 3. Основные морфологические разряды наречий	284

§ 4. Морфологические типы качественных наречий и их связи с именами прилагательными	285
§ 5. Степени сравнения и формы субъективной оценки у качественных наречий	288
§ 6. Связь качественных наречий с количественными	289
§ 7. Морфологические типы качественно-относительных наречий, производных от имен прилагательных	290
§ 8. Переходные типы наречий от качественно-относительных к предметно-обстоятельственным (с окаменелой флексией имени прилагательного, превращенной в наречный суффикс)	292
§ 9. Морфологические типы наречий с основой имени прилагательного и окаменелой флексией существительного	292
§ 10. Морфологические типы наречий, производных от имен существительных с предлогами	294
§ 11. Процессы адвербиализации предложных именных конструкций	296
§ 12. Типы наречий, состоящих из беспредложных форм существительных. Причины адвербиализации этих форм	299
§ 13. Категория субъективной оценки в кругу предметно-обстоятельственных наречий.....	301
§ 14. Идиоматические типы наречий, составленных посредством повторения форм одного и того же существительного в различных падежах или в различных предложных комбинациях	301
§ 15. Морфологические типы наречий, соотносительных с именами числительными	302
§ 16. Типы отглагольных наречий	303
§ 17. Грамматическая определенность и структурное единство системы наречия	304
§ 18. Группы наречий, функционально однородных с предметно-обстоятельственными наречиями	305
§ 19. Гибридные грамматические типы, внедряющиеся в категорию наречия	306
3. Семантические классы наречий и их синтаксические функции.....	306
§ 20. Вопрос о грамматико-семантических классах наречий в научной традиции	306
§ 21. Семантические разряды и синтаксические функции количественных наречий	307
§ 22. Синтаксические функции качественных наречий.....	308
§ 23. Семантические разряды и синтаксические функции качественно-обстоятельственных наречий.....	309
§ 24. Семантические разряды и синтаксические функции обстоятельственных наречий	311
§ 25. Расширение синтаксической способности наречия примыкать к имени существительному	313
4. Процессы адвербиализации других частей речи	315
§ 26. Адвербиализация имен существительных и гибридные наречно-субстантивные типы форм	315
§ 27. Деепричастия как гибридная наречно-глагольная категория	319
I. Образование и употребление деепричастий несовершенного вида . . .	319
II. Образование и употребление деепричастий совершенного вида . . .	322
5. Процессы перехода наречий в другие грамматические категории	325
§ 28. Переход наречий в модальные слова	325
§ 29. Наречия и частицы	326
§ 30. Предложные наречия	327
§ 31. Наречия и союзы	328
VI. Категория состояния	
§ 1. Вопрос о категории состояния в русских грамматических трудах XIX начала XX века	330

§ 2. Грамматические особенности категории состояния s	332
§ 3. Сближение кратких прилагательных с категорией состояния	333
§ 4. Распространение безличных форм в категории состояния	335
§ 5. Грамматические особенности безличных слов в категории состояния . . .	337 § 6.
Вопрос об отношении безлично-предикативных слов к краткой форме прилагательных среднего рода	338
§ 7. Категория состояния и качественные наречия	342
§ 8. Тесная связь между категорией состояния и разрядами качественно- обстоятельственных наречий, выражающих характер, образ действия и состояния.....	344
§ 9. Процесс обеспредмечивания имен существительных и пути движения их в категорию состояния.....	344
§ 10. Грамматическое оформление фразеологических сочетаний и единств при посредстве категории состояния	347
§ 11. Роль категории состояния в грамматической системе современного рус- ского языка.....	347

VII. Глагол

1. <i>Состав глагольного слова и его границы</i>	349
§ 1. Пути изучения и принципы истолкования глагола в грамматической традиции.....	349
§ 2. Структура современного глагола и широта его семантического объема	351
§ 3. Система грамматических форм одного глагола	354
2. <i>Система глагольного словообразования и морфологические классы глаголов</i>	358
§ 4. Грамматические способы производства [глаголов от других частей речи].....	358
§ 5. Способы внутриглагольного суффиксального формообразования и слово- образования	361
§ 6. Спаянность глагольных суффиксов с окончаниями	363
§ 7. Продуктивные морфологические классы в системе современного глагола	365
§ 8. Общие морфологические черты в строе продуктивных классов глагола. Обособление непродуктивных групп	368
§ 9. Непродуктивные группы в морфологической системе русского глагола	369
§ 10. Связь системы глагольного словообразования с системой спряжения . . .	373
3. <i>Категория лица (а также числа и рода)</i>	373
§ 11. Категория лица как фундамент сказуемости	373
§ 12. Синтетические и аналитические приемы выражения лица	374
§ 13. Грамматические отличия форм 1-го и 2-ю лица от формы 3-го лица	375
§ 14. Значения и употребления форм 1-го лица единственного и множественного числа	377
§ 15. Значения и употребления форм 2-го лица единственного и множественного числа . . . :	378
§ 16. Определенное предметно-личное и неопределенно-личное употребление форм 3-го лица	379
§ 17. Процессы устранения 3-ю лица и безличное употребление формы 3-го лица единственного числа от личных глаголов	380
§ 18. Безличные глаголы	383
§ 19. Виды аналитического выражения категории лица.....	386
§ 20. Категория числа в глаголе и своеобразия ее выражения в формах 1-го и 2-го лица	388
§ 21. Подчиненное, чисто «еогласуемое» положение формальных признаков числа в 3-м лице глагола	390
§ 22. Категория рода и ее выражение в глагольных формах на -л, -ла, -ло	391
§ 23. Субъектно-объектный характер категории лица и органическая связь ее с другими формами сказуемости	392

4. Категория вида	393
§ 24. Грамматическая борьба за признание категории вида и против старой теории времен в первой трети XIX в.....	393
§ 25. Теория трех степеней как количественных или качественных видоизменений одной глагольной основы.....	397
§ 26. Категория вида и ее история в изображении Потебни	400
§ 27. Грамматическая стабилизация видовой системы. Спор о количестве видов и их иерархии.....	403
§ 28. Современные грамматические разногласия в определении сущности двух основных видов русского языка — совершенного и несовершенного . . .	406
§ 29. Взаимодействие лексических и грамматических значений в видовых формах глагола	410
§ 30. Система внутриглагольного словопроизводства и формообразования и связь ее с процессом видовой корреляции	411
§ 31. Следы старых количественных отношений в современной системе видов и их качественное видоизменение.....	412
§ 32. Малопродуктивные и непродуктивные типы видовой корреляции	415
§ 33. Живой и продуктивный тип видовой корреляции того же происхождения	417
§ 34. Словообразовательные разряды несовершенного вида, не соотносительные с формами совершенного вида, и их значения	419
§ 35. Два встречных течения в системе видового соотношения.....	420
§ 36. Приставки и их роль в образовании форм совершенного вида по учению А. А. Шахматова	421
§ 37. Взгляды проф. Г. К. Ульянова на категорию вида.....	423
§ 38. Учение акад. Фортунатова о значениях совершенного вида русского глагола.....	425
§ 39. Влияние взглядов акад. Фортунатова на учение о видах у акад. Шахматова	427
§ 40. Вопрос о функциональных разновидностях совершенного и несовершенного видов у Шахматова	428
§ 41. Приставки совершенного вида с реальными временными и количественными значениями.....	432
!) 42. Префиксы с чисто видовым значением (<i>les preverbes vides</i>), образующие формы одного и того же слова	435
§ 43. Структура видов и сопротивление лексического материала	438
5. Категория времени	439
§ 44. Незавершенность вопроса о формах глагольного времени в русской грамматической традиции	439
§ 45. Влияние идеалистической философии на грамматическое учение о формах времени.....	440
§ 46. Теория вневременности русского глагола	441
§ 47. Односторонность господствующих в русской грамматике представлений о соотношении форм и значений времени и вида	443
§ 48. Грамматическое противопоставление форм прошедшего и непрошедшего времени. • Прошедшее время как сильная категория в системе времен русской глагола	443
§ 49. Давнопрошедшее время.....	445
§ 50. Прошедшее время мгновенно-произвольного действия	448
§ 51. Формы прошедшего времени совершенного и несовершенного вида на -л	453
§ 52. Описательная («аналитическая») форма будущего времени несовершенного вида.....	463
§ 53. Форма настоящего времени несовершенного вида и ее функции . . .	464
§ 54. Форма настояще! о-будущего времени совершенного вида и ее значения	466
§ 55. Связь Категории времени с категорией наклонения.....	471
6. Категория наклонения.....	472
§ 56. Определение категории наклонения. Грамматическая терминология, относящаяся к учению о наклонении глагола	472

§ 57. Грамматическая теория наклонений и формально-логическое учение о модальности суждения	473
§ 58. Абстрактно-морфологические теории наклонения в русской грамматике XIX в. и их крушение	473
§ 59. Мысли об аналитических и синтетических формах русских наклонений в русских грамматиках второй половины XIX в.	474
§ 60. Конструктивная система наклонений в грамматической теории акад. А. А. Шахматова.....	475
§ 61. Грамматическая природа «предположительных» наклонений и их генезис в изображении А. А. Потебни	475
§ 62. Система изъявительного наклонения с его модальными разновидностями	476
§ 63. Система повелительного наклонения с его агглютинативным строем . . .	479
§ 64. Употребление форм повелительного наклонения с другими модальными значениями	485
§ 65. Эмбрион особого, волюнтаристического наклонения	487
§ 66. Условно-желательное и сослагательное наклонение	488
§ 67. Модальные формы глагола, не входящие в систему основных наклонений	489
§ 68. Модальные значения инфинитива	490
7. Категория залога.....	491
§ 69. Грамматические учения о залоге до половины XIX в.....	491
§ 70. Теория залогов у К. С. Аксакова как будущий фундамент фортунаковского учения о залогах	494
§ 71. Отрицание категории залога В. И. Далем и проф. Н. П. Некрасовым	496
§ 72. Клубок грамматических вопросов, связанных с учением о залоге . . .	497
§ 73. Статья Ф. Ф. Фортунатова «О залогах русского глагола» как синтез и итог предшествующих грамматических теорий	497
§ 74. Некоторые мысли А. А. Потебни о залогах русского глагола	499
§ 75. История развития заложных значений в изображении ученика Потебни А. В. Попова	503
§ 76. Категория залога в освещении акад. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Синтаксические противоречия в учении Овсяннико-Куликовского	507
§ 77. Попытки синтеза фортунаковской теории залогов с учением Потебни и Овсяннико-Куликовского в работах акад. Шахматова	509
§ 78. Значения формообразующего и словообразовательного аффикса <i>-ся</i> . Соотношения между глаголами на <i>-ся</i> и глаголами без <i>-ся</i> и нарушение этих соотношений	511
§ 79. Вопрос об активных и пассивных оборотах и его связь с учением о залоге	518
§ 80. Вопрос о переходных и непереходных значениях глаголов	520
§ 81. Взаимодействие грамматических и лексических значений в строе глагола на <i>-ся</i>	524
8. <i>Глагол как структурный тип слов</i>	528
§ 82. Совмещение элементов аналитического, синтетического и агглютинативного строя в русской глагольной системе	528
Частицы речи	
I. Частицы	
§ 1. О понятии «частица».....	544
§ 2. Группа усилительно-ограничительных, или выделительных, частиц . . .	546
§ 3. Присоединительные частицы	547
§ 4. Определительные частицы	548
§ 5. Указательные частицы	548
§ 6. Неопределенные частицы	548
§ 7. Количественные частицы	548
§ 8. Отрицательные частицы	549
§ 9. Модальные значения отрицательных частиц.....	549
§ 10. Модально-приглагольные частицы.....	552
§ 11. Частицы-связки.....	553
§ 12. Другие разряды модальных частиц . . .	553

II. Предлоги, их морфологические разряды и синтаксические функции	
§ 1. Понятие о предлогах и общая характеристика их функций	555
§ 2. Морфологический состав предлогов	557
§ 3. Предлоги и падежи имени существительного	560
§ 4. Система грамматических отношений, выражаемых предлогами.....	561
§ 5. О значениях предлога <i>на</i> в современном русском языке.....	566
§ 6. Развитие аналитического строя и изменение функций предлогов	569
§ 7. Роль предлогов в системе глагольного управления	573
§ 8. Изменения в употреблении предлогов . v	575
III. Союзы	
§ 1. Союзы, их функции и их разные типы	577
§ 2. Простые союзы	580
§ 3. Производные и составные союзы	586
§ 4. Общие семантические особенности производных союзов в русском языке	590
Модальные слова и частицы. Их разряды	
§ 1. Модальные слова как особый грамматический тип	594
§ 2. Вопрос о модальных словах в грамматической традиции. Указания на связь модальных слов с категорией наречия и на близость их значений к функциям глагольного наклонения	595
§ 3. Синтаксическое учение о «вводных словах» как о «редуцированных по смыслу вводных предложениях»	598
§ 4. Состав лексико-грамматической категории модальности с точки зрения этимологической.....	599
I. Модальные частицы	599
II. Модальные слова	601
III. Модальные словосочетания (фразеологические единицы)	602
§ 5. Разряды модальных слов и частиц, выделяемые по их современному зна чению и употреблению	603
§ 6. Модальные функции вопросительных слов и частиц	607
§ 7. Различия между книжным и разговорным языком в употреблении мо дальных слов и частиц	608
Междометия, их грамматические особенности и их семантические разряды	
§ 1. Вопрос о междометиях в современной грамматике	611
§ 2. Новые точки зрения на междометия в «Синтаксисе» А. А. Шахматова	613
§ 3. Семантико-грамматические разряды междометий	615
<i>Заключение</i>	625
<i>Указатель имен</i>	627
Приложение. Слово как объект грамматики и грамматические классы слов	
в теории и практике русских лингвистических школ конца XIX и первой трети XX в.	
1. Учение о структуре слова как основа грамматики	632
2. Исторические корни современных грамматических учений	633
3. Грамматическая концепция А. А. Потебни и ее идеалистический фило- софско-лингвистический фундамент	634
4. Попытка А. А. Добиаша вернуть «части речи» в область морфологии при посредстве «симазиологии»	647
5. Идеи Потебни в работах Д. Н. Кудрявского	648

6. Грамматическая система Д. Н. Овсянко-Куликовского и психологистического перерождение потебнианства	649
7 Вырождение потебнианства (Концепция И. П. Лыскова).....	654
8 Живое и мертвое в потебнианстве	656
9. «Формалистический нигилизм» фортунаатовской школы.....	656
10. Учение о слове и о классах слов в индоевропейском языке в курсах акад. Ф. Ф. Фортунатова	657
11. Грамматические формы русского языка в работах учеников акад. Фортунатова В. К. Поржезинского и Д. Н. Ушакова	672
12. Кризис фортунаатовской системы в морфологических теориях М. Н. Петерсона	675
13. Попытки синтеза фортунаатовской теории с ее противоположностями	679
14. Эволюция грамматических взглядов проф. А. М. Пешковского и неудавшийся синтез учений Фортунатова, Потебни, Овсянко-Куликовского, де Соссюра и Шахматова	679
15. Грамматическая система категорий и частей речи в учении акад. А. А. Шахматова.....	691
16 Основы русской грамматики в освещении проф. А. И. Томсона.....	700
17. Грамматические высказывания проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ	700
18. Проблема классификации слов в «Очерке науки о языке» проф. Н. В. Крушевского.....	701
19. Учение о слове и грамматических классах слов в работах проф. В. А. Богородицкого.....	702
20. Проект реформы учения о слове и «частях речи», предложенный А. Н. Боголюбовым.....	703
21 Концепция «частей речи» и форм слова в работах проф. Л. В. Щербы	705
22. Итоги обзора грамматических учений о слове и классах слов.	707

Учебное издание

ВИНОГРАДОВ Виктор Владимирович
РУССКИЙ ЯЗЫК (Грамматическое учение о слове)

Редактор

А. А. Алексеева

Корректор

Г. Н. Кузьмина

Художник *А. Н. Петров*

Компьютерная вёрстка *Е. А. Домнина*

ISBN 5-200-

03017-X

■ ■ на >ш ■

тм 'П тм

щ шя в

9"785200"0301

70

Изд. лиц. № 010155 от 09.04.97.

Подписано в печать 22.05.01. Формат 70x100'/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Тайме». Фотоофсет. Усл. печ. л. 58,5. Уч.-изд. л. 66,36. Тираж 3000 экз. Заказ № 1732.

Издательство «Русский язык» Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 113303, Москва, М. Юшуньская ул., д. 1.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

